

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

355875 0

INDEXED

592577

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ИЗДАЮЩЕ.

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 5-я.

МАЙ, 1876.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1876.

I.—АМЕРИКАНЦЕ ГУРТОВИЦНИК.—Воспоминанія и рассказы.—А. С. Курбскаго . . .	7
II.—ЦЕРКОВНИЙ СТАРОСТА.—Изъ деревенскихъ разсказовъ.—Ф. Забытаго . . .	62
III.—ОБЕРАНСКИЙ И ЕГО РЕФОРМЫ ВЪ СИБИРИ.—I.—II. М. Ядринцева . . .	87
IV.—ОЧЕРКЪ ВОПРОСА О ПРОИСХОЖДЕНІИ ВИДОВЪ.—VII—VIII.—Пл. Ва. Меч- никова . . .	117
V.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—П. М. Бовалевскаго . . .	150
VI.—НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ ИСТОРИЧЕСКОЮ ЖИЗНІЮ НАРОДОВЪ.—3. Фран- ца и Германія до тѣснѣйшаго соединенія послѣдней съ Италіею.—С. М. Со- ловьева . . .	163
VII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—Изъ Гервега, Мюкке, Эйхендорфа и Лонгфелло.—П. В. Балашова . . .	172
VIII.—СОВРЕМЕННАЯ ГЛУШИТЬ.—Наз. воспоминаній мирового суда.—X—XII.—Оков- чаніе.—В. И. Назарьева . . .	179
IX.—ИТАЛЬЯНСКІЕ ТИПЫ ВЪ ПОСЛѢДНЕМЪ РОМАНѢ УИДА.—Signed by Ouida.—М. Лонцева . . .	283
X.—СОЮЗЪ КНЯЗЕЙ И НѢМЕЦКАЯ ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ II, ФРИДРИ- ХА II, ИОСИФА II.—1780—1786 гг.—IV. Первоначальная нѣмецкая поли- тика Екатерины II.—V. Переворотъ въ нѣмецкой политикѣ Екатерины II и австрийскій союз.—А. С. Грачевскаго . . .	244
XI.—ЦВѢТЕНІЕ.—„Buch der Lieder“ и „Lyrisches Intermezzo.—Ю. М. . . .	339
XII.—ХРОНИКА.—СВОБОДА ТОРГОВЛИ И ПРОТЕКЦИОНИЗМЪ.—А. А. Гель- пачева . . .	390
XIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Уголовная статистика.—Прислужные и судьи.— Религія и національность.—Религіозныя преступленія.—Семейная жизнь.— Дѣтскія преступленія.—Отчетъ петербургской земледѣльческой колоніи.—О воз- растѣ для малолѣтнихъ, осужденныхъ, вообще . . .	407
XIV.—ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—Восточный вопросъ и европейская война . . .	409
XV.—ПАРИЖСКИЕ ПИСЬМА.—XIV. — Очерки изъ новой истории Гугенотовъ: „Винный погребокъ“.—Эмиль Зола . . .	420
XVI.—ПЕРОЛОТЪ.—А. П. Щаповъ.—А. П. . . .	450
XVII.—РАЗЪЯСНЕНІЕ.—По требованію министерства народнаго просвѣщенія . . .	462
XVIII.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: I—XVI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1876 г., см. ниже.

Объявляемъ о шести вышедшихъ книгахъ «Русской Библіотеки»: избранныя
сочиненія А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, В. А. Жуков-
скаго, А. С. Грибоедова и И. С. Тургенева—см. въ отдѣлѣ объявленій,
стр. XVI.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ГОДЪ XL. — ТОМЪ ССХХХIII. — 1/18 МАЯ, 1876.

BP 11/11/11
10/11/11

10/11/11
10/11/11

ADP *

10/11/11

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ

ПЯТЬДЕСЯТЬ - ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

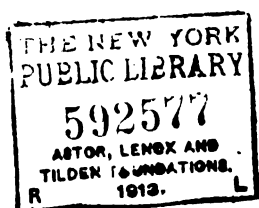
РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулочъ,
№ 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1876.

АМЕРИКАНСКІЕ ГУРТОВЩИКИ

Воспоминанія и рассказы *).

I.

Зима въ преріи.—Зимняя доставка скота изъ преріи.—Переѣздъ и ночлегъ подъ свѣжнимъ ураганомъ въ преріи.—Жилище кочевого цѣвтнаго скотовладѣльца.—Искусство управлять транспортомъ.—Мѣсовая торговля съ цѣвтными скотовладѣльцами.—Характеристика торгоа полуденныхъ скотовладѣльцевъ.—Своеобразная хитрость хвастливыхъ скотоводовъ.—Происхождение цѣвтныхъ скотоводовъ.—Отношенія хозяевъ къ вачеро.—Образъ жизни цѣвтныхъ въ преріи.—Зависимость цѣвтныхъ отъ бѣлыхъ торговцевъ.—Пограничный фортъ.—Заселеніе юго-западной части Техаса.—Неудачная попытка заселить прерію.—Способъ заселенія пустопорожнихъ земель.—Хозяйство переселенцевъ.—Администраторъ вновь заселяемыхъ земель.—Мѣры противъ засухъ.—Искусственные луга и оера.—Выборъ сѣменъ для посѣва.—Пробныя участки.—Артезіанскіе колодцы.—Перестоявшее сѣно какъ доходная статья.

Въ срединѣ февраля мы приближались съ гуртомъ, состоявшимъ изъ восьми тысячъ головъ степного скота, къ границѣ Техаса. Почти два мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ я послѣдній разъ ночевалъ подъ крышею человѣческаго жилища.

Зима съ своими туманами, проливными дождями и свѣжними выюгами начинается въ этой части преріи въ январѣ и продолжается до марта, когда теплый юго-восточный вѣтеръ разгонитъ сѣрыя облака и темныя дождевыя и свѣговыя тучи, въ теченіи

---

*) Настоящая статья, составивъ сама по себѣ отдѣльное цѣлое, служитъ продолженіемъ ряда предыдущихъ рассказовъ того же автора: „Русскій рабочий у сѣверо-американскаго плантатора“ (1873 г.), „Сѣверо-американскія окраины“ (1874 г.), „Американскіе піонеры“ (1875 г.).

зимы постоянно закрывающія небо, и когда почти тропическое солнце разогрѣетъ пропитанную сыростію плодородную почву прерій.

Переходъ отъ зимы къ лѣту совершается чрезвычайно быстро. Въ нѣсколько дней вся прерія покрывается сочною травою, испещренною самыми разнообразными цвѣтами. Массы различныхъ четвероногихъ, птицъ и насѣкомыхъ, куда-то исчезающихъ на время зимы, наполняютъ прерію, похожую въ это время на роскошный цвѣтникъ.

Разъѣзды по преріи весною составляютъ скорѣе веселую прогулку, чѣмъ трудное путешествіе. Другое дѣло зимой. Чего-чего не натерпѣлись какъ мы сами, такъ и наши животныя во время двухъ-мѣсячнаго скитанія зимой по пустынѣ.

Отложить покупку скота и перегонъ его въ штаты до окончанія зимы было бы неудобно по многимъ причинамъ. Сроки доставки скота могли быть упущены. Скотовладѣльцы зимой чувствуютъ большую необходимость въ теплыхъ одѣялахъ, виски и другихъ предметахъ, привозимыхъ изъ штатовъ, почему охотнѣе промѣниваютъ свой скотъ, а самое главное—въ это время года прерія свободна отъ индійцевъ, удаляющихся на юго-западъ. Отсутствіе индійцевъ дѣлало прерію почти вполнѣ безопасными и давало возможность содержать меньшее число вачеро, чтó значительно сокращало накладный расходъ.

Отсутствіе другихъ заработковъ,—такъ какъ въ это время рѣдко кто рѣшался вести транспорты чрезъ прерію,—давало возможность имѣть при гуртѣ отборныхъ людей, отлично знающихъ свое дѣло.

Что же касается до того, что перегоняемый скотъ могъ потерять много въ своемъ вѣсѣ отъ дурной погоды, то этого бояться было нечего. Все равно, онъ похудѣлъ бы и въ стадахъ, пасущихся въ преріи, и по окончаніи зимы намъ приходилось бы скупать его тощимъ. Даже, напротивъ, при перегонѣ на значительное разстояніе мы могли дѣлать остановки въ мѣстахъ, защищенныхъ горами отъ холоднаго вѣтра, въ лѣсахъ, гдѣ и зимой много хорошаго корма. Такимъ образомъ, мы могли сохранить скотъ въ лучшемъ видѣ при доставкѣ его на границу, чѣмъ еслибы онъ оставался въ стадахъ, за которыми полудикіе скотовладѣльцы наблюдаютъ не совсѣмъ тщательно, особенно зимой, когда непріятно показывать носъ изъ кожанаго шалаша на улицу. Эти соображенія заставили насъ предпринять зимнюю доставку скота въ преріи.

Теплая осень простояла въ этомъ году довольно долго, почти

до половины января. Изрѣдка падали небольшіе дожди и туманы. По ночамъ бывало иногда очень холодно, но днемъ солнце грѣло какъ лѣтомъ. Такимъ образомъ, начало нашего странствованія было довольно сносно. Мы успѣли посѣтить нѣсколько становищъ кочевыхъ скотовладѣльцевъ и закупить почти все предположенное количество скота. Радуюсь удачѣ, мы весело гнали свой гуртъ, стараясь держаться поближе къ границѣ, съ расчетомъ, не углубляясь въ пустыню, дополнить недостающее количество быковъ.

Но радость наша была преждевременна.

Разъ, поднявшись съ ночлега, мы погнали свой гуртъ. Погода стояла тихая, на небѣ не видѣлось ни облачка. Солнце уже стало порядкомъ припекать своими лучами. Вдругъ съ сѣверо-запада поднялся легкій вѣтерокъ и пронесся по преріи; сначала онъ едва колебалъ высокіе стебли засохшей травы, но мало-по-малу сталъ крѣпчать и обратился въ настоящій ураганъ. Все небо заволочло тяжелыми тучами, изъ которыхъ сталъ падать большими хлопьями снѣгъ. Температура разомъ понизилась, и сдѣлалось такъ холодно, что, несмотря на теплую одежду и два одѣяла, я дрожалъ какъ въ лихорадкѣ.

Ураганъ несъ на насъ цѣлыя облака мокраго снѣга, кругомъ все побѣлѣло, и не было возможности рассмотреть что-либо въ нѣсколькихъ шагахъ.

Снѣгъ падалъ въ такомъ изобиліи, что часа черезъ два лошади были въ немъ по колѣно. Всѣ неровности почвы закрылись, и часто метясь, вѣхавшій впереди и угадывавшій какъ-бы по инстинкту направление, котораго слѣдовало держаться, попадалъ съ своею лошадью въ какую-нибудь яму или балку и до такой степени погружался въ снѣгъ, что съ трудомъ могъ выскочить. Нѣсколько часовъ подъ рядъ шли мы подъ снѣгомъ при ураганѣ, чуть не срывавшемъ съ сѣдла. Все надѣялись, что вотъ сейчасъ погода утихнетъ. Но не тутъ-то было: чѣмъ дальше мы двигались, тѣмъ больше злился ураганъ, тѣмъ гуще осypалъ насъ мокрый снѣгъ. Быки, понуря головы, сбились въ одно стадо и медленно шли черезъ снѣжные сугробы, издавая изрѣдка глухое мычаніе. Лошади сначала сердились на вѣтеръ, чуть не сбивавшій ихъ съ ногъ, фыркали и дѣлали неожиданные прыжки, но, видя ихъ бесполезность и утомясь порядкомъ, поили, спотыкаясь, слѣдомъ за болѣе благоразумными быками.

Хуже всего было положеніе фургоновъ, которыхъ имѣлось у насъ двадцать. Четырехъ паръ быковъ, запрягавшихся въ нихъ обыкновенно, оказалось недостаточно; припрягли къ нимъ сперва

по одной парѣ, потомъ еще и еще, такъ что каждый фургоны тащили восемь паръ быковъ. Можно себѣ представить, что это была за возня—управляться съ длиннымъ пугомъ быковъ, прицѣпленныхъ къ фургону попарно веревками. При страшной метели невозможно было отобрать для запряжки болѣе смирныхъ быковъ. Запрягли какихъ удалось поймать прежде другихъ. Упрямыя животныя не хотѣли вести фургоны какъ слѣдуетъ, останавливались, бросались въ сторону, падали. Транспортъ растянулся болѣе чѣмъ на милю. Сопровождавшимъ гуртъ коннымъ вачеро досталось вдоволь работы: то приходилось распутывать веревки, то поднимать опрокинутый фургонъ, то пособлять выѣхать изъ глубоко наметеннаго снѣжнаго сугроба, то околачивать съ колесъ снѣгъ, налившій большими ворохами на колесахъ и не дававшій имъ вертѣться. Все это приходилось дѣлать при страшномъ вѣтрѣ, подъ снѣгомъ, заматавшимъ глаза и обдававшимъ руки такимъ холодомъ, что веревка вываливалась изъ оковенныхъ пальцевъ. Къ тому же, за метелью не было видно, гдѣ нужна помощь, приходилось ѣхать на голосъ, требующій помощи, рискуя всякую минуту слетѣть со спотыкающейся лошади или наткнуться на который-нибудь изъ фургоновъ. Люди окончательно выбились изъ силъ. Непогода не прекращалась. Волей-неволей пришлось остановиться, не сдѣлавъ и половины предполагаемаго перехода.

Но и остановка была не удобнѣе переѣзда. Огня развести не было возможности. Составивъ кораль, поставили лошадей такъ, чтобы фургоны защищали ихъ нѣсколько отъ метели, дали проголодавшимся животнымъ мансу, а сами забрались подъ фургоны по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, устроивъ, какъ могли, защиту изъ одѣялъ. Съ гуртомъ возни не было. Какъ только остановили быковъ, не разъ переносившихъ такую погоду, они улеглись, плотно прижались другъ къ другу, спрятавъ головы за туловище сосѣда и, повидимому, рѣшились терпѣливо ждать конца урагана.

Помѣщеніе подъ фургонами, несмотря на наши старанія, было крайне неудобно. Положимъ, что одѣяла защищали насъ отъ непогоды сверху, а когда на нихъ нанесло толстый слой снѣга, то въ образовавшейся такимъ образомъ палаткѣ стало довольно тепло. Но внизу, гдѣ нельзя было сгрести всего снѣга, онъ таялъ. образовывалъ лужу, смачивалъ подостланное одѣяло и дѣлалъ невозможнымъ прилечь не окунувшись въ воду. Приходилось спать сидя на сѣдлахъ и связкахъ веревокъ, служившихъ построеками. А тутъ еще очередь караула. Не успѣешь отогрѣться подъ одѣялами, какъ приходится выходить караулить на вѣтеръ, сбивающій съ ногъ, и на снѣгъ, который въ четверть часа покрываетъ про-

стойнаго смирно караульнаго толстымъ слоемъ и дѣлаетъ его похожимъ на конусообразный сугробъ съ торчащимъ изъ него дуломъ карабина, къ которому снѣгъ не пристаётъ. Не велика польза отъ такого караула. Кругомъ нѣтъ возможности слышать ничего, кромѣ завыванія бури. Въ десяти шагахъ не различить ни чело-вѣка, ни лошади. Караулили — такъ, чтобы не нарушить разъ заведеннаго порядка.

Буря утихла къ утру слѣдующаго дня. Небо растистилось, вѣтеръ утихъ совершенно, снѣгъ, покрывавшій землю слоемъ въ нѣсколько футъ толщиною, сталъ таять отъ лучей взошедшаго солнца. Выбравшись изъ-подъ фургоновъ, мы увидѣли, что съ сѣверо-восточной стороны образовалась цѣлая стѣна изъ снѣга, наметеннаго вѣтромъ. Подъ защитой этой стѣны стояли лошади, нетерпѣливо топая ногами и фыркая въ ожиданіи утренней порціи маеса. Но въ той сторонѣ, гдѣ былъ гуртъ, не видѣлось ничего, кромѣ снѣговой поляны, какъ-бы взволнованной небольшо-шими буграми. У меня уже мелькнула мысль, не угналъ ли кто-нибудь напѣ гуртъ, воспользовавшись плохимъ карауломъ.

Но вотъ, одинъ изъ холмиковъ зашевелился и изъ него показались два рога и затѣмъ бычачья голова. Скоро въ нѣсколь-кихъ мѣстахъ поляны показались одна за другой рогатыя головы, и, наконецъ, весь гуртъ приподнялся, стряхивая съ себя толстый слой снѣга. Все время метели быки лежали не шевелясь, и ихъ совсѣмъ занесло снѣгомъ, подъ которымъ имъ было тепло. Только когда снѣгъ сталъ таять, вода начала беспокоить животныхъ и заставила ихъ приподняться. Простоявъ нѣсколько времени и не видя вокругъ ни клочка травы, погребенной подъ снѣгомъ, гуртъ опять улегся на прежнее мѣсто, съ стоическимъ хладнокровіемъ подчиняясь необходимости отложить еще на нѣсколько времени пастбу.

Не накормивъ быковъ, нельзя было трогаться въ путь, почему, въ ожиданіи того, что снѣгъ скоро растаетъ, мы нарубили рас-стущаго неподалеку колючаго кустарника, верхушки котораго едва только видѣлись изъ-подъ снѣга, разгребли посреди вораля, на большомъ холмикѣ, снѣгъ, развели костеръ и приготовили брек-вестъ. Огонь и горячій кофе согрѣли насъ и заставили забыть непріятно проведенную ночь.

Тѣмъ временемъ солнце дѣлало свое дѣло и быстро сгоняло снѣгъ. Показались сперва верхушки высокой травы, непримятая снѣгомъ къ землѣ, потомъ пожелтѣлые листья, наконецъ и низ-кіе зеленые стебли, идущіе отъ корней многолѣтнихъ растений и

составляющие кормъ скота въ зимнее время. Быковъ пустили на пастьбу, и часа черезъ два двинулись въ путь.

Лучи солнца растопили снѣгъ, но намъ отъ этого стало не-многимъ легче. Образовавшаяся вода не успѣла проникнуть въ глубь почвы, разжидила только верхній слой фута на полтора, превративъ его въ липкую грязь.

Слѣдовать за гуртомъ фургоны не могли, такъ какъ тамъ, гдѣ прошелъ гуртъ въ нѣсколько тысячъ головъ, дернъ былъ совершенно выбитъ, и колеса фургоновъ увязали по ступицу въ липкой, перемятой ногами животныхъ, грязи.

Вхатъ приходилось цѣликомъ по преріи, держась или впереди гурта, что имѣло большія неудобства, или стороною отъ широкой черной полосы грязи, оставленной за собою гуртомъ. Но и здѣсь могли проѣхать одинъ за другимъ два, много три фургона. Колеса разрывали слой дерна, образовывали глубокія колеи, наполненные водою, и слѣдующимъ фургонамъ приходилось прокладывать новую дорогу.

Всѣ небольшія впадины на преріи обратились въ озера, балки и овраги въ рѣки, чрезъ которыя было нелегко переправляться. Поддерживать обычный порядокъ въ транспортѣ не было уже никакой возможности. Фургоны разѣхались далеко по преріи въ разные стороны, отыскивая болѣе удобный проѣздъ. Объ очереди въ занятіяхъ и отдыхѣ нечего было и думать, такъ какъ постоянно для всѣхъ сопровождающихъ транспортъ находилась работа, то съ опрокинутыми или увязшими фургонами, то съ быками, нехотѣвшими идти чрезъ воду въ балкахъ, представлявшихъ стремительные глубокіе потоки. Къ вечеру того же дня пошелъ сильный дождь съ градомъ, и еще болѣе разжирилъ неуспѣвшій просохнуть грунтъ преріи.

Зима вступала въ свои права. Снѣжныя метели, ураганы, ливни смѣняли другъ друга безпрестанно. Въ небольшіе промежутки, когда стихалъ вѣтеръ, горячее солнце согрѣвало насъ на нѣсколько часовъ, послѣ чего опять наступившее ненастье дѣлало холодъ еще чувствительнѣе.

При такой погодѣ подвигаться открытою преріею было чрезвычайно трудно, почему мы измѣнили свое предположеніе идти прямо къ границѣ и рѣшились спуститься южнѣе, въ ту часть преріи, которую перерѣзываетъ невысокій лѣсистый горный хребтъ, вдающийся въ южную часть Техаса. Туда же отправились на зимовку и скотоводы преріи съ своими стадами.

Четырьмя усиленными переходами, измучившими насъ до крайности, мы достигли горнаго хребта и перевалили на его южную,

лѣсную сторону. Подъ защитою горъ и лѣсовъ наше дальнѣйшее слѣдованіе не было такъ утомительно, какъ по сѣверной сторонѣ хребта, хотя и здѣсь почти ежедневно шли дожди и слугались снѣжныя метели, правда, не такія сильныя, но все-таки причинявшія намъ не мало хлопотъ.

Переходя отъ одного становища вочевого скотовладѣльца къ становищу другого, мы подвигались къ границѣ, скупая мало-помалу недостающее количество скота.

Около нѣсколькихъ становищъ, расположенныхъ въ очень удобныхъ для пастбы скота мѣстностяхъ, мы останавливались на нѣсколько дней, чтобы дать отдохнуть и поправиться нашимъ быкамъ. Во время снѣжныхъ метелей и ливней, когда мои члены кочевали отъ холода, я не могъ дожидаться минуты, когда мы достигнемъ одного изъ такихъ становищъ, полагая, что въ шалаши скотовладѣльцевъ можно будетъ хорошенько согрѣться, немного отдохнуть и запастись силами для дальнѣйшаго не менѣе труднаго пути.

Удивляю меня только то, что наши вачеро, проклинавшіе погоду и страшно ругавшіеся на холодъ, относились совершенно равнодушно къ близости становищъ и мечтали о далекихъ вентахъ и блоктаузахъ.

Добравшись до перваго шалаша на южномъ склонѣ хребта, я разочаровался въ своихъ надеждахъ отогрѣться и отдохнуть, и вполнѣ понявъ равнодушіе, съ какимъ относились вачеро къ существованію этихъ шалашей.

Въ походномъ жилищѣ богатаго скотовода, мулата, не было возможности пробыть нѣсколькихъ минутъ, не задохнувшись и не почувствовавъ дурноты отъ страшно спертаго воздуха, смрада и ужасной нечистоты.

Балмыцкая кибитка послѣдняго байгуша на юго-востокѣ Россіи можетъ показаться превосходнымъ, даже роскошнымъ помещеніемъ, сравнительно съ кожаными шалашами, въ которыхъ тѣсятся богатые скотовладѣльцы съ своими семействами, вачеро и сторожевыми собаками.

Вотъ устройство такого шалаша: въ землю вбиваютъ четыре кола, футовъ 7-ми длиною, опредѣляющіе углы четырех-угольника футовъ 28 длины и 15 ширины. Верхніе концы кольевъ скрѣплены жердями. Полученный такимъ образомъ остовъ обтягивается съ боковъ и сверху невидѣльными сушеными на солнцѣ шкурами, — и домъ готовъ. Дверь и окна замѣняетъ отверстіе, прикрытое шкурой. Отверстіе нѣсколько поменьше, оставленное въ крышѣ, служитъ для того, чтобы дымъ отъ разложеннаго посреди шала-

ша костра могъ выходить наружу, порядкомъ прокоптивъ и покрывъ толстымъ слоемъ сажн все находящееся въ этомъ первобытномъ человѣческомъ жилищѣ.

Во время дурной погоды отверстіе закрывается шкурой и дымъ выходитъ сквозъ щели стѣнокъ между шкурами. Чтобы вода во время дождей не лилась сквозъ крышу, на нее наваливаютъ всѣ шкуры убиваемыхъ животныхъ, гдѣ онѣ и хранятся до продажи какому-нибудь торговцу.

Часто шкуру набирается много на крышѣ шалаша и онѣ своею тяжестью пригибаютъ нетолстыя жерди, дѣлаютъ низкій потолокъ еще ниже и грозятъ каждую минуту обрушиться на обитателей шалаша.

Какъ самое жилище, такъ и его внутреннее убранство свидѣтельствуя о крайней безпечности и лѣни хозяевъ, неимѣющихъ ни малѣйшаго стремленія окружить себя нѣкоторымъ комфортомъ. Въ шалашахъ, вмѣсто всякой мебели, имѣется нѣсколько обрубковъ дерева или череповъ быковъ и лошадей, служащихъ табуретами. Кучи невыдѣланныхъ шкуръ замѣняютъ постели. Кушанье варится на кострѣ въ походномъ котлѣ; мясо жарится на вертелѣ тутъ же. Все въ шалашѣ покрыто сажей. Земляной полъ никогда не выметается и покрытъ остатками трапезъ людей и собакъ.

Въ тѣсномъ шалашѣ помѣщалось семейство хозяина, состоявшее изъ жены, мулатки, и десятка дѣтей, не старше четырнадцати лѣтъ, человѣкъ сорока вачеро, мексиканцевъ и метисовъ, да огромная стая большихъ собакъ.

Не трудно себѣ представить, каковъ былъ воздухъ въ этомъ шалашѣ. Войдя въ него, я поспѣшилъ выскочить на свѣжій воздухъ и послѣ, подобно другимъ бѣлымъ, не рѣшался входить въ жилища цвѣтныхъ скотовладѣльцевъ преріи, предпочитая грѣться у костра и спать подъ открытымъ небомъ, несмотря ни на какую погоду.

До моего посѣщенія жилища цвѣтнаго обитателя преріи, не смотря на то, что послѣднее время мы постоянно заѣзжали въ становища скотовладѣльцевъ, мнѣ приходилось видѣть кожаные шалаша только снаружи, и то на нѣкоторомъ разстояніи. Причиною тому было то обстоятельство, что вообще бѣлые заходятъ въ эти шалаша только въ крайнихъ случаяхъ, и то, что торгъ съ цвѣтными ведется не просто, а не иначе какъ съ нѣкоторыми ухищреніями, сообразными съ характеромъ и привычками полу-дикихъ владѣльцевъ стадъ.

Побывавъ, подъ руководствомъ двухъ опытныхъ піонеровъ,

въ нѣсколькихъ становищахъ, я безъ труда усвоилъ себѣ приемы той торговли, и мой патронъ нашелъ возможнымъ поручить мнѣ закупку скота въ преріи, а самому отправиться съ закупленными уже быками въ штаты.

Не рѣшаясь взять на себя веденіе транспорта и гурта по незнакомымъ мѣстамъ, я избралъ вагенмейстеромъ своего стараго пріятеля вачеро, скальпированнаго Пьера, предоставивъ ему подобрать людей, избрать удобнѣйшій путь и завѣдывать какъ на натыми вачеро, такъ и хозяйственной частью по веденію транспорта. За мной осталось право совѣщательнаго голоса во время движенія и опредѣленіе, какъ долго транспортъ долженъ простоять въ извѣстныхъ пунктахъ, смотря потому, какъ это окажется нужнымъ по торговымъ соображеніямъ и степени утомленія перегоняемыхъ животныхъ.

Пьеру во время долговременнаго скитанія по преріямъ не разъ приходилось бывать вагенмейстеромъ, и съ первыхъ же его распоряженій можно было видѣть, что мой выборъ былъ удаченъ. Отобравъ самыхъ ловкихъ, расторопныхъ вачеро и старыхъ добросовѣстныхъ проводниковъ-метисовъ, Пьеръ, пользуясь своею репутаціею опытнаго рыцаря пустыни, сразу поставилъ себя на отличную ногу относительно своихъ подчиненныхъ и ввелъ строгую дисциплину. Коротко и ясно выраженныя приказанія отдавались имъ такимъ тономъ, что не могло явиться и мысли не только не повиноваться, но даже усумниться въ ихъ совершенной рациональности. Снаряжая транспортъ, Пьеръ выказалъ также много свою опытность и предусмотрительность, запасшись множествомъ предметовъ, о которыхъ другому не пришло бы и въ голову, но которые оказали намъ важныя услуги во время зимнихъ странствованій по преріи.

Благодаря распорядительности Пьера, въ нашей партіи сохранился полный порядокъ, нарушавшійся только въ тѣхъ случаяхъ, когда по причинѣ дурной погоды и распутицы не было физической возможности его поддерживать. Но какъ только проходило ненастье или мы выбирались изъ грязи въ болѣе сухую мѣстность, нашъ вагенмейстеръ безъ суеты восстанавливалъ перепутанныя очереди работы, указывалъ мѣста, предназначенныя каждому фургону, и отъ прежней неурядицы не оставалось и слѣда. Не имѣя надобности постоянно хлопотать и заботиться о транспортѣ, я могъ совершенно свободно заняться, при помощи нарочно нанятыхъ для этой цѣли двухъ мулатовъ, мѣншею торговлею со скотовладѣльцами.

Разузнавъ, гдѣ находится становище скотовладѣльца, мы на-

правлялись къ нему, останавливались, не доходя до него трехъ-четырехъ миль, разбивали кораль и посылали одного изъ мулатовъ объявить скотоводамъ, что у насъ въ транспортъ есть товары, нужные жителямъ преріи, и что эти товары могутъ быть промѣняны на скоть.

Обыкновенно посланный возвращался назадъ и сообщалъ, что, по словамъ скотовладельца, здѣсь не нуждаются ни въ чемъ, продажнаго скота не имѣютъ, а запасъ веревокъ, одѣялъ и пр. купленъ на чрезвычайно выгодныхъ условіяхъ отъ пріѣзжавшаго недавно торговца.

Намъ было очень хорошо извѣстно, что въ эти мѣста давно не показывался ни одинъ торговецъ, и все сообщенное посланному чистѣйшій вздоръ; потому, не смущаясь отказомъ, мы развязывали тюки, вынимали изъ нихъ одѣяла самыхъ яркихъ цвѣтовъ, въ количествѣ соответствующемъ числу людей при транспортѣ, и, пользуясь хорошей погодой, развѣшивали ихъ какъ-бы для просушки на веревкахъ, натянутыхъ между фургонами корала. Затѣмъ, выпустивъ быковъ и лошадей на пастбу, мы устраивались по возможности удобнѣе въ своемъ коралѣ и терпѣливо ждали гостей изъ становища.

Обыкновенно часа черезъ два, мимо корала проѣзжаетъ во весь опоръ одинъ изъ вачеро скотовладельца. Сдѣлавъ большой кругъ въ преріи, онъ возвращался къ своему шалашу. Черезъ нѣсколько времени скакалъ мимо насъ другой вачеро или нѣсколько ихъ вмѣстѣ. Хотя они показывали видъ, что ѣдутъ по своему дѣлу, нисколько не интересуясь нашимъ присутствіемъ, и даже не смотрять въ нашу сторону, но отъ ихъ зоркихъ глазъ не укрывались не только пестрые одѣяла, развѣшанные среди корала, но и число людей, лошадей, быковъ, фургоновъ. Они опредѣляли даже довольно точно, сколько тюковъ на фургонахъ, и разсчитывали, какъ много товара уже сбыто и много ли еще остается сбывать. Намъ не было собственно важно, въ какомъ бы рѣшеніи ни привелъ этотъ осмотръ, нужно было только, чтобы яркіе цвѣта одѣялъ бросились въ глаза этимъ полудикарямъ. Если издали видъ одѣялъ не соблазнялъ наблюдавшихъ за нами вачеро и къ вечеру въ кораль не пріѣзжалъ никто изъ становища, туда снова посылался мулатъ, какъ-бы для того, чтобы купить молока на ужинъ. На этотъ разъ онъ отправлялся не иначе, какъ подложивъ подъ сѣдло новое одѣяло и навинувъ на плечи другое, съ самымъ пестрымъ соблазнительнымъ узоромъ. Оставивъ свое оружіе въ коралѣ, онъ бралъ съ собою новый карабинъ, блестящіе, не бывшіе еще въ употребленіи, револьверъ и

ножъ. Видъ красиваго одѣяла и наряднаго оружія, составляющіе такой разительный контрастъ съ грязными лохмотьями скотоводовъ, возбуждаютъ въ нихъ непремѣнное желаніе приобрести себѣ такія же вещи, какъ можно скорѣе и во что бы то ни стало. Спросивъ молока и наливъ его въ привезенный съ собою бочонокъ, мулатъ, не показывая вида, что замѣтилъ произведенное его нарядомъ впечатлѣніе, освѣдомляется о цѣнѣ молока, предлагая за него деньги. Разумѣется, согласно обычаю, хозяинъ отказывается отъ денегъ, считая предосудительнымъ продавать молоко. Мулатъ сперва настаиваетъ на своемъ, но, видя упорство хозяина и какъ-бы не желая остаться въ долгу, даритъ или самому хозяину, или одному изъ членовъ его семейства что-нибудь изъ оружія, иногда даже одѣяло, и увѣзжаетъ въ кораль.

Подарокъ, сдѣланный одному изъ полудикарей, окончательно возбуждаетъ въ остальныхъ страстное желаніе приобрести что-нибудь новенькое. Составленный прежде планъ—заставить пріѣзжихъ торговцевъ подождать, потратить время и принудить отдать товаръ какъ можно дешевле—кажется нетерпѣливымъ скотоводамъ уже неблагоразумнымъ, и авторитетъ хозяина дѣлается бессильнымъ сдерживать общее нетерпѣніе. Сидя въ своемъ коралѣ, мы хладнокровно ждемъ послѣдствій нашей дипломатіи и слѣдимъ за тѣмъ, что дѣлается по направленію къ становищу. Обыкновенно не пройдетъ и часа времени послѣ возвращенія нашего посланнаго, какъ со стороны становища показывается всадникъ. Сперва онъ ѣдетъ тихо, но, приближаясь къ коралю, онъ пускаетъ свою лошадь все быстрѣе и подъѣзжаетъ къ намъ во весь опоръ. Соскочивъ съ лошади и бросивъ мимоходомъ взглядъ на развѣшанные одѣяла, онъ садится къ боюстру и вступаетъ въ разговоръ. Разспросивъ насъ, давно ли мы изъ штатовъ, отвѣтивъ на сдѣланные ему вопросы касательно пастбищъ и выпивъ предложенный стаканъ виски, новопріѣзжій начинаетъ осторожно узнавать о нашихъ торговыхъ предположеніяхъ и главное—долго ли мы намѣрены простоять на одномъ мѣстѣ. Отъ него отдѣлываются неопредѣленными отвѣтами о торговыхъ дѣлахъ и сообщаютъ, что транспортъ намѣренъ отправиться дальше на другой день около полудня, послѣ того какъ всѣмъ людямъ будутъ выданы новыя одѣяла взамѣнъ сильно износившихся во время труднаго пути.

За первымъ посѣтителемъ является нѣсколько другихъ. Съ ними повторяется та же комедія. Часто самые нетерпѣливые не выдерживаютъ и не могутъ преодолѣть въ себѣ любопытства посмотрѣть доброту развѣшанныхъ одѣялъ и найти въ нихъ какіе-

либо недостатки. Не жалѣя на гостей виски и разговаривая съ ними, не трудно узнать, какъ велико количество скота, которое можетъ быть отдѣлено отъ стада, и въ какомъ товарѣ они больше всего нуждаются. Угостивъ хорошенъко вачеро, наговоривъ имъ съ три короба разныхъ разностей, такъ чтобы имъ было что передавать своимъ товарищамъ на цѣлую ночь, можно считать половину дѣла сдѣланнымъ.

На слѣдующее утро, далеко до восхода солнца, до вораля начинаютъ доноситься гиканье вачеро, хлопанье бичей, мычаніе и топотъ большого стада. Это скотоводы подгоняютъ къ становищу свой скотъ, паспійся иногда за нѣсколько миль. Торговцы хорошо понимаютъ, для чего подгоняется стадо, хотя скотовладельцы всегда стараются мотивировать этотъ пригонъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ. Къ бреквесту непременно является въ вораля самъ хозяинъ въ сопровожденіи почти всѣхъ обитателей становища. Гостей приглашаютъ къ бреквесту и заводятъ съ ними рѣчь о совершенно постороннихъ предметахъ, не упуская случая сообщить, что, покормивъ быковъ, собираются тронуться въ дальнѣйшій путь. Съ своей стороны скотовладелецъ высказываетъ, какъ-бы между прочимъ, что, рассчитавъ, онъ нашелъ недостаточнымъ сдѣланный имъ запасъ виски, почему былъ бы не прочь купить у насъ бочонка два или три. На это торговецъ отвѣчаетъ сожалѣніемъ, что онъ не узналъ объ этомъ вчера, такъ какъ теперь, передъ самымъ отъѣздомъ, не стоить распаковывать фургонъ для какихъ-нибудь двухъ бочонковъ, положенныхъ въ самомъ низу. Затѣмъ дѣлается распоряженіе, чтобы очередные вачеро приготавливали быковъ къ запряжкѣ и всѣ сопровождающіе транспортъ разбирали вынутыя одѣяла.

Скотоводы, видя, что транспортъ собирается въ путь и они могутъ потерять удобный случай запастись нужными товарами, перестаютъ играть комедію и высказываютъ на чистоту, что они желали бы вступить съ нами въ торгъ.

Согласиться тотчасъ нельзя. Надо нѣсколько времени отговариваться—то тѣмъ, что нѣтъ подходящихъ товаровъ, то, что Богъ знаетъ гдѣ ихъ стада, выборъ скота изъ которыхъ займетъ много времени. Наконецъ, торговецъ уступаетъ доводамъ и просьбамъ самыхъ нетерпѣливыхъ и приказываетъ остановить приготовленія къ отъѣзду. Скотоводы вскачь бросаются къ становищу и подгоняютъ свои стада поближе къ воралю.

Въ началѣ торга съ хозяиномъ стада уговариваются, какихъ вачествъ скотъ можетъ быть принятъ въ обмѣнъ на товары и сколько фунтовъ мяса, включая сало и кожу, въ живомъ быкѣ

соотвѣтствуютъ одному доллару. Затѣмъ торгъ идетъ по расчету на деньги. Нуженъ нѣкоторый навыкъ, чтобы слѣдить за цѣлостью товаровъ, вынимаемыхъ изъ тюковъ, такъ какъ на честность скотоводовъ полагаться нельзя. Между ними воровство считается самымъ обыкновеннымъ и ничуть не предосудительнымъ дѣломъ, и они чрезвычайно ловко пользуются довѣрчивостью или оплошностью торговца, похищая не только отдѣльныя вещи, но даже цѣлыя тюки. На время торга назначается даже особая очередь караула изъ самыхъ расторопныхъ людей при транспортѣ.

Пересмотрѣвъ одѣяла въ раскрытыхъ тюкахъ, хозяинъ находитъ ихъ достоинствомъ ниже вывѣшенныхъ въ коралѣ и говорить, что желаетъ лучше приобрести одѣяла, предназначенныя нашимъ людямъ, хотя бы и за высшую плату. Поломавшись немного и запросивъ полуторную цѣну, съ нимъ, разумѣется, соглашаются, такъ какъ всѣ одѣяла въ транспортѣ совершенно одинаковой доброты. Отложивъ въ сторону отобранныя одѣяла, переходить къ другимъ товарамъ.

Показывая какую-либо вещь, ей назначаютъ сразу цѣну, и затѣмъ, что бы ни говорили покупатели, не спускаютъ ни одного цента. Уступивъ самую бездѣлицу съ разъ назначенной цѣны, данъ поводъ торговаться по нѣсколькимъ часамъ сряду изъ-за десяти центовъ, или, пожалуй, возбудишь недовѣріе подозрительныхъ скотоводовъ и испортишь все дѣло. Независимо отъ настойчивости, необходимо обладать большимъ терпѣніемъ и хладнокровіемъ, чтобы съ успѣхомъ вести торгъ.

Члены семейства и вачеро безпрестанно пристають къ хозяину-скотовладѣльцу, прося его купить то ту, то другую вещь, оказываются недовольными уже выбранными товарами, просятъ переменить, ссорятся между собою чуть не до драки, шумятъ невнятно и дѣлаютъ записку отобранныхъ вещей крайне затруднительною. Безпрестанно приходится вычеркивать одну вещь, вписывать вмѣсто нея другую, опять вычеркивать, такъ что потомъ трудно разобрать, что дѣйствительно отобрано.

Замѣтивъ, что скотовладѣлецъ начинаетъ нѣсколько мяться и, несмотря на громкія просьбы и требованія своихъ домочадцевъ, берется нерѣшительно за товаръ; торговецъ предлагаетъ приостановить торгъ, сосчитаться и отобрать слѣдующій за товаръ скотъ. Отборка скота производится безъ затрудненій, такъ какъ стоимость его по вѣсу заранее опредѣлена и остается только браковать годный скотъ. Сдоровъ не можетъ быть, такъ какъ и продавецъ и покупатель не ошибутся въ опредѣленіи вѣса быка. Обыкновенно приходится отобрать скота гораздо менѣе, чѣмъ

скотовладѣльцы желаютъ сбыть. Нерѣшительность хозяина происходила оттого, что онъ сбился со счета и боялся зарваться въ покупкѣ. Увидавъ, что изъ предназначеннаго къ промѣну скота только небольшая часть перешла въ собственность торговца и есть еще большой запасъ, хозяинъ снова весело принимается отбирать товаръ, пока опять не собьется со счета. Такимъ образомъ торгъ идетъ до самаго вечера, иногда же продолжается на другой день.

По окончаніи торга покупателю непременно выдается счетъ отпущенныхъ ему товаровъ. При обозначеніи цѣнъ скотовладѣлецъ упрощиваетъ обыкновенно, чтобы цѣны, если не всѣхъ товаровъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, были показаны значительно ниже дѣйствительныхъ.

Сначала я не могъ понять, для чего нужны безграмотнымъ обитателямъ пустыни счета купленныхъ ими товаровъ, да еще въ придачу умышленно невѣрные. Но потомъ узналъ, что этими счетами скотоводы пользуются какъ для того, чтобы сбить съ толку неопытныхъ торговцевъ, такъ и главнымъ образомъ для того, чтобы похвастать передъ другими скотоводами своимъ искусствомъ покупать дешево нужный товаръ. Если же имъ не повѣрять, и на мѣстѣ найдется кто-нибудь грамотный, — хвастливый скотоводъ можетъ подтвердить свои слова письменнымъ документомъ.

Во время первой поѣздки въ пустыни, на правомъ берегу Ридъ-Ривера, предпринятой сообща членами нашей компаніи, была выработана подробная инструкція для выдачи такихъ счетовъ. Мы строго придерживались этой инструкціи, стараясь писать счета такимъ образомъ, чтобы, давъ возможность хвастливымъ цвѣтнымъ удовлетворить своему самолюбію, въ то же время не возбудить неудовольствія въ другихъ.

Для этого одному скотовладѣльцу прописывалось, что вѣски отпущена очень дешево, другому сахаръ, третьему веревки и т. д. Встрѣтившись, каждый изъ нихъ могъ похвастать передъ другими дешевымъ приобретеніемъ какого-либо товара, отлично понимая, что болѣе низкая цѣна, за которую будто бы другіе купили товаръ, обошедшійся ему дорого, такъ же вымыслена, какъ и та, которою онъ хвастаетъ.

По выдачѣ счета, непроданный товаръ укладывался на фургоны, вымѣненный скотъ присоединялся къ нашему гурту, и скотоводы тутъ же принимались разбирать покупки, причемъ дѣло не обходилось безъ шума и ссоръ.

Не долго щеголяютъ цвѣтные вачеро въ новыхъ принадлеж-

востяхъ туалета. Двѣ-три ночи, проведенныя въ шалашѣ или у стада, превращаютъ красивыя одѣяла въ отвратительно грязныя трипицы, и еслибы недѣли черезъ двѣ прїѣхать опять съ товаромъ, то его можно бы было сбыть почти въ такомъ же количествѣ. Развѣ не пришлось бы продать виски, сахарнаго песку, любимаго лакомства мулатовъ и негровъ, да зарядовъ, такъ какъ запасъ всего этого хранится подъ личнымъ надзоромъ хозяина и возобновляется только когда весь выйдетъ.

Во всѣхъ становищахъ безъ исключенія разыгрывалась одна и та же комедія передъ началомъ торга. Если и случались отклоненія отъ рассказаннаго выше, то развѣ въ мелочныхъ подробностяхъ. Повтореніе одного и того же стало даже надоѣдать мнѣ, и я пробовалъ предлагать скотовладѣльцамъ вести дѣло на чистоту, безъ нелѣпныхъ церемоній, но долженъ былъ всякій разъ расеяться въ своей откровенности. Скотовладѣлецъ объяснялъ мое предложеніе сильнымъ желаніемъ и необходимостью сбыть товаръ, дѣялся до крайности высокомернѣе, перерывалъ всѣ тюки, браковалъ все, предлагалъ чуть ли не половину спрошенной цѣны, назначалъ неимовѣрныя цѣны за свой скотъ и дѣло кончалось тѣмъ, что, потерявъ напрасно время, не промѣнявъ ничего изъ товара, приходилось отправляться въ другому становищу. Всѣшенный безтолковостью и глупостью скотовладѣльцевъ, потерпѣвъ полную неудачу, увѣжая изъ становища, я не могъ не сознаться, что бѣлые отчасти правы въ своихъ взглядахъ на цвѣтныхъ, и давалъ себѣ слово не пробовать впередъ обходиться съ ними какъ съ разумными существами.

Во время торговыхъ сношеній со скотовладѣльцами, при довольно продолжительныхъ остановкахъ вблизи ихъ становищъ, а главное, по рассказамъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ вчеро, часто бывавшихъ въ этой части преріи, я могъ составить себѣ довольно ясное понятіе о бытѣ, нравахъ и характерѣ полуцивилизованныхъ цвѣтныхъ скотоводахъ, составляющихъ своимъ числомъ значительную часть населенія мѣстностей, готовыхъ, не сегодня, такъ завтра, поступить въ распоряженіе бѣлыхъ припелъцевъ съ востока. Непреодолимое стремленіе массы бѣлыхъ переселяться въ пустыни дальнаго запада не могло не повліять и на цвѣтное населеніе южныхъ штатовъ союза. Во времена рабства, мулаты, кварталоны и другіе непользующіеся человѣческими правами уроженцы рабовладѣльческихъ штатовъ, какимъ-нибудь образомъ получившіе свободу, направлялись въ безпредѣльныя пустыни, гдѣ уже не могли подвергаться преслѣдованіямъ и оскорбленіямъ своихъ бывшихъ господъ. Но расовая ненависть и въ пустыни не

давала покой несчастнымъ цвѣтнымъ. Бѣлые піонеры и авантюристы и здѣсь на каждомъ шагѣ давали чувствовать свое превосходство, обходились съ цвѣтными свысока и притѣсняли при всякомъ удобномъ случаѣ. Это заставляло послѣднихъ держаться особнякомъ отъ бѣлыхъ, забираться дальше въ пустыню и стараться входить въ дружескія отношенія съ индійцами.

Хотя на дружбу краснокожихъ нельзя было слишкомъ полагаться, въ чемъ скоро убѣдилась большая часть цвѣтныхъ, поплачившаяся скальпами за излишнюю довѣрчивость къ свирѣпымъ диварямъ, но все-таки для уцѣлѣвшихъ болѣе энергичныхъ мулатовъ и квартероновъ дружба съ краснокожими была выгоднѣе дружбы съ бѣлыми, немногимъ уступавшими жестокостью индійцамъ. Уцѣлѣвшіе отъ томогаука цвѣтные занялись въ преріяхъ скотоводствомъ, приглашая къ себѣ на службу, по мѣрѣ увеличенія стадъ, авантюристовъ, бродившихъ по преріи. Бѣлые рыцари пустыни, разумѣется, не шли въ услуженіе къ цвѣтному. Но, кромѣ бѣлыхъ, въ преріи много метисовъ и тѣхъ мексиканцевъ, которые иногда считаются за бѣлыхъ, но, въ сущности, не могутъ похвастать тѣмъ, что въ ихъ жилахъ течетъ чистая испанская кровь ихъ предковъ, такъ какъ не разъ къ ней подмѣшивалась кровь индійцевъ и негровъ.

Скотоводство въ преріяхъ чрезвычайно выгодно и многіе цвѣтные обладаютъ теперь огромными стадами полудикаго скота. Вновь прибывшіе изъ штатовъ цвѣтные нанимаются по большей части сначала къ прежде поселившимся въ преріи и обзаводятся со временемъ собственными стадами. Такимъ путемъ образовалось довольно многочисленное цвѣтное населеніе преріи, состоящее изъ людей всевозможныхъ оттѣнковъ кожи, начиная отъ почти бѣлаго квартерона и смуглаго мексиканца, до чернаго, какъ уголь, сенегальскаго негра или мѣднокраснаго метиса, наслѣдовавшаго наружный видъ своихъ краснокожихъ родичей. Эта часть населенія сильно отличается своими нравами, обычаями и характеромъ отъ чистокровныхъ бѣлыхъ переселенцевъ въ пустыню и представляетъ съ ними во многихъ случаяхъ совершенную противоположность, перенявъ многія привычки индійцевъ, но не усвоивъ ихъ кровожадности, сдержанности и свирѣпой храбрости.

Бѣлые, вступая въ пустыню, дѣйствуютъ всегда партіями, сообща. Такъ, піонеры идутъ большими дисциплинированными партіями, связанными семейными узами; скватеры—правильно образованными артелями. Даже вачеро, прибывшіе въ пустыню по-одиночкѣ, выказываютъ сильное стремленіе соединяться въ

правильно организованныя партіи, какъ это бываетъ, когда они берутся сопровождать транспортъ или нанимаются къ какому-нибудь нанеру. Переселясь въ пустыню, бѣлые приносятъ съ собою свои нравы и обычаи, свой общественный строй, ломаютъ и уничтожаютъ все, что сопротивляется или мѣшаетъ ихъ прочному водворенію, сообразно съ ихъ взглядами и привычками и заводятъ при первой возможности, общими силами, общественный порядокъ и правильныя отношенія между жителями вновь занятой мѣстности. Не такъ поступаютъ цѣтныя. Они дѣйствуютъ въ преріи въ одиночку, въ разбродъ. Владѣльцы отдѣльныхъ стадъ, кочующіе рядомъ, не связаны между собой ничѣмъ и не имѣютъ, кажется, понятія о томъ, что у нихъ могутъ быть общіе интересы.

Въ отношеніяхъ владѣльцевъ стадъ къ нанимаемымъ ими вачеро существуетъ страшная запутанность и неопредѣленность. Невозможно разобрать не только условій, на которыхъ нанять вачеро, но даже въ чемъ состоятъ права и обязанности владѣльца относительно вачеро и наоборотъ. Часто случается, что самъ хозяинъ стадъ носитъ это названіе номинально, въ дѣйствительности же его скотомъ распоряжаются счумѣвшіе захватить власть вачеро.

Вообще, понятіе о собственности плохо развито между скотоводами. Хозяинъ несетъ всѣ обязанности наравнѣ съ вачеро. При продажѣ скота, вачеро вмѣшиваются въ торгъ и настоятельно требуютъ пріобрѣтенія понравившихся имъ вещей. Счетовъ о количествѣ получаемого жалованья не существуетъ, а какъ только получается за скотъ сколько-нибудь наличныхъ денегъ, то они дѣлятся между всѣми скотоводами, причемъ хозяинъ получаетъ не всегда большую долю. Въ случаѣ ссоры вачеро съ хозяиномъ, они отгоняютъ нѣсколько штукъ скота отъ его стада, заводятся отдѣльнымъ шалашомъ и начинаютъ заниматься скотоводствомъ самостоятельно. Никто не находитъ такое дѣйствіе неправильнымъ и не протестуетъ противъ него.

Съ индійцами цѣтныя скотоводы не ссорятся, не вступая, впрочемъ, въ слишкомъ дружескія отношенія. Бѣлыхъ они не даюбливаютъ и отчасти побаиваются инстинктивно, сознавая ихъ превосходство. Чуждые всякихъ высшихъ интересовъ, эти полудикари проводятъ всю жизнь свою въ преріи, переходя со своими стадами съ мѣста на мѣсто, предаваясь разнымъ порокамъ, унаследованнымъ какъ отъ бѣлыхъ, такъ и отъ черныхъ и краснокожихъ родичей. Свою безпечность и лѣнь они доводятъ до крайности. Соскучившись долгимъ досутомъ, затѣваютъ азартныя игры, подающія нерѣдко поводъ къ ссорамъ и кровавымъ расправамъ.

Привыкнувъ жить постоянно подъ открытымъ небомъ, они только во время ненастья прячутся въ свои шалаши и, какъ я уже сказалъ, нисколько не заботятся о своихъ жилищахъ. Также мало заботятся они о своихъ костюмахъ, представляющихъ обыкновенно отвратительно грязныя лохмотья. Но, несмотря на свое неряшество, они до страсти любятъ новое платье, особенно пестрыя одѣяла, которыя они не могутъ видѣть безъ того, чтобы не постараться приобрести во что бы то ни стало. Этимъ пристрастіемъ къ пестрымъ одѣяламъ пользуются торговцы, вымѣнивающіе сыръ и скотъ въ преріи.

Во время странствованія по лѣсной части преріи намъ рѣдко встрѣчались бѣлыя. Иногда къ коралю подъѣдетъ смокшій авантюристъ, молча поужинаетъ, переночуетъ съ нами и отправляется своей дорогой. По мѣрѣ приближенія къ границѣ одиночныя авантюристы стали попадаться чаще. Въ сторонѣ отъ дороги, по которой мы шли, въ миляхъ пятнадцати или двадцати, можно было различить темныя массы блокаузовъ съ привлекательнымъ столбомъ дыма надъ землею крышею. Несмотря на сильное желаніе, мы не могли себѣ позволить заѣхать ни въ одинъ изъ этихъ блокаузовъ, такъ какъ и безъ остановокъ пробыли слишкомъ долгое время въ преріяхъ и боялись пропустить срокъ доставки скота. Во избѣжаніе соблазна нашъ вагенмейстеръ избралъ дорогу, идущую въ нѣкоторомъ разстояніи отъ блокаузовъ, зная, что невозможно пройти мимо жилища бѣлаго, не остановившись около него и не воспользовавшись гостепріимствомъ піонеровъ, всегда радушно принимающихъ гостей, особенно такихъ, которые столько времени переносили разныя лишенія въ пустынь.

Приближаясь къ границѣ транспортъ шель все быстрѣе и быстрѣе. Люди съ нетерпѣніемъ ждали отдыха, животныя какъ-бы инстинктивно чувствовали близкій конецъ труднаго пути и сами прибавляли ходу. Вотъ, наконецъ вдали показалась сторожевая башня пограничнаго форта. Скоро сталъ видѣнъ и самый фортъ, родъ небольшого блокауза съ высокой вышкой, поддерживающей платформу для часовыхъ. Въ такихъ фортахъ помѣщаются, смотря по опасности пункта, отъ 10 до 150-ти человѣкъ солдатъ, подъ начальствомъ офицера или сержанта. Обязанность гарнизона форта наблюдать за индійцами въ преріи, препятствовать вооруженнымъ шайкамъ переходить черезъ границу и преслѣдовать индійцевъ, если они, несмотря на предосторожности, успѣютъ сдѣлать нападеніе на поселенія бѣлыхъ.

При нашемъ приближеніи, два всадника выѣхали изъ форта и подсажали къ намъ. Это былъ разъѣздъ. Опросивъ, кто мы

тѣе, откуда и куда гонимъ скотъ, одинъ изъ всадниковъ занесъ полученныя свѣдѣнія въ записную книжку и, разспросивъ, какіе слухи о намѣреніяхъ индійцевъ ходятъ теперь между скотовладельцами въ преріи, возвратился съ своимъ товарищемъ въ фортъ, а мы поспѣшили добраться до ближайшей венты.

Мы были уже въ предѣлахъ штатовъ, и до гостепріимнаго крова знакомой моимъ спутникамъ венты оставалось нѣсколько миль. Вагенмейстеру и мнѣ стоило немалого труда сдерживать нетерпѣніе вачеро, слѣдившихъ добраться скорѣе до венты и безпрестанно понукавшихъ быковъ идти скорѣе. Скоро увидѣли мы длинное деревянное, крытое досками зданіе, расположенное на берегу красиваго ручья. Кромѣ удовольствія, которое почувствовалъ я, подобно моимъ спутникамъ, видя близкій конецъ труднаго пути, наружность венты произвела на меня странное впечатлѣніе. Не отличаясь почти ничѣмъ отъ построекъ, встрѣчающихся на границахъ, я не знаю почему, видъ бревенчатыхъ стѣнъ, оконъ съ раскрашенными ставнями, двухъ-трехъ выпильныхъ украшеній на крышѣ, напомнилъ мнѣ одинъ изъ постоянныхъ дворовъ на далекой родинѣ. Я не могъ опредѣлить что именно, но въ этой постройкѣ было что-то знакомое, родное. Не доѣзжая до венты, мы составили на-скоро вораль, уложили гуртъ и поспѣшили въ гостепріимно-отворенныя ворота. Подо мною была очень злая степная лошадь, имѣвшая дурную привычку кусаться при всякомъ удобномъ случаѣ. Торопясь войти скорѣе въ венту, я забылъ про недостатки лошади и не принялъ надлежащихъ мѣръ. Это животное воспользовалось моею оплошностью и преболно схватило меня за руку. Вырывая руку изъ зубовъ лошади, крѣпкое русское словцо сорвалось у меня съ языка.

«Батюшки, свѣты! да никакъ это русскій!» слышалось изъ отворенныхъ дверей салона и, оглянувшись на этотъ возгласъ, я увидалъ передъ собою, на порогѣ, лѣди въ шиньонѣ и въ нарядномъ шелковомъ платьѣ.

Не успѣлъ я опомниться отъ удивленія и радости при звукахъ русской рѣчи, какъ лѣди бросилась мнѣ на шею, и послѣ крѣпкихъ объятій потанцела меня въ венту, на-скоро объясняя, что она такъ рада, такъ рада, что встрѣтилась съ землякомъ послѣ пяти лѣтъ, проведенныхъ ею среди разной нѣмчуры. Не позволивъ перевести духъ въ общемъ салонѣ и не замѣчая развивающагося на лицахъ моихъ спутниковъ изумленія, вызваннаго ея шумнымъ выраженіемъ радости, она повела меня на домашнюю пеловину, крикнувъ мимоходомъ по-русски какому-то Яну,

чтобы онъ шелъ за стойку, такъ какъ къ ней прѣхалъ землякъ и ей некогда возиться съ прочими посѣтителями.

Трудно описать впечатлѣніе, какое произвела на меня комната, въ которую ввела меня моя землячка. Послѣ двухмѣсячныхъ скитаній въ пустынь, всякое человѣческое жилище показалось бы мнѣ прекраснымъ, а тутъ, кромѣ того, вся обстановка напоминала мнѣ о далекой Россіи. Войдя въ комнату хозяйки, я почувствовалъ себя какъ-бы перенесеннымъ на ту сторону земного шара. Давно знакомымъ, почти забытымъ на чужой сторонѣ, повѣяло на меня. Комната была убрана совершенно такъ, какъ хозяйскія комнаты богатыхъ постоянныхъ домовъ въ Россіи. Тѣ же образа въ золотыхъ и серебряныхъ ризахъ, съ висящими передъ ними лампадами въ переднемъ углу. На божицѣ такіе же огарки восковыхъ свѣчъ, просфора и пучки сухихъ травъ. Кисейныя занавѣски и горшки съ цвѣтами на окнахъ; лубочныя картинки расейскаго производства въ орѣховыхъ рамкахъ на бревенчатыхъ, ничѣмъ неоклеенныхъ стѣнахъ; кровать съ горою пуховиковъ и подушекъ подъ пестрымъ пологомъ; синій сундукъ съ ярко-розовыми фантастическими цвѣтами; скатерть, вязанная филе, на овальномъ столѣ передъ диваномъ... Однимъ словомъ, все заставляло забывать, что эта комната была на границѣ Техаса и Индіанъ-Территори, а не гдѣ-нибудь на столбовой дорогѣ въ Смоленской губерніи. Знакомая обстановка какъ-то особенно пріятно подѣйствовала на меня, поднимая много воспоминаній о прошломъ, о дорогой далекой родинѣ...

Словоохотливая хозяйка не дала мнѣ однако увлечься воспоминаніями. Побрякивая чашками, она суетилась по комнатѣ, приготавливая чай и говоря безъ умолку. Изъ ея отрывочной болтовни, я узналъ, что она съ мужемъ, полякомъ, повстанцемъ, какъ она его называла, уѣхала изъ Россіи лѣтъ пять тому назадъ и теперь состоитъ хозяйкой и владѣлицей этой венты; что Янъ, котораго она послала за стойку, ея мужъ; что дѣла у нихъ идутъ не худо; доходъ съ венты хорошій; успѣли завестись и деньжонки, но что, несмотря на достатокъ, живетъ въ Америкѣ куда хуже чѣмъ въ Россіи; что съ такимъ доходомъ она могла бы жить въ Россіи барыней, какъ сыръ въ маслѣ кататься. А здѣсь не то,—скука страшная: не то что нѣтъ никакого веселья,—не съ кѣмъ по душѣ и слова-то сказать. Вотъ уже пять лѣтъ какъ все среди англичанъ да нѣмцевъ. Въ первый разъ приходится встрѣтиться съ русскимъ.

Нашъ разговоръ былъ прерванъ негретенкомъ-прислужникомъ, который принесъ кипящій самоваръ и поставилъ его на ла-

кированномъ подносѣ на столъ. Въ послѣдній разъ я пилъ чай по-русски, заваривая его кипяткомъ изъ самовара, уже около года назадъ въ Россіи.

Человѣку, небывалому въ моемъ положеніи, трудно себѣ представить, какое удовольствіе можетъ доставить русскому, заброшенному за тридевять земель отъ родины, кипящій самоваръ и нѣсколько стакановъ горячаго чаю, завареннаго не какъ супъ въ кастрюлѣ, а по-русски и выпитый въ прикуску. Сама того не замѣчая, моя хозяйка доставила мнѣ еще большее удовольствіе, подавъ къ чаю чернаго ржаного хлѣба.

Теплая комната, нѣсколько стакановъ горячаго чаю, отсутствіе рѣзкаго вѣтра и проникающей до костей сырости, не могли не подѣйствовать благотѣльно на мой организмъ. Не знаю, вслѣдствіе ли неизбежной реакціи, слѣдующей за продолжительнымъ напряженіемъ физическихъ и нравственныхъ силъ, или же по тому, что я невольнo подчинился вліянію русской обстановки и русской рѣчи неумолкавшей ни на минуту хозяйки, мною овладѣла неохота двинуться съ мѣста, необычная лѣнь, которой я еще ни разу не замѣчалъ со времени пріѣзда въ Америку. А между тѣмъ было еще не время предаваться отдыху. Сдѣлавъ надъ собою усиліе, я всталъ и вышелъ въ салонъ, гдѣ уже пировали наши вчеро, получившіе жалованье еще наканунѣ. Узнавъ, какія распоряженія сдѣланы вагенмейстеромъ относительно надзора за гуртомъ и его пастьбой, я наналъ и тотчасъ же послалъ одного изъ авантюристовъ, бывшихъ въ вентѣ, на ближайшую станцію желѣзной дороги, отстоящую отъ венты на семьдесятъ съ чѣмъ-то миль. Посланный долженъ былъ извѣстить телеграммою нашего патрона о благополучномъ прибытіи гурта на границу и, дождавшись отвѣта съ указаніемъ дальнѣйшихъ дѣйствій, возвратиться обратно въ венту, гдѣ, согласно обычаю, мы должны были пробить дня два или три.

Исполнивъ свои служебныя обязанности, мнѣ слѣдовало подумать о перемѣнѣ костюма, что уже успѣли сдѣлать всѣ мои спутники. Платье, въ которое одѣваются зимой жители пустыни, какъ нельзя лучше приурочено къ перемѣнамъ погоды и образу жизни во время переѣздовъ черезъ преріи, и отличается нѣсколько отъ кожанаго лѣтняго платья, совершенно непримѣнимаго зимой. Костюмъ этотъ состоитъ изъ двухъ, одѣтыхъ одна на другую фланелевыхъ рубашекъ, двухъ паръ такихъ же панталонъ и теплыхъ шерстяныхъ чулокъ. Поверхъ этого надѣваются: куртка изъ конской кожи, шерстью вверхъ, такіе же штаны и сапоги на толстой подошвѣ; къ воротнику куртки пришить кожаный же

капюшонъ или колпакъ, надѣвающійся во время ненастья на мѣховую шапку и спускающійся на спину во время хорошей погоды. Если этой одежды оказывалось недостаточно, чтобы предохраниться отъ холода, на себя надѣвали, смотря по надобности, одно, два или болѣе длинныхъ шерстяныхъ одѣялъ, причемъ, просунувъ голову въ отверстіе, сдѣланное въ срединѣ одѣяла, обертывали концы, висѣвшіе сзади и спереди около туловища, оставивъ руки свободными.

Въ теченіи всего странствованія по преріи, надѣтое платье не снималось ни разу, такъ что, несмотря на прочность употребленныхъ на него матеріаловъ, оно не могло не пострадать порядкомъ. Подъ конецъ пути въ нашихъ разодранныхъ, потертыхъ курткахъ, мы немногимъ отличались, по наружному виду, отъ цвѣтныхъ скотоводовъ.

Взявъ съ фургона новый костюмъ, я хотѣлъ-было идти въ отдѣльную комнату переодеваться, какъ стоявшій за стойкой хозяинъ венты остановилъ меня, предлагая подождать съ переодеваніемъ, такъ какъ сейчасъ поспѣетъ русская баня, которую онъ приказалъ истопить для гостя. Забравъ въ венту, я какъ будто попалъ въ маленький уголокъ Россіи. Русская, чистая баня была устроена и натоплена по всѣмъ правиламъ искусства и пришлась какъ нельзя болѣе встать. Я пригласилъ съ собою въ баню Пьера и двухъ вачеро. Сперва они не могли вынести жары на полку, но потомъ освоились и отдали полную справедливость изобрѣтательности русскихъ, открывшихъ такой отличный способъ вымыть и расправить члены, загрязненные и измятые во время продолжительной и трудной работы или утомительнаго путешествія. Услышавъ похвальные отзывы своихъ товарищей о банѣ, остальные наши вачеро поочередно отправлялись въ нее и находили ее несравненно лучше и цѣлесообразнѣе ваннъ. Чай, заваренный помощью самовара, также понравился Пьеру, но другимъ вачеро онъ пришелся по вкусу только когда въ него подливали солидную порцію рому. Черный хлѣбъ, напротивъ того, вовсе не понравился привыкшимъ къ пшеницѣ, маису и мясу жителямъ пустыни, и они удивлялись, какъ можно ѣсть такую гадость.

Вечеромъ хозяина позвала меня къ ужину, къ которому пришелъ и мужъ ея, успѣвшій уже нѣсколько обамериканиться, мелкій шляхтичъ изъ западнаго края. Несмотря на мой костюмъ авантюриста, онъ узналъ во мнѣ прежняго русскаго барина и нѣсколько стѣснялся въ моемъ присутствіи, такъ что мнѣ стоило нѣкотораго труда, чтобы заставить его перестать со мною cere-

мнѣ. Онъ говорилъ хорошо по-русски и, повидимому, былъ хитрый и неглупый малый.

Послѣ сытнаго ужина, во время котораго мы вдоволь наговорились по-русски о далекой Россіи, я съ наслажденіемъ улегся въ отведенной мнѣ комнатѣ, на мягкой постелѣ, показавшейся мнѣ ужъ черезъ-чуръ мягкой сравнительно съ землею, на которой приходилось спать столько времени, и заснулъ какъ убитый; проспавъ свою очередь караула и проснулся только около полудня слѣдующаго дня, забывъ про гуртъ и про свою лошадь. Церь, какъ вагенмейстеръ, которому всѣ принимающіе участие въ экспедиціи должны были подчиняться въ исполненіи служебныхъ обязанностей, сдѣлалъ мнѣ публичный выговоръ за пропущенную мною очередь караула, говоря, что я этимъ возбудилъ неудовольствіе нашихъ вачеро. Хотя веселое выраженіе лицъ вачеро противорѣчило словамъ вагенмейстера, я все-таки считалъ долгомъ извиниться передъ спутниками, угостить ихъ на свой счетъ мѣсомъ и обѣщать караулившему вмѣсто меня вачеро отплатить слугою за услугу и отстоять на часахъ вмѣсто него слѣдующую очередь караула.

Въ ночи возвратился со станціи желѣзной дороги посланный съ свѣтлою телеграммою отъ нашего патрона. Не желая опоздать къ попойкѣ, неизбежной при возвращеніи транспорта изъ преріи, авантюристъ не жалѣлъ своей лошади, просекаявъ на ней въ теченіи сутокъ около полуторы сотни миль. М-гъ Максъ въ телеграммѣ поручалъ мнѣ распорядиться такимъ образомъ: выбрать удобное мѣсто, дать скоту отдохнуть и поправиться въ теченіи 12 — 15 дней и озаботиться приготовленіемъ запаса фуража на время доставки гурта по желѣзной дорогѣ. Въ окончаніе означеннаго срока м-гъ Максъ самъ намѣревался прибыть къ намъ, чтобы лично принять участіе въ дальнѣйшемъ транспортированіи быковъ.

Вокругъ венты разстилалась на большое пространство никому не принадлежащая прерія, представлявшая очень хорошее пастбище, почему я считалъ удобнымъ не искать другого мѣста для пастбы скота. Устроивъ постоянный кораль, распустивъ излишнихъ вачеро и войдя съ хозяевами венты въ соглашеніе о помѣщеніи людей, оставленныхъ мною при гуртѣ, я принялся изыскивать средства къ заготовленію нужнаго количества фуража. У насъ при транспортѣ не было ни косяковъ, ни муловъ, чтобы запастись сѣномъ домашними средствами. Наѣмъ и доставка косяковъ на мѣсто обогались бы слишкомъ дорого, да къ тому же трава, кошенная зимой, даетъ плохое, непитательное, сѣно. Поэтому, узнавъ

отъ хозяина венты, что въ окрестностяхъ есть большіе запасы сѣна, я счелъ за болѣе разумное приобрести изъ этихъ запасовъ за деньги нужное намъ количество.

Въ вентѣ я не могъ съ точностью узнать, ни кому принадлежать запасы сѣна, ни какъ высока цѣна на этотъ продуктъ, рѣдко находящій покупателя въ этой мѣстности (за исключеніемъ времени сильныхъ засухъ), такъ какъ всякій можетъ запастись имъ въ какомъ угодно количествѣ на нѣкому не принадлежащей преріи.

Чтобы разъяснить это обстоятельство, я рѣшился предпринять на другой же день поѣзду въ окрестности. Янъ Телепкій (такъ звали хозяина венты) взялся мнѣ сопутствовать, что было очень пріятно, такъ какъ, живя уже три года въ этой мѣстности, онъ успѣлъ ознакомиться какъ со своими сосѣдями, такъ и съ ихъ привычками; къ тому же онъ зналъ, гдѣ именно сосредоточены запасы лучшаго сѣна. Въ теченіи четырехдневныхъ разъѣздовъ, мы посѣтили нѣсколько фермъ и колоній, осмотрѣли множество стоговъ сѣна и наконецъ купили нужное количество въ одной колоніи, отстоящей отъ желѣзной дороги миляхъ въ пятнадцать.

Колонистъ, продавшій намъ сѣно, обязался спрессовать его и доставить на станцію желѣзной дороги. За тонну прессованнаго сѣна онъ долженъ былъ получить по два съ половиною доллара, изъ которыхъ одинъ долларъ при заключеніи условія и остальные по доставкѣ на мѣсто. Купленное такимъ образомъ отличное весеннее сѣно обошлось мнѣ почти въ половину дешевле, чѣмъ должно было обойтись зимнее, кошенное взятыми на провѣтъ ко-силками и мулами. Баснословная дешевизна сѣна происходитъ здѣсь отъ исключительныхъ мѣстныхъ условій. Въ мѣстности, окружающей венту на далекое разстояніе и находящейся въ южной части Техаса, недалеко отъ Новой Мексики, немного лѣтъ тому назадъ не было поселеній бѣлыхъ, за исключеніемъ ряда блокгаузовъ пионеровъ, идущихъ нѣсколько западнѣе по самой границѣ Техаса и Индіанъ-Территори. Бизоны и индѣйцы уже давно не осмѣливались переходить пограничную линію, образованную блокгаузами, такъ что часть преріи по эту сторону границы могла считаться вполне безопасною. Однако, неизвѣстно по какой причинѣ, степь, представляющая нѣсколько сотъ тысячъ акровъ плодороднѣйшей земли, не привлекала къ себѣ переселенцевъ. Колонисты съ востока шли съ-вернѣе и углублялись далеко на западъ въ пустыни, вѣроятно не подозревая, что проходить мимо преріи, которая своими плодородіемъ и удобствами для поселенія можетъ поспорить съ любой

мѣстностью западныхъ пустынь и уступить развѣ нѣкоторымъ долинамъ Калифорніи. Густая сочная трава, въ нѣсколько футовъ вышиною, пропадала на великолѣпной преріи, даромъ высыхая на корню и давая обильную пищу только небольшому числу дикихъ травоядныхъ, да нѣсколькимъ стадамъ быковъ, принадлежащихъ цвѣтнымъ кочевымъ владѣльцамъ. Но, вотъ, лѣтъ десять тому назадъ въ Нью-Йоркѣ составила компанія для постройки желѣзной дороги черезъ эту часть Техаса. Инженеры начали производить предварительныя изысканія и набрали на этотъ какъ-бы забытый уголокъ. Одинъ изъ инженеровъ-янки сообразилъ, какую пользу можно извлечь изъ таковой мѣстности послѣ того, какъ желѣзная дорога перерѣжетъ ее и приблизитъ къ торговымъ центрамъ востока. Оставивъ другимъ продолжать изысканія, ловкій аферистъ отправился въ Престонъ, обдѣлалъ дѣло съ правительствомъ Техаса, сошелся съ нѣсколькими капиталистами, и изъ обѣданаго чело-вѣка оказался владѣльцемъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ акровъ великолѣпной преріи, купленной имъ по одному доллару съ четвертью за акръ, съ разсрочкою уплаты слѣдующихъ за землю девять. Разбивъ свои земли на крупныя участки, новый землевла-дѣлецъ не поспешилъ на похвалы климату и плодородію приобрета-теннаго имъ мѣста въ разныхъ журналахъ и газетахъ, и успѣлъ сбыть всѣ участки нѣсколькимъ компаніямъ и спекулянтамъ. По-лучая за акръ отъ трехъ до пяти долларовъ онъ расплатился съ долгомъ и составилъ значительный капиталъ. Новые владѣльцы принялись заселять свои земли обыкновеннымъ путемъ, вызывая громкими объявленіями, сулящими золотыя горы желающимъ по-купать или брать въ аренду мелкіе участки.

Такихъ охотниковъ нашлось не мало, и въ пустынной преріи начали появляться на-скоро сколоченные домики переселенцевъ, съ распаханными около нихъ полями. Баснословная дешевизна скота въ Индіанъ-Территори и изобиліе пастбищъ позволили переселенцамъ обзавестись большими стадами рогатаго скота. Та-кимъ образомъ, прошло два года. Прежде прибывшіе поселенцы стали привлекать новыхъ и землевла-дѣльцы могли считать, что сдѣлали выгодную спекуляцію. Вдругъ сильная засуха погубила не только посѣвы, обѣщавшіе дать баснословный урожай, но, уничтоживъ траву, лишила возможности прокормить скотъ, ко-торый пришлось перебить на шкуры. Разоренные фермеры поки-нули свои участки и, возвратившись въ штаты, распространили самое невыгодное мнѣніе о мѣстности, гдѣ разорились. Землевла-дѣльцамъ оказалось невозможнымъ опять привлечь тѣмъ же спо-собомъ покупателей и арендаторовъ на свои обезславленные земли.

Нѣкоторые изъ нихъ пробовали начинать вести большія хозяйства, при помощи наемныхъ рабочихъ, вывезенныхъ изъ штатовъ, но дѣло почему-то непошло и хозяйства, страдавшія хроническимъ недостаткомъ рабочихъ рукъ, не принесли ничего, кромѣ убытковъ.

Такимъ образомъ, землевладѣльцы югозападнаго Техаса очутились въ непріятномъ положеніи русскихъ помѣщиковъ въ многоземельныхъ губерніяхъ, и нѣсколько времени не знали, какъ вывернуться изъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Впрочемъ, янки не долго оставались въ нерѣшительности. Разсудивъ, что помочь горю, дѣйствуя въ одиночку, нельзя, они соединились въ одну общую компанію и принялись изыскивать средства заселить свои земли или сбыть ихъ съ рукъ. Сперва пробовали дѣйствовать самими заманчивыми объявленіями, стараясь соблазнить вновь прибывшихъ европейцевъ. Но объявленія не производили желаемого дѣйствія и на участки не находилось охотниковъ. Тогда, сложившись, стали привозить изъ штатовъ всѣхъ выражавшихъ только согласіе рабочихъ, не имѣвшихъ ни цента за душой. Такихъ переселенцевъ снабжали бесплатно участкомъ земли, необходимыми постройками и хозяйственными принадлежностями, за которыя колонистъ долженъ былъ отдавать въ пользу землевладѣльческой компаніи известную часть продуктовъ натурою.

Этотъ способъ заселенія также оказался несовсѣмъ удачнымъ, такъ какъ между навербованными колонистами большинство были пьяницы и негодяи, привыкшіе къ бродячей жизни. Имъ скоро надоѣдало хлѣбопашество и они, продавъ данный компаніею инвентарь, бѣжали, кто въ штаты, но больше въ преріи, гдѣ дѣлались авантюристами. У немногихъ, оставшихся на мѣстѣ, дѣла пошли хорошо, благодаря отсутствію засухи и обильному урожаю въ первый годъ.

Несмотря на ничтожность достигнутыхъ результатовъ, землевладѣльческая компанія не унывала, продолжая вести дѣло съ упорствомъ, характеризующимъ дѣла янки. Убѣдившись, что переселеніемъ разнаго сброда, неимѣющаго ни цента въ карманѣ, предполагаемая цѣль достигается весьма неудовлетворительно, компанія перемѣнила систему дѣйствій. Нанявъ нѣсколько чловѣкъ ловкихъ агентовъ, разослали въ разные части союза вербовать переселенцевъ, имѣющихъ небольшой капиталецъ или завѣдо работающихъ, честныхъ людей. Агенты ловко распускали слухъ о выгодности переселенія на плодородныя земли компаніи. Замѣчая, что кто-либо подходящій увлекается рассказами о баснословныхъ урожаяхъ, начинали увиваться около него, сулили зо-

ими горы, помощь компаніи на первое время и кончали тѣмъ, что уговаривали къ переселенію. Такіе агенты были посланы въ европейскіе порты, изъ которыхъ выправляются эмигранты. Соприкасаясь съ «зелеными» европейцами переѣздъ въ Америку, они высматривали, кто посостоятельнѣе и понадежнѣе, оказывали нѣкоторыя услуги, прибрѣтали вліяніе, какъ люди бывалые въ Америкѣ и, наговоривъ разныхъ разностей о плутняхъ, жертвою которыхъ дѣлается европеецъ, попавшій въ Америку, выхваляли дѣянія земледѣльческой компаніи, осторожно подготавливая переселенца къ отправленію въ юго-западный Техасъ. По прибытіи въ Америку, опытные агенты предоставляли эмигрантамъ полную свободу дѣйствій, искусно наводя ихъ на недобросовѣстныхъ людей. Но какъ только эмигрантъ попадетъ въ просакъ и убавитъ своей европейской спѣси, агентъ является ему на выручку, выпутываетъ изъ хлопотъ и уже напрямикъ совѣтуетъ ему поступить подъ покровительство компаніи землевладѣльцевъ, увѣряя, что иначе онъ пропадетъ, сдѣлавшись жертвой разныхъ обмановъ. Дѣйствительно, компанія исполняла съ точностью обѣщанія своихъ агентовъ и завербованные переселенцы не могли на нее жаловаться. Средствъ, привезенныхъ эмигрантами, не заставляли употребить на первое обзаведеніе, которое компанія производила на свой счетъ. Переселенцу совѣтовали сдать свои деньги въ ссудный-банкъ и приберечь про черный день. Опытный администраторъ-земледѣлецъ, нанятый компаніею, руководилъ первыми дѣяніями хлѣбопашцевъ, незнакомыхъ съ мѣстными условіями. Участки земли сначала не продавали переселенцамъ, а отдавали имъ на краткосрочную аренду.

Вербовка переселенцевъ шла довольно успѣшно. Два-три благоприятныхъ дождливыхъ лѣта дали возможность новымъ пахарямъ собрать неслышанный ими урожай. Благодаря дѣйствію агентовъ, рекламъ, безпрестанно появляющихся въ газетахъ и, наконецъ, свѣдѣніямъ, сообщаемымъ самими переселенцами своимъ знакомымъ въ другихъ штатахъ, худая слава о юго-западномъ Техасѣ изгладилась совершенно, и переселенцы, соблазненные успѣхомъ прежде поселившихся въ этой благодатной сторонѣ, направлялись туда тысячами. Дѣла компаніи пошли блистательно. Мелкіе участки продавались и отдавались на аренду на расхватъ и скоро покрывались не только всѣ затраты, но стала получаться значительная прибыль.

Во время моего посѣщенія венты Телецкаго всѣ земли компаніи были густо заселены. На всякомъ шагу попадались отдѣльныя фермы въ различныхъ періодахъ развитія, начиная отъ только-

что сколоченнаго барака, окруженнаго свѣже-вырытою въ этотъ году дѣвственной почвою преріи, до хорошенкаго обнесеннаго каменнаго домика, окруженнаго хозяйственными постройками и молодымъ фруктовымъ садомъ, принадлежащимъ поселившемуся уже нѣсколько лѣтъ назадъ эмигранту. Часто скучившись въ одномъ мѣстѣ, красивыя, богатыя фермы образовывали колоніи. Въ домахъ, въ которые мнѣ случалось заѣзжать, нельзя было не замѣтить довольства, даже нѣкоторой роскоши. Очевидно, плодородная земля щедро награждала труды земледѣльцевъ.

Фермеры, какъ всегда въ Америкѣ, охотно, даже съ видимымъ удовольствіемъ показывали мнѣ свои поля и хозяйственные инструменты, знакомя съ особенностями мѣстнаго хозяйства. Съ чрезвычайнымъ почтеніемъ и благодарностью отзывались эти люди (нѣкогда м-ръ Джери, бывшемъ администраторъ компаніи. Теперь онъ оставилъ службу и ведетъ обширное фермерское хозяйство на участіи, подаренномъ ему землевладѣльцами. Благодаря энергіи, дѣятельности и знаніямъ этого человѣка, въ хозяйство эмигрантовъ введено много раціональных приѣмовъ, сообразныхъ съ мѣстными условіями и приняты предупредительныя мѣры, почему засухи не производятъ уже такихъ страшныхъ опустошеній, какъ прежде. И теперь, въ случаѣ какого-либо затрудненія, окрестные фермеры обращаются къ м-ру Джери, ни когда не отказывающему въ такомъ совѣтѣ, вслѣдствіе чего онъ пользуется громаднымъ кредитомъ далеко кругомъ.

Система хозяйства здѣсь преимущественно фермерская, залежная, безъ искусственнаго удобренія. Земля, принадлежащая фермѣ, разбита сообразно количеству земли и рабочей силы фермера на 30—40 участковъ; изъ нихъ одинъ участокъ засѣвается пшеницей, другой маисомъ, третій хлопкомъ, четвертый сахарнымъ тростникомъ, пятый опять маисомъ, шестой подъ табакомъ. Каждый участокъ, пробываясь послѣдовательно подъ этими посѣвами, оставляется на значительное число лѣтъ подъ залежь. На слѣдующій же годъ онъ покрывается густою, высокою, сочною травою и представляетъ отличное пастбище. Изъ опасенія засухъ, бывающихъ здѣсь обыкновенно въ концѣ іюля и въ августѣ, принять возможно ранній посѣвъ и выбраны разсѣивающіе сорта высѣваемыхъ сѣмянъ. Большія плантаціи на которыхъ воздѣлывается специально одно какое-нибудь растение, здѣсь непримѣнимы, такъ какъ при нихъ въ неудачный годъ можетъ погибнуть отъ засухи весь урожай. При фермерскомъ же хозяйствѣ, когда бы ни случилось это бѣдствіе, онъ повредитъ только одному какому-либо посѣву, такъ какъ друг

ли не дорастутъ, или переростутъ тотъ періодъ, когда имъ страшна жужа. Особенныя удобства для разведенія скота, который можетъ почти всегда круглый годъ пастись въ преріи, не могъ не обаянить фермеровъ обзавестись большими стадами, дающими имъ уже теперь хорошій доходъ. На своихъ фермахъ поселенцы, въ особенности нѣмцы и швейцарцы, держатъ только дойныхъ коровъ, телятъ и небольшое число овецъ и свиней. Находя обильный кормъ на запущенныхъ участкахъ, коровы даютъ большое количество густого молока, перерабатываемаго на сыръ или масло. Остатки отъ приготовленія масла идутъ на выкормъ свиней, которыя, впрочемъ, ведутся здѣсь не очень хорошо. Яловые коровы, телки и быки пасутся большими стадами на нѣбѣ еще незанятой преріи, на границахъ Индіанъ-Территоріи. Фермеры составляютъ между собою компаніи, нанимаютъ сообща ватеро, которымъ и поручаютъ стада скота, неприносящаго непосредственнаго дохода.

Скотоводство до сихъ поръ еще не даетъ полнаго дохода, кдѣствие того, что оно заведено недавно. Довольно значительный доходъ получается съ молочныхъ продуктовъ. Мѣстнаго скота продается очень немного, такъ какъ въ теченіи пяти-шести лѣтъ, истекшихъ съ того времени какъ фермеры обзавелись стадами, скотъ коровъ въ преріи телятами, молодой скотъ не успѣлъ еще вырасти. Подростающія коровы идутъ на увеличеніе стада, а быки употребляются на полевныя работы самими хозяевами. Но годъ черезъ два можно рассчитывать, что изъ этой мѣстности будутъ отправляться большое количество убойнаго скота, и доходы, получаемые здѣшними фермерами, значительно увеличатся, а хозяйство въ этой мѣстности сравняется, если не превзойдетъ въ выгодности хозяйства въ Калифорніи.

Рациональныя предупредительныя мѣры противъ губительнаго дѣйствія засухъ оказались на практикѣ вполне дѣйствительными. Такъ, сильная засуха, бывшая здѣсь въ августѣ 1869 года и истребившая траву въ преріи, обращенную въ голую пустыню, не причинила никакого ущерба фермерамъ. Мѣры, принятыя здѣсь противъ засухъ по инициативѣ м-ра Джери, такъ просты и требуютъ сравнительно такихъ небольшихъ затратъ, что мнѣ кажется удивительнымъ, что въ нихъ не прибѣгаютъ въ другихъ мѣстностяхъ, подверженныхъ тому же бѣдствію. Вновь заселенная территорія составляетъ часть обширной, ровной, мѣстами сѣта волнистой преріи, изрѣдка перерѣзанной небольшими ручьями или ручьями, отстоящими на нѣсколько десятковъ миль другъ отъ друга. По берегамъ этихъ ручьевъ тянутся узкія

полосы земли, покрытныя густою травою, ненуждающеюся въ атмосферной водѣ. Во время самыхъ сильныхъ засухъ, когда всякая растительность въ остальной преріи высыхаетъ въ желтую пыль, травы на берегу рѣкъ продолжаютъ зеленѣть, находя въ почвѣ достаточное количество влаги.

М-ръ Джери прежде всего обратилъ вниманіе на эти невысыхающіе прибрежные луга. Очистивъ отъ кустарниковъ, онъ прорѣзалъ ихъ системой канавъ, чрезъ которыя вода изъ рѣчекъ могла бы проникать на возможно далекое разстояніе отъ русла. Затѣмъ, помощію запрудъ въ болѣе низкихъ мѣстахъ, были образованы искусственныя озера или болота. Вода въ этихъ озерахъ высыхала съ наступленіемъ жаровъ, но въ почвѣ все-таки оставалось достаточно влаги для того, чтобы бывшее подъ водою пространство могло быстро зарости густою, сочною травою. Полученныя такимъ образомъ довольно большія пространства луговъ, не боящихся засухъ, не принадлежатъ никому исключительно, а составляютъ общественную собственность всѣхъ поселившихся на земляхъ компаніи. Поселенцы тщательно оберегаютъ эти луга во все время, пока есть кормъ въ преріи и загоняютъ на нихъ скотъ только тогда, когда въ другихъ мѣстахъ вся трава выгоритъ. Влага въ остальной части преріи, удаленной отъ ручьевъ, вполне зависитъ отъ количества выпавшей атмосферной воды. Если зимой шли сильные дожди или выпадало много снѣга, то во многихъ мѣстахъ образуются ключи; сырость долго держится въ почвѣ и лѣтняя жара не страшна для растительности, хотя бы нѣсколько мѣсяцевъ подъ рядъ не выпадало ни одной капельки дождя. Другое дѣло — когда зима была сухая. Съ наступленіемъ жаровъ ключи иссякаютъ, сырость пропадаетъ въ почвѣ и только частые дожди могутъ поддержать растительность. Безъ нихъ въ нѣсколько дней цвѣтущая прерія обращается въ голую, бесплодную степь. Но м-ру Джери удалось замѣнить естественные, подверженные засыханію ключи, искусственными, артезианскими колодцами. Правда, ему приходилось бороться съ разнаго рода затрудненіями при буреніи перваго колодца, устроеннаго на счетъ земледѣльческихъ компаній, но онъ сумѣлъ преодолѣть эти затрудненія.

Прежде всего компанія землевладѣльцевъ отнеслась съ недо-вѣріемъ къ проекту м-ра Джери — пробурить на заселенныхъ мѣстахъ систему артезианскихъ колодцевъ. Землевладѣльцы считали такое предпріятіе неисполнимымъ и пугались неопредѣленныхъ значительныхъ расходовъ, неизбежныхъ при устройствѣ артезианскихъ колодцевъ въ неизслѣдованной мѣстности. Съ большимъ

трудомъ могъ м-ръ Джери выхлопотать себѣ разрѣшеніе устроить для пробы одинъ колодезь, на каковой предметъ ему и открыли кредитъ въ 5,000 долл. Не знаю, какъ объяснить такую свупость компаніи, рискованней сотнями тысячъ долларовъ на самыя неопредѣленныя предпріятія и жалѣвшей денегъ на дѣло, обѣщавшее при удачѣ неистощимыя выгоды.

Несмотря на ничтожность открытаго кредита, м-ръ Джери приступилъ къ дѣлу. Ему пришлось бороться съ новыми препятствіями. Небольшое число переселенцевъ, успѣвшихъ уже перебраться на земли компаніи, не питали еще того безграничнаго довѣрія къ м-ру Джери, какое имѣютъ теперь, смотрѣли на его намѣреніе достать воду изъ-подъ земли какъ на сумасшедшую выходку, неохотно шли на работу и, несмотря на довольно высокую поденную плату, предлагаемую м-ромъ Джери, предпочитали наниматься на другія, знакомыя имъ работы, или занимались своимъ собственнымъ хозяйствомъ. Буреніе при помощи выписанныхъ изъ Калифорніи рабочихъ специалистовъ обошлось бы слишкомъ дорого. Предназначенной суммы не хватило бы и на половину предпріятія, которое могло бы въ такомъ случаѣ считаться погибшимъ, если не навсегда, то на очень продолжительный срокъ времени. Рабочимъ, привезеннымъ изъ штатовъ, не нравилась непривычная, утомительная работа. Въ тому же легкость пріобрѣтенія участка компанейской земли и устройства собственной фермы, близость прерій съ ея привольною бродячею жизнью, дѣлали то, что выписанные рабочіе, проработавъ дня два или три у бура, требовали расчета и уходили. При такихъ условіяхъ работа не могла идти успѣшно. Въ непривычныхъ рукахъ буры безпрестанно ломались, скважины принимали кривое направленіе, такъ что, пройдя въ землю на довольно большую глубину, приходилось бросать колодезь и начинать снова.

Мѣсяца два бился м-ръ Джери, терпѣливо перенося насмѣшки землевладѣльцевъ и переселенцевъ, совѣтовавшихъ ему бросить невыполнимую затѣю и приняться за что-нибудь другое, болѣе подходящее къ ихъ близорукому невѣжеству. Какъ истый янки, м-ръ Джери, убѣжденный въ выполнимости начатаго дѣла, стоялъ на своемъ, и выдумалъ-таки средство довести его до конца. Отиравившись въ Луизиану, онъ купилъ восемь человѣкъ мулатовъ-невольниковъ (рабство не было еще уничтожено въ то время). При покупкѣ онъ старался выбирать молодыхъ людей, но возможности болѣе развитыхъ, понимающихъ unpleasantность настоящаго положенія рабовъ и болѣе своихъ черныхъ собратьевъ жаждавшихъ получить свободу. Прибывъ съ своими не-

вольниками на мѣсто работъ, онѣ написали имъ всѣмъ вольноотпускныя и объявили, что какъ только покажется артезіанская вода, каждый изъ нихъ, кромѣ свободы, получитъ еще участокъ земли на одинаковыхъ условіяхъ съ бывшими переселенцами. Въ виду заманчивой свободы, о которой до сихъ поръ могли только мечтать, не смѣя даже высказать кому-либо свою заветную мечту, изъ страха бича надсмотрщика, мулаты принялись горячо за дѣло.

Скоро преодолѣли они затрудненія, неизбежныя при началѣ новой, незнакомой работы. Другъ передъ другомъ старались вертѣть желѣзный стержень и вытаскивать изъ глубины по небольшому комку земли, захваченному ложкой бура, зная, что съ каждымъ футомъ, на который углублялся буръ, приближается вода, а съ появленіемъ воды связана желанная свобода. Когда буръ ломался, мулаты приходили въ отчаяніе и не успокоивались до тѣхъ поръ, пока оставшаяся въ скважинѣ часть бура не была вытащена. М-ръ Джери увѣрялъ, что не разъ мулаты удивляли его остроуміемъ, съ которымъ изобрѣтали способъ вытащить обломокъ бура, засоряющій скважину, когда самъ м-ръ Джери становился втупикъ и не зналъ что дѣлать. Къ счастью, артезіанская вода была не очень далека и грунтъ, который приходилось пробивать, не особенно твердъ, такъ что съ глубины въ 200 футовъ прекрасная прѣсная вода поднималась въ буровой скважинѣ и стала выходить въ изобиліи на поверхность земли.

Удача въ буреніи перваго артезіанскаго колодца заставила компанію и переселенцевъ перемѣнить свой взглядъ на заѣму м-ра Джери. Компанія ассигновала употреблять часть дохода на устройство известнаго числа артезіанскихъ колодцевъ ежегодно. Переселенцы, приобретшіе участки земли въ собственность, стали складываться и общими силами начали рыть такіе же колодцы. Мулаты, получившіе, согласно обѣщанію, свободу, пристрастились къ ремеслу бурельщиковъ; продали подаренные имъ участки, составили артель, въ которую охотно принимаютъ постороннихъ, и до сихъ поръ занимаются буреніемъ колодцевъ, что даетъ имъ отличный заработокъ.

Число артезіанскихъ колодцевъ постоянно возрастаетъ, такъ что въ непродолжительномъ времени, во всей мѣстности, можетъ быть введено искусственное орошеніе и засуха уже не будетъ страшна. Но до сихъ поръ этотъ страшный бичъ не перестаетъ угрожать процвѣтанію ховайствъ переселенцевъ, почему, по инициативѣ того же м-ра Джери, принимается рядъ мѣръ, ослабляющихъ вредъ, причиняемый засухою и оказавшихся на практикѣ вполне цѣлесообразными. Такъ какъ засуха бываетъ обыкновенно

въ іюлѣ и въ августѣ, то, какъ я уже сказалъ, для посѣва выбирается по возможности раннее время, и сорты высѣваемыхъ сѣмянъ употребляются такіе, чтобы запаханныя растенія могли вырѣсть въ срединѣ іюля или, по крайней мѣрѣ, чтобы въ этому времени зерно въ нихъ уже налилось и не боялось избытка сухости. Для выбора сѣмянъ, болѣе другихъ соответствующихъ мѣстнымъ условіямъ, имѣются особые пробныя участки. Кромѣ большаго пробнаго участка, составляющаго собственность сельско-хозяйственнаго общества, образованнаго изъ мѣстныхъ фермеровъ подъ предсѣдательствомъ м-ра Джери, почти на каждой фермѣ есть свой пробный участокъ. Здѣсь производятся посѣвы всевозможныхъ сортовъ сѣмянъ, выписанныхъ чуть ли не со всего свѣта. При помощи множества произведенныхъ, такимъ образомъ, опытовъ поселенцамъ удалось ввести въ свои хозяйства такіе сорта разныхъ растеній, которыя, вырѣвая очень рано, даютъ продукты чрезвычайно высокаго качества.

Опасъ засухи, погубившей скотъ при первоначальномъ заселеніи мѣстности и чуть не подорвавшей въ самомъ началѣ ея дальнѣйшее развитіе, заставляетъ фермеровъ быть осторожными. Съ ранней весны всякое свободное отъ другихъ полевыхъ работъ время употребляется на кошеніе сѣна. Косить и лѣтомъ по окончаніи посѣвовъ. Такимъ образомъ, ежегодно заготавливаютъ огромные запасы сѣна, которое не можетъ быть спрессовано и хранится въ преріи въ стогахъ. Когда нѣтъ засухи, то запасы стоятъ изъ годъ въ годъ. Года черезъ три сѣно въ стогахъ портится, дѣлается негоднымъ въ пищу скоту и занимаетъ понапрасну мѣсто. Прежде просто жгли перестоявшіе стоги, но года три тому назадъ, какой-то фермеръ сжегъ излишекъ своего сѣна, выплочилъ вогу и приготовилъ поташъ, за который выручилъ порядочную сумму денегъ. Это понравилось сосѣдямъ, и теперь почти каждый фермеръ работаетъ изъ перестоявшаго сѣна поташъ. Несмотря на дешевизну продукта, это производство оказалось настолько выгоднымъ, что многіе фермеры круглый годъ косить траву въ преріи для приготовления поташа. Дешевое устройство самодѣльныхъ чановъ для выплечиванія, глиняныхъ печей для обжиганія и отсутствіе расходовъ на топливо, которымъ служатъ толстые стебли степного бурьяна, способствуютъ тому, что фермеры охотно занимаются поташнымъ производствомъ въ теченіи зимы, когда по хозяйству работы немного.

Почти всѣ фермеры разводятъ сады и засаживаютъ на своихъ участкахъ различныя деревья. Конечно, теперь эти древесныя насажденія еще не приносятъ пользы, но со временемъ,

кромѣ тѣни, они дадутъ возможность имѣть подъ руками лѣсной матеріалъ, который въ настоящее время приходится возить изъ далека. Вообще, при самомъ поверхностномъ обзорѣ окрестностей венты нельзя не замѣтить, что хозяйство здѣсь основано на разумныхъ началахъ и обѣщаетъ дать въ близкомъ будущемъ неистислимныя выгоды. Уже и теперь желѣзная дорога перевозить изъ этого удаленнаго уголка въ центральные штаты значительные грузы молочныхъ продуктовъ, излишекъ, остающійся отъ мѣстнаго потребленія майса и пшеницы, а главное хлопокъ. Разведеніе хлопка обѣщаетъ, какъ во всей почти южной части Техаса, огромныя выгоды, такъ какъ хлопокъ, уступая нѣсколько въ качествѣ Зеландскому, почти вчетверо превосходитъ его количествомъ, собраннымъ съ акра.

Увеличеніе посѣвовъ хлопка теперь еще не такъ удобно по недостатку рабочихъ рукъ, но когда подрастутъ толстые, здоровые ребятишки, въ которыхъ нельзя сказать, чтобы былъ недостатокъ на всѣхъ фермахъ, то собираніе хлопка не будетъ представлять того затрудненія, какъ теперь, и юго-западный Техасъ займетъ видное мѣсто въ доставленіи этого цѣннаго матеріала на міровые рынки.

II.

Русскій постоянный дворъ въ американской преріи.—Причины, побуждающія хозяевъ венты переселиться изъ Россіи.—Повстанецъ.—Бѣгство изъ банды.—Изворотливость корчмарки.—Переездъ въ Америку.—Содержатели лоджингъ-гауза.—Рабочій домъ на Уардъ-Эйлендѣ.—Жизнь въ Нью-Йоркѣ.—Салонъ въ Престонѣ.—Знакомство съ рыцарями пустыни.—Приобрѣтеніе пограничной венты.—Успѣшная торговля.

Окончивъ посѣщенія сосѣднихъ фермъ и записавшись нужнымъ фуражемъ для скота, я поселился въ вентѣ, гдѣ день былъ распределенъ совершенно какъ въ Россіи, гдѣ говорить приходилось больше по-русски и лѣниться, за неизмѣнимъ временно никакого занятія, въ ожиданіи будущей дѣятельности, тоже по-русски. Въ это время я могъ бы забыть, что нахожусь въ Америкѣ, а не въ Россіи, еслибы вачеро въ своихъ курткахъ и говоромъ на ломаномъ англійскомъ языкѣ, да черная прислуга, коверкавшая невообразимымъ образомъ небольшое число русскихъ словъ, которымъ выучилась отъ хозяйки, не напоминали, можетъ быть слишкомъ часто, о мѣстѣ, въ которомъ находишься. Словоохотливая хозяйка въ первые же дни разска-

за мнѣ, со всевозможными подробностями, какъ свою исторію, такъ и исторію своего мужа, и все время моего пребыванія въ вентѣ не упускала случая поболтать со мною о Россіи, приобщенная съ удовольствіемъ самымъ ничтожнымъ обстоятельства жизни на родинѣ, отъ которой никакъ не могла отвыкнуть. Полагаю, что русскимъ читателямъ не безъинтересно будетъ познакомиться съ заатлантическими похождениями нашей энергической землячки, сумѣвшей преодолѣть препятствія и затрудненія, неизбежныя при переселеніи плохо подготовленныхъ къ нему людей, въ незнакомую страну, поддерживать энергію мужа, готового не разъ предаться отчаянію и, выйдя побѣдительницей изъ трудныхъ обстоятельствъ, достигнуть значительной степени благосостоянія.

Ольга Телецкая, теперешняя владѣлица доходной венты на границѣ Индіанъ-Территори, родилась въ одномъ изъ уѣздовъ В*... губерніи. Отецъ ея содержалъ постояльнй дворъ и корчму на проѣздѣ тракта въ западномъ краѣ. Сначала, до проведенія желѣзной дороги изъ С.-Петербурга въ Варшаву, содержаніе постоялаго двора было очень выгодно, но съ открытіемъ желѣзной дороги длинныя обозы извозчиковъ перестали тянуться по заброшенному шоссе, доходы съ постоялыхъ дворовъ значительно уменьшились и наконецъ стали совершенно ничтожными послѣ преобразования акціонной системы, когда открылось множество кабаковъ съ ловкими сидѣльцами изъ евреевъ. Прѣжній достатокъ въ постояломъ дворѣ исчезъ, уступивъ мѣсто крайней бѣдности. Отецъ Ольги сталъ запивать, запутался въ долгахъ и вымещалъ неудачу въ дѣлахъ на женѣ и трехъ дочеряхъ, изъ которыхъ Ольга была младшая. Нельзя сказать, чтобы Ольгѣ жилось хорошо въ родительскомъ домѣ, особенно въ послѣднее время.

О воспитаніи и обученіи дочерей содержатель корчмы, почитая, не заботился. Незначительный доходъ, получаемый съ постоялаго двора, не давалъ возможности держать работника, такъ что вся черная работа по хозяйству доставалась на долю семейства хозяина. Ольга съ малолѣтства привыкла въ трудной работѣ, и вслѣдствіе столкновеній съ посѣтителеми корчмы выработала въ себѣ ту бойкость и своровку, то умѣнье обходиться съ людьми разнаго сорта, однимъ словомъ—тѣ качества, какими отличаются сидѣльцы въ кабакахъ и постоялыхъ дворахъ. Постояльнй дворъ, арендуемый съ давнихъ поръ отцомъ Ольги, стоялъ не вдалекѣ отъ большой усадьбы, на землѣ какого-то богатаго помещика. Управляющимъ въ усадьбѣ былъ отецъ Яна Телецкого. Занятый постоянно дѣлами, да и не видя особенной пользы въ

образованіи, отецъ Яна вовсе не заботился о воспитаніи и обученіи своихъ нѣсколькихъ сыновей. Янъ росъ, пользуясь полнойною свободою. Матери онъ не помнилъ, такъ какъ она умерла очень давно. Конторщикъ, занимавшійся въ усадьбѣ веденіемъ книгъ, выучилъ мальчика все-какъ читать и писать по-русски и польски. Тѣмъ и кончилось ученіе Яна. Не зная никакого ремесла, безъ привычки къ работѣ, Янъ состоялъ сперва на посылакахъ у отца и старшихъ братьевъ. Потомъ, когда выросъ и изъ мальчика сдѣлался молодымъ человѣкомъ, отецъ сталъ давать ему изрѣдка нѣкоторые порученія, подготавливая его такимъ образомъ къ тому, чтобы при первой озаці помѣститъ Яна управляющимъ и администраторомъ въ одномъ изъ помѣщичьихъ имѣній, какъ это ему удалось съ прочими сыновьями, такими же учеными агрономами, какъ онъ самъ и Янъ. Такимъ образомъ, съ малолѣтства у Яна было много досужаго времени, которымъ онъ могъ располагать по своему усмотрѣнію. Эти досуги онъ употреблялъ на пробу гороха, бобовъ и прочихъ овощей, растущихъ въ огородѣ усадьбы, на разореніе птичьихъ гнѣздъ, въ чемъ достигъ замѣчательной степени совершенства, да игрою съ дворовыми и крестьянскими ребятишками. Дѣти относились съ нѣкоторымъ почтеніемъ къ сыну управляющаго, уступали ему въ спорахъ, зная по опыту, что если дѣло дойдетъ до родителей, то имъ придется поплатиться вихромъ за обиду сына всемогущаго управляющаго. Такія отношенія къ сверстникамъ не мало способствовали развитію въ мальчигѣ наслѣдованной отъ отца шляхетской гордости и заносчивости. Янъ безсознательно считалъ себя существомъ высшимъ сравнительно съ другими дѣтьми.

Вслѣдствіе ли болѣе самостоятельнаго характера Ольги, или потому, что ея отецъ, содержатель постоялаго двора, мѣщанинъ, занималъ социальное положеніе несравненно выше, чѣмъ родители прочихъ товарищей Яна, вѣрнопостные люди или хлѣбн, только Янъ смотрѣлъ на Ольгу какъ на существо равное ему, какъ на паненку. Бѣгая часто на постоянный дворъ, гдѣ ему перепадать ломоть пирога съ брусничнымъ вареньемъ или мятный пранивъ, Янъ подружился съ Ольгой и находилъ въ игрѣ съ нею большее удовольствіе, чѣмъ въ игрѣ съ дворовыми ребятишками. Выросши, Янъ и Ольга оставались въ хорошихъ отношеніяхъ; дѣтская дружба перешла въ любовь, и молодые люди порѣшили между собою пожениться. Не предвидя никакихъ препятствій, Янъ сообщилъ о своемъ намѣреніи отцу, прося выхлопотать поскорѣе ему мѣсто, чтобы имѣть возможность obavестить самостоятельнымъ хозяйствомъ, какъ это сдѣлали его старшіе братья.

Но оказалось, что старший Телецкий смотрѣлъ на вещи иначе. Ему положительно не было никакого дѣла, какъ и гдѣ проводить свободное время его сынъ и волочится ли онъ за кѣмъ нибудь или нѣтъ. На счетъ же женитьбы сына старикъ имѣлъ особые взгляды и собственные планы. Гордый своимъ шляхетствомъ и должностью управляющаго, онъ не могъ допустить, чтобы сынъ его женился на дочери корчмара. Въ невѣстки ему нужна была непременно шляхтянка или по крайней мѣрѣ дѣвушка изъ семейства, равнаго ему по положенію, которая могла бы привести мужу и приданое, и полезныя связи. О томъ, что нравятся ли женихъ и невѣста другъ другу, стѣбать ли толковать. Стерпится—слюбится.

Когда Янъ сообщилъ старику о своемъ намѣреніи, то получилъ категорическое приказаніе вывинуть дурь изъ головы и строгое запрещеніе бывать подъ какимъ бы то ни было предлогомъ на постояломъ дворѣ. Узнавъ, что Янъ, несмотря на запрещеніе, продолжаетъ по цѣлымъ днямъ сидѣть въ корчмѣ, старший Телецкий призвалъ отца Ольги, объяснилъ всю несообразность желанія Ольги выйти за его сына и припугнулъ тѣмъ, что сгонитъ его съ постоялаго двора. Корчмаръ хотя и раздѣлялъ мнѣніе управляющаго въ несообразности брака его дочери съ Яномъ, но очень оскорбился, когда ему напрямикъ напомнили разницу общественныхъ положеній. Не смѣя ничего сказать Телецкому, онъ сорвалъ свою досаду по обыкновенію на женѣ и дочери, и при первой же встрѣчѣ объявилъ Яну, что какъ только увидитъ его около постоялаго двора, то переломаетъ ему ребра и до смерти заколотитъ Ольгу. Послѣ этого Яну и Ольгѣ нельзя уже было видѣться по прежнему при всѣхъ, а приходилось сходиться гдѣ-нибудь тайкомъ.

Препятствіе усилило желаніе Яна жениться на Ольгѣ во что бы то ни стало, и онъ ломалъ себѣ голову, какъ бы устроиться помимо отца. Старикъ Телецкий сталъ строже слѣдить за Яномъ; узнавъ объ его свиданіяхъ съ Ольгой, пробовалъ отсылать сына подъ разными предлогами подальше изъ усадьбы, но видя, что все это не помогаетъ, принялся колотить его. Янъ по цѣлымъ днямъ пропадалъ изъ дома, не исполняя возложенныхъ на него порученій, и кончилось тѣмъ, что возмущенный старикъ выгналъ его изъ дома, объявивъ, что приметъ только тогда, когда онъ оставитъ свои глупости и снова будетъ заниматься дѣломъ.

Положеніе Яна было бѣдственное, когда отецъ его прогналъ, безъ гроша денегъ и безъ средствъ къ существованію въ виду. Попробовалъ Янъ отправиться къ брату, но тотъ, не желая имѣть

непріятности съ отцомъ, не хотѣлъ держать его. То же сдѣлалъ и другой братъ. Янъ зналъ, что теперь врядъ ли ему возможно будетъ жениться на Ольгѣ, такъ какъ отецъ ея ни за что не отдастъ дочери за выгнаннаго отцомъ шляхтича, неимѣющаго ни копѣйки денегъ, ни мѣста. Пожалуй, Янъ бы и не прочь хотѣ на время побориться отцу, отложить до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ женитьбу, да самолюбіе и гордость не позволяли. Онъ задумалъ проложить самъ себѣ дорогу и отправился искать себѣ какого-либо мѣста. Это было въ самомъ началѣ послѣдняго польскаго мятежа, когда агенты центрального польскаго комитета рыскали всюду и вербовали людей въ формирующіяся шайки. На такого агента наткнулся случайно Янъ.

Янъ не имѣлъ яснаго понятія ни о мятежѣ, ни объ его цѣляхъ. Правда, онъ еще раньше не разъ слыхалъ о приготовленіяхъ къ повстанію, о томъ, что поляки намѣрены силой освободить Польшу отъ притѣсненія русскими, о томъ, что всѣ истинные патріоты должны встать какъ одинъ человѣкъ, и пр. и пр. Но занятый своими любовными похождениями, не чувствуя на себѣ никакого притѣсненія, кромѣ притѣсненія отца, непозволившаго ему жениться, Янъ пропускалъ все это мимо ушей, съ лалолѣтства привыкнувъ слышать, какъ его родственники любятъ побранить на досугъ и русскихъ и все русское, грозя всякаго рода бѣдствіями притѣснителямъ. Видѣлъ онъ также, что все это говорится въ своемъ кружкѣ, а на дѣлѣ самыя ярые ненавистники русскихъ пресмыкались и разсыпались въ разнаго рода любезностяхъ предъ самымъ ничтожнымъ русскимъ чиновникомъ. Впослѣдствіи до него доходили слухи о начавшемся бунтѣ. Сдержанная до сихъ поръ взаимная нелюбовь между русскими и поляками стала прорываться въ насмѣшкахъ и перебранкахъ. Но и этому Янъ не придавалъ никакого значенія. Даже и тогда, когда при извѣстіи, что русскимъ правительствомъ посланы войска для усмиренія повстанія, сосѣдніе поляки, въ томъ числѣ и его родственники, всполошились и стали часто ѣздить другъ къ другу на совѣщанія, Янъ считалъ все это дѣломъ, до него некасающимся. Когда старый Талецкій дѣлалъ сыну наставленіе, какъ держать себя относительно русскихъ и поляковъ, Янъ нѣхотя слушалъ отца, съ нетерпѣніемъ ожидая окончанія проповѣди, такъ какъ время, назначенное имъ для свиданія съ Ольгой, проходило, и она давно ждала его въ условленномъ мѣстѣ.

Немного труда стоило агенту уговорить Яна поступить въ банду. Молодому человѣку нужно было во что бы то ни стало пристроиться куда-нибудь. А тутъ ему сулили возможность отли-

часься на войнѣ и послѣ легкой побѣды надъ русскими войсками сѣсть въ такое положеніе, въ которомъ онъ будетъ обезпеченъ и окруженъ почетомъ на всю жизнь. Тогда въ его волѣ будетъ жениться не только на Ольгѣ, но на любой паненкѣ, которая сочтетъ за честь быть женою героя, бившагося за родину. Ловко задѣтое самолюбіе, возбужденныя золотыя надежды на будущее, безвыходность настоящаго положенія заставили Яна тотчасъ же согласиться поступить въ банду, даже безъ полнѣйшаго сознанія важности дѣлаемаго имъ шага. Побродивъ нѣсколько времени съ бандой по лѣсамъ и болотамъ, Янъ понялъ, въ какое дѣло впутался и убѣдился въ несбыточности своихъ золотыхъ грѣзъ. Не воротаться было уже поздно. Амнистія добровольно возвратившимся изъ бандъ или не была еще объявлена, или начальники бандъ умышленно скрывали извѣстіе о ней, только ни Янъ, ни его товарищи не слыхали ничего подобнаго. При первой же встрѣчѣ съ регулярными войсками банда была разбита и разсѣяна. Въ числѣ избѣгшихъ пули и плѣна былъ и Янъ. Спасшись бѣгствомъ, онъ не имѣлъ больше желанія участвовать въ повстаніи и рѣшился пробраться на родину. Боясь попасться кому-либо на глаза, идя ночью и прячась гдѣ-нибудь въ лѣсу днемъ; питаясь подаяніемъ выпрашиваемаго въ одинокихъ корчмахъ, гдѣ его не могли схватить, добрался Янъ изъ августовской губерніи до родной усадьбы. Но тутъ онъ увидѣлъ, что попалъ въ еще худшее положеніе.

Отецъ, выдававшій себя за приверженца русскихъ, какъ только узналъ о поступленіи Яна въ банду, не только не скрывалъ этого, а жаловался вездѣ на непослушаніе и глупость негоднаго сына, скомпрометтировавшаго его на старости лѣтъ. Учасіе Яна въ мятежъ стало извѣстно всему околотку. По возвращеніи Яна отецъ не только не принялъ его, но, боясь за себя, выгналъ вонъ и пострадалъ передать въ руки полиціи, если когда-либо его встрѣтитъ. Чтѣ было дѣлать Яну, попавшему между двухъ огней. Съ одной стороны онъ всякую минуту могъ быть схваченъ и представленъ русскому начальству, съ другой—могъ попасть въ руки жандармовъ-вѣшателей, жестоко расправившихся съ дезертирами изъ бандъ. Ольга, съ которой онъ не упергивалъ, чтобы не повидаться, выручила его изъ затрудненія. Узнавъ объ опасностяхъ, грозившихъ ея возлюбленному, она спрятала его на пустомъ сѣновалѣ, гдѣ и продержала нѣсколько дней. Тѣмъ временемъ Ольга изыскивала средства спасти молодого человека. Кто-то изъ сосѣднихъ помѣщиковъ или чиновниковъ остановился кормить лошадей на постояломъ дворѣ. Ольга, пода-

вая чай, вступила въ разговоръ съ проѣзжающимъ и ловко навела рѣчь на повстаніе и повстанцевъ. Проѣзжій охотно отвѣчалъ на распросы молодой дѣвушки и высказалъ между прочимъ, что на мѣстѣ повстанцевъ, нехотящихъ больше оставаться въ бандѣ и боящихся попасть въ руки правосудія, онъ бѣжалъ бы въ Америку. Слово, сказанное зря, запало въ голову Ольги.

По ея мнѣнію, самое лучшее дѣло справить Яна въ эту Америку, гдѣ бояться ему нечего. Но вотъ вопросъ, гдѣ это такая Америка; какимъ способомъ и на какія средства добраться туда. На осторожные вопросы Ольги проѣзжающій говорилъ что-то не совсѣмъ понятное для нея и о стоимости переѣзда не зналъ. Когда подъ вечеръ Ольга пришла на сѣноваль съ ужиномъ и передала свой разговоръ съ бариномъ Яну, оказалось, что Янъ зналъ какъ попасть въ Америку. Въ бандѣ часто говорили о бѣгствѣ туда. Много хорошаго рассказывали объ этой далекой сторонѣ, гдѣ, говорятъ, деньги достаются легко и гдѣ мало-мальски толковому человѣку можно устроиться такъ хорошо, какъ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ. Нѣсколько человѣкъ изъ Познани, бывшіе въ одной бандѣ съ Яномъ, называли поименно своихъ земляковъ, которые, уѣхавъ въ Америку, успѣвали въ непродолжительное время нажить хорошія деньги и писали своимъ роднымъ, совѣтуя тоже переселяться. Хорошо бы было Яну и Ольгѣ попасть въ эту благодатную страну, гдѣ имъ нечего было бояться никого. Начальства тамъ, говорятъ, нѣтъ никакого; всякій живетъ самъ по себѣ какъ хочетъ. Согласіе родителей на ихъ свадьбу вѣдь нужно собственно для того, чтобы было на что обзавестись хозяйствомъ и пристроиться въ какому-либо мѣсту. А что за нужда въ этомъ согласіи, еслибы они, уѣхавъ въ Америку, могли жить въ довольствѣ, ни въ чемъ не нуждаясь? Для нихъ обоихъ самое лучшее дѣло бѣжать въ Америку какъ можно скорѣе. Но остановка была за однимъ. Янъ слышалъ, что для переѣзда нужно по крайней мѣрѣ двѣсти пятьдесятъ рублей на человѣка, стало быть для нихъ двоихъ пятисотъ рублей. А гдѣ взять такія деньги, когда у обоихъ влюбленныхъ не было въ распоряженіи и пятидесяти копѣекъ. Всю ночь продумала Ольга, какъ достать нужную сумму и, наконецъ, напала на счастливую мысль.

Изъ рассказовъ Яна объ его пребываніи въ бандѣ, она знала, что въ числѣ повстанцевъ Янъ встрѣтилъ сына одного изъ мѣстныхъ богатыхъ помѣщиковъ поляковъ. Какъ-то на постояломъ дворѣ говорили, что этотъ самый панъ вернулся домой изъ какой-то дальней поѣздки и живетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, у отца. Такъ какъ помѣщикъ принадлежитъ къ числу поляковъ,

нужно преданнымъ Россіи, то никто не думалъ заподозрить, чтобы сынъ его участвовалъ въ повстаніи. Ольга, зная изъ разговоровъ посѣтителей, что повстанцамъ, несмотря на ихъ богатство и высокое положеніе, начальство не даетъ спуска, рѣшилась прицупнуть богатаго пана доносомъ и взять съ него сумму, необходимую для переѣзда въ Америку.

Сказано — сдѣлано.

Воспользовавшись тѣмъ, что недалеко отъ села помѣщика живетъ ея тѣтка и тѣмъ, что въ постоянный дворъ заѣхалъ крестьянинъ съ той стороны, она, приласкавшись къ отцу, отпросилась навѣстить свою родственницу. Неподозрѣвавшій ничего корчмарь, разумѣется, согласился. Отнеся на сѣноваль хлѣба дня на три, она живо собралась и поѣхала. Крестьянинъ довезъ ее до своей деревни, отстоящей отъ корчмы тетки версты на полторы, а отъ усадьбы помѣщика версты на четыре. Ольга отказалась отъ предложенія довезти ее до тетки, сдѣланнаго ей спутникомъ, въ надеждѣ выпить даровой стаканчикъ водки въ корчмѣ, и поблагодарила его, сказавъ, что дойдетъ пѣшкомъ. Въмѣсто корчмы, она отправилась въ село, въ господскій домъ, гдѣ просила доложить пану, что имѣетъ поговорить съ нимъ о важномъ дѣлѣ. Какъ рассказывала Ольга, калѣни у нея подгибались и ноги отказывались служить, когда ее провели въ кабинетъ помѣщика. На его вопросъ, что ей нужно, она не могла отвѣчать, но скоро оправилась и, не подавая повода заподозрить, что она скрываетъ Яна, ловко сообщила изумленному пану, что знаетъ его семейную тайну, подтвердивъ слова нѣкоторыми фактами, сообщенными ей Яномъ. Видя, какъ блѣднѣлъ помѣщикъ, Ольга ободрялась все болѣе и болѣе, и рѣшилась намекнуть, что если ея требованіе не будетъ исполнено, то донесетъ въ судъ и представить имѣющіяся у нея доказательства. Сперва она хотѣла требовать пятьсотъ рублей, но, видя какъ растерялся помѣщикъ, у нея мелькнула мысль спросить тысячу. Она и назвала эту цифру. Помѣщикъ засмѣялся и спросилъ, на что ей такая сумма и сумеетъ ли она ее пересчитать. Смѣхъ помѣщика не смутилъ дѣвушку. Не даромъ на постояломъ дворѣ она присмотрѣлась, какъ торгуются, и сама могла бы поспорить въ этомъ искусствѣ съ любымъ кулакомъ. Она инстинктивно чувствовала, что помѣщикъ уступить. Искусно доказывала она, что пану выгодно дать эти деньги, такъ какъ на нихъ единственный свидѣтель, бывшій на лицѣ и готовый донести на наныча, долженъ отправиться въ Америку, что, затѣмъ, кромѣ нея, никто не знаетъ этого дѣла и божились, что еслибы ее рѣзали ножами, она послѣ никому не выдастъ тайны.

Помѣщикъ пробовалъ увѣрять, что переѣздъ въ Америку стоить не такъ дорого, но, видя неуступчивость Ольги, ушелъ въ другую комнату, вынесъ десять сторублевыхъ ассигнацій и отдалъ ихъ Ольгѣ, присовокупивъ, чтобы и она отправлялась въ Америку или куда тамъ знаетъ, но чтобы въ здѣшнихъ мѣстахъ о ней не было и помину.

Почти обезумѣвъ отъ радости, Ольга схватила деньги и выбѣжала изъ кабинета. Но потомъ одумалась. Вѣдь крупныя деньги надо размѣнять. А откуда у нея могла взяться сторублевая бумажка? Вернувшись въ кабинетъ, она просила помѣщика размѣнять ей двѣ ассигнаціи на мелочь. Тотъ исполнилъ ея желаніе, и Ольга почти бѣгомъ отправилась къ тетѣ.

Переночевавъ у родственницы и отговорившись спѣшной работой дома, увѣривъ, что отпросилась только на минутку, Ольга на другой же день наняла подводу и возвратилась домой. О многомъ успѣла передумать Ольга, пока тощая крестьянская кляча, едва передвигая ноги, тащила ее къ отцовскому постоялому двору. Сговариваясь съ Яномъ бѣжать въ Америку, она представляла себѣ этотъ побѣгъ какъ-бы въ дали и смотрѣла на него какъ на трудно-исполнимую заманчивую мечту. Теперь же, когда средства для выполненія задуманнаго намѣренія были у нея въ рукахъ, привычка смотрѣть на все съ практической точки зрѣнія взяла свое и ей ясно представились многія стороны вопроса, казавшіяся прежде какъ-бы въ туманѣ. Прежде всего, правда ли, что въ Америкѣ дѣйствительно такъ хорошо, какъ объ этомъ говорятъ? Хотя товарищамъ Яна не было никакой пользы лгать, да мнѣніе, что повстанцамъ лучше всего бѣжать въ Америку, подтвердилъ и баринъ; но все-таки, вѣдь Богъ знаетъ, такъ ли все это? Съ тѣми деньгами, которыя у нея теперь есть, какъ бы хорошо можно было устроиться съ Яномъ и въ Россіи, еслибы Яну можно было какъ-нибудь отвергнуться отъ преслѣдованія за участіе въ повстаніи. Не попробовать ли этого прежде, чѣмъ уѣзжать? Ну, а что, какъ, начавъ хлопотать, да надѣлаешь такого дѣла, что Яна засадятъ въ острогъ или еще, пожалуй, сошлютъ? А и бѣжать изъ дому, ѣхать съ Яномъ Богъ знаетъ куда, тоже страшно. Вѣдь не распознаешь, что на душѣ у человѣка. Хотя Янъ ее кажется и любитъ и съ отцомъ ссорится изъ-за нея, а все-таки развѣ на мужчинскую любовь можно положиться? Не даромъ она не разъ замѣчала, что Янъ, несмотря на то, что божилися не промѣнять ее ни на кого въ свѣтѣ, не прочь приволокнуться и за другими. Что, какъ въ Америкѣ онъ полюбитъ дру-

гую дѣвушкѣ, а ее бросить? Что она будетъ дѣлать тогда? Уже поздно, ѣхать ли ей съ нимъ? Эти и подобные вопросы тѣснились въ головѣ Ольги. О разставаніи съ роднымъ домомъ, съ родными она не думала. Покидать семейство ей было немного страшно, чтобы не поймали, а жалѣть, она никого и ничего не жалѣла. Только мать вспомнилась ей. Да, впрочемъ, къ мысли о разставаніи съ матерью Ольга привыкла съ дѣтства, такъ какъ рано или поздно, при выходѣ замужъ, эта разлука была неизбежна. Ольга не могла рѣшить ровнявшихся въ ея головѣ вопросовъ, и не знала, бѣжать ли ей съ Яномъ, или попробовать уладить его дѣло и остаться въ Россіи. Въ одномъ она пришла къ совершенно опредѣленному рѣшенію. Такъ какъ у нея имѣлось теперь тысяча рублей, т.-е. вдвое больше, чѣмъ нужно на проѣздъ, то она скажетъ Яну только о шестистахъ рубляхъ, а остальныя припрятать на всякій случай.

Дотавившись, наконецъ, до постоялаго двора, она ощупала цѣли ли деньги, завязанныя ею тщательно въ уголокъ платка и положенныя за пазуху, рассчиталась съ подводчикомъ и вошла въ корчму. Невеселая сцена представилась ея глазамъ. Отецъ загулялъ въ ея отсутствіе и, по своему обыкновенію разбушевавшись, волютилъ жену и дочерей. Не успѣла Ольга войти въ комнату, какъ пьяный отецъ напустился на нее, упрекая въ лѣни, въ тасканьи по гостямъ въ то время, когда дома нужно работать. Напрасно Ольга хотѣла оправдываться. Пьяный корчмарь еще болѣе выпелъ изъ себя и крѣпко поколотилъ ее. Отцовскіе побои были не въ диковину Ольгѣ, но на этотъ разъ они показались ей почему-то особенно обидными. Отъ прѣжняго раздумья, ѣхать или нѣтъ въ Америку, не осталось и слѣда. Ольга рѣшилась бѣжать во что бы то ни стало, а тамъ будетъ, что будетъ. Улучивъ удобную минуту, Ольга поспѣшила на сѣноваль и передала Яну, какъ объ успѣшномъ выполненіи своего плана для пріобрѣтенія денегъ, такъ и о своемъ непремѣнномъ желаніи ѣхать какъ можно скорѣй въ Америку. Янъ, узнавъ, что деньги на побѣгъ есть, не помнилъ себя отъ радости и уже строилъ воздушныя замки, какъ они устроятся своимъ хозяйствомъ, какъ хорошо будутъ жить не нуждаясь ни въ чемъ, въ странѣ, гдѣ не бываетъ зимы, гдѣ все дешево и гдѣ денегъ куры не клюютъ. Крикъ пьянаго корчмаря, бушевавшаго на дворѣ, разсѣялъ воздушныя замки молодыхъ людей, напомнивъ имъ, что они не въ Америкѣ, а на постояломъ дворѣ, на сѣновалѣ. Надо было придумать, какъ уйти незамѣтно и въ какую сторону отправиться, чтобы добраться до Америки. Янъ слышалъ,

что, прежде чѣмъ попасть въ Америку, надо уйти за границу, но какъ это сдѣлать—положительно не знаетъ. Кромѣ того, нужно же имѣть и видъ, не то какъ разъ попадешься. А гдѣ взять паспорта? Долго ломая голову надъ этими неразрѣшимыми вопросами, молодые люди пришли къ такому заключенію. Ольга останется на постояломъ дворѣ и соберетъ незамѣтнымъ образомъ свои пожитки, а Янъ, когда стемнѣетъ, пойдетъ въ еврейскую корчму, стоящую неподалеку. Еврей Борухъ, сидѣлецъ корчмы, былъ прежде его пріятелемъ, и вѣрно не откажетъ въ добромъ совѣтѣ. А что Борухъ отлично знаетъ, какъ поступить въ такихъ обстоятельствахъ, то это вѣрно; не даромъ же онъ еврей.

Ольга дала Яну только пятьдесятъ рублей на устройство нужныхъ приготовленій, оставивъ остальные деньги у себя, для вѣрности, на случай, что съ Яномъ можетъ что-нибудь случиться, да чтобы и самъ онъ не вздумалъ, по ея выраженію, наострять лыжи. Дѣйствительно, Борухъ, съѣздивъ въ уѣздный городъ, обдѣлалъ дѣло какъ нельзя лучше. Досталъ видъ, выданный на имя какого-то мѣщанина съ женою. Яну часто приходилось видѣть паспорта въ конторѣ экономіи, и онъ отлично знаетъ, по какимъ документамъ можно безпрепятственно проживать въ Россіи и при ихъ же помощи укрываться отъ полиціи. Рассмотрѣвъ доставленный Борухомъ паспортъ, онъ удостовѣрился, что примѣты значились въ немъ самыя подходящія; подписи и печати были въ полнѣйшемъ порядкѣ, такъ что не могло и въ голову придти заподозрить правильность документа. Кромѣ того, Борухъ доставилъ Яну подробный маршрутъ до Гамбурга, съ обозначеніемъ городовъ, гдѣ надо брать билеты желѣзной дороги, и стоимость ихъ на русскія деньги.

Дождавшись вечера, Янъ въ сопровожденіи Боруха, взявшагося доставить бѣглецовъ на ближайшую станцію желѣзной дороги, подъѣхалъ къ постоялому двору Ольгинаго отца и свистнулъ какъ обыкновенно, чтобы дать знать о своемъ пріѣздѣ Ольгѣ. Пока Янъ устраивалъ дѣла съ евреями, Ольга собрала незамѣтнымъ образомъ свои платья, нѣкоторыя принадлежащія ей вещи, между прочимъ лубочныя картинки, украшающія теперь стѣны ея комнаты въ вентѣ, уложила все это въ свой сундукъ и выставила его въ сѣни, причемъ устроила все такъ, что домашнимъ ея сборы не показались подозрительными.

Отправляясь спать въ кѣльи, она сказала своимъ, что пойдетъ съ утра на рѣчку мыть свои платья, потому чтобы ее не искали. Услыхавъ сигналъ Яна, Ольга отворила комнатку, запертую на ночь; Янъ вынесъ сундукъ и, помѣстившись съ Ольгой

на фурманѣ Боруха, поѣхалъ, прочь отъ постоялаго двора съ быстротою, возможною для двухъ толстыхъ клячъ еврея-корчмара. Не жалко было Ольгѣ разставаться навсегда съ мѣстами, гдѣ она провела свое дѣтство. Впереди гремѣлось ей заманчивое будущее. Всплахнула она немного при воспоминаніи о матери, отъ которой уѣхала не простившись. Затѣмъ, казалось, не было ничего, что могло бы возбудить сожалѣніе о прошломъ.

Безъ хлопотъ доѣхали бѣглецы до границы. Правда, безпокойно забилось сердце у обоихъ, когда на одной изъ станцій рослый жандармъ съ огромными бакенбардами сказалъ, чтобы идущіе приготовили свои виды. Не сповойно было на душѣ, пока какой-то офицеръ или чиновникъ просматривалъ ихъ паспорта и откидывалъ на немъ что-то. Первый осмотръ прошелъ благополучно; затѣмъ слѣдующіе уже не причиняли такого страха. При царствовавшемъ въ то время безпорядкѣ, бѣглецамъ не представлялось большихъ затрудненій проскользнуть за-границу и добраться до желѣзной дороги въ Пруссіи. Имѣя подробный маршрутъ, они знали какъ доѣхать до Гамбурга. Но все-таки, владѣя только русскимъ и польскимъ языками, они могли бы попасть въ затруднительное положеніе, если-бы счастье не благопріятствовало имъ. Въ вагонѣ они замѣтили двухъ молодыхъ людей, говорившихъ по-польски. Оказалось, что это такіе же повстанцы, увлеченные сначала въ мятежъ и потомъ бѣжавшіе изъ бандъ и попавшіе между двухъ огней. Они тоже направлялись въ Америку. Владѣя нѣмецкимъ языкомъ и снабженные рекомендаціями къ землякамъ, живущимъ за-границей, эти два молодые человека были поставлены въ несравненно лучшее положеніе, чѣмъ Янъ и Ольга. Послѣдняя сообразила, что молодые люди могутъ быть очень полезны и сумѣла заинтересовать ихъ, такъ что скоро было рѣшено ѣхать въ Америку вмѣстѣ.

Въ Гамбургѣ компанія бѣглецовъ остановилась у какого-то поляка изъ Познани, содержавшаго что-то въ родѣ харчевни. Хозяинъ устроилъ имъ все для отъѣзда, и съ первымъ же пароходомъ всѣ четверо отправились на ту сторону океана. Видъ большихъ городовъ Германіи, обработанныхъ полей, разстилавшихся по обѣ стороны желѣзной дороги, по которой поѣздъ несъ Ольгу, не оглушавшуща изъ родныхъ мѣстъ, гдѣ пахатныя поля едва видѣлись, окруженныя болотами и лѣсными зарослями, не могъ не зародить въ дѣвущей мысли, что людямъ въ этой странѣ живется лучше, чѣмъ на ея родинѣ. Услыхавъ же, что, несмотря на видимый достатокъ, изъ понравившейся ей мѣстности ежегодно множество людей переселяется въ Америку, гдѣ еще не-

сравненно лучше, она не могла не составить себѣ самаго привлекательнаго будущаго въ этой далекой странѣ. Розовыя надежды не покидали ее и во время переѣзда черезъ океанъ, въ душномъ междупалубномъ пространствѣ, и придавали ей бодрость переносить морскую болѣзнь, отъ которой сильно страдали какъ она, такъ и Янъ.

Наконецъ, по прибытіи парохода въ Нью-Йоркъ, пассажировъ выгрузили въ Кастель-Гарденъ, переписали и опросили куда они намѣрены отправляться дальше. Четыре эмигранта изъ Россіи заявили желаніе пробыть нѣсколько времени въ Нью-Йоркѣ, чтобы осмотрѣться. Отыскавъ рекомендованнаго двумя спутникамъ земляка, поляка, содержащаго лоджингъ-гаузъ, на Battery Place, эмигранты помѣстились у него. Отдохнувъ отъ длинной дороги, Ольга стала всматриваться во все окружающее ее. Суета и движеніе на улицахъ, невиданныя ею прежде, производили на нее какое-то одурающее впечатлѣніе. Но, привыкнувъ и обглядывшись нѣсколько, она съ своею женскою пытливостію сразу замѣтила то, съ чѣмъ знакомятся только со временемъ эмигранты изъ Европы.

За прилично одѣтой толпой, сновавшей по улицамъ, гдѣ всякій прохожій имѣлъ видъ богатаго барина, она увидѣла тѣ несчастныя личности, которыя населяютъ прилегающія къ площади улицы и, стыдясь своихъ лохмотьевъ, прячутся днемъ и выползаютъ изъ своихъ конуръ вечеромъ. Значить, не всѣмъ живется хорошо въ прославленной Америкѣ, если возможна такая нищета, о которой она до сихъ поръ не имѣла понятія.

Хозяинъ, у котораго остановились эмигранты, былъ настолько добросовѣстенъ, что, не скрывая истины, сообщилъ имъ, что въ Америкѣ работающему, экономному человѣку жить хорошо, а лѣнтяю нигдѣ не приходится такъ худо, какъ здѣсь. Сказалъ также, что эмигрантамъ, незнающимъ англійскаго языка, непременно придется круто на первыхъ порахъ, и только откинувъ европейскія привычки, можно стать на твердую почву.

Ольга вполнѣ поняла добросовѣстность словъ хозяина.

Не то было съ молодыми мужчинами. Узнавъ, что даже простой чернорабочій получаетъ огромную поденную плату, они, со свойственною эмигрантамъ заносчивостію, полагали, что ихъ, занимавшихъ въ отечествѣ положеніе несравненно высшее, чѣмъ чернорабочій, примутъ здѣсь съ распростертыми объятіями и считали свою будущность обезпеченною.

Два спутника нашихъ эмигрантовъ, заранѣе радуясь своимъ будущимъ заработкамъ, принялись пропивать деньги, привезен-

нии съ собою. Въ нѣмъ присоединился-было и Янъ, но Ольга удержала его, употребивъ все свое вліяніе, и уговорила отложить кутежъ до того времени, когда они устроятся на новомъ мѣстѣ. Какъ ни не хотѣлось Яну отстать отъ товарищей, пришлось уступить. Послушавшись совѣта хозяина, онъ пробовалъ искать какого-нибудь занятія. Какъ сынъ управляющаго имѣніемъ въ Россіи, онъ, разумѣется, не зналъ никакого ремесла и никогда не работалъ черную работу. По незнанію языка, невозможно ему было принскать болѣе легкаго занятія. Напрасно въ теченіи цѣлой недѣли бѣгалъ онъ по городу въ мѣста, гдѣ, судя по газетнымъ объявленіямъ, нуждались въ рабочихъ, напрасно просиживалъ цѣлые дни въ Кастель-Гарденѣ, рассчитывая, что кто-нибудь найметъ его, — не только прибыльнаго занятія, даже никакой черной работы для него не находилось.

Пока Янъ безуспѣшно искалъ какого-нибудь дѣла, а другіе два эмигранта пили и бахвалились своею будущностью, возбуждая сдержанныя улыбки и пожатіе плечъ въ прочихъ посѣтителяхъ лоджингъ-гауза, Ольга не дремала. Воспользовавшись тѣмъ, что хозяйка лоджингъ-гауза, американка, понимаетъ немного по-польски, она старалась вступать съ нею въ разговоръ. Потомъ, приходя въ кухню, гдѣ стрипала хозяйка, бранясь и ссорясь съ безпрестанно перемѣнявшимися работницами изъ эмигрантокъ, Ольга предлагала свою помощь какъ-бы отъ нечего дѣлать. Работа спорилась въ привычныхъ сильныхъ рукахъ. Мало-по-малу помощь Ольги стала необходима хозяйкѣ, которую еще больше бѣсили неповоротливость и капризы эмигрантокъ, рассчитывавшихъ въ Америкѣ играть роль барынь, а вовсе не кухарничать. Хозяйка сильно привязалась къ работающей Ольгѣ, значительно облегчавшей ей работу. Черезъ нѣсколько времени, когда одна изъ работницъ, особенно разсердившая хозяйку, отошла, пробывъ въ услуженіи всего дня два, содержательница лоджингъ-гауза предложила Ольгѣ вступить къ ней въ услуженіе, предлагая готовый столъ и квартиру, какъ Ольгѣ, такъ и Яну, и плату по два доллара въ недѣлю. Ольга, разумѣется, согласилась; ей только это и нужно было. Хотя два доллара въ недѣлю не великіе деньги, но по крайней мѣрѣ ей и Яну не придется на первыхъ порахъ проживать свои деньги, которыхъ, благодаря экономіи въ дорогѣ, осталось триста пятьдесятъ рублей, извѣстныхъ Яну, да чопыреста скрытыхъ отъ него Ольгою.

Съ удвоенной энергіей принялась Ольга за работу. Вслушиваясь въ чуждые ей звуки англійскихъ словъ, она просила хозяйку повторять ей по нѣскольку разъ одно и то же слово, за-

поминала его, благодаря отличной памяти, и стала мало-по-малу сперва понимать, а потомъ, хотя съ трудомъ, и объясняться по-англійски. Хозяйка не могла нахвалиться своей прислугой и даже по вечерамъ охотно учила Ольгу читать и писать. Эта наука шла туго, но все-таки съ каждымъ днемъ подвигалась все впередъ и впередъ. Молодые люди, прѣбывавшіе съ Телецкими въ Америкѣ, поздорили изъ-за чего-то съ хозяиномъ и переехали на другую квартиру. Несмотря на старанія самого Яна и хозяина лоджингъ-гауза, желавшаго ему помочь, никакого занятія молодому человѣку не находилось. Всему было помѣхою незнаніе англійскаго языка. Наконецъ, хозяинъ пришелъ къ заключенію, что чѣмъ терять время въ напрасныхъ поискахъ, для Яна лучше всего отправиться на Уардъ-Эйлендъ, въ рабочій домъ, устроенный эмигрантскою комиссіей. Тамъ представлялась возможность выучиться не только англійскому языку, но еще и какому-нибудь ремеслу. Какъ ни обидно было для самолюбія молодого племича идти въ рабочій домъ, а дѣлать было нечего.

Около шести мѣсяцевъ пробылъ Янъ на Уардъ-Эйлендѣ, гдѣ усердно посѣщалъ школу, нарочно устроенную для обученія эмигрантовъ англійскому языку, работалъ на огородѣ и въ свободное время учился сапожному ремеслу. Сначала онъ пробовалъ было сдѣлаться каменщикомъ, такъ какъ это занятіе лучше другихъ оплачивается въ Америкѣ, но, не обладая достаточной физической силой и привычкой къ усиленной работѣ, предпочелъ не требующее такого напряженія мускуловъ сапожное ремесло.

Хотя порядкомъ, царствовавшій въ администраціи и внутренней жизни рабочаго дома, по словамъ Яна, далеко не соответствовалъ прекрасному впечатлѣнію, производимому имъ на посѣтителей, довольствующихся поверхностнымъ обзоромъ заведенія, все-таки это полезное учрежденіе эмигрантской комиссіи спасло не одного бѣдняка-эмигранта отъ неминуемой гибели.

Янъ скоро заслужилъ расположеніе надзирателей, и настолько научился и привыкъ работать, что количество производимой имъ работы стало превышать расходи на его содержаніе. Этотъ излишекъ заработка, согласно правиламъ рабочаго дома, долженъ былъ поступать въ собственность Яна. Половина удерживалась до выхода изъ рабочаго дома, а другая выдавалась на руки тотчасъ же. Воскресенье, послѣ недѣльнаго труда, Янъ проводилъ въ лоджингъ-гаузѣ, хозяинъ котораго вихлопалъ ему право отлучаться по праздникамъ изъ рабочаго дома.

Въ этотъ первый періодъ пребыванія въ Америкѣ самолюбіе и гордость Яна подвергались такому испытанію. Ему досаж-

дан — то высокомеріе, то насмѣшливое пренебреженіе, съ которыми относились къ нему эмигранты, бывавшіе въ лоджингъ-гаузѣ. Особенно не щадили его насмѣшками прежніе его спутники, часто встрѣчавшіеся съ нимъ. Впрочемъ, къ зимѣ его самолюбіе могло успокоиться, такъ какъ оба насмѣшника тоже попали въ рабочій домъ, но уже не по свободному желанію, а вслѣдствіе крайности, до которой дошли, пропивъ свои деньги и не находя никакого занятія. Одному изъ знакомыхъ хозяина, содержателю пивного салона, понадобился баркеперъ, или помощникъ, могущій вести торговлю во время отлучекъ хозяина изъ салона. Считая Яна способнымъ занять эту должность, хозяинъ лоджингъ-гауза отреккомендовалъ его, и Янъ, выйдя изъ рабочаго дома, гдѣ ему пришлось получить около шестидесяти долларовъ, вступилъ въ отправленіе своей новой обязанности. Кромѣ содержанія, онъ получалъ сорокъ долларовъ въ мѣсяцъ.

Съ годъ прожили Янъ и Ольга у своихъ хозяевъ. Все это время они всматривались въ окружающую ихъ новую обстановку, стараясь не терять ни минуты свободного отъ работы времени, чтобы запасть какимъ-либо полезнымъ знаніемъ. Природная симпатичность и понятливость помогли имъ. Они скоро освоились съ англійскимъ языкомъ. Янъ сдѣлался ловкимъ баркеперомъ. Кромѣ сложнаго ремесла, научился шить перчатки и дѣлать сигары. Ольга выучилась готовить кушанье, стирать тонкое бѣлье и шить на швейной машинѣ.

Положеніе прислуги, которое они занимали, перестало удовлетворять эмигрантовъ. Имъ хотѣлось непременно обзавестись своимъ хозяйствомъ. Понимая, что для исполненія этого желанія недостаточно ихъ денежныхъ средствъ, они рѣшились во что бы то ни стало заработать побольше денегъ. Янъ пробовалъ наниматься на сапожную и перчаточную фабрику, пробовалъ заниматься мелочной торговлей въ разность; разносилъ пиво въ большіе салоны; однимъ словомъ, перепробовалъ множество различныхъ занятій. Ольга тоже перемѣнила нѣсколько мѣстъ. Побывала и въ прачешномъ заведеніи, и кухаркой, и продавщицей цѣтовъ. Но всѣ эти занятія, несмотря на кажущуюся выгодность, не особенно быстро подвигали ихъ къ задуманной цѣли. Запасной капиталъ росъ чрезвычайно медленно. Неожиданный случай вывелъ Телецкихъ изъ разряда нью-іорскихъ пролетаріевъ, неизмѣнныхъ постояннаго опредѣленнаго занятія, а работающихъ что и когда случится.

Янъ, разнося пиво, въ одномъ изъ салоновъ встрѣтилъ своего бывшаго хозяина и разговорился съ нимъ. Оказалось, что хо-

зяинъ продалъ свое заведеніе и перебирается въ Техась, гдѣ получилъ въ наслѣдство хорошо устроенную ферму и пивной салонъ въ Престонѣ. Намѣреваясь заняться исключительно хозяйствомъ на фермѣ, онъ не зналъ что дѣлать съ салономъ въ Престонѣ. Зная Яна, какъ честнаго малаго, онъ предложилъ ему перебраться въ Престонъ и взять въ аренду пивной салонъ.

Янъ и Ольга не разъ слышали о дальнемъ западѣ, и мечтали какъ-нибудь перебраться туда. Только страхъ потерять обезпеченный заработокъ въ Нью-Йоркѣ, не имѣя въ виду ничего опредѣленнаго на западѣ, удерживалъ ихъ въ этомъ городѣ. Эмигранты не заставили себя два раза повторять предложеніе, и перебрались въ Техась. Разсказъ прежняго хозяина Яна оказался справедливымъ. Салонъ находился на выгодномъ, бойкомъ мѣстѣ. Правда, ежедневный расходъ на него былъ великъ, но за то и выручка получалась хорошая. Владѣлецъ салона отдалъ его въ аренду Яну и Ольгѣ не за опредѣленную ежемѣсячную плату, а изъ доли чистой выручки. Сначала дѣла эмигрантовъ пошли хорошо. Посѣтители, привыкшіе издавна ходить въ этотъ салонъ, продолжали посѣщать его несмотря на перемѣну хозяевъ. Въ первый мѣсяцъ очистилось съ салона, за покрытіемъ всѣхъ затратъ, болѣе пятисотъ долларовъ. Во второй мѣсяцъ выручка была значительно менѣе, а на третій едва свели концы съ концами.

Трудно опредѣлить причину упадка торговли. Были ли эмигранты недостаточно опытные, чтобы угодить посѣтителямъ, сумѣли ли другіе содержатели салоновъ переманить посѣтителей къ себѣ, была ли еще какая причина, но только день ото дня салонъ сталъ пустѣть все больше и больше. А тутъ пошли разныя несчастія, одно за другимъ. Должники отказались платить за отпущенное въ долгъ пиво. Нѣсколько кѣкъ пива пропало. Недобросовѣстный торговецъ отпустилъ значительное количество дурной виски, которую никто не хотѣлъ пить. Между тѣмъ, безпрестанно надо было платить значительныя суммы, то за право торговли, то за воду и газъ, то штрафы за несоблюденіе нѣкоторыхъ правилъ и постановленій, за исполненіемъ которыхъ никто не думалъ наблюдать во время процвѣтанія салона. Деньги, скопленные Телецкими, ушли всѣ. Явились долги. Много горькихъ минутъ пережили эмигранты въ это непріятное время.

Хозяинъ, неполучавшій нѣсколько мѣсяцевъ дохода съ салона, сталъ приписывать упадокъ торговли, глѣни и нерадивости арендаторовъ. Онъ сдѣлался чрезвычайно дерзокъ и притязателенъ, позволялъ себѣ не разъ говорить имъ грубости и наво-

накѣ объявилъ, чтобы они очистили занимаемое ими помѣщеніе и убирались куда знаютъ. Съ трудомъ удалось Телецкимъ уговорить хозяина переѣхать свое рѣшеніе. Но продолжать дѣла на прежнихъ условіяхъ онъ не хотѣлъ и объявилъ, что не иначе оставить ихъ въ своемъ домѣ, какъ если они будутъ платить ему ренту въ 30 долл. за мѣсяцъ, а за тѣмъ могутъ пользоваться всѣми барышами, если таковые окажутся. Не согласиться на какое бы то ни было требованіе хозяина было нельзя изъ страха кредиторовъ. Но откуда взять 30 долл. въ мѣсяцъ, когда салонъ приносилъ вдвое больше убытку. Янъ потерялъ голову и не зналъ какъ быть, и только хладнокровіе Ольги спасло ихъ отъ конечнаго разоренія. По ея совѣту, Телецкіе сократили насколько возможно расходы по содержанію салона, продали съ убыткомъ негодную виски и запаслись хорошимъ ромомъ, рассчитывая привлечь падкихъ на этотъ напитокъ ирландцевъ.

Убравъ лишніе столы и стулья, уничтоживъ разнообразный lunch и замѣнивъ его дешевой колбасой и хлѣбомъ, они обратили салонъ въ такъ-называемый Simple Room или, попросту, кабакъ, для грубыхъ рабочихъ изъ ирландцевъ, которые мало-по-малу и стали посѣщать это заведеніе. Кромѣ того, Ольга взялась шить фланелевыя рубашки для одного торговаго дома, отправлявшаго ихъ въ преріи. Янъ принялся за починку сапогъ, но скоро оставилъ это, приносящее ничтожную пользу занятіе и, купивъ себѣ машинку, сталъ шить кожаное платье для того же торговаго дома, для котораго Ольга шила рубашки. Времени для работы было достаточно, такъ-какъ посѣтители, преимущественно чернорабочіе и землекопы, приходили пить по вечерамъ.

Благодаря переѣмѣнѣ торговли и усиленной работѣ, дѣла пошли лучше. Въ два мѣсяца не только уплачена была рента, но и всѣ долги. Отъ торговли въ третій мѣсяцъ осталось уже въ кассѣ около двухъсотъ долларовъ барыша. Полоса несчастія повидимому прошла. Счастіе стало снова улыбаться эмигрантамъ. Рабочіе полюбили кабакъ и охотно оставляли въ немъ свои заработки. Въ это время въ окрестностяхъ Престона и въ самый городъ пришелъ отрядъ арміи сѣверныхъ штатовъ. Нѣсколько солдатъ зашли случайно въ заведеніе эмигрантовъ. Ольга тотчасъ смекнула, что надо задобрить этихъ гостей, поставила побольше lunch изъ имѣвшароса у нея въ кладовой запаса, угостила отличнымъ ромомъ и коньякомъ, хранившимся на всякій случай для посѣтителей почище, и вполне расположила солдатъ въ свою пользу. Солдаты не преминули сообщить своимъ товарищамъ о дешевой кабакѣ и пріятливой хозяйкѣ, и съ того времени кабакъ

быть съ утра до вечера набить солдатами. Вводя мало-по-малу оставленных на время улучшения, Ольга опять обратила кабакъ въ салонъ. Слѣдуя примѣру военныхъ, и городскіе джентльмены стали заходить въ салонъ, преимущественно нѣмцы, чтобы потолковать съ земляками изъ солдатъ. Торговля шла бойко. Едва успѣвали запастись пивомъ и крѣпкими напитками. Въ полтора мѣсяца очистилось около пяти тысячъ долларовъ. Съ уходомъ войскъ доходъ значительно уменьшился, но посѣтителей все-таки бывало довольно: все въ мѣсяцъ оставалось триста-четыре-реста долларовъ.

Прочувенные опытомъ, Янъ и Ольга тщательно изучали привычки посѣтителей, выбивались изъ силъ, чтобы угодить имъ и употребляли всевозможныя средства, чтобы привлечь новыхъ гостей. Принаровнившись нѣсколько, Ольгѣ было не трудно возбуждать посѣтителей къ затратамъ. Вѣдь не даромъ же ей приходилось учиться этому ремеслу на постояломъ дворѣ въ Россіи; но тамъ она имѣла дѣло съ несчастнымъ нищимъ мужикомъ, пропивающимъ нѣсколько грошей заработка, нужныхъ и на хлѣбъ семьѣ, и на повинности, и на многое другое. Понятно, онъ неохотно расстаётся съ своими кровью и потомъ добытыми деньгами и не вдругъ раскошеливается. Въ Америкѣ не то. Здѣсь всякій до послѣдняго рабочаго всегда имѣетъ въ карманѣ нѣсколько свободныхъ долларовъ, пропивъ которые, онъ и не думаетъ жалѣть о нихъ, такъ какъ въ виду есть возможность опять заработать порядочно денегъ. Поэтому возбуждать къ бутежу богатыхъ американцевъ, посѣщавшихъ салонъ, было гораздо легче, чѣмъ русскихъ крестьянъ; выручка была больше, да и не такъ совѣстно.

Между посѣтителями, состоявшими изъ постоянныхъ жителей Престона и прїѣзжихъ на время изъ сосѣднихъ фермъ, стали появляться личности, рѣзко отличающіяся отъ обычныхъ гостей салона. Небритые, съ загрубѣлыми отъ солнца и непогоды лицами, джентльмены въ кожаномъ платьѣ, въ широкополыхъ кожаныхъ шляпахъ, въ неуклюжихъ плохихъ сапогахъ полюбили салонъ Ольги и во время своихъ прїѣздовъ не пропускали случая покутить въ немъ. Несмотря на то, что вообще жители Техаса не отличаются такою щеголеватостью, тѣмъ лоскомъ, присущимъ американцамъ восточныхъ штатовъ, но и сами тыхасцы, несмотря на небрежность костюма и размашистость манеръ, показались франтами сравнительно съ новыми гостями, пришельцами изъ прерій.

Ольга сначала боялась ихъ и думала даже не пускать ихъ въ салонъ, особенно замѣтивъ, что остальные гости держались

еще дальше отъ вновь прибывшихъ. Но убѣдившись, что широкіе кожаные пояса авантюристовъ набиты иглами, переходящими съ необычайною быстротою къ ней въ кассу, помирилась съ новыми гостями, несмотря на ихъ непривлекательную наружность. При дальнѣйшемъ знакомствѣ она убѣдилась, что авантюристы народъ совсѣмъ хорошій и что каждый изъ нихъ стоитъ не крайней мѣры десятка горожанъ. Правда, иногда, выпивъ не въ мѣру, жители преріи поднимали невообразимый шумъ и причиняли не мало беспокойства, но за подобныя нарушенія порядка всегда расчитывались щедро. Вообще же вели себя довольно смирно. Во время ссоръ между собою дѣло не доходило до кровавыхъ расправъ, такъ какъ, благодаря предусмотрительности городской полиціи, авантюристовъ, въѣзжавшихъ въ городъ, приглашали оставлять гдѣ-нибудь свое оружіе. Слѣдствіемъ знакомства съ авантюристами было то, что содержателями салона овладѣло желаніе перенести свою торговлю изъ города въ такую мѣстность, гдѣ имѣется побольше такихъ выгодныхъ посѣтителей какъ рыцари пустыни.

Наученные опытомъ, Янъ и Ольга не бросились сразу на выполнение своего новаго намѣренія. Нѣсколько мѣсяцевъ собирали они свѣдѣнія объ условіяхъ торговли, на границахъ. Янъ, подружившись съ нѣкоторыми авантюристами, отлучался самъ нѣсколько разъ въ прерію; проѣхавъ по всей границѣ Техаса и Индіанъ-Территори, чтобы собственными глазами убѣдиться въ выгодахъ и невыгодахъ переселенія въ эти не совсѣмъ безопасныя мѣстности. Развѣдки и побѣдки еще болѣе утвердили Телецкихъ въ ихъ намѣреніи; и какъ только до нихъ дошелъ слухъ, что одинъ изъ содержателей пограничной венты хочетъ продать свое заведеніе и отправиться къ старости на покой съ достаточнымъ количествомъ добытыхъ торговлею долларовъ, Янъ поспѣшилъ купить ее. Приведя въ порядокъ счета и сдавъ салонъ по принадлежности, Янъ и Ольга перебрались въ собственную венту.

Счастье особенно благопріятствовало нашимъ переселенцамъ. По истеченіи года ветхая постройка венты была возобновлена и приведена въ тотъ видъ, въ какомъ я засталъ ее.

Къ торговлѣ яркими напѣтками Янъ присоединилъ мѣсной торгъ съ цвѣтными скотовладѣльцами и индійцами, для чего ѣздилъ въ прерію. Все время содержанія венты дѣла шли превосходно; деньги сыпались со всѣхъ сторонъ и капиталъ Телецкихъ росъ не по днямъ, а по часамъ.

Но, несмотря ни на удачу, ни на удобства, которыми могли себя окружить Янъ и Ольга и о которыхъ не смѣли бы мечтать,

оставался на родинѣ, жизнь въ Америкѣ имъ не совсѣмъ нрави-
лась. Эмигрантовъ тянуло неотразимо на далекую родину. Все,
что сколько-нибудь могло напоминать домъ, было дорого имъ.
Это стремленіе въ родинѣ отразилось и на обстановкѣ, которою
околожили себя эмигранты. При перестройкѣ венты они старались
сдѣлать ее похожею на нашу постоянный дворъ. Свою комнату
Ольга убрала совершенно какъ на родинѣ. Исполнить эту при-
хоть Ольгѣ помогъ случай.

Еще во время своей жизни въ Престонѣ, она зашла въ
одной знакомой содержательницѣ лоджигъ-гауза и застала ее въ
кладовой. Большой самоваръ, нѣсколько образовъ въ потемнѣлыхъ
ризахъ, валявшіеся въ углу въ перемежку съ разнымъ хламомъ,
привлекли на себя вниманіе Ольги. Оказалось, что это позитивы
какого-то постояльца, умершаго нѣсколько лѣтъ назадъ въ лод-
жигъ-гаузѣ. Хозяйка охотно согласилась уступить за безцѣноку
эти, по ея мнѣнію, ни для чего ненужныя вещи, и Ольга сдѣлалась
обладательницей образовъ, самовара и лубочныхъ картинокъ. Богъ
вѣсть какими судьбами попавшихъ въ Техасъ и служащихъ те-
перь существеннымъ украшеніемъ венты.

Желаніе возвратиться на родину съ каждымъ годомъ все
все больше и больше беспокоило Телецкихъ и они рассчитывали,
собравъ побольше денегъ, возвратиться въ Россію. Не знаю,
удастся ли нашимъ эмигрантамъ исполнить эту мечту. Или
же, быть можетъ, они увлекутся наживаніемъ денегъ, свѣ-
дуются съ окружающимъ ихъ и сдѣлаются, подобно тысячамъ
другихъ эмигрантовъ, гражданами штатовъ, гдѣ и проведутъ всю
жизнь, откладывая съ года на годъ осуществленіе своего всегдаш-
няго намѣренія хотя временно побывать въ родныхъ мѣстахъ.

Послѣ двухнедѣльнаго моего пребыванія въ вентѣ земляковъ,
мнѣ не случилось больше съ ними встрѣчаться.

Согласно обѣщанію, м-ръ Максъ пріѣхалъ въ венту въ со-
провожденіи двухъ мясниковъ, которымъ и былъ проданъ при-
гнанный нами изъ преріи скотъ. Этой продажей мы избавились
отъ возни доставлять скотъ по желѣзной дорогѣ, и успѣли
снова возвратиться въ преріи.

Не могу сказать, что я покинулъ венту, гдѣ меня приняла
такъ радушноземлячка и гдѣ мнѣ такъ живо напомнилась далекая
родина, съ большимъ сожалѣніемъ. Протолевшись долгое время
среди чужихъ людей, выросшихъ при совершенно другихъ усло-
віяхъ, пріятно встрѣтитъ что-либо знакомое, родное; но, въ общемъ,
мое пребываніе у Телецкихъ оставило во мнѣ довольно тяжелое впе-
чатлѣніе. Конечно, я не могъ не радоваться тому, что Ольгѣ повезло

въ Америкѣ, что ей удалось, миновавъ разныя затрудненія, устроить свои дѣла и даже нажить состояніе. Но меня непріятно поразило то обстоятельство, что, окунувшись въ кипучую американскую дѣятельность, она оказалась способною только научиться наживать деньги. Другія высшія стороны жизни не произвели на нее ровно никакого впечатлѣнія, сдѣлали по ней, если можно такъ выразиться, не оставивъ по себѣ никакого слѣда, даже совершенно не замѣченныя ею. Какъ была Ольга корчмаркою въ Россіи, такъ и осталась такой же корчмаркою въ Америкѣ; съ тою только разницею, что въ Россіи приходилось всѣми правдами и неправдами сколачивать гроши, а въ Америкѣ—доллары и иглы. Деньги какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ были конечною цѣлью. Невольно сравнивалъ я Ольгу съ владѣльцами другой венты въ Индіанъ-Территорріи. Тамъ тоже сбивали деньги и тѣмъ же способомъ, какъ и Ольга, но для нихъ пріобрѣтеніе денегъ не составляло конечную цѣль жизни. Деньги нужны были какъ средствомъ для достиженія другихъ, болѣе высшихъ цѣлей, которыя придавали всей ихъ дѣятельности нравственное значеніе, вызывали въ ней симпатію.

А. Курвскій.

ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА

ИЗЪ ДЕРЕВЕНСКИХЪ РАЗСКАЗОВЪ О. ЗАВѢТАГО *).

Это такое мѣсто,—самъ Богъ
ему покровительствуетъ.

Гоголь.

I.

Домъ помѣщика Распекалова, въ селѣ Слизнякахъ, издавна отдавался въ наймы. Домъ этотъ долгое время снималъ слизняковскій обыватель, Дерюгинъ, державшій постоянный дворъ и лавочку. Но потомъ Дерюгинъ выписался въ купцы, переселился со всѣмъ семействомъ въ губернский городъ и открылъ тамъ хлѣбную и бакалейную лавку. Распекаловскій домъ запустѣлъ и долго оставался никѣмъ незанятымъ. Наконецъ, въ Слизняки явился незнакомецъ, крестьянинъ сосѣдняго уѣзда, Карпъ Федоровъ Горловъ, съ супругою своею, Домной Степановною, и объявился хозяиномъ запустѣлаго дома.

Горловъ былъ мужчина рослый, плечистый, худощавый, съ продолговатымъ лицомъ, черною, длинною бородою, высокимъ лбомъ, съ нѣскольکو робкимъ, нѣскольکو дикимъ и въ то же время какимъ-то таинственнымъ выраженіемъ въ черныхъ глазахъ. Супруга Горлова была баба мясистая, съ круглымъ, какъ арбузъ, пухлымъ лицомъ, круглыми, бѣлыми, мутными глазами и рѣдкими торчащими рыжими бровями.

Слизняковскіе обыватели, привыкшіе въ теченіи многихъ лѣтъ къ благодушному Дерюгину, съ удивленіемъ взглянули на суро-

*) См. выше: 1876 г., дек., стр. 781: „Чтецъ, пѣвецъ и священосецъ“.

ваго припелца и, являясь къ нему купить мучицы, солицы, се-
жечки, или выпить, внимательно наблюдали, какія цѣны онъ по-
лагаетъ товару.

— Товарецъ-то плоховать у него, — говорили слезняковцы, —
а цѣны вѣнмааетъ настоящія. Какъ можно сравнить его съ Дерю-
гинымъ! Это какой-то неумытый, угрюмый, да нераввязный.

Нѣкоторые изъ слезняковцевъ, наиболѣе недовѣрчивые, пер-
вое время совсѣмъ даже не заглядывали въ магазинъ Горлова,
а доставали себѣ разные припасы въ ближайшемъ уѣздномъ го-
родѣ, или непосредственно, или чрезъ комиссію. Недовѣрчи-
вость къ Горлову, отчасти внушаемая уже вѣншнимъ видомъ и
поведеніемъ его, поддерживалась въ слезняковцахъ еще тѣми
темными слухами, какіе ходили на его счетъ въ первое время
его поселенія въ помѣщичьемъ домѣ. Злостная молва проповѣ-
дывала, напримѣръ, что Горловъ торговалъ печенками въ обжор-
номъ ряду одного города и принималъ краденныя вещи, а жена
его, служившая у одного нѣмца, обобрала своего хозяина, что,
буде-бы, дало Горловымъ возможность снять помѣщичій домъ и
открыть постоя и торговлю.

II.

Припелецъ скоро понялъ свое неловкое положеніе среди ту-
земцевъ и постарался изъ него выйти. Его геній — съ одной сто-
роны, и благопріятныя обстоятельства съ другой, — помогли ему
сдѣлать это наилучшимъ образомъ. Карпъ Федорычъ началъ съ
того, что постарался привлечь на свою сторону вліятельную ин-
теллигенцію прихода — представителей мѣстнаго духовенства. Замѣ-
тилъ онъ, напр., въ отцѣ дьяконѣ слабость къ наизданіямъ, почер-
павшимъ изъ душеполезныхъ книгъ и, подѣ видомъ жажды къ
наизданіямъ, началъ его посѣщать. Разъ вечеромъ, заперши свой
магазинъ, Горловъ отправился къ елейному моралисту.

— Добраго здоровья! — несмѣло проговорилъ онъ, стоя въ
передней и почтительно кланаясь вышедшему въ нему на встрѣчу
отцу дьякону.

— А, пожалуйста, пожалуйста! — возгласилъ отецъ дьяконъ,
подавая гостю руку. — Давно, давно пора бы поближе познако-
миться съ сосѣдомъ, — продолжалъ хозяинъ, таща гостя въ залу.

— Я и радъ бы, — отвѣчалъ Горловъ, — уже усѣвшись на ди-
ванъ, да первое дѣло: недосугъ, а второе дѣло — еще не осмо-
трѣлся по новости. А то, какъ съ вами не познакомиться! Съ

полной душой и великимъ желаніемъ... За жестный долгъ почета должѣнъ, потому—какъ слышенъ я—вы святымъ чтеніемъ и поученіемъ своимъ всякую душу утѣшаете.—Я, сказать вамъ по правдѣ, еще изъ млада благочестіе чтилъ и къ священному великую охоту имѣлъ; но въ тревоженіяхъ неудобно этого соблюсти и исполнить. Эти самыя книги для души у меня и теперь есть. Вотъ, недавно я промежъ себя читалъ объ Іосифѣ прекрасномъ, какъ его, значить, братья продали, а онъ опосля возвысился и какъ прослезился, на братьевъ гляючи, по случаю голода... Это истинно, надо сказать, удивленія достойно. Жена моя навзрыдь плакала, а у самого совсѣмъ подъ горло подкатило. Думаю: Господи, да что-жъ это такое? Откуда такія дѣла Божіи? Что за оказія такая въ природѣ? Ну, что—говорю—жена, хорошо?—Молчи, говорить, не надрывай лучше; а сама опять такъ и ударится... Кабы все это еще понимать при этомъ,—кажись бы, сытости не зналъ по этой части.

— Вотъ то-то и дѣло-то,—проговорилъ отецъ дьяконъ, заложивъ одну руку за спинку стула.—Вотъ что значить вѣра: не вникать, и то жалостно покажется; что же говорить, если вникать, да еще почаше? Съ большимъ удобствомъ можно истиннымъ христіаниномъ сдѣлаться. Если вы имѣете такую охоту къ этому, милости просимъ хоть всегда: кончите дневныя занятія, и сейчасъ ко мнѣ. У меня много божественнаго и поучительнаго, и я больше всего люблю читать при другихъ. Вотъ и начнемъ, благословясь. Я хотѣлъ къ этому приохотить своихъ сельскихъ... да народъ очень грубый: ничего не подѣлаешь. Я радъ теперь, что хоть съ вами буду душу отводить: и мнѣ будетъ пріятно, и вамъ не бесполезно. Да вы и супругу свою водите съ собою, если у ней такое благое направленіе.

— Нѣтъ, ужъ супругу можно отъ этого уволить: за домомъ некому смотрѣть,—изъяснилъ Карпъ Федорычъ.—Я лучше ей самъ расскажу послѣ, что почувствительнѣй и для ней сподручнѣй...

— Ну, такъ и быть,—заклучилъ отецъ дьяконъ:—будемъ наслаждаться вдвоемъ. Я вотъ сейчасъ читалъ житіе Павла и Юліанія. Я ужъ порядочно-таки прочелъ; но для васъ такъ и быть начну сначала. Поучительная повѣсть!—произнесъ отецъ дьяконъ, присккивая въ Четьи-Минеехъ требуемое житіе. Самое главное здѣсь—Юліанія: какъ она, будучи слабымъ сосудомъ, съ дерзновеніемъ отвѣчала своему мучителю...

— Да-да-да, вотъ что-съ! Такъ-съ. О, Господи, Господи!—умиленно проговорилъ Карпъ Федорычъ.

Пододвинувшись къ столу, онъ глубоко вдохнулъ, сложилъ руи на животѣ и впился глазами въ отца дьякона.

Началось чтеніе.

Отецъ дьяконъ читать съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ, и послѣ каждаго патетическаго мѣста значительно взглядывалъ на своего слушателя. Горловъ наморщился, то-и-дѣло испускалъ глубокіе вздохи и по временамъ подносилъ ситцевый платокъ къ глазамъ.

Съ этого времени у отца дьякона съ Горловымъ заключенъ былъ тѣснѣйшій союзъ дружбы, и Горловъ сдѣлался постояннымъ и самымъ желаннымъ его посѣтителемъ.

Покоривъ сердце отца дьякона, Карпъ Ѳеодорычъ закинулъ сіи для уловленія и другихъ членовъ сливняковскаго причта. Явившись на праздникахъ въ церковь съ первымъ ударомъ колокола, онъ становился у самаго амвона и во время богослуженія читалъ частые земные поклоны и не рѣдко вслухъ восклицалъ: «Пресвятая Богородица! Помяни Господи священный чинъ». Пройдетъ ли мимо его вереница тарелокъ и кружекъ, онъ кинетъ положить по пятаку, а дьячку громыхнетъ на широкую латинскую тарелку даже двѣ гривны. Пойдутъ ли священники съ ладаномъ кадить по церкви, и здѣсь Карпъ Ѳеодорычъ съумѣетъ играть священный чинъ... Не довольствуясь исправнымъ посѣщеніемъ службъ церковныхъ, Карпъ Ѳеодорычъ началъ устроить частыя молебствія у себя въ домѣ. Закажетъ онъ молебны всѣмъ свѣтлымъ, водосвятіе, нѣсколько акаѣистовъ и даже всеобщую. Служатъ, служатъ ему клирики, часа два служатъ, а онъ все время стоитъ на колѣняхъ и отбиваетъ поклоны.

III.

Стремленіе Карпа Ѳеодорыча всѣми мѣрами расположить къ себѣ клиръ значительно усилилось съ тѣхъ поръ, какъ въ селѣ сливняхъ сдѣлалась свободною должность церковнаго старосты. Въ сливняковской церкви была чудотворная икона, привлекавшая множество богомольцевъ и обогащавшая какъ церковь, такъ и клиръ. Горловъ, какъ человѣкъ практическій, не могъ не сообразить, что ктиторовство при такой церкви есть нѣчто весьма привлекательное во многихъ отношеніяхъ, и возымѣлъ дерзкую мысль сдѣлаться сливняковскимъ ктиторомъ. То-и-дѣло шмыгалъ онъ къ клирикамъ, носилъ гостинцы ихъ «ребятишкамъ», ухаживалъ, льстилъ, хвасталъ, рисовался. Вмѣстѣ съ этимъ онъ

старался смягчить свои отношенія къ прихожанамъ. Интрига Горлова была обдуманна и систематична; въ соучастію въ ней онъ привлекъ и свою богоданную Домну Степановну.

Разъ, сидя за чаемъ, раскраснѣвшаяся и безобразно востѣвшая Домна Степановна, утираясь ситцевымъ фартукомъ, съ сладостной улыбкой проговорила:

— Знаешь ли, хозяинъ, что мнѣ иной разъ въ голову приходитъ?

— Какъ же мнѣ знать? вѣдь приходитъ-то въ твою голову, а не въ мою,—смѣясь отозвался Карпъ Ѳеодорычъ, хотя сразу догадался, что хочетъ сказать жена.

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ, я мекаю вотъ что,—продолжала Домна Степановна:—вотъ, теперича староста-то церковный выбылъ; вотъ, кабы тебѣ... Знатная бы штука вышла. Похлопочи-ка какъ-нибудь; можетъ статья-то и подойдетъ.

— Да я такъ-закажываю около кого слѣдуетъ, только не знаю, чѣмъ это дѣло кончится,—серьезно и таинственно проговорилъ Карпъ Ѳеодорычъ, пригнувшись и потирая руки.—Я не знаю; да хорошо, если бы и ты не упускала пристойной озабоченности въ моей пользѣ,—добавилъ онъ, снова выпрямившись.

— Что же я тутъ могу?—возразила супруга.

— Ты-то? ты многое можешь; еще, пожалуй, ловчѣе меня обдѣлаешь. Ты—баба; это дѣло первое и самое немаловажное. Къ тебѣ ходятъ тоже бабы—вдѣшнія, сельскія. Вотъ ты и старайся ихъ приклонить къ себѣ, всячески, всѣми манерами и способами старайся. Придетъ къ тебѣ, напримѣръ, баба—ради ли покупки какой, али еще по какой надобности, ты сейчасъ и вини ее. Тары да бары, молъ, Аксиныюшка, или тамъ Авдотьюшка, такая-сякая, сухая-немазаная и прочее; поболтай такъ что-нибудь да и заеми объ старостѣ. Кого-то, молъ, у васъ теперь избираютъ въ церковные старосты... Вамъ, молъ, надлежитъ человѣкъ бывалаго, видалаго, который бы могъ благоглѣпные порядки въ храмѣ завести и на городской манеръ все поставить. Тутъ соври ей, что де-вотъ мой хозяинъ былъ въ городѣ помощникомъ при одномъ старостѣ, понасмотрѣлся-де на самое хорошее и такъ молъ, выдалъ себя передъ обществомъ, что его за благоглѣпныя и настоящіе хотѣли произвести. Послѣ этого прибавь и то, что молъ, городскіе старосты не то, что ваши деревенскіе: въ городахъ, молъ, отъ старосты и прихожанамъ бываетъ помощь большая; и хозяинъ мой то же самое оказывалъ, молъ. Все это ты и подведи бабѣ-то; можешь тамъ и отъ себя что-нибудь прибавить. А какъ баба станетъ уходить, ты ей сейчасъ парочку и

треску бараночекъ: на-ка, моѣ, твоимъ ребятишкамъ гостинца. Дѣѣ, три баранки для тебя дѣло плѣвое, а баба—повѣрь, истуствуетъ. Сейчасъ Авсинья Авдотѣ, Авдотѣ Прасковѣ и—ны разъ все это прославить. Бабы подобьютъ мужиковъ, и вотъ они—бухъ на сходы: никого не хотимъ, кромѣ Карпа Оедорыча! давай намъ Карпа Оедорыча!... И вдругъ—ты старостиха!—одушевленно воскликнуть Карпъ Оедорычъ, хватилъ супругу ладонью по плечу, захохоталъ и быстро вскочилъ со стула.

Домна Степановна вздрогнула, лукаво улынулась и, озаряясь какою-то мыслью, молча покрутила головой.

— А ты какъ же думаешь? Это будетъ самое вѣрное средство,—продолжалъ Карпъ Оедорычъ, ходя по комнатѣ. Ты видишь, какъ я съ мужиками-то сталъ. Вчера Иванъ Хромой приходитъ: «налей». Я говорю: насъ сколько?—«На три копѣйки», говорить. Я ему сейчасъ пятаковый стаканъ и набухалъ. «Что ты?» говорить: «мнѣ только на три»... Я говорю: качай, небось: справился и съ пятаковымъ: прибавки, моѣ, такъ и быть, не потребую... для знакомства... «Этакой, говорить, ты Карпъ Оедорычъ»... А самъ такъ и сіяетъ, такъ и подсказываетъ на своей хромой. Ты думаешь, это даромъ пропадетъ? Нѣтъ, не пропадетъ, вотъ посмотри! И на счетъ другихъ то же самое полагать нужно. Теперь хоть бы этотъ самый огурецъ... Для чего я его придумалъ? Опять для пріятности публикѣ. Вонъ у Ершова мужикъ-то выпьетъ, да своимъ собственнымъ языкомъ и закуситъ. А у меня сейчасъ огурчикъ порѣзанъ для этого случая. Большая раница! Мужикъ ужъ и говорить: пойдѣмъ, говорить, къ Карпу Оедорычу: тамъ, говорить, огурчикъ... Это много значитъ! Это, значитъ, дѣло здорово пойдѣтъ.

IV.

Совокупными усиліями Горюновъ достигли, наконецъ, того, что ихъ планы и надежды двинулись къ осуществленію. Разъ слезливовскіе клирики, идя вмѣстѣ отъ обѣдни, остановились въ церковной оградѣ и завели рѣчь о выборѣ ктитора.

— Что же вы, батюшка, намѣтили кого-нибудь въ ктиторы-то? — началъ дьяконъ: — вѣдь ужъ пора намъ объ этомъ подумать. Этакой храмъ нельзя долго оставлять безъ ховяина.

— Я намѣчалъ, да никакъ не намѣтишь,—отозвался священникъ:—куда ни кинь, все кинь. Мужики-то у насъ неблагонажные. Петръ Петровъ и ничего бы кажется, да заливается по

временамъ. Василій Ермиловъ мужикъ скромный, благонравный; но за то бѣденъ: одну только лошадедку имѣеть; ни то на работу ее употребить, ни то въ городъ погнать по церковной надобности. Я ужъ перебиралъ, перебиралъ... Кого ни возьму, — все какое-нибудь преткновеніе найдется. Не знаю, что и дѣлать.

— Да развѣ непременно нужно *своего* выбрать? Почему бы не выбрать и чужого? — возразилъ дьяконъ.

— Кого же чужого, — спросилъ «батьшка», и почему-то перевелъ глаза съ собесѣдника на стѣну ограда.

— Да вотъ хоть бы Карпа Федоровича, — пояснилъ дьяконъ.

Священникъ капилнулъ, немного подумалъ и, стараясь ни на кого не глядѣть, нѣскольکو пониженнымъ тономъ заговорилъ:

— Приходитъ мнѣ въ голову и Карпъ Федоровичъ... и будь онъ нашъ, его бы, кажется, можно было признать годнымъ для сего. Но, вѣдь, пожалуй, прихожане отринуть, скажутъ: чужой, — мы своего выберемъ. А годенъ-то онъ годенъ, близко подходитъ къ желаемому. Я долго разсуждалъ о томъ, какой намъ нуженъ староста, и рѣшилъ такъ. Намъ нуженъ, во-первыхъ, человѣкъ религіозный, который бы смотрѣлъ на свои обязанности не какъ на пустыя занятія, а какъ на дѣло богоугодное. Во-вторыхъ, намъ нуженъ человѣкъ грамотный, который бы могъ правильно вести счетъ и въ книгахъ подписываться. Въ-третьихъ, намъ нуженъ человѣкъ опытный и расторопный, который бы какъ по церкви, такъ и въ городѣ при большихъ покупкахъ зналъ толкъ во всемъ. Примѣнительно ко всему этому я нахожу, что Карпъ Федоровичъ именно таковой и есть.

— Вотъ и я такого же мнѣнія, — живо подхватилъ отецъ дьяконъ. — На счетъ религіозности, его и сравнить нельзя ни съ кѣмъ изъ нашихъ. Его усердіе въ храму и ко всему причту всѣмъ извѣстно. Возьмите во вниманіе: какъ онъ стоитъ въ церкви, какъ молится! Опять же, эти молебны и всенощныя частныя... Поддача, отъ другихъ отличная. Рѣдкій человѣкъ, истинно рѣдкій! Я его душу христіанскую, можно сказать, ближе всѣхъ знаю. Я вотъ съ нимъ по вечерамъ читывалъ разные назидательныя творенія. Какая внимательность, какое возвышенное пониманіе! Просто—удивленіе! Иной разъ думаешь даже: родился такой человѣкъ въ нашемъ званіи и кончи весь курсъ, не мудрено, что архіереемъ бы былъ. Ну, и въ обращеніи добръ и, можно сказать, совсѣмъ не грубъ.

— Да, человекъ великодушный, очень великодушный, — всталъ дьячокъ. — Недавно покупалъ я у него восьмушку чаю и фунтъ сахару, и не хватило у меня восьми копѣекъ серебромъ. Я говорю: потерпите пока на мнѣ, Карпъ Ѳеодорычъ, въ настоящее время, говорю, не случилось... «Стоить, говорить, о пустякахъ толковать!» Отпустилъ чаю, сахару сполна и эти восемь копѣекъ не записалъ и послѣ не вычиталъ. Не всякій такъ-то можетъ. Бывало, Дерюгинъ, — ужъ на что свой человекъ, приходанинъ — и тотъ, въ случаѣ недоплаты, напоминаетъ: за вами, говоритъ, причитается двѣ, или тамъ три копѣйки... Сейчасъ же, бывало, и вычтетъ. А этотъ — нѣтъ; этотъ очень деликатенъ. Великодушный, снисходительный человекъ, и толковать нечего...

— А вотъ, теперь мой мальчишка бѣгаетъ къ его ребятишкамъ играть, — заявилъ пономарь: — что же вы думаете? рѣдкій разъ безъ гостинца обходится. Чтобы Карпъ Ѳеодоровичъ увидѣлъ мальчишку, да не сунулъ ему чего, — этого у него не полагается. Непремѣнно что-нибудь сунетъ: либо баранку, либо бѣлаго хлѣба ломоть. Мальчишка прибѣжитъ, расскажетъ, просю слушать отрадно. А отъ нашихъ совсѣмъ напротивъ, проходу нѣтъ: «пономаренекъ» да «кутья прокислая», только и чести. Не только дѣтямъ, и родителямъ-то иной разъ горько отъ нихъ приходится.

— Какъ же можно сравнить: добродѣтельный человекъ, или недобродѣтельный, — обобщалъ священникъ. — Добродѣтельный всѣ слободы прискиваетъ къ тому, чтобы обнаружить свою добродѣтель... Хорошій былъ бы староста, хорошій, — съ какимъ-то раздумьемъ заключилъ священникъ: — только не знаю, какъ приходить...

— Прихожанамъ всячески нужно внушить и разъяснить, — посоветовалъ отецъ дьяконъ. — Мало ли они что... На ихъ мнѣнія полагаться нельзя. Мнѣнія ихъ, по большей части, бываютъ погрѣнительны.

V.

Черезъ нѣсколько дней послѣ совѣщанія клириковъ, назначенъ былъ въ Слизнякахъ сходъ для разсужденія о выборѣ церковнаго старосты. На этотъ сходъ явился и священникъ съ причтомъ. Священникъ обратился въ прихожанамъ съ рѣчью, въ которой изъяснилъ, что «благолѣпіе слизняковского храма требуетъ старосты особеннаго, во всѣхъ отношеніяхъ удометворительнаго

и благонадежнаго», словомъ такого, какъ Карпъ Ѳеодорычъ. Заслышавъ имя Карпа Ѳеодорыча, два-три мужика, сами мѣтившіе въ старосты, сильно зашумѣли. Особенно горячились Петръ Петровъ.

— Откуда это ты, батюшка, взялъ, — возразилъ онъ, — чтобы къ такому храму приставить человѣка съ вѣтру, человѣка, который... еще неизвѣстно, что онъ такое есть? Да развѣ у насъ своихъ нѣтъ? Изстари у насъ были свои, и вдругъ — нѣ вотъ тебѣ чужого! Господи помилуй, да гдѣ-жъ это видано? Этимъ и Царицу небесную какъ разъ прогнѣвишь. Вѣдь она наша, славянская, а не чужая. Свой у ней и хозяинъ долженъ быть. Зачѣмъ же мы будемъ ей чужого хозяина приставлять?

— Ты неправду сказалъ о Карпѣ Ѳеодоровичѣ, — замѣтилъ священникъ. — Развѣ онъ неизвѣстенъ? Очень хорошо извѣстенъ, какъ намъ, духовнымъ, такъ и вамъ. Онъ вѣдь не два дня у насъ живетъ. Душой кривить не слѣдуетъ, а нужно говорить по справедливости. Человѣкъ богобоязненный, трезвый, опытный и добрый. Чего же тебѣ еще? Развѣ много такихъ найдемъ? Я вотъ сошлюсь на всѣхъ православныхъ: ну, кто скажетъ о немъ что-нибудь дурное? Думаю, что никто не скажетъ.

— Вѣрно, батюшка, вѣрно, — отозвались изъ толпы нѣсколько голосовъ: — человѣкъ куда хочешь, настоящій человѣкъ. Сперва онъ какъ будто и тово... а теперь, ничего, какъ слѣдуетъ. Обиды отъ него никакой не видимъ, окромя всякой пріятности. Одно только: не нашъ. Это вотъ здорово мѣшаетъ. Кабы эту статью какъ-нибудь пройти, дѣло какъ разъ бы къ концу пришло. Припишиса онъ къ намъ, тогда дѣло другое.

— Послушайте, мужички, — кротко и вкрадчиво заговорилъ священникъ: — что вы наладили: «не нашъ, да не нашъ». Вы рассуждаете такъ по своему не... незнанію. Еслибы вы были грамотные, да читали бы книги, такъ вы узнали бы, что очень часто приставляли чужихъ къ весьма важнымъ дѣламъ. Вѣдь вамъ почему это кажется страннымъ? Потому, что вы привыкли видѣть въ старостѣ своего. Мало ли мы къ чему привыкаемъ; но не всякая наша привычка ведетъ къ благу. Нужно взирать на то, что лучше. А развѣ для васъ самихъ не лучше будетъ, если нашъ храмъ при опытномъ, усердномъ старостѣ сдѣлается гораздо благоустроеннѣе и великолѣпнѣе? Господь сказалъ: «блаженни возлюбившіе благолѣпіе дома моего». Теперь: что же у васъ выходитъ? Выходитъ, что, не желая имѣть старостой Карпа Ѳеодоровича, вы не желаете видѣть въ домѣ Божіемъ большаго благолѣпія; а не желая благолѣпія дома Божія, вы, стало быть, не

желаете получить блаженства. Вотъ вѣдь къ чему приводитъ ваше упорство; оно приводитъ васъ къ лишенію блаженства, къ лишенію царствія Божія... Перестаньте-ка толковать-то; давайте, благословясь, составлять приговоръ, да руки прикладывать. Повѣрьте, что ничего худого не будетъ, а будетъ одно хорошее. Да и то сказать: вѣдь не на вѣки вы выберете Карпа Ѳеодоровича, а только на три года. Посмотрите на него,—хорошъ будетъ, держите его, не хороните—другого выберете.

Послѣдній доводъ особенно подѣйствовалъ на прихожанъ, и они, потолковавши между собой еще нѣсколько минутъ, согласились написать приговоръ «на Карпа Ѳеодоровича». Оскорбленные кандидаты изъ ~~своихъ~~ пытались было снова возражать противъ небывалыхъ выборовъ, но, видя, что ихъ дѣло проиграно и что плетью обуха не перешибешь, применили, наконецъ, къ большинству.

VI.

— Ну, жена, поздравляй: я староста! — торжественно воскликнулъ Карпъ Ѳеодорычъ, получивъ извѣстіе о результатѣ выборовъ. — Поздравляю и тебя: и ты теперь въ чинѣ немаловажномъ. Не знаю, чья молитва услышана: не то моя, не то твоя. Вѣдь такая лафа подошла!

— Слава тебѣ, Господи, хозяинъ,—слава тебѣ, Господи! — крестясь провозвѣсла Домна Степановна. — Вотъ ужъ чего съ роду не ожидала!... Это намъ за терпѣніе, которое мы, бывало, въ городѣ претерпѣвали. Пора, пора намъ свою нужду покрыть. Я же думала: удастся наше дѣло,—первымъ долгомъ въ Троицѣ-Сергію...

— Есть что въ Троицѣ-Сергію!—проговорилъ Карпъ Ѳеодорычъ: — ради этого случая и въ кievскихъ пещерахъ побывать можно. Чтѣ я говорю: въ пещерахъ? Въ Ерусалимѣ слетать ничего не стѣбитъ!... Фу ты, штука славная! За первый сортъ поправиться можно! — заключилъ Карпъ Ѳеодорычъ, весело потирая руки.

Не одни Горловы остались довольны выборами. Довольны ими были и клирики, и прихожане. Каждый изъ клириковъ считалъ новаго старосту своей крестурой и ожидалъ отъ него «мзды не малой». Больше всѣхъ ожидалъ себѣ выгодъ отецъ дьяконъ.

— Хорошо, очень хорошо случилось, что таковой близкій намъ человѣкъ будетъ старостой,—говорилъ онъ дьяконицѣ, ходя

по комнатѣ. — Нѣтъ-нѣтъ, да и перепадеть что-нибудь. Удобно будетъ и занять въ случаѣ надобности, и все такое. Никому онъ такъ не благодаренъ, какъ мнѣ. Я первый его и привѣтилъ, я назидалъ его, я же и на видъ его всѣмъ поставилъ. Хорошо, право; я такъ радъ этому.

— Ну, возвеличили мы Карпа Ѳеодорыча, — говорили мужики: — такъ возвеличили, что больше некуда. Чужого, напримѣръ, — и въ свои старосты помѣстили! Здорово онъ теперь насъ накатить. Если до этого онъ намъ доброту показывалъ, то теперь и толковать нечего — угощеніе будетъ на славу.

Мужики не ошиблись. Дѣйствительно, Карпъ Ѳеодорычъ при вступленіи въ должность сдѣлалъ имъ угощеніе на славу. Но за то другимъ скоро пришлось разочароваться въ своихъ блестящихъ надеждахъ на него.

VII.

Сдѣлавшись старостой, Карпъ Ѳеодоровъ значительно перемѣнился. Перемѣна эта прежде всего выразилась въ томъ, что онъ сталъ заниматься собой больше, чѣмъ прежде. Прежде онъ ходилъ немытый, нечесаный. Теперь не то: теперь онъ ежедневно началъ умываться мыломъ, обильно возливалъ на голову свою деревянное масло, даже въ баню сталъ ходить чаще прежняго. Сшилъ себѣ новую суконную поддѣвку, купилъ красный кушакъ и фуражку съ бархатнымъ околышемъ. Мало этого: Карпъ Ѳеодорычъ сдѣлалъ себѣ даже галоши, которыхъ отъ роду не нашивалъ. Разъ надѣвши ихъ на сапоги, онъ уже не снималъ ихъ, а носилъ постоянно — и въ осеннюю грязь, и въ лѣтніе жары; въ нихъ шагаль по своимъ покоймъ, въ нихъ же входилъ и въ гостинную благочиннаго. Сядетъ на диванъ, или въ кресла, вытянетъ ноги и посматриваетъ на предметъ своего тщеславія, намазанный саломъ. Карпъ Ѳеодорычъ измѣнилъ и походку свою. Прежде онъ ходилъ нѣсколько сторбившись, неровнымъ и торопливымъ шагомъ. Наблюдая его походку, можно было подумать, что онъ спасается отъ какой-то погони. Теперь онъ сталъ ходить выпрямившись, поступью медленною и мѣрною, точно гуляючи. Ктиторство Карпа Ѳеодорыча повліяло даже и на его рѣчь. Онъ сталъ вставлять въ разговорѣ нѣкоторые благородныя слова. Въмѣсто *лицо*, или *рыло*, онъ сталъ говорить *фисомія*. Въмѣсто того, чтобы сказать: у него такой обычай, Карпъ Ѳеодорычъ выворачивалъ: у него такая *нация*. Самыми

любимыми его словами сдѣлались: *коммерция, политика и кондичья*. Домна Степановна тоже прихотѣлась и принарядилась. Покрываться она стала *по рядочку*, подтянула подъ мышки *кнессинный фартукъ* и подобула *ковшовые банники* со скрипомъ. Довольство своимъ состояніемъ въ Домнѣ Степановнѣ дошло до пресыщенія.

Напьется она чаю, выйдетъ на крыльцо, усядется на лавочкѣ и сидитъ себѣ, поглядываетъ на Божій свѣтъ. Проходить мимо нея баба.

— Здорово, Степановна!

— Здорово, васатеа.

— То-то тебѣ житье-то, посмотрю я!

— А что?

— Да какъ же? Какъ ни посмотришь, ты все сидишь поджавши ручки. Подумаешь: Господи,—вотъ жизнь-то,—умирать не надо! Всегда въ довольствѣ, всегда въ спокойствіи; а ты треплешься, треплешься день-деньской, — ноги подъ самую поясницу обобьешь. — а все нѣтъ тебѣ отрады. Не то, чтобы тамъ чего прочаго, — куска въ волю не видишь.

— Родимая, это тебѣ со стороны-то завидно, а я тебѣ по душѣ скажу про свою жизнь: чудная она какая-то, право-слово, чудная. Конечно, насчетъ всего у насъ — слава тебѣ, Господи! Но чтó же ты думаешь? — мучить меня тѣснота какая-то, да и только.

— Отчего же бы это?

— Богъ ее знаетъ.—Встанешь утромъ, напьешься чайку съ бараночками и думаешь: чего бы это съѣсть?—Бѣлаго хлѣбца съ медкомъ?—Нехотца. Селедочки?—Нехотца. О прошлой недѣли хозяйникъ пристаѣлъ: свари да свари варева изъ вишеневъ, у понады, говорить, поучись. Сварила; думаю: авось хоть этимъ *лишний* разъ побалуясь для развлечения. Наложилъ себѣ блюдетко чайное,¹ съѣла. На другой день—чтó же ты думаешь?—ужъ и этого нехотца. Съ чаю до обѣда ходишь, какъ больная какая: на съѣстное и не глядѣла бы! Сядешь за столъ; кушаньевъ много; поѣшь того, другого, третьяго по-маленьку,—и опять нехотца! Глазами-то такъ бы и накинулся, а примешься за дѣло—нѣтъ тебѣ никакого аппетита! Такъ, право, обидно, скучно даже становится. Думаешь,—Господи,—да для чего же это все, какъ не для удовольствія? Вѣдь иной съ роду того не видалъ, чтó тебѣ Господь послалъ. Благо много, а употребленіе совсѣмъ малое. И каждый день эта тѣснота со мной происходитъ. Ходишь, ходишь, просто не знаешь, къ чему себя пристроить. Выйдешь

вотъ такъ-то на крыльцо, на народъ посмотришь,—какъ будто и забудешься немножко; а тамъ и опять. Такъ-то, милая! А ты еще говоришь... Нѣтъ, видно, тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ.

— Чудно мнѣ все это. Кажись, чего бы тебѣ еще надо-ставало?—какого такого еще счастья?

— Вотъ, поди же ты!...

VIII.

Отецъ дьяконъ, заготовивши цѣлую серію занимательныхъ и поучительныхъ житій, съ нетерпѣніемъ ожидалъ въ себѣ новаго ктитора. Но вотъ проходитъ мѣсяцъ, другой, третій, а кти-торъ все не является къ нему. Отцомъ дьякономъ овладѣло, на-вонецъ, безпокойство. «Что же это такое?—размышлялъ онъ:—не-ужели онъ меня покинуть хочетъ? Быть не можетъ: это выйдетъ самая предосудительная неблагодарность съ его стороны».

Однажды передъ вечеромъ Карпъ Ѳеодорычъ, держа что-то подъ полой, направлялся къ дому отца дьякона. Завидѣвъ его въ окно, отецъ дьяконъ сильно обрадовался.

— Наконецъ-то собрался,—оживленно проговорилъ онъ, обра-щаясь къ дьяконицѣ.—Посмотри-ка: несетъ что-то. Пора, пора ему почувствовать.

Отецъ дьяконъ выскочилъ на крыльцо.

— Насилу-то вы собрались!—воскликнулъ онъ, когда Карпъ Ѳеодорычъ приближался къ его крыльцу.—Не грѣхъ ли вамъ за-бывать ближняго, который къ вамъ всей душой былъ, есть и будетъ?

— Добраго здоровья,—съ важностью произнесъ Карпъ Ѳеодо-рычъ, остановившись и лѣниво снимая картузъ.

— Пожалуйста-ка, пожалуйста. Моя хозяйка васъ заждалась совсѣмъ. Даже заскучала: что это, говорить, Карпъ Ѳеодорычъ...

— Никакъ не возможно,—отрѣзалъ Карпъ Ѳеодорычъ.—Какъ-нибудь со временемъ... Теперь не могу.

— Что это значитъ? Да вы куда же?—съ удивленіемъ спро-силъ отецъ дьяконъ.

— Въ баню, тѣлеса свои пораспарить вздумалъ.

— Ну, что же это такое!—съ огорченіемъ произнесъ отецъ дьяконъ.—Когда же во мнѣ-то? Вѣдь это обидно даже! Столько времени не быть—на что это похоже?

— Что дѣлать! обязанности стѣсняють. Когда этихъ обя-занностей было мало, я всякую политику исправно соблюдалъ, и

мъ часто провѣдывалъ; а какъ прибавились новыя кандидцы въ моему положенію, совсѣмъ дыхнуть некогда. Какъ-нибудь, со временемъ...

Карпъ Ѳеодорычъ тронулъ картузъ, слегка кивнулъ отцу дьякону и направился дальше.

Отецъ дьяконъ почесалъ въ затылкѣ, посмотрѣлъ въ слѣдъ своей креатурѣ и въ тяжеломъ раздумьи медленно шагнулъ черезъ порогъ въ сѣни. Ставши за притолку, онъ безсознательно устремилъ глаза по тому направленію, по которому двигалась фигура Карпа Ѳеодорыча.

Поровнявшись съ домомъ священника, Карпъ Ѳеодорычъ два раза оглянулся и полѣзъ на высокое крыльцо отца Тимофея. Отецъ дьяконъ хлопнулъ обѣими руками объ полы и, какъ ошпаренный, вскочилъ въ комнату.

— Ну, жена, пиши пропало! — возмущенно воскликнулъ онъ, наморщившись и торопливо закидывая волосы за ухо. — Ахъ, искаришь, шельма! Вотъ езуитъ-то!

— Что такое? — спросила дьякониха.

— Да какъ же? Несетъ что-то подъ полой, говорить: въ баню иду, къ вамъ, говорить, не могу. Я спрятался за притолку, смотрю, а онъ, бестія, подошелъ къ попову дому, оглянулся, какъ ворюшка, на нашъ домъ — и вертъ къ попу на крыльцо! Вотъ тебѣ и нѣ! Дождались благодарности — въ чужой карманъ!.. Да и я-то дуракъ: вадумалъ лѣзть съ своею добродѣтелью къ нему! Всегда вотъ такъ со мной бываетъ. Дуешься изъ всѣхъ силъ, изъ кожи вонъ лѣзешь, чтобы человѣку благодѣяніе сдѣлать, а онъ — получить благодѣяніе и сейчасъ же къ тебѣ заюмъ. Ну, да теперь я умнѣй буду. Это Карпушкѣ такъ не пройдетъ: онъ у меня узнаетъ, что на свѣтѣ не одинъ только бабешка существуетъ, а есть еще и отецъ дьяконъ...

Послѣ отца дьякона сильно уязвленъ былъ неблагодарностію Карпа Ѳеодорыча пономарь. Сперва онъ изливалъ свою досаду только передъ супругой; но наконецъ рѣшился подѣлиться своими горькими чувствами и съ другими.

— Ну, убили бобра! — воскликнулъ онъ разъ, повстрѣчавшись съ отцомъ дьякономъ. — Долго мѣтили, да угодили въ цѣль...

— Я всегда думалъ, что отъ него ничего хорошаго отродиться не можетъ, — солгалъ отецъ дьяконъ, сразу понявъ, кого разумѣетъ пономарь подъ бобромъ.

— Нѣтъ, я никогда этого не думалъ и домыслить не могъ, — замѣтилъ пономарь: — а теперь ужъ во-очію вижу, что скотина. Иначе и назвать-то теперь нельзя. Вы разберите, напримѣръ,

хоть это. Послѣ первой обѣдни стоитъ онъ у ящика, а мой мальчишка идетъ мимо, съ клироса, да и говоритъ: здравствуйте, говоритъ, Карпъ Федоровичъ,—съ праздникомъ, говоритъ. Онъ погладилъ его по головѣ и говоритъ: спасибо тебѣ, умнѣе и поешь хорошо; на-ка тебѣ, говоритъ. И сунулъ ему гривенничекъ. Мальчишка летитъ безъ памяти домой: тятенька, маменька, посмотрите-ка!—говоритъ. Мы тутъ обрадовались; ну, думаемъ, начало хорошее положено. Въ другой разъ мальчишка, по малолѣтству своему, уже самъ подошелъ къ Карпу: пожалуйста, говоритъ, что-нибудь для праздника; я, говоритъ, пѣлъ. А Карпъ даже и не взглянулъ на него. Самъ возится въ ящикѣ, а самъ говоритъ: «такъ что-жъ, говоритъ, что ты пѣлъ,—твое званье такое, чтобы пѣть. Нельзя же, говоритъ, каждый праздникъ давать по гривеннику тебѣ. Вѣдь это, говоритъ, сто праздниковъ, сто гривенниковъ,—ахъ десять цѣлевыхъ. Это вы, говоритъ, много наберете съ отцомъ-то». Мальчикъ, обдвѣнный, пошелъ, пригорюнился... И чѣмъ дальше, тѣмъ все хуже и хуже; такъ носъ дерѣтъ, что и вниманія на тебя никакого не обращаетъ, не то, чтобы найти тебя чѣмъ-нибудь. Пройдетъ около клироса, въ поясъ поклонъ ему отвѣсипъ, а онъ точно и не замѣчаетъ; палитъ глаза на свѣчи да на лампы. Только одного попа и знаетъ. Придетъ въ алтарь, а тотъ ему въ ризахъ мое почтеніе протягиваетъ. Ну, на что это похоже? Я бы его, папестника, метлой изъ алтаря-то! Онъ избалуется, на шею сидеть.

— Ну, это еще посмотримъ,—многозначительно проговорилъ отецъ дьяконъ.

IX.

Прошло около года со времени выбора Карпа Федорыча въ ктитора. Хозяйство его значительно *облагодѣнилось*. Въмѣсто двухъ, явилось четыре лошади, прибавилось противъ прежняго нѣсколько коровъ; вмѣсто телѣги появился тарантасъ; овчинный тулупъ замѣнила собой лисья шуба и т. п. Между тѣмъ для церкви ничего еще не было сдѣлано. Мужики, оскорбленные неожиданною холодною въ себѣ новаго старосты, подозрительно взглянули на быстрое возвышеніе благосостоянія Карпа Федорыча и громко заговорили объ отсутствіи обѣщаннаго благолѣпія въ храмѣ. Отецъ дьяконъ съ злорадствомъ прислушивался къ толкамъ прихожанъ и всачески старался усилить зарождающійся въ нихъ антагонизмъ противъ Карпа Федорыча. Пока недобрые

тогда доходили до Карпа Федорыча стороной, онъ мало смущался ими; но, вотъ, однажды ему пришлось собственными ушами слышать невыгодное замѣчаніе на свой счетъ. Это было въ церкви. На стѣнѣ, надъ самымъ свѣчнымъ ящика, изображенъ былъ иштаръ, къ которому Карпъ Федорычъ, стоя у ящика, обыкновенно присланивался спиною. Вотъ, разъ онъ стоялъ такъ-то и непомотомъ поминалъ «родителей». Вдругъ сбоку его кто-то довольно ясно проговорилъ:

— Вотъ два иштары стоятъ: одинъ старый, другой новый.

Слова эти сильно кольнули Карпа Федорыча. Онъ сердито оглянулся, громко зашпалнул и безповойно переступилъ съ ноги на ногу.

Тотчасъ послѣ обѣдни онъ побѣжалъ къ священнику и уговорился съ нимъ ѣхать въ Москву за новыми хоругвями.

Черезъ нѣсколько дней священникъ и ктиторъ дѣйствительно отправились въ Москву.

Въ отсутствіе ихъ отецъ дьяконъ внушилъ мужикамъ, что новыя хоругви совсѣмъ не нужны, что прежнія хоругви очень красивы и почти еще новыя;—что лучше бы еще что-нибудь приобрести, что деньги церковныя нужно тратить умѣючи, а не зря.

Карпъ Федорычъ возвратился изъ Москвы какъ-разъ во дню своихъ именинъ и, не показывая еще прихожанамъ обновку, послалъ своего работника приглашать ихъ къ себѣ на именины. Ходя изъ дома въ домъ, работникъ объявлялъ:

— Карпъ Федорычъ, братцы, завтра именинникъ придется. По этому-случаю онъ хочетъ задать вамъ угощеніе. Всѣхъ приказалъ звать: зови, говорить, мужиковъ и бабъ. Если, говорить, ребятешекъ пожелають, то пусть, говорить, и ребятешекъ берутъ: на всѣхъ, говорить, достанетъ. И вѣрно, что достанетъ: такое обширное приготовленіе идетъ—страсть!

Вслушавъ вѣстника, мужики сперва въ нѣкоторомъ недоумѣніи потчесывали въ затылкахъ и размышляли: «къ чему такая оказія клонить, особенно послѣ того, какъ онъ, значить, охладѣлъ, и эти самыя хоругви при этомъ». Но потомъ картина мірскаго веселья на предстоящихъ именинахъ Карпа Федорыча овладѣла ихъ воображеніемъ и разсѣяла всякое предубѣжденіе противъ ктитора.

— А вѣдь штука-то славная!—затолковали мужики своимъ бабамъ: этанія именины затѣвается... Бабъ, говорить, и ребятешекъ,—всѣхъ, говорить! Да когда это съ роду у насъ было? Бывало, староста-то позовъ позоветъ, да и все; а этотъ вдругъ—бабъ! Нѣтъ, видно, кто что ни говори, а Карпъ Федорычъ свое

дѣло знать и своей руки не замараешь. Тонкій человѣкъ, понимающій...

Въ день именинъ Карпа Ѳеодорыча отслужена была утренняя и обѣдня. Благословили въ большой колоколъ. Священникъ облаченъ былъ въ ризу, пожертвованную именинникомъ. Возлѣ клиросовъ красовались новыя хоругви. Мужики и бабы во множествѣ собрались въ церковь и, съ умиленіемъ посматривая на именинника, на ризу, на хоругви, чувствовали себя какъ въ свѣтлый праздникъ.

— Батюшка, прошу осчастливить, хлѣба и соли у меня откупаты!—торжественно произнесъ Карпъ Ѳеодорычъ послѣ обѣдни, трясая обѣими руками руку священника.—Приходите и вы,—обратился онъ затѣмъ къ отцу дьякону.—И вы также,—произнесъ онъ, бросивъ небрежный взглядъ на дьячкова.

Отецъ дьяконъ молча повернулся, отыскавъ свою шапку и ушелъ домой. Священникъ и епитимъ, громко и весело смѣясь, направились къ распекаловскому дому. Вслѣдъ за ними поплелись и дьячки, таинственно переговариваясь между собою.

Клирики отдѣлались довольно скоро, такъ что черезъ часъ послѣ обѣдни они уже отдыхали на своихъ пуховникахъ и перемывали *тучный* обѣдъ епитима. Но *миръ* до ночи пировалъ на именинахъ Карпа Ѳеодорыча. Столы, разставленные въ избѣ, на крыльцѣ и даже на дворѣ, постоянно были заняты народомъ. Одна партія гостей смѣняла другую. Бабы и ребятишки потѣли за чаемъ и съ жадностію поглощали *яства*, варенныя, паренныя и жаренныя. Мужики, сверхъ того, вдохновлялись водкой. Оглушительный говоръ, шумъ, гамъ не прерывался ни на минуту. Плотнo покушавшіе и подвыпившіе, мужики домой не уходили, а толкались тутъ же, вмѣстѣ съ алчущими и жаждущими, и увеличивали общую суматоху. Каждый лѣзъ въ хозяину и силлся выразить ему свою признательность.

Карпъ Ѳеодорычъ, довольный и сіяющій, рассказывалъ среди мужиковъ, распахнувъ поддѣвку и поглаживая бороду.

— Ну, что, православные, довольны?—съ улыбкою восклицалъ онъ, посматривая на гостей.

— Здорово! до отвалу! барское угощеніе!—хоромъ отзывались гости.

— А обновку видѣли нынче въ церкви?

— Видѣли: обновка куда хошь, и толковать нечего.

— Сказать по правдѣ, и прежнія херугви хороши,—замѣтилъ, покачиваясь, сотскій:—длинные, широкіе, красныя; а херувимы и серафимы какъ живые стоятъ.

— Тебѣ на херувимовъ и серафимовъ смотрѣть нечего,—наморщившись проговорилъ Карпъ Ѳеодорычъ, и подперъ бока руками:—а ты смотри на то, что больше къ дѣлу подходить. Возьми на пробу херуговъ прежнюю и херуговъ новую, и ступай на Ердань; вотъ ты и узнаешь, что значить херуговъ прежняя и что значить херуговъ новая. Прежнюю херуговъ ты вынесъ на вѣтеръ, она сейчасъ и начинается парусить; упрѣть вѣтромъ въ полотно-то, и ты ее чуть-чуть въ рукахъ удержиwaешь. А новая совсѣмъ другое. Тутъ ужъ не полотно, а икона, и притомъ маленькая, и вѣтру разгуляться тутъ не надъ чѣмъ. А насчетъ державы—развѣ можно новыя къ старымъ примѣнять? У тѣхъ одна держава, а у этихъ три: одна главная, да двѣ по бокамъ на петляхъ придѣланы. Теперь: какую способнѣе носить, новую или старую? У дурака спроси, и тотъ скажетъ, что новую. Ты, къ примѣру, взялся за главную державу, а Сергѣй съ Петромъ боковыя подхватили, и ты несешь ужъ не херуговъ, а ровно перо лебединое. Такъ-то! Нѣтъ, ужъ мы съ батюшкой не ошибемся; не даромъ въ Москву ѣздили. Выбрали предметъ на славу: во всей столицѣ лучше не было... А сіяніе вокругъ чего стбѣтъ? Вынесешь наружу, ударить солнце,—духъ возрадуется! Такъ-то!..

— Возрадуется, и ладно!—уступчиво проговорилъ сотскій, вяло махнувъ рукой:—дай Богъ, чтобы радовался. А ты бы вотъ намъ еще по рюмочкѣ на прощанье, ради великаго дня...

— Ай да сотскій!—воскликнули мужики:—ловко подвелъ. Придумаетъ же вѣдь!..

Совершилось поднесеніе.

— Вотъ это держава, такъ держава!—воскликнулъ сотскій, громко крикнувъ и утерши губы рукавомъ:—это, можно сказать, всѣмъ державамъ держава!

Дружный взрывъ хохота былъ отвѣтомъ на остроуміе сотскаго.

Х.

— Когда же, батюшка, деньги считать будемъ? — мрачно спросилъ отецъ дьяконъ священника чрезъ нѣсколько дней послѣ именинъ Карпа Ѳеодорыча.

— Какія деньги?

— Церковныя. Бывало каждое первое число считали, а теперь сколько ужъ мѣсяцевъ прошло, а счета не было.

— Какъ не было? счетъ былъ,—замѣтилъ отецъ Тимофеев.

— Да когда же это?

— Когда? въ свое время.

— Кто же считать?

— Я, да староста.

— А мы, стало быть, ужъ не нужны?

— Нужны, да гдѣ же васъ взять? Одно первое число подошло—*васъ* дома не было;—другое подошло—дьячка не было; третье наступило—пономарь куда-то пропалъ. И такъ каждый разъ: либо того, либо другого нѣтъ. Что же тутъ остается дѣлать? Совсѣмъ не считать? Будетъ упущеніе. Дождаться, пока всѣ будутъ въ наличности? Произойдетъ замѣпательство и разстройство въ счетѣ. Спасибо, хоть Карпъ Ѳеодорычъ исправенъ. Какъ первое число, такъ онъ ужъ и идетъ ко мнѣ: давайте, говорить, батюшка, сочтемъ... Ну, и сидимъ—корпимъ съ нимъ вдвоемъ... Сами же безпорядки производите, а потомъ пристаєте! Другіе бы извиненіе попросили, да благодарили бы, что за нихъ трудятся, а они еще съ претензіями!..

Отецъ дьяконъ испустилъ сдержанный вздохъ и больше не возражалъ.

Вскорѣ послѣ этого онъ повстрѣчался съ сотскимъ.

— Что ты, отецъ дьяконъ, не былъ у Карпа Ѳеодорыча? А ужъ ликованіе-то было—бѣда!

— Чтѣ не было... Христопродавцы вы, вотъ чтѣ!—угрюмо проговорилъ отецъ дьяконъ.—Начинили ихъ говядиной, да поднесли по рюмкѣ водки—они и растаяли! Эхъ, вы! За грошъ продать себя готовъ... Забыли, чтѣ я говорилъ? Вы думаете, что это все пустяки? Нѣтъ, совсѣмъ не пустяки, а, напротивъ,—дѣло очень важное.

— Это что? херугѣи-то, что-ль?—обидчивымъ тономъ спросилъ сотскій.—Это, отецъ дьяконъ, статья довольно непостоянная: ты говоришь такъ, а другой этакъ.

— Нѣтъ, очень постоянная, когда пятьсотъ рублей отвалили безъ всякой надобности!.. А чтѣмъ прежнія хоругви хуже этихъ?

— Ты бы приходилъ на именины-то, вотъ и узналъ бы, чтѣмъ онѣ хуже. Объ этомъ тамъ не малое разсужденіе было. Ты берешь въ толкъ одно, а я, напримѣръ, другое. Тебѣ ихъ не носить, а намъ носить.

Отецъ дьяконъ пожалъ плечами.

— Неразумные вы, и больше ничего,—обличительно произнесъ затѣмъ отецъ дьяконъ.—Толкуете все Богъ знаетъ о чемъ. А подумали вы хоть разъ о томъ, какъ блюдетъ новый староста сумму?

— Какую сумму?

— Какую? Кошельковую, что въ церкви.

— Что-жъ о ней думать? Это дѣло не наше. Кажется, и въ насъ есть кому присмотрѣть за этимъ. Вы-то на что же?

— То-то и дѣло-то, что насъ совсѣмъ отъ этого устранили, — минимашъ — устранили? Какая сумма собирается и на какой предметъ расходуетъ, — ничего намъ объ этомъ неизвѣстно. Попъ съ старостой начали это въ тайнѣ хранить. Развѣ такъ надлежитъ поступать въ такомъ дѣлѣ? Хорошо, какъ тамъ у нихъ что-нибудь, а какъ ни копѣйки нѣтъ? Мы въ отвѣтъ, да и имъ не избѣгнуть... Какіе же вы послѣ этого прихожане?

Сотскій призадумался.

Замѣтивъ, что слова его произвели на собесѣдника нѣкоторое дѣйствіе, отецъ дьяконъ воодушевился и возвысилъ голосъ.

— Развѣ мнѣ что нужно? — проговорилъ онъ, положивъ руку на плечо сотскаго: — развѣ я такъ-себѣ говорю все это? Васъ явочнъ говорю, — повѣрь! Чтобы послѣ, въ случаѣ что случится, не говорили: вотъ, дескать, никто не предупредилъ, не пушилъ — вотъ, вѣдь, для чего говорю, а не ради чего другого.

— Конечно, — проговорилъ, наконецъ, сотскій, — мы замѣчаемъ одну видимость, а тамъ Богъ его знаетъ: чужая душа потаи.

— Вотъ то-то и есть-то, — подхватилъ отецъ дьяконъ, снова возвысивъ голосъ: — вотъ и нужно слушать, что говорятъ люди явочнъ, и не только не перечить, а еще и другимъ стараться разъяснить, что ежели дѣльное услышишь... Что я тебѣ сказать, это пока секретъ, и ты пока не болтай такъ прямо, что вотъ, дескать, отецъ дьяконъ говорилъ. Но совсѣмъ молчать объ этомъ ты не долженъ: грѣшно тебѣ будетъ. А ты такъ глухо начини: испси, моги, слухи... отъ вѣрнаго человѣка, моги, вышли, что молъ, моги, такъ и такъ; нужно, моги, быть повнимательнѣй и хитрѣе...

Послѣднія слова отецъ дьяконъ проговорилъ какимъ-то таинственнымъ полушепотомъ, наклонясь къ самому уху сотскаго, и послѣдній нѣсколько разъ молча кивнулъ головой, въ знакъ согласія.

XI.

Сотскій принялъ въ сердцу разъясненія и внушенія отъ дьякона и при удобномъ случаѣ очень искусно ввертывалъ слови на счетъ «сумми». Мужики, долгое время живя подъ вліяніемъ имениннаго «лигованія», сперва довольно холодно относились къ слухамъ, источникомъ которыхъ былъ отецъ дьяконъ. Но когда Карпъ Ѳедорычъ грубыми выходками оскорбилъ нѣкоторыхъ прихожанъ и попалъ въ одну «довольно нечистую исторію», слухъ въ ихъ глазахъ получили уже серьезное значеніе.

Разъ Степанъ Михайловъ, мужикъ степенный и честный пришелъ въ магазинъ Карпа Ѳедорыча и спросилъ селѣдку «дл гостей». Карпъ Ѳедорычъ вытащилъ изъ-подъ лавки грязный кулёкъ и молча бросилъ его къ ногамъ Степана Михайлова. Степанъ Михайловъ присѣлъ на корточки, развернулъ кулёкъ и началъ разсматривать товаръ. Долго покупатель рылся въ кулёкѣ тощія, сухія и ржавыя, съ провалившимися глазами сельди всдо одной побывали въ шаршавыхъ рукахъ покупателя. Навонецъ-таки онъ сдѣлалъ выборъ.

— Эта много ли стоить?—спросилъ Степанъ Михайловъ, сидя на корточкахъ и держа передъ глазами соленую щепехвостомъ вверхъ.

— Пятачокъ,—отвѣтилъ Карпъ Ѳедорычъ.

— Что ты? Побойся Бога!—воскликнулъ покупатель:—этаку цѣну за этакую негодную вещь. (При этомъ Степанъ Михайловъ многозначительно потрясъ селѣдкой въ воздухѣ.)—Сунь этакая. Ее и зубомъ не урвешь; придется бросить.

— Да, мы сами тоже собирались бросить, да все тебя джидались,—грубо проговорилъ Карпъ Ѳедорычъ:—пусти, молъ, купить, а потомъ ужъ и на дорогу вывалимъ. Гм! Сунь... Ты а вижу, кромѣ свиного мѣсива ни въ чемъ толку не знаешь. Знаешь ли ты, что самая дорогая *голанская* рыба—и та суха бываетъ. Тебѣ дать—ты бы ее бросилъ, а господа ѣдятъ—палочки облизываютъ... Семь копѣекъ теперича, меньше не возъмъ. Не хочешь брать—положи.

— Оближи же самъ это барское кушанье!—съ сердцемъ проговорилъ Степанъ Михайловъ, и бросилъ селѣдку въ кулёкъ.

Онъ всталъ съ полу и, обтирая пальцы о полы своей подѣвки, вышелъ изъ «магазина».

Нѣсколько дней подъ-рядъ трубилъ онъ всѣмъ и каждомъ

о внесенной ему Карпомъ Ѳеодоричемъ обидѣ и ругалъ его, на чѣмъ свѣтъ стоитъ.

Вскорѣ послѣ того Карпъ Ѳеодоричъ пихнулъ съ своего вышнего крыльца Дениса Иванова, который просилъ у него водки безъ денегъ,—и пихнулъ такъ, что тотъ разбилъ себѣ бокъ и голову, и мѣсяца два пролежалъ въ постелѣ.

По поводу этого обстоятельства также было много толковъ и осужденій между прихожанами.

Но особенно сильной диффамациі подвергся Карпъ Ѳеодоричъ изъ-за молодой слизняковской бабѣнки, Маланьи. Мужъ этой Маланьи жилъ на заработкахъ въ Питерѣ и очень рѣдко навѣщалъ свою супружницу. Карпъ Ѳеодоричъ по временамъ ходилъ въ одинокой Маланьѣ и покупалъ у ней то овецъ, то телятъ, то сѣна стогъ. За расчетомъ онъ обыкновенно приглашалъ ее въ себѣ, предварительно отправивъ куда-нибудь Домну Степановну. Случилось, что Маланья произвела на свѣтъ дитя, неожиданно для всѣхъ. Узнавъ объ этомъ, мужъ заочно пригрозилъ не только приколотить, но даже убить ее за это. Это ужасно потрясло еще не оправившуюся отъ родовъ Маланью, и она сильно заболѣла. Въ горячномъ бреду она, говорятъ, не разъ произносила имя Карпа Ѳеодорича.

Все это возбудило въ слизняковцахъ горячіе толки и подняло противъ Карпа Ѳеодорича цѣлую бурю.

— Всѣмъ міромъ его къ мировому оттащимъ!—шумѣли мужи,—и трехлѣтія дослужить при церкви не дадимъ, даромъ, что ему немножко осталось... Теперь повѣришь, что онъ «сумлу» не блюдетъ: такой лѣпшій всякую пакость сдѣлать можетъ,—а мы всѣ въ отвѣтъ будемъ...

Карпъ Ѳеодоричъ сильно перетрусилъ и побѣжалъ къ «баптѣ» за совѣтомъ.

— Защитите и помогите, батюшка!—взывалъ онъ,—все это такая клевета. Изъ старостовъ, говорятъ, высадимъ... а тутъ еще пѣвица гложетъ изъ-за Маланьи. Съ такимъ народомъ безвинно-вырасно пропадешь.

— А вы, Карпъ Ѳеодоровичъ, плюньте на все это,—успокаивалъ отецъ Тимофей,—вѣдь они мятутся вотще. У меня въ исторіи есть такой помощникъ и покровитель, что всѣхъ можетъ разсѣять, яко прахъ. Стоить только писнуть ему... Плюньте!..

Но у Карпа Ѳеодорича неостало на этотъ разъ мужества «плюнуть» на все это. И послѣ успокоительныхъ завѣреній «ба-

тешки» онъ все-таки продолжалъ волноваться и трусить. Онъ сдѣлался задумчивъ и мраченъ, и даже лишился сна. Ночью, ворочаясь съ боку на бокъ на постелѣ, подлѣ своей супруги, спящей безмятежнымъ сномъ, Карпъ Ѳеодорычъ размышлялъ:

«Этакая безтолковая каша заварилась! Проклятые, какъ коршуны всѣ понакинулись! Этотъ отецъ дьяконъ... У-у, бѣдная штука! Многому онъ тутъ причиной. Благочестивыя книги тоже читаетъ... Нѣтъ, не устоять мнѣ, вижу, что не устоять. Полъ говорить: плюнь; радъ бы плюнуть, да съ сердцемъ не соладишь. Щемить, оглашенное, на пропажую, точно въ Сибирь тебя упечь хотятъ. Притомъ же, больно остервенились: прямо къ владыкѣ, говорятъ, отнесемся. *Концысторія*... Въ ней, вѣдь, не мало народу-то; не каждый же тамъ попу свать... И къ мировому, и къ архіерею—сразу возгорѣлось. Эхъ, положеніе, положеніе... Въ Ерусалимѣ собирались, а на конецъ того дѣла и Сергія не бывали... Господи, какись бы чего только ни сдѣлалъ, ежели бы все это на лучшее пошло!.. Такъ было знатно приа-дился, и вдругъ...»

Карпъ Ѳеодорычъ окончательно терялъ подъ собою почву, и мысленно прощаясь съ ктиторствомъ, съ болью въ сердцѣ рисовалъ мрачную картину своей безславной и безбарышной жизни.

Но одно обстоятельство, бывшее истиннымъ бѣдствіемъ для слизняковцевъ, неожиданно сообщило драматическому положенію Карпа Ѳеодорыча благополучную развязку и упрочило его прежнее выгодное положеніе.

XII.

Задумавши куда-то ѣхать, отецъ дьяконъ собственноручно запрягалъ на дворѣ свою савраску. Вдругъ обоняніе его поражено было сильнымъ запахомъ дыма. Онъ опустилъ руки и быстро окинулъ взглядомъ внутренность двора. Ничего особеннаго онъ здѣсь не замѣтилъ, а между тѣмъ запахъ дыма все усиливался. Онъ вышелъ за ворота и взглянулъ на крышу. Крыша вся объята была пламенемъ. Отецъ дьяконъ выгналъ со двора полузапряженную савраску и пустился въ домъ.

— Пожаръ!—крикнулъ онъ, отворяя двери, и, торопливо схвативъ съ полки двѣ иконы, выбѣжалъ вонъ.

Дьяконица пронзительно вскрикнула и бросилась къ своему большому сундуку. Схвативъ его обѣими руками за висчій за-

моя, она вѣлокомъ потащила его по комнатамъ и, задыхаясь, причитала: «ай, батюшки! ой, Господи! Ой-ой-ой!»

— Бѣги вонъ!—послышалось съ улицы:—сворѣ! крыльцо загорается!

Дьяконница бросила сундукъ у двери и, всплеснувъ руками, съ отчаяннымъ крикомъ бросилась на улицу.

Черезъ нѣсколько минутъ уже нѣсколько домовъ сразу запылали зловѣщимъ пламенемъ. Бабы, съ ничтожною рухлядью въ рукахъ, бѣгали, какъ уторѣныя, по селу, неистово крича и спшибая другъ друга съ ногъ. Мужики били стекла и выбрасывали въ изѣвъ ухваты, горшки, деревянные солонки и тому подобную дрянь.

— Батюшки мои,—шеатулка! Родимые, шеатулка!—кричала попада, толкаясь въ толпѣ.—Гдѣ мой погъ? Скажите, Христа ради, гдѣ мой погъ?

— Онъ побѣжалъ къ церкви,—отвѣтилъ кто-то.

— Шеатулка у него?

— Кто его знаетъ; словно не видать было.

— Такъ и есть... Охъ, убейте меня! люди добрые, пришибите!—завизжала попада, ударяя себя кулакомъ въ грудь.

Карпъ Федорычъ высочилъ на улицу въ красной рубахѣ и закричалъ:

— Православные, спасите! Всѣхъ на корень поставлю, лучше прежняго заживете! Голубчики мои милые, спасите: здорово награду!

Оставивши свои домишки на распоряженіе злой стихіи, мужики толпами бросились въ домъ Карпа Федорыча, стоявшій на страшной очереди... Между тѣмъ какъ безпомощныя бабы и ребятишки были и голосили возлѣ своихъ пылающихъ домовъ, въ домѣ Карпа Федорыча кипѣла работа: по указанію хозяина, мужики дружно забирали его разнообразную подвижность и проворно вытаскивали въ поле.

— Братушки, живѣй! братушки, дружнѣй!—суетливо понукалъ ихъ Карпъ Федорычъ, бѣгая по комнатамъ и безпокойно поглядывая въ окна.

Въ продолженіи какихъ-нибудь трехъ часовъ Слизняки обратились почти въ пустыню. Въмѣсто довольно красивыхъ домовъ, безобразно торчали обгорѣвшія печи и трубы. Отъ большого села осталось всего пять-шесть домовъ, и то единственно благодаря перекіну въ направленіи вѣтра.

На другой день послѣ пожара, обуглившаяся площадь села Слизняковъ сдѣлалась театромъ слѣдующей трагикомедіи.

Карпъ Ѳедорычъ, окруженный многочисленной толпой погорѣльцевъ, держалъ въ рукахъ свой огромный гаманъ съ деньгами и торжественно раздавалъ каждому домохозяину по два пѣльмовыхъ.

— Кормилецъ ты нашъ! Отецъ родной! Спаситель невнячайный! — кричали мужики въ одинъ голосъ. — Прости насъ, оказанныхъ, что мы своими языками тебя, значить, потревожили. Видимъ твою добродѣтель, всѣ видимъ.

— То-то, други мои, — съ чувствомъ началъ Карпъ Ѳедорычъ: — теперь только вы меня поняли; а я вѣдь всегда такой. Сердце у меня всегда теплое и самое сердобольное. Видѣть скорбящаго человѣка — мнѣ ножъ острый. На одну *фисомію* его взгляну — сердце займется!.. А ежели еще свой, близкій человѣкъ попадаетъ въ бѣдствіе, то я ужъ и не знаю... Тутъ не то, что оно какое, аль ненависть, тутъ... рубашку послѣднюю... снять готовъ. И вдругъ... вы на меня...

При послѣднихъ словахъ голосъ Карпа Ѳедорыча задрожалъ, оборвался, и онъ поднесъ кулаки къ глазамъ.

Въ толпѣ раздался взрывъ самыхъ неистовыхъ восклицаній.

— Отецъ, прости!! — загорлалили мужики: — вѣкъ за тебя стоимъ будемъ! Уймись, Карпъ Ѳедорычъ, ради Христа уймись, а то ревомъ заревѣмъ.

Карпъ Ѳедорычъ отнялъ кулаки отъ глазъ, скорчилъ плачевную фисіономію и послѣ нѣкоторой паузы воскликнулъ:

— Эхъ, братцы, всѣхъ бы я васъ теперь обнялъ разомъ! близки вы моему сердцу!..

Мужики стиснулись возлѣ своего благодѣтеля и начали его лобызать. Кончивши эту церемонію, они подъ руки повели его въ квартиру.

— Кто ежели не одолѣетъ купить себѣ хату, скажите мнѣ, — изъяснялъ Карпъ Ѳедорычъ во время процессіи: — я поручусь за того въ лѣсной конторѣ. Пусть со временемъ по малости уличивается...

Долго послѣ этого Карпъ Ѳедорычъ былъ предметомъ ошеленныхъ толковъ и восторженныхъ похвалъ между слезняковскими обывателями. Даже отецъ дьяконъ на время примирился съ вѣроломнымъ припѣльцемъ, послѣ того, какъ онъ простилъ ему долгъ, причитавшійся за нимъ по записи. Всѣ погорѣльцы были имъ облагодѣтельствованы. Не нуждался въ помощи одинъ отецъ Тимошеей, ибо шватулку, о которой такъ безпокоилась помянутая, онъ успѣлъ выхватить изъ своей спальни и припрятать ее въ алтарѣ, какъ наиболѣе безопасномъ мѣстѣ. Прошло нѣсколько

гласить. Сливняки снова застроились. Раны зажили; стоны бѣдствующихъ затихли. Совершилось трехлѣтіе ктиторству Карпа Ѳеодорыча. Впечатлѣніе отъ его благотворительности было еще слишкомъ свѣжо въ сливняковцахъ, чтобы забыть его и не чувствовать благодарности за помощь въ нуждѣ. Къ тому же, отецъ Тимошей подновилъ въ нихъ это впечатлѣніе и это чувство особой рѣчью, въ которой яркими красками разрисовалъ добродѣтели Карпа Ѳеодорыча. И Карпъ Ѳеодорычъ единодушно былъ избранъ въ ктиторы еще на трехлѣтіе.

ХІІІ.

Первые два года вторыхъ выборовъ Карпа Ѳеодорыча были особенно доходны. Къ сливняковской святынь стекалось безчисленное множество богомольцевъ; кромѣ того, сливняковскую чудотворную икону брали во многія села и деревни. Сборъ денегъ былъ громадный; между тѣмъ счетъ ихъ по прежнему былъ тайною отца Тимошея и Карпа Ѳеодорыча. Карпъ Ѳеодорычъ въ короткое время сдѣлался помѣщикомъ, купилъ себѣ въ Сливнякахъ усадьбу и завелъ на ней огромный, уже *собственный* домъ; приобрѣлъ нѣсколько десятинъ лѣсу и пахатной земли. Чтобы лишить отца дьякона опаснаго вліянія на сливняковцевъ, Карпъ Ѳеодорычъ постарался внушить имъ, что дьяконовъ домъ загорѣлся первый не даромъ, что это Богъ его наказалъ за *напрасную* клевету на него, *несыннюю* Карпа Ѳеодорова, что дьяконъ только другихъ любитъ учить, а самъ «окончательно не исполняетъ божественныхъ *кондицій*» и т. п. Увѣренный въ неизбѣжности своего положенія, Карпъ Ѳеодорычъ не постѣснился разъ выразить эти мысли отцу дьякону въ глаза. Отецъ дьяконъ вскипѣлъ гнѣвомъ и рѣшился, во что бы то ни стало, сокрушить злую силу. Не рассчитывая на сочувствіе себѣ сливняковцевъ, подкупленныхъ фальшивою добродѣтелью Карпа Ѳеодорыча, онъ закинулъ съ своею интригою въ среду прихожанъ сосѣдней деревни.

Содержатель постоялаго двора въ деревнѣ Висляевкѣ, Иванъ Ячменевъ, былъ человѣкъ весьма честолюбивый, отважный и рѣшительный. Поставивши себѣ какуй-нибудь цѣль, онъ всегда шелъ къ ней на проломъ, не взирая ни на какія препятствія къ ея достиженію. Ни одного своего замысла не оставлялъ онъ безъ осуществленія, или, по крайней мѣрѣ, безъ попытокъ къ его осуществленію. Несчастье его состояло только въ томъ, что онъ былъ чрезвычайно рѣзокъ и не обладалъ искусствомъ ладить съ людьми.

Къ этому-то Ячменеву отецъ дьяконъ разъ и отправился, якобы затѣмъ, чтобы купить водки и солонины. Найдя у него нѣсколько висляевскихъ мужиковъ, отецъ дьяконъ обрадовался и тотчасъ приступилъ къ дѣлу.

— Приятно, братіе, видѣть своихъ вокругъ своего, — началъ онъ, усѣвшись подлѣ мужиковъ, по конецъ длиннаго стола. Видно, что тутъ едино тѣло и единъ духъ. А у насъ, въ Слизнякахъ, иноземцы господствуютъ. Духъ возмущается, видя подлости и гадости, какія тамъ совершаются.

— Чтѣ такое? — съ любопытствомъ спросилъ Ячменевъ, стоявшій среди избы, скрестивши руки.

— А то, — отвѣчалъ отецъ дьяконъ, — что Горловъ обморочилъ слизняевскихъ мужиковъ и забралъ силу совсѣмъ незаконную. Ровдалъ тогда послѣ пожара каждому по два цѣловыхъ, а теперь и водить всѣхъ за носъ, да вмѣсто рублей своихъ сотни выворачиваетъ. Отакнулся съ пепомъ и ворочаетъ церковною суммою — Богу одному вѣдомо — какъ. Разжился — страсти! Баринѣмъ сталъ, и никого знать не хочетъ. Вотъ ужъ пять лѣтъ старостой ходитъ. Деньги все это время рѣкой текли въ церковь; а гдѣ они? — неизвестно. Одни хоругви только и куплены, а все прочее осталось по прежнему. Вотъ, вѣдь, чтѣ значить вѣрится иноземцу! Будь у насъ старостой самый послѣдній изъ прихожанъ, и то бы не въ примѣръ лучше было, а если бы еще зажиточный — и недавно бы душой кривить не сталъ. Для славы Царицы небесной и для собственного очищенія, я думаю даже написать архіерею прошеніе, чтобы онъ приказалъ церковь нашу обревизовать, иноземца отмѣнить и выбрать на его мѣсто другого, изъ своихъ. Я уже имѣю на примѣтѣ одного человѣчка; прямо на него и укажу въ прошеніи. (При этомъ отецъ дьяконъ многозначительно взглянулъ на Ячменева).

— Вонъ штука какая! — съ удивленіемъ воскликнулъ Ячменевъ. Вѣрно это ты говоришь?

— Какъ же не вѣрно-то? когда я самъ того и гляди къ архіерею уѣду, — продолжалъ отецъ дьяконъ. — Я бы давно ужъ это обдѣлалъ, да мнѣ хочется, чтобы въ этому дѣлу приобщился ко мнѣ кто-нибудь изъ васъ. Тогда надежнѣе будетъ ходатайствовать.

— Чего тамъ *кто-нибудь*... Да я первый приобщусь! — съ воодушевленіемъ заговорилъ Ячменевъ. — Въ ночь къ владыкѣ катнемъ, и разомъ его свергнемъ! Ячменевъ раздвинулъ полы своей поддѣвки, заложилъ руки за спину и быстро зашагалъ по комнатамъ.

— Дѣло!—подхватили мужчины, и съ шумомъ похѣли изъ-за сѣн.

— Хорошо бы еще человѣчка два-три, для вѣрности.. —не-рѣшительно проговорилъ отецъ дьяконъ.

— Пять наберется, не то что три!—вскричалъ Ячменевъ.— Вотъ, они первые не откажутся,—добавилъ онъ, кивнувъ головою на мужиковъ.

— Не откажемся,—подтвердили мужчины:—ты только проше-не позабористѣ изготуеь.

— Знаете чтѣ?—нѣсколько подумавши заговорилъ отецъ дья-конъ:—прошеніе я напишу, это не долго адѣлать, оно почти ужъ готово. Но я полагалъ бы сперва вотъ что...

Мужики окружили отца дьякона и притихли.

— Ступайте, — продолжалъ онъ, — сперва къ благочинному, они, по секрету. Ваше, молю, высоеоблагословеніе! Наша цер-ковь находится въ расхищеніи, потому что, молю, староста съ своимъ совѣтамъ небрегутъ о суммѣ. Долго, молю, терпѣли мы все это; наконецъ, собираемся донести владыкѣ на бумагѣ. Если, молю, намъ не вѣрите, то повѣжайте хоть сейчасъ въ церковь и рассмотрите все доподлинно. Въ народѣ, молю, непокойно: соби-рится, молю, и васъ зацѣпить... Сдѣлайте это, мы и посмо-тримъ, чтѣ благочинный предприметъ. Можетъ быть, онъ и безъ насъ это вытѣснитъ. Я съ своей стороны изъ всѣхъ силъ возъ-мъ за это.

— Ладно, идетъ!—рѣшили мужчины.

XIV.

Планъ отца дьякона былъ исполненъ во всей точности.

Въ одно прекрасное утро благочинный, вмѣстѣ съ нѣсколь-кими висляевскими мужиками, неожиданно подкатилъ къ слизняков-ской церкви и тотчасъ же послалъ сторожа за причтомъ и ста-ростой.

— Къ благочинному, въ церковь!—объявилъ сторожъ, вбѣ-жавши въ-понихахъ къ Карпу Федорычу.

Карпъ Федорычъ слегка дрогнулъ.

— Затѣмъ?—спросилъ онъ, предчувствуя что-то недоброе.

— Не знаю,—отозвался сторожъ:—тамъ сумму, что-ли, какую провѣрять...

— Ступай, сейчасъ приду,—сквозъ зубы проговорилъ Карпъ Федорычъ.

Онъ торопливо натянулъ на себя поддѣвку, слезилъ затѣмъ-то въ сундукъ и побѣжалъ въ церковь, выпутывая дордгой свою бороду, прихваченную верхнимъ крючкомъ поддѣвки.

Въ церковной оградѣ Карпъ Ѳеодорычъ настигъ отца Тимофея.

— Батюшка, что это обозначаетъ?

— Не знаю, для меня самого это удивительно. Бывало, они все по постанъ, и прямо ко мнѣ.

— Въ случаѣ чего, вы, батюшка, ужъ какъ-нибудь того... Дѣло общее,—проговорилъ староста, едва переводя духъ.

— Ладно,—отозвался священникъ глухимъ голосомъ, ускоривъ шагъ.

Когда оба они вошли въ церковь, причтъ и мужики-протестанты были уже тамъ. Дьяконъ въ алтарѣ въ полголоса бесѣдовалъ о чемъ-то съ благочиннымъ; дьячки стояли на клиросѣ и, вытянувъ шеи по направленію къ боковой двери алтаря и наостривъ уши, старались вслушаться въ таинственную бесѣду; мужики, собравшись въ кружокъ около кладовой, перешептывались и переглядывались въ нетерпѣливомъ ожиданіи развязки. Завидѣвъ священника, они съ вытянутыми руками и наклоненными головами потянулись, одинъ за другимъ, *подъ благословеніе*. Священникъ, на ходу, небрежно потрясъ рукою надъ каждою протянутою къ нему горстью и сердито ткнулъ мужикамъ въ губы муслаки своихъ пальцевъ. Почесывая въ затылкахъ, мужики ретировались къ кладовой, а священникъ со старостой направились въ алтарь.

Черезъ нѣсколько минутъ благочинный, священникъ, дьяконъ и дьячки двинулись къ кладовой. Карпъ Ѳеодорычъ отперъ кладовую и, перекрестясь, шагнулъ черезъ ея порогъ. Здѣсь, на правой сторонѣ, посрединѣ длинной стѣны, стоялъ большой деревянный сундукъ, *долженствующій* вмѣщать въ себя церковную сумму. Староста опустился передъ сундукомъ на колѣни и полѣзъ въ карманъ. Мужики обступили сундукъ и впились глазами въ Карпа Ѳеодорыча. Карпъ Ѳеодорычъ вынулъ ключъ и какой-то бумажный свертокъ. Зажавъ свертокъ между колѣнъ, онъ дрожащими руками началъ отпирать сундукъ. Мужики замѣтили свертокъ и, пригнувшись, старались разгадать его таинственное содержаніе. Карпъ Ѳеодорычъ воровски оглянулся по сторонамъ, подперъ головой крышку сундука и быстро вбросилъ внутрь его загадочный свертокъ.

— А-а, подбросилъ, подбросилъ!—вскрикнули мужики,—сейчасъ умереть, подбросилъ.

— Что такое?—спросилъ благочинный,—быстро приблизивъ къ сундуку.

— Вонъ, вонъ, въ бумагѣ-то, въ бумагѣ-то!—въ одинъ голосъ закричали мужики, указывая на свертокъ.

Благочинный молча нагнулся надъ сундукомъ, досталъ изъ него свертокъ и развернулъ. Въ немъ оказался цѣлый пукъ крупныхъ ассигнацій.

Крышка сундука захлопнулась, и Карпъ Ѳеодорычъ, опустивъ руки и голову, блѣдный, какъ мертвецъ, стоялъ на колѣняхъ, въ позуоборотъ къ благочинному. Въ кладовой водворилась мертвая тишина. Глаза всѣхъ присутствующихъ обратились на благочиннаго и на свертокъ.

— Это что такое?—серьезно спросилъ благочинный Карпа Ѳеодорова, трясъ ассигнаціями.

— Это... это, ваше высокоблагословеніе, — началъ, заикаясь Карпъ Ѳеодорычъ: — это, ей-Богу, я только для оборота, единственно... какъ передъ Богомъ... только на время.

— Да развѣ можно церковныя деньги пускать въ оборотъ? Видъ это святотатство!—воскликнулъ благочинный.—Въ сундуке-то, стало быть, ничего нѣтъ?

— Да тамъ и было-то не Богъ знаетъ сколько,—тихо прошепталъ Карпъ Ѳеодорычъ,—все еще стоя на колѣняхъ.

— Какъ не Богъ знаетъ сколько?—возразилъ благочинный: — ужъ большіе доходы, денегъ должно быть много. Развѣ на драгъ много затрачено?

— Ничего, ваше высокоблагословеніе, какъ есть ничего,—закричали мужики:—только одни херутѣи и торчатъ.

— Вотъ видишь,—проговорилъ благочинный, разведя руками... Вамъ-то какъ не стыдно допускать этакое? — обратился онъ къ отцу Тимоѳею.

— Да я что же тутъ допускаю?... Гдѣ же я тутъ допускаю?...—въ смущеніи забормоталъ отецъ Тимоѳей.—Я стараніемъ своимъ всегда готовъ... при всей возможности и исправности,—добавилъ онъ, самъ не зная, что говорить. Затѣмъ онъ загнулся и съ минуту молча и бессмысленно смотрѣлъ во всѣ глаза на благочиннаго.

Мужики оживленно шептали и кивали головами на старосту и на попа. Дьячки съ изумленными фязіономіями стояли, вытянувшись во фронтъ и тихо поталкивали другъ друга въ бокъ; отецъ дьяконъ, отвернувшись къ уголку, преспокойно и методически набивалъ то одну, то другую ноздрю табакомъ.

Дѣло кончилось тѣмъ, что Карпъ Ѳеодорычъ немедленно былъ «высаженъ изъ старостовъ», а слиянковскому причту, недѣли черезъ три послѣ того, присланъ былъ изъ консисторіи указъ, коимъ предписывалось, чтобы «впредь священникъ вдвоемъ со старостой церковныхъ денегъ отнюдь не считалъ, а привлекалъ бы къ сему и причтъ».

— Эхъ, не дали мнѣ еще годокъ-другой походить вокругъ Царицы небесной!—воскликнулъ разъ бывший староста въ интимной бесѣдѣ съ супругою: — тогда я щенковскую-то землю съ лѣскомъ безпремѣнно бы прихватилъ...

СПЕРАНСКІЙ

И

ЕГО РЕФОРМЫ ВЪ СИБИРИ

Государственная дѣятельность Сперанскаго и его преобразовательные планы въ лучшую эпоху его жизни достаточно извѣстны и были не разъ выяснены исторической литературой. Не менѣе интересно является его дѣятельность по отношенію къ Сибири, наполнившая другую часть его жизни и имѣвшая свою исторію и самостоятельное значеніе. Недаромъ пребыванію Сперанскаго въ Сибири придается огромное значеніе въ исторіи этой страны и выставляется особою эпохою, съ которой началась новая жизнь въ этихъ отдаленныхъ провинціяхъ. Сперанскому, говорятъ, обязана Сибирь уничтоженіемъ старой системы управленія, искорененіемъ вѣковыхъ злоупотребленій, измѣненіемъ нравовъ и, наконецъ, созданіемъ новаго законодательства и лучшихъ формъ мѣстнаго управленія. Сперанскимъ отдѣляется Сибирь XIX-го столѣтія отъ Сибири XVIII и XVII-го столѣтій. Онъ считается единственнымъ реформаторомъ, котораго видѣла Сибирь и дѣятельность котораго оставила глубокое впечатлѣніе во всей ея исторической жизни. Потому особенно важно оцѣнить историческое значеніе реформы Сперанскаго въ связи какъ съ предшествовавшею, такъ и послѣдующею сибирскою исторіей.

Отправленіе Сперанскаго въ Сибирь, какъ администратора исполнѣ честнаго, даровитаго и образованнаго, имѣло уже значе-

ніе само по себѣ, но это значеніе усиливается въ виду тѣхъ особыхъ порученій, которыя ему были сдѣланы. Дѣятельность его была притомъ многосторонняя: онъ производилъ ревизію края, завѣдывалъ его управленіемъ, наконецъ, составилъ для него особое положеніе. Онъ являлся во всемъ не какъ простой администраторъ, но какъ государственный человѣкъ, которому было предложено самому изучить нужды края. Ему было поручено, какъ выражается рескриптъ Александра I, «сообразить на мѣстѣ полезнѣйшее устройство и управленіе сего отдаленнаго края и сдѣлать оному начертаніе».

Къ сожалѣнію, оцѣнки реформамъ Сперанскаго въ Сибири до сихъ поръ не было сдѣлано, такъ какъ исторія Сибири вообще мало разрабатывается, и самыхъ матеріаловъ и свѣдѣній о пребываніи Сперанскаго въ этомъ краѣ не было собрано. Въ послѣднее время, однако, начали появляться въ печати документы, относящіеся къ сибирской эпохѣ дѣятельности Сперанскаго, и особенно богатый вкладъ составляетъ трудъ г. Вагина: «Историческія свѣдѣнія о дѣятельности графа Сперанскаго въ Сибири съ 1819 по 1822 г.», изданныя въ двухъ томахъ съ приложеніемъ и документами, которыми мы преимущественно и пользуемся, равно какъ и письмами Сперанскаго, изданія Публичной библіотеки, книгою Корфа и другими документами, разсыянными въ періодическихъ изданіяхъ.

Оцѣнка реформы Сперанскаго въ Сибири и рассмотрѣніе выработанныхъ имъ основъ имѣетъ особую важность, какъ въ виду вновь возникающаго обсужденія вопросовъ по управленію этимъ краемъ, его административнаго дѣленія, такъ и готовящихся реформъ для него.

I.

Управленіе Сибирью представляло всегда громадныя затрудненія, такъ какъ этотъ край былъ завоеванный, въ которомъ приходилось удерживать новопріобрѣтенныя земли, усмирять инородцевъ, вести дипломатическія сношенія съ азіатскими странами, заводить торговлю, отыскивать промыслы, колонизировать страну и обеспечивать ея продовольствіе. Къ этому еще присоединялась чрезвычайная отдаленность Сибири отъ Москвы и Петербурга на цѣлыя тысячи верстъ, а слѣдовательно и отъ правительственнаго надзора. Въ этомъ и состояла всегда «особенность управленія» этимъ краемъ. Съ одной стороны, свойство дѣятельности въ краѣ требовало особыхъ

многочій, быстрой распорядительности и обозрѣнія дѣлъ на мѣстѣ, съ другой — отдаленность края требовала особеннаго контроля и надзора за правителями, такъ какъ въ этомъ край всего легче могли развиваться злоупотребленія, произволъ и самовластіе. Въ преобладаніи того или другого изъ этихъ началъ, въ борьбѣ ихъ и трудности соединить обѣ эти задачи заключается вся исторія сибирскаго управленія и до Сперанскаго, и послѣ него.

Въ древнее время посмѣлились сюда воеводы, облеченные громадною властью, имъ предоставлялось неограниченно завѣдывать всѣми частями управленія: войскомъ, судомъ, сборомъ ясака; кромѣ того, имъ поручались промышленныя казенныя монополіи: торговля мѣхами, виномъ, табакомъ, ревенемъ, мамонтовою костью и проч. Сначала правительство во взглядѣ на Сибирь руководствовалось завоевательными соображеніями, потомъ фискальными. Управление вѣрялось совершенно усмотрѣнію воеводъ: «дѣлать по тамошнему дѣлу и по своему вымотру, какъ пригоже и какъ Богъ вразумитъ», говоривалось въ инструкціяхъ. Впослѣдствіи, съ Петра I, власть воеводъ, перешедшая къ генералъ-губернатору, была столь же обширна и безконтрольна: все вѣрялось правителю, его усмотрѣнію и соображеніямъ. Отсюда были два послѣдствія: самовластіе и развитіе злоупотребленій. Въ первое же время безконтрольность воеводъ породила такіа злоупотребленія, что высшее московское правительство должно было начать борьбу съ ними. Чтобы предупредить злоупотребленія воеводъ, имъ запрещалось имѣть мѣха и имущества болѣе, чѣмъ необходимо; по возвращеніи ихъ изъ Сибири, ихъ обыскивали съ женами, дѣтьми и домохозяевами; но столь наивныя мѣры, конечно, не помогали злу. Воеводы наживались, да и на самое назначеніе они смотрѣли какъ на наживу. Впослѣдствіи замѣнившіе воеводъ правители были не лучше ихъ, и сосредоточеніе власти въ Сибири въ рукахъ одного или нѣсколькихъ правителей вело къ одному и тому же. Самая нажива и хищничество считались совершенно законными, естественными въ новозавоеванномъ край и выработывались постепенно исторіей и жизнью этой страны. Военный побѣдъ и контрибуціи постепенно переходили во взятку при гражданскомъ управленіи; «полонъ» переходилъ въ кабалу и рабство кочевца, съ татарина переносился на русскаго, военачальническая власть со всѣми привычками оставалась и при гражданскомъ управленіи, — рѣзкой черты между ними не было; абсолютное повиновеніе, требуемое завоевателемъ, переносилось и на колющаго; промышленная монополія въ пользу правительства возбуждала духъ той же промышленной наживы и въ воеводахъ; экс-

плуатація всякаго рода практиковалась какъ частными лицами, такъ и воеводами. Взглядъ на край, какъ на мѣсто наживы, былъ твердо усвоенъ сверху до низу и вошелъ въ нравы сибирской жизни. Страна эта не имѣла и тѣни гражданскаго полнoprавія, и потому вплоть до настоящаго столѣтія славилась громаднымъ взяточничествомъ. Строгіе указы противъ грабителей посылались сюда постоянно, воеводѣ часто смѣняли, отдавали подъ судъ, иногда даже били кнутомъ, но все это не помогало дѣлу. Разныя «конфузіи» и безпорядки въ Сибири не прекращались, и отъ управителей обыватели терпѣли по прежнему несносное разореніе. Начиная съ Петра I, наказанія правителей усилились: ихъ ссылали на каторгу, имъ вырывали ноздри, ихъ били кнутомъ, имъ рубили головы; но ни казни, ни каторга не могли истребить того, что до мозга костей проникло въ нравы. Взяточничество и послѣ петровской реформы осталось такимъ же, какимъ было и до нея. «Крестьянамъ,—писалъ де-Геннинъ Петру — крестьянамъ бѣднымъ разореніе отъ судей, и въ городахъ отъ земскихъ управителей и въ слободахъ зѣло тягостно и безъ охраненія, а купечество же и весьма разорилось, такъ что едва посадскаго капиталиста сысхать можно. И хотя здѣсь всѣмъ извѣстенъ *экземпль*, учиненный князю Гагарину (т.-е. казнь его за взятки), однако, здѣсь въ Сибири не унижаются бездѣльники. Отъ земскихъ комиссаровъ лишніе сборы чинять и обиды народу. Судебные комиссары дѣлаютъ великія пакости и неправды. И хотя челобитныя и донесенія на нихъ отъ бѣдныхъ людей есть, но никакого розыска и рѣшенія не чинится, и на кого бьютъ челомъ, тѣ по волѣ ходятъ, и знаемо (т.-е. извѣстно), что такимъ ворами потакомъ отъ надворныхъ судей. Также объ учиненныхъ обидахъ отъ солдатъ рассмотрѣній и резолюцій не чинится. А камериры своимъ подчиненнымъ, также надворные судьи и магистратъ своимъ подчиненнымъ потакаютъ». Изъ этой картины, представленной де-Генниномъ, видно, что взяточничество и подборъ охватывали въ XVIII-мъ ст. въ Сибири всѣхъ лицъ, всѣ учрежденія съ высшаго до низшаго, всѣ судебныя и административныя должности. Брали всѣ, начиная съ губернатора и кончая канцеляристомъ; брали всѣмъ, что имѣлъ обыватель. Такъ дѣло идетъ въ продолженіи всего XVIII-го столѣтія. Жолобовъ, казненный въ 1736 году, злохитростными вымыслами изъ великихъ себѣ взятокъ составилъ огромное состояніе: онъ бралъ всѣмъ, начиная съ золота и драгоценныхъ мѣховъ, кончая мясомъ и яйцами. Иркутскій ревизоръ Крыловъ вымучилъ у иркутскихъ жителей одними деньгами до ста-пятидесяти-пяти

пять рублей. Развитіе злоупотребленій являлось слѣдствіемъ насильно же громадной власти, сосредоточенной въ однихъ рукахъ, изолью и полной безконтрольности. Правители, пока жили въ Сибири, не боялись никого и ничего. Часто они не обращали вниманія на царскіе указы и дѣйствовали наперекоръ имъ. Такъ, какой-то воевода Вяземскій, не только «дворовъ и пашенъ и сѣнныхъ покосовъ охотникамъ, согласно царскому указу, не далъ, но и посыльщика, съ которымъ была послана царская грамота, убилъ и изувѣчилъ». Власть надъ личностью и имуществомъ при такомъ порядкѣ дѣлъ была полная. Воеводы и губернаторы въ XVIII-мъ столѣтіи отличались желѣзнымъ управленіемъ. Тѣлесныя наказанія, кнуты, темницы и пытки «огонь и желѣзо» были орудіями этого управленія. Произвольныя конфискаціи имущества, заточеніе и казни личностей, которыхъ имущество хотѣлъ пріобрѣсти воевода, были въ полномъ ходу. Нигдѣ самовластіе не достигало такихъ размѣровъ, нигдѣ правители не были такими всемогущими, какъ въ Сибири, въ прошломъ столѣтіи. Они окружали себя царскими почестями и пользовались неограниченной властью. Уже воеводы задавали пиръ на весь міръ, и кто къ нимъ ни являлся на торжество, долженъ былъ доставлять приношеніе. Генералъ-губернаторъ Гагаринъ употребилъ свою власть въ Сибири, чтобы скопить огромное состояніе, онъ украсилъ домъ свой какъ дворецъ, на потолкѣ у него были акваріи съ дорогими рыбами, лошади подковывались золотомъ и серебромъ. Намѣстники еще болѣе кичились властью, и въ 1782 г., когда Кошкинъ открывалъ намѣстничество, онъ стоялъ на императорскомъ тронѣ и принималъ поклоненіе отъ всѣхъ сибирскихъ народностей. При немъ также давались пиршества для народа съ жареными быками. Дворы губернаторскіе были набиты челядинцами. У Чичерина было 150 гайдуковъ, Явобъ привезъ съ собою 40 человекъ однихъ пугачановъ. Нѣмцовъ завелъ лейбъ-стражу, подъ названіемъ «глухой команды». Въ Иркутскѣ одинъ губернаторъ изъ подражанія архіерею, которому звонили, приказалъ при своемъ выѣздѣ стрѣлять изъ пушекъ. Главный начальникъ Нерчинскихъ заводовъ, Нарышкинъ, устраивалъ пиры, разбрасывалъ казенныя деньги, составилъ себѣ лейбъ-стражу изъ крестьянъ и каторжниковъ, изъ бурятъ сформировалъ *красный гусарскій полкъ* и бралъ ширные города. Словомъ, сибирскіе управители стремились постоянно къ «вицеройству», ихъ охватывало упоеніе властью, и они стали выказывать себя безотвѣтственными и исполнѣ независимыми. Генералъ-губернатора Гагарина даже подозрѣвали, что онъ хотѣлъ

отдѣлѣнъ Сибирь и сдѣлаться независимымъ. Другіе правители не уступали ему въ пышности и гордости. Стремленіе къ вѣнцѣ власти отзывалось и далеко повдѣе въ сибирской исторіи: оно вошло въ привычку правителей. Сибирскіе правители, привыкши распоряджаться независимо, часто даже сами начинали убѣждаться, что они никому не обязаны отчетомъ и не признавали явившихся на смѣну личностей. Отдаленная провинція поэтому не разъ повергалась въ анархію. На смѣну взяточника Жолобова, наприимѣръ, въ 1733 г. явился новый губернаторъ Сытинъ, но по прѣпадѣ онъ захворалъ и вскорѣ умеръ, поручивъ исполненіе своей должности коллежнику Бухольцу. Но Бухольцъ, не имѣя предписанія свыше, не смѣлъ ѣхать въ Иркутскъ. Жолобовъ также не признавалъ своей смѣны. Тогда въ Иркутскѣ составилось временное правительство изъ подъячаго Татаринова, атамана Лисовскаго и епископа Инновентія. Члены этого временнаго правительства убѣдили иркутское общество просить сибирскую канцелярію назначить губернаторомъ *малолѣтняго сына Сытина*, подъ опекою коллежника Бухольца. Но Жолобовъ, путемъ интригъ, и уморивъ бургомистра и купцовъ подать голосъ за него, снова добился исправленія должности. Получивъ указъ о томъ о назначеніи, онъ обрушился мстѣю на подъячаго Татаринова и всѣхъ, кого считалъ врагами, въ томъ числѣ Литвинцева. Онъ ставилъ ихъ на правѣжъ, билъ палками и истязалъ. Покончивъ съ одними, Жолобовъ принимался за другихъ. Наконецъ, прѣхалъ слѣдователь, бригадиръ Сухаревъ, и положилъ конецъ этимъ гоненіямъ. Для обузданія Жолобова и гонимыхъ имъ лицъ, Сухареву дана была цѣлая рота солдатъ. Подобно Жолобову, и многихъ другихъ правителей приходилось смѣнять только силою; точно также только при помощи военной команды могли смѣнить слѣдователя Крылова; смѣняли такимъ же путемъ и другихъ чиновниковъ. Изъ этого уже видно, какъ разрасталась власть сибирскихъ правителей. Нечего говорить, что передъ такою силою все должно было преклоняться, все трепетало. Въ случаѣ сопротивленія, при малѣйшихъ жалобахъ и оппозиціи, на жителей обрушался терроръ правителей, какимъ ознаменовывали себя Жолобовъ, Крыловъ и другіе. Не только пытки и кнуты были въ употребленіи, но прежніе правители нерѣдко примѣняли и смертную казнь.

Въ этотъ древній періодъ единственнымъ обузданіемъ мѣстныхъ начальниковъ для правительства служила ихъ строгая кара. Но какъ ихъ ни подвергали ответственности, какъ ни смѣняли, положеніе дѣлъ не измѣнялось. Являлись изрѣдка ревизоры для

обсѣдованія дѣлѣ на мѣстѣ, но, подобно Крылову, посланному при Екатеринѣ, преслѣдуя предшественниковъ, они сами доходили до величайшаго своеволія и сами начинали обирать жителей, пользуясь предоставленною имъ силою. Словомъ, каждая власть, какая только ни являлась въ Сибирь, немедленно же преобразовалась, усвоивала самовластіе и предавалась наживѣ.

Мы уже указали, что причины этого крылись не въ отдѣльных личностяхъ, но въ томъ положеніи, какое предоставлялось правителямъ въ этой отдаленной странѣ. Они незамѣтно приоброутали привычки самовластія вдали отъ контроля, при неограниченныхъ уполномочіяхъ, точно также какъ развитіе злоупотребленій, не встрѣчая ни откуда препятствій, явилось естественнымъ при отдаленности края и при тѣхъ искушеніяхъ въ обогащенію, какія представлялъ край.

Конецъ и начало нынѣшняго столѣтія повторили характеръ и нравы предшествовавшей эпохи въ сибирскомъ управленіи. Въ это время думали уничтожить зло большимъ довѣріемъ главнымъ начальникамъ и усиленіемъ ихъ власти. Для этого, въ 1783 г. было открыто въ Иркутскѣ намѣстничество. Первымъ намѣстникомъ иркутскимъ и колыманскимъ былъ генераль-поручикъ Якоби. «Губернія была раздѣлена на четыре области, и все это чиновничество деспотствовало», говоритъ иркутскій лѣтописецъ. Самъ Якоби былъ сатрапъ-сибаритъ. «Одно осталось о немъ въ памяти иркутянъ: пышно-весело жилъ». Подъ конецъ онъ отданъ былъ подъ судъ и томился подъ нимъ десять лѣтъ. «Мѣстное населеніе, подавленное, истощенное, самовластіемъ и поборами,—говоритъ г. Вагинъ,—имѣло только одно средство—бороться съ ними жалобами и доносами». Въ прошлое столѣтіе жалоба и доносъ наказывались весьма жестоко, тѣмъ не менѣе видимъ, какъ во время террора Жолобова и Крылова жители и подсудимые вклинкивали «слово и дѣло», чтобы какъ-нибудь добиться правосудія; тогда подсудимаго заковывали, подъ строжайшимъ присмотромъ отсылали въ Москву или въ Петербургъ, гдѣ вновь ставили на праведъ, причемъ онъ долженъ былъ объявить, о чемъ знаетъ. Иногда успѣвали подсудимые разоблачать, что дѣлается въ Сибиріи и приносить свои жалобы, и тогда-то вотъ посылались ревизіи, какъ при Жолобовѣ. Въ концѣ прошлаго столѣтія общество стало смѣлѣе въ жалобахъ и доносахъ по поводу злоупотребленій. Вѣроятно, этому способствовало уничтоженіе «тайной канцеляріи». Но повѣрка доносовъ была затруднительна, обвиняемые всегда находили множество средствъ оправдаться. Дѣйствительно, управители Сибиріи долго и много от-

писывались, пока совершенно не запутывали дѣла. Примѣръ можно было видѣть на дѣлѣ Якоби. По этому поводу Екатерина надписала на немъ: «читано предъ нами нѣсколько тысячъ листовъ подъ названіемъ сибирскаго якобіевскаго дѣла, изъ коихъ мы много ничего не усмотрѣли, кромѣ ябеды, сплетень и кляузъ». Этими словами было положено подозрѣніе на сибиряковъ, подозрѣніе совершенно неоправдавшееся, которое послужило къ дальнѣйшимъ недоразумѣніямъ. «Слова эти были клеймомъ на сибиряковъ, — говоритъ иркутскій лѣтописецъ, — за которое они въ послѣдствіи дорого заплатились. Горе отдаленной провинціи, — прибавляетъ онъ, — ежели правительство поставить между ей и собою оплотъ предубѣжденія». Тѣмъ не менѣе къ правителямъ Сибири правительство начинало быть бдительнѣе. Такъ, Нагель, при Павлѣ I, былъ привезенъ изъ Иркутска съ фельдтегеремъ для личнаго объясненія съ государемъ по поводу какого-то доноса, и снова возвращенъ, когда имп. Павелъ вспомнилъ, что его зналъ въ какомъ-то полку. Въ это время смѣны правителей дѣлаются только чаще. Такъ, послѣ Штрандмана былъ въ Иркутскѣ Леццино, гордый, надменный и сухой, какъ говоритъ о немъ лѣтописецъ. Леццино этотъ не ладаилъ съ комиссаріатскимъ начальникомъ Новицкимъ и вызвалъ жалобы иркутскихъ жителей, увлекшись разведеніемъ огородовъ, обсаживаніемъ города березками и проч., чѣмъ тяготились жители. На ревизію прибылъ немедленно сенаторъ Селифонтовъ. Онъ сошелся съ Новицкимъ и представилъ иркутскую губернію «въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что на нее безъ слезъ взирать невозможно». Леццино былъ удаленъ немедленно отъ должности, а Селифонтову приказано отъ правительства представить, какими мѣрами думаетъ онъ исправить положеніе Сибири. Его мнѣніе состояло въ томъ, чтобы Сибирь раздѣлить на три губерніи и соединить ее подъ управленіе одного генералъ-губернатора, облеченнаго *особенною высочайшею довѣренностью*. Такимъ образомъ Селифонтовъ вновь проектировалъ одно усиленіе власти. Оставался вопросъ, кого облечь властью. Назначили Селифонтова. При этомъ дана была ему особая инструкція для управленія, существовавшая 20 лѣтъ, вплоть до назначенія Сперанскаго. Сибирскіе правители въ это время успѣваютъ склонить правительство къ мнѣнію, что всѣ беспорядки въ Сибири происходятъ отъ ябеды и кляузъ мѣстныхъ жителей, а не отъ неистовствъ администраціи. Селифонтову говорится въ инструкціи, что «по духу ябеды, издавна замѣченному между сибирскими жителями», тѣхъ, которые имѣютъ безпокойный характеръ и могутъ вліяніемъ своимъ

в общество препятствовать благимъ мѣрамъ правительства, ссылая въ отдаленныя мѣста. Это послужило для сибирскихъ губернаторовъ правомъ карать челобитчиковъ. Опираясь на это право наслѣдствіи, Трескинъ и Пестель развернули свою страшную систему. Селифонтовъ сочувствовалъ бѣдствующей иркутской губерніи, какъ видно, только до тѣхъ поръ, пока не въѣхалъ въ Сибирь. Облеченный громадною властью, онъ явился «какъ Вице-Рой, — говорить лѣтописецъ: — все пало ницъ и безмолствовало». Селифонтовъ оставилъ жену въ Tobольскѣ, а въ Иркутскъ привезъ свою наперсницу, мадамъ Бойе; она остановилась въ генералъ-губернаторскомъ домѣ. «Сейчасъ, — говорить тотъ же дѣтописецъ, — ждали черезъ кого надобно *обдѣлывать дѣла*, и обдѣлывали». При Селифонтовѣ управляли такимъ образомъ мадамъ Бойе и секретарь Бакулинъ, который, раздѣливъ Сибирь на комиссарства, продавалъ ихъ управителямъ, кто больше дастъ. Помѣи явились прежніе. При Селифонтовѣ проѣзжало посольство Головина. Губернаторъ Корниловъ между тѣмъ не ладилъ съ Селифонтовымъ, какъ Новицкій съ Лецино; онъ передалъ похищеніе дѣла Головину. Дошло дѣло до Петербурга, и указомъ былъ смѣненъ Селифонтовъ, съ запрещеніемъ въѣзжать въ столицу. Такъ кончилось его вице-ройство. Послѣ Селифонтова назначается Пестель, и привозитъ съ собою Трескина. Въ эту пору мы видимъ, что самыя смѣны управителей и обличеніе злоупотребленій, въ Сибирѣ не прекращавшихся, являются только орудіемъ для чиновничьихъ интригъ. Доносы и обличенія сыпались въ Сибирѣ, но каждый обличалъ предшествовавшій порядокъ съ тѣмъ, чтобы сѣсть на мѣсто предшественника и, забравъ власть, подражать ему и дѣлать то же. Такимъ образомъ, самый безпорядокъ въ Сибирѣ служилъ поводомъ играть въ мѣста для сибирскихъ чиновниковъ. Смѣна генералъ-губернаторовъ не помогала дѣлу, а усиленіе ихъ власти и довѣріе становились только средствомъ для нихъ раздѣлить отдаленную провинцію между своими любимцами. Управление Пестеля послужило завершеніемъ того предшествовавшаго и послѣдней попыткой приложить способъ управленія самовластиа и подавленія.

Пестель, понимая ошибки своихъ предшественниковъ, рѣшился вершить дѣломъ упрочить свою власть въ Сибирѣ и обезпечить ее на долго. Онъ управлялъ Сибирью 14 лѣтъ, до Сперанскаго, и въ это время возвелъ предшествовавшую систему до крайняго развитія, опираясь на всѣ предыдущія уполномочія и вытребовавъ новыя. Пестель рѣшился начать управленіе не съ разоблаченія злоупотребленій, какъ то предшественники, но съ уничтоженія жалобъ и пресѣченія вся-

кой возможности жаловаться. Тушой и ограниченный по способностямъ, но злой и самолюбивый, онъ явился въ Иркутскъ съ тѣмъ, чтобы вмѣсто привѣтствія объявить обществу: «при назначеніи меня генералъ-губернаторомъ въ Сибирь, первая моя всеподданнѣйшая просьба была, чтобы переимѣнить здѣсь бѣлые воротники. Я былъ въ Вяткѣ на слѣдствіи, и тамъ тоже бѣлые воротники, и всѣ на-голо збедники». И Пестель засмѣялся гуги-вымъ зловѣщимъ смѣхомъ (Пояснен. къ Иркутской Лѣт. въ Чтен. 1853 г., кн. 3, стр. 72). Такимъ образомъ, Пестель отнесся съ явнымъ недоверіемъ къ обществу и объявилъ, что будетъ искать причины зла въ немъ. По убѣжденіямъ, это былъ защитникъ всякаго начальническаго авторитета; утвердить такой авторитетъ онъ поставилъ свою цѣль, а общество должно было погрузиться въ безмолвное повиновеніе. Въ помощники онъ выбираетъ расторопнаго и распорядительнаго почтамтскаго чиновника Трескина, безъ котораго не рѣшался ѣхать въ Сибирь. Это былъ рабъ и наперсникъ Пестеля. Пестель ему безусловно вѣрилъ во все время своего управленія, онъ предоставилъ ему полную свободу и власть, какую только могъ ему передать на основаніи инструкции, а инструкция эта была всемогуща. Личность Трескина такъ характеризуетъ г. Вагинъ: «Это былъ человѣкъ умный и дѣльный», до извѣстной степени, конечно, «но его умъ и дѣятельность были—не государственнаго человѣка, а канцелярскаго и полицейскаго чиновника. Они были устремлены только на мелочи и многописаніе. Трескинъ былъ превосходный исполнитель, какъ большая часть людей этого рода, онъ могъ быть только хорошъ въ хорошихъ рукахъ. Его предоставили самому себѣ, облекли высокою властью. Въ немъ вполне развились полицейскія замашки того времени, и изъ него вышелъ невыносимый деспотъ». Какъ человѣкъ, какъ семьянинъ, Трескинъ даже былъ добръ; впрочемъ, подобныхъ качествъ не чужды самыя кровава-жидные звѣри, любящіе своихъ дѣтеннышей.

Въ своемъ управленіи Трескинъ руководствовался вполне собственнымъ усмотрѣніемъ. «Законовъ онъ не исполнялъ, на министерскія приказанія не обращалъ никакого вниманія», сообщаютъ изслѣдованія г. Вагина; онъ позволялъ себѣ величайшія самоуправства. Его защитникъ и поклонникъ, Геденштротъ, говоритъ, что «губернію онъ считалъ вотчиною, а себя полновластнымъ въ ней приказчикомъ или управляющимъ». «Даже помѣщичій произволъ никогда не достигалъ въ Россіи такого развитія, какъ трескинский произволъ въ иркутской губерніи. Его можно только сравнить съ произволомъ и мелочнымъ вмѣтательствомъ Арак-

тства въ военныхъ поселеніяхъ». Оставивъ расторопнаго и самостоятельнаго Трескина распоряжаться въ Сибирѣ, Пестель уѣхалъ въ Петербургъ, и все время пребывалъ тамъ. Здѣсь онъ вліялъ и направлялъ по-своему сибирскія дѣла.

14-ти-лѣтнее управленіе Пестеля и Трескина было ознаменовано крупными злоупотребленіями, которыя достаточно выяснились, благодаря ревизіи Сперанскаго и собраннымъ нынѣ матеріаламъ. Взяточничество въ этотъ періодъ не только не уменьшилось, но еще лучше организовалось. Пресѣченіе всякой гласности, всякихъ жалобъ превратило его въ обыкновенный порядокъ. «Трескинъ имѣлъ достойныхъ сподвижниковъ,—пишетъ г. Вагинъ, на основаніи своихъ историческихъ матеріаловъ.—Жена и любимцы его безчинствовали открыто. Агнія Ѳедоровна, жена Трескина, была «женщина домовитая», какъ о ней говорили, и весьма притомъ не строгихъ правилъ. «Къ ней отправлялся всякій, кто хотѣлъ давать,—пишетъ иркутскій лѣтописецъ.—Исправники, комиссары безъ доклада могли входить въ уборную, даже въ спальню. Они называли чиновниковъ своими дѣтьми». Въ самомъ дѣлѣ, мѣста подъ конецъ всѣ были заняты чиновниками, привезенными Пестелемъ и Трескинымъ «изъ Москвы» (Вагинъ, с. II). Самъ Трескинъ подозревался, что при заготовкѣ хлѣба въ казенные магазины чрезъ комиссаровъ онъ имѣлъ «знатный доходъ». Что касается взяточничества его жены, то оно было открытое. «Довольно странно было видѣть,—пишетъ иркутскій лѣтописецъ,—въ передней сидящаго лакея, фаворита барыни самой, записывающаго кто что принесъ, и толпу купцовъ съ кулями, со свертками, пѣвиками, съ анкерами и тому подобнымъ». Жители Иркутска, имѣвшіе дѣла, говорили, по отзывамъ старожиловъ: «вотъ, Агнесъ Ѳедоровнѣ надо поклониться.—Купи мѣхъ соболій! Привесутъ мѣхъ, сторгуютъ его за пять, за шесть тысячъ, и мѣхъ возьмутъ, и деньги. Другому, третьему то же. Одинъ-то мѣхъ разъ 50 продавали» (Рассказъ Обухова, приложение къ 1 т., с. 565). Она брала соболями, муфтами, разсказываетъ другой старожилъ; взятки давали губернаторишѣ, проигрывая часто въ карты. «Она за взятки,—сообщаетъ третій современникъ,—раздавала мѣста. У нея былъ подставной Третьяковъ. У него съ истиннымъ дворомъ были и лапочки, и онъ они продавали, что имъ надаривъ» (Посельскій, прилож. къ изслѣд. Вагина, т. I, ст. 582). Агнія Ѳедоровна жила въ связи съ Бѣлявскимъ, секретаремъ мужа, который управлялъ не только за Трескина, а и за Пестеля; онъ былъ также взяточникъ. Кромѣ того, отличались взяточничествомъ главный довѣренный жены Трескина, Третьяковъ, засѣдатель Ге-

денштромъ, человекъ образованный, но въ то же время, по словамъ Корфа, «доносчикъ и развратникъ». Г. Вагинъ силился смилостивить приговоръ Корфа за умъ и образованіе Геденштрома, но въ сущности это былъ образованный воръ. Наконецъ, Лоскутовъ, который, неистовствуя, нажилъ огромное состояніе.

Такой порядокъ долженъ былъ прикрывать Трескинъ, участвуя самъ въ наживѣ, какъ свидѣлствуютъ историческіе матеріалы. Трескину оставалось на выборъ—или измѣнить свою систему, или сойти съ своего поприща, или стереть недовольныхъ съ лица земли, и онъ выбралъ послѣднее. Бѣляевскій былъ правою рукою и злымъ гениемъ Трескина. «Все бездѣльники, въ бараній рогъ надобно согнуть», безпрестанно твердилъ онъ губернатору. «И подлинно гнули», говоритъ современникъ. Это было тѣмъ легче сдѣлать, что, какъ мы видѣли, самъ Пестель старался задавить всякій доносъ и преслѣдовать недовольныхъ. Начало своего управленія Пестель ознаменовываетъ гоненіями двухъ губернаторовъ, тобольскаго и томскаго: Хвостова и Корнилова, за то, что тѣ не соглашались съ его мнѣніями, и одинъ подалъ, помимо Пестеля, записку министру внутреннихъ дѣлъ объ улучшеніи края. «Къ преданію ихъ суду были выставлены не эти, а другіе доводы, но они были также ничтожны и грязны, какъ и первые» (Истор. изслѣд., т. I, ст. 6). Начальникъ провіантскаго депо въ Тобольскѣ генералъ Куткинъ о чемъ-то поспорилъ съ Пестелемъ, и тотъ нарочно хлопоталъ право себя предавать суду провіантскихъ и комиссаріатскихъ чиновниковъ. Тогда онъ открылъ ~~мнимыя~~ злоупотребленія по провіантской части и предалъ Куткина суду и домашнему аресту, устроивъ около дома его гауптвахту. Домъ, имѣніе его, фабрики около Тобольска были разорены. Самъ онъ посылалъ постоянно прошенія и ничего не могъ добиться. Сенатъ нѣсколько разъ предписывалъ освободить Куткина, но Пестель оставлялъ безъ исполненія сенатскіе указы. 11 лѣтъ Куткинъ содержался подъ арестомъ, разорился, наполнилъ Сибирь воплями своихъ прошеній и умеръ подъ стражею въ 1817 г.; жена его умерла отъ горя, дочь ослѣпла отъ слезъ (Истор. изслѣд., с. 7). На провіантскихъ чиновниковъ было открыто гоненіе, «какъ на жидовъ». «Употребляя во зло свое званіе сенатора, а потомъ члена государственнаго совѣта, Пестель настойчивымъ образомъ требовалъ самыхъ жестокихъ наказаній тѣмъ лицамъ, которыхъ преслѣдовалъ. Страсть его къ преслѣдованію доходила до мелочности. Нерѣдко сибирскія судныя дѣла переходили въ общее собраніе сената и въ государственный совѣтъ, единственно по несогласію Пестеля съ рѣшеніемъ другихъ сенаторовъ» (Истор.

ст. с. 7). «Брайное самолюбіе, страсть къ произволу, потворство своимъ любимцамъ, неумолимая мстительность,—вотъ были отличныя черты Пестеля», говорятъ матеріалы. Личное беззастѣнливое Пестеля было подвергнуто большому сомнѣнію. «Не вѣрьте бѣдности моего предмѣстника», писалъ Сперанскій.

Но если Пестель могъ простираť гоненія на лицъ сильныхъ и значительныхъ, то въ преслѣдованіи менѣе значительныхъ обывателей и подчиненныхъ онъ переходилъ всѣ границы. Произвольныя дѣйствія Трескина на первыхъ же порахъ вызвали сопротивленіе иркутскаго общества. Хозяйственная регламентація жизни и внимательство Трескина превзошли всѣ ожиданія, какъ и приучены были сибирскіе жители ко всякому внимательству предшественниками Трескина. Трескинъ вздумалъ распланировать и перестроить заново Иркутскъ, который не славился въ это время оживленностью и рѣшился провести это дѣло необыкновенно энергично. Онъ приказалъ къ такому-то времени всѣ старыя дома сносить, а когда хижины не были снесены, то къ сломѣ приступила полиція (Т. I, с. 573—574). Онъ обходилъ городъ, входилъ къ жителямъ, вмѣшивался въ хозяйство, пробовалъ кушанье, чинилъ расправу, ежели что дурно приготовлено (с. 573). Онъ преслѣдовалъ, говорилъ, питье чая, запрещалъ въ огородахъ сажать табакъ, насильственно заставилъ бураты заниматься земледѣліемъ, и, наконецъ, пробовалъ отвести рѣку, затопляя суда. Въ одной изъ жалобъ, поданныхъ на него, говорится: «Господинъ генералъ-губернаторъ Пестель и губернаторъ Трескинъ приказали собирать въ полицію въ городѣ купеческихъ и мѣщанскихъ, а по деревнямъ крестьянскихъ дочерей подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы отдавать ихъ въ услуженіе за поселенцевъ, и что однимъ только отцамъ, матерямъ и родственникамъ извѣстно, чего стоила свобода, сопряженная съ беззастѣнливостью дѣтей ихъ» (Записка Сибирякова, прилож. къ истор. ст. Вагина, с. 547). Иркутское общество, приучавшееся уже ранее заявлять свои жалобы и пытавшееся къ обнаруженію злоупотребленій и неправды въ Сибири при Якоби и Лещино, выставило кандидатомъ въ головы Михаила Ксенофоновича Сибирякова, личность почетную и умную въ городѣ. Такой представитель общества не могъ быть пріятель Трескину; онъ видѣлъ, что общество хочетъ съ нимъ бороться. Придравшись къ прежней подсудности Сибирякова, онъ предложилъ выбрать другого, и дума объявила, что она «дѣлаетъ новые выборы единственно въ повиновенія распоряженіямъ начальства». Въ то же время дума и магистратъ отказались исполнить требованіе назначенія лицъ при осмотрѣ пушныхъ товаровъ, опираясь справедливо,

что это не установленная повинность. Таковы были официальные причины, которыми было прикрыто неудовольствіе Трескина и Пестеля. Но тайныя причины состояли въ подозрѣніи Сибирякова и Мыльниковъ въ составленіи доноса, посланнаго въ министерство внутреннихъ дѣлъ на дѣйствія губернскаго начальства.

Дѣйствительно, Трескинъ и Пестель выставили Сибирякова и Мыльниковъ «вредными нарушителями общественнаго спокойствія» предъ высшимъ начальствомъ. Пестель при этомъ рѣшился разомъ оклеветать общество и указать, что благому его управленію мѣшаетъ только безнравственность и пороки управляемыхъ. «Какое мѣстное начальство можетъ установить порядокъ общественный тамъ, гдѣ развратъ и самовольство сочетаются съ законными распоряженіями», писалъ онъ во вѣдомѣйшемъ рапортѣ 1808 г., «гдѣ уже мѣры кроткихъ наказаній тщетно были испытываемы и гдѣ дерзость укореняется въ средоточіи общественномъ? Одни только примѣры неууступительнаго строжайшаго взысканія съ неповинующихъ могутъ подать способы и надежду возстановить по времени колеблемое развратомъ спокойствіе, котораго желаютъ многіе, но которое теряется въ собственномъ ихъ расположеніи къ заблужденію». Пестель просилъ поэтому подвергнуть общество «чувствительнымъ и примѣрнымъ взысканіямъ», Сибирякова же, «за явное возмущеніе и проч.» въ примѣръ другимъ, какъ равно и Мыльникова, разослать по уѣзднымъ городамъ Иркутской губерніи. Добившись ихъ ссылки, какъ-бы «въ насмѣшку надъ сосланными», Трескинъ доносилъ, что имъ выбраны города, удобные для продолженія коммерческихъ оборотовъ, но, вмѣсто того, имъ не выдавали даже паспортовъ, прошенія не принимались. Когда родственники Сибирякова хлопотали въ Петербургѣ, Пестель храбро и бойко отписывался, что «иркутское общество только безъ нихъ можетъ находиться въ спокойствіи». Вступился за Сибиряковъ Сперанскій, бывшій тогда въ силѣ, вступился Державинъ, но Пестель умѣлъ представить все по-своему и даже постоянно ожесточался запросами. Сибиряковъ такъ и умеръ въ ссылкѣ.

Установивъ въ глазахъ правительства свои воззрѣнія на яковиньковъ, Пестель и Трескинъ уже смѣлѣе начали преслѣдовать своихъ враговъ. Мы не имѣемъ возможности подробно изложить всѣ случаи, занесенные въ матеріалы, даже въ сухомъ изложеніи полныя самыхъ потрясающихъ подробностей, и напоминающихъ какую-то мартирологию, да это и не относится къ нашей цѣли, имѣющей въ виду рассмотреть только самую систему мѣснаго управленія до Сперанскаго, не останавливаясь на частныя

Сдѣлаю достаточно сказать, что, также какъ въ Иркутскѣ Сибиряковъ и Мыльниковъ, въ Тобольскѣ нарушителемъ тишины выступилъ купецъ Цолуяновъ. При Пестелѣ же былъ отданъ подъ судъ откупщикъ Передовицковъ, взявшій винныя откупа въ Сибирѣ, которые Трескинъ предварительно отдалъ узданнымъ мѣстамъ откупщикамъ.

Предсѣдатель уголовной палаты Гарновскій и прокуроръ Петровъ протестовали противъ неправильнаго начатія дѣла, но были удалены отъ должности. Передовицковъ же притѣснялся и допросахъ, его заставляли подписывать показанія противъ себя и, наконецъ, разоривъ, сослали въ каторжные работы (Ист. свид., 20—22 и прил.). Такіе поступки власти не могли возбудить въ мѣстномъ населеніи особеннаго расположенія къ ней. Кроме того, у Передовицкова, Сибирякова и Мыльникова были родственники, знакомые, приверженцы. Все это называлось «партией недовольныхъ», и употреблялись всѣ мѣры, чтобы уничтожить ее. Изъ Иркутска были высланы братья Сибирякова въ Ангаскъ и за нимъ купецъ Дуборовскій. Подвергся преслѣдванію купецъ Киселевъ, человекъ умный, смѣлый и гордый. Не было благовиднаго повода поступить съ нимъ, какъ съ прочими, поэтому придумали другой способъ. Киселева объявили сумасшедшимъ и посадили въ больницу. Тамъ онъ пролежалъ вѣсти. Народная молва обвиняла въ этой смерти Третьякова, довѣреннаго и любимца Трескина, который былъ тогда смотрителемъ больницы. Гоненія обрушились даже на людей мелкихъ и незначительныхъ, какъ напримѣръ, на какого-то титулярнаго совѣтника Пѣтухова; служа въ уздномъ судѣ, онъ рѣшилъ дѣло не такъ, какъ хотѣлъ Пестель. Пѣтуховъ этотъ протестовалъ противъ рѣшенія узднаго суда, постановленнаго въ угоду губернатору; за то онъ былъ отрѣшенъ отъ должности, а когда онъ подалъ жалобу на высочайшее имя, — это послужило поводомъ къ ссылке его въ Туруханскъ, потомъ въ Мезень. Но и здѣсь преслѣдуетъ его Пестель. Когда онъ принятъ былъ въ Мезени на службу, Пестель проситъ сослать его въ Колу, «такъ какъ мезенская округа граничитъ съ Тобольской губерніей и потому пребываніе Пѣтухова вредно для Сибирѣ». Это была послѣдняя попытка вредить Пѣтухову. Пятилѣтнія преслѣдованія потрясли его, несчастный сошелъ съ ума. «Мы сообщили только крупныя факты, — говорится въ концѣ матеріаловъ г. Вагина, — которые въ свое время надѣляли большого шума, которые заведены и официально актами, и записками современниковъ и преданіями. Но сколько личностей, подобныхъ Пѣтухову, страдало и

гибло безслѣдно, не сохранивъ о себѣ извѣстій даже въ архивной пыли»! Множество чиновниковъ отдавалось подъ судъ по самымъ ничтожнымъ причинамъ: одинъ за неправильную переписку прошеній, другой за продажу чужой телѣги, третій за неприличные поступки,—короче, за пьянство. Основною же причиною были подозрѣнія въ недоброжелательствѣ начальству. Трескинъ держался въ этомъ случаѣ такой тактики: онъ дозволялъ чиновникамъ наживу и злоупотребленія, но тѣмъ самымъ держалъ ихъ въ рукахъ. При малѣйшемъ недовольствѣ онъ ихъ увещалъ. Въ этомъ случаѣ прощались взятки, и всегда наказывали доносъ и недовольство.

Вся система Пестеля сводилась такимъ образомъ къ тому, чтобы въ Сибири предоставить своему губернатору распоряжаться при помощи огромной власти по своему усмотрѣнію, и во избѣжаніе жалобъ подавлять ихъ на мѣстѣ, а что доносится въ Петербургъ,—самому перехватывать и перерѣшавать. Такимъ образомъ, Пестель отрѣзалъ Сибирь отъ всякаго правосудія. Во время своего управленія онъ устроилъ строгій надзоръ за всѣмъ, что писалось изъ Сибири; онъ одѣлилъ Сибирь таможенными, началъ перехватывать письма, тушилъ прошенія и бумаги въ присутственныхъ мѣстахъ; наконецъ обрушился на челобитчиковъ. Благодаря этому, долго не доходило ничего до высшаго правительства безъ вѣдѣнія Пестеля, который всему давалъ свои объясненія. По словамъ старожилъ, С. С. Щукина, Трескинъ не могъ видѣть, чтобы печатали что-нибудь изъ Иркутска въ газетахъ, особенно о цѣнахъ на хлѣбъ, который онъ выставлялъ по-своему. Ему не хотѣлось, чтобы кто-нибудь велъ переписку съ Петербургомъ и, заподозривши, напримѣръ, въ этомъ монголиста Игумнова, «образованнѣйшаго человѣка своего времени», какъ сообщаетъ г. Вагинъ, его начали притѣснять, отдали подъ судъ, отрѣшили отъ должности и запретили въѣздъ въ Иркутскъ. «Ужасными мѣрами уничтоженія непокорныхъ,—говоритъ современникъ, выписка котораго приведена въ матеріалахъ,—при неограниченномъ довѣріи высшаго правительства къ представленіямъ Пестеля или—что все равно—Трескина, въ Иркутскъ, наконецъ, всѣ части попали если не въ формальную, то по крайней мѣрѣ въ политическую зависимость отъ губернатора, не исключая ни военной, ни даже духовной» (Т. I, с. 32). Такимъ образомъ, рядомъ съ развитіемъ злоупотребленій усиливалось и самовластіе, и сила Пестеля. Произволъ и злоупотребленія существовали не только въ Иркутскѣ, но и въ другихъ частяхъ Сибири. Самовольіе отъ губернаторовъ усвоивали и подчиненные,—такъ бываетъ всегда. Енисейскій городничій, по словамъ Корфа, катался на

тому на чиновникахъ, за то, что они осмѣлились написать просьбу объ его смѣнѣ. Охотскій начальникъ самовольно удаляетъ отъ должности своихъ чиновниковъ. Третьяковъ, Геденштромъ берутъ прикрѣ расправы съ Трескина. Лоскутовъ дошелъ до такой необузданности и смѣлости, что высѣлъ нижеудинскаго протоіерея Орлова палками. «Но не одни только личныя преслѣдованія были отличительною чертою сибирскаго управленія за время Пестеля. Управление это представляло поразительный примѣръ самыхъ вопиющихъ безпорядковъ и злоупотребленій, приведенныхъ въ сибирь», пишетъ далѣе г. Вагинъ. Даже и тамъ, гдѣ выражалось стремленіе къ вѣдшему порядку: чистотѣ улицъ, правильной постройкѣ домовъ и т. п., даже и тамъ стремленіе это выражалось дѣйствіями, явно противными тѣмъ самымъ законамъ, которые оно, повидимому, старалось исполнить. Нѣкоторыя отрасли по управленію были крайне запущены. По всей сѣверной окраинѣ Сибири народъ въ буквальный смыслъ умираетъ съ голоду. По Иркутской губерніи Трескинъ ввелъ насильственные закупки хлѣба и казенную монополію хлѣбной торговли. Наконецъ, повинности населенія были въ высшей степени обременительны. Средствомъ скрывать эти безпорядки служило—постоянно представлять отдаленный край въ самомъ цвѣтущемъ положеніи и закрывать глаза бюрократическими отчетами, на которые былъ мастеръ Трескинъ. Все прикрывалось самой наглою официальной ложью. Пестель и Трескинъ обманывали не только правительство, но они хотѣли обмануть и мѣстное населеніе въ противность тому, что послѣднее видѣло собственными глазами. Такъ, на примѣръ, въ 1807 г. Трескинъ опровергаетъ слухъ, разнесшійся между жителями, что начальство не впускаетъ крестьянъ въ городъ для продажи хлѣба, а жителей принуждаютъ закупать хлѣбъ въ казенныхъ магазинахъ. Трескинъ публикуетъ, что запрещеній такихъ не было, и доноситъ Пестелю, что слухи эти идутъ «отъ извѣстной и оглашенной злободневной партіи». А между тѣмъ принудительная закупка хлѣба въ казнѣ во все время Трескинскаго управленія вошла въ систему. «Жители Иркутска и окружающихъ селеній очень хорошо знали, знаетъ и потомство,—говорятъ матеріалы, —что у Трескина на бумагѣ дѣлалось одно, а на дѣлѣ другое». Публикація эта имѣла въ виду одну цѣль: пустить Пестелю пыль въ глаза и предупредить доносы на новыя злоупотребленія» (Т. I, с. 34). Трескинъ искусственно повышалъ цѣны на хлѣбъ, велъ страшный скупъ его, монополіи, отдавалъ ихъ въ руки комиссаровъ и купцовъ, выставлалъ фальшивыя цифры о цѣнахъ и въ то же время доносилъ объ увеличивающейся произво-

дѣтельности край и его благосостояніи. Послѣдствіемъ монополіи и злоупотребленій по продовольственной части на отдаленныхъ окраинахъ происходилъ ужасный недостатокъ въ хлѣбѣ, начинались голода. Такъ, въ 1811 г., а потомъ въ 1815 и 16 годахъ въ Туруханскомъ край между инородцами обнаружилось людоѣдство. Но когда начинали доноситься слухи объ этомъ въ Петербургъ, Пестель представлялъ огромныя книги съ бюрократическими отчетами и увѣрялъ въ противномъ. Массами фальшивыхъ свидѣній и перепиской онъ старался закрыть правительству глаза. Точно также онъ отбивался и отъ всѣхъ жалобъ, называя ихъ клеветою и доносомъ. «Но если и былъ кто самими вреднымъ и опаснымъ доносителемъ, — говорятъ матеріалы, — такъ развѣ одинъ Пестель. Въ своихъ донесеніяхъ онъ осыпалъ клеветами сибирское населеніе и показывалъ все правительству въ превратномъ видѣ. Въ такое мрачное время стономъ стонала Сибирь и особенно иркутская губернія» (Т. I, с. 34).

Останавливаясь на этой эпохѣ, предшествовавшей ревизіи Сперанскаго, мы невольно поражаемся массою злоупотребленій, обрушившихся на этотъ отдаленный и бѣдный край. Управление Пестеля намъ рисуется какимъ-то темнымъ пятномъ на фонѣ сибирской исторіи. Оно, дѣйствительно, кажется мрачно и поразительно, но это потому, что мы представляемъ его отдѣльно безъ связи съ предыдущей исторіей, какъ оно рисуется намъ въ матеріалахъ. Но, смотря нынѣ болѣе хладнокровно и съ исторической точки зрѣнія, мы не найдемъ въ немъ ничего необыкновеннаго, ничего, принадлежащаго исключительно системѣ Пестеля и Трескина. Въ сущности, оно руководствовалось тѣми же правилами и традиціями, какъ и предшествовавшія; оно было плодомъ системы и отражало всѣ черты управленія, давно укоренившагося въ Сибири. Управление Пестеля было только окончательнымъ и болѣе рѣшительнымъ примѣненіемъ системы, подготовленной ему, въ томъ же направленіи, предшественниками. По слѣдствія этой системы отражались такимъ же образомъ и ранѣе. «Не въ этой одной эпохѣ, которая подверглась ревизіи, обнаружены злоупотребленія, — писалъ Сперанскій Кочубею изъ Сибири, — и нельзя утверждать, чтобы при прежнемъ управленіи Сибирь была въ другомъ или лучшемъ положеніи. Напротивъ съ перемѣною людей перемѣнялись только виды и степень злоупотребленій». Такимъ образомъ, Сперанскій, съ высоты государственной точки зрѣнія, уже опредѣлилъ управленіе Пестеля какъ часть предшествовавшей системы. Въ управленіи Пестеля дѣйствительно, какъ въ спектрѣ, отразились всѣ крайности си

бывшей исторіи. Присущія его времени злоупотребленія были въ снѣ съ административнымъ порядкомъ цѣлой эпохи и основывались на свойствахъ управленія, давно принятаго. Главными недостатками этого управленія могутъ быть отмѣчены ясно: самовластіе и произволъ. Произволъ этотъ развился естественно, при томъ просторѣ дѣйствій и власти, какія съиздавна имъ давали огромныя уполномочія. Власть воеводъ, губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ постоянно усиливалась, расширялась и подчинила всѣ вѣдомства. Все предоставлялось личной волѣ и усмотрѣнію администратора, конечно, имѣя въ виду сообразованіе съ законами и справедливостью. Но правитель немѣтно терялъ почву и пріобрѣталъ привычки дѣйствовать по личному произволу. «Власть личная нерѣдко обращается въ самовластіе,—писалъ Сперанскій по поводу управленія Сибирью.—Люди съ лучшими наміреніями могутъ ошибаться, могутъ увлекаться личными взглядами—и дѣйствуя по совѣсти, дѣйствовать противозаконно» (Истор. свѣд., т. II, с. 321—322). Дѣйствительно, эти черты произвола быстро усвоивали люди при огромной власти и въ отдаленной странѣ. Личность здѣсь пользовалась тѣмъ, въ чемъ не была ограничена, ея поведеніе было продуктомъ того положенія, въ которое она ставилась. Правители, идущіе въ Россіи, преобразжались, являясь въ Сибирь. «До 1819 г. нигдѣ не было такой преклонности къ самовластію и личности надъ подчиненными, какъ въ Сибири, у нѣкоторыхъ начальниковъ, высшихъ и среднихъ,—высказывалъ свое мнѣніе графъ Блудовъ.—Всѣ они были посылаемы туда изъ внутреннихъ губерній, и, казалось, что не только со вступленіемъ въ отправленіе имъ данныхъ въ семъ крайъ должностей, но непосредственно по переѣздѣ черезъ Уралъ въ нихъ исчезало всякое снисхожденіе къ ошибкамъ ближняго, всякое къ нимъ состраданіе» (Истор. свѣд., т. I, с. 31—32). Тотъ же гродный Трескинъ является другимъ человекомъ въ другой обстановкѣ. «Долгъ справедливости обязываетъ сказать,—говоритъ историкъ,—то, какъ частное лицо, Трескинъ считался весьма добрымъ человекомъ и что впоследствии, когда онъ былъ уже отрѣпленъ отъ должности и жилъ въ своей деревнѣ, въ немъ не было и слѣдовъ прежняго Иркутскаго деспота» (Мат., т. I, с. 11).

Селифонтовъ, плакавшій надъ Сибирью, точно также преобразжается здѣсь. Правители, вслѣдствіе своего положенія, понемногу снѣ начинали убѣждаться, что дѣйствительно все зависитъ отъ личной воли. Они становились нетерпимы, своевольны, по-многому въ управленіе они вносили личныя страсти. Увлекался

положеніемъ, они сами изъ себя создавали вице-цесарей, обставляли себя пышной обстановкой, требовали абсолютнаго поклоненія, торжествъ въ честь свою и полнаго обожанія. Законъ и правительство они отодвигали на второй планъ, выдвигая только свою особу, внушая жителямъ, что только отъ однихъ ихъ все зависитъ. Нигдѣ такъ начальство не приучало преклоняться себѣ, какъ въ Сибири, нигдѣ оно не упражнялось болѣе въ самовластіи, какъ здѣсь. «Сибирь не испытала крѣпостнаго права,—говоритъ одинъ изъ историковъ,—но она испытала гораздо худшее—административный произволъ, также, ежели не хуже, воспитывавшій общество». Привычки своеволія распространились и на низшихъ исполнителей; они шли отъ губернатора до отдѣльнаго засѣдателя. Если первые ограничивались безусловнымъ приказаніемъ и требованіемъ покорности, послѣдніе вводили дисциплину и внушали къ себѣ уваженіе страхомъ. Только одного Лоскутова почему-то прославили, но Лоскутовъ былъ одинъ изъ типовъ того времени. Въ западной Сибири былъ подобный же засѣдатель, Ярцевъ. Самъ образованный Геденштромъ высказываетъ мнѣніе послѣ Сперанскаго, что «филантропія неумѣстна въ Сибири», «она вреднѣе холеры», что положеніе алтайскихъ горныхъ крестьянъ лучше, ибо горные правители «управляютъ крестьянами, какъ хозяева, и *лозами* могутъ, если хотятъ, принуждать къ добру» (Истор. изслѣд., т. II, с. 317). Это былъ общій взглядъ тогдашнихъ администраторовъ. Таковы были и средства управленія. Результатъ самовластія заключался въ неограниченности власти главныхъ сибирскихъ правителей и въ примѣрахъ необузданности, подававшихся низшимъ.

Второю главною чертою управленія этой эпохи является наклонность къ самой широкой регламентаціи, проходящей чрезъ всю исторію. Новозавоеванный и пустынный край дѣйствительно сначала требовалъ устройства и дѣятельной инициативы правительства. Его необходимо было снабжать продовольствіемъ, основывать промыслы, водружать гражданственность, но въ послѣдствіи привычка распорядиться общественною жизнью вошла въ нравы правителей и принята была за необходимую принадлежность управленія. На Сибирь постоянно мѣнялись взгляды, а поэтому приписывались новыя мѣры и производились безпрестанные эксперименты. Сначала Сибирь считалась колоніей звѣроловной, затѣмъ, съ начала XVIII-го вѣка, на нее имѣютъ виды, какъ на колонію горно-заводскую, далѣе обращаютъ ее въ колонію штрафную, потомъ земледѣльческую, наконецъ, примѣшиваются виды торговли съ Азіей и т. д. Все это давало случай каждому изъ

министраторовъ вводить свои планы и перестраивать принудительно жизнь общества. Достаточно припомнить такіе опыты, какъ длинную пашню Соимонова, съ приписью 3400 бобылей въ обязательныя работы, обязательное сѣяніе пеньки, приписи и переселеніе людей на рудники и заводы, чичеринское проведеніе дорогъ на Барабѣ, неудавшуюся ландтауницію Лецицію въ Камчаткѣ, искусственное созданіе казачьяго войска, съ приписью крестьянъ и поселенцевъ, безчисленные опыты устройства осмысливъ, принужденіе бурятъ обращаться къ земледѣлію при Трескинѣ, учрежденіе и распорядокъ лоскутовскихъ поселеній, производственное снабженіе низеродцевъ, казенныя монополіи, поддержаніе монополій и привилегій частныхъ, какъ русско-американской компаніи, вахтинскаго торговаго и проч., и проч. Регламентация частной жизни въ прошломъ столѣтіи доходила до необыкновенной мелочности. Въ прошломъ столѣтіи дѣлаются приказы не отлучаться крестьянамъ на ночь изъ дома; одинъ управитель, какъ Лецицію, заставляетъ обсаживать города березками, другой, какъ Трескинъ, планируетъ вновь городъ, ломаетъ дома, сподитъ рѣку, преслѣдуетъ сѣяніе табака въ огородахъ, вмешивается въ домашнюю жизнь, преслѣдуетъ питье чаю. Лоскутовъ предписываетъ молитвы крестьянамъ, даетъ инструкціи, какъ въ глѣбѣ, ревизуетъ казачью и т. п. Губернаторъ Чичеринъ съ мандатою ѣздитъ наблюдать около города за полевыми работами крестьянъ. Намонецъ, при Трескинѣ казна покупаетъ весь глѣбъ въ магазинъ для продажи частнымъ лицамъ по высшимъ цѣнамъ, въ виду «поощренія къ хлѣбопашеству». Можно представить при этомъ, какіе разбѣры, принимала регламентация какъ дѣйствовала на общество и какой просторъ давала злоупотребленіямъ.

Развитію злоупотребленій въ странѣ способствовала ея отдаленность, отсутствіе контроля и невозможность создать его. Власть сильная кому-нибудь должна была быть поручена. Обыкновенно она поручалась одному лицу. Это единоличное правленіе могло еще всего способствовать надвору и выбору безукоризненныхъ мѣноровъ. На Сибирь, кромѣ того, утвердились съ самаго древняго времени воззрѣнія, какъ на завоеванную и промышленную колонію. Нажива и поборъ развились съиздавна. Духъ спекуляціи переходилъ съ частныхъ лицъ и на служилыхъ людей. Всеяди торговали мѣхами, виномъ, зерномъ и проч. Они дѣлали безцеремонные поборы; впоследствии, послѣ преслѣдованій и каръ, а также съ учрежденіемъ бюрократическаго управленія, съ Петра, поборъ сталъ утонченный и скрытый. Правы прежнихъ служи-

лыхъ людей перешли и къ старымъ приказнымъ, при крутой реформѣ Петра, отъ бояръ-воеводъ къ губернаторамъ. Отдаленная страна представляла всѣ шансы скрывать злоупотребленія. Въ случаѣ доносовъ и жалобъ, канцелярскій міръ прикрывался цѣлыми массами бумагъ, запутывалъ дѣла перепиской, и казенно-стическая процедура облегчала выходы вѣточникамъ. Невозможно было услѣдить за подчиненными ни главному начальнику, ни правительству за главнымъ начальникомъ. Контингентъ служащихъ людей былъ постоянно одинъ и тотъ же въ отдаленной провинціи, и людей добросовѣстныхъ негдѣ было взять. Существовало одно приказное сословіе, которое только постоянно переливалось и перетасовывалось. Новые начальники привозили съ собою свѣжихъ чиновниковъ, но это всегда оказывались любимцы, на которыхъ еще менѣе простирался контроль и которымъ еще болѣе дозволялось, какъ Трескину. Надо замѣтить, что злоупотребленія были источникомъ настолько же обогащенія и частныхъ лицъ. Въ Сибири промышленные люди создали кабалу и рабство инородца, торговое сословіе жило монополіями. Все это было въ связи съ администраціей и взаимно другъ друга деморализировало. Купцы въ этомъ случаѣ искали поощренія у правителей, забавляя крестьянъ и инородцевъ, а правитель опирался на общество и устраивалъ стачку съ богатыми. Такъ было при Трескинѣ, который давалъ случай наживаться однимъ купцамъ, и преслѣдовалъ другихъ. Въ злоупотребленіяхъ были замѣшаны цѣлыя сословія. Правительство не могло знать, что совершается въ Сибири, и скоро администраторы здѣсь выработали цѣлую систему представлять и сочинять картину совершенно иную, чѣмъ представлялъ край. Отсутствіе гласности представило всѣ удобства для развитія злоупотребленій.

Когда начинались жалобы и доносы недовольныхъ, и недовольные эти являлись часто изъ того же торговаго сословія, которое искало наживы и монополій, то мѣстныя власти разоблачали подобныхъ людей, какъ лицъ, заинтересованныхъ въ злоупотребленіяхъ, припоминали ихъ грѣхи, а потому и правительство имѣло часто основаніе не придавать значенія жалобамъ подобныхъ людей. Этимъ воспользовались впоследствии Трескинъ и Пестель, чтобы закатъ ротъ всякимъ жалобамъ.

Таковы были главные черты системы, существовавшей до Сперанскаго. Эта система, какъ мы видимъ, выработывалась изъ особеннаго положенія края вдали отъ центра управленія. Кромѣ того, въ начертаніяхъ управленія видѣтъ былъ слѣдъ участія самихъ мѣстныхъ правителей, проводившихъ свои мнѣнія и

требованія въ высшія сферы. Такимъ образомъ взглядъ исполни-
телѣ часто руководилъ и законодательствомъ и проверялъ его
въ Сибирѣ. Что ненормальности управленія лежали въ общемъ
свойствѣ принятыхъ началъ, доказываетъ то, что порядки песте-
левскаго управленія существовали въ началѣ либеральнаго цар-
ствованія Александра I. Многія жалобы изъ Сибирѣ находились
въ рукахъ Сперанскаго, но правительству не представлялось воз-
можности узнать истинное положеніе дѣлъ.

Во все управленіе Пестеля и Трескина общество конечно
пыталось вести подземную борьбу. Когда отняты были всѣ средства
гласности, оно прибѣгало къ доносамъ. Подъ конецъ управленія
Пестеля, жалобы и доносы день ото дня становились многочис-
леннѣе, все важнѣе по содержанію, все разительнѣе по общему
согласію въ показаніяхъ, пишетъ баронъ Корфъ. Сначала Пестель
отрацалъ эти доносы. По поводу доноса 1808 года, министръ про-
силъ Пестеля «прекратить незаконныя дѣйствія мѣстнаго начальства».
Но Пестель, сообщивъ отношеніе министра Трескину, предписывалъ
~~не прекращать~~ злоупотребленія, а принять мѣры противъ подобныхъ
«вызвовъ». Представивъ свои объясненія министру, онъ пишетъ,
что «объясненія его (Пестеля) приняты съ уваженіемъ», что въ
его усердіи несомнѣваются и что сообщеніе ему дошедшихъ до
правительства свѣдѣній служить доказательствомъ къ нему до-
вѣрія. Содержаніе бумаги онъ сообщилъ Трескину, чтобы «не-
благонамѣренные люди» знали, какъ правительство относится къ
ихъ доносамъ (Мат., с. 35). Словомъ, Пестель угрожалъ, что всѣ
жалобы будутъ представлены ему. Но жалобы не превращались.
Сначала ихъ подавали купцы, видимо несошедшіеся съ Трески-
нымъ въ своихъ дѣлахъ. Наконецъ, они проникаютъ изъ всѣхъ
слоевъ общества. Генералъ Кутейнъ пишетъ изъ своего заклю-
ченія грозныя посланія, выдвигаются мелкіе чиновники, и нако-
нецъ простолюдины. Доносъ въ это время получаетъ какъ-бы обще-
ственное значеніе и сливается въ единодушный протестъ. Мѣст-
ное общество употребляетъ въ борьбѣ этой всѣ усилія, чтобы
дать о себѣ знать. Доносы вывозятся въ хлѣбѣ. Въ 1818 году,
иркутскій мѣщанинъ Саламатовъ берется подъ величайшей тай-
ной добраться до Петербурга и вручить доносъ лично государю.
Онъ пробирается чрезъ Китай, чрезъ степи и сибирскіе лѣса,
добирается до Петербурга, подаетъ лично доносъ государю и
«проситъ приказать его убить, чтобы избавить отъ тиранства
Пестеля». Онъ былъ отданъ на особую отвѣтственность госуда-
ремъ петербургскому генералъ-губернатору Милорадовичу. Объ
этомъ мѣщанинѣ писалъ въ 1819 г. Сперанскій Голицыну:

«въ числѣ домоносителей по здѣшнему краю былъ нѣкто иркутскій мѣщанинъ Саламатовъ. Бумаги его нѣ прѣпровождены отъ графа А. А. (Аракчеева), но гдѣ онъ самъ — мнѣ неизвѣстно. По слухамъ же, онъ долженъ быть въ Петербургѣ подъ стражею или подъ надзоромъ. Человѣкъ сей, пишетъ Сперанскій, разоренъ здѣшнимъ начальствомъ до основанія, и разоренъ несправедливо; у него здѣсь семеро малолѣтнихъ дѣтей, почти безъ пропитанія, бумаги его написаны глупо и безсвязно; но главныя статьи о поступкахъ Лоскутова и другихъ въ существѣ своемъ теперь обнаружены и найдены справедливыми». (Ист. Имп. Публ. Библиот. въ пам. графа Сперанскаго, с. 259—260). Это предпріятіе бѣдняка, бросившаго дѣтей и идущаго подъ страхомъ смерти въ Петербургъ, носитъ печать какъ-бы гражданскаго подвига. Къ этимъ протестамъ присоединились, наконецъ, кроткій архіепископъ иркутскій Михаилъ. Но независимо отъ жалобъ, до правительства доходили свѣдѣнія о страшныхъ безпорядкахъ въ Сибири и голодахъ у инородцевъ. При такомъ положеніи дѣлъ пребываніе Пестеля въ Петербургѣ вызвало всеобщее негодованіе и насмѣшки. Въ 1815 г., въ комитетѣ министровъ предложено возвратить сибирскаго генералъ-губернатора въ своему посту или назначить ревизію. Но Пестель долго еще продолжалъ жить въ Петербургѣ. По связямъ своимъ съ Пакулевымъ онъ пользовался покровительствомъ и поддержкой Аракчеева, и только когда Аракчеевъ разошелся съ Пакулевымъ, Пестель потерялъ поддержку. Въ то же время въ комитетѣ министровъ было высказано рѣшительное мнѣніе, что въ Сибири необходима ревизія и смѣна Пестеля. Вмѣстѣ съ этимъ подана была записка Козодавлевымъ о необходимости измѣнить самаго начала управленія Сибирью и дать ей новое учрежденіе.

Оставался вопросъ, кого послать для таковой многотрудной задачи, на кого можно положиться? Выборъ палъ на Сперанскаго.

Н. Ядринцевъ.

ОЧЕРКЪ ВОПРОСА

0

ПРОИСХОЖДЕНІИ ВИДОВЪ

VII *).

Изменія культивированныхъ породъ.—Случаи внезапнаго появленія расовыхъ признаковъ.—Вопросъ объ отличіи культивированныхъ породъ отъ видовъ въ естественномъ состояніи.—Плодовитость и безплодіе при скрещиваніи.—Приложеніе результатовъ измѣняемости домашнихъ животныхъ къ вопросу о внезапномъ появленіи расовыхъ особенностей.

Изъ сказаннаго въ историческомъ отдѣлѣ этого очерка можно уже было усмотрѣть, какое значеніе всегда приписывалось трансформизмомъ измѣненіямъ домашнихъ животныхъ и воздѣланныхъ растений. Существа эти настолько измѣнчивы, образованіе новыхъ расъ совершается у нихъ столь быстро и явно, что натуралисты невольно должны были обратиться къ этой области, для изысканія научныхъ основъ трансформизма. Такимъ образомъ, приверженцы теорій ограниченной и неограниченной измѣняемости видовъ всегда ссылались на породы домашнихъ животныхъ, какъ на существенный аргументъ въ ихъ пользу. Не слѣдуетъ упускать изъ виду однакоже, что и противники трансформизма находили свою главную опору именно въ фактахъ, представляемыхъ домашними животными. Изъ изученія послѣднихъ и сравненій ихъ съ дикими животными были выведены понятія о видѣ

---

*) См. выше: нар., 68; алр., 715 стр.

и расѣ, какъ о двухъ вещахъ совершенно противоположнаго характера. И въ то время, какъ трансформисты выдвигали на первый планъ поразительные примѣры измѣняемости домашнихъ животныхъ и указывали на то, что многія породы гораздо болѣе отличаются другъ отъ друга, чѣмъ сосѣдніе виды (иногда даже роды) дикихъ животныхъ, противники трансформизма отвѣчали, что всѣ эти факты теряютъ свое значеніе въ виду того, что домашнія животныя различныхъ породъ могутъ скрещиваться между собою и давать плодовитое потомство, тогда какъ существенная особенность видовъ заключается именно въ томъ, что они или вовсе не могутъ скрещиваться, или же, скрещиваясь, производятъ бесплодныхъ ублюдковъ. Возраженіе это въ значительной степени содѣйствовало успѣху направленія Кьюве и сильно повредило развитію трансформизма. Когда теорія эта стала возрождаться въ новой формѣ, то вопросъ о домашнихъ породахъ, о различіи вида и разновидности, о результатахъ скрещиванія долженъ былъ самъ собою выдвинуться на первый планъ. Отсюда понятно, что Дарвинъ, задумавъ заняться вопросомъ объ измѣняемости и общемъ происхожденіи видовъ, долженъ былъ разработать весь обширный вопросъ о домашнихъ породахъ и устранить возраженіе прежней школы. Какъ извѣстно, онъ выполнилъ эту задачу блестящимъ образомъ, и его обширный трактатъ, «Измѣненія животныхъ и растений вслѣдствіе прирученія», сдѣлался главнымъ пособіемъ при изученіи одомашненныхъ породъ съ естественно-исторической точки зрѣнія. Напротивъ того, Уэллсъ только слегка коснулся вопроса объ измѣненіи домашнихъ породъ и наскоро порѣшилъ, «что изъ наблюденія измѣненій домашнихъ животныхъ нельзя дѣлать никакихъ выводовъ, применимыхъ въ разновидностямъ дикихъ животныхъ». Онъ остановился на результатѣ, что «домашнія животныя абнормны, неправильны, искусственны; что они подвержены измѣненіямъ, которыя никогда не встрѣчаются и не могутъ встрѣчаться въ естественномъ состояніи». Легко видѣть, что Уэллсъ правъ только отчасти, но что вообще онъ впасть въ одностороннюю крайность. Справедливо, что выводы изъ фактовъ, представляемыхъ домашними породами, не должны быть применимы безъ строгаго предварительнаго контроля къ животнымъ, находящимся въ естественномъ состояніи, но нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобы домашнія животныя были настолько своеобразны, чтобы слученіе ихъ не могло имѣть никакого значенія при рѣшеніи общихъ вопросовъ объ измѣняемости и происхожденіи видовъ.

Интересно это разнорѣчіе въ столь существенномъ пунктѣ

двухъ гениальнѣйшихъ основателей теоріи естественнаго подбора, какъ примѣръ различія научнаго характера обоихъ и какъ фактъ, поясняющій то преобладающее значеніе, которое получили въ наукѣ Дарвинъ сравнительно съ Уэллсомъ.

Наша ближайшая задача будетъ заключаться въ томъ, чтобы показать, какое отношеніе представляютъ факты изъ области домашнихъ животныхъ къ вопросу объ измѣняемости видовъ вообще и къ отдѣльнымъ видамъ теоріи трансформизма въ частности. При изложеніи я буду пользоваться исключительно матеріаломъ, собраннымъ въ вышеприведенномъ трактатѣ Дарвина, безъ малѣйшей боязни быть введеннымъ въ заблужденіе тенденціозностью автора. Добросовѣстность знаменитаго натуралиста настолько же замѣчательна, какъ его гениальность и многосторонняя ученость.

Самый фактъ значительной измѣняемости домашнихъ животныхъ сдѣлался уже настолько общезнающимъ, что приводитъ примѣры въ доказательство его нѣтъ никакой надобности. Важно указать только на то, что измѣняемости подвержены не только породы, происшедшія отъ нѣсколькихъ видовъ, но и животныя, получившія свое начало отъ одного прародителя, какъ, напримеръ, голуби, куры, кролики и пр. Въ этихъ случаяхъ измѣнчивость не можетъ быть объясняема скрещиваніемъ, а имѣетъ такъ сказать произвольный, самостоятельный характеръ.

Но природная измѣняемость составляетъ только одинъ факторъ образованія новыхъ породъ. Если предоставить особи, обнаруживающія какой-нибудь новый признакъ, самимъ себѣ, то новой расы изъ нихъ не получится; такъ какъ путемъ скрещиванія съ неизмѣненными особями новый признакъ въ скорости совершенно ступается и исчезнетъ. Для полученія новыхъ породъ необходимо регулировать измѣняемость особей, употребляя въ дѣло искусственный подборъ, т.-е. выбирать измѣненныя особи на заводъ и уединять ихъ отъ неизмѣненныхъ. Общій результатъ своихъ исследованийъ объ образованіи домашнихъ породъ Дарвинъ высказываетъ въ заключительной главѣ своего сочиненія. «Нѣкоторыя породы,—говоритъ онъ,—сложились вслѣдствіе такихъ незамѣтныхъ измѣненій, что еслибы мы увидѣли всѣхъ ихъ предковъ, то не могли бы сказать, гдѣ и какъ возникла порода, между тѣмъ какъ другія породы возникли изъ рѣзкихъ наугууредившихся уклоненій, впоследствии можетъ быть и увеличившихся путемъ подбора. Насколько намъ извѣстно, скаковая лошадь, борзая, боевой петухъ и проч. произошли путемъ медленныхъ улучшеній, а относительно гонца и другихъ породъ голубя—это даже извѣстно достоверно. Съ другой стороны, не

подлежит сомнѣнію, что аннонсий и монаховы овцы, а во всей вѣроятности и нѣтскій светь, таёса, мёська, лягавая, коротколицый турманъ, утки съ крыжоватыми яйцами и множество разнообразностей растений возникли въ томъ же видѣ, въ какомъ мы ихъ теперь видимъ»¹⁾. Слѣдуетъ замѣтить, что въ случаяхъ первой категоріи основнымъ расовымъ признакомъ является усиленіе какой-нибудь способности, присущей основному виду, т.-е. что тутъ идетъ дѣло о *количественномъ измѣненіи*. И скановая лошадь, и лягавая, и боевой пѣтухъ, и голубь-топець представляются породами, у которыхъ до крайности доведена способность всякой лошади, всякой собаки, пѣтуха, голубя и проч. Достаточно поэтому подбора обыкновенныхъ и постоянныхъ индивидуальных признаковъ, не составляющихъ ни малѣйшаго отклоненія отъ нормы, для того чтобы образовалъ подобную породу. Въ этомъ отношеніи главнымъ образомъ необходимы время и строгій подборъ. Совершенно иной характеръ представляютъ расы другой категоріи, гдѣ на первый планъ выступаетъ *качественное измѣненіе*, т.-е. внезапное появленіе новыхъ форменныхъ признаковъ. Приведемъ нѣсколько случаевъ подобной измѣняемости. Одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ примѣровъ представляетъ появленіе такъ-называемыхъ черноплечихъ павлиновъ. Порода эта, столь рѣзко отличающаяся отъ обыкновеннаго павлина, что Селатеръ, авторитетъ въ орнитологіи, отнесъ ее въ особому виду, появляется внезапно въ стадѣ обыкновенныхъ павлиновъ. Дарвинъ собралъ пять отдѣльныхъ случаевъ подобнаго появленія черноплечей породы, изъ которыхъ особенно замѣчательны слѣдующіе два. Внезапное появленіе такихъ черноплечихъ индивидуумовъ было замѣчено «въ стадѣ сэра Тревельяна, состоящемъ исключительно изъ обыкновенныхъ павлиновъ, и въ стадѣ м-ра Торнтонна, состоящемъ изъ нестрыхъ и нѣжныхъ павлиновъ. Замѣчательно, что въ двухъ послѣднихъ случаяхъ черноплечіе павлины размножились до такой степени, что уничтожили прежде существовавшую породу» (Прируч. животн. и возд. растенія. I, стр. 300).

Другой не менѣе замѣчательный примѣръ представляетъ нѣкая порода такъ-называемыхъ анноновыхъ овецъ. Порода эта произошла отъ родившагося въ 1791 г. ягнзена съ короткими кривыми ногами и длинной спиной. «Овцы эти, — говоритъ Дарвинъ (I, 104), — были замѣчательны по *прямой наследственности*, такъ что полковникъ Гумфре слыхалъ всего только объ одномъ, да

¹⁾ Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія. 1868. Т. II, стр. 445.

и сомнительномъ случаѣ, что анконовъ баранъ и овца произошли отъ одного ягненокъ. При скрещеніи съ другими породами мюнки, за весьма рѣдкими исключеніями, не принимаютъ промежуточныхъ признаковъ, но наследуютъ очень точно признаки одного изъ родителей, что замѣчено даже и на близнецахъ. Наконецъ, замѣчательно, что анконовыя овцы въ большомъ стадѣ или въ загородкѣ *постоянно отдѣляются отъ другихъ овецъ*. Фактъ противной наследственности у этой породы приобретаетъ еще большее значеніе въ виду того, что у овецъ вообще новыя признаки очень непрочно, вслѣдствіе чего, чтобы достигнуть однородной неизмѣнчивости, необходимъ очень старательный подборъ и выщипываніе подбираемыхъ особей (I. с. 104):

Къ числу примѣровъ внезапнаго появленія новыхъ (хотя и не отличительныхъ для какой-нибудь расы) признаковъ, мы можемъ отнести еще цитированный Дарвиномъ случай образованія длинныхъ придатковъ на углахъ нижней челюсти у свиней. Написавъ утверждаетъ, что эти отростки «являются иногда у всѣхъ дикихъ породъ, не составляя, однакоже, строго наследственного признака, такъ, напримѣръ, замѣчаются или отсутствуютъ у животныхъ одного помета». Вслѣдъ за этой цитатой Дарвинъ дѣлаетъ слѣдующее важное замѣчаніе: «Такъ какъ ни одна изъ известныхъ намъ дикихъ свиней не представляетъ подобныхъ придатковъ, то до сихъ поръ мы не имѣемъ никакого права предполагать, что придатки эти составляютъ признакъ возврата, и такимъ образомъ мы должны принять, что *иногда вдругъ могутъ появиться весьма сложные по строенію, но безполезныя части, развившіяся безъ всякой помощи подбора*» (I, 79). Несмотря на безполезность этого признака, и, слѣдовательно, на независимость его какъ отъ естественнаго, такъ и отъ искусственнаго подбора, онъ, однакоже, встрѣчается «весьма часто у свиней въ Норландіи».

Слѣдствія о происхожденіи другихъ расъ, которыя Дарвинъ считаетъ появившимися внезапно, какъ, напр., нѣтской породы рогатого скота, таксы и др., настолько неполны, что о нихъ нѣтъ возможности сказать чего-либо положительнаго.

Теперь представляется вопросъ: въ какой степени приложимы къ нимъ, добытые относительно домашнихъ животныхъ, къ существамъ, живущимъ независимо отъ человѣка. Фактъ неизмѣнчивости дикихъ животныхъ не подлежитъ сомнѣнію, хотя степень ея далеко меньше, чѣмъ у домашнихъ, что, по мнѣнію Дарвина, зависитъ отъ различія вѣшнихъ условій. Послѣдствія болѣе разнообразны въ быту домашнихъ животныхъ, чѣмъ въ свободной при-

родѣ, и въ тому же домашнія животныя имѣютъ еще источникъ измѣняемости въ улучшенномъ питаніи ихъ организмовъ, такъ какъ доказано, что избытокъ пищи усиливаетъ измѣняемость. Дертсвій зоологъ Георгъ Зейдлицъ обратилъ еще вниманіе на то, что домашнія животныя, не подвергаясь вліянію естественнаго отбора, должны быть тѣмъ болѣе измѣнчивы, что у нихъ сохраняются всякія уклоненія, какъ полезныя, такъ и вредныя, въ то время какъ у животныхъ въ дикомъ состояніи сохраняются только первыя. Человѣкъ, самъ заботясь объ охраненіи своего стада отъ нападенія хищныхъ звѣрей, тѣмъ самымъ дѣлаетъ излишній подборъ цвѣта, наиболѣе благопріятнаго для укрывательства отъ враговъ; и въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что подлѣ надворныхъ челоуѣка живутъ породы, окрашенныя въ бѣлый цвѣтъ, какъ, напримѣръ, бѣлые кролики и бѣлыя мыши, тогда какъ на свободѣ они очень скоро устраниваются въ силу невыгодъ, представляемыхъ бѣлымъ цвѣтомъ въ борьбѣ за существованіе. Изъ сказаннаго ясно, что при отсутствіи въ быту домашнихъ животныхъ столь важнаго фактора для устраненія цѣлаго ряда измѣненій, ихъ естественный подборъ, самая измѣнчивость болѣе сохраняется и накапливается. Въ виду этого вывода, было бы очень интересно изучить степень измѣнчивости у домашнихъ животныхъ, возвратившихся къ свободному образу жизни, напр., у кроликовъ на Порто-Санто или у козъ на островѣ св. Елены и пр.

Несмотря на слабѣйшую степень, измѣняемость тѣмъ не менѣе существуетъ въ природѣ, что доказывается множествомъ разновидностей и сомнительныхъ видовъ. Естественно поэтому спросить, можно ли сдѣлать сопоставленіе между естественными расами и видами и различными искусственными, культивированными породами. Тутъ возникаетъ вопросъ объ отличіи вида отъ разновидности или расы, — вопросъ, на который такъ напрямъ противники трансформизма. Не видя возможности найти гранцу въ морфологическихъ признакахъ вида и разновидности, въ силу чего и существуетъ въ наукѣ столь много сомнительныхъ видовъ, натуралисты обратились къ фیزیологическимъ свойствамъ и установили догматъ, что виды между собою не скрещиваются или же, скрещиваясь только въ исключительныхъ случаяхъ, даютъ неплодовитое потомство. Догматъ этотъ сдѣланъ исходной точкой и при опредѣленіи вида, и при разсмотрѣніи вопроса о постоянствѣ и измѣняемости организмовъ. Противники трансформизма всегда настаивали на томъ, что домашнія расы не могутъ обрѣсти общаго происхожденія видовъ, такъ какъ первыя скрещиваются и даютъ по болѣе части очень плодотворное потомство

тогда какъ настоящіе виды не представляютъ ни того, ни друга. Трансформисты, начиная съ Бюффона, старались устранить это возраженіе приведеніемъ фактовъ, доказывающихъ способность къ размноженію ублюдковъ, полученныхъ путемъ скрещиванія двухъ отдѣльныхъ видовъ. Самъ Бюффонъ дѣлалъ опыты надъ скрещиваніемъ волчицы съ вобелемъ и наблюдалъ плодовитость получившихся такимъ образомъ ублюдковъ. Кромѣ того, онъ и его послѣдователи собрали рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ въ пользу того, что ублюдки нѣкоторыхъ, ясно выраженныхъ видовъ, могутъ давать плодовитое потомство. Такимъ образомъ оказалось, что мулы иногда бываютъ способны къ размноженію и то же самое представляютъ ублюдки отъ козла и овцы. Наиболее рѣзкій примѣръ представляютъ въ этомъ отношеніи ублюдки отъ зайца и самки кролика, которые болѣе двадцати лѣтъ разводятся во Франціи. Эти факты были сильно выдвинуты впередъ трансформистами, какъ доказательство отсутствія границы между видами и разновидностью не только съ морфологической, но и съ физиологической точки зрѣнія. Несмотря, однакоже, на все ихъ значеніе, приведенные примѣры могли убѣдить только въ томъ, что выставленный школою догматъ о неплодовитости скрещиванія между видами не безусловенъ, что и изъ этого правила существуютъ исключенія; они не могли испровергнуть самаго догмата, который поэтому и держался, несмотря на всѣ выставленные противъ него факты. Дарвинъ посмотрѣлъ на дѣло совершенно прямѣе и глубже, чѣмъ другіе трансформисты. На основаніи нѣсколькихъ примѣровъ плодовитости ублюдковъ, онъ не сталъ себя въ правѣ отвергнуть общее правило о неплодовитости различныхъ видовъ, также точно какъ на основаніи отсутствія границъ у многихъ видовъ онъ не сдѣлалъ вывода, что вообще въ природѣ не существуетъ рѣзко очерченныхъ самостоятельныхъ видовъ.

Признавъ за фактъ неплодовитость ублюдковъ между видами какъ общее правило, Дарвинъ сталъ искать причину этого явленія и отношеніе его къ другимъ сроднымъ явленіямъ. Такимъ образомъ, онъ указалъ на аналогію неплодовитости ублюдковъ съ неплодовитостью многихъ животныхъ, перенесенныхъ въ новыя мѣста существованія. Извѣстно, что перемѣна внѣшнихъ условій всего сильнѣе отражается на половой дѣятельности, и что нѣкоторые животные, очень хорошо приспособляющіеся лично къ новымъ обстановкѣ, оказываются или совершенно безплодны, или же плодовитость ихъ спускается на незначительный минимумъ. Такъ, напр., очень многіе животные зоологическихъ садовъ, несмотря

на обильную пищу и вообще хорошее содержаніе организма, иногда не размножаются въ неволѣ, хотя сами и находятся въ цвѣтущемъ состояніи. Пертурбацію, совершающуюся въ половой системѣ подѣ влияніемъ рѣзкой переменѣ внѣшнихъ условий, Дарвинъ сравниваетъ съ той, которая должна происходить при скрещиваніи различныхъ видовъ или ихъ ублюдковъ. Аналогія эта усиливается еще тѣмъ, что слабое измѣненіе условий существованія дѣйствуетъ благотворно на плодовитость, подобно скрещиванію особей одного вида, отличающихся другъ отъ друга лишь незначительными признаками. Такимъ образомъ Дарвинъ сопоставляетъ всѣмъ извѣстный фактъ, что растенія лучше произрастаютъ въ нѣсколько измѣненномъ климатѣ и на нѣсколько иной почвѣ, чѣмъ первоначальная, съ фактомъ пользы, приносимой организму, если онъ скрещивается съ не близко родственнымъ ему недѣльнымъ. Истинной причины обѣихъ категорій явленій въ настоящее время найти нельзя, но несомнѣнно, что половая система очень чувствительна ко всякимъ переменамъ и что при легкихъ измѣненіяхъ она официруется благопріятно, тогда какъ при болѣе рѣзкихъ переменѣхъ она становится недѣятельной, послѣдствіе чего и получается болѣе или менѣе полная неплодовитость.

Ученые, возражавшіе Дарвину, требовали отъ него доказательства существованія случаевъ, гдѣ бы какія-нибудь двѣ разновидности, заведомо происшедшія отъ одного корня, были бы или сами неплодовиты при скрещиваніи, или же давали бы неплодовитыхъ ублюдковъ. Удовлетворить подобному требованію, по существу своему совершенно законному, было весьма нелегко. Домашнія расы, какъ извѣстно, очень плодовиты и ублюдки ихъ также отличаются большой плодовитостью. Относительно же существъ, живущихъ въ свободномъ состояніи, является существенное затрудненіе, заключающееся въ томъ, что ученые, слѣдующіе только одному опредѣленію, считают разновидностями только такіе группы, которые именно или вовсе неплодовиты при скрещиваніи, или же, при плодовитости ихъ самихъ, даютъ неплодовитыхъ ублюдковъ. Такимъ образомъ, въ отвѣтъ на всякій случай неплодовитого скрещиванія свободно живущихъ разновидностей, швейцарские ученые отвѣтили бы, что тутъ идетъ рѣчь не о разновидностяхъ, а о двухъ отдѣльныхъ видахъ. Для того, чтобы въ возможности пролить свѣтъ на этотъ трудный, но весьма важный вопросъ, тѣсно связанный съ судьбами трансформизма, Дарвинъ обратился къ изученію диморфныхъ и триморфныхъ растеній. Подъ этимъ названіемъ разумѣются такіе виды растеній, которые могутъ появляться въ нѣсколькихъ формахъ, отличающихся другъ

отъ друга только лишь измѣненіями въ устройствѣ цвѣтка. Такъ, напр., у одной формы цвѣтокъ имѣютъ короткія пестикъ и длинны тычинки; другой, наоборотъ — длинный пестикъ и короткія тычинки. При триморфизмѣ дѣло еще сложнее, такъ какъ тутъ являются три различныя формы цвѣтка. Исслѣдованія Дарвина показали, что скрещиваніе различныхъ формъ, несомнѣнно принадлежащихъ въ одному виду, даетъ различные результаты, что иногда оно бываетъ очень плодovито, тогда какъ въ другихъ случаяхъ плодovитость уменьшается и можетъ дойти до полного безплодія. Ублюдки, получаемыя при нѣкоторыхъ такихъ скрещиваніяхъ, представляются во всемъ сходными съ ублюдками, происшедшими отъ скрещиванія явственно различныхъ видовъ, и также какъ и они или слабо плодovиты, или же вовсе безплодны. Факты эти показываютъ ясно, что въ дѣлѣ безплодія первостепенную роль играть не то, будутъ ли скрещиваемы расы или виды, а свойство половыхъ органовъ, т.-е. большее или меньшее сходство ихъ у скрещиваемыхъ особей. Въ дѣлѣ слабой плодovитости ублюдковъ отъ различныхъ видовъ ублюдковъ во всемъ между собою сходныхъ и представляющихъ одинакія свойства половой системы, замѣняется вредное вліяніе родственной связи (*Inzucht*), такъ какъ обыкновенно для опытовъ вынуждены бываютъ брать братьевъ и сестеръ и вообще очень близкихъ родичей. На это обстоятельство особенно указываютъ опыты Фрица Мюллера надъ оплодотвореніемъ у *Abutilon* ¹⁾.

Послѣ всего сказаннаго нетрудно объяснить себѣ основной фактъ, составляющій корень всего вопроса, именно то, что между домашними животными и растениями при скрещиваніи даже наиболѣе различныхъ расъ получается потомство и притомъ весьма плодovитое. Для одомашниванія выбирались именно такіе виды, которыхъ половая система наименѣе измѣнялась подъ вліяніемъ новыхъ условий. Извѣстно, какое большое количество видовъ было акклиматизировано, но не сдѣлалось одомашненнымъ, именно вслѣдствіе слабой плодovитости или полного безплодія при измѣненіи образѣ жизни. Домашнія породы, какъ такія, которыя избраны благодаря, такъ сказать, половой выносливости, и не могутъ поэтому служить мѣриломъ плодovитости при скрещиваніи живыхъ существъ въ свободномъ, естественномъ состояніи. Къ тому же, одомашненное состояніе способно увеличивать плодovитость, и нѣрѣдко человѣкъ нарочно подбираетъ для приплода осо-

¹⁾ См. *Jenaische Zeitschrift für Medicin und Naturwissenschaft*. T. VII. 1878, стр. 144.

би, отличающіеся наибольшей плодовитостью. Хотя и между домашними породами известны случаи бесплодія, какъ, напр., у нѣкоторыхъ разновидностей кукурузы, дыни, тыквы и табаку, но эти примѣры во всякомъ случаѣ составляютъ исключеніе изъ общаго правила и потому не могутъ имѣть большого значенія.

Итакъ, одно изъ главныхъ возраженій анти-трансформистовъ устраняется безъ особеннаго труда. Между расами и видами не оказывается того существеннаго несходства, которое было установлено школой, и потому отвергается возможность изъ наблюдений надъ расами дѣлать выводы по отношенію къ видамъ. Необходимо однакоже при перенесеніи такихъ выводовъ отъ одомашненныхъ породъ къ естественнымъ, не опускать изъ виду тѣхъ отличій, которыя обнаружались между тѣми и другими въ дѣлѣ столь важной способности, какъ плодовитость.

Установивъ два вышеупомянутые способа образованія домашнихъ расъ: 1) посредствомъ накопленія и подбора мелкихъ индивидуальныхъ признаковъ, и 2) посредствомъ внезапнаго появленія новыхъ расовыхъ отличій, Дарвинъ распространяетъ только первый изъ этихъ способовъ на всю живую природу и устанавливаетъ положеніе, что естественныя расы и виды въ огромномъ большинствѣ, если не во всѣхъ случаяхъ, произошли путемъ продолжительнаго и постепеннаго накопленія мелкихъ индивидуальныхъ признаковъ, подъ контролемъ естественнаго подбора. Возможность внезапнаго появленія естественныхъ видовъ онъ устраняетъ вовсе. Перечисливъ нѣсколько примѣровъ подобнаго возникновенія нѣкоторыхъ одомашненныхъ породъ, Дарвинъ замѣчаетъ: «обиліе этихъ примѣровъ можетъ привести къ ложному убѣжденію, что и естественныя виды возникли также внезапно. Но мы не имѣемъ ни одного свидѣтельства о проявленіи въ естественномъ состояніи подобныхъ важныхъ уклоненій, и къ тому же можно привести нѣсколько доводовъ противъ подобнаго предположенія; такъ, напр., безъ надлежащаго уединенія, одно какое-либо уродливое уклоненіе исчезло бы безъ слѣда, вследствие скрещенія» (Прир. жив., II, стр. 445). Къ тому же предмету Дарвинъ возвращается въ мѣстѣ наданія «Происхожденія видовъ» (1872), въ главѣ о различныхъ возраженіяхъ противъ теоріи естественнаго подбора (гл. VII). Хотя въ концѣ-концовъ онъ и соглашается, что, быть можетъ, нѣкоторые виды и произошли внезапно, но все же только въ исключительныхъ случаяхъ. Какъ болѣе общее правило, онъ не признаетъ такого способа на основаніи слѣдующихъ соображеній: «наблюденіе показываетъ, — говоритъ онъ, — что внезапныя и рѣзко обозначенныя уклоненія у

ныхъ одомашненныхъ породъ появляются одиночно, и притомъ вообще черезъ длинные промежутки времени. Если бы такія уклевки появились въ естественномъ состояніи, то они бы должны были, какъ было доказано выше, подвергнуться риску, затеряться вслѣдствіе случайныхъ уничтожающихъ причинъ и вслѣдствіе позже наступающаго скрещиванія; и въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что такъ бывають въ одомашненномъ состояніи, если только внезапныя измѣненія подобнаго рода не подвергаются специальному сохраненію и изолированію со стороны человека» (1. с. 274). Какъ видно изъ обычныхъ цитатъ, главный аргументъ Дарвина заключается въ томъ, что внезапно появившаяся особенность не въ состояніи удержаться противъ стирающаго вліянія скрещиванія съ неимѣнными особями. Въ подтвержденіе этого Дарвинъ, во второй дѣлѣ, ссылается на подобныя примѣры въ жизни домашнихъ породъ, впадая въ весьма чувствительное противорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, самъ Дарвинъ такъ настаиваетъ на томъ, что домашніе породы, по своему существу, плодовитѣе естественныхъ, и что именно въ послѣднихъ нельзя прямо примѣнять выводовъ относительно явленій плодовитости у первыхъ. Отсюда ясно, что внезапно уклевнившіеся индивидуумы у животныхъ въ естественномъ состояніи отнюдь не необходимо должны сохранить способность плодотворнаго скрещиванія, и à priori весьма вѣроятно, что они въ этомъ отношеніи будутъ подходить всего ближе къ диморфнымъ и триморфнымъ видамъ. Представить положительное доказательство въ пользу фактическаго существованія подобнаго отношенія столь трудно, какъ и доказать вообще, что естественныя разновидности даютъ безплодныхъ ублюдковъ.

Но, независимо отъ противорѣчія съ собственными выводами, отрицательное отношеніе Дарвина въ вопросѣ о внезапномъ происхожденіи видовъ не выдерживаетъ еще критики, въ силу имъ же самихъ собранныхъ фактовъ. Вышеприведенные примѣры внезапнаго появленія расовыхъ признаковъ у нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ замѣчательны именно потому, что они указываютъ на необыкновенную прочность этихъ признаковъ. Такъ, напримеръ, черноплотіе павлины не только удержались въ стадѣ обыкновенныхъ павлиновъ и не ступшевались вслѣдствіе скрещиванія съ основной породой, но, напротивъ, въ двухъ случаяхъ окончательно вытѣснили ее, несмотря на неимѣтельность человека въ это дѣло. Другая, внезапно появившаяся порода, именно порода англоновыхъ овецъ, также отличается прочной наследственностью и представляетъ еще въ томъ отношеніи замѣчательную особенность, что овцы этой расы склонны отдѣляться отъ дру-

гихъ овецъ (см. выше), что, очевидно, весьма благоприятствуетъ сохраненію породы отъ смѣшенія съ основной расой. Наслѣдственная прочность внезапно появившихся расовыхъ признаковъ есть фактъ настолько постоянный, что Дарвинъ считаетъ ее общимъ правиломъ. Вотъ какъ онъ высказывается объ этомъ вопросѣ: «всѣ признаки, которые передаются въ совершенствѣ и тѣмъ, которыми изъ потомковъ, а другимъ не передаются вовсе, какъ-то: извѣстные цвѣта, нагота кожи, гладкость листьевъ, отсутствіе роговъ или хвоста, добавочные пальцы, пеноризмъ, варликовый ростъ и т. д.,—какъ извѣстно, появлялись иногда внезапно у разныхъ особей животныхъ и растений. На основаніи этого, а также на основаніи того, что легкія сложныя различія, которыми отличаются домашнія породы и виды другъ отъ друга, не способны въ своеобразной формѣ передачи, мы можемъ заключить, что она до извѣстной степени связана съ внезапнымъ появленіемъ признаковъ, о которыхъ идетъ рѣчь» (Прир. жив. II, 101). Изъ всего этого можно сдѣлать выводъ, что внезапно появившіеся отличія имѣютъ сами по себѣ гораздо болѣе шансовъ удержаться противъ ступенчатоваго дѣйствія скрещиванія, нежели мелкія индивидуальныя отклоненія. Вслѣдствіе этого, въ случаяхъ первой категоріи подборъ получаетъ значительную помощь со стороны прочности внезапно появившихся признаковъ, которой онъ не имѣетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится подбирать и удерживать непрочныя индивидуальныя отличія. Дарвинъ, говоря о неосновательности предположенія внезапнаго появленія видо-выхъ признаковъ, почему-то совершенно умалчиваетъ объ естественномъ подборѣ. Если этотъ агентъ способенъ подбирать легкіе индивидуальныя отбѣнки, если только они полезны въ борьбѣ за существованіе, то почему же онъ не можетъ дѣлать того же съ несравненно болѣе рѣзкими отклоненіями, появляющимися внезапно? Вопроса этого Дарвинъ не ставитъ, и потому онъ не даетъ и прямого отвѣта на него; но у него собраны данныя, которыя могутъ нѣсколько разъяснить эту сторону дѣла. Такимъ образомъ онъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ, гдѣ цѣлыя животнаго является очень полезнымъ признакомъ, подбираемымъ естественнымъ подборомъ (Прируч. живот. Т. II, глава XXI). Такъ, напримѣръ, въ Виргиніи только черныя свиньи сохраняютъ свои копыта, несмотря на вредное вліяніе корня одного растенія. Въ Тарантинѣ переживаютъ только черныя овцы, такъ какъ они нечувствительны къ обильно растущему тамъ звѣробою, дѣйствующему губельно на бѣлыхъ овецъ. Близъ Малаги отъ виноградной болѣзни страдали только зеленые сорта, тогда какъ красные и

чине вовсе не подвергались ей и т. д. Изъ всего этого очевидно (и на этомъ особенно настаиваетъ Дарвинъ), что цѣль съ признакъ весьма важный съ точки зрѣнія переживанія въ борьбѣ за существованіе; а между тѣмъ самъ Дарвинъ причисляетъ его къ такимъ признакамъ, которые появляются внезапно и могутъ цѣлкомъ передаваться потомству.

Всѣ высказанныя соображенія устраняютъ мнѣніе Дарвина, что внезапныя уклоненія неспособны фиксироваться и удерживаться противъ скрещиванія. Оказывается напротивъ, что такіа уклоненія имѣютъ больше шансовъ прочнаго существованія, нежели мелкія индивидуальныя особенности. Другія возраженія, приводимыя Дарвиномъ противъ теоріи внезапнаго появленія новыхъ признаковъ, менѣе существенны и потому менѣе выдвигнуты имъ. Такимъ образомъ, онъ называетъ внезапныя уклоненія уродливостями, и потому уже считаетъ возможнымъ не обращать на нихъ особеннаго вниманія. Но самъ Дарвинъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своихъ сочиненій предостерегаетъ отъ злоупотребленія словомъ «уродливость» и настаиваетъ на томъ, что между настоящей уродливостью и простымъ индивидуальнымъ отличіемъ существуютъ всѣ переходы. Если поэтому и можно согласиться считать акононовыхъ овецъ, таксу, ніатскій скотъ уродливыми породами, то этого никакъ нельзя сдѣлать по отношенію къ черноплечу павлину, лягавой и т. д. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что въ одномъ случаѣ считается уродливостью, въ другомъ составляетъ правило. Такимъ образомъ, по наблюденіямъ Брувера фонъ-Ваттенвиля, безкрылость, составляющая постоянное свойство многихъ прямокрылыхъ насѣкомыхъ, является у нѣкоторыхъ видовъ въ формѣ случайной и внезапно появляющейся уродливости.

Третье возраженіе или, правильнѣе, замѣчаніе Дарвина состоитъ въ томъ, что большинство внезапно появляющихся признаковъ суть только простые случаи возврата. Съ этой точки зрѣнія, напримѣръ, безкрылость кузнечиковъ и нѣкоторыхъ таракановъ будетъ только возвращеніемъ къ признаку родоначальника всѣхъ насѣкомыхъ, и потому не представитъ собою чего-либо истинно новаго. Также точно, съ этой точки зрѣнія, не будетъ новостью появленіе черноплечести у павлиновъ, такъ какъ это внезапное появленіе будетъ только возвратомъ къ признаку предка, у котораго онъ образовался не внезапно, а постепенно, путемъ накопленія мелкихъ индивидуальных уклоненій. Хотя это воззрѣніе приводится Дарвиномъ, какъ простое апріорическое предположеніе, и потому не имѣетъ претензій на обязательную

силу, тѣмъ не менѣе, даже признавая его вполне, сущность дѣла оттого не измѣняется. Если у даннаго существа внезапно появившійся признакъ является путемъ простаго возврата къ признаку родоначальника, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы оно во всѣхъ отношеніяхъ приближалось къ послѣднему. Положимъ, что безкрылость кузнечиковъ и таракановъ приобретена ими именно благодаря возврату къ безкрылому предку; несмотря на это, и кузнечики, и тараканы сохраняютъ не только признаки ихъ семействъ, но даже иногда и признаки родовые. Бруннеръ считаетъ даже общимъ правиломъ, что каждый безкрылый видъ имѣетъ соотвѣтствующую крылатую форму, и потому считаетъ возможнымъ произвести первую отъ послѣдней. Независимо отъ этого, появленіе давно утраченнаго признака можетъ, при новыхъ условіяхъ, имѣть очень большое значеніе въ борьбѣ за существованіе, и потому особи съ такимъ признакомъ могутъ получить первенствующую роль и вытѣснить основную, неизмѣненную породу.

Итакъ, резюмируя все сказанное, можно придти къ заключенію, что факты, представляемые домашними животными, вполне вяжутся съ теоріей преемственнаго происхожденія видовъ и во многихъ отношеніяхъ служатъ ей существенной опорой. Съ другой стороны, несомнѣнно, что богатая плодовитость домашнихъ породъ не составляетъ препятствія возрѣнію, по которому разнообразность есть только начинающійся видъ, а не нѣчто діаметрально противоположное ему. Далѣе было показано, что если факты, представляемые домашними породами, съ одной стороны, указываютъ на происхожденіе видовъ путемъ накопленія мелкихъ индивидуальных отклоненій, подъ контролемъ подбора, то, съ другой стороны, они свидѣтельствуютъ также и въ пользу теоріи внезапнаго появленія болѣе или менѣе рѣзкихъ уклоненій, способныхъ фиксироваться, какъ вслѣдствіе ихъ собственной прочности, такъ и подъ вліяніемъ подбора.

VIII.

Борьба за существованіе.—Представленіе Дарвина объ этой борьбѣ.—Главные моменты борьбы за существованіе.—Роль этихъ моментовъ въ дѣлѣ образованія видовъ.—Отношеніе борьбы за существованіе къ морфологическимъ признакамъ живыхъ существъ.—Вопросъ о вымираніи побѣжденныхъ въ борьбѣ, и изслѣдованія Негели объ этомъ.

Понятіе о борьбѣ и терминъ «борьба за существованіе» были введены въ науку довольно давно, по преимуществу ботаниками. Съ давнихъ поръ уже было замѣчено вытѣсненіе однихъ растений другими, процессъ, который тѣмъ охотнѣе сравнивался съ вытѣсненіемъ первобытныхъ народовъ европейцами, что вытѣснителями обыкновенно являлись европейскія растенія. Такимъ образомъ составилось понятіе о силѣ растенія въ борьбѣ. Явленіе это должно было по существу своему обратить на себя особенное вниманіе ботанико-географовъ, и лучший изъ нихъ, Альфонсъ де-Кандоль, далъ и самое полное описаніе процессовъ борьбы, насколько они были изслѣдованы въ его время.

Говоря о «борьбѣ» въ растительномъ царствѣ, ученые разучѣтся употребляли это слово въ смыслѣ иносказательномъ, понимая подъ борьбой сумму явленій, въ силу которыхъ растеніе вытѣсняетъ другое или удерживается на мѣстѣ, расселяется, сохраняется отъ вредныхъ вліяній и проч. Де-Кандоль чаще всего говоритъ о борьбѣ за существованіе въ смыслѣ конкуренціи между двумя растеніями, оспаривающими одно какое-нибудь мѣсто; онъ, кромѣ того, примѣняетъ этотъ терминъ и къ явленіямъ прямого, активнаго истребленія. Такъ, напримѣръ, онъ относитъ сюда случаи уничтоженія сѣмянъ насѣкомыми, истребленіе водяныхъ растений рыбами и проч. «Борьба между видами обонхъ органическихъ царствъ существуютъ всюду», говоритъ онъ ¹⁾.

Признавая великое значеніе въ природѣ борьбы за существованіе, ни де-Кандоль, ни другіе ботаники-географы не усматривали однако же никакой связи между этимъ явленіемъ и явленіемъ измѣняемости и образованія видовъ. Де-Кандоль не только не смотрѣлъ на борьбу, какъ на исходный пунктъ измѣняемости, но онъ даже вовсе отвергалъ послѣднюю. Мысль связать эти два, съ виду совершенно разобщенныя явленія въ нѣчто цѣлое, вполне принадлежитъ двумъ основателямъ теоріи

¹⁾ Géographie botanique raisonnée. 1855. Т. I, стр. 450.

подбора — Уэллсу и Дарвину. Оба они, подобно ихъ предшественникамъ, смотрятъ на борьбу за существованіе какъ на сумму явленій, результатомъ которыхъ является или переживание, или смерть. Такъ, напримѣръ, по мнѣнію Дарвина, растеніе на краю пустыни борется за существованіе противъ засухи, омела борется съ деревомъ, въ которое она пускаетъ корни и т. п. Но въ то же время борьба обнимаетъ и явленія конкуренціи между существами, имѣющими одинаковыя потребности. Такъ, напримѣръ, можно сказать, что омела борется съ другими ягодными растеніями, т.-е. соперничаетъ съ ними въ дѣлѣ перенесенія ихъ ягодъ птицами. Также точно можно сказать, что два хищныхъ звѣря, гоняясь за добычей, соперничаютъ другъ съ другомъ, т.-е. борются за существованіе изъ-за добычи и т. п. Придавая повѣстію столь многостороннее значеніе, Дарвинъ считаетъ борьбу за существованіе явленіемъ въ высшей степени сложнымъ, явленіемъ, связывающимъ, повидимому, самыя разнородныя существа.

Основнымъ источникомъ борьбы и Уэллсъ, и Дарвинъ считаютъ усиленное размноженіе животныхъ и растеній. Въ этомъ отношеніи оба они распространяютъ теорію Мальтуса на весь организованный міръ и смотрятъ на землю, какъ на планету, находящуюся въ состояніи перенаселенія, гдѣ каждая жизнь стоитъ нѣсколькихъ смертей, гдѣ всякое живое существо должно или поборотъ себѣ мѣсто на землѣ, или же погибнуть.

Главный законъ борьбы за существованіе, имѣющій, по мнѣнію Дарвина, особенное значеніе въ дѣлѣ происхожденія видовъ, формулированъ имъ слѣдующимъ образомъ: борьба за существованіе всего сильнѣе между особами и разновидностями одного и того же вида. За основаніе онъ беретъ общее положеніе, что сосѣдніе виды, имѣя наибольшее сходство въ образѣ жизни и строеніи, должны всего болѣе и конкурировать между собою изъ-за одинаковой пищи, мѣста и проч. Въ подтвержденіе этого онъ приводитъ рядъ примѣровъ вытѣсненія видовъ ихъ ближайшими родичами, напримѣръ, вытѣсненіе черной крысы бурой, одного вида горчицы другимъ и т. п. Отсюда явствуетъ, что изъ всѣхъ явленій борьбы за существованіе, Дарвинъ выдвигаетъ на первый планъ конкуренцію между существами, имѣющими одинаковыя потребности и особенно — конкуренцію между индивидуумами и разновидностями одного и того же вида, соперничество между которыми ведетъ къ образованію новыхъ формъ. Нѣкоторые новѣйшіе авторы изъ лагеря трансформистовъ, въ виду столь существеннаго значенія конкуренціи, ограничили ея по-

нѣ о борьбѣ за существованіе. Такъ, напримѣръ, Нэгели ¹⁾ говоритъ, что «настоящая борьба за существованіе происходитъ между хищнымъ звѣремъ и травояднымъ, которые борются другъ съ другомъ за жизнь, но, съ одной стороны—между хищными, которые дѣлаютъ нападеніе сообща, съ другой же стороны—между травоядными, соединенными другъ съ другомъ ради защиты». Ограничивая понятіе о борьбѣ за существованіе въ интересахъ трансформизма, можно еще сдѣлать шагъ дальше и сказать, что оно приложимо не ко всякой конкуренціи, а только къ конкуренціи между особями и разновидностями одного и того же вида, такъ какъ конкуренція между отдѣльными видами не можетъ повести къ образованію новой формы. Съ этой точки зрѣнія, нужно сказать, что, напримѣръ, въ случаѣ вытѣсненія черной крысы другимъ видомъ, настоящая борьба за существованіе происходитъ не между обоими видами, а среди принадлежащихъ каждому изъ видовъ между собою; что бурныя крысы (искожи) соперничаютъ другъ съ другомъ изъ-за того, кто болѣе изтѣснитъ черныхъ крысъ и займетъ ихъ мѣсто, подобно тому, какъ, напримѣръ, въ войнѣ двухъ народовъ, борьба за существованіе будетъ заключаться не въ самой войнѣ, а въ соперничествѣ членовъ каждаго народа изъ-за выслуги и отличія другъ передъ другомъ. Я взялъ этотъ примѣръ съ цѣлью показать, что ограничиваніе понятія о борьбѣ, въ интересахъ вопроса о происхожденіи видовъ черезъ накопленіе индивидуальных или расовыхъ особенностей, приводитъ къ крайности, которая не можетъ быть терпима; съ другой же стороны, я хотѣлъ показать, что борьба за существованіе складывается изъ нѣсколькихъ моментовъ, которые всѣ должны быть приняты въ расчетъ, хотя и не всѣ они имѣютъ одинаковое отношеніе къ вопросу о происхожденіи видовъ. Изъ этихъ моментовъ борьбы, главными могутъ быть названы слѣдующіе: 1) конкуренція между особями одного и того же вида; 2) конкуренція между особями различныхъ видовъ; 3) борьба между особями различныхъ видовъ (напримѣръ, борьба хищнаго съ травоядными), и 4) борьба между живыми существами и стихіями (борьба противъ холода, засухи и проч.).

Такъ какъ, съ точки зрѣнія дарвинизма, виды происходятъ изъ дѣйствія накопленія мелкихъ индивидуальных или расовыхъ признаковъ, оказавшихся выгодными въ борьбѣ за существованіе,

¹⁾ Sitzungsberichte der mathematisch-physikalischen Classe der Akademie d. Wissensch. zu München. 1874, II, стр. 100.

то очевидно, что первый моментъ борьбы будетъ имѣть наибольшее и всего болѣе непосредственное значеніе въ дѣлѣ образованія новыхъ видовъ. Остальные моменты приобретутъ только значеніе стимуловъ для возбужденія конкуренціи между особями одного и того же вида. Такъ, напримѣръ, борьба между хищникомъ и его добычей должна возбуждать соперничество между особями хищниковъ и также соперничество между особями вида, служащаго добычей. Вслѣдствіе этого, побѣдителями выйдутъ съ одной стороны, особи хищниковъ, поймавшіе наибольшее количество добычи, съ другой же стороны, тѣ особи преслѣдуемаго вида, которыя, въ силу своихъ индивидуальныхъ признаковъ, наиболѣе обезопасили себя отъ нападеній.

Но, помимо тѣхъ стимуловъ конкуренціи между особями одного и того же вида, которые заключаются въ остальныхъ третьихъ моментахъ сложнаго явленія борьбы за существованіе, дарвинисты признають усиленное размноженіе главнѣйшимъ факторомъ, вызывающимъ конкуренцію между особями и, слѣдовательно, ведущимъ въ концѣ-концовъ къ образованію новыхъ формъ. Факторъ этотъ особенно важенъ потому, что онъ можетъ вызвать конкуренцію въ тѣхъ даже случаяхъ, когда никакихъ другихъ возбуждителей нѣтъ. Такъ, напримѣръ, въ уединенной мѣстности, представляющей благоприятныя стихійныя условія, видъ даннаго существа можетъ быть вовсе пощаженъ какъ отъ борьбы съ другими видами (вслѣдствіе уединенія), такъ и отъ борьбы со стихіями. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ нѣтъ данныхъ для измѣненія видовъ; между тѣмъ уединенный видъ этотъ, въ силу общаго всѣмъ организмамъ свойства размножаться въ геометрической прогрессіи, перенаселить данную мѣстность, такъ что послѣдняя не будетъ въ состояніи дать пріютъ всѣмъ особямъ, и между ними неизбежно возникнетъ жестокая конкуренція, результатомъ которой должно явиться образованіе новаго вида. Такъ дарвинисты должны себѣ представлять распадѣніе перваго появившагося на землѣ вида, которому не приходилось выдерживать борьбы иначе какъ въ своей собственной сферѣ.

Считая весьма важнымъ рѣшеніе вопроса о степени значенія усиленнаго размноженія и другихъ факторовъ-возбуждителей борьбы между особями, я постараюсь по возможности уяснить его. Съ этой цѣлью я прежде всего останавлиюсь на прѣсноводныхъ растеніяхъ, какъ на такихъ, которыя, уже вслѣдствіе мѣстнаго изолированія, въ сильной степени подвержены перенаселенію; къ тому же, многія изъ нихъ отличаются особенно сильной способностью размножаться безполовымъ путемъ. Кто не знаетъ, какъ

что раски, кувшинки и другія водяныя растенія размножаются въ такой степени, что покрываютъ всю поверхность водяного бассейна, не оставляя ни малѣйшаго пробѣла? То же самое бываетъ и въ глубокихъ рѣкахъ, гдѣ количество растеній доходитъ до такой степени, что судоходство становится въ высшей степени затруднительнымъ. Лангедокскій каналъ былъ однажды совершенно запруженъ валлиснеріей ¹⁾. Де-Кандоль ²⁾ приводитъ слѣдующій примѣръ быстраго распространенія водяного растенія, имѣющій тѣмъ болѣе значеніе, что въ этомъ случаѣ дѣло идетъ въ то же время о натурализаціи американскаго растенія. «Одинъ изъ главныхъ садовниковъ ботаническаго сада въ Монпелье часто бросалъ куски водяного растенія *Jussiaea grandiflora* въ маленькую рѣчку Ле. Черезъ нѣсколько лѣтъ оно размножилось въ такой степени, что запрудило мельничныя плузы». Г. Рекень помѣстилъ это растеніе въ каналы Авиньона, на берегу Роны и Сорги; кромѣ того, онъ привезъ его въ Тонель. Въ этихъ различныхъ мѣстахъ оно до того размножилось, что только одни ботаники считаютъ его не туземнымъ».

Въ виду подобныхъ фактовъ ³⁾ слѣдовало бы ожидать, что южныя растенія, столь часто подвергаясь перенаселенію, должны бы обнаруживать сильную наклонность къ образованію новыхъ видовъ и вообще представлять систематическую непрочность. Между тѣмъ факты показываютъ прямо противоположное. Прѣсноводныя растенія вообще бѣдны числомъ, видомъ и, кромѣ того, они носятъ на себѣ отпечатокъ древняго происхожденія. Въ числѣ ихъ вовсе нѣтъ представителей сростнолепестковыхъ, которыя составляютъ наиболѣе новую и совершенную группу. Но не только семейства и роды прѣсноводныхъ растеній, а также и виды ихъ сравнительно весьма стары. «Современное распредѣленіе водяныхъ европейскихъ растеній,—говоритъ де-Кандоль,—восходитъ, по видимому, къ эпохѣ, предшествовавшей образованію Альповъ и даже Пиренеевъ, къ эпохѣ болѣе ранней, чѣмъ эпоха отдѣленія Англіи отъ Ирландіи, Корсики и другихъ главныхъ острововъ Средиземнаго моря» (I. с. 1321). На это указываетъ уже несомненно большая область распространенія ихъ, т.-е. нахож-

¹⁾ *Zeuss. Versuch einer Geschichte der Pflanzenwanderung. Gotha, 1855, стр. 4.*

²⁾ I. с. II, 714.

³⁾ Къ сказанному слѣдуетъ прибавить фактъ, описанный Бакеромъ въ его „Извѣстія“. Во время его путешествія по Вѣлому Нилу, плавающія растенія до того свалились на пути, что совершенно загромождали дорогу. Обстоятельство это имѣетъ еще серьезное значеніе, что Бекеръ ставитъ въ зависимость отъ расчистки рѣки путь судоходства по Вѣлому Нилу и доступность центральной Африки вообще.

деніе въ очень отдаленныхъ и разобщенныхъ другъ отъ друга мѣстахъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Обыкновенная рыбка (*Leptacanthus*) встрѣчается не только на всѣхъ пяти материкахъ, но и на многихъ, частью океаническихъ островахъ, напр. на Азорскихъ, Новой Зеландіи, Тасманіи и др. Одинъ изъ рдестовъ (*Potamogeton pectinatus*) водится въ Европѣ, Америкѣ, на мысѣ Доброй Надежды, въ Австраліи и Новой Зеландіи, на Азорскихъ островахъ и пр. *Najas majus* водится въ Европѣ и на Сандвичевыхъ островахъ и т. д. (Де-Кандоль, 1. с., 1004, 1005).

Полученный результатъ хорошо вяжется съ мыслью Дарвина, что прѣсноводные организмы вообще болѣе постоянны, чѣмъ морскіе или сухопутные, но онъ не находится въ полной гармоніи съ его основными принципами. Вотъ относящееся сюда мѣсто изъ «Происхожденія видовъ». «Всѣ прѣсноводные бассейны въ совокупности составляютъ небольшую площадь сравнительно съ моремъ или сушею, и вслѣдствіе этого конкуренція между прѣсноводными организмами должна быть менѣе жестокой, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Новыя формы должны медленнѣе происходить, а старыя медленнѣе вымирать». Здѣсь забытъ законъ Мальгуса, составляющій столь важное основаніе дарвинизма. Ограниченныя пространства должны прежде всего въ сильной степени благоприятствовать перенаселенію (что мы и видимъ въ дѣйствительности), а перенаселеніе должно возбуждать образованіе новыхъ признаковъ и распаденіе старыхъ видовъ на новыя. Если же этого нѣтъ, если для образованія новыхъ видовъ необходима конкуренція между различными организмами, то ясно, что моментъ перенаселенія въ дѣлѣ трансформизма отступаетъ на задній планъ.

Тотъ же выводъ получается и при разсмотрѣніи вопроса о населеніи океаническихъ, т.-е. значительно изолированныхъ, острововъ. Извѣстно, что эти острова очень бѣдны формами, т.-е. что число видовъ, населяющихъ ихъ, невелико. Это обстоятельство, также какъ и ограниченность пространства, весьма благоприятствуютъ перенаселенію, т.-е. усиленному размноженію одной или нѣсколькихъ формъ. Но и на островахъ, также какъ и въ прѣсныхъ водахъ, перенаселеніе не возбуждаетъ образованія новыхъ видовъ. Наоборотъ, населеніе океаническихъ острововъ, подобно прѣсноводнымъ организмамъ, носитъ на себѣ отпечатокъ стариннаго происхожденія, такъ что, напр., Освальдъ Гееръ сравниваетъ нынѣшнюю флору Мадейры съ третичной европейской флорой. Дарвинъ объясняетъ это тѣмъ, что «на маленькомъ островѣ борьба за существованіе значительно менѣе жестока, вслѣдствіе

чего на немъ должно быть меньше измѣненій и вымираніе—
смыслъ».

Изъ двухъ приведенныхъ примѣровъ вытекаетъ, что для образованія новыхъ формъ усиленное размноженіе и перенаселеніе одной формы имѣеть несравненно меньшее значеніе, чѣмъ со-
общественное нахожденіе и взаимная борьба многихъ разнородныхъ формъ. Съ помощью этого вывода можно согласить нѣкоторыя противорѣчія, встрѣчаемыя у Дарвина. Такъ, разбирая вопросъ о томъ, почему низшіе организмы удержались до сихъ поръ и не вытѣснились высшими формами или сами не измѣнились, Дарвинъ указываетъ на тотъ фактъ, что многія низшія животныя живутъ въ уединенныхъ мѣстахъ. Такъ, напр., низшее позвоночное животное (*Amphioxus*) имѣеть на безплодномъ песчаномъ берегу южной Бразиліи «единственнымъ сожителемъ и конкурентомъ» одного кольчатого червя. Тутъ опять упущено изъ виду существенное обстоятельство. Съ истинно-дарвиновскою точкою зрѣнія конкурентами являются въ значительной степени особи того же вида, того же *Amphioxus*. Если онъ живетъ уединенно, то онъ можетъ безпрепятственно размножиться въ геометрической прогрессіи, а это обстоятельство само по себѣ уже должно вести къ измѣненію.

Въ виду изложеннаго, естественно возникаетъ мысль, что для измѣняющаго дѣйствія борьбы за существованіе, а слѣдовательно и естественнаго подбора недостаточно простаго перенаселенія одной формы, и необходима конкуренція по возможности большаго количества разнородныхъ существъ, и что если и нельзя сказать, что естественный подборъ вступилъ въ свои права только съ тѣхъ поръ, когда на землѣ уже появились различные виды, то во всякомъ случаѣ справедливо, что первобытныя условія и бѣдность первобытнаго населенія должны были неблагоприятно вліять на трансформизмъ путемъ естественнаго подбора.

Обратимся теперь къ вопросу: какія стороны организма имѣютъ всего большее значеніе въ борьбѣ за существованіе? Въ отвѣтъ на это можно вообще сказать, вмѣстѣ съ Негели, что все, что способно увеличить продолжительность жизни особи и ея плодovitость, увеличиваетъ шансы даннаго существа въ борьбѣ. По отношенію къ растеніямъ, де-Кандоль высказываетъ слѣдующее: «если растеніе производитъ много сѣмянъ, легко разсеиваемыхъ во всѣхъ мѣстахъ при помощи вѣтра, животныхъ и пр.; если оно сильно, т.-е. если оно противостоитъ разрушительнымъ дѣйствіямъ и приспосабливается къ разнороднымъ мѣстностямъ, то такое растеніе легко сдѣлается обыкновеннымъ на протяженіи

цѣлой большой страны» (1. с. 463). Роль плодovitости въ борьбѣ за существованіе, въ самомъ дѣлѣ, очень сильна и легко можетъ быть пояснена примѣрами. Побѣда, столь часто одерживаемая низшими, недолговѣчными существами, каковы многіе паразиты, нерѣдко всецѣло бываетъ обусловлена ихъ усиленной плодovitостью. Общеизвѣстно, что паразитическіе грибы производятъ миллионы споръ, которыя могутъ развиваться въ очень короткое время и погубить питающее ихъ растеніе или животное. Извѣстно также, что плодovitость мелкихъ животныхъ, напр. мелкихъ млекопитающихъ, очень значительна, что даетъ имъ значительный шансъ въ борьбѣ за существованіе, и въ то время когда крупныя, умныя и сильныя, но слабо плодovитыя млекопитающія, какъ, напр., слоны, мамонты и пр., или совершенно вымерли, или же близки къ вымиранію, мелкіе грызуны удержались, несмотря на то, что многіе изъ нихъ приносятъ вредъ человѣку и сильно преслѣдуются имъ.

Въ виду основныхъ принциповъ дарвинизма, только-что приведенное положеніе о роли плодovitости въ борьбѣ за существованіе легко можетъ показаться парадоксомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если усиленная плодovitость есть именно то зло, изъ котораго возникаетъ борьба, то какъ же согласить это съ тѣмъ, что та же усиленная плодovitость является однимъ изъ главныхъ моментовъ побѣды въ борьбѣ за существованіе? Съ помощью выше-сказанныхъ соображеній это недоразумѣніе легко устраняется. Въ дѣйствительности оказывается, что усиленная плодovitость далеко не имѣетъ столь важнаго значенія въ возбужденіи борьбы, какъ это было предположено Дарвиномъ, что въ этомъ отношеніи несравненно большую роль играетъ конкуренція и борьба разнородныхъ формъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда соперничество возникаетъ изъ борьбы различныхъ видовъ, для каждаго изъ нихъ усиленіе плодovitости представляется весьма существеннымъ, и особи, которыя окажутся наиболѣе плодovитыми, навѣрно выйдутъ побѣдителями. Обратный результатъ получится только въ томъ случаѣ, если борьба за существованіе возбуждается чрезвычайно усиленнымъ размноженіемъ особей одного и того же вида на ограниченномъ пространствѣ. Тутъ очевидно наименѣе плодovитыя особи будутъ имѣть всего больше шансовъ побѣды, такъ какъ послѣдняя обусловится не количествомъ особей, а ихъ крѣпостью и силой. Но случаи этой категоріи, какъ уже было показано выше, имѣютъ гораздо меньшее значеніе въ вопросѣ о трансформизмѣ, нежели случаи борьбы, возбуждаемой столкновеніемъ разнородныхъ формъ, т.-е. тѣ случаи, когда усиленіе пло-

дѣятельности получаетъ первостепенное, нерѣдко рѣшительное значеніе.

Убѣдившись въ существенномъ значеніи плодовитости въ дѣлѣ борьбы за существованіе, весьма важно узнать, въ какомъ отношеніи находится эта способность къ форменнымъ (морфологическимъ) признакамъ, выражающимъ ихъ систематическое родство, т.-е. будутъ ли два сосѣдніе рода и вида и вообще какія-нибудь двѣ сосѣднія группы представлять въ то же время и сходную плодовитость, или же это свойство можетъ быть независимо отъ форменныхъ признаковъ. Положительный отвѣтъ въ ту или другую сторону не можетъ быть данъ въ настоящее время, за отсутствіемъ фактическихъ свѣдѣній относительно плодовитости у различныхъ животныхъ, такъ что поневолѣ приходится покамѣстъ ограничиться только общими и приблизительными данными. Еще со временъ Бюффона было обращено вниманіе на связь плодовитости съ размѣрами тѣла, т.-е. на общій законъ, что увеличеніе животнаго связано всегда съ слабой плодовитостью, и наоборотъ. Величина тѣла въ свою очередь имѣетъ отношеніе къ систематическимъ признакамъ, такъ что можно сказать вообще, что въ однѣхъ группахъ преобладаютъ крупныя формы, въ другихъ мелкія. Съ другой стороны, извѣстны факты, показывающіе, что плодовитость зависитъ отъ эконолическихъ условій организма (степени его питанія и пр.) и что она сама вліяетъ на форменные признаки. Такъ, извѣстно, что уменьшеніе плодовитости или безплодіе ведутъ нерѣдко къ форменной измѣнчивости. Но эти выводы приложимы въ общихъ чертахъ и всего менѣе примѣнимы къ случаямъ близкаго систематическаго родства, напр. къ видамъ или разновидностямъ. По крайней мѣрѣ можно утверждать, что двѣ очень близкія формы могутъ отличаться другъ отъ друга сравнительно весьма значительной степенью плодовитости. Такъ, напр., самка зайца рождаетъ только четыре дѣтеныша, а кроличиха отъ восьми до двѣнадцати. То же подтверждаютъ примѣры увеличенія плодовитости у животныхъ въ одомашненномъ состояніи. Вслѣдствіе этого нѣтъ возможности, на основаніи систематическаго родства мелкихъ группъ, напр. видовъ, судить о степени ихъ плодовитости, а съ точки зрѣнія вопроса о происхожденіи видовъ, въ борьбѣ за существованіе на первомъ планѣ стоятъ именно эти мелкія группы, т.-е. группы особей съ индивидуальными отличіями и разновидности. Отсюда слѣдуетъ, что *форменные признаки, не выражая собою степени плодовитости, не могутъ служить и мѣриломъ шансовъ победы въ борьбѣ,*

если она въ данномъ случаѣ рѣшается именно благодаря усиленной плодовитости ¹⁾).

Другой существенный моментъ, обуславливающий побѣду въ борьбѣ за существованіе, есть то, что называютъ вѣрностью, или силою. Подъ этимъ названіемъ разумѣютъ однакоже не физическую силу, а просто нѣкоторую способность, обладаніе которой помогаетъ одному существу вытѣснить другое, все равно, будетъ ли оно одарено активной силой (животныя) или нѣтъ (растенія). Такъ, де-Кандоль въ вышеприведенной цитатѣ говоритъ о силѣ растенія, подразумѣвая подъ этимъ его выносливость. Въ другихъ мѣстахъ своей ботанической географіи онъ употребляетъ этотъ терминъ въ болѣе широкомъ смыслѣ. Такъ, напр., онъ говоритъ о вытѣсненіи туземной флоры острововъ европейскими растеніями слѣдующее: «нашествіе иностранныхъ видовъ особенно замѣчательно на маленькихъ островахъ, каковы острова св. Елены и Вознесенія, гдѣ туземные виды были малочисленны и удерживались безъ большой борьбы. Теперь они, такъ-сказать, задавлены новыми, болѣе сильными видами; они болѣе уже не могутъ переносить этой конкуренціи съ цѣлымъ міромъ» (I. с. 722).

Какъ съ общей естественно-исторической, такъ и съ болѣе частной точки зрѣнія трансформизма, вопросъ о значеніи этой «силы» имѣетъ громадное значеніе. Что это за сила, каковы ея свойства и отношенія къ другимъ, главнымъ образомъ къ форменнымъ особенностямъ организмовъ, какъ такимъ, на основаніи которыхъ распознаются виды и опредѣляется систематическое родство? У Дарвина нѣтъ положительнаго, фактическаго отвѣта на этотъ вопросъ. Теоретически онъ говоритъ, что «сила» въ борьбѣ есть вообще болѣе высокая степень приспособленности организма къ даннымъ условіямъ, и это положеніе, какъ извѣстно, есть одно изъ основныхъ положеній его теоріи; но именно для провѣрки его и необходимо знать, почему именно въ ряду конкретныхъ случаевъ одни организмы оказались сильнѣе другихъ и вытѣснили ихъ. Дарвинъ говоритъ въ главѣ «о борьбѣ за существованіе»: «мы можемъ смутно познать, почему конкуренція между наиболѣе близкими формами всего сильнѣе; но вѣроятно мы ни въ одномъ случаѣ не будемъ въ состояніи точнѣе опредѣлить, какимъ образомъ случилось, что въ обширной борьбѣ за существованіе одно существо одержало побѣду надъ другимъ».

Борьба за существованіе, обнаруживающаяся вытѣсненіемъ

¹⁾ См. объ этомъ въ статьѣ „Антропология и дарвинизм“, въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1875 г., январь, стр. 191.

однѣхъ формъ другими, была, какъ уже было сказано въ началѣ главы, преимущественно изслѣдована ботаниками, которые не только установили общее понятіе о борьбѣ, но и сдѣлали шагъ впередъ въ дѣлѣ болѣе глубокаго изученія предмета. Дюро-де-ла Мазль, изслѣдовавшій въ продолженіи тридцати лѣтъ борьбу за существованіе на ограниченномъ пространствѣ, пришелъ въ тому убѣжденію, что побѣда достается попеременно то одной, то другой сторонѣ. Такимъ образомъ, бобовыя растенія (Leguminosae), вытѣснивъ злаки, по прошествіи извѣстнаго срока ослабѣваютъ и въ свою очередь вытѣсняются злаками же. На конгрессѣ нѣмецкихъ лѣсоводовъ въ Баденѣ, въ 1842, было констатировано, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ красный лѣсъ уступилъ мѣсто другимъ видамъ, и наоборотъ—буковые и дубовые лѣса должны были уступить мѣсто хвойному. Такъ, напр., въ Зигмарингенѣ ель показала триста лѣтъ назадъ и вытѣснила дубъ и букъ. Между Ландау и Кайзерлаутерномъ большіе дубовые лѣса отъ 250 до 400-лѣтняго возраста возобновляются только букомъ, а другіе буковые и дубовые лѣса вытѣсняются сосной. Наоборотъ, гагенаускій лѣсъ, большая часть котораго состоитъ изъ сосны, 170—180 лѣтъ назадъ былъ исключительно буковымъ (de-Candolle, l. c. 448, 472). «Въ приведенныхъ примѣрахъ,—говоритъ де-Кандоль,—не было ни общей рубки лѣса, ни пожара. Древесныя породы естественно слѣдуютъ другъ за другомъ, безъ видимой причины. Въроятно, всѣ общественныя растенія подвержены этому закону; но только его легче наблюдать на деревьяхъ, чѣмъ на мелкихъ видахъ». Двѣ стороны этихъ явленій обращаютъ на себя особенное вниманіе: во-первыхъ, перемежаемость побѣды, и во-вторыхъ, то, что она совершается «безъ видимой причины». Все это указываетъ на то, что причина побѣды заключается не въ тѣхъ форменныхъ отличіяхъ, которыя свойственны видамъ борющихся растеній, а лежитъ гдѣ-то глубже. Этотъ результатъ имѣетъ значеніе уже потому, что онъ указываетъ на то, что въ дѣлѣ борьбы за существованіе или, по крайней мѣрѣ, въ изслѣдованныхъ рѣзкихъ случаяхъ этой борьбы, систематическіе форменные признаки не играютъ существенной роли. По мнѣнію ботаниковъ, фактъ долгаго пребыванія растенія на одномъ и томъ же мѣстѣ самъ по себѣ ослабляетъ его и дѣлаетъ его невыносливымъ въ борьбѣ за жизнь. «Нельзя сомнѣваться,—говоритъ де-Кандоль,—въ томъ, что существованіе вида и особенно продолжительное существованіе, вредно для жизни этого или сходныхъ съ нимъ видовъ на той же почвѣ. Это доказывается какъ опытомъ хозяевъ, такъ и наблюденіемъ естественныхъ явленій».

(I. с. 447). Многие думаютъ, что причина этого явления заключается въ томъ, что растенія, въ теченіи длиннаго періода времени извлекая изъ почвы нужныя имъ вещества, наконецъ, получаютъ ихъ въ столь маломъ количествѣ, что начинаютъ ослабѣвать и легко уступаютъ мѣсто другимъ видамъ, нуждающимся въ другихъ, неизвлеченныхъ веществахъ. Противъ этого мнѣнія возразили, что ослабѣваніе растенія замѣчается и въ тѣхъ случаяхъ, когда оно ежегодно возвращаетъ почвѣ (въ видѣ листьевъ, сѣмянъ и проч.) значительное количество отнятыхъ пищевыхъ веществъ. Поэтому А. П. де-Кандоль предложилъ другое объясненіе: онъ обратилъ вниманіе на то, что корни могутъ вносить въ почву вредныя вещества, путемъ ли простого выдѣленія, или путемъ разложенія устарѣлыхъ частей, вещества, присутствіе которыхъ можетъ ослаблять данное растеніе, не аффицируя другое. Альфонсъ де-Кандоль, взвѣсивъ различные доводы, пришелъ къ слѣдующему выводу: «очевидно, что продолжительное присутствіе вида измѣняетъ почву, вслѣдствіе неправильныхъ изверженій корней и ихъ развѣтвленій» (I. с. 449). Возможно, что съ помощью этого факта объяснится не только періодическая смена общественныхъ растеній на ограниченномъ пространствѣ, но и вытѣсненіе туземной флоры океаническихъ острововъ. Въ самомъ дѣлѣ, если принять въ соображеніе, что численность видовъ на океаническихъ островахъ незначительна, и вслѣдствіе того сравнительно велика цифра особей каждаго вида; если, далѣе, припомнить, что населеніе уединенныхъ острововъ носитъ на себѣ отпечатокъ стариннаго происхожденія (см. выше), то, въ виду факта, что продолжительное пребываніе растенія на одномъ мѣстѣ вредитъ ему, легко придти къ заключенію, что океаническія растенія оказались слабыми въ борьбѣ за существованіе съ пришельцами болѣе новаго происхожденія и притомъ же попавшими на новую для нихъ почву. Соображеніе это можетъ служить подтвержденіемъ предположенія А. де-Кандоля, который говоритъ, что изъ быстрого вытѣсненія европейскими растеніями туземной флоры океаническихъ острововъ еще нельзя заключать, чтобы эта флора навсегда исчезла. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что туземныя растенія оставляютъ послѣ себя большой запасъ сѣмянъ въ почвѣ, которыя могутъ со временемъ, когда растенія новой флоры, въ свою очередь, ослабѣютъ, произвести снова туземныя формы и эти послѣднія въ новой борьбѣ могутъ оказаться побѣдителями. Дарвинъ нигдѣ не высказывается прямо противъ этого воззрѣнія, но изъ многихъ мѣстъ его книги видно, что онъ его не раздѣляетъ. Онъ высказываетъ мнѣніе, что остров-

нимъ растенія слабѣе просто оттого, что имъ не приходилось выдерживать такой длинной и сложной борьбы, какъ материковныя, которыя поэтому и вытѣсняють первыхъ окончательно, навсегда.

Хотя указанное разногласіе мнѣній весьма чувствительно для науки о борьбѣ за существованіе, но оно не затрагиваетъ той основной стороны вопроса, что *«смыслъ этой борьбы въ изслѣдованныхъ случаяхъ заключается не въ форменныхъ признакахъ, служащихъ отличіемъ видовъ, а въ болѣе скрытыхъ физиологическихъ особенностяхъ организма»*¹⁾. Де-Кандоль во многихъ мѣстахъ своего сочиненія высказывается въ этомъ смыслѣ; вотъ, напримѣръ, одно изъ нихъ: *«настоящія причины распространенія группируются въ три категоріи: болѣе или менѣе легкое и частое перенесеніе сѣмянъ, способныхъ къ проростанію; связь или разобщеніе (болѣе или менѣе дѣйствительныя) территорій съ болѣе или менѣе сходнымъ климатомъ; внутреннія и физиологическія свойства каждою вида. Эти категоріи причинъ связаны, какъ я уже сказалъ, то съ природою растеній, то съ природою страны»* (I. с. 596). Дарвинъ не входитъ въ разсмотрѣніе этого вопроса, но изъ нѣкоторыхъ его выраженій можно заключить, что онъ, въ сущности, думаетъ такъ же. Вотъ что, напримѣръ, онъ говоритъ по поводу борьбы за существованіе растеній новозеландской флоры: *«судя по тому, въ какой степени существа, вывезенныя въ новое время изъ Европы, распространились и заняли мѣста, бывшія замѣщенными туземными формами на Новой Зеландіи, мы должны думать, что еслибы на этотъ островъ были перевезены всѣ животныя и растенія Великобританіи, то множество британскихъ формъ со временемъ вполнѣ бы натурализовалось и вытѣснило бы много туземныхъ видовъ. Напротивъ, фактъ, что едва ли хоть одинъ обитатель южнаго полушарія отличалъ гдѣ-либо въ Европѣ, даетъ поводъ сомнѣваться, что еслибы всѣ продукты Новой Зеландіи были перевезены въ Европу, то многіе изъ нихъ завоевали бы себѣ уже занятые мѣста. Съ этой точки зрѣнія можно сказать, что организмы Великобританіи стоятъ гораздо выше на лѣстницѣ существъ, чѣмъ продукты Новой Зеландіи. Этого результата однако же не можъ предсказать самый опытный натуралистъ, послѣ изслѣдованія видовъ обѣихъ странъ»*. Въ подчеркнутыхъ словахъ выражена та же мысль, что и у де-Кандоля, именно, что въ дѣлѣ

¹⁾ Этотъ результатъ подтверждается и изслѣдованіями Негели надъ борьбою различныхъ близкыхъ между собою растеній, напримѣръ, видовъ *Achillaea*, *Nieracium* и альпійскихъ розъ.

борьбы обуславливаютъ побѣду «внутреннихъ, физиологическихъ свойствъ», а не тѣ (это уже прибавляемъ отъ себя) признаки, которые служатъ отличительными для видовъ и на которые обращаетъ вниманіе натуралистъ при изслѣдованіи формъ и сравненіи видовъ двухъ странъ. Отсюда получается болѣе общій выводъ, что *свойства, первостепенныя по значенію въ борьбѣ, и систематическіе признаки видовыхъ формъ не necessarily совпадаютъ другъ съ другомъ.*

Въ наукѣ, какъ уже было сказано, собрано до такой степени мало фактовъ о борьбѣ за существованіе и причины побѣды до такой степени неизслѣдованы, что (для приблизительнаго и провизорнаго) на каждомъ шагѣ приходится прибѣгать къ косвеннымъ доказательствамъ и удовлетворяться дедуктивными выводами.

А ригорі можно сдѣлать предположеніе, что нечувствительность къ переменамъ внѣшнихъ вліяній составляетъ весьма важное условіе побѣды въ борьбѣ. Возьмемъ, на примѣръ, нечувствительность къ свойству воды. Изъ двухъ близкихъ формъ та, которая можетъ одновременно жить и въ морѣ, и въ рѣкѣ, легко получить перевѣсъ надъ другой, которая способна къ жизни только въ одной изъ этихъ средъ. Есть нѣкоторыя немногія формы, навѣрно переселившіяся изъ морей въ прѣсныя воды, формы, большинство родичей которыхъ живетъ только въ морѣ. Сюда относятся, напр., прѣсноводные гидрополипы, которыхъ извѣстно только всего два рода съ нѣсколькими немногими видами. Оба эти рода такъ-сказать вырвались изъ многочисленной среды своихъ родичей, оставшихся въ морѣ, но это совершилось независимо отъ систематическаго родства. Оба рода несравненно болѣе близки въ систематическомъ отношеніи ко многимъ чисто морскимъ гидрополипамъ, чѣмъ другъ къ другу. Тотъ же существенный результатъ получится и при изслѣдованіи многихъ другихъ «внутреннихъ и физиологическихъ свойствъ», важныхъ въ борьбѣ за существованіе. Никто не станетъ отрицать, что въ этомъ отношеніи весьма большое значеніе имѣетъ способность переносить засуху. Способность эта, столь нужная для множества животныхъ, распределена у нихъ весьма неравномѣрно. Есть животныя, вовсе или почти вовсе лишенныя ея, и другія, обладающія ею въ замѣчательно высокой степени. Извѣстны такъ-называемыя «воскрешающіяся животныя», т.-е. такія, которыя переносятъ продолжительную и притомъ очень сильную и упорную засуху. Такія животныя водятся во мхѣ, вмѣстѣ съ которыми они могутъ подвергаться какъ высушиванію, такъ и значительному нагрѣванію. Подобная выносливость, благодаря которой продер-

жались эти существа при столь измѣнчивыхъ условіяхъ ихъ существованія, слѣдовательно, свойство, столь могучее въ борьбѣ, не находится однакоже въ необходимой связи съ форменными систематическими ихъ признаками. Такимъ образомъ, способность къ оживанію свойственна нѣкоторымъ коловраткамъ, нѣкоторымъ корненожкамъ, нѣкоторымъ низшимъ наукообразнымъ и нѣкоторымъ круглымъ червямъ, т.-е. представителямъ разнородныхъ систематическихъ группъ, другіе виды которыхъ, несмотря на систематическую близость, неспособны однакоже оживать послѣ высыханія.

Нѣтъ надобности перечислять здѣсь всѣ свойства организмовъ, весьма важныя въ борьбѣ за существованіе и въ то же время ничтожныя съ систематической точки зрѣнія. Я ограничусь еще только однимъ примѣромъ, потому что онъ представляется особенно характернымъ. Представители многихъ и притомъ весьма разнородныхъ группъ отличаются способностью вести паразитическій образъ жизни. Условія этой обстановки до такой степени своеобразны, что они во многихъ отношеніяхъ измѣнили природу паразитовъ и, упростивъ ее въ болѣе или менѣе значительной степени, свели ее къ сходному и приблизительно общему уровню. Въ виду такого сходства, отражающагося на всей наружности паразитовъ, зоологи отнесли ихъ всѣхъ къ типу червей и составили изъ нихъ отдѣльный классъ гельминтовъ, или паразитическихъ червей. Примѣръ этотъ съ перваго взгляда можетъ показаться идущимъ прямо въ разрѣзъ съ положеніемъ, которое я до сихъ поръ отстаивалъ, именно съ выводомъ, что *важныя въ борьбѣ физиологическія свойства не necessarily совпадаютъ съ форменными, систематически важными признаками*, такъ какъ у паразитовъ свойство ихъ образа жизни какъ разъ совпало съ основнымъ признакомъ систематической группы. Но интересъ заключается въ томъ, что эта группа удержалась до тѣхъ только поръ въ наукѣ, пока не ознакомились ближе съ паразитическими организмами. Изъ прежняго класса гельминтовъ, при ближайшемъ знакомствѣ, должны были выдѣлить рядъ формъ и распределить ихъ между ракообразными, паукообразными и простѣйшими животными. Оставшіеся затѣмъ паразиты, сходные въ томъ, что всѣ они принадлежать къ типу червей, все же не могли быть собраны въ одну естественную группу и прежній классъ гельминтовъ совершенно распался. Часть формъ, входившихъ въ составъ его, соединили со многими свободно-живущими червями въ одинъ классъ круглыхъ червей, остальныхъ же паразитовъ причислили къ такъ-называемымъ плоскимъ червямъ, между которыми то же оказалось много свободно-живущихъ формъ. Такимъ образомъ, въ

результатъ пришли къ убѣжденію, что прежній классъ гельминтовъ не составляетъ естественной систематической группы, а представляетъ только сбродъ разнородныхъ формъ, сходныхъ въ образѣ жизни и многихъ внѣшнихъ признакахъ, но различныхъ по своимъ существеннымъ морфологическимъ свойствамъ; кромѣ того, убѣдились въ томъ, что съ этой послѣдней точки зрѣнія различные паразиты гораздо болѣе сходны съ соотвѣствующими свободно-живущими формами, нежели между собою.

Въ статьѣ «Антропология и Дарвинизмъ» (I. с., стр. 187—195) я уже говорилъ о приложеніи той же точки зрѣнія (отсутствіе необходимаго соотвѣтствія между свойствами, обуславливающими побѣду въ борьбѣ за существованіе и систематически важными морфологическими признаками) къ человѣку и указалъ на воззрѣніе Нэгели, по которому полезныя приспособленія «составляютъ качества исключительно фیزیологическаго свойства». Интересующихся предметомъ посылаю, какъ къ только-что цитированной статьѣ, такъ и къ замѣчательному очерку Нэгели «О происхожденіи и опредѣленіи естественно-историческаго вида», существующему въ русскомъ переводѣ.

Въ борьбѣ за существованіе оказываются и побѣдители, и побѣжденные. Послѣдніе, по мнѣнію Дарвина, которое составляетъ одно изъ основныхъ положеній его теоріи, умираютъ настолько быстро, что именно вслѣдствіе этого такъ часто теряется связь между двумя сосѣдними видами. Быстрое вымираніе побѣжденныхъ необходимо съ дарвиновской точки зрѣнія, такъ какъ оно содѣйствуетъ полному изолированію побѣдителей, т.-е. препятствуетъ скрещиванію между новой формой — побѣдительницей и старой — побѣжденной. Въ результатъ борьбы является «постоянное стремленіе къ уничтоженію какъ основной производительной формы, такъ и промежуточныхъ формъ между нею и производною. Поэтому-то доказательство ихъ прежняго существованія могло бы быть найдено развѣ только между ископаемыми остатками земной коры, которые однакоже сохранились весьма неполнымъ и несвязнымъ образомъ» (Дарвинъ, «Происхожденіе видовъ», VI изд., 191).

Вопросъ о вымираніи формъ, слабѣйшихъ въ борьбѣ за существованіе, имѣетъ такое важное значеніе съ общей точки зрѣнія, что на него обратилъ особенное вниманіе Нэгели, одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ и несомнѣнно наиболѣе разносторонній и богатый познаніями и современный ботаникъ. Онъ представилъ какъ рядъ наблюденій, такъ и нѣсколько соображеній по этому вопросу, съ главнымъ содержаніемъ которыхъ я намѣренъ те-

перъ познакомить читателя, не останавливаясь передъ тѣмъ, что въ замѣчанія Негели касаются исключительно растений.

Болѣе десяти лѣтъ занимаясь тщательнымъ изслѣдованіемъ вопроса о происхожденіи видовъ изъ разновидностей и о конкуренціи между послѣдними, Негели бросилось въ глаза, что многія очень близкія формы уживаются другъ подле друга, и что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда двѣ разновидности общими силами вытѣсняють третью, среднюю между ними и по всей вѣроятности ихъ общую родоначальницу, то послѣдняя не вымираетъ, а оттѣсняется только на какое-нибудь новое мѣсто. Такъ, напримѣръ, онъ однажды отерылъ на крутой скалѣ въ Альпахъ двѣ разновидности одного и того же вида (*Hieracium villosum*), которыя представляли какъ-бы двѣ крайности основной формы, ни одного экземпляра которой, однакоже, не оказалось между ними, несмотря на то, что она вообще очень обыкновенна на сосѣднихъ горахъ. Отсюда легко было придти къ заключенію, что обѣ разновидности, производя отъ одной основной и средней между ними формы (*H. villosum*), вытѣснили послѣднюю съ своей скалы, но ужились другъ съ другомъ, быть можетъ вслѣдствіе того, что въ силу своихъ отличій они могли существовать безъ конкуренціи. Какъ бы то ни было, но даже двѣ вытѣсняющихъ разновидности не обуславливаютъ вымирания вытѣсненной.

Въ виду собранныхъ имъ фактовъ, Негели пришелъ къ слѣдующему убѣжденію ¹⁾: «При поверхностномъ взглядѣ ничего не можетъ казаться болѣе естественнымъ, какъ то, что изъ двухъ конкурирующихъ формъ сильнѣйшая окончательно вытѣснитъ слабѣйшую. И навѣрно существуютъ примѣры подобнаго явленія. Однакоже оно, по скольку дѣло касается истинно доказательныхъ случаевъ, вообще должно быть признано только за исключеніе. Общую приложимость оно имѣетъ только для гипотетическихъ, неспособныхъ къ существованію формъ, постоянно возникающихъ въ силу индивидуальной измѣнчивости и затѣмъ тотчасъ же исчезающихъ». «Сродныя или аналогическія формы, между которыми обыкновенно конкуренція всего сильнѣе, вытѣсняются не такъ, чтобы, напримѣръ, каждая оставалась одна въ той области, въ которой она оказалась болѣе сильной. Оба соперника ерпятъ другъ друга на одномъ и томъ же мѣстѣ или въ общей области, такъ какъ конкуренція опредѣляетъ только взаимное исключенное отношеніе. Такимъ образомъ, вытѣсненіе мы должны

¹⁾ Sitzungsberichte der Akad. d. Wissensch. zu München, 1874, стр. 118.

вообще представлять себя не всеобщимъ, а только частнымъ.— Этотъ результатъ очевидно совершенно измѣняетъ воззрѣніе Дарвина на роль борьбы, какъ на поводъ къ полному изолированію, и притомъ въ сравнительно короткій промежутокъ времени, побѣдителей, одаренныхъ какимъ-либо выгоднымъ признакомъ, отъ побѣжденныхъ, лишенныхъ этого признака. Безъ такого изолирующаго вліянія вообще весьма трудно представить себя какъ образованіе новаго вида по дарвиновской схемѣ, такъ и отсутствіе промежуточныхъ формъ между большинствомъ видовъ.

Въ подтвержденіе только-что приведеннаго вывода, сдѣланнаго на основаніи добытыхъ фактовъ о вытѣсненіи и совмѣстномъ нахожденіи разновидностей и видовъ у растений, Нэгели приводитъ еще цѣлый рядъ теоретическихъ, математическихъ данныхъ. Полагая условіями возможные случаи, что два существеннѣйшихъ въ борьбѣ за существованіе момента, именно продолжительность жизни и приростъ молодыхъ растений, являющихся взаимно умершихъ, находятся въ зависимости отъ постоянныхъ внутреннихъ качествъ или же отъ вѣншихъ условий; полагая, далѣе, что каждый изъ двухъ моментовъ одного соперника находится въ зависимости отъ числа особей каждаго изъ конкурентовъ или ихъ обоихъ вмѣстѣ, затѣмъ, что ежегодный приростъ измѣняется отъ продолжительности жизни каждаго соперника, оказывается, что общее положеніе, будто болѣе сильная и болѣе выгодно приспособленная форма вполне вытѣсняетъ другую, снабженную менѣе благопріятными признаками, неосновательно. Если мы воспользуемся числомъ возможныхъ случаевъ для вывода, то теоретическая вѣроятность требуетъ, чтобы равная сила (съ одинаковымъ числомъ особей обѣихъ формъ) встрѣчалась безконечно рѣдко, чтобы неравная сила съ частичнымъ вытѣсненіемъ и неодинаковымъ числомъ особей составляла общее правило и, наконецъ, чтобы неравная сила съ полнымъ вытѣсненіемъ одной формы встрѣчалась довольно рѣдко. Съ этимъ расчетомъ истинное положеніе дѣла въ растительномъ царствѣ находится въ полнѣйшемъ соотвѣтствіи, въ особенности составляющее общее правило совмѣстное нахожденіе разновидностей одного и того же вида и наиболѣе близкихъ видовъ» (Нэгели I. с. 163).

Можно думать, что въ основаніи этихъ явленій лежитъ то обстоятельство, что сосѣднія формы представляются сходными и съ точки зрѣнія ихъ «силы», и поэтому одна не можетъ окончательно вытѣснить другую. Какъ бы то ни было, но полученный Нэгели выводъ имѣетъ очень важное значеніе въ дѣлѣ всего во-

прос о происхожденіи видовъ. Онъ самъ ¹⁾ воспользовался имъ для установленія теоріи о происхожденіи видовъ, живущихъ обществами, и для доказательства положенія, «что общественная жизнь болѣе благопріятствуетъ образованію видовъ, чѣмъ изолированіе».

Изъ всего сказаннаго нами видно, какъ мало извѣстны не только частные законы борьбы за существованіе, но даже и общія теоретическія стороны вопроса объ этомъ важномъ дѣятели. Для того, чтобы составить понятіе о томъ, какъ мало продвинулся этотъ вопросъ со времени выдвинутія его на первый планъ Уэллсомъ и Дарвиномъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, какъ мало измѣнилась соотвѣтствующая глава въ новѣйшихъ изданіяхъ «Происхожденія видовъ». Признавая, съ одной стороны, крайнюю необходимость фактической разработки вопроса, которая должна лечь въ основу дальнѣйшихъ соображеній, нельзя не согласиться однакоже, что и теперь уже накопились данныя, позволяющія на иное значеніе борьбы за существованіе въ дѣлѣ происхожденія видовъ, чѣмъ то, которое придалъ ему Дарвинъ, именно данныя въ пользу того, что успѣхъ въ борьбѣ обуславливается внутренними, физиологическими свойствами, не обязательно совпадающими съ систематическими признаками, а также — приведенныя данныя Негели по вопросу о вытѣсненіи.

Ил. Мечниковъ.

¹⁾ Du développement des espèces sociales, въ Archives des sciences physiques et naturelles. 1875. № 211, стр. 211.

I.

ПОКИНУТЫЯ МѢСТА.

Окутанъ снѣга пеленами,
Домъ спитъ. Слѣда нѣтъ на дворѣ.
Стоять въ морозномъ серебрѣ
Сады, покинутые нами...
И въ этой стройной тишинѣ
Мой шагъ раздался рѣзкимъ звукомъ,
Какъ будто все кругомъ во снѣ
Внезапно вскрикнуло съ испугомъ.

II.

* * *

Изъ-за дали и разлуки,
Послѣ думъ наединѣ,
Всепрощающія руки
Протяни, родная, мнѣ.
Воротись, забвеньемъ вѣчнымъ
Помянувъ тревогъ житье,
Съ чувствомъ мирнымъ и безпечнымъ
Въ сердце тихое мое,—
Въ сердце полное печали
И раскаянья въ слезахъ,
Что обиды вызывали
На возлюбленныхъ очахъ.
Слезъ тобой пролито много,
Жгучихъ думъ изжито—мною;
Намъ не подводить итога:
Жизнь свѣтила насъ съ тобой.

III.

ВЕСНА.

Весь пронизанъ полудня лучами,
Замелькаетъ и зарѣялъ кругами
Мотылекъ, золотой, какъ весна...
Знать, идетъ золотая она?
Да, идетъ, да, идетъ золотая!
Засверкала рѣка голубая
И потоки бѣгутъ, какъ на пирь...
Да, весна изъ-подъ снѣга цвѣтами,
Да, весна голубыми глазами
Ужъ глядитъ на ликующій міръ!

П. КОВАЛЕВСКІЙ.

НАБЛЮДЕНІЯ

НА ДѢ

ИСТОРИЧЕСКОЮ ЖИЗНЬЮ НАРОДОВЪ

---

3) Франція и Германія до тѣснѣйшаго соединенія послѣдней съ Италіею *).

Мы остановились на мерзенскомъ постановленіи 847 года, которое провозгласило, «что всякій свободный человѣкъ можетъ избирать себѣ господина». Этимъ постановленіемъ правительство торжественно заявило свою несостоятельность и тщету борьбы своей противъ частнаго союза, который одинъ могъ поддержать новорожденное общество. Общество начинается кровнымъ или родовымъ союзомъ, который при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ развиваться и долго быть крѣпкимъ, можетъ существовать въ видѣ крѣпкаго частнаго союза и тогда, когда изъ отдѣльныхъ родовъ образовался народъ, выработавшій себѣ общее правительство, государство. Сильныя препятствія для своего развитія родовой союзъ встрѣчаетъ, во-первыхъ, когда происходитъ переходъ отъ кочевого быта къ осѣдлому; пребываніе на одномъ мѣстѣ, землевладѣніе необходимо ведетъ къ вопросу о разграниченіи, о «твоемъ» и «моемъ», а какъ скоро земельная собственность перестала быть въ общемъ владѣніи у членовъ рода, то этимъ наносился сильный ударъ родовому единству и союзу; но и при осѣдлости, если земли много, она не дѣльна, не возбуждаеъ желанія имѣть ее въ собственность,

---

*) См. 1875, апр., 598 стр.

родовой бытъ съ нераздѣльностью земли можетъ существовать чрезвычайно долго. Разумѣется, онъ существуетъ преимущественно въ земледѣльческомъ народонаселеніи; городъ, условливающий необходимо сильнѣйшее движеніе, раздѣленіе занятій, которое вызываетъ членовъ рода къ самостоятельной жизни, наплывъ на небольшомъ пространствѣ разнообразнаго народонаселенія, городъ, въ смыслѣ обильнаго народомъ торговаго и промышленнаго центра, наноситъ самые сильные удары родовому быту, родовому единству съ одной—и родовой особенности съ другой стороны. Понятно, что родовой бытъ исчезаетъ скорѣе въ странахъ, обильныхъ народонаселеніемъ и обильныхъ большими городами, имѣющими вышесказанное значеніе, и что онъ держится долѣе въ странахъ, носящихъ преимущественно земледѣльческій характеръ, въ странахъ, медленно развивающихся, обширныхъ и мало населенныхъ. Но подлѣ этой первоначальной формы, подлѣ естественнаго, кровнаго союза съ самыхъ раннихъ поръ замѣчаемъ уже другія формы союза, союза искусственнаго въ противоположность кровному. Это союзъ *закладничества*, заключаемый подлѣ разными видами и разными условіями, отъ *захребетничества* и *сосѣдства* до *холопства*, но во всѣхъ видахъ имѣющей одну отличительную черту: слабый ищетъ покровительства сильнаго, причемъ лишается извѣстной доли своихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, иногда всѣхъ личныхъ правъ, ибо холопъ, несмотря на свое добровольное вступленіе въ это состояніе, мало разнится отъ раба. Наконецъ, третья форма частнаго союза, вторая искусственная его форма есть форма *дружбинная*, когда люди соединяются добровольно вмѣстѣ для какаго-нибудь предпріятія. Въ первобытныхъ, такъ-называемыхъ варварскіе времена такой союзъ заключали обыкновенно съ цѣлю войны добычи, нападенія. Съ развитіемъ обществъ цѣль дружиннаго союза замѣняется: вмѣсто нападенія онъ заключается для охраненія мирнаго общества отъ нападеній и насилій: таковы средневѣковыя общины или коммуны, ганза, братства и т. п.; наконецъ съ усиленіемъ государственнаго порядка, дружинные союзы заключаются уже исключительно для соединенія силъ, для большаго успѣха въ какомъ-нибудь мирномъ предпріятіи или занятіи: торговныя и промышленныя компаніи, ученыя общества, артели и т. п. Эти двѣ формы искусственнаго союза, такъ-называемаго нами въ противоположность естественному, кровному, родовому, — эти двѣ формы искусственнаго союза, закладничество и дружина, рѣзко отличаются другъ отъ друга: отличительная черта первой формы есть зависимость одного члена союза отъ другого; отличительная черта

дружины есть равенство членовъ и свободный выборъ вождей или старшинъ.

Мы видѣли, что дружинный союзъ съ цѣлію военною, съ цѣлію нападенія, завоеванія и добычи сыгралъ важную роль при разложеніи римской имперіи, при образованіи новыхъ государствъ. Но какъ скоро военныя дружины прекратили свое движеніе, уступивъ на добытыхъ земляхъ, то замѣнили свою прежнюю форму подъ вліяніемъ государственнаго начала; на сѣвѣ западной Европы движеніе дружинъ прекратилось, и онѣ являлись только на моряхъ, подъ страшнымъ именемъ норманновъ, преслѣдуя обычныя цѣли военныхъ дружинъ — грабежи, а при первой возможности поселеніе на земляхъ, и образованіе особаго владѣнія. Намѣстия этихъ морскихъ военныхъ дружинъ норманнскихъ, входившихъ по рѣкамъ далеко въ глубь странъ, во многихъ мѣстахъ служили сильнымъ побужденіемъ къ образованію частныхъ союзовъ для защиты, при слабости или совершенномъ отсутствіи защиты государственной, и тутъ мы видимъ во всей силѣ первую форму частнаго союза для защиты, форму закладничества, хорошо извѣстную германцамъ въ ихъ лѣсахъ, и найденную ими во всей силѣ на почвѣ имперіи. Это господство первичной формы частнаго союза для защиты, формы закладничества или феодализма, ясно указываетъ на неразвитость, младенчество германскаго общества и на неразвитость или упадокъ, старчество римскаго общества. Государственное начало, переданное изъ Рима сильнѣйшему вождю варваровъ съ самымъ пышнымъ титуломъ, послѣ напрасной борьбы съ частнымъ союзомъ, должно было признать свою слабость и провозгласить, что всякій свободный человѣкъ можетъ избирать себѣ господина.

Взглянемъ на нѣкоторыя подробности борьбы, могущія представить намъ нѣкоторый интересъ для сравнительнаго изученія историческихъ явленій.

Первое любопытное явленіе представляютъ намъ отношенія между членами владѣльческаго рода. Майоратъ во владѣльческомъ родѣ еще не выработался и долженъ былъ бороться съ сеніоратомъ, съ правами дяди предъ племянникомъ. При борьбѣ двухъ представленій о правѣ, воля царствующаго владѣльца, разумѣется, имѣла важное значеніе; но эта воля имѣла нужду выразиться не на словахъ, не на бумагѣ, но на фактѣ, который трудно было передѣлать: Карлъ Великій при жизни веронуетъ сына своего Людовика вѣнцомъ императорскимъ. Карлъ стѣлъ нужнымъ это сдѣлать, потому что у него былъ внукъ отъ старшаго сына, Беригардъ, котораго право выставилось предъ правомъ дѣда, у

Бернгарда была сильная партія. Такъ точно у насъ, великій князь Василій Темный при жизни своей объявилъ великимъ княземъ и правителемъ сына своего Ивана, а послѣдній, въ виду борьбы между сыномъ и внукомъ отъ старшаго сына, короновалъ внука. Но если Карлъ V. боялся усобицы между Людовикомъ и Бернгардомъ и сѣвшилъ предупредить ее коронованіемъ перваго, то тѣмъ болѣе Людовикъ долженъ былъ бояться усобицы между своими сыновьями и Бернгардомъ, какъ старшимъ между двоюродными братьями, и Людовикъ точно также коронуется императоромъ старшаго сына своего Лотаря. Такимъ образомъ торжествуетъ первоначальное представленіе, по которому князь, осиротѣвшій при жизни дѣда, лишился права на мѣсто и значеніе, котораго отецъ лишенъ былъ смертью. У насъ, въ древней Россіи, при большой силѣ и развитіи родовыхъ отношеній, существовали уже извѣстные опредѣленія подобныхъ явленій, и князь-сирота, лишенный смертью отца движенія къ старшинству, какъ будто передъ нимъ выпадала ступень на родовой лѣстницѣ, причислялся къ *изгоямъ*, людямъ, лишившимся средствъ оставаться въ прежнемъ положеніи, продолжать наследственное званіе, какъ, напр., сынъ священника, неумѣющій грамотѣ и потому лишенный способности оставаться въ духовномъ званіи и т. п. Такое представленіе еще имѣло силу, какъ видимъ, и во франкскомъ государствѣ, и Бернгардъ являлся именно *изгоемъ*. Но подлѣ этого представленія существовало уже и другое, бывшее на разрушеніе родового единства, на постоянное выдѣленіе и возвышеніе старшей линіи посредствомъ майората, и Бернгардъ не хотѣлъ быть *изгоемъ*, хотѣлъ силою защищать свои права, тѣмъ болѣе, что у него партія между вельможами. Но его предпріятіе не удалось: онъ былъ приманенъ ложными обѣщаніями, схваченъ и судомъ императорскихъ вассаловъ осужденъ на смерть, какъ виновный въ измѣнѣ. Здѣсь мы видимъ уже вліяніе другихъ, государственныхъ началъ, которыя, разумѣется, не могли позволить родовымъ отношеніямъ существовать въ ихъ чистотѣ и силѣ, какъ они могли существовать гораздо долѣе у насъ, на востокѣ Европы. Императоръ Людовикъ смягчилъ приговоръ суда, перемѣнивъ смертную казнь на ослѣпленіе. Здѣсь видимъ уступку христіанскому вліянію. Магометанскіе владѣльцы, при господствѣ первоначальнато представленія о сеніоратѣ и единствѣ рода, хладнокровно умерщвляютъ всѣхъ соперниковъ себѣ и своимъ дѣтямъ, всѣхъ младшихъ братьевъ и племянниковъ; въ мірѣ христіанскомъ, вмѣсто смерти, является ослѣпленіе, лишеніе способности быть соперникомъ, и это явленіе общее въ подобныхъ случаяхъ: вспо-

имѣть, что во время окончательной борьбы между московскими князьями за старый и новый порядокъ престолонаслѣдія, мы встрѣчаемся съ ослабленіемъ двухъ князей.

Вдовство императора Людовика и вторичный бракъ его пошелъ къ обычнымъ въ древней семьѣ волженіямъ. Братья теперь стали не одной матери; энергическая матица Юдиоъ (урожденная Вольфъ, графиня баварская) изъ опасенія, что пасынки обездолятъ ея сына, всѣми силами старается дать послѣднему преимущество предъ братьями; понятно, что сыновья Людовика отъ перваго брака не могли сносить этого равнодушно, и начинаются усобицы, которыхъ слабый характеромъ императоръ сдерживать не въ состояніи. Усобицы продолжались и по смерти Людовика между троими его сыновьями. Въ 843 году былъ знаменитый уговоръ между братьями въ Верденѣ на счетъ раздѣла отчины и дѣдинъ своей. Родовыя владѣнія франкскихъ князей разломились по этнографическимъ, географическимъ и историческимъ порѣзамъ на три части: Галлію, Италію и Германію. Старшій, Лотарь, взялъ Италію, которая удерживала за собою первенство по историческимъ преданіямъ, по Риму, по имперіи. Новая исторія однако началась; началась она тѣмъ, что тѣ части Европы, которыя до сихъ поръ были за границею исторіи, выступили на историческую сцену съ важнымъ значеніемъ; но поддержать это значеніе и равняться онѣ могли только при условіи поддержанія тѣсной связи съ прежними историческими странами, въ которыхъ жила древняя цивилизація; старое не имѣло силы безъ новаго, новое не имѣло средствъ къ развитію безъ стараго. Старое жило въ преданіи о Римѣ, объ имперіи, что давало въ средніе вѣка основаніе и дѣйствительныя силы папству, первенству римскаго архіерея; новое выражалось въ дѣйствительной матеріальной силѣ. Сознаніе необходимости соединить старое съ новымъ, старую Европу съ новою, должно было высказываться наглядно, и оно высказалось въ томъ, что императоръ Лотарь къ своимъ итальянскимъ владѣніямъ присоединяетъ полосу земли отъ Роны до устья Рейна, ту полосу земли, гдѣ было первоначальное гнѣздо австразійскаго дома, гдѣ романскія и германскія народности соприкасались другъ съ другомъ. Это распоряженіе, разумеется, не можетъ не напомнить намъ того распоряженія нашихъ русскихъ князей, по которому Новгородъ, сѣверный конецъ великаго варяжскаго пути, постоянно находился въ зависимости отъ старшаго князя, сидѣвшаго въ Кіевѣ, и такимъ образомъ необходимость соединенія сѣверной и южной Руси высказывалась наглядно.

Не выработался въ княжеской семьѣ майоратъ съ государственнымъ подчиненіемъ младшихъ братьевъ старшему, не выработались и феодальныя отношенія, связь между братьями должна была быть только родовая. Относительно владѣній эта связь между сыновьями Людовика Благочестиваго выразилась тѣмъ, что каждый изъ нихъ имѣлъ часть въ своей *отчинѣ*, во франкскомъ гнѣздѣ, въ Австразіи, точно такъ, какъ московскіе князья, дѣля между собою города и волости и отдавая городъ Москву старшему брату, удерживали, однако, каждый известную часть въ этой самой Москвѣ.

При связи только родовой, при отсутствіи государственной подчиненности императору, Карлъ Лысый былъ совершенно независимъ въ управленіи доставшеюся ему страной, будущему Франціи. Обязанность правителя этой страны въ описываемое время была тяжка. Галлія во время сухопутнаго движенія народовъ подверглась варварскимъ нашествіямъ, какъ украинна Римской имперіи; теперь, съ прекращеніемъ сухопутнаго движенія народовъ и съ усиленіемъ морского движенія запоздавшихъ сѣверныхъ дружинъ, она подвергается норманскимъ опустошеніямъ, какъ приморская страна. Города, начавшіе было подниматься вслѣдствіе выгоднаго торговаго положенія на водяныхъ путяхъ, были разорены въ конецъ, являлись въ видѣ жалкихъ деревушекъ. Эта остановка торговаго и промышленнаго движенія вслѣдствіе норманскихъ опустошеній продолжала и утвердила господство недвижной, земельной собственности, дала окончательное развитіе закладничеству по землѣ или феодализму. Независимые мелкіе собственники исчезали совершенно; король, для отраженія враговъ, не могъ собрать войска, непосредственно относившагося къ нему и странѣ; онъ сталъ зависѣть отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые являлись окруженные толпами своихъ закладчиковъ или вассаловъ; заставить этихъ крупныхъ землевладѣльцевъ защищать страну король могъ только уступкою имъ должностей и помѣстій въ наслѣдственное владѣніе, уступкою имъ независимости; а между тѣмъ голодъ истреблялъ низшее народонаселеніе; ѣли землю, умятчивъ ее нѣсколько медомъ; волки стадами бродили по опустошенной странѣ. Стремленія сильнѣйшихъ землевладѣльцевъ къ полной независимости вели къ войнамъ ихъ противъ короля, который, при недостаткѣ военныхъ силъ, не могъ выходить изъ нихъ побѣдителемъ. При усобицахъ между королемъ и вельможами, которые искали всюду помощи, даже у арабовъ, трудно было братьямъ Лотарю, Людовику и Карлу жить въ дружбѣ; но ихъ столкновенія прерывались явленіемъ, съ кото-

ринъ мы знакомы по древне-русской исторіи. Между братьями происходили сѣзды; каждый являлся съ своею дружиною или вельможами, и начинались мудрыя рѣчи о томъ, сколько злого и вреднаго правителямъ и народу произошло отъ братскаго несогласія и недоувѣрія; что братья хотятъ забыть все прежнее и жить впредь по любви; ни одинъ не станетъ желать земель и слугъ другого, не станетъ слушать клеветниковъ, смущающихъ братію своими навѣтами, но будутъ все трое помогать другъ другу въ нуждѣ, и проч. Не знаешь, съ западными ли источниками имѣешь дѣло, или читаешь перифразъ русской лѣтописи: такъ тождественны явленія!

Замѣтивъ сходство, замѣтимъ и несходство. Родовыя отношенія если и прорывались при благопріятныхъ обстоятельствахъ, то вовсе не съ тѣмъ господствующимъ характеромъ, какъ у насъ, на Востокѣ. На Западѣ господство земельныхъ отношеній налагало крайнюю преграду ихъ развитію, именно уничтожая общее родовое владѣніе. По смерти Лотаря (855 г.) императорскій титулъ и владѣнія его не переходятъ къ старшему по немъ брату; императорскій титулъ переходитъ къ старшему сыну Лотаря, Людовику II, и владѣнія дѣлятся также между его сыновьями, какъ опричина, удѣлъ. Быстрое вымираніе этой лотаровской линіи потомства Карла Великаго вело между остававшимися Каролингами Галліи и Германіи къ столкновеніямъ и сдѣлкамъ по поводу наследства; здѣсь впервые обнаруживается борьба между государями Галліи и Германіи за Италію, которая не можетъ образовывать независимаго цѣлаго, благодаря Риму; Римъ, пользуясь борьбою, выбираетъ между соперниками, волнуется партіями по этому случаю; главное лицо въ немъ епископъ; главный епископъ на всемъ Западѣ пользуется больше всѣхъ соперничествомъ государей изъ-за титула императорскаго; уступкою новыхъ выгодъ они должны платить ему за вѣнчаніе въ Римѣ императорскимъ вѣнцомъ. Въ 876 году, Карлъ Лысый успѣлъ предупредить своего брата, Людовика Германскаго, и получить въ Римѣ императорскій вѣнецъ при содѣйствіи особенно папы Іоанна VIII, который получилъ за это хорошую благодарность; какъ увидимъ послѣ въ своемъ мѣстѣ. Вообще, въ послѣднее время царствованія Карла Лысаго Галлія, повидимому, пересиливала Германію. Но это видимое преимущество кончилось со смертію Карла Лысаго. Дѣло разъединенія государственныхъ силъ шло быстрымъ шагомъ впередъ, благодаря усиленію подчиненныхъ землевладѣльцевъ путемъ частнаго союза, закладничества или феодализма, благодаря тому, что при междоусобицахъ войнахъ и норманскихъ нашествіяхъ ко-

роль, не имѣя войска при исчезновеніи мелкихъ свободныхъ землевладѣльцевъ, долженъ былъ покупать помощь крупныхъ землевладѣльцевъ новыми уступками въ пользу ихъ силы и независимости. Закладничество или феодализмъ достигалъ господства; раздробляя страну на множество почти независимыхъ владѣній, онъ въ то же время связывалъ всѣхъ владѣльцевъ цѣпью собственно однихъ только нравственныхъ отношеній, довольно сильныхъ, однако, для того, чтобы сохранить сознаніе единства страны, пока при новыхъ благоприятныхъ условіяхъ явилась возможность установить въ ней единство политическое. При неотразимомъ стремленіи феодализма къ господству, землевладѣлецъ, стоявшій на верхней ступени феодальной лѣстницы, человѣкъ, имѣвшій захребетниковъ или вассаловъ, но самъ не бывшій ничѣмъ захребетникомъ, естественно становился главнымъ человѣкомъ въ странѣ, представителемъ ея единства и бралъ на себя старинное, освященное употребленіемъ имя верховной власти. Положеніе на верху феодальной лѣстницы и королевскій титулъ могли остаться за Каролингами или перейти въ другую фамилію—это было явленіе уже чисто случайное, зависѣвшее отъ того, оставались ли Каролинги достаточно матеріально сильны для того, чтобы имѣть первенство между другими землевладѣльцами и имѣли ли достаточно личныхъ средствъ, способностей для охраненія своихъ историческихъ правъ. Историки, нерѣдко преклоняющіеся передъ успѣхомъ, не очень сочувственно и справедливо относятся къ Каролингамъ, тогда какъ при внимательномъ изученіи ихъ дѣятельности оказывается, что у многихъ изъ нихъ не было недостатка въ способностяхъ, съ помощію которыхъ они изворачивались въ разныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Но нельзя не замѣтить, что судьба не была въ нимъ благосклонна. Карлъ Лысый, несмотря на ослабленіе правительственныхъ средствъ, въ чемъ не онъ былъ виноватъ, окончилъ свое царствованіе съ большимъ почетомъ внутри и внѣ. Ему наследовалъ сынъ его Людовикъ, но не прожилъ и двухъ лѣтъ. Сынъ его, Людовикъ III, процарствовалъ около четырехъ лѣтъ, успѣвъ, однако, въ это короткое время прославиться знаменитою побѣдою надъ норманнами при Соликурѣ. Братъ его, восемнадцатилѣтній Карломанъ, процарствовалъ съ небольшимъ два года. У него остался малолѣтній братъ Карлъ; но при тогдашней неопредѣленности правъ наследства и при тогдашнемъ состояніи страны, когда король не долженъ былъ выпускать изъ рукъ оружіе для отраженія норманновъ—малолѣтній король былъ невозможенъ, и потому призвали Карла Толстаго, единственнаго представителя восточной, германской линіи Каро-

лиговъ, который такимъ образомъ сталъ владѣть всѣми частями имперіи Карла Великаго. Но имперія Карла Толстаго не была вложена на имперію Карла Великаго: то, что начиналось при послѣднемъ, и чему онъ не могъ противопоставить крѣпкихъ и долговѣчныхъ преградъ, то совершилось во времени Карла Толстаго: феодализмъ господствовалъ, децентрализація была полная. Карлъ Великій приобрѣлъ себѣ славу знаменитаго историческаго дѣателя тѣмъ, что умѣлъ направить пока еще сплоченныя силы южной Галліи для подчиненія христіанству и цивилизаціи раздробленной, варварской Германіи; но для потомка его выпадала задача гораздо труднѣе — *безъ средствъ* сохранить подъ своею властью Галлію, Италію и Германію, привыкшихъ уже къ самостоятельности, *безъ средствъ* защитить всѣ эти три страны отъ норманскихъ и арабскихъ опустошеній. Задача была не по чуждѣческимъ силамъ, и вопросъ о личныхъ средствахъ каковаго-нибудь Карла Толстаго — вопросъ лишній. Черезъ три года послѣ своего провозглашенія императоромъ всѣхъ владѣній Карла Великаго, умеръ Карлъ Толстый, увидѣвъ еще при жизни своей отдаленіе Германіи. Въ Галліи, по смерти Карла Толстаго, королемъ провозглашенъ былъ самый видный изъ землевладѣльцевъ, Одо, графъ парижскій, но изъ Каролинговъ оставался еще Карлъ, сынъ Людовика II, и въ пользу его образовалась сильная партія, провозгласившая его также королемъ. Смерть Одона припала на время партіи, и Карлъ, извѣстный подъ прозвищемъ Простого, былъ единогласно признанъ королемъ; но этотъ король, несмотря на свои стремленія подняться съ помощью духовенства и усилить свою власть, безъ обладанія собственными средствами, землями и войскомъ, могъ быть только игрушкою въ рукахъ сильныхъ землевладѣльцевъ, тѣмъ болѣе, что преемники Одона, герцоги Франціи, не могли забыть о королевскомъ титулѣ. Во время усобицы королевскій титулъ перешелъ къ герцогу бургундскому; Карлъ Простой умеръ въ темницѣ, сынъ его, Людовикъ, нашелъ убежище за моремъ, въ Англіи, почему и называется «заморскимъ». Гуго французскій или парижскій призвалъ Людовика изъ моря и далъ ему королевскій титулъ, но съ тѣмъ, чтобъ имѣть короля въ полной зависимости отъ себя, и когда этотъ Каролингъ не захотѣлъ быть похожимъ на послѣднихъ Меровинговъ, то страшная и долгая усобица была слѣдствіемъ. Людовикъ и сынъ его Лотарь не позволяли забывать въ себѣ королей, хотя владѣнія ихъ ограничивались почти однимъ городомъ Ланомъ съ окрестностями, и только когда сынъ Лотаря, Людовикъ V, умеръ

бездѣльнымъ, Гуго Капетъ французскій могъ спокойно принять королевскій титулъ и короноваться въ Реймсѣ (987).

Мы не можемъ останавливаться на исторіи четырехъ первыхъ Капетинговъ, потому что она не представляетъ ничего важнаго для наблюдателя общихъ явленій въ жизни народовъ и разныхъ особенностей, обнаруживаемыхъ тою или другою народною личностью. Можемъ упомянуть объ одномъ, что эти Капетинги, для утвержденія королевскаго титула въ своей фамиліи, объявляютъ при жизни своей старшихъ сыновей соправителями и коронуютъ ихъ; явленіе, какъ уже замѣчено, общее для государей разныхъ странъ на западѣ и востокѣ Европы.

Обратимся къ начальной исторіи другой части имперіи Карла Великаго, къ исторіи германской. Мы уже видѣли, что значеніе дѣятельности Карла В. состояло въ расширеніи европейской исторической сцены: онъ ввелъ Германію въ область исторіи, давши ей христіанство, начатки цивилизациі и начатки государственности. Вслѣдствіе такого расширенія исторической сцены, Германія получаетъ значеніе украины западнаго римско-христіанскаго міра, значеніе, которое имѣла прежде Галлія. Германцы, утвердившіеся въ Галліи, франки, принявши христіанство и усыновившись Риму, переняли на себя обязанность бороться съ своими зарейнскими соплеменниками, которые, особенно какъ язычники, являлись для нихъ варварами; теперь восточные германцы, принявшіе христіанство, относятся точно также къ народамъ, жившимъ на востокъ отъ нихъ, относятся къ нимъ, какъ къ варварамъ, считая своею обязанностью распространять между ними христіанство и подчинять ихъ римской имперіи, т.-е. дѣлать съ ними то же самое, чтó сдѣлалъ Карлъ Великій съ самими восточными германцами. Эти варвары, восточные народы, относительно которыхъ Германія становилась украиною западнаго римско-христіанскаго міра, сильно разнились между собою; одни были изъ роды туранскаго происхожденія, не перестававшіе, по слѣдамъ гунновъ, дѣлать опустошительныя вторженія въ Европу, до самой Галліи. Германія, какъ Украина, должна была подвергнуться сильному удару этихъ народовъ, ограничиваясь борьбою оборонительною. Но, кромѣ этихъ кочевыхъ пришельцевъ изъ Азіи восточными сосѣдями германцевъ были давніе осѣдлые жители Европы, народы арійскаго племени, славяне. Столкновенія ихъ съ германцами, разумѣется, должны были начаться очень рано съ Карла Великаго начинается это, можно сказать, систематическое движеніе германскихъ королей на славянъ, съ цѣлю распространенія между ними христіанства и подчиненія ихъ сво

ности. Относительно нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ это стремленіе увѣчалось полнымъ успѣхомъ: разрозненные, и потому слабые, славяне не могли успѣшно противиться германцамъ, теперь объединеннымъ, и потому сильнымъ, должны были принять христіанство и вмѣстѣ отказываться не только отъ своей независимости, но и отъ народности, нѣмечиться, утрачивая основу народности—языкъ; слитіе понятій—нѣмца и христіанина съ одной стороны, и славянина и язычника—съ другой, естественно вело къ этому отнѣмченію славянъ: славянинъ, принявши христіанство, слишкомъ рѣзко отдѣлялся отъ своихъ соплеменниковъ, становился къ нимъ поэтому во враждебное отношеніе, и потому стремился вполне прировняться къ своимъ собратіямъ по вѣрѣ.

Но такой успѣхъ германцы могли получить только относительно нѣкоторыхъ племенъ славянскихъ. Другія племена выставляли сильный отпоръ; въ нихъ обнаружилось движеніе, свѣдѣствовавшее ихъ жизненность, способность къ исторіи; обнаружилось стремленіе къ соединенію силъ, къ образованію государствъ, что, разумѣется, должно было служить самымъ могущественнымъ средствомъ къ охраненію самостоятельности; явилось стремленіе къ образованію независимой церкви, съ богослуженіемъ на родномъ языкѣ, чего можно было достигнуть съ помощью восточной имперіи, съ помощью восточной, греческой церкви. Борьба съ славянами стала трудна для нѣмцевъ. Разумѣется, главною цѣлію ихъ государей стало—не допускать образованія большихъ славянскихъ государствъ. Имъ удалось, съ помощью туранцевъ, разрушить государство моравское, разорвать связь западныхъ славянъ съ южными и съ Византіею; имъ удалось остановить усиленіе чеховъ и крѣпко вцѣпиться въ ихъ страну, не выпустить ее изъ зависимости отъ римско-германскихъ императоровъ; но они не успѣли удержать въ этой зависимости болѣе отдаленную Польшу; кромѣ того, славянское племя расплылось далеко по восточной Европѣ и здѣсь успѣло образовать христіанское государство, которое, по этому характеру своему, стало европейскою крайною въ отношеніи къ варварскому міру, къ языческой и магометанской Азіи, со всѣми условіями этого положенія и съ особенностями, какихъ не имѣли ни Галлія, ни Германія, когда были крайними европейскаго міра. Мы рассмотримъ отдѣльно, въ своемъ мѣстѣ, эти условія и особенности, а теперь будемъ продолжать наблюденія надъ историческою жизнью германскаго племени, поставленнаго въ новыя отношенія.

Германія и теперь представляла еще, относительно, страну

дѣвственную, покрытую обширными густыми лѣсами, и, слѣдовательно, съ народонаселеніемъ рѣдкимъ. Немногіе города по Рейну и Дунаю были остатками отъ римскихъ временъ, созданіемъ римской администраціи. Во Франконіи, Турингіи и Саксоніи видѣлись только большія села, прислонившіяся къ замку или монастырю. Въ такой странѣ все надобно было начинать сначала. Народонаселеніе представляло сплошную одноплеменную массу, чтб, повидимому, условливало быстрое объединеніе страны; но это была только видимость. Въ Галліи, повидимому, было болѣе различія въ элементахъ народонаселенія, но эти элементы находились въ политическомъ смѣшеніи, въ соприкосновеніи другъ съ другомъ, и потому быстро содѣйствовали образованію единой новой національности, тогда какъ народонаселеніе Германіи состояло изъ нѣсколькихъ большихъ племенъ, изъ которыхъ каждое съ незапамятныхъ поръ привыкло смотрѣть на себя, какъ на отдѣльный, самостоятельный народъ и враждебно относиться къ другимъ племенамъ. Германскія племена были сопоставлены другъ съ другомъ вслѣдствіе дѣятельности Карла Великаго; сознаніе единства было у нихъ крайне слабо, и усиленію этого сознанія препятствовало рѣзкое различіе въ племенномъ говорѣ, при отсутствіи образованности, при отсутствіи общаго литературнаго языка.

Господство частнаго союза въ формѣ закладничества или феодализма было на очереди и въ Германіи, какъ въ Галліи и другихъ странахъ, вслѣдствіе одинакихъ причинъ, вслѣдствіе тягостныхъ для бѣднаго народонаселенія требованій верховной власти и вслѣдствіе несостоятельности той же власти въ защитѣ слабого отъ притѣсненій сильнаго. Но понятно, что въ Германіи, и именно въ той ея части, которая болѣе сохранила первоначальный бытъ, которая еще недавно выставила такое упорное сопротивленіе франкскому завоеванію и введенію христіанства, въ Саксоніи установленіе феодальныхъ отношеній не могло произойти безъ сильнаго сопротивленія свободныхъ людей; хотѣвшихъ остаться свободными. Мы видѣли, что установленію феодальныхъ отношеній очень много способствовало стремленіе усьѣться, припасть къ землѣ, избѣжать безпокойства далекихъ походовъ, стремленіе, въ которомъ высказалась естественная и необходимая реакція сильному движенію, сопровождавшему переселеніе народовъ и разложенію западной римской имперіи; мелкій землевладѣлец закладывался за ближайшаго крупнаго, чтобы избѣжать государственныхъ позывовъ къ дальнимъ походамъ; отсюда такое ограниченіе военной обязанности въ феодализмѣ, отсюда мелкость

феодалныхъ войнъ; у насъ, въ Россіи, то же явленіе въ московскомъ государствѣ, то же стремленіе служилыхъ людей не разставаться съ своими землями, отбывать отъ военной службы, стремленіе, послѣдовавшее также за періодомъ сильнаго движенія дружинъ, безпрестанно перебѣгавшихъ съ своими князьями изъ области въ область. Но въ Саксоніи, въ этой украинѣ *восточнаго царства* (*regnum orientale*, какъ называютъ лѣтописцы Германію), вольные люди, не получившіе привычки къ военнымъ движеніямъ, неохотно входили въ феодальную зависимость отъ сильныхъ землевладѣльцевъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе были чужіе люди, явившіеся въ ихъ страну вслѣдствіе франческаго завоеванія; въ Саксоніи труднѣе, чѣмъ гдѣ-либо, можно было принудить свободныхъ людей отказаться отъ своей независимости, и они вспомнили о ней при первомъ удобномъ случаѣ. Во время усобицы между внуками Карла Великаго, старшій изъ нихъ, Лотарь, зная неудовольствіе саксонцевъ, принужденныхъ отказаться отъ своей независимости, и желая отвлечь ихъ отъ своего брата, Людвига германскаго, обѣщалъ имъ возстановленіе прежняго быта. Недовольные образовали союзъ, подъ необъясненнымъ еще именемъ «стеллинга» (*stellinga*), истребили или выгнали значительныхъ людей изъ страны. Но Лотарь оставилъ безъ помощи своихъ союзниковъ, и Людвиго германскій нанесъ имъ страшное пораженіе. Пѣнные не получили милости: сто-сорокъ два изъ нихъ были обезглавлены, двѣнадцать повѣшаны; это различіе въ способѣ казни указываетъ, что первые были старые свободные люди (фрилинги), принужденные къ закладничеству, послѣдніе же были прежніе закладчики, меньшіе люди (*lassi*), низведенные потому къ полной зависимости или рабства, и вошедшіе вмѣстѣ съ фрилингами въ стеллингу.

Попытка соединить всѣ владѣнія Карла Великаго подъ одною властью, попытка матеріальнаго сродненія въ то время, когда, по возрасту народовъ, было на очереди полное матеріальное разединеніе, и связь могла оставаться только въ области идей и въ области нравственной,—эта попытка, необходимо неудачная, тяжело отозвалась на судьбѣ болѣзненнаго Карла Толстаго, бывшаго орудіемъ попытки. Германія, какъ восточное царство, украинъ западнаго міра, не могла спокойно дожидаться кончины больного императора, обязаннаго проводить столько же времени на берегахъ Сены, какъ и на берегахъ Майна. Противъ Карла Толстаго поднялся герцогъ Арнульфъ Каринтійскій, побочный сынъ Карломана, сына Людвига германскаго. Германія стала за Арнульфа, и Карлъ долженъ былъ отказаться отъ верховной

власти въ восточномъ царствѣ. Германія стала за Арнульфа, ибо незаконное происхожденіе въ глазахъ тогдашнихъ народовъ, еще не вполне христіанскихъ, не могло имѣть того значенія, какое получило впослѣдствіи. (И у насъ, на Руси, кромѣ княжны Рогнѣды, никто не вспоминалъ о происхожденіи Владиміра Великаго отъ наложницы-рабы). Притомъ же, германцамъ предстоялъ выборъ между Арнульфомъ и побочнымъ же сыномъ Карла Толстаго, которому отецъ хотѣлъ доставить престолъ. Они должны были предпочесть Арнульфа, который, по личнымъ достоинствамъ, былъ способенъ управлять восточнымъ царствомъ, т.-е. защищать украину отъ враждебныхъ сосѣдей.

Въ этомъ восточномъ царствѣ, въ этой украинѣ уже обозначилось явленіе, замѣченное нами и въ Галліи, когда она была украиню: большая сила видна на востокѣ, на самомъ порубежѣ, гдѣ происходитъ постоянная борьба съ чуждымъ народомъ. Въ этой борьбѣ отличился и Арнульфъ, владѣлецъ порубежной страны на юго-востокѣ, Каринтіи. Франкская Галлія имѣла свою Австразію, гдѣ была ея главная сила; Германія будетъ имѣть свою восточную область, свою Австрію, которая будетъ долго сильнѣйшимъ владѣніемъ въ Германіи, пока не усилится *сѣверо-восточное* порубежье, марка бранденбургская. Постоянная борьба съ опасными сосѣдями необходимо возбуждала энергію въ народѣ германскомъ и ея правителяхъ; и не мудрено, потому что въ Германіи въ описываемое время мы видимъ больше крупной дѣятельности, больше подвиговъ, чѣмъ въ новорожденной Франціи и ветхой Италіи; въ члѣ германскаго народа мы видимъ людей болѣе крупныхъ, и не удивительно, что они, перенявши роль старыхъ знаменитыхъ украинцевъ, Карловинговъ австразійскихъ, одни въ состояніи удержать за собою власть надъ Римомъ и титулъ императорскій. Франція не мѣшаетъ имъ въ этомъ; у ней нѣтъ еще средствъ для крупной внѣшней дѣятельности; она довольствуется тѣмъ, что можетъ сохранить свою независимость отъ германскаго владѣльца, носящаго титулъ римскаго императора; Франція, освободившись отъ опаснаго украинскаго положенія, перенятаго Германією, имѣетъ возможность предаться процессу внутренняго развитія, что окажется для нея прочнѣе, выгоднѣе; тогда какъ Германія, выигрывая во внѣшнемъ, теряетъ во внутреннемъ.

При Арнульфѣ Германія освободилась отъ опасности со стороны славянъ, пытавшихся въ Моравіи образовать сильное самостоятельное государство, самостоятельное не въ одномъ политическомъ, но и въ церковномъ отношеніи, образовать среди за-

падшихъ славянъ то, что послѣ могло образоваться только среди самыхъ отдаленныхъ, сѣверо-восточныхъ славянъ. И если Германія освободилась отъ опасности со стороны моравскихъ славянъ, и освободилась съ помощію венгровъ, то явилась новая опасность со стороны этой дикой орды, которая нескоро усѣлась и успокоилась въ дунайской долигѣ. Особенно стали опасны венгры Германіи по смерти Арнульфа, при малолѣтнемъ сынѣ его Людвигѣ, когда каждый годъ та или другая нѣмецкая область подвергалась ихъ опустошительнымъ набѣгамъ, однимъ словомъ, Германія испытывала теперь то, что послѣ перенявшая на себя значеніе европейской украины, Русь испытывала отъ печенѣговъ, половцевъ и татаръ. При такихъ значительно усиленныхъ ударахъ со стороны *поганыхъ*, украинское народонаселеніе, истощивши всѣ средства борьбы, прибѣгаетъ обыкновенно къ покупке отдыха. И король Людвигъ долженъ былъ платить ежегодную дань венграмъ. Этотъ Людвигъ, по прозванію Дитя, былъ послѣдній Каролингъ въ Германіи. Послѣ него и здѣсь, какъ во Франціи по прекращеніи Каролингской династіи, королевскій титулъ долженъ былъ перейти къ одному изъ сильнѣйшихъ владѣльцевъ областей; въ Германіи эти люди имѣли еще другое значеніе: здѣсь, каково бы ни было ихъ происхожденіе, они были начальниками, герцогами племенъ.

Выбранъ былъ Конрадъ франконскій,—и долженъ былъ вступить въ борьбу съ герцогомъ Генрихомъ саксонскимъ. Потомъ поднялся противъ короля герцогъ Арнульфъ баварскій; изгнанный Конрадомъ, онъ возвратился съ венграми, какъ изгнанные русскіе князья возвращались съ половцами. Царствованіе Конрада прошло во внутренней борьбѣ, и лѣтописцы говорятъ, что на смертномъ одрѣ онъ совѣтовалъ брату своему Эбергарду уступить престолъ Генриху саксонскому. Пусть это извѣстіе выдуманно лѣтописцами, писавшими при саксонской династіи; но современники не могли не признавать особенной силы, особенныхъ средствъ за этимъ сѣвернымъ порубежнымъ племенемъ и за его вождемъ, уже извѣстнымъ своею отвагою и вмѣстѣ ловкостью, осторожностью. «Генрихъ непремѣнно добьется королевства, — говоритъ умирающій Конрадъ своему брату: — такъ лучше уступи ему его добровольно и приобрѣти его дружбу; а то будетъ бѣда франкскому народу и тебѣ съ нимъ».

Преданіе говоритъ, что Генрихъ ловилъ птицъ въ то время, когда явился къ нему Эбергардъ франконскій съ предложеніемъ Конрадова наслѣдства: отсюда и прозваніе Генриху «Птицеловъ». Царствованіе этого Птицелова особенно для насъ замѣчательно,

потому что, несмотря на сухость, краткость источниковъ, въ дѣятельности Генриха выпукло обозначаются черты украинскаго владѣльца. Толпы венгровъ напали на Германію и прорвались въ предѣлы самой Саксоніи. Генрихъ засѣлъ съ своею дружиною въ одномъ замкѣ, у подножія Гарца, и не думалъ вступать въ битву съ врагами. Наконецъ, по счастливому случаю, одинъ изъ венгерскихъ вождей попался въ плѣнъ къ нѣмцамъ, которые привели его въ замокъ къ своему королю. Венгры предложили выкупъ за плѣнника, Генрихъ не соглашался; потомъ переговоры кончились тѣмъ, что Генрихъ согласился выпустить плѣнника и обязался платить ежегодную дань венграмъ, которые за это обязались девять лѣтъ не опустошать Саксоніи и Турингіи—только; остальные же части Германіи оставались открытыми для ихъ опустошеній. Нѣмецкіе историки, которые не находятъ словъ какъ бы сильнѣе заклеить поведеніе западныхъ Каролинговъ, покупавшихъ золотомъ миръ у норманновъ, разумѣется съ трудомъ перевариваютъ это извѣстіе лѣтописца: для нихъ Генрихъ Птицеловъ герой, носившій въ головѣ цѣлую систему государственнаго строя; но для насъ Генрихъ просто умный, ловкій и энергическій украинскій владѣлецъ, воспользовавшійся счастливымъ случаемъ для заключенія девятилѣтняго перемирія и воспользовавшійся этимъ перемиріемъ для приобрѣтенія большихъ средствъ къ борьбѣ.

Однимъ изъ средствъ усиленія является у Генриха постройка городовъ. Страна обширная, дѣвственная, народонаселеніе живетъ разбросанно, особнякомъ, привыкло, любить жить такъ, жить просторно, свободно, у себя, не скупиваясь на небольшихъ пространствахъ, огороженныхъ стѣнами, на виду у чужихъ, въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ чужими. Но страна порубежная окружена врагами. Нападутъ враги, разрозненное народонаселеніе бросится въ разныя стороны, ища спасенія въ горахъ и лѣсахъ; но множество его захватывается врасплохъ въ жилищахъ или нагоняется во время бѣгства и становится добычею враговъ. Надобны средства, которыя бы избавляли отъ такой бѣды. И вотъ, какъ только являются начатки центральной власти въ странѣ, представители этой власти начинаютъ строить города, т.-е. окружаютъ извѣстные удобныя мѣста стѣнами, валами, рвами и, волею и неволею, сводятъ туда жителей; разумѣется, имъ выгоднѣе всего населять эти города людьми отважными, воинственными, *лучшими* людьми—по тогдашнему. Городъ, населенный такими людьми, удержать и отобѣть врага; кромѣ того, при слухѣ о непріятелѣ, окрестное народонаселеніе найдетъ въ стѣнахъ города безопасное убѣжище.

Но при постройкѣ городовъ достигались не одні военныя цѣли: города въ мирное время стягивали къ себѣ окрестное народонаселеніе, становились правительственными центрами для власти свѣтской и церковной, и въ то же время центрами промышленными и торговыми. Въ Россіи, въ этой европейской украинѣ, первый князь, Рюрикъ, уже начинаетъ *рубить города*, ему подражаютъ почти всѣ его преемники, переселившіеся на югъ, гдѣ со стороны степей рубка городовъ была дѣло необходимое; новосрубленные города населяются *лучшими* людьми, за недостаткомъ своихъ — населяются плѣнниками. Переходить князь съ юго-запада на пустынный сѣверо-востокъ — первое его дѣло строеніе городовъ и сводъ въ нихъ народа отовсюду, и потомъ та же дѣятельность продолжается постоянно: русскіе города вырастаютъ незамѣтно въ пустыняхъ и по берегамъ нижней Волги и ея притоковъ, и за уральскими горами, вплоть до Восточнаго Океана. Зная хорошо значеніе этой дѣятельности правительствъ украинскихъ странъ, мы съ особеннымъ любопытствомъ читаемъ извѣстія нѣмецкаго лѣтописца о дѣятельности Генриха Птицелова, какъ знаменитаго строителя городовъ, съ цѣлію безопасности государственной (*urbes ad salutem regni fabricavit*).

Для снабженія новыхъ городовъ жителями, Генрихъ употреблялъ и такой способъ: онъ бралъ изъ сельскаго народонаселенія девятаго человѣка въ новый городъ; этотъ девятый долженъ былъ держать въ городѣ наготовѣ дворъ, въ которомъ восемь человѣкъ, оставшихся для земледѣльческихъ работъ въ селѣ, могли найти убѣжище на случай непріятельскаго нашествія. Въ Россіи, гдѣ и въ XVII-мъ вѣкѣ, даже въ центральныхъ областяхъ, городъ удерживалъ это значеніе, какое онъ имѣлъ въ Германіи при Генрихѣ Птицеловѣ, т.-е. значеніе убѣжища для окрестнаго народонаселенія на случай непріятельскаго нашествія, въ Россіи такіе дворы въ городахъ имѣли особое названіе, сохранившееся въ памятникахъ: они назывались *осадными дворами*; помѣщикъ жилъ постоянно въ деревнѣ, но въ ближайшемъ городѣ имѣлъ *осадный дворъ*, куда перебѣжалъ въ случаѣ непріятельскаго нашествія. Чтобы заставить разбредшихся саксонцевъ тянуть въ городамъ, какъ правительственнымъ центрамъ, Генрихъ велѣлъ держать суды и устраивать всякаго рода собранія и торжества въ городахъ.

Любопытно извѣстіе о томъ, какъ Генрихъ населилъ городъ Мерзебургъ: онъ призвалъ вольныхъ, гулящихъ людей, разбойниковъ, далъ имъ землю и оружіе и запретилъ беспокоить своихъ нѣмцевъ, но позволилъ разбойничать на счетъ славянъ сколько

угодно. Такъ образовался знаменитый мерзебургскій легіонъ, и дѣлавшій много зла славянамъ. Здѣсь мы видимъ опять украинское явленіе. Пустынныя порубежья всегда и вездѣ служатъ притономъ для людей сомнительной репутаціи, для людей, поссорившихся съ обществомъ и принужденныхъ оставить его; на пустынномъ порубежѣ эти люди разминаютъ свое плечо богатырское, не падая ни своихъ, ни чужихъ, пока, съ усиленіемъ мирной колонизаціи, государство мало-по-малу не приберетъ степного рыцарства въ свои руки и не принудитъ его къ правильной службѣ себѣ. Извѣстно продолжительное и важное значеніе казачества на русскомъ порубежѣ. Благодаря обилію источниковъ, это явленіе достаточно объяснено; но историкъ бываетъ особенно радъ, когда можетъ прошедшее явленіе объяснить настоящимъ, что даетъ яркое освѣщеніе и наглядность дѣлу. Въ Сѣверной Америкѣ, между Соединенными Штатами, изъ которыхъ постоянно движется колонизація на западъ, и краснокожими индійцами, находится пустыня, и въ этой пустынѣ, по общему закону, являются рыцари пустыни, люди, неужившіеся въ Европѣ, неужившіеся и въ Соединенныхъ Штатахъ, удалившіеся въ пустыню на западъ, и наводящіе ужасъ на пограничныхъ жителей, путешественниковъ и торговцевъ; но между рыцарями пустыни попадаютъ люди и не съ такою печальною славой, попадаютъ люди, бѣжавшіе въ пустыню по разнымъ семейнымъ обстоятельствамъ, отъ преслѣдованія заимодавцевъ; наконецъ, очень многіе между ними принадлежать къ числу молодыхъ горячихъ головъ, которымъ тѣсно въ цивилизованномъ обществѣ, и привольная, дикая жизнь въ пустынѣ пришлась больше по сердцу, именно люди, подобные нашимъ казакамъ-богатырямъ, которые шли въ дикое поле разминать свое плечо богатырское, которымъ было грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени, по выраженію старыхъ пѣсенъ ¹⁾).

Такихъ-то «рыцарей пустыни», водившихся въ порубежѣ между германскимъ и славянскимъ міромъ, Генрихъ Птицеловъ употребилъ на службу первому противъ второго. Время отъ смерти Карла Великаго до Генриха Птицелова было для славянъ, относительно, временемъ отдыха. При Генрихѣ происходитъ усиленный напоръ нѣмцевъ на славянъ. Въ 928 году онъ ходилъ за Эльбу и примучилъ славянскія племена по рѣкамъ Гавелю и Шпре; потомъ обратился къ юго-востоку, основалъ здѣсь городъ Мейсенъ; въ то же время подчиненные Генриху саксон-

¹⁾ См. Курбскій, „Русскій рабочий у сѣверо-американскаго плантатора“, гл. VII.

сѣ графы примучивали сѣверныхъ славянъ между Эльбою и Одеромъ. Мы употребляемъ слово изъ древней русской лѣтописи: *примучивали*, потому-что оно совершенно идетъ къ дѣлу; нѣмцы употребляли такой способъ покоренія: взрослое мужское народонаселеніе истребляли, а женщинъ и дѣтей уводили въ плѣнъ. Нѣмцы въ этихъ войнахъ обязаны были своимъ успѣхомъ конницѣ, которой не было у славянъ. Генрихъ Птицеловъ усилилъ у себя конницу, видя, что безъ нея нельзя бороться съ венграми, чьихъ войско все состояло изъ конницы. Испытавъ счастье въ войнѣ съ славянами, онъ рѣшился, по прошествіи девятилѣтняго перемирія, вступить въ борьбу съ венграми. Но этотъ врагъ былъ такъ страшенъ, что, по свидѣтельству лѣтописца, Птицеловъ старался возбудить въ нѣмцахъ религіозное одушевленіе, чтобъ призвать ихъ къ борьбѣ съ венграми. «Мы все отдали венграмъ,— говорилъ онъ на сеймѣ: только церковныя сокровища остались невронутыми. Долженъ ли я теперь коснуться и этого сокровища и отдать его врагамъ?» Религіозное одушевленіе было возбуждено. Венгерскіе послы, пріѣхавшіе за деньгами, были отпущены съ пустыми руками. Вслѣдъ затѣмъ толпы венгровъ вторглись въ Турингію и положили ее пуста, поступая точно также съ нѣмцами; какъ тѣ поступали съ славянами: мужчинъ выше десятилѣтняго возраста всѣхъ убивали, женщинъ и дѣтей забирали въ плѣнъ. Но Генрихъ ждалъ венгровъ съ большимъ войскомъ, и оставилъ бѣжать. Нѣмцы перестали платить дань венграмъ.

С. Соловьевъ.

ТРОЕ СЫНОВЕЙ.

Баллада.

Изъ Георга Гервега.

«Не плачь, не пугайся, голубка жена,
«Что завтра иду на врага я;
«Пусть въ битвѣ пронзятъ меня вражья стрѣла,
«Но ты не страшись, дорогая!

«Я знаю завѣтную тайну одну:
«Чтобъ къ жизни вернуть меня снова,
«Лишь долженъ одинъ изъ моихъ сыновей
«Промолвить волшебное слово».

И рыцарь умчался... А съ битвы домой,
Весь кровью облитый, вернулся,—
Въ груди его рана зияетъ,—но страхъ
Души храбреца не коснулся.

«Мой сынъ дорогой, поскорѣ скажи
«Завѣтное слово»,—онъ глухо
Такъ шепчетъ,—«минуты лови, я томлюсь,
«Теряю присутствіе духа»...

Но сынъ говорить: «Не настолько я глупъ:
«Тѣмъ словомъ я дамъ тебѣ средство
«Избавиться смерти, но самъ я тогда
«Твое потеряю наслѣдство.

«Я развѣ виновенъ, что вражья стрѣла
 «Тебя доканала, что силы
 «Твои урасають, и скоро глаза
 «Покроются тьмою могилы?»

Вотъ такъ-то сынъ старшій отвѣтилъ отцу;
 Чудесно живительнымъ словомъ
 Ему не хотѣлъ онъ, жестокий, помочь—
 И вышелъ въ молчаньи суровомъ.

«Теперь недосугъ мнѣ тебя проклинять»,
 Несчастный отецъ произносить,
 И среднего сына зоветъ,—у него
 Пощады и жалости просить:

«Дитя дорогое, промолвить спѣши
 Волшебное слово отъ раны,—
 Ты знаешь, какъ пылко, и болѣе всѣхъ,
 Любилъ я тебя, мой желанный!..»

И вотъ, заклинанье лепечетъ дитя,
 Его повторяетъ онъ снова,—
 Но льется струей несдержимой кровь,
 Мутится въ глазахъ у больного.

«О, сынъ мой! жена... Холодѣю я весь,—
 «То слово меня обмануло»...
 — «Нѣтъ, нѣтъ, не оно!..» прошептала жена—
 И вдругъ поблѣднѣла, вздрогнула:

«Открыться должна я: любимый тобой
 «Малютка—не твой, а другого...
 «И кровь чтобъ унять, ты меньшого заставь
 «Промолвить завѣтное слово».

— «Не надо!».. сказалъ онъ, зубами скрипя:—
 «Дай мечъ!.. Я себя доканаю,
 «Не въ силахъ я дольше терпѣть, а тебя,
 «Змѣя, на всю жизнь проклиная!»

НОЧНЫЕ ПРИШЕЛЬЦЫ.

ИЗЪ АНРИ МЮРЖЕ.

— Эй, кто тамъ стучится въ мой домикъ убогій?

«Свои—не чужіе! Намъ двери открой!»

— Но кто-жъ вы, неожиданные гости? Откуда
Явились такъ поздно, полночной порой?

«Впусти поскорѣе, зовутъ меня Славой,
Тебѣ укажу я къ безсмертію путь!»

— Исчезни, исчезни, обманчивый призракъ,
До гроба дойду безъ тебя какъ-нибудь...

«Мы, Юность съ Любовью,—небесные гости,
Приюта мы просимъ,—открой же намъ дверь!»

— Нѣтъ, скройтесь!.. Покинуть подругой моею,
Привыкъ въ одиночествѣ жить я теперь.

«Гонимая всѣми, я дочь вдохновенья,

Поэзія, полная силы, огня,—

Пришла посѣтить уголокъ твой укомный,

Прими, обласкай, приголубь ты меня!»

— Уйди! Я не тронусь мольбою твоею.

Бывало, я пѣсни блаженству слогалъ,—

Но мѣнуло это отрадное время—

И мнѣ не поѣтся... Я отжилъ, увялъ...

«Послушай! Когда приютишь ты Богатство—

Узнаешь блаженство и счастье вновь,

Къ тебѣ дорогая подруга вернется»...

— Не надо!.. Вѣдь ты не воротишь любовь!..

«Впусти же хоть Смерть, мой страдалецъ несчастный!..
Повѣрь, о пріютѣ не даромъ молю:
Отъ мукъ, отъ скорбей, я несу избавленіе
И сердце больное твое исцѣлю!»

О, гостя желанная, гостя святая!
Войди,—и гонимаго злобой судьбой,
Изъ этого міра возьми поскорѣ,—
Готовъ я повсюду идти за тобой...

Но только исполни послѣднюю просьбу:
Хочу, чтобы пѣсь мой остался живымъ;
Я знаю, одинъ онъ, съ безмолвной тоскою,
Пойдетъ на кладбище за гробомъ моимъ!

ИЗЪ ЭЙХЕНДОРФА.

1.

ЗИМНЯЯ ГРЁЗА.

И пригрезилось мнѣ, что опять
Воротился я въ край свой родимый,
Что я, молодъ и веселъ, лежу
На знакомой полянѣ, любимой.
Будто полдень стоитъ... Тишина...
Вѣтерокъ только вѣетъ пріятный,
И съ деревьевъ летитъ на меня
Рой цвѣтовъ, словно дождь ароматный...

Но, проснувшись, гляжу: изъ-за горъ
Тусклый мѣсяцъ, межъ тучъ, выплываетъ...
Край, мнѣ чуждый, объять полутьмой,
Безотчетную грусть навѣваетъ.
Глухо, мертво кругомъ... Всѣ поля
Пеленою окутаны бѣлой,—
Иней голыя липы покрылъ,
И я самъ—ужъ старикъ посѣдѣлый!

2.

УМИРАЮЩІЙ.

Неужели я долженъ проститься
 Съ этимъ міромъ, съ родимымъ гнѣздомъ?
 Неужели потухнуть на вѣки
 Чувства лучшія въ сердцѣ моемъ?
 Чу! шумять за окномъ моиѣ липы,
 Шлютъ привѣтъ мнѣ прощальный онѣ, —
 Слышу, вѣтеръ мнѣ шепчетъ, что скоро
 Успокоюсь въ могильномъ я снѣ....
 Скаль родимыхъ высоты! Какъ часто
 Я на васъ предавался мечтамъ:
 Гдѣ бы взять мнѣ могучія крылья,
 Чтобъ умчаться къ надзвѣзднымъ странамъ!..
 Но когда вдругъ и крылья явились,
 И летѣть суждено мнѣ туда,
 Отчего я томлюсь... И съ землею
 Не расстался бы я никогда!..

НА РАЗСВѢТѢ.

Изъ Монголіи.

Море спитъ на зарѣ. Мгла надъ моремъ царитъ.
 «Пропусти ты меня», — вѣтеръ мглѣ говорить.
 Онъ кричалъ, на пути встрѣтивъ рядъ кораблей:
 «Ночь прошла... Паруса прибавляйте живѣй!»
 Мчался берегомъ онъ и надъ нимъ просвисталъ:
 «Просыпайтесь, пора — трудовой день насталъ!»
 Пролетая чрезъ лѣсъ, говорилъ деревьямъ:
 «Не пора-ль распустить сѣнь зеленую вамъ?»
 Онъ такъ сильно дышалъ, что и птишекъ въ лѣсу
 Разбудилъ, и сказалъ: «Пойте утра красу,
 Полно спать!..» Пробуждалъ и село, говоря:
 «Въ стадѣ слышны звонки, — занялась ужъ заря!»
 И по нивамъ скользя, жатву низко клоня,
 Ей шепталъ: «Преклонись передъ проблескомъ дня!»
 И надъ башнею мчалъ, не забывъ прокричать:
 «Встаньте! Утренній звонъ вѣдь пора ужъ начать...»
 Лишь погостомъ летя, онъ вздохнулъ, и съ тоской
 Молвилъ: «Спите, я вашъ не нарушу покоя!»

П. БѢКОВЪ.

СОВРЕМЕННАЯ ГЛУШЬ

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ МИРОВОГО СУДЬИ

Посвящается Н. А. Языкову.

Х *).

Странствованія по школамъ.

Приглашенный въ члены училищнаго совѣта, я долженъ былъ объѣхать большую часть сельскихъ школъ нашего уѣзда, до сего времени остававшихся въ полнѣйшей неизвѣстности или существовавшихъ только на бумагѣ.

Я началъ свое обозрѣніе съ большого базарнаго селенія — Гай, отстоящаго отъ моего хутора не болѣе 15 верстъ. На краю сельской площади возвышалось старое, полуразвалившееся училище, выстроенное еще бывшимъ удѣльнымъ вѣдомствомъ. Вступая въ мрачный и холодный сарай, съ тусклыми замерзшими окнами подъ потолкомъ, съ громадной, покрытой трещинами и копотью печью въ углу, и уродливымъ бревномъ, подпиравшимъ сжѣмнуто готовый обрушиться потолокъ. Въ пустынномъ и темномъ пространствѣ затерялось десятка два учениковъ, съ буквами въ рукахъ, и витала фантастическая фигура въ дырявой шапкѣ, съ цѣлымъ лѣсомъ волосъ на головѣ. Это былъ семиперстѣ, занявшій учительское мѣсто, въ ожиданіи ванантнаго прихода. Призракъ остановился, съѣжился и рассыпался въ измненіяхъ за свой фантастическій костюмъ, за своихъ учениковъ,

*) См. ниже: стр. 280 стр.

неумѣвшихъ ни читать, ни писать; за темноту и безпорядокъ царившій въ сараѣ и водворившійся благодаря равнодушію влостного правленія и сельскаго общества въ школѣ.

Записавъ всѣ нужныя свѣдѣнія, я поѣхалъ далѣе.

Темный сосновый боръ; подлѣ лѣса селеніе, бѣлая каменная церковь и новенькій домъ священника. Вышелъ хозяинъ, еще молодой, неутратившій семинарскаго вида, и, ухмыляясь, пригласилъ въ церковную сторожку, гдѣ помѣщалась школа. Выраженіе лица юнаго пастыря какъ будто говорило: ну, полюбуйся полюбуйся, если такая охота пришла. Едва пробравшись съ нами, заваленными снѣгомъ и дровами, вступаю во внутренность сторожки, покрытую густымъ слоемъ копоти и саж. Изъ чернаго фона выдѣляются въ одномъ углу, около крошечнаго обледенѣвшаго окошка, молчаливая, недоумѣвающая группа учениковъ; въ другомъ—типичная фигура сторожа, съ начатымъ лаптемъ въ рукахъ. Физиономія сторожа отличается крайней суровостью: его нависшія густыя черныя брови срослись вмѣстѣ, а клинообразная борода отличается ослѣпительной бѣлизной. На черной, покрытой сажей полочкѣ, составлявшей единственное украшеніе сторожки, валяется черствый ломоть хлѣба и двѣ-три изорванные книжечки.

— «Сами посудите, могу ли я учить въ этой мурѣ; да сюда мнѣ зимнее время и не взоидешь: темнота, угаръ»,—распространяется между тѣмъ священникъ, съ какимъ-то страннымъ, только что не веселымъ выраженіемъ на лицѣ: — «да вотъ и сейчасъ угарно, такъ и разить... сторожъ, открой трубу!» Сторожъ сердито толкнувъ ногою дверь, а въ сторожку съ шумомъ и воемъ ворвалась метель, оснивая снѣгомъ черныя стѣны, новую щегольскую рясу священника и столъ съ робко сидѣвшими вокругъ его мальчиками.

Само собою разумѣется, что въ школѣ не оказавось ни малѣйшихъ признаковъ успѣха.

— А тебѣ, старикъ, я думаю, весело, когда мальчики собораются: все не одинъ?—обратился я къ сторожу, выбравшись изъ школы.

— Нѣтъ, одному лучше—грѣха меньше.

Началась почтовая дорога, а съ нею вмѣстѣ сотни, тысячи ухабовъ; повозка ложится на бокъ, такъ и ѣдетъ на одномъ боку версту, двѣ, три, пока не перевернется на другой, или не примется описывать такіе быстрые, широкіе круги, что духъ захватывало и трещали оглобли.

Село... Тройка остановилась передъ новенькой сторожкой возлѣ

приш. Въ маленькой свѣтлой комнатѣ, гдѣ помещается школа, должно уютно. Изъ обведенныхъ окнамъ пристраенъ столъ, къ нему припали 10 мальчиковъ, и не оглядываясь, не шевелясь, съ какими-то вступленіемъ выкрикиваютъ «ангелъ, ангелъ» и т. д.

Опытная, видный образъ козачишная старушка проше бросила свою прыгу и принялась дирижировать учениками.

— Вы занимаетесь въ школѣ? спросилъ я.

— Нѣтъ, я только заставляю; хотъ не ужью, а заставляю, чтобъ такъ не сидѣли, а твердили. У насъ такъ не сидятъ, а въ бормочатъ,—показала бойкомъ, словоохотливая старушка.

Явился мѣстный священникъ, только-что вернувшійся съ общаго базара. Это былъ платный старичокъ въ лѣтней свѣтлой расѣ, съ красненькимъ, саркастически улыбающимся лицомъ. Онъ скоро положилъ конецъ всякимъ разпросамъ, сказавъ, что въ его школѣ ни книгъ, ни бумага, ни успѣховъ и ничего, чему слѣдуетъ быть, не имѣется.

— А изъ нуля нуль и выйдетъ, добавилъ философъ, залопавъ руки за спину и уже ошопчательно развеселившись...

Опять ухабы, ухабы и ухабы до тѣхъ моръ, нова снова не пришлось свернуть на благодѣтельный проселокъ.

Важное селеніе, красиво разбросанное по горѣ; посрединѣ, окруженный паркомъ, красуется старый барскій домъ, издали пошелъ на дворецъ; рядомъ облѣзлая извѣстная церковь; но чѣмъ ближе, тѣмъ печальнѣе становится картина: между каменными плетнями лѣпится полуразвалившійся плетень, парадныя ворота торца на боку; флигеля и службы стоятъ какіе-то ободранные, съ разбитыми окнами и поваленными трубами; кругомъ поразительное признаки упадка и разрушенія, среди остатковъ прежнего величія.

Я въ сѣдло, до крайности неопытному доми сельскаго священника; меня ведутъ въ кухню, гдѣ въ ожиданіи моего пріѣзда сидятъ восемь мальчиковъ и нетерпѣливо смотрятъ на едущаго мѣстѣ новорожденный теленокъ.

Прислушаю въ испытанію, но священникъ останавливается и проситъ не беспокоиться, такъ-какъ мальчики ничего не знаютъ.

— За что же вы получаете 180 руб. въ годъ?

— А вы думаете, дешево они мнѣ достались? Сколько лѣтъ вынашивать, и на силу-то вырвать приговоръ. Вѣрите-ли, самому лѣтъ подеръ мнѣ стоило,—съ крѣпко важнымъ видомъ увѣ-

рала священникъ, смотрѣвшій на свое учительское жалованье какъ на прибавку, сделанную міромъ къ его скудному содержанию.

Предстали три фигуры: мать, отецъ и посреди ихъ тощій крестьянскій мальчикъ. Баба взвизгнула и покатила къ своимъ ногамъ съ мольбою отпустить парнишку, вытребовааннаго и шиолу; отецъ бухнулся на колѣни и молилъ о томъ же, и тощій взъерошенный парнишка, не моргнувъ глазомъ, продолжалъ стоять, низко опустивъ голову и неподвижный, какъ статуя.

Вышелъ гвалтъ неописанный, — всѣ голосили разомъ.

— Нечего попусту толковать, — усердствовалъ волосатый старшина, видимымъ образомъ желавшій выслужиться; — ставь сына на квартиру!

— Пускай міромъ кунять квартиру, а мнѣ его не вкормить — вричалъ отецъ, крестьянинъ сообидней деревушки.

— Не зима кормить, а лѣто, — налетѣлъ священникъ.

— И виной хлѣбъ ѣдать, — уже надорванными, откашлявшимъ голосомъ вопилъ отецъ, продолжая стоять на колѣняхъ...

Отпустивъ мальчугана, спѣшу далѣе. Опять почтовая дорога съ полосатыми верстовыми столбами, телеграфомъ и уздами. Впереди ныряетъ старшина, и его высокая баранья шапка то пропадаетъ, то снова появляется передъ моими глазами.

Огромное, далеко растянувшееся вдоль почтовой дороги селеніе съ безчисленными голубыми выѣсками, извѣдавшими о продажѣ «распивочно и на выносъ», съ бакалейными лавочками и постоянными дворами. Старшина гремитъ бубенцами и неистово мчитъ впереди, мой зучерь скачетъ за нимъ точно на пожаръ. Тревожное волненіе мгновенно распространяется по селу, шапки какъ будто сами собой слезаютъ съ головъ.

— Стой! командуетъ старшина, а самъ уже стоитъ въ потной повѣ на крыльцѣ крошечнаго чистенькаго домика.

Когда, въ сопровожденіи сельскихъ властей, стариковъ и священника, я вошелъ въ комнату, набитую разряженными дѣтками, съ густо намазанными волосами, то дышать стало невозможно.

Высокая, статная, но уже немолодая учительница въ черномъ платьѣ и темно-синемъ сарафанѣ, встрѣтила меня съ низкимъ поклономъ.

Дѣвочки проговорили молитвы безъ всякаго пониманія ихъ внутренняго смысла.

— А нумерацію знаютъ?

— Я этому не «преподавала», отвѣтила учительница.

— Вы сами гдѣ учились?

— Тоже у дѣвицъ. Я изъ простыхъ, изъ русскихъ,—отвѣтилъ черничка, и потому съ низкимъ поклономъ просилъ о дозволѣніи что-нибудь спросить.

— Пожалуйста.

— «Не боюсь я!»... пронзительными, что называется въ простонародіи, истобными голосами затянули дѣвицы, между тѣмъ, какъ голосъ самой учительницы звенѣлъ и заливался, какъ колокольчикъ.

— Славно, важно! повторялъ священникъ, и, отъ избытка удовольствія, присѣлъ до полу.

— Еще что знаете? спрашивалъ я, задыхаясь отъ жары.

— Еще выучили азотки... а вы уже позволяете еще спать,—въ казакъ-то упоеніи молила черничка и, не дождавшись отвѣта, восторженно вскричала: «третью казенную».

— «Господня земля»—взвизгнули дѣвицы.

— Не такъ, не такъ;—начинайте равненью, тошенью.

— «Господня земля!»... что было мочи ахнули дѣвицы, и нестройная выглотка огласила все селеніе; со всѣхъ сторонъ стремились любопытные; сотни изумленныхъ лицъ съ стоячими, вытаращенными глазами припали къ окнамъ школы; священникъ ликовалъ и выдѣлывалъ невѣроятныя вещи.

Меня поторопило, но замѣтившій это настырь, съ добродушной улыбкой упрямивалъ не беспокоиться, такъ какъ его вся округа знаетъ и начальство знаетъ за чужака, и оставляетъ въ покоѣ.

Ошеломленный и измученный, я едва добрался до дверей, а въ умѣ долго еще звѣяло «Господня земля»—и т. д.

Не далѣе, какъ въ трехъ верстахъ находилось большое базарное селеніе съ площадью, окруженной голубыми выгнѣсками и украшенной полустыпными лавочками, съ новой, росписанной необычайно яркими красками церковью, около которой прималась живообразно жалкая сторожка, служившая помѣщеніемъ явкамъ.

Крещенный чуланъ весь заставленъ неуклюжими столами и кѣ-своре сколоченными сваями; полъ грозитъ провалу, въ который легко завязнуть и сломать ногу; единственное венеціанское окно съ разбитыми стеклами заклеено сахарной бумагой, закрой, надувшейся и хлопавшей, какъ паруса. Не было мѣста безопаснаго отъ вѣтра, навсѣмъ пронизывающаго хилый чуланъ, а тутъ еще страшно нависшій потолокъ ошметнуто грозитъ паденіемъ и наводитъ таковой страхъ, что, не взирая на испытанія

и торжественность минуты, всё бывшее въ чуланѣ: ученикъ, исключенный семинаристъ, въ узкомъ лѣтнемъ пальто и въ громадныхъ бѣлыхъ валенкахъ, ескентой, чашоточнаго вида священникъ, поспившіе отъ холода ученики, и самонитный сельскій аристократъ—все это то-и-дѣло робко и недоувѣрчиво выжидало на ровной скамьѣ, стоявшей посрединѣ чулана и подпиравшей потолокъ.

Старшіе ученики и школы все-таки читали, не отдавая себѣ отчета въ прочитанномъ; но когда дошла очередь до звуковости, то произошло нѣчто невообразимое: какое-то дикое свистаніе свиста, шипѣнія и карканья огласило чуланъ. Даже неутомимое и страхъ напалъ на присутствующихъ крестьянъ; между тѣмъ какъ дѣло объяснялось такимъ образомъ, что учитель, не имѣя ни малѣйшаго понятія о звуковомъ методѣ, стремился подовать ему во что бы то ни стало.

Наконецъ-то я въ тепломъ, опрятномъ и довольно комфортабельномъ домѣ священника сосѣдняго селенія. Весь организмъ разбитъ безчисленными ухабами; въ головѣ звенитъ неумолкающій въ теченіи цѣлаго дня колокольчикъ; раздаются вышуманные дѣтскими, дивный концертъ звуковости и еще держится утрата, захваченный въ разнообразныхъ спорозахъ; на дунѣ ничто, кромѣ безотраднѣйшаго чувства.

Хозяинъ, въ новенькой свѣтло-голубой расѣ, словоохотливый, гостеприимный и носившій на себѣ несомнѣнный отпечатокъ бѣлаго торговаго люда, населявшаго его приходъ, проворно ступилъ изъ комнаты въ комнату съ принадлежностями чая, и въ то же время на ходу успѣваетъ разсказывать потѣшныя анекдоты и плачевнымъ тономъ сообщать о бѣдственномъ положеніи школъ въ ихъ селеніи. Въ темномъ углу сидитъ сельскій учитель, исключенный семинаристъ, длинный, блѣдный, съ бѣлыми волосами, и то громко вздыхаетъ, то съ какимъ-то трепетомъ и ослепотѣніемъ ломаетъ себѣ руки.

— Отъ старшины только и словъ: ни ничтожество, мелкота, — молчите, а мужики свое: «получай капиталъ, и сиди смирно», а другіе говорятъ: «намъ нужно только, чтобы мальчишки несли уроки и считали, а чтеніе намъ совсѣмъ не нужно»; даже рѣшитель падали въ волостное правленіе, что я учу сказки ку-скимъ. По тому самому и является естественное неравнодушіе дѣтей къ средоточенному вниманію и труду, гарантируемое при этомъ безпечностью родителей, — причитаешь въ своемъ углу учитель, пригнѣзившись на красивый стулъ.

— Самые познанія мальчишекъ—снова раздаются въ углу—

и нійсь характер систематического обучения, и я вынужден-
но маюся вращаться въ районѣ нѣсколько разъ уже со-
блюдая свѣдѣній, ибо...

— А одна баба что же сказала — перебивает наотвѣщенный оппонентъ: дочь просить вѣсь, а та не даетъ, — сажай въ него ходина. Въ попу, куда къ нему, онъ тебя закопнито; и протерви это, хозяинъ снова исчезаетъ изъ комнаты.

Темнѣть... изъ сумерекъ выступаетъ высокая, обильная стѣна заходящаго солнца; пологая; на ней, въ зѣвучномъ туманѣ, въ разныхъ сторонахъ и во всякъхъ направленіяхъ разсыпаны тучи крестьянскихъ избъ: одніе изъ нихъ смотрятъ игрушечны и обличаются тесовыми крышами, рѣшотчатыми гребенями и кривыми узорами, другія поражаютъ важнымъ-то сердитымъ, вздернутымъ видомъ: и солома на нихъ поднялась дыбомъ, и во всѣ стороны торчатъ неувлукшіе жерди.

Селеніе принадлежитъ къ однимъ изъ самыхъ промышлен-
ныхъ и богатыхъ въ губерніи, а большая часть жителей со-
средоточена почти ежегодно странствовать въ Петропавловскъ,
Омскъ, Казанскъ, гдѣ сбываютъ яблоки, промышленяютъ, валятъ
шеребшны, и закупаютъ овецъ, шерсть и полудикихъ степныхъ
лошадъ. Между крестьянами есть до двадцати дворовъ весьма
близкихъ капиталистовъ—«богатырей», какъ выразился священ-
никъ, занимающихся небольшими оборотами, примѣрно до 1000
рубл., болѣе половины селенія.

Известно бы, что тутъ соединяются всё условія, необходи-
мы для существованія школы, а между тѣмъ школа, 40 лѣтъ
тому назадъ заведенная бывшимъ удѣльнымъ вѣдомствомъ, до
настоящаго времени осталась мертвѣ, безполезна и не дала ни-
чего утѣшительныхъ результатовъ.

А вдали семинаристы повторились все чаще и чаще: «вступил в права нашего руководителя и покровителя», — величались от его имени, несовсем лаская руки.

Въ этомъ молбѣ присоединился и священникъ, убеждая
ихъ оказать помощь погибающей школѣ, а главнымъ образомъ
говорить съ крестьянами и въ особенности съ однимъ изъ
лучшихъ богатырей — Безпаловымъ, только-что похоронившимъ
въ мѣстномъ црковѣ выписанный изъ Ассизъ и весьма дорогія
мощи.

Поехали из Боталову и вскоре остановились около одной из самых обширных и неприглядных сенских миф. На верь бродить косяк преемственных киргизских монет, достигших вершину над Враноматра и теморь одидавления из ок-

даниа армарки; другой двора набить громадинны тономъ каминой шерси. Пробрались между тѣлами, мы поднялись на ветхое, покрывившееся крыльцо безъ перилъ, и маленька вступили въ низкую, съ черными завогнутыми стѣнами избу, едва освѣщенную слабымъ свѣтомъ салной свѣчи въ витомъ желѣзномъ подсвѣчникѣ. Въ переднемъ углу, среди мрачнаго фона, ярко сверкала новая фольга сажениныхъ образовъ, а донечки, которыми были замѣнены выбитыя окошныя стекла, расходились, и сквозь щели то-и-дѣло поронились свѣтъ.

— Какъ живете, какъ можете? началъ священникъ.

— Слава Богу, живы, здоровы, — отвѣчалъ хозяинъ, маленький, юркій старичекъ, безъ малѣйшаго признака оидина, съ живыми, ежесекундно бѣгавшими глазками: садитесь, чайку откушайте. Эй, бабы! сюда, бабы!

А проворныя бабы только того и ждали; онѣ заметались, какъ уторганы; одна изъ нихъ живо намыла столъ грязной, дырчавой салфеткой; рысцой бѣжала другая, съ двумя тарелками, полными орѣховъ и сибирскаго меду; тутъ раздалось мычѣніе паровоза, и въ избу съ какимъ-то ужасомъ влетѣла третья баба, вся обвѣтая облаками густаго пара и совершенно скрытая всклокоченнымъ самоваромъ.

— Охъ, грѣхи, грѣхи наши тяжкіе! простоналъ хозяинъ, и своей черствой грязной рукой захвативъ цѣлую горсть чаю, бросилъ въ маленькій чайникъ съ отбитымъ носомъ, потомъ налилъ намъ въ чашки какого-то дегтя и положилъ предъ каждымъ по куску сахара, только-что не съ кирпичъ.

Угощая насъ чаемъ, хозяинъ довольствовался отварной водой, и на вопросъ мой, почему онъ это дѣлаетъ, отвѣчалъ, что ни чаю, ни вина не пьетъ.

Хозяинъ былъ въ духѣ и говорилъ безъ умолку. Изъ разсказовъ его оказалось, что за десять тысячъ пудовъ шерси, только что доставленной имъ изъ Акъ-мулы, на перебой дадутъ по 7 руб. за пудъ, что лошади идутъ ходко, да и 1500 барановъ тоже выручили.

Тутъ священникъ напомнилъ хозяину о его путешествіи по святымъ мѣстамъ.

— Да, господа честные, сподобилъ Богъ приложиться ко пречистому гробу святому; въ Вифлеемѣ былъ, въ Назаретѣ; въ дубу «мамаарійскому» ѣздилъ, гдѣ Троица Святая была, и ищѣніе получилъ чудесное, продолжалъ хозяинъ: а то было совсемъ обездоленъ. Три года тому времени, какъ поѣхалъ я съ яблоками въ Петропавловскъ; продать валякъ, набранъ 80 ле-

нимъ, наваливъ персти, пошелъ во дворамъ. А ниско, нивоси-
ни, было всего девять человекъ, значить, однихъ на десять ко-
нѣ-нужно управиться, а тутъ безначаль вала меня хворь.
Можетъ, сколько тысячъ верстъ жимай на возу провалился,
изъ въ безпамятствѣ и домой прѣизалъ. Товаръ кое-какъ раз-
малъ, а хворь не опускается, и дакъ я обѣщаніе идти на по-
клоненіе гробу Христа Спасителя. На дворъ весна, а мнѣ легче
нѣтъ; вышелъ на сходку чуть живъ. Такъ и такъ, говорю: иду
клоняться гробу Христа Спасителя, — приговоръ дайте. Ста-
речи, вѣдѣнное дѣло, нажали: поставь, да поставь шесть ведеръ
ни. — Не поставлю, а лучше тайкомъ уйду. — Поставь! — Не по-
ставлю! — такъ и обѣлся. И вышелъ я мая 18-го числа; да Кор-
сун города чуть ноги донесъ, а тамъ и полетѣло — вѣтромъ
обдуло.

Въ это время вошелъ сосѣдъ и товарищъ хозяина по тор-
говлѣ.

— Да какъ же вы счеты сводите, оба неграмотные, — спро-
сить я.

— А вотъ какъ: когда время придетъ, бабъ выгонимъ въ
дую кабу, да и засядемъ на всю ночь, и все до конѣйки
счешимъ.

Я притихъ, подавленный сосѣдствомъ такихъ могучихъ фи-
гуръ, какъ нашъ хозяинъ и его товарищъ по торговлѣ; зашевели-
ло во мнѣ всегда готовое выступить наружу поклоненіе необычай-
ной древности и смѣлности русскаго мужика, неуждающа-
мы къ грамотности и всегда обходящихся безъ всякихъ школъ
и иныхъ заморскихъ ухищреній. Но мое поклоненіе продолжа-
ло недолго, такъ какъ товарищамъ вскорѣ понадобилось вмѣ-
шательство суда. Перессорившись, они оба прислакали во мнѣ,
и каждый изъ нихъ предъявилъ въ своему противнику такую
мелкую тяжкую уголовную обвину въ разнообразныхъ мошен-
ничествахъ и обманахъ, что я посоветовалъ имъ обратиться въ
нашей инстанціи; но они, сколько мнѣ извѣстно, не обра-
тились, а споряща езда не ослабѣли другъ друга, въ настоящее
время снова ведутъ громадные обороты безъ всякихъ счетовъ и
нѣтъ.

Наконецъ, священникъ заговорилъ о дѣлѣ нашего прѣиза-
кини вдругъ перемѣнился, мгновенно сдѣлавшись и глухъ, и
нѣтъ, а потомъ крестически заговорилъ о школѣ: какое тамъ
ученіе, какая это наука; все больше лаской, — трунилъ хозяина,
и такъ перенесъ на несчастнаго вздыхая, прорывавшимъ
очаровательными фразами, въ родѣ: «не ослабѣй бѣга младенца»

или «наказуи дѣти въ иноути, да неконятъ ти въ смирести», и, сказавъ это, снова умолкать, или сводилъ рѣчь на другой предметъ. Я е шлолѣ, а онъ свое: «страхъ Божій—начало премудрости» и т. д., а въ заключеніе не только отказался отъ всякихъ помертвованій, но даже отъ присутствія на елодѣ, назначенномъ завтрашній день не дѣлаетъ ниюли, такъ какъ это дѣло мірское, а онъ думаетъ спастись на Аюонѣ, и даже жюна отпущаетъ.

Въ 8 часовъ утра бѣлый семинаристъ встрѣтилъ меня въ дверяхъ школы и вручилъ мюю бумагу, съ надписью: «почетный рапортъ».

Развернувъ почетный рапортъ, между прочимъ нахожу въ немъ слѣдующіе вопросы, на которые должны были отвѣчать питомцы школы: «для чего мы родились и живемъ на сѣлѣ; откудава научаемся дѣлать добро; приимѣръ богобоязливаго человека»; а во второмъ отдѣлѣ, почему-то названномъ «чтеніемъ», встрѣтились вопросы еще болѣе курьезные, въ такомъ родѣ: «что необходимо соблюдать, чтобы читать легко, правильно и общепонятно; какъ читать прозой и стихами; какую интонацію голоса нужно соблюдать при чтеніи статей описательныхъ, повѣствовательныхъ и разговорныхъ; какъ нужно понимать заглавія статей», и т. д.

Въ отведенномъ сараѣ, оклеенномъ бѣлыми обоями съ синими звѣздами, сидѣло 16 мальчиковъ, вѣроятно, собранныхъ на спорную руку, по случаю моего пріѣзда. Передъ каждымъ ученикомъ лежала особая книга, — передъ однимъ «Пчела», передъ другимъ—«Рассказы тетюшки Настаски», и т. д. Читали мало, а когда я попросилъ объяснить встрѣтившееся въ книгѣ слово «нумъ», то отъѣтомъ было общее молчаніе всего класса. Дошла очередь до закона Божія: священникъ странно засуетился, дѣлалъ за синней моею какіе-то знаки и подсказывалъ мальчикамъ начальныя слова разсказовъ изъ священной исторіи. Просили разсказывать о потопѣ: ученикъ встаетъ, кашляетъ, то всхлидываетъ, то опускаетъ глаза, и молчитъ. «Когда народъ размножился и развратился»... шепчетъ священникъ... «тогда»... подхлхтываетъ, мальчикъ, радостно встряхнувъ волосами, — «Господь задумалъ наказать ихъ», и тутъ уже нѣтъ возможности удержаться и оставить потокъ звученныхъ рѣчей.

А между тѣмъ школа наполнилась стариками, исхудалыми и подозрительно осматривавшими меня съ ногъ до головы. Не разъ приходилось мнѣ обмолвляться съ крестьянами и ублаждать ихъ въ полной грешности, и всякій разъ ошадѣвало мною чи-

ним чувств, возмѣненное въ чужой, должностующемъ бо-
жьино тратить время, разглагольствуя о томъ, что почью бы-
лизъ темно, а днѣмъ свѣтло.

Ну, что же вы знаете, старини?—спросилъ я, представилъ
къ доводи въ нѣмъу лемидленной передати пикомъ въ завѣдѣ-
ннѣ семѣмъ, въ достижени чѣмъ и заключалась единственная
нѣмъ лѣтѣмъ переговоровъ.

Выступилъ старини, весьма молодой на коршунъ, обросшаго
снѣмъ бородой, и началъ такъ: «мы твои слова приняли къ
серцу»... Далѣе я уже не слушалъ, увѣренный въ отпадъ, что
и мнѣмъ было нѣмъ дальнѣйшихъ объясненій оратора.

Затѣмъ наступило скучнѣйшее разбирательство жалобъ учи-
ли на волостного старинику и сельскаго писаря, вырещеннаго
мѣмъ. Учитель утверждалъ, что старинику нѣмъ не называлъ
сѣмъ, какъ мелководь; а старинику съ своей стороны доказывалъ,
то учитель кляница и задиръ, и въ доказательство своей дѣя-
тельности въ пользу народнаго образованія просилъ обратить
вниманіе на бѣлые обонъ, съ синими звѣздами, красовавшіеся на
снѣмъ, и на часы, приобрѣтенные нѣмъ для школы...

Въ 8-ми верстахъ находилось фабричное селеніе, гдѣ обуче-
ннѣмъ занимался священникъ, получающій за это 120 руб., и
бѣжнѣмъ въ бѣгство при первомъ слухѣ о мѣмъ прѣбавѣ.

Мѣмъ ввели въ кухню, но я еще видѣлъ хвостъ телѣмъ,
нѣмъ-то изгнаннаго другимъ выходомъ; остатки навоза валя-
лись на полу. Кухня была набита мальчишками; съ боку даме
примѣли какіе-то подмости, на которыхъ тоже сидѣли нѣмъ-
рнннѣмъ образомъ забравшіеся туда ученики. На самомъ верху
нѣмъ подмостей, съ опасностями жизни пріютилась высокая
крестьянская дѣвушка. Застѣнчиво опутивъ глаза, она робко
лилизъ среди палованныхъ мальчишекъ и, какъ объяснилось по-
сѣмъ, охотой пришла изъ сосѣдней деревни къ священнику
съ тѣмъ, чтобы учиться грамотѣ, и, само собою разумѣется, ни-
чѣмъ не выучится.

Мальчишки широко улыбались:

— Молитвы знаете?—спросилъ я.

— Нѣтъ, не знаемъ, — весело, встряхивая волосами, отвѣ-
ли они.

— Что же вы знаете?

— А мы ничего не знаемъ, — еще веселѣе грянулъ хоръ
нѣмъ-то собравшихъ мальчишекъ, а высокая, стремившаяся къ
бѣжнѣмъ крестьянская дѣвушка совсѣмъ застыдилась, широко
лилизъ каріе глаза въ неописанномъ страхѣ, что вотъ-вотъ

рухнуть подмошны, и она отутится на ногу вмѣстѣ съ своими наломанными товарищами.

На ночь я приютился въ покинутомъ барскомъ домѣ, владѣлецъ котораго смучилъ въ Ниццѣ, въ мнѣдомъ ясамъ проклиналъ Ниццу, и все-таки безвыѣдно жилъ въ Ниццѣ.

На зарѣ я вѣхалъ въ степь: кругомъ ни куста, ни деревца, все голо, ровно и ослѣпительно бѣло. Въ полдень тройка остыновилась передъ знакомымъ мнѣ чувашскимъ училищемъ старой удѣльной архитектуры.

Мальчики и дѣвочки, наполнявшіе школу, отличались совершенно инымъ типомъ, крайней степенностью и кавой-то, непопуганной въ дѣтахъ, сосредоточенностью. Нѣтъ этихъ наломанныхъ, вѣчно смѣющихся лицъ, встрѣчаемыхъ въ русскихъ школахъ. Дѣвочки, такіе же черномазые и неподвижные, какъ и мальчики, сидѣли чинно, равноразрешенныя и обѣшанныя старыми монетами и какими-то странными украшениями изъ бѣлой кости, еще болѣе отбѣлявшими ихъ смуглыя, серьбеныя лица. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тотчасъ поражала почти общая у всѣхъ дѣтей болѣзнь глазъ и нерѣдко встрѣчавшіяся полнѣйшія головы вслѣдствіе болѣзни, весьма распространенной между чувашами и называемой «кыппа».

Меня встрѣтилъ священникъ, проникнутый самымъ искреннимъ желаніемъ послужить своей наставѣ, и учитель изъ чувашъ—воспитанникъ городской чувашской школы и педагогическихъ курсовъ, развившійся подъ вліяніемъ замѣчательной личности, о которой я упомянулъ во второй главѣ своихъ очерковъ. Начались испытанія: 17 учениковъ старшаго класса не только хорошо писали подъ диктовку, но даже удовлетворительно изложили на бумагѣ басню Крылова: «Крестьянинъ и Змѣя». Знакомы съ умовеннымъ и письменнымъ счисленіемъ и свѣд. исторіей ветхаго и новаго заветъ; но особенно поразили меня усилія 12-ти дѣвочекъ и стройное духовное пѣніе, замѣтно привлекавшее въ церковь мѣстное населеніе, все еще находившееся въ полужыческомъ состояніи. Впечатлѣніе, вынесенное мною, было самое отрадное—это было очевидное торжество новой школы, поборовшей невѣроятныя трудности, сопряженныя съ обученіемъ русскому языку чувашъ, поступающихъ въ школу въ полудикомъ состояніи.

Мнѣ предстояло обозрѣть еще другую чувашскую школу, отстоявшую отъ первой около 15-ти верстъ. Я вѣхалъ въ сопровожденіи учителя; ему, засидѣвшемуся въ полудикомъ чувашскомъ населеніи, видныи образъ было пріятно побесѣдовать съ новымъ человекомъ. Я сидѣлъ, подавленный видомъ необъят-

на стени, сверкавшей на солнце своей холодной бѣлизною, а в ушах раздаётся голосъ учителя, поспѣшившаго развѣять ои языки: «теперь не то,—теперь учитель долженъ приносить нѣбу, долженъ расположить къ себѣ население: его полюбить, и нѣбу полюбить»... Ничего не слышно, кромѣ назойливо звонкаго колокольчика и зашумѣнія метели. «Вонъ, видите вдали деревушку?—надъ самымъ ухомъ моимъ раздаётся голосъ учителя,—это отставные язычники, а тоже когда-то были крещенные, а теперь отпали»... Новый мгновенный порывъ вѣтра, и опять тишина... «Учитель изъ крестьянъ,—снова доносится до моихъ ушей,—всегда надежныѣе: это будетъ человѣкъ крѣпкій; а здѣсь безъ учителя изъ чужаковъ и дѣло не можетъ идти никогда и ни въ какомъ случаѣ»...

Учитель былъ правъ: въ чужанской школѣ, куда мы прѣехали, дѣло преподаванія находилось въ рукахъ весьма способнаго воспитаннаго педагогическихъ курсовъ, незнакомаго съ чужанскими нѣмомъ, и школа оказалась вполне безполезнаю, тѣмъ болѣе, что и священникъ, занявшійся исключительно приобритеніемъ земныхъ благъ, ничего не дѣлалъ для школы, объясняя отсутствіе какаго успѣха тѣмъ, что «ветхій завѣтъ уже забытъ учениками, а новый еще не началъ».

Утомительно долгій переѣздъ степью, населенной чужанами и пѣрами; все та же бѣлая гладь; изрѣдка покажется притаившимся на днѣ оврага, занесенная снѣгомъ деревушка, съ неистомно собачьимъ лаемъ, мелькнувшимъ изъ-за соломенной крыши широтомъ и опрометью, въ одѣхъ рубашкахъ, выбѣжавшими на улицу любопытными... Серебромъ смотритъ бѣлая гладь при ситѣ полнаго мѣсяца; вкругъ царитъ мертвая тишина и безволіе; слышится только, какъ хруститъ снѣгъ подъ копытами лошадей. Терпѣніе истощается; но вотъ, откуда-то доносится хриплый лай полусонной собаки; встрепенулись утомленные лошади, чаще зазвенѣлъ колокольчикъ, и, нѣсколько времени спустя, я уже сижу въ комфортабельной гостинной богатаго землевладѣльца. На спинѣ нѣтъ живого мѣста, голова ходитъ кругомъ, точно востъ сильной морской качки, такъ что стоявшая на столѣ лампа, нѣтъ съ хозяйкой, хозяйкомъ, дѣтьми, гувернантками—все это лопается и скачетъ въ глазахъ, а тутъ еще прислѣли разговоры о школѣ, о ея высшемъ назначеніи, о равнодушіи общества къ какому дѣлу, все тѣ же и тѣ же давно наслушанные разговоры, все въ томъ же тонѣ, твердо заученномъ и принятомъ всѣми вѣрачными и образованными людьми.

Тотчасъ же послѣ утренняго чая, я поѣхалъ въ школу, по-

находящуюся въ довольно тонкой и холодной перчаточной сорокѣ; гдѣ ожидало меня 25 мальчиковъ и 7 дѣвочекъ. Всѣмъ предметамъ безвозмездно обучалъ молодой священникъ, развито близкое знакомый съ нѣзбѣжными признаками обученія, но до крайности болѣзненный и видимымъ образомъ обреченный сими судьбой на то, чтобы, благодаря суровой обстановкѣ, преждевременно загубить свою мелкую, полезную жизнь. Успѣхи нивели были паразитичны, а страшно истощенная фигура юнаго священника, съ зеленоватымъ лицомъ, слабымъ голосомъ и кроткою улыбай, — эта рельефная фигура, обвивавшая пестрымъ, полнѣющимъ шарфомъ и облеченная въ тяжелый, косматый овчинный тулупъ, неизгладимо замечательна въ моей памяти.

Въ тотъ же день я имѣлъ случай наблюдать другой типъ сельского священника — своеобразный, симпатичный, но уже истощенный сѣмью лица земли. Это былъ рѣдкій, никогда не встрѣчавшійся мнѣ типъ священника стараго закала, посвященнаго мучительному, не отягчавшійся ни ученостію, ни свѣтскими занятиями, ни малѣйшей претензіей на современность, а занимавшійся обученіемъ единственно, какъ онъ самъ выразился, по пристрастію къ дѣтямъ, и получавшій за свой трудъ 20 руб. въ годъ, которые всѣ сполна и тратились на потребности школы. Вислѣдствіи я имѣлъ достаточно времени убѣдиться въ томъ, что школа была заведена старикомъ не изъ желанія выказаться или получить прибавку къ своему скудному содержанію, не вслѣдствіе новаго вѣянія, а только «по пристрастію къ дѣтямъ» и стремленію удовлетворить потребностямъ крайне безыскусственной, простой и любящей натуры.

Въ свѣтлой, опрятной и заботливо убранной сторожкѣ встрѣтилъ меня высокій, согбенный старикъ, почти безъ бороды, съ рѣдкими свѣтлорусыми волосами, лицомъ вдоль и поперекъ изрытымъ глубокими морщинами, и робкимъ, невыразимо мягкимъ выраженіемъ большіе сѣрые глаза.

Само собою разумѣется, что патриархальная школа старика далеко отстала отъ школы, руководимой молодымъ образованнымъ священникомъ, но, во всякомъ случаѣ, успѣхи ея были не малые болѣе очевидны. Младшіе ученики, поступившіе съ особымъ знакомъ съ нумераціей до 100, обучены складамъ, всѣмъ и литвамъ, а старшіе читаютъ, пишутъ подъ диктовку, рѣшаютъ задачи на четыре арифметическія дѣйствія; знаютъ св. исторію ветхаго и новаго завета, хотя и начинаютъ свои расказы съ одного и того же твердо заученнаго слова. Добрый старикъ хорошо знаетъ это роковое слово и, несмотря на мои замѣчанія

нельзя, въ какой-то лихорадѣ, спѣшить сообщить его при первой надобности.

— Расскажи переходъ израильтянъ черезъ Чермное море, — обращаюсь я къ одному изъ старшихъ учениковъ. Тотъ молчитъ и кинится, припоминая роковое слово; но вотъ, гдѣ-то въ углу раздается: «когда египтяне похоронили умершихъ»...

— «Тогда»... — только что не подпрыгнувъ отъ восхищенія, продолжаетъ ученикъ: «стали сожалѣть, что отпустили израильтянъ, и погнались за ними»...

Я укоризненно смотрю въ тотъ уголъ, откуда послышался шепотъ, и глазамъ моимъ представилась обезоруживающая, болѣе обыкновеннаго согбенная фигура совсѣмъ застыдившагося старика, съ краснымъ, вспотѣвшимъ отъ волненія лицомъ.

Изъ школы я зашелъ въ домъ священника. Золотые лучи солнца затопили маленькую комнату изъ новой, еще пахнущей сосны, съ вьющимся по всѣмъ стѣнамъ, угламъ и окнамъ плющомъ. Поданный самоваръ поражалъ своимъ блескомъ, а все окружающее изумительной чистотой и опрятностью, рѣдко встрѣчаемой въ домахъ нашихъ пастырей.

— Ну, какъ живете? — спросилъ я хозяина.

— Такъ себѣ, съ кочки на кочку прыгаемъ, — отвѣтилъ онъ, и всталъ, весь зардѣвшись, издалека завелъ рѣчь о прибавкѣ хотя бы 30 руб. на увеличеніе средствъ школы.

На маленькомъ, уютномъ дворикѣ священника уже дожидались меня сельскіе старики, и снова пришлось повторять все тѣ же и тѣ же фразы о пользѣ грамотности, о льготахъ для грамотныхъ, и, наконецъ, просить о прибавкѣ 30 руб. на школу, и т. д.

Все шло какъ слѣдуетъ, чинно, степенно; старики и соглашались, и нѣтъ, а неизбежные на каждомъ сходѣ говорунны поспѣшили развязать языки и вообще извлечь изъ настоящаго случая возможно большее для себя удовольствіе. Наконецъ, сельскій староста попросилъ меня дать время обдумать, и лишь только я вернулся въ комнату, какъ на дворѣ поднялся такой вѣбродный шумъ, что зазвенѣли стекла, а испуганный священникъ, согнувшись и заложивъ руки за спину, забѣгалъ по комнатѣ, повторяя: «отобьются, навѣрное, отобьются; что имъ за нами прибавлять, какая имъ неволя»...

Въ эту минуту буря, поднявшаяся на дворѣ, превратилась въ неописанный громъ; священникъ, какъ вкопанный, остановился среди комнаты, но громъ мгновенно оборвался и наступило мертвое затишье.

— Ну, что, надумали? — обратилъ къ вонедшему старому священнику.

— Надумали, батюшка, самое настоящее дѣло.

— Какъ, согласились?

— Согласились, — торжественно отвѣтилъ староста.

— Вотъ не ожидалъ, въ жизнь свою не ожидалъ, — въ доумѣніи шепталъ священникъ, выходя со мною къ народу.

Старики, извѣстные въ окрестности по своей зажиточности и большимъ посѣвамъ, имѣли видъ людей, рѣшившихся на подвигъ громаднаго самоотверженія, а священникъ, въ свою очередь, такъ и принималъ прибавку 30-ти рублей, какъ событіе, выходящее изъ ряда вонъ.

Отъ священника я завернулъ къ попечителямъ школы — старикамъ крестьянамъ того же селенія, съ цѣлью поговорить о нуждахъ школы.

На склонѣ заваленнаго навозомъ оврага, въ такомъ мѣстѣ гдѣ только насиліе или нужда могли бы заставить поселить человека съ иными требованіями, выстроился цѣлый рядъ просторныхъ барскихъ домовъ, съ цѣлымъ рядомъ яро роспавшихся санныхъ ставней, съ рѣзными гребнями на крышахъ и всякими причудливыми украшеніями на карнизахъ. Въ этихъ хоромахъ обитало цѣлое поколѣніе богатыхъ крестьянъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, жадно навидывавшихся на каждый подходящий продающійся въ окрестности участокъ земли.

Вступаю въ приемную комнату съ диваномъ, на которомъ было возможности прилечь, висячей лампой, поражавшей женнымъ, ослѣпительно блиставшимъ цитомъ и круглымъ столомъ, накрытымъ красной сеатертью, съ золотыми кистями бокамъ. Встрѣчаютъ три брата — одинъ другого крупнѣе, бой и плутоватѣе на видъ; за ними, точно павы, выплыли изъ жительствоны, одна другой объемистѣе, наряднѣе и пестрѣе.

Не успѣлъ я присѣсть на диванъ, какъ передо мной стоялъ круглый ящикъ съ конфетами Эйнема; конфеты съ вареньемъ, варенье — бутылкой шато-д'исема, бутылка — огурцами и, наконецъ, чаемъ.

Само собою разумѣется, что богатыри-попечители никогда не бывали въ школѣ, несмотря на то, что въ ней обучались и одного изъ братьевъ. О старикахъ своего общества богатыри говорили съ величайшимъ презрѣніемъ, какъ о пьяницахъ, съ которыми не желаютъ имѣть ничего общаго. — «Псы!» — отплевываясь, говорили сельскіе старики, когда рѣчь заходила о богатыряхъ. — «Черти» — тоже отплевываясь, говорили богатыри, и

улыбнулась стариковъ и сельскаго схода, на которомъ они нигда не показывались.

Такимъ образомъ, установились отношенія самыя опредѣленныя.

Спустя часъ или два, мнѣ пришлось познакомиться съ священникомъ большого сосѣдняго селенія, явившимся въ школу, выходящую въ завѣдываніи юнаго, но весьма талантливаго воспитанника педагогическихъ курсовъ, только-что приступившаго къ занятіямъ.

— А почему же вы, батюшка, не преподаете законъ Божій?—обратился я къ священнику.

— Все жду, когда начальство прикажетъ, приказа жду,—вытываясь какимъ-то страннымъ смѣхомъ, отвѣчалъ священникъ.

Меня поразилъ этотъ странный, неумѣстный смѣхъ.

— Вы не наволѣте къ нимъ относиться,—вмѣшался находившійся въ школѣ попечитель изъ крестьянъ, кивая на священника:—они у насъ съ плошиной.

Священникъ улыбался, какъ будто соглашаясь съ мнѣніемъ попечителя.

— Да намъ ничего, для насъ ладно,—продолжалъ словоохотливый попечитель,—человѣкъ смиренный, не коварный, малаго ребенка не обидитъ. Только чудитъ не въ мѣру: вотъ, какъ придетъ что, возьметъ кнутъ, начнетъ этихъ гусей гонять по лугу, цѣлыи день каталажится съ ними. Да намъ ничего,—смирень, было смирень.

Священникъ утвердительно кивалъ головой, причѣмъ его полное, отекшее лицо поражало полнѣйшимъ отсутствіемъ мысли.

На обратномъ пути къ своему хутору, я успѣлъ осмотрѣть еще одну школу, помѣщавшуюся въ нижнемъ этажѣ волостного правленія. Въ просторной, но до крайности низкой комнатѣ набито до 50-ти крестьянскихъ дѣтей; всѣ мѣста заняты, такъ что одному уже взрослому парню, пожелавшему учиться, пришлось сидѣть на полу, возлѣ раскалившейся желѣзной печи, распространявшей по всему классу невыносимый чадъ и угарь. Учитель, поразившій меня успѣхами недавно принятой имъ школы, отличался страшною блѣдностью и болѣзненнымъ видомъ, неизбежнымъ при такой обстановкѣ школы. Въ селеніи живутъ три поповъ—три крупныхъ земскихъ дѣятеля, изъ которыхъ ни одинъ не заглянулъ въ школу и не подумалъ о положеніи учителя.

Четвертый день, какъ въ комнатѣ царствуютъ сумерки, а въ ушахъ раздаются вой и грохотъ метели... Точно безчисленное множество проворныхъ, невидимыхъ и неутомимыхъ ружь день

и ночь работаютъ вокругъ моего хутора, чтобы засыпать сугробами, закрывать окна, уничтожить всякіе признаки зимы, все заровнять и сгладить подъ одно съ бѣлой стѣнью—а между тѣмъ мнѣ во что бы то ни стало слѣдуетъ ѣхать въ Гай, дожидаются члены приходскаго попечительства, для рѣшенія проса о постройкѣ новой школы на мѣсто старой, только-сгорѣвшей... Волей или неволей, а ѣхать нужно... Рванувъ впередъ смѣлые и уже издавшіе виды кони; повозка тотчасъ пропадаетъ въ снѣжномъ вихрѣ и витаетъ въ бушующемъ хлѣбѣ до тѣхъ поръ, пока, благодаря спасительному инстинкту привитыхъ коней, какимъ-то чудомъ не попадаетъ въ Гай.

Въ волостномъ правленіи, насквозь пронизанномъ холодомъ, собрались попечители, молчаливые и неподвижные, подъ жестью своихъ громадныхъ тулуповъ; но какъ только дошло переговоровъ о постройкѣ новой школы, обмороженные, алчные лица тотчасъ же оживились, — воротники откинуты назадъ, длинные рукава засучены, глаза блестятъ, и каждый наперерывъ заявляетъ желаніе принять на себя постройку школы; а одинъ изъ попечителей, менѣе сдержанный, то-и-дѣло вскакивалъ съ мѣста и, крестясь въ пустой уголъ, утверждалъ, что желаетъ послужить міру, и въ то же время запрашивалъ ровно вътрое постройку.

Много бесполезной возни пришлось пережить мнѣ при постройкахъ новыхъ школъ, но за то я имѣлъ случай близко ознакомиться съ отношеніемъ попечителей и другихъ лицъ къ общественному дѣлу, какъ къ дѣлу, такъ сказать, безхозяйному. Такимъ образомъ, печникъ втрѣдорога цѣнилъ свою работу, потому что работалъ для школы; плотники заламывали вдвое; все дѣятельный и работающій столяръ распустился и загулялъ, какъ только былъ нанятъ для обученія сельскихъ мальчиковъ своему мастерству; старая барышня-помѣщица, у которой пришлось купить ненужный флигель для школы, никакъ не рѣшалась употребить его за ту цѣну, которую просила съ другихъ, и только потому, что строеніе назначалось для общества; крестьяне, сражая согласившіеся подвезти матеріалъ для школы, построения помѣщикомъ, подняли страшный шумъ изъ-за двухъ подвозовъ необходимыхъ для подвозки мху; попечители сплошь и рядомъ требовали жалованье за то, что состоятъ при такомъ общественномъ заведеніи, какъ школа; весьма ученый священникъ, на просьбу волостного правленія о книгахъ, нужныхъ для школы, прежде всего потребовалъ журналъ «Модный Свѣтъ», необходимый для его «матушки», и опять-таки потому, что деньги об-

стения; сельскія власти въ продолженіи многихъ лѣтъ считали и продолжаютъ считать расходование суммъ, собранныхъ на потребности школы, особой и весьма выгодной статьей, а потому считали и будутъ еще долго сочинять невѣроятные счета на отопленіе и ремонтноеваніе школы; наконецъ, сами крестьяне отбиваются отъ общественнаго дѣла, какъ отъ грѣха: уговари-мешь ихъ что-нибудь сдѣлать сообща, а они свое: «только грѣхъ одинъ будетъ».

То же самое, только въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ, за-мѣчается и въ отношеніи нашей интеллигенціи къ общественному дѣлу. У земства есть свои попечители и охотники до всякаго рода построекъ и произвольнаго распоряженія земскими суммами.

Пожертвовать что-нибудь въ пылу увлеченія или, какъ гово-рится, бросить деньги, устроить спектакль съ благотворительной цѣлью,—на это еще способно наше высшее общество, это дѣло верное; но устойчивости и умѣнья привести въ исполненіе благія намѣренія—этого, за немногими исключеніями, почти не встрѣчается. Такимъ образомъ, у насъ всегда были и будутъ жертвователи, но еще долго не дождемся мы исполнителей бла-гихъ намѣреній. Намъ близко извѣстенъ случай, гдѣ одинъ изъ лучшихъ людей нашего общества, умирая, оставилъ большой ка-питалъ на устройство банка и школы въ его бывшемъ селеніи. Расставая съ жизнью, онъ навѣрно помышлялъ о тѣхъ благо-дѣльныхъ учрежденіяхъ, которыми осчастливилъ своихъ быв-шихъ крестьянъ, тѣмъ болѣе, что исполнителемъ воли покойнаго явился человѣкъ изъ числа такъ-называемыхъ передовыхъ и обра-зованныйшихъ землевладѣльцевъ. Казалось бы, все соединилось въстѣ: капиталъ, священный долгъ и способный человѣкъ, а между тѣмъ капиталъ остался мертвымъ, а исполнитель оказался лѣнивымъ и празднымъ говоруномъ.

Въ концѣ зимы я получилъ приглашеніе предсѣдателя учи-щнаго совѣта сопутствовать ему при обозрѣніи школы въ при-сосѣдскихъ селеніяхъ.

Отпель... Мы спустились съ крутой горы, и тройка весело поехала по гладкому льду. Съ одной стороны тянутся лѣса, ступавшіеся въ одну черную, неопредѣленную массу; съ дру-гой—ярко выступила уже освободившаяся отъ снѣга краснова-я глина холмовъ, покрытыхъ чахлымъ кустарникомъ и кри-выми соснами. Но, вотъ, подулъ холодный вѣтеръ; ниско бѣгутъ темныя тучи, впереди повалилъ сильный снѣгъ. Пропало только-то показавшееся вдали большое приволжское селеніе съ мас-сой раскиданныхъ по берегу лодокъ, съ пароходомъ, около ко-

тораго суетился народъ, издали похожій на мухъ. Быстро несется на насъ громадное бѣлое, волыхающееся покрывало, и вотъ уже на полъ-аршина занесенные снѣгомъ, мчимся мы мимо то-и-дѣло попадавшихся безобразныхъ и брошенныхъ на зиму барбекъ съ красными, истерзанными метелями, лоскутками на высокихъ мачтахъ.

Быстро промелькнули 25 верстъ; мы медленно поднимаемся на гору, по улицѣ богатаго приволжскаго селенія, и останавливаемся около большого дома, на крыльцѣ коего уже ожидалъ насъ высокий, статный и красивый старшина съ цѣпью на шеѣ. Онъ отворилъ дверь на-лѣво, и мы очутились въ женской школѣ. На лавкахъ сидѣло до 20-ти дѣвочекъ, вмѣсто столовъ стояли такія же скамьи, только нѣсколько повыше. Въ рукахъ у дѣвочекъ карандаши, передъ каждой листъ чистой бумаги; около нихъ суетилась юная учительница—воспитанница педагогическихъ курсовъ, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ и болѣзненнымъ видомъ. Въ комнатѣ было прохладно, а между тѣмъ учительница была одѣта въ самый легкій ситецъ. Одинъ уголъ комнаты кое-какъ забранъ досками. Я заглянулъ за перегородку: все голо, бѣдно, лишено всякой уютности; жидкая постель учительницы, маленькое зеркало, на стѣнахъ объявленія какихъ-то иллюстрированныхъ изданій вмѣсто картинъ, березовый столъ, приставленный къ стѣнѣ, и отсутствіе всякой мебели.

Ученицы пріободрились; писали, читали и считали довольно сносно и на перебой отвѣчали по «Родному слову». Учительница волновалась болѣе ученицъ и, шумя своимъ новымъ ситцевымъ платьемъ, носилась по классу.

Весьма довольные успѣхами учительницы, занимавшейся въ школѣ не болѣе 5 мѣсяцевъ и получавшей за это 50 рублей, мы перешли въ главное отдѣленіе школы, находившееся въ за-вѣдываніи семинариста, съ низкимъ лбомъ, большими неподвижными глазами и крайне горделивой осанкой. До 40 мальчиковъ, бойкихъ и улыбающихся, шумно поднялись съ своихъ мѣстъ, но никто изъ нихъ не былъ въ состояніи изложить своими словами нѣсколько разъ прочитанную басню; также слабы оказались ученики и въ умственномъ счисленіи. На замѣчаніе предсѣдателя учитель надулся, а когда ему поставили въ примѣръ успѣхи женской школы, онъ стиснулъ зубы и окончательно омрачился.

Учителя поддерживалъ его тестъ—мѣстный священникъ, мягкій, шарообразный, съ смиренно опущенными глазами и сложенными напередъ руками; но когда предсѣдатель началъ благодарить тутъ же присутствовавшую учительницу, тогда произошло

что потрясающее и неожиданное. Учительница торопливо, неслышно, то-и-дѣло вскрипывая, поспѣшила передать исторію гонимой, претерпѣнныхъ ею отъ священника и семинариста, гонимой, поднятыхъ съ единственною цѣлью вытѣснить изъ школы и представить получаемые ею 50 руб. женѣ семинариста. — Нахлюсь съ грубыхъ выходовъ пастыря, а кончилось анонимными письмами самаго циническаго свойства, получаемыми учительницей всякій разъ, когда семинаристъ отлучался въ городъ.

Учительница закрыла лицо обѣими руками: страшныя, надвигающія груды рыданія не дали ей докончить рѣчи; ея бѣдная, согнутая фигура, облеченная въ рововый ситецъ, дрожала и волновалась, а горе, долго сдерживаемое, хлынуло никогда не виданнымъ мною потокомъ слезъ.

Тутъ выступилъ волостной старшина, доселѣ хранившій дипломатическое молчаніе, и подалъ предсѣдателью послѣднее письмо, полученное учительницей, завѣряя, что это — дѣло семинариста. — Письмо было такого содержанія, что его не только читать, но даже въ руки взять было гадко.

Сдѣлавъ весьма рѣзкій выговоръ притѣснителямъ, предсѣдатель поспѣшилъ въ слѣдующую школу. Это была старая удѣльная школа, съ заплѣсневшими стѣнами и развѣшанными по нимъ картинами, изображавшими «подвиги русскихъ воиновъ». Учитель и законоучитель — оба бѣлые, какъ снѣгъ, оба украшенные жемчугами за свою дѣятельность во время удѣла, оба въ одинаковой степени бесполезные при современныхъ требованіяхъ отъ школы. Бѣлоголовый учитель поспѣшилъ представить будто только что написанныя учениками сочиненія, поражающія своей разумностью и грамотностью; а когда я предложилъ тѣмъ же ученикамъ изложить своими словами басню, то ни одинъ изъ нихъ не могъ этого сдѣлать, а познанія въ законѣ божіемъ оказались болѣе нежели слабыми.

Перешли въ женскую школу, находившуюся въ завѣдываніи родственницы священника, и сейчасъ же сообразили, что учительница получала свое жалованье въ видѣ какой-то награды и почему не обучала. Ученицы смотрѣли на насъ въ недоумѣніи и начали за-одно съ учительницей въ черномъ платѣ, съ черными, непрерывно моргавшими глазами.

Мы на ночлегъ въ богатомъ приволжскомъ селеніи. Въѣзды, гдѣ мы остановились, до такой степени натоплена, что о сѣ нечего было и думать.

— Это я распорядился, — объясняетъ ловкій старшина, пред-

полагая, что, устроивъ насъ въ этомъ пеклѣ, исполнилъ свою обязанность и доставилъ намъ величайшее удобство.

Старшина предупреждалъ наши малѣйшія желанія; пробывъ у насъ цѣлый вечеръ и, не умолкая ни на минуту, толковалъ своей дѣятельности, о трудности своего положенія, о невѣжествѣ его односельцевъ, только-что получившихъ 2400 руб. за новое заведеніе и, несмотря на всё его настоянія положить основаніе сельскому банку, разобравшихъ деньги по рукамъ для медленнаго обращенія въ сельскій кабакъ.

Между прочимъ оказалось, что старшина, называвшій себя «неподходящимъ подъ партію», отличался даже нѣсколько увеличеннымъ пристрастіемъ къ приёмамъ новой школы, по крайней мѣрѣ онъ успѣлъ оцѣнить на своихъ собственныхъ дѣлахъ, обучавшихся въ школѣ гонимой учительницы. Но это еще не все: нѣсколько времени спустя, этотъ самый старшина неожиданно примчался въ нашу приходскую школу и, просидѣвъ цѣлое утро, пустился въ обратный путь. Все это изумляло меня до тѣхъ поръ, пока ретивость старшины не объяснилась замѣчательной способностью русскаго человѣка схватить потребности минуты и вдругъ не только заговорить, но даже дѣйствовать въ извѣстномъ, такъ-сказать, модномъ направленіи.

Еще холодный туманъ стлался по пустыннымъ улицамъ селенія, когда мы поѣхали въ школу. Куча мальчиковъ тѣсно жалилась въ небольшой комнатѣ, а учитель—окончившій курсъ семинариста,—смотрѣвшій на школу, какъ на временную квартиру до полученія прихода, ничего не дѣлалъ, да и не зналъ, какъ взяться за дѣло преподаванія.

И не разъ поражало меня подобнаго рода явленіе, то-есть полнѣйшая неспособность набитыхъ всякой премудростью семинаристовъ къ такому, новидимому, простому и немудрому дѣлу, какъ преподаваніе въ сельской школѣ.

Явилась вызванная предсѣдателемъ гонимая учительница, съ красными, опухшими отъ слёзъ глазами, и къ великому моему изумленію получила предписаніе о немедленномъ принятіи въ свое заведѣваніе школы сочинителя пасквилей, къ которой присоединилась и женская школа. Такимъ образомъ, положеніе разбитой учительницы значительно улучшилось, а отвѣтомъ на словеса предсѣдателя, полныя участія и доброжелательства, были новыя рыданія и потоки слёзъ. Нѣсколько времени спустя, мы снова встрѣтились, но уже при иной обстановкѣ. Учительница получила порядочное жалованье, имѣла какъ нельзя болѣе уютное помѣщеніе, при одной изъ самыхъ благоустроенныхъ школъ

уши, находившейся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома землевладѣльца, гдѣ учительница встрѣчала постоянное радушіе и самое теплое участіе; а между тѣмъ нервное разстройство усиливается все болѣе и болѣе, и окружающіе постоянно испытываютъ печальное положеніе такъ или иначе, и нерѣдко самымъ безобиднымъ словомъ, вызвать новыя болѣзненные рыданія учительницы и невиданные потоки слезъ.

Снова мчимся по Волгѣ, снова большое, на половину раскольничье село, извѣстное своими паточными заводами и отличающееся сплошными пяти-стѣнными избами и всѣми признаками зажиточности.

Школа помѣщается въ длинной и довольно темной кухнѣ священника. Рядомъ другая комната, чисто, точно сейчасъ, вычищенная, съ бѣлымъ березовымъ столомъ, такимъ же диваномъ и стульями. Нигдѣ ни малѣйшаго пятнышка, ничего яркаго, ничего лишняго, ни одной вещи, свидѣтельствующей о зажиточности или малѣйшей претензіи на комфортъ. Точно попали мы въ келью монаха, тѣмъ болѣе, что хозяинъ молодой вдовецъ, застѣнчивый, весьма симпатичный, съ особой страдальческою и сейчасъ же выдающеюся фizioноміей, облеченный въ рясу грубаго чернаго сукна, — тоже походилъ болѣе на монаха, нежели на священника.

Школа оказалась весьма удовлетворительною, а священникъ — близко знакомымъ съ новѣйшими приѣмами обученія. Около стѣны выстроились родители и сельскія власти, всѣ какъ одинъ съ окладистыми бородами и мрачными, точно каменными, лицами.

Когда я попросилъ одного изъ мальчиковъ прочесть «Богородицу», — онъ началъ такъ: «Богородице обрадованная», — а священникъ шепнулъ, что большая часть учениковъ принадлежитъ къ «Спасову согласію и повнѣнцамъ». Кто-то изъ насъ упомянулъ о «Родномъ Словѣ», но поблѣднѣвшій отъ волненія священникъ поспѣшилъ объяснить, что занимается по «Родному Слову» только секретнымъ образомъ, такъ какъ родители запрещаютъ. При этомъ, бывшіе въ школѣ крестьяне тотчасъ же наострили уши, а маленькіе сѣрые глаза пытливо и подозрительно смотрѣли изъ-подъ нависшихъ бровей.

Тяжело дышалось въ этой атмосферѣ закоренѣлаго, самоувѣреннаго и несокрушимаго невѣжества.

Въ заключеніе, мы узнали, что священникъ за обученіе 20-ти мальчиковъ и полное содержаніе школы, включая сюда все необходимое для школы, получаетъ отъ общества 80 руб. вознагражденія, и это въ одно изъ самыхъ богатыхъ приволжскихъ

селеній, гдѣ большая часть крестьянъ имѣетъ капиталы, доходные сады и пачочные заводы.

На обратномъ пути мы осмотрѣли школу приволжскаго селенія, извѣстнаго въ губерніи своими садами и огромнымъ сбытомъ яблокъ, гдѣ бѣдствовалъ, кое-какъ перебиваясь со дня на день, до крайности увлеченный своимъ дѣломъ воспитанникъ педагогическихъ курсовъ; бесполезную школу, находящуюся въ заведываніи безграмотнаго и ограниченаго писаря; большую, но плохо обставленную школу, руководимую однимъ изъ самыхъ талантливыхъ воспитанниковъ педагогическихъ курсовъ, и, наконецъ, школу, заведенную на средства просвѣщеннаго, богатаго, но не живущаго въ имѣніи землевладѣльца.

Добродушнѣйшаго вида учительница давала урокъ, одѣтая по дорожному, — съвозъ щели въ стѣнахъ пролетала разыгрывавшися метель, а классная мебель походила на какія-то вновь изобрѣтенныя для юношества орудія пытки.

Весна... Солнце начинаетъ уже нагрѣвать оконныя стекла... Бѣлая, еще полузамерзшая природа всячески усиливается принять улыбающійся, праздничный видъ. Въ тепломъ воздухѣ, по случаю свѣтлаго праздника, неумолкаемо гудитъ жаркій колокольный звонъ. Въ богатомъ селеніи — Гаѣ, куда я попалъ въ качествѣ наблюдателя за постройкой сельской школы, замѣчается сильное движеніе.

Огромная, слегка зеленѣющая базарная площадь кишитъ народомъ. Солнце прорѣзываетъ сѣрую мглу и ослѣпительно блеститъ въ вышинѣ; красныя рубахи и сарафаны, новые желтые чепаны и бархатныя душегрѣйки выбѣжали на свѣтъ. Вся площадь загорѣлась множествомъ яркихъ, разнообразныхъ цвѣтовъ. Но, вотъ, пестрая рассыпанная толпа быстро двинулась въ большому, стоявшему среди площади дому, въ которомъ помѣщалось одно изъ 15-ти питейныхъ заведеній. Образовался огромный тѣсный кругъ, и площадь огласилась раскатами гомерическаго смѣха.

Вернувшійся съ площади старикъ-почетитель объяснилъ, что тамъ идетъ большое веселье, а именно: Енька-кузнецъ за кошку вина уже пятый разъ влѣзаетъ въ грязную лужу, находившуюся возлѣ кабака, и валяется въ этой лужѣ, сколько кому надо.

Но, вотъ, разорвался тѣсный кругъ ликующей толпы, и на площади показалась быстро бѣгушая человѣческая фигура, съ головы до ногъ вымазанная черной грязью.

«У! у! у его! агу, агу его!» точно сѣраго волка гравитъ

громкая разряженная толпа, между тѣмъ какъ черная фигура, быстро пробѣжавъ площадь, спустилась къ рѣчкѣ, а которую потомъ уже мелькала на зеленѣющихъ озимяхъ, поднимавшихся изволокомъ отъ селенія къ темному лѣсу.

Оказалось, что все тотъ же Енька кузнецъ, ради увеселенія общества, взялся за три двугривенныхъ и штофъ водки, въ виду сей праздничной публики, сбѣгать въ лѣсъ и тотчасъ же вернуться назадъ съ вѣткой березы въ рукахъ.

— Вонъ какъ вдарился, какъ ноги-то поднималъ, — добродушно хихикали собравшіеся вокругъ меня попечители, между тѣмъ какъ на площади стоялъ стоялъ отъ шумныхъ возгласовъ, громаго смѣха и неумолаемаго звона.

Нужно было спать, такъ какъ появились уже небольшія луны, предвѣстницы будущихъ зажоровъ, будущихъ привлеченій и вѣстостей путника. И точно: пробираясь въ городъ къ назначенному собранію училищнаго совѣта, я вдоволь натерпѣлся и намучился, а мой кучеръ то-и-дѣло, набожно снявъ шапку, осѣлалъ себя крестнымъ знаменіемъ, и тогда уже, исчезая въ заборѣ, выѣстъ съ телѣгой и тройкой, принимался отчаяннымъ голосомъ конукавъ выбившихся изъ силъ лошадей.

Въ совѣтъ тотчасъ же почувствовались нѣкоторые признаки жизни: передавались правдивыя наблюденія, дѣлались вѣрныя замѣчанія, давались практическіе совѣты. Правда всплыла наружу, а послѣ разѣздовъ и ближайшаго знакомства съ положеніемъ сельскихъ школъ и сельскихъ учителей, каждый съ большимъ сочувствіемъ относился къ заявленіямъ послѣднихъ то о томъ, что жить негдѣ, или ѣсть нечего, то о томъ, что жалованья не хватаетъ на свѣчи, или — волостное начальство является въ школу въ шапкѣ и съ папирсой въ зубахъ, или, наконецъ, о томъ, что питомцы школы ежедневно угараютъ до такой степени, что ихъ вытаскиваютъ за ноги на морозъ. Каждый изъ насъ вольнымъ образомъ почувствовать и понять всю тяжесть этого міра нужды и всякаго рода лишеній.

А въ городѣ никому и дѣла не было до нашихъ волненій и наблюденій; городъ веселился и развлекался нисколько не менѣе обитателей богатаго Гаа, съ тою только разницей, что въ Гаа развлекались продѣлками Еньки кузнеца, а въ городѣ — отирными письмами циничнаго свойства, изъ которыхъ городское общество устроило себѣ пріятнѣйшую забаву, и такимъ образомъ развлекалось до тѣхъ поръ, пока по распоряженію высшаго начальства не лишилось своей забавы.

XI.

Земцы, земское собраніе.—Учительскій съѣздъ.—Крестьяне и ихъ отношеніе къ школь.—Законоучители, учителя, учительницы, и результаты новаго вѣянія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что безсмертные типы, воспроизведенные Гоголемъ и созданные коренными условіями русской жизни, продолжаютъ существовать въ нашемъ захолустіи и даже выступать въ рядахъ земскихъ дѣятелей, перемѣнивъ только костюмъ и заговоривъ въ иномъ, болѣе современномъ тонѣ. Къ этимъ вѣчнымъ типамъ примыкаютъ типы послѣдней формаціи, воспитанные Оффенбахомъ и каскаднымъ направленіемъ; далѣе, слѣдуютъ земскіе страдалцы, ораторы и такъ-называемые дѣльцы.

Еще въ недавнее время первенствующую роль на земскихъ собраніяхъ занимали Ноздревы, продѣлывавшіе невѣроятныя вещи и своимъ крикомъ заглушавшіе всякое возраженіе, однимъ словомъ все, что только шло въ разрѣзъ съ ихъ убѣжденіями и понятіями о вещахъ. За Ноздревыми неоспоримо слѣдуютъ земскіе Собакевичи, различающіеся по лѣтамъ и своему положенію, но относящіеся къ земскому дѣлу съ одинаковымъ ожесточеннымъ недоброжелательствомъ; у нихъ все, такъ-сказать, приведено къ одному знаменателю: мировые судьи ниспровергаютъ основы, предсѣдатель судей — красный изъ красныхъ, члены управы — христопродавцы, а у секретаря съѣзда даже и лицо разбойниче, дайте ему только ножъ, да выпустите на баррикаду, и т. д. Несравненно рѣже встрѣчаются земскіе Маниловы — люди безвредные, но и бесполезные, существующіе только для восхваленія и прославленія земства и земскихъ дѣятелей; отъ нихъ только и слышишь: «нашъ дивный предсѣдатель, нашъ неподкупный судья, пью здоровье предводителя—этого Баярда нашего времени, жму благотворную руку нашего непремѣннаго члена». Также рѣды замкнувшіеся въ своихъ трущобахъ земскіе Плюшкины, по своимъ хозяйственнымъ соображеніямъ и скарденничеству никогда не посѣщающіе собраній и приходящіе въ бѣшенство при одномъ намекѣ о прибавкѣ лишней копѣйки на десятину. Болѣе видная роль, особенно въ послѣднее время, выпала на долю питомцевъ Оффенбаха — этихъ вѣчно довольныхъ и беззаботныхъ земцевъ, дошедшихъ до таковой виртуозности, что не только въ земствѣ, но и въ цѣломъ свѣтѣ не существуетъ такого головного вопроса, который бы тотчасъ же не былъ разрѣшенъ ими куплетомъ изъ «Прекрасной Елены» или «Птичекъ-Пѣвчихъ». Всегда игривые и цвѣтушіе, они охотно берутся за всѣ

кую должность и, тотчас же сообщая ей какой-то игриво-пошловатый характеръ, не упускаютъ ни малѣйшаго случая поглумиться надъ земскими страдальцами, сдѣлавшимися таковыми только благодаря своему слишкомъ горячему и искреннему отношенію къ земскому дѣлу. Обыкновенно, первые годы такихъ страдальцевъ пролетаютъ среди общаго одобренія и поощренія, но затѣмъ путь устилается такими терніями и препятствіями, которыхъ не преодолѣть самой энергичной и выносливой натурѣ, и благо тѣмъ, которые выдержать этотъ гнетъ и не сломаются подъ тяжестью общественнаго креста. Наконецъ, страдалецъ убѣждается, что при настоящемъ порядкѣ вещей служеніе земству неминуемо требуетъ жертвъ, безъ коихъ немислимо самое служеніе. Тутъ начинается борьба между естественнымъ желаніемъ согласить свои матеріальныя и семейныя интересы съ постоянными и неизбежными жертвами, вызываемыми служеніемъ обществу, а послѣдствіемъ является очевидная невозможность при нашихъ условіяхъ жизни согласить то и другое. Далеко счастливѣе роль немногихъ земскихъ ораторовъ, уже потому, что они нисколько не соприкасаются съ земскими дразгами и черной работой, выпадающей на долю дюжинныхъ земскихъ дѣателей. Пользуясь самой пріятной и комфортабельной жизнію и появляясь одновременно съ знаменитыми артистами, разъѣзжающими въ зимнее время по нашимъ губернскимъ городамъ, они производятъ невѣроятный эффектъ на нашихъ сѣздахъ и собраніяхъ, приводя въ смущеніе земскихъ говоруновъ, умолкающихъ точно также, какъ умолкаетъ черная куча болтливыхъ галокъ при появленіи другой, болѣе крупной птицы. Затѣмъ выступаютъ земскіе дѣльцы, всегда прикованные къ своимъ конторкамъ и письменнымъ столамъ. Сюда принадлежатъ всевозможные секретари, письмоводители и только въ рѣдкихъ случаяхъ члены и предсѣдатели собраний. На нихъ-то собственно и лежитъ вся тяжесть неблагодарной, черной и лишенной всякой эффектности работы; но если, съ одной стороны, между ними встрѣчаются личности замѣчательныя по своимъ способностямъ, честности и трудолюбію, то, съ другой стороны, между тѣми же дѣльцами попадаются земскіе пивки и ловкіе люди, постепенно захватывающіе второстепенныя земскія должности и подъ шумокъ, среди неизбежной земской халязости, весьма ловко обдѣлывающіе свои собственныя дѣла на счетъ земства. Далѣе слѣдуютъ гласные изъ крестьянъ, всегда сконфуженные незнаніемъ дѣла и незнакомою обстановкою и еще въ недавнее время являвшіеся въ собраніе для того только,

чтобы въ полудремотѣ выслушивать доклады и вставать по условленному знаку какаго-нибудь зашѣвалы.

И передъ такимъ-то разнохарактернымъ сборищемъ людей пришлось выступать новому училищному совѣту, съ его докладомъ о движеніи народнаго образованія въ уѣздѣ и съ несомнѣнными надеждами на увеличеніе суммъ, назначенныхъ на поддержаніе шкولъ. Къ счастью для дѣла, въ царившемъ хаосѣ разнообразныхъ понятій и совершенно противоположныхъ мнений и убѣжденій, хотя и въ слабой степени, но уже обозначились едва замѣтные признаки такъ-называемой земской партіи, смѣшанной изъ представителей различныхъ сословій и если въ принявшей еще осязательнаго образа, то тѣмъ не менѣе въ болѣе или меньшей степени заявляющей о своемъ существованіи на благо нашего захолустья. Подробный и совершенно правдивый докладъ, въ первый разъ еще представленный собранію, произвелъ неожиданное впечатлѣніе, его прослушали со вниманіемъ и интересомъ, даже на лицахъ крестьянъ выразалось нѣкоторое любопытство, когда рѣчь заходила о ихъ селеніяхъ и школахъ, и, противъ всякаго ожиданія, всѣ предложенія совѣта были уважены, а сумма, ассигнуемая земствомъ на народныя школы, была значительно увеличена, достигнувъ наконецъ до 5,000 р. въ годъ, не считая расходовъ на два бывшіе въ уѣздѣ учительскіе сѣзды.

Слухъ о первомъ сѣздѣ вызвалъ неописанное волненіе между нашими сельскими педагогами: юнѣйшіе изъ нихъ ожидали сѣзда съ жгучимъ нетерпѣніемъ и надеждой разрѣшить массу педагогическихъ вопросовъ, накопившихся въ теченіи замкнутой и безцвѣтной жизни въ глухомъ захолустѣ; между тѣмъ какъ немногіе ветераны бывшихъ удѣльныхъ школъ приняли сѣздъ за какой-то экзаменъ и на всякій случай просматривали разные учебники, съ отчаяніемъ помышляя о возможности провалиться. Въ началѣ сентября со всѣхъ сторонъ потянулись въ городъ разнообразныя телѣги и брички съ законоучителями, учителями и учительницами, стремившимися на сѣздъ. Учители помѣстились въ общей квартирѣ, состоявшей изъ одной громадной комнаты, раздѣленной аркою, съ нарами вдоль стѣнъ и большимъ столомъ вокругъ котораго стояло съ полдюжины стульевъ топорной работы. На лежанкѣ помѣщались чашки, пузатый чайникъ и громадный самоваръ, замѣнявшій собою кухню.

На слѣдующій день зала мирового сѣзда наполнилась массой представителей самыхъ разнообразныхъ типовъ, одеждъ, лицъ, и вообще имѣла какой-то поразительно пестрый и пр...

нишій видъ. На стѣнахъ развѣшаны картины; возвышеніе, на которомъ обыкновенно воссѣдали судьи, уставлено всевозможными учебными пособиями. Въ первыхъ рядахъ помѣщались дѣти—ученики народныхъ школъ, съ которыми законоучители, учителя и учительницы давали испытательные педагогическіе уроки. За ними устроились представители нашего высшаго и средняго общества, далѣе слѣдовали учителя, между которыми встрѣчались весьма приличные юноши, умѣвшіе порядочно держать себя и такъ говорить передъ лицомъ публики; личности, обросшія бородами, облеченныя въ поддѣвки и видимымъ образомъ одичавшія вслѣдствіе долговременнаго пребыванія въ какомъ-нибудь удаленномъ селеніи, и бѣлые какъ снѣгъ ветераны съ бронзовыми медалями на шеѣ; далѣе виднѣлись разноцвѣтныя рясы законоучителей, и, наконецъ, въ самомъ углубленіи залы цѣлый рядъ учительницъ, изъ которыхъ только двѣ или три выдавались вычурными шиньонами въ видѣ маленькихъ башенъ, или русскими національными костюмами степенныхъ цвѣтовъ. Но такъ какъ положеніе учительницъ было новое, то онѣ видимымъ образомъ стѣснялись, то притихая и прижимаясь другъ къ другу, то черту развертываясь и поражая напускной бойкостью.

Сѣздъ открылся уроками законоучителей, въ большинствѣ исполнявшихъ себя отъ волненія и оказавшихся крайне неспособными вести живую устную бесѣду съ учениками. Во время лекцій они поднимали такой шумъ, что ничего нельзя было разобрать, но за то, когда пришлось публично высказывать свои мнѣнія о текущихъ урокахъ, то все ограничивалось общей отрывочной фразой: «урокъ отца такого-то былъ очень сухъ». — «А почему О. такой-то находитъ мою лекцію недоброкачественной?» — спрашиваетъ лекторъ. — Нѣтъ, я нахожу ее доброкачественной, но неудобопонятной для дѣтей, такъ какъ... «Нѣтъ, это просто нападки», горячо перебиваетъ противникъ, и инспектору стоить большого труда убѣдить его, что тутъ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ нападковъ. Вообще же диспуты почтенныхъ отцовъ, не касаясь приемовъ обученія, преимущественно вращались въ области догматики, становясь все болѣе и болѣе запутанными и непонятными. Поднялись даже пренія о томъ, почему животныя сотворены прежде человѣка, но тутъ кто-то весьма кстати замѣтилъ, что если Моисей въ своемъ бытописаніи не нашелъ нужнымъ говорить объ этомъ, то и разсуждать не слѣдуетъ. На второй учительскій сѣздъ явилось не болѣе пятой части законоучителей, бывшихъ на предыдущемъ, за то эти немногіе не абиялись уже въ догматическія дебри, не красовались діалек-

тикой, а, привлекиши много поучительнаго изъ перваго сѣзда и набравшись опыта въ школѣ, олицетворили, въ глазахъ нашихъ,—первыхъ, дѣйствительно полевыхъ и даровитыхъ законоучителей народныхъ школъ.

Дошла очередь до сельскихъ педагоговъ. Готовясь къ урокамъ, они просиживали цѣлыя ночи за Бремомъ, словаремъ Толля или другими книгами, и сбились съ ногъ, чтобы приготовить къ уроку необходимыя наглядныя пособія. Одна учительница издалека привезла чучело беркута для своего урока, и приходила въ отчаяніе отъ того, что беркутъ лишился во время перевозки одного изъ своихъ ногтей; другой учитель скупилъ массу всевозможныхъ свѣжихъ деревьевъ мѣстныхъ породъ, чтобы только показать ихъ ученикамъ; третій становился втупикъ, не зная, гдѣ взять къ уроку необходимыя ему сыръ и куличъ; четвертому понадобился овесъ, и онъ чѣмъ свѣтъ забрался къ председателю училищнаго совѣта и былъ вполне счастливъ получить просимое.

Каждый изъ учителей выяснялъ планъ своего будущаго урока, а выступивъ на возвышеніе, вдругъ становился предметомъ общаго вниманія и самаго тщательнаго наблюденія сотни глазъ и ушей, жадно слѣдившихъ не только за общимъ ходомъ урока, но и за каждымъ движеніемъ преподавателя, даже за интонаціей его голоса. Тотчасъ же по окончаніи урока завязывались нескончаемые споры и объясненія, тянувшіеся до тѣхъ поръ, пока не составлялось, наконецъ, общее мнѣніе, которое высказывалъ одинъ изъ болѣе даровитыхъ учителей. Все носило на себѣ отпечатокъ небывалаго одушевленія и лихорадочнаго напряженія; обсужденія уроковъ становились все живѣе и живѣе; выяснялись главныя положенія педагогическія и лучшіе приемы обученія грамотѣ и счету.

Предложенъ былъ вопросъ о мѣрахъ взысканія въ сельскихъ школахъ: все притихло, никто ни слова, всякій боялся сказать правду. Наконецъ, поднялся одинъ изъ убѣжденных ветерановъ и заявилъ, что за невнимательность въ храмѣ Божіемъ дѣлается внушеніе вмѣстѣ съ священникомъ, за пропуски уроковъ, по старому правилу вмѣстѣ со старшиною штрафуетъ родителей, а если во время перемены произойдетъ потасовка, то ставитъ какъ виноватаго, такъ и праваго въ уголъ къ печкѣ; затѣмъ двое педагоговъ изъ семинаристовъ заявили, что у нихъ обиженный мститъ виноватому око за око. Въ заключеніе было рѣшено: стараться поддерживать классную дисциплину, не прибѣгая къ мѣрамъ строгости и наказанія, излюбленнымъ ветеранами школьнаго дѣла.

Последній день съѣзда приходился въ праздникъ... Еще до обѣда толпа учителей со своимъ инспекторомъ и однимъ изъ членовъ совѣта направилась въ телеграфной станціи, открытой въ 5 до 7 часовъ утра. Здѣсь инспекторъ познакомилъ учителей съ законами электричества и устройствомъ телеграфа. Послѣ обѣда толпа двинулась въ военной гимназіи, гдѣ въ присутствіи кѣхъ учителей и учительницъ дѣлались различные опыты въ физическомъ кабинетѣ, и незнакомые съ физикой могли все-что передать своимъ питомцамъ.

Съѣздъ пришелъ въ кону, но тутъ оказалось, что нашимъ педагогамъ, получившимъ по 5 руб. на двѣ недѣли съѣзда, не и то было добраться до своихъ селъ и деревень, и снова, во-ли или неволей, пришлось обратиться въ частной благотвори-тельности и, странствуя съ листомъ въ рукѣ, наблюдать ирони-чески или кислая гримасы благотворителей. Но, несмотря на мой неблагоприятный оборотъ дѣла, учителя разѣхались, пре-исполненные небывалой энергіей и самаго искренняго стремле-иа привести какъ можно болѣе добра и счастья своимъ пи-тцамъ.

Илишне было бы повторять здѣсь неопровержимые и всѣмъ известные доводы о пользѣ учительскихъ съѣздовъ; достаточно сказать, что, не взирая на слабыя, даже комичныя стороны пер-выхъ въ нихъ, отразившіяся и въ нашемъ бѣглому очеркѣ, — они были для нашихъ тружениковъ какими-то праздниками, свѣт-лыми точками среди вѣчныхъ сумерекъ безцвѣтной, будничной жизни; они обновили ихъ, многому научили и подняли въ гла-захъ нашего общества.

Одушевленные сочувственнымъ отношеніемъ земства, ежегодно увеличивавшаго средства, находившіяся въ распоряженіи учи-тельскаго совѣта, его новые члены принялись за дѣло съ энер-гій, живо напоминавшей первыхъ мировыхъ посредниковъ и ми-ровыхъ судей. Наступило горячее, полное жизни время, все ожило, стряхнуло обычную апатію, какъ будто сейчасъ только появивъ и оцѣнивъ великое значеніе вопроса о народномъ образованіи на будущности нашей родины. Точно вернулись ослѣпительно-ясные дни, последовавшіе за освобожденіемъ крестьянъ, а не-считанные и въ началѣ совершенно бесполезные толки членовъ совѣта съ крестьянами о пользѣ грамотности и соглашеніе по-сѣднихъ къ устройству школъ и передачѣ ихъ въ земство — до-казательства походили на толки мировыхъ посредниковъ, тщетно пытавшихся крестьянъ на соглашеніе съ ихъ бывшими помѣ-щиками, толки не только бесполезные, но въ значительной сте-

пени испортившіе будущее положеніе сельскаго населенія, пренебрегавшаго отказываться отъ самыхъ выгодныхъ предложеній, принимая такъ-называемый «сиротскій надѣлъ», лишь бы вступать въ какія бы то ни было сдѣлки. Между членами совѣта только и разговоровъ: какъ и кто, и съ какими успѣхомъ успѣвалъ, и что тотъ не согласилъ, другой скачетъ соглашаться, если этому не удастся, то остается такой-то, который навѣрное успѣетъ и согласить.

Всегда вѣрный себѣ, народъ въ началѣ молча наблюдалъ и пренебрегалъ прасныя усилія членовъ совѣта, продолжая смотрѣть на шкolu какъ на нѣчто насильственное, безъ чего легко обходились отцы дѣды и праотцы. Да и чѣмъ же было убѣдить мужика въ пользу грамотности, чѣмъ доказать ея выгоды и удобство для его жизни? Такихъ очевидныхъ и понятныхъ доказательствъ нѣтъ и не могло быть, потому что жизнь мужика улеглась въ совершенно иную форму, безъ всякаго вліянія и вмѣшательства шкoлы и грамотности; свою любознательность онъ привыкъ удовлетворять другими путями, помимо книгъ, а потому, если имѣлся въ селеніи хотя одинъ грамотный на случай прочесть какую нибудь бумагу или за всѣхъ руку приложить, то этого и достаточно. «Миръ» обходился и до сихъ поръ обходится безъ грамотности, а потому и не придаетъ ей никакого значенія, такъ какъ она не даетъ никакихъ льготъ и преимуществъ, а только требуетъ непроницаемыхъ и всегда ненавистныхъ затратъ. Мудрено ли послѣ всего этого, что «миръ» сторонился отъ шкoлы, насильственнымъ образомъ вторгавшейся въ селеніе, какъ отъ лишняго налогу, не находя въ ней ни нужды, ни пользы, ни даже забавы.

А между тѣмъ, несмотря на непреодолимыя трудности, ставшія на долю распространителей шкoлы, ихъ усилія и свончаемыя разглагольствованія на сходахъ о пользѣ грамотности, о ея необходимости при новыхъ условіяхъ жизни, о результатахъ, ожидаемыхъ опять-таки въ пользу однихъ грамотныхъ, отсутствіе бывшего оффиціального и канцелярскаго характера шкoльному дѣлу, невиданное доселѣ теплое отношеніе учителей къ дѣтямъ, посѣщающимъ шкoлы, постоянные разъѣзды членовъ совѣта, очевидные успѣхи учениковъ, убѣжденія немногихъ старостъ и ценщиковъ и, наконецъ, заботы о шкoлахъ, снабжаемыхъ всѣми имѣвшимися въ распоряженіи совѣта пособіями, разсылаемые не по старому способу, то-есть какъ разъ къ тому времени, когда въ нихъ не представлялось уже никакой надобности, все это, вмѣстѣ взятое, хотя и въ слабой степени, но подкупало крестьянъ и такъ или иначе будило мертвое затѣище, выны-

слабые признаки болѣе сочувственнаго отношенія сельскаго населенія къ школьному дѣлу, на первый разъ выразившіеся въ постройкахъ новыхъ школъ, съ каждымъ годомъ повторявшихся все чаще и чаще, такъ что къ концу трехлѣтней дѣятельности общества большая часть утарныхъ трущобъ, отведенныхъ для школъ, замѣнилась новыми, свѣтлыми и просторными помѣщеніями, а чуланъ съ роковымъ столбомъ, подпиравшимъ ежесекундно грозившій паденіемъ потолокъ, холодная сторожка, гдѣ, бывало, преждевременно долженъ былъ покончить свое существованіе молодой, слишкомъ ретивый священникъ, руины—гаевского училища и кухни сельскихъ пастырей съ новорожденными китами—все это постепенно исчезало и какъ будто уже принадлежало къ области невозвратимаго прошлаго.

Заговоривъ о признакахъ болѣе теплаго отношенія сельскаго населенія къ школѣ, слѣдуетъ избѣгать всякой маниловщины, вѣсти отъ времени напѣвающей намъ о необыкновенномъ стремленіи народа къ школамъ, не вмѣщающимъ всѣхъ жаждущихъ образованія; но наперекоръ всякимъ избитымъ фразамъ, до тошноты противнымъ деревенскому читателю, печальная дѣйствительность только-что не на каждомъ шагу представляетъ примѣры совершенно иного свойства, примѣры, способные убить самое искреннее одушевленіе немногихъ дѣятелей и крайне неблагоприятны для развитія самой школы.

Тимъ образомъ, рука объ руку съ свѣтлыми явленіями выступаютъ факты, свидѣтельствующіе о равнодушіи сельскаго населенія къ школѣ, объ его невѣжествѣ и дивости, соединенной съ крайнимъ преобладаніемъ матеріальныхъ инстинктовъ; такъ, напримеръ: подмѣтивъ въ мировомъ судѣвлеченіе къ школамъ, такое сельское общество мгновенно прониклось неожиданнымъ рвеніемъ къ образованію и подсылало къ блюстителю правосудія своихъ депутатовъ, съ самыми привлекательными заявленіями насчетъ открытія школы, а вслѣдъ затѣмъ предъявляло искъ отъ лица всего общества къ мѣстному арендатору. Но искъ оставался безъ послѣдствій, и всѣ просвѣтительныя затѣи исчезали въ дымъ. Припоминается и такой случай, что одинъ землевладелецъ, построивъ на свой счетъ сельскую школу, не только не считалъ на себя всѣ необходимыя въ этомъ случаѣ расходы, но даже вызвался содержать отъ 8 до 10-ти бѣднѣйшихъ учениковъ, вслѣдствіемъ чего и было общее желаніе крестьянъ получать награжденіе за своихъ дѣтей, посѣщающихъ школу.

— Что, набираете мальчиковъ?—вслѣдъ затѣмъ спрашиваютъ дѣтки.

— Набираю,— отвѣчаетъ благотворитель, предчувствуя что недоброе.

Мужики переминаются на мѣстѣ, пошашливаютъ и наконецъ объявляютъ, что дѣтей высылать не намѣрены, пока имъ все не пошлютъ новыхъ полшубковъ. Благотворитель приходитъ ярость и выгоняетъ мужиковъ; тѣ удаляются, посмѣиваясь бороду.

Знаемъ мы и такой случай, гдѣ школа, открывшаяся въ самыхъ счастливыхъ условіяхъ, въ послѣдствіи времени только-что не отравила жизнь ея основателя. Дѣло было такъ: въ одно свѣтлое зимнее утро на барскомъ дворѣ собрался сельскій сходъ потолковать о предполагаемой школѣ, и не успѣлъ еще членъ совѣта проговорить все, что обыкновенно говорится въ такихъ случаяхъ, какъ уже крестьяне въ одинъ голосъ выразили желаніе содѣйствовать постройкѣ школы, а для поддержанія ея устроить постоянный сборъ въ 25 к. съ души. Восторгъ члена мѣстнаго ревнителя просвѣщенія не знаетъ предѣловъ; школа выстроена на славу. Но не прошло и года, какъ хозяева свиней, загнанныхъ ревнителемъ изъ его собственнаго сада, запрещають своимъ дѣтямъ посѣщать школу съ единственной цѣлью насолить ревнителю просвѣщенія, позволившему себѣ оберегать свой садъ отъ нашествія крестьянскихъ свиней. Далѣе, поднимаются нескончаемыя междоусобія между глуповатымъ и пассивнымъ парнемъ, исправлявшимъ должность сторожа, и еще болѣе плаксивой и до крайности нервной, хотя и полезной учительницей: сторожъ жалуется и распускаетъ нюни, учительница жалуется и рыдаетъ. Но это еще не все: на сцену выступаютъ законоучитель съ претензіями на непочтительность учительницы, съ обвиняемой дѣлается истерическій припадокъ; землевладѣлецъ зажимаетъ уши и убѣгаетъ въ свои необъятныя поля, а возвратившись, узнаетъ, что загулявшій сельскій староста, собравшій крестьянъ деньги, слѣдующія на школу, не выдаетъ ихъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, сваливая всю вину на сборщиковъ, въ свою очередь, обвиняетъ старосту; а степенные старосты избранные въ попечители, съ невозмутимой сановитостью, пользуются угощеніями какъ съ той, такъ и съ другой стороны. И это начинается смущать ревнителя, тѣмъ болѣе, что съ наступленіемъ зимы ему никакъ не удастся убѣдить крестьянъ подвезти въ школу дрова, нарубленные въ лѣсу, находящемся возлѣ школы. Чаша переполнена, и ревнитель школы только-что проваливается въ свои просвѣтительныя затѣи, въ значительной степени испортившія и безъ того тревожную жизнь.

Выигреть и такой курьёз: прѣзжаетъ въ волостное правленіе господинъ, близко стоящій къ школьному дѣлу, отчасти идеалистъ, человекъ довѣрчивый и вообще мало вращавшійся между крестьянами. Вокругъ правленія толпится волостной сходъ, зашвырнувшійся общей попойкой по поводу учета казначея; узнаютъ подкупившіе крестьяне, что въ правленіи сидитъ начальство по части школъ, и наперерывъ осаждаютъ начальство заявленіями о желаніи заводить школы, такъ чтобы каждое селеніе и каждая деревня имѣли свою отдѣльную школу. Восхищенный членъ принимаетъ одну депутацію за другой, выслушиваетъ сельскихъ ораторовъ, отвѣчаетъ, благодарить; пишетъ черновые приговоры, мысленно насмѣхается надъ своими товарищами по совѣту, оченнымъ образомъ незнакомыми какъ взяться за дѣло, и разочаровывается только тогда, когда потерявшій всякое терпѣніе старшина разгоняетъ депутаціи и выпроваживаетъ изъ правленія не въ мѣру разболтавшихся мужиковъ. Но и это еще не все: и въ этой практикѣ встрѣтился такой случай, что крестьяне одного изъ самыхъ богатыхъ селеній уѣзда, вымоливъ 200 руб. вспоможенія на постройку школы, круглый годъ возились съ этой постройкой, сдавая каждую работу по частямъ и цѣлымъ сходамъ, съ неизбежными попойками, а въ концѣ-концовъ едва не прошили какъ самую школу, такъ и выпрошенные деньги, и только случайный наѣздъ члена совѣта помѣшалъ осуществленію такого соблазнительнаго факта.

Намъ указываютъ на бѣдность крестьянъ, какъ на главное препятствіе къ развитію и расширенію сельскихъ школъ; но въ концѣ указанія есть своя доля преувеличенія и стремленія, безъ особаго труда и тщательнаго наблюденія, разрѣшить самыя жгучіе и насущные вопросы нашей жизни, обобщить положеніе нѣкоторыхъ дѣйствительно нуждающихся губерній на всю остальную Русь, поэтизировать суровую обстановку крестьянина и потомъ проливать надъ ней слезы, все объясняя себѣ исключительно одной бѣдностью. Здѣсь не мѣсто затрогивать этотъ серьезный вопросъ, а достаточно сказать, что, по нашему наблюденію, народные школы чаще всего прививаются въ менѣе зажиточныхъ селахъ, и, напротивъ того, нерѣдко заброшены и лишены всякихъ средствъ въ самыхъ богатыхъ селеніяхъ, гдѣ большинство крестьянъ обладаетъ болѣе или менѣе значительными капиталами, гдѣ общества за одни питейныя заведенія, трактиры или угоды получаютъ до 3,000 и болѣе рублей въ годъ, — однимъ словомъ, въ такихъ селеніяхъ, гдѣ, казалось бы, соединяются всѣ условія, необходимыя для процвѣтанія школы.

Ясное дѣло, что тормазомъ къ развитію сельскихъ школъ такихъ зажиточныхъ селенійхъ служить не бѣдность, а невѣжество, налагающее извѣстный отпечатокъ на людей и ихъ обстановку и, можетъ быть, столь же опасное, какъ и самая бѣдность.

Исходя изъ того начала, что всѣ явленія крестьянскаго быта какъ-то распущенность, безсиліе, неуваженіе къ деньгамъ, крайняя скарденность или крайній разгулъ—все это въ бѣльшей или меньшей степени повторяется и въ другихъ сферахъ нашего общества, мы замѣчаемъ, что рядомъ съ крестьянскою бѣдностью существуетъ для многихъ несомнѣнная бѣдность бывшихъ помещиковъ, при малѣйшемъ затрудненіи умѣющихъ только, закрывъ глаза и сложивъ руки, катиться внизъ, по наклонной площадкѣ къ ликвидаци и полнѣйшему разоренію. Вовсе не у однихъ крестьянъ замѣчаются распущенность, безсиліе, скарденность и разгулъ.

Наблюдая земскія собранія, гдѣ большинство землевладѣльцевъ, напустивъ на себя невообразимо жалкій и угнетенный видъ, только-что не проливаетъ слезы отчаянія по случаю увеличенія сбора на народное образованіе; прислушиваясь къ нищенскимъ стенаніямъ сельскаго схода, какъ будто на-показъ выставляющаго свои дырavyя и заплатанныя одежды, при первомъ намеѣ на копѣечный сборъ въ пользу школы, — въ уныніе видѣтъ заѣзжій обитатель столицъ и большихъ городовъ, мало знакомый съ провинціальнымъ бытомъ; но это уныніе тотчасъ превращается въ недоумѣніе, когда ему укажутъ на безобразное состояніе разоренныхъ землевладѣльцевъ, а также на громкость ежегоднаго дохода, доставляемаго дырavyми тулупами, заплатанными кафтанамъ своему сельскому кабаку, и на широкій непрерывный поясъ хлѣбныхъ скирдъ и владѣй, окружающій ихъ селеніе.

Тутъ уже доподлинно узнается, что именно любить провинціальная Русь,—на что она скупа и бѣдна, и на что богата и щедра.

Но, не взирая на неблагопріятныя явленія школьнаго дѣла, энергія совѣта и мгновенно охватившее общество одушевленіе не только не остывало, но съ каждымъ годомъ захватывало все большіе и большіе слои общества все болѣе и болѣе полезныхъ дѣятелей, привлеченныхъ частію искреннимъ сочувствіемъ, частью — материальными или другими практическими соображеніями: изъ вожи глѣзли и лѣстные старшины, чтобы отличиться заботами о школахъ и такимъ образомъ выслужиться передъ своимъ начальствомъ, замѣ-

нымъ образомъ поощрявшимъ ихъ дѣятельность; проснулись и сельскіе пастыри, встревоженные частыми наѣздами земскихъ обозрѣвателей, изумленные полнѣйшимъ отсутствіемъ религіознаго момента въ воспитаніи крестьянскихъ дѣтей, въ большинствѣ приходоѡ незнавшихъ самыхъ употребительныхъ молитѡ и не имѣвшихъ ни малѣйшаго понятія о вѣроисповѣданіи, къ которому принадлежали. Волей или неволей, но нашимъ пастырямъ пришлось, наконецъ, разстаться съ ихъ исключительнымъ и замкнутымъ положеніемъ, отказаться отъ укоренившагося взгляда на мнооучительское жалованье, какъ на какое-то дополненіе къ получаемому окладу, — явилась необходимость исправно посѣщать школы, готовиться къ классамъ и даже въ извѣстное время собираться на учительскіе съѣзды. И вотъ, на нашихъ глазахъ какъ будто осмыслилась безцѣльная жизнь сельскаго пастыря, а его положеніе въ приходѣ представилось въ другомъ, болѣе отрадномъ свѣтѣ. Явилось соперничество, пробудился живой интересъ къ школѣ, и въ скоромъ времени мы уже насчитывали въ нашихъ уѣздахъ нѣсколько законоучителей, невольнымъ образомъ привлекавшихъ на себѣ вниманіе и уваженіе общества.

Не меньшимъ уваженіемъ стали пользоваться и наши новые учени, до того времени испытывавшіе крайне неопредѣленное мнѣніе и постоянное давленіе то со стороны волостнаго начальника, считавшаго себя въ правѣ помѣкать ими по своему произволу, то со стороны священниковъ, не безъ зависти смотрѣвшихъ на некоторую самостоятельность и независимость земскихъ педагоговъ. Были попытки къ доносамъ на несоблюденіе учителями клятвы, на отсутствіе ихъ во время богослуженія и на непочтительность. Напелся даже пастырь, приписывавшій развитіе раскола въ приходѣ тому, что во время поста «по всему селенію испили молоко въ квартиру учителя». Проявлялось желаніе занять первенствующую роль въ школѣ, съ возвышенной цѣлью направлять ее въ нравственно-религіозномъ духѣ; но такъ какъ это истинное стремленіе ограничивалось только положенными уроками и желанными придирами къ учителю, при полнѣйшемъ отсутствіи поучительнаго примѣра, искренняго участія къ дѣламъ и нравственнаго вліянія, то всѣ эти поползновенія законоучителей не привели ни къ какому благотѣльному результату. Наконецъ, увлеклись возбужденныя страсти, и намъ случалось уже нѣтъ дружное соединеніе законоучителя и учителя для общаго и единодушнаго служенія народному развитію и образованію.

Получивъ нѣкоторую независимость отъ сельскихъ властей и

поладивъ съ законоучителями, наши сельскіе педагоги въ то время видимымъ образомъ поднимались въ глазахъ народа; народъ уже отличалъ плохого учителя отъ посреднаго, и явнымъ образомъ сожалѣлъ и сокрушался, когда послѣдній мѣнялъ мѣсто, оставлялъ селеніе; такіе примѣры встрѣчались не рѣдко, но въ насъ тѣмъ мы не знаемъ ни одного случая, гдѣ бы крестьяне, при несомнѣнной зажиточности, при всемъ расположеніи къ учителямъ, сколько-нибудь заботились объ его положеніи и хотя бы чѣмъ-нибудь выразили готовность къ улучшенію этого тяжелаго положенія. Напротивъ того, каждая подвода, везтая любимымъ учителемъ для необходимой поѣздки въ городъ, вызывала и до сих поръ продолжаетъ вызывать неизбежную бурю. Здѣсь будемъ кстати привести извлеченіе изъ заявленія, полученнаго соименникомъ 27-го сентября 1875 г., отъ сельскаго учителя, находящагося въ одномъ изъ самыхъ богатыхъ приволжскихъ слободъ съ пристанью и болѣе нежели достаточнымъ земельнымъ надѣломъ:

«Честь имѣю довести до свѣдѣнія совѣта, что какъ женская такъ и мужская школа остались все въ тѣхъ же неудобныхъ квартирахъ, а меня и учительницу помѣстили, даже сказать стыдно, въ свотной избѣ, обѣщаясь кое-что поправить и ничего не исправляя до сего времени. Между тѣмъ мною были указаны очень удобные дома подъ школу, но общество нашу нужнымъ помѣстить въ нихъ гостиницу и кабакъ, которые нынѣшнимъ дѣломъ сгорѣли и за которые общество получаетъ 2400 руб. Надумали мы съ учительницей выдти на сходъ для убѣжденія общества принять мѣры къ лучшему помѣщенію школы. Но такъ какъ большая часть крестьянъ, бывшихъ на сходѣ, были пьяны, то мы наслушались только площадныхъ выраженій и толковъ о магарычахъ,—и если это тяжело подѣйствовало на учителя, то что же сказать о бѣдной учительницѣ» и т. д.

При всемъ этомъ, наши сельскіе педагоги не падли съ душой и здоровья, лишь бы только не краснѣть при часто повторявшихся осмотрахъ школы, а главнымъ образомъ не отстать отъ товарищей на свѣздѣ, мысль о которомъ постоянно поддерживала энергію лучшихъ учителей изъ бывшихъ воспитанниковъ педагогическихкихъ курсовъ. Этого мало: большинство знаменитѣйшихъ учителей и учительницъ носило на себѣ замѣтный отпечатокъ порядочности, честныхъ стремленій и увлеченія своей профессіей, что въ то же время не мѣшало проявленію весьма и весьма скромныхъ и слабыхъ сторонъ ихъ дѣятельности. Такимъ образомъ, бросалась въ глаза нѣсколько утрированная мягкость въ обращеніи съ учениками, перешедшая въ такую же крайность

мнѣ и безцѣлѣнное зѣиство, нѣкогда царившее въ старой школѣ: почти всѣ учителя и учительницы говорили «вы» своимъ ученикамъ: «вы что сказали, Маненковъ?» спрашиваетъ учитель. «Мы сказали»... отвѣчаетъ ученикъ, стараясь попасть въ тонъ учителя и вызывая невольную улыбку посторонняго наблюдателя. Точно также бросалась въ глаза нѣкоторая утрировка новыхъ приемовъ обучения: одинъ злоупотреблялъ методой Евтушевскаго, другой наглядностью, третій стремленіемъ какъ можно скорѣе перейти къ естественнымъ наукамъ и блеснуть разнообразными свѣдѣніями своихъ питомцевъ, неумѣвшихъ еще порядочно читать и писать.

Припоминается мнѣ такой случай: учитель даетъ урокъ по «Родному Слову» о постройкѣ домовъ, относясь съ вопросами ко взрослому ученику, далеко ближе его знакомому съ плотничьимъ мастерствомъ. Незамѣтнымъ образомъ роли мѣняются, и бойкій ученикъ становится учителемъ, наставляя растерявшагося педагога. Не менѣе комичнымъ представляется такой случай: ученикъ, замѣтившій неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на немъ усилками учениковъ, проситъ позволенія повторить пройденное изъ «Родного Слова». Покорившись судьбѣ, я усаживаюсь въ уголъ, предоставляя учителю показать товаръ лицомъ.

— Шипиловъ, — начинаетъ приободрившійся педагогъ: — насколько классовъ раздѣляются животныя?

— Животныя раздѣляются на пять классовъ.

— Титицъ, — объясни намъ общее устройство млекопитающихъ: какъ что?

— Покрыта шерстью.

— Ерошь? — наводитъ учитель.

— Теплая.

— Дѣтей?..

— Рождаютъ.

— Башницинъ, — объясни устройство птицъ.

— Бежа покрыта перьями, дышать легкими, дѣтей рождать, — рѣшетъ Башницинъ.

— Богдановъ, — устройство рыбъ?

— Кожа покрыта чешуей, дышать легкими...

— Мечутъ что?

— Икру.

— А живутъ гдѣ?

— Въ водѣ, — цыпчикъ Богдановъ.

— А на сколько отрядовъ раздѣляются млекопитающіеся? —

продолжаетъ расходившійся учитель, окидывая меня торжественнымъ взоромъ.

Мальчикъ отрывалъ.

— А вотъ что, Филатовъ, объясни намъ устройство двурогихъ обезьянъ.

— Кожа покрыта шерстью, дышать легкими, дѣтей рожаютъ.

— А еще чѣмъ отличается обезьяна? кто скажетъ?..

— Хвостикомъ!—отвѣчаетъ одинъ изъ самыхъ бойкихъ учениковъ.

Учитель еще выше поднимаетъ голову, мальчики бойко встряхиваютъ волосами, а присутствовавшіе при испытаніи сельскіе власти стоятъ, вытараща глаза и разинувъ рты отъ такихъ неслыханныхъ познаній, оказанныхъ учениками.

Предоставляя людямъ одностороннимъ, людямъ извѣстныхъ тенденцій и всякимъ фарисеямъ упираться только на слабые стороны новой школы и ея руководителей, мы остаемся вѣрными чувству глубокаго уваженія къ нашимъ немногимъ хорошимъ учителямъ народныхъ школъ, представляющимъ совершенно новый и въ высокой степени симпатичный типъ людей толковыхъ, честныхъ, дѣятельныхъ, скромныхъ, чуждыхъ,—по крайней мѣрѣ въ нашей мѣстности,—всякихъ вредныхъ направленій и въ то же время обреченныхъ на какое-то мученичество, на лишеніе всякаго необходимаго комфорта, свойственнаго цивилизованнымъ людямъ, на постоянное самоотверженіе, на голодъ, холодъ, безвыходное уединеніе, а главнымъ образомъ на вѣчное одиночество такъ какъ при настоящемъ содержаніи положеніе семейнаго учителя уже выходитъ изъ границъ обычной нужды, и неминуемо должно перейти въ какое-то нищенство.

Еще болѣе грустную картину представляетъ положеніе нашей учительницы, такъ какъ, не взирая на всѣ трескучія фразы «о даровитыхъ женскихъ личностяхъ, выступающихъ въ роли общественныхъ дѣятельницъ и педагоговъ», по нашему наблюденію взглядъ крестьянъ на этихъ «общественныхъ дѣятельницъ» продолжаетъ оставаться непримиреннымъ или насмѣшливымъ, въ большинствѣ случаевъ спойное и безобидное существованіе учительницы возможно только при извѣстной поддержкѣ со стороны вліятельныхъ лицъ, живущихъ въ селеніи.

Чтобы покончить съ неблагопріятными сторонами школьнаго дѣла, мы замѣтимъ, что каждый обитатель заколутаго неминуемо рискуетъ поддаться впечатлѣнію всякихъ прегрѣшествъ и безобразій, встрѣчаемыхъ въ сельской жизни, и горе ему, а въ особен-

ности русскому дѣтелю, если онъ, разъ остановившись на мрачныхъ и отталкивающихъ явленіяхъ, такъ и застынетъ въ созерцаніи ихъ, навсегда оставаясь слѣпымъ и глухимъ во всему остальному и забывая, что вся русская жизнь сложилась изъ противорѣчій и крайностей, изъ явленій мучительно безобразныхъ и невыразимо симпатичныхъ.

Съ своей стороны, постоянно вращаясь, такъ сказать, на сапогъ дѣѣ нашего захолустья, въ тяжелыхъ минуты, близкія къ полнѣйшему сомнѣнію и даже отрицанію лучшаго, мы всегда находили въ нашей бѣдной сельской школѣ, и только въ ней одной, успокоеніе, бодрость и новыя силы; находили поразительную даровитость крестьянскихъ дѣтей, рядомъ съ самой искренней преданностью своему дѣлу ихъ наставниковъ. Въ то же время намъ не разъ приходилось убѣждаться въ томъ, что воспитанники младшихъ классовъ нашихъ классическихъ гимназій не въ состояніи были соперничать со старшими учениками лучшихъ сельскихъ школъ въ осмысленномъ чтеніи, изложеніи на бумагѣ прочитаннаго или рассказаннаго, въ умственномъ счисленіи и даже законѣ божіемъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ, обзрѣвая германскія школы и сравнивая результаты, достигнутыя многолѣтнимъ и обязательнымъ посѣщеніемъ ихъ, мы приходили въ недоумѣніе, вспоминая сравнительно громадныя успѣхи, достигаемыя нашей новой школой въ теченіи какихъ-нибудь трехъ зимъ, то-есть 18-ти мѣсяцевъ, при соединеніи всевозможныхъ неблагопріятныхъ условій.

Столь же отраднымъ представляется и тотъ фактъ, что большинство мальчиковъ, выпущенныхъ новой школой, не только не покидали своихъ обычныхъ занятій, а напротивъ того, становятся самыми усердными работниками, въ то же время не разрывая своихъ отношеній къ школѣ. Наконецъ, мы знаемъ новыя школы, въ которыхъ между заутреней и обѣдной постоянно собирались благочестивые люди съ единственной цѣлью послушать мальчиковъ, читавшихъ Евангеліе такъ понятно и выразительно, какъ не прочтеть ни одинъ приходскій дьячокъ. Мы наблюдали крестьянскія семьи, тѣсно сплотившіяся въ длинный зимній вечеръ и молча, умиленно внимавшія чтенію школьника. Намъ не разъ приходилось слышать общія похвалы крестьянъ воспитанникамъ казанской учительской семинаріи, явившимся на лѣтніе каникулы и тотчасъ же бравшимся за соху и серпъ.

Три года дѣятельности училищнаго совѣта канули въ вѣчность, оставивъ нашему захолустью слѣдующіе осязательные, хотя и скромные результаты:

Въ уѣздѣ, неимѣвшемъ ни одной свосной школы, насчи-

тивалось до 15-ти полезныхъ и болѣе или менѣе удовлетворяющихъ современнымъ требованіямъ школъ.

Общее количество школъ въ уѣздѣ дошло до 45-ти, а сумма, ассигнуемая земствомъ на народное образованіе, возвысилась до 5-ти тысячъ рублей въ годъ.

Построено было до 10-ти новыхъ училищныхъ домовъ.

Уѣздъ имѣлъ 15 хорошихъ руководителей школъ, а между второстепенными не нашлось бы ни одного совершенно бесполезнаго и неспособнаго.

На всѣ нареканія, глумленія и запугиванія новая школа отвѣчала тѣмъ, что неоспоримо положила начало основательному знакомству крестьянскихъ дѣтей съ ученіемъ ихъ религіи и ея высшими цѣлями.

ХІІ.

Судьбы русской народной школы.—Общественное мнѣніе.—Высочайшій рескриптъ 25-го декабря, и его послѣдствія.—Льгота по воинской повинности.—Заключеніе.

Русская народная школа до настоящаго времени страдала и, можно съ увѣренностью сказать, страдаетъ тѣмъ, что не имѣетъ правильнаго развитія, подвергаясь всякимъ случайностямъ и только-что не ежедневнымъ измѣненіямъ самыхъ разнообразныхъ возрѣній и направленій. Такимъ образомъ, существовало предположеніе о передачѣ всѣхъ народныхъ школъ св. синоду, съ тѣмъ, чтобы господство надъ умственными силами народа исключительно оставлено было священникамъ, всячески уклонявшимся отъ преподаванія въ школахъ и въ большинствѣ случаевъ смотрѣвшихъ на свое законоучительское жалованье какъ на добавленіе къ получаемому окладу. Затѣмъ, перешли къ полнѣйшему подчиненію сельскихъ школъ министерству народнаго просвѣщенія съ инспекторами и вновь открытыми губернскими и уѣздными училищными совѣтами, и сельская школа, волей или неволей, спускается въ омутъ сженаго сургуча, отношеній, предписаній, циркуляровъ, рапортовъ о несуществующемъ благоденствіи, однимъ словомъ, въ канцелярскій міръ официальной лжи, противъ которой такъ сильно и справедливо ратовалъ лучший русскій педагогъ, К. Д. Ушинскій. Далѣе, при нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ открываются 2-хъ-лѣтніе педагогическіе курсы, собственно для приготовленія сельскихъ учителей; но такъ-какъ эти курсы не могли удовлетворить все болѣе и болѣе увеличивавшейся потреб-

ности въ знающихъ свое дѣло сельскихъ учителяхъ, то министръ народнаго просвѣщенія Головиннымъ внесень былъ проектъ учрежденія 15-ти учительскихъ семинарій; но, вслѣдъ затѣмъ, въ жсныхъ сферахъ сознается полнѣйшая ихъ безполезность, а духовные семинаристы признаются самыми лучшими и желаемыми наставниками сельскихъ школъ, для чего и вводится въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ преподаваніе педагогіи, а также устроятся воскресныя школы собственно для ознакомленія семинаристовъ съ начальнымъ преподаваніемъ, въ томъ предположеніи, что они, по окончаніи курса, должны будутъ прослужить извѣстное время учителями народныхъ школъ, до полученія священническихъ мѣстъ. Тутъ начинаются ходатайства различныхъ земствъ объ учрежденіи учительскихъ семинарій, и министерство, еще вчера убѣжденное въ ихъ безполезности, обращаетъ свое особенное вниманіе на учрежденіе этихъ заведеній и т. д., и т. д.

Такая крайняя измѣнчивость и шаткость возрѣній и системъ, такъ или иначе, должна была отразиться на нашемъ юномъ обществѣ и, можетъ быть, отчасти вызвала тотъ сумбуръ, ту невообразимую путаницу понятій, которые замѣчаются во взглядахъ и сужденіяхъ большинства о сельской школѣ.

Припоминая массу ходячихъ, чаще всего встрѣчаемыхъ мнѣній о народномъ образованіи, о первоначальной школѣ, ея назначеніи, полезности и направленіи, прислушиваясь къ этому гулу рѣзкихъ, мягкихъ, апатичныхъ, восторженныхъ, злобствующихъ или воркующихъ мужскихъ и женскихъ голосовъ, нельзя не признать, что эти разнообразныя мнѣнія представляютъ невѣроятную сумятицу и смѣшеніе крайняго невѣжества съ просвѣщеннымъ пониманіемъ потребностей школы, крайней легкости съ серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу, несокрушимаго равнодушія съ восторженностью и идеализаціей институтки, упорнаго и слѣпонаго консерватизма, съ не менѣе упорнымъ и слѣпымъ либерализмомъ, очевиднаго увлеченія модой, съ несомнѣнною и неподдѣльною искренностію.

— Школа есть необходимое зло. Кому только принесло счастье ваше ученіе, кого ошастливило? Наши крестьяне именно счастливы своимъ невѣжествомъ. Нужно только сожалѣть, что это зло неизбежно, ибо школы существуютъ повсемѣстно, — реженируетъ господинъ, посвятившій всю свою жизнь легкой наживѣ и въ то же время претендующій на идеалиста, тонко понимающаго смыслъ и значеніе человѣческаго счастья.

— Я не нахожу ничего предосудительнаго въ стремленіи къ народному образованію, но все это до крайности скучно, и

всѣ эти господа пропагандисты школьнаго дѣла—это самые скучные люди на свѣтѣ,—вторить господинѣ вполнѣ порочный, но одержимый такъ-называемой барской хандрой.

— Затѣмъ всеобщая грамотность, когда она ни къ чему не послужила въ Китаѣ, а въ Германіи служить только стремленію за фиктивнымъ величіемъ.

— Смѣшно искусственнымъ образомъ возбуждать охоту къ грамотности и навязывать народу то, чего онъ вовсе не желаетъ. Боже справедливо говорить — «только незанятые классы сочувствуютъ грамотности и насильно навязываютъ ее классамъ занятымъ».

— Уважайте волю народа и не гоняйтесь за нѣмцами. У нѣмцевъ другое дѣло: тамъ, въ силу историческихъ традицій, село немислимо безъ церкви и школы; тамъ школа тѣсно связана съ религіознымъ культомъ народа, такъ что безграмотнымъ даже причастія не дають. Нашъ народъ шелъ инымъ историческимъ путемъ, и задачи его иные.

Все это на разные голоса толкуютъ доморощенные мыслители, упиваясь музыкой собственнаго краснорѣчія.

— Современная школа слишкомъ развиваетъ крестьянскихъ мальчиковъ, и куда же мы придемъ, когда они будутъ знать столько же, сколько мои дѣти?—ворчитъ представитель древняго рода.

— Мальчики вашей школы вышли дѣйствительно преподатные и преумные, а нельзя ли взять одного изъ нихъ въ лакеи а другого въ конторщики,—предлагаетъ практическій человѣкъ.

— Этихъ самыхъ мальчиковъ нужно бы разобрать по водамъ, вотъ бы писаря вышли,—размышляетъ волостной старшина.

— Слѣдуетъ обучать однихъ дѣвочекъ, преимущественно дѣвочекъ: грамотная мать непременно обучить своихъ дѣтей; заводите же какъ можно болѣе школъ для дѣвочекъ,—каждый день повторяетъ земецъ, вообразившій себя какимъ-то Колумбомъ, открывшимъ Америку.

— Школа должна прежде всего преслѣдовать нравственно-религіозныя цѣли, то-есть...—затѣмъ слѣдуетъ рядъ общихъ мѣстъ въ большинствѣ случаевъ несвязныхъ и никому непонятныхъ.

— Всѣ бы эти книжонки вонъ, а вмѣсто всякихъ вздорныхъ знакомить дѣтей съ жизнью природы, наглядно показать процессъ питанія и такимъ образомъ разомъ покончить съ невѣжествомъ и хозяйствомъ. Никакой тамъ исторіи не нужно, а вмѣсто этого описать бытъ дикарей въ первобытномъ состояніи, бытъ чело-вѣка, стоящаго на одной ступени съ животнымъ; потомъ объяснить такимъ образомъ, благодаря торговлѣ, сообщеніямъ, и т. д., и т. д.

— Уже эти намъ просвѣтителѣ народа, эти баричи и барини, туда же желающіе облагородить и поднять невѣжественную массу, все это сущій вздоръ, пока народными школами не будутъ руководить люди, вышедшіе изъ народа.

— Затѣмъ мужику грамотность: голоднаго человѣка нужно сперва откормить, а потомъ посадить за книжку, потому что, какъ говоритъ пословица: голодной кумѣ одинъ хлѣбъ на умѣ.

Такъ разсуждаютъ передовые, истые народолюбцы и люди, чему-то воображающіе нашего мужика постоянно голоднымъ.

— Два на тысячу, и больше не нужно! — бужутъ Поздревы.

— Плохо ли, плохо ли быть грамотнымъ! грамота первая статья! — гудитъ сельскій сходъ — а все-таки ослобоните, не нужно намъ школы.

— Нѣтъ, вы вотъ что подумайте! уже въ послѣднее время точно лавина валится на новую школу землевладѣлецъ, начитавшійся Толстого. Вы вотъ что подумайте: бѣдный мужикъ необходимаго работника-пахаря отрываетъ для школы, а ему, этому-то шари, объясняютъ сколько ногъ у курицы, или толкуютъ о томъ, что столъ стоитъ на полу, а не полъ на столѣ.

Неудержимый хохотъ раздается въ парадной гостиной, гдѣ вѣтренный на извѣстный ладъ и весьма юный обозрѣватель началъ потѣшать дамъ анекдотами о новыхъ сельскихъ школахъ: — какое мнѣ какую-нибудь мебель, — спрашиваетъ учитель. — Шкапъ, — отвѣчаетъ ученикъ. — Еще? — Столъ. — Еще? — Диванъ, sofa. — Еще? — Канapé... и это говорить крестьянскій мальчикъ: канapé! ха, ха, ха!

— Ха, ха, ха! — заливаются слушательницы.

— А вотъ это что такое? — продолжаетъ педагогъ, указывая на изображенный въ книгѣ топоръ. — Это топоръ, — отвѣчаетъ ученикъ. — А какъ еще можно назвать топоръ? — Молчаніе. — Кто знаетъ? — Общее молчаніе. — Мужскимъ орудіемъ. — А что такое ушатъ? — Новое недоумѣніе. — Женское орудіе, — объясняетъ педагогъ... Сильный взрывъ хохота, среди котораго обозрѣватель является ратовать на земскомъ собраніи противъ новыхъ пріемовъ обученія.

— Нашъ народъ гибнетъ, утопаетъ въ невѣжествѣ. Еще дѣло глѣзъ равнодушія, и уже будетъ поздно помочь ему; спасите же погибающій народъ, заводите же какъ можно болѣе хорошихъ школъ и какъ можно скорѣе дайте намъ обязательное обученіе — тѣсно вытѣсняя обитатель захолаустыя, прикованный къ своему мѣсту и лишенный возможности исчезнуть вслѣдъ за другими.

— Après nous le déluge, après nous le déluge! — вслѣдствіе отманиваясь и открещиваясь отъ неумолимой дѣйствительности, утѣшаютъ себя провинціальныя тузы, соперничая другъ передъ другомъ въ томъ, кто скорѣе достигнетъ Эйдумена или Сѣверной Пальмиры.

— Чтобы спасти школу отъ крайне затруднительнаго положенія и распространить образованіе въ народной массѣ, необходимо обязательное обученіе, вводимое сообразно числу удовлетворительныхъ школъ и хорошо подготовленныхъ учителей.

— Инициатива въ дѣлѣ обязательнаго обученія должна принадлежать правительству, должна идти сверху, а не снизу, такъ какъ искреннее сочувствіе этому дѣлу земскихъ собраній, городскихъ и сельскихъ обществъ встрѣчается только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ.

Такимъ образомъ разсуждаютъ люди, знакомые съ современнымъ порядкомъ вещей и чуждые всякихъ партій и тенденцій.

Весь этотъ хаосъ разнообразныхъ убѣжденій и мнѣній представляетъ неистощимый матеріалъ для юмориста и заѣдлага наблюдателя провинціальныхъ нравовъ, но въ то же время намъ нельзя болѣе тягостно отзываться на лучшихъ людяхъ нашего захолустья, съ самаго начала настоящаго царствованія ожидавшихъ и предчувствовавшихъ близость той минуты, когда наконецъ признается насущная потребность въ народномъ образованіи и оказаніи хотя бы нравственной поддержки народной школѣ. Въ этомъ сознаніи было много общаго съ сознаніемъ близости упраздненія крѣпостного права, такъ живо пробудившимся въ нашемъ обществѣ наканунѣ 19-го февраля 1861 г.

Дѣйствительно, Высочайшій рескриптъ 25-го декабря привалъ въ великому дѣлу народнаго образованія русское дворянство.

Нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что наше дворянство въ лучшихъ своихъ членахъ всегда было проникнуто самымъ искреннимъ желаніемъ послужить святому дѣлу народнаго просвѣщенія. Это желаніе и увлеченіе въ одинаковой степени охватили дворянство столичное, городское, отсутствующее вслѣдствіе своего служебнаго положенія, эмигрировавшее за границу, и наконецъ дворянство сельское, то-есть безвыѣздно проживающее въ своихъ помѣстьяхъ, на содѣйствіе котораго только и можно было разсчитывать въ настоящемъ случаѣ. Но, раздѣляя общее увлеченіе и восторженное настроеніе, обитатель захолустя невольнымъ образомъ и прежде всѣхъ своихъ собратій ставился съ суровой и неотразимой дѣйствительностью, сознавая свое очевидное безсиліе, обусловливаемое полнѣйшимъ одиночествомъ,

бизисе, въ которомъ особенно тяжело было убѣдиться теперь, въ торжественную минуту воскресшихъ надеждъ и ожиданій.

Вкругъ во всѣ стороны стелется громадный уѣздъ, вблизи гряды деревни и села съ запущенными барскими садами, полуразвалившимися хоромами, съ забытыми окнами, безъ трубъ и вывозъ, и долго, долго пришлось бы тащиться по нашему просику, минуя всякія хозяйственныя заведенія новыхъ землевладельцевъ изъ разбогатѣвшихъ сидѣльцевъ, разжившихся управленіемъ, выкрещенныхъ жидовъ и даже татаръ, пока наконецъ гдѣ-то, на другомъ концѣ уѣзда, не отыщется дворянская усадьба съ несомнѣнными признаками процвѣтанія, хозяйскаго глаза и искусства наемнаго привазчика,—а тамъ опять назадъ, по пустынной дорогѣ, опять утомительно длинный переѣздъ до новой обитаемой дворянской усадьбы, представляющей какой-то рѣдкостью въ современной глуши.

Другое дѣло на губернскихъ съѣздахъ и собраніяхъ: соберутся старые обыватели, однажды въ теченіи года посѣщающіе свои мѣстныя; набѣжитъ туристъ, заѣзжій чиновникъ или отпускной офицеръ изъ мѣстныхъ дворянъ, и какъ будто снова чувствуется дворянскій элементъ и его присутствіе въ провинціи; но эта иллюзія такъ же разрушается, если только задаться мыслью отмѣтить на уѣздной картѣ мѣстности, обитаемыя дворянами-землевладельцами, такъ какъ карта останется почти безъ всякихъ отмѣтокъ.

Удивившись такимъ образомъ въ замѣтномъ отсутствіи дворянства, частью покинувшего провинцію, частью смѣшавшагося съ вострой массой разнохарактернаго и вновь образовавшагося князьдѣльческаго сословія, помышляющаго единственно объ извлеченіи большого дохода съ своихъ земель и, кромѣ этого, не вѣщающаго рѣшительно никакой связи и солидарности съ мѣстностью, ея нуждами и интересами,—въ-очію убѣдившись въ этомъ фактѣ, невольнымъ образомъ спрашиваешь себя: откуда же возьмутся тѣ крупные землевладельцы, которымъ желали вручить вотчинную власть поклонники всесословной волости, и гдѣ же сельское дворянство, которое могло бы откликнуться на призывъ, ставъ на стражѣ народной школы? и опять-таки безмолвующая уѣздная карта краснорѣчивѣе всякихъ словъ отвѣчаетъ на вопросъ.

Итакъ, первымъ послѣдствіемъ Высочайшаго рескрипта 25-го ноября, съ одной стороны, было восторженное настроеніе дворянства, выразившееся массой адресовъ, съ другой же стороны, печальное сознаніе очевиднаго безсилія обрѣдѣвшаго, только-что не

фиктивного сельскаго дворянства къ осуществленію высокихъ предначертаній.

Другимъ послѣдствіемъ рескрипта было совершенное измѣненіе наличнаго состава нашего уѣднаго училищнаго совѣта, тотчасъ же потерявшаго свои лучшія и болѣе выдающіяся силы: такимъ образомъ, бывшій, искренно преданный дѣлу, предсѣдатель совѣта уступилъ свое мѣсто предводителю дворянства; одинъ изъ самыхъ полезныхъ членовъ, попавшій въ совѣтъ какъ попечитель сельской школы, долженъ былъ удалиться, отказавшись отъ двусмысленной роли, предоставленной новымъ уставомъ лицамъ, приглашаемымъ предсѣдателемъ для участія въ занятіяхъ совѣта.

Затѣмъ, въ совѣтѣ обнаружился очевидный разладъ, заключающійся въ томъ, что одни изъ членовъ смотрѣли на школьное дѣло какъ на пустяки, которыми можно заниматься между прочимъ, спустя рукава и для очистки текущихъ бумагъ, въ то время какъ другіе рѣшительно не могли примириться съ водворившимся официально-равнодушнымъ тономъ и скучнѣйшими, монотонными и накрахмаленными засѣданіями совѣта, собираемаго все рѣже и рѣже, а наконецъ вовсе прекратившаго свои засѣданія, предоставляя болѣе ретивымъ членамъ ронять, волноваться, по цѣлымъ часамъ звонить у запертыхъ дверей и добиваться распоряженія губернскаго училищнаго совѣта о назначеніи засѣданія.

Далѣе, обнаружилось замѣтное пониженіе уровня въ новомъ составѣ инспекторовъ народныхъ училищъ, значительно увеличенномъ и вслѣдствіе этого пополняемомъ безъ особаго разбора и вниманія, между тѣмъ какъ нашъ бывшій инспекторъ, о которомъ мы говорили выше и имя котораго несомнѣнно связано съ скромной исторіей сельскихъ школъ нашего края, теперь, нагибая спины, работаетъ въ своемъ кабинетѣ, нагнувшись надъ какими-то невиданными таблицами, громадными какъ черное море.

Угомонилась энергія охранителей, снова пригладившихся на своихъ излюбленныхъ мѣстахъ въ клубной залѣ и забывшихъ не только о своихъ обязанностяхъ, какъ охранителей, но даже о существованіи охраняемыхъ ими школъ; миновала лихорадка, охватившая практическихъ людей, убѣдившихся наконецъ, что никакихъ особыхъ затратъ на сельскія школы не потребуются послѣдовало невыразимо грустное для нашихъ учителей разочарованіе объ упраздненіи учительскихъ сѣздовъ въ томъ видѣ какъ существовали они до сего времени, вмѣстѣ съ предложеніемъ собирать ихъ исключительно при правительственныхъ семинаріяхъ или тѣхъ изъ земскихъ, въ которыхъ попечители учеб-

нихъ охруговъ признають это удобнымъ, оставляя земству одно только неотъемлемое право платить деньги; прислѣла статья одного изъ самыхъ даровитыхъ писателей нашего времени, гр. Л. Толстого, «О народномъ образованіи», несомнѣнно обязанная своимъ появленіемъ только одному недоразумѣнію, тому, что авторъ не могъ предвидѣть прискорбныхъ явленій, вызванныхъ ею въ нашемъ обществѣ; ополчились и поднялись провинціальныя Новодревы, Собакевичи и Коробочки; встрепенулись всѣ до единого фарисеи и книжники и, осыпая тупыми насмѣшками и незаслуженными нареканіями еще вчера только что не священные имена Ушинскаго, барона Корфа и др., дружно накинудись на новую школу, съ явнымъ намѣреніемъ разнести ее по частямъ, даже подъ шумокъ вовсе покончить съ просвѣтительными затѣями или, по крайности, круто повернуть къ дешевымъ школамъ, помѣщающимся въ черныхъ избахъ, караулахъ и руководимымъ солдатами, дворниками, причетниками и прохожими.

Въ это время, какъ-бы на помощь погибающей школѣ, обнародованъ былъ уставъ о всеобщей воинской повинности, заключавшій въ себѣ извѣстныя льготы, предоставляемыя новобранцамъ соотвѣтственно степени ихъ образованія. Новый уставъ былъ отмѣченъ какъ знаменательная эпоха въ дѣлѣ народного образованія, безъ всякаго насилія приближающая насъ къ тѣмъ же самымъ результатамъ, къ которымъ стремятся многія уѣздныя земства путемъ обязательности первоначальнаго обученія. Всѣ газеты были переполнены радостными извѣстіями о томъ, что испытаніи на право пользованія льготою, предоставляемою 4 п. 56 ст. устава, повсюду были встрѣчены съ большимъ интересомъ, и въ недалекомъ будущемъ должны поднять значеніе школъ въ глазахъ народа. Въ сосѣднемъ уѣздѣ на всѣхъ перекресткахъ красовались печатныя объявленія о льготахъ въ пользу грамотныхъ, а бѣдный мужикъ не могъ ступить шагу безъ того, чтобы кто-нибудь не навидывался на него съ разъясненіями и вразумленіями на счетъ воинскаго устава.

Мы также принадлежали къ вѣрующимъ и уповающимъ на всемогущество принятой мѣры, пока насъ не осаждали постоянными просьбами объ увольненіи изъ школы крестьянскихъ дѣтей, которымъ оставалось нѣсколько мѣсяцевъ до полученія свидѣтельства и права на льготу. Затѣмъ, намъ не разъ пришлось убѣдиться въ полнѣйшемъ непониманіи крестьянами самаго смысла льготы, такъ какъ одни изъ нихъ считали каждаго мальчика, получившаго свидѣтельство, навсегда свободнымъ отъ воинской повинности, а другіе были вполне убѣждены въ томъ, что

ихъ дѣти, ненадѣленные землею, и безъ того не подлежатъ призыву. Въ большинствѣ случаевъ крестьяне или не желали, или не умѣли понять сущности новаго закона, и вскорѣ все притихло до такой степени, что какъ будто никогда и рѣчи не было о льготахъ, надѣлавшихъ столько шуму въ первое время.

Наступила зима и преждевременно, не справляясь съ казендаремъ, набросила бѣлый саванъ на наши степи, поля и лѣса, на села и деревни съ цвѣтущими кабаками, бѣдными церквами и рѣдкими школами.

Въ этихъ рѣдкихъ, занесенныхъ снѣгомъ школахъ болѣе чѣмъ когда-либо прозябають одинокіе учителя и учительницы, отвыкшіе отъ частыхъ членскихъ наѣздовъ, лишенные единственной возможности обновленія на учительскихъ сѣздахъ, еще недавно такъ сильно поддерживавшихъ ихъ энергію и увлеченіе, и ко всему этому все съ большими и большими затрудненіями получавшіе свое скудное содержаніе. Эти затрудненія вызвали толки и предположенія, какъ нельзя болѣе оскорбительныя для всего состава училищнаго совѣта; но, не взирая на неоспоримые факты, способные привести въ отчаяніе каждаго сколько-нибудь сохранившагося и уважающаго себя чловѣка, общество выдвинуло такъ-называемыя интеллигентныя силы, чтобы только замаять и заглушить дѣло.

Новый составъ совѣта видимымъ образомъ распадался и ослабѣвалъ: громче нежели когда-нибудь заговорили фарисеи о томъ, что заботы о школахъ по закону лежать исключительно на крестьянскихъ обществахъ, а земству поручено лишь хозяйственное участіе въ народномъ образованіи; подняли головы сельскія власти и писаря, разъясняя крестьянамъ, желавшимъ во что бы то ни стало видѣть въ членахъ совѣта начальство, поставленное закономъ, что это вовсе не начальство и не власти, имѣющія право что-либо требовать и настаивать въ своемъ требованіи. Разъединенные члены совѣта съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряли свое обаяніе, и потянулось школьное дѣло среди общей тоски и тяжести, среди безсильныхъ, безцвѣтныхъ и ничего недѣлающихъ личностей.

То же самое явленіе замѣчалось и въ пограничныхъ уѣздахъ: въ одномъ изъ нихъ народное образованіе поступило въ полное распоряженіе весьма дѣятельнаго и ученаго «батюшки», тѣмъ не менѣе превратившаго школы въ какія-то временныя квартиры для семинаристовъ, жаждущихъ священническихъ мѣстъ; въ другомъ и третьемъ дѣло идетъ на чистоту и никакихъ школъ не имѣлось и не имѣется; въ четвертомъ тоже чисто, хоть шаромъ

неше, въ пятую роль мѣстнаго просвѣтителя принадлежитъ исправнику; въ шестомъ сгоряча едва не украсили каждое селеніе вычурнымъ кіоскомъ, въ которомъ милостивыя крестьянскія дѣвочки должны были продавать народу полезныя для чтенія книги, и въ уѣздѣ вдругъ открыто до 150-ти школъ, изъ которыхъ въ 145-ти не достигалось даже сколько-нибудь правильное и сознательное чтеніе. Ко всему этому вѣчно путешествующій предсѣдатель сносился съ совѣтомъ не иначе какъ телеграммами, изыщавшими то изъ Петербурга, то изъ Москвы, то Богъ-знаетъ изъ какой дали объ его намѣреніи такого-то числа прибыть въ городъ для открытія засѣданія, но телеграмма являлась какъ разъ во время отсутствія инспектора, и совѣтъ зачастую оказывался несостоявшимся.

Вотъ общая неутѣшительная картина школьнаго дѣла въ глуши, не оставляющая ни малѣйшаго сомнѣнія въ близости того невозможнаго времени, когда всѣ просвѣтительныя затѣи училищныхъ совѣтовъ ограничивались переводомъ извѣстнаго количества бумаги и перьевъ, близости общей апатіи, всегда слѣдующей у насъ за первыми порывистыми движеніями и увлеченіями: дѣти вдоволь натѣшились и нангались новой игрушкой, и вотъ, она сломана и заброшена въ дальній уголъ.

Что же, наконецъ, осталось отъ прошлаго, отъ этого скоро-преходящаго увлеченія, отъ этихъ искреннихъ попытокъ и честныхъ стремленій упраздненнаго училищнаго совѣта? Осталась твердая и непоколебимая вѣра въ возможность существованія полезной и раціональной школы при всѣхъ безчисленныхъ препятствіяхъ, встрѣчаемыхъ въ нашемъ захолустьѣ. Мы всѣ были свидѣтелями безпримѣрнаго рвенія учителей, даровитости учениковъ и, наконецъ, блестящихъ результатовъ, нерѣдко достигаемыхъ новой школой. Все можетъ подвергнуться измѣненіямъ, наши школы могутъ упасть или существовать только на бумагѣ и въ отчетахъ, но фактъ, о которомъ мы заявили выше, этотъ отрадный фактъ переживетъ всевозможныя превратности, его нельзя забыть, отвергать или поколебать, онъ не можетъ кануть въ Лету, и государству остается только воспользоваться этимъ неопровержимымъ фактомъ для того, чтобы распространить его на всю Россію.

Наблюдая очевидный застой въ школьномъ дѣлѣ, невольнымъ образомъ опускаетъ руки обитатель захолустья, до глубины души смущенный измѣнчивостью нашихъ стремленій. Ему некуда бѣжать отъ жизненной правды, не чѣмъ развлечься и утѣшиться, и съ каждымъ днемъ становится для него понятнѣе извѣстное изреченіе покойнаго Ушинскаго, «что народное невѣжество не

такое болото, чтобы его можно было загнать разомъ, и много оно поглотитъ жизней, прежде чѣмъ можно будетъ держаться на поверхности безъ особыхъ усилій».

А между тѣмъ невѣжество—это всеобъемлющее болото—съ каждымъ годомъ становится все шире и глубже, а на вязкомъ днѣ его безъ всякой борьбы и малѣйшаго противодѣйствія развѣваются крайне разрушительные элементы, подъядающіе самый корень благосостоянія цѣлой Россіи. Всякое преувеличеніе или подтасовка были бы въ настоящемъ случаѣ какъ нельзя болѣе неумѣстны, а потому мы ограничимся указаніемъ выдающихся фактовъ, совершившихся въ нашей мѣстности, съ начала осени истекшаго года и на разстояніи какихъ-нибудь 8 — 10 верстъ въ окрестности. Такимъ образомъ, большая часть обильнаго урожая или значительно пострадала, или совершенно сгилла подъ раннимъ снѣгомъ, единственно благодаря нашимъ осеннимъ престольнымъ праздникамъ, а лучшее селеніе осталось только-что не безъ куска хлѣба вслѣдствіе восьмидневнаго безпробудно-пьянаго празднованія дня преподобнаго Сергія. Открывшаяся въ со-сѣдствѣ чума мигомъ охватила всю окрестность, и только потому, что никакія полицейскія мѣры, акты, штрафы и даже истязанія станового пристава, бузвально оскальпировавшаго одного изъ крестьянъ, не въ состояніи были остановить сниманіе шкуръ съ павшаго скота, въ чемъ обвинялись не какіе-нибудь бѣдняки, а весьма зажиточные обыватели. Въ наше ссудо-сберегательное товарищество нѣсколько разъ являлись крестьяне съ пачками ас-сигнацій, объѣденныхъ мышами или совершенно позеленѣвшихъ вслѣдствіе продолжительнаго пребыванія въ землѣ, и съ плачемъ умоляли обвинять ихъ на новыя; нѣсколько деревень, вошедшихъ въ составъ нашего прихода, составили приговоръ о закрытіи всѣхъ питейныхъ заведеній съ 1-го января наступающаго года, назначивъ при этомъ сторублевый штрафъ съ нарушителя общаго и, казалось бы, искренняго желанія; между тѣмъ и послѣ новаго года двери питейныхъ заведеній оставались открытыми, а у всѣхъ кабатчиковъ оказались приговоры, предоставлявшіе имъ торговлю виномъ еще на три года. Наше изумленіе, весьма естественное въ настоящемъ случаѣ, раздѣлялось сельскими властями, стариками и всѣми крестьянами, неумѣвшими объяснить себѣ совершившагося курьёза, что, впрочемъ, не мѣшало имъ принимать самое живое участіе въ общей попойкѣ, устроенной ликующими кабатчиками; постоянные толки крестьянъ о необходимости ремесленнаго заведенія при сельской школѣ вызвали, наконецъ, устройство именно такого заведенія, о кото-

ромъ болѣе всего тожковали въ приходѣ; но въ скоромъ времени оне должно было прекратитъ свое существованіе, и только благодаря полнѣйшему отсутствію учениковъ; на нашихъ глазахъ совершалась покупка земель сосѣднимъ крестьянскимъ обществомъ, виновнымъ ни одного грамотнаго человѣка, причемъ, благодаря всюду проникающимъ въ настоящее время ловкимъ и хищнымъ людямъ, общество едва не лишилось крупнаго задатка, едва не поплатилось неустойкой и только чудомъ кажимъ-то спаслось отъ разоренія; еще на-дняхъ явился къ намъ сельскій староста и сообщилъ о выборахъ сотника, уже болѣе недѣли тянувшихся въ селеніи и принявшихъ такой оборотъ, что каждый избираемый откупался виномъ, поднимая все выше и выше количество выкупа. «Они такимъ манеромъ всю округу обойдутъ» — заключилъ староста, очевидно не зная, что дѣлать и какимъ образомъ положить предѣлъ избирательной оргіи. Какъ бы на это преувеличеннымъ ожиданіямъ, возлагаемымъ на льготу, предоставленную 4 п. 56 ст. устава о воинской повинности, къ намъ то-и-дѣлю поступаютъ просьбы объ увольненіи изъ школы мальчиковъ, которымъ оставалось нѣсколько мѣсяцевъ до получения свидѣтельствъ; наперекоръ сенаторской ревизіи и всякимъ восхваленіямъ волостныхъ судовъ, рѣшенія ихъ съ каждымъ днемъ становятся все болѣе и болѣе пристрастными и безобразными, а съ учрежденіемъ новой должности непремѣнныхъ членовъ, дѣятельность которыхъ до сихъ поръ представляетъ никѣмъ не разгаданный секретъ, цѣлыя волости окончательно попали въ распоряженіе писарей, набранныхъ изъ личностей, по своимъ нравственнымъ качествамъ и по своей невѣроятной въ наше время безграмотности терпимыхъ только въ нашемъ захолустѣ, въ этомъ заброшенномъ болотѣ, и внѣ этого болота никому ненужныхъ и рѣшительно ни къ чему непригодныхъ. Но самымъ печальнымъ фактомъ въ нашей мѣстности представляется цѣлый рядъ поджоговъ, о которыхъ какъ будто и не знаетъ наша администрація, между тѣмъ какъ въ теченіи какихъ-нибудь 6-ти мѣсяцевъ мы можемъ насчитать болѣе девяти такихъ случаевъ, совершившихся на разстояніи 8—10 верстъ въ окружности. «Это не что иное, какъ аграрное мнѣніе» — объясняетъ мой сосѣдъ, весьма прилежно изучавшій въ дѣтствѣ римскую исторію; но, какъ на это ученому сосѣду, пострадавшимъ отъ поджоговъ въ большинствѣ случаевъ являются сами крестьяне, которымъ, казалось бы, некому и не за что мстить.

Нѣтъ, какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и въ массѣ другихъ случаевъ, въ этомъ полномъ властѣ писаря, съ которымъ при

настоящемъ порядкѣ вещей не въ силахъ спорить и бороться самый честный и просвѣщенный дѣятель, въ этомъ безправіи, въ непреодолимомъ равнодушіи къ школѣ, въ повальномъ утарѣ, съ неизбежнымъ ведромъ вина, о которомъ вы то-и-дѣло слышите, съ которымъ то-и-дѣло сталкиваетесь, — во всемъ этомъ главную и первенствующую роль играетъ выходящее изъ границъ народное невѣжество, нестерпимое невѣжество, которое даже бы пора перестать объяснять одной бѣдностью или историческими причинами.

Отталкивающія стороны сельскаго быта, на которыя мы указали, свидѣлствуютъ только о полнѣйшемъ забвеніи экономическихъ и нравственныхъ потребностей нашего захолусты, несколько не умаляя тѣхъ смиренныхъ, лишенныхъ всякой эффективности и грандіозности, но въ то же время неотразимо привлекательныхъ качествъ нашего крестьянина, на которыхъ все-таки еще держится общее спокойствіе и безопасное прозябаніе въ нашемъ захолустѣ.

Личная жизнь слишкомъ тѣсно связана съ общественной, а потому желаніе лучшаго какъ нельзя болѣе естественно въ каждомъ обитателѣ современной глуши, сохранившемъ хотя малую привязанности къ своему краю; ему виднѣе, какъ вредно отнимается настоящій порядокъ вещей на нравственномъ и экономическомъ процвѣтаніи забытаго, опальнаго болота; ему понятнѣе, нежели кому бы то ни было, что вопросы о народномъ образованіи, о хорошей школѣ и церкви, о правомъ судѣ, доступномъ для каждаго, объ улучшеніи экономическаго быта имѣютъ не фантастическое, а въ высшей степени серьезное значеніе; что это — вопросъ нашей жизни или неминуемой смерти и, наконецъ, что главнымъ препятствіемъ къ разрѣшенію этихъ роковыхъ вопросовъ служитъ наше общее безсиліе, отъ котораго напрасно было бы отрекаться, о которомъ обязанъ свидѣлствовать человѣкъ, нежелающій быть лжецомъ или примыкать къ разнообразнымъ публицистамъ и кабинетнымъ дѣятелямъ нашего времени, въ большинствѣ случаевъ бессознательно убаюкивающимъ общество своими сентиментальными или фальшивыми напѣвами то о народной бѣдности и національной исключительности, то о процвѣтаніи земства, то, наконецъ, о всеобщей волости съ ея отсутствующими землевладѣльцами и ихъ взаимными привѣтами, опекающими народъ.

В. НАЗАРЬЕВЪ.

На Волгѣ.
Январь, 1876 г.

ИТАЛЬЯНСКІЕ ТИПЫ

ВЪ

ПОСЛѢДНЕМЪ РОМАНѢ УЙДА

Signa, by Ouida, in 3 vols. 1875.

Года полтора тому назадъ, мы представили анализъ новаго въ то время романа Уйда, «Паскарелли» ¹⁾. Нашъ заключительный выводъ былъ тотъ, что авторъ въ этомъ романѣ въ первый разъ сдѣлалъ опытъ освободиться отъ недостатковъ, которыми обыкновенно страдали его произведенія, какъ «сенсационные» романы, гдѣ авторъ главнымъ образомъ имѣлъ въ виду не столько художественность и вѣрное воспроизведеніе дѣйствительнаго міра, сколько угодность вкусу большинства читателей. Послѣдній романъ того же автора, подъ заглавіемъ: «Синья», представляется намъ новымъ шагомъ Уйда въ его новомъ направленіи. Театромъ дѣйствія опять служитъ молодая Италия, и потому между «Паскарелли» и «Синья» есть много сходства, но есть также и много различія въ «Паскарелли» авторъ выводитъ на сцену человѣка, посвящающаго свой художническій талантъ преимущественно низшему классу народа и живущаго его жизнью, несмотря на то, что онъ по происхожденію и воспитанію могъ бы занять видное

---

¹⁾ Ноябрь и декабрь, 1874.

мѣсто въ обществѣ; нынѣшній разъ Уйда беретъ талантливаго человѣка, стремящагося сбросить съ себя тѣсныя рамки своей обыденной жизни, вырваться изъ той среды, въ которой окружающіе его старались всѣми силами потушить въ немъ разгоравшуюся искру врожденнаго таланта, и занять мѣсто въ свѣтѣ на ряду съ людьми, стяжавшими славу своею гениальностью. Его не удовлетворяла узкая сфера жизни въ провинціальномъ городѣ, весьма характеристично описанной авторомъ; «какъ растение, посаженное за каменной стѣной, — говоритъ авторъ, — тянется къ свѣту и простору, безъ которыхъ оно неминуемо завянетъ и зачахнетъ, такъ и Синья инстинктивно жаждетъ знанія и простора для своего таланта».

Всѣ отдають справедливость таланту Уйда за его мастерство, особенно въ описаніяхъ мѣстностей, отдѣльныхъ сценъ, въ изображеніи неуволнимыхъ движеній человѣческаго сердца, въ пониманіи внутреннихъ мотивовъ, — однимъ словомъ, автора причисляють къ разряду замѣчательныхъ «романистовъ-психологовъ»; но его романы продолжаютъ по временамъ страдать отъ «шаржа», что, впрочемъ, можетъ назваться общимъ, преобладающимъ недостаткомъ современной легкой литературы; въ особенности же отъ того страдаютъ французскіе романы послѣдняго времени. Кромѣ того, Уйда можно упрекнуть иногда въ растянутахъ и въ нѣкоторой поспѣшности, или лихорадочности, съ какою авторъ набрасываетъ свои мысли. Но за то, новый романъ Уйда рѣзко отличается отъ остальной англійской беллетристики, въ ея большинствѣ, серьезностью замысла, а потому составляетъ исключеніе изъ приговора надъ англійскою литературою, произнесеннаго весьма справедливо въ книгѣ Одиссъ-Барро ¹⁾, появившейся недавно въ свѣтъ.

«Въ наше время, — говоритъ Одиссъ-Барро, — мы должны искать въ англійскихъ романахъ ключъ къ разъясненію современнаго направленія общества, и, можетъ быть, даже къ разъясненію будущаго его направленія; ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать того же самаго о поэзии и о театрѣ въ Англии. Англійскіе романы вмѣщаютъ въ своей обширной рамкѣ всѣ отрасли человѣческой мысли; въ нихъ трактуется о философіи, объ исторіи, наукахъ, морали, религіи, политикѣ и социальной реформѣ; англійскіе романы нельзя причислить только къ извѣстному жанру литературы; нѣтъ, они обладаютъ могущественною силою, про-

¹⁾ „Исторія современной литературы въ Англии, въ 1890—74 гг.

запираются во всѣхъ слояхъ общества, начиная съ старыхъ аристократовъ и кончая рабочими на фабрикахъ. Романы въ Англіи проникаютъ и въ церкви, и въ клубы, превращаются въ различные форматы, становятся доступными для бѣдныхъ людей въ видѣ грошоваго изданія, и облачаются въ роскошные переплеты для кабинетовъ богатыхъ людей. Сами законодатели въ Англіи, помимо своего признанія, поддаются ихъ вліянію; можно безошибочно сказать, что романы вліяютъ на парламентскія пренія, дѣйствуя на отдѣльныя личности обѣихъ палатъ; они способствуютъ составленію биллей и общественнымъ реформамъ, принимаемымъ въ государствѣ. Поэтому неудивительно, что состоящій глава правительства, Дизраэли—романистъ, не разъ утѣшавшійся среди испытанныхъ имъ бурныхъ политическихъ невзгодъ и неудачъ сочиненіемъ весьма замѣчательныхъ романовъ.... Въ Англіи,—говоритъ далѣе Одиссъ-Барро,—такъ-называемою легкою литературою занимаются люди всевозможныхъ профессій; среди извѣстныхъ романистовъ мы встрѣчаемъ врачей, какъ напр. Чарльза Левера; судей, какъ напр., Варрена; государственныхъ людей, подобныхъ Дизраэли; моряковъ, напр., Купера и Марриета; офицеровъ, какъ Майнъ-Рида; дипломатовъ, напр., Вашингтона-Ирвинга, Готорна; священниковъ, какъ недавно умершаго Чарльза Кингслея. Женщины властвуютъ въ легкой литературѣ, какъ въ салонахъ; съ своими рукописями онѣ осаждаютъ издателей, и на этомъ поприщѣ оспариваютъ у мужчинъ право преобладанія въ области изящной литературы.... Нельзя при этомъ не упомянуть о г-жѣ Бичеръ-Стоу, которая своимъ романомъ «Хижина дяди Тома» достигла наивысшаго нравственнаго и матеріальнаго успѣха, когда-либо выпадавшаго на долю романиста. Этотъ романъ, распроданный въ числѣ милліона экземпляровъ въ теченіи двухъ лѣтъ, переведенный на двадцать различныхъ языковъ, между прочимъ, на китайскій, японскій и армянскій, гораздо болѣе способствовалъ уничтоженію рабства въ Америкѣ, нежели диссертации извѣстныхъ философовъ, краснорѣчіе ораторовъ и разсужденія государственныхъ людей. Не столько важному въ Вашингтонскому конгрессу и энергіи президента Линкольна мы обязаны уничтоженіемъ рабства, сколько г-жѣ Бичеръ-Стоу и современному роману вообще.

«Совершенно справедливо упрекаютъ, говорить въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія тотъ же авторъ,—современную англійскую легкую литературу въ слишкомъ большомъ изобиліи, въ томъ, что число выходящихъ романовъ, преимущественно написанныхъ

лихорадочнымъ перомъ женщинъ, принимаетъ угрожающіе размѣры; невольно при видѣ ихъ спрашиваешь себя, хватитъ ли дней въ недѣлѣ, часовъ въ днѣ, для того чтобы пробѣжать ихъ; найдется ли у насъ столько слезъ, чтобы оплакивать участь угнетенныхъ героинь, негодованія въ сердцахъ противъ безчисленныхъ измѣнниковъ; достанетъ ли, наконецъ, тряпья для вещественныхъ потребностей книгопечатанія, чернилъ для рукописей и, вдобавокъ, мѣста въ бібліотекахъ для помѣщенія выходящихъ книгъ. Но,—возражаетъ далѣе авторъ,—напрасно намъ будутъ говорить, что количество литературныхъ произведеній — плохой критерій для оцѣнки интеллектуальнаго развитія страны; мы остаемся при своемъ мнѣніи, что когда литература достигла такого несомнѣннаго соціальнаго значенія и играетъ столь важную роль въ жизни цѣлаго народа, какъ въ Англіи, то самыя цифры уже получаютъ громадное значеніе и силу, и становятся краснорѣчивыми указателями или симптомомъ, которымъ ни въ какомъ случаѣ нельзя пренебрегать».

Уйда также имѣетъ право занять мѣсто на ряду съ тѣми англійскими романистами, которые поставляютъ цѣлью своихъ произведеній служеніе обществу, и нѣкоторые изъ прежнихъ ея романовъ вполне оправдываютъ такое наше мнѣніе. Въ самомъ капитальномъ изъ нихъ, а именно въ «Трикотринѣ», сюжетъ взятъ изъ французской жизни и представляетъ намъ, въ лицѣ героя, человѣка добровольно сдѣлавшагося, подобно Паскарели, свитальцемъ и авантюристомъ ради того, между прочимъ, чтобы ближе познакомиться съ бытомъ и положеніемъ простаго народа, въ которому лежатъ его симпатіи. Романъ написанъ прекраснымъ, увлекательнымъ языкомъ, какъ и вообще всѣ романы занимающей насъ писательницы; въ немъ изобилуютъ прекрасныя мысли и разоблачается много сторонъ изъ жизни высшихъ классовъ общества, невозбуждающихъ къ себѣ симпатіи автора, хотя, повидимому, Уйда сама принадлежитъ именно къ этому разряду общества.

Романъ «Руск» остроуменъ и въ высшей степени занимателенъ; въ немъ начертана вѣрная картина современнаго растленія нравовъ высшаго класса общества въ Англіи, и, можетъ быть, не въ одной Англіи. Читая его, всего менѣе можно упрекнуть Уиду въ желаніи остановиться съ любовью на нѣкоторыхъ подробностяхъ пикантнаго характера, какъ силится это доказывать какой-то критикъ; цѣль автора и весь характеръ романа всецѣло лучше могутъ быть резюмированы въ мѣткомъ эпитафѣ, выстав-

минуть въ началѣ романа: «я разсказалъ вамъ то, что я видѣлъ; если мои слова вамъ не нравятся, не вините меня за это; скорѣе вы должны винить этотъ свѣтъ, въ которомъ вы враждуете, въ которомъ я встрѣчалъ непомерное легкомысліе, красоту, служащую приманкою для обмана, страсти, увлекающія чужеземца въ погоню за легкой наживой, и ласки, которыя покупаются на вѣсъ золота».

Романы: «Chandos», «Strathmore», «Under two Flags» и друг., могутъ быть подведены подъ ту же рубрику обличительныхъ романовъ, изображающихъ современное направленіе общества. Въ романѣ «Held in bondage», появившемся года два тому назадъ, Уйда представляетъ невыгодныя стороны раннихъ браковъ; сюжетъ не новъ, и авторъ почти ничего не прибавляетъ къ нему, что было бы еще неизвѣстно читателямъ, но въ немъ весьма интересенъ взглядъ его на англійское законодательство по бракоразводнымъ дѣламъ.

Не можемъ, однакожъ, не сказать, что во всѣхъ этихъ романахъ мы нерѣдко встрѣчаемъ то же стремленіе автора нѣсколько утрировать начертываемыя имъ отдѣльныя сцены и событія; но въ оправданіе Уйда припомнимъ отвѣтъ Диккенса на обвиненіе подобнаго же рода: «все, что я описалъ, — сказалъ какъ-то этотъ неподражаемый писатель, — взято мною изъ жизни и болѣе истію проверено мною на фактахъ; скорѣе я могу утверждать, что я не утрировалъ, но умалялъ факты, которые могли показаться черезчуръ неправдоподобными».

Въ послѣднемъ романѣ Уйда, который мы представляемъ читателямъ въ очеркахъ, они не встрѣтятъ ничего выходящаго изъ ряда, или поражающаго своею новизною; борьба талантливаго человѣка съ обыденною обстановкою жизни, съ гнетущими ея условіями — это старая исторія, которая однако постоянно повторяется вновь; можно привести изъ исторіи и жизни длинный рядъ примѣровъ, описываемой авторомъ, борьбы талантливыхъ людей съ самими собой, съ обществомъ, съ обстоятельствами жизни, — примѣровъ, гдѣ молодыя силы шли на титаническую работу, стараясь вырваться на свободу изъ оковъ, наложенныхъ на нихъ общественнымъ положеніемъ; гдѣ очень многіе не выносили этой борьбы и падали на полудорогѣ, а другіе — едва только вышедши на нее; наконецъ, третьи, хотя и достигали своей цѣли, но уже съ надорванными силами, съ зародышемъ болѣзни, пришедшей ихъ къ смертному одру. Есть своя борьба за существованіе и у гения.

Какъ относится сама Уйда къ своему новому труду, — видно

изъ эпиграфа, слова котораго взяты ею изъ одной тосканской пѣсни:

Getto una palma al mare, e mi va al fondo.
Agli altri vedo il piombo navigare ¹⁾.

Дѣйствіе, какъ мы сказали, происходитъ въ Италіи.

I.

Мало кому извѣстны тосканскій городокъ Синья ²⁾ и его славное прошлое; обыкновенно о Синьѣ знаютъ только какъ о городкѣ, черезъ который лежитъ путь съ моря черезъ обливашую лучами солнца долину Арно; Синья для большинства имѣетъ значеніе станціи, на которой поѣздъ желѣзной дороги останавливается на одну или двѣ минуты, хотя ея имя встрѣчается на страницахъ старыхъ лѣтописей съ тѣхъ самыхъ поръ, когда она, въ давнопрошедшія времена, называлась Синьоме, что означало: бранное знамя, водруженное у подошвы горъ. Во времена славной флорентинской республики, какъ съ гордостью любятъ рассказывать иностранцамъ потомки сыновъ ея, останавливаясь на минуту у плуга, или опираясь на весла лодки, крѣпость Синья была настоящей Амазонкою и Артемизой горъ, храбро выставлявшею свою грудь противъ множества враговъ свободной Флоренціи, приходившихъ громить ее изъ дикихъ западныхъ странъ, съ моря и съ Апенниновъ. Изъ прошлой исторіи Синьи-Ластры извѣстно слѣдующее событіе, изображенное на полотнѣ въ дворцовой залѣ Льва X-го: храбрые воины не переставали въ теченіи многихъ столѣтій защищать путь къ дорогой для нихъ Флоренціи, зорко слѣдя за врагами ея съ своихъ старыхъ башенъ, возведенныхъ на недоступныхъ массивныхъ гранитныхъ вершинахъ; и Синья была извѣстна какъ желѣзный ключъ къ вратамъ Флоренціи. Но вотъ, мрачный двуглавый орелъ пролетѣлъ по дѣтущимъ долинамъ Арно; республика поняла, что роковой ея часъ насталъ; однако, у нея была одна надежда — ея защитникомъ былъ храбрый, прямодушный Ферручіо. Съ своими пятью-стами воиновъ онъ совершалъ чудеса храбрости, но былъ непослѣ-

¹⁾ Я бросаю легкую палму въ море и, къ моему удивленію, воины быстро поднимаютъ ее; другіе же бросаютъ въ море тяжелый свинецъ, и такъ счастливы, что могутъ любоваться, какъ гордо плыветъ онъ по морю.

²⁾ Синья — небольшой городъ, укрѣпленный въ 1377 г. флорентинцами для защиты дороги, ведущей во Флоренцію, отъ ея многочисленныхъ враговъ; противъ Синьи, на противоположномъ берегу рѣки Арно, лежитъ не менѣе старинный городокъ Ластра, обнесенный каменными стѣнами. Жители обоихъ городковъ занимались въ настоящее время преимущественно плетеніемъ соломенныхъ шляпъ.

земли и горятъ, какъ большая часть храбрыхъ людей; въ злополучный часъ онъ вышелъ изъ Ластры-Синьи и отправился въ Пиу за провіантомъ; тутъ предатель Бандини шепнулъ врагу: «нанеси ударъ теперь, пока его нѣтъ!» Потомокъ Оранскаго дома двинулъ свои войска къ самымъ вратамъ Ластры-Синьи, но они были отбиты и бѣжали; тогда военачальникъ увеличилъ численность своихъ войскъ и снабдилъ ихъ артиллеріею, которая сдѣлала двѣ бреши въ стѣнахъ Синьи. Враждебная армія вошла черезъ эти бреши и истребила все огнемъ и мечомъ, а доблестныя ворота крѣпости, неоткрывшіяся передъ врагомъ, стояли гордо и непоколебимо, точно такъ же какъ онъ стоялъ и теперь въ наше время; но съ тѣхъ поръ храбрая Синья уже перестала быть вооруженною, могущественною крѣпостью. Въ наше время Синья не больше какъ сѣренькій, старенькій городокъ; зубчатые ея стѣны стали развалинами; укрѣпленія ея превратились въ фермы; тамъ, гдѣ прежде блистали пики воиновъ, бредутъ теперь бѣлые буйволы и мулы, и мирные поселяне покоются за своими плугами, на томъ же мѣстѣ, гдѣ прежде раздавались громы осаждающихъ армій. Бранное время Синьи прошло, но ея массивныя башни до сихъ поръ еще служатъ символомъ ея прошедшей славы и доблести; роскошныя житницы вокругъ нея указываютъ на трудолюбіе ея жителей, и весь ея наружный видъ говоритъ не о разрушеніи и дряхлости, возбуждающей сожалѣніе о прошломъ, а скорѣе общаетъ ей великое будущее.

Улицы въ Синьи узки и невзрачны, жители ея очень бѣдны и живутъ въ старыхъ, грязныхъ, полуразвалившихся домишкахъ, но тѣмъ не менѣе Синья обладаетъ многими прелестями; болѣе всего, конечно, она прекрасна въ длинныя, свѣтлыя лѣтнія ночи, когда всюду раздаются пѣсни соловьевъ; въ этомъ благословенномъ уголѣ, гдѣто какъ-бы продолжается круглый годъ, по крайней мѣрѣ почти единственнымъ признакомъ приближенія и наступленія осени можетъ служить отцвѣтаніе однихъ цвѣтовъ и появленіе другихъ.

Впрочемъ, въ Синьѣ иногда свирѣпствуетъ дикая, необузданная непогода: тогда темныя рѣки, бушуя, выступаютъ изъ береговъ, и историческая Арно наводняетъ и затопляетъ окрестности, рѣзкій и пронзительный альпійскій вѣтеръ рвется и мечется кругомъ по горамъ и долинамъ. Часто случается, что въ такую бурю изменныя поля превращаются въ цѣлыя озера и хижины затопляются или сносятся водою. Въ такіе зимы жители страшно страдаютъ, въ особенности же если лѣтніе урожаи были плохи: у нихъ тогда наступаетъ голодъ, и они иногда вынуждены ѣсть

сырую траву. Такія зимы, къ счастью, быстро проходятъ, и жители знаютъ, что послѣ наводненій ихъ ждетъ награда за всѣ убытки, такъ какъ послѣ ихъ травы всегда бываютъ тучны и жатва хлѣба обильнѣе обыкновеннаго.

Въ одну изъ подобныхъ жестокихъ зимъ, въ проливной дождь, шла въ темный вечеръ женщина, по большой почтовой дорогѣ, которая спускается съ горъ, но по которой теперь уже никто не ѣдитъ, хотя эта дорога въ ясную погоду полна своеобразныхъ прелестей: съ одной стороны она пробѣгаетъ высоко и обрывисто надъ долиной, внизу которой течетъ рѣка, тогда какъ съ другой стороны надъ нею нависли громадныя скалы, увѣчанныя соснами; эта дорога вьется лентой, безпрестанно изгибаясь, какъ это только бываетъ съ горными дорогами; но въ темную, зимнюю ночь дорога становится мрачною и пустынною. Женщина шла, спотыкаясь на каждомъ шагу; она шла пѣшекомъ съ морского берега, и уже прошла болѣе сорока миль по горамъ и долинамъ; на рукахъ у нея лежалъ ребенокъ, котораго она крѣпко прижимала къ своей груди. Порывистый и сильный вѣтеръ сбивалъ ее съ ногъ, а дождь хлесталъ ей въ лицо, мѣшая ей разбирать дорогу. Время отъ времени она останавливалась, прислонялась къ дереву или къ скалѣ, распакивала плащъ, которымъ она была покрыта, и смотрѣла на ребенка; ея глаза уже такъ привыкли къ окружающей ее темнотѣ, что она легко могла рассмотреть черты лица дитяти. Иногда она останавливалась, наклоняла голову и прислушивалась къ его дыханію; потомъ, глубоко вздохнувъ, продолжала свой путь.

Ребенку уже минулъ годъ; это былъ мальчикъ; онъ былъ довольно тяжелъ, а мать его была изнурена отъ длиннаго, утомительнаго пути. Она начинала впадать въ какое-то отупѣніе; ноги ея подгибались отъ усталости; ея платье промокло и тяжело висѣло на ней. Несмотря на всѣ свои старанія, она не могла предохранить ребенка отъ дождя.

Гдѣ-то вдали пробило восемь часовъ, а она надѣялась дойти до Синьи еще до наступленія сумерекъ. Мальчикъ началъ безпокойно шевелиться и плакать. Женщина остановилась, растегнула свое платье и приложила ребенка къ груди. Когда онъ немного успокоился, она пошла далѣе; дождь безпощадно билъ въ ея обнаженную грудь, но ребенокъ затихъ, и она пошла дальше, не обращая вниманіе на дождь.

Иногда она вздрагивала и оглядывалась кругомъ; она никакъ не могла понять, гдѣ находится городъ; изъ-за тумана не было видно никакихъ огней. Въ былые годы ей былъ хорошо знакомъ

каждый поворотъ этой дороги, какъ только можетъ быть намъ знакома мѣстность, гдѣ мы родились и прожили все свое дѣтство. Но ея дѣвическіе годы, казалось ей, уже давно-давно минули въ вѣчность, хотя ей еще только едва минуло двадцать два года. Но развѣ прожитая жизнь можетъ считаться годами? Бываютъ же случаи, когда люди въ одинъ день проживаютъ всю свою жизнь и старѣются отъ восхода до заката солнца.

Какъ часто бывало, что Пиппа—такъ звали женщину—ходила по этой дорогѣ, въ теплыя, лѣтнія сумерки, занимаясь на ходу плетениемъ соломѣ, съ пунцовымъ макомъ или душистымъ пивонникомъ въ темныхъ волосахъ. Но это было давно, по крайней мѣрѣ такъ казалось ей самой, когда она спускалась въ бурную ночь по дорогѣ. Она оставила свою родину пять лѣтъ тому назадъ и уже успѣла потерять инстинктъ, руководящій поселенцами въ темнотѣ, вслѣдствіе ихъ привычной ходьбы по одной и той же дорогѣ; она была неувѣрена въ томъ, гдѣ именно она находится; шумъ горнаго вѣтра и бѣшущей гдѣ-то вверху Арно наводилъ на нее страхъ. Около нея не было ни души, но она шла бодро впередъ; о себѣ она уже не заботилась: для нея жизнь была уже прожита, она думала о ребенкѣ; она знала, что если она не найдетъ пристанища для него до утра, то онъ, навѣрное, укрегъ на ея рукахъ отъ холода. У поворота дороги есть деревенское распятіе, водруженное въ скалѣ; она слѣла у подножія его и принуждала себя сосредоточить свои мысли на молитвѣ, но вѣтеръ не давалъ ей покоя: онъ сорвалъ покрывало съ ея головы и разметалъ ея длинные волосы; онъ пронизывалъ ее сквозь ея старую, рваную одежду; она не могла ничего сообразить или припомнить, но помнила одно,—что ей нужно держать ребенка по возможности теплѣе. Съ большимъ трудомъ она поднялась съ мѣста и побрела дальше. Она горько сожалѣла о томъ, что не свернула выше въ гору по знакомой ей тропинкѣ, которую она уже теперь миновала; но когда она проходила мимо той тропинки, у нея не хватило мужества пойти по ней и проплыть убѣжища у человѣка, который жилъ тамъ, на верху горы. Но знаетъ, какой приѣмъ ожидать ее тамъ? Но, думала она, перъ уже все равно, до города уже не далеко. Шаги ея были въ невѣрны, что она уже нѣсколько разъ едва не падала, но каждый разъ она выпрямлялась и шла бодро впередъ. Вдругъ она опять поскользнулась, попавъ на камень, который сорвался со своего мѣста и скатился внизъ; одною рукою она быстро прижала ребенка, а другою ухватилась за что-то; но то былъ кустъ ресла, который не былъ въ состояніи удержать ее и сломился

подъ ея тяжестью; она падала все ниже и быстрее по скользкой пропитанной дождемъ землѣ. Она крѣпко обняла ребенка обѣими руками, и подъ темнымъ покровомъ бурной ночи, все быстрѣ и быстрѣ катилась на встрѣчу смерти. Наконецъ, она потеряла сознание и уже не чувствовала, что на груди ея лежитъ ребенокъ.

Спустя часъ послѣ того, двое мужчинъ подошли съ фонарями въ рукахъ къ обрыву подъ дорогой, ведущей къ морю. Тамъ у нихъ паслись овцы, и они боялись, что бѣдные животныя, испуганныя вѣтромъ и бурей, разбредутся по горамъ. Поднимаясь въ гору, эти мужчины наткнулись на что-то, лежащее поперекъ дороги, и опустили фонари, чтобы разсмотрѣть что тамъ лежало; они увидѣли сломанный кустъ, помятую траву и что-то, повидимому, упавшее съ дороги внизъ. При тускломъ свѣтѣ своихъ фонарей, они разсмотрѣли, что это была женщина; она лишилась чувствъ, но правая ея рука крѣпко прижимала къ обнаженной груди живого младенца, который спалъ безмятежнымъ сномъ.

Нашедшіе эту женщину были мѣстные поселенцы, люди съ крѣпкими нервами; они грубо высвободили мальчика изъ охолодѣвшихъ рукъ матери. Одинъ изъ мужчинъ поднялъ ребенка и окуталъ его своимъ плащомъ, желая заглушить жалобный плачъ ребенка; другой сталъ на колѣни, поправилъ огонь въ фонарѣ и приложилъ руку къ груди женщины, желая узнать, не бьется ли еще ея сердце. Но она была уже мертва. Онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы вызвать въ ней искру жизни, но напрасно; наконецъ, онъ покрылъ грудь ея плащомъ и сказалъ своему товарищу:

— Эта женщина похожа на Пиппу.

Другой опустилъ свой фонарь и пристально посмотрѣлъ на лицо мертвой женщины.

— Да это, кажется, сама Пиппа,—проговорилъ онъ.

Оба молчали нѣсколько минутъ и смотрѣли на трупъ съ крѣпкою нѣкотораго благоговѣнія и страха.

— Да, это Пиппа,—повторилъ первый, и трепетною рукою провелъ по ея лицу и тѣлу.

Державшій ребенка приблизилъ свой фонарь къ его лицу; ребенокъ уже пересталъ плавать и открылъ свои большіе, удивленные глаза.

— Если это Пиппа, то кто же отецъ этого негодного мальчика?—спросилъ онъ.

— А чортъ его знаетъ,—отвѣчалъ стоявшій на колѣни,

она группа матери.—Я знаю только, что это наша Пиппа! Сиди-ка сюда, видишь ли ты этот маленький треугольный шрам на ее левой груди, который остался от раны, которую ей нанесъ ножомъ на ярмаркѣ, послѣ сбора винограда?

Другой нагнулся ближе, въ то время какъ дождь крупными шипами падалъ на бѣлую, холодную грудь умершей.

— Ну, да,—сказалъ онъ,—разумѣется, это она и есть.

Потомъ они оба смолкли, погруженные каждый въ свои думы; и мудро, что они стали задумчивы и печальны, такъ какъ это были братья умершей Пиппы.

— Пойдемъ поскорѣе въ Ластру и воротимся сюда съ ножами,—сказалъ, наконецъ, тотъ, который стоялъ на колѣняхъ около Пиппы, съ мрачнымъ выраженіемъ на смугломъ лицѣ.

— Но куда же намъ дѣвать этого ребенка?

— Отнеси его своей женѣ.

— У насъ уже и безъ того ихъ довольно.

— У твоей жены есть мальчикъ его же лѣтъ, пусть она его покормитъ грудью вмѣстѣ съ своимъ ребенкомъ.

— Она и пальцемъ не дотронется до сына Пиппы.

— Ну, хорошо, такъ оставайся пока тутъ и давай мнѣ ребенка, я его пристрою куда-нибудь.

— Ни за что на свѣтѣ не останусь здѣсь; пожалуйъ еще, что добраго, сюда явится мечистый за душою Пиппы.

— Дьяволъ побери тебя и твой проклятый страхъ! Ну, такъ какъ же скорѣе внизь, намъ нужно дать знать погребальному обществу и привести сюда носилки.

— Къ чему ты такъ спѣшишь; она уже не воскреснетъ. Чортъ возьми, какъ кричитъ этотъ дрянной мальчишка!

— Будешь кричать въ такой холодъ! Какъ только онъ остался живъ, въ такую ночь и послѣ такого паденія!

— Онъ остался живъ нарочно, напереворъ судьбѣ, потому что онъ никому не нуженъ и всякій будетъ отъ него отрекаться. Но, посмотри-ка, нѣтъ ли на ней золота?

— Не знаю.

Тотъ, который держалъ на рукахъ ребенка, нагнулся надъ трупомъ женщины и потомъ поднялся со вздохомъ.

— Ни гроша,—сказалъ онъ,—я ее обшарилъ кругомъ.

— Значитъ, ей плоховато жилось всѣ эти пять лѣтъ.

— Да ужъ вѣрно такъ, хотя она была такая красавица, то могла бы, кажется, устроить свою жизнь. Но Пиппа всегда была какая-то безтолковая, она даже не умѣла плести свою со-
женную прядь ровно и красиво.

— Да, да, это правда, бѣдненькая Пиппа!

Такъ говорили между собою братья Пиппы, пробираясь назадъ къ порогу, по размытой дождемъ и тощей дорогѣ. Шумъ рѣки и ревъ бури заглушали крикъ и плачь ребенка; младшій братъ Пиппы, державшій на рукахъ ребенка, перебросилъ его черезъ плечо, такъ же точно, какъ онъ обыкновенно носилъ новорожденных агнать, но съ агнятами онъ обыкновенно обращался болѣе бережно. Они взошли на дорогу, съ которой упала Пиппа, и по липовой грязи съ трудомъ добрались до нижней части города Ластры. Они прошли черезъ мостъ и вдоль неправильной улицы, ведущей подъ почтенными стѣнами старой Ластры. Несшій ребенка отворилъ дверь, которая вела въ старый, убогій домъ, взмогъ наверхъ, по крутой лѣстницѣ, въ плохо освѣщенную комнату, гдѣ помѣщались дѣти всѣхъ возрастовъ, насѣдка съ цыплятами, груда вочней капусты, поросенокъ и лимонное дерево въ горшкѣ; онъ почти бросилъ ребенка на руки здоровой, смуглой женщины, съ сердитымъ взглядомъ изъ-подъ темныхъ бровей.

— Возьми-ка ребенка, Нита,—сказалъ онъ женѣ.—Покорми его сегодня, а завтра утромъ я скажу о своей находкѣ и намъ, можетъ быть, заплатятъ за него; онъ уже почти окончилъ отъ холода. Я не могу остаться дома дольше; слышишь, какъ шумитъ вода. Внизу меня ждетъ Бруно, и намъ нужно еще загнать домой овецъ.

Онъ быстро сошелъ внизъ къ брату.

— Я ничего не говорилъ женѣ про Пиппу,—сказалъ онъ ему.—Еслибы она узнала, что это ребенокъ Пиппы, то не дала бы ему и капли молока,—это вѣрно. Но, послушай, Бруно, говорить ли вообще о Пиппѣ?

Его братъ посмотрѣлъ на него удивленными глазами.

— Какъ, да вѣдь мы должны же принести сюда ее тѣло и похоронить ее?

— Ну, рѣка и безъ насъ распорядится этимъ еще до утра; а мы будемъ избавлены отъ лишнихъ хлопотъ и разспросовъ.

— О какихъ это хлопотахъ и разспросахъ ты говоришь?

— Да вѣдь—не весело связываться съ патерами и полицією; ты знаешь, пойдутъ сейчасъ разспросы, да слѣдствіе; кромѣ насъ, никто вѣдь не видалъ Пиппы; кто-знаетъ, могутъ еще сказать, что это мы ее утомнили. Всѣ, вѣдь, знаютъ, что ты на ярмаркѣ ударилъ ее ножомъ и что она всегда была дурная дѣвушка. Мы наживемъ себѣ пропасть неприятностей и хлопотъ, Бруно.

— Ну, а ребенокъ? Нѣтъ, я на это не согласенъ; вѣдь это ужасно, оставить ее тамъ, совсѣмъ одну, непокороненную!

— А какъ же мы докажемъ, что мы не убили ее, столкнувъ ее внизъ съ дороги? Всѣ скажутъ, что смерть ея—дѣло минуть рукъ, такъ какъ знаютъ, что мы, въ особенности же ты, Бруно, были не въ ладу съ Пиппой. Подождемъ хоть до утра; вѣдь ночь намъ нужна для работы; да Богъ знаетъ, что можетъ еще надѣлать Арно, а утромъ пойдемъ въ тому мѣсту, гдѣ мы ее оставили, и если она все еще тамъ лежитъ, то тогда мы уже объявимъ объ ея смерти. Къ чему говорить намъ объ этомъ теперь, время не уйдетъ.

— Ну, хорошо, аги ты сколько хочешь,—отвѣчалъ угрюмо Бруно:—во всякомъ случаѣ прежде всего намъ нужно поскорѣе загнать домой овецъ.

Братья пошли опять въ поле, гдѣ начали усердно работать, не жалѣя своихъ силъ. Арно выступила изъ береговъ и черезъ нѣсколько времени затопила кругомъ поля. Овцы были пойманы и весь скотъ загнанъ въ разные мѣста, гдѣ только можно было спасти ихъ отъ воды, даже въ церкви. Когда братья вернулись въ городъ, всѣ жители были въ тревогѣ и готовились къ бѣгству, въ случаѣ еслибы вода Арно затопила ихъ жилища.

— Ты, кажется, схватилъ лихорадку, Бруно,—сказалъ ему трапирщикъ, видя, какъ руки Бруно тряслись, когда онъ вьзалъ бутылку съ виномъ.

— У тебя, небось, тоже затряслись бы руки,—грубо отвѣчалъ на него братъ, еслибы ты простоялъ всю ночь по-колѣно въ водѣ, какъ мы.

Но не это обстоятельство заставляло Бруно дрожать какъ въ лихорадкѣ; онъ слишкомъ привыкъ къ тяжелой работѣ во всякую погоду: его смущала мысль о бѣдной умершей женщинѣ, покинутой и одинокой въ обрывѣ большой дороги.

Буря свирѣяствовала всю ночь. Всю долину затопило водою; люди двигались назадъ и впередъ, сгѣшпа на помощь и переносили бездомныя семейства въ болѣе безопасныя мѣста. Вездѣ горѣли сторожевыя огни. Тѣла утонувшихъ быковъ и коровъ плавали повсюду. Поговаривали о томъ, что Флоренція тоже затоплена. Въ такое время, впротѣмъ, всякій слухъ принимается чудовищные размѣры.

Верхняя часть города была внѣ опасности; но большая опасность угрожала низко-лежащей Ластрѣ. Въ эту ночь никто не ложился спать. Патеры возносили молитвы къ небесамъ; колокола звонили, предостерегая объ опасности. Люди бродили въ

страхъ взадъ и впередъ. Страшный гулъ разгулявшейся на свободѣ воды заглушалъ всякіе другіе звуки.

Утромъ небо было сѣрое и мрачное; рѣка вышла далеко изъ своихъ береговъ и почти поднялась до самой горной дороги; но вѣтеръ уже измѣнилъ свое направленіе, дулъ съ восточникъ горъ и гналъ рѣку съ страшною быстротою обратно въ море.

— Вода унесла Пиппу, — сказали другъ-другу тихо братья. И вдругъ они почувствовали глубокое раскаяніе, какое часто нападаетъ на людей, совершившихъ преступленіе. Но все было уже кончено: Пиппы не стало, и не все ли равно, земля ли или волны приняли ее въ свое лоно. Все умершее такъ или иначе должно кануть въ вѣчность и изгладиться изъ памяти живущихъ.

II.

Братья Бруно и Липпо были хорошо извѣстны въ окрестностяхъ Сины; оба они были очень красивы собою, не умѣли ни читать, ни писать, слѣпо вѣровали въ своего патера и почти никогда не заходили дальше горъ, отдѣлявшихъ ихъ отъ прочаго міра; развѣ только изрѣдка ѣздили по дѣламъ во Флоренцію.

Бруно одиноко жилъ на склонѣ горъ, на той самой территории, на которой жили многія поколѣнія его предковъ и которую они владѣли какъ своею собственностью. Липпо же, рано женившись на дочери стараго Бальдо, у котораго водилась копѣйка на черный день, поселился внизу, въ Ластрѣ. Пиппа была ихъ младшая сестра, та прекрасная, своевольная, гордая, непокорная Пиппа, тѣло которой было унесено потокомъ воды въ море и скрылось въ своей водяной могилѣ безъ напутствія и молитвы.

Съ нею всегда было трудно ладить, у нея на языкѣ всегда былъ готовъ рѣзкій, насмѣшливый отвѣтъ; она выводила своихъ братьевъ изъ терпѣнія своими проказами и лѣнностью, но, несмотря на то, у нея было предоброе сердце.

«Жаль ея! Но кого же винить въ томъ, что она покинула свою родину, не сказавъ никому ни слова о своемъ намѣреніи, а потомъ возвратилась съ ребенкомъ на рукахъ и пошла прямо на встрѣчу смерти въ ночь наводненія». Такъ рассуждалъ самъ съ собою Липпо, разставшись съ братомъ. Онъ шелъ домой, обдумывая свой недавній разговоръ съ нимъ и старался придумать, какъ ему искуснѣе обмануть свою жену и заставить ее принять на воспитаніе ребенка Пиппы. Между братьями про-

пошло следующее: утромъ послѣ наводненія, когда всѣ начали устроиваться и приходять въ себя послѣ испытаннаго ночью страха, Бруно зашелъ въ Липпо, отогрѣться и обсушить свою мокрую одежду.

Нита, жена Липпо встрѣтила ихъ съ недовольнымъ видомъ, сердясь за то, что они оставили на ея рукахъ найденнаго ребенка, и сказала, что, судя по его одеждѣ изъ грубой домашней ткани, онъ долженъ быть сыномъ какихъ-нибудь бѣдняковъ, и что, слѣдовательно, они не могутъ рассчитывать на награду за то, что они его приютили. Говоря это, Нита показала имъ ребенка, который лежалъ на свѣжей соломѣ и спалъ сладкимъ сномъ; ребенокъ былъ очень красивъ: рядомъ съ смуглымъ ребенкомъ Ниты, онъ казался изваяніемъ изъ мрамора; его брови и рѣсницы были черны, какъ смоль, но по его лбу вились локоны бѣлокурыхъ волосъ. На шеѣ младенца висѣлъ на шнурѣхъ дешевый бронзовый медальонъ, на которомъ было вычеканено вышуканными буквами слово: *Синья*; въ медальонѣ лежалъ локонъ мягкихъ бѣлокурыхъ волосъ.

Бруно глядѣлъ на ребенка и былъ глубоко взволнованъ: ему припоминалась бѣдная, мертвая Пиппа. Отогрѣвшись, братья снова пошли въ рѣкѣ собирать унесенное водой имущество ихъ, а Нита грубо кричала вслѣдъ имъ, чтобы они, возвратясь, взяли куда хотятъ принесеннаго ребенка, съ которымъ она не намѣрена возиться; она говорила, что его можно, наконецъ, отдать въ приходскій пріютъ, гдѣ ему самое приличное мѣсто. Липпо инстинктивно понималъ, что никакіе доводы на свѣтѣ не заставятъ брата согласиться на это предложеніе, но пока онъ молчалъ.

Братья сѣли въ лодку и отчалили отъ берега.

— Слушай, отрывисто проговорилъ Бруно. Ребенку Пиппы не бывать въ приходѣ. Мы и такъ многимъ виноваты передъ бѣдной женщиной, оставивъ ее на произволъ дикой бури, не предавъ ея тѣла землѣ по христіанскому обряду; да и какъ знать, въ самомъ ли дѣлѣ она была тогда уже мертвая.... Ребенокъ Пиппы останется съ нами; слышишь ли ты, онъ не будетъ въ чужихъ рукахъ, пока у меня цѣлы руки и голова на плечахъ.

— Но мы вѣдь очень бѣдны, Бруно, и Нита ни за что не согласится кормить ребенка вмѣстѣ съ нашимъ Тото.

— Не согласится ли она сдѣлать это за извѣстную плату?

— Я право не знаю; да кто же будетъ платить за него?

— Платить буду я.

— Ты, Бруно. Но много ли ты можешь намъ удѣлить?

— Я буду давать вамъ половину всего, что я зарабатываю. Довольно ли вамъ этого?

Липпо не могъ удержаться отъ улыбки, въ которой выражалось его довольство; Бруно выручалъ значительную сумму денегъ отъ продажи хлѣба, оливковаго масла, бобовъ, соеи и вина, такъ какъ земля, на которой онъ жилъ, была плодородна, а онъ былъ хорошій работникъ и умѣлъ извлекать выгоду изъ земли, которую обрабатывалъ.

— Ну, хорошо, согласился Липпо, стараясь не выдавать своей радости передъ братомъ: я постараюсь какъ-нибудь уговорить жену, ради тебя, Бруно. Но что же я ей скажу о ребенкѣ?

— Ты всегда съумѣешь ловко солгать; за этимъ дѣломъ у тебя не станеть.

Пришедши домой, Липпо сказалъ своей женѣ, что ребенокъ, — плодъ незаконной любви самого Бруно, который желаетъ сохранить это въ тайнѣ; онъ выставилъ на видъ женѣ, какъ выгодно имъ будетъ получать половину всего дохода съ земли брата.

— А между тѣмъ, — сказалъ онъ въ заключеніе, — ребенокъ какъ нельзя лучше подрастетъ вмѣстѣ съ нашими дѣтьми; да и много ли ему нужно? Его нужно такъ держать уже съ самаго ранняго дѣтства, чтобы онъ умѣлъ обойтись и безъ нашихъ попеченій и былъ бы, кромѣ того, намъ же полезенъ, какъ только немного подрастетъ.

Такимъ образомъ, была рѣшена участь ребенка бѣдной Пиппы, который въ это время лежалъ на своей жесткой соломенной постелькѣ и издавалъ жалобные вопли, подобно птичкѣ, выпавшей изъ теплаго родного гнѣзда.

Бруно медленно поднимался на гору; онъ прошелъ сначала по горной дорогѣ, ведущей къ морю, по которой за ночь передъ тѣмъ шла бѣдная Пиппа, потомъ свернулъ съ этой дороги и поднялся выше въ гору; передъ его глазами разстилась великолѣпная картина: высились крутые утесы и зеленныя горы, покрытыя миртовыми деревьями, дикими рововыми кустами, лаврами и стройными кипарисами, въ которыхъ порхали стаи соловьевъ; но Бруно былъ равнодушенъ къ раскрывавшимся передъ нимъ красотамъ природы: отъ долгой привычки къ нимъ онъ теряютъ свою прелесть даже для тѣхъ людей, которые понимаютъ ихъ, а Бруно восхищался только однимъ — женскою красотою. Земля, которою владѣлъ Бруно, тянулась по краю горы; позади нея возвышались дикія горныя вершины; далеко внизу разстилалась долина и вилась рѣка Арно съ перекину-

тиль черезъ нее мостомъ; за рѣкою поднимался высокій горный хребтъ, на которомъ была расположена крѣпость Синья, а у самой рѣки виднѣлись низкія, нѣкогда укрѣпленныя стѣны Истри.

Жилищемъ Бруно служила хижина, вся бѣлая, съ низко опущавшеюся надъ нею красною кровлей; въ хижину вела большыя закругленная вверху дверь; на передней стѣнѣ домика были изображены большіе солнечные часы; рядомъ съ нимъ росла группа кипарисныхъ деревьевъ, а передъ дверью далеко раскидывало свои вѣтви старое орѣховое дерево. Недалеко отъ дома выходилъ старый колодезь съ полу-разрушенными скульптурными украшениями. Бруно возвратился въ свой одинокій домъ, пріисъ на минуту отдохнуть и крѣпко задумался; дома никто его не ожидалъ, онъ жилъ совершенно одинъ; около него даже не было близкихъ сосѣдей. Бруно не имѣлъ привычки долго думать о чемъ бы то ни было; онъ обыкновенно предоставлялъ думать за себя своему духовнику; за что было бы ему платить деньги, рассуждалъ Бруно, еслибы онъ долженъ былъ самъ ломать себѣ голову надъ разными запутанными вопросами. Но на этотъ разъ Бруно задумался не на шутку. Онъ думалъ о Пиппѣ. Бѣлая Пиппа! Какая хорошенькая была она, когда она лежала на коѣнѣхъ его матери, а онъ самъ былъ уже большой загорѣлый мальчишъ двѣнадцати лѣтъ, вѣчно голодный и усталый отъ тяжелыхъ полевыхъ работъ. И уже тогда, въ дѣтствѣ, онъ ненавидѣлъ ее за то, что мать ласкала ее больше другихъ дѣтей. Когда Пиппы еще не было на свѣтѣ, мать была одинаково ласкова со всѣми дѣтьми, но послѣ того, какъ родилась Пиппа, мать ихъ вдругъ совсѣмъ измѣнилась: всѣ ея заботы были сосредоточены на дѣвочкѣ; всѣ лучшіе куски въ домѣ откладывались для нея же, для своенравной, лѣнивой, вѣчно смѣявшейся Пиппы, личико которой походило на распузолку лавро-вишневой розы; ее никогда никто не билъ, какъ это часто случалось съ ними, остальными дѣтьми. Да! онъ ненавидѣлъ Пиппу съ того самаго дня, когда онъ увидалъ ее въ первый разъ у груди матери. Однажды, послѣ смерти ихъ матери, когда Пиппа уже стала стройной красавицей, сводившей съ ума своимъ своепріемъ влюбленныхъ деревенскихъ юношей, Бруно началъ брать ее за то, что она слишкомъ много танцевала на деревенскихъ празднѣхъ; сестра отвѣчала ему на это насмѣшкою и напомнила ему его прежнія отношенія къ умершей уже дѣвушкѣ; не помня себя, онъ вскочилъ съ своего мѣста и ударилъ ее въ грудь кинжаломъ. Онъ смутно помнилъ, какъ его, трепетавшаго

отъ страха и раскаянія, оттащили отъ Пиппы въ то время, на кровь хлынула изъ раны, нанесенной его кинжаломъ, и обогрѣ кружева корсажа Пиппы. Да, онъ въ самомъ дѣлѣ ненавидѣлъ ее въ эту минуту.

Но теперь Бруно казалось, что онъ звѣрски-жестокъ по отношению къ ней, съ этою черноглазую, веселою дѣвушкою, которую баловали съ самаго дня ея рожденія.

Липпо, возвращаясь вечеромъ домой, вспоминалъ о Пиппѣ только какъ объ упрямой дѣвушкѣ, выводившей своихъ братьевъ изъ терпѣнія своимъ непокорнымъ характеромъ; этими воспоминаніями было очень удобно успокаивать угрызения совѣсти. Бруно забывалъ о недостаткахъ Пиппы, онъ только горько упреждалъ самого себя. «Можетъ быть, — думалъ онъ, — она никогда не ушла бы изъ дома, если бы я былъ снисходительнѣе къ ней». Да, я былъ неправъ и жестокъ въ обращеніи съ нею; немудрено, что ей опостыла жизнь въ хижинѣ, когда, послѣ смерти отца-матери, я сталъ хозяиномъ въ ней». Великодушныя натуры всегда преувеличиваютъ свои недостатки и ошибки, и забываютъ о мѣстахъ, вызвавшихъ ихъ на жестокія мѣры, которыя иногда могутъ служить смягчающими вину обстоятельствами. Бруно мучилъ себя мыслью, что еслибы онъ предалъ землѣ по христіанскому обычаю тѣло умершей сестры, еслибы онъ могъ помолиться надъ ея могилой и покаяться передъ нею во всемъ, то совѣсть его была бы спокойнѣе. Теперь же имъ овладѣло странное, необъяснимое чувство, недавшее ему покоя: ему казалось, что онъ отыскалъ свою сестру, только для того, чтобы загубить ея молодую жизнь, отдавъ ея тѣло холоднымъ волнамъ. Какъ могъ онъ послушаться брата, испугаться какихъ-то неопредѣленныхъ хлопотъ или слуховъ подозрѣній! Онъ не могъ простить себѣ этого поступка и казался самому себѣ жалкимъ трусомъ.

Бѣдная Пиппа! Какъ ничтожны въ сущности были ея поступки! Правда, она любила повеселиться, но вѣдь молодая женщина должна же взять свое; ея отвѣты братьямъ бывали колючи и дерзки, но потому, что она считала себя угнетенной и несчастной. Она всегда была правдива и великодушна, была готова простить всякую обиду; даже и тогда, когда онъ, Бруно, пырнулъ ее ножомъ, она закричала окружающимъ, чтобы никто не смѣлъ платить ему за этотъ жестокий поступокъ. Когда же она, черезъ нѣсколько времени послѣ этого происшествія, покинула, какъ ей казалось, навсегда, ихъ горную хижинку, съ маленькимъ уломъ на рукахъ, развѣ не просила она встрѣтившуюся ей старую

передать братьямъ ея послѣднее, трогательное прощаніе? «Передай имъ,—сказала она,—что, уходя изъ-подъ родного крова, я прощаю имъ всѣ обиды, которыя я терпѣла отъ нихъ; я знаю, что я сама что выводила ихъ изъ терпѣнія своимъ характеромъ; скажи имъ, что я, вдали отъ нихъ, буду за нихъ молиться Мадоннѣ; можетъ быть, она услышитъ мою молитву. Но скажи имъ также, чтобы они не старались розыскивать меня и не думали бы, что я когда-либо вернусь домой: мы не можемъ жить вмѣстѣ и въ ладу». Бѣдная Пиппа! Бруно закрывалъ глаза и тщетно старался прогнать изъ своего воображенія образъ Пиппы, какъ онъ ее видѣлъ въ послѣдній разъ передъ своимъ бѣгствомъ: она шла къ нему на встрѣчу, освѣщенная лучами заходящаго солнца; передъ нею леталъ цѣлый рой золотистыхъ мошекъ; ея смуглое лицо дышало красотою и счастьемъ; увидавъ ее такую прекрасной, съ доброю улыбкою на устахъ, Бруно былъ почти готовъ броситься къ ней и просить у нея прощенія въ томъ, что онъ поднялъ на нее руку, но самолюбіе его взяло верхъ надъ добрымъ порывомъ, и онъ быстро отвернулся отъ нея, мучимый въ то же время жгучимъ раскаяніемъ за свое малодушіе. Теперь же онъ никогда, никогда не будетъ въ состояніи сказать ей, какъ онъ каялся въ томъ, что нанесъ ей ударъ кинжаломъ!

Натура Бруно была широкая и благородная, но чувства и умъ его молчали, и жизнь его немногимъ отличалась отъ той, которую вели его бѣлые буйволы. Въ это памятное для него утро онъ въ первый разъ въ своей жизни былъ глубоко потрясенъ своими думами, послѣ проведенной имъ безъ сна ночи. Работа у крестьянъ обращается, отъ долговременной привычки, въ инстинктъ; душевная боль можетъ замедлить ихъ работу развѣ на мгновеніе, но не долѣе.

Бруно вышелъ изъ дома, вывелъ своихъ буйволовъ, запрягъ ихъ и погналъ съ плугомъ по крутому склону горы. Утро было сѣрое, непривѣтливое; внизу, надъ долиною, лежалъ бѣловатый густой туманъ, на горахъ было свѣжо, и Бруно шелъ за своимъ плугомъ съ тяжелымъ чувствомъ въ сердцѣ: онъ видѣлъ передъ собою образъ Пиппы, когда она, еще при жизни отца и матери, приходила къ своимъ братьямъ въ поле съ большимъ кускомъ свежего хлѣба и кружкою вина; какъ она была весела и мила, когда, бывало, потреплетъ бѣлыхъ буйволовъ и украситъ ихъ кожаные ремни надъ лбомъ пестрыми полевыми цвѣтами!

Бруно неутомимо проработалъ весь день, но былъ погруженъ въ думы. Къ вечеру эти думы приняли другой оборотъ: «я сдѣ-

лаю все, что могу, для ея ребенка», сказалъ онъ самому себѣ: «можетъ быть тамъ, въ раю, ангелы скажутъ ей объ этомъ».

И эта мысль разсѣяла его тяжелыя думы.

III.

Всѣ поколѣнія семейства Марццилло, изъ котораго происходилъ Бруно, отличались своею храбростію; въ мирное время члены этого семейства занимались полевыми работами, на своей горной выси, но лишь представлялась надобность въ ихъ услугахъ для отпора враговъ, они, не задумываясь, брались за оружіе, отцы посылали своихъ взрослыхъ сыновей на борьбу за отчизну. Члены семейства Марццилло славились физическою красотою, — той строгой классической красотою, которую Джіотто увѣковѣчилъ въ своей знаменитой картинѣ: «Оливковый садъ», и которая служила образцомъ для Синьорелли, когда онъ писалъ на полотнѣ своихъ величественныхъ пророковъ. Женщины въ ихъ роду тоже отличались своею величественною граціей; онѣ могли служить моделями для Юнонъ или Цереръ; въ то же время онѣ были хорошими хозяйками, умѣли управлять буйволами въ полѣ и носить на головѣ тяжелыя кувшины съ виномъ; онѣ отличались также своею строгою нравственностію.

Бруноне Марццилло, или Бруно, какъ его обыкновенно называли, сдѣлавшись по смерти отца полнымъ хозяиномъ хижини, получилъ, по мѣстному обычаю, отъ своего хозяина право на половину доходовъ со всей обрабатываемой имъ земли; при этомъ обыкновенно полагается, что работникъ будетъ брать съ поля только то, что ему нужно для его ежедневнаго прокормленія. Бруно былъ извѣстенъ за хорошаго работника, и въ самомъ дѣлѣ онъ приобрѣлъ эту славу не даромъ; что же касается его умственного развитія, то это другой вопросъ: Бруно не умѣлъ ни читать, ни писать; его понятія о религіи ограничивались тѣмъ, что онъ вѣрилъ въ чудотворную силу раскрашеннаго яркими красками изображенія Мадонны, которое онъ повѣсилъ надъ воротами, обращенными къ засѣянному полю, вѣря, что Мадонна ниспослетъ имъ благодать и что почва его полей, улитанная его кровью и потомъ, будетъ плодородна, когда на нее будетъ и день и ночь взирать ликъ Мадонны. Онъ могъ служить идеаломъ сельскаго работника георгікеъ Виргилія: самымъ большимъ счастьемъ, о которомъ онъ только мечталъ, было — жить и умереть тутъ же, среди своихъ полей. Бруно велъ срав-

нительно спокойную, безбѣдную жизнь, и могъ бы быть общимъ любимцемъ, еслибы не его буйный, даже свирѣпый нравъ, заставлявшій каждого сторониться отъ него; зато братъ Бруно, — Липпо, пользовался общою любовью жителей Ластры; онъ умѣлъ ладить со всѣми, не забывая при этомъ своихъ собственныхъ выгодъ, и на самомъ дѣлѣ это былъ хитрый, двоедушный человѣкъ, но слылъ за набожнаго, сердобольнаго человѣка; онъ умѣлъ устроить свою жизнь такъ, что почти ничѣмъ не занимался, живя на средства отца своей жены; тѣмъ не менѣе о немъ сожалѣли, какъ объ отцѣ многочисленнаго семейства. Онъ слылъ также, хотя и несправедливо, за очень нравственнаго семьянина и вѣрнаго мужа. Но Бруно не умѣлъ такъ ловко устроить свои любовныя похождения, и матери семействъ, у которыхъ были взрослые дочери, смотрѣли на него какъ на опаснаго для нихъ человѣка, что было отчасти справедливо. Такимъ образомъ, Бруно едвали могъ быть строгимъ судьей для Пиппы; но таковы мужчины: наиболѣе легкомысленные и наименѣе нравственные изъ нихъ всего строже относятся къ своимъ сестрамъ и женамъ, требуя отъ нихъ скромности поведенія и высокой нравственности.

Когда Пиппа ушла изъ дома, Бруно почувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ и стыдился показываться людямъ на глаза, такъ какъ женщины въ семействѣ Марцилло всегда воспитывались въ строгихъ правилахъ нравственности и съ раннихъ лѣтъ приучались къ трудовой жизни. Только спустя долгое время послѣ побѣга Пиппы, Бруно узналъ о томъ, что не было тайною для другихъ, а именно, что по вечерамъ ее часто видали у рѣки, или въ тѣни развалинъ вмѣстѣ съ бѣлокурнымъ молодымъ иностранцемъ, художникомъ, съ деликатными чертами лица и съ веселою улыбкою на устахъ; узнали и то, что онъ случайно забрелъ сюда изъ Савойи съ своимъ рисовальнымъ приборомъ за снѣжкою. Никто не зналъ имени случайнаго гостя; никому онъ не былъ нуженъ и никто не заботился о немъ; иностранецъ такъ и исчезъ бы какъ вольный вѣтеръ, незамѣченный никѣмъ, еслибы не поразило всѣхъ то обстоятельство, что его исчезновеніе совпадало съ побѣгомъ Пиппы изъ дома. Такимъ образомъ, Бруно не могъ узнать ничего объ иностранцѣ, но еслибы даже онъ и узналъ больше этого, то ничего не могъ бы предпринять: сельскій работникъ прикованъ къ своей почвѣ, и для него почти также немыслимо двинуться съ мѣста куда-нибудь вдаль, какъ погнать своихъ воловъ въ открытое море. Черезъ нѣсколько времени послѣ исчезновенія Пиппы, о ней перестали и думать—такъ скоро свыкаются люди съ самыми непредвидѣнными

обстоятельствами жизни! Объ ней не было ни слуху, ни духу; еслибы съ нею случилось что-нибудь хорошее, то въ Синнѣ узнали бы объ этомъ; всегда найдутся люди, готовые сообщить о чьей-нибудь удачѣ въ свѣтѣ; передать радостную вѣсть объ этомъ роднымъ, посоветовать имъ, чтобы они взяли свой посохъ, постарались бы отыскать тщательно скрываемый слѣдъ исчезнувшихъ родственниковъ или родственницъ, и въ одинъ прекрасный день предстали бы передъ какимъ-нибудь знаменитымъ теноромъ, баловнемъ судьбы, напомнили бы ему то время, когда онъ бѣгалъ босоногимъ, негоднымъ мальчикомъ, и потребовали бы своей доли въ львиной части, которою онъ пользуется, благодаря своему таланту и своему собственному труду; или же неожиданно-негаданно ворваться въ палатцу къ какой-нибудь смуглой Ліѣ, раздѣляющей свою трапезу съ принцами, и припомнить ей то время, когда она была рада куску черного хлѣба. Но эти знаменитыя Ліи и Момо сами никогда уже не показываются въ убогихъ деревушкахъ, гдѣ онѣ родились и гдѣ провели свое злополучное дѣтство. Не то было съ Пиппой: никто не слыхалъ о ней ни слова съ тѣхъ поръ, какъ своевольная красавица оставила свой кровъ, пославъ прощальный привѣтъ братьямъ; никто ничего не слыхалъ о ней, именно потому, что ея судьба была самая обыкновенная; это была старая, вѣчно вновь повторяющаяся повѣсть. А кто будетъ интересоваться тѣмъ, что такъ просто и обыденно? Людямъ непремѣнно нужно что-нибудь поражающее, нужна драма, а исторія Пиппы была такъ проста, такъ неинтересна.

Въ день ярмарки Пиппа была весела и нарядилась для молодого художника; онъ былъ молодъ и страстенъ, какъ она сама, и думалъ, что нѣтъ на свѣтѣ пѣсни веселѣе той, которая поется вдвоемъ съ возлюбленной, послѣ заката солнца, когда въ темную лѣтнюю ночь ярко блещутъ свѣтащіяся мошки и червячки. Тутъ подошлѣлъ ударъ кинжаломъ въ бѣлую, молодую грудь Пиппы, — ударъ, вызвавшій въ сердцѣ ея кипучаго друга, — художника, дѣлую бурю негодованія противъ Бруно и жалость къ ней самой; тогда призадумалась и бѣдная дѣвушка, опасаясь гнѣва и мщенія брата, когда онъ узнаетъ обо всемъ, и рѣшилась бѣжать съ своимъ возлюбленнымъ во Францію.

Пиппа полюбила своего молодого друга безгранично, съ преданностью и самоотверженіемъ вѣрной собаки, — она, когда-то столь неповорная и своевольная! Такія женщины, разъ отдавшись горячо любимому человѣку, иначе не умѣютъ и не желаютъ любить! И вотъ, привольныя, золотистыя тосканскія нивы были промѣнены на душныя улицы Парижа, горы, покрытыя

оливковыми деревьями — на свинцовых крышах домовъ; сама Пиппа, дитя солнца и теплыхъ морскихъ зефировъ, румяная какъ со-
рѣвшій персикъ и вольная какъ птица небесная, была заперта
въ студенческой комнатѣ на чердакѣ и осуждена слушать улич-
ный шумъ и гамъ, вмѣсто веселыхъ пѣсней тосканскихъ стре-
нокъ. Сначала ее возлюбленный дѣлалъ для нея все, что могъ,
но онъ былъ бѣденъ и жилъ почти исключительно тѣмъ, что ему
посылала изъ Бретани старушка-мать, лишая себя необходимаго.

Цѣлыхъ три мѣсяца этотъ мечтатель поклонялся Пиппѣ; онъ
вообразилъ на полотнѣ этотъ красивый цвѣтокъ, сорванный съ
тосканскихъ горъ, въ тысячѣ различныхъ позахъ и типовъ; потомъ,
какъ и слѣдовало ожидать, она ему вдругъ опостыла. Онъ тща-
тельно скрывалъ отъ нея перемену своего чувства и думалъ,
что Пиппа не замѣчаетъ его, но она инстинктивно поняла это
еще раньше, чѣмъ онъ самъ созналъ свою измѣну. Въ подоб-
ныхъ случаяхъ женщины бываютъ необыкновенно проницательны.
Гризети, съ которыми познакомилась Пиппа, были счастливы:
за вѣнчаніемъ сада онѣ росли резеду на огнѣ, театръ былъ
для нихъ расетъ, а вечеръ въ воскресенье, проведенный въ паркѣ
или за заставой Парижа, замѣнялъ для нихъ свободу. Онѣ бол-
тали между собою всякій вздоръ, мѣняли своихъ возлюбленныхъ
безъ угрызенія совѣсти, и были счастливы. Но Пиппа чувство-
вала себя какъ въ тюрьмѣ въ этой всемірной столицѣ, въ этомъ
великолѣпномъ Парижѣ. Она страдала тѣмъ, что рано или поздно
выщется съ женщины какъ самое тяжкое преступленіе, — она
слишкомъ горячо любила. Она перенесла съ собою туда, въ
этотъ душный Парижъ, свое пламенное и бурное сердце; она
чувствовала, что въ Парижѣ, въ этой золоченой клѣткѣ, это
сердце готово разбиться отъ страданія.

Пиппа не была обучена ничему, не обладала никакими свѣ-
дѣніями, которыя она могла бы примѣнить къ дѣлу въ Парижѣ;
она умѣла только плести солому, и то не совсѣмъ ровно и хо-
рошо; но эта работа не была нужна въ Парижѣ.

Разъ, въ какомъ-то саду, на гуляньѣ, къ ней присталъ ка-
кой-то господинъ, желая ее поцѣловать, несмотря на ее сопро-
тивленіе и негодованіе; выведенная изъ себя его ухаживаніемъ,
Пиппа схватила со стола ножъ и ударила имъ дерзкаго лове-
ща; большого труда стоило замять это дѣло, но Пиппу никакъ
нельзя было убѣдить въ ея виновности, она твердо стояла на
томъ, что она права, такъ-какъ она защищалась только отъ на-
паденія. Но ее другъ думалъ объ этомъ иначе, и послѣ этого
случая сталъ еще холоднѣе съ ней.

Понемногу начала увядать и роскошная красота Пиппы; глаза ея потеряли свой прежній блескъ и лучезарность; въ нихъ появилось выраженіе какого-то вѣчнаго испуга. Ее уже рѣдко ласкалъ тотъ, который былъ для нея дороже всѣхъ на свѣтѣ; иногда, при ея приближеніи, онъ удалялъ ее легкимъ, небрежнымъ движеніемъ руки, подобно тому, какимъ мужчины сбрасываютъ непелъ съ своихъ сигаръ.

Наступила вторая зима, у Пиппы и у ея возлюбленнаго не было ни куска хлѣба въ домѣ. Наконецъ, послѣ долгихъ недѣль голоданія и тщетной надежды на улучшеніе обстоятельствъ и на возможность уплаты возрастающаго долга, Пиппа разъ утромъ проснулась одна въ своей убогой комнаткѣ. На ея постелѣ лежали двадцать золотыхъ и письмо. Она оттолкнула деньги, но жадно схватила письмо и побѣжала съ нимъ къ хозяйкѣ, чтобы узнать его содержаніе. Тотъ, котораго она такъ любила, писалъ ей, что онъ получилъ заказъ снять копію съ одной картины въ Дрезденѣ и что принужденъ ѣхать туда; онъ посылалъ ей всѣ деньги, которые ему дали впередъ, и прибавилъ внизу письма коротенькую фразу о томъ, какъ онъ сожалѣетъ объ ихъ разлукѣ и неопредѣленно выразился о скоромъ свиданіи. Изъ этого письма Пиппа поняла одно, о чемъ онъ не писалъ въ письмѣ, именно то, что онъ разлюбилъ ее и бросилъ на произволъ судьбы. Ея разсудокъ не выдержалъ внезапно постигнаго ея горя, и въ ту же ночь ее отправили въ домъ для умалишенныхъ; тамъ коротко остригли ея длинныя, черныя косы и привязали къ кровати тѣ ноги, которые такъ весело порхали по горамъ и виноградникамъ.

Бѣдная Пиппа! она всегда неудачно и криво плела свою соломennую прядь; та же неудача постигла ее и въ жизни, въ ея сердечной привязанности.

Черезъ полгода она родила ребенка, и разсудокъ вновь возвратился къ ней. Ее выпустили изъ заведенія для умалишенныхъ, обязавъ ее возвратиться къ себѣ на родину; вмѣсто этого, она отправилась въ Дрезденъ,—имя этого города крѣпко запечатлѣлось въ ея памяти; она дошла до Дрездена пѣшкомъ, неся на рукахъ ребенка; дорогою она питалась милостыней или иногда зарабатывала кое-что. Иногда ей попадались добрые люди, иногда дурные, но чаще всего она встрѣчала равнодушныхъ людей: равнодушіе—бичъ нашего вѣка.

Наконецъ, она добралась до Дрездена и съ большимъ трудомъ отыскала квартиру покинувшаго ее художника, но онъ уже давно окончилъ свою картину и снова уѣхалъ въ Парижъ.

— Вѣроятно, вы ему вовсе не нужны; еслибы онъ захотѣлъ васъ видѣть, неужели вы думаете, что онъ не сумѣлъ бы отыскать васъ, гдѣ бы вы ни были, — сказала ей женщина, сообщивъ ей, какъ въ обществѣ художника, видя отчаянное выраженіе лица Пиппы и узнавъ ее печальную повѣсть.

Эти слова заставили призадуматься Пиппу; но вѣдь онъ уѣхалъ въ Парижъ, можетъ быть къ ней, а ее тамъ нѣтъ! Надо вернуться скорѣе въ Парижъ, чтобъ бы ее ни ожидало въ будущемъ: у нея было одно страстное желаніе, — показать ему ребенка, а тамъ, что Богъ дастъ! Она отправилась въ путь, и только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ дошла до Парижа; пришедши туда, она смотрѣла уже старухой, но ребенокъ былъ здоровъ, веселъ и цвѣтущъ, какъ утренняя роза; Пиппа улыбалась, глядя на него и видя, какъ похожъ онъ на, ее возлюбленнаго. Отыскать его въ Парижѣ было не трудно; объ немъ знали всѣ его старые товарищи. Пиппа бросилась къ нимъ за справками и, къ своему удивленію, узнала, что онъ только-что уѣхалъ въ Римъ.

— Онъ пойдетъ далеко, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, — говорила ей съ завистью товарищи художника. — Какая-то богачка, пронутая его бѣдностью и талантомъ, а можетъ быть плѣненная его красотою, дада ему возможность осуществить его мечты о великомъ будущемъ.

Въ дѣтствѣ Пиппа много слыхала о Римѣ, хотя вѣчный городъ ей казался тогда далекимъ и недосыгаемымъ для нея. Теперь же она рѣшилась отправиться въ Римъ по единственному пути, который ей былъ хорошо знакомъ, — черезъ Францію къ морю, а потомъ по прекрасной и величественной горной дорогѣ, усаженной гордыми и стройными пальмами, — по такъ-называемому «Коринфу», назадъ домой, — въ дорогую старую Сицию, а оттуда пробраться въ Римъ.

Пиппа шла по знакомой, столь памятной ей дорогѣ и на каждомъ шагу встрѣчала что-нибудь напоминавшее ей о томъ времени, когда она, счастливая и любимая, шла по ней рядомъ съ возлюбленнымъ ее сердцемъ. Пиппа сохранила въ своей памяти эти каждое слово, сказанное ей любимымъ человекомъ въ то время, когда они шли по этой чудесной дорогѣ; она забывала даже о томъ, что онъ теперь разлюбилъ и бросилъ ее. Она говорила своему ребенку всѣ заветныя для нея мѣста вдоль дорогъ; она говорила ему: «вотъ, тутъ твой отецъ сорвалъ для меня розу и любился мною, когда я держала ее въ мои волосы, вотъ, тутъ онъ повѣсилъ гирлянду цвѣтовъ на это распятіе и потомъ нарисовалъ его вмѣстѣ съ этимъ видомъ». Она подно-

сила ребенка въ распятію, заставляла его приложиться къ губамъ и воображала, что онъ все понимаетъ.

Такъ шла Пиппа по длинному, трудному пути, пока золотистая осень не потеряла своей прелести и не наступила изморозь съ проливными дождями и порывистымъ вѣтромъ; но она шла бодро впередъ, одушевленная одной надеждой, однимъ желаніемъ, — скорѣе дойти до своей родины. Всѣ встрѣчные принимали ее за обыкновенную нищую; изъ нея прежней красоты остались только ея большіе, все еще лучезарные глаза; Пиппа шла впередъ и впередъ, и наконецъ добрела до той старой, знакомой ей дороги, по которой она, веселая и счастливая, такъ часто ходила въ юности, съ корзиною свѣжихъ плодовъ, или кувшиномъ молока, ловко умѣщавшимися на ея красивой головѣ. Ей хотѣлось теперь увидать Бруно; она давно забыла его оскорбительное и жестокое обращеніе съ нею; она была увѣрена, что онъ все-таки не оттолкнетъ ее, если въ Римѣ она не найдетъ того, котораго она столько времени искала, и который, конечно, приметъ ее и ребенка съ радостью. Такъ по крайней мѣрѣ старалась себя увѣрить бѣдная Пиппа, иначе жизнь стала бы для нея невыносимой.

И тутъ, на этой старой, такъ хорошо знакомой ей дорогѣ, ея нога измѣнила ей, она упала съ горы и была поглощена бушевавшимъ потокомъ, охладившимъ ея безпредѣльно любящее страстное сердце, и схоронившимъ ее на днѣ морскомъ.

IV.

Десять лѣтъ прошло послѣ смерти Пиппы, и минуло десяти лѣтъ ея сыну. Онъ былъ щедушный мальчикъ, мало развитый для своего возраста; на его головѣ развѣвались бѣлокурные волосы; глаза его были темные и мечтательные; онъ ходилъ постоянно босоногій и бѣгалъ съ быстротою дикой козы по каменистымъ горнымъ вершинамъ. Онъ былъ вѣчно голоденъ и хорошо знакомъ съ пиньями; въ домѣ Липпо его чаще били, чѣмъ кормили, попрекали и бранили за чужіе проступки; у него никогда не было цѣлой, нерваной рубашки, или пары какинъ-то ни было башмаковъ; его обязанность состояла въ томъ, что стережъ овецъ на пахучихъ отъ множества полевыхъ цвѣтовъ склонахъ горъ, поднимавшихся надъ старою Синьей, и онъ, подобно своимъ овцамъ, нисколько не былъ защищенъ тамъ отъ порывовъ горнаго вѣтра, непогоды, палящихъ лучей солнца и ур-

такомъ. Но, вѣдь, онъ былъ для всѣхъ только найденнымъ, и потому никто не находилъ судьбу его плачевною. Такимъ же найденнымъ онъ считалъ и самъ себя; онъ ничего не зналъ о своей матери. Матерью для него, отцомъ, отечествомъ и другомъ былъ старый городъ Синья, воспринявшій его; хотя онъ былъ окрещенъ по всѣмъ правиламъ католической церкви и ему было дано длинное имя какого-то святого, но его всѣ звали просто Синьей; сначала онъ былъ названъ такъ потому, что это имя было вычеканено на маленькомъ медальонѣ, — единственномъ его наследствѣ отъ матери, который Нита, жена Липпо, надѣла ему на шею. Такимъ образомъ прозвище: «Синья» навсегда осталось за мальчикомъ, и онъ гордился своимъ именемъ; ему казалось, что его произвела на свѣтъ земля, на которой стоялъ этотъ городъ Синья, который онъ такъ любилъ; иногда же онъ думалъ, что онъ былъ принесенъ въ городъ горнымъ вѣтромъ или на крыльяхъ совы, любившихъ гнѣздиться между старыми башнями вѣрности.

Синья былъ очень несчастливъ, если судить о немъ, какъ о бѣдномъ, вѣчно голодномъ и плохо одѣтомъ существѣ, котораго заставляли работать какъ вьючное животное, не по силамъ и не по лѣтамъ, награждая его побоями за труды; но онъ самъ считалъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Счастьемъ для него былъ его талантъ, который еще скрытно лежалъ въ его душѣ: ему вездѣ слышались стройные, гармоническіе звуки; въ его душѣ постоянно раздавалась восхищавшая его мелодія. Мало того, Синья умѣлъ пѣть; хотя онъ самъ не понималъ, что поетъ онъ своимъ чистымъ серебристымъ голоскомъ, для него было великимъ наслажденіемъ пѣть, что приходило ему на умъ: такъ поетъ соловей или жаворонокъ, наслаждаясь звуками своего голоса, высоко взвываясь въ небѣ. У него была маленькая лютня, которая была подарена ему Бруно; но Синья не смѣлъ играть на этой лютнѣ дома, зная, что ее разбили бы въ дребезги, услышавъ его игру, и онъ игралъ на ней на горахъ, когда стерегъ зовъ овецъ; часто раннимъ утромъ, когда едва только начинало разсвѣтать, жители городка, лежа еще въ постели, слышали звуки, похожіе на пѣніе птицъ, которые уходили все выше и выше, — то были звуки, издаваемые лютней Синьи, на которой онъ игралъ, поднимаясь, въ тихія, прохладныя утра, въ гору со своимъ стадомъ. Но въ Ластръ никто не обращалъ вниманія на его музыкальныя способности; во всякой другой странѣ игра его вызвала бы удовольствіе или удивленіе, потому что она была въ такомъ дѣлѣ поразительно хороша въ своемъ родѣ, но въ Италіи такъ часто слышится музыка вездѣ, куда ни пойдешь, что

она никого не удивляетъ; въ Итадіи повсюду раздуются пѣсни: поселянинъ, идя у телѣги, со сврыпомъ спускающейся съ горы, непременно поетъ какую-нибудь пѣсню; жницы и жнецы точатъ свои косы въ тактъ, подѣ звуки извѣстной мелодіи; рыбаки на морскомъ берегу, гдѣ Шелли ¹⁾ напелъ себѣ преждевременную могилу, огрубѣлые, привыкшіе въ непогодамъ и бурямъ, поютъ прекрасныя, нѣжныя мелодіи, аккомпанируя себѣ на мандолинѣ; но всѣ эти мелодіи уносятся вѣтромъ, какъ лепестки дикорастущихъ розъ, никто не замѣчаетъ ихъ благоуханія и никто не собираетъ ихъ разсыпанныхъ лепестковъ.

По мѣрѣ того, какъ Синья подрасталъ, Бруно начиналъ все больше и больше интересоваться имъ; онъ настоялъ на томъ, чтобы мальчика послали въ школу; потомъ онъ занялся его наружностью, смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы онъ не ходилъ грязный, или въ рубищахъ; онъ также не позволилъ Нитѣ остричь его бѣлокурые кудри. Требованія Бруно были исполняемы отчасти потому, что Нита считала Синью за сына Бруно, но скорѣе въ ожиданіи получить за воспитаніе Синьи половину всего заработка Бруно; кромѣ того, Бруно часто посылалъ Нитѣ корзины, нагруженныя капустою и бобами, или фруктами, желая этимъ задобрить ее; въ этомъ случаѣ Бруно, очевидно, обманывалъ своего хозяина, такъ какъ, по условію, поселянинъ имѣетъ право брать съ поля только то, что понадобится ему самому или въ его собственномъ домѣ, но Бруно не считалъ себя виноватымъ передъ своимъ хозяиномъ; тѣ же самые поселяне, которые, несмотря ни на какія искушенія, не рѣшались взять что бы то ни было изъ дома хозяина, не считаютъ вовсе воровствомъ взять какіе бы то ни было плоды съ той почвы, которую они обрабатываютъ въ потѣ лица своего; Бруно въ этомъ случаѣ держался такого же мнѣнія, но, вдобавокъ къ этому, онъ нисколько не затруднился бы совершить и болѣе крупное преступленіе ради того, чтобы какимъ бы то ни было образомъ услужить сыну Пиппы.

— Хороша была бы моя любовь къ мальчику, — разсуждалъ

¹⁾ Шелли — извѣстный англійскій поэтъ, современникъ и другъ Байрона, на котораго онъ имѣлъ сильное и благотворное вліяніе, возбудившій противъ себя англійское общество за свое свободомысліе и создавшій школу, послѣдователями которой являются современный намъ поэтъ Свинбернъ, Елизавета Браунингъ и др. Въ 1822 г. Шелли, въ лучшей пору своей жизни, хотѣлъ бѣжать въ Ливорно; его трупъ, уже предавшійся сильному гніенію, былъ сожженъ на морскомъ берегу, въ присутствіи Байрона, который, точно также какъ и Шелли, былъ добровольнымъ изгнанникомъ изъ своего отечества.

онъ, — еслибы я не рѣшился ради него взять грѣхъ на свою душу.

Нита скрывала отъ всѣхъ, въ особенности же отъ самого Бруно, незавидное положеніе Синья въ ихъ домѣ; ей помогать въ этомъ случаѣ и самъ Синья; если онъ проговаривался Бруно, что его плохо кормили или били дома, то между братьями тотчасъ же начиналась ссора; оттого-то Синья, не желая раздражать Бруно, еще въ ранніе годы дѣтства выучился терпѣть свою горькую долю и молчать, или даже иногда отдѣлываться отъ разспросовъ Бруно невинною ложью. Синья, по мѣрѣ того, какъ онъ подрасталъ, все больше и больше привязывался къ Бруно, — къ этому человѣку, котораго всѣ въ городѣ считали за изверга и котораго всѣ боялись и ненавидѣли. Правда, Бруно, столь гордый и необузданный съ другими, имѣвшій дурную привычку хвататься за свой ножъ въ порывѣ гнѣва, неразговорчивый и суровый со всѣми, обращался съ мальчикомъ нѣжно и кротко, какъ женщина, говорилъ съ нимъ съ улыбкою на своемъ обыкновенно-мрачномъ лицѣ и окружалъ его нѣжнымъ вниманіемъ и заботливостью объ его незатѣйливыхъ прихотяхъ.

Синья никогда не удивлялся, почему Бруно такъ любитъ его: дѣти воспринимаютъ любовь и расположеніе къ нимъ, какъ солнечные лучи или какъ свой насущный хлѣбъ; если же идетъ жажда и если они голодаютъ, тогда они удивляются этому факту, потому что дѣти рождаются на свѣтъ божій съ невиннымъ убѣжденіемъ, что имъ непременно будетъ житься хорошо и пріятно въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Синья смутно понималъ только то, что онъ былъ очень дорогъ для этого полудикаго, страннаго чужака, но онъ не зналъ и не могъ угадать всей глубины чувства, которое Бруно питалъ къ нему. Бруно любилъ Синью такъ сильно, какъ только могутъ любить люди его натуры; онъ ревновалъ его ко всѣмъ и ко всему, что было сколько-нибудь дорого мальчику, между прочимъ, къ его лютнѣ, и, главнымъ образомъ, къ Джеммѣ, — дѣвочкѣ съ золотыми локонами, прекрасной, какъ едва распутившаяся распуколька розы; къ Джеммѣ Синья питалъ неограниченную дѣтскую любовь, заставлявшую его трепетать передъ нею и исполнять всѣ ея желанія и прихоти; Бруно смутно сознавалъ, что мальчикъ не принадлежитъ ему всецѣло, какъ онъ этого желалъ. Синья былъ добръ, послушенъ, признателенъ за все, что Бруно дѣлалъ для него, ласковъ и уступчивъ: въ немъ трудно было бы отыскать хотя бы одинъ какой-нибудь недостатокъ; но для Бруно иногда казалось, что онъ имѣетъ столь же мало власти и вліянія на судьбу мальчика, какъ и на

птицу, которая, случайно порхая, съла бы на мгновеніе около него.

Это сознаніе было весьма смутно и неопредѣленно, такъ какъ Бруно былъ необразованный человѣкъ, непривыкшій анализировать движеній своей души; но, тѣмъ не менѣе, это чувство росло и беспокоило этого твердаго, безстрашнаго человѣка. Онъ часто ловилъ на лицѣ Синьи, въ особенности, когда тотъ игралъ на лютнѣ странныя, непонятныя для Бруно мелодическія фантазіи, всю прелесть которыхъ Бруно не признавалъ, какой-то мечтательный, глубокій взглядъ. У Пиппы никогда не было этого взгляда, и не отъ нея онъ унаслѣдовалъ этотъ духовный огонь, который теплился въ большихъ темныхъ глазахъ мальчика. Бруно не разъ видалъ этотъ проникающій въ душу взглядъ у младенца Христа, или у святаго Іоанна, изображенныхъ на старыхъ, обветшалыхъ церковныхъ фрескахъ въ Карминьяно, или въ Пистойѣ, куда Бруно ѣздилъ только разъ или два въ годъ, за покупкой или для продажи зернового хлѣба. Но чѣмъ объяснить этотъ лучезарный взглядъ у сына Пиппы? У святыхъ дѣтей, изображенныхъ на полотнѣ, среди неуважающихъ лицій и оміама, этотъ взглядъ былъ умѣстенъ и понятенъ. Но откуда и зачѣмъ этотъ взглядъ у людей, которымъ приходится зарабатывать свой черствый хлѣбъ въ потѣ лица, или стеречь овецъ въ непогоду? Для такихъ людей, думалъ Бруно, нужна болѣе обиденная натура, и онъ былъ бы счастливѣе, еслибы Синья былъ не болѣе, какъ самый обыкновенный, подчасъ несносный, веселый мальчишка, подобно другимъ шалунамъ его же лѣтъ, тогда для Бруно было бы легче справиться съ нимъ; но, несмотря на всѣ эти соображенія, Бруно, по странной логикѣ любящаго сердца, ни за что въ мірѣ не хотѣлъ видѣть Синью другимъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

По временамъ на Бруно нападало раздумье: что, если Пиппа только обмерла въ ту бурную ночь, когда онъ съ братомъ нашелъ ее у ската горы? Что, если въ ней еще теплилась искра жизни, и можно было бы раздуть ее и вернуть бѣдную женщину къ жизни? Это было мало вѣроятно, но все же возможно. Эта мысль наводила на Бруно ужасъ и обдавала его холодомъ. Онъ уже давно рассказывалъ о смерти своей сестры со всѣми подробностями на исповѣди своему добродушному патеру, жившему тутъ же, недалеко на горѣ, и патерь отпустилъ ему его грѣхъ, во вниманіе къ чистосердечному раскаянію; но Бруно самъ не могъ простить себѣ того, что онъ оставилъ тѣло Пиппы лежать тамъ, гдѣ онъ его нашелъ. Полевая работа и свѣжій горный вѣтеръ

мгновѣнны мрачныя мысли Бруно, но, когда солнце садилось и не утихало кругомъ, онъ, послѣ тяжелой дневной работы, вдругъ вспоминалъ о бѣдной Пиниѣ и чувствовалъ подъ своею рукою и холодною, мраморную грудь; на него нападали суевѣрный страхъ и раскаяніе въ томъ, что онъ отдавалъ тѣло своей сестры юнымъ, и эта мысль заставляла Бруно привязываться все больше и больше къ Синьѣ, который, можетъ быть, не былъ бы теперь лишень любви и попеченій матери. Бруно дѣлалъ для него все, что только могъ. Синья уже умѣлъ хорошо читать и писать; его выучили пѣть церковныя гимны; онъ начиналъ также понимать многое въ полевыхъ работахъ и стерегъ, по-очереди, стада овецъ Липпо и Бруно, какъ это обыкновенно дѣлали мальчики его лѣтъ. Бруно не зналъ, что могъ бы онъ еще сдѣлать для своего воспитанника; живши столько лѣтъ на высокой горѣ, надъ долиною Арно, Бруно самъ былъ воспитанъ такимъ же образомъ, за исключеніемъ того, что его самого не учили грамотѣ. Но все-таки Бруно былъ недоволенъ тѣмъ, что онъ сдѣлалъ для юнаго мальчика, хотя и не зналъ, какъ поступить лучше. Синья былъ худъ и щедушенъ и плохо одѣтъ во время зимнихъ холодовъ, хотя Бруно зналъ, что онъ отдавалъ Липпо гораздо больше, чѣмъ сколько нужно для того, чтобы одѣтъ и кормить мальчика какъ слѣдуетъ.

— Я буду удѣлять тебѣ половину всего моего заработка, — сказалъ онъ Липпо, въ порывѣ душевнаго раскаянія и жалости къ умершей сестрѣ. Теперь Бруно сильно раскаивался въ томъ, что онъ не взялъ Синью на свое собственное попеченіе и не объявилъ о смерти своей сестры въ Ластрѣ, похоронивъ ее какъ бы слѣдовало.

Бруно было уже сорокъ лѣтъ, онъ носилъ рубашку съ открытымъ воротомъ и сверхъ нея живописно наглядывалъ коричневый плащъ; онъ ходилъ босоногій; по его походкѣ, въ немъ тотчасъ можно было узнать настоящаго горца, или атлета; когда онъ шелъ съ своей горной вершины рядомъ съ громаднымъ воемъ сѣна, или несъ свой неводъ на длинномъ шестѣ, вся его фигура дышала важностью и благородствомъ, съ примѣсью какаго-то полудикаго, полугордаго сознанія собственнаго достоинства, столь собственнаго тосканскому поселянину. Бруно, послѣ наводненія, становился все болѣе и болѣе ненавистнымъ для жителей Ластры-Синья. До того времени его считали за великодушнаго человѣка, готоваго отдать свой послѣдній грошъ тому же самому человѣку, котораго онъ наканунѣ сбилъ съ ногъ и едва не похоронилъ на мѣстѣ; ради этого великодушія ему прощали многія его прегрѣ-

шенія, вспышки гнѣва и вольное обращеніе съ женщинами. Но послѣ намятвой для всѣхъ ночи наводненія, Бруно становился скупѣе съ каждымъ годомъ; онъ все рѣже и рѣже бросалъ деньги на азартныя игры съ мужчинами и за подѣлку женщинъ. Жители Ластры начали считать его чуть не воплощеніемъ долга. Но Бруно вовсе не заботился о мнѣніи другихъ; онъ заботился только одного—сдержать слово, данное имъ въ глубинѣ своего сердца умершей Пиппѣ, что онъ будетъ отцомъ для сына. Но Бруно не былъ увѣренъ въ успѣхѣ своихъ усилій; онъ недовѣрялъ своему брату и инстинктивно понималъ, что для Синьи,—этого юнаго соловья,—нужно было бы другое, болѣе подходящее гнѣздо. Но, не имѣя привычки вообще анализировать свои душевныя движенія и совѣщаться съ самимъ собою, онъ не зналъ, какъ лучше вести воспитаніе Синьи.

V.

Авторъ подробно описываетъ дѣтскіе годы Синьи; онъ изображаетъ яркими красками его жизнь, полную лишений и непосильныхъ трудовъ, въ домѣ Липпо. Постараемся познакомиться читателей съ однимъ внутреннимъ міромъ Синьи, который былъ непонятенъ для всѣхъ его окружающихъ. По природѣ метельный до болѣзненности, Синья еще болѣе развивалъ свою пылкую фантазію въ постоянномъ уединеніи, въ которомъ онъ находился. Онъ всюду слышалъ мелодіи и жилъ какъ-бы въ какомъ-то очарованномъ мірѣ, забывая о холодѣ, голодѣ и побояхъ и развлекаясь своимъ пѣніемъ и игрою на лютнѣ. Онъ любилъ слушать рассказы о временахъ великой флорентинской республики, о старомъ, воинственномъ городѣ Синьи; эти рассказы усталихъ словоохотливыхъ стариковъ, любившихъ поболтать умнымъ мальчикомъ, были болѣею частью вымыслами, но отличались такою искренностью, что въ народѣ могли безъ какого ущерба для него прослыть за правду. Синья любилъ читать и не разъ отыскивалъ старыя, извѣденныя мышами хроникъ въ какихъ-нибудь сараяхъ, или на чердакахъ, которыя онъ искалъ и даже изучалъ съ большимъ увлеченіемъ. Онъ былъ также хорошо знакомъ съ старыми башнями и полуразвалившимися укрѣпленіями, нѣкогда столь доблестной крѣпости, какъ ихъ звали совы, гнѣздившіяся въ ихъ зубчатыхъ стѣнахъ. Въ свободныя минуты онъ любилъ бродить между этими развалинами и, уйдя гдѣ-нибудь высоко надъ долиною, въ полномъ уединеніи

невозмутимой тишинѣ, онъ начиналъ тамъ играть на своей любимой лютнѣ, воображая себя однимъ изъ менестрелей, о которыхъ онъ читалъ въ старыхъ книгахъ. Вся сумма познаній Сини была весьма ничтожна, понятія его обо всемъ были спутанны и невѣрны; но его природный инстинктъ руководилъ имъ и заставлялъ понимать многое, что для другихъ казалось непонятнымъ и даже нелѣпнымъ. Въ этомъ случаѣ возобновлялась старая и вѣчно новая борьба между потомъ и свѣтомъ; такъ какъ никто изъ окружающихъ не понималъ того и не слышалъ о томъ, что представлялось пламенному воображенію Сини, то они утверждали, что ничего этого нѣтъ въ дѣйствительности и что изъ головы Сини нужно выбить всю его дурь. Но наказанія не повели ни къ чему; онъ не былъ упрямъ, онъ только стремился изъ всѣхъ силъ къ свѣту знанія и истины, подобно растенію, которое инстинктивно тянется къ свѣту, безъ котораго оно неминуемо зачахнетъ. Десятки тысячъ людей изъ низшаго класса общества рождаются на свѣтъ божій, исполняютъ свою обыкновенную работу и умираютъ, почти безъ всякихъ стремленій къ чему бы то ни было возвышенному; но бываютъ рѣдкія исключенія, когда люди, рожденные въ невѣжественныхъ слояхъ общества, носятъ въ своихъ сердцахъ цѣлый міръ возвышенныхъ стремленій, мечтаній и, главное, бываютъ одарены нравственною силою для борьбы съ окружающимъ ихъ узкимъ міромъ. Этихъ людей, если только они преждевременно не погибнуть въ этой продолжительной борьбѣ, міръ называется впоследствии Бернсами, Гайднами, Шекспирами.

Сини былъ счастливъ въ одномъ отношеніи: онъ нашелъ чело-
вѣка, который понималъ и раздѣлялъ его любовь къ музыкѣ, хотя не былъ въ состояніи руководить его; это былъ семидесяти-
лѣтній старикъ, церковный пономарь, нѣкогда странствующій музыкантъ, жившій въ маленькой церкви на вершинѣ горы. Онъ передалъ Сини все, что самъ могъ припомнить изъ своихъ прежнихъ, довольно скромныхъ музыкальных познаній; но онъ былъ горячимъ поклонникомъ музыки и сумѣлъ еще болѣе воспламенить любовь Сини къ ней, наигрывая при немъ не совсѣмъ еще забытые имъ отрывки изъ сочиненій великихъ композиторовъ прошлыхъ столѣтій, тѣ самыя мелодіи, которыя приводили въ восторгъ современниковъ и считаются классическими произведеніями и въ наше время. Луджи Дини, — такъ звали стараго пономаря, — обладалъ цѣлымъ сокровищемъ старыхъ нотъ, отчасти переписанныхъ его же рукою; между ними были величественныя григорианскія мелодіи, флорентинскіе тропари изъ среднихъ вѣковъ,

монастырскіе напѣвы, составленные по образцу старинныхъ греческихъ музыкальныхъ преданій, — все въ чисто-древнемъ и простомъ вкусѣ, какъ драгоценныя древнія камни. Никто не могъ объяснить Синьѣ всего ихъ значенія и прелести; онъ самъ изучалъ ихъ и понималъ ихъ строгую красоту и могучую силу; въ свободныя минуты онъ прибѣгалъ къ Дини и игралъ эти мелодіи на своемъ безыскусственномъ инструментѣ. Лунджи Дини обыкновенно молча стоялъ около него и восхищался его игрой, глубоко пораженный удивительнымъ талантомъ мальчика, подобно тому, какъ въ Римѣ молча восхищались, когда юный Моцартъ игралъ свой знаменитый *Allegri requiem*. Вся душа Синьи была наполнена мелодією; откуда неслись къ нему эти звуки и голоса, онъ не зналъ, но онъ ихъ слышалъ постоянно надъ собою. Иногда ему казалось, что всѣ эти звуки, которые волновали его душу, были сосредоточены въ небольшомъ, невзрачномъ кускѣ дерева, какъ иногда случается, что великая душа человѣка бываетъ заключена въ щедрушномъ, неприглядномъ тѣлѣ.

Въ Ластрѣ, въ окнѣ небольшой лавки, гдѣ продавались старыя желѣзныя и мѣдныя вещи, была выставлена для продажи скрипка; она была сдѣлана изъ грушеваго дерева, съ украшеніями изъ перламутра, и казалась очень ветхою. Тонино, владѣлецъ лавки, получилъ ее отъ одного своего жильца, много лѣтъ тому назадъ, въ залогъ за квартиру. Этотъ жилецъ оставилъ скрипку съ тѣмъ условіемъ, что она будетъ сохранена до тѣхъ поръ, когда онъ вернется; но онъ не возвращался такъ долго, что Тонино потерялъ уже счетъ годамъ его отсутствія. Скрипка во все это время лежала въ пыли, заброшенная; наконецъ, однажды какой-то торговецъ случайно замѣтилъ ее и предложилъ за нее десять франковъ. Тонино тотчасъ же сообразилъ, что если за скрипку такъ охотно предлагаютъ десять франковъ, то вѣроятно она стоитъ не менѣе сорока, если ее продать съ толкомъ, и выставилъ ее въ своемъ маленькомъ закопѣломъ окнѣ, вмѣстѣ съ старой мѣдной посудой. Какъ-то разъ Синья, находясь въ лавкѣ, взялъ въ руки скрипку и началъ, самъ не зная какъ, инстинктивно подбирать на ней звуки, какъ нѣкогда юный Паскаль безъ посторонней помощи, руководясь здравымъ смысломъ и какимъ-то врожденнымъ инстинктомъ, понялъ всю тайну математики. Тонино, возвратившійся черезъ нѣсколько времени въ свою лавку, услышавъ, какіе чудные звуки издаетъ его драгоценная скрипка въ рукахъ негоднаго мальчишки, недоумѣвалъ, похвалить ли его за искусство, или прибить за неслыхан-

ную деревось; наконецъ, онъ грубо выхватилъ скрипку изъ рукъ огорченнаго мальчика и прогналъ его.

Многіе приходили смотрѣть скрипку, но никто не изъявлялъ желанія купить ее, потому ли, какъ это обыкновенно бываетъ въ жизни, что именно тѣ, которымъ она была бы нужна, не знали объ ея существованіи, или потому, что на ней не было вѣстнаго Кремонскаго или Болонскаго клейма. Итакъ, скрипка продолжала попрежнему лежать на окнѣ, смущая душу бѣднаго Синья, когда онъ проходилъ мимо. Онъ не могъ оторвать отъ нея своихъ мыслей, день и ночь ему чудились эти очаровательныя, невѣдомыя ему до тѣхъ поръ звуки, воплощенные въ нѣмыхъ струнахъ этого инструмента изъ грушеваго дерева. Любля была ему очень дорога, но что значили ея бѣдныя, нѣжныя звуки рядомъ съ мощными, пламенными вздохами, которые издавало это дивное существо — скрипка; Синья не могъ думать о скрипкѣ иначе, какъ объ одушевленномъ предметѣ.

Онъ просилъ, умолялъ Тонино позволить ему взять скрипку въ руки, хотя бы только одинъ, послѣдній разъ; но Тонино былъ неумолимъ: услышавъ, какіе удивительные звуки можно извлекать изъ нея, онъ сталъ еще больше дорожить ею, чѣмъ прежде.

— Заплати мнѣ сорокъ франковъ и ты получишь скрипку, рѣшило, — отвѣчалъ съ коварною улыбкою Тонино, зная, что онъ могъ съ одинаковымъ успѣхомъ пожелать, чтобы бѣдный мальчикъ сорвалъ звѣзду съ неба.

Синья удалился съ поникшею головою; желаніе овладѣть скрипкою зрѣло въ немъ и превратилось въ жгучее, болѣзненное чувство, издававшее ему покоя. Надъ нимъ смѣялись и брали его; даже Бруно надобно видѣть его грусть и томленіе. Черезъ нѣсколько времени Синья, по своей природѣ застѣнчивый и гордый, началъ самъ стыдиться своего восторженнаго, пламеннаго желанія и затаилъ его глубоко въ своемъ сердцѣ; Бруно думалъ, что онъ позабылъ о старой скрипкѣ, но Синья только еще страстнѣе желалъ обладать драгоценною въ его глазахъ скрипкою, потому именно, что онъ никому не говорилъ о своемъ желаніи. Иногда на него нападала мысль украсть ее и убѣжать съ нею далеко, далеко; это было бы не трудно, но его удерживало сознаніе, что этотъ поступокъ былъ бы недостойнъ его самого и божественнаго инструмента; однакожъ эта мысль перерождалась сотни разъ, несмотря на всю ея преступность. Гостальность всегда граничитъ съ фанатизмомъ, а бѣдный, босоногий мальчикъ несомнѣнно хранилъ въ своемъ одинокомъ сердцѣ икру священнаго огня.

Разъ какъ-то Синья встрѣтилъ на улицѣ двоихъ путешественниковъ, иностранцевъ, осматривавшихъ достопримѣчательности города; одинъ изъ нихъ прочиталъ что-то въ книгѣ и томъ, указывая на старую крѣпость, — сказалъ своему товарищу: «Какъ жаль, что Ластра-Синья уже позабыта свѣтомъ!» Эти слова глубоко запали въ сердце Синьи; онъ никому ничего не говорилъ о нихъ, боясь, что его поднимутъ на смѣхъ; но эта случайная фраза возбудила въ немъ цѣлый рой желаній; для него старинный городъ былъ такъ же дорогъ, какъ Синай для израильтянъ.

«Еслибы я могъ сдѣлаться великимъ композиторомъ, кимъ былъ Перголезе», — думалъ онъ, «тогда свѣтъ, услышавъ обо мнѣ, вспомнилъ бы и о городѣ Синья!» И въ сердцѣ мальчика возгорѣлось страстное, несбыточное желаніе, чтобы вся Италия весь свѣтъ узнали о немъ и чтобы его привели въ его милую Ластру, какъ Петрарку въ Римъ, окруженнаго почестями и увѣнчаннаго лаврами. Синья завидовалъ участи Перголезе, который истощилъ всю мощь своего страстнаго сердца на безплодные попытки, и умеръ въ двадцать-пять лѣтъ съ разбитымъ сердцемъ. Но Синья зналъ о Перголезе только какъ о великомъ композиторѣ «Stabat Mater», «Salve Regina» и неподражаемой арии «Se circa se dice», — пѣсни, въ которой вылилась вся душа этого великаго поэта и музыканта, изобразившаго ту крайнюю степень жестокаго, безпримѣрнаго отчаянія, когда страждущее существо, несмотря на личные страданія, думаетъ только объ одномъ, — спасти отъ гибели другое, любимое имъ существо:

«Ah nol si gran duolo

«Non darle per me!

Никто не понималъ, что такъ волновало и мучило Синью. У него были двѣ подруги; одна изъ нихъ, маленькая красавица Джемма, невольно привлекала къ себѣ вниманіе Синьи; онъ, какъ истинный артистъ, привязывался ко всему, что было красиво, а дѣвочка была въ самомъ дѣлѣ очень красива съ своими золотыми волосами, какъ у типіановской Магдалины; но съ тѣмъ она была уже рано преисполнена сознаниемъ своей красоты и граціи, и пользовалась ими для достиженія своихъ желаній: то ей нужно было сорвать золотой персикъ, висѣвшій надъ резъ каменную ограду чужого сада, то купить какой-нибудь парфюмъ; Синья былъ готовъ заглушать тайный голосъ своей совести и рисковать побоями, для того, чтобы угодить маленькой Джеммѣ, которая принимала приносимое ей лакомство.

ую дань. Ради нея, Синья иногда забывалъ и о своей музыкѣ, но всегда снова возвращался къ ней, съ тайнымъ угрызеніемъ снѣсти, въ особенности послѣ холоднаго обращенія съ нимъ гордой, десятилѣтней сирены. Для Синьи уже рано началась борьба съ двумя заклятыми врагами гениальныхъ людей, — съ женщиною и съ мірскою суетой!

Не такъ относилась къ Синьѣ кроткая, молчаливая Пальма, сестра Джеммы; она еще съ ранняго дѣтства полюбила мечтательнаго мальчишка безкорыстно и безпредѣльно, смутно понимая то, что происходило въ его сердцѣ, но онъ былъ равнодушенъ къ ней или, скорѣе, такъ увѣренъ въ ея привязанности, что не считалъ нужнымъ много о ней заботиться. Но болѣе всѣхъ и него на свѣтѣ Синья все-таки любила свою музыку, какъ-бы сознавая, что ничто никогда не можетъ быть такъ дорого артисту и не можетъ такъ поглотить и удовлетворить всѣ его помыслы, какъ его природный талантъ.

VI.

Уже болѣе полугодъ тому назадъ, Бруно общалъ Синьѣ большое удовольствіе, — взять его съ собою въ день святыхъ Петра и Павла въ монастырь Чертоза, лежащій въ десяти миляхъ отъ Ласты. Бруно всегда исполнялъ, что разъ было общано имъ, и Синья былъ настолько увѣренъ въ его словѣ, что въ наступившій день праздника, онъ уже съ пяти часовъ утра поджидалъ Бруно у крыльца своего дома. Былъ прелестный юньскій день. Ликъ Мадонны въ нишѣ, находившейся у самаго дома, улыбался Синьѣ черезъ желѣзную рѣшетку; несмотря на то, что было такъ рано, чья-то любящая рука уже успѣла набрать букетъ пахучихъ полевыхъ цвѣтовъ и украсить ими образъ Мадонны. Утро было очаровательное, но свѣжее, какъ обыкновенно бываетъ въ такую пору въ Италіи, пока солнце еще не успѣетъ обогрѣть землю и осушить почву отъ обильныхъ ночныхъ испареній и росы. Мѣстами уже отрывались зеленія ставни домовъ; въ садахъ и дворахъ, всюду видѣлись ярко-желтыя груды готовыхъ сдвинутыхъ плетей, намоченныхъ и просушивавшихся на солнцѣ. Былъ замѣтно было праздничное оживленіе; молодыя дѣвушки начинали наряжаться къ обѣднѣ въ свои ярко-пестрыя юбки и блестящія серьги; онѣ сплетали въ двѣ косы свои длинныя, но болѣе части черныя волосы, красиво прикалывая ихъ большими булавками; невѣсты надѣвали на шею нити жемчуга.

Синья ждалъ недолго; Бруно, дѣйствительно, не забылъ свое обещаніе; вмѣстѣ, безъ лишнихъ словъ, они пошли вдоль рѣки Грѣвы. Передъ ними разстилалась очаровательная картина, были видны дальнія горы, развалины нѣкогда славной крѣпости Пуччи, возведенной съ цѣлью держать въ страхѣ и покорности нѣкогда свободную Флоренцію, теперь же обезсиленную и унылую, съ жаждущею мѣстомъ пребыванія для страждущихъ разстройствомъ умственныхъ способностей.

Вдоль рѣки, зеленой какъ изумрудъ и испещренной старыми водяными мельницами, тростникомъ и дико-растущимъ виноградомъ, тянутся ряды высокихъ, стройныхъ тополей съ ихъ постоянно колышущимися листьями; римляне называли ихъ: *populus* — именемъ народа, вѣчно непокорнаго и неспокойнаго, подобно листьямъ этого красиваго дерева.

Бруно и Синья долго шли молча, но потомъ послѣдній началъ весело болтать, задавая Бруно вопросы — самаго разнообразнаго свойства. Бруно не унаследовалъ многорѣчивости, столь свойственной итальянцамъ, что, однако, не мѣшало ему быть краснорѣчивымъ, и рѣшительнымъ въ своихъ рѣчахъ, когда это бывало нужно. Онъ ограничивался тѣмъ, что молча улыбался на разспросы мальчика, или отвѣчалъ на нихъ уклончиво; хотя онъ не могъ дать удовлетворительныхъ отвѣтовъ на большую часть изъ нихъ, однако, онъ въ то же время не говорилъ ничего, что могло бы охладить или испортить веселое, поэтическое настроеніе духа Синьи. Не есть ли любовь та же симпатія, а симпатія, въ свою очередь, не дѣлаетъ ли людей проникательными чуткими къ душевнымъ движеніямъ любимаго ими существа?

Когда приближаешься къ монастырю Чертоза со стороны Рима, онъ ничѣмъ не поражаетъ того, кто видитъ его въ первый разъ: это не больше какъ груда гранита, довольно непривлекательной, хотя, правда, грандіозной архитектуры. Когда утреннее солнце освѣщаетъ его сзади, облекая его золотистымъ облакомъ тумана и слегка озаривъ темную, прохладную долину, лежащую у его ногъ, монастырь удивительно красивъ и величественъ; немъ олицетворены вся вѣра и величіе того вѣка, когда онъ былъ построенъ по рисункамъ знаменитаго Орканьи, въ 1342 для борьбы противъ вѣшняго врага и для поработенія, можетъ быть, еще болѣе опаснаго, внутренняго врага человека — страстей.

Около монастыря собралась уже толпа народа, когда Бруно и Синья подошли къ монастырю. Крестьяне любятъ собираться

группами подъ тѣнью величественныхъ монастырей или церквей; они любятъ бродить по ихъ темнымъ корридорамъ, прислоняться къ гранитнымъ колоннамъ, или тихо и благоговѣнно сидѣть на ступенькахъ алтаря, отдыхая душой и тѣломъ; для нихъ домъ Господень есть въ самомъ дѣлѣ мѣсто отдыха отъ тяжелыхъ трудовъ. Очень можетъ быть, что ихъ мысли не бывають въ то время заняты чѣмъ-нибудь особенно глубокомысленнымъ, но тишина и спокойствіе, царящія подъ сводами старыхъ зданій прошлыхъ временъ, несомнѣнно дѣйствуютъ на нихъ благотворнымъ образомъ.

Но, кромѣ того, въ душѣ каждаго итальянца-простолюдина сохраняется крѣпкая, непоколебимая вѣра во всевозможныя чудеса; множество картинъ съ изображеніемъ чудесъ и народныхъ легендъ только еще больше поддерживаетъ въ немъ эту слѣпую вѣру. Какъ знать, однако, не придаютъ ли именно эти невинныя и наивныя вѣрованія въ будущее благо бодрость ихъ духу при ихъ тяжелыхъ трудахъ.

Синья былъ глубоко пораженъ всѣмъ, что видѣлъ передъ собою; знаменитая картина Перуджино, удивительное мраморное изваяніе усопшаго епископа, работы Франческо-ди-Санъ-Галло, и вообще всѣ сокровища искусства, собранныя въ этомъ старинномъ монастырѣ, сильно подѣйствовали на впечатлительную, каждую душу Синьи. Ему пришла въ голову странная мысль, — обогатить свою переполненную впечатлѣніями душу пѣніемъ, и, несмотря на сопротивленіе Бруно, которому казалось чуть-чуть не оскорбленіемъ святыни пѣть въ такомъ мѣстѣ, не будучи въ состояніи болѣе противиться своему влеченію, онъ сложилъ свои руки какъ-бы для молитвы и спѣлъ извѣстный гимнъ Перголезе; отъ этого гимна онъ, незамѣтно для самого себя, перешелъ въ другой мотивъ, нигдѣ неслышанный имъ: слова были тѣ же, латинскія, но мотивъ былъ другой, родившійся въ его головѣ, подобно тому, какъ не сознаетъ своего пѣнія птичка, поющая весною въ кустахъ.

Въ это время какой-то иностранецъ, до тѣхъ поръ разсматривавшій съ видомъ знатока изображеніе святого Младенца на картинѣ Перуджино, подошелъ и сталъ внимательно слушать пѣніе зачѣмъ-то мальчика.

— Мой милый мальчикъ, — сказалъ онъ, когда Синья окончилъ свое пѣніе и стоялъ понурия голову какъ виноватый: — изъ твоихъ устъ падаютъ драгоценныя перлы; тебѣ предстоитъ великая будущность, свѣтъ узнаетъ о тебѣ!

Синья смотрѣлъ на него молча; онъ не понималъ такихъ рѣчей.

— Пойдемъ со мной, — продолжалъ незнакомецъ. — Мнѣ бы хотѣлось узнать, гдѣ ты выучился пѣть и кто сочинилъ эти не-извѣстные мнѣ мотивы?

— Я пѣлъ, — отвѣчалъ Синья, — то, что пришло мнѣ въ голову. и никто не училъ меня пѣть; подумавъ немного, онъ прибавилъ: «а развѣ птицъ учить кто-нибудь пѣть?»

Иностранецъ продолжалъ внимательно всматриваться въ лицо мальчика.

— Я бы хотѣлъ нарисовать твое лицо, — сказалъ онъ, — какъ Перуджино нарисовалъ святого Младенца, на котораго ты такъ смотрѣлъ во время твоего пѣнія. Мнѣ кажется, что, рано или поздно, твое лицо станетъ извѣстнымъ свѣту.

Синья не зналъ, позволить ли ему Бруно исполнить желаніе иностранца. Бруно былъ недоволенъ; онъ бы лучше хотѣлъ, чтобъ иностранецъ оставилъ мальчика въ покоѣ; онъ ревновалъ къ нему Синью и боялся, что похвалы художника вскружатъ ему голову; но у каждого итальянца кроется въ крови уваженіе къ искусству и къ художникамъ, и Бруно чувствовалъ, что ему неловко отказываться отъ чести, которою ихъ удостоивалъ незнакомецъ.

Въ монастырѣ есть такъ-называемая «папская» комната, въ которой виситъ портретъ грознаго папы Льва. У широкаго окна, изъ котораго открывался очаровательный видъ на дальнія лиловыя горы, стоялъ бюстъ художника. Синья сталъ передъ нимъ въ своей бѣлой рубашкѣ съ воткнутою у воротъ, ея красною гвоздикой. Художникъ принялся за свою работу привычною, искусною рукою. Черезъ полчаса сходство уже было схвачено: на полотнѣ легло изображеніе дѣтскаго личика, на которомъ выражались и грусть, и радость; передъ такимъ лицомъ могли бы заплакать женщины. Черты такого лица уже давно складывались въ головѣ художника, но были смутны, и онъ нарочно пріѣхалъ въ Италію, чтобъ тамъ написать такое лицо съ натуры; такъ дѣлаютъ обыкновенно художники, зная напередъ, что въ Италиі въ натурѣ они найдутъ то, что создало ихъ воображеніе.

Чтобъ занять вниманіе мальчика и оживить мысль его темные глаза, художникъ началъ рассказывать ему о Донателло который изсѣкалъ изъ мрамора своихъ героевъ, одуховленныхъ послѣ великихъ подвиговъ; о Джуліано, который изъ неуступчиваго мрамора умѣлъ воспроизводить на могильныхъ плечахъ легкія гирлянды роскошныхъ цвѣтовъ и плодовъ, для того, чтобъ могилы казались менѣе непривѣтливыми и мрачными. Онъ гово

рѣзъ просто, но краснорѣчиво, какъ человѣкъ, привыкшій легко передавать словами то, что приходило ему на память; онъ разсказывалъ увлеченному его словами Синьѣ о великомъ строителѣ этого монастыря, Орканьѣ, — объ этомъ добромъ старикѣ, который такъ любилъ рисовать амуровъ, играющихъ съ молодыми дѣвушками подъ вѣтвями апельсиновыхъ деревьевъ, или подъ сводами золотистыхъ небесъ, который былъ скульпторомъ, когда онъ писалъ на полотнѣ, и живописецъ, когда онъ какъ-бы легкою кистью начерчивалъ контуры своихъ мраморныхъ статуй. Синья съ восторгомъ слушалъ о томъ, какъ плодотворна была жизнь этихъ людей, оставившихъ послѣ себя великіе памятники искусства, и какъ спокойно они проводили свою старость, окруженные славою. Орканьѣ было шестьдесятъ лѣтъ, когда онъ умеръ, и въ этомъ возрастѣ онъ еще писалъ стихи для одного юноши, къ которому былъ очень привязанъ; въ шестьдесятъ лѣтъ онъ еще обладалъ настолько душевною свѣжестью и почти юношескою вѣрою, что могъ написать стихи, которые нравились юношѣ. Да, повстинѣ можно сказать, что эти люди не страдали отъ пресмыченія, — этой язвы нашего современнаго общества!

Бруно молча, завернувшись въ свой плащъ и растянувшись во весь ростъ на скамьѣ, слушалъ все, о чемъ иностранецъ рассказывалъ Синьѣ. «Еслибы я могъ такъ говорить съ нимъ, — думалъ онъ, — то Синья, навѣрное, больше бы любилъ меня». Ему было досаждало слышать, какъ иностранецъ говорилъ Синьѣ, что о немъ узнаетъ весь свѣтъ. Къ чему говорить ему объ этомъ? Развѣ мало простору будетъ ему въ долину Арно и на окрестныхъ горахъ? А если объ его голосѣ узнаютъ въ большихъ городахъ, развѣ онъ не долженъ будетъ тогда уѣхать отъ него и, можетъ быть, навсегда? Бруно возмущался при одной только мысли объ этомъ. Нѣтъ, этого никогда, никогда не будетъ; онъ удержитъ Синью при себѣ, даже силою, если нельзя будетъ иначе, и Синья со временемъ будетъ счастливъ и благодаренъ ему за то; онъ будетъ навсегда застрахованъ отъ всякихъ бѣдъ, поселившись вмѣстѣ съ нимъ, Бруно, на зеленой горѣ, среди виноградниковъ, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ Пиппа, прекрасная какъ весенняя роза, проводила свое безмятежное дѣтство. Лучшее въ жизни нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ, думалъ Бруно. Можетъ быть, вѣрлѣмъ и великимъ міра сего и живетъ гдѣ-нибудь лучше, но Бруно не завидовалъ имъ и сильно сомнѣвался въ ихъ счастьѣ.

Въ два часа монахи сѣли за свою скромную трапезу и послали обѣдъ своему гостю. Къ простымъ, сытнымъ кушаньямъ, художникъ прибавилъ свое дорогое и рѣдкое вино. Бруно и

Синья, нисколько не стѣсняясь, усѣлись рядомъ съ этимъ порядымъ баловнемъ судьбы и раздѣлили съ нимъ его обѣдъ. Итальянецъ-простолудинъ всегда умѣетъ съ удивительною граціею и чувствомъ собственного достоинства принять какое-либо одолженіе отъ лица, стоящаго выше его въ обществѣ. Художникъ былъ, по всей вѣроятности, богатъ и, можетъ быть, даже знаменитъ, но Бруно и Синья не приходили въ замѣшательство отъ того, что обѣдали вмѣстѣ съ такимъ человѣкомъ. Точно также просто и любезно они сами бы предложили ему свою скудную пищу.

Что же касается художника, то онъ былъ доволенъ, что прибрѣлъ то, что ему хотѣлось, — новый типъ для своей картинъ, и больше уже не заботился объ этихъ простолудинахъ. Правда, у мальчика были удивительныя музыкальныя способности, но видъ въ Италиі сплошь и рядомъ попадаются не менѣе удивительныя таланты, которые погибаютъ преждевременною нравственною смертію и о которыхъ никто никогда не слышитъ, когда они дѣлаются взрослыми людьми. Но у Синьи, какъ вазалось художнику, было нѣчто такое въ глазахъ и въ выраженіи лица, что не должно было умереть безславною смертію....

— Если бы я взялъ тебя съ собою въ свѣтъ, ты скоро сталъ бы любимцемъ и баловнемъ судьбы, мой маленькій жаворонекъ, — сказалъ иностранецъ, обращаясь къ Синьѣ. — Хочешь идти со мною?

Синья быстро взглянулъ на Бруно и потомъ на дальнія холмы горы, за которыми скрывался родной городокъ.

— Нѣтъ, не пойду, — отвѣчалъ онъ задумчиво и просто, но лицо его внезапно покрылось густою краской, и въ глазахъ его появилось выраженіе неопредѣленнаго стремленія къ чему-то и куда-то; но онъ былъ еще слишкомъ молодъ, и самъ не могъ отдать себѣ отчета въ своихъ мысляхъ.

— Не хочешь; пожалуй, ты правъ, — отвѣчалъ улыбаясь художникъ. — На миллионъ пустыхъ билетовъ приходится только одинъ выигрышъ въ чудовищной лотерей жизни. Но забудь, что это рѣдкій выигрышъ въ самомъ дѣлѣ драгоцѣненъ, хотя тѣ, которые проигрываютъ, и увѣряютъ противное, — вѣроятно для того, чтобы утѣшиться въ своемъ несчастіи. Но будь доволенъ своею участіемъ; ты не похожъ на городского жителя; на твою долю выпала возможность наслаждаться солнцемъ, горнымъ воздухомъ и тихою деревенскою жизнью; прежніе художники, мои собратья, умѣли цѣнить эти блага; мы же, сыны настоящаго вѣка, слѣпы и глухи къ нимъ, или же любимъ наслаждаться ими только мимоходомъ. Возьми, мой милый мальчикъ, эти золотныя монеты и купи себѣ на нихъ что хочешь; если же, кто знаетъ, ты поможешь

хочу уйти отсюда и тебѣ понадобятся моя помощь и участие, то вотъ тебѣ мое имя, приходи ко мнѣ, я могу тебѣ быть помощникомъ. Но если ты хочешь поступить благоразумно, то не уходи отсюда. Прощай.

Онъ подаль мальчику двѣ золотыхъ монеты и ключокъ бумажки съ своимъ именемъ, привѣтливо живнулъ ему головою и ушелся.

— Развѣ эти деньги мои?—спросилъ Синья у Бруно, глядя на монеты, лежащія у него въ рукѣ.

— Конечно, твои,—отвѣчалъ Бруно.—Береги же ихъ, тутъ сорокъ франковъ; ихъ на полу не поднимешь.

Синья молча разглядывалъ свои золотыя монеты; вдругъ все лицо его озарилось радостною мыслію; онъ громко вскрикнулъ отъ восторга:

— Я могу купить на нихъ скрипку, не правда ли? Онъ всматривался недоувѣрчиво на Бруно; ему казалось, что это все равно что купить землю, и солнце, и недостижимыя звѣзды.

— Да, ты можешь купить скрипку,—отвѣчалъ Бруно.

Синья точно охваченъ былъ радости; онъ бѣжалъ рядомъ съ Бруно, смѣясь и плача въ одно и то же время; онъ боялся одного, что, когда они возвратятся въ Ластру, Тонино уже ляжетъ спать и нельзя будетъ приобрести скрипку раньше завтрашняго дня.

— Не усталъ ли ты,—спросилъ его добродѣй Бруно,—видя, какъ усиленно мальчикъ дѣлаетъ, чтобы поспѣть поспорѣ домой.

— Нѣтъ, я не усталъ,—отвѣчалъ бодро Синья; онъ чувствовалъ, что у него какъ будто выросли крылья.

Было уже совсѣмъ темно, когда они возвратились въ Ластру. Ночь была теплая и благоуханная; мошки и бѣлыя ночныя бабочки летали вокругъ немногихъ тусклыхъ фонарей. Изъ аристократическихъ оконъ подъ темными сводами видѣлись огни, освѣщая картины домашней жизни во вкусѣ Рембрандта. Мужчины въ бѣлыхъ рубашкахъ, безъ куртокъ, бродили около своихъ домовъ; женщины, стоя у пороговъ, доканчивали плетеніе своихъ соломенныхъ полосъ и болтали съ своими сосѣдками. Подъ темными арками мелькали силуэты людей; у входовъ въ булочныя и въ винныя погреба все-гдѣ толпились небольшія группы заноздалыхъ посѣтителей. Въ открытыя окна, освѣщенныя луннымъ свѣтомъ, можно было видѣть, какъ матери сѣли съ укладывали спать своихъ младенцевъ. Повсюду ощущался оживленный запахъ зрѣлыхъ плодовъ, спеленнаго сѣна, высу-

шенной соломѣ, маньолій, цѣвущихъ на горныхъ виллахъ, съ моря по временамъ доносились свѣжія струи воздуха.

Сердце Синьи запрыгало отъ радости, когда онъ увидалъ смуглаго кузнеца, стоявшаго съ засученными рукавами на порогѣ своего дома; онъ бросился къ нему съ восклицаніемъ:

— Добрый Тонинно, давай мнѣ скорѣе скрипку! Вотъ тебѣ сорокъ франковъ,—два блестящихъ, новенькихъ золотыхъ!—Ужъ не продалъ ли ты скрипки, пока насъ не было дома?

Тонинно молча протянулъ руку, чтобы схватить мальчишку и заставить его возвратить краденныя, какъ онъ полагалъ, деньги ихъ владѣльцу, но на выручку Синьи подошлѣлъ Бруно; онъ объяснилъ, какимъ образомъ деньги достались мальчишку, и повторилъ просьбу Синьи о продажѣ скрипки.

— Я не продалъ еще скрипку,—сурово отвѣчалъ Тонинно,—но я вовсе не желаю продать ее такому негодному мальчишкѣ; мнѣ будетъ совѣстно передъ сосѣдами. Я только удивляюсь тебѣ, Бруно, какъ ты можешь потавать глупой фантазіи мальчишки; вѣдь на сорокъ франковъ можно купить цѣлаго теленка, или бочку лучшаго вина. Право, я не могу помогать мальчишку тратить такія деньги на игрушку. Лучше пускай онъ ихъ отдастъ своимъ благодѣтелямъ — Липпо и Нитѣ, которые покормили его во время наводненія, и съ тѣхъ поръ кормятъ и носятъ его на свои скудные гроши. Нѣтъ, я не продамъ скрипки неблагодарному мальчишкѣ, потому что....

Въ глазахъ у Бруно блеснулъ злобѣщій огонь, и машинально онъ ухватился рукою за кожаный поясъ, гдѣ, какъ полагали, у него, на всякій случай, былъ запрятанъ надежный ножъ.

— Береги свою совѣсть для самого себя, старый плутъ,—яростно вскричалъ Бруно.—Подавай сейчасъ же свою скрипку, или, клянусь всѣми святыми, я положу тебя тутъ же на мѣстѣ. Бери свое золото и подавай скорѣе скрипку, а въ другой разъ не совѣтую тебѣ приставать ко мнѣ съ своими глупыми проповѣдями.—Не знаешь развѣ меня!

Тонинно началъ ворчать про себя, что скрипка стоить гораздо больше, что онъ хотѣлъ ее показать какому-то артисту, который гостилъ на виллѣ въ двухъ шагахъ отъ него; но потомъ досталъ скрипку изъ хлама, среди котораго она лежала, и вручивъ ее дрожащему отъ волненія Синьѣ, быстро выхватилъ у него изъ рукавъ золотыя монеты.

Синья бережно и благоговѣнно взялъ драгоценную скрипку обѣими руками, а между тѣмъ крупныя слезы капали изъ его глазъ.

— Животное, ты заставишь его заплакать! — вскричалъ Бруно, и сильною рукою толкнулъ кузнеца отъ входа въ лавку, потомъ схватилъ Синью за руку и пошелъ домой, гордо оглядываясь на оробѣвшую толпу.

Тонино долго еще бранился и ворчалъ вслѣдъ уходившему Бруно, говоря, что если онъ такъ гордится своимъ незаконно-рожденнымъ чадомъ, то ужъ не стыдился бы признать его своимъ сыномъ, вмѣсто того, чтобы бросать его на чужія попеченія.

Бруно и Синья медленно поднимались на свою гору, освѣщенные свѣтомъ качающихся уличныхъ фонарей. Синья былъ истинно счастливъ; слезы радости обильно текли изъ его глазъ, и его маленькія, загорѣлыя отъ солнца руки были сухи и лихорадочно горячи.

— Ты усталъ, — сказалъ Бруно, и взялъ его на руки. — Пойми же ко мнѣ почевать, ты мнѣ нуженъ завтра рано утромъ. Уси же на моемъ плечѣ, а я понесу тебя въ гору.

Синья не сопротивился; онъ крѣпко прижалъ скрипку къ своей груди и скоро заснулъ съ ясною улыбкою на устахъ.

«Какъ онъ уже любитъ свою игрушку, — подумалъ Бруно, больше чѣмъ онъ будетъ меня любить когда-либо», и горькое чувство ревности къ проблескамъ таланта у Синьи впервые вкрадось въ его любящую душу. Какъ часто гениальные и даже просто талантливые люди бываютъ невинно и безсознательно жестоки къ окружающимъ ихъ любящимъ людямъ, и какъ часто въ концѣ концовъ они дѣлаются сами жертвами безнадежной любви къ недостойному ихъ существу! — Жестокая месть судьбы!

Но Бруно былъ радъ, что исполнилось давнишнее желаніе Синьи. Этотъ человѣкъ, столь суровый и даже жестокосердый съ другими, становился кроткимъ и самоотверженнымъ передъ сыномъ Пиппы. Онъ бережно уложилъ все еще спавшаго Синью на постель, вмѣстѣ со скрипкою, а самъ отправился ворочать воровъ и посмотреть, все ли въ порядкѣ дома; потомъ легъ спать и самъ, положивъ около себя своего неизмѣннаго товарища, — заряженное ружье.

Бруно впалъ въ глубокой сонъ, продолжавшійся около часа, и былъ разбуженъ серебристыми звуками какой-то очаровательной музыки; ему казалось, что это поютъ майскіе соловьи; только знали это были они, такъ-какъ лилія уже отцвѣла и сѣно было уже давно скошено. Бруно вскочилъ съ постели и началъ прищипывать; мѣсяцъ обливалъ комнату таинственнымъ синеватымъ свѣтомъ; Синья сидѣлъ на своей постелѣ, держа въ рукѣ свою скрипку, изъ которой и лились эти таинственные ме-

лодіи. Глаза мальчика были открыты и горѣли какимъ-то внутреннимъ огнемъ; но онъ сидѣлъ неподвижно, какъ во снѣ, и только рука его мѣрно двигалась взадъ и впередъ по струнамъ скрипки; онъ находился въ состояніи полузабытія. Бруно былъ глубоко пораженъ этою сценою; онъ боялся пошевелиться, чтобы не разбудить Синью. «Это — божій даръ», подумалъ онъ, но эта мысль была для него невыносимо тяжела, потому что этотъ божій даръ все больше и больше отдалялъ отъ него Синью. Прошло еще нѣсколько минутъ; прелестная мелодія все росла и росла, и какъ будто бы доходила до звѣздъ, свѣтящихся съ синихъ небесъ; но затѣмъ она начала понемногу стихать, и вдругъ совсѣмъ замолкла; голова Синьи склонилась на грудь, скрипка выскользнула изъ его рукъ, и онъ уже спалъ крѣпкимъ сномъ, какъ обыкновенно спятъ дѣти.

— Это божій даръ, тутъ уже ничего не сдѣлаешь, — повторилъ Бруно, и перекрестилъ свою мужественную грудь; онъ былъ очень грустенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не желалъ, чтобы Синья сдѣлалась другимъ человѣкомъ, и въ то же время отдалъ бы все на свѣтъ, чтобы видѣть его другимъ. Такъ въ древнія времена борьбы за вѣру рассуждали наши праотцы, колеблясь между своею любовью къ дѣтямъ и чувствомъ долга, и гордились ими, когда они шли на вольное мученіе за свои религіозныя убѣжденія. Бруно былъ весь поглощенъ въ мысли о своемъ любимцѣ и не зналъ, что незнаемецъ, котораго они встрѣтили утромъ, былъ возлюбленный Липпы и отецъ Синьи. На ключѣ бумаги, который онъ вручилъ Синьѣ, вмѣстѣ съ деньгами было написано карандашомъ только одно короткое имя: «Истриель»; казалось, что это имя должно было быть не безызвѣстно свѣту, но оно ничего не могло объяснить для Бруно.

VII.

На другой день, послѣ покупки скрипки, объ этомъ говорили уже всѣ въ городѣ, и слухъ объ этой покупкѣ скоро дошелъ до Липпо и его жены; сумма въ сорокъ франковъ возросла до двухсотъ франковъ, брошенныхъ на покупку какой-то дрянной скрипки. Двѣсти франковъ! Да вѣдь это годовою работою поселянина, цѣлый возъ муки, почти стадо овецъ, и, наконецъ, за эти деньги можно приобрести индульгенцію у папы не меньше какъ лѣтъ на десять! Всѣ, съ Нитою во главѣ, начали нужнымъ глубоко оскорбляться расточительностью Бруно, который

возможи Синьѣ изстратить такую громадную сумму, и еще, кромѣ того, обидѣлъ кузнецѣ и пригрозилъ ему ножомъ. Всѣ единогласно рѣшили, что мальчикъ долженъ такъ или иначе поплатиться за свои поступки; относительно самого Бруно они считали и лучшее быть снисходительнѣе, такъ какъ всѣ боялись его. Синья, нисколько неподоврѣвавшій готовившейся для него бури, спокойно возвращался домой, запрятавъ сначала свою скрипку у одной любившей его старушки; вдругъ на него обрушились брань и ругательства разсвирѣпѣвшей Ниты. Синья былъ застѣнчивъ и щедущъ, но это не мѣшало ему быть храбрымъ, когда приходилось защищать себя и Бруно отъ клеветы; онъ смѣло выступилъ передъ толпою, собравшеюся передъ домомъ. Лицпо, и рассказалъ все какъ было; но Нита не могла долѣе скрывать своей ненависти къ мальчику и, не давъ ему докончить то, что онъ хотѣлъ сказать въ свое оправданіе, ударила его своею здоровенною рукою и сбила его съ ногъ. Синья, не помня себя отъ беззаслуженнаго наказанія, вскочилъ на ноги и въ свою очередь ударилъ Ниту въ лицо; потомъ, высвободившись изъ рукъ своихъ преслѣдователей, онъ быстро побѣжалъ отъ нихъ, крича: «и все, все расскажу Бруно»!

Однако Синья не рѣшился тотчасъ же идти къ Бруно, а сѣлъ за лучшее спрятаться въ домѣ старушки, очень любившей бѣлаго сироту, у которой хранилась и его скрипка или, какъ—Синья называлъ ее—«Rusignuolo», надѣлая ее въ своемъ воображеніи качествами воодушевленнаго предмета. Въ разговорѣ съ этою старушкою у Синьи родилась мысль, что онъ совершенно лишнее существо на свѣтѣ, служащее яблокомъ раздора между двумя братьями. Мысль, что онъ никому не нуженъ, никого не радуетъ своимъ существованіемъ, что надъ нимъ таготѣетъ какието пятномъ таинственное появленіе его на свѣтѣ, была невыносимо тяжела для Синьи; онъ началъ придумывать, какъ бы скрыться гдѣ-нибудь за высокими, недоступными горами, окружающими Ластру. Отчаянное, всепоглощающее чувство горя, которое доводитъ взрослыхъ людей до самоубійства, не посѣщаетъ сердца дѣтей, въ душѣ которыхъ всегда теплится вѣра въ лучшее, невѣдомое будущее; но Синья рѣшился уйти далеко за горы, изъ-за которыхъ каждое утро на его глазахъ поднималось солнце; вмѣстѣ съ своею скрипкою, разсуждалъ онъ, прижимая къ своему сердцу «Rusignuolo», онъ не пропадетъ нигдѣ. Онъ мысли о привязанности Бруно къ нему, или, скорѣе, онъ не могъ оцѣнить великой, самоотверженной любви къ нему этого сиротаго человѣка. Синья думалъ только объ одномъ: уйти какъ-

нибудь незамѣтно для всѣхъ и добраться до Флоренціи. Но прежде чѣмъ покинуть, можетъ быть навсегда, свой родной городъ, Синья хотѣла повидаться и проститься съ подругою своего дѣтства, Джеммой. Сначала онъ рѣшился не говорить ей о своемъ намѣреніи, но слезы, текшія по его блѣднымъ щекамъ, возбудили ея любопытство, и Синья разсказала ей обо всемъ, на что онъ рѣшился. Онъ передалъ ей, какъ тяжело ему разставаться съ Бруно, съ роднымъ городомъ и съ нею, но его утѣшала мысль, что онъ, можетъ быть, станетъ знаменитымъ музыкантомъ, какъ ему предвѣщала художникъ.

— Если это сбудется, — говорилъ онъ, въ порывѣ страстнаго увлеченія, — то я возвращусь опять сюда, въ мою милую Синью, выстрою изъ чистаго золота новыя ворота на мѣсто старыхъ воротъ, ведущихъ въ крѣпость, и подновлю старыя ея стѣны. Всѣхъ бѣдныхъ и неимущихъ я надѣлю хлѣбомъ и виномъ, и каждый день мы всѣ будемъ ходить въ поле на работу, распѣвая гимны во славу Бога; въ нашей старой Ластрѣ будутъ повсюду видны только довольныя и счастливыя лица, и наша Синья вновь прославится, какъ въ старыя времена!

Такъ говорилъ мечтательный мальчикъ, слѣпо вѣря въ возможность выполнить свое страстное желаніе, ради котораго онъ былъ радъ пожертвовать своею молодою жизнію и личными привязанностями. Джемма его долго слушала молча, пропуская, какъ глупыя бредни, слова Синьи о томъ, какъ онъ осласливитъ народъ; она поняла только то, что тамъ, гдѣ-то, далеко за горами, можно попытать свое счастье на ристалищѣ жизни; что тамъ, гдѣ-то далеко, можно приобрѣсти и славу, и богатство, можно блистать красотою, которою, какъ она знала, она обладала вполне; а здѣсь, въ этой старой Ластрѣ, ей пришлось бы жить въ трудѣ и лишенияхъ, плести солому изо дня въ день за грошовое вознагражденіе и питаться черствымъ кускомъ хлѣба. Нѣтъ! хотя бы ей пришлось погибнуть въ борьбѣ, она все-таки попытаетъ свое счастье; и уже, не колеблясь больше, она протянула руку Синьѣ, умоляя его взять ее съ собою туда, куда онъ самъ стремится, — въ невѣдомое море жизни! Несмотря на ея молодость, почти дѣтство, всѣ эти мысли быстро, хотя почти безсознательно и смутно, пробѣжали въ ея головѣ; она рано сознала выгоду земныхъ благъ и съ крайнимъ презрѣніемъ относилась къ своей горькой долѣ. Она поняла еще, кромѣ того, и то, что Синья едва ли могъ быть ей очень полезенъ для приобрѣтенія этихъ земныхъ благъ, — онъ былъ слишкомъ равнодушенъ къ нимъ и слишкомъ высоко виталъ гдѣ-то въ облакахъ; но она захотѣла воспользо-

ища его мыслью порвать цѣпи съ окружающимъ ее міромъ и начать съ нимъ новую жизнь, а тамъ, дальше, она съумѣетъ и сама пробить себѣ дорогу.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній со стороны Синьи взять съ собою эту своерасправную дѣвочку, они рѣшились тотчасъ же приступить къ исполненію своего задуманнаго бѣгства; имъ нужно было торопиться, иначе каждую минуту они могли ожидать, что Синья отыщется, и тогда Богъ знаетъ, что его ожидало бы впередъ. Взявшись за руки, они быстро пробѣжали, никѣмъ незабѣченные, черезъ мостъ, ведущій въ Прато; въ Прато въ то время была ярмарка, и Джемма уговорила Синью бѣжать туда, вмѣсто того, чтобы идти во Флоренцію, куда стремилась его душа. Не помня себя отъ волненія и сознанія своего дурного поступка, Синья не противилась замысламъ Джеммы, но почти раскаявался въ своемъ поступкѣ, и съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія оглядываясь назадъ на милый, родной городокъ. Но прагматическая и рѣшительная Джемма рѣшилась не выпускать его изъ своихъ рукъ; она шла не оглядываясь, твердою поступью, безъ сожалѣнія покидая хижинку, гдѣ жилъ ея отецъ и горячо любившая ее сестра ея, Пальма.

Опускаемъ подробности въ походахъ бѣглецовъ; когда они испытывали голодъ и усталость отъ длиннаго пути до Прато, Джемма пускалась на всевозможныя хитрости, чтобы добыть деньги и пищу; она танцевала передъ толпою, восхищенную ея граціей и игрою Синьи, прибѣгала къ различнымъ уловкамъ, чтобы тронуть мягкосердечныхъ поселянъ, на которыхъ всегда производятъ впечатлѣніе юность, красота и таланты...

Между тѣмъ Бруно былъ весь поглощенъ своею работою: была самая горячая пора, — время молотбы, а въ Италіи, когда все поле блеститъ золотомъ созрѣвшихъ колосьевъ, или когда оливаетъ пурпуромъ отъ собраннаго винограда, поселянинъ такъ погруженъ въ свои дѣла, что рѣшительно забываетъ обо всемъ окружающемъ. Бруно неутомимо работалъ весь день, съ ранняго утра, почти ничего не ѣлъ, а только позволялъ себѣ полужасовой отдыхъ въ полдень; онъ спѣшилъ окончить свою дневную работу и продолжалъ трудиться, несмотря на то, что солнце уже сѣло и наступили сумерки. Было восемь часовъ вечера; Бруно укрѣпилъ зажженный факелъ въ каменную стѣну своего сарая и усердно молотъ зерно вмѣстѣ съ работникомъ, котораго онъ нанялъ въ подмогу. Поднявъ голову, онъ вдругъ увидалъ бѣгущую въ нему въ слезахъ Пальму, сестру Джеммы; Бруно грубо закричалъ ей, чтобы она шла прочь, но она настойчиво

продолжала приближаться и плавать, говоря, что Синья убѣжалъ изъ Ластры, вмѣстѣ съ Джеммой. «Онъ всегда, всегда былъ очень несчастливъ,—продолжала она,—только боялся говорить объ этомъ тебѣ, Бруно, чтобы ты не рассорился изъ-за него съ братомъ; мы навѣрное уже никогда больше не увидимъ его и мою милую Джемму!»

Бруно съ бранью бросилъ свой цѣпъ, схватилъ свой длинный плащъ и, не говоря ни слова плачущей дѣвочкѣ, едва поспѣвавшей за нимъ, суровый и молчаливый, какъ грозное привидѣніе, сошелъ внизъ съ горы. Онъ прямо прошелъ въ домъ Липпо, и прежде чѣмъ тотъ увидалъ его, тяжелая рука Бруно упала на его плечо, приковавъ его къ мѣсту.

— Чтѣ ты сдѣлалъ съ моимъ мальчикомъ,—вскричалъ онъ.— Отвѣчай скорѣе и говори правду, не то худо тебѣ будетъ, вынусъ всѣми святыми!

Не дожидаясь отвѣта, Липпо, весь блѣдный и смущенный, хотѣлъ оправдываться передъ братомъ.

— Слушай же, Липпо,—вскричалъ Бруно,—я иду теперь искать Синью, и раздѣляюсь съ тобою, вернувшись; если же съ мальчикомъ случилось несчастье, или я его вовсе не найду, то тебѣ будетъ еще хуже!

Бруно бросился изъ дома какъ разъяренный звѣрь, спѣша пуститься въ погоню за Синьей.

Липпо, оправившись, понялъ, что ему нужно во что бы то ни стало помириться съ братомъ и возстановить свое доброе имя между сосѣдами, а главное, спасти себя отъ убійства, который онъ долженъ будетъ понести, если братъ возьметъ отъ него Синью и лишитъ его половины своего дохода.

Липпо быстро вышелъ изъ дома и скоро встрѣтился въ темной улицѣ съ Бруно, который нанялъ по близости лошадей и поспѣшно запрагалъ ее въ телѣжку.

— Бруно,—сказалъ онъ, подойдя близко къ нему,—неужели ты захочешь рассориться со мною изъ-за Синьи?

— Я убью тебя, если съ нимъ случилось какое-либо несчастье.

— Но если ты найдешь его цѣлымъ и невредимымъ, то чтѣ ты намѣренъ съ нимъ сдѣлать, взять ли его къ себѣ, или нѣтъ?

— Я сперва узнаю отъ него, какъ ты обходишься съ нимъ до сихъ поръ, и оплачу тебѣ, если ты поступаешь съ нимъ дурно.

— Но, слушай, Бруно, онъ тебѣ можетъ рассказать Богъ вѣсь что; не вѣрь ему.

Бруно отдернулъ свою руку, которую хотѣлъ схватить его братъ, и воскликнулъ:

— Ты обманулъ мое довѣріе, я это знаю; но, погоди, наступитъ день расплаты съ тобою!

Липпо увидалъ, что все кончено между ними, что брата нельзя уже болѣе обмануть, и прибѣгнулъ къ послѣдному средству.

— Слушай же, Бруно,—сказалъ онъ брату, уже сѣвшему въ телѣжку, и взялся за возжи:—берегись и ты; я расскажу обо всемъ Синьѣ; онъ узнаетъ, какъ ты ударилъ его мать ножомъ на ярмаркѣ, какъ ты поинулъ ее на большой дорогѣ во время наводненія, а можетъ быть, и убилъ ее изъ мести. Посмотримъ тогда, какъ онъ будетъ любить тебя и ѣсть твой хлѣбъ!

Бруно ударилъ Липпо хлыстомъ по лицу и погналъ во всю прыть свою лошадь, скрываясь въ ночной темнотѣ.

М. Ловцова.

СОЮЗЪ КНЯЗЕЙ

и

НѢМЕЦКАЯ ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ II

ФРИДРИХА II, ИОСИФА II.

1780 — 1786.

IV *).

Первоначальная нѣмецкая политика Екатерины II.

Екатерина, какъ дипломатъ.—Идея иностранной, и въ особенности нѣмецкой политики Екатерины.—Значеніе союза Екатерины съ Фридрихомъ.—Вліяніе Екатерины на нѣмецкую политику Фридриха II и Иосифа II.—Раздѣлъ Польши.—Занесиванія нѣмецкихъ державъ въ Петербургъ.—Екатерина II въ войнѣ за баварское наслѣдство.—Раздраженіе Австріи и Пруссіи противъ Россіи.—Тешенскій миръ.—Вторая половина царствованія Екатерины.—Блестящая эпоха иностранной политики Россіи.—Панинъ, Остерманъ, Безбородко.—Значеніе тешенскаго мира для Россіи.—Вниманіе Екатерины къ нѣмецкимъ дѣламъ и высшая степень русскаго вліянія на нихъ.—Значеніе тешенскаго мира для Германіи.—Разсчеты Фридриха на Екатерину.—Переворотъ въ нѣмецкой политикѣ Екатерины.—Николай Руманцовъ.

Историческая роль Екатерины II еще не выяснена наукой во всей ея полнотѣ, и было бы смѣло браться за ея оцѣнку теперь, когда только собираются многочисленные матеріалы для того. Впрочемъ, особенныя затрудненія для историка представляетъ внутренняя дѣятельность Екатерины, съ ея многосторон-

*) См. выше: стр. 748 стр.

ностью и коренными противорѣчiями. Внѣшнія дѣла, сами по себѣ болѣе понятныя, особенно при современномъ методѣ ихъ изслѣдованiя, съ помощью архивовъ,—и въ царствованiе Екатерины легче поддаются изученiю. Къ тому же, здѣсь Екатерина когда была вѣрна себѣ самой и одной основной идее: здѣсь у нея не было колебанiй въ точкѣ зрѣнiя ни по эпохамъ, ни по различнымъ частямъ сложной задачи.

Екатерина не была гениемъ въ иностранной политикѣ, не несла въ нее новой, творческой идеи. Она, какъ и всѣ правители, руководилась національнымъ эгоизмомъ и дѣйствовала обычными средствами дипломатiи и убѣдительнымъ краснорѣчiемъ иттиковъ. Къ тому же, какъ дитя «просвѣщенiя», она естественно отличалась механическимъ взглядомъ на народности и материалистическимъ воззрѣнiемъ на силу государствъ. Быть можетъ, исторiя признаетъ даже, что превосходство, приобретенное Екатериной въ Европѣ, досталось слишкомъ дорого Россiи, что оно не вполне соответствовало силамъ нацiи и отражалось потому, какъ на ея внутреннемъ развитiи, такъ и на ея международной роли. Но каковъ бы ни былъ приговоръ исторiи, внѣшнiе успѣхи екатерининскаго царствованiя были, безспорно, блестящи и вызывали дань удивленiя у всѣхъ современниковъ. Скажемъ больше—на нихъ преимущественно основывалась за-граничнiя слава этого царствованiя, потому что иностранцы не знали, а и не могли понимать, что дѣлалось внутри Россiи: въ ихъ глазахъ, положенiе этого непостижимаго колосса характеризовалось мятежной личностью Пугачова.

Екатерина была первымъ дипломатомъ своего времени, такъ какъ драхлѣющему Фридриху уже не доставало отважности и жертв. Можно сказать, что тогда на политическомъ поприщѣ Европы была исполнѣмъ женщиной—одна Екатерина. Это былъ природный дипломатъ, и притомъ обладавшiй очарованiемъ женщины. Родомъ нѣмка, но снискавшая широкую популярность въ своемъ новомъ отечествѣ, она поражала иностранцевъ тонкостью національнаго чуткiя и преданностью интересамъ Россiи. Екатерина понимала людей, и трудно было прельстить или запугать такую женщину, которая не могла перевернуть мысли, чтобы «кто-либо, кромѣ ея самой, могъ сдѣлать ее несчастной». А практическiй смыслъ указывалъ ей неуволнимую границу возможнаго среди благороднаго увлеченiя смѣлыми теорiями, и помогалъ быстро разобраться въ хаосѣ дипломатическихъ интригъ. Выбравъ съ тѣмъ, Екатерина была отважна и рѣшительна. Она признавала только политику съ иницiативой, точно также, какъ считала наступательную войну

половиной побѣды. Согласно съ этимъ, Екатерина была сама себѣ господинь. Ей всегда принадлежала идея, направление, и перѣдко и мелкіе планы политики. Она не только была несамосима отъ своихъ министровъ, но даже старалась выказать это, и иногда съ излишнимъ увлеченіемъ. Екатерина иногда стала ступить своихъ министровъ внезапнымъ передвиженіемъ войскъ и флота, или крутымъ поворотомъ въ дипломатіи. Она совершала важныя сдѣлки безъ ихъ вѣдома, и за спиной Панина назначала таинственныя свиданія иностраннымъ посланникамъ. Однажды она сказала Потемкину: «я хочу сама управлять, и пусть знаетъ это Европа!» ¹⁾ Трудна была тогда роль иностранныхъ агентовъ въ Петербургѣ. Богѣе тѣмъ гдѣ-либо, имъ нужно было проводить всю подноготную, чтобы не попасться въ сѣти «безстрашной» ²⁾ политики Екатерины. А между тѣмъ они ничего не понимали, ибо не у кого было вынудить дипломатическую тайну подкупомъ, лестью или угрозой. Они находились въ вѣчномъ смущеніи, не зная, что принесетъ имъ завтрашній день, тѣмъ богѣе, что у Екатерины съ отвагой и мужествомъ соединялась хитрость. Иностранцы единогласно свидѣтельствуютъ, что эта женщина была олицетворенное коварство. «Со всѣми государями Европы веду себя, какъ кокетка» ³⁾, сказала она сама французскому посланнику. Но этотъ дипломатъ-кокетка, при всей своей живости и щепетильной гордости, отличался самообладаніемъ и твердостью. Гдѣ для дипломатической побѣды требовалась выдержка, тамъ Екатерина способна была ждать цѣлыя годы и переносить не только неудачи, но даже личныя оскорбленія. Сегюръ мѣтко замѣтилъ, что она «непостоянна въ страстяхъ, но тверда въ дружбѣ и принципахъ» ⁴⁾.

Иностранная политика Екатерины II покоилась на принципіи, и потому имѣетъ понятный, стройный видъ, несмотря на свое необозримое поле, на свои извороты и кажущіяся противорѣчія. Вѣрная основнымъ преданіямъ Петра Великаго, Екатерина смѣло, безъ колебаній, выдвинула озарившую ее славой идею, отъ которой она никогда не отступала. Это—живое участіе въ европейскихъ дѣлахъ въ интересахъ Россіи. Екатерина желала сѣсть въ своихъ рукахъ нити мировой политики, чтобы существованіе сѣвернаго колосса чувствовалось вездѣ—на сушѣ и на

¹⁾ *Görts*, I, 114.

²⁾ Тамъ же, 116.

³⁾ *Colombeau*, XXV, 187.

⁴⁾ *Ségur*: *Mémoires*, 3-e édit. Paris, 1827, II, 194.

иорѣ, въ Парижѣ, Вѣнѣ или Лондонѣ и въ какомъ-нибудь Триго-ли и Китаѣ. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, она заявила мѣрѣніе «быть рѣшительницей судьбы Европы» (*l'arbitre de l'Europe*). Тогда же обнаружился ея дипломатическій методъ: «нужно, — говорила она, — быть въ дружбѣ со всѣми державами, тобы всегда сохранять возможность стать на сторону слабѣйшаго (*du plus oppressé*)» ¹⁾. Отсюда ея стремленіе къ «осторожности въ альянсахъ», распространявшейся даже на торговые договоры. Имѣя въ виду какой-нибудь союзъ, Екатерина прежде всего задумывалась о томъ, какъ бы этимъ «не отнять у себя способности вступать въ подобныя обязательства съ другими державами». «Сохранять себѣ свободныя руки» и «ни за кѣмъ хвостомъ не тащиться» — вотъ основное правило Екатерины съ первыхъ дней ея царствованія ²⁾. И эти политическіе принципы съ особенной энергіей и проникательностью прилагались въ вопросѣ польскому, восточному и германскому, которые правильно всегда стояли у Екатерины на первомъ планѣ.

Основаніямъ дипломатической системы Екатерины соответствовала и ея нѣмецкая политика, точно также ясная и неподверженная колебаніямъ. Екатерина сразу поставила своей задачей развивать «новую систему въ Германіи» Петра Великаго.

Съ первыхъ дней царствованія ея «стараніемъ и желаніемъ» было «установить въ Германіи столь нужное для интересовъ нашей имперіи равенство силъ», или высказывать «безпристрастіе», которое могло «приобрѣсти намъ довѣріе всѣхъ державъ». Замѣчательно, что съ тѣхъ поръ, въ теченіи цѣлаго поколѣнія, русскіе дипломаты единодушно твердили то же самое, словно на данную тему.

Этому нисколько не противорѣчитъ союзъ съ Пруссіей, который не помѣшалъ нѣмцамъ говорить тогда, — что царица «очевидно мѣтитъ на увеличеніе своего значенія и вліянія въ Германіи» ³⁾. Тутъ Екатерина не нуждается въ оправданіи ⁴⁾. Союзъ съ Фридрихомъ былъ плодомъ серьезныхъ расчетовъ, истекавшихъ изъ общаго принципа и долгихъ совѣщаній съ министрами. Екатерина сначала думала захватить въ свои руки рѣшеніе Септатинской войны путемъ посредничества, предложеннаго ею одиозно какъ Пруссіи, такъ и Австріи. Затѣмъ, въ ея глазахъ,

¹⁾ Екатерина графу Кейзерлингу, у Соловьева: Исторія Россіи, XXV, 361.

²⁾ Соловьевъ, XXV, 195, 226, 230, 233, 332.

³⁾ Делема Эссена отъ 3 окт. 1767, у Германна, V, 426.

⁴⁾ Такимъ оправданіемъ показались намъ соображенія, приведенныя на 184 стр. XIV-го т. „Исторія Россіи“ Соловьева.

все зависѣло отъ поведенія самого Фридриха: «мы будемъ располагать свои мѣры,—объявила она,—примѣняясь къ мыслямъ прусскаго короля». Екатерина ясно давала понять не только въ Вѣнѣ, но даже въ Берлинѣ, что не желаетъ «сохраненія на будущее и утвержденія перевѣса бранденбургскаго дома въ Германіи»¹⁾. Она прямо требовала отъ Фридриха прекратить войну и покончить мысль о новыхъ приобритеніяхъ, въ противномъ же случаѣ грозила помочь Австріи и заключить союзъ съ Англіей, которая тогда уже окладѣла къ Пруссіи. Въ то же время старикъ Бестужевъ еще сохранялъ свое вліяніе въ Петербургѣ, и Екатерина твердила, что Австрія «естественная» союзница Россіи по «естественнымъ интересамъ» обоихъ императорскихъ дворовъ, и поэтому «мы не можемъ *вовсе* оставить ее. Союзъ съ Пруссіей былъ заключенъ неохотно, лишь какъ необходимая необходимость, вслѣдствіе «нѣкоторыхъ» общихъ интересовъ двухъ державъ. И Екатерина не считала себя «конфискованною онымъ». Напротивъ, она надѣялась посредствомъ его сдѣлать Пруссію орудіемъ Россіи. Союзъ съ Фридрихомъ состоялся лишь тогда, когда Екатерина увидѣла, что не можетъ одна привести Польшу «въ свою зависимость», а безъ этого Россія, по ея понятіямъ, «терала треть своихъ силъ и выгодъ». Австрія же могла только помѣшать здѣсь, такъ какъ Марія-Тересія желала избранія въ Польшѣ именно такого короля, при которомъ не могло бы быть и мысли о раздѣлѣ Польши²⁾.

Это объясненіе прусскаго союза 1764 года, опирающееся на свидѣтельство нашего и нѣмецкихъ архивовъ, окончательно подтверждается тѣмъ, что старые договоры съ Австріей были оставлены въ силѣ, и въ Вѣнѣ вѣрно поняли, что «Россія хочетъ дѣйствовать за-одно съ Австріей только по дѣламъ, касающимся Оттоманской Порты». Такимъ образомъ, Екатерина обеспечивала себѣ успѣхъ въ основныхъ стремленіяхъ своей политики. Пруссія должна была сдѣлаться ея орудіемъ въ польскомъ вопросѣ, Австрія—въ восточномъ. Сверхъ того, она сохраняла «свободныя руки», чтобы въ германскомъ междоусобіи стать «на сторону слабѣйшаго», какъ это доказывала вся ея нѣмецкая политика. Западные дипломаты тотчасъ же поняли эту большую политическую игру. Въ королевскомъ совѣтѣ Франціи разсуждали тогда: «согласіе, установленное между Россіей и Пруссіей съ цѣлью

¹⁾ *Arneti: Geschichte Maria-Theresias*, VI, примѣч. 546.—*Соловьевъ*, XXV, 196 и слѣд.

²⁾ *Соловьевъ*, XXV, 196—199, 226, 321—332.

увеличенія ихъ владѣній, не можетъ быть продолжительно, Это увеличеніе, приближая ихъ другъ къ другу, заставитъ ихъ болѣе бояться другъ друга; оно возбудитъ между ними зависть, которая скоро перейдетъ во вражду; и эти двѣ державы сами образуютъ равновѣсіе силъ на сѣверовостокѣ Европы». Въ то же время англійскій посланникъ доносилъ своему двору, что Екатерина предлагала въ союзъ съ Пруссіей вліять на Польшу и Швецію, чтобы сдерживать Турцію, «первенствовать на сѣверѣ (primer dans la balance du Nord); и «играть первую роль въ Европѣ», причемъ «безъ большихъ жертвъ со стороны Россіи» ¹⁾. Только старѣющій Фридрихъ могъ думать, въ своемъ самообольщеніи, будто Россія, въ силу союза 1764 года, стала орудіемъ возвышенія Пруссіи, и думать непростительно долго для его ума.

Расчеты Екатерины, а не Фридриха, оказались вѣрны. Фридрихъ тотчасъ же обязался помогать Екатеринѣ въ сохраненіи выгоднаго ей существующаго порядка вещей въ Польшѣ и Швеціи, и энергически содѣйствовалъ воцаренію въ Варшавѣ орудія Россіи—Станислава Понятовскаго ²⁾. Затѣмъ, благодаря тому, что Фридрихъ сдерживалъ Швецію, Екатерина могла сосредоточить свои войска на югѣ и сильно подвинуть впередъ рѣшеніе восточнаго вопроса, въ пользу Россіи, блестящей кампаніей 1768—1774 годовъ. Значеніе этой войны, свидѣтельствующее о заблужденіи Фридриха, лучше всего доказывается вытекшимъ изъ нея временнымъ переворотомъ въ германскихъ дѣлахъ. Фридрихъ и Іосифъ до того испугались успѣховъ Россіи, что вздумали подружиться. На двухъ свиданіяхъ (1769—1770) ³⁾ между ними оказалось, что эти заклятые враги, ненавидя другъ друга, сходились въ общей ненависти къ Россіи. По словамъ Іосифа, «во всемъ проглядывалъ страхъ Фридриха къ Россіи», въ которомъ онъ даже сознался «простодушно»: «всей Европѣ,—сказалъ онъ императору,—придется поднять оружіе, чтобы остановить эту державу: иначе она захватитъ все». Австрійцы заходили еще дальше въ ненависти къ Россіи. Кауницъ объявилъ анстро-прусскій союзъ «единственнымъ оплотомъ этому выступившему изъ береговъ потоку, который угрожаетъ затопить всю

¹⁾ *Sagaces*, XXV, 227, 335.—Сакенъ у *Германна*, V, 572.

²⁾ *Oeuvres de Frédéric*, VI, 12.

³⁾ Мотивы этихъ свиданій вѣрно указаны самимъ Фридрихомъ, которому приписана и мысль о нихъ: *Oeuvres*, VI, 17, 24, 26.—Подробности о свиданіяхъ см. *Вст. Die Zusammenkünfte Joseph II und Friedrichs II*, Wien, 1871.—Любопытные подробности у *Ранке*: *Die deutschen Mächte*, II, 237—239.

Европу»¹⁾. Иосифъ собирался воевать съ Россіей и уже заключилъ договоръ съ Портой, обязываясь оружіемъ содѣйствовать возстановленію ея прежнихъ границъ²⁾. Война не разразилась, отчасти благодаря сопротивленію миролюбивой Маріи-Терезіи, но больше вслѣдствіе новаго оборота, даннаго политикѣ Фридрихомъ. Опасаясь всякой войны, а тѣмъ болѣе этой, въ которой ему грозило бѣдствіе, кто бы ни побѣдилъ—Россія или Австрія, онъ выдвинулъ давно подготовленный польскій вопросъ»³⁾.

Не легко было ускорить развязку этого дѣла, потому что Австрія и Россія гораздо болѣе были озабочены тогда восточнымъ вопросомъ. Екатерина упорно настаивала на независимости Молдо-Валахіи, доказывая, что при этомъ не было бы нужды трогать Польшу; Иосифъ же мечталъ именно тогда «положить себѣ въ карманъ» или Валахію, или Сербію съ Босніей. Въ Вѣнѣ, кромѣ того, раздѣлу Польши сопротивлялась Марія-Терезія: тогда-то эта женщина, считавшая «своимъ правиломъ — лучше быть обманутой, чѣмъ обманывать другихъ», написала замѣчательное письмо своему сыну, приведенное нами выше (II глава).

Раздѣлъ Польши, усиливъ Пруссію, усилилъ также и ея соперницъ — Россію и Австрію; сверхъ того, вслѣдъ затѣмъ миръ въ Кучукъ-Кайнарджи навсегда подорвалъ значеніе Порты въ пользу Россіи. Таковы были плоды политики Фридриха, мечтавшаго сдѣлать Россію орудіемъ своихъ успѣховъ!

Стремленіе Екатерины продолжать систему Петра Великаго и быть «арбитромъ Европы» достигалось чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Особенно возрастало вліяніе Россіи въ Германіи, благодаря вновь вспыхнувшему междоусобию среди нѣмцевъ, которымъ Екатерина умѣла искусно пользоваться. Когда готовилась война за баварское наслѣдство, Пруссія и Австрія сами наперерывъ заискивали въ Петербургѣ. Иосифъ уже въ 1774 году за-

¹⁾ *Maria-Theresia und Joseph II*, I, 300 sqq.—*Oeuvres de Frédéric*, VI, 29.

²⁾ Любопытно въ этомъ отношеніи письмо Иосифа къ Леопольду, отъ 18-го дек. 1770 г.: *Maria-Theresia und Joseph*, I, 316 sqq.

³⁾ Въ настоящее время этотъ вопросъ вновь выдвинутъ въ наукѣ, благодаря изслѣдованіямъ архивовъ: русскаго, австрійскаго и прусскаго. Особенно усердно и любопытно ставится онъ нѣмецкими историками. *Adolf Beer*: Die erste Theilung Polens, Wien, 1873, 2 тома и 1 томъ документовъ.—*Beer*: Friedrich II und van Swieten, Leipzig, 1874.—*Max Duncker*: Die Besitzergreifung von Westpreussen (въ Zeitschrift für preuss. Geschichte und Länderkunde, hrsg. v. Börsler, Berlin, 1872).—*Sybel*: Die erste Theilung Polen's (въ Deutsche Rundschau, hrsg. v. J. Rodenberg, Berlin, 1874, Heft I).—Взглядъ *Панке*: Die deutschen Mächte, II, 287—289.—Cf. Historische Zeitschrift *Зибеля*, 1874, Heft 2.

говаривалъ съ Екатериной о совпаденіи ихъ государственныхъ интересовъ и подумывалъ о союзѣ съ ней ¹⁾. Что же касается Фридриха, то онъ съ особенной энергіей усиливался втянуть Россію во внутреннія дѣла Германіи. Онъ постарался, при помощи своего тайнаго агента, женить Павла Петровича на своей родственницѣ, принцессѣ дармштадтской ²⁾. Затѣмъ, рано выслѣдивши баварскій планъ Іосифа, онъ довелъ о немъ до свѣдѣнія Екатерины.

Саксонскій посланникъ въ Петербургъ доносилъ по этому поводу: «это весьма на руку здѣшнему двору... Русская императрица пріобрѣтаетъ тутъ высокую славу, какъ защитница и ограничительница справедливости и всѣхъ учрежденій нѣмецкой имперіи. Россія можетъ стать нынѣ для Германіи тѣмъ же, чѣмъ была для нея Людовикъ XIV и его преемникъ. Это великая истинная роль» ³⁾. Дѣйствительно, положеніе Екатерины было въ высшей степени выгодно, и она поняла его. У нея уже мелькала мысль, что она достаточно воспользовалась въ своихъ вѣдѣхъ Пруссіей и ей пора взяться за Австрію. Но она рѣшилась выждать разгара нѣмецкаго междоусобія, чтобы дать время Пруссіи и Австріи хорошенько ослабить другъ друга, и тогда выступить рѣшительницей судебъ Германіи. Вотъ почему она согласилась пролить союзъ съ Фридрихомъ, но такъ, чтобы онъ послужилъ только къ надбавкѣ цѣны на предстоящую дружбу съ Іосифомъ. Отсюда вытекло двусмысленное поведеніе Екатерины въ эпоху баварской войны. Между тѣмъ, какъ оба соперника старались каперснѣе угодить ей тѣмъ, что уговаривали Францію заставить прокъ примириться съ требованіями Россіи, она отвѣчала на ихъ заискиванія молчаніемъ, которое изрѣдка прерывалось какими салонными, ничего незначащими выраженіями. Политика Екатерины въ этомъ случаѣ лучше всего характеризуется крайнимъ раздраженіемъ противъ нея какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Берлинѣ ⁴⁾. Особенно негодовалъ Фридрихъ, который все еще имѣлъ неосторожность думать, что Екатерина, какъ союзница, обязанъ метъ за его интересы и даже принудить фюрстовъ къ затѣян-

¹⁾ *Joseph II und Katharina*, 5.—*Maria-Theresia und Joseph II*, II, 118.

²⁾ *Asseburg*, гл. VI и 280.

³⁾ Саксъ отъ 5-го іюля 1775 г., у *Германна*, VI, 6.

⁴⁾ Это раздраженіе рѣзко обнаружилось въ запискахъ Фридриха (*Oeuvres*, VI, 142) и въ перепискѣ Іосифа съ Маріей-Терезіей (II, 318), прибѣгнувшей тутъ къ самымъ выраженіямъ объ Екатеринѣ, которыя не соотвѣтствовали ея извѣстному характеру.

ному имъ тогда союзу князей ¹⁾. Онъ имѣлъ полное право приписывать Екатеринѣ ненавистную необходимость, толкнувшую его въ войну за баварское наслѣдство.

Эта война, столь важная для характеристики Екатерины-дипломата, была поводомъ для другой исторической женщины совершить свой послѣдній жизненный подвигъ. Марія-Терезія возстала со всей силой своей мужественной души противъ «этого подлаго ремесла (*vilain métier*), губящаго челоѣчество и счастье». Она снова упрекала сына въ «аичности» (*Habsucht*) и несправедливости, и припоминала раздѣлъ Польши, тяготившій ея совѣсть, какъ преступленіе. Она соглашалась даже «на униженіе своего имени, на принятіе названія слабой, сумасбродной, малодушной», лишь бы предотвратить кровопролитіе ²⁾. Марія-Терезія дѣйствительно ускорила мирную развязку, рѣшившись взять «на свою, болѣе ни на что негодную, сѣдую голову» поворотъ инициативы въ переговорахъ съ врагомъ. Она даже снизошла до заискиванія у Екатерины, которую презирала, какъ женщину: переговоры съ Фридрихомъ начались письмомъ нашего вѣнскаго посланника, который далъ русскій паспортъ агенту, посланному Маріей-Терезіей въ прусскій лагерь.

Екатерина рѣшилась, наконецъ, дѣйствовать и выступила съ грозной деклараціей, произведшей переполохъ въ Вѣнѣ: она просила Марію-Терезію «выполнѣть удовольствовать требованіямъ нѣмецкихъ князей, особенно по ихъ справедливымъ жалобамъ относительно захвата Баваріи». А вскорѣ послѣ того въ прусскій лагерь въ Бреславль пріѣхалъ князь Репнинъ—и пришла очередь разочароваться нашему союзнику. Фридрихъ думалъ, что Екатерина прислала генерала, который ведетъ за собою корпусъ и будетъ ждать его приказаній, а Репнинъ, выражаясь его собственными словами, «велъ себя какъ полномочный министръ, прибывшій предписывать законы Германіи именемъ своего двора». Теперь только понялъ Фридрихъ, что «знаки дружбы Россіи въ Пруссіи служили лишь ея желанію выѣшаться подъ этимъ предлогомъ въ дѣла Германіи, для распространенія своего вліянія на всю Европу», и что «побужденіями императрицы были не интересы союзниковъ и обязательства по договорамъ, а тщеславное исканіе славы» ³⁾.

¹⁾ Письмо прусскаго посланника въ Петербургѣ, графа Сольмса, въ Ассербургу, въ декабрь 1778 года, ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ ослѣпленіи Фридриха относительно союза князей. *Aesseburg*, 842.

²⁾ *Maria-Theresia und Joseph II*, II, 187, 196, 285, 299.

³⁾ *Oeuvres de Frédéric*, VI, 162, 164 sq.

Прекратившіе войну за баварское наслѣдство, мирные переговоры въ Тешенѣ тянулись долго. При этомъ Екатерина могла хорошо наблюдать жалкіе имперскіе порядки, такъ какъ мелкіе герцогства — пфальцскій, цвейбрюкенскій, саксонскій, мецленбургскій — выступали одинъ за другимъ съ заносчивыми феодальными притязаніями, думая получить что-нибудь на свою долю при сооруженіи нѣмецкихъ державъ. «Эпохой открытія тешенскаго конгресса», по признанію самого Фридриха, было извѣстіе о доброй конвенціи къ ваймардѣйскому миру, выхлопотанной у Порты Франціей: по этой конвенціи Россія пріобрѣтала свободное плаваніе въ турецкихъ водахъ, фактическій протекторатъ надъ Молдо-Валахіей и независимость Крыма отъ Порты. Послѣ этого быстро состоялся тешенскій миръ, весной 1779 года. За исключеніемъ ничтожнаго клочка земли, отошедшаго къ Австріи, Баварія сохранила свою независимость и, по смерти Карла-Теодора, должна была перейти къ Карлу Цвейбрюкенскому. Россія, Франція и нѣмецкая имперія поручились за ненарушимость тешенскаго договора, который былъ, въ то же время, подтвержденіемъ вестфальскаго мира, а слѣдовательно и гарантіей имперской инстинтуціи.

То была одна изъ важнѣйшихъ эпохъ въ исторіи Россіи. Началась вторая половина царствованія Екатерины, имѣющая глубокій смыслъ, въ особенности до взрыва французской революціи. Она отмѣчена своеобразнымъ характеромъ. Тогда нѣсколько измѣнились и составъ историческихъ лицъ, и историческая дѣятельность на востокѣ Европы. Въ личности самой императрицы выступили нѣкоторыя новыя черты. Екатерина становилась раздражительна до слезливости, порывиста и упряма. Она неохотно выслушивала чужіе совѣты, поддавалась лести, тщеславію и слишкомъ высокому мнѣнію о себѣ. Ей трудно было угодить, и часто мѣнялась ея ближайшая обстановка, колебались самыя переды пристрастія ея. Среди безпокойства и смущенія, дворъ утрачивалъ прежній отпечатокъ внѣшняго величія и достоинства. Здѣсь на первый планъ выступало стремленіе къ эффекту, и воцарившаяся пышность должна была прикрывать внутреннюю анархію. Этой распятанности содѣйствовала возрастающая подозрительность Екатерины, въ особенности къ Павлу Петровичу, чѣмъ вызывалось печальныя сцены между старымъ и молодымъ дворомъ. Намъ вѣстно, что иностранцы, схватывавшіе поверхностныя черты русской жизни, изумлялись успѣхамъ Россіи въ ту эпоху и приписывали ихъ случаю да дряблости Европы и ея смутному состоянию. Они не замѣчали самаго важнаго и поразительнаго яв-

ленія — свѣдѣнія и крѣпости здраваго смысла, который съ замѣтательнымъ постоянствомъ контролировалъ слабости Екатерины и всегда вступалъ въ свои права, когда дѣло касалось общественныхъ интересовъ. Иностранцы преувеличивали вліяніе Потемкина, который самъ жаловался на крайнюю самостоятельность своей государыни. Только Іосифъ II понималъ Екатерину послѣ личнаго свиданія съ ней. Онъ говорилъ: «императрица и Потемкинъ въ политикѣ совсѣмъ не то, что думаютъ... У Потемкина мало свѣдѣній, и онъ очень лѣнивъ. Сама императрица любитъ обращаться съ нимъ, какъ съ своимъ ученикомъ въ политикѣ, ни, по крайней мѣрѣ, такъ говорить о немъ: слѣдовательно, это человѣкъ, который вмѣсто того, чтобы руководить другими, скорѣе самъ нуждается въ руководителѣ. Императрица любитъ говорить: «онъ мой ученикъ; мнѣ онъ обязанъ всѣмъ своимъ пониманіемъ дѣла»¹⁾.

Оттого-то, намъ кажется, нельзя сказать, чтобы вторая половина царствованія Екатерины, до переворота на Западѣ, невиднгодно отличалась отъ первой. Прежде въ жизни Екатерининской Россіи замѣчалась болѣе отрицательная струя, теперь же болѣе положительная. Прежде даже указы сенату носили обличительный характеръ, процвѣтали сатирическіе журналы, бушевала пугачовщина, и посильшія преобразования, если не страдали идеализаціей, то отвѣчали минутной нуждѣ, финансовымъ и административнымъ потребностямъ. Теперь же, среди внутренняго спокойствія, бывшаго знѣкомъ серьезной переработки націей новыхъ задачъ, совершались самыя трудныя преобразования, которые удовлетворяли менѣе виднымъ потребностямъ и потому глубоко врѣзались въ общество: это — реформы сословія и воспитательныя въ широкомъ смыслѣ слова²⁾. И въ литературѣ возникали положительные замыслы, которые характеризуются личностью такого серьезнаго общественнаго дѣятеля, какъ Новиковъ, и научнымъ движеніемъ, направленнымъ именно къ ознакомленію съ Россіей, къ самосознанію.

Новый отбѣнокъ внутренняго управленія характеризовался и выступленіемъ новой государственной личности. Дѣла, разбросанныя по разнымъ рукамъ и слабо связанныя вліаніемъ осто-
ро-

¹⁾ *La cour de Russie il y a cent ans*. 3-e édit. Leipzig, 1860, 845, 852.

²⁾ Между прочимъ, любопытно, что въ описываемое время въ инструкціяхъ какому посланнику во Франкфуртъ-на-Майнѣ, Румянову, мы часто встрѣчаемъ порученіе отыскивать ученыхъ людей, рудокоповъ, солеваровъ, образованныхъ офицеровъ и т. п.

ного Никиты Ивановича Панина, получили единство и энергію, благодаря блестящему Потемкину, съ его природной талантливостью и отвагой, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ его умственной подчиненностью болѣе образованной государынѣ. Нашли свое средоточіе и иностранныя дѣла. Прежде ими завѣдывалъ ученикъ Бескулева, Никита Ивановичъ Панинъ, истинный вельможа того времени, отличавшійся столько же отчужденными манерами, развязностью, безуворизненнымъ востомомъ и паривомъ, сколько мягкостью характера и гостеприимствомъ: его рѣчь всегда была съ нѣмъ искренна, и онъ не зналъ слова «нѣтъ». Человѣкъ болѣзненный, блѣдный, Никита Ивановичъ былъ нѣженка и лѣнтяй: дѣла ворохами лежали у него въ кабинетѣ, особенно въ описанное время, когда, говоря, онъ влюбился, на старости лѣтъ, въ пылкій юноша. Военная служба до того страшила его, что онъ чуть не бѣжалъ изъ отечества, когда Петръ III пожаловалъ его въ генералы. Никита Ивановичъ искалъ комфорта и развлеченій, и жизнь при дворѣ была его сферой, тѣмъ болѣе, что онъ отличался крайнимъ благоразуміемъ и осторожностью: его лицо всегда было спокойно, неподвижно. Панинъ понималъ людей и умѣлъ прилаживаться къ обстоятельствамъ, выработавъ ловкость и настойчивость въ интригахъ. Его уважали иностранные агенты, какъ личность благородную, гордую и неподкупную, неподдающуюся къ типу русскаго государственнаго дѣятеля, какъ министра представительнаго, европейской школы. Но это былъ дипломатъ Кауницевской школы, рутинѣръ, умѣвшій искусно вести дѣло по обычной волѣ. Екатерина, никогда нелюбившая его, за это-то и дорожила имъ такъ долго. Знаменитый проектъ вооруженнаго нейтралитета вытекъ у Панина не изъ широкаго мировоззрѣнія, а изъ желанія подставить ногу англійскимъ министрамъ, и свидѣтельствуетъ только объ его ловкости въ интригахъ. Панинъ руководился больше личными вліяніями, да упрямствомъ и привычкой, чѣмъ принципами. Онъ не понималъ интересовъ Россіи во всей ихъ широтѣ и, разъ напавъ на идею «сѣвернаго концерта или аккорда» противъ Австріи и Франціи, считалъ ее вѣчно пригодною. Онъ никогда не могъ отстать отъ своего пристрастія къ Фридриху, и до того сносился съ его агентами, въ особенности же съ состоявшимъ на нашей службѣ Ассербургемъ, что Кауницъ совѣтовалъ Іосифу осторожнѣе писать въ Петербургъ, ибо Панинъ «иногда сообщаетъ перехваченное прусскому королю» ¹⁾. Вмѣстѣ съ своимъ воспитанникомъ, Павломъ

¹⁾ Beer: Joseph II, Leopold II und Kaunitz, 27.

Петровичемъ, Панинъ представлялъ прусскую партію, и вмѣстѣ съ нимъ же старикъ сталъ подвергаться неудовольствію Екатерины въ описываемое время. Онъ уже сильно шатался, и вскорѣ иностранныя дѣла перешли въ другія руки.

Впрочемъ, это не былъ Потемкинъ, который еще менѣе принималъ внѣшніе интересы Россіи и самъ отсталъ отъ нихъ послѣ первыхъ неудачныхъ опытовъ: во главѣ иностранныхъ дѣлъ былъ поставленъ ничтожный сынъ знаменитаго Петровскаго дипломата, Иванъ Андреевичъ Остерманъ. Говорятъ, его дипломатическая извѣстность, начавшаяся во время пребыванія въ Стокгольмѣ, была тѣсно связана съ его секретаремъ, шведомъ, котораго онъ не могъ взять съ собою въ Петербургъ. Дарованія Ивана Андреевича опредѣляются единодушными отзывами иностранныхъ агентовъ, которые видѣли въ немъ только занимаемое имъ мѣсто. Бакуницъ называлъ его «автоматомъ», а Іосифъ — «соломенной чучелой» (*homme de paille*), ничего не дѣлающей и неимѣющей вѣса». ¹⁾ Именемъ начальника коллегіи иностранныхъ дѣлъ управляла его канцеларія, — способные, свѣдущіе и усердные исполнители, Безбородко, Бакуницъ и Марковъ. Изъ нихъ первый выдавался своимъ трудолюбіемъ, даровитостію и замѣчательной памятью. Хитрый и изворотливый малороссъ, Безбородко самъ составилъ себѣ карьеру, скопилъ большое состояніе и сталъ правою рукой Екатерины, въ качествѣ ея секретаря, а при Павлѣ сдѣлался средоточіемъ всего управленія. Онъ былъ неподкупенъ по сознанію даже иностранцевъ, и хотя получилъ не блестящее воспитаніе, но высоко цѣнилъ образованіе: по его настояніямъ, его братъ устроилъ Нѣжинскій лицей. Но и Безбородко былъ не болѣе, какъ способный исполнитель. Екатерина пользовалась его расторопностію и искуснымъ перомъ; но онъ не смѣлъ возражать ей даже въ вопросахъ формы, и старался поддѣлываться подъ всѣ ея желанія.

Такимъ образомъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ стала сама Екатерина—и они приняли вполне стройный видъ. Односторонній въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ, Панинъ иногда противорѣчилъ императрицѣ и даже разстроивалъ ея ходы своей охотностію въ интригахъ. Теперь же всѣ, не исключая и Потемкина, смотрѣли на внѣшніе интересы Россіи глазами своей государини и усердствовали только въ точномъ исполненіи ея приказаній. Въ важныхъ политическихъ вопросахъ министерская конференція старалась предупредить желанія Екатерины, которой

¹⁾ Гёрцъ у Шмидта: *Gesch. der preuss-deutschen Unionsbestrebungen*, 87 sq.

оставалось только утверждать или развивать ея мѣнія. И, какъ бы ни оцѣнили вторую половину царствованія Екатерины относительно внутреннихъ дѣлъ, въ иностранной политикѣ она была бесспорно блестящею порою. Современные политики, не исключая самого стараго Фрица, ступевывались передъ Екатериной. Ея первенство въ совѣтахъ Европы было очевидно, тѣмъ болѣе, что Запада какъ-бы не существовало: морскія государства были поглощены американскою войной, а великія державы Германіи своимъ внутреннимъ раздоромъ. Правители и дипломаты боялись «безстрашной» политики Екатерины; европейское общество изумлялось талантамъ сѣверной Семирамиды; ученые и поэты льстили ей, какъ земному величію. На Западѣ даже значительно преувеличивали силы Россіи, увлекаясь вѣнскимъ блескомъ, доставленнымъ ей тогда Екатериной. Въ особенности же опасались сѣвернаго колосса нѣмцы. Тогда русскій вопросъ сталъ главною темою разговоровъ германской интеллигенціи; образчикомъ ихъ могутъ служить слѣдующія слова, сказанныя братомъ Фридриха, Генрихомъ, графу Сегюру: «Дидро замѣтилъ, что Россія — козъ на глиняныхъ ногахъ. Но у этого огромнаго колосса, на котораго трудно напасть, потому что онъ покрытъ ледяной корою, очень длинныя руки. Онъ можетъ протягиваться и наносить удары, куда ему угодно. Его средства и силы могутъ быть опасны Германіи — пойми только онъ ихъ и съумѣй употребить въ дѣло» ¹⁾).

Тогда дѣйствительно расширялся горизонтъ нашей иностранной политики, и въ ней промелькнули новыя идеи, связанныя не съ однимъ національнымъ эгоизмомъ. Зараждалась мысль о вооруженномъ нейтралитетѣ — этомъ застрахованіи мира, справедливости и человеколюбія на моряхъ, въ отпоръ кулачному праву. И въ греческомъ проектѣ нельзя отрицать извѣстной доли христіанской мечты. Екатерина касалась смѣлой рукой съ одной стороны Константинополя, съ другой — береговъ Атлантики, вмѣшиваясь съ своимъ посредничествомъ въ отдаленный кругъ интересовъ морскихъ державъ. Вскорѣ русскіе дипломатическіе агенты явились повсюду, даже въ ничтожныхъ центрахъ европейской жизни — у разныхъ фюрстовъ, въ Туринѣ и Гамбургѣ, въ Генуѣ и Венеціи, въ Неаполѣ, Флоренціи и Мальтѣ. Сверхъ того, Екатерина добивалась завести сношенія и съ другими potentatami, начиная съ вурфюрста пфальцскаго и кончая королемъ ма-

¹⁾ *Ségur*, II, 144—146.

ровскимъ ¹⁾. Тогда же образовалась самая выгодная по тому времени постановка основныхъ вопросовъ русской политики. Какъ Фридрихъ собственно приобрѣлъ Силезію по гюбертсбургскому, а не по ахенскому миру, такъ и успѣхи Екатерины въ Турціи и Польшѣ стали несомнѣнными только послѣ присоединенія Крыма и окончательнаго раздѣла Рѣчи-Посполитой. А наша нѣмецкая политика никогда еще не достигала такихъ блестящихъ результатовъ.

Тешенскій миръ имѣетъ первостепенное значеніе въ исторіи отношеній между Россіей и Германіей. Устроенный собственно Екатериной, онъ служилъ блестящимъ доказательствомъ практической идеи, руководившей ею въ нѣмецкихъ дѣлахъ. Тешенскій миръ вполне соответствовалъ интересамъ Россіи, потому что *возстановлялъ нѣмецкое равновѣсіе*. Сверхъ того, служа подтвержденіемъ вестфальскаго мира, онъ доставилъ Россіи право вмѣшиваться во внутреннія дѣла нѣмецкой имперіи. Выразаясь словами одного изъ дипломатовъ того времени, Россія стала тогда «сочленомъ имперіи» (*co-état de l'empire*) и «главнымъ препятствіемъ всему, что могло бы подорвать германскую конституцію» ²⁾. Другими словами: она могла приложить къ Германіи ту самую систему, которая такъ успѣшно дѣйствовала въ Польшѣ.

¹⁾ Изъ нашихъ архивскихъ бумагъ оказывается, что въ мартѣ 1782 года былъ „введенъ при генуэзской республикѣ и при другихъ смежныхъ съ нею итальянскихъ областяхъ повѣренный въ дѣлахъ, Александръ Мордвиновъ“. Въ августѣ того же года Екатерина добилась установленія дипломатическихъ сношеній съ Сардиніей, которая послала въ Петербургъ своего министра; „въ соответствии поступку Сардинскаго короля“, въ ноябрѣ явился въ Туринъ русскій „полномочный министръ и чрезвычайный посланникъ“. 18 сент. 1783 г. Остерманъ приказывалъ Голицыну просить вѣнскаго министра духовныхъ дѣлъ, чтобы онъ внушилъ магистру мальтійскаго ордена исполнить безъ колебаній желаніе Екатерины имѣть на его островѣ своего *chargé d'affaires*, въ лицѣ нѣкоего *chevalier* Рзаго. Тогда же Екатерина старалась завести сношенія съ королемъ мароккимъ. Изъ рескрипта Голицыну въ октябрѣ 1784 г., съ которымъ посылались шифры ко всѣмъ нашимъ дипломатическимъ агентамъ, видно, что тогда наши мелкіе агенты находились (кромѣ Франкфурта-на-Майнѣ) въ Регенсбургѣ, Гамбургѣ, Туринѣ, Генуѣ, Венеціи, Неаполѣ, Флоренціи, Мальтѣ.

²⁾ *Assenburg*, p. 285: „La garantie de notre (русскаго) auguste cour, reconnue actuellement par l'accession de l'Empire et de son chef à la paix de Teschen, établit un contrepois de la première valeur, à tout ce qui pourra mettre sa constitution en danger. Au moyen de cette garantie, la Russie entrera, pour autant qu'elle voudra, dans les affaires de cet empire, soit politiques, soit ecclésiastiques. Elle sera requise pour cet effet, et partageant la considération des anciens garants des loix fondamentales de l'association, il ne dépendra que d'elle, d'étendre son crédit, sa considération, et la gloire, d'être sans aucune vue de propre intérêt, la protectrice de celui d'autrui“.

Екатерина оцѣнила значеніе тешенскаго мира для Россіи. До сихъ поръ она интересовалась нѣмецкими дѣлами лишь настолько, насколько они были связаны съ Портой и Польшей; теперь же они приобрѣли въ ея глазахъ самостоятельный вѣсъ. Въ иностранной политикѣ Россіи германскій вопросъ выдвинулся на первый планъ, на ряду съ восточнымъ и польскимъ. Въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ возникло особое нѣмецкое отдѣленіе, и Панинъ заговорилъ о необходимости «прочно установить послѣдовательный планъ сношеній съ нѣмецкой имперіей»¹⁾. Въ Петербургѣ вопросъ о нашей «дѣятельной инфлюенціи» въ Германіи сталъ модной тѣмою политическихъ разговоровъ. Съ этихъ поръ о ней постоянно и съ гордостью упоминается въ нашихъ архивскихъ бумагахъ, которыя изобилуютъ также фактическими доказательствами вліянія Россіи на внутреннія дѣла нѣмцевъ. Тогда Екатерина рѣшала многіе споры имперскихъ членовъ и даже частныхъ лицъ²⁾. Фюрсты, нерѣдко

¹⁾ *Asseburg*, 59.

²⁾ Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы постоянно будемъ встрѣчаться съ крупными доказательствами русскаго вліянія въ Германіи въ описываемое время. Теперь же укажемъ на мелкіе факты, во множествѣ попадающіеся въ бумагахъ нашего архива за 1779—1786 годы.—Россія участвовала въ спорѣ *любчанъ* съ ихъ епископомъ и казначеймъ изъ-за уголовныхъ судовъ.—Она вѣшивалась въ тяжбу принца *Амалте-Пертскаго* съ вѣнскимъ дворомъ.—Безъ нея не могло обойтись важное дѣло изъ-за эрцгерцога Максимилиана въ *коадьюторы архіепископа кельмскаго*. Въ Вѣнѣ *мелки* старались доставить своему принцу это „одно изъ лучшихъ мѣстъ въ имперіи“, и Кауницъ просилъ Екатерину „поддержать сіе дѣло своимъ могуществомъ“.—Гамлицъ и Ассбургъ старались укротить имперскихъ князей, когда они на сеймѣ, утверждая тешенскій миръ, издумали „выставить претензіи по поводу баварскаго наслѣдства“.—Екатерина участвовала въ несомнѣваемой тяжбѣ герцога *штретсбургскаго* съ однимъ риндскимъ кантономъ, и хлопотала объ его возведеніи въ курфюршеское достоинство.—Особенно много было у насъ хлопотъ съ запутанными дѣлами *Мекленбурга* и *Бадена*. Рассказемъ ихъ, такъ какъ они къ тому же прекрасно характеризуютъ имперскіе порядки Германіи. Герцогъ *мекленбургскій* требовалъ у императора права *поп арpellando*. Это согласовалось съ тешенскимъ договоромъ—Голицынъ, „зналъ, какъ Екатерина дорожитъ“ послѣднимъ, поддерживалъ герцога въ началѣ 1781 года. Вскорѣ привилегія была дана. Но въ октябрѣ того же года Остерманъ извѣстилъ Голицына, что герцогъ недоволенъ, ибо получилъ не полную привилегію, вопреки XV-ой статьѣ тешенскаго трактата. Вотъ эта статья, внесенная въ трактатъ (какъ замѣчено на полѣ просьбъ герцога) въслѣдствіе „претенцій герцога на баварское наслѣдство“: *Sa Majesté l'Impératrice Russe interposera volontiers conjointement avec Sa Majesté Prusse ses bons offices auprès de Sa Majesté l'Empereur, pour le porter à accorder à la maison Ducale de Meklenburg le privilège de son appellande illimité lorsqu'Elle l'aara demandé selon l'usage*. Дарѣе положено, что когда въ надворномъ имперскомъ судѣ собирались дать эту привилегію, тамъ были получены протесты противъ нея отъ земскихъ чиновъ Мекленбургскаго герцогства и отъ города Ростова. Судъ приостановилъ дѣло. Затѣмъ, въслѣдствіе „домога-

числившіеся на русской службѣ или получавшіе русскія пенсіи, присылали ей уничижительныя письма, а ея агентамъ челобитныя. Кто просилъ похлопотать въ Вѣнѣ, Вецларѣ и Регенсбургѣ, кто добивался русскаго золота или русскаго крестива. Стараясь выслужиться передъ Екатериной, фюрсты влелевали другъ на друга, немилосердно льстили ей, какъ своему провидѣнію, и излагали свою политическую исповѣдь. Уже передъ самымъ тешенскимъ миромъ они закидали нашего агента Ассесбурга письмами, въ которыхъ выражалась «ихъ признательность императрицѣ за внимательство въ имперскія дѣла и желаніе,

тѣлствъ“ Голицина и прусскаго министра въ Вѣнѣ, привилегія, наовонецъ, была изготовлена. Но она была ограничена „въ дѣлахъ, касающихся особоннаго герцогскаго интереса, до жалобъ на мѣщанъ и жителей ростокскихъ, и въ случаѣ нарушенія герцогами наслѣдственныхъ договоровъ и неразмощрѣнія земскихъ жалобъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для устранинія споровъ въ Мекленбургѣ между государемъ и подданными, императоръ предписалъ, чтобы мекленбургскіе герцоги, „совокупно съ земскими чинами своими“, учредили „верхній апелляціонный трибуналъ, сходный съ фундаментальными установленіями“. Герцогъ Мекленбургскій считъ эти условія нарушеніемъ XV-ой статьи тешенскаго трактата и просилъ Екатерину „о повторительномъ за него у вѣнскаго двора вступленіи“. Эту просьбу поддерживалъ прусскій король. Екатерина приказала Голицину дѣйствовать въ Вѣнѣ въ пользу герцога, извѣщая его, что побуждаетъ къ тому же и Францію, какъ одну изъ поруку тешенскаго трактата. Но прошель годъ, а въ Вѣнѣ дѣло не подавлялось впередъ. Остерманъ приказалъ Голицину поговорить объ этомъ съ Кауницемъ. Въ началѣ 1768 года высказался Иосифъ. „Ради императрицы“ онъ „перенесъ дѣло изъ надворной статской канцеляріи въ имперскую, до которой оно собственно и принадлежить“, и гдѣ оно было начато. Но дѣло застряло и въ этой канцеляріи. Тогда императоръ повелѣлъ учредить „варочную комиссію“ для него.—Вотъ другое, не менѣе запутанное дѣло. Еще въ 1765 году между двумя линіями *Баденскаго* дома, старшею, Баденъ-Баденовою, и младшею, Баденъ-Дурлахскою, былъ заключенъ фамилійный договоръ, гарантированный Англіею, Пруссіею и Даніею. По просьбѣ маркграфа Баденъ-Дурлахскаго и при содѣйствіи Ассесбурга, Екатерина, которая приходилась родственницею маркграфу, присоединилась къ этой гарантіи въ 1771 году. Вскорѣ умеръ маркграфъ Баденъ-Баденскій и, по договору, его наслѣдство перешло къ Дурлахскому. „Тутъ и начались ссоры“. Покойный оставилъ заглаваніе, нѣсколько противное договору. Дурлахскій пожаловался Екатеринѣ (въ 1772 г.) и просилъ ее принять участіе въ этомъ вопросѣ, „какъ въ собственномъ фамиліи дѣлѣ“. Императрица тотчасъ же „установила поданги надворнаго совѣта въ Вѣнѣ“, направленные противъ него. Но въ 1779 году Дурлахскій принесъ новую жалобу Екатеринѣ. Вѣнскій совѣтъ притѣсняетъ-де его земли; онъ установилъ „независимую отъ него, владѣтельнаго князя, консисторію“, прислалъ комиссаровъ, вторые „подъ видомъ церковныхъ дѣлъ, мѣшались въ разныя дѣла, зависящія единственно отъ его власти, во вромѣдѣлствуе графамъ Лейнингенскимъ, вторые „придѣлаются къ нему съ неосновательными тяжбами“. Въ 1780 году новая жалоба Екатеринѣ на подобныя же обиды. Въ октябрѣ 1781 года мы встрѣчаемъ приказъ Остермана Голицину хлопотать о дѣлѣ маркграфа Баденъ-Дурлахскаго и, въ случаѣ нужды, пригласить къ содѣйствію министровъ Пруссіи, Англіи и Даніи (Of. Aseeburg, 226—236).—Въ январѣ

чтобы влияние России въ имперіи возрастало и крѣпло» ¹⁾. Вслѣдъ за этимъ видны новыя ряды княжескихъ посланій. Онѣ открываются письмомъ ландграфа Кассельскаго, о которомъ Румянцовъ такъ выразился передъ кассельскими министрами: «слогъ весьма въ Петровомъ градѣ похваляли. Сей принцъ благодарилъ онымъ письмомъ нашу государыню за дарованный Германіи миръ, прославляя ее, яко спасительницу ея, и прося, чтобы, продолжая такую излиянную благодарѣнію въ качествѣ ручательницы германской конституціи, ни на часъ ее отъ милостивѣйшаго воззрѣнія не отлучала» ²⁾. Ниже мы встрѣтимся съ прекрасными образчиками этого слога и этихъ политическихъ убѣжденій фюрстовъ.

Незавидная роль имперскихъ князей была совершенно естественна. Что было дѣлать разнымъ Гессенъ-Касселямъ и Кобургъ-Готамъ, когда даже Австрія съ Пруссіей заискивали въ Петербургъ и сами содѣйствовали своимъ соперничествомъ русскому влиянію въ своемъ «отечествѣ». Эти отношенія нѣмецкихъ мелкихъ державъ къ Россіи были также слѣдствіемъ теппенскаго игра, значеніе котораго въ германской исторіи еще важнѣе, чѣмъ въ нашей.

Съ военной точки зрѣнія, война за баварское наслѣдство, по сужденію специалистовъ, окончилась побѣдой Іосифа; но въ политическомъ отношеніи она была торжествомъ Фридриха. Пруссія, армія которой кормилась на счетъ чеховъ, матеріально по-

1786 года Голицынъ доносилъ, что, вслѣдствіе ходатайства Екатерины, въ Вѣнѣ было сдѣлано все, чего добивался принцъ *Ольденбургскій*.—Въ январѣ 1786 года была рескриптъ Екатерины такого содержанія: „Принцессѣ *Гессен-Рейфельс-Ротенбургской*, вдовѣ бывшаго въ нашей службѣ подполковника принца Эраста Гессен-Рейфельс-Ротенбургскаго, на содержаніе съ сыномъ ея, повелѣваемъ проходить изъ кабинета нашего пенсію по 2000 р. на годъ, умершему супругу ея опредѣленную“.—Вотъ примѣръ просьбъ, съ которыми обращались къ Екатеринѣ даже *мелкія лица* въ Германіи. Въ сентябрѣ 1781 года Голицыну было приказано позаботиться о дѣлѣ какого-то генералъ-аншефа, барона Эллета. Онъ выигралъ тяжбу въ имперскій дюссельдорфскій судъ; но противники, ради проволокъ, перенесли дѣло въ имперскій надворный судъ. Баронъ „прибѣгнулъ къ высочайшему монархическому покровительству“. Екатерина повелѣла Голицыну „побудить имперскій судъ поскорѣ рѣшить дѣло“, или заставить вѣнское министерство поскорѣ исполнить приказъ дюссельдорфскаго суда.

¹⁾ „Je reçois des lettres de plusieurs des plus considérables des Princes qui marquent à l'Impératrice leur reconnaissance de son intervention aux affaires de l'Empire. On ne demande pas mieux que de voir l'influence de la Russie augmenter et s'étendre de plus en plus dans l'Empire“. *Asseburg*, p. 341.

²⁾ Румянцовъ Екатериинѣ отъ 2/16 февраля 1786.

страдала меньше Австріи и приобрѣла права на Аниптахъ и Байрѣтъ, которые присоединились къ ней въ 1792 году, доставляя ей прямое вліяніе въ южной Германіи; въ тому же, эти владѣнія легко могли быть обмѣнены на весьма важный для Пруссіи Лаузицъ, который и отошелъ къ ней въ 1815 году. Но, главное, Гогенцоллерны приобрѣли тогда политическое вліяніе въ Германіи, которое совсѣмъ было утрачено Габсбургами. Іосифъ сдѣлалъ великій политическій промахъ, развернувъ революціонное знамя въ «отечествѣ», подражая заднимъ числомъ Фридриху. Этимъ онъ далъ возможность послѣднему сыграть серьезную «патріотическую» роль и убѣдить нѣмцевъ, что поворотъ въ его германской политикѣ былъ искрененъ. Фридрихъ теперь только началъ приобретать ту національную популярность, которой онъ искалъ подъ конецъ своей жизни, какъ дипломатъ. Онъ становился народнымъ героемъ въ глазахъ всѣхъ нѣмцевъ, не исключая баварскихъ крестьянъ, внимавшихъ кружкѣ герцогини Климентъ. Союзъ князей и нынѣшнее значеніе Пруссіи прямо связаны съ войной за баварское наслѣдство и съ тешенскимъ миромъ.

Эти послѣднія событія имѣютъ еще другое значеніе въ судьбахъ нѣмецкой націи. Они заставляли Австрію и Пруссію непрерывно стараться о завлеченіи Россіи во внутреннія дѣла Германіи. Помѣрившись силами, Іосифъ и Фридрихъ поняли, что они равны, и больше прежняго стали опасаться другъ друга. Увидѣвъ невозможность самимъ покончить борьбу и сознавъ необходимость искать опоры внѣ Германіи, они, конечно, должны были обратиться къ державѣ самой могущественной и разъ уже рѣшившей ихъ судьбу. Такимъ образомъ, послѣ тешенскаго мира отношенія къ Россіи стали главнымъ вопросомъ въ политикѣ Австріи и Пруссіи. Передъ нами рядъ происковъ Фридриха и Іосифа въ Петербургѣ, причемъ эти могущественные соперники вели себя не лучше ничтожныхъ фюрстовъ.

Самая неблагоприятная роль выпала на долю Фридриха. Этотъ замѣчательный политикъ никогда еще не обнаруживалъ такой близорукости и никогда не терпѣлъ такихъ дипломатическихъ поражений. Несмотря на разочарованія, принесенныя баварскою войною, онъ все еще считалъ русскихъ министровъ безсмысленными невѣждами и все еще вѣрилъ во всемогущество Панина. Онъ не замѣчалъ самостоятельности Екатерины и воображалъ, что можетъ направлять по-своему ея нѣмецкую политику. До какой степени Фридрихъ поддавался самообольщенію, видно изъ того, что онъ началъ свои происки въ Петербургѣ съ предло-

идея тройнаго союза между Пруссіей, Россіей и Турціей¹⁾. Это не только было дипломатической нецѣлостію, но могло даже оскорбить Екатерину, показавъ ей, какъ низко цѣнить въ Потсдамѣ ея проникательность. А между тѣмъ этотъ безтактный шагъ долженъ былъ служить началомъ къ исполненію широкаго плана. Фридрихъ рѣшился сдѣлать Екатерину орудіемъ своего воззрѣнія какъ въ Германіи, такъ и во всей Европѣ. Онъ надѣялся иже склонить ее къ осуществленію его завѣтной идеи союза царствъ и къ дружбѣ съ Версалемъ, которая разорвала бы недавнія связи между Австріей и Франціей и изолировала бы коварную Англію.

Съ этими важными порученіями прибылъ въ Петербургъ, въ концѣ 1779 года, новый прусскій посланникъ, графъ Гёрцъ. Это нѣмецкій царедворецъ: имѣя средства настолько, чтобы жить свободно, онъ съ двадцатилѣтняго возраста избралъ придворную карьеру, поступивъ воспитателемъ къ принцу саксенъ-веймарскому. Послѣ многолѣтнихъ трудовъ и непріятностей, онъ былъ внезапно удаленъ отъ двора. Но Фридрихъ, имѣвшій случай лично узнать Гёрца въ Веймарѣ, принялъ его къ себѣ на службу, и въ 1778 году далъ ему важное порученіе въ Мюнхенѣ, по поводу баварскаго наслѣдства; а съ конца 1779 года Гёрцъ, въ теченіи шести лѣтъ, былъ прусскимъ посланникомъ въ Петербургѣ. Занятъ Гёрцъ занималъ другіе дипломатическіе посты до 1807 года, когда онъ вышелъ въ отставку и съ тѣхъ поръ проживалъ частнымъ человѣкомъ въ Регенсбургѣ, гдѣ и умеръ въ 1821 г. въ глубокой старости. Гёрцъ былъ не столько ловкій человѣкъ, сколько свѣдущій и опытный исполнитель. Онъ отличался многими не-дипломатическими качествами, былъ педантиченъ, сухъ, жестокъ въ обращеніи, раздражителенъ и крайне подозрителенъ; по словамъ самого Фридриха, онъ вездѣ видѣлъ бѣду, вѣчно билъ тревогу. Передъ своимъ отъѣздомъ, Гёрцъ три недѣли жилъ въ Потсдамѣ, и Фридрихъ каждый день, послѣ обѣда, бесѣдовалъ съ нимъ по 3—4 часа. Новый прусскій посланникъ старался внушить Екатеринѣ страхъ къ Іосифу, который будто бы уже подчинилъ себѣ чуть не всю Германію и интригуетъ противъ Россіи. Еще болѣе Гёрцъ полагался на лесть, потому что Фридрихъ объяснялъ всѣ поступки Екатерины тщеславіемъ и честолюбіемъ. Въ запискѣ, представленной Гёрцомъ петербургскому двору, го-

¹⁾ По свидѣтельству Гёрца (I, 135—137), идея этого союза принадлежит главнымъ образомъ турецкаго министра. Но это вопросъ темный, который не берется рѣшать даже нѣмецкіе историки: *Ranke, Die deutschen Mächte*, I, 132.

ворилось о томъ, какъ Германія чувствуетъ себя счастливою, приобрѣвши, по тепенскому миру, этому «знаку благоволенія русской монархини къ Германіи», такую надежную поруку за свою конституцію, какъ Россія. Далѣе доказывалось, какъ теперь Россія «получила поводъ проявить все свое благотѣльное вліяніе на нѣмецкую имперію, что, кажется, было уже въ планахъ Петра Великаго, но предоставлено совершить Екатеринѣ II;... а при такомъ преобладаніи въ Германіи она можетъ достигнуть еще болѣе значительнаго вліянія на первые европейскіе дворы, находящіеся въ разнообразныхъ, дружественныхъ и родственныхъ, сношеніяхъ съ нѣмецкими князьями».

Фридрихъ до того былъ увѣренъ въ возможности сдѣлать Екатерину орудіемъ своихъ германскихъ замысловъ, что самъ предложилъ ей завести дипломатическіе посты въ нѣмецкой имперіи. При этомъ любопытно усердіе, съ которымъ онъ собралъ всѣ доводы, чтобы убѣдить русскую императрицу въ необходимости этой мѣры, которая была бы «громкимъ свидѣтельствомъ ея желанія добра Германіи» ¹⁾.

Впрочемъ, тутъ Фридрихъ руководился опытомъ. До сихъ поръ ему удавалось обставлять Екатерину своими креатурами, чтобы она смотрѣла на германскія дѣла его глазами. Въ Петербургѣ получали свѣдѣнія о нѣмецкой имперіи преимущественно черезъ прусскихъ агентовъ, глава которыхъ, баронъ Ассебургъ, находился на русской службѣ ²⁾. Фридрихъ былъ увѣренъ, что, при

¹⁾ Между прочимъ, онъ указывалъ на примѣръ другихъ державъ: „У Франціи есть посланники или резиденты почти при всѣхъ важнѣйшихъ нѣмецкихъ дворахъ и даже въ значительныхъ городахъ (именно въ Майнцѣ, Кобленцѣ, Боннѣ, Мюнхенѣ, Касселѣ, Люттихѣ, Нюрнбергѣ и Франкфуртѣ); у Великобританіи, Голландіи и Дании по три или по четыре дипломата въ различныхъ мѣстахъ Германіи; во Франкфуртѣ же или Майнцѣ, какъ въ средоточіяхъ нѣмецкой имперіи, эти державы, а равно и Австрія съ Пруссіей, всегда имѣютъ своихъ посланниковъ“. *Görts: I, 146.*

²⁾ До Екатерины II у насъ не было прямыхъ дипломатическихъ сношеній съ нѣмецкой имперіей. Русскіе посланники были только въ Вѣнѣ, Берлинѣ и въ Дрезденѣ, да и то въ послѣднемъ городѣ не для германскихъ, а для польскихъ дѣлъ. Какъ рано Екатерина обратила вниманіе на германскія дѣла, видно изъ того, что въ 1778 году она завела при имперскомъ сеймѣ, въ Регенсбургѣ, постоянный дипломатическій постъ, и притомъ II-го разряда „полномочнаго министра“, тогда какъ Франція и Англія содержали тамъ посты III-го разряда—„министровъ“. Выборъ Екатерины палъ на барона *Адама Фердинанда фонъ-деръ-Ассебурга*. Прусскій подданный, Ассебургъ провелъ всю свою жизнь на дипломатическомъ поприщѣ. Онъ служилъ сначала у разныхъ фюрстовъ, потомъ въ Даніи. Съ русскимъ правительствомъ онъ познакомился, какъ дѣятельный участникъ въ голицынскихъ дѣлахъ Петра III. Въ Стокгольмѣ Ассебургъ сблизился съ нашимъ посланникомъ, графомъ Панинымъ, по просьбѣ котораго былъ назначенъ датскимъ посланникомъ въ Петербургъ, и вскорѣ

содѣйствіи Панина, проведетъ теперь этого своего агента въ должность русскаго посланника въ Германіи, и Финкенштейнъ уже просилъ Ассбургъ «сообщать ему секретно новости и послѣднѣ инструкции» ¹⁾).

Русскій посланникъ въ Германіи предназначался Фридрихомъ для осуществленія его главнаго замысла—«оборонительнаго союза между нимъ и главными государствами Германіи, подъ покровительствомъ русскаго двора». Фридрихъ вполне надѣялся на успѣхъ этого дѣла въ Петербургѣ: онъ узналъ тогда, что «таковъ же планъ петербургскаго двора, и что графъ Панинъ работаетъ въ этомъ смыслѣ» ²⁾).

Эти, слишкомъ явные, расчеты на недалекую видность петербургскаго двора, въ особенности же странное предложеніе союза съ Турціей были послѣднимъ толчкомъ къ перевороту въ нашей нѣмецкой политикѣ того времени. Екатерина дала хорошій урокъ Австріи за ея интриги противъ Россіи въ Польшѣ и Турціи, не допустивъ ея усиленія. Теперь она могла забыть прошлое и взяться за Вѣну, покинувъ старое орудіе своихъ успѣховъ, Берлинъ, что было весьма полезно для нея въ ту минуту, въ виду восточнаго вопроса. Эта мысль уже давно, съ кучуль-каинарджійскаго ира, занимала ее.

вернулъ на русскую службу. Ему поручено было найти невѣсту для Павла Петровича въ Германіи. Въ 1773 году, Ассбургъ былъ назначенъ нашимъ полномочнымъ министромъ при имперскомъ сеймѣ. Екатерина имѣла въ виду завязать черезъ него сношенія съ мелкими нѣмецкими дворами и не придавала особеннаго значенія его роли: она предоставляла ему являться на сеймѣ, когда онъ захочетъ, и оставаться тамъ, сколько ему угодно. Ассбургъ рѣдко показывался на сеймѣ, да и то въ качествѣ русскаго дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, а не министра: онъ старался избѣгнуть тщательныхъ требованій этикета, по которому ему приходилось встрѣчать майнцскаго депутата у себя внизу лѣстницы. Послѣ тешенскаго мира и союза Екатерины съ Іосифомъ II, Ассбургъ сходитъ съ дипломатической сцены, но до самой своей смерти (1797 г.) числится на русской службѣ, а вдова его получаетъ 2000 р. пенсіи. Между тѣмъ, Ассбургъ несомнѣнно былъ агентомъ Фридриха и подробно докладывалъ о каждомъ своемъ шагѣ прусскому министру, Финкенштейну, тѣмъ Панину. Любопытнѣе саксонскаго посланника въ Россіи, Сакена, въ Петербургѣ знали о русскихъ дѣлахъ только по депешамъ Ассбургъ и его помощника, Струве. Въ то время тамъ еще бесѣдовали о Германіи съ Нессельродомъ, который также былъ фаворитомъ Фридриха и старался поступить на русскую службу. (*Herrmann: Geschichte des russischen Staates*, VI, 23—24).

¹⁾ Финкенштейнъ Ассбургу отъ 7 окт. 1780 г.: „Je ne doute pas V. E. n'ait été prévenue sur ce plan (союзъ князей)... L'intérêt que le roi y prend, me le désire qu'Elle veuille bien m'instruire confidentiellement des nouvelles et des instructions ultérieures qu'Elle recevra sur cette matière“. *Assburg*, 70.

²⁾ *Assburg*, 69 sq.

V.

ПЕРЕВОРОТЪ ВЪ НѢМЕЦКОЙ ПОЛИТИКѢ ЕКАТЕРИНЫ II, И АВСТРІЙСКІЙ СОЮЗЪ.

Охлажденіе между Петербургомъ и Берлиномъ. — Николай Румянцовъ и ея миссія. — Измѣненіе австрійской политики. — Восточный вопросъ и Кауницъ. — Сближеніе Іосифа съ Екатериной. — Свиданіе и переписка Іосифа съ Екатериной. — Фридрихъ-Вильгельмъ въ Петербургѣ. — Кoadъюторствъ кѣльнскаго архіепископа. — Смерть Маріи-Терезіи. — Переговоры о русско-австрійскомъ союзѣ. — Споръ объ альтернативѣ, и его значеніе. -- Образчики споровъ изъ-за этикета. — Трактатъ 1781 года. — Его значеніе для Россіи и для Австріи. — Отношенія между союзниками. — Посредничество въ войнѣ морскихъ державъ.

Съ конца 1779 года, при петербургскомъ дворѣ начались неожиданныя сцены, которымъ не сразу повѣрила изумленная Европа. Старая союзница Фридриха стала выказывать чувства раздраженія и почти ненависти къ Потсдаму. Друзья Пруссіи начали подвергаться непріятностямъ, образчикомъ которыхъ служатъ любопытные случаи, записанные англійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ ¹⁾. А вскорѣ послѣдовало путешествіе Павла Петровича въ Вѣну съ приказомъ не показываться въ Берлинѣ, и он походило на изгнаніе: тутъ проливались слезы, Марія Ѳеодоровна упала въ обморокъ, Панинъ заболѣлъ ²⁾. Никита Ивановичъ, злѣдывавшій иностранными дѣлами цѣлыхъ семнадцать лѣтъ впалъ въ немилость, и уже кругомъ говорили о близкомъ ея паденіи. Гѣрцъ не зналъ, какъ выпутаться изъ возложеннаго на него порученія, которое грозило погубить всю его дипломатическую репутацію. Екатерина объяснила ему всю странность предложенія турецкаго союза ³⁾, а относительно германскихъ дѣлъ отвѣчала еще болѣе рѣшительнымъ поступкомъ. Она воспольз

¹⁾ Послѣ одного разговора съ великимъ княземъ, Павломъ Петровичемъ, Екатерина воскликнула: „вижу, въ какія руки попадетъ имперія послѣ моей смерти! Изъ насъ сдѣлаетъ провинцію, зависающую отъ воли Пруссіи“. Вслѣдъ затѣмъ, когда Екатерина велѣла отгнать въ Польшу всѣ мѣры, выражавшія недовѣріе къ Австріи Панинъ возражалъ, причемъ замѣтилъ, что и нашъ посланникъ въ Варшавѣ, Шпельбергъ, думаетъ также. Екатерина сказала ему въ отвѣтъ: „онъ то-же сталъ при сакомъ! Впрочемъ, я убѣждена, что онъ настолько уменъ и опытенъ, чтобы не обобщаться; но, вѣроятно, онъ думаетъ, что въ его интересахъ обманывать меня льстить тѣмъ, которые подчиняются приказамъ изъ Потсдама“. *Гаррисъ Стормонтъ* 15/26 февр. 1780, у *Германна*, VI, 451.

²⁾ *La cour de Russie*, 362 sq.

³⁾ *Солосъ-етъ*, Исторія паденія Польши, 161 и слѣд.—*Долтъ*, I, 400—404.

заясъ совѣтами Фридриха, но только противъ Пруссіи. Выборъ посланника въ Германію ясно свидѣтельствовалъ о поворотѣ въ ея нѣмецкой политикѣ. Онъ палъ не на Ассесбурга, который, напротивъ, сошелъ тогда съ дипломатической сцены, а на Николая Петровича Румянцова, сына знаменитаго фельдмаршала.

Николай Румянцовъ принадлежалъ къ поколѣнію молодыхъ екатерининцевъ, долго поддерживавшему преданія блестящей императрицы, на глазахъ которой оно воспиталось. Младшіе екатерининцы раздѣляли съ старшими живое чувство собственнаго достоинства и гордое національное сознаніе. Но они были другого зачала. Они получили болѣе счастливое воспитаніе и отличались болѣе широкимъ кругомъ идей; но просвѣщеніе досталось имъ легко, просто, такъ-сказать готовое. Они не вырабатывали его тяжелымъ опытомъ, какъ ихъ отцы-самоучки, воспитывавшіеся на мѣдный грошъ. Сравнительно съ стариками, у младшихъ екатерининцевъ больше упрямства и порывистости, чѣмъ характера и энергіи, больше страсти разсуждать и говорить, чѣмъ жить и дѣйствовать. Они не боялись пера, какъ ихъ отцы, и хорошо владѣли имъ; велика разница между законизмомъ и многословіемъ этихъ двухъ поколѣній. Двадцатипятилѣтній Николай Румянцовъ не безъ блеска начиналъ тогда свою карьеру: вскорѣ о немъ заговорили въ Европѣ.

Румянцовъ получилъ то серьезное воспитаніе, которое поселяетъ въ человѣкѣ непоколебимое уваженіе къ образованію. Впослѣдствіи, занимая высокіе политическіе посты и поглощенный обязанностями канцлера, онъ на свой счетъ снаряжалъ ученныя экспедиціи, и Москва доселѣ видитъ его памятникъ «на благое просвѣщеніе».

Уже въ описываемое время видно было, что это развитый и даровитый человѣкъ. Его депеши написаны живо, съ участіемъ къ предмету; онѣ изобилуютъ мѣткими наблюденіями и характеристиками. На основаніи ихъ можно отчетливо обрисовать типъ фюрста и имперскіе порядки, а также печальную роль посланника великой державы въ нѣмецкой имперіи. Румянцовъ вѣрно цѣнилъ среду, въ которой ему предназначено было дѣйствовать. «Доселѣ—доносилъ онъ Остерману—не понимаютъ имперіи, потому что судятъ о пей или лица, принадлежащія къ ней и, слѣдовательно, заинтересованныя, или же французы—плохіе наблюдатели, вслѣдствіе ихъ суетливости (*mobilité*). А Германію нельзя наблюдать безъ изученія то скучнаго и тяжелаго, то бесполезнаго. Нѣмецкіе министры засѣли на конституціи своей имперіи. Замѣтьте здѣсь какую-то канву республиканской формы, они стали

раздуть эту идею: и всѣ возмечтали о себѣ слишкомъ много, любовь къ отечеству выродилась въ личный интересъ, а личный интересъ мелоченъ. И что же вышло? Въмѣсто широкой идеи явились узкія мыслишки. То, что должно бы было трудомъ министра, стало не болѣе, какъ дѣломъ педанта ¹⁾. Французамъ всюду чудится ихъ Версаль. Они, правда, изучили фюрстовъ и ихъ министровъ, и получили перевѣсъ, но не могутъ сохранить его, ибо пасуютъ, какъ скоро заговорятъ о германской конституціи. Ее трудно постигнуть: нужно изучать ее въ книгахъ и въ людяхъ. Это можетъ сдѣлать русскій: онъ посторонній для германскихъ интересовъ, какъ французъ, но обладаетъ нѣмецкимъ прилежаніемъ и обдуманной настойчивостью...

«Если бы имперія была единой, какъ пишутъ, то она держалась бы сама собой. Но она разъединена, и поэтому ея существованіе зависитъ отъ сосѣднихъ державъ. Всѣ великія монархіи заинтересованы въ ея неприкосновенности изъ чувства самосохраненія. Это политическая пустыня, которую онѣ должны стараться сохранять подъ паромъ... Германія — родъ *республики*, погруженной въ анархію.... При спорахъ и въ законахъ, и въ примѣрахъ можно многое найти и за, и противъ... Въ Германіи, особенно на этихъ сценахъ (т.-е. у мелкихъ князей), гдѣ иногда не обсуждаются дѣла, а между тѣмъ господствуетъ духъ вѣчной хлопотливости, политика неизбѣжно превращается въ сплетни, и разговоры да пересуды замѣняютъ мысль и доводы... Хорошею характеристикою этой среды служить страхъ, испытанный Румянцовымъ при полученіи вѣрительной грамоты къ верхне-рейнскому округу на имя «курфюрста майнцакаго». Онъ опаса́лся исторіи, потому что нужно было прибавить имя «епископа вормскаго», такъ какъ директорство верхне-рейнскаго округа было связано съ этимъ званіемъ, а не съ курфюрстскимъ достоинствомъ. «Ваше сіятельство — писалъ онъ Остерману — себѣ представить не можете, до какой крайности къ мелочамъ и къ обидамъ, издавна принятымъ, чины германской имперіи привязанность имѣютъ».

Румянцовъ понялъ свою роль на этихъ «сценахъ». «Не

¹⁾ Румянцовъ Остерману 19/30 іюня 1785 года. „Les ministres allemands se sont apésantissant sur la constitution de leur Empire, parcequ'en y appercevant un canevas incertain de forme républicaine, ils ont poussé cette idée: chacun se croyait alors valoir d'avantage, l'amour de la patrie a dégénéré en intérêt personnel; l'intérêt personnel est minutieux. Aussi qu'est il arrivé? au lieu d'une idée vaste, sont venues des idées rétrécies, et ce qui devoit être le travail d'un Ministre, n'a plus été que l'oeuvre d'un Pédant.

должно — доносить онъ въ Петербургъ — вмѣшиваться въ кучу внутреннихъ связей и раздоровъ Германіи; нужно слѣдить только за императоромъ... Я держалъ себя ни пруссакомъ, ни австрійцемъ. Я старался заслужить уваженіе всѣхъ князей, причѣмъ помнилъ о достоинствѣ своей роли, возвышался надъ ихъ мелкими спорами и не принималъ участія въ ихъ сплетняхъ: по этому-то Гогенфельсъ и говорилъ, что я былъ — сама беззаботность въ дѣлахъ... Я выказывалъ не страхъ, а видъ, что мои увѣренія — милость императрицы, которую должно заслужить... Я посѣщаю часто только князей, которыхъ уваженіе и благоговѣніе къ императрицѣ извѣстны». Вообще Румянцовъ часто совѣтовалъ обходиться съ фюрстами поостроже, чтобы они не воображали, будто у нихъ заискиваютъ, чтобы тѣмъ дороже казался имъ всякій знакъ милости. «Нѣтъ ничего наглѣе слабыхъ, когда дѣлаютъ видъ, что боятся ихъ, и ничего малодушнѣе, когда ихъ дѣлаютъ по достоинству». Безпредѣльна была радость Румянцова, когда ему удалось сдѣлать строгій выговоръ герцогу Цвейбрюнгенскому, какъ своему подчиненному. «Я окончилъ удачно мою миссію — доносить онъ Остерману. — Даже бранящіе Вѣну хвалятъ Россію, которая ловко воспользовалась случаемъ, чтобы торжественно заявить себя въ Германіи въ качествѣ поруки за конституцію — роль, которую прежде, быть можетъ, могли оспаривать у нея, а отнынѣ это уже будетъ трудно, ибо она только что представила громкое свидѣтельство своего значенія, въ минуту, когда Швеція замолчала, а Франція лишь бормотала сквозь зубы» (elle venoit d'en prendre acte haut à la main, au moment où la Suède s'étoit tû, où la France n'avoit articulé qu'entre les dents) ¹⁾. И во всѣхъ подобныхъ совѣтахъ и поступкахъ Румянцовъ былъ лишь отголосокъ мнѣній своей государыни.

Поведеніе Румянцова въ Германіи и тонъ его рѣчей и бу-

¹⁾ Румянцовъ Остерману отъ 15/26 февраля, 19/30 июня, 8/14 октября и 19/30 ноября 1785: „L'Allemagne est une espèce de République dans un état d'anarchie... C'est un désert en politique qu'elles (великія державы) doivent être bien aises de conserver en friche... En Allemagne, surtout (sur?) ces petits théâtres, où il ne se débite jamais aucune affaire et où il règne cependant un esprit d'agitation continuel, la politique doit nécessairement se convertir en commérage et les redites et paquets prendre la place de la raison et des arguments, d'ailleurs a'est une chose connue depuis longtems que les Princes en Allemagne se font une sorte de jeu d'acrobation auprès des Cours contre les ministres, qu'Elles leurs envoient et celle des Deux-Ponts ce à cet égard en France une célébrité établie“... Упомянулъ о безсильныхъ фюрстахъ (Princes destitués de puissance), Румянцовъ говоритъ: rien n'est si déshonorant que les faibles, lorsqu'on a l'air de les craindre, rien de si pusillanime, lorsqu'on semble les apprécier au juste.“

магъ свидѣтельствуя о несоотвѣтствіи между человекомъ и мѣстомъ. Поставленный въ мелкую среду, презирая жалкій мірокъ фюрстовъ, Румянцовъ самъ втягивался въ его тину, принималъ къ сердцу придворные успѣхи и неудачи въ какомъ-нибудь Цвейбрюкенѣ, старался добраться до семейныхъ тайнъ фюрстовъ, развѣзжалъ по мелкимъ дворамъ, суетился. Любя разсуждать о политическомъ горизонтѣ и широкой политикѣ, онъ часто видѣлъ только ближайшую связь между окружавшими его событиями и преувеличивалъ ихъ значеніе. Ему казалось, что его «миссія очень обширна, а время полно тревогъ, очагъ которыхъ здѣсь, въ Германіи» ¹⁾. Высокомѣрный тонъ провинціала и духъ сплетни проскользнули въ депешахъ Румянцова, и Остерманъ принужденъ былъ дѣлать ему замѣчанія за заносчивость ²⁾. Но Румянцовъ грѣшилъ не скудостью свѣдѣній, а излишнимъ усердіемъ. Онъ любилъ много писать и не скупился на образы и идеи. Часто извиняясь передъ Остерманомъ въ длиннотѣ своихъ донесеній, онъ однако собирался еще «приняться за картину, которую уже давно обдумывалъ—начертить портреты принцевъ, ихъ министровъ и людей, имѣющихъ малѣйшее вліяніе въ имперіи». Слѣдовательно, Екатерина не ошиблась въ выборѣ. Она видѣла теперь собственными, а не прусскими глазами всѣ мелочи германскихъ дѣлъ. Еще менѣе она ошиблась въ патріотизмъ своего агента въ Германіи. Румянцовъ вполнѣ отличался тѣми свойствами ея сотрудниковъ, за которыя ихъ отчасти ненавидѣли, отчасти боялись. Онъ «екатеринствовалъ», какъ говорили тогда, т. е. горячо любилъ Россію, гордился ею, дорожилъ ея славой. Онъ служилъ такъ самоотверженно и неподкупно, какъ вообще умѣли служить екатерининцы, и старые, и молодые, счастливые возможностью сливать преданность къ государынѣ съ національнымъ чувствомъ. Соблюдая честь Россіи, Румянцовъ доходилъ до запальчивости, держалъ себя высокомерно и ссорился съ другими посланниками изъ-за всякой мелочи придворнаго этикета, желая взять верхъ надъ ними. Онъ такъ усердно слѣдилъ за интересами своего отечества, что его ненавидѣли всѣ друзья Пруссіи, а Фридрихъ не могъ говорить о немъ равнодушно и называлъ его «дѣя-

¹⁾ „...troubles dont le foyer est ici“. Румянцовъ Остерману отъ 19.30 июл. 1785 года.

²⁾ *Сенюръ*, называвшій Румянцова „très spirituel“ (II, 112), также замѣтилъ отъ черту. По его словамъ, Румянцовъ—„jeune négociateur, avec moins de mesure qu'd'esprit“ (II, 103).

иломъ, бѣшенымъ»¹⁾. И напрасно прусскій король надѣялся со временемъ обратить Румянцова въ свое орудіе, а Павелъ Петровичъ общалъ ему, съ этою же цѣлью, министерство иностранныхъ дѣлъ, когда получить престолъ²⁾. Вотъ къ чему привелъ советъ Фридриха Екатеринѣ учредить дипломатическій постъ въ Германіи.

Румянцовъ былъ аккредитованъ, въ концѣ 1781 года, при трехъ духовныхъ курфюрстахъ и при пяти имперскихъ округахъ, именно юго-западныхъ — верхне-рейнскомъ, нижне-рейнскомъ, швабскомъ, франконскомъ и вестфальскомъ. Сверхъ того, онъ получилъ особенныя вѣрительныя грамоты къ владѣтелямъ Вюртемберга, Цвейбрюкена, Бадена, Аппшаха и обоихъ Гессе-вовъ. Въ то же время русскій резидентъ въ Гамбургѣ, Гроссъ, былъ назначенъ посланникомъ при нижне-саксонскомъ округѣ и получилъ вѣрительныя грамоты къ герцогамъ брауншвейгскому и мекленбургскому. За остальными округами могли слѣдить наши посланники въ Вѣнѣ и Берлинѣ — Голицынъ и Долгорукій, представлявшіе противоположность Румянцову — спокойные и неповоротливые старички: Кауницъ называлъ Голицына «бѣднѣшкой, но добрякомъ», которому нужно все «разжевывать» и «которому требуется много времени даже на пустяки»³⁾. Екатерина предлагала даже, но безуспѣшно, учредить посольскій постъ при курпфальцскомъ дворѣ, если тотъ пришлетъ своего дипломатическаго агента въ Петербургъ⁴⁾. Румянцову приказано было жить во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, какъ въ средоточіи германской политики, и по крайней мѣрѣ разъ въ годъ посѣщать рекомендованныхъ ему мелкихъ князей. По словамъ рескрипта, Румянцовъ назначался «по поводу ручательства Россіи за заключенный въ Тешенѣ миръ и пріобрѣтенной ею въ германскихъ дѣлахъ дѣятельной инфлюенціи». Онъ долженъ былъ слѣдить за соблюденіемъ германской конституціи, т.-е. одинаково охранять какъ права фюрстовъ, такъ и власть императора. Про

¹⁾ Кабинетный указъ Фридриха Финкенштейну отъ 17 апр. 1785 г.: „Ce comte est un diable et un homme violent“. *Schmidt: Gesch. der preus.-deut. Unionsbestrebungen*, I, 182.

²⁾ *Голицынъ Герцбергу* отъ 16 окт. 1784. — *Schmidt*, тамъ же, I, 109.

³⁾ *Вст:* Joseph II, Leopold II und Kaunitz, 44, 56.

⁴⁾ 29-го ноября 1784 года Остерманъ писалъ Голицыну, что въ 1776 и 1777 г. курфюрстъ палатинскій намѣревался прислать своего министра въ Петербургъ, но война за баварское наслѣдство помѣшала этому; теперь же Екатерина требовала, чтобы Голицынъ „учинилъ, гдѣ надлежитъ, пристойное внушеніе“ касательно исполненія намѣренія курфюрста, послѣ чего явится и русскій министръ при мангеймскомъ дворѣ.

союзъ князей, въ пользу Пруссіи, въ инструкціи ничего не было сказано ¹⁾).

Тогда настроеніе Австріи соотвѣтствовало видамъ Россіи.

Послѣ политическаго пораженія—слѣдствія войны за баварское наслѣдство, Австрія находилась въ критическомъ положеніи. Она утратила свое вѣковое значеніе въ Германіи и, лишенная надежныхъ союзниковъ, стояла одиноко въ Европѣ, въ виду своихъ могущественныхъ соперниковъ — Пруссіи и Россіи. Іосифу приходилось думать уже не объ исполненіи своихъ честолюбивыхъ плановъ, а прежде всего о восстановленіи поколебленной роли Австріи, какъ великой державы. Эту трудную задачу можно было разрѣшить только посредствомъ крупнаго замысла, посредствомъ такого же важнаго и неожиданнаго переворота во всей европейской политикѣ, какъ знаменитый союзъ Габсбурговъ съ Бурбонами въ 1756 году. Но изъ великихъ державъ, Англія, вчера только помогавшая Фридриху, вела себя слишкомъ двусмысленно, чтобы можно было положиться на ея недавнее охлажденіе къ Пруссіи, а Франція только-что доказала ненадежность своей дружбы, которая держалась на волоскѣ. Къ тому же, вниманіе Англіи и Франціи было вполне поглощено тогда американской войной. Оставалась Россія, свободно располагавшая своими силами, могущественная и побѣдоносная, ставшая притомъ почти нѣмецкой державой послѣ Тешенскаго мира. Іосифъ испытывалъ уже, что значитъ идти противъ Екатерины, окончившей баварскую войну грозной деклараціей противъ Австріи; а въ союзѣ съ нею онъ могъ мечтать о серьезныхъ успѣхахъ. Этимъ союзомъ Іосифъ уже приобрѣталъ ту громадную выгоду, что совсѣмъ обезоруживалъ Фридриха; но, кромѣ того, онъ получалъ возможность даже возобновить свои честолюбивые замыслы. Въ Вѣнѣ убѣдились, что Фридрихъ или вовсе не допуститъ расхищенія Германіи и Польши, или придется дать и ему долю добычи, т.-е. усилить Пруссію: поэтому, тогда въ австрійской политикѣ выдвинулся на первый планъ третій изъ ея основныхъ вопросовъ — восточный.

Австріи не трудно было склониться къ союзу съ Россіей. Это значило лишь возвратиться къ своимъ вѣковымъ дипломатическимъ преданіямъ, временно нарушеннымъ помимо ея воли. Къ тому же, великій австрійскій дипломатъ уважалъ эти преданія. Князь Кауницъ всегда считалъ дружбу съ Россіей такимъ же догматомъ своего дипломатическаго исповѣданія, какъ свою

¹⁾ Инструкція находится въ моск. архивѣ.—Cf. Görtz, I, 148—150.

славу — французскій союзъ. Онъ былъ убѣжденъ, что Австрія
 можетъ достигнуть своей коренной цѣли — погибели Пруссіи — только
 посредствомъ усиленія насчетъ Турціи. Восточный вопросъ былъ
 любимымъ предметомъ его коварныхъ думъ. Онъ занималъ его
 съ первыхъ дней канцлерства, задолго до французскаго союза.
 «Восточная» академія Кауница преимущественно заботилась объ
 обученіи, на императорскій счетъ, будущихъ дипломатовъ языкамъ
 турецкому, персидскому и арабскому. Оттого-то Кауницъ по-
 стоянно и болѣе всѣхъ въ Вѣнѣ былъ защитникомъ идеи союза
 съ Россіей. «Соединеніе съ Россіей — говорить новѣйшій изслѣ-
 дователь вѣнскаго архива ¹⁾ — было его пламеннымъ желаніемъ...
 Восточные планы, выступившіе при Іосифѣ на первый планъ,
 уже давно обратили на себя вниманіе Кауница и были подго-
 товлены имъ. Мысль о раздѣлѣ Турціи была подробно развита
 имъ во время переговоровъ о Польшѣ, и когда польскій во-
 просъ сошелъ со сцены, онъ не упускалъ изъ виду своего проекта.
 Это дѣло можно было считать уже рѣшеннымъ; вопросъ шелъ
 лишь о томъ, какъ привести его въ исполненіе. Представлялось
 три способа — или Австрія одна «пытается пользоваться турецкой
 добычей» (*um der türkischen Ausbeute zu profitiren*), или она
 соединяется съ Россіей и Пруссіей, или же, наконецъ, устраи-
 вается соглашеніе между Австріей, Россіей и Франціей; въ по-
 слѣднемъ случаѣ Пруссія или совсѣмъ устраняется, или же ей
 уступаетъ возможно меньше. А послѣ войны за баварское на-
 слѣдство, когда пришлось на время повинуть мысль о привле-
 ченіи Франціи, Кауницъ только и думалъ, что о соглашеніи съ
 Россіей. Когда было налажено свиданіе между Іосифомъ и Ека-
 териной, министръ начерталъ императору довольно обширныя ин-
 струкціи, и тотъ былъ совершенно согласенъ съ ними... «Все, —
 писалъ тогда Іосифъ, — что содержится въ запискахъ князя, кло-
 нится къ тому, чтобы внушить русской императрицѣ вѣрное по-
 нятіе о моемъ личномъ образѣ мыслей и объ австрійской госу-
 дарственной системѣ, и тѣмъ подвинуть ее на тѣсное и естествен-
 ное соединеніе съ нами во всѣхъ политическихъ вопросахъ; а
 этого не можетъ быть безъ охлажденія ея дружбы къ нашему
 заклятому врагу, прусскому королю. Кауницъ позаботился рѣ-
 шительно обо всемъ. Онъ до мельчайшихъ подробностей предпи-
 салъ императору, какъ вести себя съ русской монархиней, и
 наложилъ ему въ уста слова, которыя тотъ долженъ былъ упо-
 требить, когда рѣчь зайдетъ о восточномъ проектѣ. Насколько

¹⁾ Beer: Joseph II, Leopold II und Kaunitz. Vorrede.

намъ извѣстны разговоры Іосифа съ Екатериной, императоръ почти буквально придерживался этихъ инструкцій». Ниже мы увидимъ, какъ Кауницъ неутомимо работалъ надъ укрѣпленіемъ русско-австрійскаго союза, и какъ энергически выдвигалъ онъ восточный вопросъ, съ австрійской точки зрѣнія, въ эпоху присоединенія Крыма. «И гораздо позже, въ 1787 году — говоритъ тотъ же авторъ—Кауницъ настаивалъ на объявленіи войны Портѣ, между тѣмъ какъ Іосифъ хотѣлъ немного подождать, чтобы докончить приготовленія въ обширныхъ размѣрахъ». Такимъ образомъ, «хотя союзъ съ Россіей былъ основною мыслью въ политической системѣ обоихъ, однако Кауницъ придавалъ ему гораздо больше значенія, чѣмъ Іосифъ». Любопытна записка Кауница объ этомъ союзѣ, составленная въ 1789 году, но повторявшая тѣ же самые доводы, которые онъ выставилъ въ обширномъ политическомъ мемуарѣ 1749 года ¹⁾. Въ ней сказано между прочимъ: «немного времени прошло со вступленія Россіи въ политическій сенатъ европейскихъ державъ, какъ уже была установлена система тѣснаго союза и дружбы между нею и Австріею. Съ тѣхъ поръ, вплоть до воцаренія Петра III, оба двора считали себя *естественными* союзниками, и дѣйствительно, у нихъ были и доселѣ сохраняются всѣ характеристическія свойства *естественныхъ* союзниковъ. Ихъ границы не соприкасаются между собою непосредственно, а потому они могутъ взаимно допускать увеличеніе владѣній и даже содѣйствовать ему. У нихъ общій врагъ—Порта; а позже они приобрѣли общаго опаснаго сосѣда—Пруссію, которая станетъ еще опаснѣе, если ей удастся распространить свое владычество въ Польшѣ, и мало-по-малу ослабить и уничтожить тамъ прежнее вліяніе обоихъ императорскихъ дворовъ. Какъ австрійскій, такъ равно и русскій государственный интересъ требуетъ, сколько возможно, препятствовать этому стремленію Пруссіи... Если Пруссія отрѣжетъ и устранить русскій дворъ отъ Польши, то послѣдній почти совсѣмъ утратитъ свое доселѣшнее *прямое* сообщеніе съ остальнымъ европейскимъ континентомъ и свое вліяніе надъ нимъ». Далѣе, замѣтивъ, что Екатерина извлекаетъ изъ союза гораздо болѣе «реальныхъ выгодъ», чѣмъ ея союзники, Кауницъ прибавляетъ

¹⁾ *Memoire über die Râthlichkeit, Nützlichkeit und Nothwendigkeit, das zwischen uns und Russland nun zu Ende gehende Allianzsystem nicht nur unverzûglich zu erneuern, sondern auch auf alle mögliche Art fortan bestens zu cultiviren. Den 10 May 1789. Его изложеніе см. Beer: Joseph II, Leopold II und Kaunitz, XIII—XV.—О мемуарѣ 1749 года см. еще въ изданныхъ Бееромъ же Aufzeichnungen des Grafen Will Bentinck über Maria-Theresia. Einleitung.*

однако: «но, по крайней мѣрѣ, эта система сама по себѣ, а также личныя чувства русской императрицы и ея министровъ, безспорно могли бы и могутъ въ послѣдствіи доставить намъ значительныя выгоды. Впрочемъ, если даже считать *реальныя выгоды* отъ упомянутой системы *случайными* (accidentel), то *реальный вредъ* отъ ея отсутствія неизбѣженъ и постоянно грозитъ неминуемой бѣдой... Противъ насъ, навѣрное, образуется тѣсная лига въ Россіи, Пруссіи, Англіи, Голландіи, всей нѣмецкой конфедераціи, Даніи и Польши, и мы будемъ изолированы».

Іосифъ былъ только менѣе энергиченъ и отваженъ, чѣмъ его канцлеръ, но думалъ онъ точно такъ же, и на этомъ-то преимущественно основывалось ихъ рѣдкое единодушіе. Уже давно, при жизни матери, у него мелькала мысль о выгодности союза съ Россіей ¹⁾. Какъ только умерла Марія-Терезія, онъ написалъ своему посланнику въ Петербургъ, Кобенцлю, человеку крайне безобразному и льстивому, но изыскавшему въ обращеніи, остроумному и болѣе Кауница рѣшительному въ совѣтахъ по внутреннимъ дѣламъ: «остается въ силѣ правило, что Россія съ нами и мы съ Россіей можемъ достигнуть всего; врознь же никто изъ насъ не сдѣлаетъ ничего существеннаго и полезнаго» ²⁾. Іосифъ разумѣлъ тутъ ни больше, ни меньше, какъ старый планъ Кауница—раздѣлъ Турціи, тѣмъ болѣе, что послѣ удачнаго опыта въ Польшѣ, идея «расчлененія» государствъ была тогда модною и казалась весьма естественною. Для лучшаго успѣха дѣла императоръ былъ не прочь даже пригласить Пруссію къ борьбѣ съ Портою, но готовилъ ей роль часового (nur die Schildwacht zu machen), за что намѣревался дать ей клочокъ (mässiges Stück) Польши, а послѣднюю вознаградить чѣмъ-нибудь изъ турецкой добычи (Derouillement der Pforte). Въ началѣ 1780 года Кауницъ уже составилъ записку объ установленіи «искренней дружбы, взаимнаго довѣрія и согласія» между вѣнскимъ и петербургскимъ дворами ³⁾, и Кобенцль получилъ приказаніе не падать ничего для этой цѣли ⁴⁾. Въ то же время въ Вѣнѣ усиливались разрушить прусскія клеветы, будто Австрія «старается

¹⁾ Іосифъ *Екатеринѣ* отъ 16-го іюля 1774 года.—*Joseph II und Katharina*, 5.

²⁾ Іосифъ *Кобенцлю* отъ 23-го декабря 1780 г.—*Beer: Joseph II, Leopold II und Kaunitz*, 26.

³⁾ Іосифъ *Кобенцлю* отъ 23-го декабря 1780 года.—*Beer: Joseph II, Leopold II und Kaunitz*, 26.

⁴⁾ „Reflexions sur l'entrevue prochaine“ Кауница и „Gutachten“ Іосифа по тому поводу находятся въ вѣнскомъ государственномъ архивѣ. Ихъ содержаніе изложено у Ранке: *Die deutschen Mächte*, I, 133—137.

помутить въ Польшѣ тамошнія отношенія и опровергнуть установленную тамъ политическую систему», будто она «возбуждаетъ поляковъ противъ намѣреній императрицы» и всячески, «даже денежными издержками», увеличиваетъ свою партію ¹⁾.

Наконецъ, чтобы ускорить ходъ дѣла, Іосифъ рѣшился разбить старый предразсудокъ и первымъ изъ Габсбурговъ пріѣхать въ Россію. Онъ самъ заявилъ объ этомъ Голицыну. Екатерина «покраснѣла отъ радости» ²⁾, когда Кобенцль официально сообщилъ ей объ этомъ.

Весной 1780 года состоялось свиданіе Іосифа съ Екатериной. Гость былъ принятъ съ изысканною любезностью и познакомился съ истинно-восточною роскошью. Онъ самъ не остался въ долгу: деньгами и подарками сыпали съ обѣихъ сторонъ безъ счету ³⁾. Тутъ произошло много долгихъ бесѣдъ между новыми вѣнценосными друзьями, содержаніе которыхъ, конечно, различно передается современниками, потому что никто не зналъ ихъ, особенно изъ русскихъ: крутой поворотъ въ нѣмецкой политикѣ былъ сюрпризомъ даже для Панина, Остермана и самого Потемкина. Должно согласиться съ англійскимъ посланникомъ, что главною цѣлью Іосифа было не столько добиться чего-нибудь положительнаго, сколько «устранить тѣ ложныя представленія, которыя были внушены Екатеринѣ изъ Потсдама». Это было

¹⁾ Въ этомъ смыслѣ писалъ и Штапельбергъ, изъ Варшавы, Голицыну, въ началѣ 1780 года. Онъ особенно предостерегалъ его отъ Ржевускаго и Браницкаго. Не успѣвъ Голицынъ завести рѣчь объ этомъ съ Кауницомъ, какъ тотъ самъ сталъ жаловаться ему на „неспокойное и подозрительное“ прусское министерство, которое старается такими слухами „поселить холодность и недовѣріе“ между Вѣной и Петербургомъ. „Съ болѣею чувствительностью“ и откровенно, „какъ частный человѣкъ“, утѣрялъ онъ Голицына, что вѣнскій дворъ вовсе не думаетъ разрушать правленія въ Польшѣ, устроеннаго „по мыслямъ и намѣреніямъ“ Екатерины. Разслѣдовавши дѣло, Голицынъ отвѣчалъ Штапельбергу, что „нѣтъ достаточныхъ причинъ для обвиненія вѣнскаго двора“. Ложность слуховъ подтвердилась, по его мнѣнію, между прочимъ и тѣмъ, что Ржевускій „лишь всякаго кредита въ Вѣнѣ, какъ человекъ слабый духомъ и тѣломъ и занятый только любезничаньемъ съ дамами (à dire des fleurettes aux dames); а Браницкій не за одно съ нимъ, да онъ старается только затмить другихъ и выставить себя необходимымъ (à donner de l'ombre et à se rendre précieux)“. Голицынъ Екатеринѣ въ январѣ 1780 года. Ср. донесенія Гарриса лорду Стормонту, въ февралѣ 1780 года, и Сакена въ мартѣ 1780 г.—*Herrmann*, VI, 56, 449.

²⁾ Гаррисъ Стормонту отъ 15—26 февраля 1780.—*Herrmann*, VI, 449—451. При этомъ Гаррисъ указываетъ на то, какъ вѣнскій дворъ сумѣлъ привлечь къ себѣ Потемкина своими „предложеніями“ (*Anerbietungen*).

³⁾ Интересныя подробности въ донесеніяхъ иностранныхъ пословъ (*Herrmann*, VI, 452—455), въ перепискѣ Іосифа съ Маріей-Терезіей (III, 242—303) и у Грасса: *Denkwürdigkeiten*, I, 166—172.

лишь исследование дипломатической почвы, и, зная стремленія Екатерины, не трудно догадаться, что Іосифъ уѣхалъ вполне довольнымъ. Лучшимъ доказательствомъ его успѣха служить переписка, завязавшаяся у него съ императрицей. Это—прекрасный образецъ самой безцеремонной лести и приторныхъ любезностей, бывшихъ въ ходу въ высшемъ обществѣ конца прошлаго вѣка. Особенное усердіе выказывалъ Іосифъ, который увѣрялъ Екатерину, что онъ «такой же настоящій русскій, какъ ея подданные». Зная, что она читаетъ перехваченныя письма, онъ даже написалъ Кобенцію записку, приноровленную къ случаю ¹⁾).

Самъ Іосифъ, своими письмами къ брату Леопольду и къ Кауницю, разъясняетъ намъ истинную цѣну этихъ любезностей, называя ихъ «пріемами лести», необходимыми, чтобы «пошепотать самолюбіе женщины, которая думаетъ только о себѣ и заботится о Россіи столько же», сколько онъ самъ. Іосифъ обольщалъ себя не меньше, чѣмъ Фридрихъ: въ началѣ 1781 года онъ самодовольно извѣщалъ брата, что надѣется на успѣхъ своей лести, т.-е. на возможность сдѣлать Екатерину своимъ послушнымъ орудіемъ. Онъ не зналъ, что показался русской государынѣ черезчуръ лстивымъ, легкомысленнымъ и болтливымъ, хотя она расхваливала его передъ иностранными послами ²⁾).

Успѣхъ Іосифа въ Петербургѣ смутилъ Фридриха. Интригуя, въ это самое время, повсюду противъ Россіи ³⁾, онъ старался разорвать возникающую дружбу между нею и Австріей и также рѣшился прибѣгнуть къ любезностямъ. Но онъ не обладалъ такимъ изящнымъ эпистолярнымъ слогомъ, какъ Іосифъ. Сверхъ

¹⁾ Гаррисъ Стормонту 1/18-го іюля 1780 г. *Herrmann*, 454 sq.—*Joseph II и Katharina*, 8—29. *Beer*: *Joseph II, Leopold II und Kaunitz*, 25—26.

²⁾ *Joseph II und Leopold II*, I, 26.—*Joseph II u. Katharina*, 35.—То же у *Бера* (31) вѣсколько иначе.—*Görtz*, I, 166.—*Ranke*: *Die Deutschen Mächte*, I, 142. *Ранке*: *Beiträge zur neueren Geschichte*, Leipzig, 1835—1839, V, 476.

³⁾ Пруссскій агентъ въ Турціи, Гафронъ, надѣлалъ тогда много непріятностей русскому посланнику. Вотъ что разглашалъ онъ, между прочимъ, про свиданіе Екатерины съ Іосифомъ. Фридрихъ будто бы сдѣлалъ запросъ Екатеринѣ насчетъ этого соборія. Та отвѣчала, что „готова и притвориться передъ Іосифомъ, лишь бы только лишь выдѣлать его виды и намѣренія“, но что она „далека отъ мысли установить съ нимъ что-нибудь противъ интересовъ прусскаго короля“. Но Фридрихъ не повѣлъ этому. Онъ „старается провѣдать объ условіяхъ предполагаемаго союза между Россіей и Австріей, и считаетъ нужнымъ уведомить объ этомъ Порту, какъ ея истинный пріятель“. Долгорукій наконецъ пожаловался Герцбергу на всѣ промахи Гафрона. Герцбергъ отвѣчалъ тѣмъ, что свалилъ всю вину на своего подчиненнаго и обѣщалъ сдѣлать ему выговоръ. *Долгорукій Екатерина* отъ 19—24 іюля 1780 года.

того, онъ послалъ въ Петербургъ своего племянника, Фридриха-Вильгельма, который отличался тяжелымъ характеромъ и грубыми манерами и, какъ говоритъ Ранке, «представлялъ собою умышленный горизонтъ Потсдама», а по словамъ Екатерины, «ничего въ своей жизни не видѣлъ и ни о чемъ не слыхалъ, кромя обученія солдатъ». Приѣмъ прусскаго наслѣднаго принца служить лучшимъ образчикомъ смѣлости и энергіи, съ которой Екатерина проявляла свои враждебныя чувства, когда это входило въ ея политическіе разсчеты. Иностранные послы изумлялись терпѣнію и сдержанности Фридриха-Вильгельма, съ которымъ императрица обращалась, какъ съ своимъ провинившимся подчиненнымъ. Она ежедневно изобрѣтала новые поводы, чтобы выказать гостю презрѣніе и почти ненависть, и наконецъ прямо сократила его пребываніе въ Петербургѣ. «Кровпринцъ,—говоритъ англійскій посланникъ,—игралъ глупую роль (silly part): словно рѣшились вести себя такъ, чтобы это былъ послѣдній визитъ отсюда (изъ Потсдама)»¹⁾. Справедливость этого свидѣтельства подтверждаютъ слова самой Екатерины въ ея письмѣ къ Іосифу²⁾.

Но это было только началомъ успѣховъ Іосифа и неудачъ, преслѣдовавшихъ Фридриха подъ старость.

Какъ только императоръ возвратился изъ своего путешествія по Россіи, въ августѣ 1780 года, въ Германіи совершилось важное событіе, которое могло повліять на всю европейскую политику, значительно возвеличивъ Австрію. Это—выборъ коадьютора (помощника) вѣльнскаго архіепископа. До сихъ поръ эта должность существовала болѣе по имени, чѣмъ въ дѣйствительности: она замѣщалась лишь по желанію самого владыки и уже давно была вакантною. Но она могла служить весьма важнымъ орудіемъ политическихъ интригъ. Кромя непосредственного участія въ дѣлахъ вѣльнскаго архіепископа, коадьюторъ былъ его естественнымъ преемникомъ: онъ могъ, по смерти владыки, направить выборы въ свою пользу и заранѣе задобрить домгерровъ и капитуль, а вѣльнскій архіепископъ былъ однимъ изъ главныхъ колесъ имперской правительственной машины. Уже не говоря про его богатство и первостепенное значеніе среди владыкъ Германіи, да и всего католическаго міра, довольно припомнить, что онъ былъ курфюрстъ и эрц-канцлеръ имперіи. Сверхъ того, онъ

¹⁾ *Гаррисъ Стормонту*, 11/12 сентября 1780 г., *Herrmann*, VI. 455 sq.—*Basmer*, V, 456—62.—*Cl. La Cour de Russie*, 346—8.—О путешествіи прусскаго принца въ Петербургъ см. интересныя подробности у *Грца* (I, 162—165, 172—178) и *Дом* (I, 424—426; II; XVI—XX).

²⁾ *Joseph II und Katharina*, 12.

владѣль нижнимъ Рейномъ, былъ со-директоромъ вестфальскаго округа и фюрстомъ и епископомъ мюнстерскимъ. Понятно, какъ нѣмецкіе князья всегда мечтали пристроить одного изъ своихъ сыновъ къ такому теплому мѣстечку. Обыкновенно этого достигали неважные фюрсты, такъ какъ капитулъ опасался утратить свою независимость при выборѣ члена сильной фамиліи. И въ описываемое время кѣльнскимъ курфюрстомъ былъ одинъ изъ мелкихъ имперскихъ чиновъ, швабскій графъ, Максимилианъ-Фридрихъ. Но съ половины XVIII-го вѣка, когда разгорѣлось соперничество между Австріей и Пруссіей, Кѣльнъ сталъ поприщемъ интригъ между великими державами Германіи: каждая изъ нихъ старалась помѣстить на кѣльнскомъ престолѣ свою креатуру, если не ближайшаго родственника своей династіи. Послѣ войны за баварское наслѣдство, кѣльнское архіепископство стало, можно сказать, германскимъ вопросомъ, особенно въ виду новой, осторожной политики Фридриха. Къ тому же, Максимилианъ-Фридрихъ былъ старъ, таялъ съ каждымъ днемъ—и вопросъ о коадьюторствѣ возникалъ самъ собою. Іосифъ задумалъ провести на выборахъ въ эту должность своего младшаго брата, Максимилиана. Это значило отчасти вознаградить тотъ ущербъ, который былъ нанесенъ австрійскому вліянію въ Германіи тешенскимъ миромъ; тогда Габсбургскій домъ приобрѣлъ бы преобладающее значеніе въ Европѣ. И безъ того самъ Іосифъ владѣлъ обширнымъ древнимъ наслѣдіемъ этого дома, одинъ изъ его братьевъ былъ великимъ герцогомъ тосканскимъ, другой намѣстникомъ миланскимъ и затѣмъ послѣдняго моденскаго герцога, а изъ его сестеръ три занимали престолы Франціи, Неаполя и Пармы, четвертая же была замужемъ за саксонскимъ принцемъ. Максимилианъ былъ уже гофмейстеромъ нѣмецкаго ордена и имѣлъ вліяніе въ Вестфалии и Пфальцѣ, какъ герцогъ клевскій и юлихскій. Еслибы онъ сталъ курфюрстомъ кѣльнскимъ, то вліяніе Австріи распространилось бы дальше, чѣмъ когда-либо, и именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Пруссія имѣла наиболѣе владѣній и кредита. Понятно, что Фридрихъ горячо взялся за устраненіе кандидатуры Максимилиана. Но, по сознанію самого агента Фридриха, Дома, онъ надѣлалъ здѣсь цѣлый рядъ ошибокъ, напоминающихъ его дипломатическіе промахи въ Петербургѣ. Онъ выказывалъ поспѣшность и горячность, которая приводила его къ нарушенію каноническаго права и обычаевъ кѣльнскаго капитула. Но, въ то же время, онъ прямо давалъ понять, что не намѣренъ идти до конца и считаетъ этотъ вопросъ недостойнымъ кровопролитія. Слѣдовательно, онъ безъ пользы раздражалъ домгерровъ, чему особенно

помогло поведеніе его агента, одного чисто-прусскаго генерала— заносчиваго, сварливаго и крайне грубаго, который велъ себя неприлично и совершалъ рядъ насилій. Вмѣшательство Фридриха помогло Іосифу. Каноники были оскорблены, и больше тѣмъ когда-либо стали опасаться деспотическихъ стремленій Фридриха. Всѣ они, не исключая даже враждебныхъ Австріи, стали за императора, дипломаты котораго дѣйствовали весьма искусно. Въ августѣ 1780 года Максимилианъ было избранъ коадьюторомъ бѣльскаго архіепископа, а въ 1784 году, по смерти Максимилиана-Фридриха, сталъ и курфюрстомъ.

Тогда въ Германіи были убѣждены, что теперь цѣлый рядъ новыхъ коадьюторствъ перейдетъ въ руки или того же Максимилиана, или его племянниковъ, дѣтей Леопольда Тосканскаго. Первыми жертвами властолюбія Іосифа считали Лютихъ, Падерборнъ и Гильдесгеймъ, такъ что Фридрихъ тотчасъ же принялъ мѣры для противодѣйствія тамъ интригамъ вѣнскаго двора ¹⁾.

Мѣсяца три спустя послѣ избранія Максимилиана, Фридриха поразилъ новый и болѣе серьезный ударъ. Умерла его соперница, Марія-Терезія. Подъ конецъ она, помимо своей воли, оказывала великую услугу своему заклятому врагу, увлекаясь такимъ же миролюбіемъ, какъ и онъ, и всячески сдерживая честолюбивые порывы своего сына. Доселѣ Іосифъ принужденъ былъ во многомъ стѣснять себя отчасти изъ уваженія къ матери, которую боялся оскорбить или опечалить, отчасти же вслѣдствіе высокаго и даже педантичнаго мнѣнія о принципѣ власти. Теперь же, какъ единодержавный повелитель священной римско-нѣмецкой имперіи и Австріи, онъ могъ свободно осуществить свой политическій идеалъ. И не замедлило обнаружиться прямое слѣдствіе его свиданія съ русской императрицей.

Уже въ концѣ 1780 года Іосифъ затрогивалъ въ Петербургѣ мысль о союзѣ, созрѣвшую въ его умѣ въ Могилевѣ. Съ 1-го января 1781 года начались переговоры, открытые письмомъ Іосифа къ Екатеринѣ, составленнымъ Кауницемъ ²⁾. Затѣмъ, Кобенцль представилъ записку о «просто-оборонительномъ союзѣ со важнымъ обезпеченіемъ всѣхъ владѣній Австріи и Россіи въ Европѣ; подобно тому, какъ есть трактаты, обезпечивающіе Польшу и Баварію». Въ Петербургѣ тотчасъ же была составлена министерская конференція изъ Никиты Панина, Ивана Остермана, Але-

¹⁾ Dohm, I, 295—378.

²⁾ *Joseph II und Katharina*, 31 sq. Cf. *Ranke: Die deutschen Mächte*, I, 143, примѣч.—*Joseph II und Leopold II*, I, 9.

ксандра Безбородко и Петра Бакунина. Она замѣтила, что австрійское предложеніе клонится, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы отъесть Россію отъ союза съ Пруссіей. Ей казалось, что союзъ съ Вѣной не настолько выгоденъ и необходимъ, чтобы разрывать старыя связи съ Берлиномъ. Къ тому же, по ея мнѣнію, въ то время уже прошла пора, когда «Порта казалась всей Европѣ истиннымъ страшилищемъ», и правъ Кауницъ, который еще въ 1769 году называлъ прежній «вѣчный» договоръ Австріи съ Россіей насчетъ Турціи «совершенно миновавшимъ и несуществующимъ». Идея конференціи состояла въ томъ, что Россія, при своемъ тогдашнемъ могуществѣ, должна была заботиться о «постоянномъ возвращеніи своей инфлюенціи въ Германіи, которой положено въ Тешенѣ славное и прочное основаніе»; а для этого ей необходимо быть рѣшительницей споровъ между Австріей и Пруссіей, т.-е. поддерживать равновѣсіе между этими державами. Поэтому, конференція совѣтовала завести прямыя сношенія съ нѣмецкими фюрстами и хотя не отказываться отъ союза съ Австріей, но не класть въ его основаніе тешенскаго трактата 1746 года ¹⁾, прямо направленнаго противъ Пруссіи. Напротивъ, нужно сохранять союзъ съ Фридрихомъ и обѣщать Австріи не болѣе вспомогательныхъ войскъ, чѣмъ сколько обѣщано Пруссіи по прежнимъ договорамъ ²⁾.

Екатерина согласилась съ основною мыслью конференціи о соблюденіи равновѣсія въ Германіи, но сдѣлала важныя добавленія. Она обратила особенное вниманіе на сохраненіе существующаго порядка вещей въ Польшѣ, а особенно на турецкія дѣла, потребовавъ отъ Австріи прямой помощи въ случаѣ войны съ Портой ³⁾.

Очевидно, интересы договаривающихся сторонъ далеко не сходились. Кобенцлю весьма не понравилось желаніе Екатерины сохранить союзъ съ Пруссіей, а статьи о Польшѣ и Турціи онъ даже не рѣшился принять безъ доклада своему правительству. Въ отвѣтъ на этотъ докладъ вскрываются цѣли вѣнскаго двора. Кауницъ писалъ, что Турція никогда, даже и во время нападенія Фридриха, не подавала Австріи повода къ неудовольствіямъ.

¹⁾ По этому трактату Россія и Австрія обязывались держать наготовѣ, близъ чуждыхъ границъ, по 30,000 войска, а въ случаѣ нападенія пруссаковъ на одну изъ нихъ, должны были выставить по 60,000, и тогда Силезія и Гладъ возвращались Австріи, которая выплачивала Россіи два милліона гульденовъ. *Соловьевъ*, XXII, 131 и слѣд.

²⁾ Мнѣніе конференціи 12 января 1781 года въ Моск. архивѣ.

³⁾ Безбородко *Панину* отъ 20 января 1781 года.

Если ужъ заключать секретный договоръ противъ нея, то слѣдуетъ сдѣлать то же самое и относительно Пруссіи. Впрочемъ, зная, что Россія не согласится на это, вѣнскій кабинетъ требовалъ отъ нея, «по примѣру старыхъ трактатовъ», хотя 30,000 вспомогательнаго войска «противъ кого бы то ни было, а слѣдовательно (*implicitement*) и противъ прусскаго короля».

При такихъ условіяхъ съ обѣихъ сторонъ, трудно было разсчитывать на успѣхъ переговоровъ. Но, кромѣ того, внезапно возникъ горячій споръ изъ-за дипломатической формальности, называемой *альтернативою*. По древнему обычаю, при заключеніи трактата, «государи альтернировались», т.-е. на одномъ экземплярѣ его, въ заголовкѣ и въ подписи, стояло первымъ имя одного изъ нихъ, на другомъ—имя другого. Іосифъ же «требовалъ себѣ альтернативу», т.-е. хотѣлъ поставить свое имя на первомъ планѣ въ обоихъ экземплярахъ.

Долгій и скучный споръ объ альтернативѣ, ничтожный по своему содержанію, имѣетъ историческое значеніе. Если всякое суевѣріе есть остатокъ древняго вѣрованія и каждый предрасудокъ когда-то игралъ роль истины, то мы не въ правѣ пренебрегать ихъ исторіей. Это замѣчаніе преимущественно относится къ международному этикету, потому что онъ еще не вымеръ до нашихъ дней. Особенно не должно упускать его изъ виду при изученіи исторіи монархій, потому что тѣмъ сильнѣе и сосредоточеннѣе власть, тѣмъ ревнивѣе старается она оградить себя отъ безвластнаго міра даже внѣшнимъ величіемъ. Новая исторія, возникшая изъ побѣды монархическаго начала надъ феодализмомъ, полна примѣровъ серьезной борьбы изъ-за государственнаго титула. Сверхъ того, въ международномъ этикетѣ проявляется характеръ націй, а также степень ихъ государственнаго значенія. Въ исторіи Россіи особенно ясно значеніе этой дипломатической формалистики, по двумъ причинамъ. Съ одной стороны, въ ней развивалась попреимуществу государственная идея, и именно въ формѣ новаго времени. Съ другой—Россія поздно вступила въ связь съ Западомъ, когда тамъ уже выработались дипломатическія формы, которыми дорожили, какъ старымъ достояніемъ и какъ какою-то привилегіей. Западъ долго не хотѣлъ признавать Россію членомъ своей семьи, а Россія съ поразительной настойчивостью добивалась этого права, и сначала именно подъ видомъ титула и международнаго этикета. Это соответствовало и точкѣ зрѣнія нашихъ предковъ, которые думали, что стобитъ ихъ государству получить высокій чинъ по регламенту международной формалистики—и оно приобрѣтеть вѣсь въ дѣлахъ Европы.

Эпоха «просвѣщенія», разбившая много основныхъ предразсудковъ, поколебавшая алтари и троны, не воснула въ заповѣдной области дипломатическихъ суевѣрій. Послѣднія процвѣтали по-прежнему. Въ архивскихъ бумагахъ того времени часто переписка о важнѣйшихъ дѣлахъ прерывается жалобами и разбирательствами объѣдъ, нанесенныхъ дипломатами другъ другу на официальныхъ объѣдахъ, придворныхъ балахъ и т. д. Подобнаго рода споры были особенно комичны при маленькихъ дворахъ, гдѣ они доходили до крайняго ожесточенія, вслѣдствіе пустоты жизни, такъ какъ фюрстъ считалъ соблюденіе этикета своею высшею государственною обязанностию и доходилъ тутъ до педантизма, отъ котораго самъ страдалъ больше всѣхъ. Наиболѣе щепотливыми дипломатами считались французскіе, русскіе и австрійскіе. Можно составить цѣлую книгу изъ анекдотовъ объ этикетныхъ спорахъ между ними. Особенно горячились тогда французы, у которыхъ русскіе осмѣлились оспаривать древнее первенство. Они просто насильно захватывали первыя мѣста. Въ Лондонѣ однажды изъ-за этого французскій посланникъ вызвалъ на дуэль русскаго, а въ Петербургѣ Сегюръ заставилъ министровъ перемѣнить, на ихъ конференціяхъ съ иностранными послами, четырехугольный столъ на круглый. Русскіе дипломаты также отстаивали энергически стремленіе своей государыни къ вышнему первенству. Руминцовъ часто жаловался на нелѣпости этикета, а между тѣмъ какъ что произошло у него, въ началѣ 1785 года, въ Майнцѣ, съ французскимъ посланникомъ, графомъ Сегюромъ, который также не безъ ироніи называетъ, въ своихъ запискахъ, Германію «послѣднимъ храмомъ этикета» ¹⁾. «Здѣсь,—писалъ онъ Остерману,—нѣтъ ранговъ» ²⁾, но иностранные министры сами позаботились о нихъ. Недавно, я замѣтилъ пустое мѣсто подлѣ курфюрста и преспокойно пошелъ занять его, какъ вдругъ Сегюръ проскользнулъ у меня подъ носомъ и сѣлъ на него, притомъ показывая видъ, хотя и вѣжливо, что сдѣлалъ это съ намѣреніемъ ³⁾. Тутъ не было насилія, но это—полное непримиреніе

¹⁾ Ségur, I, 82.

²⁾ Тогда до того развилась страсть къ этому рода мѣстничеству и изъ-за нея столько выходило непріятностей, что завели обычай сидѣть на официальныхъ объѣдахъ *pêle-mêle*, т.-е. какъ ни пошло, безъ соблюденія этикета. Этотъ обычай надѣлся много хлопотъ французскимъ дипломатамъ, которые должны были всячески вымолиться, чтобы и при немъ „удовлетворять обычной гордости своего двора“, какъ они выражались. Ségur, II, 112.

³⁾ Сегюръ (II, 114, 218 sqq.) прямо говоритъ, что онъ оттолкнулъ Руминцова. Послѣдній жаловался Екатеринѣ и поднялъ-было на ноги своихъ вліятельныхъ тетюшекъ въ Петербургѣ, но напрасно.

(une incivilité complete). Я принялъ такіа мѣры. Сѣлъ подлѣ Сегюра, хотя по росписанію это мѣсто предназначалось дамѣ, и все время былъ сухъ съ нимъ. Послѣ обѣда я подошелъ съ любезностями въ графу Окели ¹⁾, и заявилъ, что хочу просить оберъ-гофмейстера доставить мнѣ случай нынѣ же поужинать при дворѣ вмѣстѣ съ Сегюромъ. Потомъ я настаивалъ у самого Сегюра, чтобы онъ еще разъ доставилъ мнѣ честь быть вмѣстѣ съ нимъ при дворѣ курфюрста. Но онъ сказалъ, что очень спѣшить въ Россію и дорожить каждой минутой. И уѣхалъ. На другой день я рассказалъ все это оберъ-гофмейстеру и замѣтилъ, что буду весьма внимательно слѣдить за Окели (*arguer contre lui une attention scrupuleuse*), дабы не вышло другой подобной обиды. Я просилъ его взять съ насъ обоихъ слово, что мы не станемъ считаться рангами и впредь будемъ занимать одно изъ мѣстъ насупротивъ курфюрста. Оберъ-гофмейстеръ отвѣчалъ уклончиво. Но я снова заговорилъ твердымъ и строгимъ тономъ, что это—его обязанность. Онъ смутился. Три дня спустя, послѣ обѣда съ участіемъ Сегюра, при дворѣ былъ обѣдъ для мужчинъ. По обычаю, чтобы соблюсти *pêle-mêle*, курфюрстъ сажаетъ подлѣ себя своего оберъ-гофмаршала и гвардейскаго капитана. Иностранные министры обыкновенно садятся рядомъ съ первымъ. Я такъ и сѣлъ, т.-е. на первомъ пустомъ креслѣ съ правой стороны отъ курфюрста. Окели сѣлъ противъ меня. За это я сталъ оказывать ему всякое снисхожденіе. Стало быть, поведение Сегюра не было предписано ему его дворомъ. Онъ просто общалъ кому-нибудь сдѣлать такъ, думая, что я проглочу пилюлю, не поморщась ²⁾. Екатерина строго придерживалась дипломати-

¹⁾ Окели былъ постояннымъ французскимъ дипломатомъ при майнцкомъ дворѣ; Сегюръ попалъ сюда лишь проездомъ въ Россію.

²⁾ Румянцовъ—Остерману, отъ 6/17 января 1785 г.—7/18 февраля 1783 г. Румянцовъ указывалъ Остерману на статьи во французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ, насчетъ этикета, которыя онъ принималъ за личныя предостереженія себѣ со стороны Версаля. „Мнѣ кажется—писалъ онъ при этомъ—что если огромная имперія, среди широчайшей славы, требуетъ такого равенства, то французъ долженъ бы горячо схватиться за это и признать, глядя на насъ, что скромность—необходимый спутникъ истиннаго величія (*et reconnoître en nous, que la modestie est toujours alliée à la véritable grandeur*)“. Тогда западная газета дѣйствительно печатала злые статьи противъ Россіи, по поводу ея высокомерія. Такъ, въ *Gazette des Deux-Ponts*, отъ 4 февраля 1783 г. сказано: „La Russie aura toujours tort de se brouiller avec tout le monde, comme elle va le faire par les ordres donnés à tous ses Ambassadeurs de ne céder le pas à aucun autre Ministre dans les Cours étrangères; car celle de Versailles, qui prétend avoir rang immédiatement après celle de Vienne, a recommandé très strictement aux siens de soutenir la dignité du Roi qu'ils repré-

ческихъ преданій, укоренившихся въ Россіи. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, она объявила всѣмъ дворамъ, что будетъ неизмѣнно «наблюдать равенство между коронованными главами, ни у кого изъ нихъ не требовать первенства, но и никому его не уступать». Слѣдовательно, при ней Россія ушла дальше прежняго въ «обереганіи государевой чести». Царица уже не призывала первенства за римско-нѣмецкимъ императоромъ и приравнивалась къ нему и къ султану, которые въ дипломатическомъ этикетѣ стояли на первомъ мѣстѣ послѣ папы. Екатерина часто доказывала на дѣлѣ, какъ она дорожила своимъ правиломъ, и съ рѣдкой настойчивостью слѣдила за своей международной честью. Оттого-то на Западѣ называли ее тщеславною, и въ этихъ вопросахъ обращались съ нею крайне осторожно. Особенно щекотлива была она въ сношеніяхъ съ вѣнскимъ дворомъ, который игралъ первую роль въ вопросѣ о рангахъ. Она возвысила Голицына въ званія «пребывающаго въ Вѣнѣ полномочнаго министра» въ санъ «чрезвычайнаго и полномочнаго посла» и строго подтвердила ему приказаніе держаться «исповѣдуемаго ею правила о равенствѣ коронъ». И Голицынъ немедленно выказалъ свою ревность, поссорившись съ бургундскими послами. Между послѣдними произошелъ переполохъ. Они не знали, какъ ступить, завели оживленную переписку съ своими министрами и кончили тѣмъ, что не стали являться на аудіенціяхъ. Голицынъ же, въ свою очередь, притворился больнымъ, чтобы сохранить этикетъ «правой руки». Съ большимъ трудомъ удалось Кауницу внести миръ въ эту взволнованную среду объявленіемъ правила *pêle-mêle* ¹⁾.

sentent et de ne se relâcher en quoi que ce soit sur ce point. Il seroit très-possible que l'on revît bientôt la scène connue qui se joua à Londres, lorsque le Comte du Châtelet dans une assemblée d'étiquette s'assit sans façon sur le ventre de l'Ambassadeur Russe qui s'étoit emparé de son siège».

¹⁾ Въ рескриптѣ, которымъ Екатерина возвысила Голицына въ санъ чрезвычайнаго и полномочнаго посла, читаемъ: „Скажите Кауницу, что какъ исповѣдуемое нами правило о равенствѣ коронъ есть непремѣнное, такъ вы и не оставите по волѣ нашей ему всегда и при всякомъ случаѣ непремѣнно сообразоваться, не аффектуя брать первенство надъ бургундскими послами (французскимъ и испанскимъ), но взаимно не допуская и ихъ присвоивать оное себѣ съ видимою аффектаціею при всякомъ случаѣ“.—Въ апрѣлѣ 1784 г. Голицынъ доносилъ Екатеринѣ объ исторіяхъ съ этикетомъ, по поводу принятаго ею, „въ первыхъ еще годахъ царствованія, начала о набиженіи равенства между коронованными главами“ и сдѣланной тогда же деклараціи всѣмъ дворамъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Когда Екатерина повисила Голицына въ послы, онъ тотчасъ же увидѣлъ, что ему „предстоитъ распри съ французскимъ и испанскимъ послами о первенствѣ мѣста при императорѣ въ воскресныя полуденныя собранія. Хотя французскій и испанскій послы не имѣютъ особливаго мѣста, но издана была обычная становиться на правой сторонѣ у самихъ дверей залы и при входѣ въ

Понятен упорный споръ объ альтернативѣ, едва не побившій союза, котораго такъ горячо желали и въ Австріи, и въ Россіи ¹⁾. Понятно также, что въ Вѣнѣ больше всего горячились и упрямилась не императоръ, а его канцлеръ, этотъ маститый стражъ всякой дипломатической рутины и внѣшности. По настояніямъ Кауница, Иосифъ требовалъ исключительно для себя права альтернативы, какъ признаннаго съ незапамятныхъ временъ. Елатерина видѣла здѣсь не право, а только обычай. Она доказывала, что уступить альтернативу значило какъ-бы подчиниться императору, а Россія никогда не состояла въ вассальныхъ отношеніяхъ къ римско-нѣмецкой имперіи, какъ другія государства Европы ²⁾.

оную императора быть первыми ко удостоенію разговорами его величества“. Именно они становятся такъ: „на первомъ мѣстѣ папскій нунцій, за нимъ испанскій посолъ, а по лѣвую его руку французскій“. Это на основаніи фамиліаго бургонскаго договора, по которому „тотъ изъ нихъ, который прежде находится при казенъ-либо дворѣ, долженъ въ церемоніальныхъ случаяхъ брать у другого правую руку“. Поэтому—продолжаетъ Голицинъ—и мы иногда случались взять правую руку у того или другого изъ двухъ помянутыхъ пословъ. Пока этого случая не было, ибо въ первомъ, послѣ аккредитованія моего въ посольскомъ характерѣ, собраніи я не былъ, притворившись больнымъ, чтобы избѣгнуть какихъ-либо непріятностей или затрудненій въ церемоніальныхъ вѣнцахъ, которые должно было мнѣ принимать отъ поздравляющихъ меня пословъ. А во второе собраніе не явились ни французскій, ни испанскій послы: они наканунѣ прислали Кауницу единогласныя записки о томъ, что не хотѣтъ быть на собраніи, ожидая тамъ обиды себѣ отъ моего поведенія.—Я сказалъ ему еще ранѣе, что относительно бургонскихъ пословъ буду поступать такъ: „не брать предъ ними перваго мѣста, ниже уступать имъ онаго“. Въ этихъ запискахъ сказано, что, узнавъ о столь неожиданномъ намѣреніи Россіи соблюдать равенство въ рангѣ съ другими посланн, они дали знать своимъ дворамъ, а пока, не имѣя инструкцій на этотъ счетъ, рѣшились не явиться въ собраніе, что вовсе не значитъ однако, чтобъ они уступали то, что хотѣтъ оспаривать у нихъ.—Іюня 26 (іюль 7) 1784 г. Голицинъ донесъ, что Кауницъ объявилъ всѣмъ посланн и министрамъ: во всѣхъ будущихъ при дворѣ собраніяхъ ни для кого изъ нихъ не опредѣляется особливаго мѣста; каждый можетъ занимать мѣсто безъ разбора, какое ему угодно. „Вслѣдствіе такого объявленія, стоялъ я во время бышаго здѣсь при дворѣ, на другой день послѣ онаго объявленія, полуденнаго собранія подлѣ папскаго нунція; изъ прочихъ же пословъ каждый безъ всякой аффектаціи занялъ для себя мѣсто, гдѣ ему изъ нихъ случилось стать: которому посольскому прамѣру и втораго класса иностранные министры посѣдовали“.

¹⁾ До какой запальчивости доходили обѣ стороны, видно изъ выражений Кауница (*Beer*, 38—41, 53, 58;—*Joseph II und Katharina*, 70) и изъ черновыхъ дѣлешъ Панина Голицину.

²⁾ Въ рескриптѣ Голицину по поводу альтернативы сказано: „мы не обидимъ и дражать прамѣру другихъ, но шествуемъ тою дорогою, которая ведетъ насъ истинная слава, достоинство и могущество вѣренной намъ отъ Бога имперіи, руководствуемъ естественною справедливостію. На сихъ началахъ основывая всѣ наши дѣянія, не согласимся мы, конечно, никогда и ни для чего на шагъ унизительной и низводящей насъ съ степени величія нашего“.

Споръ длился шесть недѣль, было исписано много бумаги, и Кауницъ почти каждый день велъ безплодные разговоры съ Голицынымъ. Наконецъ, это «мѣстничество въ титулатурѣ государей» или «гордые ушы формъ и фигуръ», какъ выражалась Екатерина, были уничтожены ея изобрѣтательностью. Иосифъ согласился на ея предложеніе составить трактатъ въ видѣ писемъ, которыми они должны были обмѣняться. Онъ даже весьма обрадовался этой формѣ, которая давала ему возможность скрыть дѣло и «правдиво (avec vérité) говорить союзнымъ и другимъ дворамъ, что предположенный трактатъ не состоялся». Екатерина, въ свою очередь, приказала своимъ дипломатамъ увѣрять всѣхъ, что союзъ не состоялся, «вслѣдствіе препятствій относительно церемоніала» ¹⁾.

Трактатомъ, подписаннымъ въ маѣ 1781 года, устанавливался оборонительный союзъ между Россіей и Австріей, на восемь лѣтъ. Договаривающіяся стороны обязывались помогать другъ другу войсками, въ случаѣ нападенія «какой-бы то ни было державы» на всякое изъ ихъ владѣній, кромѣ азіатскихъ и итальянскихъ. Хотя договоръ объявленъ знакомъ «такой дружбы и привязанности», которая были «едвали не единственнымъ примѣромъ между монархами», однако онъ ничѣмъ не отличался бы отъ всѣхъ подобныхъ документовъ, если бы не статья о Польшѣ: союзники обязались «сохранять въ Рѣчи-Посполитой порядокъ (bon ordre) и спокойствіе, а также обезпечить конституцію и границы этого государства, какъ онѣ установлены сеймомъ и трактатами 1773 года». Но вся сила союза 1781 года состояла въ томъ прибавленіи, которое названо Екатериной «секретнѣйшею статьей». Здѣсь союзники возобновляли тайныя постановленія, которыя «всегда включались въ договоры между ихъ предшественниками». Они обязывались взаимно обезпечить всѣ сдѣлки, заключенныя Россіей и Австріей съ Портой, съ 1704 по 1779-й годъ. Въ случаѣ войны одной изъ сторонъ съ Турціей, другая должна была выставить *одинаковое* съ нею количество сухопутныхъ и морскихъ силъ и не смѣла мириться съ султаномъ *отдѣльно* ²⁾.

¹⁾ Подробности о спорахъ Екатерины за этикетъ вообще и за альтернативу въ особенности см. въ составленной по бумагамъ московскаго архива нашей статъ: Das russisch-österreichische Bündniss von 1781, въ *Historische Zeitschrift* Зибела (1876, Heft 4). Тамъ же приложены и ненапечатанные доселѣ архивскіе документы, относящіеся къ спору объ альтернативѣ.—*Joseph II und Katharina*, 68, 91.

²⁾ Трактатъ 1781 года см. въ *Joseph II und Katharina*, 72—90. „Секретнѣйшая статья“ напечатана впервые *Германномъ* (VI, 459—461). Изложеніе хода пере-

«Секретнѣйшая статья» доставляла Россіи всѣ выгоды отъ договора, и Кауницъ не даромъ называлъ ее столько же коварною (*malicieuse*), сколько и невозможною (*inadmissible*) ¹⁾. Въ ту минуту, когда все вниманіе Россіи сосредоточилось на восточномъ вопросѣ, у нея развязывались руки. Не только устранялись постоянныя препятствія здѣсь со стороны Австріи, но эта главная наша соперница въ турецкихъ дѣлахъ обязывалась помогать намъ всѣми своими силами. Прямымъ слѣдствіемъ союза 1781 года было развитіе восточнаго вопроса въ интересахъ Россіи, какъ мы увидимъ ниже. Сверхъ того, онъ усиливаетъ наше вліяніе въ Германіи, потому что еще подтверждалъ тешенскій миръ и, главное, не уничтожалъ нашего стараго союза съ Пруссіей. Такъ воплощалась идея германскаго равновѣсія, подъ покровительствомъ Россіи, одушевлявшая Екатерину и ея министровъ, и Николай Румянцовъ поѣхалъ именно ея провозвѣстникомъ въ средоточіе Германіи ²⁾. Конечно, всѣ эти выгоды возвышали значеніе Россіи въ общеевропейской политикѣ. Екатерина сознала въ своихъ рукахъ силу, выходящую за предѣлы исключительно русскихъ интересовъ, и тотчасъ же дала почувствовать ее на отдаленномъ Западѣ. Вотъ почему она дорожила австрійскимъ союзомъ и гордо говорила, въ концѣ 1780 г.: «я надѣюсь прожить еще столько, чтобъ заключить съ императоромъ такой тѣсный, прочный и покоющійся на широкихъ основаніяхъ союзъ, котораго не въ силахъ былъ бы расторгнуть мой преемникъ. Мнѣ было бы больно, еслибъ моя смерть, подобно смерти императрицы Елисаветы, послужила знакомъ измѣненія всей системы русской политики» ³⁾.

Не таковы были послѣдствія союза 1781 года для Австріи. Онъ сдѣлалъ ей много косвеннаго вреда и не принесъ никакой прямой пользы. Онъ только обезпечивалъ ей помощь Россіи, въ случаѣ нападенія Пруссіи. Но тогда дипломатамъ хорошо было извѣстно крайне-мирное настроеніе Фридриха. Сверхъ того, при

говоромъ о союзѣ 1781 года у *Герма* (I, 241—258) любопытно въ томъ отношеніи, что доказываетъ, изъ какихъ вѣрныхъ источниковъ вообще черпалъ свои свѣдѣнія этотъ дипломатъ.

¹⁾ *Beer: Joseph II, Leopold II und Kaunitz*, 89.

²⁾ Точно такъ же объясняетъ Павелъ Петровичъ союзъ 1781 года. Вотъ его слова, сказанныя тогда Гёрцу: „Die Idee, eine glorreiche Rolle zu spielen und sich in die Mitte zwischen Preussen und Oesterreich zu stellen, um in gewisser Art die Schritte beider Mächte zu leiten, und der romanhafte aber unausführbare Plan eines griechischen Kaiserthums liege dem Vorhaben der Kaiserin, sich auf ein Bündniss mit Oesterreich einzulassen, vorzüglich zu Grunde“.

³⁾ *Raumer: Beiträge*, V, 476—7.

наступательныхъ дѣйствіяхъ Пруссіи, у Іосифа нашлись бы союзники и на Западѣ, который, со времени Семилѣтней войны, не преставаѣ опасаться честолюбивыхъ стремленій Берлина. Раздѣлъ Турціи, руководимый Екатериной, не могъ быть особенно ясенъ Іосифу: онъ не вознаградила бы, какъ слѣдуетъ, Австрію за ущербъ отъ быстрого усиленія Россіи. Къ тому же, въ Вѣнѣ были убѣждены, что Фридрихъ непремѣнно захочетъ участвовать въ дѣлѣхъ ¹⁾, и въ такомъ случаѣ Іосифу пришлось бы бороться съ нимъ, между тѣмъ какъ русскіе, для которыхъ Порта уже не была «страшилищемъ», распоряжались бы въ Константинополѣ. Событія лучше всего доказали, кто выигралъ въ восточномъ вопросѣ отъ союза 1781 года. Но Іосифъ рассчитывалъ еще на помощь Екатерины въ вопросѣ германскомъ. Ниже мы увидимъ, какъ онъ ошибся и въ этомъ отношеніи.

Значеніе новаго союза отразилось даже въ мелочахъ, именно въ отношеніяхъ между личностями союзниковъ. Во время переговоровъ о немъ Екатерина писала Іосифу сдержанныя, холодныя письма и обращалась къ нему съ разными требованіями и замѣчаніями, то относительно Турціи и Польши, то насчетъ православныхъ въ Австріи ²⁾. Императоръ же и его многоопытный канцлеръ всячески старались угодить царицѣ и не знали, какъ слушать, спутываемые ея умышленными противорѣчіями. «Вы сильно преувеличиваете вліяніе императора въ Петербургѣ, — говорилъ тогда Кауницъ англійскому посланнику: — мы дѣлаемъ, что можемъ, но не въ силахъ сдѣлать то, чего намъ хочется... Характеръ царицы такъ чудно устроенъ, представляетъ такую странную смѣсь нерѣшительности и упрямства, что трудно постигнуть его». А Іосифъ прибавлялъ: «требуется большое искусство, чтобы приладиться къ характеру и нраву русской императрицы». Онъ немилосердно заискивалъ у Екатерины, льстилъ ей въ крайне любезныхъ письмахъ, оправдывался во вводимыхъ на него клеветахъ, исполнялъ ея мелкія требованія, посылалъ ей сувениры,

¹⁾ „Partager au gâteau“. Beer, 39.

²⁾ Екатерина постоянно заботилась объ интересахъ православнаго населенія въ Австріи. Отъ 28 марта 1786 года былъ посланъ Голицыну рескриптъ, изъ котораго видно, что въ Румянцово-Задунайскому приходили монахи изъ одного галицкаго монастыря съ жалобами на притѣсненія ихъ обители. Екатерина говоритъ, что не вѣрять имъ, зная крѣпость Іосифа, но думаетъ, что „католическое въ Галиціи духовенство обилию предъ симъ во время польскаго правленія утѣснятъ грекороссійскую церковь“; поэтому, пожалуй, оно наклеветало императору и угнетаетъ ее. Екатерина требовала, чтобы монастырь былъ „обезпеченъ отъ всѣхъ утѣсненій и обидъ въ собственности его, такъ и въ свободѣ отправленія богослуженія по преданію нашей православной церкви“. По справкѣ Голицына оказалось, что этотъ монастырь, наравнѣ съ другими, былъ закрытъ Іосифомъ.

а ея министрамъ «обычныя въ Россіи» денежные подарки за договоръ ¹⁾. Наконецъ, Іосифъ взялся за извѣстный талисманъ австрійской дипломатіи—за брачныя узы ²⁾. Уже съ начала 1781 года Іосифъ задумалъ женить своего племянника, Леопольдова сына, Франца, на младшей сестрѣ наслѣдницы русскаго престола, Елисаветѣ Вюртембергской. Этимъ онъ надѣялся привязать къ себѣ Екатерину и въ то же время отвлечь Павла Петровича отъ Пруссіи. Онъ думалъ, что его планъ понравится Маріи Оедоровнѣ, любившей свою вюртембергскую семью, обремененную дѣтьми и жившую «крайне мѣщански»; а она, по его мнѣнію, должна была всегда руководить своимъ мужемъ, который былъ «далеко не равенъ ей по уму и талантамъ» ³⁾. Расчеты Іосифа на бракъ оправдались. Екатерина согласилась, и, по этому поволу, осенью 1781 года, послала Павла Петровича съ женой въ Вѣну и Флоренцію. Конечно, Іосифъ непременно принять гостей съ небывалымъ блескомъ и «проливалъ слезы радости» ⁴⁾.

Тѣмъ же характеромъ отличается поведеніе Іосифа, какъ политика, послѣ союза 1781 года. Онъ тотчасъ же приступилъ къ вооруженному нейтралитету ⁵⁾ и просилъ Екатерину ввести его въ обще-европейскую политику, такъ какъ она уже выступила тогда съ своимъ посредничествомъ въ войнѣ морскихъ державъ. Екатерина и здѣсь руководилась тѣми же принципами, которыми слѣдовала въ дѣлахъ турецкихъ и германскихъ. Англія еще съ 1777 года добивалась наступательнаго и оборонительнаго союза съ нею, чтобы, заодно съ Пруссіей, устроить «сѣверный концертъ», который уничтожилъ бы ея вѣчную соперницу, Францію,

¹⁾ *Raumer*, V, 491, 502, 559.—*Joseph II und Katharina*, 45—47, 51 sq. 58.—*Beer*, 72, 76.

²⁾ Tu, felix Austria, nube!

³⁾ *Joseph II und Leopold II*, I, 14, 323, 327.

⁴⁾ Голицынъ доносилъ, что, встрѣтивъ высокихъ путешественниковъ въ Троицкѣ, Іосифъ распространился передъ нимъ о «достойныхъ дѣлахъ такой монархини, къ которой никто изъ европейскихъ государей не можетъ имѣть подобнаго тому высокопочитанія, какому онъ къ ней преисполненъ, какъ въ разсужденіи наивысочайшихъ и несравненныхъ душевныхъ ея качествъ и достоинствъ, такъ и въ разсужденіи великихъ и славныхъ ея дѣлъ, и которой онъ, посвяти совершеннѣйшую свою преданность, ненарушимо сохранять оную до конца своей жизни». Любопытно, какое противоположное впечатлѣніе произвели путешественники на Іосифа и Леопольда. Да и вообще у современныхъ иностранцевъ мы встрѣчаемъ различныя портреты русской наслѣдной четы. Весьма интересны въ этомъ отношеніи: *Joseph II und Leopold*, I, 9—10, 61, 116—128, 133, 323—325, 333—339.—*Joseph II und Katharina*, 113—118, 162.—*Beer*, 90—94.—*Oeuvres de Frédéric le Grand*, VI, 122.—*Ségur*, II, 219 sq.—*Asseburg*, 57—58.—*Görz*, I, 117.—*Raumer*, V, 519—26.

⁵⁾ См. рескриптъ Голицыну по поводу вооруженнаго нейтралитета, отъ 3-го сентября 1781 года, въ моск. архивѣ. Cf. *Joseph II und Katharina*, 109 sq.

поддерживаемую Австріей. Но такъ какъ этотъ планъ не судилъ выгоды Россіи, да еще противорѣчилъ идеѣ перманентнаго равновѣсія, то Екатерина затягивала переговоры и, наконецъ, по обыкновению, предложила, съ своей стороны, статью о Портѣ. Сверхъ ожиданія, Англія согласилась на столь тяжелое для нея условіе и даже предлагала то превратить Минорку въ русскую Мальту, то присоединить къ Россіи что-нибудь изъ испанскихъ владѣній въ южной Америкѣ. Потемкинъ, съ свойственнымъ ему фантазёрствомъ, уже началъ было мечтать о заселеніи Мальты греками и о заведеніи могучаго русскаго флота у «этого памятника славы императрицы, воздвигнутаго среди моря». Но Екатерина иначе смотрѣла на дѣло. Она не хотѣла связывать себя союзомъ, который не приносилъ пользы Россіи и еще вовлекалъ ее въ войну отдаленныхъ морскихъ державъ. Оттого въ Петербургѣ проводили англійскаго посланника безплодными разговорами, образчикомъ которыхъ служить блестящая бесѣда съ нимъ самой императрицы, въ декабрѣ 1780 года, переполненная угрозами и любезностями, высокомеріемъ и искренностью, гнѣвомъ и шуткой ¹⁾. Смыслъ этихъ рѣчей клонился къ тому, чтобы Англія даровала привилегіи нашимъ купцамъ и вообще «жила въ удовольствіе Россіи», какъ выразился англійскій посланникъ. Притомъ, ей должна была принадлежать инициатива въ союзѣ: «мнѣ,—сказала Екатерина,—какъ женщинѣ, неприлично дѣлать первый шагъ». А между тѣмъ, тогда уже налаживался австрійскій союзъ 1781 года—и Екатерина, вмѣсто «сѣвернаго концерта», объявила «вооруженный нейтралитетъ», гибельный для морского могущества Англіи, которая называла его «плутней, фантомомъ, самой дикой и распутной системой». Такимъ образомъ, Екатерина, уклонившись отъ англійскихъ соблазновъ, сохранила свободу дѣйствій, которою и не замедлила воспользоваться: въ концѣ 1780 года, она предложила Англіи свое посредничество въ американской войнѣ. Иосифъ, узнавъ объ этомъ, просилъ Екатерину допустить его, «какъ новичка въ такихъ дѣлахъ», къ участию въ посредничествѣ, тѣмъ болѣе, что этого желалъ и самъ лондонскій кабинетъ. Онъ объяснялъ ей, что замолвить словечко за «бѣдняжекъ-американцевъ, судьба которыхъ интересуется ее» ²⁾. Екатерина охотно согласилась ³⁾ и даже предоставила союзнику дальнѣйшій ходъ

¹⁾ *Raumer*, V, 470—3.

²⁾ *Joseph II und Leopold II*, I, 9.—*Joseph II und Katharina*, 33—35, 59 sq.—*West*, 29.—*Herrmann* VI, 89.—*Raumer*: *Beiträge*, V, 467—489, 540.

³⁾ Памятъ Голицыну, отъ 7-го марта 1781 года: „Le coeur généreux de l'Impératrice, compatissant aux maux, dont l'humanité est affligée, se sent allégé à la vue des efforts, que l'Empereur joint aux siens pour le succès de ce grand ouvrage“.—*Рескриптъ* Голицыну, отъ 24 сент. 1781 г.

дѣла, необщицаваго успѣха: должно замѣтить, что она даже видѣла выгоду въ продленіи войны, при которой развивалась торговля нейтральныхъ судовъ. Въ Вѣнѣ оказались дѣйствительно «новичками». Тамъ сильно увлеклись желаніемъ «сыграть великую роль» и надеждой сдѣлать Вѣну европейскимъ ареопагомъ, такъ какъ Екатерина согласилась на созваніе мирнаго конгресса въ столицѣ Австріи. Кауницъ горячо взялся за посредничество, и, съ свойственной ему изобрѣтательностью, начертывать планъ за планомъ, разсылалъ депешу за депешей. Екатерина равнодушно одобряла все, что онъ ни присылалъ, и только твердила о защитѣ Голландіи, запоздавшей съ своимъ приступленіемъ къ вооруженному нейтралитету и потому ставшей жертвою, на которой Англія вымещала свою злобу на Россію: по словамъ англійскаго посланника, пристрастіе къ голландцамъ было «злобой дня» въ Петербургѣ, а по заявленію Панина, тогда «нельзя было ничѣмъ выбить изъ головы императрицы мысль о вооруженномъ нейтралитетѣ». Понятно, что при такихъ условіяхъ посредничество Россіи не могло быть пріятно Англіи. Въ Лондонѣ начали уклоняться отъ него, и даже вступили въ прямые сношенія съ Версалемъ и Мадридомъ. Кауницъ горячился и негодовалъ на равнодушіе Екатерины, пускался на всякія ухищренія и выпадалъ въ непоследовательность. Сегодня онъ требовалъ, чтобы Екатерина высила голосъ, потому что только она съ успѣхомъ можетъ говорить тономъ угрозы ¹⁾; завтра же готовъ былъ совѣсть бросить дѣло, еслибы изъ Петербурга не совѣтовали ему быть стойкимъ ²⁾...

Таковы были непосредственныя слѣдствія союза 1781 года въ мелочахъ; перейдемъ теперь къ вытекавшимъ изъ него крупнымъ явленіямъ — именно, къ новой порѣ развитія восточнаго и германскаго вопросовъ.

А. ТРАЧЕВСКІЙ.

¹⁾ *Голицынъ Екатеринѣ*, отъ 9/17 іюня 1782 г. Онъ доноситъ, что Кауницъ совѣтовалъ пригрозить воюющимъ державамъ, въ особенности Англіи, и сказалъ: „сей способъ въ разсужденіи Англіи съ наилучшимъ успѣхомъ отъ ея императорскаго величества единой произведенъ быть можетъ черезъ внушеніе нѣсколько серьезное, которое, конечно, сильнѣйшую со стороны ея величества, нежели съ другой, импрессию сдѣлать можетъ“. — *Ramser*, V, 476, 489.

²⁾ Ходъ переговоровъ о посредничествѣ хорошо рисуется въ слѣдующихъ бумагахъ: *Голицынъ Екатеринѣ* отъ 26-го февраля (9-го марта), 1/12 марта, 11/22 мая, и въ ноябрѣ 1781 года; шифрованное письмо повѣреннаго въ дѣлахъ въ Парижѣ, *Хотинскаго къ Голицыну*, отъ 22-го марта 1782 года; *республики Голицыну*, отъ 24-го сентября 1781 и 7-го марта 1782 года; *Голицынъ Екатеринѣ*, 9/17 іюня 1782 года. — *Cf. Joseph II und Katharina*, 182, sq. 189, 151. — *Beer*, 81 sq.

ИЗЪ ГЕЙНЕ

«Buch der Lieder» и «Lyrisches Intermezzo».

1.

Въ долину горной и унылой
Въ мечтахъ ѣздовъ плелся рысцой,
И думалъ: «отдохну-ль у милой,
«Иль отдохну въ землѣ сырой?»
И голосъ горъ отвѣтъ далъ свой:
«Въ землѣ сырой!»

Печально онъ прибавилъ шагу
Въ раздумьи о судьбѣ своей:
«Какъ рано я въ могилу лягу!..
«Но, можетъ быть, покойно въ ней!»
И голосъ горъ звучить яснѣй:
«Покойно въ ней!»

Вотъ, дальше ѣдетъ онъ тоскуя,
Слеза изъ глазъ его течетъ:
«Въ землѣ сырой покоя найду я,
«Такъ что-жь? меня тамъ счастье ждетъ!»
И голосъ горъ отвѣтъ свой шлетъ:
«Тамъ счастье ждетъ!»

2.

Недвижны на небѣхъ
Всѣ звѣздочки стоятъ
Вѣка уже, и сверху
Съ тоской любви глядятъ.

Онѣ языкъ имѣють;
 Онѣ гибокъ и богатъ.
 Однако филологи
 На немъ не говорятъ.

Ему я научился,
 Мнѣ не забыть его;
 Грамматикой мнѣ было
 Возлюбленной лицо.

3.

Другъ къ другу мы нѣжныя чувства питали,
 Однако прилично себя мы вели,
 И часто мы въ «мужа-жену» съ ней играли,
 Однако ни разу до дракъ не дошли.
 Мы вмѣстѣ шутили и вмѣстѣ смѣялись,
 И, нѣжно обнявшись, нѣжной цѣловались.
 И вотъ, наконецъ, чтобы съ ней порѣзвиться,
 Мы въ прятки сыграли средь рощей и горъ,
 И такъ другъ отъ друга съумѣли мы скрыться,
 Что все не нашлись еще до сихъ поръ.

4.

Въ стихахъ моихъ отравя;—
 И какъ не быть ей въ нихъ?
 Когда ты яду влила
 Въ теченье дней моихъ.

Въ стихахъ моихъ отравя;
 И какъ не быть ей въ нихъ?
 Въ душѣ моей все змиѣи—
 И ты одна изъ нихъ.

Ю. М.

СВОБОДА ТОРГОВЛИ

И

ПРОТЕКЦИОНИЗМЪ

I.

Въ послѣдніе годы протекціонистскія идеи въ нашемъ обществѣ сдѣлали замѣтный успѣхъ, и мы не считаемъ лишнимъ разсмотрѣть какія причины, вызвавшія агитацію протекціонистовъ, такъ и значеніе покровительственной системы въ экономіи страны. Россія, какъ извѣстно, съ начала нынѣшняго столѣтія держалась строгой покровительственной системы, но въ 1857 году былъ изданъ новый тарифъ, въ которомъ наше правительство сдѣлало нѣкоторыя, весьма, впрочемъ, слабыя уступки идеямъ свободной торговли: пошлины на нѣкоторые товары изъ запретительныхъ были обращены въ покровительственныя; на другіе же, имѣвшіе и прежде доступъ на нашъ рынокъ, оныя были понижены. Въ общемъ, характеръ этого тарифа былъ покровительственный, и притомъ въ значительной степени. Мѣра эта принята была какъ разъ послѣ крымской войны, разстроившей наше финансовое положеніе и вынудившей наше правительство къ выпуску бумажныхъ денегъ на громадную цифру 400 мил. руб. серебромъ. Само собою разумѣется, что такая масса новыхъ денежныхъ знаковъ не могла не имѣть вредныхъ послѣдствій для нашей промышленности. Оптический обманъ миллиарда вкладовъ, накопившихся въ банкахъ и лежавшихъ безъ употребленія, вызвалъ акціонерную горячку, неограниченное расширеніе производства безъ всякаго соображенія съ количествомъ дѣйствительнаго спроса, и сильное возвышеніе цѣнъ на

всѣ предметы потребленія, а равно и на заработную плату. Когда туманъ разсѣялся, то оказалось, что капиталы въ рукахъ общества были фиктивные, а не дѣйствительные, что ихъ призракъ порожденъ былъ огромною массою излишнихъ денежныхъ знаковъ, съ паденіемъ цѣнности которыхъ нечѣмъ было вести предпріятій, задуманныхъ и затѣянныхъ подъ вліяніемъ призранныхъ капиталовъ. Такимъ образомъ, наша промышленность очутилась далеко не въ блестящемъ положеніи, тѣмъ болѣе, что война поглотила значительное количество дѣйствительныхъ капиталовъ и рабочихъ рукъ, а главное—въ теченіи трехъ лѣтъ отлекала огромное количество послѣднихъ отъ производительной дѣятельности.

Въ такое время является новый тарифъ съ нѣкоторыми, едва можно сказать замѣтными, уступками въ пользу идей свободной торговли. Люди, понимавшіе значеніе экономическихъ вопросовъ, привѣтствовали эту мѣру, какъ зарю болѣе здоровой торговой политики нашего правительства, вполне увѣренные, что поворотъ къ новымъ идеямъ совершился окончательно, и что затѣмъ мы постепенно подемъ по единственному пути, который указываетъ наука, опирающаяся въ настоящее время на практику другихъ государствъ, вполне оцѣнившихъ бѣдствія покровительственной системы. Надежды эти однако же не осуществились, но теперь не объ этомъ наша рѣчь. Укажемъ лишь на то обстоятельство, что люди, питавшіе эти надежды, составляли самое незначительное меньшинство даже въ средѣ нашей интеллигенціи. Къ сожалѣнію, изученіе политической экономіи не составляетъ слабости нашего общества, и самыя элементарныя понятія изъ этой области знанія совершенно чужды его большинству. Практическаго же изученія дѣйствительныхъ послѣдствій той и другой системы торговой политики у насъ не существуетъ вовсе. Пользуясь такимъ положеніемъ знанія въ нашемъ обществѣ, люди, заинтересованные въ существованіи монополій и жаждущіе эксплуатировать общество подъ прикрытіемъ идей патріотизма и національной гордости, съ которыми (не во гнѣвъ будь сказано подобнымъ „патріотамъ“) экономическая жизнь народа не имѣетъ ничего общаго, задумали всѣ невзгоды нашей промышленности свалить на новый тарифъ и сбили съ толку даже людей образованныхъ. Послѣдніе очень часто заблуждаются совершенно добросовѣстно и защищаютъ покровительственную систему въ интересахъ народнаго труда, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, существованіе нашихъ фабрикъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи даетъ возможность кормиться значительному населенію, а эти фабрики только и могутъ существовать при отсутствіи заграничнаго соперничества. Невыгодныя послѣдствія ненормальнаго денежнаго обращенія для нашей промышленности дали

оружіе въ руки протекціонистовъ, и они принесли эти послѣдствія мнѣнію новаго тарифа. Такія мнѣнія, говоримъ мы, порождены отсутствіемъ серьезнаго изученія экономическихъ законовъ, управляющихъ социальнымъ строемъ общества, отсутствіемъ анализа экономическихъ явленій. Кружокъ людей, понимающихъ дѣйствительные интересы страны и не позволяющихъ втерять себя оченъ, у насъ малолюдъ и весьма мало вліятеленъ, — тогда какъ въ подобныя вопросы только мнѣніе этого кружка людей и можетъ считаться дѣйствительно компетентнымъ и беспристрастнымъ судомъ. Они нисколько не заинтересованы лично въ существованіи той или другой монополіи, и притомъ ихъ никто не имѣетъ права обвинять въ недостаткѣ патріотизма и сочувствіи къ рабочему сословію; чтѣ же касается до общихъ интересовъ страны и правительства, то пониманіе этихъ интересовъ, бесспорно, должно принадлежать имъ несоразмѣрно въ большей степени, чѣмъ всѣмъ фабрикантамъ и заводчикамъ Россіи, взятымъ вмѣстѣ. Признавать необходимымъ мнѣніе фабрикантовъ и заводчиковъ въ вопросѣ о томъ, слѣдуетъ ли держаться покровительственной системы или начать свободной торговли—это не значитъ идти къ рѣшенію вопроса. Безпристрастное обсужденіе подобнаго вопроса въ такой средѣ невозможно. Личный интересъ для нихъ здѣсь на первомъ планѣ, и они всегда будутъ стоять не только за сохраненіе системы покровительства, но даже за возвышеніе пошлинъ. Спросите, нужно ли возвысить заработную плату? Работники выскажутся утвердительно, а наниматель отрицательно. Подобные вопросы всегда должны разрѣшаться отнюдь не заинтересованными лицами, а людьми сторонними и беспристрастными, и притомъ понимающими значеніе экономическихъ явленій.

Но такихъ людей у насъ считаютъ теоретиками и говорятъ, что съ точки зрѣнія теоріи они, конечно, справедливы, но вѣдь теорія — есть идеалъ, къ которому можно стремиться только, а желать, чтобы же его осуществленія — утопія. Подобное мнѣніе у насъ слышится нерѣдко, и оно-то для насъ всего страннѣе въ вопросахъ экономическихъ. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что если извѣстный принципъ признается идеаломъ, то тѣмъ самымъ утверждается его правильность, а противоположный принципъ признается ложнымъ; итакъ, если считается нужнымъ стремиться къ этому идеалу, то не слѣдуетъ отъ него удаляться установленіемъ новыхъ пошлинъ и пониженіемъ старыхъ, а напротивъ, необходимо постоянное, хотя и незначительное пониженіе остальныхъ пошлинъ, въ чемъ только и можетъ выразиться стремленіе къ идеалу. Кромѣ того, мы спросимъ читателей, что онъ думаетъ объ обществѣ, объ отношеніяхъ людей между собой, въ смыслѣ экономическомъ и социальномъ? Считаетъ ли онъ это обще-

ство и общественную жизнь людей явленіемъ естественнымъ, безусловно необходимымъ, или только извѣстной обрядностью, придуманною людьми и организованною ими въ виду достиженія извѣстныхъ цѣлей? Другими словами: признаетъ ли онъ общество сложнымъ организмомъ, подчиненнымъ общимъ мировымъ законамъ природы, на подобіе индивидуальныхъ организмовъ, или считаетъ его изобрѣтеніемъ человѣческаго ума? Въ этомъ весь вопросъ. Только признавая, что общественная жизнь есть изобрѣтеніе ума человѣческаго, можно придти къ заключенію, что между теоріею и практикою существуетъ непроходимая бездна. Но разъ признана истина, что человѣкъ внѣ общества не можетъ ни мыслить, ни говорить и, следовательно, не можетъ быть и названъ человекомъ, разъ, говорю, эта истина признана, общество и общественный порядокъ между людьми, ихъ потребности, средства къ удовлетворенію послѣднихъ и, наконецъ, усилія, дѣлаемые людьми для пріобрѣтенія этихъ средствъ во всемъ ихъ разнообразіи,—все это необходимо признавать явленіями чисто органическаго свойства, подчиненными такимъ же естественнымъ законамъ природы, какъ и фیزیологическія отправления человѣческаго организма. Однимъ словомъ, жизнь общества, какъ организма, подчиняется извѣстнымъ фیزیологическимъ законамъ, которыхъ выдунать нельзя, и нужно ихъ изучать и притомъ очень внимательно, чтобы сколько-нибудь правильно содѣйствовать развитію этой жизни или, по крайней мѣрѣ, не становиться въ разрѣзъ съ ея безусловными требованіями. Изученіе этихъ законовъ и составляетъ предметъ особой науки, которую въ настоящее время не совсѣмъ вѣрно называютъ политическою экономіею.

Въ этомъ видѣ поставленный общій вопросъ, повидному, не встрѣчаетъ въ настоящее время противорѣчій. Наука сдѣлала такой шагъ, что мысль объ организаціи общества по примѣру Платона, Руссо, Томаса Мура, Фурье, Овена и другихъ утопистовъ, имѣетъ значеніе лишь какъ историческій фактъ, для указанія, до какихъ негѣпостей могла доводить невѣрная точка отправления въ науку объ обществахъ. Но разъ вы сходите съ высоты этого общаго положенія и переходите къ какимъ бы то ни было практическимъ подробностямъ, разъ вы указываете на ненормальность извѣстнаго условія въ жизни, нарушающаго правильныя отправления общественнаго организма, вы встрѣчаетесь съ возраженіями, васъ называютъ теоретикомъ, человекомъ лишеннымъ всякаго пракческаго смысла и рѣшительно непонимающимъ общественныхъ интересовъ. Но мы спрашиваемъ: что такое теорія въ экономической наукѣ? Развѣ это тѣ измышленія образцовыхъ организацій, до какихъ доходили нѣкоторые философы, увлекаясь своей фантазіей? Ничуть не бывало. Это

есть только систематическое, по возможности, изложеніе массы сдѣланныхъ наблюденій надъ фактами практическаго опыта, обобщеніе этихъ наблюденій и выводы изъ нихъ. Такимъ образомъ, наука политической экономіи идетъ и развивается путемъ опыта и наблюденія надъ практическою жизнью; всѣ ея выводы являются слѣдствіемъ этого опыта, и только полное непониманіе и отсутствіе здраваго смысла можетъ приводить къ заключеніямъ, что между теоріею и практикою въ вопросахъ экономическихъ такая же разница, какъ между идеаломъ и дѣйствительностію. Лица, утверждающія, что экономическія отношенія людей подчинены естественнымъ условіямъ, необходимо должны допускать, что каждое экономическое явленіе есть послѣдствіе суммы извѣстныхъ условій и фактовъ и, слѣдовательно, можетъ быть понято и объяснено только на основаніи подробнаго изученія и этихъ условій, и этихъ фактовъ, т.-е. путемъ чисто практическимъ; что дальнѣйшее развитіе жизни можетъ идти только медленнымъ путемъ органическаго процесса, и что всякіе скачки въ жизни очень опасны для самого организма. И этихъ-то людей называютъ теоретиками, неспособными къ практическому рѣшенію вопросовъ. Какимъ образомъ могло образоваться подобное неглупое мнѣніе? Намъ кажется, что оно есть слѣдствіе тѣхъ патологическихъ явленій, которыя всегда свойственны всякому организму, а въ томъ числѣ и общественному. Къ нѣкоторымъ изъ этихъ патологическихъ явленій глазъ человѣческой до того привыкъ, что считаетъ ихъ нормальными безъ всякой повѣрки. Нѣтъ ничего труднѣе, замѣтилъ еще Руссо, какъ понимать ежедневныя и обыденныя явленія, и вотъ, на основаніи этой-то привычки глядѣть на явленія патологическаго свойства какъ на нормальныя, люди рутинны и составили себѣ теорію, вовсе не заботясь о томъ, насколько эта теорія объясняетъ всѣ стороны извѣстнаго рода явленій, и вовсе не замѣчая, что они разсуждаютъ тоже на основаніи теорій, только такой, которая обобщила лишь нѣкоторые факты, бросающіеся въ глаза, и предусматриваетъ только ближайшія послѣдствія сдѣланныхъ выводовъ,—теорію, которая вовсе не обращаетъ вниманія, принадлежатъ ли тѣ факты, изъ которыхъ она дѣлаетъ свои выводы, къ нормальнымъ или патологическимъ явленіямъ. Люди эти, являясь, такимъ образомъ, тоже теоретиками, но только теоретиками въ худшемъ смыслѣ этого слова, воображаютъ себя практиками именно потому, что они останавливаются на ближайшихъ послѣдствіяхъ своихъ теорій и съ преобращеніемъ относятся къ людямъ науки, которые смотрятъ на нѣчто шире и видятъ не только все то, на чемъ остановились такъ называемые практики, но, кромѣ того, принимаютъ въ соображеніе нѣчто неизвѣстное имъ, а именно, и болѣе широкое обобщеніе фак-

тическаго матеріала, и болѣе подробный анализъ послѣдствій этого обобщенія. Въ этомъ смыслѣ люди науки заслуживаютъ гораздо скорѣе и правильнѣе названія людей практическихъ.

На этомъ основаніи упрекъ въ теоретичности взглядовъ въ вопросахъ экономическихъ до тѣхъ поръ, пока этотъ вопросъ стоитъ на почвѣ принципа, по нашему мнѣнію, не имѣетъ смысла, такъ какъ онъ можетъ быть разрѣшенъ только на основаніи теорій. Этотъ упрекъ можетъ быть сдѣланъ лишь тогда, когда дѣло дойдетъ до практическаго его примѣненія. Такъ, наприимѣръ, при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостнаго права прежде всего представился вопросъ чисто принципиальный, а именно: съ землей или безъ земли должны быть освобождены крестьяне? Только по разрѣшеніи этого вопроса путемъ чисто теоретическимъ, наступилъ вопросъ о практическомъ его примѣненіи, т.-е. вопросъ о количествѣ земли, долженствующей поступить въ надѣлы крестьянамъ. Также точно и вопросъ насъ занимающій, — о свободѣ торговли и покровительствѣ промышленности — можетъ быть обсуждаемъ только съ точки зрѣнія теорій. Защитники началъ свободной торговли вполнѣ сознаютъ это, и не отрицаютъ того, что для разрѣшенія вопроса въ принципѣ другого пути и не существуетъ; между тѣмъ какъ протекціонисты, въ сущности находясь на той же теоретической почвѣ, утверждаютъ, что они относятся къ вопросу съ практической точки зрѣнія, и такимъ образомъ сами лишаютъ себя всякаго основанія въ спорѣ. Практическая точка зрѣнія тогда получила бы дѣйствительное значеніе, когда вопросъ, будучи рѣшенъ въ принципѣ, перешелъ бы къ примѣненію его въ жизни, т.-е. къ вопросу о томъ, въ какой постепенности переходить отъ покровительства къ свободѣ и наоборотъ. До тѣхъ же поръ, какъ съ той, такъ и съ другой стороны должны представляться обобщенія и выводы теоретическіе, и здѣсь-то теорія протекціонистовъ, какъ основанная на недостаточномъ количествѣ обобщеній и не принимающая въ соображеніе всѣхъ возможныхъ послѣдствій, не только не выдерживаетъ критики, но представляется наборомъ цѣлаго ряда софизмовъ, которые поражаютъ своей нелѣпостію при первой попыткѣ сдѣлать изъ нихъ логическій выводъ.

Но какъ скоро вопросъ въ принципѣ разрѣшенъ, какъ скоро показана неосновательность протекціонистской теоріи, тогда не можетъ быть и спора, и система, основанная на ложной теоріи, должна быть упразднена во что бы то ни стало, такъ какъ нельзя же поддерживать заведомо вредную для государственныхъ интересовъ систему. Въ такомъ случаѣ вопросъ сводится только къ порядку упраздненія этой системы. И тогда дѣйствительно практическая точка зрѣнія получаетъ огромное значеніе въ виду тѣхъ интересовъ, которые мо-

гуть быть затронуты реформой. Нельзя оставить без вниманія этихъ интересовъ, вовлеченныхъ въ дѣло тѣми условіями, которыми созданы монополействомъ. Въ виду такихъ соображеній, необходима извѣстная постепенность перехода, при которой интересы, затронутые реформой, могли бы или улучшить производство, или перемѣнить родъ занятій, вообще пострадать возможно менѣе. Здѣсь практическіе взгляды на дѣло дѣйствительно необходимы, и мнѣнія заинтересованныхъ лицъ о положеніи той или другой промышленности должны быть выслушаны, хотя также не могутъ и не должны имѣть рѣшающаго голоса. Точно также, если теоретическій вопросъ о покровительствѣ рѣшенъ въ смыслѣ утвердительномъ, тогда не должно существовать никакого безпопличнаго ввоза и всѣ предметы производства должны подлежать равноудѣльному, по своей стоимости, обложенію въ видахъ покровительства всѣмъ вообще отраслямъ промышленности. Съ практической точки зрѣнія, здѣсь будетъ подлежать разрѣшенію только одинъ вопросъ—о размѣрахъ подобнаго покровительства, т.-е. объ отношеніи пошлины къ стоимости предмета въ связи съ порядкомъ опредѣленія этой стоимости.

Здѣсь мы должны сдѣлать небольшое отступленіе отъ занимающаго насъ предмета, т.-е. отъ постановки самаго вопроса на извѣстную почву, и перейти къ замѣчанію по существу и притомъ чисто съ практической точки зрѣнія. Мы это дѣлаемъ въ виду того обстоятельства, что читатель, не вполне проникнутый идеями протекціонизма, можетъ остановить насъ весьма естественнымъ возраженіемъ. Онъ можетъ сказать намъ, что при такой системѣ, предпринятой для покровительства всей промышленности, оно будетъ означаться только тѣмъ ея видамъ, продукты которыхъ ввозятся съ иностранныхъ рынковъ на внутренній, но нѣтъ никакого покровительства тѣмъ бесчисленнымъ видамъ производства, которые не имѣютъ иностранныхъ конкурентовъ, а потому, несмотря на кажущуюся общность подобнаго мѣръ, покровительствомъ будетъ пользоваться ничтожное меньшинство производителей. Это доказывается тѣмъ, что количество продуктовъ нашей промышленности, конкурирующихъ съ иностранными, совершенно ничтожно въ сравненіи съ общимъ количествомъ продуктовъ, производимыхъ внутри самой страны. Протекціонисты отвѣтятъ, конечно, на это замѣчаніе, что они имѣютъ въ виду оградить внутреннюю промышленность только отъ иностранной конкуренціи; продукты же внутренняго производства, не встрѣчающіе на нашихъ рынкахъ иностранныхъ конкурентовъ, и не нуждаются вовсе въ покровительствѣ. Я не думаю, чтобы кто-нибудь изъ защитниковъ теории протекціонизма сталъ возражать противъ подобнаго формулированія ихъ мысли. Но дѣло въ томъ, удовлетворить ли подобное воз-

равненіе читателя? Мы думаемъ, что нѣтъ. При этомъ онъ можетъ сказать этимъ господамъ, что требуетъ отъ нихъ послѣдовательности и справедливости, не болѣе. — Вы, скажетъ читатель, обращаясь къ протекціонистамъ, вѣдали содѣйствовать развитію отечественной промышленности и, замѣтивъ, что нѣкоторые ея отрасли не могутъ развиваться у насъ по недостатку сбыта, вслѣдствіе заграничной конкуренціи, уничтожили эту конкуренцію и обезпечили такимъ образомъ сбытъ произведеній этихъ отраслей промышленности;— все это вы сдѣлали въ интересахъ незначительнаго меньшинства русскихъ производителей; теперь я вамъ указываю на огромное большинство русскаго населенія, занимающагося сельскимъ хозяйствомъ, большинства, которое тоже страдаетъ отъ недостатка сбыта своихъ произведеній, вслѣдствіе конкуренціи американскихъ и австралійскихъ производителей. Пшеница идетъ въ Европу изъ Соединенныхъ Штатовъ, кожа изъ Бразиліи и Буэносъ-Айреса, шерсть изъ Австраліи, и отпускъ этихъ предметовъ изъ нашихъ портовъ ограничивается именно вслѣдствіе заграничной конкуренціи, но только не на нашемъ, а на обще-европейскомъ рынкѣ. Будьте же послѣдовательны, господа, и если вы признаете нужнымъ сдѣлать что-нибудь для ничтожнаго меньшинства русскихъ производителей и притомъ на счетъ русскихъ же потребителей, то тѣмъ болѣе основательно должно быть требованіе сдѣлать что-нибудь для громаднаго большинства населенія на счетъ заграничныхъ потребителей. Не говорите мнѣ, скажетъ читатель, что въ этомъ отношеніи ничего нельзя сдѣлать. Если быть послѣдовательнымъ, то очень можно. Согласно вашему желанію, у насъ существуютъ на границахъ таможенная и вооруженная стража, которая не допускаетъ заграничныхъ производителей на наши рынки. Почему же не сдѣлать того же съ Европой и не оградить нашу сельскую промышленность отъ конкуренціи на европейскихъ рынкахъ тѣсною блокадой европейскихъ береговъ; если такая мѣра повлечетъ за собой громадныя издержки, то вѣдь и выгоды отъ обезпеченія за русскими производителями цѣлаго европейскаго рынка найдутъ, конечно, ни въ какое сравненіе съ тѣми ничтожными выгодами, которыя получаетъ нынѣ Россія отъ развитія производствъ, покровительствуемыхъ тарифомъ, такъ какъ этими производствами занимается ничтожное меньшинство населенія.

Съ точки зрѣнія протекціонистовъ, нелѣзность подобнаго предложенія будетъ состоять только въ томъ, что неостанетъ никакихъ силъ, чтобъ держать всю Европу въ блокадѣ; по существу же, они, конечно, никакого возраженія противъ подобной мѣры сдѣлать не могутъ, потому что обезпечить за собою лишніе рынки для сбыта отечественныхъ произведеній, по мнѣнію ихъ, очень выгодно, и еслибы были только

средства, то они, конечно, не отказались бы отъ подобныхъ мѣропріятій.—Вѣдь хотѣлъ же Наполеонъ I установить континентальную систему и устранить произведенія Англіи съ европейскаго рынка; почему же и нашимъ протекціонистамъ не допускать выгоды устранения американскихъ произведеній съ европейскаго рынка? Предполагаемъ, что съ точки зрѣнія протекціонизма нелѣпость предположенія заключается только въ недостаткѣ средствъ для этого, а если бы эти средства были, то какую великолѣпную можно было бы нарисовать картину будущаго развитія нашей земледѣльческой промышленности? Какіе бы образчики ораторскаго искусства услышали мы, а иной изъ протекціонистовъ представилъ бы намъ даже подробныя вычисления, какія пошлины въ состояніи была бы оплачивать наша сельская промышленность въ пользу машиностроителей, подобно тому какъ было вычислено, какое значеніе имѣетъ для нашего мужика лишній двугривенный, платимый имъ за ситцевую рубашку въ пользу ситцеваго фабриканта. Къ счастью, однакожь, Европы, *бодливой коровы Богъ рога не даетъ*, а у нашихъ протекціонистовъ не хватаетъ на это ни средствъ, ни власти.

Такимъ образомъ, подобное нелѣпое предположеніе ставить протекціонистовъ въ безысходную дилемму. Или они должны признать, что дѣйствительно не имѣютъ противъ подобной нелѣпости никакого другаго возраженія, кромѣ недостатка средствъ, и, слѣдовательно, сознаться, что система ихъ есть система насилія и постоянной войны, или же должны возражать противъ тѣхъ самыхъ аргументовъ, которые они постоянно приводятъ въ защиту своихъ мнѣній о необходимости покровительства, и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаться, что такое покровительство не только недостаточно и не достигаетъ цѣли, но и нарушаетъ принципъ справедливости, потому что оказывается ничтожному меньшинству на счетъ огромнаго большинства. Это большинство остается изъ всякаго покровительства въ качествѣ производителей, а между тѣмъ несетъ налогъ въ пользу меньшинства въ качествѣ потребителей. Въ этомъ случаѣ для протекціонистовъ не остается даже того аргумента, что всѣ потребители, въ свою очередь, что-нибудь да производить и потому могутъ рассчитывать на покровительство въ качествѣ производителей. Итакъ, протекціонисты, въ виду означенной дилеммы, куда бы они ни ступили, непременно попадутся въ капканъ, уготованный имъ путаницей ихъ собственныхъ понятій.

Мы сдѣлали это отступленіе и представили возраженіе противъ протекціонизма по существу, только для того, чтобъ показать читателю, что противъ подобной теоріи, даже при первой постановкѣ вопроса, уже возникаетъ возраженіе, до такой степени капитальное, что опрокидываетъ все зданіе придуманной аргументаціи, по крайней

нѣтъ во-отношенію къ нашему отечеству. Конечно, еслибъ мы имѣли дѣло только съ людьми добывающими истину и неимѣющими ни предвзятыхъ мыслей, ни заживо затронутыхъ интересовъ, то, конечно, вопросъ этотъ не требовалъ бы дальнѣйшихъ доказательствъ: онъ былъ бы вполне выясненъ тѣмъ, что нами сказано, несмотря на всѣ авторитеты, которыми насъ могутъ забросать. Но дѣло въ томъ, что мы имѣемъ передъ собою цѣлую массу ошибочныхъ понятій, сложившихся подъ вліяніемъ ложной теоріи, цѣлую массу интересовъ, созданныхъ дѣйствіемъ законодательства, начало котораго относится болѣе чѣмъ за полъ-вѣка назадъ, цѣлую массу административныхъ распоряженій, поддерживающихъ до послѣдней минуты въ умахъ людей ошибочное убѣжденіе о необходимости промышленнаго антагонизма между націями, цѣлый левисковъ выраженій, которымъ приданы совершенно несоотвѣтствующія имъ понятія, извращающія ихъ смыслъ, словомъ, мы имѣемъ передъ собою цѣлую жизнь, которая не только сложилась, но и продолжается до сихъ поръ складываться подъ вліяніемъ меркантильной теоріи. Ложность этой теоріи доказана еще сто лѣтъ тому назадъ, и всѣ ошибочныя ея воззрѣнія на главнѣйшія явленія экономической жизни давно уже не существуютъ въ наукѣ; а между тѣмъ выводы, сдѣланные изъ этихъ ошибочныхъ воззрѣній, остаются на практикѣ во всей силѣ и продолжаютъ находить себѣ цѣлыя толпы защитниковъ, величающихъ себя практическими дѣятелями и не подозревающихъ, что вся разница, которая существуетъ между ними и защитниками свободной торговли, состоитъ только въ томъ, что первые являются представителями теоріи, созданной въ то время, когда политическая экономія, какъ наука, почти не существовала, а послѣдніе—представителями теоріи, выработанной наукой послѣдняго времени и оправданной на практикѣ опытомъ многихъ европейскихъ державъ съ блестящимъ успѣхомъ.

Въ виду такого положенія вопроса, мы считаемъ необходимымъ рассмотреть его съ полнымъ вниманіемъ, съ цѣлю популяризаціи тѣхъ свѣдѣній и взглядовъ, которые выработаны наукой, такъ какъ въ подобныхъ вопросахъ, затрагивающихъ преимущественно интересы частныхъ лицъ, правительство можетъ съ пользою приступить къ реформамъ только въ такомъ случаѣ, когда общественное мнѣніе убѣдится, что прежняя система вредитъ его интересамъ. На этомъ основаніи намъ кажется, что очень ошибаются тѣ экономисты, которые думаютъ, что споръ съ протекціонистами бесполезенъ, что этимъ господамъ ничего не докажешь, такъ какъ они или не хотятъ понимать, или не могутъ понимать, и что въ виду такихъ противниковъ совѣстно выступать въ печати съ доказательствами, что дважды два—четыре, а не пять, или, лучше сказать, не стеариновая свѣчка. Напротивъ, мы

думаешь, что если въ законодательствѣ, регулирующемъ интересы частныхъ лицъ, остаются такіа постановленія, которыя вредятъ этимъ интересамъ, и измѣнить ихъ правительство безъ неудобствъ можетъ только въ такомъ случаѣ, когда общественное мнѣніе сознаетъ вредъ подобныхъ постановленій, то на обязанности людей, понимающихъ дѣло, лежитъ доказать обществу ошибочность той теоріи, которая когда-то была положена въ основаніи этихъ постановленій, хотя бы при этомъ и пришлось доказывать азбучныя истины. Что касается до насъ, то мы нисколько не остановимся передъ подобнымъ соображеніемъ. Мы имѣемъ въ виду разъясненіе вопроса въ сознаніи общества, и давно знаемъ, что человѣку, который не вдумывался въ значеніе экономическихъ явленій, всего труднѣе понимать самыя обыкновенныя изъ этихъ явленій.

Но возвращаясь къ занимающему насъ вопросу и повторимъ, во-первыхъ, что споръ между защитниками свободной торговли и протекціонистами есть вопросъ чисто теоретическій, такъ какъ въ основаніи того и другого мнѣнія лежатъ двѣ различныя теоріи экономической науки,—теоріи, выведенныя изъ наблюденія, т.-е. путемъ индуктивнаго метода; и во-вторыхъ, что въ этомъ вопросѣ мнѣніе практическихъ дѣателей не имѣетъ ровно никакого значенія. На этомъ основаніи протекціонисты совершенно напрасно хвалятся своей практичностью и свысока третируютъ людей науки, обзывая ихъ теоретиками. Подобное мнѣніе указываетъ только на полное невѣжество тѣхъ, которые не понимаютъ даже значенія того вопроса, о которомъ они берутся разсуждать.

Позволимъ себѣ еще одно предварительное замѣчаніе. Странная, въ самомъ дѣлѣ, судьба экономической науки, если сравнить отношеніе общества къ вопросамъ этой науки съ его отношеніями къ вопросамъ другихъ наукъ. Такъ, напримѣръ, въ наукахъ точныхъ, люди, незнакомые съ этими науками, не возьмутся разсуждать о вопросѣ, относящемся въ одной изъ нихъ, и въ обществѣ никто не задумается признаться, что онъ незнакомъ съ подобнымъ вопросомъ. Всякій признаетъ необходимость извѣстной степени спеціальнаго знанія съ наукой не только для того, чтобы имѣть какое-нибудь сужденіе о вопросѣ, но даже, чтобы понимать то, о чемъ говорится. Не оставимъ въ сторонѣ науки точныя, такъ какъ объ этомъ и спора никакого быть не можетъ; возьмемъ въ примѣръ науки юридическія. Принципы и основныя положенія этихъ наукъ далеко не имѣютъ той точности и опредѣленности, какая существуетъ въ экономической наукѣ, а между тѣмъ и за этими науками общество признаетъ истинный авторитетъ и необходимость извѣстной степени знаній для сужденія о вопросѣ юридическомъ. Если по этимъ вопросамъ и сли-

шатаются иногда тайно веривъ и вѣсь, то все-таки люди охотно уступаютъ въ спорахъ пристаѣтъ и сознаются, что они не считаютъ себя вполне компетентными въ этихъ вопросахъ, а главное—никогда не возьмутъ на себя неложительнаго рѣшенія вопроса, когда отъ этого зависитъ какой-либо практическій интересъ. Но совсѣтъ другое отношеніе общества замѣчается къ вопросамъ экономической науки. Здѣсь всякій считаетъ себя лицомъ совершенно компетентнымъ не только для сужденія о каждомъ экономическомъ вопросѣ, но даже для его рѣшенія, хотя онъ никогда не читалъ ни одного экономического сочиненія и незнакомъ съ самыми элементарными положеніями науки. Обсуждая какое-либо экономическое явленіе, люди подобнаго сорта не въ состояніи вовсе опредѣлить, подъ вліяніемъ какихъ разнородныхъ причинъ возникаетъ оно въ сложномъ общественномъ организмѣ, не видятъ также и разнородныхъ послѣдствій, имъ вызываемыхъ, а между тѣмъ о такомъ явленіи у нихъ существуетъ уже готовое мнѣніе и рѣшеніе возникающаго отсюда вопроса. Подобные случаи не рѣдки даже въ административной практикѣ. Вопросъ юридическій часто останавливаетъ администратора, и онъ считаетъ необходимымъ узнать мнѣніе по крайней мѣрѣ своихъ юрисконсультовъ, вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ существуютъ для этой цѣли особыя должности; но вопросы экономического свойства никогда не считаются даже и способными вызвать затрудненія. За положеніемъ, выработаннымъ наукою въ этого рода вопросахъ, не признается ровно никакого авторитета, вслѣдствіе чего эти вопросы разрѣшаются часто совершенно случайно. Не въ такомъ ли порядкѣ разрѣшенія подобныхъ вопросовъ заключается объясненіе тѣхъ частыхъ противорѣчій, которыя встрѣчаются въ нашихъ постановленіяхъ, регулирующихъ наши экономическія отношенія?..

Послѣ всего сказаннаго невольно представляется вопросъ: тѣмъ объясняется такое легкое, непонятное отношеніе къ явленіямъ экономическимъ, вслѣдствіе котораго всякій человѣкъ считаетъ себя компетентнымъ судьей въ подобныхъ вопросахъ? Почему, въ самомъ дѣлѣ, такое настроеніе общества усилилось до того, что оно переходитъ даже на лицъ, власть имѣющихъ? Казалось бы, что если важныя вопросы составляютъ предметъ научныхъ изслѣдованій, то людямъ, считающимъ себя образованными, слѣдовало бы понимать значеніе науки и ея положеній, относиться къ подобнымъ вопросамъ съ нѣкоторой осторожностію и по крайней мѣрѣ справляться, нѣтъ ли въ этомъ отношеніи въ наукѣ опредѣленныхъ и безспорныхъ положеній. Какъ бы ни была несовершенна и мало развита наука политической экономіи, но все-таки она имѣетъ за собою болѣе авторитета, нежели наши субъективные и, гораздо

спорѣ, ошибочныя мнѣнія. Къ сожалѣнію, это пожелательно не признается въ обществѣ, и въ немъ раздаются голоса, *кто со чѣмъ гораздъ*, такъ что иногда *только уши вянутъ*. Вотъ, это-то несчастное само-мнѣніе и составляетъ едва ли не одно изъ главныхъ препятствій къ установленію болѣе правильнаго развитія нашего промышленнаго быта. Безъ дѣйствительнаго знанія экономическихъ законовъ, со стороны общества нельзя ожидать никакихъ улучшеній въ этомъ отношеніи, какіе бы законы ни были выработаны: всѣ они могутъ быть парализованы отсутствіемъ знаній со стороны лицъ, отношенія которыхъ имѣются въ виду.

Въ отвѣтъ на предложенный нами выше вопросъ мы можемъ сказать только одно: люди, понимающіе дѣло, какъ намъ кажется, должны вести въ этомъ случаѣ немалую долю отвѣтственности. Въ самомъ дѣлѣ, наши экономисты не сдѣлали ничего въ литературѣ для того, чтобъ разъяснить обществу значеніе политической экономіи какъ науки, и если перебрать наши газеты и журналы за нѣсколько лѣтъ, то мы не найдемъ въ нихъ ничего касающагося самаго жизненнаго вопроса политической экономіи, а именно вопроса объ обмѣнѣ. Между тѣмъ протекціонисты не дремлютъ. Они составляютъ общества, открываютъ отдѣленія этихъ обществъ въ разныхъ концахъ Россіи, говорятъ рѣчи въ засѣданіяхъ, которыя печатаются чуть не во всѣхъ газетахъ; мало этого, они становятся во главѣ газетъ, собираютъ съѣзды заводчиковъ и фабрикантовъ, представляютъ разныя ходатайства, словомъ—употребляютъ всѣ возможныя средства, чтобъ не только сбить съ толку общественное мнѣніе, но попомоевать и разжалобить правительство описаніемъ своего безвыходнаго положенія. Подобные господа доходятъ до такой беззащитничности, что свои личные интересы выдаютъ за интересы Россіи, и свое разореніе стараются представить разореніемъ цѣлаго государства. Это рѣшительно тотъ же приѣмъ, который употребляли блаженной памяти вѣнцѣвскіе крѣпостного права, твердившіе тоже, что Россія разорится, что армію кормить будетъ нечѣмъ, а города умрутъ съ голода. Все это понятно: протекціонисты завидѣли опасность для своихъ интересовъ; имъ угрожаетъ возможность прекращенія такого положенія дѣлъ, при которомъ они, дѣйствуя допотопными средствами, могутъ наживаться на счетъ Россіи. Чувствуя свою слабость и невозможность спора на почвѣ теорій, они начинаютъ дѣйствовать и искать своихъ адептовъ тамъ, гдѣ наука менѣе всего въ ходу. Что же дѣлаютъ въ это время экономисты, защитники началъ свободной торговли? Убѣдясь вполнѣ, что истина на ихъ сторонѣ, и не будучи несколько заинтересованы матеріально въ торжествѣ этой истины, они преспокойно почли въ гордомъ высомѣрѣнн и сознаніи, что

спорить съ людьми, непонимающими дѣла, не стоить труда, а доказывать очевидныя для нихъ истины считали едва ли не униженіемъ своего достоинства. Послѣ этого не мудрено, что на невоздѣланной почвѣ нашего общественнаго мнѣнія выросли плевелы, пестящими рукою протекціонистовъ, и защитники началъ свободной торговли, прежде чѣмъ сѣять, должны очистить поле отъ этихъ плевелъ.

Читатель можетъ замѣтить намъ, что мы напрасно придаемъ такое значеніе вопросу о свободной торговлѣ, съ которымъ можно было бы и поспорить, что мы имѣемъ дѣло со многими другими вопросами, болѣе важными и требующими ближайшаго разрѣшенія. Мы не будемъ спорить съ читателемъ о необходимости ближайшаго разрѣшенія нѣкоторыхъ существенныхъ для нашего отечества вопросовъ, стоящихъ на очереди, между которыми вопросъ о податной реформѣ, напримѣръ, стоитъ на первомъ планѣ. Не при этомъ ли мы позволимъ себѣ представить читателю, что вопросъ объ обмѣнѣ имѣетъ такое же значеніе въ физиологій общественнаго организма, какъ вопросъ о кровообращеніи имѣетъ въ физиологій животнаго организма, а потому онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поставленъ нигде вопроса податнаго. Напротивъ того, правильное обращеніе продуктовъ производства и возникающее, вслѣдствіе этого, правильное направленіе дѣятельности всѣхъ членовъ общества, дать возможность легко перенести и не воплоти удобные налоги, тогда какъ промышленная дѣятельность, направленная по ложному пути, будетъ вести къ разоренію даже при правильной системѣ податей. Если читатель хорошо выкинетъ въ значеніе, которое имѣетъ обмѣнъ для жизни народовъ и цѣлаго человѣчества, то онъ откажется отъ своего упрека, и согласится съ нами въ томъ, что развѣ только одни вопросы нравственнаго и умственнаго развитія людей могутъ быть поставлены впередъ вопроса о правильномъ обмѣнѣ. Выше мы указали, что система протекціонизма ведетъ къ отчужденію, народному антагонизму, къ враждѣ и насилию. Война есть неизбежное слѣдствіе этой системы. Напротивъ, свободный обмѣнъ вызываетъ самыя близкія и частыя сношенія, которыя постоянно возрастаютъ и вызываютъ такую солидарность интересовъ между двумя народами, при которой разрывъ дѣлается не только невыгоднымъ, но даже невозможнымъ. Приведемъ, читатель, послѣднее столкновение Америки и Англіи. Гордый Альбионъ смирился передъ младшимъ своимъ братомъ и подчинился требованію третейскаго суда объ уплатѣ вознагражденія. Чему, какъ не тѣснѣннѣ торговымъ сношеніямъ Англіи и Америки обязанъ миръ тѣмъ, что не былъ свидѣтелемъ братоубійственной войны, которая породила бы цѣлую массу бѣдствій не для однихъ воюющихъ державъ? При томъ развитіи взаимныхъ сношеній, какія существуютъ между

Англіей и Соединенными Штатами, разрѣвъ былъ невозможенъ, и эта невозможность повела къ взаимнымъ уступкамъ: янки отказались отъ значительной доли своихъ требованій, а Джонъ-Вуль подчинился удивительному для него приговору. Стало быть, тѣсныя торговыя сношенія ведутъ къ политикѣ мира, а съ нею и къ прекращенію того тягостнаго положенія европейскихъ обществъ, въ которое они поставлены всеобщимъ вооруженіемъ. Снять покровительственный таможни со стороны соедѣльнаго государства—это значитъ возвести противъ него несокрушимую крѣпость, разрушить которую оно никогда не рѣшится, какъ бы ни было велико его честолюбіе. Не конгрессы мира, въ родѣ Женевскаго, повліяютъ на прекращеніе вооруженій: къ этой цѣли можетъ привести только свобода торговли, т.-е. необходимость. Все это мы постараемся доказать въ теченіи нашей бесѣды съ читателями, а теперь упоминаемъ объ этомъ только для того, чтобъ указать на то значеніе, которое мы придаемъ затронутому нами вопросу.

II.

Установивши такимъ образомъ почву для разрѣшенія спора между протекціонистами и защитниками свободы экономическихъ сдѣловъ, и показавши то значеніе, которое мы придаемъ вопросу, мы приступаемъ къ его разрѣшенію.

Мы сказали, что система протекціонизма имѣетъ въ основаніи меркантильную экономическую теорію, сложившуюся еще въ семнадцатомъ столѣтіи. Въ то время думали, что богатство состоитъ въ деньгахъ и только въ деньгахъ, такъ какъ только деньгами можно было пріобрѣтать все, въ чемъ люди нуждались. Слабое развитіе торговли, — отсутствіе кредитныхъ сдѣловъ и полная необезпеченность капитала, какъ слѣдствія царствовавшего въ то время произвола и безпрестанныхъ войнъ, оправдывали отчасти подобную теорію, хотя уже и въ то время практика имѣла въ виду нѣкоторыя явленія, указывавшія на ея несостоятельность. Такъ, открытіе Америки доставило Испаніи возможность получать громадныя по тогдашнему времени запасы золота, но это нисколько ея не обогатило. Повидимому, одного этого факта было бы достаточно, чтобъ доказать несостоятельность теоріи; но, къ сожалѣнію, люди не скоро отвергаютъ глаза на очевидныя истины, и если мы встрѣчаемъ до сихъ поръ защитниковъ подобныхъ мнѣній, то нельзя удивляться, что въ то время не было обращено никакого вниманія на подобный фактъ.

Итакъ, было время, когда думали, что въ деньгахъ заключается богатство: прямой выводъ отсюда, что государство должно заботиться о накопленіи звонкой монеты въ странѣ, а слѣдовательно о томъ, чтобы продавать на заграничные рынки какъ можно болѣе своихъ произведеній и покупать какъ можно менѣе произведеній заграничныхъ. Этимъ путемъ предполагалось возможнымъ сосредоточить въ странѣ денежные запасы и, слѣдовательно, обогатить страну. Но, чтобы достигнуть этой цѣли, необходимо было воспретить: во-первыхъ, вывозъ изъ страны звонкой монеты, во-вторыхъ, ввозъ такихъ товаровъ, производство которыхъ считалось особенно выгоднымъ въ странѣ, и обложить высокими пошлинами всѣ остальные предметы ввоза, съ тѣмъ, чтобы понудить населеніе страны или отказаться отъ потребления этихъ товаровъ, или производить ихъ внутри страны. Полное непониманіе условій производства заставляло думать, что одна высокая цѣна на извѣстное произведеніе можетъ вызвать его производство и доставить выгоду только тѣмъ, что деньги останутся въ странѣ. Но этого мало; слѣдуя логически по тому же пути, необходимо было придти къ заключенію, что вывозъ товаровъ внутреннего производства нужно поощрять и не только предоставлять отправителямъ различныя льготы, но и выдавать преміи на счетъ государства, т. е. на счетъ налоговъ, собираемыхъ съ народа.

Первымъ послѣдствіемъ такой политики явилось правило, по которому масса торгонныхъ сдѣлокъ съ заграничными производителями была отнесена къ разряду уголовныхъ преступленій, хотя по существу дѣла въ подобныхъ дѣйствіяхъ не было ничего безнравственнаго или нарушающаго чьи-либо права. Само-собою разумѣется, что пограничнымъ населенію, затронутыя живо въ своихъ интересахъ, въ правахъ свободнаго обиха произведеній своего труда тамъ, гдѣ было выгодиѣе, не могли помириться съ мыслью, что такіа дѣйствія могутъ быть названы преступленіемъ и только потому, что новый взглядъ на торговую политику причисляетъ ихъ къ таковымъ. Сознаніе о преступности извѣстнаго образа дѣйствій въ средѣ населенія, и въ особенности необразованнаго, складывается не вдругъ, а постепенно и иногда только въ теченіи значительнаго періода времени. Такимъ образомъ, съ установленіемъ запретительной и покровительственной политики почти все пограничное населеніе обратилось въ контрабандистовъ. Контрабанда развилась въ значительныхъ размѣрахъ и повела къ необходимости устроить насчетъ налоговъ вооруженную пограничную стражу для преслѣдованія контрабандистовъ. Если бы составилъ исторію борьбы между таможенной стражей и контрабандистами, то можно было бы наполнить цѣлыя томы описаніемъ весьма интересныхъ событій, указывающихъ на изобрѣтательность человѣческаго ума, на

силу личнаго интереса, двигающаго человѣческой дѣятельностью и побуждающаго его къ самымъ смѣлымъ, часто отчаяннымъ предпріятіямъ, переходящимъ уже въ другого рода преступленія, болѣе серьезнаго характера. По мѣрѣ того, какъ таможенная стража успѣваетъ открывать приемы, которыми дѣйствуютъ контрабандисты, послѣдніе изобрѣтаютъ все новыя и новыя способы обмануть ея бдительность, и на эту борьбу тратятся громадныя силы страны, пропадающія совершенно непроизводительно. Само собою разумѣется, что въ этой борьбѣ контрабандисты идутъ всегда впереди, такъ какъ инициатива изобрѣтательности принадлежитъ имъ, и новыя способы провоза становятся извѣстными таможенной стражѣ только по прошествіи извѣстнаго времени, вслѣдствіе чего уничтожить контрабанду, если она доставляетъ значительныя выгоды, нѣтъ возможности. Но эта борьба и непроизводительная трата производительныхъ силъ страны есть только наименьшее зло, порожаемое существованіемъ контрабанды. Гораздо болѣе зло представляетъ собою деморализація пограничнаго населенія, между которыми борьба съ закономъ является какии-то подвигомъ, и составляются цѣлыя легенды для прославленія подобныхъ подвиговъ. Удача въ этихъ подвигахъ, какъ всякая легкая нажива, ведетъ къ кутежу и безумнымъ тратамъ; пренебреженіе къ производительнымъ занятіямъ становится всеобщимъ, чувство законности исчезаетъ не только по отношенію къ торговлѣ запрещенными товарами, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ; что же касается до чувства долга и патріотизма, то его нечего и искать между населеніемъ, выросшимъ съ такими понятіями,—вотъ почему непріятельская армія, вступая въ предѣлы другого государства, всегда находитъ въ этомъ классѣ людей надежныхъ шпионовъ и предателей своего отечества, обеспечивающихъ первые успѣхи наступательныхъ дѣйствій.

Вотъ первые плоды нарушенія естественныхъ экономическихъ отношеній между людьми. Но посмотримъ, не выкупается ли подобный вредъ извѣстною пользой? Какія послѣдствія вызываются этими мѣрами внутри страны? Достигаются ли по крайней мѣрѣ тѣ цѣли, для которыхъ тратятся силы страны и приносится въ жертву нравственность населенія пограничной полосы? Смѣло отвѣчаемъ на эти вопросы отрицательно.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что деньги, даже въ звонкой монетѣ, отнюдь не есть богатство. Онѣ представляютъ только извѣстное, очень удобное орудіе обращенія различныхъ цѣнностей между людьми и, слѣдовательно, представляютъ только часть, и притомъ весьма незначительную, общаго народнаго достоянія. Въ торговыхъ, общество нуждается въ деньгахъ только въ извѣстномъ количествѣ, соразмѣрномъ съ количествомъ его оборотовъ, т.-е. въ та-

домъ, которое нужно для правильнаго и безостановочнаго обѣна товаровъ между производителями, посредниками и потребителями. Всякое увеличеніе количества денегъ въ странѣ, отъ какихъ бы то причинъ ни происходило, безъ увеличенія количества произведеній и, слѣдовательно, безъ увеличенія числа оборотовъ, выразится въ относительной дешевизнѣ денегъ, т.-е. въ возвышеніи цѣнъ на товары и трудъ, всякое же уменьшеніе количества ихъ—въ явленіи обратномъ. Такое значеніе денегъ имѣютъ потому, что, оставаясь въ рукахъ ихъ собственника, не приносятъ ему пользы и, слѣдовательно, всякій имѣетъ только такое ихъ количество, которое требуется на текущіе расходы; излишекъ же старается употребить производительно. Стало быть, деньги представляютъ собою количество спроса, и необходимо должны своимъ увеличеніемъ или уменьшеніемъ на рынкѣ вліять на существующія цѣны. Наконецъ, замѣчено и третье свойство денегъ, что онѣ могутъ быть если не вполнѣ, то въ значительной долѣ замѣнены кредитомъ въ самыхъ разнообразныхъ его видахъ. Эти свойства денегъ замѣчены были еще въ прошломъ столѣтіи, признаны всѣми эконоимстами до Джона-Стюарта Милля включительно, и въ настоящее время представляютъ безспорное положеніе въ экономической наукѣ, неотрицаемое никѣмъ, кромѣ нашихъ протекціонистовъ, и то только тѣхъ, которые ничего въ свой вѣкъ не читали. Въ подтвержденіе справедливости этого взгляда на свойство денегъ и значеніе ихъ въ народномъ хозяйствѣ, новѣйшая исторія представляетъ цѣлую массу примѣровъ. Ни калифорнійскія, ни австрадійскія разсыпн, несмотря на ихъ богатое содержаніе золота, не обогатили этихъ странъ. Напротивъ, обиліе золота вызвало въ этихъ странахъ сильное возвышеніе цѣнъ на всѣ предметы потребленія и только доказало, что дѣйствительное богатство заключается въ обиліи и, слѣдовательно, дешевизнѣ предметовъ, служащихъ къ удовлетворенію потребностей человѣка. Внезапный ввозъ значительнаго количества звонкой монеты изъ Франціи въ Пруссію въ счетъ контрибуціи вызвалъ въ послѣдней сильное вздорожаніе жизненныхъ потребностей и произвелъ если не вполнѣ кризисъ, то во всякомъ случаѣ значительное стѣсненіе въ промышленности. Золотыя волны, возникающія въ странѣ внезапно по простествіи извѣстнаго времени, начинаютъ уменьшаться, затѣмъ распыляются по океану всемірнаго торговаго рынка, а на мѣстѣ остаются только потери отъ временной дороговизны на всѣ предметы. Но всего яснѣе справедливость подобнаго взгляда подтверждалась случаями выпуска бумажныхъ денегъ. Во внутреннихъ оборотахъ бумажныя деньги замѣняютъ звонкую монету не только безъ всякихъ неудобствъ, но и съ значительной выгодой, если только количество это строго соразмѣряется съ

дѣйствительной потребностью общества въ болѣе легкіе и удобныя для обращенія денежные знаменья. Но какъ скоро количество бумажныхъ денегъ превышаетъ дѣйствительную потребность, тогда начиналось прежде всего исчезновеніе звонкой монеты, а затѣмъ повторялись тѣ же самыя послѣдствія, какъ и при избыткѣ звонкой монеты, съ той только разницею, что избытокъ послѣдней скоро исчезаетъ и равновѣсіе восстанавливается, а бумажныя деньги поддерживаютъ натянутое положеніе въ продолженіи долгаго періода времени, вслѣдствіе невозможности выхода ихъ на заграничныя рынки. Эти явленія экономисты имѣли возможность наблюдать во всѣхъ большихъ государствахъ Европы и Америки, за исключеніемъ только Пруссіи, которая никогда не прибѣгала къ средству выпуска бумажныхъ денегъ,—въ значительныхъ размѣрахъ. Ясно, что въ каждой странѣ должно быть не болѣе извѣстнаго количества денегъ, и, слѣдовательно, заботиться о накопленіи ихъ значить не понимать дѣйствительнаго значенія той роли, которую играютъ деньги въ экономическихъ явленіяхъ. Если бы меркантильная теорія была вѣрна въ своемъ взглядѣ на роль денегъ, то при свойствѣ бумажныхъ денегъ замѣнять звонкую монету во внутреннихъ оборотахъ, обогатить народъ ничего бы не стоило,—для этого слѣдовало бы только выпустить побольше бумажныхъ денегъ; но мы по собственному опыту знаемъ, какъ богатыя страны отъ подобныхъ операций.

Если же деньги не составляютъ богатства, если наличное ихъ количество, будетъ ли оно металлическое или бумажное, производить только пертурбацію въ цѣнахъ и ведетъ къ вздорожанію жизненныхъ потребностей, то въ силу этого нѣтъ никакой цѣли привлекать ихъ съ заграничныхъ рынковъ, нѣтъ цѣли воспрепятствовать ввозу заграничныхъ товаровъ и облагать ихъ такими пошлинами, которыя затрудняли бы ихъ доступъ на внутренній рынокъ. Гораздо полезнѣе, напротивъ, воспользоваться дешевой производствомъ заграничныхъ товаровъ и доставить потребителямъ возможность удовлетворить своимъ потребностямъ съ меньшею тратою средствъ. Такимъ образомъ, теорія протекціонистовъ, поскольку она основывается на неправильномъ пониманіи значенія денегъ, падаетъ окончательно и безповоротно.

Но намъ говорить, мы не для того требуемъ запрещеній и ограниченій ввоза заграничныхъ произведеній, что считаемъ самыя деньги богатствомъ и желаемъ ихъ большаго накопленія въ странѣ, но мы знаемъ, что извѣстное количество звонкой монеты необходимо на рынкѣ и что вслѣдствіе этого необходимо обезпечить это количество отъ истощенія:—если же разрѣшить беспошлинный ввозъ заграничныхъ произведеній, то наши фабрики не въ состояніи будутъ выдерживать заграничную конкуренцію, и тогда всѣ фабрикаты будутъ при-

возиться съ заграничныхъ рынковъ и въ обиходъ на нихъ уйдетъ вся наша звонкая монета, такъ какъ продукты сельскаго хозяйства не всегда требуются за границу, и, кромѣ того, въ поставкѣ этихъ предметовъ мы имѣемъ значительныхъ конкурентовъ въ Англии и Египтѣ.

Но и это мнѣніе далеко не выдерживаетъ критики. Начавъ съ того, что страна, имѣющая свою добычу золота, не можетъ нуждаться въ звонкой монетѣ, если всѣ другія условія денежнаго рынка не препятствуютъ ея обращенію. Если же такое препятствіе существуетъ, какъ, напримѣръ, у насъ въ обиходѣ бумажныхъ денегъ, то никакія искусственныя огражденія внутренняго рынка каковы бы то ни было запрещеніями и ограниченіями ввоза не удержатъ звонкую монету на рынкѣ. Она уйдетъ вслѣдствіе отсутствія спроса на нее, какъ товаръ наиболѣе дешевый. При нормальныхъ же условіяхъ страна, имѣющая свою добычу золота въ количествѣ превышающемъ возрастаніе потребности въ денежныхъ знакахъ, всегда будетъ извѣщать золото какъ одинъ изъ предметовъ, остающихся за удовлетвореніемъ собственной въ немъ потребности. Затѣмъ, еслибъ изъ страны было вывезено звонкой монеты болѣе того количества, которое она въ состояніи отпустить безъ вреда для своихъ торговыхъ оборотовъ, то золото въ этой странѣ непременно вздорожаетъ, то-есть всѣ предметы потребленія упадутъ въ цѣнѣ, и заграничному торговцу не будетъ выгодно въ обиходѣ на свои товары брать наше дорогое золото, а напротивъ, будетъ выгоднѣе взять наши товары. Кромѣ того, при дороговизнѣ нашего золота и заграничные товары на нашемъ рынкѣ тоже должны понизиться въ цѣнѣ, вслѣдствіе чего заграничному торговцу невыгодно будетъ и вести къ намъ свои товары, а мы тогда прислать деньги, какъ товаръ, который цѣнится у насъ дороже. Такимъ образомъ равновѣсіе восстанавливается. Отсюда слѣдуетъ, что естественный законъ предложенія и спроса гарантируетъ каждую страну безъ всякихъ усилій и притомъ гораздо вѣрнѣе отъ извѣщенія звонкой монеты съ ея рынковъ. Заботы протекціонистовъ въ этомъ случаѣ не только ни на что не нужны, но они могутъ быть и положительно вредны. При настоящихъ условіяхъ знанія (а эти условія не могутъ еще долго измѣниться) нѣтъ никакой возможности опредѣлить, какое количество звонкой монеты обращается на рынкахъ и какое дѣйствительно необходимо. Увеличеніе и уменьшеніе его изображается отчасти въ повышеніи и пониженіи цѣнъ, но эти перемѣны и колебанія могутъ зависѣть и отъ другихъ причинъ. Стало-бытъ, мы не имѣемъ никакого опредѣленнаго мѣрила для сужденія о достаточномъ или недостаточномъ количествѣ звонкой монеты въ странѣ. При такихъ условіяхъ, кто же будетъ судьей и рѣшителемъ вопросъ

о томъ, существуетъ ли излишекъ или недостатокъ въ количествѣ звонкой монеты въ странѣ, и какимъ способомъ и на основаніи какихъ данныхъ онъ въ состояніи будетъ разрѣшить подобный вопросъ? А между тѣмъ въ виду заявленной цѣли, что ограниченіе ввоза необходимо въ видахъ удержанія на рынкѣ только необходимаго количества звонкой монеты, а отнюдь не для накопленія ея въ странѣ, разрѣшеніе подобнаго вопроса потребуетъ довольно часто, въ особенности въ такой странѣ, которая сама добываетъ золото, такъ какъ при ограниченіи ввоза заграничныхъ произведеній можетъ явиться вредное накопленіе денегъ и возвышеніе цѣнъ. Но такъ какъ средствъ для разрѣшенія такого вопроса нѣтъ и быть не можетъ, то ясно, что здѣсь, кромѣ ошибки и вреда, другихъ послѣдствій быть не можетъ. Но допустимъ даже нелѣпость, допустимъ, что наши протекціонисты найдутъ какую-нибудь возможность, хотя приблизительно, опредѣлять не только количество звонкой монеты въ странѣ, но и размѣръ дѣйствительной потребности въ ней. Что же затѣмъ далѣе? Количество звонкой монеты можетъ измѣняться не только отъ новой ея выработки, но и отъ случайнаго увеличенія въ заграничномъ требованіи на продукты внутренняго производства. Если же система ограниченій ввоза предпринимается въ видахъ удержанія только необходимаго количества звонкой монеты, то въ виду колебанія количества звонкой монеты, находящагося въ обращеніи, необходимо допустить и колебаніе въ степени ограниченія ввоза, иначе заявленная цѣль не будетъ достигаться. Но спрашивается: возможно ли существованіе какой-нибудь промышленности, въ которой не только цѣны, но и общее количество спроса колеблются не вслѣдствіе экономическихъ условій, а по усмотрѣнію какихъ-нибудь лицъ, которыя будутъ въ правѣ разрѣшать и воспрещать ввозъ продуктовъ этой промышленности, смотря по состоянію денежнаго рынка въ странѣ? Ясно, что нелѣпость исходной точки ведетъ къ выводу еще болѣе нелѣпому. Впрочемъ, надо отдать справедливость протекціонистамъ: хотя они и величаютъ себя практиками, но никогда не подходили такъ близко къ подобнымъ практическимъ требованіямъ, а между тѣмъ эти требованія логически вытекаютъ изъ заявленныхъ ими цѣлей.

Вотъ, читатель, судьба всѣхъ теорій, востроенныхъ на недостаточномъ обобщеніи. Всѣ они никакимъ образомъ не могутъ быть проведены логическимъ путемъ до своихъ крайнихъ послѣдствій безъ того, чтобы на этомъ пути не встрѣтиться съ очевидной нелѣпостью. Возьмите либо изъ положеній теорій протекціонистовъ и попробуйте сдѣлать логическій изъ нихъ выводъ, и вы всегда дойдете до нелѣпости!

III.

До сихъ поръ мы разбирали теорію протекціонистовъ, насколько она сходится въ своихъ взглядахъ съ меркантильной теоріей, принимающей деньги за богатство, и насколько она желаетъ посредствомъ ограниченія международныхъ сдѣлокъ повліять на положеніе денежнаго рынка. Но протекціонисты не останавливаются на этомъ и идутъ гораздо далѣе. Они говорятъ: неужели можно отвергать пользу развитія промышленности въ странѣ? Чтѣ до насъ касается, то мы готовы вмѣстѣ съ протекціонистами отвѣчать на этотъ вопросъ, что польза развитія промышленности не подлежитъ никакому сомнѣнію. Если же польза развитія промышленности не подлежитъ сомнѣнію, то, конечно, продолжаютъ протекціонисты, необходимо содѣйствіе этому развитію со стороны правительства, необходимы извѣстныя мѣры для того, чтобы различные виды промышленности могли не только установиться, но окрѣпнуть и развиваться. И въ этомъ мы не будемъ съ ними спорить, такъ какъ вовсе не принадлежимъ къ поклонникамъ безусловнаго принципа *laissez faire, laissez passer*, — принципа, признающаго необходимымъ ограничить правительственную дѣятельность судомъ, полиціей и администраціей лишь настолько, насколько она нужна для существованія означенныхъ органовъ; напротивъ того, мы признаемъ пользу правительственной дѣятельности въ борьбѣ человѣка съ природою, съ невѣжествомъ, съ бѣдностію и съ историческими неправдами, доставшимися намъ въ наслѣдство отъ прежнихъ поколѣній. Содѣйствіе правительственной власти въ этой борьбѣ мы считаемъ не только полезнымъ, но и необходимымъ, и, слѣдовательно, не можемъ отвергать пользу содѣйствія правительственной власти и для развитія промышленности. Мы признаемъ эту пользу, на томъ простомъ основаніи, что есть много въ этой борьбѣ такихъ препятствій, которыя непреодолимы для отдельныхъ лицъ, очень затруднительны для цѣлыхъ обществъ и легко побѣждаются правительственною дѣятельностію. Вотъ сколько у насъ общихъ точекъ зрѣнія съ протекціонистами, какъ скоро они становятся на раціональную точку зрѣнія.

Но затѣмъ мы слышимъ со стороны протекціонистовъ такой вопросъ: возможно ли развитіе какой-либо новой отрасли промышленности въ странѣ, когда границы ея открыты для произведеній другихъ странъ, въ которыхъ промышленность установилась и развивалась съ давняго времени? Въ рѣшеніи этого вопроса мы начинаемъ расходиться съ протекціонистами, но не вполне. Они говорятъ, что невозможно, мы же отвѣчаемъ: и возможно, и нѣтъ. Болѣе категориче-

свое рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ свойства самой промышленности и отъ тѣхъ условій, въ которыхъ находится страна: отъ естественныхъ, географическихъ и почвенныхъ условій, отъ социальнаго, экономическаго, умственнаго и нравственнаго положенія населенія. Отвѣтъ нашъ будетъ или отрицательный, или положительный, смотря по роду этихъ условій. Такъ, напримѣръ, въ нашемъ отечествѣ, въ силу его отсталости на пути экономическаго развитія, въ силу дороговизны въ немъ капиталовъ, а главное—въ силу ничтожнаго развитія образованія въ массахъ, у насъ могутъ развиваться только тѣ отрасли производствъ, въ которыхъ содѣйствіе естественныхъ силъ природы болѣе значительно, нежели трудъ, знаніе и искусство человека, а также тѣ, которыя перерабатываютъ громоздкія и неудобныя въ перевозѣ сырыя произведенія. Тѣ же производства, которыя требуютъ сложныхъ механизмовъ, значительной затраты капиталовъ какъ основныхъ, такъ и оборотныхъ, а также тѣ, въ которыхъ трудъ, знаніе и искусство человека имѣютъ преимущественное значеніе, не въ состояніи конкурировать съ иностранными производителями и вслѣдствіе этого не могутъ водвориться у насъ съ успѣхомъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока спросъ на продукты эти не усилится значительно и не разовьется знаніе и искусство. Такимъ образомъ, въ рѣшеніи этого вопроса мы начинаемъ расходиться съ протекціонистами и соглашаемся только отчасти съ ихъ положеніемъ, утверждая, что есть цѣлныя производства, которыя могутъ быть ведены у насъ и для которыхъ не страшна иностранная конкуренція. Продукты этихъ производствъ, если эти отрасли промышленности получаютъ у насъ развитіе, могли бы сдѣлаться предметомъ постоянного нашего отпуска, и производство ихъ за границей уменьшилось бы значительно.

Но протекціонисты, конечно, скажутъ намъ, что если, съ одной стороны, русскіе производители въ извѣстныхъ отрасляхъ промышленности не могутъ конкурировать съ иностранными, а съ другой—развитіе промышленности полезно, и правительство можетъ содѣйствовать этому развитію, то ясно, что путь къ такому развитію долженъ быть очищенъ, конкуренція должна быть устранима или, по крайней мѣрѣ, ограничена наложеніемъ извѣстныхъ пошлинъ на чуждые товары. Тогда цѣны этихъ предметовъ производства поднимутся на внутреннемъ рынкѣ, и производство можетъ не только устояться, но и развиваться. Здѣсь уже мы совершенно расходимся съ протекціонистами и говоримъ: нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!

Прежде всего мы укажемъ на то, что подобная мѣра и несправедлива, и невыгодна. Несправедлива она потому, что, возвышая цѣну предметовъ потребленія, вы нарушаете интересъ потребителя, вы

нарушаете неоспоримое его право обмѣнивать продуктъ своего труда на необходимый для него предметъ съ тѣмъ лицомъ, которое предлагаетъ ему болѣе выгодныя условія, и заставляете его приобретать вещь и болѣе дорогую, и очень часто низшаго достоинства, только потому, что она—внутренняго приготовления. Вы, такимъ образомъ, заставляете страдать дѣйствительные, реальныя интересы множества частныхъ лицъ, нуждающихся въ подобныхъ предметахъ, въ виду какихъ-то будущихъ, воображаемыхъ выгодъ, безъ всякаго ручательства за ихъ осуществленіе. Вы создаете налогъ не въ виду удовлетворенія общихъ государственныхъ потребностей, тѣмъ только и могутъ оправдываться налоги, а въ виду гадательныхъ предположеній, что эти производства когда-то, въ отдаленномъ будущемъ, могутъ принести извѣстную пользу. Положимъ, что вы правы, положимъ, что промышленность, о развитіи которой вы заботитесь, будетъ дѣйствительно полезна со временемъ; но мы спрашиваемъ, справедливо ли, въ виду какихъ бы то ни было полезныхъ цѣлей въ будущемъ, приносить въ жертву интересы настоящаго времени, интересы дѣйствительно реальныя, охраненіе которыхъ, а отнюдь не нарушеніе, есть главнѣйшая цѣль общенія между людьми, весь *raison d'être* гражданскихъ обществъ и установленныхъ въ нихъ порядковъ. Разъ допущается правило, что дѣйствительныя интересы настоящаго времени могутъ быть приносимы въ жертву будущему, тогда передъ обществомъ является безпредѣльность задачъ, и оно будетъ осуждено на вѣчныя лишенія и жертвы безъ всякой надежды и возможности удовлетворять дѣйствительнымъ и реальнымъ потребностямъ минуты. Мало ли прекрасныхъ и полезныхъ цѣлей въ будущемъ можетъ указать мысль человѣка, — цѣлей, достиженіе которыхъ возможно при извѣстныхъ пожертвованіяхъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы благоразумная предусмотрительность могла быть декретирована закономъ и приведена въ дѣйствіе силою, безъ того, чтобы этотъ законъ не сдѣлался явнымъ несправедливостію и не вызвалъ самыхъ печальныхъ послѣдствій. Онъ можетъ сдѣлаться этой несправедливостію тѣмъ скорѣе, что умъ человѣческій, отыскивая въ этомъ мірѣ безпредѣльныхъ задачъ чего либо полезнаго, можетъ увлекаться и принять ошибочный расчетъ за истину. Благоразумная предусмотрительность человѣка, вслѣдствіе которой онъ рѣшается пожертвовать удовлетвореніемъ настоящихъ своихъ потребностей въ виду будущихъ выгодъ, должна быть продуктомъ свободной дѣятельности его ума, и полезна только въ томъ случаѣ, когда является слѣдствіемъ набитка его средствъ, за удовлетвореніемъ первыхъ необходимыхъ его потребностей. Если частное лицо въ этомъ случаѣ ошибется, то эта ошибка не можетъ имѣть большого значенія, тогда какъ ошибочный законъ дастъ

нравильное направлѣніе дѣятельности цѣлой страны на счетъ нѣтъ чужихъ неоправданныхъ интересовъ, приносимыхъ въ жертву какому-то странному недоразумѣнію. Если и возможно изъ этого общаго положенія о несправедливости жертвы насущными интересами въ пользу будущаго допустить исключеніе; то только въ такихъ случаяхъ, о которыхъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, таковы, напр. пожертвованія въ пользу развитія образованія или затраты на устройство путей сообщенія. Но подобныя затраты принимаются въ видахъ общаго развитія страны, а отнюдь не въ интересахъ какой-либо одной отрасли промышленности, и не возбуждаютъ спора ни съ теоретической, ни съ практической точки зрѣнія. Между тѣмъ какъ польза покровительства отдѣльнымъ видамъ туземной промышленности *не находитъ себѣ никакого оправданія въ наукѣ* и оспаривается многими практическими дѣятелями, интересы которыхъ страдаютъ отъ подобнаго покровительства.

Но система покровительства путемъ запрещенія или ограниченія была не только несправедлива, но и невыгодна по отношенію къ общимъ интересамъ страны. Во-первыхъ, мы спросимъ защитниковъ этой системы: почему туземные производители не могутъ конкурировать съ иностранными? Отвѣтъ можетъ состоять только въ томъ, что извѣстнаго этого производства въ нашемъ отечествѣ менѣе выгодно, чѣмъ въ другихъ странахъ. Стало быть, устраняя съ нашего рынка иностранныя произведенія, вы тѣмъ самымъ лишаете туземныхъ потребителей возможности воспользоваться выгодами болѣе благоприятныхъ условій производства и заставляете промышленника тратить болѣе значительныя средства для полученія если не худшихъ, то такихъ же результатовъ, а потребителя платить дороже за продукты этого производства. Эта переплата, поскольку она требуется на покрытие извѣстныхъ издержекъ туземнаго производства въ сравненіи съ иностраннымъ, есть чистая потеря для страны, нѣмѣе не полученная, а совершенно потерянная. Намъ кажется, что это положеніе не такъ очевидно, что его нечего подтверждать примѣрами, которыхъ мы могли бы привести цѣлую массу, но оставляемъ ихъ въ сторонѣ только изъ опасенія утомить читателя. Какимъ же образомъ изъ этой суммы потерь, которыя должны нести потребители вслѣдствіе менѣе выгодныхъ условій производства, можетъ явиться выгода?—вотъ вопросъ, на который наши охранители никогда не дали и, конечно, никогда не дадутъ даже сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта. Если они и уважатъ насъ на десятки и сотни предпринимателей, которые вслѣдствіе существованія монополіи обогатились, то это, конечно, не будетъ съ ихъ стороны доказательствомъ, такъ какъ каждый рубль, который они получили, есть потеря для потребителя ихъ,

произведеній, потому что вся ихъ выручка поступила въ нихъ изъ кармановъ потребителей ихъ произведеній. Мало того, что потребители оплатили барыши, нажитые этими господами, но они оплатили также и ихъ излишнія, въ сравненіи съ заграничными производителями, издержки. Между тѣмъ, если бы заграничныя произведенія не были устранены съ туземнаго рынка, тогда эти излишнія издержки потребителей были бы сохранены, и въ общей экономіи страны образовались бы капиталы въ размѣрахъ гораздо большихъ, чѣмъ тѣ барыши, на которые обыкновенно указываютъ. Стало быть, эти барыши вовсе не составляютъ вновь образованныхъ капиталовъ, а только перемѣщеніе части уже существовавшихъ прежде капиталовъ изъ однихъ рукъ въ другія; излишнія же издержки производителей есть чистѣйшая потеря для цѣлой страны,—потеря, только потому не бросающаяся въ глаза, что она распредѣляется между цѣлой массой потребителей. Это обратная сторона медали, на которую никто не хочетъ обратить вниманія.

Но этой потерей далеко еще не ограничиваются невыгодныя послѣдствія такой системы. Для каждаго производства нуженъ основнй капиталъ. Стало быть, если заграничныя произведенія устраняются съ рынка и возникаетъ потребность внутренняго производства, то обстоятельство это должно вызвать новое требованіе на капиталъ и возвысить его цѣну, т. е. приносимый имъ процентъ. Это есть необходимое и неизбежное послѣдствіе, между тѣмъ какъ заграничный производитель для расширенія своего производства отнюдь не нуждается въ подобныхъ затратахъ; онъ нуждается въ увеличеніи только оборотнаго капитала, относительно же основнаго—увеличеніе или вовсе не требуется, или требуется въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ, и при такомъ расширеніи онъ можетъ даже понизить стоимость своихъ произведеній. Такимъ образомъ, отказываясь отъ потребленія заграничныхъ произведеній, страна несетъ двойную потерю; она отталкиваетъ отъ себя возможность еще болѣе экономіи своихъ потребителей и дѣлаетъ совершенно бесполезныя капиталныя затраты, безъ которыхъ она могла бы легко обойтись, а этимъ вызываетъ болѣе рѣдкость капиталовъ и ихъ дороговизну. При нашей бѣдности въ капиталахъ, при громадномъ на нихъ спросѣ, чуть не на каждомъ шагу, при нашихъ естественныхъ богатствахъ, которые остаются безъ разработки только вслѣдствіе недостатка капиталовъ, искусственный вызовъ излишняго на нихъ спроса противорѣчитъ положительно всѣмъ правильно-понятнымъ интересамъ страны. Признаемся, читатель, что когда мы видимъ два производства, изъ которыхъ одно не пользуется никакимъ покровительствомъ, а другое охраняется тарифомъ, то намъ всегда приходитъ въ голову басня дѣдушки Кри-

лова: „Крестыиникъ и Обезьяна“. Исполать тебѣ труженикъ, говорятъ верному проходящѣ люди, въ то время, когда онъ работаетъ въ полѣ, и не обращаютъ вниманія на мартышку, которая ворочаетъ чурбанъ съ одного мѣста на другое. Трудъ производителя, состоящаго подъ покровительствомъ тарифа, всегда представляется намъ похожимъ на этотъ трудъ мартышки: безъ него люди очень легко могли бы обойтись, получая все имъ нужное отъ болѣе искусныхъ и поставленныхъ въ болѣе выгодныя условія производителей. Разница состоитъ въ томъ только, что производитель, покровительствуемый тарифомъ, заставляетъ другихъ гражданъ, волей-неволей, оплачивать и свой бесполезный трудъ, и свои излишнія издержки, а мартышка не имѣетъ возможности этого добиться и остается только съ своимъ глупымъ удивленіемъ, что ей никто не скажетъ спасибо. Слѣдовательно, работа мартышки только смѣшна и бесполезна, тогда какъ трудъ подъ охраною тарифа нисколько уже не смѣшонъ, потому что вреденъ. Пусть намъ не говорить, что это только временное пожертвованіе, необходимое на то время, пока промышленность не развилась и не окрѣпла, и что въслѣдствіи пошлины могутъ быть понижены. Подобное оправданіе покровительственныхъ пошлинъ не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, и выставляется только за неимѣніемъ болѣе убѣдительныхъ доводовъ. Оно носитъ въ себѣ полное осужденіе системы, такъ какъ признаетъ фактъ ея убыточности. Если же сами протекціонисты соглашались, что страна приносить въ этомъ случаѣ пожертвованія, то задача наша уже облегчается, по крайней мѣрѣ, на половину: намъ стоить доказать только невозможность, посредствомъ тарифа, создать для туземной промышленности такія условія производства, въ которыхъ находится заграничная промышленность.

Для того, чтобъ тарифъ, временно поддерживающій у насъ какое-либо производство, могъ его поставить въ возможность соперничества съ заграничными производителями, необходимо предположить, что техника производства и условія выгодности его достигли за границею своего алета, не могутъ развиваться далѣе, не въ состояніи удешевить цѣну продуктовъ и что, обезпечивая такимъ образомъ временныя выгоды нашему производству, мы даемъ ему возможность усовершенствоваться настолько, чтобъ сравниться съ производствомъ, должнствуящимъ оставаться на одной и той же точкѣ развитія. Но возможно ли допустить такое предположеніе, что какая бы то ни было отрасль промышленности уже сказала свое послѣднее слово? Почему протекціонисты думаютъ, что, пока наша едва возникающая промышленность сражается съ силами, заграничная не будетъ также полагаться впередъ и что нашей промышленности не придется вѣчно изгонять европейскую и походить, такимъ образомъ, на чело-

вѣна, догоняющаго свою тѣнь? Что до насъ касается, то мы не только убѣждены въ томъ, что покровительственная система ставитъ страну именно въ такое положеніе, но и смѣемъ увѣрить читателя, что развитая промышленность, работающая для общо-европейскаго рынка и притомъ въ странѣ богатой капиталами, имѣетъ въ нѣсколько разъ больше шансовъ не только слѣдить за всѣми новѣйшими усовершенствованіями техники, но и дѣлать новыя изысканія и опыты, съ цѣлію изобрѣтенія новыхъ, болѣе выгодныхъ и дешевыхъ способовъ производства, чѣмъ промышленность, которая поставлена въ менѣе выгодныя условія, и должна бороться съ различными внутренними препятствіями только при пособіи покровительственныхъ пошлинъ и, слѣдовательно, работать только для внутренняго, а не для всемірнаго рынка. При такихъ условіяхъ состязанія не только не можетъ быть никакой надежды на то, чтобы внутреннее производство могло совершенствоваться въ одинаковой степени съ заграничнымъ и вслѣдствіе этого допускать возможность пониженія пошлинъ, но, напротивъ, можно быть увѣрену, что сегодня назначенная охранительная пошлина, по прошествіи нѣкотораго періода времени, окажется недостаточною, и такимъ образомъ, въ видахъ огражденія искусственно вызваннаго производства и массы вновь возникшихъ интересовъ, придется періодически возвышать эти пошлины. Если мы взглянемъ на исторію охранительныхъ тарифовъ, то непремѣнно найдемъ подтвержденіе этой мысли; исключенія встрѣчаются только въ тѣхъ случаяхъ, когда государства или переходили отъ системы запретительныхъ пошлинъ къ охранительнымъ, или измѣняли совершенно систему торговой политики, устанавливая начала свободной торговли. Вѣрить въ возможность пониженія охранительныхъ пошлинъ, вслѣдствіе того, что промышленность можетъ окрѣпнуть настолько, что будетъ въ состояніи конкурировать съ заграничнымъ производствомъ—это значитъ вѣрить, что вы, читатель, въ состояніи догнать равновѣснаго съ вами человѣка, который идетъ впереди васъ и притомъ по дорогѣ, гораздо болѣе удобной, чѣмъ вы. Извѣстна математическая истина, что два тѣла, двигающіяся по одному направленію, даже съ одинаковыми скоростями, вѣчно останутся на одинаковомъ разстояніи, а потому допустить, что наша промышленность, двигающаяся на пути къ прогрессу съ меньшей скоростью, чѣмъ заграничная, можетъ когда-нибудь сравняться съ послѣднею, представляется каждому мыслящему человѣку положительнымъ абсурдомъ. Но, сдѣлавъ наши протекціонисты, наложивъ произвольную пошлину на извѣстный продуктъ и возвысивъ этимъ путемъ его цѣну, значитъ придать нашей промышленности болѣшую скорость на пути ея развитія и, слѣдовательно, мысль о возможности сравняться съ за-

граничными производителями не имѣть въ себѣ ничего абсурднаго. Вотъ здѣсь-то и заключается полнѣйшій софизмъ, котораго не замѣчаютъ протекціонисты. Охранительныя пошлины, возвышая цѣну на товары внутренняго приготовленія, имѣютъ только одно послѣдствіе: онѣ обезпечиваютъ производителямъ извѣстное количество сбыта по цѣнамъ, которыя не только покрываютъ ихъ издержки, но доставляютъ еще барышъ. Но этимъ нисколько еще не устраняются тѣ препятствія, которыя встрѣчаетъ промышленность на пути къ своему развитію. Успѣхъ промышленности и вся цѣль ея развитія состоятъ исключительно въ удешевленіи издержекъ производства и увеличеніи потребленія, которое является слѣдствіемъ этой дешевизны и доступности продукта большому числу потребителей. Придать большую скорость движенію нашей промышленности можно только устраненіемъ тѣхъ препятствій, которыя она встрѣчаетъ къ сокращенію издержекъ производства, а этого-то именно охранительная система и не имѣетъ въ виду. Напротивъ того, будучи прихвѣлена къ охраненію цѣлаго ряда производствъ, она возвышаетъ издержки каждаго изъ нихъ, такъ какъ стоимость содержанія производителей отдѣльныхъ отраслей промышленности возвышается вслѣдствіе того, что они принуждены нести излишнія издержки въ качествѣ потребителей товаровъ, пользующихся покровительствомъ. Отсюда прямо слѣдуетъ, что охранительная система не только не придаетъ большую скорость развитію туземной промышленности, но прямо ее задерживаетъ. Кроме того, развитіе всякой промышленности необходимо обусловливается увеличеніемъ потребленія продуктовъ этой промышленности, что достигается прежде всего дешевизною, а отнюдь не дороговизною этихъ продуктовъ. Но система протекціонизма имѣетъ въ виду возвышеніе цѣнъ, слѣдовательно, она ограничиваетъ потребленіе и такимъ образомъ не устраняетъ, а создаетъ новое препятствіе на пути къ развитію промышленности. На этомъ основаніи мысль, что охраненіе промышленности есть мѣра только временная, которая въ послѣдствіи можетъ быть упразднена безъ потерь для охраняемой промышленности, есть чистѣйшая иллюзія. Напротивъ того, мы думаемъ, что *чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ*: чѣмъ далѣе мы будемъ покровительствовать нашей промышленности и чѣмъ выше ея размѣровъ будутъ достигать пошлины, тѣмъ большія порождаятся затрудненія къ прекращенію этой *такъ-называемой временной мѣры*. На производства, состоящія подъ покровительствомъ, затрачиваются съ каждымъ годомъ все большіе и большіе капиталы, точно также увеличивается и число покровительствуемыхъ производствъ, такъ какъ законодательство не имѣетъ никакого основанія отказать въ покров-

вительствѣ возникающему производству, если оно дѣлаетъ его многимъ другимъ.

Но и этимъ еще не оканчивается невыгодная сторона охранительной системы. Она даетъ возможность развиваться различнымъ производствамъ въ такихъ мѣстностяхъ, которыя представляютъ наименѣе выгодныя условія по отношенію къ дешевизнѣ надержекъ производства. Само собою разумѣется, что мысль о всякомъ новомъ производствѣ скорѣе всего можетъ возникнуть въ главныхъ торговыхъ, финансовыхъ и административныхъ центрахъ. Близость отъ этихъ центровъ мѣстъ производства облегчаетъ и сбытъ, и надзоръ, и возможность пользованія кредитомъ. Что же касается до надержекъ производства, то на обстоятельства эти при охранительной системѣ очень мало обращается вниманія, такъ какъ они могутъ быть приняты и дѣйствительно принимаются въ соображеніе при назначеніи покровительственныхъ пошлинъ, премій и правительственныхъ заказовъ, дѣлаемыхъ съ исключительной цѣлю развитія известнаго производства. Такимъ образомъ, никому нѣтъ надобности заботиться о приисканіи для различныхъ производствъ такихъ мѣстностей, гдѣ бы условія производства были особенно выгодны. Производства, при существованіи запретительной или черезъ мѣру охранительной системы, группируются совершенно въ виду другихъ соображеній, вовсе неимѣющихъ никакого отношенія къ дешевизнѣ надержекъ: при известной высотѣ тарифа, какъ бы ни были велики эти издержки, онѣ все-таки будутъ покрыты. Затѣмъ, по примѣру установившагося въ известной мѣстности рода промышленности, возникаютъ новыя однородныя производства, или близко къ нимъ подходящія. Когда же, наконецъ, возникаетъ необходимость перехода отъ запретительной системы къ охранительной, тогда уже по необходимости принимается въ соображеніе стоимость производства въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно уже существуетъ, и вовсе не обращается никакого вниманія на то обстоятельство, что въ другихъ мѣстностяхъ та же самая промышленность могла бы существовать и при менѣе высокой пошлинѣ. Такъ образовались наши бумагопрядильныя фабрики въ Москвѣ и въ подмосковномъ фабричномъ округѣ, желѣзодѣлательныя и сталелитійныя заводы въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, и сахарныя въ югозападной Россіи. Между тѣмъ дороговизна топлива, строительныхъ матеріаловъ и рабочихъ рукъ во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ уже давно ставятъ производства въ невыгодное положеніе. Всего оригинальнѣе въ этомъ отношеніи—это привозъ англійскаго чугуна и англійскаго каменнаго угля въ Петербургъ и переработка этихъ матеріаловъ здѣсь въ Петербургѣ въ жалѣе и сталь. За что, спрашивается, Россія переплачиваетъ въ этомъ случаѣ излишнія

деньги за привозъ вчетверо большаго количества матеріаловъ, такъ какъ на выдѣлку пуда желѣза или стали нужно около трехъ пудовъ угля? Стоимость этого провоза исчезаетъ безслѣдно для Россіи только для того, чтобъ имѣть удовольствіе выработать эти металлы у себя дома, хотя выдѣлка ихъ здѣсь, въ Петербургѣ, обойдется гораздо дороже, чѣмъ въ Англіи, которой не нужно для этого дѣлать никакихъ капитальныхъ затратъ и которая могла бы понизить еще болѣе издержки своего производства, еслибъ имѣла возможность расширить его въ виду спроса со стороны русскихъ потребителей. Что за странная претензія тратить и больше силъ, и больше средствъ на удовлетвореніе какой-нибудь потребности, когда есть въ виду столько другихъ потребностей, весьма настоятельныхъ, которыми не въ состояніи удовлетворить заграничный производитель. Станетъ ли портной шить себѣ сапоги, на шитье которыхъ онъ долженъ употребить вдвое болѣе времени, нежели сапожникъ, только для того, чтобъ имѣть удовольствіе сказать, что онъ самъ себѣ сшилъ сапоги? Это простое экономическое правило каждаго раціональнаго хозяйства, которое соблюдается всѣми протекціонистами по отношенію къ ихъ собственнымъ хозяйствамъ,—становится для нихъ какинъ-то пугаломъ, какъ скоро оно примѣняется къ обществу. Но, спрашивается, какимъ образомъ можетъ быть убыточенъ извѣстный образъ дѣйствій для цѣлаго общества, если онъ выгоденъ для каждаго отдѣльнаго человѣка? Откуда и для кого явится убытокъ, когда всѣ члены его будутъ въ выигрышѣ? Но, возражаютъ протекціонисты, мы не сами произведемъ эту цѣнность и, слѣдовательно, производительность наша не будетъ развиваться. Но на подобное возраженіе мы можемъ отвѣчать вопросомъ: неужели протекціонисты считаютъ трудъ и производство окончательной цѣлію человѣческихъ усилій, вопреки всякой логики и даже здравому смыслу? Вѣдь, если стать на подобную точку зрѣнія, тогда необходимо не уменьшать препятствія на пути человѣческой дѣятельности, а увеличивать ихъ для того, чтобъ трудъ нашелъ для себя возможно большее приложеніе. Для чего же вы тогда заботитесь объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, требуете улучшенія водяныхъ сообщеній и тому подобныхъ дѣлъ, которыя всѣ имѣютъ одну цѣль—уменьшить необходимость приложенія человѣческаго труда? Будьте же послѣдовательны, господа. Если вы считаете выгоднымъ производить въ Петербургѣ желѣзо и сталь изъ англійскаго чугуна и угля только потому, что такимъ образомъ возникаетъ возможность приложенія человѣческаго труда, то мы должны вооружаться противъ всѣхъ улучшеній во всѣхъ производствахъ, а равно и противъ улучшеній средствъ передвиженія товаровъ, на томъ простомъ основаніи, что всѣ они упраздняютъ

необходимость приложенія человѣческаго труда. Если же вы признаете пользу устройства желѣзныхъ дорогъ и улучшенія водяныхъ сообщений, то должны признать и пользу привоза стали и желѣза изъ Англіи, такъ какъ всѣ подобныя мѣры имѣютъ въ виду достигнуть дешевой издержекъ производства и, слѣдовательно, дешевизны самихъ предметовъ потребленія.

Изъ этой дилеммы человѣкъ, разсуждающій на основаніи логики, конечно, никогда не выйдетъ и долженъ будетъ стать на сторону началъ свободной торговли, потому что нельзя же, не жертвуя здравымъ смысломъ, сдѣлаться апостоломъ дороговизны и отвергать пользу дешевой предметовъ потребленія, къ которой стремится и наука, и техника, и инстинктивная природа человѣка. Но кто же изъ протекціонистовъ нуждался когда-нибудь въ логикѣ. Они такими пустяками никогда не стѣсняются и съ полной беззащитчивостью выходятъ или, лучше сказать, считаютъ себя побѣдоносно вышедшими изъ затруднительной дилеммы, которую имъ ставятъ защитники свободной торговли. Они говорятъ: улучшая пути сообщенія, мы удешевляемъ предметы нашего производства въ портовыхъ городахъ и тѣмъ способствуемъ сбыту нашихъ произведеній на заграничные рынки, т.-е. покровительствуемъ внутреннему производству. На этомъ основаніи, говорятъ протекціонисты, мы дѣйствуемъ совершенно послѣдовательно и никакого противорѣчія въ нашемъ образѣ дѣйствій нѣтъ. Но такъ ли это? Посмотримъ, и, чтобъ отвѣчать, прослѣдимъ послѣдствія подобныхъ явленій. Удешевляя наши произведенія, вы оказываете этимъ путемъ громадные услуги заграничнымъ потребителямъ нашихъ товаровъ, которые имѣютъ возможность пріобрѣтать ихъ за меньшее количество своихъ товаровъ. Мы утверждаемъ это потому, что цѣны нашихъ товаровъ зависятъ отъ спроса и предложенія, а послѣднее непременно усилится вслѣдствіе удешевленія стоимости перевозки, а спросъ можетъ увеличиться только вслѣдствіе пониженія цѣнъ, такъ какъ мы не предполагаемъ возможности блокадой европейскихъ береговъ уничтожить конкуренцію другихъ странъ. Не допуская же къ намъ заграничныхъ товаровъ, вы заставляете русскаго потребителя желѣза и стали платить за эти полезные предметы гораздо дороже, вслѣдствіе чего ограничивается потребленіе этихъ матеріаловъ въ Россіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ ограничивается и производство всѣхъ другихъ предметовъ, такъ какъ желѣзо и сталь представляютъ орудія всякаго другого производства. Стало быть, этимъ путемъ вы дѣйствуете въ пользу заграничнаго потребителя и во вредъ туземнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ затрудняете и внутреннего производителя, лишая его возможности пользоваться дешевымъ орудіемъ производства. Такимъ образомъ, ваша политика

вести прямо ко вреду вашего отечества и къ выгодѣ заграничныхъ потребителей. Защитники свободной торговли охотно соглашались съ нами, что удешевленіе предметовъ внутреннего производства очень выгодно, но они желаютъ только, чтобы для туземнаго потребителя было сдѣлано то же самое, что дѣлается для заграничнаго, т.-е., чтобы для него была облегчена возможность пользоваться дешевизною заграничнаго производства настолько, насколько облегчается эта возможность для заграничнаго потребителя пользоваться дешевизною нашего производства. Поймите, наконецъ, господа, что окончательная цѣль всякаго производства состоитъ не въ самомъ производствѣ, а въ удовлетвореніи потребностей человека, что и составляетъ вѣнецъ всѣхъ его усилій и стремленій. На этомъ основаніи интересъ потребителя долженъ быть прежде всего въ виду, долженъ стоять на первомъ планѣ. Мы не хотимъ этимъ сказать, что не слѣдуетъ обращать вниманія на интересъ производителя; нѣтъ, мы совершенно далеки отъ подобнаго мнѣнія; но мы думаемъ, что невыгодно дѣйствовать въ пользу производителя такими средствами, которыя нарушаютъ интересъ потребителя. Ввозныя же пошлины въ особенности принадлежатъ къ такимъ средствамъ и только ограничиваютъ внутреннее потребление обложенныхъ предметовъ, а тѣмъ самымъ мѣшаютъ полному развитію спроса на эти предметы. Слѣдовательно, въ окончательномъ результатѣ ввозныя пошлины вредятъ той самой промышленности, которую желаютъ развить ихъ установленіемъ,—такъ какъ никакая промышленность не можетъ держаться въ странѣ, если на предметы ея производства будетъ ограниченный спросъ. Если бы протекціонисты способны были къ логическому мышленію, то мы посовѣтывали бы имъ ихъ энергію, достойную лучшей дѣятельности, употребить на устраненіе тѣхъ препятствій, которыя встрѣчаютъ у насъ всякое производство. Средства къ подобному содѣйствію промышленности заключаются отнюдь не въ нарушеніи интересовъ потребителя искусственнымъ возвышеніемъ цѣнъ, а въ тѣхъ общихъ мѣропріятіяхъ, которыя улучшаютъ самыя условія производства, т.-е. удешевляются его издержки. Смѣемъ увѣрить протекціонистовъ, что подобныя мѣры содѣйствія промышленности были бы для нея гораздо болѣе полезны, нежели возвышеніе цѣнъ путемъ ввозныхъ пошлинъ. Если протекціонисты спросятъ насъ, въ чемъ состоятъ эти мѣры, то мы имъ укажемъ на приобрѣтеніе умственныхъ и матеріальныхъ капиталовъ, т.-е. на развитіе образованія и облегченіе движенія капиталовъ съ заграничнаго на нашъ рынокъ.

Въ заключеніе нашихъ доказательствъ о томъ противорѣчій, въ которое впадаетъ теорія протекціонистовъ, считаемъ не лишнимъ привести еще одно соображеніе. Эти господа считаютъ необходимымъ,

по возможности, покровительствовать сбыту отечественныхъ произведеній, т.-е. удешевлять по возможности ихъ цѣну—для того, чтобы сдѣлать ихъ доступными для заграничныхъ рынковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возвысить цѣну заграничныхъ произведеній, чтобы затруднить ихъ доступъ на внутренній рынокъ. Но спрашивается: достигается ли эта послѣдняя цѣль, въ виду стремленій къ удешевленію нашихъ внутреннихъ произведеній? Вѣдь, въ сущности, всякая торговля есть обмѣнъ однихъ товаровъ на другіе; деньги же тутъ играютъ роль только орудія обмѣна, доставляя возможность вводить въ операцію другихъ лицъ, продать одному и купить у другого. Такимъ образомъ, для заграничнаго торговца, который желаетъ промѣнять свой товаръ на товаръ нашего внутреннего приготовленія, все равно, продать ли свой товаръ дорого и за нашъ заплатить дороже или понизить цѣну своего товара, если онъ можетъ приобрести нашъ товаръ дешево. За равное количество своего товара онъ получитъ равное количество нашихъ товаровъ. Представимъ же себѣ такое положеніе, читатель, что Марининская наша система судоходства и петербургскій портъ приведены въ такое положеніе, что наши баржи, плавающія по Волгѣ, будутъ въ состояніи приходить къ петербургскому порту и тутъ же перегружаться прямо въ корабли. Такое улучшеніе, конечно, удешевитъ стоимость привоза нашихъ хлѣбныхъ товаровъ по крайней мѣрѣ на 15 или на 20 коп. съ пуда, т.-е. понизитъ ихъ цѣну отъ 15 до 25%. Въ такихъ обстоятельствахъ заграничные торговцы для сбыта своихъ произведеній готовы будутъ установленную въ видахъ охраненія нашей промышленности пошлину на чугуны, желѣзо, желѣзные издѣлія, не превышающую, какъ извѣстно, 15% со стоимости товара, принять на свой счетъ; они понизятъ свой товаръ на всю стоимость пошлины, и продадутъ его въ подрывъ нашей промышленности и все-таки получатъ за него то же количество хлѣба, какое и прежде получали. Такимъ образомъ, всякое улучшеніе внутреннего производства будетъ только клониться къ уничтоженію значенія покровительственныхъ пошлинъ. Если же никакихъ улучшеній не будетъ и англійскій торговецъ не въ состояніи будетъ привозить къ намъ своего желѣза, то этимъ ограничится нашъ отпускъ хлѣба до тѣхъ поръ, пока цѣны на него не понизятся настолько, чтобы англійскому торговцу выгодно было понизить цѣны на чугуны, желѣзо и желѣзные издѣлія на извѣстную часть ввозныхъ пошлинъ и тѣмъ сдѣлать ихъ недействительными. Такимъ образомъ, часть пошлины оплатится на счетъ нашихъ производителей хлѣба, а конкуренція англійскихъ производителей все-таки останется.

Отсюда ясно, что всякая страна, отказываясь отъ международнаго обмѣна, вредитъ прямо тому изъ своихъ производствъ, про-

дукты котораго имѣютъ сбытъ на заграничномъ рынкѣ, т.-е. наиболѣе выгодному въ государствѣ. Всякое покровительство различнымъ отраслямъ промышленности падаетъ всецѣло на счетъ производимой отпускныхъ товаровъ и въ концѣ-концовъ все-таки оказывается нѣдѣйствительнымъ, такъ какъ заграничная конкуренція остается, и имѣетъ наступать необходимость вновь возвышать пошлины. Эта обратная сторона медали, которую протекціонисты не видятъ, а иные и видѣть не хотятъ, имѣетъ мѣсто тѣмъ болѣе, что промышленность, состоящая подъ покровительствомъ, никогда не считаетъ возможнымъ опираться на улучшенія, а ожидаетъ всѣхъ благъ отъ поддержки правительства посредствомъ тарифа, премій, правительственныхъ заказовъ и тому подобныхъ мѣръ. Вся исторія протекціонизма служитъ явнымъ этому подтвержденіемъ. Если и бывають исключенія, вслѣдствіе которыхъ нѣкоторые производства успѣвають вытѣснить съ туземныхъ рынковъ заграничные продукты, то это только въ тѣхъ случаяхъ, когда условія внутренняго производства нѣсколько не уступаютъ условіямъ заграничнымъ, а между тѣмъ промышленность все-таки пользуется значительнымъ покровительствомъ. Въ такомъ положеніи находится наша сахарная промышленность, условія которой въ нашемъ отечествѣ таковы, что мы могли бы снабжать сахаромъ половину Германіи, между тѣмъ эта промышленность боится заграничной конкуренціи и охраняется пошлиною въ 50% съ несочнаго сахара и 100% съ рафинада. При всемъ этомъ положеніе ея шатко, хотя она и успѣваетъ вытѣснять заграничный сахаръ съ внутреннихъ рынковъ. Вотъ плоды полувѣкового покровительства, оказываемаго этой промышленности; между тѣмъ, будучи хорошо знакомы съ этимъ дѣломъ, мы убѣждены, что издержки производства ни въ какомъ случаѣ не могутъ обходиться такъ дорого, какъ это бываетъ у насъ, еслибъ это дѣло велось рациональнымъ образомъ. Если промышленность покровительствуется тарифомъ, а по условіямъ производства могла бы существовать безъ всякаго покровительства, то она приноситъ значительныя выгоды людямъ, умѣющимъ вести дѣло. Эти выгоды привлекаютъ къ промышленности людей, неимѣющихъ никакого объ ней понятія, которые ведутъ ее самымъ безобразнымъ образомъ, и получаютъ нѣкоторыя выгоды только благодаря высокимъ цѣнамъ, существующимъ вслѣдствіе ограниченія ввоза. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности этого дѣла, а потому мы и не будемъ болѣе о немъ распространяться. Мы высказали только нѣсколько общихъ соображеній, для того только, чтобъ указать читателю, что никакое покровительство не можетъ создать здоровой промышленности.

IV.

Несмотря однакожъ на всѣ изложенныя соображенія, не одинъ разъ высказанныя защитниками началъ свободной торговли, протекціонисты утверждаютъ, что покровительство нашимъ фабрикамъ и заводамъ необходимо въ видахъ поддержанія народнаго труда; что тарифъ, вызывая основаніе новыхъ фабрикъ и заводовъ, даетъ заработокъ народу и возможность снискивать себѣ не только средства къ существованію, но и къ уплатѣ податей, такъ какъ земельный надѣлъ, въ особенности въ сѣверной и средней полосѣ Россіи, далеко его не обезпечиваетъ. Это такой же софизмъ, какъ и всѣ другіе, положенные въ основаніи теоріи протекціонистовъ,—софизмъ, имѣющій въ виду только ближайшія послѣдствія предпринимаемыхъ мѣръ и незамѣчающій оборотной стороны медали. Но для того, чтобъ отвѣчать на него съ ясностію, недопускающею возраженій, необходимо разсмотрѣть отношеніе, въ которомъ находятся различные факторы производства.

Если вы, читатель, не принадлежите къ разряду лицъ, полагающихъ, что экономическія отношенія между людьми могутъ быть выдуманы; если вы признаете, что общество людей есть организмъ, имѣющій свои жизненныя отправленія, подчиненныя естественнымъ законамъ природы, нарушеніе которыхъ не остается безнаказаннымъ, то вы, конечно, не посѣтуете на насъ за болѣе осторожное отношеніе къ вопросу и за желаніе войти въ нѣкоторыя теоретическія подробности отношенія различныхъ факторовъ производства. Мы рѣшаемся на это потому, что такое изслѣдованіе даетъ намъ болѣе твердую опорную точку для возраженій противъ теоріи протекціонизма. Ошибочность этой теоріи заключается не въ томъ, что она основывается на невѣрныхъ фактахъ или приходитъ къ невѣрнымъ выводамъ изъ наблюдаемыхъ фактовъ, а въ томъ, что она построена на недостаточномъ обобщеніи, что она не принимаетъ въ соображеніе ни всѣхъ причинъ извѣстнаго явленія, ни всѣхъ его послѣдствій. Поэтому, чтобъ возражать противъ воззрѣній протекціонистовъ, необходимо указать и эти причины, и эти послѣдствія.

Прежде полагали, что факторовъ производства только три: естественныя силы природы, трудъ и капиталъ. Впослѣдствіи экономисты пришли къ заключенію, что эти факторы еще не исчерпываютъ тѣхъ пособій, которыми пользуется человѣкъ при своихъ усиліяхъ, направленныхъ къ удовлетворенію своихъ потребностей: они указали на четвертый факторъ производства: *знаніе*. Мы употребляемъ слово *знаніе* въ самомъ обширномъ его значеніи. Впрочемъ, существуетъ и

такое мнѣніе, что всѣ эти четыре фактора сводятся только къ двумъ, а именно: естественныя силы природы и трудъ человѣка, такъ какъ капиталъ есть не что иное, какъ продуктъ совокупной дѣятельности естественныхъ силъ природы и прежняго труда, — продуктъ, оставшійся непотребленнымъ, а знаніе есть капиталъ умственный и является продуктомъ труда и вещественнаго капитала, потребленнаго въ продолженіе времени, необходимаго для приобрѣтенія знанія. Хотя такое мнѣніе и нельзя отрицать, но въ виду того различія, которое образовалось между людьми, въ виду того, что одни люди являются обладателями только физическихъ силъ, способныхъ трудиться, другіе — обладателями вещественныхъ капиталовъ, а третьи — обладателями знанія, мы предпочитаемъ держаться того мнѣнія, которое признаетъ четыре фактора производства, а именно: естественныя силы природы, трудъ, капиталъ вещественный и капиталъ невещественный, или знаніе.

Для удовлетворенія своихъ потребностей человѣкъ прилагаетъ свой трудъ къ естественнымъ силамъ природы, старается употребить дѣятельность этихъ силъ въ свою пользу. Слѣдствіемъ такого приложенія, такого старанія получается продуктъ, способный удовлетворять потребности человѣка. Такимъ образомъ является производство въ самомъ первоначальномъ его видѣ. Затѣмъ человѣкъ замѣчаетъ, что при пособіи однихъ своихъ рукъ онъ долженъ употребить много времени и силъ для того, чтобы воспользоваться естественными силами природы и, удовлетворивъ первымъ своимъ потребностямъ, онъ изобрѣтаетъ орудіе, которымъ можетъ собирать продукты естественныхъ силъ природы съ большимъ удобствомъ и легкостью. Вотъ первоначальный капиталъ человѣка, который, удовлетворяя своему голоду съ большимъ удобствомъ, можетъ имѣть избытокъ предметовъ употребленія, которые также представляютъ извѣстный капиталъ, дающій ему возможность удовлетворять другимъ своимъ потребностямъ по отношенію къ одеждѣ, жилищу и т. д. Имѣя извѣстный запасъ предметовъ употребленія, человѣкъ изобрѣтаетъ новыя орудія или болѣе легкаго и удобнаго удовлетворенія своихъ новыхъ потребностей, и является обладателемъ новыхъ капиталовъ. При этомъ люди замѣчаютъ, что и запасы, и орудія производства тогда только полезны, когда они ихъ употребляютъ; если же эти вещи остаются безъ употребленія, то онѣ не только не приносятъ пользы, но иныя изъ нихъ становятся негодными къ употребленію вслѣдствіе порчи. Между тѣмъ, по свойству человеческой природы, прогрессивное возрастаніе потребностей не имѣетъ предѣловъ: за удовлетвореніемъ однихъ являются другія, и такимъ образомъ безъ конца. Въ этомъ безконечномъ возрастаніи потребностей лежитъ причина его совер-

шенствованія. Такимъ образомъ, замѣчая бесполезность избытка предметовъ потребленія и стремясь къ удовлетворенію большей суммы своихъ потребностей, человѣкъ скоро приходитъ къ условіямъ обмѣна продуктовъ своего труда и своихъ орудій производства. Такой обмѣнъ даетъ первую возможность къ раздѣленію труда, способствующаго успѣху производства, а этотъ успѣхъ ставитъ обѣ стороны въ лучшее положеніе и берегаетъ имъ время для новой изобрѣтательности, для приобрѣтенія умѣнья, ловкости, искусства, однимъ словомъ—*знанія*. Но, къ сожалѣнію, люди рождаются въ свѣтъ не съ одинаковыми силами и способностями, и потому они достигаютъ извѣстнаго благосостоянія не въ одинаковой мѣрѣ. Вотъ естественная причина неравномѣрнаго распредѣленія богатства между людьми, и задача человѣческихъ обществъ,—ихъ идеаль такъ-сказать,—состоитъ въ томъ, чтобы по возможности ослабить вліяніе этихъ естественныхъ условій и доставить лицамъ, отставшимъ на пути историческаго развитія, средства пользоваться извѣстною суммою удобствъ жизни. Къ сожалѣнію, эта истина понята только въ послѣднее время; исторія же, напротивъ, говоритъ намъ, что усилія для удовлетворенія своихъ потребностей всегда были неприяты человѣку, и онъ постоянно стремился къ тому, чтобы пользоваться плодами труда другихъ лицъ. Это стремленіе людей, въ связи съ естественнымъ превосходствомъ одного человѣка надъ другимъ, установило въ средѣ человѣческихъ обществъ такіе порядки, слѣдствіемъ которыхъ было совершенно неравномѣрное распредѣленіе богатства. Начиная съ рабства и оканчивая экономической эксплуатаціей бѣдности и нужды, все содѣйствовало развитію этой неравномѣрности, такъ что древнія и средневѣковыя общества шли прямо въ разрѣзъ съ ихъ дѣйствительною задачею, да и въ новѣйшихъ обществахъ осталось еще много условій, мѣшающихъ болѣе правильному распредѣленію богатства. Вслѣдствіе этой неравномѣрности въ обществахъ должны были образоваться два класса людей: одни явились обладателями средствъ къ жизни, другіе имѣли только физическія силы, безъ возможности ихъ приложенія. Комбинація между трудомъ и капиталомъ является необходимостію, и она выражается тѣмъ болѣе въ суровыхъ формахъ, чѣмъ рѣже капиталы и ниже развитіе общества. Виды этой комбинаціи, рабство, феодальное право, крѣпостное право и, наконецъ, нынѣшнее ея положеніе, договоръ личнаго найма. Обиліе земель при началѣ развитія человѣческихъ обществъ обезпечиваетъ человѣку возможность приложенія его труда и сдерживаетъ произволъ обладателей средствъ къ жизни; но по мѣрѣ того, какъ земли переходятъ въ частную собственность, такое обезпеченіе начинаетъ ограничиваться; а при рѣдкости населенія, конкуренція между обладателями земли поддерживаетъ еще высоту

заработной платы и имѣаетъ поной экономической зависимости рабочаго. Къ счастью человѣческихъ обществъ, съ увеличеніемъ населенія возрастаетъ накопленіе капиталовъ, соперничество между которыми до извѣстной степени поддерживаетъ также высоту заработной платы, и имѣетъ то же значеніе, какъ и соперничество между земледѣльцами. Мы удалились отъ изложенія способа возникновенія первоначальныхъ экономическихъ явленій для того только, чтобы указать на то значеніе, которое имѣетъ въ производствѣ земля и капиталъ.

Въ изложенномъ нами первоначальномъ очеркѣ экономическихъ явленій есть всѣ элементы господствующихъ нынѣ отношеній какъ между отдѣльными личностями, такъ и между общественными организациями, только въ менѣ развитомъ и сложномъ видѣ. Эти несложныя явленія суть слѣдствія тѣхъ же самыхъ экономическихъ законовъ, отъ которыхъ зависятъ и теперь всѣ условія производства и движенія цѣнностей на всемірномъ рынкѣ. Деньги и кредитъ, какъ орудія обращенія цѣнностей, только усложнили и облегчили операцію обмѣна, дали возможность къ наибольшему развитію системы раздѣленія занятій, и ввели цѣлую массу посредниковъ между потребителемъ и производителемъ,—посредниковъ, между которыми являются не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя страны. Но всѣ эти усложненія нисколько не измѣнили сущности первоначальной операціи, которая остается все тою же мѣною одного продукта дѣятельности на другой, совершающійся подъ вліяніемъ спроса и предложенія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ здѣсь, такъ и тамъ, потребности вызываютъ усилія, а эти усилія доставляютъ средства къ удовлетворенію потребностей. Избытокъ дѣятельности въ одномъ направленіи образуетъ предложеніе, а развитіе потребностей порождаетъ спросъ; обоюдная выгода, состоящая въ экономіи и силѣ, и времени, обуславливаетъ обмѣнъ. Отсюда уже прямо слѣдуетъ, что всякое стѣсненіе свободнаго обмѣна ведетъ къ лишней ихъ тратѣ и, слѣдовательно, невыгодно. Но это еще болѣе подтверждается слѣдующими соображеніями.

При современномъ раздѣленіи труда, при тѣхъ усовершенствованіяхъ въ приѣмахъ производства, до которыхъ достигла техника и при условіяхъ производства не съ цѣлью спроса для прямого потребленія, а лишь въ запасъ, съ цѣлью перепродажи, прямое приложеніе труда къ естественнымъ силамъ природы становится не только менѣ выгоднымъ, но почти невозможнымъ, и содѣйствіе третьяго фактора производства, капитала, является положительной необходимостью. Мало того, что для всякаго производства необходимы почва, орудія и матеріалы,—нужны еще и средства къ жизни для тѣхъ людей, которые принимаютъ участіе въ производствѣ въ продолженіе

его, а также въ тотъ періодъ времени, пока выработанный продуктъ дойдетъ до потребителей и сдѣланная затрата будетъ реализована. Отсюда ясно, что развитіе промышленности обусловливается прежде всего капиталомъ. Полнаго отсутствія капиталовъ въ странѣ, при настоящихъ условіяхъ жизни человѣческихъ обществъ, мы себѣ и представить не можемъ, но въ странѣ бѣдной возможны только такіа производства, которыя ограничиваются весьма грубыми и несложными орудіями, а продукты этихъ производствъ идутъ или для непосредственнаго ихъ потребленія производителямъ, или для удовлетворенія первыхъ потребностей человѣка вообще. По мѣрѣ накопленія капиталовъ въ странѣ становится возможнымъ и развитіе промышленности, такъ какъ развитая промышленность, какъ мы видѣли, требуетъ не только значительныхъ затратъ на строенія и орудія, но и коопераціи значительнаго числа рабочихъ силъ, для существованія которыхъ нужны средства. Такое свойство производства заставляетъ различать двоякаго рода затраченный капиталъ: основной и оборотный. Первый употребляется на первоначальныя затраты для пріобрѣтенія земли, устройства строеній и орудій производства; другой долженъ служить для пріобрѣтенія матеріаловъ и удовлетворенія потребностей рабочихъ силъ, занятыхъ производствомъ, и подлежить періодическому возобновленію. Продукты производства сбываются, и вырученныя средства идутъ вновь на пріобрѣтеніе матеріаловъ и удовлетвореніе потребностей рабочихъ. Само собою разумѣется, что между этими двумя видами капитала должно существовать извѣстное отношеніе—различное, смотря по роду производства. Но мы позволимъ себѣ остановить вниманіе читателя на значеніи собственно оборотнаго капитала. Часть этого капитала, употребляемая на пріобрѣтеніе матеріаловъ, есть возвращеніе той заработной платы, которая затрачена при ихъ добываніи; другая же его часть служитъ для выдачи заработной платы при переработкѣ купленныхъ матеріаловъ. Стало бытъ, вся сумма оборотнаго капитала страны идетъ на содержаніе рабочихъ, т.-е. представляетъ собою заработную плату послѣднихъ. Другими словами, величина оборотнаго капитала страны представляетъ количество спроса на трудъ, а число рабочихъ рукъ представляетъ предложеніе труда; отношеніе между количествомъ оборотнаго капитала и числомъ рабочихъ рукъ выражаетъ высоту заработной платы. Стало бытъ, всякое уменьшеніе общей суммы оборотнаго капитала страны есть вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшеніе спроса на трудъ при томъ же количествѣ его предложенія, т.-е. пониженіе заработной платы.

Вотъ въ какомъ видѣ представляется намъ отношеніе между главными факторами производства. Само собою разумѣется, что, го-

вора о высотѣ заработной платы, мы разумѣемъ средній ея уровень. Въ дѣйствительности заработная плата можетъ повышаться и понижаться въ сравненіи съ этимъ среднимъ ея размѣромъ какъ подъ влияніемъ искусства, знанія, ловкости, силы и прилежанія работника, такъ и подъ влияніемъ условій мѣстности и большаго или меньшаго спроса на извѣстный родъ труда. Мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что какъ бы ни измѣнялась высота заработной платы въ различныхъ отрасляхъ производства, она все-таки подчиняется общему тяготѣнію и зависитъ *частію* отъ средняго ея уровня, который въ свою очередь *только* зависитъ отъ количества оборотнаго капитала, обращающагося въ странѣ. Поэтому, если часть капитала страны обращается для устройства какого-либо новаго производства, то затраты въ основной капиталъ на строенія и орудія производства могутъ быть взяты только изъ оборотнаго капитала и уменьшаютъ собою сумму его, а, слѣдовательно, уменьшаютъ ту сумму, которая достается рабочему классу въ слѣдующихъ годахъ. На этомъ основаніи затраты въ основной капиталъ полезны только въ такомъ случаѣ, если онѣ дѣлаются на счетъ народныхъ сбереженій, на счетъ накопленія народнаго капитала. Подъ словомъ: народныя сбереженія—мы разумѣемъ не случайныя сбереженія отдѣльныхъ лицъ, а общее увеличеніе народнаго капитала. Но затраты въ основной капиталъ положительно вредны для интересовъ большинства, если онѣ падаютъ на счетъ тѣхъ капиталовъ, которые уже обращаются въ промышленности или необходимы ей для ея успѣшнаго развитія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ эти затраты прямо вызываютъ затрудненія въ существующихъ уже отрасляхъ промышленности, отъ которыхъ онѣ отвлекаются, и затѣмъ ведутъ къ пониженію заработной платы. Но этого мало; затраты въ основной капиталъ только тогда могутъ считаться полезными, когда онѣ поглощаютъ только часть сдѣланныхъ народныхъ сбереженій, и остатокъ послѣднихъ будетъ вполне достаточенъ, чтобъ удовлетворить требованію новаго производства въ оборотномъ капиталѣ. Въ противномъ случаѣ, т.-е. если подобныя затраты поглотятъ всю сумму народныхъ сбереженій, то оборотный капиталъ новаго производства будетъ отвлеченъ отъ другихъ видовъ промышленности, и хотя общая сумма оборотнаго капитала въ странѣ не уменьшится, и вслѣдствіе этого средній уровень заработной платы не понизится, но тѣмъ не менѣе другія отрасли промышленности не могутъ не пострадать отъ подобнаго перемѣщенія капитала. Разница будетъ состоять только въ томъ, что въ первомъ случаѣ, т.-е. когда основной и оборотный капиталы новаго производства отвлекаются отъ оборотнаго капитала страны, тогда страдаетъ и предприниматель, и работникъ прежнихъ отраслей производства; во второмъ же,

т.-е. когда основная затрата капитала покрывается сбереженіями и новое производство отвлекаетъ отъ прежняго только одинъ оборотный капиталъ, тогда потери несутъ только нѣкоторые предприниматели, на которыхъ случайно можетъ отозваться новое требованіе на капиталъ. Во всякомъ случаѣ о дальнѣйшемъ развитіи промышленности не можетъ быть и рѣчи, если въ странѣ народныя сбереженія не покрываютъ общей суммы, необходимой для основнаго и оборотнаго капитала вновь возникающихъ производствъ. Пусть намъ не говорить, что всякое новое производство создаетъ новый спросъ на трудъ. Это только прямое и ближайшее послѣдствіе извѣстнаго явленія, и человекъ, умѣющий анализировать экономическія явленія, не можетъ остановиться на этомъ фактѣ: ему необходимо изслѣдовать, откуда явились тѣ средства, которыя были необходимы для возникновенія новаго производства, и онъ признаетъ полезность подобнаго факта только въ томъ случаѣ, когда убѣдится, что эти средства не составляютъ уменьшенія общей суммы оборотнаго капитала страны, а только часть сдѣланныхъ ею сбереженій; если же этого нѣтъ, тогда это представляетъ простое перемѣщеніе капитала изъ одной отрасли промышленности въ другую, которое не представляетъ никакого развитія промышленности и которое не можетъ быть достигнуто безъ извѣстныхъ потерь, не только для промышленника, но и для рабочихъ классовъ, такъ какъ общая сумма, получаемая послѣдними въ видѣ заработной платы, должна уменьшиться, вслѣдствіе сдѣланныхъ капиталистомъ затратъ и потерь. Само собою разумѣется, что подобныя явленія могутъ быть вызваны совершенною необходимостію и даже бываютъ выгодны въ экономическомъ положеніи для цѣлой страны, если перемѣщеніе капитала, хотя и съ потерей, предохраняетъ отъ полной его утраты вслѣдствіе невыгодности прежняго производства. Но тогда эта потеря относится не къ моменту перемѣщенія капитала, а къ моменту ошибочнаго расчета, на которомъ основано было первоначальное предпріятіе, или къ моменту перемѣны обстоятельствъ, вслѣдствіе которыхъ предпріятіе выгодное сдѣлалось невыгоднымъ. Но подобныя ошибки или перемѣны обстоятельствъ неизбежны въ обществѣ прогрессирующемъ, и предотвратить ихъ нѣтъ средствъ. Всякое же искусственное перемѣщеніе капиталовъ и привлеченіе ихъ къ извѣстнымъ отраслямъ промышленности путемъ законодательныхъ или административныхъ мѣропріятій положительно вредно, такъ какъ они не увеличиваютъ общаго оборотнаго капитала страны, а уменьшаютъ его и развиваютъ одну отрасль промышленности непременно насчетъ другой; они отвлекаютъ оборотные капиталы отъ одного производства и привлекаютъ въ другое, что имѣетъ необходимымъ своимъ послѣдствіемъ частію

совершенную потерю ихъ, частію же затрату ихъ, въ основной капиталъ, т.-е. ведутъ къ уменьшенію общаго оборотнаго капитала страны или, что все равно, въ пониженію заработной платы.

Но, скажутъ намъ, нельзя же воспретить возникновеніе новыхъ предпріятій на капиталы, собственники которыхъ желаютъ дать имъ то или другое направленіе, хотя бы общій оборотный капиталъ страны и понизился отъ этого. Поэтому возникновеніе новыхъ предпріятій возможно не только тогда, когда народный капиталъ возрастаетъ вслѣдствіе сбереженій, но даже и тогда, когда онъ уменьшается, и слѣдовательно, правительство, поощряя извѣстное производство, не отвлекаетъ капиталы отъ существующихъ отраслей промышленности, а даетъ направленіе лишь тѣмъ капиталамъ, которые и безъ того перешли бы къ новому производству. Что касается до насъ, то мы всего менѣе сторонники вмѣшательства правительства въ направленіе промышленной дѣятельности народа. Если мы утверждаемъ, что содѣйствіе правительства можетъ быть полезно для развитія промышленности въ странѣ, то это содѣйствіе, по мнѣнію нашему, должно ограничиваться такими общими мѣрами, которыя могутъ быть полезны всей вообще промышленности, а не какой-либо отдѣльной ея отрасли. Слѣдовательно, мы не можемъ желать такого вмѣшательства, которое бы при извѣстныхъ условіяхъ разрѣшало или запрещало возникновеніе новыхъ предпріятій. Прежде всего замѣтимъ, что наши теперешнія статистическія свѣдѣнія, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ ихъ собиранія, не даютъ намъ никакого понятія о томъ, въ какихъ размѣрахъ образуются народныя сбереженія, и мы видимъ частые примѣры, что нѣкоторые народы въ продолженіе довольно значительныхъ періодовъ времени существуютъ исключительно или насчетъ прежде пріобрѣтенныхъ капиталовъ, или насчетъ будущихъ доходовъ. Войны, существующія формы кредита и накопленіе капиталовъ въ другихъ странахъ даютъ полную къ тому возможность. Но не объ этомъ наша рѣчь; мы говоримъ, что о количествѣ народныхъ сбереженій въ странѣ судить нѣтъ никакой возможности, а слѣдовательно, нѣтъ возможности и руководить промышленной дѣятельностію страны—такъ, чтобъ развитіе новыхъ предпріятій шло параллельно съ размѣромъ народныхъ сбереженій. Но мы убѣждены въ томъ, что при отсутствіи искусственнаго покровительства отдѣльнымъ видамъ промышленности, новыя производства будутъ возникать только въ мѣрѣ дѣйствительной ихъ необходимости и соразмѣрно образованію въ странѣ капиталовъ или приливу ихъ съ иностранныхъ рынковъ. Если и возможны въ этомъ случаѣ ошибки со стороны отдѣльных лицъ, то, во-первыхъ, подобныя ошибки будутъ явленіями случайными, далеко неимѣющими того общаго значенія, какое мо-

тутъ имѣть мѣропріятія административныя или законодательныя; во-вторыхъ, при отсутствіи покровительства шансы успѣха всегда могутъ быть вѣрнѣе расчитаны, такъ какъ выподность промышленности вполне зависитъ отъ естественныхъ условій производства, вслѣдствіе чего всякое промышленное предпріятіе имѣетъ болѣе прочное положеніе. При такихъ обстоятельствахъ, еслибы возникновеніе новыхъ предпріятій и поставило существующія производства въ извѣстное затрудненіе, то настоящее развитіе международнаго кредита всегда дало бы возможность устранить его; въ-третьихъ, вслѣдствіе всѣхъ означенныхъ выше причинъ, дѣйствительныя и непоправимыя ошибки были бы очень рѣдки и потому должны быть сочтены за неизбѣжное зло.

Но, кромѣ этого, мы протестуемъ и противъ той части приведеннаго возраженія, которая утверждаетъ, что покровительственная система, поощряя извѣстную отрасль промышленности, не отвлекаетъ капиталовъ отъ другихъ производствъ, а только направляетъ тѣ, которые и безъ того перешли бы къ другому производству. Не говоря о положительномъ запрещеніи ввоза, даже охранительныя пошлины ставятъ промышленность очень часто въ такія выгодныя на первое время условія, которыя сильно притягиваютъ къ себѣ капиталы, въ особенности если условія производства не очень разнятся отъ иностранныхъ. Подобная обстановка дѣла очень часто заставляла обращаться къ монопольнымъ производствамъ не только всѣ свободныя сбереженія, но привлекала и другіе капиталы, лишая, напримѣръ, наше сельское хозяйство всякаго оборотнаго капитала. Фабричное производство, состоящее подъ охраною покровительственныхъ пошлинъ, не рѣдко даетъ значительный процентъ, и сельское хозяйство не можетъ даже въ настоящее время конкурировать съ нимъ въ приобрѣтеніи необходимыхъ капиталовъ. Между тѣмъ оно представляетъ наиболѣе распространенную у насъ отрасль промышленности, стѣсненную именно тѣмъ покровительствомъ, которое оказывается другимъ производствамъ и которое отвлекаетъ отъ него необходимый для развитія ея капиталъ. Подтвержденіе этой мысли мы встрѣчаемъ и нынѣ: капиталы, выдаваемые нашими земельными банками подъ залогъ земель, рѣдко идутъ на улучшеніе сельского хозяйства, но болѣею частію на другія предпріятія.

Послѣ этихъ общихъ соображеній объ отношеніи различныхъ факторовъ производства, мы возвратимся къ тому положенію протекціонистовъ, что тарифъ, вызывая основаніе новыхъ фабрикъ и заводовъ, даетъ заработокъ народу. Изъ нашего изслѣдованія видно, что заработокъ даетъ народу оборотный капиталъ страны, и что этотъ заработокъ равенъ суммѣ этого капитала. Какое же вліяніе можетъ

имѣть тарифъ на увеличеніе этого заработка? развѣ онъ можетъ увеличить хотя на одинъ рубль сумму этого капитала? Напротивъ, тарифъ, возвышая цѣну извѣстныхъ товаровъ, искусственно вызываетъ устройство новыхъ фабрикъ и заводовъ безъ всякаго соображенія съ дѣйствительнымъ накопленіемъ народныхъ сбереженій (о размѣрахъ которыхъ, какъ мы видѣли выше, нельзя имѣть никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній), и, слѣдовательно, необходимыя затраты въ основной капиталъ падаютъ на капиталъ оборотный, что влечетъ за собою пониженіе, а отнюдь не повышеніе заработной платы. Мы согласны въ томъ, что вновь устроенный заводъ въ извѣстной мѣстности вызываетъ въ ней новый спросъ на трудъ, а слѣдовательно, возвышается его цѣна. Протекціонисты, наблюдая это явленіе, останавливаются на этомъ фактѣ и указываютъ на него защитникамъ свободной торговли; но это только одна сторона явленія, способная удовлетворить только близорукаго наблюдателя. Въ экономической жизни народа нѣтъ явленія, которое не было бы слѣдствіемъ какихъ-нибудь другихъ явленій, и для правильной оцѣнки истиннаго значенія факта необходимо опредѣлить какихъ, предшествовавшихъ фактовъ онъ является послѣдствіемъ. Въ занимающемъ насъ вопросѣ мы признаемъ полезность новаго предпріятія только тогда, когда необходимый капиталъ покрытъ сбереженіями, и притомъ другія существующія производства не нуждались въ нихъ для своего улучшенія. Но подобнаго удостовѣренія дать намъ протекціонисты не могутъ, во-первыхъ, потому, что статистика не даетъ свѣдѣній о количествѣ сдѣланныхъ страной сбереженій; во-вторыхъ, потому, что существующій у насъ рыночный процентъ на капиталъ очень высокъ, что указываетъ на недостатокъ у насъ оборотныхъ капиталовъ, и, въ-третьихъ, потому, что наше сельское хозяйство находится въ первобытномъ состояніи по недостатку капиталовъ. Въ виду такихъ обстоятельствъ мы называемъ вредною для развитія нашей промышленности всякую затрату въ основной капиталъ для развитія такого производства, продукты котораго мы можемъ имѣть изъ-за границы, даже еслибы эти продукты обходились намъ по одинаковой цѣнѣ и были бы того же достоинства. Если же эти продукты мы получаемъ у себя по цѣнамъ болѣе высокимъ или худшаго качества, тогда мы назовемъ подобную затрату просто разорительною, такъ какъ она не только понижаетъ заработную плату, но и заставляетъ потребителя платить высокую цѣну.

На это обыкновенно возражаютъ, что капиталы въ странѣ есть, но что они обращены на биржевую игру, которая даетъ такіе барыши, которыхъ не можетъ давать никакое производство безъ особыхъ покровительственныхъ мѣръ. Поэтому, говорятъ намъ, необходимо со-

здать для промышленности такія условія, при которыхъ капиталы, теперь обращенные на биржевую игру, нашли бы для себя выгоднымъ искать помѣщенія въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Тогда, завѣряють насъ наши антагонисты, оборотный капиталъ страны увеличится и новыя производства будутъ возникать безъ нарушенія интересовъ другихъ отраслей промышленности, а на счетъ тѣхъ капиталовъ, которые обращаются теперь на фондовой биржѣ. Влаженъ кто вѣруеть подобнымъ завѣреніямъ, но мы не можемъ придавать имъ никакого значенія.

Прежде всего скажемъ противъ этого, что, сознавая вполне весь вредъ развитія биржевой игры, мы бы очень желали возможнаго ея ограниченія, но думаемъ, что подобныя косвенныя мѣры ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи будутъ повліять на ея уменьшеніе. Даже перспектива значительнаго дивиденда не заставитъ биржевыхъ игроковъ обратиться къ промышленности. Быстрая и легкая нажива безъ труда и знанія гораздо болѣе привлекательна, чѣмъ тотъ родъ занятій, который требуетъ продолжительной затраты капитала, упорнаго труда и извѣстнаго знанія.

Наши противники сами не могутъ поручиться, что создаваемые ими условія привлекутъ къ промышленности капиталы именно съ фондовой биржи, а не изъ другихъ отраслей промышленности, но крайней мѣрѣ они не могутъ представить на это никакихъ гарантій. Напротивъ, мы убѣждены въ томъ, что биржевые спекулянты будутъ довольствоваться значительно меньшимъ процентомъ, но предпочтутъ владѣть такими цѣнностями, которыя соединяють въ себѣ возможность не только быстро ихъ реализовать, но и скрыть ихъ въ случаѣ надобности отъ взоровъ людей любопытныхъ. Кромѣ этого обстоятельства, мы замѣтимъ нашимъ противникамъ, что биржевыя цѣнности отнюдь не представляютъ свободныхъ капиталовъ: они представляютъ собою только право на капиталы уже затраченные, потребленные, а это далеко не то, что свободные капиталы. Еслибъ владѣльцы ихъ пожелали перейти къ промышленной дѣятельности, то они должны прежде всего ихъ реализовать; конечно, подобная реализація возможна, но въ такомъ случаѣ биржевыя цѣнности должны уходить на заграничные рынки и могутъ поступать къ намъ обратно только въ видѣ различныхъ товаровъ вѣшняго приготвленія, а этихъ-то предметовъ протекціонисты боятся какъ огня, и товары эти, при существующемъ порядкѣ, не могутъ явиться свободно, но должны уплатить извѣстную пошлину, слѣдовательно, при реализаціи ихъ будетъ потеря. Затѣмъ, протекціонисты утверждаютъ, что въ этомъ фактѣ выражается наша задолженность заграничнымъ капиталистамъ, и мы сдѣлаемся ихъ данниками, обязанными платить проценты. Всмотримъ

важнѣе въ требованія протекціонистовъ, мы рѣшительно не понимаемъ, чего они хотятъ. Они хотятъ развитія промышленности, но для этого нужны капиталы, безъ которыхъ нельзя ничего сдѣлать. Какимъ же образомъ приобрести эти капиталы для развитія новыхъ производствъ, не отвлекая ихъ отъ прежнихъ, не заимствуя на иностранныхъ рынкахъ и даже не ввозя предметовъ заграничнаго производства? Свободные капиталы состоятъ именно въ предметахъ потребления, въ орудіяхъ и матеріалахъ производства, а протекционисты отщепеняются отъ ввоза этихъ предметовъ, и желаютъ имѣть въ обмѣнъ однѣ деньги, забывая, что деньги представляютъ собою только орудіе обращенія цѣнностей и что ихъ нужно известное, опредѣленное количество собственно для удовлетворенія потребностей обиха, и что всякій ихъ избытокъ есть напрасная трата, которая ведетъ только къ возвышенію цѣнъ на предметы купли и продажи, другихъ же послѣдствій не имѣетъ. Металлическія деньги, сверхъ известнаго ихъ количества, не удержатся внутри страны, какія бы мѣры вы противъ этого ни принимали: всѣ онѣ окажутся нецѣльными и положительно вредными для развитія внутренней промышленности, такъ какъ всѣ издержки производства поднимутся въ цѣнѣ и поставятъ внутреннюю промышленность въ положительную невозможность конкурировать съ заграничною. Не лишнее также вспомнить протекціонистамъ, что нашъ рынокъ до такой степени переполненъ денежными знаками, что на немъ не въ состояніи удержаться даже наше домашнее золото, доставляемое сибирскими розсыпями. Чтѣ же мы будемъ дѣлать съ тѣмъ золотомъ, которое пришло бы къ намъ изъ заграницы, еслибъ нашъ вывозъ превышалъ ввозъ? Неужели можно считать полезнымъ храненіе его въ особыхъ кладовыхъ безъ движенія, терять всю сумму процентовъ съ капиталовъ, имъ представляемыхъ и входить въ бесполезныя издержки на это храненіе? Обходится же англійскій банкъ гораздо менѣе чѣмъ половиною количествомъ золота въ сравненіи съ нашимъ, а между тѣмъ онъ удовлетворяетъ всемірной потребности въ золотѣ. Намъ говорить на это, что и билетовъ англійскаго банка находится въ обращеніи гораздо менѣе, чѣмъ у насъ. Ну, да; такъ-стало быть, вся бѣда въ томъ, что у насъ билетовъ много, и, слѣдовательно, надо идти прямымъ путемъ къ цѣли и уменьшить количество билетовъ, а заботиться о приобрѣтеніи золота нечего и не для чего:—когда оно будетъ нужно, оно придетъ само собою, безъ всякихъ хлопотъ.

Недавно одна газета весьма наивно утверждала, что важнѣйшимъ факторомъ, влияющимъ на положеніе валюты, служитъ то отношеніе, которое существуетъ между тѣмъ, чтѣ намъ удалось продать, и тѣмъ,

что необходимо купить. Мы улыбнулись, прочитавъ эту остроумную, или, лучше сказать, бьющую на остроуміе фразу, и замѣтили почтенной газетѣ, что она вѣроятно забыла ту старую сказку о *необходимомъ* и *излишнемъ*, которую прежде печатали въ азбучкахъ, а теперь, къ сожалѣнію, перестали. Эта сказка прямо указываетъ на экономическій законъ, что наши необходимыя возрастаютъ по мѣрѣ средствъ къ ихъ удовлетворенію. Есть средства купить, такъ купимъ, а если ихъ не будетъ, то обойдемся, и обстоятельства эти не имѣютъ никакого вліянія на нашу валюту, значеніе которой зависитъ отъ количества выпущенныхъ въ обращеніе денежныхъ знаковъ и потребности въ нихъ. Но, скажете почтенная газета, есть иногда такіа потребности, безъ удовлетворенія которыхъ нельзя обойтись: что же тогда дѣлать? Да, дѣйствительно есть: такъ, издатель обязанъ выдать ежедневно № газеты; онъ долженъ платить и за бумагу, и за печать, и гонораръ сотрудникамъ; всѣ эти расходы онъ обязанъ дѣлать, даже и въ томъ случаѣ, если они не окупятся доходами. Какъ же поступаетъ въ этомъ случаѣ издатель? Онъ дѣлаетъ это изъ жалости, въ надеждѣ наверстать впослѣдствіи; онъ находитъ, что подобная затрата все-таки производительна, и не мы, конечно, будемъ его оспаривать. Но при этомъ, руководимый благоразумной осторожностію, онъ, конечно, не можетъ дѣйствовать такъ, какъ дѣйствуютъ другіе, не выпускаетъ каждый день по двѣ простыни, а довольствуется однимъ листомъ и только иногда балуетъ своихъ подписчиковъ прибавкою полулиста. Почему же редакция думаетъ, что государство не можетъ дѣйствовать точно такимъ же образомъ, какъ распоряжается издатель газеты? Вотъ вопросъ, на который мы желали бы получить отвѣтъ. Кромѣ этого, намъ кажется, что сомнѣнія этого рода разрѣшаются весьма просто на основаніи теоріи денежнаго обращенія, изложенной нами выше. При свободномъ обмѣнѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ явиться такое положеніе дѣлъ, котораго опасается та газета. Еслибъ дѣйствительно возникло такое положеніе дѣлъ, что спросъ заграничныхъ рынковъ на наши товары былъ бы случайнымъ, между тѣмъ какъ потребность въ заграничныхъ товарахъ у насъ была бы постоянная, тогда въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ и явилось бы лекарство противъ такого неудобства. Первымъ послѣдствіемъ такого порядка вещей былъ бы отливъ денегъ на заграничные рынки (само собою разумѣется, что мы предполагаемъ металлическое или по крайней мѣрѣ смѣшанное денежное обращеніе; если же этого нѣтъ, и на рынкѣ обращаются одні бумажныя деньги, то онѣ одні способны вызвать случайность спроса на наши товары безъ всякаго участія другихъ экономическихъ причинъ); но при меньшемъ количествѣ денегъ на рынкѣ падаютъ всѣ вообще цѣны, какъ на предметы внутренняго

производства, такъ и заграничнаго. Вслѣдствіе такого паденія цѣнъ, рынокъ будетъ представлять болѣе благопріятныя условія для вывоза и менѣе благопріятныя для ввоза, на рынокъ будетъ выгоднѣе покупать, а не продавать, и спросъ на наши товары усилится, а ввозъ заграничныхъ товаровъ въ силу необходимости долженъ будетъ понизиться, и равновѣсіе торговаго баланса должно установиться.

Извѣстное количество металлической валюты, обращающейся на рынокъ, можетъ всегда служить естественнымъ регулирующимъ средствомъ международнаго обмѣна; но если этого регулирующаго средства нѣтъ, тогда дѣйствительно являются печальныя для страны послѣдствія, такъ какъ цѣны на внутреннемъ рынокѣ возвышаются и не имѣютъ никакой солидарности съ цѣнами виѣшнихъ рынковъ, что затрудняетъ вывозъ и благопріятствуетъ ввозу. Это фактъ, отрицать котораго нельзя.

Въ чемъ же бѣда, спрашиваемъ мы каждаго безпристрастнаго читателя, и какія же мѣры могутъ поправить дѣло? Можетъ ли устраненіе заграничной конкуренціи поправить сколько-нибудь невыгодность нашихъ международныхъ сношеній? Нисколько. Она является слѣдствіемъ излишества бумажныхъ денегъ на нашемъ рынокѣ, и потому мѣры къ устраненію этой невыгодности должны быть направлены противъ причины, ее вызывающей, т.-е. къ сокращенію бумажнаго денежнаго обращенія. Утверждать же, что повышеніе пошлинъ или установленіе новыхъ можетъ поправить дѣло—это значить не отдавать себѣ отчета въ дѣйствительныхъ причинахъ неблагопріятнаго положенія дѣлъ. Подобныя мѣропріятія мы считаемъ прежде всего нецѣлесообразными, затѣмъ положительно вредными, такъ какъ они даютъ совершенно неправильное и вполнѣ убыточное направленіе промышленной дѣятельности народа, и наконецъ несправедливыми, такъ какъ они нарушаютъ неоспоримое право каждаго потребителя пользоваться наиболѣе выгоднымъ образомъ плодами своего труда.

Намъ не разъ приходилось удивляться тому аргументу, который употребляютъ протекціонисты и который часто смущаетъ людей даже безпристрастныхъ, но непривыкшихъ понимать сложныхъ экономическихъ явленій. Берутъ какой-нибудь фактъ изъ русской жизни, прямо свидѣтельствующій о неблагопріятныхъ экономическихъ условіяхъ, и этимъ фактомъ хотятъ доказать неосновательность началъ свободной торговли. Вмѣсто того, чтобъ изслѣдовать этотъ фактъ самымъ всестороннимъ образомъ и опредѣлить, нѣтъ ли другихъ причинъ, обуславливающихъ его, все ставятъ въ вину идеямъ свободной торговли, хотя онѣ тутъ не причемъ. У насъ, говорятъ, нѣтъ торговаго факта, между тѣмъ какъ Англія имѣетъ огромные отъ него барыши;

чѣмъ же, какъ не привилегіями флота, мы можемъ развить эту промышленность и сберечь миллионы за провозъ нашихъ товаровъ, нерасплачиваемыхъ англичанамъ. Странные люди, эти господа протекціонисты. Все это, конечно, вѣрно: коммерческаго флота у насъ дѣйствительно нѣтъ, и мы дѣйствительно получали бы отъ него доходъ, еслибы его имѣли; но вѣдь подобный фактъ говорить только о нашей бѣдности, о неимѣніи средствъ для сооруженія этого флота, и ничего болѣе не доказываетъ; мало ли чего у насъ нѣтъ по сравненію съ другими народами, нельзя же вдругъ разбогатѣть и изъ страны бѣдной сдѣлаться богатой по щучьему велѣнію. А между тѣмъ этими фактомъ возражаютъ противъ началъ свободной торговли, утверждая, что только отсутствіе привилегій мѣшаетъ у насъ развитію коммерческаго флота. Люди близорукіе никакъ не могутъ понять, что для сооруженія флота нужны капиталы, и что если мы употребимъ ихъ на флотъ, то должны отказаться отъ затратъ, быть можетъ гораздо болѣе производительныхъ. Но они ничего и знать не хотятъ, а требуютъ, чтобы для англійскихъ кораблей созданы были такіа условія, вслѣдствіе которыхъ перевозка товаровъ на этихъ корабляхъ обходилась бы дороже, чѣмъ на русскихъ. Но чтѣ же изъ этого выйдетъ? Положимъ, что фрахтъ на англійскомъ кораблѣ возвысится, но вѣдь это не создастъ же мгновенно русскаго коммерческаго флота, для этого нужно время, а до тѣхъ поръ мы будемъ платить дороже за доставку нашихъ грузовъ, и это выразится въ пониженіи цѣнъ на наши товары, такъ какъ въ Англіи цѣны на нихъ зависятъ не отъ одного нашего рынка, и повышеніе стоимости перевозки нашихъ товаровъ не повыситъ ни на волосъ ихъ цѣны въ Англіи. Такимъ образомъ, русскій производитель сырыхъ произведеній будетъ платить налогъ въ пользу сооруженія нашего коммерческаго флота. Но положимъ, что этимъ путемъ будетъ созданъ русскій флотъ и англійскій будетъ вытѣсненъ изъ нашихъ портовъ; чтѣ же будетъ далѣе? Англійскій флотъ, конечно, не захочетъ остаться безъ дѣла: онъ пойдетъ въ Египетъ, въ Америку, и привезетъ оттуда тѣ произведенія, которыя прежде возилъ изъ Россіи, и русскія произведенія встрѣтятъ болѣшую конкуренцію на англійскихъ рынкахъ, вслѣдствіе чего цѣна ихъ понизится еще болѣе; онъ можетъ даже пойти въ Кѣнигсбергъ и Данцигъ и записаться тамъ произведеніями Россіи, вмѣсто того, чтобы брать ихъ въ нашихъ портахъ, и въ такомъ случаѣ будетъ попрежнему конкурировать съ нашимъ флотомъ. А такъ какъ капиталъ и издержки судостроенія въ Россіи гораздо дороже, чѣмъ въ Англіи, то конкуренція эта будетъ очень возможна, и вся торговля русскими произведеніями перейдетъ къ прусскимъ портамъ. Если же для этого будутъ созданы затрудненія по сухопутной границѣ, въ видахъ направ-

ленія нашихъ грузовъ къ русскимъ портамъ, тогда цѣны русскихъ произведеній еще болѣе понизятся, и мы убьемъ у себя всякую возможность производить даже сырые продукты для отправки за границу, а нашъ флотъ долженъ будетъ обратиться къ перевозкѣ заграничныхъ произведеній между заграничными портами безъ всякихъ привилегій. Но подобная конкуренція съ англійскимъ флотомъ не будетъ заманчива, и стремленіе развить свой торговый флотъ посредствомъ привилегій можетъ привести только ко всеобщему разоренію, другихъ же послѣдствій не будетъ. Мы убѣждены, что привилегіями и монополіями создать коммерческаго флота нельзя, и Англія обязана развитіемъ его отнюдь не навигаціонному акту Кромвеля, а своему островному положенію, громадному развитію береговой линіи, предпринимчивому духу своего населенія и, наконецъ, накопленію свободныхъ капиталовъ, которымъ уже нѣтъ мѣста для производительнаго употребленія внутри страны и которые постоянно ищутъ помѣщенія на всѣхъ заграничныхъ рынкахъ. Въмѣсто созданія привилегій для нашего флота, гораздо болѣе цѣлесообразно, въ видахъ развитія этой промышленности въ будущемъ, не тратить по пустому средствъ на бесполезную борьбу съ Англіей, а пользоваться дешевой перевозкой, возможность которой представляетъ намъ ея флотъ, и сберечь тѣ капиталы, которые достаются на долю нашей производительности. Разбрасываясь же на всѣ виды промышленной дѣятельности, которыми заняты другіе народы, мы будемъ напрасно истощать себя, стараясь *область необластное*, какъ выражался когда-то Кузьма Прутковъ.

Другой фактъ, на который указываютъ протекціонисты, это—упадокъ нашей горной промышленности, и спрашиваютъ, какъ поддержать эту падающую промышленность безъ возвышенія тарифа. Странное, право, у насъ положеніе дѣлъ, а мы думали прямо указать на этотъ фактъ для подтвержденія нашей мысли, что искусственными мѣрами создать промышленности нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, со времени Петра Великаго чего не дѣлали для развитія и поддержанія у насъ этой промышленности. Для этого не только отдавали земли, но даже цѣлый населенный край въ крѣпостную зависимость, давали въ ссуду громадные капиталы, дѣлали казенные заказы, воспрещали ввозъ металловъ, ограждали его значительными пошлинами—и все не въ прокъ. Какъ только явилось освобожденіе крестьянъ, промышленность упала, несмотря на то, что горнозаводскіе крестьяне освобождены были далеко не съ тѣми же правами на землю, какъ остальные крестьяне русской имперіи. Имъ не дано было права того пользованія землей, къ которому эта земля была способна и къ которому люди эти были приучены вѣками. Все это было сдѣлано въ видахъ поддержанія горнозаводскаго дѣла, а между тѣмъ нисколько этого

дѣла не поддерживало, несмотря на существующія ввозныя пошлины. Какъ только въ Россіи началась постройка желѣзныхъ дорогъ и привозъ металловъ отъ нашихъ портовъ во внутреннія губерніи сдѣлался возможнымъ, заграничное желѣзо, несмотря на ограждающія внутреннее производство пошлины, проникаетъ не только въ наши западныя и приморскія окраины, но и во внутреннія губерніи. Наше горнозаводское дѣло болѣе чѣмъ въ полтора ста лѣтъ не успѣло еще окрѣпнуть, и для него, какъ видно изъ преній сѣзда машиностроителей и горныхъ заводчиковъ, нужны вновь громадные пожертвованія не только въ видѣ ввозныхъ пошлинъ, но и въ видѣ премій, долженствующихъ упасть новымъ бременемъ на тѣхъ же плательщикахъ, которые и безъ того уже выносятъ на своихъ плечахъ полу-миллиардный бюджетъ.

Вы хотите, чтобъ наше горнозаводское дѣло процвѣтало: умѣйте, скажемъ мы, работать такъ, чтобы металлы обходились вамъ не дороже англійскихъ или бельгійскихъ. Если же имъ не въ состояніи этого сдѣлать, то закройте вашъ заводъ, а не заставляйте меня платить лишнее для того только, чтобъ вы могли исполнять вашу прихоть и производить въ три-дорога тѣ, что можно имѣть гораздо дешевле. Вы говорите: заводчики разорятся. Да Богъ съ ними, съ заводчиками! Пусть ихъ разоряются, если они не умѣли устроить своего дѣла такъ, чтобъ имъ было выгодно работать по тѣмъ цѣнамъ, по которымъ работаютъ въ Англіи и Бельгіи, несмотря на болѣе высокую заработную плату. Вы скажете, что рабочіе лишатся хлѣба. Не беспокойтесь, скажемъ мы, свободные люди найдутъ себѣ хлѣбъ. Если они не погибли при крѣпостномъ правѣ, то тѣмъ менѣе этого можно ожидать, когда они свободны, въ особенности у насъ, гдѣ такъ много свободной земли. Надѣлите ихъ также, какъ надѣлены всѣ бывшіе крѣпостные, и они не пожалѣютъ о прежнемъ заработкѣ. Вѣдь выражали же прежніе помѣщики тѣ же страхи, какіе выражаютъ теперь протекціонисты, однако ничего подобнаго не случилось. „Сѣверная Россія должна обратиться въ пустыню, твердили крѣпостники, защищая крѣпостное право: она не можетъ конкурировать съ южной въ производствѣ хлѣба“. — „Нельзя же заставлять людей жить тамъ, гдѣ могутъ жить только медвѣди, отвѣчали лица, желавшія освобожденія крестьянъ“. На дѣлѣ вышло иное. Сѣверъ Россіи не опустѣлъ, и медвѣди не заняли мѣсто людей. Точно то же выйдетъ и съ горнозаводскимъ дѣломъ, только люди безъ капиталовъ и знаній уступятъ свои мѣста людямъ со средствами и знаніемъ.

Да, этотъ послѣдній факторъ производства есть чуть ли не главный рычагъ развитія промышленности, въ особенности въ настоящій

моментъ, когда точныя знанія достигли такого развитія и съ такимъ успѣхомъ прилагаются на практикѣ въ западной Европѣ. Тамъ не проходитъ дня, чтобъ въ промышленномъ мірѣ не дѣлалось коренныхъ преобразованій. А этого-то фактора и недостаетъ нашему промышленному міру. Нѣтъ, господа протекціонисты, не спасутъ васъ никакія покровительственныя пошлины, не создадутъ онѣ также и капиталовъ, которые нужны для развитія промышленности. Если бы вы, какимъ либо чудомъ, при помощи кредита, и могли воспользо-
ваться дешевизной иностранныхъ капиталовъ, то все же у васъ не хватить четвертаго фактора производства — знанія. Безъ этого фактора вы истратите сотни милліоновъ на созданіе новыхъ производствъ, и всѣ они обратятся въ нуль. Нельзя, чтобъ невѣжество стояло во главѣ промышленной дѣятельности. Мы не хотимъ этимъ сказать, что во главѣ каждаго промышленнаго дѣла долженъ стоять техникъ этого дѣла. Нѣтъ, мы очень далеки отъ этой мысли, и думаемъ, что техника есть только орудіе администраціи и никогда не можетъ и не должна дѣлаться администраціей, въ силу спеціальности ея свѣдѣній. Во главѣ промышленной и всякой другой администраціи должны стоять люди образованные, которымъ были бы не чужды общія положенія каждой науки. Пока нашъ промышленный міръ не соиздается въ своемъ невѣществѣ и не позаботится о приобрѣтеніи тѣхъ свѣдѣній, которые дали бы ему возможность не только сознательно опираться на пособіе техниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ руководить ихъ дѣятельностію, сообразно съ общими интересами страны, до тѣхъ поръ наша промышленность не будетъ развиваться.

А. Годовачовъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е мая, 1876.

Уголовная статистика.—Присяжные и судьи.—Религія и національность.—Религіозныя преступленія.—Семейный бытъ.—Дѣти-преступники.—Отчетъ нѣтербургской земледѣльской колоніи.—О колоніяхъ для малолѣтнихъ, осужденныхъ вообще.

Общественная жизнь доселѣ по преимуществу понимается въ смыслѣ политической и административной дѣятельности. Вѣнцомъ общественной жизни представляется политика; успѣхи общественной жизни разумѣются въ смыслѣ лучшей политической формы и лучшаго устройства управленія. Весьма немногіе допускаютъ возможность въ будущемъ полнѣйшаго измѣненія, преобразованія голыхъ формъ общественнаго быта. Улучшеній быта ожидаютъ развѣ отъ удешевленія предметовъ роскоши и сообщеній. Но замѣчательно, что наука, какъ она существуетъ, продолжая смотрѣть на общественную жизнь преимущественно съ точки зрѣнія государственной, будь то въ политической или въ экономической областяхъ, постепенно все менѣе занимается философіею исторіи или политики и метафизикою права, и обращаетъ свое вниманіе все болѣе и болѣе именно на изученіе тѣхъ фактовъ общественнаго быта, которые зависятъ главнымъ образомъ отъ его формъ. Въ этомъ смыслѣ даже нѣкоторые политическіе экономисты получили недавно въ Германіи прозвище Kathedersocialisten. Вопросы объ отношеніяхъ труда къ капиталу, объ ассоціаціяхъ, о юридическомъ положеніи женщинъ, законахъ о бракѣ, о наслѣдствѣ и вообще семейныхъ отношеніяхъ привлекаютъ къ себѣ все болѣе и болѣе вниманіе науки. Она далеко отклонилась отъ пути Дж.-Б. Вико и Ж.-Ж. Руссо, и хотя идетъ противъ Фурьѣ, Оуэна и Лассалля, но для встрѣчи съ ними, отчасти и прямо для отпора имъ, все болѣе и болѣе сходитъ на ихъ поле.

Не будемъ говорить о „злобѣ дня“, о потребности борьбы съ

тѣхъ или другимъ ученіемъ. И независимо отъ такихъ цѣлей, политическія науки стремятся перейти изъ политики въ социологію уже потому, чтобы не отстать отъ наукъ точныхъ и не быть вычеркнутыми окончательно изъ научной области въ области мечтательныхъ умозрѣній. Филологическія науки еще ранѣе ихъ усвоили себѣ естественно-научный методъ, и политическія науки должны принять его. Но имъ онѣ могутъ пользоваться не иначе, какъ нисходя съ своей прежней высоты, спустившись въ область социальныхъ фактовъ, общественнаго быта въ тѣсномъ смыслѣ. Во времена Ж.-Ж. Руссо политическую теорію можно было бы основать на идеѣ, ошибочно названной идеєю „общественнаго соглашенія“. Для этого достаточно было вычитать ее у древнихъ и обставить блестящею и остроумною аргументаціею, которая казалась тѣмъ убѣдительною, что представляла отрицаніе существующихъ злоупотребленій. Въ наше время такую теорію вовсе нельзя было бы формулировать потому, что для нея нѣтъ фактовъ. Реальные факты лежатъ въ другой области, которая едва еще начинаетъ опредѣляться въ наукѣ именемъ социологіи, и вотъ, политическая наука, подъ страхомъ потери своего научнаго значенія, должна болѣе и болѣе отрекаться и даже замыкаться въ эту область.

Она обширна, можно сказать—безконечна. Всѣ прочія науки должны явиться пособницами социологіи, и когда она приметъ опредѣленный обликъ, добудетъ нѣсколько общихъ выводовъ изъ фактовъ несомнѣнныхъ, реальныхъ, тогда собственно политическіе вопросы, какъ мы ихъ нынѣ разумѣемъ, несомнѣнно отойдутъ на второй планъ; этого можно ожидать, не будучи социалистомъ. Но, чтобы добыть такіе общіе выводы, требуется громаднаго усилія прежде всего статистики. Возьмемъ, напримѣръ, такой статистическій фактъ, что въ числѣ преступниковъ въ Россіи огромное большинство принадлежитъ къ семейному состоянію. Чтобы дать этому факту истинное его значеніе, слѣдуетъ рѣшить цѣлый рядъ статистическихъ вопросовъ: замѣчается ли то же явленіе въ другихъ странахъ Европы? какъ велико отношеніе числа семейныхъ къ общему числу взрослого населенія у насъ, въ Россіи, и вообще въ Европѣ? какова численность преступниковъ семейнаго состоянія въ тѣхъ странахъ, гдѣ облегченъ разводъ? какая средняя цифра дохода приходится на семейство изъ опредѣленнаго числа членовъ у насъ и въ другихъ странахъ? и т. д.

Къ сожалѣнію, статистика находится еще въ весьма неудовлетворительномъ положеніи во всей Европѣ; у насъ же положеніе ея таково, что составители „Свода статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ“ почти вовсе оставляютъ въ сторонѣ данныя общей

статистики; ихъ или нѣтъ, или они малонадежны. А безъ помощи этихъ данныхъ, собственно уголовная статистика, какъ и вообще отдѣльная статистика по каждой отрасли социологическаго термента, теряетъ большую долю своей цѣнности. Поэтому всѣ тѣ сравненія между представленными ею цифрами, при которыхъ необходимо имѣть въ виду численность въ известной области всѣхъ лицъ данного возраста, профессій и т. д., дѣлаются чисто гадательными.

Послѣдній „Сводъ“ нашей уголовной статистики заключаетъ въ себѣ цифры 1874 года и обвиняетъ данные, доставленныя дѣятельностью 6-ти судебныхъ палатъ, съ 51 окружнымъ судомъ, т.-е. на 9 окружныхъ судовъ болѣе, чѣмъ предшествовавшій отчетъ; но вновь открыты въ 1874 году суды доставили еще мало свѣдѣній, такъ что въ дѣйствительности прежнія рамки въ новомъ „Сводѣ“ расширились не много, а именно вновь открытыми судами доставлены были свѣдѣнія менѣе чѣмъ о 500 подсудимыхъ. За исключеніемъ ихъ, общій итогъ судимости представляеть, по общимъ судебнымъ установленіямъ, 31,887 подсудимыхъ и 22,113 осужденныхъ на населеніе въ 38.998,700 душъ обоаго пола, такъ что 1 подсудимый приходится на 1,218, и 1 осужденный на 1,769 чел. общаго населенія.

Общая картина, которая обрисовывается данными нинѣшняго «Свода», весьма походитъ на ту, какую представляли прежніе своды, и это уже само по себѣ свидѣтельствуетъ о вѣрности данныхъ. Но замѣчаются и нѣкоторыя характеристическія различія. Такъ, напримѣръ, строгость судовъ при разборѣ дѣлъ, говоря вообще, нѣсколько возросла въ 1874 г. противъ 1873 г., а именно оправданія, составившія 31,43% общаго числа приговоровъ, были почти на 1% менѣе чѣмъ въ предшествовавшемъ году. Данные прежнихъ сводовъ уже достаточно доказали, что, въ общей сложности дѣлъ, присяжные оправдываютъ не чаще, чѣмъ суды безъ присяжныхъ. Это подтверждается и нинѣшнимъ сводомъ. Наиболѣе значительный процентъ оправданій представляютъ судебныя палаты, рѣшающія дѣла безъ участія присяжныхъ, а именно 89,50%; за ними слѣдуютъ окружныя суды съ присяжными—82,87%, и, наконецъ, окружныя суды безъ участія присяжныхъ—24,81%. Но значительное отклоненіе третьей изъ приведенныхъ цифръ отъ второй зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что окружныя суды рѣшаютъ безъ участія присяжныхъ дѣла о бродяжествѣ, въ которыхъ сомнѣнія и оправданія почти не можетъ быть. Если же вычесть эти дѣла, то процентъ оправданій окружныхъ судовъ безъ присяжныхъ составитъ 28,33%.

Но въ отношеніи присяжныхъ и судей, дѣйствующихъ безъ участія присяжныхъ, въ лицамъ разныхъ половъ замѣчается значительное различіе. Присяжные оправдали 31,35% мужчинъ и 41,50% женщинъ

изъ общаго числа подсудимыхъ каждаго пола; судебныя палаты дали въ этомъ различіи еще далѣе, оправдавъ мужчинъ 37,82%, а женщинъ 57,80%, между тѣмъ, какъ окружные суды, дѣйствуя безъ участія присяжныхъ, оправдали относительно болѣе мужчинъ—29,78%, тѣхъ женщинъ—21,52%; изъ общей же сложности приговоровъ всѣхъ судовъ, оправданій мужчинъ было 30,82%, а женщинъ 40,78%. Такимъ образомъ, суды вообще относятся снисходительнѣе къ женщинамъ, какъ замѣчаютъ составители свода. Степень строгости судовъ при разборѣ дѣлъ по разнымъ родамъ преступленій весьма различна; по однимъ родамъ преступленій, оправданій бываетъ гораздо больше, чѣмъ по другимъ. Въ этомъ различіи участвуютъ разные причины: факты преступленія труднѣе доказать въ дѣлахъ одного рода, чѣмъ въ дѣлахъ другого рода; наказаніе, положенное закономъ за нѣкій родъ преступленія, можетъ иногда казаться присяжнымъ слишкомъ тяжкимъ, и въ такомъ случаѣ большой процентъ оправданій или допущенія облегчающихъ обстоятельствъ выражаетъ собою какъ-бы протестъ общественнаго мнѣнія противъ тяжести нѣкоторыхъ наказаній. Это явленіе особенно замѣчается, какъ извѣстно, въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ смертная казнь. Не у насъ цифры уголовной статистики представляютъ такую градацию судебной строгости, что преобладающею въ ней чертою является именно взглядъ присяжныхъ и судей на самый родъ преступленія, а не соображеніе о чрезмѣрности наказанія.

Въ этомъ отношеніи данныя нѣмѣцкаго свода согласны съ данными сводовъ за 1872 и 1873 годы. Наиболѣе строго относятся суды къ преступленіямъ религіознымъ, по которымъ является только 17,70% оправданій, затѣмъ—къ кражѣ (22,77% оправданій), далѣе къ преступленіямъ противъ порядка управленія (27,84%) и уже только затѣмъ—къ важнѣйшимъ преступленіямъ противъ жизни (27,84% оправданій). Такимъ образомъ, въ Россіи безопаснѣе совершить умышленное убійство, отравленіе и хотя бы отпугубіе, чѣмъ совершить преступленіе религіозное или хотя бы только святотатство, т.-е. такіе два рода преступленій, которыя современному европейскому законодательству даже вовсе неизвѣстны. Всѣ преступленія противъ жизни, въ общей сложности, представляютъ гораздо болѣе протестъ оправданій (29,86%), чѣмъ кража (22,77%). Что касается преступленій противъ личной чести, то въ отношеніи ихъ репрессія всего слабѣе; здѣсь на 100 подсудимыхъ 75,51 оправдываются. Одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ по процентному числу оправданій занимаютъ также тѣсныя поврежденія, къ которымъ преимущественно относится случай грубаго насилія и истязанія слабѣйшихъ; здѣсь оправдывается почти половина подсудимыхъ (48,00%), между тѣмъ какъ

по обвиненію въ кражѣ оправдываются только не много болѣе одной пятой части подсудимыхъ, а по обвиненію въ религіозныхъ преступленіяхъ—почти только одна шестая.

Можетъ ли это въ высшей степени странное явленіе зависѣть отъ того, что нашимъ судамъ кажутся слишкомъ тяжкими наказанія, положенныя за убійство, оскорбленіе чести и истязаніе или увѣчья? Вовсе нѣтъ, такъ какъ убійство, хотя бы это было предумышленное отцеубійство, не влечетъ за собою у насъ смертной казни, между тѣмъ какъ наказанія, положенныя за религіозныя преступленія и святотатство, болѣе тяжки, чѣмъ тѣ, которыя полагаются за увѣчья и истязаніе, а наказанія за кражу значительно превосходятъ взысканія за оскорбленіе чести. Или, быть можетъ, трудность доказать фактъ преступленія ведетъ къ многочисленности оправданій въ приведенныхъ случаяхъ? Но нѣтъ, фактъ увѣчья и истязанія обыкновенно легче доказать, чѣмъ фактъ кражи. Стало быть, въ явленіи, на которое мы указываемъ, выражается главнымъ образомъ именно различіе взгляда нашихъ судовъ на необходимость репрессіи разныхъ родовъ преступленія. Между тѣмъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ Россіи личность гораздо менѣе ограждена, чѣмъ имущество. Громадное большинство случаевъ самаго грубаго насилія, происходящихъ въ семьяхъ, у насъ даже вовсе и преслѣдованію не подвергаются. Не такъ давно одинъ корреспондентъ описывалъ, какъ въ нѣкоторомъ селеніи пьяные поспорили, чья жена покорнѣе, и стали доказывать это, подвергая возмутительнымъ насиліямъ своихъ женъ; это случай, самъ по себѣ, положимъ, единичный, но онъ весьма характеристиченъ: въ немъ вѣрно выражаются нравы. Что касается оскорбленій чести, то безъ нихъ не обходится у насъ ни одно гулянье; можетъ быть, въ рѣдкомъ городѣ Россіи само образованное общество обходится годъ безъ такъ-называемыхъ „скандаловъ“, при управленіи земской, даже судебной дѣятельности.

Упомянутое выше явленіе крайне неутѣшительно, и на него, какъ лица, призываемыя въ составъ присяжныхъ, такъ и все наше судебное сословіе, должны бы обратить самое серьезное вниманіе. Не здѣсь мы должны однако сдѣлать оговорку. Сравнивая цифры „Свода“ за 1874 г. съ цифрами предшествующаго свода, мы находимъ нѣкоторые данныя, которыя вызываютъ въ насъ недоразумѣніе. Изъ сравнительныхъ цифръ „Свода“ за 1873 годъ было видно, что къ преступленіямъ противъ жизни и тѣлесной неприкосновенности относились гораздо слабѣе, чѣмъ къ корыстнымъ имущественнымъ преступленіямъ, только *присяжные*; суды же, дѣйствуя безъ участія присяжныхъ, гораздо болѣе оправдывали по обвиненію въ корыстныхъ имущественныхъ преступленіяхъ (63,30%), чѣмъ въ преступленіяхъ противъ жизни

(19,00%). Фактъ этотъ является и въ „Сводѣ“ за 1874 г., но сравнительныя отношенія оправданій нынѣ совсѣмъ иныя. Такъ и теперь, въ то время, какъ присяжные оправдываютъ 32,32% судимыхъ за преступленія противъ жизни, и только 27,07% судимыхъ за всѣ корыстные имущественныя преступленія вообще, — суды, дѣйствуя безъ присяжныхъ, въ первомъ случаѣ выносятъ только 22,75% оправданій, а во второмъ—33,33%. Но сравнивая приведенныя процентныя цифры 1873 года — 19,01 и 63,32, и процентныя цифры 1874 года—22,75 и 33,33—мы находимъ уже совершенно иное отношеніе между степенью строгости судовъ безъ присяжныхъ въ репрессіи преступленій противъ жизни и преступленій противъ имущества. Правда, въ приведенныхъ сейчасъ цифрахъ „Свода“ 1874 года принята въ расчетъ дѣятельность какъ окружныхъ судовъ безъ присяжныхъ, такъ и судебныхъ палатъ, между тѣмъ, какъ въ тѣхъ же цифрахъ „Свода“ 1873 года принималась въ расчетъ только дѣятельность однихъ окружныхъ судовъ безъ присяжныхъ. Но если такова была главная причина замѣчаемой разности въ отношеніи, то это только даетъ лишний поводъ пожалеть, чтобы составители сводовъ не мѣшали своимъ приѣмамъ при извлеченіи общихъ выводовъ. Измѣненіе въ приѣмахъ дѣлаетъ статистическія данныя неудобными въ употребленію, потому что сравненіе есть душа статистики.

Разность, подобная той, какая сейчасъ указана, замѣчается и въ отношеніи присяжныхъ и судебныхъ мѣстъ, дѣйствовавшихъ безъ присяжныхъ, къ преступленіямъ религіознымъ, за 1873 и 1874 годы: въ 1873 году по религіознымъ преступленіямъ процентъ оправданій былъ у присяжныхъ 19,18, и въ окружныхъ судахъ безъ нихъ—26,10; нынѣ же мы находимъ процентъ оправданій у присяжныхъ—17,32, т.-е. довольно близкій къ прежнему, но безъ присяжныхъ, въ окружныхъ и судебныхъ палатахъ—всего 16,42. Стало бытъ, нынѣ оказывается, что репрессія религіозныхъ преступленій безъ присяжныхъ не только не слабѣе, чѣмъ съ присяжными, какъ было въ 1873 году, но наоборотъ — еще сильнѣе. Вотъ, подобныя-то колебанія, которыя, быть можетъ, зависятъ болѣе всего отъ измѣненія неточнаго приѣма, и способны порождать недоразумѣнія. Еслибы не имѣлось въ виду такого обстоятельства, то пришлось бы, повторяемъ, обратить самое серьезное вниманіе присяжныхъ и судовъ на необходимость усилить репрессію преступленій противъ личности вообще и уменьшить ее въ такихъ преступленіяхъ, которыя въ Европѣ даже суду не подлежатъ.

Здѣсь нелишне будетъ замѣтить, что въ теченіи 1874 года приговорены къ тяжкимъ наказаніямъ положеннымъ въ нашемъ законѣ за „богохуленіе, кощунство, порицаніе вѣры и оскорбленіе святыхъ“ —

14 человѣкъ. Можно сказать наизвѣрно, что судебное дѣло о нападкѣ изъ этихъ 14 человѣкъ, рассказанное въ западной Европѣ, произвело бы въ ней такое впечатлѣніе, что передъ нимъ стушевались бы все наши желѣзно-дорожные успѣхи и разные виды достигнутого у насъ доселѣ либерализма. За упомянутыя преступленія въ 1874 году 1 человѣкъ сосланъ въ каторжныя работы въ рудникахъ, 2 въ матержныя работы на заводахъ, 6—въ Сибирь на поселеніе, всѣ 9 съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія; затѣмъ 5 заключены въ тюрьму. Но, сверхъ того, еще 58 человѣкъ были присуждены за тѣ же преступленія къ аресту. Въ этихъ цифрахъ не считаются осужденные за нарушеніе порядка во время богослуженія, отвлеченіе или отступленіе отъ вѣры и постановленій церкви, за ереси и расколы и святотатство. Если же считать всѣхъ осужденныхъ этихъ категорій за годъ, то цифра ихъ будетъ недалека отъ 300.

Необходимость освобожденія нашихъ свѣтскихъ законовъ отъ подчиненія церковнымъ воззрѣніямъ, о которой мы бесѣдовали въ предшествующемъ обзорѣ, изъ цифръ уголовной статистики выступаетъ съ неопровержимой силой живыхъ фактовъ, съ убѣдительною тяжестью личныхъ страданій. Какой нравственной цѣли и какой пользы для себя достигло государство тѣмъ, напримѣръ, что, въ 1874 году, суди его отдали въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ 3-хъ человѣкъ, а еще 3-хъ сослали на поселеніе на Кавказъ, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія собственно за такія дѣянія, какъ „отвлеченіе и отступленіе отъ вѣры и отъ постановленій церкви, за ереси и расколы“,—то-есть за дѣянія, имѣющія никакого отношенія ни къ нравственнымъ законамъ, ни къ правамъ и пользамъ государства и общества? Можно представить себѣ, каковы вышли бы соотвѣтственные цифры, еслибы въ осужденіямъ по суду присоединить случаи административныхъ мѣръ по всѣмъ приведеннымъ категоріямъ дѣяній. Между тѣмъ, церковь, по свидѣтельству оберъ-прокурора синода, открыто провозглашаетъ святое ученіе, что ей необходимо дѣйствіе на заблуждающихся только „силою высокой любви и кроткихъ убѣжденій“. Спрашивается: кому же нужно сохраненіе упомянутыхъ карательныхъ мѣръ, если государству онѣ могутъ быть только вредны, а церковь ихъ отвергаетъ? Очевидно, что онѣ остаются въ законѣ просто въ силу недоразумѣнія, остаются потому только, что ихъ не успѣли отмѣнить. Но легче ли отъ этого осуждаемымъ?

По поводу сравнительныхъ цифръ оправданій укажемъ еще на одно любопытное колебаніе въ нихъ—въ 1874 году репрессія по дѣламъ объ оскорбленіи женской чести была гораздо сильнѣе, чѣмъ въ 1873 году. Въ минувшемъ сводѣ отнесенныхъ сюда цифра оправданій представляетъ только 49,4%, то-есть немного менѣе половины

всего числа подсудимыхъ, между тѣмъ какъ въ сводѣ 1878 года мы находимъ соответствующую цифру оправданій—84,11 %. Означаетъ ли это, что въ самомъ дѣлѣ присяжные стали гораздо строже относиться въ разборѣ дѣлъ этого рода, или только—что судебныя палаты стали рѣше утверждать обвинительные акты по такимъ дѣламъ, или наконецъ, что тутъ опять измѣнился пріемъ исчисленія? Замѣтимъ, что въ „Сводѣ“ 1873 года приводились цифры оправданій по такимъ дѣламъ, произнесенныхъ какъ присяжными, такъ и безъ присяжныхъ (причемъ, въ послѣднемъ случаѣ оказывалось гораздо сильнѣе), а въ нынѣшнемъ сводѣ цифры оправданій по этимъ дѣламъ безъ присяжныхъ вовсе не оказывается.

Относительно распредѣленія преступности по губерніямъ, приводимыя въ сводѣ цифры не имѣютъ значенія, потому что не сопоставлены съ цифрами населенности. Но не лишены интереса цифры осужденій по разнымъ родамъ преступленія въ каждой отдѣльной полосѣ, если ихъ сравнивать съ среднимъ участіемъ уроженцовъ каждой полосы въ общемъ составѣ преступниковъ. Отсюда выведена такая характеристика, что жители равнины большихъ озеръ (т.-е. петербургской, новгородской, олонецкой и исковской губерній) склонны преимущественно къ преступленіямъ противъ нравственности, тѣлеснымъ поврежденіямъ, дѣтоубійству и преступленіямъ противъ женской чести (что, замѣтимъ, значительно зависитъ собственно отъ Петербурга въ его качествѣ большого города). Въ мануфактурной Велико-русси замѣчаются наиболѣе крупныя цифры бродяжества и насильственныхъ посягательствъ, какъ на имущество, такъ и на личность. Не трудно объяснить себѣ бродяжество—малоземельностью, и насиліе—развитіемъ въ этой полосѣ пьянства. Черноземная Велико-руссія отличается преступленіями противъ свободы, нравственности, нарушеніями уставовъ казенныхъ управленій; Поволжье—нарушеніями безопасности, поддѣлкою монеты и ассигнацій и религіозными преступленіями; Малороссія и Украина—преступленіями противъ законовъ о состояніяхъ; Новороссія—служебными и религіозными преступленіями.

Вліяніе степени образованности на преступность вообще не можетъ быть прослѣжено, пока въ Россіи нѣтъ статистики грамотности и образованія. Въ общей сложности однако мы можемъ указать на вѣроятный фактъ, котораго составители „Свода“ не отмѣчаютъ, именно, что процентъ образованныхъ и грамотныхъ въ общемъ составѣ преступниковъ значительнѣе, чѣмъ въ общемъ составѣ населенія—заключеніе, къ которому мы приходили и при разсмотрѣніи данныхъ предшествующаго „Свода“. Такъ, чтобы не приводить слишкомъ много цифръ, укажемъ только на примѣръ казанскаго судебного округа, въ

которомъ процентъ образованныхъ и грамотныхъ въ средѣ преступниковъ наименѣе значителенъ: на 100 осужденныхъ тамъ оказалось лицъ съ высшимъ и среднимъ образованіемъ 1,37, грамотныхъ 19,33, неграмотныхъ—78,33; между тѣмъ, едва ли можно допустить, чтобы у насъ, въ области съ наименьшимъ развитіемъ образованія, приключились на 100 человѣкъ болѣе 1-го съ высшимъ или среднимъ образованіемъ и почти 20 неграмотныхъ. Списки воинскихъ призывовъ, въ которые вносятся только взрослые лица мужского пола, и тѣ не даютъ такого средняго процента грамотныхъ, какой въ приведенномъ случаѣ представляется низшимъ. Въ петербургскомъ округѣ грамотныхъ въ числѣ преступниковъ оказывается 36,7% на 100.

Но за то можно признать убѣдительными тѣ цифры „Свода“, которыя показываютъ сколько каждаго рода преступниковъ приходилось на 100 осужденныхъ отдѣльно каждой категоріи образованія. Изъ этихъ сравнительныхъ цифръ истекаетъ выводъ, согласный съ данными обще-европейской статистики, именно что образованіе уменьшаетъ наклонность къ преступленіямъ, соединеннымъ съ грубымъ насилиемъ. Такъ, напр., въ разбой, грабежъ и захватъ оказались виновными на 100 неграмотныхъ осужденныхъ 8, на 100 грамотныхъ 6,33, на 100 образованныхъ только 3,4. Между тѣмъ по отношенію къ такимъ преступленіямъ, какъ, напр., противъ женской чести, процентныя отношенія гораздо ближе: 0,31; 0,43 и 0,43; и по нарушеніямъ союза родственнаго и брачнаго процентное отношеніе распредѣляется въ обратномъ порядкѣ: на 100 осужденныхъ неграмотныхъ 0,17, на 100 грамотныхъ 0,33, на 100 образованныхъ 0,34, — что, впрочемъ, должно зависѣть главнымъ образомъ отъ болѣе частаго вчинанія дѣлъ этого рода среди сословій грамотныхъ и образованныхъ.

Вліяніе религіи въ цифрахъ, представляемыхъ „Сводомъ“, на этотъ разъ не болѣе уменьшается, чѣмъ и въ прежнихъ сводахъ. Конечно, здѣсь можно принимать для сравненія, также какъ мы сдѣлали для оцѣнки вліянія образованности, только тѣ цифры, въ которыхъ осужденные одного исповѣданія распредѣляются по родамъ преступленій. Но здѣсь и такое сравненіе не уясняетъ дѣла, потому что въ составѣ населенія, входящаго въ область дѣятельности новыхъ судовъ, почти всѣ исповѣданія, кромѣ православнаго, являются не въ лицѣ цѣлыхъ общественныхъ организмовъ, а лишь въ лицѣ отдѣльныхъ представителей, пришельцовъ, среди которыхъ относительно весьма великъ процентъ образованныхъ. То же самое можно сказать и относительно вліянія національности на распредѣленіе преступности. Вопросъ въ обоихъ случаяхъ усложняется и совершенно затмѣвается развитіемъ общественнаго положенія осужденныхъ. Не безъ удивленія встрѣтили мы въ вышешнемъ „Сводѣ“ почти буквальное повтореніе прошлогод-

наго сужденія его составителей о вліяніи религій на сравнительную преступность половъ: „заменутая жизнь магометанки и свободная жизнь протестантки составляютъ двѣ противоположныя крайности общественнаго положенія женщины, и вліяніе ихъ отражается также на цифрахъ относительной преступности каждой изъ названныхъ категорій женщинъ“. Выводъ этотъ лишенъ всякаго основанія, потому что при немъ не принято въ соображеніе ни численное отношеніе между населеніемъ православнымъ и иновѣрнымъ по каждому исповѣданію, ни такое отношеніе между обоими полами въ каждомъ исповѣданіи отдѣльно, въ тѣхъ губерніяхъ, которыя входятъ въ районъ дѣятельности новыхъ судебныхъ установленій. Такъ, если мы находимъ процентъ преступности у католиковъ для мужчинъ 0,82, и для женщинъ 0,49, у протестантовъ же для мужчинъ 0,78, для женщинъ 0,83, то цифры эти лишались бы всякаго значенія, еслибы мы предположили, что въ чисто-русскихъ губерніяхъ не только католиковъ меньше, чѣмъ протестантовъ, но и женщинъ католическаго исповѣданія по отношенію къ мужчинамъ того же исповѣданія меньше, чѣмъ протестантокъ по отношенію къ протестантамъ; и такое предположеніе не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго.

То же самое слѣдуетъ замѣтить, когда мы читаемъ въ сводѣ, что русская народность доставила въ составѣ осужденныхъ *наибольшій* процентъ въ преступленіяхъ противъ свободы, союза родственнаго и брачнаго, святотатствѣ, тѣлесныхъ поврежденіяхъ, подлогахъ и т. д., а *наименьшій* въ преступленіяхъ противъ уставовъ благоустройства, вѣнанныхъ управленій, лжесвидѣтельствѣ и подлогахъ (?); польская народность—въ подлогахъ, лжесвидѣтельствѣ и т. д., нѣмецкая—въ преступленіяхъ противъ личной чести, подлогахъ, и т. д. Тутъ, во-первыхъ, относительно русской національности есть противорѣчіе: если она даетъ наименьшій процентъ, между прочимъ, въ подлогахъ, то она не можетъ давать въ нихъ же наибольшій процентъ, какъ между тѣмъ сказано. Во-вторыхъ, вѣдь въ районѣ дѣятельности новыхъ судовъ нѣтъ ни польскихъ, ни нѣмецкихъ крестьянъ, и едва ли хотя бы нѣсколько поляковъ и нѣмцевъ неграмотныхъ. Стало быть, въ наличности этихъ національностей исключительно преобладаетъ грамотный классъ, и притомъ классъ состоящихъ на службѣ и торговый. Удивительно ли, что въ немъ одномъ изъ преобладающихъ преступленій является подлогъ, и есть ли возможность усматривать въ этомъ вліяніе національности?

Обратимся теперь къ другимъ цифрамъ „Свода“, гораздо болѣе почетнымъ, а именно къ тѣмъ, которыя относятся къ семейному быту осужденныхъ. Мы уже упомянули выше, что семейные рѣшительно преобладаютъ въ общемъ составѣ осужденныхъ. Это явленіе

замѣчено было уже и въ прошломъ году. Въ прошломъ году составители „Свода“ пытались устранить неблагопріятное заключеніе изъ этого обстоятельства, замѣчая, хотя „явленіе это рѣзко противноеложно замѣчаемому въ государствахъ западной Европы, но объясненіе его слѣдуетъ искать въ сравнительно-большихъ цифрахъ супружескихъ сожитій у насъ, чѣмъ на Западѣ, и не въ неблагопріятномъ вліяніи брачнаго состоянія“. Въ дальнѣйшемъ ходѣ разсужденія дѣлалась даже попытка выказать благотворное вліяніе семейнаго состоянія въ смыслѣ уменьшенія разныхъ категорій преступности; на нынѣшній разъ составители „Свода“ благоразумно воздержались отъ такихъ стараній, для которыхъ весьма трудно найти поддержку въ цифрахъ. Изъ-за цифръ „Свода“ за 1874 годъ просвѣчивается картина совсѣмъ иного рода. Прежде всего замѣтимъ, что ими повторяется фактъ предшествоващаго отчета: на 100 осужденныхъ 57,77 состояли въ супружествѣ, 36,44 были безбрачны, и 5,71 вдовы. Процентъ 57,77 лицъ семейныхъ весьма близокъ къ тому, который оказался за 1873 годъ. Но дѣло еще не въ этомъ; безъ указанія общей статистики объ отношеніи числа семейныхъ къ общему числу населенія, это сопоставленіе само еще ничего не значить. Но вотъ гдѣ начинаются характеристическія показанія: среди состоящихъ въ супружествѣ наибольшее число осужденныхъ приходится на лицъ, имѣющихъ двухъ и болѣе дѣтей, средніе на бездѣтныхъ супруговъ, наименьшее — на имѣющихъ одного ребенка. Здѣсь уже невозможно отрицать вліянія именно семейнаго быта на преступность. Позвоительно объяснить эти отношенія такимъ образомъ, что бездѣтное супружество если не увеличиваетъ склонности къ преступленію, то и не уменьшаетъ ея; что сколько-нибудь благотворное вліяніе на преступность брака оказывается только въ свое первое время, пока есть одинъ ребенокъ; въ это время и разгула меньше, и заботы о прокормленіи семьи еще не такъ тяжки, и наконецъ — что вѣроятно всего важнѣе — согласіе между супругами не успѣло еще разстроиться, рѣже насилія съ одной стороны, ожесточенія — съ другой. Однимъ словомъ, всѣ послѣдствія семейнаго состоянія не успѣли еще развиться. Но когда семья умножается, заботы возрастаютъ, привязанность ослабѣваетъ или растворяется, насиліе и ожесточенность берутъ верхъ, а рядомъ съ ними возобновляется или впервые проявляется, какъ прямое послѣдствіе гора—разгулъ, тогда и семейное состояніе является дѣятельнымъ факторомъ преступности. Прошлагодня соображенія составителей „Свода“ хотя бы только о вліяніи семейнаго состоянія на смягченіе родовъ преступности совершенно разрушаются цифрами нынѣшняго „Свода“. Изъ нихъ мы видимъ, что даже забота о прокормленіи семьи, нужда—не являются главнымъ побужденіемъ къ преступле-

лицъ семейныхъ. На 100 холостыхъ осужденныхъ, виновныхъ въ кражѣ 57,94, и во всѣхъ корыстныхъ имущественныхъ преступленіяхъ 68,10, между тѣмъ какъ на 100 осужденныхъ брачнаго состоянія въ кражѣ виновны только 48,33, въ корыстныхъ имущественныхъ преступленіяхъ вообще только 58,31. Иными словами, въ присвоеніи чужого имущества холостые увлекаются гораздо чаще, чѣмъ состоящіе въ супружествѣ. Стало быть, не забота о прокормленіи семьи, не нужда служить главнымъ побужденіемъ въ преступности лицъ, состоящихъ въ супружествѣ. Этотъ мотивъ является главнымъ единственно въ образованномъ сословіи, что доказывается числомъ служебныхъ преступленій лицъ супружескаго состоянія. Въ совокупности же классовъ, преступность супруговъ превосходитъ преступность холостыхъ преимущественно въ тѣхъ дѣяніяхъ, которыя вытекаютъ не заботами о прокормленіи: въ умышленномъ и предумышленномъ убійствѣ виновны на 100 холостыхъ осужденныхъ 2,72, женатыхъ—3,10; во всѣхъ преступленіяхъ противъ жизни на 100 холостыхъ осужденныхъ виновны 5,35, женатыхъ—6,36; въ тѣлесныхъ посяженіяхъ (куда относятся увѣчья и истязанія) на 100 осужденныхъ холостыхъ — несмотря на пресловутый „холостой разгулъ“ — виновны только 3,02, а женатыхъ—5,00.

Итакъ, особенная наклонность къ крупнѣйшимъ преступленіямъ противъ личности—вотъ гдѣ преступность лицъ брачнаго состоянія преимущественно превосходитъ преступность холостыхъ. Гдѣ же, въ какой сферѣ преступность лицъ, состоящихъ въ супружествѣ,—убійства и истязанія—главнымъ образомъ проявляется? Въ самой семьѣ, конечно.

Это предположеніе станетъ вѣдъ всякаго сомнѣнія, если мы обратимся къ цифрамъ, выражающимъ распредѣленіе осужденныхъ женщинъ по личнымъ отношеніямъ ихъ къ потерпѣвшимъ отъ ихъ преступленій. На 100 женщинъ, осужденныхъ за умышленное или предумышленное убійство, 45,45 состояли въ брачной или вѣдъ-брачной связи съ потерпѣвшими, а 19,82—въ родствѣ и свойствѣ съ ними, и только 17,36 совершили то же преступленіе противъ лицъ постороннихъ. „Если въ семьѣ происходятъ несогласія,—замѣчается въ „Сводѣ“,—то относительно вѣроятность драматическаго заключенія ихъ убійствомъ для женщины-семьянинки въ 3 и даже въ 4 раза больше, чѣмъ для мужчины-семьянина. Тѣлесныя поврежденія въ родственникахъ (а не чужихъ) женщина совершаетъ охотѣе въ 2½ раза, чѣмъ мужчина, но въ брачныхъ отношеніяхъ мужчина беретъ надъ нею явный перевѣсъ. Потребность мести и отсутствіе физической силы, вынуждающія въ своей совокупности поджогъ, складываютъ на нихъ даже женщину, состоящую въ брачной и вѣдъ-брачной связи съ

потерявшими", то-есть собственно говоря, побуждаютъ ее иногда за-жечь собственное жилище; на 100 осужденныхъ женщинъ 7,27 молодыхъ имущество своихъ супруговъ или незаконныхъ сожителей.

Вотъ такая, по истинѣ страшная картина русскаго семейнаго быта развертывается передъ нами. Какова должна быть судьба русской женщины, если изъ ста женщинъ, осужденныхъ за убійство, большая половина были виновны въ убійствѣ или покушеніи на убійство мужа или незаконнаго сожителя! Приведенныя цифры представляютъ лучший отвѣтъ тѣмъ мыслителямъ, которые говорятъ—прежде улучшите пищу, а ужъ потомъ давайте школы, смягчайте нравы. Нѣтъ, видно лучше не только не дѣйств., но даже войти на каторгу, чѣмъ переносить ту обстановку, которая нерѣдко создается въ нашей семьѣ нынѣшними „патріархальными“ нравами. Предыдущія данныя показываютъ также, какъ часто самъ семейный бытъ представляетъ всѣ условія для образованія въ дѣтяхъ—малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ.

Изъ „Свода“ усматривается, между прочимъ, что въ итогѣ осужденныхъ въ 1874 году общими судебными мѣстами 15,25% составляли несовершеннолѣтніе, а 0,52% малолѣтніе. Въ итогѣ осужденныхъ мировыми установленіями процентъ несовершеннолѣтнихъ и малолѣтнихъ, разумѣется, значительное, а именно: первыхъ оказывается 15,89%, вторыхъ 1,25%. Первые двѣ процентныя цифры относятся къ итогу 22,113 чел. осужденныхъ, вторыя двѣ къ итогу въ 32,793 чел. Итакъ, осужденные ежегодно несовершеннолѣтніе считаются тысячами, а осужденные малолѣтніе—сотнями. Цифры эти важны тѣмъ, что онѣ даютъ немаловажное указаніе для учрежденныхъ и учреждающихся у насъ нынѣ „земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ“.

Объ отчетѣ комитета общества этихъ заведеній за 1875 годъ мы хотимъ поговорить теперь же. Не подлежитъ сомнѣнію, что несовершеннолѣтніе, къ числу которыхъ относятся и дѣти 14 и 15 лѣтъ, подвергаясь наказанію, которое въ законѣ зовется „исправительнымъ“, то-есть попадая въ тюрьму, на дѣлѣ становятся въ условіи, не только не способствующія исправленію, но наоборотъ—дѣлающія его мало-вѣроятнымъ. Это почти все равно, что больного тифомъ отравить на излеченіе въ больницу, гдѣ свирѣствуетъ такъ-называемый „госпитальный тифъ“. Нравственная зараза—своего рода „тюремный тифъ“, который дѣйствуетъ постоянно, никогда не прекращается въ мѣстахъ заключенія. Но что же сказать о тѣхъ малолѣтнихъ, которые попадаютъ въ эти мѣста ожесточенія и разврата, о тѣхъ несчастныхъ существахъ 10—14 лѣтъ, которые подвергаются уголовной отвѣт-

стижности? Они, разумеется, изначально должны гибнуть нравственно всѣ, за единичными, случайными, можно сказать, чудесными исключениями.

Итакъ, цѣль помѣнуемаго общества—высокая и рациональная; оно спасаетъ осужденныхъ дѣтей отъ заражительнаго вліянія взрослыхъ исключенныхъ, заботится о развитіи въ нихъ нравственнаго чувства—образованіемъ и трудомъ, снабжаетъ ихъ знаніемъ честнаго ремесла. Но дѣло это, чрезвычайно-трудное само по себѣ, въ смыслѣ педагогической практики, не легко даже и поставить теоретически. Представимъ себѣ, что обществу удалось бы въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, при всѣхъ своихъ заботахъ и затратахъ, сообщить нравственную устойчивость и средства честной трудовой жизни, и всего для нѣсколькихъ человѣкъ, потому ли, что у него не было мѣста для дѣйствія въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, или потому, что выпущенные изъ воспитанники не удержались на добромъ пути. Конечно, и благодѣяніе, оказанное нѣсколькимъ человѣкамъ, все-таки было бы благодѣяніемъ; но въ этомъ случаѣ результатъ дѣятельности общества и былъ бы уже только благотворительный, а не социальный. Между тѣмъ у общества есть и должна быть въ виду именно цѣль социальная.

Для того, чтобы она достигалась, надо, чтобы судебныя мѣста при постановленіи своихъ приговоровъ прямо могли имѣть въ виду возможность помѣщенія осуждаемыхъ—въ „колоніи и пріюты“, вмѣсто тюрьмъ. Необходимо, стало быть, чтобы дѣятельность общества получила значительные размѣры, такіе, которые соответствовали бы приведеннымъ выше указаніямъ уголовной статистики; чѣмъ больше пользы—тѣмъ лучше, но здѣсь дѣло не въ томъ только. Если польза только въ томъ, что общество съ издержкою въ 37 т. р. въ годъ содержитъ, предохраняетъ отъ зла и учитъ 52 воспитанниковъ, то это есть, конечно, благодѣяніе; но было бы благодѣяніемъ также и просто—раздавать эти 37 тысячъ р. бѣднымъ, и, предполагая столько же заботливости въ выборѣ бѣдныхъ семей, сколько мы видимъ въ управленіи петербургской колоніей, благодѣяніе было бы оказано во второмъ случаѣ еще большому числу дѣтей, чѣмъ въ первомъ. Но самая специальность благотворительнаго общества имѣетъ значеніе именно только въ смыслѣ социальномъ, въ смыслѣ стремленія достигнуть того, чтобы въ Россіи дѣти, однажды вовлеченные въ преступленіе, не были роковымъ образомъ обречены на погибель путемъ тюремной заразы.

Цѣль эта можетъ достигаться только при двухъ условіяхъ: во-первыхъ, при увеличеніи числа колоній и числа мѣстъ въ нихъ; во-вторыхъ, при ограниченіи категорій принимаемыхъ въ нихъ воспи-

таинниковъ соотвѣственно средствамъ, имѣющимся на лицо въ каждое данное время.

Когда въ Россію на нѣсколько губерній, положимъ, хотъ на каждый судебный округъ, будетъ по одной такой колоніи, и когда вѣстимость каждой изъ нихъ будетъ соотвѣтствовать указаніямъ примѣтельной статистики, тогда суды будутъ имѣть возможность прямо замѣнить, въ самомъ приговорѣ, кратковременное заключеніе въ тюрьмѣ—продолжительнымъ пребываніемъ въ колоніи. Извѣстно, что подобныя колоніи нынѣ учреждаются уже еще въ нѣкоторыхъ городахъ, сверхъ Петербурга; о положеніи ихъ мы не имѣемъ свѣдѣній. Но все это еще только начало. Читатели не должны останавливать мысли, что и начало хорошо, что во всякомъ дѣлѣ нужно начало. Это разумѣется само собою, и съ этой именно точки зрѣнія мы и должны смотрѣть на дѣятельность общества доселѣ: важна ея инициатива, она и составляетъ главную его заслугу. Но мы и разсуждаемъ никакъ не съ намѣреніемъ отрицать полезность его дѣятельности по настоящее время; средства, то-есть обиліе пожертвованій не отъ него зависать, вопросъ тутъ не о личныхъ заслугахъ, но о цѣли; и мы указываемъ на то, къ чему необходимо стремиться для того, чтобы дѣятельность общества на самомъ дѣлѣ создала въ Россіи фактъ, имѣющій социальное значеніе, а именно, что преступленія, совершенное въ возрастѣ не вполне сознательномъ, не влечетъ малолѣтняго преступника къ неизбѣжной, окончательной гибели путемъ тюрьмы. Для того, чтобы фактъ этотъ осуществился, необходимо, чтобы русское общество, въ обширномъ смыслѣ, отнеслось сочувственно къ этому дѣлу, и чтобы государство назначило всѣмъ вновь открывшимся колоніямъ пособіе, какъ оно назначило пособіе колоніи петербургской.

Но теперь до осуществленія такого факта еще очень далеко. Для тысячъ несовершеннолѣтнихъ и сотенъ малолѣтнихъ, ежегодно осуждаемыхъ, пока существовала только одна колонія — въ Петербургѣ. При этомъ, съ одной стороны, судамъ другихъ судебныхъ округовъ невозможно было замѣнить тюрьму содержаніемъ въ колоніи, уже по отдаленности. Съ другой стороны, въ петербургской колоніи нѣтъ мѣста и для осужденныхъ въ одномъ петербургскомъ округѣ. Отсюда истекаютъ опять два послѣдствія. Во-первыхъ, содержаніе колоніи на небольшое число мѣстъ обходится по необходимости слишкомъ дорого, по отношенію къ числу призрѣваемыхъ. Взглядъ на сибѣту расходовъ колоніи убѣждаетъ насъ, что при удвоеніи въ ней числа воспитанниковъ, расходы могли бы возрасти только на одну третъ, и это понятно безъ приведенія цифръ, изъ простаго соображенія, что расходы на управленіе и содержаніе учебнаго состава при маломъ

числѣ учащихся представляютъ огромный процентъ всего итога расходовъ, а между тѣмъ при значительномъ умноженіи воспитанниковъ возрастили бы лишь въ маломъ размѣрѣ.

Во-вторыхъ, суды, имѣя въ виду, что замѣна тюремнаго заключенія содержаніемъ въ колоніи возможна только въ немногихъ случаяхъ, постановляютъ свои приговоры въ такой формѣ: „отдать въ колонію на три (или больше) года, а въ случаѣ неимѣнія въ оной помѣщенія, выдержать въ тюрьмѣ два (рѣдко четыре) мѣсяца“. Между тѣмъ, по мнѣнію ревизіонной комиссіи общества, выраженному въ отчетѣ, „такая условная форма приговоровъ крайне невыгодна для колоніи, потому что большая часть поступающихъ въ нее предпочитаютъ кратковременное пребываніе въ тюрьмѣ трехлѣтней трудовой жизни въ колоніи, убѣдительно просятъ о переводѣ въ тюрьму и, получая отказъ, рассчитываютъ достигнуть своей цѣли дурнымъ поведеніемъ“. Нельзя не согласиться, что обстоятельство это крайне невыгодное: вы стараетесь перевоспитать мальчика, развить въ немъ нравственное чувство, дѣйствуя на него убѣжденіемъ, гуманнымъ обращеніемъ, а онъ, на первыхъ порахъ, завидуетъ тѣмъ, кто просто попалъ въ тюрьму. Комитетъ общества былъ сначала противъ ходатайства объ отиѣнѣ „условности приговоровъ“; оно было предложено бывшимъ директоромъ колоніи, и мысль эта была усвоена ревизіонною комиссіей. Она полагала ходатайствовать, чтобы приговоры излагаемы были прямо въ формѣ: „отдать на воспитаніе въ с.-петербургскую земледѣльческую колонію“, съ тѣмъ, что начальство колоніи будетъ своевременно предувѣдомлять суды о прекращеніи въ ней пріема въ случаѣ недостатка мѣста и тогда въ приговорахъ уже назначалась бы просто тюрьма; комиссія указала еще другой способъ возвращенія приговора суду объ отдачѣ въ колонію, когда невозможно его исполнить за недостаткомъ помѣщенія въ колоніи, съ тѣмъ, что судъ, который имѣетъ на то право, можетъ замѣнить этотъ приговоръ другимъ—о выдержаніи въ тюрьмѣ. Комитетъ еще не рѣшился на ходатайство и положилъ отсрочить самое возбужденіе вопроса.

Можно усомниться въ успѣхѣ подобнаго ходатайства, такъ какъ едва ли судамъ удобно измѣнять форму постановленныхъ приговоровъ по многократнымъ увѣдомленіямъ колоніи, и тѣмъ болѣе переламывать приговоры, однажды формулированные, когда колонія будетъ возвращать ихъ, за недостаткомъ помѣщенія. А между тѣмъ, мысль, усвоенная ревизіонною комиссіей, совершенно вѣрна, и отиѣна условныхъ приговоровъ, которые побуждаютъ осужденныхъ видѣть въ отдачѣ въ колонію отягощеніе своей участи, очевидно необходима. Но ея, быть можетъ, удобнѣе достигнуть инымъ путемъ, о которомъ мы упомянемъ ниже.

Итакъ, прежде всего необходимо увеличивать вѣдѣстительность колоній, причемъ расходъ на содержаніе каждаго воспитанника будетъ постоянно уменьшаться, и учредить хотя бы по одной такой колоніи въ каждомъ судебномъ округѣ, для того, чтобы дѣятельность общества колоній получила не только благотворительное, но и дѣйствительно социальное значеніе, котораго она имѣть не можетъ, пока на сотни и тысячи ежегодно осуждаемыхъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, только 50 — 75 избавляются отъ вреднаго вліянія тюрьмы и содержатся съ расходомъ по 700 рублей въ годъ на каждаго.

Но что же дѣлать, пока средства общества не дадутъ ему возможности создать колонію въ каждомъ судебномъ округѣ и такимъ образомъ спасать отъ тюрьмы всѣхъ, кого слѣдовало бы спасти отъ нея? Отвѣтъ на это, намъ кажется, заключается въ самой основной мысли колоній для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ. Мысль эта состоитъ въ томъ, что дѣтство и юность преступниковъ придаютъ и проступку, или преступленію, и исправленію, особымъ свойствамъ; преступленіе въ этомъ возрастѣ менѣе сознательно, а исправленіе тюрьмою почти немислимо; чѣмъ нѣжнѣе возрастъ, тѣмъ человѣкъ впечатлительнѣе и для временной заразы, и для перевоспитанія въ правильно устроенныхъ, гуманныхъ колоніяхъ, гдѣ дѣти одни съ наставниками. Но если основной смыслъ всего учрежденія колоній — въ нѣжности возраста, то, очевидно, что чѣмъ нѣжнѣе возрастъ, тѣмъ болѣе правъ онъ имѣть на замѣну тюрьмы колоніею и тѣмъ успѣшнѣе можетъ быть дѣятельность самыхъ колоній. Стало быть, онѣ, при недостаткѣ средствъ, при невозможности спасать отъ тюрьмы всѣхъ несовершеннолѣтнихъ и малолѣтнихъ, должны отдавать предпочтеніе дѣтямъ передъ юношами и въ самомъ дѣтствѣ — младшему передъ старшимъ. Вотъ это мы и разумѣли, упоминая выше объ „ограниченіи категорій“ принимаемыхъ въ колоніи воспитанниковъ. Ясное дѣло, что двадцатилѣтнему парню, хотя онъ и входитъ въ категорію несовершеннолѣтнихъ, тюрьма повредитъ менѣе, а колонія менѣе можетъ принести пользы, чѣмъ десятилѣтнему ребенку; первый — преступникъ болѣе сознательный и менѣе впечатлительный.

Итакъ, вмѣсто того, чтобы дробить свою дѣятельность на всѣ возрасты до 21-го года, причемъ является пока невозможность обзѣпечить и незначительную часть преступниковъ этихъ категорій, а сверхъ того, необходимость еще въ самыхъ колоніяхъ удалять дѣтей отъ подростковъ, колоніямъ слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы спасать отъ тюрьмы хотя бы только самыя младшія категоріи. Такъ какъ по закону дѣти до 10-ти лѣтъ не подвергаются уголовному наказанію, то можно начать съ предпочтенія именно десятилѣтнихъ, одиннадцатилѣтнихъ и т. д. Петербургская колонія уже вступила на

этотъ путь, измѣнивъ, съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ, свой уставъ такимъ образомъ, что сравнительно взрослыхъ питомцевъ, которые въ ней прежде бывали, впередъ поступать не будетъ. Въ волеи видѣ, относящійся сюда параграфъ устава опредѣляетъ: „не могутъ быть отдаваемы въ колонію несовершеннолѣтніе, приговоренные судебными приговорами, а также безпріютныя дѣти, отдаваемыя въ колонію на воспитаніе, моложе 10-ти и старше 14-ти лѣтъ“. Это измѣненіе раціонально, кромѣ того исключенія, какому оно подвергаетъ безпріютныхъ дѣтей моложе 10-ти лѣтъ. Положимъ, колонія — не воспитательный домъ; но безпріютныхъ дѣтей, начиная съ 7-милѣтняго-возраста, она могла бы принимать, оставаясь вполнѣ согласно своему назначенію, такъ какъ изъ безпріютныхъ дѣтей этого возраста наберется немало такихъ, которыя затѣмъ, въ возрастѣ 10—14 лѣтъ, получать право на поступленіе въ колонію въ качествѣ преступниковъ.

Но и эти предѣлы возраста, 10 и 14 лѣтъ (изъ которыхъ второй уже относится къ категоріи несовершеннолѣтнихъ), еще могли бы быть служиваемы по усмотрѣнію комитета общества, устанавливаемы на каждый годъ, смотря по средствамъ колоніи, такъ какъ 10-лѣтніе имѣютъ болѣе правъ на ея попеченіе, чѣмъ 14-ти-лѣтній, и менѣе глубоко развращены. При такомъ порядкѣ разрѣшился бы и приведенный выше вопросъ о способѣ отиѣны условной формы судебныхъ приговоровъ объ отдачѣ въ колонію. Начальство колоніи не возвращало бы судамъ приговоровъ за невозможностью ихъ исполнить, не предлагало бы судамъ по нѣскольку разъ въ годъ измѣнять форму изъ приговоровъ, но однажды въ годъ заблаговременно увѣдомляло бы судебныя мѣста, что въ предстоящемъ году оазывается возможность принимать вновь въ колонію только имѣющихъ не болѣе 10-ти, или 11-ти, или 12-ти и т. д. лѣтъ. Тогда мировые суды и суды прямо составляли бы приговоръ по возрасту осужденныхъ. Уголовная статистика должна же имѣть практическое примѣненіе; ея факты съ года на годъ мало измѣняются, и потому приблизительно всегда можно предвидѣть, сколько въ какомъ округѣ будетъ осужденныхъ каждаго возраста.

Въ таблицахъ „Свода“ уголовной статистики мы находимъ, что въ 1874 году общими судами было осуждено малолѣтнихъ 115, т. е. достигшихъ 14-ти лѣтъ; изъ нихъ на весь районъ петербургской судебной палаты, то-есть на нѣсколько губерній приходилось всего 10-ть. Мировыми же установленіями осуждено за то же время: въ Россіи 409 малолѣтнихъ, въ губерніяхъ принадлежащихъ къ району петербургской судебной палаты 88, въ томъ числѣ 28 собственно въ петербургской губерніи. Какъ только къ этимъ категоріямъ мы при-

соединить возрастъ 14-лѣтній, то тотчасъ этия увеличивающіе цифры больше, чѣмъ на половину, почти приближаемся къ удвоенію ихъ. О старшихъ категоріяхъ и говорить нечего; каждая изъ нихъ сама по себѣ представляетъ число, значительно превосходящее весь итогъ малолѣтнихъ.

Эти цифры дадутъ намъ весьма важныя данныя въ подтвержденіе высказанныхъ выше взглядовъ на дѣло учрежденія и дѣятельность земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ въ Россіи вообще. Изъ нихъ слѣдуетъ прежде всего то, что о призрѣніи въ эти заведенія несовершеннолѣтнихъ нечего и думать, такъ какъ осуждаемыхъ ежегодно несовершеннолѣтнихъ—тысячи. Дѣло должно ограничиться малолѣтними, тѣмъ благопріятно и въ педагогическомъ отношеніи. Далѣе, мы видимъ, что общее число осужденныхъ малолѣтнихъ составило въ 1874 году—524. Разумѣется, не всѣ входящія въ это число могутъ быть съ пользою отсылаемы въ колоніи; такъ осужденные мировыми судьями за маловажныя проступки должны быть исключены отсюда. Во всякомъ случаѣ, если для удобства счета мы примемъ ежегодное число осуждаемыхъ малолѣтнихъ, имѣющихъ поступить въ колоніи, въ 500, то скорѣе зададимся цифрою преувеличенной, чѣмъ слишкомъ малой. Для перевоспитанія нужно продолжительное время, положимъ не менѣе трехъ лѣтъ. И все-таки, при такихъ данныхъ, дѣло учрежденія колоній въ смыслѣ серьезнаго социального фактора представляется весьма осуществимымъ. Трехгодовая сложность кандидатовъ въ колоніи не могла бы, стало быть, превзойти 1500 дѣтей; около этого числа дѣтей пришлось бы постоянно содержать въ колоніяхъ, и въ виду таковаго именно числа должны бы быть рассчитаны и число самыхъ колоній, и помѣстительность каждой изъ нихъ, напримѣръ—10 колоній, на 150 мѣстъ. Содержать такое количество колоній общество, съ помощью казны, очевидно, можетъ; здѣсь нѣтъ ничего невѣроятнаго.

Но само собою разумѣется, что стоимость содержанія въ нихъ должна быть безъ всякаго сравненія понижена противъ пригѣра колоній петербургской, иначе ежегодный расходъ на содержаніе 1500 осужденныхъ дѣтей составлялъ бы болѣе милліона рублей, и трехгодичное содержаніе одного малолѣтнаго въ колоніи обходилось бы въ болѣе 2000 рублей. Между тѣмъ, априорически слѣдуетъ опредѣлить, что содержаніе воспитанника въ колоніи, въ средней цифрѣ, должно составлять не болѣе 150 р. въ годъ. Это составило бы въ общей сложности $2\frac{1}{4}$ тысячъ рублей въ годъ, что нисколько не обременило бы государства, города и жертвователей. Тогда за 450 р. издержанные въ теченіи трехъ лѣтъ, можно бы надѣяться спасти чело-
вѣческое существо на всю жизнь отъ вѣрной гибели, а общество отъ

вступленія въ него со временемъ взрослого преступника, который можетъ причинить неисчислимый на деньги вредъ, и потомъ, попавъ въ тюрьму, все-таки лечь на государство бременемъ, которое можетъ даже преодолѣть 450 р. Чтобы убѣдиться въ томъ, стоить только мыслить, во что обходится продолжительное заключеніе, особенно при новомъ устройствѣ тюремъ. Наконецъ, въ социальныхъ вопросахъ надо всегда идти далѣе судьбы единичной личности, и брать факты въ совокупности: нѣтъ сомнѣнія, что начавшіе преступную жизнь съ дѣтства дѣлаются со временемъ наиболѣе закоренѣлыми и опасными преступниками; можетъ ли быть государство и общество равнодушно къ тому факту, что болѣе 500 дѣтей ежегодно прямо обрекаются на эту судьбу, попадая въ тюрьмы, что ежегодно роковымъ образомъ воспитывается для преступленія болѣе 500 существъ, призванныхъ какъ опаснѣйшій контингентъ къ пополненію числа преступниковъ въ государствѣ. Не благоразумно ли уплачивать ежегодно премію въ 2¼ т. р., для застрахованія общества отъ этой неотклонимой иначе опасности? Въ сущности же премія эта взята еще меньше, если изъ нея вычесть сумму, которая во всякомъ случаѣ израсходуется на содержаніе малолѣтнихъ въ тюрьмѣ.

По сдѣланному нами расчету, одна колонія на 150 малолѣтнихъ должна обходиться ежегодно въ 22,500 руб. Цифра эта весьма далека отъ той, какую мы находимъ въ смѣтѣ петербургской колоніи. Дороговизна послѣдней зависитъ прежде всего отъ малой помѣстительности ея; отъ этого прежде всего зависитъ, что содержаніе одного малолѣтняго стоить около 700 р. въ годъ. Но допустимъ, что петербургская колонія могла бы удвоить число своихъ воспитанниковъ, увеличивъ только на одну треть свой расходъ. Все-таки это представило бы примѣрно 50 т. р. на 100 воспитанниковъ, то-есть слишкомъ много. Очевидно, что подобныя колоніи слѣдуетъ учреждать не въблизи столицъ, но въ мѣстахъ, гдѣ содержаніе дешево, и непремѣнно въ какомъ-нибудь селѣ, имѣющемъ церковь, для того, чтобы не приходилось строить церковь и содержать причтъ на средства колоніи, какъ-то оказалось необходимымъ здѣсь.

Какъ бы то ни было, впрочемъ, петербургская колонія, сколько бы она ни стоила, въ высшей степени полезна, какъ положившая начало весьма важному и обширному дѣлу. Намъ хотѣлось только показать, что дѣло это, въ такихъ размѣрахъ, которые одни могутъ придать ему дѣйствительно - социальное значеніе, вполнѣ возможно, и изыскать тѣ условія, при которыхъ оно могло бы осуществиться именно въ такихъ размѣрахъ. Иначе, оно навсегда останется оплотомъ, социального значенія неимѣющимъ.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ о судимости малолѣтнихъ оказывается, что петербургская колонія, принимая только малолѣтнихъ всего района петербургской судебной палаты, должна была бы принимать ихъ никакъ не болѣе 48-ми въ годъ, а за исключеніемъ осужденныхъ по маловажнымъ дѣламъ, навѣрное—еще гораздо меньше. Трехгодовая сложность воспитанниковъ, стало быть, ни въ какомъ случаѣ не могла бы превысить 150-ти. Будь это сдѣлано, и мы могли бы сказать, что въ губерніяхъ, входящихъ въ составъ этого района, ни одинъ малолѣтній не бросается, за преступленіе или проступокъ, совершенные въ малосознательномъ возрастѣ, въ жертву нравственному „тюремному тифу“, что, по крайней мѣрѣ, эти губерніи не приготавливаютъ себѣ, посредствомъ самихъ „исправительныхъ мѣръ“, закоренѣлыхъ преступниковъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, тогда самъ собою исчезъ бы вопросъ объ условности формы судебныхъ приговоровъ въ мировыхъ установленіяхъ и общихъ судахъ этихъ губерній; судьи знали бы, что мѣсто для всего числа осуждаемыхъ малолѣтнихъ въ петербургской колоніи обезпечено, и прямо приговаривали бы—несовершеннолѣтнихъ къ тюрьмѣ, малолѣтнихъ—къ отдачѣ въ колонію.

Отчетъ директора этой колоніи весьма любопытенъ въ разныхъ отношеніяхъ. Но что истекаетъ прежде всего изъ сообщаемыхъ въ немъ наблюденій, это—глубокая преданность дѣлу. Только при ней возможенъ такой надзоръ и такое попеченіе, которые даютъ началству колоніи возможность обрисовывать предъ нами, въ нѣсколькихъ словахъ, дышащихъ правдою, живыхъ личности, съ ихъ участіемъ до прибытія въ колонію, всѣми отбѣнками ихъ поведенія въ колоніи и судьбою большинства изъ нихъ послѣ выбытія изъ колоніи. Такой надзоръ и такіа попеченія производятъ отрадное впечатлѣніе; изъ спору, что при удвоеніи, утроеніи числа воспитанниковъ и вмѣстѣ сокращеніи издержекъ, этотъ надзоръ и эти попеченія не только усложнятся, но, по необходимости, ослабѣютъ. Но здѣсь вопросъ сводится уже на чисто-педагогическую почву: какой надзоръ можетъ быть еще достаточнымъ? Необходимость же увеличенія числа питомцевъ и уменьшенія издержекъ въ сравненіи съ петербургскою, при основаніи новыхъ колоній—очевидна и непреложна. Только при этихъ условіяхъ, повторяемъ, колоніи могутъ приобрести дѣйствительное социальное значеніе въ государствѣ.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА

1-е мая, 1878.

В ОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА.

Въ теченіи послѣдняго мѣсяца было много *юворено* новаго отно- сительно герцеговинскаго вопроса: съ вождями инсургентовъ гово- рилъ г. Веселитскій-Божидаровичъ, который въ Петербургѣ видѣлся съ нашимъ канцлеромъ, но порученія не имѣлъ; съ ними же гово- рилъ австрійскій губернаторъ баронъ Родичъ, имѣвшій официальное порученіе;—какъ тотъ, такъ и другой, говорили безъ успѣха. Припи- санныя бар. Родичу слова, о томъ, что Россія не можетъ помочь герцеговинцамъ, произвели раздраженіе въ нашихъ газетахъ; статьи ихъ были замѣчены въ Германіи и вызвали отпоръ со стороны нѣ- которыхъ органовъ прусскихъ и австрійскихъ; слова, приписанныя ба- рону Родичу, были опровергнуты. „Mémorial Diplomatique“ и „Neue Freie Presse“ выступили съ ретроспективными „разоблаченіями“ русской по- литики, которые оказались вымышленными. „Кѣльнская“ газета, не чуждая берлинскому бюрѣ но дѣламъ печати, въ нѣсколькихъ но- выхъ статьяхъ старалась изобличить русскую дипломатію въ двулично- сти, причемъ пользовалась, впрочемъ, не фактами, но тѣми же русскими газетными статьями. Болѣе близкій къ тому же бюрѣ органъ, „Сѣверо- германская“ газета, счелъ нужнымъ отречься отъ нападокъ „кѣльн- скихъ“ публицистовъ на Россію и принять ее подъ свою защиту, хотя и не безъ нѣкоторой колкости. Между тѣмъ, и послѣ того, когда въ Берлинѣ отъ нея такимъ образомъ отрепались болѣе или менѣе офици- озно, „Кѣльнская“ газета продолжала свое изобличеніе, съ той только разницею, что поставила вѣтъ вопроса—намѣреніе собственно русскаго правительства, но возлагала всю отвѣтственность въ двуличности— на русскую печать и на значительную „партію, существующую въ Россіи въ важныхъ кругахъ“. Наконецъ, появилось новое „сообще- ніе“ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, подтверждавшее существо- ваніе полного согласія между державами, притомъ не только тремя имперіями, но пятью великими державами, а даже и шестью, въ предположеніи, что Англія приметъ участіе въ представленіяхъ Портѣ относительно Черногоріи. Сообщение „Правительственного Вѣстника“ появилось вслѣдствіе тревожныхъ слуховъ, вызванныхъ извѣстіемъ, будто Порта „объявила войну“ Черногоріи и направляетъ на нее свои войска; слухи эти оказали большое вліяніе на цѣнность бумагъ въ петербургской биржѣ.

Вотъ сколько было говорено новаго за послѣднее время относительно герцеговинскаго вопроса. Между тѣмъ, что же собственно *дѣлалось* за это время, послѣ перваго соглашенія между шестью державами для поддержки ноты графа Андраши?

Нота эта положительно успѣха не имѣла. Порта обѣщала все, что отъ нея было потребовано, но герцеговинскіе воеводы не удовлетворились ни этой нотой, ни въ особенности обѣщаніями Порты исполнить совѣты Европы. Возстаніе продолжалось, и хотя не приняло вновь значительныхъ размѣровъ, но въ послѣднее время одержало нѣсколько несомнѣнныхъ успѣховъ, среди которыхъ главнымъ было отраженіе турецкихъ войскъ, направленныхъ на укрѣпленіе Никшичь, для снабженія его продовольствіемъ. Такъ какъ желаніе австрійскаго правительства положить конецъ возстанію не можетъ быть вопросомъ, а стало быть не подлежитъ никакимъ подозрѣніямъ и самая бдительность австрійскихъ начальствъ по прекращенію подвоза инсургентамъ оружія и подкрѣпленію ихъ силъ иностранными волонтерами чрезъ пункты австрійской территоріи, то спрашивается—откуда же инсургенты могли получать и припасы, и подкрѣпленія людьми?

Мы не знаемъ ни одного факта, который далъ бы намъ право принять на-слово турецкія увѣренія, что инсургенты снабжаются изъ Черногоріи и Сербіи; но, сказать правду, мы недоумѣваемъ, какииъ образомъ они иначе могли бы держаться. И все-таки, даже и допустивъ это предположеніе, мы должны признать, что есть огромная разница между негласнымъ сочувствіемъ княжествъ герцеговинцамъ и вступленіемъ черногорскихъ или сербскихъ войскъ на турецкую территорію, а стало быть и вступленіемъ турецкихъ войскъ на территорію черногорскую. Что Порта желала бы занять Черногорію, это довольно естественно. Можно даже, пожалуй, допустить, что Турція легче было бы открыто бороться съ Черногорією и герцеговинцами, чѣмъ подавить возстаніе въ Герцеговинѣ, имѣя подъ божомъ неприкосновенную Черногорію. Но это все-таки еще не оправдывало бы вступленія турецкихъ войскъ въ Черногорію.

Въ 1859 г. Австрія имѣла основаніе утверждать, что волненіе въ Ломбардіи не утихнетъ, пока его будутъ „подстрекать“ изъ Пьемонта. Но отсюда до права занятія Пьемонта австрійскими войсками было еще далеко, и когда они туда дѣйствительно вступили, то вопросъ тотчасъ получилъ новую постановку: изъ внутренняго окончательнаго превратился въ международный, и изъ области дипломатической перешелъ въ область войны, въ которую вмѣшалась третья, сосѣдняя держава.

Ничто въ этомъ родѣ представляютъ и нынѣшнія отношенія Тур-

динъ къ Черногоріи изъ-за герцеговинскаго вопроса. Несмотря на послѣдовавшее уже дипломатическое вѣнзательство державъ, герцеговинскій вопросъ продолжаетъ признаваться внутреннимъ вопросомъ Турціи; требованія державъ заботливо облечены въ самую мягкую форму совѣтовъ; обѣщаніе реформъ султана дано „изъ милости“ къ своимъ подданнымъ и изъ „дружбы“ къ европейскимъ правительствамъ. Но, каковы бы ни были его мотивы къ занятію турецкими войсками Черногоріи, лишь только, противъ ясно выраженной воли Россіи, бунчуки появились бы въ Черныхъ горахъ, вся постановка вопроса тотчасъ намѣнилась бы, весьма опаснымъ образомъ. Сама Порта сдвинула бы его прямо на почву международную, и даже на поле войны... Между кѣмъ? — вотъ тотъ вопросъ, который могъ бы представиться тогда.

Инсургенты счумѣли въ заявленіяхъ своихъ избѣгнуть всякой неясности. Они не отвергли рекомендованную державами ноту графа Андранш, не отвѣчали на нее провозглашеніемъ независимости Герцеговины. Нѣтъ, они высказали даже благодарность державамъ за ихъ вонеченія и признали, что въ рекомендованной нотѣ содержится важныя реформы; они не согласились только положить оружія вслѣдствіе однихъ обѣщаній Порты, выразили недовѣріе къ ея обѣщаніямъ и потребовали нѣкоторыхъ фактическихъ гарантій. Быть можетъ, во мнѣнію нѣмкихъ дипломатовъ, они потребовали слишкомъ многого, потребовали невозможнаго. Но и въ такомъ случаѣ, даже если допустить, что вожди инсургентовъ сами не имѣли надежды, чтобы просимыя ими гарантіи могли быть предоставлены имъ, и формулировали, какъ просьбу, вмѣсто отказа,—то все-таки слѣдуетъ признать, что они счумѣли ловко обойти затрудненіе. Еслибы они прямо отказались отъ обѣщанныхъ уступокъ и провозгласили независимость Герцеговины, то та дипломатія, которая имъ враждебна, стала бы домогаться нѣтъ для прекращенія востанія, заявляющаго полную неоспорчивость; ихъ выставили бы мечтателями, виноватыми передъ державами. Но можно ли видѣть мечтателей въ нихъ за то, что они только не полагаются слѣпо на обѣщанія Порты, и виновныхъ передъ Европой, когда они прямо объявили, что „принимать реформы, предложенныя высокимъ императорско-австрійскимъ правительствомъ“, и просить только гарантій, чтобы дожидаться дѣйствительнаго осуществленія этихъ реформъ?

Раздраженіе, какое вызвали въ нашихъ газетахъ слова, приписанныя барону Родичу, было бы въ сущности неосновательно, если бы даже онъ и произнесъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, рѣчь, съ которою онъ обратился къ представителямъ инсургентовъ въ Суторинѣ, имѣла хотя и оффиціальныи, но вмѣстѣ съ тѣмъ патріархальный характеръ.

Въ ней почти въ каждомъ періодѣ упоминалось о державахъ и „въ особенности всемілостивѣйшемъ императорѣ и королѣ“; но это все не значило, что ему предписано было говорить такъ, съ цѣлью увѣрить инсургентовъ, что все зависѣло и зависить отъ Австріи. Частое повтореніе этихъ словъ въ томъ же порядкѣ указывало, что это была просто бюрократическая форма. Но при всей официальнойности своей рѣчи, баронъ Родичъ очевидно старался въ ней „снизойти“ на предполагаемый уровень понятій слушателей; въ ней упоминалось и о „воздушныхъ замкахъ“, приводилось сравненіе въ родѣ нашего „журавля и синицы“. Стало быть, еслибы, стараясь такимъ фамильярнымъ просторѣчіемъ сильнѣе подѣйствовать на слушателей, онъ и упомянулъ, что Россія далеко, и рассчитывать на ея помощь—напрасно, то это бы еще значило не много, и не могло бы составить международной обиды. Вѣдь это говорилъ не министръ въ парламентѣ, не членъ правительства, эта рѣчь была не актомъ, но бесѣдой. Онъ убѣждалъ инсургентовъ положиться на истребованныя всѣми державами, а слѣдовательно и Россією, реформы, разойтись по домамъ, пользуясь дополнительно обѣщанными Портою: амнистіею, безопасностью отъ мести магометанъ, помощью для постройки вновь разрушенныхъ домовъ и церквей, освобожденіемъ на годъ отъ десятинной подати и на два года отъ другихъ налоговъ. Всѣ эти обѣщанія были даны Портою даже независимо отъ принятыхъ ею пяти пунктовъ программы графа Андраши.

На это инсургенты отвѣчали въ особой запискѣ (меморандумѣ), которую они подали бар. Родичу. Въ этомъ документѣ выражалась величайшая благодарность одному австрійскому правительству, превозносились въ самыхъ громкихъ словахъ заботы „благородной, великодушной“ Австріи. Инсургенты отвѣчали не представителю европейской дипломатіи, но австрійскому чиновнику, ближайшему австрійскому губернатору, и потому упоминали только о стараніяхъ Австріи. Они заявляли, что принимаютъ предложенія ея реформы, но не могутъ возвратиться къ своимъ разрушеннымъ очагамъ въ силу однихъ обѣщаній Турціи, и просятъ не осуждать ихъ за то, что считаютъ необходимыми для себя при этомъ нѣкоторые „дѣйствительныя гарантіи безопасности и улучшенія въ бытѣ“. Эти дѣйствительныя гарантіи указываются инсургентами, въ слѣдующихъ сами пунктахъ: 1) чтобы христіане въ Герцеговинѣ получили въ собственность не менѣе третьей части земли, такъ какъ безъ такой собственности они не могутъ жить и предпочитаютъ „скорѣе умереть“; 2) чтобы турецкія войска навсегда были выведены изъ Герцеговины, за исключеніемъ гарнизоновъ въ мѣстахъ тутъ же обозначенныхъ мѣстахъ; 3) чтобы турецкое правительство не только выстроило вновь сожженные

дома и деревни, но и снабдило всё христіанскія семейства продовольственными средствами на годъ и земледѣльческими орудіями, и отъ всѣхъ податей освободило христіанъ на три года; 4) чтобы прежде, чѣмъ герцеговинскіе христіане положатъ оружіе, сложили его сперва всѣ мусульмане, и самыя реформы были окончательно приведены въ дѣйствіе; 6) чтобы вожди возстанія допущены были къ переговорамъ съ властями для составленія положенія въ смыслѣ реформъ графа Андрани, съ распространеніемъ этихъ реформъ и на тѣ округа Босніи и Герцеговины, которые не участвовали въ возстаніи; 6) чтобы деньги, которыя назначить Порты, для возобновленія домовъ и церквей, переданы были ею въ руки особой египетской комиссіи, такъ какъ иначе они не дойдутъ до назначенія; и наконецъ 7) чтобы въ мѣста указанныхъ для содержанія турецкихъ гарнизоновъ были назначены агенты отъ Австріи и Россіи для наблюденія за осуществленіемъ реформъ.

Дипломаты могутъ найти, что нѣкоторыя изъ этихъ требованій преиризмъ; навр. тѣ, которыя касаются выведенія турецкихъ войскъ навсегда, кромѣ шести гарнизоновъ, и сохраненіе оружія повстанцами до полного осуществленія реформъ. Но нѣтъ возможности отрицать справедливости того заявленія, что если деньги отъ Порты должны будутъ выдаваться не чрезъ посредство консуловъ, а прямо въ руки турецкихъ чиновниковъ въ руки христіанъ, то послѣдніе никогда денегъ не получатъ. Въ этомъ пунктѣ особенно вожди возстанія оставили дипломатію лицомъ къ лицу съ основной трудностью, съ невѣроятностью дѣйствительнаго осуществленія Турціею того, что державы выхлопотали для герцеговинцевъ и на что онѣ притязали на ихъ положеніе. Не мѣшаетъ еще замѣтить, что рѣшеніе поземельнаго вопроса, которое въ программѣ графа Андрани поставлено было послѣднимъ пунктомъ, подлежащимъ только «постепенному» осуществленію, въ требованіяхъ инсургентовъ является на первомъ мѣстѣ, въ видѣ необходимѣйшаго условія, буквально — «условія жизни». Такъ расходятся живыя требованія народа съ отягощенными формулами дипломатіи.

Вслѣдъ затѣмъ, командованный турецкими войсками Мухтаръ-паша, въ дописаніяхъ о дѣлахъ, въ которыхъ инсургенты имѣли положительный успѣхъ, хотя и не призналъ ихъ успѣха, конечно, но прямо упомянулъ, что на этотъ разъ открыто проявилось содѣйствіе Черногоріи инсургентамъ. Быть можетъ, Мухтаръ-паша упомянулъ объ этомъ только съ цѣлью окрасить свой успѣхъ, но, быть можетъ, также, что ему предписано было изъ Константинополя отозваться о Черногоріи такъ, какъ это онъ сдѣлалъ, чтобы оправдать предположенныя противъ нея Портой мѣры. Тотчасъ разнеслись извѣстія, что

рѣшено сосредоточить въ Скутари, въ Албаніи, значительныя силы, и затѣмъ даже, что партія войны беретъ въ Константинополѣ верхъ и что предстоитъ вступленіе турецкихъ войскъ въ Черногорію. Порта въпослѣдствіи опровергла эти извѣстія, но очень можетъ быть, что такое опроверженіе было не столько опроверженіемъ ея дѣйствительныхъ намѣреній, сколько измѣненіемъ этихъ намѣреній, отказомъ отъ нихъ, подъ вліяніемъ новыхъ представленій европейской дипломатіи. Достоверно во всякомъ случаѣ, что Порта начала приводить въ движеніе свой обсервационный отрядъ, назначенный для наблюденія за Сербією, и направляетъ часть его отъ Нитчи на Скутари. Намѣреніе турецкаго правительства собрать укрѣпленный лагерь въ Скутари не было, впрочемъ, отвергаемо и въ послѣдовавшихъ опроверженіяхъ относительно предполагаемаго занятія Черногоріи.

Обстоятельства приняли такой оборотъ, что наше правительство рѣшилось взять на себя починъ въ устраненіи близкой опасности и вызвало съ этой цѣлью, путемъ телеграфа, представленіе пяти державъ въ Константинополѣ противъ вступленія турецкихъ войскъ въ Черногорію. Намъ государственный канцлеръ пригласилъ къ себѣ посланниковъ пяти великихъ державъ въ воскресенье, 11 (23) апрѣля; затѣмъ телеграмма изъ Константинополя, отъ 11 (23) апрѣля, извѣстила, что великій визирь имѣлъ свиданіе съ русскимъ и англійскимъ послами, и объявилъ имъ, что вступленіе турецкихъ войскъ въ Черногорію вовсе не предполагается, а на слѣдующій день появилось въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ извѣстное сообщеніе.

Въ немъ подтверждалось, что согласіе между державами „поддерживается твердо, въ видахъ умиротворенія Востока“. Опасность того оборота, какой-было принимали дѣла, косвенно признавалась „сообщеніемъ“, которое упоминало о „нѣкоторыхъ затрудненіяхъ“, отымаясь о нихъ такъ, что они „не могутъ быть выше соединенной воли цѣлой Европы“. Далѣе объяснялось, что вслѣдствіе извѣстія о предполагаемомъ вторженіи Черногоріи, Россія пригласила пять державъ отклонить Порту отъ всякихъ наступательныхъ военныхъ дѣйствій и что четыре державы уже отозвались на это приглашеніе, и что хотя англійское посольство еще не получило отвѣта отъ своего правительства, но есть основаніе ожидать, что Англія присоединится къ прочимъ державамъ, „такъ какъ дѣло идетъ о предупрежденіи чрезвычайно опаснаго взрыва“. Въ заключеніе, въ „сообщеніи“ упоминались „болѣе удовлетворительныя извѣстія“ изъ Константинополя, а именно, что Порта опровергаетъ намѣреніе противъ Черногоріи и удостовѣряетъ, что принятые военныя мѣры по направленію въ Скутари „имѣютъ цѣль чисто-оборонительную“. Петербургская биржа

уничтожались какъ этимъ „сообщеніемъ“, такъ и свиданіемъ, которое имѣло по этому предмету представители здѣшнихъ частныхъ банковъ съ управляющимъ государственными банкомъ, и цѣныныя бумаги значительно поднимались; такъ, на вытѣрженныхъ займахъ разность въ цѣнахъ, въ теченіи всего какихъ-нибудь пяти дней, доходила до 16-ти рублей.

Что же будетъ далѣе и насколько представляются основательныя распространявшееся-было опасеніе, что герцеговинскій вопросъ можетъ-таки нарушить согласіе между державами и повести къ европейской войнѣ? Чтобы отвѣтить прямо на эти вопросы, можно высказать предположеніе, что по герцеговинскому дѣлу дипломатія предумаетъ теперь новую комбинацію, въ которой допущено будетъ нѣкоторое практическое дополненіе къ проекту Андраши, и что возникновеніе изъ-за герцеговинскаго вопроса европейской войны не-ѣроятно, ни теперь, ни впоследствии. При этомъ, разумѣется, надо сдѣлать оговорку относительно какихъ-либо совершенно непредвидимыхъ, чрезвычайныхъ случаевъ.

Объяснимъ обѣ части высказаннаго намъ предположенія. Необходимость какой-нибудь практической гарантіи въ дополненіе къ проекту графа Андраши доказывается не только уклоненіемъ инсургентовъ отъ немедленной покорности султану и тѣми соображеніями, которыя изложены въ ихъ меморандумѣ къ державамъ, но еще — и болѣе всего — фактическими успѣхами, ими одержанными за послѣднее время. Возстаніе хотя и не принимаетъ огромныхъ размѣровъ, но нисколько не ослабѣваетъ, и въ частности въ Босніи постепенно распространяется. Несмотря на австрійское наблюденіе, оружія и припасовъ у инсургентовъ оказывается достаточно. Пусть это происходитъ хотя бы отъ того, что въ Цетинѣ есть оружейный заводъ; дѣло отъ этого обстоятельства не измѣняется, потому что напасть на Черногорію туркамъ не дозволено, да и не можетъ быть дозволено. Готовность Черногоріи и населенія, если не правительства Сербіи, принять участіе въ движеніи не подлежитъ сомнѣнію. Въ Вѣлградѣ недавно, по поводу празднованія годовщины сербской независимости, былъ устроенъ такъ называемый „кошачій концертъ“ передъ домохъ представителя „благородной, великодушной, такъ много заботящейся объ участи герцеговинскихъ христіанъ Австріи“, — какъ выражались инсургенты въ своемъ отвѣтѣ барону Родичу. Австрійскій консулъ потребовалъ отъ сербскаго правительства формальнаго удовлетворенія, грозясь въ противномъ случаѣ спустить австрійскій флагъ и выѣхать изъ Вѣлграда. Удовлетвореніе это было ему дано.

Итакъ, условія, которыми обставлено возстаніе, нисколько не сдѣлались болѣе неблагоприятными ему, послѣ попытки державъ рѣшить

дѣло на основаніи проекта Андрани. Сверхъ того, инсургентамъ удалось послѣ этой попытки одержать надъ турками несомнѣнные боевые успѣхи. Ясно, что проектъ Андрани теперь уже устарѣлъ: событія обогнали его. Но, какъ замѣчаетъ самъ „Times“, „не всѣ еще средства дипломатіи истощены ею“. Если одинъ рецетъ не удался, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что надо отказаться отъ леченія; можно придумать еще одинъ рецетъ, и даже не одинъ, а нѣсколько, постепенно, одинъ за другимъ. Наиболее необходимъ, кажется, представляется учрежденіе европейской комиссіи или конференціи для наблюденія за исполненіемъ реформъ, предложенныхъ графомъ Андрани и для „содѣйствія“ имъ, въ видѣ посредничества, при водвореніи инсургентовъ на родины и передачи имъ средствъ, назначенныхъ на ихъ содержаніе и отстройку ихъ домовъ. Форма можетъ быть придумана такая, которая наружнымъ образомъ не составляла бы нарушенія верховныхъ правъ Порты, но именно представляла бы „содѣйствіе“ ихъ отправленію, впрочемъ, въ смыслѣ истребованныхъ уже обѣщаній. Вѣроятно, будетъ придумано что въ этомъ родѣ, и такое дополненіе къ проекту Андрани будетъ предметомъ новаго дипломатическаго соглашенія и ходатайства.

Но допустимъ, что никакое новое дипломатическое соглашеніе не состоялось бы или не могло бы подѣйствовать. Тогда державы, и въ томъ числѣ Россія, не будутъ уже въ состояніи неопредѣленное время запрещать Портѣ наступательныя дѣйствія противъ Черногоріи, потому что иначе имъ пришлось бы самимъ принять вооруженныя мѣры для умиротворенія Герцеговины. Невозможно было бы исторгать отъ Турціи обѣщаніе за обѣщаніемъ, не давъ ей, наконецъ, когда-нибудь, съ своей стороны, обѣщанія, что или возстаніе,—въ случаѣ новыхъ отказовъ его вождей на предложенія державъ,—будетъ прекращено иностраннымъ занятіемъ, или, что Портѣ развязаны будутъ руки относительно Герцеговины. А если окажется неизбежнымъ то или другое, то вѣроятно, что будетъ предпочтено—послѣднее. Занятіе Герцеговины европейскими войсками—дѣло весьма трудное, даже опасное; наоборотъ, не возобновлять представленій противъ вторженія турецкихъ войскъ въ Черногорію державамъ весьма легко, и хотя этотъ оборотъ былъ бы тоже опасенъ, но опасность его менѣе непосредственно угрожала бы европейскому миру, чѣмъ вступленіе австрійскихъ войскъ въ Герцеговину.

Въ частности для Россіи не дѣлать новыхъ представленій противъ вторженія турокъ въ Черногорію не такъ неудобно, какъ допустить занятіе Герцеговины австрійцами. Въ первомъ случаѣ могло бы только повториться то, что уже было въ 1862 году, причѣмъ Россія все-таки не утратила сочувствія черногорцевъ; во второмъ

лучш, вступленіе австрійцевъ въ Герцеговину съ согласія державъ имѣло бы такой смыслъ, какъ будто Россія уполномочила ихъ подавить возстаніе, то-есть какъ будто бы она сама согласилась покорить инсургентовъ султану австрійскими штинками.

Да, впрочемъ, австро-венгерское правительство, повидимому, и само не желаетъ, чтобы ему выпала эта роль—усмирить герцеговинское возстаніе. Въ Венгріи относятся къ этому рѣшительно—неблагопріятно, а въ средѣ австрійскихъ славянъ дѣйствіе это вызвало бы несомнѣнное раздраженіе. Даже англійскія газеты, которыя сперва усиленно натакивали Австрію на занятіе Герцеговины, теперь стали опасиваться отъ этой мысли, въ виду того, что осуществленіе ея могло бы не рѣшить вопроса о реформахъ, а между тѣмъ непременно имѣло бы неудовольствіе въ самой Герцеговинѣ, среди всѣхъ славянъ Турціи и Австріи, въ Сербіи, Черногоріи и Россіи.

Итакъ, въ случаѣ окончательнаго неуспѣха дипломатіи въ рѣшеніи герцеговинскаго вопроса, всего вѣроятнѣе, что когда-нибудь турки получатъ возможность вступить въ Черногорію. Если это будетъ сдѣлано безъ нарушенія прямо-выраженной Россіею воли, то нѣтъ, какіе бы размѣры ни приняла борьба на Балканскомъ полуостровѣ, нѣтъ причины думать, что миръ будетъ нарушенъ за предѣлами его, въ Европѣ. Вѣроятно только одно, что, отказавшись въ такомъ случаѣ отъ дальнѣйшихъ представленій въ Константинополѣ, Россія должна была бы въ то же время отказаться и отъ дальнѣйшихъ представленій въ Бѣлградѣ. Турція была бы вольна напасть на Черногорію, но и Сербія получила бы возможность принять участіе въ войнѣ. Тогда племенамъ Балканскаго полуострова была бы предоставлена полная свобода дѣйствій, обѣимъ сторонамъ возможность помиряться всѣми своими силами.

Друзья полного освобожденія славянъ отъ турокъ и могутъ въ настоящее время разсчитывать только на такой оборотъ дѣлъ; едва ли они могутъ основательно ожидать чего-либо иного, а именно—столкновенія между державами и рѣшенія восточнаго вопроса въ пользу славянъ европейской войною, то-есть, собственно говоря—силою Россіи. Дѣло въ томъ, что еслибы даже Россія желала въ настоящее время оказать помощь возстанію славянъ, то она все-таки не можетъ пойти далѣе того, чтобы развязать руки Сербіи, какъ выражаются нѣмецкія газеты, „напустить“ ее на Турцію. А это можетъ произойти само собою, безъ всякаго почина со стороны Россіи, можетъ, какъ объяснено выше, явиться естественнымъ результатомъ уклоненія Россіи отъ всякаго участія въ дѣлѣ, а не наступательнаго участія ея въ немъ.

Суть въ томъ, что еслибы мы хотѣли въ данную минуту принять

такое наступательное участіе въ дѣлѣ, то куда же мы направимъ наши войска? Положеніе дѣла теперь совсѣмъ иное, чѣмъ было въ 1853 году. По географическимъ условіямъ теперь, какъ и тогда, мы можемъ двинуть войска на Балканскій полуостровъ только чрезъ Румынію. Но въ то время Румыніи не существовало, были только два вассальныя княжества, не претендовавшія ни на какую государственность, и эти два княжества состояли подъ прямымъ покровительствомъ Россіи. Теперь совсѣмъ не то. Существуетъ румынская національность, румынское государство, которое заключаетъ международные (хотя бы торговые) трактаты, подъ нашимъ формальнымъ покровительствомъ оно не состоитъ, а на княжескомъ престолѣ находится членъ прусскаго королевскаго дома. Румыніи не имѣтъ славянскихъ интересовъ. Идти на помощь герцеговинцамъ чрезъ Румынію нинѣ значило бы *напастъ* на Румынію, для того, чтобы помочь герцеговинцамъ или черногорцамъ. Это невозможно. Дѣйствительный путь нашъ въ Герцеговину лежать черезъ Австрію. Но вступить на этотъ путь нельзя иначе, какъ еслибы Австрія сама начала столкновеніе, занявъ Герцеговину противъ нашей прямо-выраженной воли, а это, какъ мы сейчасъ увидимъ, невѣроятно. Итакъ, опасность для мира со стороны Россіи явиться не можетъ уже потому, что Россія матеріально не можетъ дать повода къ столкновенію, не можетъ начать его.

Другая сосѣдняя держава — Австрія. Сколько извѣстно, она не желаетъ присоединенія Герцеговины къ себѣ, такъ какъ это усилило бы въ ней славянскій элементъ. А безъ такой цѣли занимать войсками Герцеговину значило бы принять на себя совершенно неблагоприятную полицейскую роль. Но предположимъ на минуту, что Австрія пожелаетъ сдѣлать то или другое. Возможно ли однако допустить, чтобы она рѣшилась на это вопреки прямой волѣ Россіи, чтобы она рѣшилась начать войну съ Россіей, полагаясь на одніе свои силы? Это допустить трудно. Стало быть, кто предполагаетъ, что Австрія можетъ вступить въ войну съ Россією, тотъ тѣмъ самымъ предполагаетъ, что Австрія напередъ заручится поддержкою со стороны Германіи, на случай нужды.

А этого предположенія допустить невозможно. Оставимъ въ сторонѣ соображенія о дружбѣ, связывающей правительства, такъ какъ, толкуя о возможности столкновенія, ихъ по необходимости оставляютъ всегда безъ вниманія. Возьмемъ только реальнѣйшія условія. Германія можетъ отказывать намъ въ содѣйствіи, какъ мы можемъ отказывать ей въ содѣйствіи — и больше ничего. Вступать съ нами въ войну она положительно не можетъ, и грозныя намѣки „Кальской“ газеты на исходъ войны 1853 — 1856 годовъ не имѣютъ никакого

смысла. Дѣло въ томъ, что положеніе Россіи въ двухъ весьма важныхъ отношеніяхъ благоприятнѣе, чѣмъ положеніе Германіи. Во-первыхъ, въ случаѣ войны съ нею, наша „ставка“, то-есть все, чего мы можемъ лишиться, представляется однимъ царствомъ польскимъ. Ничто русское отъ Россіи отойти не можетъ. Пруссія же, которая управляетъ Германіею, поставила бы на карту войны все, что она приобрѣла съ 1866 года, все свое значеніе въ Германіи и въ Европѣ; многое можетъ отойти отъ Пруссіи, еще кромѣ того, что можетъ быть отторгнуто отъ Германіи. Во-вторыхъ, Россія можетъ мѣнять свои союзы, а Германія, то-есть Пруссія — не можетъ. Она принуждена держаться своихъ нынѣшнихъ союзовъ, а нарушивъ который-либо изъ нихъ, могла бы стать между двухъ огней. Итакъ, независимо отъ дружбы, связывающей правительства, самая сила всѣхъ обстоятельствъ такова, что европейская война изъ-за герцеговинскаго вопроса совершенно невѣроятна нынѣ, даже и въ томъ случаѣ, еслибы европейская дипломатія въ усиліяхъ своихъ окончательно встрѣтила неуспѣхъ, и война собственно на Балканскомъ полуостровѣ приняла обширнѣе размѣры, — что вовсе не невозможно и въ настоящее время. Въ эту минуту Турціи даже выгодно, что ей связываютъ руки относительно Черногорин, такъ какъ въ то-же время связаны руки и Сербинъ въ отношеніи Турціи; но когда Турція развяжетъ себѣ руки относительно Черногорин, то, конечно, такая же свобода будетъ предоставлена и Сербинъ противъ Турціи, — и тогда безъ всякой европейской войны Балканскій полуостровъ рѣшить восточный вопросъ собственными наличными силами.

ПАРИЖСІЯ ПИСЬМА

XIV *).

Очерки изъ новой исторіи Ругоновъ: «Винный погребокъ» ¹⁾.

На этотъ разъ я ностунлю, какъ эгоистъ: займусь самимъ собою. Такъ какъ вашъ журналъ до сихъ поръ знакомилъ своихъ читателей съ моею исторіею фамиліи Ругоновъ, включительно до послѣднѣго изъ ея героев, Эжена Ругона, то я хочу на этотъ разъ взять на себя трудъ познакомить ихъ съ продолженіемъ той же исторіи, которая на-дняхъ начала выходить здѣсь въ фельетонѣ газеты „Bien Public“, въ заглавіи „L'Assommoir“. Я знаю, что „Вѣстникъ Европы“ не мѣщаетъ переводовъ съ печатнаго текста, а ограничивается въ подобномъ случаѣ однимъ анализомъ или очерками. Я беру на себя именно такую работу, и останавлиюсь преимущественно на тѣхъ частяхъ новаго романа, которыя не попали еще въ печать. Пусть это будетъ виѣстъ съ тѣмъ и комментариемъ къ моему роману.

Во-первыхъ, надо пояснить заглавіе, заимствованное изъ круга парижскихъ предмѣстievъ. Народъ зоветъ *assommoir* — мѣсто погребки, гдѣ алкоголь фабрикуется на мѣстѣ. Виноторговцы-фабриканты могутъ дешевле продавать водку; кромѣ того, эта водка очень крѣпка и быстро „ошеломляетъ“ (*assomme*) кліентовъ погребка. Но я расширилъ значеніе этого слова и распространилъ его на всю обстановку рабочей среды, на невѣжество, пороки и нищету, которыя въ нашихъ рабочихъ кварталахъ мало-по-малу превращаютъ труженниковъ въ ораву обормоченныхъ пьяницъ. Мы видимъ, какъ двуногое животное попадаетъ въ эти ямы по чужой винѣ и по своей собственной.

Впрочемъ, это не романъ въ обычномъ значеніи этого слова: это просто-на-просто рядъ картинъ, показывающихъ дѣйствительную жизнь рабочихъ, какъ она сложилась въ Парижѣ. Романическій элементъ вполне отсутствуетъ. Я старался показать народъ во всѣхъ фазахъ его существованія; какъ онъ трудится, какъ онъ женится, умираетъ, благоденствуетъ и пресмыкается въ нищетѣ. Если хотите, это обширное изслѣдованіе міра все еще мало извѣстнаго, о которомъ до сихъ поръ романисты толковали или съ напускнымъ ожесточеніемъ, или съ ложнымъ пафосомъ.

*) См. выше: апр. 874 стр.

¹⁾ „L'Assommoir“.

Итакъ, сюжетъ крайне простъ. Я рассказываю исторію одной рабочей семьи, медленное паденіе этой семьи, подъ вліяніемъ той среды, въ какой она вращается. Жервезу Маккаръ, прачку, привезъ въ Парижъ, вмѣстѣ съ двумя дѣтьми, Клодомъ и Этьеномъ, ея любовникъ, шпачникъ, по имени Лантье. Они живутъ какъ мужъ и жена, проѣдаютъ все-какія деньжонки, привезенныя изъ провинціи, и Лантье бросаетъ Жервезу съ двумя ребятишками. Въ это время цинковщикъ Купо влюбляется по уши въ молодую прачку и женится на ней, потому что не можетъ иначе обладать ею. Купо, мужъ и жена, въ эту эпоху своей жизни настоящіе труженики. Дѣла ихъ идутъ хорошо, они копятъ деньги и пользуются уваженіемъ всего квартала, квартала „Золотой Канли“, близъ Фебурга Пуассоньеръ. Но бѣда обрушивается на цинковщика; онъ падаетъ съ крыши и во время выздоровленія мало-по-малу привыкаетъ къ туесадству и пьянству. Между тѣмъ, его сосѣдъ, кузнецъ Гужэ, ссужалъ деньгами Жервезу, которая давно уже мечтаетъ основать прачешное заведеніе въ улицѣ „Золотая Канли“. Послѣ этого, Купо достигаетъ апогея своего благосостоянія. Мужъ все болѣе и болѣе втягивается въ бездѣльность и пьянство. Жена становится лакомкой. Они проѣдаютъ свое состояніе. Съ другой стороны, Лантье снова принимается ухаживать за Жервезой, когда находитъ ее въ блестящей обстановкѣ. къ этому моменту относится избранная мною глава, которую я намѣренъ передать цѣликомъ.

Но для болѣе ясной мнѣ нужно сообщить нѣсколько подробностей о второстепенныхъ лицахъ. М-ше Лорилья, жена шпачника и сестра Купо, ненавидитъ Жервезу. Она тщетно старалась разстроить свадьбу брата и безпрестанно ссорится съ золовкой. Гужэ, кузнецъ, о которомъ я упоминалъ, любитъ Жервезу робкой и неуверенной любовью: это идиллія гиганта, неосмысливающагося допущенія до женщины своими громадными ручищами. Виржини, жена городского сержанта Пуассона, пріятельница и повѣренная прачки. Наконецъ, я забылъ упомянуть, что у Купо есть дочь, Нана, и что изъ двухъ сыновей Лантье, только одинъ Этьенъ остался въ живыхъ.

Я нарочно держался вездѣ простонародной рѣчи, картинной и исколеченной терминовъ изъ argot. Невозможно описывать народъ и въ особенности заставлять его говорить, не заимствуя его рѣчи. Безъ сомнѣнія, эта особенность произведенія сгладится отчасти въ переводѣ. Но тѣмъ не менѣе, это такая подробность романа, на которую я не могу не указать, потому что придаю ей весьма важное значеніе.

Именины Жервезы приходились 19-го іюня. По праздникамъ у Купо пировали на славу; хозяйка и гости наѣдались до отвала, набивали брюхо на цѣлую недѣлю. Мошну растрасали безъ жалости. Какъ только въ семьѣ заводилась копѣйка, она ставилась ребромъ. Изобрѣтались новыя святки, чтобы найти предлогъ пображничать. Виржиніи всячески расхваливала Жервезу за то, что та не пропускаетъ случая полакомиться. Вѣдь съ пьяницей мужемъ чего-жъ церемониться? Что-жъ? чѣмъ дать ему пропить послѣднее, лучше прежде поѣсть хорошенько. Развѣ не дѣло? Ужъ все равно, вѣдь денежки переводятся, такъ ужъ лучше снести ихъ къ мяснику, чѣмъ въ винный погребъ. И Жервеза, втянувшись въ бражничанье, пользовалась такимъ извиненіемъ: Купо виновата, говорила она, что имъ никакъ теперь не скопить ни одного гроша. Онъ пьянствуетъ, отчего же и ей также не полакомиться. Она еще разжирѣла; хромала сильнѣе прежняго, потому что нога, распухшая отъ жира, точно будто стала короче.

На этотъ разъ толки о предстоящемъ пиршествѣ начались уже за мѣсяцъ до именинъ. Придумывали чего-бы поѣсть, и заранѣе облизывались. Всей прачешной смерть какъ хотѣлось пображничать. Надо было устроить пиръ горой, изобрѣсти что-нибудь небывалое и лакомое. Боже мой! не все вѣдь коту масляница. Всего болѣе озабочивало прачку, кого ей пригласить. Она хотѣла, чтобы гостей за столомъ было двѣнадцать человѣкъ—ни больше, ни меньше. Она сама, ея мужъ, шатап Купо, м-ше Лера—вотъ уже четверо своей семьи. Кромѣ того, она пригласить Гужѣ и Пуассоновъ. Сначала она давала себѣ слово ни за что не приглашать своихъ работниковъ, м-ше Пютуа и Клемансъ, чтобы онѣ не заважничали, но потомъ, такъ какъ при нихъ безпрестанно толковали про пирушку и фавіономин у нихъ вытягивались при этомъ, то она кончила тѣмъ, что позвала ихъ. Четыре да четыре—восемь, да еще два—десять. Тутъ, чтобы пополнить счетъ, она помирилась съ Лориаль, заискивающимъ у ней съ нѣкоторыхъ поръ; по крайней мѣрѣ рѣшено было, что Лориаль сойдутъ къ обѣду, и примиреніе совершится съ бокалами въ рукахъ. Нельзя же, разумѣется, весь свой вѣкъ грызться съ родными. Къ тому же, мысль о пирушкѣ смягчила всѣ сердца. Такого случая упускать не слѣдуетъ. Но только когда Боші, привратникъ и привратница дома, узнали о предполагавшемся примиреніи, то тотчасъ же начали лебезить передъ Жервезой, осыпать ее любезностями, встрѣчать заискивающей улыбкой, такъ что пришлось пригласить и ихъ. Ужъ куда ни шло. Пускай гостей наберется четырнадцать человѣкъ, не считая дѣтей. Никогда еще не доводилось ей задавать такого обѣда; и она была впопыхахъ, хотя и торжествовала.

Именины приходились какъ разъ въ понедѣльникъ. Это было

удаче; Жервеза рассчитывала уже въ воскресенье начать страпню. Въ субботу, въ то время, какъ гладильщицы оканчивали работу, въ прачешной долго обсуждали чего-бы такого поѣсть. Только одно кушанье было придумано уже три недѣли тому назадъ: жареный гусь. Когда о немъ заговаривали, то у всѣхъ слюньки текли. И даже гусь былъ уже купленъ. Матап Купо сходила за нимъ и показала Клемансъ и м-ше Пютуа. Онѣ расхохотались, такой онъ былъ громадный, да жирный.

— Начнемъ съ супа, неправда-ли?—сказала Жервеза.

— Супъ и кусокъ вареной говядины никогда не лишніе... Потомъ нуженъ соусъ, вотъ что затруднительно...

Долговязая Клемансъ предложила-было кролика, но всѣ закричали, что онъ надоелъ хуже горькой рѣдьки. Жервеза мечтала о болѣе тонкомъ блюдѣ. М-ше Пютуа упомянула о рагу съ бѣлымъ соусомъ изъ телятины, и всѣ переглянулись, ослабляясь до ушей. Вотъ такъ идея! Рагу изъ телятины съ бѣлымъ соусомъ— да это всѣ пальчики оближешь.

— Потомъ,—продолжала Жервеза,—нуженъ еще соусъ.

Матап Купо напоминала про рыбу. Но всѣ остальные скорчили гримасу, стуча утюгами сильнѣе прежняго. Никто не любилъ рыбы. Она совсѣмъ не сытна и костей въ ней не оберешься. Косой заяцъ Августинка, ученица, осмѣлилась заявить, что она любитъ рыбу сытъ; но Клемансъ заткнула ей глотку пинкомъ. Наконецъ, хозяйка придумала изготвить буженину съ картофелемъ, и лица снова раскраснѣли, какъ вдругъ вошла Виржини съ пылающимъ лицомъ.

— Вы пришли кстати!—закричала Жервеза.—Матап Купо, покажите-ка ей гуся.

И матап Купо вторично сходила за гусемъ, котораго Виржини должна была взять въ руки. Она ахнула. Ишь! раздуй его горой! какой онъ тяжелый! Но тотчасъ же положила гуся на гладильный столъ между юбкой и грудой рубашекъ. У ней не то было на умѣ, и она ушла Жервезу въ другую комнату.

— Слушайте, душенька,—торопливо прошептала она,—я пришла васъ предупредить... Вы никогда не угадаете, кого я встрѣтила на улицѣ? Лантье, моя милая. Онъ бродить тутъ около, сторожить васъ... Тутъ я пустилась къ вамъ со всѣхъ ногъ. Меня это испугало— за васъ, понимаете.

Прачка поблѣднѣла какъ полотно. Чего отъ нея хочетъ этотъ негодяй? И надо же, чтобы онъ свалился какъ снѣгъ на голову, когда она готовится отпраздновать именины. Нѣтъ ей ни въ чемъ удачи; никогда не дадутъ ей спокойно повеселиться! Но Виржини отвѣчала, что охота ей такъ тревожиться. Лопни ея глаза, если она не позоветъ полицейскаго, вздумай Лантье пристать къ ней. Въ послѣдній

мѣсяцъ, съ тѣхъ поръ, какъ мужъ ея получилъ мѣсто городского сержанта, долговазая брюнетка напускала на себя необычайную развязность и собиралась всѣхъ сажать подъ арестъ. Она возвысила голосъ, высказывая желаніе, чтобы кто-нибудь присталъ къ ней на улицѣ, только для того, чтобы доставить ей удовольствіе отвести ихъ на гауптвахту и сдать его Пуассону, но Жервеза жестокъ попросила ее замолчать, потому что работницы слушали ихъ. Она первая вернулась въ прачешную и заговорила, прижимаясь спокойной:

— Теперь необходимо блюдо съ овощами.

— Гмъ! Зеленый горошекъ съ свинымъ саломъ, — сказала Виржини.

— Я бы, кажется, каждый день готова была ѣсть его.

— Да, да, зеленый горошекъ съ свинымъ саломъ! — одобрили всѣ остальные, въ то время, какъ Августинка въ азартѣ изъ всей силы мѣшала вочергой въ печи.

На другой день, въ воскресенье, съ трехъ часовъ, маман Купо затопила обѣ домашнихъ плиты и третью, которую взяли напрокатъ у Бошей. Въ половинѣ четвертаго вода уже кипѣла въ большой кастрюлѣ; ее одолжилъ сосѣдній ресторанъ, такъ какъ домашняя кастрюля показалась слишкомъ мала. Рѣшено было наканунѣ приготовить рагу изъ телятины и буженину, потому что эти кушанья муснѣе разогрѣтыя; только соусъ для рагу приготовится въ тотъ моментъ, какъ садиться за столъ. На понедѣльникъ останется довольно дѣла и безъ того: супъ, горошекъ съ свинымъ саломъ, жаренный гусь. Само собою разумѣется, что со всѣмъ этимъ въ одинъ день не управиться. Комната освѣщалась пламенемъ трехъ горящихъ очаговъ; въ горшочкахъ поджаривалось масло; слышался сильный запахъ подожженной муки, между тѣмъ какъ отъ большой кастрюли валилъ паръ, какъ изъ паровика, и она издавала протяжное и торжественное журчанье. Маман Купо и Жервеза въ бѣломъ передникѣ, позаванномъ у талин, суетились въ комнатѣ, чистили петрушку, хватались за соль и перецъ, поворачивали говядину деревянной ложкой. Они прогнали изъ дому Купо, чтобы было просторнѣе. Но тѣмъ не менѣе у нихъ цѣлый день толкался народъ. Изъ кухни такъ хорошо пахло, что сосѣдки сходились одна за другой и заглядывали подъ различными предлогами единственно лишь затѣмъ, чтобы узнать, что такое варилось. И торчали до тѣхъ поръ, пока прачка вынуждена была приподнять крышки съ горшковъ. Затѣмъ, около пяти часовъ, появилась Виржини; она опять видѣла Лантье; рѣшительно стоитъ только высунуть носъ на улицу, и онъ тутъ какъ тутъ. М-ше Бошъ тоже видѣла его на тротуарѣ, онъ поглядывалъ кругомъ съ видомъ человека себѣ на умѣ. Тогда Жервеза, собиравшаяся идти купить поджареннаго лука для супа, затряслась и не рѣшилась выглянуть

на улицу, тѣмъ болѣе, что привратница и нивес настрашали ее, сказавъ разныхъ ужасовъ про мужчинъ, ожидавшихъ женщинъ съ ножами и заряженными пистолетами подъ пальто. Небось! развѣ не бываетъ! Объ этомъ только и читаешь въ газетахъ; когда одному изъ этихъ подлецовъ втемяшится въ голову снова примазаться къ старой душенькѣ, то отъ него можно всего ждать. Виржини обязательно предложила сбѣгать за поджареннымъ лукомъ. Женщины должны помогать другъ другу и нельзя же допустить, чтобы уекопили ихъ голубѣу. Вернувшись, она сообщила, что Лантье и слѣдъ простылъ; онъ, должно быть, замѣтилъ, что за нимъ наблюдаютъ, и наострилъ лыжи. Тѣмъ менѣе до самаго вечера у плиты только и разговору было, что про него. М-ше Бошъ посоветовала извѣстить Купо, но Жервеза себя не вспомнила отъ страху и умоляла ихъ ни слова не говорить мужу. Вотъ еще не было печали! Мужъ и безъ того, должно быть, догадывается, потому что съ нѣкоторыхъ поръ, ложась спать, ругается и стучитъ кулакомъ въ стѣну. Она тряслась какъ осиновый листъ, при мысли, что оба мужчины перегрызутся изъ-за нея. Она знаетъ Купо: онъ такъ ревнивъ, что способенъ пырнуть Лантье своими большими ножницами. И въ то время, какъ всѣ четыре женщины погружались въ эту драму, горшочки въ печи, на золѣ, тихонько шипѣли; рагу изъ телятины и буженина, когда тапалъ Купо сыла крышки, скромно поскрипывали; а бульонъ продолжалъ свои густые переливы, точно пѣвчій, выставившій пузо на солнцѣ. Онѣ кончили тѣмъ, что налили себѣ по чашкѣ бульона, чтобы попробовать, хорошъ ли онъ.

Наконецъ, наступилъ понедѣльникъ. Теперь Жервезу, пригласившую четырнадцать человекъ къ столу, тревожила мысль, какъ она развѣститъ ихъ всѣхъ. Она рѣшилась накрыть столъ въ магазинѣ, и тамъ уже поутру прикидывала метромъ, соображая, какъ ей поставить столъ. Потомъ пришлось убрать бѣлье, пережѣстить прилавокъ; прилавокъ, утвержденный на стойкахъ, долженъ былъ служить столомъ. Но какъ разъ среди всей этой суматохи пришла одна заказчица и сдѣлала сцену, потому что дожидалась своего бѣлья уже съ пятницы; смѣются надъ ней, что-ли? она требовала, чтобы ей немедленно возвратили ея бѣлье. Тогда Жервеза стала извиняться и лгать безъ зазрѣнія совѣсти; она не виновата, она чиститъ магазинъ, работницы вернутся только завтра, и отослала заказчицу успокоенную, пообѣщавъ ей прежде всего заняться ея вещами. Потомъ, когда та ушла, принялась ругаться. Ужъ правда, что еслибъ слушать заказчицу, тогда и куса некогда было бы проглотить; надо бы убиваться на работѣ, чтобы угодить имъ. Вѣдь не собаки же онѣ, прости Господи! Да пропадай она совсѣмъ! Хоть бы самъ султанъ ту-

реціи принесъ ей мыть свой воротничекъ, хоть бы ей давали сто тысячъ франковъ, такъ она не притронется къ утюгу сегодня. Сегодня ей чередъ погулять немного.

Все утро прошло въ покупокъ. Три раза Жервеза уходила и возвращалась, нагруженная какъ лошадь. Но въ ту минуту, какъ шла заказывать вино, она спохватилась, что у нея денегъ не хватаетъ. Конечно, она могла взять вино въ долгъ у Франсуа; но только нельзя же, чтобы въ домѣ не было ни копѣйки: мало ли что понадобится, всего заранѣе не припасешь. И вотъ, маман Купо и она привались горевать, соображая, что имъ нужно по крайней мѣрѣ двадцать франковъ. Откуда добыть ихъ? Маман Купо, въ былыя времена жившая въ экономкахъ у актрисы Батиньольскаго театра, изъ мелкотравчатыхъ, первая упомянула о Mont-de-Piété. Жервеза радостно улыбнулась. Ну, не дура ли она? совсѣмъ у ней изъ головы вонъ, что можно заложить что-нибудь. Она живо завернула въ салфетку свое черное шелковое платье и заколола булавками. Потомъ собственноручно открыла свертокъ передникомъ маман Купо, прося ее какъ можно плотнѣе прижимать свертокъ къ животу, чтобы сосѣди не замѣтили. Имъ незачѣмъ знать объ этомъ. Потомъ стала у двери, наблюдая, не идетъ ли кто за старухой. Но та не успѣла еще поровняться съ угольщикомъ, какъ она повзала ее навадъ.

— Маман! маман!

И, заставивъ ее войти въ магазинъ, сняла съ руки золотое обручальное кольцо, говоря:

— Вотъ, заложите и это. У насъ будетъ больше денегъ.

И когда маман Купо принесла ей двадцать-пять франковъ, то она запрыгала отъ радости. Она возьметъ шесть лишнихъ бутылокъ хорошаго вина; Лорилю утрутъ носъ.

Въ послѣднія двѣ недѣли Купо и спала и видѣла какъ бы утереть носъ Лорилю. Вѣдь эти скраги, мужъ и жена, хорошая пара, нечего сказать, запираются на ключъ, когда хотятъ побаловаться хорошимъ кусочкомъ, точно онъ у нихъ краденый. Да! они завѣшиваютъ окошко одѣяломъ, чтобы не видать было свѣта и чтобы всѣ подумали, что они спятъ. Разумѣется, никто къ нимъ и не заглядываетъ, а они жрутъ въ одиночку, не смѣя словечка вымолвить. И даже на другой день опасаются бросить кости въ сорную кучу, чтобы люди не узнали, что они лопали. М-ше Лорилю относить ихъ сама на конецъ улицы, въ стокъ грязной воды. Однажды утромъ, Жервеза накрыла ее въ то время, какъ она высыпала туда цѣлую корзину пустыхъ устричныхъ раковинъ. Да! ужъ нечего сказать, эти скраги не раскошелятся, и всѣ ихъ хитрости ведутъ къ тому, чтобы ихъ считали бѣдняками. Ну, такъ ладно же! имъ зададутъ перцу въ носъ: пусть убѣдятся, что Купо не аспиды какіе-нибудь и умѣютъ жить.

Матап Купо и Жервеза проболтали о Лорильё, накрывая на столъ съ трехъ часовъ пополудни. Онѣ привѣсили большія занавѣсы къ витринѣ, но такъ какъ было жарко, то дверь оставалась открытой, и вся улица проходила мимо стола. Ни одного графина, ни одного штофа вина, ни одной солонки не поставили обѣ женщины спроста; во всемъ высказывалось намѣреніе уязвить Лорильё. Они назначили имъ мѣста такъ, чтобы имъ была видна вся великолѣпная сервировка стола, и для ихъ прибора приберегли лучшую посуду, хорошо зная, что фарфоровыя тарелки будутъ для нихъ ножомъ острымъ въ сердце.

Въ четыре часа Жервеза и матап Купо были въ самомъ разгарѣ страсти. Гусь жарился надъ жаровней, прислоненной къ стѣнѣ у открытаго огня; гусь былъ такъ великъ, что едва умѣстился на сковородѣ. Косой заяцъ, Августинка, сидя на маленькой скамеечкѣ, озаренная пламенемъ жаровни, съ серьезнымъ лицомъ поливала гуся изъ ложки съ длинной ручкой. Жервеза занята была горошкомъ съ свинымъ саломъ. У матап Купо голова шла кругомъ среди всѣхъ этихъ приготовленій, и она ждала минуты, когда надо разогрѣть рагу изъ телятины и буженины. Около пяти часовъ гости стали собираться. Прежде всѣхъ появились работницы: Клемансъ и м-ше Пютуа, первая съ геранью, вторая съ геліотропомъ въ рукахъ, и Жервеза, закинувъ за спину руки, выпачканныя въ муку, должна была облобызаться съ обѣими. Затѣмъ, по ихъ пятамъ, вошла Виржини, разодѣтая какъ барыня, въ кисейномъ платьѣ съ цвѣточками, въ шарфѣ и шляпкѣ, хотя ей приходилось только перейти улицу. Она принесла горшокъ съ красной гвоздикой. Она сама охватила прачку своими длинными руками и крѣпко сжала ее. Наконецъ, появилась Бошъ съ горшкомъ фіалокъ. М-ше Бошъ съ горшкомъ резеды, м-ше Леръ съ желтосой, причежь земля ея горшка испачкала ей платье изъ лилового жеринеса. Весь этотъ людъ обнимался, толкался въ комнатѣ посреди трехъ плитъ и жаровни, отъ которыхъ жара валила удушающая. Трескъ въ горшкахъ покрывалъ голоса. Платье, зацѣпившееся за сковороду, произвело суматоху. Гусемъ нахло такъ сильно, что ноздри у всѣхъ раздувались. Жервеза была очень любезна, благодарилъ каждого за его букетъ, не переставая заниматься подливкой къ рагу, которую сбивала въ глубокой тарелкѣ. Она поставила горшки съ цвѣтами въ магазинѣ на конецъ стола, не снимая съ нихъ бѣлой бумажной обертки. Сладкій запахъ цвѣтовъ смѣшивался съ кухоннымъ запахомъ.

— Хотите, я вамъ помогу?—спросила Виржини.—Подумать только, что вы три дня хлопотаете надъ всей этой ѣдой, а мы ее пожремъ въ одинъ присѣсть.

— Что-жъ дѣлать! — отвѣчала Жервеза, — само собой все не сварится. Нѣтъ, не качайте себѣ рукъ. Вы видите, все готово. Остается только приготовить супъ.

Тутъ всѣ расположились по домашнему. Дамы положили на кровать свои шали и шляпки, подкололи юбки булавками, чтобы ихъ не зацѣпять. Бошъ, отославшій жену сторожить привратницкую до обѣда, загналъ Клемансъ въ уголъ; спрашивая у нея: боится ли она щекотки? И Клемансъ ёжилась и задыхалась, потому что отъ одной мысли, что ее будутъ щекотать, у ней дрожь пробѣгала по всему тѣлу. Другія дамы, чтобы не стѣснять страпухъ, тоже перешли въ магазинъ, и стояли тамъ, прислонясь къ стѣнѣ, напротивъ стола; но такъ какъ разговоръ продолжался черезъ раскрытую дверь, и при этомъ онѣ плохо слышали другъ друга, то безпрестанно врываются въ сосѣднюю комнату, наполняли ее гвалтомъ, толпились около Жервезы, и та въ разговорахъ съ ними забывала мѣшать ложкой подливку. Всѣ смѣялись, откалывали смѣлыя шуточки. Виржини объявила, что два дня уже воддерживается отъ ѣды, чтобы очистить мѣсто въ желудкѣ, а безстыжая Клемансъ отволола шутку еще козабористѣй; она облегчилась посредствомъ клистира, какъ это дѣлають англичане. Тутъ Бошъ предложилъ средство, способствующее быстрому перевариванію пищи; стѣбало только придавить себя дверью послѣ каждаго блюда, что тоже дѣлается у англичанъ, и благодаря этому можно ѣсть двѣнадцать часовъ сряду, не утомляя желудка. Неправа ли? вѣжливость велить ѣсть, если васъ пригласили обѣдать. Вѣдь не для того, чтобы выкинуть собакамъ, готовится телятина, свинина и гусь. О! хозяйка можетъ быть спокойна; ей вылизутъ тарелки до-чиста, такъ что и мыть ихъ не придется на другой день. И все общество подзадоривало свой аппетитъ, наклоняясь надъ пирами и обнюхивая горшочки и сковороду. Дамы, въ концѣ-концовъ, разыгрались какъ дѣвчонки; онѣ толкались, бѣгали изъ одной комнаты въ другую; полъ дрожалъ подъ ними и въ юбкахъ своихъ онѣ разносили кухонный запахъ, а смѣхъ ихъ покрывалъ стукъ нога патапа Кунб, рубившей свиное сало.

Какъ разъ въ ту самую минуту, какъ всѣ прыгали съ визгомъ и криками, вошелъ Гужѣ. Онъ остановился въ дверяхъ, сконфуженный, держа въ рукахъ большой кустъ бѣлыхъ розъ, великолѣпное растеніе, стволъ котораго доходилъ до самаго его лица, и розаны покрывали его желтую бороду. Жервеза подбѣжала къ нему, со щеками разрумяненными огнемъ плиты. Но онъ не зналъ, какъ освободиться отъ своего горшка, и когда она взяла его у него изъ рукъ, то что-то пролепетала, не осмѣливаясь ее поцѣловать. Она сама должна была приподняться на цыпочкахъ и подставить ему щеку; но онъ былъ

такъ смущень, что поцѣловалъ ее въ глазъ изъ всей мочи, и чуть не выдавилъ его. Оба переконфузились.

— Ахъ! М-г Гужэ, это слишкомъ прекрасно, — сказала она, ставя розовый кустъ рядомъ съ другими, надъ которыми онъ значительно возвынялся.

— Вовсе нѣтъ, вовсе нѣтъ, — повторялъ онъ, не находя ничего другого.

И, глубоко вдохнувъ и оправившись нежного, возвѣстилъ, чтобы не рассчитывали на его мать; у ней разыгрался ревматизмъ. Жервеза казалась въ отчаяніи; она объявила, что отложить кусочекъ гуся, что она непремѣнно хочетъ, чтобы м-е Гужэ покушала гуся. Между тѣмъ, всѣ гости были въ сборѣ. Купо, должно быть, шатался гдѣ-нибудь по близости вмѣстѣ съ Пуассономъ, за которымъ пошелъ послѣ завтрака; они должны сейчасъ быть; они обѣщали не опоздать къ шести часамъ. Тогда, такъ какъ супъ былъ уже готовъ, Жервеза позвала м-ше Лерэ, говоря, что ей кажется, наступило время сходиться за Лорилю. М-ше Лерэ сдѣлала тотчасъ же солидное лицо; она вела переговоры между двумя семействами и опредѣлила какъ все должно произойти. Она надѣла шаль и чепчикъ, и пошла наверхъ, сжимая губы съ сознаниемъ собственной важности. Внизу, прачка продолжала приправлять супъ вермишелью, не говоря ни слова. Общество вдругъ стало серьезно и торжественно ждало.

Первою появилась вновь м-ше Лерэ. Она обошла по улицѣ, чтобы придать больше торжественности примиренію. Она раскрыла настежь дверь магазина и придержала ее рукой, а м-е Лорилю, въ шелковомъ платьѣ, остановилась на порогѣ. Всѣ приглашенные встали, Жервеза пошла на встрѣту, поцѣловала золовку, какъ это было заранее условлено, говоря:

— Милости просимъ. Конецъ ссорѣ, неправда ли? мы будемъ жить въ ладу.

М-ше Лорилю отвѣчала:

— Я отъ души желаю, чтобы миръ болѣе не нарушился.

Когда она вошла, Лорилю въ свою очередь далъ облобызать себя, прежде чѣмъ войти въ магазинъ. Ни тотъ, ни другая не принесли букета; они заранее отъ этого отказались, находя, что это значило бы, что они извѣщаютъ покорность Жервезѣ, если придутъ къ ней съ перваго же раза съ цвѣтами. Тѣмъ временемъ, Жервеза приказала Августинѣ принести два штофа съ виномъ, потому что нашла рюмки и пододвела всѣхъ гостей. Каждый взялъ рюмку, и всѣ выпили за семейный ладъ и миръ. Водарилось молчаніе, дамы выпили вино до дна, опрокинувъ рюмки.

— Ничего не можетъ быть лучше какъ выпить вино передъ супомъ, —

объявилъ Бонгъ, прицѣлывая лавкомъ.—Это лучше всякаго подзатыльника.

Мамап Купо помѣстилась напротивъ двери, чтобы видѣть, какую рожу скорчатъ Лорильѣ. Она дергала Жервезу за юбку и наконецъ увела ее въ другую комнату. И обѣ, наклонившись надъ супомъ, затароторили живо и шепотомъ.

— Гмъ! каково носъ имъ натянули,—говорила старуха,—тебѣ ихъ не было видно, но я-то ихъ сторожила. Когда она увидѣла покрытый столъ, гляди! лицо у ней все перекосило, вотъ такъ; а онъ точно тѣмъ подавился и принялся кашлять.

— Жалости подобно, что люди могутъ быть такъ завистливы,—прошптала Жервеза.

И, вернувшись въ магазинъ, громко сказала:

— Еслибы хозяинъ пришелъ, намъ можно было бы сѣсть за столъ.

— Ну, вотъ!—вскричала m-me Лорильѣ,—супъ остынетъ... Купо всегда опаздываетъ. Его не надо было нускать.

Было уже половина седьмого. Все пригорить; гусь, чего добраго, пережарится. Тутъ Жервеза въ отчаяніи заговорила о томъ, чтобы послать кого-нибудь поискать Купо въ винныхъ погребахъ. Потомъ, такъ какъ Гужѣ предлагалъ свои услуги, захотѣла идти съ нимъ; Виржини, безпокоясь о мужѣ, тоже пошла за нимъ. Всѣ трое, простоволосые, загородили весь тротуаръ. Кузнецъ, одѣтый въ сюртукъ, велъ Жервезу подъ правую руку, а Виржини подъ лѣвую, изображая корзинку съ двумя ручками; эта шутка такъ насмѣшила ихъ, что онѣ остановились, покатываясь со смѣху. Онѣ увидѣли себя въ зеркалѣ холбасной, и раскохотались еще сильнѣе. Рядомъ съ Гужѣ, одѣтымъ въ черное съ головы до ногъ, обѣ женщины казались двумя маленькими курочками-пеструшками — шведъ въ кисейномъ платьѣ, устѣянномъ розовыми букетами, а прачка въ бѣломъ перкалевои съ голубыми горошками, съ голыми руками и узенькимъ шелковымъ сѣрымъ галстучкомъ вокругъ шеи. Прохожіе оборачивались на нихъ, провожали глазами эту веселую, свѣжую, наряженную по праздничному въ будній день грунцу, расфѣвавшую толпу, котораго наводняла улицу Пуассоньеръ теплымъ июньскимъ вечеромъ. Но имъ было не до гулянья. Они останавливались у каждаго виннаго погреба, вытягивали шею, искали глазами передъ прилавками. Ужъ неужто эта скотина Купо пошелъ промочить горло къ Триумфальной Аркѣ? Они уже исходили одинъ конецъ улицы, заглядывая въ разныя притонныя мѣстечки, *à la Petite Civette*, славившейся сливами, у тетень Баке, продававшей орлеанское вино, по восьми копѣекъ, въ „Вобочу“, мѣсто сборища вучеровъ, людей прихотливыхъ,—Купо нѣтъ какъ нѣтъ. Тутъ, въ то время, какъ они направлялись къ бульвару, Жервеза, проходя мимо Франсуа, торговца напитками, слегка вскрикнула.

— Что случилось? — спросил Гужё.

Прачка больше не смѣялась. Она поблѣдѣла, какъ полотно, и такъ взволновалась, что чуть-чуть не упала. Виржини тотчасъ поняла въ чемъ дѣло, увидя у Франсуа, за столомъ, Лантье, спойманнаго обѣдвшаго. Женщины увлекли кузнеца дальше.

— У меня нога подвернулась, — сказала Жервеза, когда опять могла заговорить.

Наконецъ, въ концѣ улицы они открыли Купо и Пуассона въ кабачкѣ дяди Коломба. Они стояли посреди кучки людей: Купо, въ сѣрой блузѣ, горлачилъ, яростно размахивая руками и стуча кулаками по прилавку; Пуассонъ, бывший не на дежурствѣ сегодня, въ коричневомъ пальто, слушалъ его съ безжизненнымъ и молчаливымъ лицомъ, крутя свою имперіалку и рыжіе усы. Гужё оставилъ женщинъ на тротуарѣ и, подойдя, положилъ руку на плечо цинковщика. Но когда этотъ послѣдній увидѣлъ на улицѣ Жервезу и Виржини, то рассердился. Кто это навелъ ему этихъ потаскухъ? Ужъ не думать ли онѣ таскаться за нимъ по патамъ! Когда такъ, онъ съ мѣста не двинется; пусть онѣ жуютъ свой поганый обѣдъ безъ него. Чтобы успокоить его, Гужё пришлось выпить чего-нибудь; да и то онъ экидно заставилъ его промѣннать добрыхъ пять минутъ передъ прилавкомъ. Когда онъ, наконецъ, вышелъ, то сказалъ женѣ:

— Плевать я хотѣлъ на твой обѣдъ!.. Я останусь, гдѣ у меня дѣло есть, слышишь!

Она не отвѣчала, она вся дрожала. Она, должно быть, говорила про Лантье съ Виржини, потому что эта послѣдняя толкнула мужа и Гужё, крича, чтобы они шли впередъ. Затѣмъ, обѣ женщины поинтересались по обонямъ бокамъ цинковщика, стараясь развлекать его и не давая ему глядѣть по сторонамъ. Онъ былъ на первомъ взводѣ, и скорѣе оглушенъ собственнымъ крикомъ, нежели виномъ. Чтобы подразнить ихъ, такъ какъ онѣ, повидимому, хотѣли идти по тротуару слѣва, онъ оттолкнулъ ихъ и перешелъ направо. Онѣ побѣжали, испуганныя, и старались закрыть дверь Франсуа. Но Купо, должно быть, зналъ, что Лантье тамъ. Жервеза остолбенѣла, услышавъ, какъ онъ ворчалъ:

— Да, такъ-то, голубушка? тамъ сидитъ знакомый намъ молодецъ. Не думай, что я бревно... Попадись только ты мнѣ съ своими шашками...

И принялся ругаться. Она не за нимъ бѣгала по улицамъ, а за своимъ старымъ любовникомъ. Потомъ вдругъ вошелъ въ неописанное бѣшенство противъ Лантье. Ахъ, разбойникъ! ахъ, мерзавецъ! Одному изъ нихъ не одобровать. Между тѣмъ Лантье какъ будто не слышалъ и медленно ѣлъ телятину съ щавелемъ. Вокругъ начи-

наль собираться народъ. Виржини увела, наконецъ, Купо, и онъ вдругъ успокоился, обогнувъ улицу. Но какъ бы то ни было, а вернулись не такими веселыми, какъ ушли.

Вокругъ стола гости ждали съ витянутыми лицами. Цинковщикъ пожалъ руки присутствующимъ, присаживаясь передъ дамами. Жервеза, слегка встревоженная, говорила вполголоса и развлекала гостей: Лорильё по правую руку отъ себя, затѣмъ м-ше Пютуа, Пуассона по лѣвую, затѣмъ м-ше Бонгъ; съ другой стороны, направо отъ Купо, м-ше Лорильё, налѣво Виржини и Гужё; наконецъ, шаман Купо и м-ше Лерэ на одномъ концѣ стола, Бонгъ и Клемансъ на другомъ. Но вдругъ она замѣтила, что такъ какъ м-ше Гужё не пришла, то одно мѣсто остается пустымъ, вольгъ м-ше Лорильё.

— Насъ тринадцать человѣкъ,—проговорила она съ волненіемъ, усматривая въ этомъ новое доказательство несчастія, преслѣдовавшаго ее съ нѣкоторыхъ поръ.

Дамы, усѣвшіяся-было на своихъ мѣстахъ, повскакали съ встревоженнымъ и разсерженнымъ видомъ. М-ше Пютуа предложила, что она уйдетъ, потому что, по ея мнѣнію, не слѣдовало шутить этимъ; къ тому же, она ни къ чему не притронется; ей кусокъ въ глотку не пойдетъ. Что касается Боша, онъ осканился, объявляя, что ему пріятнѣе, что ихъ тринадцать, а не четырнадцать человѣкъ; порціи будутъ больше—вотъ и все.

— Погодите!—сказала Жервеза,—я это улажу.

И, выйдя на улицу, повала дядю Брю, который какъ разъ въ эту самую минуту переходилъ черезъ улицу. Старый работникъ вошелъ, согбенный, съ нѣмымъ лицомъ.

— Садитесь сюда, любезный,—сказала прачка.—Вѣдь вы не отказываетесь пообѣдать съ нами, не правда ли?

Онъ кивнулъ головой въ знакъ согласія; почему нѣтъ? это ему все единственно.

— Гм! онъ или другой, не все ли равно,—продолжала она, понимая голосъ и обращаясь въ обществу.—Онъ не часто наѣдается до-сыта. По крайней мѣрѣ, онъ поѣстъ въ свое удовольствіе... Мы теперь можемъ набивать себѣ брюхо безъ зазрѣнія совѣсти.

У Гужё наворачнулись слезы на глазахъ, тѣмъ это его тронуло. Остальные расчувствовались, нашли это прекраснымъ, прибавляя, что это принесетъ имъ счастье. Между тѣмъ, м-ше Лорильё казалась недовольна, что сидитъ вольгъ старика; она отодвигалась отъ него; съ отвращеніемъ поглядывала на его керавны руки, на его заштопанную и полинялую блузу. Дядя Брю сидѣлъ, повѣся голову, смущаемый всего болѣе салфеткой, прикрывавшей тарелку. Онъ, наконецъ, тихонько снялъ ее и положилъ рядомъ на столъ, не догадываясь положить ее къ себѣ на колѣни.

Наконецъ, Жервеа подала супъ съ вермишелью; гости уже вооружились ложками, когда Виржини обратила всеобщее вниманіе на то, что Купо снова исчезъ. Онъ, быть можетъ, вернулся къ дядѣ Коломбу. Но общество рассердилось. На этотъ разъ, тѣмъ хуже! За нимъ никто не побѣжитъ, пусть торчитъ на улицѣ, если не голоденъ. Не пока всѣ стучали ложками о тарелки, Купо вновь появился, съ двумя горшками подъ мышкой, одинъ съ гвоздикой, другой съ базилиномъ. Всѣ присутствующіе залопали въ ладоши. Онъ съ любезнымъ лицомъ обошелъ столъ и поставилъ горшки, одинъ справа, другой слева отъ стакана Жервеа; потомъ наклонился и, цѣлуя ее, сказалъ:

— Я забылъ про тебя, моя голубушка... Но это не мѣшаетъ намъ любить другъ друга въ такой день, какъ сегодня.

— Онъ сегодня въ духѣ, ш-г Купо, — прошептала Клемансъ на ухо ш-ше Боншъ. Онъ выпилъ какъ разъ столько, сколько ему нужно, чтобы быть любезнымъ.

Добродушіе хозяина возстановило веселіе, одну минуту угрожавшее было испариться. Гости дѣдали супъ. Потомъ штофъ съ виномъ обошелъ вокругъ стола и гости выпили полрюмки вина, чтобы полить вермишель. Въ сосѣдней комнатѣ слышно было, какъ ссорились дѣти. Тамъ были Этьенъ, Нанá, маленькій Викторъ Фокоше и Полина, дочка Боншей. Ихъ посадили за отдѣльный столъ, внушивъ быть умницами. Косому зайцу, Августинкѣ, надзиравшей за плитой, предоставлено было ѣсть на колѣняхъ.

— Матап, матап! — вдругъ закричала Нанá, — Августинка можетъ свой хлѣбъ въ свовороду.

Прачка прибѣжала и накрыла косого зайца въ тотъ самый моментъ, какъ онъ обжигалъ себѣ горло, стараясь какъ можно скорѣе проглотить тартинку, всю пропитанную виляющимъ гусинымъ жиромъ. Она надавала ей шлепковъ за то, что негодница кричала, что это неправда.

Послѣ вареной говядины, когда показалось рагу, поданное въ салатникѣ, такъ какъ у хозяйки не было большого блюда, гости весело разсмѣялись.

— Дѣло завязалось не на шутку, — объявилъ Пуассонъ, рѣдко горюющий.

Было половина восьмого. Они затворили дверь магазина, чтобы кварталъ не могъ за ними шпионить. Напротивъ маленькій часовщикъ таращилъ на нихъ глаза и отравлялъ имъ каждый кусокъ своими голодными взглядами. Сквозь занавѣсы, прихвѣннныя у окна, лился ровный бѣлый свѣтъ и заливалъ столъ, съ его приборами, разставленными пока въ симметрическомъ порядкѣ, его горшками цвѣтовъ, обложенными бѣлой бумагой. И этотъ бѣдный свѣтъ, мед-

ленно надвигавшіяся сумерки придавали обществу нѣясный видъ. Виржини нашла подходящее слово: она оглядѣла комнату, уютную и обтянутую кисеей, и сказала, что здѣсь мило. Когда по улицѣ проѣзжала телега, стаканы прыгали по скатерти; дамы принуждены были кричать такъ же громко, какъ и мужчины, но разговаривали вообще мало, всѣ держали себя прилично, осыпали другъ друга любезностями. Одинъ Кунбъ былъ въ блузѣ, потому что, говорилъ онъ, съ друзьями не приходится чиниться, да и къ тому же блуза—почетное одѣяніе работника. Дамы были затянуты въ корсеты, съ гладко причесанными и напомаженными волосами, въ которыхъ отражался свѣтъ; мужчины сидѣли поодаль отъ стола, выпрямляя грудь и разставляя локти, изъ боязни, какъ бы не запачкать сюртуковъ.

Ахъ! раздуй ихъ горой! какъ же всѣ набросились на рагу! Разговоры шли вяло, за то челюсти работали здорово. Саладинъ убивалъ, ложка была воткнута въ густую подливку, вкусную, желтую подливку, дрожавшую, какъ желе. Въ ней ловили кусочки телятины; ихъ было много, и саладинъ обходилъ ихъ рукъ въ руки, лица наклонялись и гости искали грибочковъ. Большіе хлѣба, прислоненные къ стѣнѣ, за спиной у гостей, точно таяли. Въ промежуткахъ между ѣдой слышался стукъ стакановъ, которые ставили на столъ. Подливка была немножко солона; потребовалось четыре штофа вина, чтобы пить это зловѣщее рагу, которое глоталось какъ какой-то воскъ и зажигало пожаръ въ животѣ. Не успѣли перевести духъ, какъ появилась, среди облака пара, буженина на блюдѣ, окруженная большими круглыми картошками. Раздался крикъ. Чортъ побери! вотъ такъ штука! Всѣ это любили. Вотъ когда пальчики всѣ облизаны. И всѣ искоса слѣдили за блюдомъ, вытирая ножи о хлѣбъ, чтобы быть готовыми. Потомъ, когда гости получили куски собѣ на тарелку, они затараторили, толкая локтемъ сосѣдей, съ набитымъ ртомъ. Гм! что за объяденье эта буженина! сама въ ротъ лѣзетъ. Картошки—что твой сахаръ! Буженина не солона, но картошки необходимо постоянно заливать виномъ. Отбили горлышки у четырехъ новыхъ штофовъ. Тарелки были такъ чистенько облизаны, что ихъ не пришлось мѣнять, чтобы ѣсть зеленый горошекъ съ свинымъ саломъ. О! овощи не идутъ въ счетъ. Ихъ глотали такъ-себѣ, для забавы. Самое лучшее въ этомъ блюдѣ, это кусочки свиного сала, въ пору зажаренные.

— Маман, маман!—закричала вдругъ Нанѣ,—Августинка запускаетъ руки въ мою тарелку.

— Ты мнѣ надоела! Дай ей шлепка,—отвѣчала Жарова, набившая себѣ ротъ горошкомъ.

Въ сосѣдней комнатѣ, за дѣтскимъ столомъ, Нанѣ разглаголь

хозяйку дома. Она устлала коверъ Виллера и посадила брата, Этьена, возлѣ маленькой Полины; они играли въ мужа-жену. Сначала Нанѣ очень мило угощала гостей, съ улыбками взрослой особы, но не устояла передъ лакомыми кусочками неджареннаго свиного сала и забрала ихъ всѣ себѣ на тарелку. Косой заяцъ, Августинна, ажно бродившая вокругъ дѣтей, воспользовалась этимъ и набрала целую пригоршню свиного сала, подѣ предлогомъ болѣе правильнаго дѣлашка. Разъяренная Нанѣ укусила ее за руку.

— Ахъ! вотъ же тебѣ, пропала Августа, — я передамъ твоей матери, что ты велѣла нестѣ рагу Виллеру поцѣловать себя.

Но всѣ уговорились; Жервеа и шатап Купо пришли снять гуся со сковороды. За большимъ столомъ гости переводили духъ, опрокинувшись на спинки стульевъ. Мужчины разстегивали жилеты; дамы вытирали лицо салфеткой. Наступила какъ-бы передышка; только нѣкоторые изъ гостей продолжали работать челюстями и глотали громадные куски хлѣба, сами того не замѣчая. Остальные дожидались, чтобы цинца уймалась въ желудѣ. Ночь медленно наступала; грязный свѣтъ, непыльно-сѣраго цвѣта, все болѣе и болѣе сгущался за занавѣсами. Когда Августа нестала двѣ зажженные лампы на каждомъ концѣ стола, безурядица, воярившаяся въ убранствѣ стола, показалась во всей своей непривлекательности; жирныя тарелки и вилки, скатерть, залитая виномъ, покрытая крошками. Гости задыхались отъ сильнаго чада, но нѣсколько обложивали носомъ по направлению къ кухне, откуда оно несло.

— Не помочь ли вамъ? — закричала Виржини.

Она встала со стула и перешла въ сосѣднюю комнату. Всѣ женщины, одна за другой, последовали за ней. Онѣ окружили сковородку и съ глубокимъ интересомъ глядѣли какъ Жервеа и шатап Купо тащили гуся. Потомъ поднялся вопль, среди котораго слышались вѣскіе дѣтей и нѣкѣ радостныя крики. Обратное шествіе было триумфальное: Жервеа несла гуся, напрягая мускулы, съ вепетѣвающимъ лицомъ, раздвигавшимъ молчаливой улыбкой; женщины шли позади нея, улыбаясь, какъ и она; между тѣмъ какъ Нанѣ, въ концѣ хвоста, таращила глаза и прищипывалась на щечки, чтобы лучше видѣть. Когда гусь поданъ былъ на столъ, громадный, золотистый, облитый сокомъ, къ нему не съ разу приступили. На него глядѣли съ удивленіемъ, съ почтительнымъ такъ-сказать любезнствомъ, дивившимъ общество голоса. На него указывали, подмигивая глазами и кивая подбородкомъ. Ахъ! волею его зарѣзы! какой король! какія ляжки и какой животъ!

— Ишь, жиру нагулялъ, не угодуешь, — произнесъ Бонъ.

— Миѣ пріятнѣе, чтобы онъ попалъ миѣ въ ротъ, чѣмъ на голову,—замѣтила м-ше Пютуа.

Но Купо отличился еще лучше.

— На мой вкусъ, я такими люблю гусей и женщинъ: жирными и горячими.

Тутъ принялись разбирать гуся по косточкамъ. Жервеза пустилась въ подробности: этотъ гусь былъ самой откѣнной штукой живности въ курятной лавкѣ фобурга Пуассоньеръ; онъ вѣсилъ двѣнадцать съ половиною фунтовъ, но безмѣну утѣшителя; чтобы сжарить его, пришлось сжечь цѣлую мѣру угля, и отъ него вышло три стакана жира. Выржини перебила ее, чтобы нехвастаться, что видѣла гуся нежаренымъ; его можно было съѣсть сырымъ, говорила она, такой онъ былъ бѣлый, да иѣжный, точно воша у бледника, право-слово! Всѣ мужчины разсмѣялись, а Лорилье и м-ше Лорилье сжимали губы и чуть не задохлись, увидя такого гуся за столомъ у Жервезы.

— Ну-съ! вѣдь не съѣдимъ же мы его цѣльнымъ,—проговорила наконецъ эта послѣдняя.—Кто берется его разрѣзать?... Нѣтъ, нѣтъ, не я! Онъ слишкомъ великъ, миѣ съ нимъ не совладать.

Купо предложилъ свои услуги. Воже мой! дѣло не хитрое: взять гуся за лапы, да разодрать на части; жаркое будетъ такое же вкусное. Но всѣ завопили, у цинковщика отняли кухонный ножъ насильно; когда онъ рѣзалъ, то на блюдѣ всегда вѣщарилось настоящее кладбище. Съ минуту присутствующіе искали охотника. Наконецъ, м-ше Леръ сказала любовнымъ голосомъ:

— Послушайте, это по части м-г Пуассона... разумѣется, это по части м-г Пуассона.

И такъ какъ общество повидимому еѣ не понимало, она прибавила еще любовнѣе:

— Разумѣется, м-г Пуассону привычное дѣло обращаться съ оружіемъ.

И передала городскому сержанту кухонный ножъ, который держала въ рукѣ. Весь столъ разсмѣялся съ одобреніемъ. Пуассонъ наклонилъ голову съ военной выправкой и поставилъ передъ собой гуся, сильно пощеченный. Сосѣдки, Жервеза и м-ше Бонъ, отодвинулись, чтобы не мѣшать его локтямъ. Онъ медленно разрѣзалъ, разставивъ руки, уставивъ глаза на гуся, точно хотѣлъ пригвоздить его къ блюду. Когда онъ воткнулъ ножъ въ остовъ, и этотъ послѣдній затрещалъ, у Лорилье выпался патрістическій возгласъ:

— Эхъ! кабы это былъ пруссакъ!

— Вы дрались съ пруссаками, м-г Пуассонъ?—спросила м-ше Бонъ.

— Нѣтъ, но съ бадруками, — отвѣчалъ городской сержантъ, отнимавшій крыло. — Пруссаковъ нѣтъ больше.

Воцарилось глубокое молчаніе. Головы вытягивались, взгляды слѣдили за ножомъ. Пуассонъ готовилъ сюрпризъ. Внезапно онъ сдѣлалъ послѣдній ударъ, задняя часть гуся отдѣлилась и стала стоймя. То былъ архіерейскій кусочекъ. Тутъ восторгъ разразился. Только одинъ веселый умѣлъ быть такими любезными въ обществѣ. Между тѣмъ изъ гуся брызнулъ сокъ фонтаномъ, и Бошъ разразился большой сальностью, вызвавшей негодованіе дамъ.

— О! какой сальный человѣкъ! — кричали дамы. — Можно ли быть такимъ сальнымъ!

— Нѣтъ, я не знаю человѣка противнѣе, — сказала м-ше Бошъ, возбѣшенная больше остальныхъ. — Молчи! слышишь! ты отвратишь отъ ѣды цѣлую армію!... Знаете, вѣдь это онъ затѣмъ, чтобы одному все съѣсть.

Въ эту минуту Клемансъ повторила среди шума, съ настойчивостію:

— М-г Пуассонъ, слушайте, monsieur Пуассонъ, предоставьте мнѣ архіерейскій кусочекъ, пожалуйста!

— Душенька, онъ вамъ принадлежитъ по праву, — замѣтила м-ше Лоръ со свойственнымъ ей смиреннымъ нахальствомъ.

Тѣмъ временемъ гусь былъ разрѣзанъ. Городской сержантъ, давъ обществу время налюбоваться архіерейскимъ кусочкомъ, разложилъ и выровнялъ куски на блюды. Дамы, жаловавшіяся на жару, разстегивали платье. Купо закричалъ, что они у себя дома, что плевать ему на сосѣдей, и раскрылъ настежь дверь на улицу; пиръ продолжался среди стука фіакровъ и толкотни прохожихъ на тротуарахъ. Тогда, съ отдохнувшими челюстями, съ очистившимся мѣстомъ въ желудкѣ, всѣ принялись обѣдать, и яростно напали на гуся. Пока онъ ждалъ и глядѣлъ, какъ разрѣзывали гуся, говорилъ шутникъ Бошъ, — рагу и буженина ушли у него въ наты.

Да-съ! вилки заработали на славу; никто изъ присутствовавшихъ не помнилъ, чтобы когда-нибудь обѣдался съ такимъ усердіемъ. Жервеза, еще раздавленная въ ширину, облокотясь на оба локтя, поѣдала жирные кусочки бѣлаго мяса, не говоря ни слова, чтобы не пропустить ни одного глотка. Ей только стыдно было немножко Гужѣ; досадно, что онъ видѣлъ, какая она жадная. Но Гужѣ находилъ это прекраснымъ, самъ клалъ за обѣ щеки и любовался Жервезой, раздумывавшейся отъ ѣды. Въ тому же, она была хотя и жадная, но такая милая и добрая! Она не говорила, но каждую минуту безпомогла себя, услуживая дядѣ Брю и кладя ему на тарелку какой-нибудь лакомый кусочекъ. Было даже трогательно видѣть, какъ

эта лакомка лишила себя хорошенкаго кусочка; чтобы уступить его старику, который, по-всему, не былъ знатокъ, и глотая, что и какъ печало, опустивъ голову, шурялъ отъ такого обилия пищи, такъ какъ желудокъ у него отникъ даже переваривать хлѣбъ. Дамы не щадили свою ярость на гусъ; они найдялись на три дни впередъ; они охотно проглотили бы блюдо, столъ и самый магазинъ, чтобы сразу разорить прачку. Всѣ дамы пожелали кусочекъ отникъ; слыла была любимымъ дамскимъ кусочкомъ; м-ме Лера, м-ме Бонъ, м-ме Пюта обглаживали косточки, между тѣмъ какъ маманъ Купо, которая обожала шею, рвала съ нея мясо, съ помощью своихъ послѣднихъ двухъ зубовъ. А Виржини,—та любила кожу, когда она была поджарена, и каждый изъ гостей передавалъ ей кожу съ своего куска изъ любезности, а Пуассонъ начиналъ даже строго поглядывать на жену, приказывая ей остановиться, потому что довольно уже съ нею, разъ она уже пролежала двѣ недѣли въ постели съ раздутымъ животомъ, отъ того, что обжѣлась гусемъ. Но Купо разсердился и подалъ Виржини кусочекъ ляжки, крича, что если она ея не одолѣетъ, то послѣ этого она, чортъ побери, совсѣмъ не женщина. Развѣ гусъ можетъ кому-нибудь повредить? Напротивъ того, гусъ вылечивалъ отъ болѣзни селезенки. Гуса можно жевать безъ хлѣба, какъ десертъ. Онъ можетъ жрать его по цѣлымъ вечерамъ безвредно, и изъ бакавальства закинулъ себя въ ротъ огромный кусокъ. Тѣмъ временемъ Клемансъ доканчивала архіерейскій кусочекъ, обглаживая его съ причмокиваніемъ и катаясь со смѣху на стулѣ, потому что Бошъ ловорилъ ей потихоньку непристойности. Ахъ, сто тысячъ чертей, зачѣмъ зѣвать! въ кои-то вѣки доводится попить, да еще не набить себя брюха до сыта! Дамы всѣ точно разбухли. Съ открытымъ ртомъ, съ подбородкомъ, выпачканнымъ жиромъ, онѣ сидѣли съ красными лоснящимися рожами, для которыхъ Бошъ подбиралъ крайне неприличныя сравненія. Пять или шесть кусочковъ гуса еще оставались на блюдѣ; гостямъ приходилось не въ мочь; они не рѣшались одолѣть ихъ; но Жервеза усмотрѣла въ этомъ для себя обиду; она раздѣлила куски по числу гостей, положила ихъ на тарелки. Гуса похоронили.

А вино-то, дѣти мои! Страсти да и только! Оно тѣкло вокругъ стола, какъ вода течетъ въ Сенѣ, настоящимъ потокомъ въ дождливый день, когда земля жадно глотаетъ воду. Купо наливалъ, высоко поднимая бутылку, чтобы видѣть, какъ вино пѣнится. И когда бутылка опорожнялась, онъ шутивно опрокидывалъ ее горлышкомъ внизъ и съ тѣмъ жестомъ, съ какимъ доятъ коровъ. Еще арапа, съ разбитой мордой! Въ углу магазина груды мертвыхъ араповъ все росла; образовалось цѣлое кладбище бутылокъ, и на нихъ склады-

вались обѣднн стола. М-ше Пютуа попросила-было воды, но него-
дующій цинковщикъ собственноручно убралъ графинъ съ водой.
Развѣ честные люди пьютъ воду? Развѣ она хочетъ развести у себя
въ желудкѣ лягушекъ? И ставаны опоражнивались однимъ духомъ,
сливине было какъ вино проходило въ горло съ шумомъ дождевой
води, стекающей по желобу въ дождливый день. Вино лилось точно
проливной дождь, торть небери! Сначала оно какъ будто отдавало
старой бочвой, но подѣ конецъ къ нему такъ привыкли, что оно,
казалось, отсырываетъ орѣхами. Ахъ ты, Боже мой милостивый! Чтѣ
бы ни говорили іезуиты, а виноградный сокъ знатная выдумка! Обще-
ство смѣялось, одобряло; работники не могъ жить безъ вина; дядя
Ной навѣрное посадилъ виноградную лозу для цинковщиковъ, порт-
ннкъ и кузнецовъ. Вино отвѣдитъ душу и прогоняетъ усталость отъ
труда; потомъ, когда оно, бестія, заиграетъ въ васъ, то вамъ самъ
чертъ не братъ, вамъ море по колено. Да, и притѣмъ возьмите еще
и то, что у рабочаго, загнаннаго какъ лемовая плита, безъ конѣйки
лѣзетъ въ карманѣ, презираемаго буржуазіей, такъ мало радостей въ
жизни, что смѣшно, право, было бы упрекать его за то, что онъ время
отъ времени заливаетъ себѣ за галстукъ, чтобы скрасить жизнь! Гмъ!
ну, вотъ, развѣ въ настоящую минуту они не завидуютъ хотя бы самому
Наполеону? Быть можетъ, онъ тоже набилъ себѣ брюхо, ну, вотъ—и
не же ему не резонъ завидовать, потому что они и сами набили себѣ
брюхо не хуже его. Купѣ посылаю всѣхъ во всѣмъ чертямъ! Онъ нако-
дилъ женицннъ красавицами и хлопалъ себя по карману, гдѣ звенѣли
три су, и хохоталъ такъ, какъ будто бы онъ гребъ золото лопатой. Самъ
Гужѣ, обыкновенно такой трезвый, клевалъ носомъ. Глаза Боша съужи-
лись, глаза у Лорильѣ совсѣмъ потускнѣли, между тѣмъ какъ Пуассонъ
все строже и строже ворочалъ глазами съ неподвижной миной ста-
раго солдата. Они были уже пьяны, какъ стельки. Да и дамы были
также на-веселѣ! О! да! у нихъ уже слегка шумѣло въ головѣ; плави
были красныя, и ихъ такъ и подмывало сбросить стѣсняящія одежды,
вслѣдствіе чего онѣ посямали свои косынки. Одна только Клемансъ
была совсѣмъ готова и становилась неприлична. Но вдругъ Жервеза
вспомнила про шесть бутылокъ отборнаго вина; она забыла подать
ихъ съ гусемъ; и принесла ихъ теперь и налила стаканы. Тогда Пу-
ассонъ всталъ и сжалъ со стаканомъ въ рукѣ:

— Пью за здоревье хозяйки.

Все общество, стука отодвинутыми стульями, встало съ своимъ
лѣтъ; руки протягивались, стаканы чокались, среди крикомъ.

— Дамы Богъ такъ отпировать еще лѣтъ черезъ пятьдесятъ! —
кричала Веринни.

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣчала Жервеза, растреганная и улыбаю-

щаяся,—я буду тогда слишкомъ стара. Повѣрьте, наступитъ время, когда радъ будете успокоиться въ сырой землѣ.

Между тѣмъ, въ открытую настежь дверь, кварталъ глядѣлъ на нихъ и принималъ участіе въ пирушкѣ. Прохожіе останавливались въ кружѣ свѣта, падавнаго на мостовую, и смѣялись отъ удовольствія, что вотъ люди какъ знатно угощаются. Кучера, сидя на козлахъ, хлопали бичами своихъ клачь, сканивали глаза и отпускали шуточки: „Инь-ты, расходились! Ого! толстая кумушка, не съѣдятъ ли за бабкой!...“ И запахъ гуся веселилъ всю улицу; приказчикамъ бакалейщика казалось, что они тоже ѣдятъ гуся; на противоположномъ тротуарѣ овощница и торговка требухой каждую минуту выходили на порогъ своихъ лавокъ, нюхая воздухъ и обливаясь. Положительно вся улица начинала страдать разстройствомъ желудка. Месдамоэ Кюдоржъ, мать и дочь, торговли зонтиками по сосѣдству, которыхъ никогда не видать было, перешли черезъ улицу другъ за дружкой, скосивъ глаза и раскраснѣвшись такъ, какъ еслибы они пекли вафли. Маленькій часовщикъ, сидя за рабочимъ столомъ, не могъ больше работать, опьянѣвъ, считая бутылки, крайне возбужденный среди своихъ кукушекъ, весело выкрикивавшихъ часы. Да! всѣ сосѣди палатъ глаза!—кричалъ Купб.—Но къ чему прятаться? Общество, расходившись, не стыдилось того, что его видѣли за столомъ; напротивъ того, ему льстило и возбуждало его весь этотъ людъ, собиравшійся глязѣть на нихъ, и у котораго слюнки текли на нихъ глядячи; пирующимъ хотѣлось бы пробить стѣну, продвинуть столъ на улицу и тамъ угощаться десертомъ на носу у прохожихъ. Вѣдь глядѣть на нихъ не противно. Къ чему же заператься какъ какинъ-нибудь скардамъ! И такъ какъ маленький часовщикъ обливался, глядя на нихъ, Купб издали показалъ ему бутылку, и когда тотъ кивнулъ головой, онъ снесъ ему бутылку и стаканъ. Съ улицей установились братскія отношенія; пили за здоровье прохожихъ. Подзывали молодцовъ, которые казались добрыми малыми. Хитѣль оказывался заразительнымъ, такъ что весь кварталъ „Золотой Капли“ точно закипѣлъ. Съ нѣкоторыхъ поръ, и м-ше Вигуру, угольница, то-и-дѣло, что проходила мимо дверей.

— Эге! М-ше Вигуру! М-ше Вигуру!—завыло общество.

Она вошла, смѣясь какъ дура, жирная какъ индюшка. Мужчины любили ее толкать, потому что въ ней нельзя было нацунать ни гдѣ костей. Бошъ посадилъ ее возлѣ себя и тотчасъ же неистовѣнно сжалъ ея колѣно подъ столомъ. Но она, привычная къ этому, спокойно тинула вино изъ стакана, рассказывая, что сосѣди всѣ глаза прогладѣли у овощекъ, и что жильцы дома начинаютъ сердиться.

— Ну, это наше дѣло!—сказала м-ше Бошъ.—Мы вѣдь приврат-

ники, не такъ ли? Ну, значить, мы и отвѣчаемъ за сповѣстiе. Пусть-ка сунутся съ жалобами, мы ихъ знатно отбьемъ.

Гвалтъ все усиливался. Въ сосѣдней комнатѣ, должно быть, происходила отчаянная баталiя между Нанн и Августинкой изъ-за сковороды, которую обѣ хотѣли вылизать. Въ теченiи четверти часа сковорода прыгала по полу. Въ настоящую минуту Нанн укаживала за маленькимъ Вигторомъ, который подавился гусиной костью; она страхъ какъ любила возиться, стащила у мальчика галстукъ, щевотала у него подъ подбородкомъ и заставляла глотать куски сахара, какъ лекарство. Это не мѣшало ей наблюдать за большимъ столомъ. Она ежеминутно приходила просить вина, хлѣба, мяса для Этьена и Полины.

— На! подавись!—говорила ей мать.—Авось ты отстанешь отъ меня! Дѣти не въ силахъ были больше проглотить куска, не все еще жевали, стуча вилками, чтобы подзадорить себя.

Подали десертъ. Посрединѣ стоялъ сладкiй пирогъ въ фюрѣ храма. Пуассонъ, весьма любезный, всталъ за розой и подаль ее хозяйкѣ при англодисконтахъ публики. Она должна была приколотъ ее булавкой на груди, слѣва, у сердца.

— Скажите-ка!—закричалъ Лорилль, сдѣлавшiй открытiе:—вѣдь это мы ѣдимъ на вашемъ прилавкѣ... Ну, чтожъ! пожалуй, надъ нимъ никогда еще столько не работали!

Эта малая шутка имѣла большой успѣхъ. Остроумные намѣки посыпались градомъ: Клемансъ, глотая землянику, утверждала, что она гладить; m-me Лерэ уѣбрала, что сыръ пахнетъ крахмаломъ, а m-me Лорилль повторяла, что самое это любезное дѣло протереть глаза дощечкамъ на тѣхъ самыхъ доскахъ, на которыхъ ихъ съ такимъ трудомъ заработали! Восклицанiямъ и смѣху не было конца.

Но вдругъ здоровый голосъ заставилъ всѣхъ умолкнуть. То Бонъ, стоя и раскатываясь съ удалымъ видомъ, пѣлъ „le Volcan d'amour ou le troupiier séduisant“. Громъ ружонлескаго покрылъ первый куплетъ. Да, да, будетъ пѣть! Каждый споетъ поочереди. Это веселѣе всего. И гости оперлись локтями на столъ, или опрокинулись на спинки стульевъ, качая подбородкомъ въ забористыя мѣстахъ, запивая глоткомъ вина припѣвъ. Эта бестiя Бонъ такъ мастерски пѣлъ комическiя пѣсни! Онъ могъ разсѣнить мертвого. Тотчасъ послѣ „le Volcan d'amour“ онъ затанулъ „La Baronne de Follebiche“, которое всегда производило фуроръ. Когда онъ дошелъ до третьяго куплета, то восхищенное общество стало подтагивать ему въ припѣвахъ. Мужчины били такъ каблуками, дамы вооружились воями и ударили ими въ тактъ по стаканамъ. Стекла обонъ звенѣли, и дыханiе пѣвцовъ, казалось, колыхало кисейныя занавѣски.

Тѣмъ временемъ Виржині уже два раза два исчезала куда-то, и порочаясь, о чѣмъ-то сообщала Жервезѣ на ушко. Въ третій разъ, вернувшись среди гвалта, она ей сказала:

— Душенька, онъ все еще у Франсуа, прикидывается, что читаетъ газету... Онъ навѣрное затѣваетъ какую-нибудь предательскую штуку.

Виржині говорила про Лантье. Это она за нимъ бѣгала подсматривать. Съ каждымъ новымъ донесеніемъ, Жервеза становилась озабоченнѣе.

— Что, онъ пьянъ?—спросила она у Виржині.

— Нѣтъ,—отвѣчала долговазая бритетка.

— Онъ совсѣмъ спокоенъ на видъ. Это-то и страшно. Гдѣ жъ чѣмъ онъ сидитъ въ винномъ погребокѣ, если у него нѣтъ никакихъ замишловъ?... Боже мой! какъ бы не вышло чего!

Прачка, страшно встревоженная, попросила ее замолчать. Вдругъ воцарилась глубокая тишина. М-ше Пютуа встала и зашла „А l'abodage“! Гости молча и вникательно глядѣли на нее; даже самъ Пуассонъ отложилъ въ сторону трубку, чтобы лучше ее слушать. Она стояла, выпрямившись во весь свой маленький ростъ, рѣшительная и блѣдная, въ черномъ чепчикѣ; она размахивала кулакомъ съ убѣжденнымъ видомъ. Она пѣла въ серьезѣ! И, чортъ возьми! какъ она вѣрно передавала дѣло. Пуассонъ, плававшій по морю, качалъ головой, въ знакъ одобренія. Къ тому же сознавали, что эта пѣсня въ духѣ м-ше Пютуа. Купо, нагнувшись, рассказавъ, какъ м-ше Пютуа въ одинъ прекрасный вечеръ отхлопала по щекамъ четырехъ мужчинъ, хотѣвшихъ ее обесчестить.

Жервеза съ помощью маман Купо подавала кофе, хотя гости еще не дѣли сладкій пирогъ. Ей не дали сѣсть; всѣ кричали, что теперь ея очередь. Она отпѣкивалась, съ блѣднымъ лицомъ; ей казалось не по себѣ; у нея даже спросили: не гусь ли виновата, что ей нехорошо. Тогда она пропѣла „Ah! laissez-moi dormir! слабнѣ и вротанимъ толесомъ. Когда она восторгалась припѣвъ, высказывая желаніе заснуть и видѣть чудные сны, она полузакрывала рѣснички; тогда взглядъ ее вверился во мракъ улицы. Немедленно вслѣдъ за тѣмъ Пуассонъ поклонился дамамъ наклоненіемъ головы и затянулъ задравнуто пѣсню: „Les Vins de France“, но онъ пѣлъ такъ, какъ если бы отпѣвалъ покойника; только послѣдній куплетъ, куплетъ патристическій, имѣлъ успѣхъ, потому что, упоминая о трехцѣфтномъ знамени, онъ высоко поднималъ стаканъ, помакалъ имъ и наконецъ залпомъ осушилъ его. Послѣ этого послѣдовали романсы за романсомъ; въ баркаролѣ м-ше Вонъ говорилось о Венесіи и гондамахъ; въ болеро м-ше Лориллѣ трантовалось про Савилью и потопившаго муловъ Педро, а самъ Лориллѣ новалъ рѣчь объ аренатахъ Аравіи и любви Фатимы,

танцовщицы. Вокругъ жирнаго стола, среди удупливаго воздуха, пропитаннаго обжорствомъ, разиривались золотистые горизонты, проносились мраморныя плечи, черныя какъ смоль волосы, поцѣлуи при лунномъ свѣтѣ подъ звуки гитары, султанская любовь, осыпанная жемчугомъ и драгоценными каменьями; и мужчины курили съ блаженнымъ видомъ свои трубки, дамы безсознательно и пріятно улыбались; всемъ казалось, что они перенеслись туда, далеко, и вдыхаютъ чудные ароматы. Когда Елемансъ принялась ворковать: „Faites un nid“, то это тоже очень понравилось, потому что напоминало деревню, рѣзвыхъ пташекъ, укромную листву, цвѣты съ медоносной чашечкой; словомъ, то, что видали въ Венсенскомъ лѣсу, когда туда отправлялись на прогулку. Но Виржини вновь обратилась къ разухабистымъ пѣснямъ и спѣла „Mon petit riquiqui“; она передразнивала марикитантку, подпершись рукою въ бокъ, а другой наливая воображаемое вино въ пустое пространство. Послѣ этого общество пристало къ маман Купо, чтобы она спѣла „la Souris“. Старуха отказывалась; утѣрала, что не знаетъ этой пѣсни, однако затанула ея разбитымъ голосомъ, и ея сморщенное лицо, съ маленькими живыми глазами, подчеркивало намѣки, испугъ мамзель Лизы, подбирающей обки при видѣ миши. Весь столъ смѣялся, женщины не могли сдержатъ улыбки и масляными глазами поглядывали на сосѣдей; что-жъ? въ концѣ-концовъ это было не грязно; грубыхъ словъ не было. Вошъ, сказать не правдѣ, изображалъ мышъ вдоль колѣнъ угольницы; дѣло могло выйти дрянъ, еслибы Гушѣ, по знаку Жервезы, не возстановилъ почтительнаго безмолвія пѣсней „Les Adieux d'Abd-el-Kader, которую онъ проревѣлъ басомъ. Да, у него голосина былъ здоровый! Звуки вылетали изъ его большой желтой бороды лопатой, точно изъ мѣдной трубы. Когда онъ испустилъ крикъ: „O, ma pitié compagne!“ говоря о своей вороной кобылѣ, сердца забились, и всѣ захлопали въ ладоши, такъ онъ громко рявкнулъ.

— Теперь вашъ чередъ, дядя Ври!—сказала маман Купо. Нобесъ! старинныя пѣсни самыя прекрасныя!

И все общество повернулось къ старику, наставляя, ободряя его. Онъ же, замороженный, съ неподвижной маской изъ загорѣлой, грубой кожи, глядѣлъ на всѣхъ, какъ будто не понимая, чего отъ него хотятъ. У него спросили, знаетъ ли онъ: „Les Cinq Voyelles“. Онъ опустил подбородокъ; онъ ея не помнитъ; всѣ пѣсни добраго стараго времени перепутались въ его башкѣ. Уже всѣ собирались отступить отъ него, какъ вдругъ онъ какъ будто припомнилъ и забормotalъ глухимъ голосомъ:

Тру ля ля, тру ля ля,

Тру ля, тру ля, тру ля ля!

Лицо его оживилось; этотъ пригѣвъ, должно быть, пробуждаетъ въ немъ веселыя воспоминанія, которыми онъ наслаждался пре себя, прислушивался къ своему глухому голосу съ дѣтскимъ восторгомъ:

Тру ла ла, тру ла ла,
Тру ла, тру ла, тру ла ла!

— Послушайте, душевна, — прошептала Виржині на ухо Жервезѣ, — знаете, вѣдь я опять оттуда. Это меня задѣваетъ за живое... Ну, вотъ! Лантье, удралъ отъ Франсуа. Право-слово, говорю это не за тѣмъ, чтобы успокоить васъ.

— Онъ вамъ не попадался на улицѣ? — спросила прачка.

— Нѣтъ, я шла скоро, мнѣ не пришлось въ голову поглядѣть...

Но тутъ Виржині, поднявъ глаза, умолила и глухо вскрикнула:

— Ахъ! Боже мой!.. онъ тамъ на тротуарѣ, напротивъ насъ; онъ глядитъ сюда.

Жервеза, видъ себя, рѣшилась поглядѣть. На улицѣ собралась толпа, чтобы послушать, какъ пѣли пѣсни. Приказчики бакалейной лавки, маленькій часовщикъ были въ числѣ зрителей. Тутъ находились и военные, и буржуа въ сюртукахъ, три маленькія дѣвочки пяти-шести лѣтъ держались за руку, съ серьезными и воскищенными лицами. И Лантье въ самомъ дѣлѣ торчалъ тамъ въ первомъ ряду, слушая и глядя съ спокойнымъ видомъ. Нѣтъ! тутъ что-то да неладно! Жервеза почувствовала какъ дрожь пробѣжала у ней по всему тѣлу и не рѣшалась шевелиться, межъ тѣмъ какъ дядя Брю продолжалъ:

Тру ла ла, тру ла ла,
Тру ла, тру ла, тру ла ла!

— Ну, нѣтъ, старина, такъ довольно съ насъ, — сказалъ Кунб. — Вы знаете эту пѣсню всю до конца. Ну, такъ вы споете ее намъ въ другой разъ, — не правда ли? — когда мы всѣ подкутимъ.

Всѣ расшѣлялись. Старикъ умолялъ, обвелъ своими тусклыми глазами присутствующихъ и снова усѣлся съ видомъ задумчиваго звѣря. Кофе былъ выпить; цинковникъ потребовалъ еще вина. Клемансъ опять принялась за землянику. На минуту пѣсни смолкли; заговорили о женщинѣ, которую нашли повѣсившейся, въ домѣ рядомъ. Очередъ была за м-ме Лерэ, но ей нужно было покобениваться. Она поочередно уголь салфетки въ стаканъ съ водою и приложила къ вискамъ, потому что ей было слишкомъ жарко. Затѣмъ потребовала чашечку водки, выпила ее и долго вытирала себѣ губы.

— *L'enfant du bon Dieu*, не правда ли? — пробормотала она. — *L'enfant du bon Dieu*...

И, вытянувшись во весь свой длинный ростъ, съ мужскими ухват-

КАНИ, ДЛИННЫМЪ, КОСТАТЫМЪ НОСОМЪ И ШИРОКИМИ ПЛЕЧАМИ, КАКЪ У ЖАНДАРМА, ЗАТЯНУЛА:

L'enfant perdu que sa mère abandonne,
 Trouve toujours un asile au saint Heu,
 Dieu qui le voit le défend de son trône,
 L'enfant perdu, c'est l'enfant du bon Dieu.

Голосъ дрожалъ на нѣкоторыхъ словахъ, оттягивалъ ноты; она поднимала глаза къ небу, а правой рукой размахивала въ воздухъ и затѣмъ патетически прикладывала ее къ сердцу. Тогда Жервеза, измученная присутствіемъ Лантье, не могла долѣе удерживать слезъ; ей казалось, что пѣсня выражала ей муку, что она была заблудившимся ребенкомъ, котораго Господь принимаетъ подъ свое покровительство. Клемансъ, совсѣмъ пьяная, вдругъ разрыдалась и, уронивъ голову на столъ, заглушала скатертью икоту. Воцарилось трепетное молчаніе. Дамы вынули носовые платки и вытирали глаза, гордясь своей чувствительностью; мужчины, наклонивъ голову, пристально глядѣли въ пространство, мигая вѣками. Пуассонъ, задыхаясь и стискивая зубы, два раза ломалъ мундштукъ своей трубки и выкидывалъ обломки, не переставая курить. Бошъ, забывшій руку на кофѣннхъ угольщицы, не щипалъ ее больше, охваченный смутнымъ раскаяніемъ и почтеніемъ, и двѣ крупныхъ слезы катились у него по щекамъ. Эти кутилы были неумолимы, какъ правосудіе, и кротки, какъ агнцы. Вино выходило у нихъ изъ глазъ—вотъ что! Когда припѣвъ раздался вновь, всѣ рыдали въ тарелки и разстегивали жилеты, задыхаясь отъ умиленія.

Но Жервеза и Виржиніи, помимо воли, не спускали глазъ съ противоположнаго тротуара. М-ше. Бошъ, въ свою очередь, увидѣла Лантье и слегка вскрикнула, не переставая обливаться слезами. Тогда всѣ три состроили смущенныя лица и невольно закивали головами. Боже мой! еслибы Купо оглянулся! еслибы Купо увидѣлъ его! какая была бы баталія! какая рѣзня! И онъ такъ завертѣлся, что цинковщикъ, наконецъ, спросилъ у нихъ:

— Кого вы такъ высматриваете?

И, наклонившись, узналъ Лантье.

— Ахъ, ты дьяволъ! это ужъ нестерпимо,—пробормоталъ онъ.— Ахъ, свотина! Ахъ, мерзавецъ!.. Нѣтъ, этакъ нельзя, этому надо положить конецъ!..

Онъ всталъ съ мѣста, бормоча ужасающія угрозы, а Жервеза умоляла его шопотомъ:

— Послушай, прошу тебя... Оставь ножикъ... Сядь на мѣсто; не дѣлай бѣды.

Виржиніи должна была отнять у него ножъ, который онъ взялъ

со стола, но не могла помѣшать ему выйти и подойти къ Лантье. Общество, расчувствовавшееся до послѣдней степени, ничего не ждало, рыдало сильнѣе, межъ тѣмъ, какъ м-ше Лерэ пѣла, съ раздирающимъ выраженіемъ:

Orpheline, on l'avait perdue,
Et sa voix n'était entendue
Que des grands bras et du vent.

Послѣдній стихъ пронесся какъ жалостный вой бури. М-ше Пятта, собиравшаяся пить вино, была такъ тронута, что пролила его на скатерть. Между тѣмъ Жервеа сидѣла оледенѣлая, приложивъ сжатый кулакъ къ губамъ, чтобы удержать крикъ, мигая отъ страха и ожидая съ минуты на минуту, что оба мужчины упадутъ на тротуаръ, сраженные до смерти. Виржини и м-ше Вошъ слѣдили за сценой съ большимъ интересомъ. Купо, оглушенный свѣжимъ воздухомъ, чуть не упалъ въ грязь, желая броситься на Лантье. Этотъ послѣдній только отодвинулся, медленно вынулъ руки изъ кармановъ. Теперь оба мужчины осыпали другъ друга отчаянной руганью; цинковщикъ въ особенности загибалъ забористыя словечки, называя его чумной свиньей, грозился, что поѣстъ его требуху. Слышенъ былъ разъяренный гвалтъ голосовъ; видны были яростныя жесты, точно они хотѣли свихнуть себѣ руки, размахивая ими. Жервеа была близка къ обмороку, закрывала глаза, потому что это длилось чересчуръ долго, и она все еще ожидала, что они откусятъ другъ друга носы, такъ они налетали другъ на друга. Потомъ, не слыша болѣе ничего, открыла глаза и совсѣмъ одурѣла, увидя, что они спокойно разговариваютъ.

Голосъ м-ше Лерэ раздавался воркующій и слезливый, начинавъ куплетъ:

Le lendemain, à demi morte,
On recueillit la pauvre enfant.

— Вѣдь бываютъ же такіа злодѣйки-матери,—проговорилъ м-ше Лорильё среди всеобщаго одобренія.

Жервеа обмѣнялась взглядомъ съ м-ше Боннъ и Виржини. Дѣла значить, улаживалось? Купо и Лантье продолжали разговаривать. Они еще ругали другъ друга, но уже по-дружески. Они звали другъ друга „подлая скотина“, тономъ, въ которомъ проглядывала извѣстность. Такъ какъ на нихъ глядѣли, то они принялись ходить рдомъ взадъ и впередъ, поворачиваясь черезъ каждые десять шаговъ. Между ними завязался очень оживленный разговоръ. Вдругъ Купо какъ будто снова разсердился, а тогъ, другой, въ чортъ-то отпыхивалъ, заставляя себя упрашивать. И вотъ, цинковщикъ, подталкивая Лантье, принудилъ его перейти черезъ улицу и войти въ лаву.

— Говорю вамъ, что я отъ всего моего чистаго сердца, — кричалъ онъ. — Вы разопьете съ нами бутылочку вина... Люди вѣдь люди, не такъ ли? Могутъ, кажется, понимать другъ друга.

М-ше Лерэ доканчивала послѣдній приѣвъ. Дамы позторали всѣ хоромъ, свертывая носовые платки:

L'enfant perdu, c'est l'enfant du bon Dieu.

Всѣ осыпали похвалами пѣвицу, которая усѣлась на мѣсто, принимаясь совсѣмъ разбитой. Она попросила чего-нибудь выпить, потому что эта мѣся вытативала у ней всю душу и она всегда боялась, что у ней порвется какой-нибудь нервъ. Между тѣмъ всѣ присутствующіе глядѣли на Лантье, смиренно сидѣвшаго возлѣ Купо, поѣдая послѣдній кусокъ сладкаго пирога, который онъ мочалъ въ вино. Кромѣ Виржини и м-ше Бошъ, никто его не зналъ. Лорилье чуяли исторію, но не знали ея и только сжимали губы. Гужэ замѣтилъ волненіе Жервези и искоса поглядывалъ на приплеця. Воцарилось смущенное молчаніе, и Купо сказалъ просто:

— Это одинъ пріятель.

И обращаясь къ женѣ:

— Ну же, поворачивайся... Можетъ быть, есть еще горячій кофе.

Жервеза глядѣла на нихъ поочередно, кротно и озадаченно. Сначала, когда мужъ втолкнулъ ея стараго любовника въ лавку, она схватила голову обѣими руками съ тѣмъ же инстинктивнымъ жестомъ, какъ дѣлала это во время грозы, при каждомъ ударѣ грома. Все это ей казалось невѣроятнымъ. Стѣны сейчасъ обрушатся и раздавить всѣхъ. Потомъ, видя, что оба мужчины сидятъ и даже кисейные записки не шелохнутся, она вдругъ нашла все это вполнѣ естественнымъ. Гусь обременилъ ее; она слишкомъ наѣлась, и это мѣшаетъ ей думать. Влаженная истома охватила ее, она сидѣла не шевелилась и ждала одного только, чтобы ее оставили въ покоѣ. Боже мой! ради чего портить себѣ кровь, когда всѣ спокойны, и дѣло, повидимому, уладилось ко всеобщему удовольствію. Она встала посмотреть, остался ли еще кофе.

Въ сосѣдней комнатѣ дѣти спали. Косой заяцъ, Августинка, тиранила ихъ въ продолженіи всего десерта, отнимала у нихъ землянику и застранивала отчаянными угрозами. Теперь ей было страшно какъ тошно, и она сидѣла на маленькой скамеечкѣ, съ блѣднымъ лицомъ, не говоря ни слова. Толстая Полина прислонила голову къ плечу Этьена, который тоже спалъ на краю стола. Нанэ сидѣла на коврикѣ передъ кроватью, возлѣ Виктора, и прижималась къ нему, обхвативъ рукою его шею, и заспанная, съ закрытыми глазами, пѣвала слабымъ голосомъ безумно:

— Охъ! маманна, у меня бобб... Охъ! маманна, у меня бобб...

— Еще бы!—пробормотала Августинка, голова которой качалась взадъ и впередъ, они пьяны,—они были какъ большіе.

Жервеса опять возманивалась при видѣ Этьена. Она чуть не задохлась при мысли, что отецъ этого мальчика, тутъ же рядомъ, ѣстъ пироги и даже не выразилъ желанія поцѣловать ребенка. Она готова была разбудить Этьена, унести его на рукахъ. Потомъ опять еще разъ подумала, что отлично, что все такъ мирно уладилось. Конечно, было бы неприлично смутить конецъ обѣда. Она вернулась съ кофейникомъ въ рукахъ и подала стаканъ кофе Лантье, который, впрочемъ, не обращалъ, повидимому, никакого на нее вниманія.

— Ну, теперь мой чередъ,—бормоталъ Купо, отяжелевшимъ акцентомъ.—Гм! меня приберегли на закуску... Ну, такъ вотъ я спой вамъ *Quel cochon d'enfant!*

— Да, да, *Quel cochon d'enfant!*—закричали всѣ присутствующіе.

Гвалтъ возобновился, Лантье былъ позабытъ. Дамы приготовили стаканы и ножи, чтобы аккомпанировать припѣву. Всѣ заранее смѣлились, глядя на цинковщика, подбоченившагося съ ухарскимъ видомъ. Онъ запѣлъ хриплымъ голосомъ старой бабы. И дамы, стука въ стаканы, подпѣвали хоромъ среди неудержимаго веселья:

Quel cochon d'enfant!

Quel cochon d'enfant!

Теперь къ нимъ пристала вся улица „Золотой Капли“. Весь кварталъ пѣлъ „*Quel cochon d'enfant!*“ Напротивъ маленькій часовщикъ, приказчики бакалейной лавки, торговка требухой, овощница, которые знали эту пѣсню, подпѣвали, вытаскивая другъ-друга по спинѣ, ради шутки. Право, вся улица точно опьянѣла; бражничанье, происходившее у Купо, сообщалось всѣмъ прохожимъ. Надо сказать, что они были зѣло пьяны въ настоящую минуту. Хмѣль постепенно охватывалъ ихъ, начиная съ первой рюмки, выпитой послѣ супа. Теперь хмѣль достигъ своего апогея; гости орали во все горло, наѣвшись до отвала и озаряемые красноватымъ пламенемъ двухъ лампъ. Гвалтъ этой гомерической пирушки покрывалъ стукъ послѣднихъ экипажей. Двое городскихъ сержантовъ, вообразивъ, что бунтъ, прибѣжали со всѣхъ ногъ, но, увидя своего собрата, Пуассона, подмигнули другъ другу съ многозначительнымъ видомъ и удалились рядомъ вдоль темныхъ домовъ.

Съ послѣднимъ припѣвомъ домъ затрепалъ,—такой вопль поднялся въ теплое ночное воздухъ, что пирующие сами захлопали себѣ, въ знакъ одобренія, потому что нельзя было надѣяться заорать громче.

Никто изъ общества не могъ потомъ припомнить, какъ окончилась пирушка. Должно быть, очень поздно,—вотъ все, что они могли сообразить, потому что улица была совсѣмъ пустынна. Кажись также,

что они плясали вокругъ стола, взявшись за руки. Все это терялось въ мутномъ туманѣ, среди котораго прыгали красныя рожи, ослаблявшіяся до ушей. Вѣрно также и то, что они угощались подъ конецъ виномъ à la française, но только, должно быть, какой-то шутникъ наложилъ соли въ стаканы. Дѣти, должно быть, сами раздѣлись и легли спать. На другой день м-ше Бошъ хвасталась, что угостила двумя подзатыльниками Боша за то, что тотъ слишкомъ явно укаживалъ за угольщицей; но Бошъ, который ничего не помнилъ, утверждалъ, что это враки. Но что всѣхъ возмущало, такъ это поведеніе Клемансъ, которую послѣ этого не стоило никогда приглашать. Она подъ конецъ показалась гостямъ почти такъ, какъ ее мать родила, и въ заключеніе ее стошнило, причемъ пострадала одна изъ кисейныхъ занавѣсокъ. Мужчины по крайней мѣрѣ выходили для того на улицу: Лорильё и Пуассонъ, у которыхъ разстроились желудки, со всѣхъ ногъ бросились бѣжать въ колбасную. Людей благовоспитанныхъ всегда узнаешь. Точно также, такія дамы, какъ м-ше Пютуа, м-ше Леръ и Виржини, обезпокоенныя жаромъ, ходили въ сосѣднюю комнату снимать корсеты; и даже Виржини непремѣнно захотѣла прилечь на минуту на постель, чтобы предупредить худыя послѣдствія. Потомъ все общество точно растаяло, одни исчезали за другими, провожая другъ друга и теряясь въ дали квартала, погруженнаго въ мракъ, среди послѣдняго гвалта, отчаянной ссоры Лорильё, упрямаго и похороннаго тру-ля-ля дяди Брю. Жервезъ казалось, что Гужэ разрыдался, уходя. Купо все пѣлъ; что касается Лантье, то онъ, должно быть, оставался до конца, и она даже почувствовала одну минуту чье-то дыханіе на своихъ волосахъ, но рѣшительно не могла сказать, было ли то дыханіе Лантье, или теплой ночи.

Между тѣмъ, м-ше Леръ отказалась идти домой въ Батиньоль въ такой поздній часъ, и пришлось стащить матрацъ съ постели и постлать его въ углу лавки, отодвинувъ немного столъ. Она проспала тутъ, среди остатковъ отъ обѣда. И всю ночь, во время мертваго сна Купо, кошка одной сосѣдки, пробравшаяся черезъ открытое окошко, глодала гусинныя кости и окончательно похоронила гуся подъ шумокъ своихъ острыхъ зубковъ...

Я уже говорилъ о развязкѣ „Assommoir“. Лантье поселяется у Купо. Жервеза, попавъ межъ двухъ огней: старымъ любовникомъ и мужемъ—медленно доходить въ ихъ обществѣ до нищеты и позора. Это—роковое паденіе, ведущее отъ пьянства и обжорства къ зимѣ безъ хлѣба и безъ топлива. Мнѣ кажется, что я описалъ парижскихъ рабочихъ съ терпѣніемъ анатома. Мораль должна заключаться въ строгой правдѣ произведенія.

Эмиль Зола.

Н Е К Р О Л О Г Ъ

А. П. Щаповъ.

Въ началѣ апрѣля получено было въ Петербургѣ извѣстіе о смерти бывшаго профессора казанскаго университета и извѣстнаго писателя, А. П. Щапова: онъ умеръ въ Иркутскѣ, 27 февраля, на 46-мъ году жизни.

Авванасій Прокофьевичъ Щаповъ былъ сибирскій уроженецъ, сынъ причетника въ селѣ, или деревнѣ, за Иркутскомъ. Онъ учился въ семинаріи, потомъ въ духовной академіи въ Казани; въ концѣ пятидесятихъ годовъ онъ сдѣлался въ той же академіи профессоромъ по русской исторіи, и въ 1860 приглашенъ на ту же кафедру въ казанскій университетъ. Этому приглашенію предшествовала извѣстность Щапова, какъ талантливаго профессора. Въ университетѣ, гдѣ на первой лекціи его, кромѣ университетскихъ слушателей, собралась многочисленная публика, онъ съ перваго раза произвелъ сильное впечатлѣніе, которое надолго привязало слушателей къ профессору. Онъ дѣйствовалъ на слушателей (несмотря на свое недовольно внятное произношеніе) качествомъ, которое не часто бываетъ на кафедрѣ: онъ былъ страстно преданъ своему предмету, его мысли были его глубочайшимъ убѣжденіемъ, которому онъ отдавался со всей искренностью;—его историческіе взгляды были притомъ довольно новы.

О томъ впечатлѣніи, которое производилъ Щаповъ въ университетѣ, читатель можетъ найти любопытный разсказъ одного изъ его слушателей въ вышедшемъ недавно казанскомъ сборникѣ. „Вступленіе въ университетъ Щапова, — разсказываетъ очевидецъ, — было цѣлое событіе въ лѣтописяхъ внутренняго быта университета. Въ тотъ короткій періодъ, пока Щаповъ занималъ у насъ кафедру русской исторіи,—онъ, можно сказать, царилъ въ университетѣ; каждое его появленіе на кафедрѣ было своего рода триумфомъ; долгое время въ тотъ часъ, когда читалъ Щаповъ, всѣ остальные профессора прекращали свои лекціи; клиника и анатомическій театръ пустѣли; у подъѣзда университета былъ съѣздъ экипажей, такъ какъ городская публика тоже приходила въ движеніе и стремилась его послушать“, и пр. („Первый Шагъ“, стр. 404—413).

Его извѣстность въ литературѣ составлена была обширнымъ изслѣдованіемъ: „Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII и въ 1-й половинѣ XVIII вѣка“ (Казань, 1859). Это

ислѣдованіе, хотя еще не достигало полного опредѣленія вопроса, доставило однако много любопытныхъ разъясненій и обнаружило обширную начитанность автора, и новые приемы изученія.

Но профессорская дѣятельность Щапова была непродолжительна. Въ 1861 году, по обнародованіи „Положеній 19 февраля“, произошли между прочимъ въ казанской губерніи нѣкоторыя безпокойства между крестьянами, вслѣдствіе неправильнаго пониманія ими „Положеній“. Въ Казани, увлекшіеся молодые люди, на которыхъ подѣйствовалъ исходъ этихъ событій, собрались на панихидѣ по Антонѣ Петровѣ. Щаповъ, энтузіастъ по природѣ, всегда искренній, но человекъ вполне кабинетный, не знавшій жизни, былъ также на этой панихидѣ, увлекаемый тогдашнимъ настроеніемъ и не думая о послѣдствіяхъ, которыя, по обстоятельствамъ дѣла, могли быть неблагоприятны особенно для него. Вскорѣ онъ былъ вытребованъ въ Петербургъ и потерялъ профессуру. Впрочемъ, дѣло пока не имѣло дальнѣйшихъ вредныхъ для него послѣдствій. Щапову даже оказано было вниманіе просвѣщеннымъ начальствомъ, которое дало ему возможность продолжать въ Петербургѣ свои ислѣдованія — изученіемъ архивныхъ дѣлъ по расколу. Результатомъ было нѣсколько замѣчательныхъ и оригинальныхъ работъ.

Въ свое пребываніе въ Петербургѣ Щаповъ особенно много работалъ. Въ „Отеч. Запискахъ“ появились тогда его любопытныя статьи: „Великорусскія области и смутное время, 1606—1613 г.“; „Земство и расколъ“ (напечатано потомъ отдѣльной книжкой). Въ журналѣ „Время“ помѣщено было продолженіе этихъ статей—о сектѣ „Вѣгуновъ“. Въ „Журналѣ Минист. Народ. Просвѣщенія“, 1863, напечатанъ былъ рядъ „Историческихъ Очерковъ народнаго міросозерцанія и суевѣрія — православнаго и старообрядческаго“; эти статьи между прочимъ интересны по выпискамъ изъ рукописей замѣчательной Соловецкой библіотеки, находящейся теперь въ Казани, и которую Щаповъ, какъ видно, внимательно изучалъ въ прежнее время. Въ „Библіотекѣ для Чтенія“—статья: „Этнографическая организація русскаго народонаселенія“. Позднѣе, эту же тему онъ излагалъ въ статьяхъ: „Историко-географическое распредѣленіе русскаго народонаселенія“ въ журналѣ „Рус. Слово“, 1864—1865, и проч.

Но въ Петербургѣ Щаповъ остался недолго. Его крайняя практическая безвѣность и неосторожность снова ему повредили. Въ 1864 или 1865 онъ долженъ былъ оставить Петербургъ и отправиться на „мѣсто жительства“, которымъ былъ назначенъ Иркутскъ. Здѣсь онъ прожилъ послѣдніе годы своей жизни, не выѣзжая съ мѣста, — за исключеніемъ, кажется единственной, поѣздки въ сѣверный Туруханскій край; это была ученая экспедиція, устроенная си-

бирскимъ отдѣломъ Географическаго Общества, гдѣ Шаповъ, при всѣхъ трудностяхъ путешествія, сумѣлъ собрать замѣчательный научный матеріалъ. Издавна слабый здоровьемъ, Шаповъ тяжело провелъ послѣдніе годы, въ борьбѣ съ нуждой, которая все больше его угнетала, тѣмъ больше, что съ удаленіемъ изъ Петербурга для него затруднилась литературная дѣятельность, составлявшая его единственное средство къ существованію... Онъ продолжалъ работать, и послѣднимъ значительнымъ его трудомъ была книга: „Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа“ (Спб. 1870), о которой въ свое время было говорено въ „Вѣстникѣ Европы“. За тѣмъ было еще нѣсколько статей его въ журналахъ.

Въ послѣднее время Шаповъ принималъ нѣкоторое участіе въ иркутской газетѣ „Сибирь“, г. Вагина, и между прочимъ съ энтузіазмомъ высказывался по вопросу о сибирскомъ университетѣ. Здоровье его все больше и больше падало; средства истощались; наконецъ, онъ долженъ былъ пользоваться пособіями.

Такимъ образомъ, тревожная жизнь, тяжкія внѣшнія обстоятельства мало давали Шапову возможности къ правильной и спокойной ученой работѣ, именно въ то время, когда его силы были въ полномъ развитіи. Тѣмъ не менѣе, труды его даютъ ему неоспоримое мѣсто въ ряду писателей, которые содѣйствовали разъясненію руководящихъ началъ нашей исторіи. Главнѣйшимъ интересомъ его историческихъ розысканій была народная жизнь, съ ея исконными и приобритенными особенностями, жизнь, содержаніе которой не покрывалось государственными формами, и нерѣдко стояло съ ними въ противорѣчій и разладѣ; онъ настоятельно указывалъ на необходимость изслѣдовать областныя дѣленія русской народности, и ихъ участіе въ историческихъ явленіяхъ, на которое обыкновенно мало обращалось вниманія; съ другой стороны, онъ былъ свободенъ отъ преувеличеній, очень нерѣдкихъ, которыя въ этомъ направленіи приводили многихъ къ исключительной мнимо-народности, и нѣсколько его работъ посвящено было исторіи умственнаго развитія русскаго народа, гдѣ онъ истинную цѣль его видѣлъ въ соединеніи народныхъ началъ съ научными результатами цивилизаціи. Нѣкоторые изъ его позднихъ работъ вызывали строгія сужденія критики; многія изъ нихъ дѣйствительно отзывались спѣшностью и неконченностью, слѣдствіемъ крайне неблагоприятныхъ обстоятельствъ его работы;—но, взятая въ цѣломъ, работы Шапова представляютъ много свѣтлыхъ мыслей объ исторической судьбѣ и содержаніи нашей народной жизни.

А. П.

РАЗЪЯСНЕНИЕ

Печатается на основаніи ст. 26 гл. II прилож. къ ст. 5, примѣч. 4, Уст. Ценз., по продолж. 1868 г., по требованію Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ мартовской книжкѣ «Вѣстника Европы», за текущій годъ, въ отдѣлѣ хроники, помѣщено «Письмо въ редакцію», подъ заглавіемъ: „Второй пунктъ инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ“. Въ письмѣ разсказанъ случай, что въ одномъ изъ уѣздовъ инспекторъ народныхъ училищъ предлагалъ училищному совѣту нѣкоторыя начальныя одноклассныя училища, подвѣдомыя совѣту, преобразовать въ двухклассныя, но большинство членовъ совѣта не согласилось съ предложеніемъ. Затѣмъ составитель письма счелъ нужнымъ „уяснить обществу истинное значеніе вышеупомянутаго отказа и указать на настоящую причину замедленія успѣшнаго развитія нашихъ народныхъ школъ“.

Объясняя причину отказа и причину медленнаго развитія школъ, авторъ письма развиваетъ ту мысль, что будто двухклассныя начальныя училища не иначе могутъ быть открываемы, какъ подчиняясь инструкціи для двухклассныхъ и одноклассныхъ училищъ 4 іюня 1875 г., что съ подчиненіемъ двухклассныхъ училищъ этой инструкціи и инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ 29 октября 1871 года, „устраняется всякое отношеніе къ такимъ училищамъ“ со стороны общества или учредителей и участниковъ въ содержаніи сихъ школъ, „за исключеніемъ ассигновокъ на содержаніе ихъ, и то безъ права контроля“, такъ какъ, на основаніи инструкцій, сельскія двухклассныя училища состоятъ подъ исключительнымъ наблюденіемъ инспекторовъ народныхъ училищъ, что поэтому, съ преобразованіемъ начальнаго однокласснаго училища въ двухклассное, общество или содержатели училища теряютъ всѣ тѣ права по отношенію къ нему, какія предоставляются имъ положеніемъ о начальныхъ училищахъ 25 мая 1874 г., и что въ этомъ обстоятельствѣ заключается „настоящая причина замедленія успѣшнаго развитія нашихъ народныхъ школъ“, такъ какъ едвали кто захочетъ преобразовать свои одноклассныя училища въ двухклассныя, когда ему „предоставляютъ только одно право—давать деньги и отказываютъ въ обыкновенномъ правѣ—требовать отчета отъ тѣхъ лицъ, которые расходуютъ чужія средства“. „Едва ли какой хозяинъ, говоритъ авторъ письма, согласится надстроить въ своемъ домѣ этажъ, подъ условіемъ потерять въ такомъ случаѣ право собственности на весь домъ“.

Заявленіе это не вѣрно и противорѣчитъ инструкціямъ, на которыя ссылается авторъ.

I. Дѣйствительно ли, по существующимъ постановленіямъ, двухклассныя начальныя народныя училища иначе не могутъ быть открываемы, какъ подчиняясь инструкціи для двухклассныхъ и одноклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія 4 іюня 1875 года?

§ 8 названной инструкціи говоритъ: „двухклассныя и одноклассныя училища могутъ быть открываемы и исключительно на мѣст-

ныя средства, безъ всякаго или только съ единовременнымъ пособіемъ изъ суммъ министерства, и если таковыя училища вполнѣ подчиняются министерству народнаго просвѣщенія на одинаковомъ съ училищами сего министерства основаніи, то они пользуются равными преимуществами съ сими послѣдними". Изъ этого параграфа автору письма не трудно было вывести заключеніе, что двухклассныя начальныя училища могутъ быть открываемы и безъ подчиненія ихъ правиламъ той инструкціи. И дѣйствительно, такіа двухклассныя начальныя училища существуютъ въ немаломъ количествѣ на условіяхъ частныхъ учебныхъ заведеній и, въ силу сихъ условій, учредители такихъ училищъ, будутъ ли то сельскія общества, города или земскія учрежденія, сохраняютъ за собою право исключительнаго распоряженія хозяйствомъ училищъ и выбора наставниковъ съ одобренія или утвержденія училищнаго начальства, которое затѣмъ наблюдаетъ только за ходомъ ученія въ этого рода двухклассныхъ училищахъ. Такимъ образомъ, есть полная возможность открывать двухклассныя училища или преобразовывать въ нихъ одноклассныя, не подчиняя ихъ вполнѣ инструкціи 4 іюня 1875 г., которая, какъ заявляется въ письмѣ, устраняетъ всякое отношеніе общества или содержателей училищъ по отношенію къ школамъ, подчиняемымъ инструкціи.

II. Дѣйствительно ли по отношенію къ двухкласснымъ училищамъ, подчиняемымъ инструкціи 4 іюня, правилами сей инструкціи устраняется всякое отношеніе общества или участниковъ въ содержаніи этихъ училищъ?

Въ письмѣ приводятся только два параграфа этой инструкціи: § 6-й, указывающій, какія средства требуются изъ мѣстныхъ источниковъ въ случаѣ, когда училища предполагается содержать на соединенныя суммы казны и мѣстныхъ учрежденій, и § 22, гдѣ говорится о награжденіи почетныхъ блюстителей двухклассныхъ училищъ за заслуги по благоустройству училищъ. Въ этихъ параграфахъ ничего не говорится о правахъ или безправіи обществъ. Между тѣмъ авторъ упустилъ изъ виду §§ инструкціи: 14, 28, 30, 31, 35, 67, 68, 77, 85, 86 и 87, по которымъ обществамъ предоставляется участіе въ наблюденіи за постройкою училищныхъ помѣщеній, сооружаемыхъ болѣею частію на средства министерства; изысканіе мѣръ къ исправному посѣщенію учащимися классовъ; участіе въ расходованіи денегъ изъ запасныхъ капиталовъ училищъ, въ наблюденіи за движеніемъ и отчетностію сихъ капиталовъ, въ опредѣленіи мѣста и порядка храненія суммъ, отпускаемыхъ обществами; выборъ ремесла или мастерства, а равно руководѣлія для обученія въ училищахъ; указаніе тѣхъ дѣтей, какія должны заниматься сими предметами, а также садоводствомъ, огородничествомъ и пчеловодствомъ, и приглашеніе особыхъ лицъ для занятій оными съ учащимися; гдѣ также предоставлено почетнымъ блюстителямъ училищъ наблюденіе за занятіемъ въ училищахъ ремеслами или руководѣліемъ, участіе въ опредѣленіи времени для сихъ занятій и присутствованіе на экзаменахъ, производимыхъ въ училищахъ. Съ другой стороны, авторъ письма, сдѣлавъ голословную ссылку на § 20 инструкціи 4 іюня 1875 г., даетъ этому параграфу совершенно превратное толкованіе. Онъ говоритъ: „только въ § 20 говорится о почетныхъ блю-

стителей училищахъ, соотвѣствующихъ "довѣреннымъ лицамъ" (упоминаемымъ въ ст. 41 положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ), но съ тою разницею, что *кроме названія*, этимъ лицамъ, какъ вѣдущимъ болѣе совершенныя училища, общается награжденіе. Ни изъ этого толкованія, ни изъ другихъ мѣстъ письма не видно, на какомъ основаніи авторъ называетъ почетныхъ блюстителей при двухклассныхъ училищахъ министерства "соотвѣствующими" указываемымъ имъ "довѣреннымъ лицамъ". Если бы онъ слѣдилъ ст. 41 положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, гдѣ говорится о "довѣренныхъ лицахъ", съ § 20 инструкции 4 іюня 1875 г. и съ § 38 инструкции 29 октября 1871 г., гдѣ почетные блюстители прямо сопоставляются съ попечителями и попечительницами училищъ, упоминаемыми въ ст. 13 и 14 названнаго положенія, то увидалъ бы, что обязанности и права почетныхъ блюстителей далеко не тѣ, какія предоставлены указываемымъ имъ "довѣреннымъ лицамъ". Для уясненія дѣла автору было бы лучше привести полный текстъ § 20 инструкции 4 іюня, въ которомъ сказано: "для содѣйствія успѣхамъ двухклассныхъ и одноклассныхъ училищъ, къ обязанностямъ инспекторовъ народныхъ училищъ относится забота, чтобы изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ общества и могущихъ оказывать училищамъ какъ нравственную, такъ и матеріальную поддержку, избирались, съ согласія участниковъ въ устройствѣ и содержаніи училищъ, почетные блюстители, званіе коихъ учреждается, на основаніи существующихъ постановленій, съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія". Изъ прямого смысла этого параграфа, а также изъ упоминаемыхъ въ ономъ постановленій, на основаніи коихъ учреждается званіе почетныхъ блюстителей, легко убѣдиться, въ противоположность мнѣнію автора письма, что почетнымъ блюстителямъ предоставляется оказывать нравственную и матеріальную поддержку училищамъ и что они имѣютъ право, замѣтивъ упущеніе или безпорядки по какой-либо части училища, обращать на нихъ вниманіе учителей и представлять о нихъ мѣстному учебному начальству и даже попечителю учебнаго округа. Если бы авторъ письма выяснилъ все это, то едва ли рѣшился бы заявлять, будто "по закону" устраняются всякія отношенія общества къ двухкласснымъ училищамъ, открываемымъ по инструкции 4 іюня 1875 г. на соединенныя средства казны и мѣстныхъ источниковъ, что "вся забота какъ о нравственномъ, такъ и о матеріальномъ благосостояніи училищъ возлагается на однихъ инспекторовъ", и что участники въ содержаніи этихъ училищъ даже не имѣютъ права "требовать отчета отъ тѣхъ лицъ, которыя расходуютъ чужія средства". На чемъ основанъ этотъ послѣдній пунктъ заявленія и кто разумѣется подъ лицами, расходующими чужія средства, изъ письма не видно. Но ни въ той, ни въ другой инструкціи, ни въ иныхъ постановленіяхъ и распоряженіяхъ о двухклассныхъ училищахъ, нигдѣ не устанавливается лишеніе такого права; равнымъ образомъ никакимъ постановленіемъ не требуется, чтобы деньги, ассигнуемыя изъ мѣстныхъ источниковъ на двухклассныя училища, непременно отдавались въ исключительное распоряженіе инспекторовъ и директоровъ народныхъ училищъ. Если бы подобное постановленіе или распоряженіе было, то на него, безъ сомнѣнія, указалъ бы корреспондентъ "Вѣстника Европы", съ

такимъ усердіемъ указывающій на тѣ правила о начальныхъ народныхъ училищахъ, какія, на его взглядъ, могутъ служить подтвержденіемъ его заявленій.

III. Авторъ письма говоритъ, что „съ превращеніемъ начального училища въ двухклассное“ исчезаетъ то „право самого широкаго участія и контроля со стороны“ земства, общества и частныхъ лицъ, какое онъ находитъ въ положеніи 25 мая 1874 г.

Чтобы ярче выставить эту мысль, авторъ письма повидимому хотѣлъ сопоставить положеніе 25 мая 1874 г. съ вышеназванными инструкціями. Выше было уже указано, какъ авторъ обращается съ инструкцію 4 іюня: изъ всей инструкции онъ приводитъ только два параграфа: 6 и 22, которые онъ, очевидно, считаетъ опорой своего заявленія противъ инструкцій, но которые, въ сущности, рѣшительно не доказываютъ того, что хотѣлось автору. Казалось бы, что, по крайней мѣрѣ, изъ Положенія 1874 г., на которомъ авторъ опирается права общества по участію въ дѣлахъ училищъ, онъ укажетъ на всѣ пункты, опредѣляющіе эти права. Но въ письмѣ приводится только ст. 28 Положенія. Эта статья, взятая отдѣльно отъ другихъ, можетъ допускать различное пониманіе; во всякомъ случаѣ, касаясь только одного изъ органовъ общества—земскихъ учреждений, она не можетъ имѣть рѣшающаго значенія при опредѣленіи правъ въ сѣмѣ дѣлъ всѣхъ органовъ общества. Если бы авторъ коснулся другихъ статей Положенія, опредѣляющихъ отношенія общества къ училищамъ, тогда отношенія эти выяснились бы полнѣе. Оказались бы, что: а) по ст. 12 Положенія, земства, сельскія и городскія общества и частныя лица, открывая училища на свои средства, сохраняютъ за собою право опредѣлять размѣръ содержанія и порядокъ отчетности въ ассигнуемыхъ ими суммахъ; б) по ст. 13, для ближайшаго завѣдыванія училищами, земства и общества могутъ избирать особыхъ попечителей и попечительницъ, а учредители частныхъ и воскресныхъ школъ сами состоятъ распорядителями оныхъ. Какъ попечители и попечительницы, такъ и распорядительницы имѣютъ право засѣдать въ училищномъ совѣтѣ *только по дѣламъ своихъ школъ*; в) по ст. 14, попечители и попечительницы народныхъ школъ, а равно распорядители и распорядительницы частныхъ и воскресныхъ школъ, завѣдывая дѣлами своихъ школъ, входятъ въ сношенія по онымъ съ инспекторомъ народныхъ училищъ и въполнѣ отвѣтствуютъ за порядокъ въ сихъ заведеніяхъ; г) по ст. 20, завѣдываніе учебною частію всѣхъ начальныхъ народныхъ училищъ ввѣрено директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ; д) по ст. 18, допущеніе къ обученію въ сихъ училищахъ зависитъ отъ инспектора; и е) по ст. 2, такіа отношенія опредѣляются Положеніемъ между обществомъ и училищами, содержащими почти всецѣло на мѣстныя средства. Если бы авторъ письма сравнилъ эти отношенія съ тѣми, какія, какъ было объяснено выше, инструкція 4 іюня 1875 г. опредѣляетъ между обществомъ и училищами, содержащими главнымъ образомъ на счетъ казны, то увидѣлъ бы, что права общества въ томъ и другомъ случаѣ не такъ различны, какъ ему представилось.

Впрочемъ, кромѣ ст. 28 Положенія, авторъ приводитъ еще ст. 11, 31 и 24, въ доказательство того, что, по отношенію къ училищамъ, подчиненнымъ этому Положенію, „управленіе всѣмъ дѣломъ ввѣрено

не одному лицу, а коллегиальному учрежденію“, на которое можно при этомъ апеллировать въ высшую инстанцію, и что „положеніе преподавателей сихъ училищъ гарантировано отъ произвола“; къ этому авторъ прибавляетъ, что, по циркуляру министерства, „весьма важное право — присканіе учителя — принадлежитъ преимущественно тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, на средства которыхъ содержится училище“.

По поводу этого нельзя не замѣтить, что управленіе дѣлами по двухкласснымъ училищамъ министерства ввѣрено не одному лицу. Кромѣ указаннаго уже участія общества или непосредственно или чрезъ почетныхъ блюстителей, по §§ 15 и 16 инструкціи, завѣдываніе каждымъ училищемъ поручается одному изъ учителей и затѣмъ ближайшее наблюденіе за училищами зависитъ отъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, на которыхъ также возможны апелляціи въ высшія инстанціи; назначеніе учителей, по § 59, производится директорами по представленіямъ тѣхъ же инспекторовъ, которые представляютъ къ утвержденію кандидатовъ на учительскія должности и по Положенію 25 мая 1874 г. Вообще двухклассныя училища подходятъ въ этомъ отношеніи къ общему порядку, установленному для всѣхъ правительственныхъ учебныхъ заведеній. Если по отношенію къ училищамъ, подлежащимъ Положенію 25 мая, въ коихъ учителя получаютъ жалованье отъ содержателей училищъ, послѣднимъ, въ уваженіе къ этому обстоятельству, предоставлено право присканія учителей, то справедливость требуетъ, чтобы въ двухклассныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, какъ содержимыхъ главнымъ образомъ на счетъ правительства, подлежащимъ органамъ послѣдняго принадлежалъ и выборъ учителей.

Такимъ образомъ становится непонятнымъ, почему авторъ письма рѣшился заявлять, что съ расширеніемъ курса одноклассныхъ начальныхъ училищъ до программы двухклассныхъ устраняются всякія отношенія къ этимъ училищамъ со стороны общества или участниковъ въ содержаніи оныхъ. Еще болѣе непонятною представляется та мысль письма, что подчиненіе двухклассныхъ училищъ правиламъ инструкціи 4-го іюня 1875 г. и 29 октября 1871 г. составляетъ „настоящую причину замедленія успѣшнаго развитія нашихъ народныхъ школъ“. Заявляя о медленности развитія нашихъ народныхъ школъ, авторъ, безъ сомнѣнія, пришелъ къ атому убѣжденію путемъ наблюденія надъ школами въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Но инструкція о двухклассныхъ и одноклассныхъ училищахъ Министерства дѣйствуетъ только съ начала 1875—76 учебнаго года, а въ такой короткій срокъ едва ли она могла подѣйствовать такъ замѣтно на наблюдателя за развитіемъ народныхъ школъ и замедлить это развитіе; равно и о Положеніи 25-го мая 1874 г., по краткосрочности его дѣйствія, едва ли удобно сказать что-либо рѣшительное на основаніи опыта. Инструкція инспекторамъ народныхъ училищъ, 2-й пунктъ коей послужилъ поводомъ къ составленію разбираемаго письма, дѣйствуетъ съ 1871 г. и, конечно, могла дать тѣ и другіе результаты; но въ этой инструкціи не встрѣчается никакихъ правилъ, устраняющихъ „всякое отношеніе общества“ къ двухкласснымъ училищамъ, и самъ авторъ, въ подтвержденіе своего письма, нашелъ возможнымъ сослаться лишь на упомянутый 2-й пунктъ. Для наглядности необходимо привести здѣсь полный текстъ этого пункта.

Въ немъ говорится: „Изъ означенныхъ (т.-е. въ 1 п. инструкцій) училищъ городскія приходскія, содержимыя на счетъ казны, а равно сельскія двухклассныя и одноклассныя, учреждаемыя и имѣющія быть учреждаемыми на основаніи ст. 1 п. 2 Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 29 мая 1869 г., на средства министерства народнаго просвѣщенія, при пособіи со стороны мѣстныхъ обществъ, состоятъ подъ исключительнымъ наблюденіемъ инспекторовъ народныхъ училищъ; прочія же, подчиняемыя дѣйствию Положенія 14 іюля 1864 г. подлежатъ ихъ надзору, совмѣстно съ губернскими и уѣздными училищными совѣтами, по принадлежности“. Ясно, что выраженіе: „исключительное наблюденіе“, нисколько не относится до общества или содержателей училищъ, будутъ ли то земскія учрежденія, сельскія или городскія общества или частныя лица, а показываетъ лишь, что изъ двухъ надзирающихъ учреждений, т.-е. инспекціи народныхъ училищъ и училищныхъ совѣтовъ, двухклассныя и одноклассныя училища министерства подлежатъ наблюденію первой безъ участія послѣднихъ; правъ же общества этотъ пунктъ нисколько не касается. Слѣдовательно и инструкцію 29 октября 1871 г. нельзя обвинять ни въ устраненіи правъ общества по отношенію къ училищамъ, ни въ „замедленіи успѣшнаго развитія нашихъ школъ“.

За симъ, по мысли автора письма, слѣдовало ожидать отъ него, что для подтвержденія означеннаго обвиненія онъ изъ самой жизни представитъ указанія на то 1) что двухклассныя училища, какъ поставленныя „по закону“ внѣ всякихъ заботъ о нихъ общества, не только не могутъ имѣть „обезпеченной будущности, но даже не могутъ быть открываемы вновь или преобразуемы изъ одноклассныхъ: ибо кто же „согласится надстроить въ своемъ домѣ этажъ, подъ условіемъ потерять въ такомъ случаѣ право собственности на весь домъ“? 2) что училища, подлежащія Положенію 25 мая 1874 г., какъ доступны попеченію общества и „его представителей“, не только быстро растутъ количественно, но и въ качественномъ отношеніи процвѣтаютъ и во всякомъ случаѣ превосходятъ упомянутыя двухклассныя училища. Но составитель письма такихъ указаній не даетъ, да и не могъ дать, потому что дѣйствительность не совпадаетъ съ его заявленіями.

Дѣйствительность показываетъ, что:

1) Двухклассныхъ и одноклассныхъ училищъ министерства, содержимыхъ на средства казны съ пособіемъ отъ мѣстныхъ обществъ, земскихъ учреждений и частныхъ лицъ, а иногда исключительно на мѣстныя средства, и подлежащихъ дѣйствию названныхъ инструкцій, состоятъ къ началу текущаго года 550, въ томъ числѣ 207 — двухклассныхъ и 343 — одноклассныхъ.

2) Что въ этихъ училищахъ учебное дѣло идетъ успѣшнѣе, чѣмъ въ училищахъ, не подчиненныхъ инструкціи 4 іюня, въ чемъ авторъ письма и всякій желающій можетъ убѣдиться изъ знакомства съ тѣми и другими училищами.

3) Что кромѣ двухклассныхъ училищъ есть не мало другихъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, также содержимыхъ на соединенныя средства казны и мѣстныхъ учреждений, которыя стоятъ послѣднимъ гораздо дороже двухклассныхъ училищъ, но находятся подъ исключительнымъ управленіемъ учебнаго начальства,—

и 4) Что, слѣдовательно, на условіи, „какими, по словамъ автора, обставлено превращеніе начальнаго училища въ двухклассное“, онъ совершенно напрасно указываетъ, какъ „на настоящую причину замедленія успѣшнаго развитія нашихъ народныхъ школъ“.

Относительно приведеннаго выше числа училищъ, конечно, можно замѣтить, что оно не вполне соответствуетъ съ количествомъ населенія; но при этомъ не надобно забывать 1) что законъ объ устройствѣ сихъ училищъ состоялся въ половинѣ 1869 г. и они стали открываться лишь съ 1870 г., слѣдовательно до настоящаго времени приходилось открывать ежегодно среднимъ числомъ около 100 училищъ—цифра, достаточно свидѣтельствующая о „довѣріи общества“ къ симъ училищамъ; 2) что при ограниченныхъ своихъ средствахъ министерства народнаго просвѣщенія не могло и не можетъ открывать названныя училища во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ того желаютъ общества, и вынуждено, въ видахъ наиболѣе равномернаго распредѣленія сихъ средствъ между населеніемъ, ограничиваться открытіемъ училищъ лишь въ опредѣленныхъ районахъ и при томъ не всей имперіи, а извѣстныхъ только губерній, и 3) что, по убѣжденію министерства, для повсемѣстнаго распространенія образованія среди сельскаго населенія, въ большинствѣ совсѣмъ не имѣющаго школъ или довольствующагося крайне слабыми, слѣдуетъ прежде всего заботиться о лучшемъ устройствѣ и постановкѣ школъ съ курсомъ, опредѣленнымъ въ Положеніи 25 мая 1874 г., и къ этой цѣли направлять усилія и средства учебнаго вѣдомства. По сему желательно, чтобы и общество или его представители, пользуясь правами, предоставленными имъ въ этомъ дѣлѣ положеніемъ 1874 г., оказывали учебному вѣдомству содѣйствіе къ развитію народнаго образованія главнѣйше путемъ именно такого рода школъ.

Въ заключеніе нельзя не остановиться на слѣдующемъ заявленіи: „зная, говоритъ авторъ письма, что въ каждой губерніи назначается всего по два инспектора, которые вѣдаютъ всевозможныя начальныя училища, существующія въ губерніи, мы можемъ только удивляться *жестокости* тѣхъ лицъ, которыя принимаютъ на себя такое званіе, и понимаемъ *недоверіе общества*, когда эти лица, беря по закону въ свое *исключительное заведѣваніе* двухклассныя училища, принимаютъ на себя и отвѣтственность за правильный ходъ дѣла въ нихъ, безъ участія въ немъ естественнаго опекуна—самого общества“.

Если бы авторъ прочелъ помѣщенную въ той же книжкѣ „Вѣстника Европы“ статью, подъ заглавіемъ: „Современная глушь“, то онъ еще болѣе удивился бы *энергіи* описаннаго въ той статьѣ инспектора народныхъ училищъ, которому уже не „по закону“, а по другимъ причинамъ пришлось „исключительно вѣдать всевозможныя начальныя училища“, и положеніе котораго авторъ статьи изображаетъ, между прочимъ, такимъ образомъ: „отношеніе земства и училищнаго совѣта къ школамъ было только фиктивное, въ сущности же никто, исключая инспектора училищъ, не зналъ и не хотѣлъ знать ничего, касавшагося народнаго образованія, а крестьянамъ предоставлена была полнѣйшая свобода высказывать свои взгляды, желанія и заводить школы по своему собственному вкусу; но они оставались такъ же неподвижны и столь же глубоко равнодушны, какъ и высшая провинціальная интеллигенція. Единственнымъ двигате-

лемъ земства, единственнымъ просвѣтителемъ одной изъ богатѣйшихъ приволжскихъ губерній являлся инспекторъ народныхъ училищъ... Въ одно и то же время инспекторъ былъ просвѣтителемъ края, строителемъ училищъ, архитекторомъ; вѣчнымъ просителемъ, назойливо, но въ большинствѣ случаевъ тщетно вымаливавшимъ у земства лишній грошъ на школы; руководителемъ основанныхъ земствомъ при городскомъ приходскомъ училищѣ курсовъ; добрымъ гениемъ учителей и учительницъ, не разъ спасавшимъ ихъ отъ крайней нужды и безвыходнаго положенія, но чаще всего поставленнымъ въ полнѣйшую невозможность оказать какую-либо помощь своимъ бѣдствующимъ и зачастую голодавшимъ подчиненнымъ, и въ то же время только-что не почтальономъ, такъ какъ на долю его выпадала обязанность вѣчно скакать на перекладныхъ, по нашимъ проселкамъ, замерзать во время зимнихъ морозовъ и метелей, утопать въ весеннихъ зажорахъ, голодать и угорать на такъ-называемыхъ вѣзжкахъ и т. д. Онъ уже три года скакалъ, голодалъ, угоралъ, замерзалъ, рисовалъ жизнью и здоровьемъ; по цѣлымъ мѣсяцамъ не видалъ своей семьи; распиался на земскихъ собраніяхъ, вымаливалъ гроши, строилъ школы, возился съ плутами-подрадчиками, угрожалъ разбирѣвшимся волостнымъ старшинамъ крайними мѣрами, въ существованіи конхъ и самъ сомнѣвался, руководилъ курсами, выслушивалъ жалобы голодающихъ учителей,... и, при всей окружавшей его неурядицѣ, при всемъ физическомъ и моральномъ утомленіи, умудрился не только сохранить врученный ему свѣтильникъ, не дать ему окончательно потухнуть, но даже, при самыхъ ничтожныхъ средствахъ, подготовить и сформировать первыхъ учителей и учительницъ народныхъ школъ, болѣе или менѣе удовлетворявшихъ современнымъ требованіямъ. Наблюдая дѣятельность инспектора, говоритъ авторъ статьи, я не разъ дивился его энергіи и выносливости".

Дѣйствительно, энергія инспектора заслуживаетъ полного вниманія. Нельзя виѣстѣ съ тѣмъ не дивиться и описаннымъ въ статьѣ отношеніямъ представителей мѣстной среды къ училищамъ. Но какъ понять описываемое въ статьѣ „недовѣріе“ и полное равнодушіе къ нимъ со стороны „естественнаго опекуна—самого общества“, которому въ данномъ случаѣ не „отказываютъ въ обыкновенномъ правѣ—высказывать свои желанія и требовать отчета отъ тѣхъ лицъ, которыя расходуютъ чужія средства“? Съ другой стороны, не въ подобныхъ ли отношеніяхъ къ дѣлу народнаго образованія, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, слѣдуетъ искать „настоящую причину замедленія успѣшнаго развитія нашихъ народныхъ школъ“.

Надобно, конечно, надѣяться, что такіа отношенія перешли уже или „постепенно перейдутъ въ область преданій“; тѣмъ не менѣе, при нынѣшнемъ ограниченномъ числѣ инспекторовъ, послѣднимъ дѣйствительно приходится нести чрезвычайно тяжелый трудъ по руководству и наблюденію за училищами.

Для устраненія затрудненій съ этой стороны учебное вѣдомство предположило уже увеличить личный составъ инспекторовъ, и есть надежда, что такое предположеніе начнетъ осуществляться съ будущаго 1877 года.

М. Стасюлевичъ.

СПЕРАНСКІЙ

И

ЕГО РЕФОРМЫ ВЪ СИБИРИ

Окончаніе.

II *).

Какъ ни печально было положеніе Сибири въ XVII и XVIII-мъ столѣтіяхъ, но, по мѣрѣ заселенія ея, она приобрѣтала все болѣе и болѣе значенія. Довольно давно уже правительство обращало вниманіе на богатство этой страны. Во все XVII-е столѣтіе изъ нея вывозили мѣха, устраивали рыбные и другіе промыслы, добывали мамонтову кость, отыскивали руду. Притокъ вольной народной колонизаціи въ первое время былъ обширный: богатство соборей, лисиць, бѣлки, песцовъ и т. п. привлекали сюда промышленниковъ, нетронутые естественные запасы природы обольщали богатствомъ. Въ началѣ XVIII-го столѣтія поэтому уже сложилась поговорка: «Сибирь—золотое дно». Рядъ путешественниковъ, начиная съ Мессершмидта, производилъ изслѣдованія въ обширной страной и ея минералогическими богатствами. Петръ Великій сосредоточиваетъ особенное вниманіе на Сибири, въ виду развитія здѣсь горныхъ промысловъ; въ XVIII-мъ столѣтіи заводятся повсюду рудники и заводы, съ припискою къ нимъ крестьянъ; въ XVIII-мъ же столѣтіи присоединяется киргизская степь и начинается торговля съ азіатскими государствами,

*) См. выше: май, 98 стр.

особенно съ Бухарою; бухарцы наводняютъ Сибирь товарами, караваны тянутся изъ Китая. Рядомъ съ этимъ, страна пріобрѣтала болѣе и болѣе гражданскаго и осѣдлаго населенія; съ половины XVIII-го столѣтія, піонеры колонизаціи и промышленники выходятъ изъ лѣсовъ и селятся деревнями, остроги и посады обстраиваются; изъ статей Миллера видно, что въ половинѣ прошлаго столѣтія зарождалась въ Сибири довольно значительная заводская промышленность; Миллеръ пророчилъ, что желѣзные заводы Сибири будутъ снабжать даже Россію. Сибирь, такимъ образомъ, превращалась изъ звѣроловной и горной колоніи, понемногу, въ земледѣльческую и, вмѣстѣ съ прочной гражданственностью, начинала показывать задатки промышленнаго развитія; но въ значительной части своей страны еще все оставалась неизвѣданной: промышленные люди, купцы, мореходы, піонеры, казаки все еще продолжали дѣлать открытія, огибая то мысы Ледовитаго океана, то углубляясь на Амуръ и въ киргизскія степи. Страна эта, поэтому, была во многомъ загадочной, и эта-та таинственность еще болѣе возбуждала ожиданія тающихъ въ ней сокровищъ. Петръ Великій направляетъ экспедицію къ Бухарѣ за поисками бухарскаго золота; при Екатеринѣ точно также снаряжаются военныя экспедиціи въ глубь Азіи, является мечта о сношеніяхъ Сибири, чрезъ Среднюю Азію, съ Индіей; при Павлѣ, говорятъ, даже была мысль предпринять походъ въ Индію, въ союзъ съ Наполеономъ; при Александрѣ I точно также обращается вниманіе на Среднюю Азію и Индію,—между прочимъ, мы видимъ, что правительство намѣревается пріобрѣсти кашмирскихъ козъ.

Все это заставляло государственныхъ людей сооружать множество плановъ и вообще относиться восторженно къ этой странѣ будущаго. Козодавлевъ называлъ Сибирь въ официальныхъ бумагахъ не иначе, какъ «Мехива и Перу наше». Съ назначеніемъ въ Сибирь Сперанскаго, по этому поводу возлагали на него обширныя надежды въ дѣлѣ устройства и управленія края. Козодавлевъ писалъ, поощряя Сперанскаго, что «исторія Сибири будетъ дѣлиться на двѣ только эпохи: первая отъ Ермака до Сперанскаго, вторая отъ Сперанскаго до X». Кочубей, въ письмѣ къ Сперанскому, выражался такъ: «отъ васъ, конечно, никто ожидать не можетъ, чтобы вы остановились на какихъ-нибудь мелочахъ, кои какого-нибудь пустого ревизора, подобнаго Селифонтову, останавливать могутъ. Отъ васъ ожидать будутъ видовъ государственнаго челоуѣка, и, если смѣю я сказать, виды-то сіи и полезны быть могутъ, ибо, при всѣхъ вашихъ способностяхъ,

можно ли ожидать большого добра тамъ, гдѣ не существуетъ свойственныхъ основаній къ произведенію онаго? Вы можете, составивъ систематическое обзорѣніе края, представить планъ къ образованію управленія въ сихъ колоніяхъ нашихъ, и пр., и пр., и симъ, такъ-сказать, удивить людей, мало привыкшихъ къ произведеніямъ сего рода». Козодавлевъ немедленно при отправленіи Сперанскаго, привѣтствуя его, посылаетъ записку свою, читанную въ комитетѣ министровъ, о новыхъ основаніяхъ сибирскаго управленія, и прилагаетъ книгу Прадта «Sur les Colonies», о мексиканскихъ колоніяхъ, для руководства. Графъ Нессельроде пишетъ Сперанскому, что «друзья его будутъ слѣдить за нимъ съ участіемъ и симпатіями». Однимъ словомъ, отъ Сперанскаго, какъ отъ смѣлаго реформатора, ожидали всѣ «видовъ государственныхъ», или установленія новой государственной точки зрѣнія на страну. Друзья его ожидали даже чего-то грандіознаго.

Не такъ относился самъ Сперанскій къ своему положенію. Изъ его переписки и матеріаловъ видно, что онъ далеко не раздѣлялъ восторженныхъ увлеченій своихъ друзей. Онъ ни мало не увлекался новой ролью, назначенной ему, онъ даже не имѣлъ опредѣленныхъ воззрѣній на край, въ который ѣхалъ. Изъ его писемъ къ дочери изъ Сибири видно, что при ѣздѣ въ Сибирь онъ питалъ къ ней даже предубѣжденіе. Мрачнымъ взглядомъ своимъ на страну онъ былъ обязанъ во многомъ исключительности своего положенія. Извѣстно, что поѣздка въ Сибирь никогда не входила въ планъ его дѣятельности. Самое назначеніе его сюда было случайно. Только-что возвратясь изъ ссылки и находясь въ Пензѣ губернаторомъ, онъ ожидалъ ежеминутно своего возвращенія въ Петербургъ, и новое назначеніе его застало врасплохъ. Онъ принялъ его за приличное удаленіе. Хотя «поѣздка его была обставлена всѣми наружными знаками довѣрія, обширными полномочіями, почетомъ,—говоритъ біографъ Сперанскаго, баронъ Корфъ,—тѣмъ не менѣе, Сперанскій понималъ, что это назначеніе—продолженіе ссылки. Все пребываніе его въ Сибири было отравлено этимъ горькимъ чувствомъ. Значительная часть его дѣятельности была посвящена цѣли—поскорѣе вырваться изъ Сибири. Его энергію здѣсь усиливало стремленіе какъ можно сократить свое пребываніе въ Сибири и получить доступъ къ возжелѣнному Петербургу». То же подтверждаетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ и г. Вагинъ, но лучше всего тогдашнее его настроеніе рисуютъ его письма. «Скажу искренно: не безъ горести отправляюсь я въ Сибирь», пишетъ онъ государю. То же о своемъ горѣ онъ пишетъ Аракчееву.

«Публика знаетъ два слова: отказъ и удаленіе», — прибавляетъ онъ ему, рисуя обратную сторону своего назначенія. Въ письмѣ къ дочери онъ пишетъ о «новомъ ударѣ бурнаго вѣтра», разразившемся надъ нимъ. Кочубею: — «сколько ни привыкъ я терпѣть внезапности, признаюсь, сія меля болѣе тронула, нежели предыдущія. Я имѣлъ право думать, что довольно терпѣлъ... «Скажу тебѣ за тайну, — говорить онъ дочери, — что я не болѣе, какъ на годъ, много, ежели на годъ съ половиною, отправляюсь въ Сибирь. Ежели бы я менѣе размышлялъ о вѣчности, разстоянія сіи показались бы мнѣ ужасны. По крайней мѣрѣ, срокъ сей вѣренъ, ибо нельзя быть генералъ-губернаторомъ и неволѣ».

Пребываніе въ Сибири было невыносимо Сперанскому, онъ постоянно торопился изъ нея, и когда была сдѣлана небольшая отсрочка его возврата, онъ угрожалъ отставкой. «Отсрочка до марта мѣсяца и сама по себѣ для меня горестна, и еще горестнѣе по тому смыслу, который она имѣть можетъ, — писалъ Сперанскій Кочубею. — Въ самомъ дѣлѣ, мудрено ли въ теченіе десяти мѣсяцевъ найти причину и изобрѣсть благовидный предлогъ еще отсрочить и, наконецъ, рѣшиться вовсе занять меня въ Сибирь?» Свою отсрочку Сперанскій приписывалъ проискамъ своихъ старыхъ враговъ. Подъ конецъ голосъ его начинаетъ отзываться протестомъ: «Если не дадутъ отставки, то, по крайней мѣрѣ, симъ я рѣшительно заявлю, — пишетъ онъ въ это время, — что служу здѣсь *по нисволѣ*; сдѣлать поступокъ мой личнымъ я всегда имѣю способъ», — такъ пишетъ онъ Кочубею. Самое свое назначеніе въ Сибирь Сперанскій считалъ частнымъ порученіемъ и «послѣднимъ испытаніемъ», какъ онъ выражалъ въ письмѣ къ дочери. «На Сперанскаго возложены были и ревизія края, — пишетъ г. Вагинъ, — и труды административные, и законодательные, наградою ихъ указаны достиженіе цѣли — возвращеніе въ Петербургъ».

По всему этому, Сперанскій смотрѣлъ на пребываніе въ Сибири, какъ на ступень къ скорѣйшему приближенію, но въ то же время досадовалъ, что ему приходится пройти эту ступень. Послѣ этого неудивительно то, что онъ къ своему назначенію относился безъ энтузіазма, безъ того увлеченія, которое имѣло его въ прежнихъ реформахъ. Онъ спѣшилъ какъ можно полнѣе формальность, показавъ свою дѣятельность въ нѣсколько выгодномъ свѣтѣ и потомъ поскорѣе оставить ее. Такое отношеніе не было особенно благопріятно для реформаторской дѣятельности. Все, что онъ здѣсь видѣлъ, это «трудъ Геркулеса».

деніи Августовыхъ конюшенъ», какъ выразился въ письмѣ къ нему графъ Нессельроде. Дѣйствительно, съ самаго начала вѣзда въ Сибирь, Сперанскому предстояла кропотливая ревизія, которой онъ посвятилъ свое пребываніе здѣсь. Ревизія эта не представляла особенной важности, въ виду другихъ задачъ, возложенныхъ на него, однако она заняла много времени. Съ государственной точки зрѣнія, самъ Сперанскій не придавалъ ей особеннаго значенія, и она можетъ быть только характеристична для выясненія того положенія, въ какомъ засталъ Сперанскій Сибирь, и личнаго его отношенія въ дѣлѣ искорененія злоупотребленій. Въ этомъ случаѣ она можетъ быть примѣрна и замѣчательна только относительно тѣхъ пріемовъ, какіе употреблялъ онъ. Мы указывали, до чего въ предшествующее управленіе Пестеля и Трескина развились злоупотребленія и какъ они искусно прикрывались. Когда донесся слухъ о назначеніи Сперанскаго въ Сибирь, въ Иркутскѣ произошло паника. Нѣкоторые чиновники сошли съ ума, какъ правитель дѣлъ Бѣлявскій, Кузнецовъ и другіе. Трескинъ струсилъ. Никто не ожидалъ, чтобы Сибирь посѣтилъ человѣкъ безкорыстный; однако многіе надѣялись, что при помощи прежней системы можно замаскироваться. Но Сперанскій нашелъ средства разоблачить злоупотребленія, онъ далъ мѣсто гласности и постарался опереться на общество. Первымъ дѣломъ по пріѣздѣ его въ Тобольскъ было увѣрить жителей, что жалобы на мѣстное начальство не составляютъ преступленія и что ихъ можно приносить. Дѣйствительно, во все время проѣзда чрезъ Сибирь, Сперанскій общается съ мѣстными жителями, останавливается у купцовъ, идетъ часто пѣшкомъ за экипажемъ, разспрашивая крестьянъ. Мѣстное общество такъ привыкло ко взяточничеству и поборамъ, что въ Тюмени самому Сперанскому поднесли блюдо. «Хлѣбъ былъ взятъ, блюдо возвращено», отмѣчаетъ онъ въ дневникѣ.

Понемногу, порядки сибирскіе открылись предъ его глазами. Выѣхавъ въ тобольскую губернію, онъ замѣчаетъ: «главныя жалобы были на земскую полицію, преимущественно на лихоимство, потому ревизія не вызвала здѣсь особенно строгихъ мѣръ. Исправивъ важнѣйшіе безпорядки, показавъ нѣсколько примѣровъ строгости и «доправивъ взятки» съ земскихъ чиновниковъ, онъ двинулся далѣе. Но чѣмъ болѣе онъ подвигался въ глубь Сибири, тѣмъ положеніе края болѣе поражало его. «Положеніе дѣлъ въ томской губерніи было гораздо хуже, сборы тягостнѣе, чиновники дерзковѣннѣе, преступленія очевиднѣе, на самого губернатора падали сильныя подозрѣнія», говоритъ онъ. «Еслибы въ Тобольскѣ я отдалъ всѣхъ подъ судъ,—писалъ Сперанскій,—

что и можно было бы сдѣлать, то здѣсь оставалось бы уже всѣхъ повѣсить. Злоупотребленія вопіющія и, по глупости губернатора Иличевского, по жадности жены его, по строителюму корыстолюбію брата его, губернскаго почтмейстера, весьма худо прикрытыя»... «Чѣмъ далѣе спускаюсь я на дно Сибири, тѣмъ болѣе нахожу зла, и зла почти нестерпимаго, — пишеть онъ въ другомъ письмѣ къ Столыпину, — слухи ничего не увеличивали и дѣла хуже еще слуховъ»... «При обзорѣнн тобольской губерніи, представлялась еще возможность пресѣчь или, по крайней мѣрѣ, ограничить злоупотребленія и до времени охранять порядки средствами въ инструкціи опредѣленными, — доносить Сперанскій государю, 31-го іюля 1819 г. — Но въ томской губерніи средства сіи будутъ недостаточны. Здѣсь жалобъ болѣе, существо ихъ важнѣе, чиновниковъ не только способныхъ, но и посредственныхъ еще менѣе, и перемѣны ихъ тѣмъ затруднительнѣе. Злоупотребленія, доселѣ открытыя, ведутъ къ другимъ, еще не обнаруженнымъ». Поэтому Сперанскій спрашивалъ разрѣшенія въ случаѣ надобности смѣнить томскаго и иркутскаго губернаторовъ. Изъ Томска уже назначаются слѣдственные комиссіи для разслѣдованія безпорядковъ въ Нарымъ и Туруханскъ. Изъ Туруханска пишеть посланный на слѣдствіе Осиповъ: «безпечность административныхъ чиновниковъ до того велика, что я съ самаго пріѣзда не могу получить отвѣтовъ на свои отношенія»... «Бѣжалъ бы отсюда безъ оглядки», восклицаетъ въ другомъ письмѣ къ Сперанскому этотъ слѣдователь. Въ Томсѣ также учреждена была комиссія, и Сперанскій спѣшилъ въ Иркутскъ. Настоящимъ гнѣздомъ злоупотребленій была иркутская губернія. Воплъ жителей продолжался только до границъ иркутскаго уѣзда. Въ этомъ уѣздѣ, и въ самомъ городѣ, жалобы вдругъ смолкли: таковъ былъ ужасъ передъ мѣстнымъ управленіемъ». Исправникъ Лоскутовъ, передъ пріѣздомъ Сперанскаго, отобралъ въ своемъ уѣздѣ всѣ чернила и бумагу, говорятъ преданія. На берегу Кана Сперанскаго встрѣтили вопіющія жалобы на Лоскутова, крестьяне выходили изъ лѣсовъ съ прошеніями. Лоскутова Сперанскій арестовалъ немедленно. Говорятъ, что, обыкновенно хладнокровный и сдержанный, Сперанскій здѣсь не выдержалъ. С. С. Шугинъ приводитъ въ своихъ запискахъ разсказъ объ этой встрѣчѣ: Лоскутовъ былъ въ мундирѣ, и едва промолвилъ: «исправникъ Лоскутовъ»... — Лоскутовъ?.. арестовать его, бездѣльника, — воскликнулъ Сперанскій. Съ него сорвали шпагу и арестовали. «На границѣ иркутской губерніи встрѣченъ я былъ первымъ министромъ Трескина, — писалъ Сперанскій Столыпину, — пресловутымъ Лоскутовымъ, исправ-

ниномъ нижеудинскимъ. Съ двухъ первыхъ словъ я его отрёшилъ, и тутъ же, арестовавъ, оставилъ за границею губерніи, за Каномъ, какъ за Стисомъ. Мѣра сія была нужна,—продолжаетъ онъ.—Страхъ его десятилѣтняго желѣзнаго управленія былъ таковъ, что на первыхъ станціяхъ не смѣли иначе приносить жалобъ, какъ выбѣгая тайно на дорогѣ изъ лѣсовъ». Корфъ прибавляетъ: «когда Сперанскій приказалъ взять Лоскутова, бывшіе при этомъ крестьяне упали на колѣни и, хватая за руки Сперанскаго, воскликнули: «батюшка! да вѣдь это Лоскутовъ!» Несчастные думали, что и Сперанскій безсиленъ предъ этимъ человѣкомъ. Въ Нижнеудинскѣ Сперанскій назначилъ сейчасъ же слѣдственную комиссію и приказалъ описать имѣніе Лоскутова. У него было найдено 138,243 р., кромѣ разныхъ вещей, серебра, лѣсовъ, которымъ оцѣнка не сдѣлана. Все это имущество было отправлено торжественною процессіею въ Иркутскъ. «Иркутскъ ожидалъ Сперанскаго въ волненіи. Трескинъ притотавилъ иллюминацію и музыкантовъ. Показалась лодка, — пишетъ одинъ современникъ.—Вниманіе было напряжено.—Не генералъ ли губернаторъ? Кто такой?—окликаютъ иркутяне съ берега.—Имущество Лоскутова!—отвѣчаетъ прибывшій офицеръ. Трескинъ поблѣднѣлъ. Кто-то замѣтилъ: первая батарея сбита». Изъ Нижнеудинска же Сперанскій послалъ бумагу Трескину съ запросомъ, правда ли, что приносить жалобы поселенцамъ на Лоскутова было запрещено самимъ Трескинымъ. Сперанскій здѣсь былъ буквально заваленъ жалобами. По день отъѣзда изъ Нижнеудинска ихъ поступило 280. Сумма предъявленныхъ на Лоскутова взысканій простиралась до 129,000 руб. Много жалобъ поступило впоследствии. «Это были жалобы на вымогательства, жестокости, принужденія къ даровой работѣ, насильную продажу хлѣба и скота по произвольнымъ цѣнамъ, самовольныя ссуды денегъ за неукрѣпленные проценты, притѣсненія по закупкамъ хлѣба и натуральнымъ повинностямъ, чрезвычайныя денежные сборы, наконецъ, что торгъ съ инородцами былъ захваченъ исключительно въ руки Лоскутова и двухъ его клевретовъ», — рассказываетъ г. Вагнеръ.

По пріѣздѣ Сперанскаго въ Иркутскъ также было учреждено слѣдствіе и ревизія. Но жалобы въ Иркутскѣ въ первые дни болись даже подавать. При объявленіи Сперанскимъ, что Трескинъ устраненъ отъ должности, жители старались, что впоследствии снова онъ займетъ мѣсто и отмстить. Иркутяне припоминали примѣръ съ губернаторомъ Жолобовымъ. Трескинъ, кромѣ того, составлялъ себѣ въ Иркутскѣ партію не только изъ чиновниковъ,

съ которыми дѣлались, но и изъ купцовъ, съ которыми торговали. Но когда увидѣли, что подавать жалобы не опасно, то онѣ послѣдовали въ страшномъ количествѣ. Число ихъ достигало до 300 въ день. Въ скоромъ времени въ Иркутскомъ казначействѣ была распродана вся гербовая бумага, такъ что дѣлались надписи на простой, употребленной вмѣсто гербовой. Крестьянамъ разрѣшени были словесныя жалобы, и дворъ иркутской слѣдственной комисіи не могъ помѣщать просителей. Сперанскому въ первое время приходилось «развивать клубокъ съ медленностью и великимъ терпѣніемъ», пока Трескинъ оставался на должности. «Корыстолюбивая, жадная монополія обличается гласомъ народнымъ, — писалъ Сперанскій, — но предъ закономъ должно обличиться законными мѣрами»... «Злоупотребленія очевидны, но должно доказывать ихъ. Трескинъ человѣкъ наглой, откровенно смѣлый, не глупъ, хотя худо воспитанъ, но хитръ и лукавъ какъ демонъ»...

Сперанскій однако успѣлъ открыть и разоблачить трескинскую организацію. Комиссія, учрежденная подъ предсѣдательствомъ Цейера въ Иркутскѣ для раскрытія злоупотребленій, привлекла къ ответственности до 216 лицъ; сумма однихъ частныхъ взысканій простиралась свыше *двухъ милліоновъ*. «Все то, что о здѣшнихъ дѣлахъ говорили въ Петербургѣ, писалъ Сперанскій, не только есть истина, но — и это рѣдко бываетъ — истина не увеличенная». Злоупотребленія были такъ велики, что, по мнѣнію Сперанскаго, всякій другой край, менѣе обильный, былъ бы подавленъ ими совершенно. «При открытіи злоупотребленій, даже Цейеръ, человѣкъ съ добродушнымъ характеромъ, — говоритъ г. Вагинъ, — при видѣ ненавистныхъ беззаконій ожесточился, разстроилъ свое здоровье, сдѣлался мрачнымъ нелюдимомъ, сталъ опасаться за его рассудокъ». Положеніе Сперанскаго было тѣмъ тяжелѣе, что онъ видѣлъ всю невозможность уничтожить зло, вкоренившееся годами. Онъ старался, по возможности, облегчить это положеніе. «Ревизія Сперанскаго была болѣе совѣстная, нежели формальная, — говоритъ г. Вагинъ. Онъ отбросилъ всякія формальности. — Жалобъ на лихоимство было такъ много, а законы противъ него такъ жестоки, что Сперанскій рѣшилъ исключить слово *взятки* изъ сибирской ревизіи. Большую часть дѣлъ подобнаго рода онъ обращалъ въ гражданскіе иски и приказывалъ удовлетворять обиженныхъ. Словомъ, онъ прекращалъ множество дѣлъ домашнимъ образомъ. Многихъ виновныхъ онъ прощалъ, и старался сохранить полную безстрастность правосудія. Въ этомъ случаѣ онъ часто высказывалъ даже великодушіе и отрѣшался отъ того личнаго чувства

страсти, съ какою часто совершаются дѣла такого рода». Напротивъ, эта роль по его личному характеру была непріятна. «Мое ли дѣло розыскивать, преслѣдовать, обличать, ловить преступленія?» — не разъ съ горечью восклицаетъ онъ въ письмахъ къ Столыпину. — «По совѣсти я никого не обвинялъ, кромѣ тѣхъ, кои попускали злоупотребленія, — пишетъ онъ ему, — но по закону *есть безъ разбора виноваты*, и списовъ ихъ по сіе время по всѣмъ тремъ губерніямъ составляетъ уже около 150 человекъ»... «Если бы успѣхъ порученнаго мнѣ дѣла должно было измѣрять количествомъ обнаруженныхъ злоупотребленій, — писалъ Сперанскій Гурьеву, — то было бы мнѣ чѣмъ утѣшиться. Но какое же утѣшеніе! преслѣдовать толпу мелкихъ исполнителей, увлеченныхъ примѣромъ и попусценіемъ главнаго ихъ начальника! Дѣла сего начальства приведены теперь въ такую ясность, что мудрено было бы ихъ затмить».

Въ этомъ случаѣ Сперанскій хорошо понималъ, что причины злоупотребленій лежали не въ людяхъ, а въ цѣлой системѣ, что злоба и преслѣдованія тутъ не помогутъ. Несмотря на то, что Сперанскій множество дѣлъ разрѣшилъ самъ, онъ долженъ былъ предать суду двухъ губернаторовъ, 48 чиновниковъ, всѣхъ же замѣшано было 681 человекъ. Взысканія насчитывались до 2.847,000 руб. Всѣ эти дѣла были представлены въ сибирскій комитетъ; лица, участвовавшія въ злоупотребленіяхъ, были раздѣлены на категоріи, но къ болѣе строгому наказанію были приговорены только 43 человека. Эти лица были отрѣшены отъ должности и должны были удалиться во внутреннія губерніи, но и тутъ были сдѣланы исключенія. Трескинъ лишается бытъ чиновъ и знаковъ отличія.

Какъ ни могла казаться снисходительной подобная ревизія по своимъ послѣдствіямъ, въ виду огромныхъ злоупотребленій, лоскутовскихъ неистовствъ и т. п., но враги Сперанскаго въ Петербургѣ находили ее жестокою. До какой степени между тѣмъ слабы были взысканія, видно изъ многихъ фактовъ, приведенныхъ въ матеріалахъ. Между прочимъ, Сперанскій сдѣлалъ сначала распоряженіе объ обвиненныхъ въ злоупотребленіяхъ и отданныхъ подъ судъ — отдать подъ надзоръ полиціи, но вскорѣ и это отмѣнилъ. Геденштромъ, уволенный за вытѣки, снова поступилъ на службу. Лоскутовъ отпросился въ Иркутскъ и жилъ свободно. Сперанскій отдавалъ даже такіа распоряженія относительно подсудности изобличенныхъ чиновниковъ: «если казенный недостатокъ пополненъ или достаточно обезвѣженъ, оставить дальнѣйшее изслѣдованіе, тѣмъ болѣе, что при

настоящемъ положеніи дѣлъ и при недостаткѣ чиновниковъ и употребить къ сему некого». И дѣйствительно, многіе замѣшанные въ дѣлахъ совершенно были оставлены безъ изысканій, а когда были получены свѣдѣнія о наложенныхъ изысканіяхъ, то нѣкоторые изъ подсудимыхъ, какъ Геденитромъ, задали даже ширшю.

Что Сперанскій не преслѣдовалъ съ особенной яростью мелкихъ чиновниковъ стараго управленія, это, конечно, могло объясняться только высотой его взгляда и пониманіемъ, что всякія преслѣдованія тутъ будутъ бесполезны; но не можетъ не показаться страннымъ, что въ своей ревизіи и изобличеніи Сперанскій преднамѣренно обошелъ главнаго виновника, Пестеля, а Трескина не обвинилъ даже во взяткахъ, несмотря на улики. «Дѣла могли ему доставить множество матеріаловъ для обвиненія Пестеля не только въ крайнемъ произволѣ, но и въ недобросовѣстности прекъ высшимъ правительствомъ», говоритъ г. Вагинъ. Изъ писемъ видно, что Сперанскій хорошо зналъ ту связь, которая существовала между Пестелемъ и Трескинымъ. Онъ зналъ, что всѣ бумаги составлялись для Пестеля въ Иркутскѣ, что Пестель покрывалъ Трескина и былъ его участникъ. Въ одномъ письмѣ онъ говоритъ: «связь съ Трескинымъ у Пестеля другого рода, чѣмъ служебная. Не вѣрьте бѣдности моего предмѣстника». О талантахъ Пестеля онъ отзывался презрительно: «не только Сибирью, мнѣ кажется, ему трудно было бы управлять и олонецкою губерніею; это самая слабая голова, какую я когда-либо зналъ». При всѣхъ уликахъ, однако, Сперанскій пожелалъ «сдѣлать исключеніе изъ общаго правила, и не говорить ничего худого, или, по крайней мѣрѣ, молчать о своемъ предмѣстникѣ», какъ онъ выразился въ одномъ письмѣ Аракчееву. Онъ сначала умолчалъ—было объ отвѣтственности Пестеля въ сибирскихъ безпорядкахъ; но докладъ его былъ возвращенъ отъ государя съ повелѣніемъ, постановитъ заключеніе и о Пестелѣ. Дѣйствительно, указывая на причины зла, невозможно было не представить, какимъ образомъ главный управитель въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ скрывалъ и перерѣшавъ дѣла сибирскаго управленія во всѣхъ инстанціяхъ, пребывая постоянно въ Петербургѣ. Но здѣсь вѣроятно обнаружались бы тѣсныя отношенія нѣкоторыхъ лицъ къ Пестелю, какъ, напримѣръ, Аракчеева, а это не входило въ планъ Сперанскаго, видѣвшаго для себя въ ревизіи новыя поприща въ Петербургѣ. Одной ревизіи, какъ человекъ государственный, Сперанскій не могъ придать какого-либо значенія въ улучшеніи дѣлъ и въ прекращеніи злоупотребленій въ краѣ. Представляя краткій от

четь о своей ревизіи государю, въ 1820 г., Сперанскій говоритъ: «но сіи мѣры и сами по себѣ недостаточны, и въ исполненіи ихъ непрочны. Никакое начальство не можетъ ручаться въ продолжительномъ ихъ дѣйствіи, если не ностановленъ будетъ порядокъ управленія, мѣстному положенію сего края свойственный».... «Ревизія есть дѣло временное,—писалъ онъ о томъ же Голицыну,—и повторять ее часто на сихъ разстояніяхъ невозможно. Порядокъ управленія, мѣстному положенію свойственный, можетъ одинъ упрочить добро на долгое время. Учрежденія безъ людей тщетны; но и люди безъ добрыхъ учреждений мало добраго произвести могутъ». Послѣ ревизіи, люди остались тѣ же въ Сибири; страна терпѣла недостатковъ не только въ чиновникахъ честныхъ, но вообще въ чиновникахъ. «Здѣсь вопросъ,—писалъ Сперанскій,—не въ выборѣ людей честныхъ или способныхъ, но въ положительномъ и совершенномъ недостаткѣ даже и посредственныхъ, даже и людей неспособныхъ»... «Я не могу даже составить своей канцеляріи,—жаловался онъ,—и долженъ довольствоваться тѣмъ, что поступило ко мнѣ отъ моего предмѣстника»... «У меня управленіе безъ людей, обширное производство дѣлъ почти безъ канцеляріи»,—прибавляетъ онъ.

У Сперанскаго было немного своихъ помощниковъ, такъ какъ остальной штатъ управленія нежѣмъ было замѣнить послѣ Трескина. Въмѣсто Трескина, назначенъ былъ иркутскимъ губернаторомъ вице-губернаторъ Зеркалевъ, «человѣкъ безъ большихъ способностей и даже малограмотный», въ «бумагахъ онъ терпѣть не могъ кавыкъ». Послѣ него былъ опредѣленъ комендантъ Цейдлеръ, человѣкъ добрый, но, по своимъ понятіямъ объ управленіи, онъ, какъ всѣ современники, скорѣе приближался къ Трескину. Томскимъ губернаторомъ оставался Илличевскій, при которомъ было открыто столько злоупотребленій; о способностяхъ его Сперанскій отзывался довольно презрительно. Тобольскимъ губернаторомъ считался 70-ти-лѣтній фонъ-Бринъ. Про начальника Якутской области говорятъ матеріалы, что безкорыстіе его было быть можетъ *небезупречно*, но оставался потому, что въ тѣ времена, и долго еще послѣ, на этотъ недостатокъ смотрѣли сквозь пальцы, если только онъ не выходилъ изъ извѣстныхъ границъ». Этого начальника между тѣмъ считали еще за дѣльного человѣка. Но въ это же время оставались на мѣстахъ и такіе начальники, какъ управитель Охотскаго порта—Ушинскій, о которомъ въ 1823 году отзывался Ривордь: «Ушинскій во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ руководствуется одною только властію начальника, не подчиняясь ни чести, ни совѣсти, и потому рѣшительно осмѣливаюсь объявить

свое мнѣніе, что дальнѣйшее его управленіе Охотскимъ портомъ противно человѣческому и божескому законамъ». Сперанскій долженъ былъ большинство чиновниковъ, изобличенныхъ во вѣточничествѣ по суду, оставить на мѣстахъ, потому что «нѣтъ было замѣнить». Несмотря на всю строгость ревизіи въ Иркутской губерніи, Сперанскій и здѣсь по недостатку въ людяхъ удалилъ очень немногихъ, наиболѣе обвинявшихся чиновниковъ. Въ отдаленныхъ мѣстахъ онъ принужденъ былъ смотрѣть списочно, даже на явно виновныхъ въ злоупотребленіяхъ». Сперанскій, смѣняя и замѣняя другими, приходилъ къ необходимости призывать уже отрѣшенныхъ за взятки, только потому, что они иногда казались менѣе жадными тѣхъ, кого смѣняли.

Характеристическій анекдотъ по этому поводу приводитъ одинъ изъ старожиловъ, С. С. Щукинъ. «Сперанскій, бывшій въ Сибири въ качествѣ генераль-губернатора въ 1819 г., изумлялся неслыханнымъ злоупотребленіямъ разныхъ лицъ,—говоритъ Щукинъ въ своихъ запискахъ.—Онъ отрѣшилъ перваго исправника Зинова, на котораго вся жалоба состояла въ удержаніи 50 руб., слѣдовавшихъ крестьянамъ за постройку моста; но чѣмъ былъ далѣе, тѣмъ жалобы возрастали. Сказывали, что по пріѣздѣ въ Томскъ, онъ приказалъ написать отрѣшенному исправнику Зинову, чтобы онъ, какъ *честнѣйшій изъ исправниковъ*, пріѣхалъ въ Иркутскъ, гдѣ получилъ новое назначеніе». Самымъ разительнымъ примѣромъ недостатка въ чиновникахъ,—говоритъ г. Вагинъ,—служить дѣло объ опредѣленіи исправника въ Туруханскъ. Назначивъ слѣдствіе въ Туруханскъ, въ первомъ проѣздѣ по Сибири, Сперанскій отрѣшилъ бывшаго исправника Стыртова. Вмѣсто него Сперанскій опредѣлилъ Корсакова. Этотъ Корсаковъ, явившись, дрался съ крестьянами, инородцами и вахтерами, не исполняя требованій слѣдователя Осипова, посланнаго Сперанскимъ, хвастался тѣмъ, что братъ его служить правителемъ дѣлъ у Сперанскаго, притѣснялъ Стыртова въ сдачѣ дѣлъ, а самъ не занимался дѣлами. О немъ писалъ Осиповъ, что «ни малѣйшей нѣтъ надежды, чтобы по строптивости своей этотъ исправникъ приобрѣлъ любовь инородцевъ»... «Отъ него уже бѣгаютъ, я ужъ не понимаю, на что онъ походить»,—прибавляетъ слѣдователь. Сперанскій приказалъ Корсакова смѣнить и назначить опять Стыртова, уже смѣненнаго по ревизіи. Пока дѣло шло, «человѣкъ, о которомъ говорили, что «онъ не знаю на что походить», оставался на мѣстѣ почти годъ послѣ этого отзыва» и замѣненъ былъ не лучшимъ. То же самое было и съ другими перемѣщеніями. Чиновники не могли измѣнить своихъ привычекъ и возрѣній и при Сперанскомъ. «Нравственный

уровень тогдашняго чиновничества былъ не высокъ — замѣчаютъ г. Вагинъ. Примѣръ продажности подавали высшіе чиновники; кромѣ того, у среднихъ и низшихъ были свои пороки: пьянство и развратъ, сопряженные съ буйнымъ разгуломъ... «Этихъ пороковъ были не чужды и нѣкоторые изъ способнѣйшихъ людей того времени», прибавляетъ изслѣдователь (Матер. Вагина, стр. 140). Но лучшимъ примѣромъ, до чего могли пасть нравы въ средѣ сибирскаго чиновничества, служить опять разсказъ Щукина объ ожиданіи Сперанскаго. Въ важныхъ случаяхъ у Трескина собирались для совѣта исправники и главные лица управленія. Передъ пріѣздомъ Сперанскаго, на чрезвычайномъ конгрессѣ одинъ изъ приближенныхъ Трескина, Третьяковъ, предложилъ слѣдующій вопросъ Трескину: — «А что, Н. И., Михайло Михайловичъ ѣстъ хлѣбъ? — Какъ же, Алеша, не ѣстъ?! — А если ѣстъ, то трудно ли будетъ съ нимъ познакомиться? — Пусть кумъ Андрей (одинъ изъ исправниковъ) дастъ столько-то, Евстафій Фомичъ (другой исправникъ) столько-то. Такимъ образомъ пересчитавъ всѣхъ, и рѣшено было собрать, какъ тогда говорили, нѣсколько сотъ тысячъ рублей и поручить ихъ Лоскутову поднести при первомъ вступленіи Сперанскаго на границу Иркутской губерніи».

При такихъ условіяхъ ревизія осталась почти безъ послѣдствій. Мы видимъ, что Сперанскій и самъ понималъ, что безъ учрежденій, безъ болѣе удовлетворительнаго контингента чиновниковъ, наконецъ, безъ новыхъ «основаній» управленія, невозможно дальнѣйшее управленіе Сибирью. Совершивъ ревизію, онъ и считалъ свое порученіе конченнымъ. «Считая пребываніе свое здѣсь временнымъ, — писалъ Сперанскій, — я долженъ сего держаться и потому, что управленіе Сибири, при настоящемъ вещей порядкѣ, есть вещь для меня невозможная, да и никто, думаю, съ здравымъ смысломъ на сіе не отважится»... «Къ марту мѣсяцу всѣ слѣдствія будутъ окончены, и всѣ свѣдѣнія изготовлены. Послѣ сего мнѣ здѣсь дѣлать будетъ нечего. Смѣю даже утверждать, что пребываніе мое здѣсь было бы вредно. Правительство лишится къ себѣ послѣдняго довѣрія, если, обнаруживъ безпорядки, оно не посѣпшитъ ввести лучшаго устройства; а введеніе сіе отъ меня не зависитъ», — такъ пишетъ онъ къ Кочубею.

Въ планѣ Сперанскаго было, раскрывши безпорядки и злоупотребленія въ сибирскомъ управленіи, немедленно уѣхать изъ Сибири и участвовать только въ составленіи для него новаго положенія и новыхъ основаній управленія. Но онъ былъ оставленъ еще на годъ управлять Сибирью въ качествѣ генералъ-губернатора на старомъ положеніи. Лично для себя, какъ мы указали,

онъ получилъ съ горемъ новую отсрочку, принявъ ее за немилость, но, кромѣ того, онъ понималъ и всю трудность что-нибудь сдѣлать здѣсь при прежнихъ средствахъ. Какъ ни предполагаютъ биографы Сперанскаго, увлекаясь личными качествами и достоинствами этого администратора, что одно пребываніе Сперанскаго въ Сибири уже могло измѣнить порядокъ дѣлъ, но самъ Сперанскій справедливо не придавалъ такого значенія своему управленію. Въ этомъ смыслѣ онъ дѣлаетъ слѣдующія характеристическія замѣчанія насчетъ своего управленія, въ качествѣ генерал-губернатора, Сибири:

«Какою волшебною силою человекъ, брошенный сюда изъ Пензы,—пишетъ онъ Кочубею,—безъ всякихъ знаменъ особеннаго довѣрія, не получивъ и не предъявивъ никакихъ новыхъ и значительныхъ инструкцій вступить въ борьбу со всѣми почти чиновниками, со всѣмъ составомъ управленія, могъ одинъ съ Цейеромъ обуздать извѣстныя сибирскія дерзости, обнаружить злоупотребленія, потрясти фортуны, въ 13 лѣтъ составленныя, и испровергнуть цѣлую систему связей твердыхъ, обдуманнхъ и привычку скрѣпленныхъ? Мы не въ томъ вѣкѣ живемъ, и Сибирь не тотъ край, гдѣ бы истина могла произвести сія явленія! Какъ я могу управлять безъ моральной власти?—Скажутъ—законами, какъ будто существуютъ законы въ Сибири, всегда управляемой самовластіемъ, и какъ будто законы могутъ исполняться безъ исполнителей. Страхъ есть дѣло внезапности, родъ очарованія; надобно знать его мѣру, чтобы имъ пользоваться. Вопросъ: кто наиболѣе страдаетъ отъ сего положенія дѣлъ?—Сибирь, ибо первое послѣдствіе всякаго пренебреженія власти есть собственный свой вредъ. А что власть, мнѣ данная, будетъ пренебрегаема, въ семъ не могу я имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія». Такимъ образомъ, Сперанскій сознавалъ полную невозможность управленія краемъ, поставленный въ прежнее положеніе правителей. Онъ понималъ, что злоупотребленія и при его управленіи по прежнему будутъ развиваться. Свои воззрѣнія на дальнѣйшее управленіе Сибирью онъ откровенно высказываетъ въ письмѣ къ князю Голицыну: «Когда всѣ дѣла, порученныя мнѣ (т.-е. ревизія) окончены, мнѣ остается влачить здѣсь цѣлый годъ почти въ бездѣйствіи. Я называю бездѣйствіемъ поверхностное отправленіе текущихъ дѣлъ и терпимость безпорядка и злоупотребленій. Я могъ ихъ остановить,—говоритъ онъ,—но не истребить, ибо порядокъ управленія, краю сему несвойственный, остается тотъ же, исправлять я его не могу; люди остаются тѣ же, перемѣнить ихъ не вѣмъ. Я не могу даже дать движеніе суду надъ ними; ибо тѣ,

они должны ихъ судить, сами подлежать суду по другимъ дѣламъ подобнымъ. Людей, отрѣшенныхъ въ одномъ уѣздѣ или въ одной губерніи, я принужденъ употреблять въ другой, дабы вовсе не остановить теченія дѣлъ». Такимъ образомъ, Сперанскій былъ достаточно откровененъ въ этомъ случаѣ, чтобы не закрывать глаза себѣ и другимъ, и не желать быть рыцаремъ, выставлющимъ личную борьбу съ злоупотребленіями за ихъ искорененіе и прекращеніе, а своимъ предписаніямъ и циркулярамъ придавать значеніе, какъ бы дѣла отъ этого измѣнились.

Управленіе его дѣйствительно ничѣмъ особеннымъ и не могло ознаменоваться. Одна личность, окруженная массой совершенно другого рода дѣателей, не могла измѣнить порядковъ дѣлъ, и въ общемъ вліяніе ея было не особенно замѣтно. Проявленіе злоупотребленій не прекращалось. «Въ то время, когда Сперанскій преслѣдовалъ прежнія, — замѣчаетъ справедливо г. Вагинъ, — подъ его управленіемъ, подъ самой грозой его репрессій, почти въ его присутствіи совершались новыя злоупотребленія и возбуждали необходимость въ новыхъ преслѣдованіяхъ». Также дѣло шло во все время его управленія. Если чѣмъ могло отличаться его управленіе, то развѣ нѣкоторыми попытками ослабить прежній административный гнетъ, мелочность прежней регламентаціи и предоставить болѣе свободы обществу. Въ этомъ случаѣ весьма любопытны слѣдующіе его взгляды на управленіе. Первымъ долгомъ онъ пытается загладить въковой разладъ между обществомъ и управителями. Онъ пробуетъ жить въ мирѣ съ обществомъ. Въ раскрытіи злоупотребленій онъ обратился къ гласности, къ общественному мнѣнію, и только благодаря этому могъ открыть многія злоупотребленія, покрывавшія Сибирь. Онъ пользовался помощью общества, кабинетнымъ, частнымъ образомъ, и сближался съ нимъ для своихъ цѣлей. Во время походовъ онъ знакомится съ купцами, мѣщанами, выслушиваетъ крестьянъ и пользуется ихъ мнѣніями. Матеріалы, нынѣ собранные, указываютъ, что и его законодательная дѣятельность не лишена была частнаго вліянія. «Сохранилось преданіе, — говоритъ г. Вагинъ, — что въ Иркутскѣ Сперанскій совѣтовался о нѣкоторыхъ частяхъ своего законодательства съ извѣстными лицами изъ мѣстнаго купечества. Нѣкоторые изъ купцовъ и мѣщанъ, бывшихъ въ киргизской степи, были даже прямыми сотрудниками Батенькова при составленіи учрежденія о киргизахъ». Этотъ духъ его управленія, а именно, при помощи сближенія съ обществомъ и установленія съ нимъ солидарности, конечно, былъ дѣломъ его личной тактики и не перешелъ ни въ законы, проектируемые

имъ, не могъ быть и переданъ его послѣдователямъ и наслѣдникамъ.

Далѣе видно, какъ говорить г. Вагинъ, что «онъ былъ рѣшительный врагъ того полицейскаго *хватающа*, до котораго были такіе большіе охотники многіе администраторы, не только его, но и позднѣйшаго времени; онъ отнюдь не видѣлъ въ стѣсненіяхъ личной свободы панацеи противъ всевозможныхъ преступленій». Дѣйствительно, въ своихъ распоряженіяхъ онъ постоянно умѣряетъ пылъ исполнителей, приученныхъ прежними порядками не падать личность и не церемониться съ ней. Второю чертою его управленія было ослабленіе прежней регламентаціи, въ которой такъ склонны были его предшественники. «Крутыя мѣры, принятія Трескинымъ,—сообщаетъ г. Вагинъ,—частію были прямо отмѣнены Сперанскимъ, частію значительно ослаблены». Мы говорили, до какой степени регламентація вѣлалась въ нравы сибирскаго управленія. Крестьяне обращаются съ просьбами къ Сперанскому, чтобы ихъ пощадили отъ планировки селеній и обязательной постройки какихъ-то форменныхъ колодцевъ съ валомъ и колесомъ. Нѣкоторые города просятъ дозволить имъ навозомъ укрѣплять берегъ, такъ какъ это было запрещено, несмотря на то, что это было единственное спасеніе отъ разливовъ рѣкъ. Трескинъ отводилъ устье Иркутъа подъ тѣмъ предлогомъ, что рѣка имѣетъ «*неправильное теченіе*», и старался дать ей новое русло, но рѣка все держалась своего «*неправильнаго теченія*», наперекоръ Трескину. Сперанскій, конечно, былъ другихъ взглядовъ на управленіе, чѣмъ Трескинъ и предшественники. Онъ административныя задачи не низводилъ до архитектурскихъ обязанностей, до насильственнаго «устроительства», до крашенія заборовъ, ломки домовъ, какъ это дѣлали другіе, даже позднѣе Сперанскаго; съ высоты своего поста не лѣзъ для вмѣшательства въ городское хозяйство, не обиралъ и не разорялъ городскихъ думъ въ пользу любимцевъ. Онъ предоставлялъ самому обществу вести дѣла свои.

Изъ его распоряженій и предписаній видно, что онъ былъ приверженецъ свободы торговли, и въ этомъ случаѣ былъ поклонникъ Смитовской школы. Онъ издавалъ постоянно инструкціи и правила, и предметомъ ихъ было, какъ онъ выражался, «всемерно благопріятствовать всякому свободному движенію торговли и удалить всѣ препятствія, какія при прежнемъ управленіи нерѣдко возникали изъ ложнаго понятія о ярмаркахъ, о сборѣ ясака и тому подобныхъ мѣрахъ». Въ Сибири относительно торговли съ иностранцами существовали до 1819 г. двѣ системы. Одна изъ нихъ была основана на опежѣ администраціи надъ иностранцемъ, въ

предупрежденіе кабалы и злоупотребленій купцовъ ввозомъ къ инородцамъ водки и т. п. Но при этомъ полиція и мѣстные чиновники, въ огражденіе инородцевъ отъ злоупотребленій купцовъ, сами принялись за торговлю и вели ея къ общему благополучію— и охраняя инородцевъ, и не забывая себя. Другой системы домогались постоянно купцы въ своихъ выгодахъ, и ее привыкли понимать подъ именемъ «свободной торговли». Сперанскій сложился къ этой послѣдней и особенно способствовалъ ея развитію, покровительствуя мѣстнымъ купцамъ. Въ этомъ случаѣ было не только замѣчательно его управленіе, но взглядами этими проникнуто и составленное имъ положеніе, послужившее основою къ позднѣйшему законодательству для Сибири. Мѣры эти замѣчательны были по одному, а именно по результатамъ, какими онѣ отразились въ сибирской исторіи. Система запретительная и опека надъ инородцемъ, какъ мы видимъ, привели здѣсь къ тому, что чиновники захватили въ свои руки торгъ и стали купцами. Что касается новой «свободы торговли» и покровительства торговаго купцовъ съ инородцами по идеѣ Сперанскаго, то она оказалась тоже не особенно выгодной. Нѣкоторые купцы, пользуясь покровительствомъ и отсутствіемъ всякой защиты инородца, взяли себѣ дѣла мѣстности, какъ Нерчинскій край, на откупъ, закабалили торговлей населеніе и дѣлали съ инородцами и крестьянами что хотѣли. Купцы закабалили въ Сибири при помощи долговъ не только крестьянъ, но и мелкихъ чиновниковъ. Злоупотребленія ихъ остались необнаруженными и безнаказанными и при Сперанскомъ. Въ Якутскѣ существовала та же система грабежа подъ видомъ торговли, и это тянулось до временъ Муравьева (т.-е. до шестидесятыхъ годовъ). Многіе администраторы позднѣе Сперанскаго поэтому должны были начать борьбу съ этимъ зломъ.

Торговая кабала надъ инородцемъ и крестьяниномъ до послѣдняго времени составляетъ язву страны. Изъ этого видно, что какъ система вѣдѣтельности, такъ и дурно понятая «свобода торговли» въ Сибири, при извѣстныхъ порядкахъ, вели одинаково къ печальнымъ послѣдствіямъ, а поощренія Сперанскаго «свободѣ торговли» только проявили другое зло, не менѣе опасное. Не замѣнялись и другія злоупотребленія сибирскаго быта при Сперанскомъ. Система казенныхъ подрядовъ при Трескинѣ, сопряженная съ разграбленіемъ казны, посредствомъ непомѣрныхъ подрядныхъ цѣнъ, часть которыхъ шла на взятки, конечно, доходила до крайности, но злоупотребленія эти не уменьшались и послѣ Сперанскаго. Реформа Сперанскаго ничего тутъ не сдѣлала.

Собственно управленіе Сперанскаго въ Сибири, какъ мы ска-

зали, не могло ни принести замѣтныхъ результатовъ, ни послужить къ измѣненію дѣлъ. Управление это прошло поэтому незамѣтно: ни духъ его, ни мѣры Сперанскаго, ни личныя качества не были оцѣнены и поняты въ Сибири даже тѣми, кому онъ наиболѣе покровительствовалъ, какъ, напримѣръ, торговныя сословія. Сибиряки такъ приучились къ регламентаціи, къ вѣдѣтельству администраціи, къ «строительству» Трескина и тому подобныхъ, что невѣдѣтельство Сперанскаго въ дѣла общества и его сознательное «laissez faire, laissez passer» просто было объяснено лѣнью, неисправленіемъ своихъ обязанностей и поставлено ему иркутянами въ вину. Трескинъ же, наоборотъ, превознесенъ за его распорядительность вмѣстѣ съ своею системою. «Трескинъ былъ прекрасный, распорядительный начальникъ», — говорятъ старожилы Иркутска, рассказы которыхъ помѣщены при матеріалахъ г. Вагина. «Трескинъ все-таки *хозяинъ* былъ, *административный* человекъ. Онъ городъ устроилъ, вѣдь это все, и улицы, и... все это Николай Ивановичъ. До него — стыдъ сказать — отходить на улицу были. Братскіе даже, — на что ужъ! — и тѣхъ пахалъ заставилъ. Словомъ, онъ ввелъ всю эту *цифру*. Ну, и *исправники* у него были *хорошіе*, и *застѣатели*... «Трескина я глубоко уважаю — говорить другой. — Это былъ *гениальный администраторъ*». Въ этихъ отзывахъ извиняютъ даже деспотизмъ и взяточничество Трескина. Лоскутовъ, по мнѣнію современниковъ, былъ *тоже отличный администраторъ*. Онъ устроилъ Нижнеудинскія поселенія, и тутъ же приводить расказы въ доказательство его способностей, какъ онъ *училъ* поселенцевъ, «спарывая всю шею до головы до пятокъ»... «Сперанскій же *не былъ администраторъ* — прибавляетъ тотъ же мудрецъ-старожилъ. — Онъ былъ только умный человекъ на бумагѣ». Такъ управленіе Сперанскаго было понято современниками, выдрессированными Трескинымъ.

Объ управленіи Сперанскаго съ исторической точки зрѣнія можно только сказать, что при старыхъ условіяхъ и при существовавшей обстановкѣ, безъ солидныхъ учреждений, на отсутствіе которыхъ онъ жаловался, при поголовномъ невѣжествѣ общества, злоупотребленіяхъ исполнителей, онъ и не могъ произвести существенныхъ измѣненій дѣлъ въ ходѣ сибирской администраціи. Какъ мы видимъ, онъ сознавалъ это и силълся даже разъяснить другимъ, разрушая иллюзію, будто *одна его личность* могла что-либо сдѣлать. Воскрешать эту иллюзію въ настоящее время вѣтъ никакихъ основаній и совершенно бесполезно. Если чтѣ могло имѣть значеніе, то это законодательная дѣятельность Сперанскаго

по отношенію къ Сибири, имѣвшая въ виду будущее страны; она-то и можетъ быть оцѣниваема исторіей.

III.

Составленіемъ сибирскаго учрежденія Сперанскому выпало на долю разсѣчь гордиевъ узелъ 200-лѣтняго сибирскаго управленія и разъ навсегда прекратить постоянно возникавшіе безпорядки и злоупотребленія въ Сибири. Управление Пестеля и Трескина отражало только вѣковой режимъ сибирской администраціи. Такимъ образомъ, чтобы искоренить неудобство и безпорядицу управленія, необходимы были не частныя, а общія мѣры. Ревизія Сперанскаго, хотя и лучшаго человѣка своего времени, не помогла, какъ не помогало развитію злоупотребленій его управленіе. Средство оставалось одно: создать новыя основанія управленія, услѣдивъ причины зла. Общіе недостатки сибирскаго управленія состояли въ самовластіи, безконтрольности, беззаконіи и личномъ произволѣ, развившимися благодаря отдаленности страны. Правительство съиздавна сознавало, что управлять этимъ новопріобрѣтеннымъ и отдаленнымъ краемъ на общихъ основаніяхъ не было возможности, а потому давно старалось создать въ немъ особенный порядокъ управленія, свойственный мѣстнымъ условіямъ. Попытки эти проходятъ чрезъ всю исторію Сибири. Когда-то, при воеводскомъ управленіи, былъ учрежденъ въ Москвѣ особенный «Сибирскій Приказъ», которому воеводы были обязаны отчетомъ и который былъ въ родѣ колониальнаго департамента. Съ 1708 г. по 1764 г., т.-е. съ Петра, Сибирью управляли уже губернаторы, жившіе въ Тобольскѣ. Вся Сибирь называлась сибирской губерніей и имѣла пять провинцій. Въ составъ ея управленія входили не только Сибирь, но и часть нынѣшнихъ вологодской, вятской, пермской и оренбургской губерній. Этимъ огромнымъ райономъ завѣдывалъ одинъ губернаторъ съ огромною властью. Какова была эта власть, это видно по первому изъ губернаторовъ, князю Гагарину, создавшему изъ себя сибирскаго вице-роя. Губернаторская власть послѣ Гагарина не только не уменьшалась, но постоянно увеличивалась. Между тѣмъ, устроена была военная омская линія съ особымъ начальствомъ, и къ Россіи присоединено было новое инородческое царство въ лицѣ киргизовъ. Тогда, при Екатеринѣ задумали и въ Сибири устроить особое намѣстничество. Екатерина видѣла въ Сибири обширную инородческую колонію

и рѣшилась дать ей права подчиненнаго царства. Она принимаетъ мѣры въ улучшеніи быта инородцевъ, водворяетъ покровительство торговли бухарцевъ, общаетъ изъ нихъ создать особую торговую думу для цѣлой Сибири, съ дѣлопроизводствомъ на бухарскомъ языкѣ, уничтожаетъ казенныя монополіи, наконецъ наименовываеъ Сибирь «царствомъ», даетъ ему особый гербъ съ двумя соболями и чеканитъ особую сибирскую монету. Въ Тобольскѣ символомъ царской власти, подъ покровительствомъ котораго считается это инородческое царство, поставленъ былъ тронъ, на которомъ сибирскій намѣстникъ принималъ свидѣтельство вѣрноподданства отъ хана средней киргизской орды и остоящихъ князей. Конечно, было странно видѣть, что край, все болѣе и болѣе заселяемый русскими, вдругъ какъ-бы обратно названъ былъ инородческимъ царствомъ, съ предоставленіемъ особеннаго покровительства и даже автономіи инородцамъ. Но это объясняется не столько тѣмъ, что Екатерина Великая хотѣла обратить Сибирь въ первобытныя формы татарскаго царства, сколько ея реформаторскими планами, которые она имѣла въ виду относительно цѣлой Россіи и которые не могли не коснуться и Сибири. Въ этомъ случаѣ она скорѣе пробовала здѣсь создать нѣчто въ родѣ отдѣльнаго и мѣстнаго управленія на подобіе колоніальныхъ европейскихъ правительствъ. Планъ этотъ не былъ окончательно приведенъ въ исполненіе, и не былъ завершенъ, за то отъ него осталась въ Сибири обширная намѣстническая власть. Уже первый намѣстникъ вмѣсто того, чтобы стоять на ступеняхъ трона, учрежденнаго въ Тобольскѣ и напоминавшаго власть одной монархини, взобрался самъ на него, и такимъ образомъ возвелъ себя какъ-бы въ царское достоинство; то же произошло и въ дѣлѣ управленія. Наконецъ, въ 1799 г., намѣстничество было отмѣнено въ Сибири, и тронъ отправленъ въ Петербургъ, а тобольская и иркутская губерніи восстановлены въ прежнемъ видѣ. Нечего говорить, что ни намѣстничества, ни губернаторства не могли вполне обезпечить хорошаго управленія. Уже иркутскій намѣстникъ Ямбоя попалъ подъ судъ, за нимъ Леццано, наконецъ послѣдовала ревизія Селифонтова и смѣна послѣдняго. Мысль устроить въ Сибири порядокъ управленія, отдѣльный и сообразный съ ея положеніемъ, высказанная при введеніи общаго управленія въ 1775 г., снова повторилась правительствомъ въ инструкціи Селифонтову. «Сибирскій край требуетъ измѣненія какъ въ раздѣленіи его, такъ и въ самомъ образѣ управленія особеннаго постановленія». Съ этою цѣлію и былъ посланъ Селифонтовъ «для

личнаго обзрѣнія, собранія свѣдѣній, какъ говорила инструкция, статистическихъ, географическихъ и камеральныхъ, и основанія на самыхъ достоверныхъ свѣдѣнiяхъ раздѣленія и порядка управленія края». Самое управленіе Селифонтову поручалось съ именною цѣлю, «прежде нежели будутъ приведены къ концу всѣ предположенныя въ лучшему его образованію мѣры». Наконецъ, въ 1803 г. учрежденіе комиссарствъ было предтечею болѣе общихъ преобразованій, причемъ опять упомянуто, что эта мѣра примѣняется, «прежде—пока можно будетъ составить полное образованіе края».

Даже во время генераль-губернаторства въ Сибирѣ Селифонтова и Пестеля, мысль объ изданіи новыхъ правилъ для управленія Сибирью не оставляла правительства. По сибирскимъ дѣламъ былъ учрежденъ особый комитетъ, подчиненный комитету министровъ. Въ 1814 году, сибирскому генераль-губернатору предполагалось дать новую инструкцію. Въ 1816 году было предположено возстановить въ Россіи на всемъ пространствѣ намѣстничества,—конечно, въ этотъ планъ входила и Сибирь. Вѣроятно въ то время такимъ образомъ выражалась мысль о децентрализаци. Свѣдѣнія и матеріалы, въ видахъ составленія новаго особаго положенія для Сибирѣ, продолжали собираться и при Трескинѣ. Правительство не могло только приступить къ преобразованію сибирскаго управленія, отвлекаемое войнами 1812—1814 годовъ. Несмотря на то, въ видахъ удобства мѣстнаго управленія и быстрого рѣшенія дѣлъ, правительство дѣлало постоянно частныя измѣненія въ сибирскомъ управленіи, между прочимъ предоставляя главнымъ администраторамъ особыя уполномочія. Это дало поводъ послѣднимъ самимъ хлопотать объ увеличеніи власти. Таковы собственно были особенности въ основаніяхъ сибирскаго управленія въ эпоху, предшествовавшую Сперанскому. Но въ концѣ управленія Пестеля взглядъ правительства измѣнился: оно должно было усумниться въ пользахъ увеличенія этой власти, и министръ Козодавлевъ выразилъ въ своей запискѣ рѣшительное мнѣніе противъ такого порядка. «Въ первое время открытія безпорядковъ въ Сибирѣ,—писалъ онъ,—они были приписываемы слишкомъ ограниченной власти начальниковъ, а потому она была усиливается постоянно и всегда, какъ новые и сильнѣйшіе безпорядки открывались». Такимъ образомъ, явилось вновь сознаніе о необходимости ограниченія власти правителей. Мысли эти высказаны довольно опредѣленно въ проектѣ министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева, который обыкновенно ставитъ въ параллель съ проектомъ Сперанскаго. Разсмотрѣвъ

причины существовавшихъ безпорядковъ, Ководавлевъ приходитъ къ заключенію, что для предотвращенія ихъ возникновенія «необходимо начертать, болѣе сообразное съ мѣстными условіями, управленіе». Проектъ его заключалъ слѣдующія основанія: не распространяться въ исчисленіи воѣхъ золъ, происходящихъ отъ самовласти мѣстныхъ начальниковъ, — пишетъ министръ, — мнѣ кажется, что власть ихъ должна быть ограничена, а не распространяема и увеличиваема. Учрежденіе верховнаго въ сибирскихъ губерніяхъ правительства совѣта или комиссіи, частію опредѣляемыхъ изъ чиновниковъ отъ правительства, частію избираемыхъ изъ тамошнихъ жителей разныхъ сословій, можетъ одно ограничить власть начальника, который, какъ предсѣдатель сего мѣста, имѣетъ только перевѣсъ въ случаѣ равныхъ голосовъ. Впрочемъ, въ случаяхъ чрезвычайныхъ и по дѣламъ, времени не терпящимъ, главный начальникъ можетъ дѣло остановить, или приказать исполнить безъ отлагательства, не взирая на несогласіе совѣта, но въ ту-жъ минуту безъ малѣйшаго промедленія онъ долженъ сообщить объ ономъ тому министру, до части котораго производимое дѣло касается. Кромѣ того, прибавляетъ Ководавлевъ, мнѣ кажется, что при ограниченіи власти мѣстнаго начальника, не бесполезно будетъ усилить и власть магистратовъ и городскихъ правленій. Магистраты городовъ ость-зейскихъ губерній доказали и доказываютъ пользу, каковую они принесли и приносятъ промышленности, торговлѣ и вообще образованности жителей тѣхъ губерній». Таковы были мысли министра, высказанныя въ засѣданіи комитета, которыя онъ предполагалъ положить въ основаніе реформы, и передалъ Сперанскому.

Что касается мнѣній Сперанскаго, то, послѣ совершенной ревізіи, онъ видѣлъ также необходимость произвести коренную реформу сибирскаго управленія, согласно мѣстнымъ условіямъ края. Онъ сознавалъ, что управленіе на общемъ положеніи, при отдаленности Сибири, невозможно, и требуется созданіе особыхъ основаній. «Если бы разстройство сего края было частное, то можно было бы и исправить его частными переимѣнами, но Сибирь требуетъ общаго и совокупнаго во всѣхъ частяхъ образованія, — писалъ онъ, обозрѣвъ сибирскіе порядки. — Она не можетъ быть управляема, какъ новгородская и тверская губерніи, между тѣмъ нѣсмотря на то, что порядки и правила одинаковы», — присовокупилъ онъ въ письмѣ къ Кочубею.

Трудность административныхъ задачъ въ Сибири состояла въ томъ, что здѣсь не прилагались, не прилагивались вовсе тѣ начала управленія, которыя проектировались въ другихъ областяхъ,

порождая совершенно иные результаты. Здѣсь не удавалось управление ни на общемъ основаніи, ни на особенномъ. При томъ и другомъ порядкѣ являлись особаго рода неудобства. Если при одномъ порядкѣ страна терпѣла отъ самовластия при увеличеніи власти, которая предоставлялась мѣстнымъ начальникамъ для скорѣйшаго рѣшенія дѣлъ, то, съ другой стороны, замедленіе дѣлъ и зависимость ихъ отъ дальнихъ центральныхъ учреждений приводили въ Сибирѣ къ другимъ затрудненіямъ. Рѣшенія дѣлъ или какихъ-либо необходимыхъ для края распоряженій приходилось ждать по нѣскольку лѣтъ; такъ, разъ, пришедшій грузъ въ Камчатку съ съѣстными припасами долженъ былъ дожидаться разрѣшенія о принятіи ихъ изъ Петербурга. Дѣла уголовныя длились десяти лѣтъ. Такимъ образомъ, усиленіе власти и предоставленіе ей значительныхъ полномочій посылало произволъ, а уменьшеніе власти и подчиненіе хода дѣлъ отдаленнымъ высшимъ инстанціямъ рождало замедленіе и неудобства для края. Однѣ мѣры парализовали другія; сибирское управление требовало между тѣмъ мѣстнаго управления со всѣми гарантіями отъ произвола администраціи. Централизація здѣсь приводила къ однимъ злоупотребленіямъ, а предоставленіе независимой власти начальникомъ на мѣстѣ — къ другимъ. Таковъ былъ давнишній сфинксъ сибирской исторіи. Эти задачи должно было разрѣшить и примирить Сперанскому.

Сперанскій хорошо видѣлъ, что доселѣ управление Сибирью основывалось на личномъ довѣріи въ администраторамъ, и что этой власти не было положено основаній. Онъ поставилъ цѣлью, поэтому, сибирскихъ правителей подчинить законамъ и сдѣлать орудіемъ правительства. Но самое огражденіе законами не могло достигать цѣли, по его мнѣнію, безъ особыхъ, прочныхъ учреждений, могущихъ слѣдить за этой властью. Самые лучшіе начальники, предоставленные себѣ, могли ошибаться. Вотъ что чрезвычайно справедливо высказалъ онъ по этому поводу: «если бы личная власть въ Сибирѣ, говоритъ онъ, предоставленная до 1819 года бывшимъ въ Сибирѣ главнымъ правителемъ, и ограждалась подробными и самыми вѣрными правилами, то и тогда, бывъ удалена отъ надзора, и не имѣя вокругъ себя ни преградъ, ни предостереженія, она легко могла бы перейти въ самовластіе. Довѣріе къ личнымъ свойствамъ тутъ не защита, ибо къ самовластію впадаютъ постепенно, нечувствительно и не всегда съ худымъ намѣреніемъ. Напротивъ, при намѣреніяхъ самихъ лучшихъ, по самому усердію къ добру и желая дойти къ нему кратчайшею дорогою или избравъ рѣшительнѣйшія мѣры, умя-

каются въ заблужденіи, сперва для сокращенія нарушаютъ формы маловажныя, потомъ идутъ къ важнѣйшимъ, наконецъ касаются существа дѣла, и такимъ образомъ поступаютъ всегда по добрымъ побужденіямъ, ниспровергаютъ порядокъ и, дѣйствуя по совѣсти, дѣйствуютъ противозаконно». Главною программой и цѣлью своей реформы онъ поставилъ, потому: 1) преобразить личную власть начальниковъ въ установленіе и, соединивъ единство ея дѣйствія съ масшностью, охранить ее отъ самовласти и злоупотребленій законными средствами; учредить ея дѣйствія (т.е. распоряженія), чтобы они не были личными и домашними, а служебными и публичными; 2) усилить надзоръ, собравъ раздробленные и безсильныя его части въ одно *установленіе*, и такимъ *учрежденіемъ замѣнить, съ одной стороны, удаленный отъ Сибири надзоръ высшаго правительства, а съ другой—недостаточный надзоръ общественнаго мнѣнія*; 3) раздѣлить и опредѣлить тѣ административныя функціи, которыя были прежде сѣиваемы въ разныхъ учрежденіяхъ; 4) привести въ согласіе всѣ части управленія; 5) приспособить управленіе къ особенному положенію тѣхъ сибирскихъ областей, которыя при огромномъ пространствѣ имѣютъ весьма мало населенія; 6) ввести простоту и удобство обрядовъ въ видахъ успѣшности и быстроты разрѣшенія дѣлъ.

Какъ ни были благонамѣренны и соотвѣтственны обстоятельствамъ эти цѣли, но, конечно, при всякихъ благихъ намѣреніяхъ важнѣе всего ихъ выполненіе. А потому любопытно взглянуть, какими путями Сперанскій стремился осуществить ихъ? Имѣя въ виду содѣйствовать быстрому разрѣшенію дѣлъ на мѣстѣ и учредить контроль въ сибирскомъ управленіи, Сперанскій проектировалъ составить отдѣльное высшее управленіе для Сибири. Онъ предложилъ образовывать въ каждой части Сибири «главное управленіе подъ предсѣдательствомъ генераль-губернатора»; главное управленіе должно было служить и высшимъ правительственнымъ мѣстомъ въ Сибири. Генераль-губернаторская власть имѣлась исполнительною, она составляла только часть установленія. Дѣятельность ея состояла только въ надзорѣ и исполненіи. Такимъ образомъ, онъ проектировалъ ограниченіе власти и специальное ей назначеніе. Въ помощь генераль-губернатору учреждались совѣты изъ чиновниковъ мѣстнаго управленія и частью отъ министерствъ: «мнѣніе этого совѣта необходимо во всѣхъ важныхъ предметахъ, присвоенныхъ совѣту». «*Но мнѣнія совѣта безъ утвержденія предсѣдателя недействительны; члены совѣта не могутъ остановить исполненія, но они*

имѣютъ право непринятое мнѣніе представлять высшему начальству». Роль совѣтовъ была *совѣщательная*. Подобныя же совѣты устанавливались въ помощь губернаторамъ изъ чиновниковъ главнаго управленія по губерніямъ и окружныя совѣты у окружныхъ начальниковъ.

Таковъ былъ планъ, на которомъ построено сибирское учрежденіе. Планъ этотъ основывался на введеніи коллегіальнаго управленія во всѣхъ частяхъ, вмѣсто единоличнаго, и опирался на взаимный контроль однихъ учреждений другими. «Введеніемъ коллегіальнаго управленія, — говоритъ г. Вагинъ, — Сперанскій имѣлъ въ виду предохранить власть отъ ошибокъ и увлеченій. Но это нисколько не ослабляло исполнительнѣйшей власти, отъ нея зависѣло принять или не принять мнѣніе совѣта. Одно уже это показывало теоретичность проекта, имѣвшаго въ виду разомъ соединить и *ограниченіе*, и *независимость* исполнительнѣйшей власти, т. е. два противоположныя начала. Присоединеніе совѣтовъ къ тому же не было собственною мыслью Сперанскаго. Еще въ проектѣ наместничества, въ 1816 г., предполагалось во всей Россіи учредить при наместникахъ совѣты, съ правомъ совѣщательнаго голоса; въ запискѣ Козодавлева упоминается о примѣненіи совѣта собственно къ Сибири. Самый совѣтъ притомъ у Козодавлева имѣлъ болѣе широкую программу, чѣмъ у Сперанскаго. Учрежденіе совѣтовъ имѣло разительное сходство съ тѣми учреждениями, которыя Сперанскій приводилъ въ дѣйствіе въ первую счастливую эпоху своей дѣятельности въ министерствахъ». Насколько они близки были этимъ учреждениямъ, по мнѣнію Корфа, далеко неудавшимся и несоотвѣтствовавшимъ первоначальнымъ планамъ Сперанскаго, это трудно сказать, но что они были по плану, давно принятому для общаго управленія, съ этимъ нельзя не согласиться, потому что главное управленіе Сибири было сколкомъ съ обыкновенныхъ губернскихъ правленій, введенныхъ въ Россію, съ нѣкоторымъ выдѣленіемъ совѣта и правомъ обсуждать только дѣла въ болѣе крупномъ размѣрѣ. Точно также они соотвѣтствовали и принятому принципу коллегіальнаго порядка обсужденія дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ, принципу, существовавшему довольно давно и, какъ видимъ, не разъ предлагавшемуся. Если чѣмъ и отличались сибирскія проектируемыя губернскія и главныя управленія съ совѣтами, состоящими въ подчиненіи у губернаторовъ, то очень незначительно отъ прочихъ присутственныхъ мѣстъ въ Россіи, но ничѣмъ не разнились въ принципѣ. Сперанскій старался примирить неудобства сибирскаго управленія соединеніемъ коллегіальнаго порядка съ единоличнымъ и гарантировать

обыкновенной комбинаціей при помощи зависимости одних чиновниковъ отъ другихъ.

Въ общемъ, измѣненія и проекты Сперанскаго были столь скромны и столь соответственны обыкновенному канцелярскому порядку, что прошли чрезвычайно легко въ комитетъ, и разномыслия здѣсь были незначительны, исключая его проекта объ освобожденіи подзаводскихъ крестьянъ, что и было отклонено. Но Сперанскій почему-то боялся, что его проекты и въ этомъ видѣ не пройдутъ. Это дало поводъ г. Вагину задаться вопросомъ: были ли проекты Сперанскаго въ томъ видѣ, въ какомъ они были представлены, или были значительно измѣнены? «Нѣкоторые сибирскіе старожилы, — отвѣчаетъ г. Вагинъ, — рассказывали намъ, что изданное учрежденіе о Сибири значительно разнится отъ первоначальнаго проекта, что въ послѣднемъ, напримѣръ, былъ данъ просторъ выборному началу, котораго вовсе нѣтъ въ утвержденномъ учрежденіи, что сибирскому управленію предполагалось дать устройство гораздо болѣе свободное отъ централизаціи, что въ Сибири предполагалось учредить особый департаментъ сената и т. п.». Нѣкоторые изъ этихъ рассказовъ могли быть вымыслены, но другіе согласны съ мнѣніемъ Сперанскаго, говорившемъ «о силѣ» своихъ предположеній. Это дало поводъ заключить, что проекты Сперанскаго были увезены вчеря и что онъ, «*по обыкновенной своей уступчивости*», рѣшился перенести ихъ въ Петербургъ, видя невозможность провести ихъ цѣлкомъ. Изъ матеріаловъ, біографій, свѣдѣній и писемъ Сперанскаго книгъ ничего однако не подаетъ повода заключить, что его проекты были измѣнены. Опасался же Сперанскій вѣроятно того, что, вслѣдствіе потери вліянія и оппозиціи ему въ Петербургѣ Аракчеева, даже самыя незначительныя его проекты будутъ отвергнуты. Такое объясненіе гораздо проще.

Какъ бы то ни было, изъ всѣхъ этихъ предположеній видно, что новое учрежденіе сибирскаго управленія не удовлетворяло ожиданіямъ и страдало недостатками, которые съ перваго же раза были замѣчены. Учрежденіе это обвиняли въ томъ, что оно ведетъ къ послѣдствіямъ, совершенно противоположнымъ, тѣмъ было высказано въ программѣ, начертанной въ основаніяхъ. Наконецъ, ставили въ вину, что проектъ Сперанскаго основанъ былъ на одномъ бюрократическомъ началѣ. Обвиненія эти раздавались какъ изъ лагера консерваторовъ, недовольныхъ замѣною стараго режима бюрократическими формами, такъ и людьми, приказнаго произвола, такъ и людьми, ожидавшими отъ Сперанскаго болѣе реформаторской инициативы. Одинъ изъ про-

тивниковъ сибирскаго учрежденія, Геденштромъ, замѣчалъ при его введеніи: «Сперанскій долженъ былъ возстановить въ Сибирѣ дѣйствіе законовъ и съ ними навлекъ гибель на Сибирь, потому что исполнителями законовъ какіе стали чиновники, чтущіе только удовлетвореніе своей прихоти и корысти»... «Вмѣсто общаго желѣзнаго вѣка, учрежденіе ввело бумажный, увеличивъ до крайности письменное производство»... «Власть генераль-губернатора только повидимому ограничена совѣтомъ, въ дѣйствительности всѣ дѣла рѣшаются по его произволу». Такіе и подобные отзывы раздавались объ учрежденіи. Но мы остановимся на болѣе современной критикѣ сибирскаго учрежденія, принадлежащей добросовѣстному изслѣдованію г. Вагина.

«Сибирское учрежденіе имѣетъ другіе, болѣе очевидные въ наше время недостатки, возбуждаетъ другіе, болѣе серьезныя вопросы, — говоритъ онъ. Первымъ условіемъ программы Сперанскаго были гласность и публичность дѣйствія власти. Но именно этого условія и не выполняетъ учрежденіе. Оно замыкаетъ дѣятельность власти въ тѣсный кругъ канцелярій и присутствій, и тѣмъ самымъ налагаетъ на нее характеръ бюрократизма, а не гласности и публичности. Въ сибирскомъ учрежденіи нигдѣ не постановлено того, чтобы постановленія совѣтовъ обнародывались во всеобщее свѣдѣніе. Слова программы о публичности и гласности дѣйствій власти остались безъ всякаго приложенія въ самомъ законѣ. При отдаленности правительственнаго надзора, при слабости общественнаго мнѣнія, недостатокъ публичности и гласности давалъ исполнителямъ возможность обходить и даже прямо нарушать его, безъ опасенія, что такіе поступки ихъ получаютъ полную извѣстность», — замѣчаетъ г. Вагинъ.

Другой важный недостатокъ составляетъ, по мнѣнію г. Вагина, та слабая степень самостоятельности, какую, по учрежденію Сперанскаго, представляетъ организація мѣстныхъ совѣтовъ. Членамъ совѣтовъ предоставлено важное право, — право и единоличнаго, и коллективнаго протеста; но члены совѣтовъ, хотя высоко поставленные въ составѣ мѣстной администраціи, находятся въ прямой зависимости отъ генераль-губернатора, или губернатора, и потому не могутъ съ полною свободою употреблять свое право протеста. «Всякій дорожитъ своимъ мѣстомъ», справедливо замѣчалъ Геденштромъ. Притомъ самое право протеста было весьма ограничено. Къ тому же, можно было всегда обойти протестъ и принять самую противозаконную мѣру, не внося ея въ совѣтъ. По дѣламъ же, лично зависящимъ отъ начальника, право протеста вовсе не имѣетъ мѣста и произволъ можетъ царить во всей силѣ. Такимъ обра-

зомъ, самое главное установленіе, на которомъ созидалось управленіе, не достигало своей цѣли. Сибирское учрежденіе, кромѣ того, было составлено «наскоро», присовокупляеть г. Вагинъ, и ясное и понятное лишь для самого Сперанскаго—оно оставляло широкій просторъ для произвольныхъ толкованій другимъ.

Мало того, въ своемъ проектѣ о сибирскомъ управленіи Сперанскій не только не былъ прогрессивнѣе другихъ, но стоялъ даже ниже въ своихъ требованіяхъ другихъ государственныхъ людей. Указывая главные и существенные недостатки въ проектѣ Сперанскаго, г. Вагинъ говоритъ: «невольнo является вопросъ, почему Сперанскій не воспользовался мыслью Козодавлева—ввести выборный элементъ въ высшее сибирское управленіе? Ему были извѣстны личности, совершенно способныя для выборовъ въ этомъ случаѣ, довольно недюжиннаго ума и порядочно образованныя для того времени. Вѣроятно онъ поразился,—говоритъ г. Вагинъ,—тѣмъ безмолвнымъ, поработченнымъ состояніемъ, въ какомъ даже нынѣ находятся служащіе по выборамъ, во всѣхъ смѣшанныхъ учрежденіяхъ. Эта зависимость объяснялась однако очень просто, какъ положеніемъ городскихъ и сельскихъ обывателей въ общей дѣлстницѣ сословій, такъ ихъ невѣжествомъ». Но недостатки эти, по мнѣнію г. Вагина, были исправимы. Тѣмъ не менѣе участіе выборныхъ лицъ, присовокупляеть онъ, въ мѣстныхъ главныхъ совѣтахъ могло быть устроено и на лучшихъ началахъ. При хорошей организаціи выборовъ, могли избираться лучшіе люди страны, люди независимые и по уму, и по характеру, и по своему положенію. Такъ какъ такихъ людей требовалось бы немного, то и выборъ ихъ не былъ бы особенно затруднителенъ. Если бы даже большинство ихъ и предавалось обычной нашей апатіи въ общественнымъ дѣламъ, то изъ среди ихъ могли время отъ времени выдаваться личности, которыя вполне сознавали бы свое назначеніе и выполняли его съ энергіею и достоинствомъ. Появленіе такихъ личностей въ кругу зависимаго чиновничества, участіе ихъ въ дѣлахъ и вліяніе ихъ приносило бы несомнѣнную пользу. Во всякомъ случаѣ, участіе выборныхъ и въ извѣстной степени независимыхъ лицъ въ высшемъ управленіи страной служило бы обезпеченіемъ противъ произвола, и—что еще важнѣе, и что приносило бы положительную пользу—участіе людей, близко знакомыхъ съ страной и тѣсно связанныхъ съ ней своими интересами, могло помогать высшей администраціи въ знакомствѣ съ положеніемъ и нуждами края, особенно въ экономическомъ отношеніи. По всему этому нельзя

не показѣть, что Сперанскій не воспользовался мыслью Ководавлева, если это зависѣло отъ него, а не отъ обстоятельствъ.

Изъ матеріаловъ видно, что проектъ Ководавлева былъ извѣстенъ Сперанскому, что доказывается письменнымъ отвѣтомъ на записку его. «Въ теоріи я совершенно встрѣтился съ вашими мыслями,—писалъ Сперанскій,—на *практику* не знаю, но употреблю всѣ усилія согласить ихъ». Но, вѣроятно, въ это время убѣжденія Сперанскаго вообще не особенно клонились къ выборному началу. Изъ его управленія въ Сибири видно, что онъ подавилъ и уничтожилъ его даже тамъ, гдѣ оно существовало прежде, какъ въ городской и земской полиціи. «Сибирскимъ обывателямъ выборы нерѣдко *обременительны*», писалъ онъ въ сибирскомъ положеніи. Подавленіе выборнаго начала было тѣмъ гибельнѣе, что общество лишалось постѣдней силы и средства защиты. Одинъ изъ Иркутскихъ старожиловъ, Н. П. Булатовъ, говоритъ, что «купечество до Трескина было такъ сильно, что пять или шесть губернаторовъ сряду были смѣнены по ихъ жалобамъ». Послѣ террора Пестеля и реформы Сперанскаго, городскія общества навсегда потеряли свою силу и самостоятельность. Мѣры его были совершенно противоположны въ это время мыслямъ Ководавлева о значеніи выборнаго начала въ городахъ.

Въ своемъ проектѣ, какъ видимъ, Сперанскій не рѣшился ввести въ совѣты даже другихъ должностныхъ лицъ, кромѣ занимающихъ уже извѣстныя должности на мѣстѣ. Совѣтъ предполагалось составить изъ губернатора и предсѣдателей губернскихъ мѣстъ. Эти недостатки самъ Сперанскій сознавалъ и дѣлалъ такіа объясненія въ своемъ отчетѣ. «*Правильнѣе* было бы составить такой совѣтъ изъ лицъ, мѣстному управленію постороннихъ. Но, *во-первыхъ*, составить его изъ дворянства или купечества невозможно потому, что тамъ, въ Сибири, нѣтъ дворянства и весьма мало купечества; *во-вторыхъ*, составить совѣтъ изъ чиновниковъ постороннихъ было бы противно экономіи въ людяхъ.— Впрочемъ, когда Сибирь болѣе будетъ имѣть населенія, когда богатства ея придутъ въ болѣе движенье и доходы умножатся, тогда можно будетъ составить совѣтъ главнаго ея управленія изъ людей *высшаго сословія*, сіе не сдѣлаетъ существенной перемѣны въ предполагаемомъ нынѣ учрежденіи». Однако, мѣры, предложенныя Сперанскимъ, столь были ничтожны и неудовлетворительны, что «сибирскій комитетъ» призналъ нужнымъ составить совѣтъ главнаго управленія, хотя отчасти, изъ особыхъ чиновниковъ, неподчиненныхъ генералъ-губернатору. Такое поведение Сперанскаго въ Сибири, неоправдавшее ожиданій, невольно возбуждаетъ удивле-

ніе изслѣдователей, припоминая прежнюю роль Сперанскаго, какъ реформатора, а потому стараются объяснить ее только исключительностью его положенія.

Матеріалы указываютъ, что положеніе Сперанскаго въ Сибири дѣйствительно не было силовымъ и увѣреннымъ. Изъ писемъ къ Кочубею видно, что во время отъѣзда Трескина онъ даже опасается, чтобы тотъ не вернулся въ Сибирь, снова оправдавшись. Точно также онъ знаетъ, что Пестель въ Петербургѣ имѣлъ связи у Аракчеева. Враги не оставляли Сперанскаго и въ Сибири, какъ видно изъ той же переписки. Въ Петербургѣ интриговали и старались увѣрить, что онъ даже «безбожникъ, не вѣруетъ во Христа» и т. п., хотя Сперанскій былъ релігіознѣ враговъ своихъ. Въ одно время нападаетъ на него отчаяніе и рѣшимость выйти въ отставку и ѣхать умирать въ Пензу. Такое положеніе для реформатора не особенно было выгодно, особенно при его стремленіи во что бы то ни стало добиться приѣзда въ Петербургъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ многія изъ его мѣръ показывали, что и самый образъ мыслей его колебался. «И самъ онъ былъ уже далеко не тотъ, какъ прежде, — пишетъ г. Вагинъ: — удары судьбы сильно его измѣнили. Тотъ же свѣтлый государственный умъ, та же неутомимая дѣятельность, но онъ уже увязъ до ласкательства даже предъ Аракчеевымъ. Въ немъ зародилось сомнѣніе на счетъ прежнихъ кабинетныхъ *предначертаній*, а про прежнюю свою дѣятельность онъ думалъ, что, не зная Россіи, онъ надѣлалъ тьму глупостей. Кромѣ того, его мнѣнія были, вѣроятно, уступками господствовавшимъ тогда въ Петербургѣ понятіямъ. Не должно забывать, что вообще въ Россіи, во время пребыванія Сперанскаго въ Сибири, начиналась и впослѣдствіи развилась до крайнихъ размѣровъ эпоха реакціи и застоя... Но, кромѣ внѣшнихъ обстоятельствъ, матеріалы доказываютъ нынѣ, что Сперанскій держался въ это время и другихъ мнѣній; это видно изъ его переписки съ Кочубеемъ, съ взглядомъ котораго онъ началъ сходиться, несмотря на то, что они прежде рѣзко расходились. Наконецъ, изъ его записки: «Нужды и желанія», гдѣ онъ опредѣленно выразилъ мнѣніе противъ возможности представительства въ Россіи, видно, какъ вруто онъ переизмѣнился въ это время». Все это можетъ заставить подумать, что его прежніе взгляды или даже не были столь различны отъ позднѣйшихъ, чтобы не допускать перехода, или недостаточно были стойки и являлись дѣйствительно увлеченіемъ, которое не имѣло глубокихъ основъ и быстро испарилось при первомъ практическомъ столкновеніи, тогда какъ другіе взгляды, пріобрѣтенныя давней практикой, остались.

Стремленія Сперанскаго въ эту эпоху ограничивались, какъ видно, устраненіемъ произвола и взяточничества въ администраціи, что онъ думалъ сдѣлать, замѣнивъ дѣятельность администраторовъ въ строгія формы и правила, ограничивъ ихъ законами и взаимнымъ контролемъ. Онъ налагалъ, что «точно опредѣленные правила для чиновниковъ поставятъ оплотъ отъ злоупотребленій и неразумія». Проведеніе строгого коллегіальнаго и канцелярскаго порядка составляло постоянный предметъ его дѣятельности. Принимая во вниманіе, что такой порядокъ въ свое время составлялъ замѣну старо-приказнаго произвола и произвольности, мы должны признать, что стремленія Сперанскаго были до извѣстной степени прогрессивны. Въ головѣ Сперанскаго выработывался новый административно-бюрократическій типъ безкорыстнаго чиновника. Введеніе законности въ Сибирь, вмѣсто прежняго произвола, ставится ему въ заслугу. По словамъ г. Вагина, «Сперанскій не былъ бюрократъ, понимая подъ этимъ словомъ наивно одно только безполезное многописаніе, а стремился къ простотѣ и удобности обрядовъ» (т.-е. сокращенію переписки). Сперанскій, конечно, не былъ приверженцемъ писанія ради писанія: онъ былъ проводникомъ извѣстной системы, и отрицать систему, проводимую имъ, едва ли слѣдуетъ, изъ опасенія лишить его единственной заслуги, т.-е. утвержденія порядка, который онъ считалъ лучшимъ.

Достигло ли, однако, учрежденіе Сперанскаго всѣхъ цѣлей, къ которымъ онъ стремился? Установленіе Сперанскаго существовало около 50-ти лѣтъ, и послѣ него этотъ опытъ далъ достаточные результаты въ Сибирь, чтобы судить о немъ. Придуманное Сперанскимъ совѣты далеко не оправдали своего назначенія: они не нашли никакой самостоятельности и не были ни гарантіей отъ злоупотребленій, ни ограничивали власть отдѣльных начальниковъ. Совѣты явились вполнѣ имъ подчиненными и были только «инструментами для генералъ-губернаторской власти», какъ выразился одинъ изъ критиковъ вѣднѣйшаго сибирскаго управленія, Дм. Завалишинъ, въ письмахъ о Сибири, въ «Московск. Вѣд.», 1865 и 1866 г. Генералъ-губернаторская власть, по прежнему усиливаясь и сосредоточивая въ себѣ всѣ части управленія, по-прежнему воротилась къ прежнему вилеройству, къ прежней регламентаціи, а губернаторская власть или была безсильна противъ злоупотребленій, или относилась равнодушно къ нимъ. Такимъ образомъ, планъ Сперанскаго въ главныхъ чертахъ совершенно оказался практически несостоятельнымъ, онъ имѣлъ слабые гарантіи, а потому и началъ разрушаться при его преемни-

кахъ. Правила, начертанныя Сперанскимъ, никѣмъ не исполнялись, и одинъ путешественникъ по Сибири отзывался, что уложение было утопией, дарованной испорченѣйшему въ мірѣ обществу. Послѣ Сперанскаго, Рунертъ, управлявшій Камчаткой, выразился, что онъ такъ связанъ, что можетъ зла сдѣлать сколько угодно, а добра нисколько (Sibirien, Kottrell. Dresden und Leipzig, 1846 г.). Правда, вину въ бездѣятельности созданныхъ учреждений трудно сваливать на одного Сперанскаго: этому было много причинъ, а между прочимъ и кратковременность пребыванія Сперанскаго; его личное вліяніе въ Сибири не могло еще укрѣпить въ народѣ чувства законности и независимости отъ произвола. Невозможно было также, чтобы положеніе дѣлъ вдругъ измѣнилось, потому только, что Сибири даны новые законы, тогда какъ *остъ другія условія сибирской жизни остались по старому*. Большинство исполнителей вовсе было неспособно понять идеи Сперанскаго и провести ихъ въ свою дѣятельность, а тѣ, кто понималъ ихъ, искали только орудія для своихъ интересовъ. Многіе изъ преемниковъ и исполнителей плана Сперанскаго далеко не стояли на высотѣ своего призванія. По отъѣздѣ Сперанскаго явились намѣстники, которые стремились парализовать его планъ и дѣйствовать противно ему. Уже первый генералъ-губернаторъ западной Сибири Капцевичъ (протекѣ Аракчеева), съ самаго поступленія въ это званіе, сталъ ниспровергать тѣ правительственныя начала, коихъ введеніе и охраненіе составляло его обязанность. Вообще, мы не ошибемся, если скажемъ, что сибирскіе законы Сперанскаго никогда не дѣйствовали въ полной силѣ. Нѣкоторыя части ихъ даже вовсе не были приведены въ исполненіе. Такъ, напримѣръ, особые законы для суда надъ инородцами и особое сельское положеніе для суда крестьянъ даже никогда не были изданы. Степныя думы, проектируемыя для инородцевъ, должны были доставить самостоятельное управленіе, подчиненное только общимъ окружнымъ управленіямъ, на практикѣ же онѣ подчинились земскимъ судамъ и сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ волостныхъ правленій. Выѣзнительство земской полиціи въ дѣла инородцевъ, устранимое Сперанскимъ, явилось прежнее. Права хозяйственнаго самоуправленія, данныя Сперанскимъ иркутскимъ казакамъ, были нарушены на первомъ же шагѣ и въ послѣдствіи постоянно нарушались. Заселеніе ссыльными Сибири и приученіе ихъ къ осыдлости, согласно уставу о ссыльныхъ, проектированному Сперанскимъ, вовсе не удалось. Кромѣ того, начинали развиваться прежніе порядки. Послѣ Сперанскаго усилилась централизація министерствъ и парализовала власть

и самостоятельность мѣстныхъ учреждений; послѣднія же, по при-
мѣру министерствъ, стремились усилить мѣстную централизацію.
Сибирскіе генераль-губернаторы пріобрѣли прежнюю силу и не-
зависимость, чему способствовало присоединеніе различныхъ вѣ-
домствъ. Искусственная регламентація снова входитъ въ при-
вычки администраціи. Капцевичъ создавалъ военныя поселенія.
Въ западной Сибири дѣлались попытки введенія опеки государ-
ственныхъ имуществъ, отжившихъ свое время во внутреннихъ
губерніяхъ. Въ восточной Сибири цѣлыя населенія зачислялись
въ казаки, которые напоминали аракчеевскія поселенія, и снова
стали нисходить до трескинскаго строительства и вышпиваться
въ мелочи городского хозяйства и архитектурской части. Одни
украшали городъ, другіе ломали дома, третьи проектировали
увеселенія, а главныя задачи управленія ускользали. Проявля-
лись отпрыски прежняго произвола и злоупотребленій. Такимъ
образомъ даже тѣ слабыя предположенія и облегченія, къ кото-
рымъ стремился Сперанскій, не оправдались. Уже въ 1827 году
дѣйствія Капцевича вызвали сенаторскую ревизію въ западной
Сибири. Въ 1844—46 г. производилась ревизія восточной, а
въ 1851 г. опять западной Сибири. Эти двѣ ревизіи открыли
важныя безпорядки въ положеніи края. Послѣ этого нельзя не
вѣрить отзыву одного современника Сперанскаго, замѣчаетъ г.
Вагнъ, что «при немъ было какъ-будто лучше—тише нѣ-
сколько, а тамъ опять все пошло по старому». «Только по малу-
то не брали»,—прибавляетъ другой современникъ (Мат., стр. 395).
До правительства доходили одни частные случаи; болѣе общія
понятія о положеніи дѣлъ оно могло имѣть только изъ отчетовъ
или сенаторскихъ ревизій. Но отчеты составляли сами исполни-
тели, и повѣрять ихъ на мѣстѣ было невозможно. Ревизіи захва-
тывали только одинъ извѣстный періодъ времени, и по окончаніи
ихъ все могло идти по старому. Общественное мнѣніе если и
было, то не имѣло для себя выраженія. Многіе вновь вводившіеся
законы ослабили впослѣдствіи прежнія учрежденія, силившіеся
ограничить генераль-губернаторскую власть, а другихъ учреж-
деній не вводилось. Самыя существенныя, самыя полезныя ре-
формы новаго царствованія, послѣ освобожденія крестьянъ, какъ
новый судъ и земскія учрежденія и проч., еще не коснулись Си-
бири. Все это мало способствовало измѣненію къ лучшему си-
бирскаго управленія, и недостатки этого управленія столь явно
нынѣ обнаружены, что, по мнѣнію правительства, требуется
новое разсмотрѣніе болѣе удобныхъ и совмѣстныхъ съ мѣстными
условіями началъ управленія. Въ послѣднее время въ печати

вновь начали появляться мнѣнія о необходимости реформъ въ Сибири. Неудовлетворительное положеніе дѣлъ въ сибирской администраціи выражалось въ послѣднее время циркулярами генералъ-губернатора Синельникова, точно также публикуемыми распоряженіями генерала Фридерикса, указывавшаго на медленный ходъ дѣлъ и другіе безпорядки. То же обнаруживалось въ западной Сибири: тобольскій губернаторъ указывалъ недавно на наводящіеся дѣла въ судебныхъ мѣстахъ.

Настоящее положеніе администраціи характеризуется, наконецъ, слѣдующими отзывами мѣстныхъ начальниковъ губерній. Вотъ какъ отзывается начальникъ иркутской губерніи въ своемъ отчетѣ о положеніи дѣлъ: «въ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ губерніи цѣликомъ сохранилась прежняя централизація, смѣшеніе власти, неравномѣрность въ распредѣленіи труда и бѣдность его вознагражденія. Судебныя учрежденія страдаютъ скопленіемъ дѣлъ въ судахъ первой степени, такъ что дѣла лежатъ по пяти и шести лѣтъ безъ движенія; судебная дѣятельность полиціи характеризуется тѣмъ фактомъ, что изъ ста семидесяти-одного уголовного дѣла, представленнаго на утвержденіе начальника, отмѣнено въ 1872 году—100». О сельскомъ правленіи говорится слѣдующее: «въ волостныхъ правленіяхъ головы безграмотны, выправляютъ за нихъ писаря. Дѣлопроизводство въ волостныхъ правленіяхъ громадное, выпускаютъ до 20,000 нумеровъ въ годъ исходящихъ бумагъ; разнообразіе обязанностей требуетъ такой всесторонности, каковой не можетъ добиться отъ своихъ органовъ даже губернская администрація. Кромѣ того, приносятся жалобы на злоупотребленія въ инородческихъ управахъ». Все это можетъ исчезнуть, говоритъ начальникъ, когда будутъ въ Сибири учрежденія, какими пользуется и европейская Россія. Сибирскія же учрежденія отжили свое время. Относительно сибирскаго общества дѣлаются имъ слѣдующія замѣчанія: «общественныя потребности здѣсь не сознаются; нѣтъ крѣпко организованнаго общества, которое совнавало бы свою солидарность и умѣло управлять своими интересами. Недостатокъ этого обнаруживается тѣмъ, что золотопромышленники жертвуютъ сотни тысячъ на устройство театра, богадѣльни и юнкерской школы, а между тѣмъ никто ничего не пожертвовалъ на дѣло изученія причинъ энзиміоза и проч.» (Отчетъ начальн. иркут. губерніи за 1873 годъ). Точно также характеризуется положеніе дѣлъ въ томской губерніи: «главный недугъ судебныхъ и административныхъ мѣстъ въ западной Сибири заключается въ постоянной медленности и накопленіи дѣлъ,—говоритъ начальникъ

томской губерніи,—что происходитъ отъ недостатка развитыхъ дѣятелей. Мѣстныхъ учебныя заведенія, хотя и выпускаютъ каждый годъ известное число воспитанниковъ, окончившихъ курсъ, но лучшіе изъ нихъ отправляются въ университеты и уже не возвращаются сюда; кто остается — не удовлетворяетъ потребности. Ожидать пріѣзда на службу способныхъ людей изъ внутреннихъ губерній имперіи невозможно, потому что тамъ представляется нынѣ болѣе, нежели въ Сибири, обширное поприще правительственной и общественной службы при весьма хорошемъ вознагражденіи. Въ Сибири же штаты прежніе и ограниченныя: столоначальникъ губернскаго правленія получаетъ 285 рублей жалованья въ годъ; помощникъ его—215 рублей. Между тѣмъ, по нынѣшнимъ цѣнамъ, лакей уже получаетъ 10 рублей въ мѣсяцъ, итого 120 въ годъ». Волостныя правленія, по отчету, не представляютъ ничего отряднаго; волостное начальство безграмотно, фактически управляютъ ими писари изъ мѣщанъ и другихъ званій, наприм. изъ ссыльныхъ, несвязанные съ мѣстнымъ обществомъ никакими интересами, часто безправственные и заботящіеся только о собственной своей выгодѣ; отсюда растраты, причемъ писарь остается въ сторонѣ, а отвѣчаютъ волостные начальники. Устранить это можетъ единственно развитіе грамотности и выборы изъ мѣстныхъ крестьянъ,—говоритъ начальникъ края.—Административный и судебный строй остается для Сибири тотъ же со времени Сперанскаго, т.-е. съ 1822 года,—прибавляетъ онъ,—особенно судебныя учрежденія, несмотря на увеличеніе населенія и переполненіе края элементомъ ссыльныхъ; поэтому нынѣ дѣйствующія учрежденія не могутъ справиться съ громаднымъ количествомъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ. До сихъ поръ принимаемыя мѣры оказываются паліативными и все вызываетъ необходимость судебной реформы въ Сибири во всемъ составѣ (Отчетъ начальника томской губерніи за 1873 годъ). Подобные же отзывы мы находимъ о другихъ областяхъ Сибири. Наконецъ, это свидѣлствуется и другими фактами: послѣднее время генераль-губернаторъ Казнаковъ застаётъ западную Сибирь далеко не въ утѣшительномъ видѣ, какъ объ этомъ писалось. Пріѣздъ его напомнилъ пріѣздъ Сперанскаго въ Сибирь, жители осыпали его прошеніями и жалобами. Во время его ревизіи обнаружены многія злоупотребленія и недостатки. Не вдаваясь въ подробности, мы можемъ замѣтить, что настоящій моментъ во многомъ сходствуетъ съ эпохою, которую переживала Сибирь передъ пріѣздомъ Сперанскаго—также чувствуется потребность перемены и обновленія. Какъ тогдашняя Сибирь во

многомъ отставала отъ Россіи, такъ и нынѣшняя отстаетъ и не похожа на внутреннія губерніи, живущія послѣ реформъ нынѣшняго царствованія другою жизнью. Эпоха, на которую проектировались учрежденія Сперанскаго, какъ видно, оканчивается свое существованіе и отжила свое время, а съ этимъ вмѣстѣ является къ учрежденіямъ Сперанскаго болѣе независимое и критическое отношеніе.

Какъ бы мы ни объясняли обстоятельствами неудачи учрежденіе Сперанскаго, которое было и не вполнѣ введено, тѣмъ не менѣе мы приходимъ къ заключенію, что основныя цѣли его программы—контроль и гласность управленія—не были имъ достигнуты вслѣдствіе существенныхъ недостатковъ самаго учрежденія, начертаннаго имъ. И ошибка была въ принципѣ. Сперанскій слишкомъ положился на одни официальные, коллегіальныя учрежденія и не обратилъ вниманія на другія стороны общественной жизни, которыя должны были способствовать администраціи и питать самыя учрежденія. Онъ мало придавалъ значенія общественному развитію и подготовленію общества и администраціи къ той дѣятельности, которую долженъ былъ всегда имѣть законодатель въ будущемъ. Въ этомъ случаѣ нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ г. Вагина: «Но жизнь народа зависитъ не отъ однихъ учрежденій административныхъ. Она развивается подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ условій. Эти условія иногда гармонируютъ между собою, иногда противодѣйствуютъ одно другому. Отъ взаимодѣйствія или противодѣйствія ихъ зависитъ болѣшая или меньшая быстрота народнаго развитія, то или другое направленіе народной жизни; но ни въ какомъ случаѣ народная жизнь не можетъ зависѣть исключительно отъ одного изъ этихъ условій. Учрежденіе страны именно только одно изъ условій народной жизни,—правда, одно изъ важнѣйшихъ, но во всякомъ случаѣ не единственное. Невозможно приписывать однимъ только учрежденіямъ успѣхъ или упадокъ народной жизни; можно только показать мѣсто, какое они имѣли въ кругу другихъ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ условій. Степень вліянія однихъ и тѣхъ же учрежденій на народную жизнь можетъ быть совершенно различна; здѣсь многое,—если не все,—зависитъ отъ обстоятельствъ». По этому поводу авторъ указаннаго сочиненія о Сперанскомъ старается обратить вниманіе на тѣ элементы, изъ которыхъ слагалась сибирская жизнь и общее ея теченіе подъ вліяніемъ различныхъ условій. Сибирь никогда не знала крѣпостного права; но, къ сожалѣнію, вліяніе и привычки крѣпостного права отразились и въ Сибири, — она

выразились въ самовластїи и опежѣ, переносимыхъ изъ Россіи рабскими дѣтелями. «Права и бытъ людей, — говоритъ г. Вагинъ, — подѣ влияніемъ такихъ дѣтелей измѣнились далеко не къ лучшему, и нерѣдко появлялось между ними то царство террора, къ которому были способны только начальники, воспитанные въ духѣ Аракчеевскихъ поселеній или бывшихъ кадетскихъ корпусовъ». Къ числу важныхъ, задерживавшихъ развитіе общества, условій, кромѣ того, авторъ относитъ отсутствіе и недостатокъ на мѣстѣ образованія. Народное образованіе шло здѣсь чрезвычайно медленно. Сельскія училища, такъ сильно поддержанныя Сперанскимъ, были болѣею частью закрыты при его преемникѣ. Въ западной Сибири только послѣ 50-хъ годовъ сдѣланы попытки къ учрежденію этихъ училищъ. Кромѣ двухъ гимназій, существовавшихъ при Сперанскомъ, только въ концѣ 30-хъ годовъ была открыта третья гимназія въ Томскѣ, и затѣмъ въ 1869 г. въ Красноярскѣ. Число училищъ осталось то же, какое было при Сперанскомъ!

При Сперанскомъ была мысль о высшей школѣ въ Сибири, мысль объ университетѣ въ Сибири существовала еще съ 1803 года, но не была рѣшительно ни поддержана, ни настойчиво проведена. Вообще, въ мѣстной администраціи этотъ вопросъ долго игнорировался, хотя потребность просвѣщенія все болѣе росла. А между тѣмъ населеніе всегда сильно ощущало и при всякомъ случаѣ выказывало потребность въ образованіи. Оно отдавало своихъ дѣтей учить всякому, кто только хотъ сколько-нибудь былъ способенъ къ этому, не исключая и смѣльныхъ. Желаніе поступить въ университетъ было замѣтно изъ того, что нѣкоторые изъ сибиряковъ идутъ безъ всякихъ средствъ пѣшкомъ въ Казань, Москву и Петербургъ. Число средне-учебныхъ заведеній между тѣмъ было долго очень невелико, они страдали болѣе или менѣе серьезными недостатками. Это, по необходимости, задерживало стремленіе сибиряковъ къ высшему образованію. Можно судить, какъ бы оно было велико при другихъ, болѣе благоприятныхъ условіяхъ; можно также представить, какую огромную пользу принесло бы здѣсь обѣщанное еще съ 1825 г. высшее учебное заведеніе, и что оно потеряло оттого, что мысль объ этомъ заведеніи въ теченіи пятидесяти лѣтъ оставалась однимъ только проектомъ... Отсутствіе высшаго учебнаго заведенія въ Сибири лишало администрацію возможности пріобрѣсти на мѣстѣ свой контингентъ образованныхъ людей. Сперанскій писалъ, что учрежденія безъ людей тщетны, и что законы не могутъ исполняться безъ исполнителей. Недостатокъ людей онъ считалъ величайшимъ препят-

ствіемъ къ осуществленію наилучшихъ даже узаконеній, Сибирь же должна была довольствоваться только пріѣзжими образованными людьми. Самъ Сперанскій думалъ не столько о юридическомъ образованіи для мѣстныхъ дѣателей, сколько о преимуществахъ для привлеченія чиновниковъ; такъ—онъ проектировалъ раздачу земель за выслугу, которая не повела ни къ чему и благоразумно была отмѣнена правительствомъ. Въ первое время Сперанскій замѣчалъ уже съ горечью, что въ Сибирь ѣдутъ только «титulaire совѣтники», т.-е. люди невѣжественные, которые вслѣдствіе указа, изданнаго объ университетскихъ экзаменахъ, не имѣютъ никакой надежды служить въ Россіи. Впослѣдствіи также вводились различныя привлеченія на службу въ Сибирь, какъ—двойные прогоны и половина годового жалованья, но контингентъ чиновниковъ не былъ удовлетворительнѣе. «Большинство всегда увлекали въ Сибирь слухи, что Сибирь золотое дно,—говорить г. Вагинъ,— что въ ней можно нажитья службой лучше и скорѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ торговлей. Всѣ эти господа не имѣли ничего общаго съ Сибирью; имъ были чужды ея нужды и интересы; они не имѣли ни малѣйшаго понятія о положеніи и учрежденіи края, которому намѣревались посвятить свою дѣятельность, ни желанія принести этою дѣятельностью дѣйствительную пользу краю. Они заботились исключительно о своихъ личныхъ дѣлахъ, а эти дѣла нерѣдко стояли въ разрѣзъ съ пользами края. Эти люди могли быть полезны только случайно, только тогда, если это было согласно съ личными ихъ выгодами; притомъ, у нихъ не всегда доставало и умѣнья на что-нибудь полезное. Такими-то лицами долгое время наполнялась нившая администрація Сибиріи». Однимъ словомъ, въ Сибиріи выразилось рѣзко явленіе, извѣстное въ наше время подъ именемъ *ташкентства*, и носившее свое мѣстное названіе. Явившіеся на службу образованные люди точно также не могли дать прочнаго развитія обществу, такъ какъ они пріѣзжали на время и далеко не сливались съ обществомъ, не составляли ничего съ нимъ единого. Въ силу этого недостатка людей, самые лучшіе администраторы оставались одиночными и безсильными въ борьбѣ съ сибирскими безпорядками. Въ такомъ положеніи находились графъ Муравьевъ-Амурскій, Деспотъ-Зеновичъ и мн. др., пробовавшіе искоренять мѣстныя злоупотребленія. Мѣстные начальники жалуются на постоянный недостатокъ людей и на то, что истинно образованныхъ лицъ сюда привлечь трудно. При недостаткѣ образованнаго самаго общества грубо; оно не имѣло у себя никакой интеллигенціи, не могло создать ни ученыхъ, ни человеколюбивыхъ,

ни литературныхъ учреждений, ни сколько-нибудь смягчить своихъ нравовъ. При общемъ невѣжествѣ не могло выработаться ни здраваго общественнаго мнѣнія, ни чувства собственного достоинства. То, что въ другихъ мѣстахъ ограничивало произволъ или самовластіе, здѣсь потакала ему. Самый составъ общества въ отдаленной Сибири, состоящій изъ торговаго класса, подчиненныхъ чиновниковъ, обѣданныхъ мѣщанъ, безмолвныхъ крестьянъ и дикихъ инородцевъ, не имѣлъ никакого самостоятельнаго значенія и не могъ противопоставить никакого отпора произволу. Дмитрій Заваляшинъ, въ «Письмахъ о Сибири» выражается, что магическое слово—острогъ—могло наложить въ Сибири всегда печать молчанія на мѣстнаго обывателя. Правдиваго слова поэтому не раздавалось, а общество искало заднихъ путей, что способствовало какъ развитію злоупотребленій, такъ и пониженію нравовъ. Подобострастіе, грубая лесть невѣжественнаго общества, была всегда къ услугамъ самаго маленькаго начальника въ Сибири и баловала его самого, если онъ только не былъ достаточно отъ нея гарантированъ собственнымъ достоинствомъ. Обѣды, торжества и оваціи начальству, какъ пишетъ одинъ туристъ, вошли здѣсь въ пріятную обязанность. Эта лесть деморализировала обѣ стороны. Сибирскихъ начальниковъ увѣряли, что остяки, напримѣръ, желаютъ поставить монументъ въ честь ихъ и собрали на это пожертвованія, или что иркутскіе бурята назначили стипендіи въ иркутскомъ благородномъ институтѣ дѣвицъ и т. п., между тѣмъ какъ подобныя обольщенія давали поводъ къ новымъ поборамъ. При невѣжествѣ, при заботости жителей, Сибирь оставалась страшной безгласности. Если въ Россіи съ реформами развивались новыя требованія жизни, гласность, общественное мнѣніе, мѣшавшее злоупотребленіямъ; если русское общество освѣжилось при помощи многочисленныхъ университетовъ, то въ Сибири ничего этого не было, и она жила, полная до-реформенныхъ нравовъ.

Ко всему этому надо присоединить крайне не-нормальныя условія экономической жизни въ Сибири, точно также дававшія особое направленіе жизни. Разныя монополіи, откупа, золотопромышленность развивали частныя злоупотребленія. Золотопромышленность приобрѣла вскорѣ преобладающее вліяніе на весь экономическій бытъ. Въѣстъ съ ней развилась спекуляція, разращеніе нравовъ, подкупы. Благодаря ей, съ одной стороны формировалось могучее сословіе монополистовъ, съ другой — эксплуатанція населенія. Въ общемъ своимъ вліяніемъ привлекая капиталы, она значительно сдерживала развитіе въ Сибири нѣкоторыхъ наиболѣе свойственныхъ ей отраслей промышленности.

Въ странѣ не развивалось долго прочной заводской промышленности, за то какъ въ странѣ, стоявшей на низкой степени культуры, пользующейся привозной мануфактурой въ кредитъ— въ ней распространилась громадная зависимость крестьянъ и инородцевъ отъ торговца и кулака и всё злоупотребленія долгового закабаленія, въ которыя поставлены цѣлыя области, въ родѣ Березовскаго, Туруханскаго края, Забайкалья и другихъ мѣстъ.

Особенно было печально положеніе инородцевъ, обреченныхъ на притѣсненія, бѣдствія и, наконецъ, вымираніе. Инородческій бытъ представляетъ самую мрачную картину мѣстной жизни, и борьба администраціи противъ угнетенія инородца до послѣднего времени была бессильна.

Подобныя условія, задерживая развитіе края, отвлекаютъ жизнь общества въ другую сторону, покрываютъ страну злоупотребленіями и ставятъ затрудненія для администраціи. Общество здѣшнее требовало, поэтому, особенныхъ заботъ объ его воспитаніи, пробужденіи въ немъ законности, нравственныхъ чувствъ, солидарности и общественной дѣятельности въ помощь администраціи. А этого и не могли дать учрежденія Сперанскаго,—напротивъ, они сами постоянно парализовались общественною жизнью. Чтобы пробудить общество къ жизни и призвать его къ дѣятельности, необходимы были другія средства, о которыхъ не думалъ Сперанскій и мысль о которыхъ, можетъ быть, не созрѣла въ сознаніи тогдашняго общества. Только въ послѣднее время высказывается, что Сибири необходимы университетъ, земство, гласный судъ, просвѣщеніе, развитіе литературы и науки, открытіе путей гласности и созданіе здраваго общественнаго мнѣнія, могущихъ двигнуть жизнь общества на новую дорогу.

Выборное начало, чтó считалъ необходимымъ министръ Ковалевъ, и имѣлъ въ виду для будущаго Сперанскій, всего легче можетъ быть нынѣ выполнено при посредствѣ земства. Тамъ, гдѣ администрація, какъ убѣждаетъ трехсотлѣтній опытъ, употребляетъ тщетныя усилія къ искорененію злоупотребленій, естественнѣе всего обратиться къ самоуправленію и дать большій просторъ ему, создавъ изъ него самый дѣйствительный контроль.

Что касается установленія вообще новыхъ взглядовъ Сперанскимъ на страну, то мы видимъ, по крайней мѣрѣ въ первое время,—они не отличались ничѣмъ особеннымъ; взгляды его во многомъ сходились даже со старинными воззрѣніями на Сибирь. Въ первое время онъ смотрѣлъ на нее, какъ «на мѣсто, пригодное только для ссылки, но не какъ на мѣсто для жизни и

гражданственности, основанной на хлѣбонашествѣ и промышлен-ности». «Сибирь—просто Сибирь», писалъ онъ къ дочери.

Впослѣдствіи, болѣе ознакомившись съ краемъ и особенно объѣхавъ югъ Сибири, онъ нѣсколько разубѣдился. Въ это время о югѣ томской губерніи онъ писалъ Гурьеву, какъ о «краѣ—благословеннѣйшемъ не только въ Сибири, но и въ цѣлой Россіи. Природа его назначила къ сильному и богатому населенію,—говорить онъ,—металлы составляютъ только часть и, можно сказать, не самую важную часть внутренняго его достоинства. Всѣ почти роды хозяйства, и въ самомъ ббльшемъ размѣрѣ, могутъ быть въ немъ устроены». Впослѣдствіи, точно также онъ пере-мѣнилъ и другое мнѣніе, а именно, что Сибирь населена исклю-чительно ссыльными. Наконецъ, онъ выражалъ мнѣніе, что «Си-бирь достойна и по всѣмъ отношеніямъ требуетъ государствен-ныхъ соображеній», и говорилъ, что онъ открылъ Сибирь какъ Ермакъ для Россіи; конечно, онъ разумѣлъ подъ этимъ то, что онъ установилъ своимъ управленіемъ на нее гражданскую точку зрѣнія, но ознакомиться вполнѣ съ нуждами края онъ, конечно, не могъ. Къ сожалѣнію, лучшіе взгляды и воззрѣнія Сперанскаго не получили популярности и не прошли въ общество, за то другіе взгляды долго продолжали еще жить. Сибирь оставалась и послѣ него по-прежнему — «просто Сибирью». Въ сороковыхъ годахъ думали даже, что Сибирь не можетъ приносить никакой выгоды Россіи, что все пространство отъ Алтая до Ледовитаго океана осуж-дено природой оставаться ледяной пустыней и не имѣть никакого, ни промышленнаго, ни гражданскаго значенія. Мнѣнія эти, ко-нечно, были въ высшей степени странны относительно мѣстности въ 240,000 кв. миль, съ разнообразнымъ климатомъ и неисчи-слимыми, нетронутыми богатствами.

Многія нужды и потребности края при Сперанскомъ еще не были выяснены. Такъ, Сибирь остается штрафной колоніей. Благо-даря штрафному назначенію, гражданственность сибирскихъ обла-стей надолго задерживалась; точно также онѣ не могли воспользо-ваться многими правами, доступными другимъ областямъ Россіи: для ссыльныхъ, конечно, не полагалось реформъ. Только нынѣ, по мѣрѣ развитія гражданственности и съ выясненіемъ болѣе промышленнаго, экономическаго и политическаго значенія этого края, устанавливаются на него болѣе благоприятныя воззрѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и жизнь края выдвигаетъ цѣлый рядъ мѣст-ныхъ вопросовъ о значеніи ссылки, о свободной колонизаціи, о соединеніи края съ Европой желѣзными путями, вопросъ инород-чeskій, промышленный, вопросъ о развитіи силъ края и про-

бужденія общественной жизни и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ придается все болѣе государственное значеніе. Въ дѣлѣ культуры цивилизаціи и торговли въ Азіи ему угазывается уже теперь видная роль въ будущемъ, точно также какъ широкое и богато развитіе въ условіяхъ его гражданской жизни.

Нечего говорить, что многое не могло быть предугадано вѣремена Сперанскаго. Нынѣшній законодатель и реформаторъ можетъ стоять уже на другой точкѣ зрѣнія: то, что при Сперанскомъ могло быть главнымъ, то можетъ считаться побочнымъ и наоборотъ.

Безъ сомнѣнія, реформа Сперанскаго имѣла свое мѣсто. Это былъ все-таки толчокъ жизни, онъ подвинулъ Сибирь отъ безправія XVII и XVIII-го ст., въ которомъ она жила, къ XIX-му вѣку; только благодаря Сперанскому, Сибирь стала на общій уровень русской жизни и могла выдвинуть послѣдующія свои задачи. Но онъ не въ силахъ былъ сдѣлать одного, почему и сама реформа осталась внѣшнею и не вполне достигшею своей цѣли: онъ не могъ вдохнуть жизнь въ общество и привлечь къ участи его собственныя силы. Выгода нашего времени состоитъ прежде всего въ томъ, что мы знаемъ настоящую причину неудачи реформы Сперанскаго.

Н. Ядринцевъ.

ВЪ ГЕРЦЕГОВИНѢ

ОТГОЛОСКИ СЕРБСКИХЪ ПѢСЕНЪ I. КОЛАРЯ.

Переводъ съ чешскаго.

I.

Далеко, въ землѣ Герцеговинской,
Гдѣ истокъ Требинщицы студеной,
Видѣнь холмъ, отлогій, низкій,—Чаба.
На холмѣ растеть высокій яворъ,
Красота и гордость цѣлой рощи.
Яворъ тотъ и полюбила Вила,
Избрала его своимъ жилищемъ;
Въ густотѣ его отъ всѣхъ скрывалась,
Какъ пѣвецъ весенній сладкозвучный.
Вдаль вокругъ съ него смотрѣла Вила,
Соловьемъ веселье воспѣвала,
А печаль—унылою кукушкой.
Пѣснь ея лилась неудержимо
Отъ зари разсвѣта до заката.
Къ ней на холмъ слетались отовсюду
Соколы и сизыя голубки,
И рядомъ подъ яворомъ садились,
Чтобы пѣснь чудесной Вилы слушать,
Отъ зари разсвѣта до заката.
И юнакъ пришелъ на тотъ пригорокъ;
Также сѣлъ подъ яворъ чудной Вилы,—
И юнакъ на взглядъ, что соколъ сизый.

На груди его три раны были,
 Словно три сіяющія розы—
 Ихъ нанесъ ему проклятый турокъ—
 И еще ужаснѣйшія раны
 Онъ носилъ на молодецкомъ сердцѣ.
 Этихъ ранъ ничѣмъ ужъ не залечишь,
 Этихъ ранъ во вѣкъ не позабудешь.
 Жизнь онъ подтачиваютъ тихо,
 Какъ семья червей—дубовый корень.
 Та семья съ тобой не разстанется,
 Отъ нея нигдѣ не схорониться!
 Не заснуть тѣ проклятіе черви,
 Не заснуть—все подъѣдаютъ сердце,
 И ничѣмъ, ничѣмъ не усыпишь ихъ!
 Первый червь, снѣдающій юнака—
 Турокъ злой, похитившій невѣсту;
 А второй, грызущій то же сердце—
 Турокъ злой, убившій побратима;
 Третій червь, подъѣвшій въ корень сердце—
 Турокъ злой, отнявшій честь, свободу
 У его народа на Коссовѣ....
 И глядеть на эти раны Вила
 На груди и въ оскорбленномъ сердцѣ,—
 Стало жаль юнака чудной Вилѣ,
 И она, какъ бѣдная кукушка,
 Для него запѣла пѣсню горя;
 А потомъ, какъ соловей залѣтний,
 Для него запѣла пѣсню славы—
 Звуки тѣхъ чудесныхъ, сладкихъ пѣсень,
 Чтѣ бальзамъ для истомленной груди:
 Звуки ихъ, какъ волшебство какое,
 Вмигъ даютъ затишье боли сердца.
 Задремалъ юнакъ подъ пѣсни Вилы,
 Сладко спитъ и сонъ роскошный видитъ:
 Будто онъ отмститъ за дѣву сердца,
 Будто онъ отыщетъ побратима,
 Будто вновь народъ придетъ къ свободѣ,
 Возвратитъ ее въ побѣдномъ боѣ.
 И юнакъ утѣшенный проснулся.
 Быстро всталъ, глядеть на яворъ вверху,
 Надъ собой пѣвунью Вилу видитъ:
 На вѣтвяхъ сидитъ пѣвунья Вила,

Зелень ихъ ее полускрываетъ.
 Взоръ людской для Вилы непривыченъ—
 Въ тотъ же мигъ зардѣлись щѣки Вилы,
 Въ тотъ же мигъ она отъ взора скрылась,
 И юнакъ напрасно ищетъ взоромъ
 Красоту—свою пѣвунью Вилу;
 Съ рѣчью къ ней стремится ненапрасно:
 «Ахъ, моя божественная Вила!
 «Ты, вѣдь ты, мнѣ испѣлила язы;
 «Вѣдь подъ твой напѣвъ чудесный, райскій,
 «Я заснулъ подъ яворомъ зеленымъ,
 «Видѣлъ сонъ о золотой свободѣ!
 «Дай же мнѣ одну изъ этихъ вѣтовъ—
 «Съ нихъ ко мнѣ неслись твои напѣвы.
 «Научи меня чудеснымъ пѣснямъ,
 «Чтобы могъ я ими тѣшить братьевъ,
 «Мой народъ, воюющій за волю!»
 И юнакъ себѣ отрѣзалъ вѣтку,
 Изъ нея устроилъ чудо-гусли:
 Дивный звукъ тѣ гусли издавали.
 И когда, подъ звуки этихъ гуслей,
 Затянулъ, запѣлъ онъ только пѣсню,—
 Чудеса!—При полномъ блескѣ утра,
 Взоръ его одѣлся мрачной ночью,
 Отъ него свѣтило дня сокрылось:
 Вдругъ ослѣпъ юнакъ, не видитъ больше .
 Ничего, лишь слышитъ голосъ Вилы:
 «Ты просилъ, мой сынъ любезный, дара
 «Чудныхъ словъ и сладкихъ райскихъ звуковъ,
 «Чтобъ смягчить страданья боли сердца,
 «Утѣшать своихъ несчастныхъ братьевъ,
 «Прославлять дѣла славянъ собратій—
 «Вотъ тебѣ желаемыя гусли....
 «Но за то, что ты рукою смѣлой
 «Срѣзалъ вѣтвь такъ дерзко, самовольно—
 «Будешь ты всегда слѣпцомъ отнынѣ
 «Пѣсни пѣть подъ звуки чудныхъ гуслей!...
 Лишь замолокъ пѣвучій голосъ Вилы,
 Раздались тотчасъ же звуки гуслей,
 И слѣпецъ запѣлъ подъ гусли пѣсню.
 Въ гусляхъ тѣхъ звучать напѣвы Вилы,
 Будто въ нихъ живетъ она незримо,

Говорить чрезъ струны чудныхъ гуслей:
 Соловьемъ она поетъ про славу,
 Про печаль кукушкой кукуетъ.
 А слѣпецъ не можетъ наигратъся,
 И поетъ—не напоестья вволю:
 Такъ ему отъ звуковъ чудныхъ гуслей
 На дунѣ легко, свѣтло, отрадно.
 Онъ идетъ чрезъ горы и чрезъ доли,
 И вездѣ поетъ подъ звуки гуслей,
 Всѣ въ нему стремятся отовсюду:
 То летать соволики-юнаки,
 То летать голубушки-дѣвицы,
 И вокругъ слѣпца они садятся.
 Слушать звонъ его волшебныхъ гуслей,
 Слушать пѣснь—дары чудесной Вилы!
 Слава вамъ, родныя наши гусли!
 Благо тѣмъ, кто слушаетъ васъ ухомъ,
 Рай для тѣхъ, кто слушаетъ васъ сердцемъ!
 Звуки струнъ и пѣснь подъ эти звуки—
 Чтѣ балзамъ для истомленной груди,
 Словно пѣснь у дѣтской колыбели
 Сводитъ сонъ на бѣднаго ребенка
 И во снѣ ему даруетъ небо.
 Слава вамъ! повсюду струны ваши
 Будятъ жизнь и звуки въ струнахъ сердца.
 Благо тѣмъ, кому звучите сладко,
 Слава тѣмъ, кому звучите славно,
 Кто себѣ подъ громкій звонъ гуслярный
 Заслужилъ торжественную пѣсню,
 По себѣ оставилъ въ пѣснѣ память.

II.

Далеко у Коньскаго Погорья
 Разлеглась широкая долина;
 А на ней цвѣтетъ росеишнымъ цвѣтомъ
 Никому невѣдомая роза.
 Розу ту никто садить не думаетъ,
 Розу ту не поливалъ садовникъ,
 А цвѣлетъ она и ароматомъ
 Цѣлый долъ свѣжить и наполняетъ—

Родила ее земля сырая,
Родила при ясномъ лунномъ свѣтѣ,
Въ ночь тайкомъ, когда въ борьбѣ неравной,
Быль убитъ врагомъ заклятымъ туркомъ
Славянинъ, и кровью полилъ поле...
Зналъ-пахалъ себѣ Стефанъ Радмиличъ,
Зналъ-пахалъ наслѣдственную землю;
Той земли еще своимъ копытомъ
Не топталъ турецкій конь отъ вѣка,
Какъ пришелъ вооруженный турокъ
И спросилъ за эту землю подать—
Да! харачъ съ земли свободной сербской.
Не хотѣлъ платить Стефанъ Радмиличъ;
Турокъ сталъ грозить ему оружіемъ,
А Стефанъ права свои словами
Только могъ отстаивать предъ туркомъ
(Славянинъ Радмиличъ былъ: не могъ онъ
При себѣ имѣть оружія!). Турокъ
Прервалъ рѣчь Радмилича, нацѣливъ
Пистолетъ на грудь его—и выстрѣлъ
Положилъ несчастнаго на мѣстѣ.
Убѣжалъ трусливый турокъ съ поля...
Бѣдный трупъ остался безъ призранья,
Только кровь сочилась изъ раны,
Какъ слеза изъ ока горемыки—
Кровь текла, покуда не застыла.
Эту кровь земля въ себя впивала,
Та земля свободная, родная—
Напилась она сыновней крови,
Напилась она хозяйской крови.
Наступилъ затѣмъ и сумракъ ночи
И укрылъ несчастный трупъ Стефана,
Чтобъ его не увидали волки,
Чтобъ его не разорвали турки.
Вотъ, луна блеснула надъ равниной,
Какъ свѣча надъ гробомъ славянина,
Вотъ и мать Стефанова явилась,
При лунѣ убитаго признала,
И, признавъ, какъ бѣдная кукушка,
По своему усопшемъ причитала:
«Горе мнѣ, бевсчастной, одинокой:
«Однаго мнѣ сына дало небо,

• Да и тотъ убить проклятымъ туркомъ!
 • Ахъ, зачѣмъ еще я не имѣю
 • Семерыхъ сыновъ для мести турку?!
 • Я теперь совсѣмъ осиротѣла;
 • Я одна стою, какъ въ полѣ яблонь,
 • Безъ плода, украденнаго воромъ,
 • Безъ листа, оборваннаго вѣтромъ.
 • Я одна, какъ яблонь въ чистомъ полѣ
 • Безъ плодовъ и листьевъ: на вершинѣ
 • Лишь сидитъ ужасный черный воронъ.
 • Воронъ тотъ—моя печаль и горе;
 • Воронъ—мысль о сынѣ ненаглядномъ.
 • Но придетъ весна—проснется яблонь,
 • Расцвѣтетъ и дастъ во время плодъ свой,
 • А ужъ мнѣ не расцвѣсти—не видѣть
 • Моего единственнаго сына!
 • Ахъ, Стефанъ, дитя мое родное!
 • И зачѣмъ ты у меня родился?
 • Для чего тебя я воспитала?
 • Для чего надѣялась, что будешь
 • Для меня защитникомъ, опорой,
 • Будешь жить на радость мнѣ, на славу,
 • И падешь, какъ добрый христіанинъ,
 • На бою за милую отчизну,
 • На борьбу за крестъ и за свободу?!
 • Горе мнѣ, повинutoй, несчастной!
 • Ты погибъ не на бою, съ оружіемъ—
 • Ты погибъ безъ почести, безъ славы:
 • Ты убить измѣннически туркомъ!
 • Ты меня на старости повинулъ
 • Сиротой, въ тоскѣ безсловной, въ горѣ.
 • По тебѣ пришлось мнѣ только плакать,
 • Надъ твоей безвременной могилой
 • Куковать унылою кукушкой>....
 Вопль своей свекрови слышитъ Мара,
 Льетъ ручьи горячихъ слезъ, кукуетъ
 Вмѣстѣ съ ней, унылою кукушкой:
 • Горе мнѣ! Гдѣ ты, супругъ мой милый?
 • Что нейдешь домой? Твоя старушка
 • Ждетъ тебя съ женой твоей молодой,
 • Съ молодой женой, теперь вдовицей.
 • Что нейдешь домой, супругъ безцѣнный?

«Что тебя, мой милый, прогнѣвило?
 «Развѣ мать-старушка разсердила—
 «Поперекъ тебѣ сказала слово,
 «Подала тебѣ совѣтъ доучный?
 «Развѣ въ чемъ невольно провинилась
 «Предъ тобой твоя хозяйка, Мара?
 «Я тебя такъ горячо любила,
 «Что любить сильнѣе невозможно.
 «Воротись домой скорѣе, милый,
 «И утѣшь старушку-мать и Мару,
 «Обоими и поцѣлуй покрѣпче.
 «Ты нейдешь, не слышишь бѣдной Мары:
 «Далеко ты отошелъ, безцѣнный,
 «Не сказалъ ты мнѣ на разставаньи:
 — «Ухожу, простимся, дорогая!»
 «Не сказалъ—куда идти намѣренъ,
 «И къ кому уходишь: къ побратиму,
 «Или въ храмъ обители далекой;
 «Не сказалъ, когда домой вернешься,
 «Чтобъ тебя ждала молодка Мара,
 «Чтобъ къ тебѣ навстрѣчу побѣжала,
 «Обняла тебя рукою бѣлой,
 «Довела, счастливая, до дому.
 «Далеко зашелъ ты, ненаглядный!
 «По себѣ вдовой меня покинулъ,—
 «Ждать тебя напрасно, безнадежно,
 «Горевать и плавать безутѣшно.
 «Только годъ мы прожили съ тобою,
 «Мало мы натѣпились любовью,
 «А ужъ ты оставилъ домъ навѣки;
 «Ты ушелъ и больше не вернешься;
 «Унеслось съ тобой навѣки счастье,
 «Унеслось—и больше не вернется;
 «Унеслось, какъ соловей залѣтний,
 «Что пѣвалъ весною на калинѣ.
 «И теперь калина одиноко
 «У ручья стоитъ, склонивши вѣтви,
 «И живетъ однимъ воспоминаньемъ.
 «Но весной соловушка вернется,
 «Зацвѣтетъ по-прежнему калина:
 «А ужъ мнѣ Стефана не увидѣть,
 «Не вернуть умчавшагося счастья!

«Навсегда угасла радость въ сердцѣ,
 «Что въ лицѣ румянцомъ проступала!
 «Горе мнѣ, несчастной, горемычной,
 «Молодой женѣ, вдовицѣ сирой.
 «Въ черный цвѣтъ мнѣ суждено облечься,
 «Причитать унылою кукушкой.
 «Горе мнѣ, Стефанъ мой ненаглядный!
 «У меня дитя родится скоро,
 «А тебѣ не суждено, мой милый,
 «Увидать, поцѣловать ребенка.
 «Будетъ сынъ—не будешь ты играть съ нимъ,
 «И учить его родимой рѣчи;
 «И тебя не назоветъ онъ «тятей»!
 «Что скажу, какъ выростетъ сынишка,
 «Какъ войдетъ онъ въ разумъ, спросить: «Мама!
 «Гдѣ отецъ мой, мама?» Я отвѣчу:
 — «Онъ убитъ, мой милый, лютымъ туркомъ.
 «Ты отмстишь за смерть отцову, сынъ мой!»
 «Горе мнѣ, Стефанъ мой, незабвенный!
 «Кто же, кто у насъ научить сына,
 «Какъ владѣть кинжаломъ, ятаганомъ,
 «И стрѣльбѣ изъ вѣрныхъ пистолетовъ?
 «Кто его приучить вѣрно цѣлить?
 «Кто его научить изъ винтовки
 «Посылать привѣты лютымъ туркамъ,
 «Съ головы врага на полѣ битвы
 «Снять чалму и голову отрѣзать?
 «Кто же, кто—скажи—научить сына
 «Вѣчно мстить проклятымъ лютымъ туркамъ,
 «Въ бой идти за крестъ и за свободу?!.
 «Горе мнѣ, убогой, одинокой»...

Опустѣлъ, что вымеръ, домъ Стефана;
 Пусто все, невесело повсюду,
 Тяжело и грустно въ мертвомъ домѣ.
 Прежде тамъ все жило, все блестяло,
 А теперь мертво, грязно и пусто,
 Словно онъ постигнуть Божьей карой.
 Какъ свѣтлы тамъ окна были прежде,
 А теперь закрыты пеленою,
 Какъ глаза, залитые слезами.
 На дворѣ, гдѣ чистились дорожки,

Ужъ растетъ вездѣ трава-крапива.
 Опустѣлъ Стефановъ домъ, покинутъ;
 Не видать хозяйскаго присмотра,
 Словно въ немъ живой души не стало:
 Такъ онъ пустъ, такъ мраченъ и невеселъ—
 Только въ немъ и слышны причитанья
 Молодой вдовы съ больной старушкой.

Всѣ поля прошелъ сохою пахарь,
 Всюду хлѣбъ давно уже посеянъ,
 Ужъ ростокъ вездѣ дала пшеница,
 А глядишь—и колоситься стала:
 Но пуста, черна земля Стефана,
 Не прошла по ней соха, и выросъ
 У него репейникъ лишь да куколь,
 Гдѣ ступалъ ногою лютый турокъ,
 Да цвѣтетъ лишь роза полевая,
 Гдѣ Стефанъ истекъ ручьями крови.

III.

Опустѣлъ веселый домъ Стефана;
 И мертво, и грустно въ этомъ домѣ,
 Словно онъ постигнуть Божьей карой.
 Вотъ, сидитъ старушка на постели,
 Въ черномъ вся, впередъ печально смотреть,—
 Взоръ ея потухъ, ужъ вдаль не видитъ—
 Не далекъ конецъ ея страданьямъ;
 Пройденъ путь житейскій незавидный,
 Наступилъ тяжелый вечеръ жизни.
 То вздохнетъ старушка, то заплачетъ
 По своему любимомъ павшемъ сынѣ,
 О своемъ житьѣ-бытьѣ сиротскомъ.
 У одра больной свекрови Мара,
 Въ черномъ вся, стоитъ, молчитъ угрюмо,
 Словно тутъ она окаменѣла.
 Ничего не видитъ, кромѣ горя,
 Ничего не слышитъ, кромѣ плача,
 Ничего не чувствуетъ, бѣдняжка,—
 Сиротство, несчастье только чуетъ,
 И стоитъ, что камень у дороги,

Какъ скала холодная, безъ слова.
 Чтѣ бы ей хотя вѣдохнуть поглубже?
 Да нельзя: тоска сдавила сердце.
 Чтѣ бы ей хоть причитать по мужѣ?
 Да нельзя: печаль уста сомкнула.
 Чтѣ бы ей хотя заплакать громко?
 Да нельзя: не стало слезъ, изсякли.
 Поглядишь: другія жены гонять
 На поля стада свои гурьбою;
 Будутъ сыръ готовить, масло дѣлать;
 Будутъ прясть себѣ кудель зимою;
 Будутъ пѣть себѣ родныя пѣсни.
 А вдова, покинутая Мара,
 Ни о чемъ не хочетъ и подумать.
 Для кого копить ей? Нѣтъ Стефана!
 Какъ ей быть веселой въ одиночку?
 Смотрить вдаль печально, чтѣ касатка
 Безъ самца, убитаго врагами.
 Кто же ей гнѣздо опять поддержитъ,
 И гнѣздо, и все блаженство птички—
 Кто птенцовъ ея хранить возьмется?!
 Воробей прискачетъ къ ней, безстыжій,
 Изъ гнѣзда несчастную погонитъ,
 Внизъ столкнетъ птенцовъ неоперенныхъ,
 Сядетъ самъ на гнѣздышко чужое.
 Такъ живутъ старушка-мать и Мара,
 И живутъ, пока еще живется:
 Утромъ плачь, а въ полдень только горе,
 И печаль глубокая подъ вечеръ,
 Ночью страхъ, боязнь турецкой злобы.
 Вотъ, когда узнали всѣ сосѣди,
 И родня, и кумовья Стефана
 О бѣдѣ, семью его постигшей,
 Собрались, пришли къ старушкѣ, къ Марѣ:
 Кто пришелъ изъ состраданья только,
 Кто пришелъ по кумовству святому,
 Кто пришелъ по родственному чувству—
 Утѣшать они пришли бѣдняжекъ,
 Развлекать старушку и молодку.
 Кто принесъ гостинецъ имъ на помощь,
 Кто принесъ словечко утѣшенья,
 Кто принесъ сочувственное сердце.

Говорять, разспрашиваютъ гости:
Что и какъ? Здорова ли старушка?
Какъ и что подѣлываетъ Мара?
Какое живетъ имъ обѣимъ?
Мертвый домъ немного оживился,
Грустно въ немъ, а все не такъ, какъ прежде.
Отдохнетъ подавленное сердце,
Если есть ему предъ вѣмъ поплакать,
Словно съ плечъ спустить частичку груза,
А другой частичкѣ легче будетъ
Разойтись-разлиться въ тихомъ плачѣ.
Такъ стоитъ, нависши грозно, туча
Надъ инымъ, покойнымъ съ виду, краемъ,
И грозитъ бѣдой живущей твари,
Загнѣтитъ она потомъ, заблещетъ,
А затѣмъ дождемъ польется тихимъ;
Тихій дождь польется, словно слезы,
А потомъ блеснетъ на небѣ солнце,
Оживетъ вся тварь и вострепещетъ.

Вотъ прошелъ, день за день, цѣлый мѣсяцъ,
Какъ нашли убитаго Стефана:
У вдовы горюющей родился
Мальчуганъ на горе и на радость.
Какъ ужъ, какъ, обрадовалась Мара,
Что Господь послалъ ей утѣшенье,
Къ ней пришли родные и сосѣди,
На зубокъ ей принесли подарки,
Принесли полезные совѣты.
Мертвый домъ опять немножко ожилъ,
Въ немъ опять надежда проглянула,
Въ немъ опять о будущемъ мечтали.
Ожилъ домъ опустошенный, мертвый,
Лишь взглянулъ на свѣтъ малютка-мальчикъ,
Будто вновь, по грозной, бурной ночи,
Вдругъ взошло и засіяло солнце.
Человѣкъ несчастье забываетъ,
Лишь блеснетъ хоть слабая надежда:
И вдова, подавленная горемъ,
Увидавъ въ своемъ сынишкѣ отрасль
И черты возлюбленнаго мужа,
Хоть на мигъ забыла все несчастье,

Всю бѣду великую забыла;
 Въ первый разъ съ отрадою вздохнула,
 Залилась уже слезами счастья.
 И сама старушка, мать Стефана,
 Увидавъ въ своемъ внученѣй отрасль
 И черты возлюбленнаго сына,
 Залилась слезами счастья съ горемъ.
 Словно вдругъ она помолодѣла:
 Ей пришло на память, какъ родился
 У нея Стефанъ, какое счастье
 Принесло семьѣ его рожденіе.
 Ожила старушка съ милымъ внучкомъ.
 Какъ онѣ съ снохою причитали,
 Переживъ недавно столько горя,
 Такъ теперь заливали обѣ:
 Горе ихъ надеждой замѣнилось
 Съ той поры, какъ Богъ имъ далъ малютку.
 Есть теперь о комъ, о чемъ подумать,
 Для кого трудиться и работать,
 Есть кому отдать любовь святую,
 А любовь родимой безпредѣльна:
 Велика, что кругъ земной, безграничный,
 Высока, что небо голубое,
 Глубока, что море. Вытекаетъ
 Та любовь у матери изъ сердца,
 Словно ключъ изъ родника живого:
 Къ роднику бѣгутъ напиться дѣти—
 Не одни лишь добрые—и злые—
 Пьютъ они цѣлительную влагу;
 Утоливъ мучительную жажду,
 Вновь бѣгутъ отъ матери: иные
 Унесутъ хоть благодарность въ сердцѣ,
 У другихъ—безчувственное сердце,
 А порой бываютъ и такіе,
 Что въ ручей, который наполни ихъ,
 Норовятъ еще насыпать сору.
 Но струи тотчасъ же соръ уносятъ,
 И ручей опять, какъ стекло, прозраченъ;
 Дѣти вновь приходятъ освѣжиться—
 А родникъ любви неисчерпаемъ.
 И вдова любила въ крошеѣ-сынѣ
 Своего погибшаго супруга,

Воспитать надѣялась въ малютѣхъ
 Месть за смерть отца его, Стефана.
 Какъ же ей не нѣжить было сына?
 Онъ, вѣдь, былъ одной надеждой рода.
 Какъ у пчелъ работники лелѣять—
 Дорожать своей единой маткой,
 Какъ ее питаютъ сладкимъ медомъ,
 Видя въ ней одной поддержку рода:
 Такъ вдова любила крошку-сына,
 Своего безсчастнаго сиротку,
 Молокомъ его поила сладкимъ,
 Всю себя малютѣхъ посвятила.
 День и ночь надъ нимъ она сидѣла,
 Глазъ съ него, бѣдняжка, не спускала,
 Для него жила и умирала.

Словно день, у нихъ промчался мѣсяцъ;
 Чтѣ ни день, то новая имъ радость.
 Крошка росъ, а съ нимъ росла и радость,
 Съ нимъ росла надежда, упованье...
 Какъ-то разъ проснулась ночью Мара;
 Закричавъ, вскочила, побѣжала
 Къ своему ребенку; тихо спалъ онъ,
 Словно онъ во снѣ мечталъ о небѣ.
 Увидавъ, что мальчикъ въ колыбели,
 Мара вмигъ утѣшилась; склонилась,
 Затаявъ дыханье, надъ малюткой,
 Чтобъ узнать—не умеръ ли ребенокъ?
 И когда увѣрилась, что живъ онъ,
 Поцѣлуй дала ему—неслышимый.
 А въ окно смотрѣлъ украдкой мѣсяцъ,
 Разливалъ сіянье въ скромной хатѣ.
 Стражъ ли онъ ночной?.. или разбойникъ?
 Страшный сонъ приснился бѣдной Марѣ:
 Снилось ей, что присказали турки,
 И у ней похитили ребенка—
 Всю ея надежду, благо, счастье...
 Крошка цѣлъ: утѣшилася Мара,
 И, присѣвъ къ безцѣнной колыбели,
 Надъ своимъ малюткою запѣла:

«Спи, малютеа ненаглядный!

Бьетъ полночный часъ;

Спи покойно: турокъ жадный
 Не встревожитъ насъ.
 Мѣсяцъ свѣтитъ; пусть пригорокъ;
 Тихо все воевругъ:
 Насъ не тронетъ лютый ворогъ;
 Спи, мой милый другъ!

Объ отцѣ твоємъ несчастномъ
 Пѣсню я спою,
 Ты же спи, мой соколъ ясный!
 Баюшки-баю.

Свой загонъ подѣ блотуреу
 Твой отецъ пахалъ,
 И завистливому турку
 Дани не давалъ;

А злодѣй желалъ уплаты,
 И чтобъ кончить споръ,
 Въ безоружнаго—проклятыи!—
 Выстрѣлилъ въ упоръ,

И убилъ въ неправомъ спорѣ
 Твоего отца,
 А меня оставилъ въ горѣ—
 Въ горѣ безъ конца.

Но придетъ же время мести:
 Станешь понимать
 Чувство долга, чувство чести—
 И отмстишь за мать!¹⁾

Кончивъ пѣснь, приподнялася Мара
 И, какъ стражъ, у колыбели встала;
 А потомъ, поцѣловавъ малютку,
 Улеглась тихонько и заснула.
 Спитъ—и вдругъ какой-то шумъ раздался,
 А за нимъ ужасный трескъ, и въ двери
 Ворвались, какъ волки, злые турки,
 Вчетверомъ; всѣ турки изъ Требины—

¹⁾ Въ оригиналѣ подражаніе извѣстной „Колыбельной пѣсни“ Лермонтова.

Удальцы требинскіе, герои,
Мастера—деревни, села грабить,
Угонять стада презрѣннѣй райи.
Молодцы! для нихъ не грѣхъ, не стыдно
Въ бой вступать съ старухой безоружной
За ея несчастнаго ягненка.
Пробудилъ ужасный грохотъ Мару:
Вмигъ она была у колыбели
И дитя руками закрываетъ,
Какъ птенца въ гнѣздѣ своемъ орлица
Отъ врага крылами охраняетъ.
Но смѣшны врагамъ несчастной Мары
Вопль и стонъ ея больного сердца.
Двое вразъ схватили руки Мары,
Третій врагъ стремится къ колыбели;
И поджечь постель четвертый хочетъ:
Не могли сдержать злодѣи Мару—
И схвативъ изъ-за пояса турка
Острый ножъ, она разить злодѣя,
Что хотѣлъ схватить ея ребенка—
И какъ снопъ, свалился турокъ на полъ,
Кровь его ручьями полилася.
Какъ въ борьбѣ разсерженная львица,
Злымъ врагамъ грозитъ убійствомъ Мара,
Но они опять ее схватили,
(Хоть одинъ изъ нихъ былъ снова раненъ),
Острый ножъ изъ длани вырываютъ,
И хотятъ связать ее веревкой.
Мара имъ противится, какъ можетъ:
Одному въ лицо ударъ наносить
(О, зачѣмъ рука-то не стальная!),
Одному въ глаза вцѣпиться хочетъ
(О, зачѣмъ у ней не когти звѣря?).
Мара имъ противится, какъ можетъ,
Сторожа ребенка только взоромъ;
Страхъ за жизнь его даетъ ей силы.
Но злодѣй ногой ударилъ сильно
Въ колыбель; она перевернулась,
И дитя упало съ крикомъ на полъ,
Идохнуть, упавши, не успѣло:
Придавилъ его ногою турокъ!
Боль души и ярость бѣдной Мары

Выше словъ и всякихъ описаній!
 Лютый звѣрь предъ турками—не Мара:
 Бьетъ враговъ, царапаетъ, кусаетъ.
 Но враги скрутили снова Мару,
 Унести ее хотѣть съ собою.
 Въ той борьбѣ не на животь, а на смерть,
 Обнаживъ несчастную, срываютъ,
 Золотой блестящій крестикъ съ Мары,
 И свои безчувственные взоры
 Красотой красавицы питаютъ:
 Красота въ нихъ ярость разжигала.
 Страшенъ взглядъ несчастной, въ безпорядкѣ
 Волоса, одежда подъ ногами.
 Лютый звѣрь предъ турками—не Мара:
 Въ ихъ рукахъ желѣзныхъ бьется Мара;
 Но свое взяла лихая сила—
 И враги съ безчувственной Марой
 Понеслись домой, какъ волчья стая,
 Овладевъ добычею—овечкой.
 Въ добрый часъ! Пожаръ убогой хаты
 Свѣтитъ имъ и путь-дорогу кажетъ;
 И летятъ за ними вслѣдъ проклятыя
 У столба привязанной старухи:
 Къ небесамъ онѣ летятъ съ мольбами
 Ниспослать святую месть и кару.

IV.

Бѣдный домъ—въ развалинахъ, печаленъ—
 Словно видъ обманутой надежды.
 На стѣнахъ, бѣлѣвшихъ прежде, копоть;
 Безъ дверей, безъ оконъ и безъ кровли
 Жалкій домъ: внутри его лишь мусоръ.
 Бѣдный домъ—что черепъ на могилѣ:
 Изъ него, сквозь впадины глазныя,
 Мать-земля глядитъ на тварь живую.
 На полу, въ свѣтелкѣ Мары, балки,
 Обгорѣвъ, лежатъ на тепломъ щепкѣ,
 А внизу подъ нимъ лежитъ старушка
 И ея внученое ненаглядный.
 Видѣнъ дымъ надъ ихъ могилой теплою:

Словно тамъ живая искра тлѣетъ,
 Какъ душа, просящая возмездья,
 А порой надъ пепломъ вспыхнетъ пламень,
 Какъ языкъ, лепечущій проклятья,
 Какъ языкъ, взывающій къ отмщенью.

Боже мой! Какое разрушеніе!
 Турокъ злой унесъ не только Мару,
 Разоривъ ея печальный домикъ:
 Оторвалъ и ваялъ проклятый турокъ
 Цѣлый край земли—Герцеговину,
 И въ одномъ ярмѣ съ сестрою Босной
 Сталъ держать и гнать сестеръ несчастныхъ.
 Пять вѣковъ прошло, какъ началъ турокъ
 Тѣхъ сестеръ и мучить, и безчестить.
 О, не дай имъ, Господи, погибнуть
 Въ ихъ борьбѣ за вѣсть и за свободу.

Но востокъ темнѣетъ понемногу,
 Облачка становятся мрачнѣе
 И растутъ, и вырастаютъ въ тучу;
 И виситъ черно-сѣдая туча
 Надо всей страной Герцеговинской:
 Такъ и ждешь, что мигомъ разразится
 Поднялся ужъ братъ Герцеговинки,
 Братъ родной и побратимъ по Богу—
 Поднялся суровый черногорецъ,
 Чтобъ спасти сестру свою отъ турка,
 Отомстить врагу креста, свободы.
 Слышенъ звонъ—звонъ яворовыхъ гуслей;
 Слышенъ звонъ ихъ на полѣ Цетинскомъ;
 И слѣпецъ поетъ подъ звуки гуслей
 О своей сестрѣ—Герцеговинѣ,
 О своей сестрѣ—печальной Боснѣ;
 Онъ поетъ, какъ ихъ безчеститъ турокъ,
 Какъ онъ ихъ терзаетъ пять столѣтій;
 Онъ поетъ и о Душанѣ сильномъ,
 Онъ поетъ о Лазарѣ несчастномъ,
 Объ его сподвижникахъ, погибшихъ
 Въ роковомъ побоищѣ Коссовскомъ.
 Имъ воспѣтъ: и Марко Королевичъ,
 И герой и вождь Карагеоргій,

И юнакъ—гайдукъ извѣстный—Велько,
 И герой освободитель Милошъ,
 И святой владыка Петръ, и славный
 Даниилъ, и воевода Мирко,
 И глава юнаковъ черногорцевъ—
 Николай, и храбрый вождь Новица,
 Чтѣ убилъ Измаиль-Ченгичъ-Агу,
 И Лука Вукаловичъ... Подъ гусли
 Пѣлъ слѣпецъ о тягостной неволѣ
 (Хоть бы ей пришелъ конецъ скорѣ),
 Пѣлъ слѣпецъ о сладостной надеждѣ
 (Только-бъ ей опять не обмануться!),
 Пѣлъ слѣпецъ о золотой свободѣ
 (О, затѣмъ скорѣ не наступить!)...
 Пѣсни тѣ, подъ звуки чудныхъ гуслей,
 Будятъ жизнь въ суровыхъ черногорцахъ;
 Въ гусляхъ тѣхъ звучать напѣвы Вилы,
 Шевелятъ они сердца юнаковъ,
 Словно вѣтръ—лѣса, въ балканскихъ дебряхъ,
 Словно вихрь—валы на синемъ морѣ...
 И летитъ живое эхо пѣсенъ
 Отъ скалы къ скалѣ, повсюду будитъ
 Мощный духъ въ сердцахъ, готовыхъ къ бою—
 За сестеръ—Герцеговину съ Босной,
 За свое родимое наслѣдье,
 И за крестъ святой, и за свободу.
 Чудеса выводитъ звонъ гуслярный,
 Чудеса творятся чудной пѣснью.

И стоять дружины черногорцевъ
 На межахъ Герцеговины, Босны.
 Въ сердцѣ мечь у каждаго, подъ сердцемъ
 Ятаганъ, не знающій осѣчен.
 Словно гнѣвъ небесный, словно кара,
 Разлеглась-нависла грозно туча
 Надо всей страной Герцеговинской;
 И огонь, и громъ таится въ тучѣ:
 Такъ и ждешь, что мигомъ разразится.

М. П.—гг.

ИТАЛЬЯНСКІЕ ТИПЫ

ВЪ

ПОСЛѢДНЕМЪ РОМАНѢ УЙДА

Signa, by Ouida, in 3 vols. 1875.

Окончаніе *).

VIII.

Когда Бруно пріѣхалъ въ Прато, луна уже сіяла съ темнаго свода небесъ и оваряла старый городъ. Кое-гдѣ встрѣчались группы веселыхъ поселянъ, но Бруно было не до веселья. Онъ спрашивалъ о пропавшемъ мальчикѣ у всѣхъ встрѣчныхъ, но никто не видалъ его, или если и видалъ, то не могъ сообщить, куда скрылся Синья съ Джеммой. Наконецъ ему сказали, что ихъ, вѣроятно, увезъ извѣстный похититель дѣтей, который заставлялъ уведенныхъ имъ несчастныхъ жертвъ продавать статуэтки, или ходить по улицамъ съ шарманкою. «Если твоихъ дѣтей увелъ этотъ человекъ,—сказали Бруно,—то ты долженъ спѣшить въ Ливорно, такъ какъ въ Ливорно всего лучше скрыться отъ преслѣдованія и отплыть съ первымъ отходящимъ судномъ».

Съ тяжелымъ сердцемъ, Бруно поѣхалъ въ Ливорно; по пріѣздѣ туда, онъ началъ ходить по старымъ, пропитаннымъ

---

*) См. выше: май, 288 стр.

сильнымъ запахомъ соленой рыбы, улицамъ; куда онъ ни заглядывалъ, кого ни спрашивалъ, о дѣтяхъ не было ни слуху, ни духу. Бруно ходилъ съ отчаяніемъ въ душѣ; можетъ быть, его обманули, и онъ напрасно искалъ здѣсь Синью. Но, вдругъ, онъ услышалъ гдѣ-то вдали звуки скрипки. На свѣтѣ существуютъ сотни тысячъ скрипокъ, но Бруно въ увѣренности, что на скрипкѣ игралъ Синья, направился прямо въ тому мѣсту, откуда доносились звуки; приближаясь туда, онъ уже больше не сомнѣвался въ томъ, что напелъ Синья: мелодія, которую играли на скрипкѣ, была ему хорошо знакома; ее часто игралъ Синья, сидя вечеромъ на порогѣ хижины; Бруно бросился впередъ и увидалъ своего мальчика, окруженнаго толпою слушателей; рядомъ съ нимъ стояла Джемма съ красною лентою въ бѣловурыхъ волосахъ, кокетливо улыбаясь.

— Синья!—вскричалъ Бруно, мощною рукою расталкивая собравшуюся толпу.

Синья одно мгновеніе боролся съ собою, но чувство привязанности къ Бруно взяло верхъ, и онъ бросился въ его объятія.

— Возьми меня домой, Бруно,—вскричалъ онъ,—домой въ нашу милую Ластру; но обѣщай мнѣ напередъ, что ты не откажешь Липпо; обѣщай скорѣе!

У Бруно въ глазахъ стояли слезы; онъ молча прикоснулся губами ко лбу Синьи и сказалъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ: «обѣщаю! будь покоенъ». Потомъ онъ быстро и машинально схватился за ножъ и съ яростнымъ выраженіемъ въ лицѣ вскричалъ:

— Укажи мнѣ, гдѣ тотъ мерзавецъ, который тебя увелъ?

Но ловкій вербовщикъ дѣтей уже давно исчезъ въ толпѣ.

Бруно грубо схватилъ за руку плачущую Джемму, которая громко заявляла, что она не поѣдетъ домой, гдѣ ей приходится голодать и работать.

Бруно отдалъ Джемму на попеченіе одной женщины въ большой харчевнѣ, и вышелъ вновь вмѣстѣ съ Синьей; они направлись вдвоемъ къ морскому берегу. Синья былъ возбужденъ и смущенъ; ему казалось, что онъ уже больше не ребенокъ. Въ этотъ короткий промежутокъ времени онъ узналъ всю горечь нищенской жизни и прелесть родного уголка; кромѣ того онъ былъ разочарованъ,—Джемма плакала о томъ, что ей нужно воротиться домой и нисколько не заботилась о немъ; еще болѣе былъ онъ разочарованъ, узнавъ изъ опыта, что тутъ, за горами родины, онъ былъ не ближе къ осуществленію своихъ мечтаній, чѣмъ у себя дома.

— Сидь здѣсь, — сказалъ Бруно, пристально взглянувъ на Пиппу. Даже теперь, въ эту торжественную для Бруно минуту, если его питомца вители далеко: онъ смотрѣть вдаль, на море, перебирая машинально пальцами струны своей скрипки.

— О чемъ ты думаешь? — отрывисто и грубо спросилъ его Бруно.

Синья не зналъ что отвѣчать, онъ не умѣлъ объяснить своимъ то, о чемъ онъ думалъ.

— Вѣроятно, тебя смущаетъ бѣсъ, — сказалъ Бруно. — Лучшаго объясненія и утѣшенія онъ не могъ придумать при своемъ ранненномъ міросозерцаніи.

Бруно началъ безпокойно всматриваться въ лицо Синьи, стараясь прочесть мысли, волновавшія его душу. Наступила минута, когда для Бруно стало необходимо облегчить свою душу откровеннымъ признаніемъ своей вины противъ Пиппы, онъ сознался во всемъ передъ своимъ судьей, — Синьей. Онъ показалъ ему все, что такъ долго таилось въ его сердцѣ; онъ говорилъ просто и правдиво, не стараясь выгородить себя, или представить свой поступокъ съ лучшей стороны. Кончивъ, онъ обратился къ Синьѣ съ вопросомъ: ненавидитъ ли онъ его за то что онъ сдѣлалъ? Въмѣсто отвѣта, Синья бросился на шею къ Бруно и сказалъ: — я люблю тебя; увези меня домой!

Вскорѣ послѣ описанной сцены Бруно и Синья уже были дорогѣ домой; но они уѣхали только вдвоемъ: Джемма исчезла изъ запертой комнаты, гдѣ они ее оставили на время. Несмотря на поиски Бруно, она не отыскалась. Можно было только догадываться, что она высочила изъ высокаго окна, при помощи какой-нибудь, стоявшаго снаружи дома, и что ее увезли совсѣмъ изъ города. Синья былъ безутѣшенъ и упрекалъ себя въ томъ, что онъ способствовалъ ея побѣгу.

Когда Бруно и Синья воротились домой, уже было совсѣмъ темно. Жители Синьи и Ластры собрались кучками на улицѣ и говорили о случившемся. Вдругъ, среди нихъ, появился Бруно, и Синью за руку.

— Жители Ластры, — сказалъ онъ, — слушайте, я имѣю кое-что сообщить! — И громкимъ голосомъ, передъ всею толпою на улицѣ, Бруно разсказалъ все происшествіе съ Пиппой и о томъ, что они съ братомъ нашли Синью; онъ разсказалъ и о томъ, что грустно онъ былъ обманутъ братомъ, и окончилъ свой разсказъ слѣдующими словами:

— Скажите ему, Липпо, что только ради Синьи я рѣшился жить его въ покоѣ, иначе я раздавилъ бы его какъ гадину;

но пусть онъ помнить одно: я желаю, чтобы никогда его тѣнь не падала между мною и солнцемъ, иначе я не ручаюсь за себя.

Синья поселился у Бруно и могъ бы быть вполне счастливымъ, еслибъ его не мучила мысль о Джеммѣ. Жизнь Синья текла мирно въ обществѣ Бруно; годы шли за годами, и Синья не замѣчалъ ихъ, онъ былъ весь погруженъ въ свою музыку и все болѣе и болѣе совершенствовался въ ней; онъ исполнял свою обыкновенную полевую работу машинально и жилъ полною жизнью только тогда, когда ему удавалось добраться до смысла какого-нибудь труднаго музыкальнаго пассажа изъ старинныхъ манускриптовъ, которые ему такъ охотно отыскивалъ старшій пономарь Дини.

Для Бруно время шло еще незамѣтнѣе; онъ работалъ по-прежнему, неумолимо по цѣлымъ днямъ; его работа получила для него особенный смыслъ и стала уже не машинальною потребностью его организма, но была освящена его любовью къ ней. у Бруно была теперь цѣль, къ которой онъ стремился со всею страстностью своей натуры. Рядомъ съ владѣніемъ его патрона, проходила небольшая полоса необработанной земли; на ней росли нѣсколько оливковыхъ деревьевъ. Бруно уже давно смотрѣлъ на этотъ клочокъ земли съ завистью и, наконецъ, рѣшился приобрести его; однако онъ хранилъ это намѣреніе въ тайнѣ отъ всѣхъ; каждое первое число мѣсяца онъ возилъ въ городъ пачку засаживающихъ ассигнацій, заработанныхъ тяжелымъ трудомъ, и каждый разъ возвращался домой съ облегченною душою. Земля скоро превратилась въ цвѣтущее поле, хотя Бруно обрабатывалъ его только урывками, въ свободные отъ работы часы, или въ праздничные дни; особенно охотно Бруно посылалъ Синью обрабатывать его, и часто звалъ его съ собою во время отдыха любоваться цвѣтущимъ полемъ. Это время было самое радостное въ жизни Бруно, и онъ говорилъ, что святые покровители помогаютъ ему съ тѣхъ поръ, какъ онъ открыто показавшись въ своихъ прегрѣшеніяхъ передъ народомъ; съ тѣхъ поръ, ему казалось, то онъ былъ сторицею вознагражденъ за свои тяжелые труды, забывая о томъ, какихъ непомерныхъ усилій ему стоило дойти до своего относительнаго благосостоянія; кажимъ лишеніямъ онъ подвергалъ себя, какъ строго онъ слѣдилъ за собою, чтобы не поддаваться искушеніямъ плоти; но награда за всѣ эти лишения была близка, и Бруно ждалъ ея съ лихорадочнымъ трепетомъ. Казалось, все клонилось къ тому, чтобы его задушевные помыслы увѣнчались успѣхомъ; уже нѣсколько времени Синья не игралъ на скрипкѣ, и Бруно радовался этому факту: какъ знать, думалъ

онъ, можетъ быть ему начинать надождать эта музыка! Но Бруно ошибался въ своемъ предположеніи: Синьей овладѣла жажда славы и извѣстности, бывшихъ удѣломъ великихъ композиторовъ; онъ страстно желалъ, чтобы и имъ также восхищались люди, понимающіе музыку и ея тайны! Вмѣстѣ съ тѣмъ, на него находило раздумье, достигнетъ ли онъ когда-нибудь этой славы, и подъ вліяніемъ этого сомнѣнія, онъ какъ будто-бы охладѣлъ къ самой музыкѣ, и потому просиживалъ по цѣлымъ часамъ въ апатіи, не касаясь струнъ своей скрипки, молчаливый и печальный.

IX.

Синьѣ уже минуло семнадцать лѣтъ. Въ одно воскресенье, утромъ, Бруно повелъ его на новое поле, примыкавшее къ землѣ его владѣльца. Бруно былъ взволнованъ, что съ нимъ случалось рѣдко; онъ сѣлъ рядомъ съ Синьей у ручья и съ гордостью взглянулъ кругомъ на цвѣтущее поле. Передъ уходомъ изъ дома, Синья машинально взялъ свою скрипку; онъ разсѣянно положилъ ее около себя и довольно равнодушно приготовился слушать то, что Бруно намѣревался сказать ему.

— Я долго мучился мыслями о твоёмъ будущемъ, — началъ Бруно: — ты не похожъ на другихъ юношей твоихъ лѣтъ, ты слишкомъ много мечтаешь; не думай, чтобы я тебя упрекалъ за это; нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ не стану упрекать тебя. Глядя на тебя, я часто спрашивалъ себя: что будетъ съ тобою, если я внезапно умру? И вотъ, у меня явилась мысль приобрести это поле, которое теперь разстилается передъ тобою; понимаешь ли ты, Синья: — приобрести его въ свою полную собственность! Я былъ у владѣльца его, промотавшагося лѣнтяя, и, послѣ долгихъ переговоровъ, онъ согласился уступить мнѣ землю на слѣдующихъ условіяхъ: въ теченіи десяти лѣтъ я долженъ былъ обрабатывать землю и платить ему половину дохода съ поля, по истеченіи же этого срока земля должна прямо перейти въ мои руки. Ты знаешь, Синья, сколько труда я положилъ на эту землю, и видишь теперь, какъ плодотворны были мои труды. Ты знаешь также, что я ни въ чемъ тебѣ не отказывалъ въ теченіи всего этого времени; но все-таки я могъ отложить кое-что изъ моихъ заработковъ. Теперь, посмотри, какъ все благоприятствуетъ мнѣ: владѣлецъ этой земли, которому мнѣ приходилось платить еще два года половину моего заработка, въ конецъ разорился и нуждается въ деньгахъ, чтобы

выпутаться изъ бѣды. Воспользовавшись этимъ случаемъ, я отнесъ всю мою экономію,—шестьсотъ франковъ владѣльцу земли, и просилъ его взять эти деньги и передать мнѣ навсегда право на землю. Онъ тотчасъ же согласился, и я сдѣлался законнымъ хозяиномъ земли. Понимаешь ли ты, Синья, земля теперь моя, моя собственность!

Синья спокойно улыбнулся и отвѣчалъ:

— Я радъ за тебя, Бруно.

Бруно посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ; онъ этого не ожидалъ; неужели Синья не догадывался, кому будетъ принадлежать это зеленое, цвѣтущее поле?

— Ты радъ за меня! Ну, такъ радуйся и за самого себя, Синья. Развѣ ты не понимаешь, для кого я приобрѣлъ это поле, для кого я трудился? Ты—законный ея владѣлецъ! Ты теперь не нищій!

Синья вскочилъ съ своего мѣста и обвилъ руками шею Бруно.

— Какой ты добрый,—вскричалъ онъ:—чѣмъ я тебѣ отплатю за это!

Бруно молчалъ; онъ былъ разочарованъ; въ теченіи семилѣтъ онъ почти не зналъ отдыха отъ работы, отказывалъ себѣ во всемъ, и что же? Синья чувствовалъ только благодарность за его самопожертвованіе, но не радость; онъ былъ равнодушенъ къ щедрому подарку. Не такъ Синья велъ себя, когда онъ получилъ свою скрипку,—своего старого, деревяннаго Ruisignolo!

— Послушай, Синья,—сказалъ Бруно,—тебѣ пора подумать о твоёмъ будущемъ; тебѣ уже семнадцать лѣтъ. Я часто не спалъ по цѣлымъ ночамъ, думая о томъ, что будетъ съ тобою въ случаѣ моей смерти. Теперь же я спокоенъ; здѣсь мы построимъ домикъ, ты черезъ нѣсколько лѣтъ обзаведешься семействомъ и будешь счастливъ, какъ только можетъ быть счастливъ человѣкъ на землѣ.

Синья упорно молчалъ; онъ думалъ о томъ, что на свѣтѣ есть иное счастье, а не одно только счастье наживать деньги и обзаводиться семьей. Онъ чувствовалъ, что его какъ будто-бы хотятъ приковать къ этимъ велевымъ нивамъ, и эта цѣль, которая должна была лишить его свободы, ему казалась невыносимо тяжелою. Но онъ молчалъ; преданность и самоотверженіе Бруно трогали его, и въ то же время тяготили. Бруно не понималъ, что происходило въ душѣ Синьи, но былъ оскорбленъ его молчаніемъ и непонятнымъ смущеніемъ. Какъ, неужели это единственная награда за его почти непосильные труды! Онъ привнесъ

сюда съ Синьей, преисполненный невоамутимаго душевнаго спокойствія и чистой радости, которая может испытывать лишь тотъ, кто приноситъ великую, безкорыстную жертву; въ теченіи многихъ лѣтъ онъ съ наслажденіемъ думалъ объ этой минутѣ и представлялъ себѣ, какъ будетъ счастливъ Синья. Эта мысль улаждала ему работу въ жестокия горныя бури и проливныя дожди,—и теперь, въ награду за свой щедрый даръ онъ не получилъ ничего, ничего кромѣ молчанія; но онъ все-таки сдерживалъ себя и терпѣливо ждалъ, что скажетъ Синья.

Горькое сознаніе своей неблагодарности и безсилія принудить себя радоваться вопреки своему желанію овладѣло сердцемъ Синьи; наконецъ, съ какимъ-то отчаяніемъ онъ началъ говорить и, казалось, что его влекла какая-то неудержимая сила, которой онъ уже не былъ въ состояніи болѣе противиться.

— Бруно,—вскричалъ онъ,—я тебѣ благодаренъ, отъ всей души благодаренъ, но я все-таки долженъ тебѣ сказать всю правду, и, можетъ быть, ты простишь меня: мнѣ не нужна ни земля, ни хижина, ни жена; я не хочу быть простымъ крестьяниномъ и жить всю жизнь на этой горѣ, не выдавши ничего, что дѣлается на свѣтѣ и пребывая въ невѣжествѣ; вмѣсто того, чтобъ прожить жизнь такъ, какъ ты желаешь, я скорѣе былъ бы радъ, если бы ты бросилъ меня въ этотъ потокъ. Я охотно помогаю тебѣ въ твоей работѣ, но душа моя витаетъ далеко въ то время, когда я работаю въ полѣ; если бы не ты, то я не подумалъ бы заниматься полевой работою. Я жажду чего-то другого и, ради этого желанія, я охотно отдалъ бы свою жизнь: я люблю только одно въ цѣломъ мірѣ—музыку; я хочу учиться и учиться, хочу слышать музыку и, можетъ быть, напишу что-нибудь свое; я чувствую, что я только тогда и живу и дышу, когда играю на моей скрипкѣ, и думаю, что я больше ни на что не годенъ. Въ жизни я только и желалъ бы одного,—чтобы весь свѣтъ узналъ обо мнѣ и восхищался моею музыкою; ради этого я готовъ умереть тысячу разъ.

Синья снова замолчалъ и закрылъ свое лицо руками; онъ самъ испугался своего признанія и сталъ вдругъ самъ себѣ ненавистенъ за свою неблагодарность. Какъ только онъ началъ говорить, Бруно порывисто вскочилъ съ своего мѣста и продолжалъ молча его слушать, не прерывая ни словомъ, ни движеньемъ того, что говорилъ Синья; только въ глазахъ его блеснулъ зловѣщій, мрачный огонь, такъ долго незагоравшійся въ нихъ. Онъ выслушалъ Синью до конца; потомъ схватилъ скрипку, бро-

силъ ее на земь, истоптать ногами и, казалось, хотѣлъ раздавить ее какъ гадину.

— Будь проклята эта скрипка, которая тебя околдовала; будь проклято золото, на которое ты ее купилъ, и проклятъ тотъ человѣкъ, который...

Дерево скрипки затрещало подъ его ногами; одна струна лопнула, издавая грустный, дрожащій звукъ, подобный предсмертному крику умирающаго ребенка. Синья вскочилъ съ своего мѣста; его прекрасное, почти дѣвическое лицо исказилось гнѣвомъ и ужасомъ, его нѣжныя руки были крѣпко стиснуты; на мгновеніе его глаза встрѣтились съ глазами Бруно: мрачный, злобщій огонь свѣтился въ блестящихъ глазахъ обоихъ. Наконецъ, Синья въ изнеможеніи упалъ на свое разбитое сокровище и началъ его цѣловать и плакать надъ нимъ. Бруно посмотрѣлъ на него съ презрѣніемъ и громко захохоталъ: Синья плакалъ оттого, что разбили его игрушку, и въ то же время безжалостно убивалъ любовь человѣка, готоваго идти за него въ самый адъ и отдать за него свою любящую душу!

Не говоря ни слова, Бруно повернулся и ушелъ, не оглядываясь, прочь отъ того самаго мѣста, куда онъ шелъ такъ недавно съ радостнымъ сердцемъ. Синья лежалъ на травѣ, горько плача и покрывая своимъ тѣломъ куски разбитой скрипки.

Х.

Наступила уже ночь, когда Синья возвратился домой; Бруно куда-то исчезъ; все было погружено въ мракъ и безмолвіе. Синья молча пробрался въ свою комнату и заперся тамъ на замокъ; потомъ онъ досталъ куски своей изломанной скрипки и принялся склеивать ихъ; онъ не спалъ всю ночь до утра и даже не дѣввался; онъ работалъ успѣшно, пока дѣло шло о внѣшней оболочкѣ скрипки, но струны уже не издавали прежней мелодіи: *Rusignuolo* умеръ и замолкъ навсегда! Съ разсвѣтомъ долговременная привычка взяла верхъ надъ другими ощущеніями: Синья принялся по обыкновенію за свою полевою работу, но мысли его были далеко отъ нея. На него напали какая-то нѣмота и ненависть къ человѣку, который однимъ ударомъ разрушилъ всю его юную жизнь. Всѣ удивлялись отсутствію Бруно, который въ теченіи всей своей жизни не уходилъ съ горы безъ крайней надобности и предварительныхъ сборовъ; но Синья и не помышлялъ о томъ, не случилось ли съ Бруно какого-либо несчастія;

если Бруно умеръ, думалъ онъ, то это справедливая кара небесъ: не убилъ ли онъ въ немъ самомъ все, чѣмъ онъ жилъ и наслаждался и на чтó уповать въ будущемъ? Онъ даже не желалъ возвращенія Бруно; напротивъ, онъ чувствовалъ, что никогда не проститъ Бруно его жестокости; а между тѣмъ, думалъ онъ, какъ можно питать ненависть къ человѣку, которому обязанъ жизнью. Онъ чувствовалъ себя неправымъ, онъ зналъ, что ему остается только одно средство заплатить человѣку, которому онъ былъ столькимъ обязанъ, это — повиноваться ему, даже въ ущербъ всѣмъ своимъ пламеннымъ желаніямъ и стремленіямъ; онъ зналъ, что ему нужно сдѣлать выборъ теперь же, и навсегда; онъ хорошо понималъ, что онъ не могъ бы въ одно и то же время быть и мирнымъ поселяниномъ, и великимъ артистомъ. У Синья повторилась старая, какъ міръ, борьба между физическими потребностями и духовными стремленіями въ идеалу.

Окончивъ свою работу, Синья пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ происходило недавнее объясненіе съ Бруно; тутъ умоляла навсегда его вѣрная подруга, — скрипка, пусть же тутъ, на этомъ мѣстѣ умолкнуть навсегда и его мечты и желанія; онъ съѣлъ у быстраго, горнаго ручья, и передъ нимъ развернулась картина его будущаго: онъ живо представлялъ себѣ, какъ онъ будетъ съ годами старѣть, и какъ понемногу угаснетъ въ его душѣ мелодія, которая такъ тѣсно слилась со всѣмъ его существомъ. Онъ старался изъ всѣхъ силъ простить Бруно его минутную вспышку гнѣва, но напрасно; казалось, что въ его душѣ изсякли любовь и благодарность, и остался только ледяной холодъ; совѣсть громко его упрекала за этотъ беспощадный приговоръ надъ единственнымъ человѣкомъ, который его любилъ, но было уже поздно.

Когда, вечеромъ, съ нижней долины Арно донеслись до Синья звуки Ave Maria, участь его была рѣшена: онъ самовластно распорядился своею судьбой и рѣшился жить своимъ умомъ и идти своею дорогою; какъ и гдѣ онъ будетъ жить, онъ самъ не зналъ, но онъ рѣшился уже болѣе не ѣсть хлѣбъ человѣка, который, правда, любилъ его по-своему, но ненавидѣлъ его талантъ и хотѣлъ вырвать его съ корнемъ. Было уже совсѣмъ темно, когда Синья поднялся съ своего мѣста и пошелъ домой. Домъ былъ пустъ и непригнѣивъ; собака у воротъ не лаяла и не ласкалась, ставни дома были закрыты; Синья открылъ дверь и вошелъ въ домъ. На каменныхъ плитахъ пола лежала свѣтлая полоса отъ зажженного фонаря. Когда Синья вошелъ въ комнату, къ нему неожиданно подошелъ Бруно; онъ низко наклонилъ голову передъ Синьей и сказалъ: «прости меня!» Синья бросился въ его объ-

ятія, и сознавая, что скорѣе онъ былъ виновать передъ Бруно, вскричалъ въ порывѣ благороднаго раскаянія:—«Бруно, я никогда, никогда тебя не оставлю; пусть навсегда погибнутъ всѣ мои глупыя мечты; повѣрь мнѣ, что я буду счастливъ здѣсь съ тобою, я не желаю лучшей жизни!» Бруно улыбнулся, но отъ этой улыбки вѣяло холодомъ.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ онъ уклончиво,—мы поговоримъ объ этомъ послѣ, въ другой разъ; я достаточно помучилъ тебя и напередъ долженъ поступать обдуманнѣе.

Бруно еще долго не спалъ въ эту ночь и думалъ, что всѣтаки Синья долженъ покинуть его. Это было ясно для него какъ день. Бруно не обманывалъ самого себя; онъ хорошо понималъ, что если Синья его оставитъ теперь, то этимъ рѣшится вся его будущность; со временемъ онъ, можетъ быть, придетъ взглянуть на покинутое старое гнѣздо, но чувства его и мысли не будутъ уже болѣе принадлежать тому мѣсту, гдѣ онъ выросъ. Такъ думалъ Бруно и говорилъ самому себѣ, что онъ самъ долженъ остаться здѣсь, на прежнемъ своемъ мѣстѣ, для того, чтобы изъ своей земли извлекать необходимыя средства на образованіе Сини и поддерживать старый домъ отъ разрушенія, на случай, если мечты Сини окажутся недостижимыми и пустыми.

Съ наступленіемъ зимы, Бруно жилъ уже одинъ въ своей горной хижинѣ, а Синья изучалъ теорію музыки въ Болоннѣ.

XI.

Прошли два года,—очень медленно для Бруно, и—необыкновенно быстро для Сини, который погружался все больше и больше въ свои занятія и дѣлалъ громадныя успѣхи, несмотря на то, что часто испытывалъ голодъ и другія лишения. Въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ Синья ни разу не упоминалъ о своемъ возвращеніи домой; письма его были рѣдки и коротки, но они служили болѣе утѣшеніемъ для Бруно, хотя онъ самъ не могъ ихъ читать. Старый пономарь Дини старался утѣшить Бруно, предсказывая ему, что Синья возвратится къ нему навсегда, достигнувъ славы, о которой онъ мечталъ; но Бруно не тѣшилъ себя напрасными надеждами и даже не желалъ, чтобы Синья возвратился къ нему, зная, что возвращеніе Сини домой означало бы неудачу его на его музыкальномъ поприщѣ.

Былъ сентябрь; наступило время сбора винограда; Бруно ночью стерегъ свой виноградникъ съ заряженнымъ ружьемъ; овалю

него лежала его собака; онъ думалъ объ ожидаемомъ сборѣ, но прислушивался къ каждому шороху; вдругъ собака вскочила съ своего мѣста и съ лаемъ кинулась впередъ; кто-то подходилъ все ближе и ближе; наконецъ, передъ Бруно выросла знакомая фигура, и Синья бросился къ нему на шею. Только тутъ, въ эту минуту, Бруно понялъ, какъ пламенно онъ во все это время отсутствія Синьи жаждалъ видѣть его и услышать звукъ его голоса! Почти не произнося ни слова, онъ ввелъ Синью въ хижину и при свѣтѣ фонаря оглядѣлъ его съ ногъ до головы: Синья очень выросъ, но казался утомленнымъ и грустнымъ; онъ какъ будто-бы хотѣлъ сказать: «зачѣмъ я здѣсь, я уже больше не вѣшу!» Бруно это понялъ сразу и грустно проговорилъ:

— Одно только твое тѣло возвратилось сюда, Синья...

Синья не далъ ему кончить фразу:

— Да, я возвратился; я не хотѣлъ тебѣ писать о моемъ наѣзженіи побывать у тебя; я прошелъ всю дорогу пѣшкомъ и порядочно усталъ. Чтѣ же я могу тебѣ сказать больше, Бруно? Я знаю, ты меня ждаешь давно, но я, право, не могъ пріѣхать. Поѣдь, ты для меня сдѣлалъ больше, чѣмъ я могу выразить,—ты далъ мнѣ жизнь!

Бруно былъ несказанно счастливъ; онъ говорилъ мало, но думалъ только объ одномъ: «Синья меня не забылъ; онъ всю дорогу прошелъ пѣшкомъ для того только, чтобы повидаться со мною. Ему ничего отъ меня не нужно; онъ пришелъ только изъ любви ко мнѣ». Эта мысль вознаграждала Бруно за всѣ его труды, за всѣ долгіе часы его одиночества. Бруно былъ такъ признателенъ Синьѣ за это вниманіе, какъ только могутъ быть признательны благородныя, великодушныя души, которыя расточаютъ передъ любимымъ существомъ всѣ сокровища своей любви и получаютъ взамѣнъ мимолетную ласку.

Съ восходомъ солнца, на другое утро, уже начался сборъ винограда. Синья принималъ участіе въ работѣ и въ весельѣ, какъ будто бы онъ никогда не уѣзжалъ изъ родного городка; по крайней мѣрѣ, такъ казалось Бруно, который съ гордостью слѣдилъ за граціозными движеніями Синьи и съ радостью прислушивался къ его звонкому голосу, когда онъ звалъ работниковъ съ фургонами. Бруно съ гордостью замѣчалъ, что всѣ старыя знакомые Синьи были поражены его наружностью и учтивостью. Синья безъ запинокъ отвѣчалъ добродушному патеру, который вызвалъ его на преніе о какомъ-то предметѣ на латинскомъ языкѣ; онъ могъ также объясниться по-французски съ ста-

рымъ садовникомъ—французомъ; однимъ словомъ, онъ казался необыкновеннымъ существомъ въ глазахъ всѣхъ.

Къ вечеру, толпы поселянъ собрались повеселиться послѣ дневной работы; въ числѣ другихъ деревенскихъ красавицъ пришла и Пальма; она сѣла поодаль, любуясь быстрыми движеніями танцующаго Синья. Послѣ танцевъ, въ Синья обратились съ просьбою спѣть или сыграть что-нибудь. Синья взялъ мандолину, и, послѣ нѣсколькихъ аккордовъ, запѣлъ старую, любимую имъ арію Россини: «*Tu che ascendi*»; потомъ онъ перешелъ къ другому, неизвѣстному мотиву, поражавшему своею свѣжестью и оригинальностью; эта музыка была какъ-будто знакома горнымъ жителямъ; она звучала какъ нѣчто родное. Синья запѣлъ; онъ забылъ объ окружающемъ и вознесся душою въ невѣдомую область фантазіи. Вдругъ онъ замолчалъ и съ удивленіемъ осмотрѣлся вокругъ: женщины плакали, тогда-какъ толпа мужчинъ сосредоточенно прислушивалась къ его пѣнію; когда Синья пересталъ пѣть, вся толпа бросилась къ нему съ громкимъ выраженіемъ своего восторга. Синья съ трудомъ высвободился изъ толпы и скрылся подъ тѣнью деревъ, растущихъ по дорогѣ, ведущей къ дому Бруно; онъ былъ сильно взволнованъ только-что происшедшей сценой. «Если эти простые люди такъ тронуты моею музыкою, думалъ онъ, неужели свѣтъ будетъ равнодушенъ къ ней?»

Поздно вечеромъ, когда Бруно собрался уже спать, Синья сказалъ ему взволнованнымъ голосомъ:

— Мнѣ нужно поговорить съ тобою, Бруно; можешь ли ты меня выслушать теперь же; я пришелъ къ тебѣ сюда изъ Болоньи нарочно для того, чтобы переговорить съ тобою о важномъ для меня дѣлѣ; писать объ этомъ было неудобно.

Бруно надвинулъ шляпу на глаза; лицо его приняло безотрадное выраженіе; ему казалось, что его ударили ножомъ по сердцу; къ чему же онъ увѣрялъ всѣхъ, что Синья, соскучившись объ немъ, пришелъ пѣшкомъ для того только, чтобы поглядѣться съ нимъ?

— Говори, я тебя слушаю,—сказалъ онъ.

— Эти мелодіи, которыя я только-что пѣлъ,—началъ Синья,—сочинены мною; онѣ взяты изъ моей оперы,—моего перваго и, можетъ быть, единственнаго произведенія; я назвалъ эту оперу «Актея». Я самъ знаю, что она хороша и оригинальна; нѣкоторые знатоки говорятъ, что она превосходна, что ею я составилъ себѣ имя; я неувѣренъ, такъ ли это будетъ, но знаю только, что въ нее я вложилъ всю мою душу, всѣ мои надежды, всю мою

любовь.—Теперь слушай, Бруно: для того, чтобы сдѣлать оперу извѣстной, нужно ее поставить на сцену, и притомъ на извѣстную всему свѣту сцену, иначе опера никогда не приобрететъ славы. Я тебѣ ничего не писалъ объ этомъ, Бруно, но я окончилъ свою оперу еще весною и поѣхалъ въ Миланъ, для того чтобы перетоворить тамъ съ нѣкоторыми директорами театровъ. Всѣ единогласно хвалили оперу; многіе называли ее великимъ произведеніемъ, а меня—будущимъ Моцартомъ; но ни одинъ изъ нихъ не рѣшился взять ее и поставить на сцену, несмотря на то, что я унижался передъ ними, умоляя ихъ принять ее; они говорятъ, что едва ли моя музыка понравится публикѣ, что она слишкомъ серьезна; постановка ея, по ихъ мнѣнію, будетъ стоить очень дорого. Поймешь ли ты, Бруно, въ какое отчаяніе повергъ меня ихъ отказъ; ужъ лучше бы они не хвалили моей музыки; тогда я, можетъ быть, помирился бы съ своею участію.

— Бѣдный мальчикъ, — пробормоталъ съ сожалѣніемъ Бруно. — Онъ ненавидѣлъ эту музыку, которая околдовала Синью, но не менѣе того онъ возненавидѣлъ этихъ барышниковъ, передъ которыми Синья напрасно унижался.

— Нѣтъ, Бруно, ты никогда не поймешь, что я вытерпѣлъ, — продолжалъ Синья: — какъ я надѣялся, какъ отчаявался, ждалъ и умолялъ этихъ жестокихъ людей; я едва не сошелъ съ ума, но все-таки я твердо вѣрю въ свой талантъ, и счастливъ этимъ. Если бы только я могъ цѣною моей жизни купить возможность увидать мою оперу на сценѣ!

Синья замолчалъ; его глаза горѣли неестественнымъ, страстнымъ огнемъ; онъ какъ-бы весь переродился.

— Я тебя не совсѣмъ ясно понимаю, — сказалъ удивленный Бруно; — вѣроятно, тебя ожидаетъ великая будущность, недоступная моему пониманію; но вотъ что ты мнѣ скажи: ты пришелъ сюда ко мнѣ съ какою-то просьбой о помощи, или можетъ быть о совѣтѣ; я не понимаю, что тебѣ нужно, и чѣмъ я могу тебѣ помочь, — говори скорѣе, что у тебя на умѣ; ты знаешь, я больше рожусь на то, чтобы дѣйствовать, чѣмъ тратить попустому слова.

Синья молчалъ, въ то время какъ яркая краска, то бросалась ему въ лицо, то покидала его блѣднѣвшія щени.

— Недавно, на прошлой недѣлѣ, — Бруно, не подумай, что я сошелъ окончательно съ ума, — я нашелъ одного директора, который согласился взять на себя постановку моей «Актен!» Онъ согласился даже поставить ее въ Венеціи, въ наступающій карнавалъ. Я не знаю, честный ли онъ человекъ, или нѣтъ, но я

готовъ былъ настъ въ его ногамъ, услыжавъ, что онъ вѣрить въ успѣхъ моей «Аттеи». Онъ взялся ее поставить, но такъ какъ онъ многимъ при этомъ рискуетъ, то поставилъ условіемъ для ея постановки, чтобы я внесъ ему впередъ три тысячи франковъ, т.-е. половину всѣхъ издержекъ.

— Чтобы ты внесъ три тысячи франковъ, — удивленно переспросилъ Бруно: — въ своемъ ли ты ужѣ, Синья?

Вмѣсто отвѣта, Синья бросился передъ нимъ на колѣни.

— Выслушай меня, — вскричалъ онъ, — выслушай еще одинъ послѣдній разъ; больше никогда, никогда не попрошу у тебя ничего въ жизни! Я знаю, что это жестоко съ моей стороны, но ты меня любишь и, кромѣ тебя, у меня нѣтъ никого на свѣтѣ. Ты купилъ для меня клочокъ земли и посылаешь мнѣ годикъ доходу съ нея; ты хочешь, чтобы я сдѣлался ея владѣльцемъ, когда я буду совершеннолѣтнимъ; но зачѣмъ мнѣ жить на свѣтѣ, если я не поставлю моей оперы на сцену? Умоляю тебя, избавь меня отъ этихъ адскихъ мученій, продай землю первому встрѣчному, всю, какъ она есть, съ пашнями, оливковыми деревьями, растущими на ней; она мнѣ не нужна и не мила, но мнѣ нужны деньги, во что бы то ни стало!

Синья громко зарыдалъ, стоя на колѣняхъ у ногъ Бруно; онъ самъ стыдился своей просьбы, но чувствовалъ какое-то тупое отчаяніе въ душѣ, и зналъ, что отъ этой минуты зависятъ и его будущность и слава.

Бруно долго молчалъ; наконецъ, Синья поднялъ голову и заглянулъ ему въ лицо; на немъ лежала мрачная, непроницаемая тѣнь; кругомъ царило зловѣщее молчаніе.

— Отвѣчай мнѣ, прошу тебя, ради самого Бога, — вскричалъ Синья. — Ахъ, еслибы ты только могъ понять!

Чувство безпомощнаго отчаянія овладѣло Синьей и слова замерли у него на устахъ.

Наконецъ, Бруно всталъ.

— Я подумаю объ этомъ, — сказалъ онъ глухимъ, сдержаннымъ голосомъ, — и исполню твое желаніе, если буду знать, что могу послужить тебѣ въ пользу.

Бруно вышелъ изъ комнаты, не сказавъ больше ни слова.

Хотя Бруно не далъ прямого обѣщанія продать землю, но Синья былъ увѣренъ, что его просьба будетъ исполнена; онъ не зналъ, что въ то время, когда онъ бросился передъ Бруно на колѣни, было мгновеніе, когда этотъ послѣдній былъ готовъ растоптать его подъ ногами, убить его, съ такою же ненавистью,

какъ онъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, растопталъ подъ ногами скрипку Синьи.

Синья не ошибся: черезъ двѣ недѣли послѣ описанной сцены уже было получено письмо отъ антрепренѣра, съ подробностями относительно условій постановки оперы, и еще черезъ недѣлю—земля была уже продана. Эти три недѣли были пыткой для Синьи, которыми овладѣвали то надежда, то отчаяніе. Во все это время Бруно ни разу не говорилъ съ Синьей о продажѣ земли и вообще былъ молчаливъ и сосредоточенъ. Никто не зналъ, какая буря происходила въ душѣ этого сильнаго чловека, потрясеннаго до глубины души потерей земли, которую онъ облилъ своею кровью и потомъ, работая на ней въ теченіи девяти лѣтъ, въ часы досуга, послѣ обычной его работы, и которая была куплена на гроши, накопленные въ теченіи многихъ лѣтъ лишеній и отреченія отъ всякихъ удовольствій. Земля была не велика, но для него она была дороже цѣлаго царства; онъ чувствовалъ себя богачомъ, когда его нога ступала на нее. Въ этомъ клочкѣ земли сосредоточивались его честолюбивыя мечты, его счастье и побѣда надъ собою. Но, рѣшившись продать ее, онъ ни минуты уже не колебался больше и не обвинялъ мысленно никого. Онъ чувствовалъ только, что потерялъ все, чѣмъ онъ такъ справедливо гордился; онъ былъ нищій, въ полномъ смыслѣ этого слова.

XII.

Въ Ластрѣ стояла суровая зима; тонкій слой снѣга покрывалъ высокія башни и полу-развалившіяся каменные стѣны; этотъ снѣгъ каждый день оттаивалъ подъ лучами полуденнаго солнца, но ночью опять выпадалъ свѣжій слой снѣга; виллы опустѣли: ихъ владѣльцы удалились въ свои городскіе дворцы; рѣки, казалось, были готовы выступить изъ своихъ береговъ. Жители города сильно нуждались въ хлѣбѣ и маслѣ; повсюду можно было видѣть картины страданія и лишенія; въ особенности страдали жившіе высоко на горахъ: сѣверный вѣтеръ заносилъ ихъ жилища снѣгомъ и дѣлалъ ихъ хижины совершенно недоступными. Вечеромъ, въ такую ненастную пору, нѣсколько чловековъ собралось въ небольшомъ трактирѣ Ластры. Никто изъ гостей трактира не пилъ и не ѣлъ; всѣ прислушивались къ чтенію стараго пономаря, который громкимъ, хотя дрожащимъ отъ волненія голосомъ, читалъ газету; слезы смачивали его очки и затемняли

зрѣніе. Онъ читалъ слѣдующія строки: «Авторъ оперы—юноша, почти еще мальчикъ, но ему смѣло можно предсказать блестящую будущность; его музыка напоминаетъ стиль Перголези; давно мы не были свидѣтелями такого успѣха, котораго такъ справедливо заслужилъ авторъ «Актеи». Пѣсня Актеи у гробницы Нерона не сходитъ съ устъ женщинъ сегодня; предсмертный гимнъ христіанъ расцвѣтается каждымъ гондольеромъ. Начиная отъ перваго дѣйствія до послѣдняго, вниманіе публики ни на минуту не отвлекалось отъ музыки; не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ волосальномъ успѣхѣ этого превосходнаго сочиненія. Если строго разбирать оперу, то находишь въ ней развѣ одинъ только недостатокъ: она слишкомъ возвышенна и чиста; въ ней есть и экстазъ вѣрующихъ, есть благородные порывы героев, увлеченіе, но нѣтъ страсти, нѣтъ любви; въ этой оперѣ, музыка говоритъ слишкомъ громко душѣ и совсѣмъ не касается чувствъ. Конечно, этотъ недостатокъ зависитъ отъ крайней молодости автора. Послѣ второго акта публика громко вызывала его; казалось, что весь театръ обрушится отъ гула, а между тѣмъ, автора не могли найти; наконецъ, его случайно отыскали въ темномъ корридорѣ, на полу,—онъ лишился чувствъ». Окончивъ чтеніе, Дини торжественно оглянулъ все собраніе:

— Онъ мой ученикъ,—сказалъ онъ съ гордостью:—я первый подмѣтилъ въ немъ талантъ къ музыкѣ. Вы всѣ подсмѣивались надъ нами, а вотъ, вышло же по-моему: Синья сталъ великимъ композиторомъ.

Окружающіе были ошеломлены неожиданнымъ извѣстіемъ и молчали. Наконецъ, кто-то спросилъ:

— Не писалъ ли самъ Синья что-нибудь о представленіи своей оперы?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Дини,—онъ только прислалъ этотъ нумеръ газеты и написалъ на немъ: «Разскажите обо всемъ Бруно». Бѣдный Бруно! Какъ я сообщу ему эту радостную новость раньше утра? Горная дорога вся занесена снѣгомъ, а на дворѣ такъ темно, что можно заблудиться.

— Не зайдетъ ли онъ самъ сюда; онъ ушелъ на ярмарку, и вѣроятно зайдетъ сюда на обратномъ пути.

Въ это время тяжелая, окованная желѣзомъ дверь отворилась, и на порогъ появился Бруно, закутанный въ свой тяжелый ворячневый плащъ; холодный вѣтеръ, ворвавшись въ комнату, чуть не задулъ свѣчи, горѣвшія въ комнатѣ.

— Дайте мнѣ факель,—сказалъ онъ,—мой фанаръ горитъ тускло, а на дворѣ страшная темь.

Вдругъ взглядъ Бруно упалъ на Дини, съ газетой въ рукахъ, на оживленные лица его слушателей, и разомъ понялъ въ чемъ дѣло.

— Ты получилъ отъ него нѣчто, — сказалъ онъ, окидывая старика огненнымъ взглядомъ.

— Да, я получилъ радостное, поразительное нѣчто, — отвѣчалъ онъ, но голосъ его не былъ слышенъ за шумомъ толпы, кричавшей, что Синья сталъ великимъ, гениальнымъ человекомъ, что вся Венеція безъ ума отъ него.

Бруно простоялъ нѣсколько минутъ, оглядывая всѣхъ удивленными глазами:

— Правда ли это, — спросилъ онъ, наконецъ, — или же меня только дурачатъ?

— Правда, чистѣйшая правда, — сказалъ Дини, — радуйся, Бруно, ты не напрасно продалъ землю.

Бруно молчалъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, потомъ онъ вдругъ схватилъ Дини за руку и сказалъ:

— Пойдемъ куда-нибудь подальше отъ всѣхъ; пойдемъ къ тебѣ, и тамъ ты мнѣ прочтешь все, что тутъ написано.

Бруно заставилъ Дини прочесть каждое слово нѣвѣстия, напечатаннаго въ газетѣ объ успѣхѣ Синьи; когда же чтеніе окончилось, онъ долго сидѣлъ, погруженный въ глубокое раздумье, потомъ всталъ и сказалъ Дини:

— Прошу тебя, напиши ему, что я узналъ обо всемъ и что я радуюсь за него; я ему пошлю немного денегъ, какъ только онъ у меня будетъ. Больше не знаю о чемъ писать.

Бруно укутался въ свой плащъ и отправился въ свое одиночное жилище. Онъ былъ безгранично счастливъ, но въ то же время чувствовалъ, что въ немъ умерла послѣдняя, слабая надежда, которая невольно вкрадывалась въ его сердце, съ которою онъ напрасно боролся, и которая росла въ немъ во время долгого молчанія Синьи, хотя Бруно ненавидѣлъ себя за эту искру надежды, такъ какъ осуществленіе ея было бы жестокимъ, смертельнымъ ударомъ для Синьи.

Пальма, подобно Бруно, старалась увѣрить себя, что она радуется неслыханному успѣху Синьи; но сердце не всегда поддается голосу разсудка, и Пальма поняла, что, живя въ свѣтѣ и для свѣта, Синья навсегда умеръ для нея. Если вся Италія станетъ о немъ говорить и восхищаться имъ, возможно ли, чтобы онъ вспоминалъ о ней? Она принялась за свою тяжелую работу, и слезы часто текли изъ ея глазъ на землю, которую она копала.

— Я должна быть счастлива, — говорила она сама себѣ, — его сердце истерзалось бы здѣсь; онъ изнылъ бы, какъ птица въ неволѣ.

Но все-таки Пальма чувствовала, что у нея лежалъ камень на сердцѣ, и въ душѣ у нея была не радость, но тяжелое чувство одиночества и тоски.

«Нѣтъ, — думала она, — теперь ужъ онъ погибъ для насъ навсегда, навсегда!»

Между тѣмъ, Синья былъ счастливъ, какъ только можетъ быть счастливъ человѣкъ одинъ разъ въ своей жизни. Ему казалось только, что онъ не живетъ, а находится въ состояніи сладкаго сна, убаюканный мелодіями изъ его же музыкальных фантазій. Въ минуты отрезвленія отъ сладкой дремоты, отъ похвалъ женщинъ и отъ восторженныхъ криковъ народа, онъ не удивлялся своему успѣху: онъ съ дѣтства мечталъ о томъ, чтобы стяжать славу, равную славѣ Петрарки и Палестрины. Онъ такъ свыкся съ этими мечтами, что онѣ ему казались легко осуществимыми, и онъ былъ счастливъ, какъ ребенокъ, радость котораго не оравлена ни единымъ облакомъ сомнѣнія, раскаянія или опасенія за будущее; онъ былъ такъ счастливъ, что ему не приходило даже въ голову возвратиться къ тѣмъ любящимъ существамъ, которые ждали его и томилась его отсутствіемъ, но все-таки не звали его назадъ, предоставляя ему самому вспомнить о нихъ. Иногда онъ дѣйствительно вспоминалъ о нихъ, но тогда тотчасъ говорилъ себѣ: «я слѣзжу завтра», и потомъ опять «завтра», но все-таки не уѣзжалъ.

Онъ расхвально принималъ ласковое вниманіе венеціанскихъ красавицъ и похвалы знатоковъ; онъ скрывался отъ всѣхъ, потому что обдумывалъ новую оперу. Въ головѣ у него смутно бродила исторія «Ламіи», — этой греческой красавицы, которая прославилась своею игрою на флейтѣ, и силою своего волшебнаго таланта сдѣлалась властительницею надъ своимъ надменнымъ повителемъ. Прекрасныя черты Ламіи, изображенныя на амистѣ, сохранились и до нашего времени; ихъ можно видѣть въ Луврѣ.

Синья видѣлъ свою Ламію передъ собою; онъ видѣлъ ее выходящею изъ воды, когда проходилъ по песчаному берегу Лидо; видѣлъ ея страстные, пронизательные глаза, длинное, воздушное покрывало, и звуки зарождались легко и сами собою въ его головѣ; Агтея была для него мечтою, существомъ взятимъ изъ области фантазій, но Ламія жила для него и улыбалась ему; онъ сроднился съ нею душою и почти влюбился въ нее.

«Увижу ли я ее когда-нибудь на яву», думалъ онъ, и яркая краска бросалась ему въ лицо.

XIII.

Почти цѣлый годъ прожилъ послѣ постановки «Актеи» на сценѣ, но Синья все еще не возвращался домой. Правда, онъ не забывалъ время отъ времени писать, но письма его были коротки и смыслъ ихъ былъ непонятенъ для тѣхъ, которымъ оставалось слѣдить за его высочимъ полетомъ только въ воображеніи. Онъ писалъ постоянно изъ различныхъ мѣстностей: то съ береговъ какого-нибудь озера, гдѣ онъ поселился въ палаццо мѣльжи, покровителя искусства, то изъ какой-нибудь столицы, куда онъ ѣздилъ для постановки своей оперы, то съ морского берега, куда его заманивали великосвѣтскія красавицы. Но для любящихъ его людей онъ парилъ такъ высоко, что они потеряли его изъ виду; да и къ чему имъ было напрягать свои духовныя очи и терзать свои души, — имъ данъ былъ другой удѣлъ: работать и извлекать сокровища изъ земли, а эта работа привывшаетъ взоры не къ небу, а къ землѣ. Въ августѣ ихъ постигла неожиданная радость: къ нимъ пріѣхалъ Синья! Онъ пріѣхалъ такимъ же мечтателемъ, какъ и прежде: свѣтъ не испортилъ его, побѣды не вскружили ему голову, похвалы не сдѣлали его честолюбцемъ; онъ не потерялъ вѣру въ себя, не потерялъ свѣжестъ и молодость души. Однако, Бруно, гордясь и восхищаясь имъ, не былъ спокоенъ. «Теперь онъ счастливъ, — думалъ онъ, — но что-то будетъ, когда въ немъ вспыхнетъ любовь?» Сердце Бруно сжималось при этой мысли, потому что онъ зналъ, что для Синьи рано или поздно настанетъ минута, когда только отъ одного взгляда женщины будетъ зависеть вся его будущность. Онъ былъ не похожъ на другихъ и такъ чистъ душою. Эта мысль, подлившая яду въ счастливыя минуты, проведенныя Бруно въ сообществѣ Синьи, который не торопился уѣхать отъ него, но наслаждался прелестью деревенской жизни, родилась у Бруно внезапно по поводу одной картины, которую Синья видѣлъ въ картинной галлерей во Флоренціи и которая привела его въ восторгъ. Синья, бродя по этой картинной галлерей, случайно вошелъ въ небольшой отдѣльный кабинетъ, въ которомъ висѣла картина, освѣщенная сверху и окруженная пунцовой драпировкой; на темномъ фонѣ картины была изображена фигура танцующей женщины, — больше ничего. Лицо этой женщины было

необыкновенно прекрасно; тѣло ея, едва прикритое однимъ только ярко-пунцовымъ шарфомъ съ золотыми полосами, буквально ослѣпляло зрителя своею пластичностью; оно, казалось, дышало жизнью и страстною нѣгою. Ноги танцовщицы, по древне-греческому образцу, не касались земли, и вся ея фигура какъ-бы парила въ воздухѣ; руки были закинута кверху, голова слегка наклонена на бокъ. Авторъ картины съ самоуниженностью называлъ эту прекрасную женщину «Сестрою семи танцовщицъ изъ Геркуланума». Синья не могъ оторвать глазъ отъ этой картины, она его очаровывала и влѣбля въ тѣмъ, когда онъ смотрѣлъ на нее, красна стыда покрывала его лицо; эта женщина ослѣбляла его своею наглостью и, влѣбля въ тѣмъ, неотразимо влекла его къ себѣ. Онъ узналъ, что нарисовавшій эту картину былъ извѣстный художникъ Истриэль, встрѣченный оригиналъ этого портрета въ Парижѣ. Истриэль! это имя казалось знакомымъ Синь, и онъ вспомнилъ объ иностранцѣ, подарившемъ ему золотыя монеты въ монастырѣ Чертова.

«Можетъ быть, безъ этихъ сорока франковъ я никогда не сдѣлался бы тѣмъ, что я теперь», думалъ Синья. Онъ рѣшился во что бы то ни стало отыскать этого человѣка, но не для того, чтобы поблагодарить его за сдѣланный имъ когда-то ему подарокъ, но для того, чтобы спросить у него, недалъ ли онъ эту танцующую женщину въ дѣйствительности, или же она только плодъ его фантазій.

Синья въ остальное время своего пребыванія у Бруно былъ расхвѣянъ и грустенъ; онъ занимался музыкою, но чистый образъ Ламинъ уже былъ изгнанъ изъ его воображенія; передъ нимъ постоянно носился образъ танцовщицы; онъ часто уходилъ изъ дому и шель смотрѣть на картину; становился передъ нею, вникалъ въ нее вѣрнее, и тѣмъ чаще онъ смотрѣлъ на нее, тѣмъ тѣмъ ему хотѣлось вновь увидать ее, и онъ медленно, самъ того не вѣдая, утолялъ свою душевную жажду отравой, которая лилась изъ волшебныхъ глазъ танцовщицы.

Бруно прощался на этотъ разъ съ Синьей съ болѣе пылкимъ сердцемъ, чѣмъ когда-либо. Онъ увидалъ эту картину, о которой ему говорилъ Синья, и возненавидѣлъ ее такъ же сильно, какъ онъ нѣкогда ненавидѣлъ «Roisignuolo»; для него «сестра семи танцовщицъ изъ Геркуланума» была живымъ существомъ, борющимся съ нимъ за любовь Синьи; эта красавица постоянно являлась такъ же и передъ нимъ, какъ и передъ Синьей; ея образъ преслѣдовалъ Бруно и не давалъ ему покоя.

XIV.

Воздухъ на Комскомъ озерѣ былъ удушливъ, какъ будто-бы передъ грозой; ночь была темна и ароматна; все небо блестяло звѣздами. Въ эту ночь, въ Комскомъ театрѣ шла опера Синья: «Агтея»; въ скоромъ времени должна была пойти и «Дамія», которую онъ почти окончилъ. Синья ушелъ изъ города во время представленія, нанялъ лодку, поѣхалъ вдоль озера и черезъ нѣсколько времени вышелъ на берегъ; онъ бродилъ въ задумчивости по берегу озера, который повсюду имѣетъ видъ роскошнаго сада, съ кустами дико-растущихъ розъ и жасмина; этотъ обширный садъ принимаетъ только болѣе или менѣе культивированный видъ, смотря по богатству владѣльца берега. Синья шелъ, не замѣчая самъ, что онъ уже вошелъ въ чей-то садъ... Этотъ садъ оказался садомъ виллы, на которой жила Джемма, успѣвшая со времени бѣгства сдѣлать другого рода карьеру, такъ что Синья былъ смущенъ не одною неожиданностью встрѣчи...

— Джемма,—бормоталъ онъ,—съ такимъ жеманствомъ на шеѣ! Боже мой, неужели это такъ!

Потомъ, не зная, что сказать дальнѣе, Синья внезапно проговорилъ:

— Недавно умеръ твой отецъ.

Она на минуту задумалась.

— Умеръ, но вѣдь онъ былъ не старъ.

— Нѣтъ, онъ былъ не старъ,—повторилъ Синья; потомъ онъ быстро схватилъ ее за руку.—Слушай, Джемма,—началъ онъ снова,—неужели ты потеряна для насъ навсегда? Скажи мнѣ, какъ ты провела всѣ эти годы разлуки, и что значить твой странный видъ, твой холодный взглядъ... Я не могу тебя возненавидѣть, даже и послѣ того, если ты пала такъ низко, какъ только можетъ пасть женщина. Но если ты въ самомъ дѣлѣ уже не та Джемма, то я долженъ возненавидѣть себя за то, что не уговорилъ тебя остаться дома у отца, когда мы были еще дѣтьми. Говори же скорѣе, я не буду осуждать тебя; я хочу только знать правду.

Онъ бросился передъ нею на колѣни и схватилъ ее за руки, умоляя ее открыть ему истину.

— Ты слишкомъ скоро подумаешь дурно обо мнѣ,—сказала она.—Но посмотри на меня, Синья, развѣ я не прекрасна? А что касается другихъ вопросовъ, то къ чему тебѣ знать, къ чему

разспрашивать? Развѣ для женщины не довольно уже того, что она прекрасна?

— Боже мой, Джемма! И въ этомъ весь твой отвѣтъ?

Синья былъ возмущенъ ея наглостью.

— Бѣдная Пальма, — могъ онъ только сказать: — она молится день и ночь за твою душу; но къ чему привели ея молитвы!

Джемма улыбнулась.

— Я тебѣ сказала, что ты слишкомъ скоро меня осудилъ; приходи ко мнѣ завтра, вотъ въ этотъ домъ; теперь уже скоро наступитъ утро и мнѣ еще холодно послѣ купанья; я купаюсь всегда при лунномъ свѣтѣ; только этимъ я могу сохранить надолго свою красоту; я узнала объ этомъ отъ одной негритинки. Приходи же ко мнѣ завтра. Да, я знаю, что ты не можешь не прийти!

Она бросила ему розу и быстро удалилась, скрывшись въ чащѣ деревьевъ.

— Джемма, Джемма! — вскричалъ Синья ей вслѣдъ...

Но Джемма не вернулась.

Собиравшаяся гроза, наконецъ, разразилась; въ горахъ раздавались раскаты грома; порывистый вѣтеръ смутилъ гладкую поверхность озера и проливной дождь полилъ изъ низко-сгустившихся грозовыхъ тучъ; на озерѣ поднялась сильная буря. Синья добрался домой только къ разсвѣту, болѣе мрачному, чѣмъ сумерки предыдущей ночи; онъ ни на минуту не сомкнулъ глазъ, продумавъ всю остальную ночь о встрѣчѣ съ Джеммой.

XV.

Джемма, возвратившись домой и уложенная въ свою мягкую постель, тоже не могла спать; но ее мучили другія думы, думы объ ея прошлой жизни, о которой она вспоминала съ ненавистью; эти воспоминанія теперь живо воскресли въ ея памяти. Она старалась забыть о годахъ лишенія, голода, о своемъ грязномъ и грубомъ отцѣ, обо всемъ, что она такъ охотно бросила. Но она была рада увидеть товарища своего дѣтства, Синью, хотя въ то же время она была возмущена его нескромными вопросами. Далѣе, передъ ней возставали, одна за другой, картины ея прошлой жизни. Она припомнила малѣйшія подробности своего побѣга изъ Ливорно, какъ ей удалось выпрыгнуть изъ окна съ помощью рыбака, подосланнаго авантюристомъ, который хотѣлъ закабалить въ свою службу ее и Синью. Но съ

нимъ она прожила не долго въ ладу: онъ сталъ ее бить и хотѣлъ принудить ее работать. Избитая, она выбѣжала, однажды, на улицу и собрала вокругъ себя негодующую толпу, которой показала свои синяки и раны; ея хозяинъ былъ изгнанъ изъ города, а Джемму ввѣла подъ свое покровительство одна сердобольная старушка. Вотъ, она въ Бельгін, въ старомъ, оригинальномъ городѣ Мехельнѣ, куда привезла ее ея благодѣтельница, давшая ей пріютъ въ своемъ домѣ. Старушка была бездѣтна и не бѣдна; она содержала кружевной магазинъ. Тутъ Джемма прожила нѣсколько лѣтъ, окруженная довольствомъ и ласками; она выучилась читать и писать, и вдобавокъ тиранить тѣхъ, которые ее баловали; ей не было отказа почти ни въ чемъ, но она все-таки ухитрилась украть то, чего ей не давали по какой бы то ни было причинѣ; ей все сходило съ рукъ, иногда потому, что ее трудно было уличить, и иногда ради ея прекраснаго личика. Но эта тихая жизнь ей вдругъ наскучила; она жаждала переменъ, и скоро придумала планъ побѣга изъ дома своей благодѣтельница, любившей ее какъ родную дочь и наиревнившуюся обезпечить ея будущность. Въ городъ пріѣхала труппа странствующихъ актеровъ; она познакомилась съ ними, и когда они уже собрались уѣхать дальше, Джемма рѣшилась бѣжать съ ними; она готовилась къ побѣгу обдуманно, не спѣша, какъ всегда она поступала въ жизни. Захвативъ съ собою изрядное количество самыхъ лучшихъ старинныхъ и дорогихъ кружевъ, нѣсколько золотыхъ изъ выручки магазина и свои лучшие платья, она убѣжала ночью изъ дома и присоединилась къ труппѣ актеровъ. Она была довольна своею новою жизнью; ее не обременяли никакими трудными ролями: ей достаточно было только появиться на сценѣ, чтобы произвести фуроръ. Труппа, съ которою она посѣтила многіе города Европы, направилась въ Парижъ. Она очутилась въ Парижѣ шестнадцати лѣтъ, сознавая свою красоту и съ твердымъ намѣреніемъ пробить себѣ дорогу. Она отказалась играть на сценѣ, такъ какъ ей не хотѣлось показывать свою красоту въ небольшомъ театрѣ. Она окружила себя таинственностью и показывалась только изрѣдка на бульварахъ Парижа, подъ вуалемъ изъ дорогихъ кружевъ. Тамъ ее встрѣтилъ художникъ Истриель, уже пріобрѣтшій себѣ славу и богатство. Съ тѣхъ поръ ея больше не встрѣчали на бульварахъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ; но потомъ весь Парижъ любовался ея изображеніемъ, написаннымъ на полотнѣ; картина называлась: «Невинность». Года три спустя, Истриель нарисовалъ ее въ позѣ танцующей баядерки и назвалъ: «Сестрою семи тан-

помищицъ изъ Геркуланума». Къ тому времени у него было уже много соперниковъ. Многие молодые безумцы терали изъ-за него состояние; многие жертвовали здоровьемъ или платились жизнью за сближеніе съ нею, но она ни на одну минуту не сокрушалась ни о вомъ изъ своихъ любовниковъ. Она никого никогда не любила; никто не могъ утѣшить себя, хотя бы на мгн, сладкою надеждою, что приобрѣтъ ея любовь; всѣ знали, что ея улыбки покупались только на вѣсъ золота. Она умѣла въ моментъ наслажденія жизнью соблюдать правила гнѣбности, укрѣпить свои порывы, заботиться о своей красотѣ и о своемъ обществѣ.

«Что я скажу Синьѣ,—думала она, лежа въ постелѣ,—и такое, что мнѣ утаить отъ него? Да и говорить ли ему вообще что бы то ни было? Не дать ли ему идти своею дорогою и не допускать его больше къ себѣ?

Но, встрѣтивъ его, она уже не хотѣла оттолкнуть отъ себя. Сверхъ того, онъ осмѣлился произнести надъ нею свой приговоръ, осуждать ее!

Въ полдень Джемма ждала Синью, вполне подготовившись къ встрѣчѣ. Она жила одна въ маленькой виллѣ — дворѣ надъ оверомъ; эта вилла принадлежала художнику Истрию, который уѣхалъ куда-то на сѣверъ. Джемма поставила себѣ за правило въ жизни ни съ кѣмъ не ссориться, никого не отталкивать отъ себя; иные пользовались ея вниманіемъ чаще, другіе — рѣже, но она знала, что она можетъ дѣлать съ своими поклонниками что захочетъ; это ее потѣшало.

Синья не заставила себя ждать, къ назначенному времени онъ былъ уже у ней. Когда она вышла къ нему, ее поразила его блѣдность; они молча взглянули другъ на друга и у обоихъ промелькнула мысль, что какъ ни была различна ихъ судьба, все-таки они никогда не будутъ чужды другъ другу, хотя между ними была цѣлая пропасть. Джемма протянула ему обѣ руки и сказала: «Сядишь, Синья, здѣсь, поближе ко мнѣ». Но онъ оттолкнулъ ея руки и сказалъ:

— Скажи мнѣ прежде всего, зачѣмъ ты здѣсь, въ этомъ дворцѣ, и чѣмъ ты стала?

— Зачѣмъ тебѣ это знать?

— Только для того, чтобы оставить тебя, если ты прескверная женщина. Джемма, мы были вмѣстѣ дѣтьми; я смотрю на тебя какъ на сестру: твой поворотъ убьетъ меня, но я хочу знать правду!

Лицо Джеммы покраснело краской гнѣва, но она удержала ой порывъ и сказала:

— Синья, если я въ самомъ дѣлѣ то, что ты думаешь, не ждаться ли я скорѣе въ твои же снисхожденіи и жалости, нежели въ презрѣніи?

— Ты меня не боялась, я не хочу тебя обвинять, но, пойми ны, Джемма, во всѣ эти годы нашей разлуки я мечталъ о тебѣ; я представлялъ себѣ вашу встрѣлу; я думалъ тебя найти юной, невинной и прекрасной; я хотѣлъ тебя взять дамой, въ эту милую Ласкру. Джемма, если ты честная дѣвушка, возьми въ руку, я вѣрую, что я ошибся, и на колѣняхъ буду умолять бы простить меня!

Джемма молчала, на нее напали раздумье и сомнѣнье: неужели она, при всемъ своемъ богатствѣ и блескѣ, въ самомъ дѣлѣ лишена какого-то сокровища, — чувства чистой любви, хотя и даже въ недостойному человѣку, которое утѣшаетъ и поддерживаетъ жизнь бѣдныхъ, обреченныхъ на лишения, женщинъ? Сумела, при собираніи своихъ богатствъ, она оттолкнуть то, что составляетъ единственное счастье и радость въ жизни; у нея не лежали принцы и славные міра сего, они расточали передъ нею свои богатства, она была окружена довольствомъ и счастьемъ, а этотъ юноша, этотъ безумный мечтатель, отворачивается отъ нея съ презрѣніемъ, считая ничтожествомъ и ее, и все, ее окружающее! Жгучія слезы потекли по ея щекамъ, но эти слезы не смягчили ея души, напротивъ, онѣ злили ее и ожесточали ее еще противъ Синьи: «Онъ меня презираетъ, — сказала она самой себѣ: — жороню же, пусть будетъ такъ, но я заставлю его знать блаженства только во мнѣ, какъ бы презрѣнна я ни была. Его гнѣвать! Онъ будетъ жить и дышать моими поцѣлуями и прелестью, когда я лишу своихъ ласкъ этого безумца и глупца!»

Но Синья ждалъ ея отвѣта, нужно было ему сказать что-нибудь. Онъ еще такъ юнъ, такъ неопытенъ; къ чему церемониться съ нимъ. Она ему разсказала свою жизнь, представляя ея случившееся съ ней въ другомъ свѣтѣ, выставляя себя обманутой жертвой.

Синья слушалъ ее, тяжело и прерывисто дыша, съ поблѣвшими, холодными губами. Когда она окончила свой разсказъ, онъ наклонилъ свою голову въ порывѣ грусти, отчаянія и отпущенія въ ней, хотя многое, и даже главное, было недосказано ему и многое казалось ему, такъ мало знавшему свѣтъ, незначительнымъ, несчастнымъ.

— Синья, — сказала она, — ты узнаешь теперь все; скажи мнѣ, не ненавидишь ли ты меня теперь?

Она ведроглула.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, — но я отъ души тебя сожалею.

Глаза Джеммы были опущены; иначе Синья могла бы легко видѣть въ нихъ злобнѣе, гнѣвное выраженіе.

— Такъ оставь меня, уйди отсюда!

Яркая краска разлилась по лицу Синьи.

— Хорошо, пусть будетъ такъ, — сказала онъ; — но скажи мнѣ сначала, какъ ты живешь теперь? Прежде ты была обманута, ты была неопытна, но теперь? Неужели ты продолжаешь вести позорную жизнь, съ полнымъ сознаніемъ того, что ты дѣлаешь, безъ укоровъ совѣсти? Неужели эта жизнь тебѣ нравится? Отвѣчай мнѣ, Джемма, отвѣчай скорѣе!

— Какая же другая жизнь возможна для меня теперь? Ты меня зовешь домой, но возвращеніе туда для меня невозможно, я не выдержу и одного дня въ нашемъ городѣ. То, что разъ уже отрѣзано, никогда болѣе не сросется. Да и къ чему мнѣ возвращаться домой? Кому я тамъ нужна? У тебя, Синья, есть твой талантъ, есть слава; ты скоро меня позабудешь. Бѣги же отъ меня, иди своей дорогой и дай мнѣ дожить свой вѣкъ такъ, какъ мнѣ самой нравится. Возвращайся назадъ къ своимъ горамъ, и сочиняй тамъ свои мелодіи; мнѣ же ты не можешь спасти изъ этого ада, въ который меня ввергли обстоятельства. Да и много ли времени мнѣ осталось наслаждаться жизнью? Покинни первая морщина на лицѣ женщины, и она уже болѣе не нравится попрежнему; мнѣ остается пожить только лѣтъ десять, а потомъ я начну же увядать. Такъ дай же мнѣ пожить эти десять лѣтъ; не смущай моего покоя. Уходи, ты не долженъ оставаться со мной!

Джемма откинулась назадъ на подушки кушетки, на которой она сидѣла; своими прекрасными руками она охватила свою голову, и при этомъ движеніи ея руки обнажились до плечъ. При всемъ своемъ кажущемся отчаяніи Джемма внимательно слѣдила за Синьей, своими полузакрытыми глазами, и сдержаннымъ улыбкою перебрѣдала по ея лицу.

Синья былъ возмущенъ ея циническою откровенностью и бездушіемъ; ему казалось, что ничѣмъ немалымъ было пробудить въ ней голосъ совѣсти или раскаянія. Она сказала ему, что онъ долженъ уйти, и если бы онъ былъ старше, опытнѣе или менѣе великодушенъ, то онъ, въ самомъ дѣлѣ, оставилъ бы ее въ эту минуту, но Синья былъ ослѣпленъ ея красотою, хотя и возму-

никъ ея поворомъ. Онъ вдругъ почувствовалъ, что на свѣтъ ему больше ничего не нужно, какъ только добиться ея любви, очистить ея отъ грѣха, которою она была покрыта, возвысить ея, вырвать ея изъ среды, куда она печально попала, разбудить ея совѣсть и спасти ея душу изъ ада; ради этой цѣли Синья готовъ былъ отдать свою молодую жизнь. Въ этотъ мигъ, пока Синья волновали эти мысли, его искусство и дарованія погибли разомъ, безвозвратно, какъ будто-бы они никогда не существовали.

Джемма смотрѣла на Синью, лежа въ прежней позѣ; она читала все, чтѣ происходило въ его дунѣ.

— Уйди,—продолжала она,—зачѣмъ ты медлишь здѣсь? У тебя есть твоя музыка, ты скоро утѣшишься. Уйди, говорю тебѣ!

— Я не могу тебя оставить, Джемма; неужели въ тебѣ нѣтъ ни капли совѣсти, нѣтъ сожалѣннй о себѣ; неужели ты спокойно некоришься своей участи. Боже мой, гдѣ найти мнѣ словъ, чтобы убѣдить тебя бросить твою поворную жизнь! Неужели я могу тебѣ позволить испить до конца эту отраву и потомъ умереть на улицѣ, подобно презрѣнной собакѣ, которую каждый прохожій бьетъ и осыпаетъ ругательствами! Ты говоришь мнѣ: возвратиться домой; но какъ я вернусь туда, оставивъ тебя здѣсь? Родныя горы стали бы укорять меня въ этомъ, камни возопили бы противъ твоего повора! Я не знаю, чтѣ мнѣ сказать; какъ мнѣ уговорить тебя уѣхать отсюда со мною? Тамъ ты начнешь новую жизнь; никто не узнаетъ о твоёмъ прошломъ. Ты будешь моею сестрою; иначе я тебя любить не могу: мужчины не могутъ любить такихъ женщинъ, какъ ты; но ты мнѣ дорога, какъ родная сестра; я не могу цѣловать твои губы, потому что ты продаешь свои поцѣлуи на вѣсъ золота; я не могу вѣять твою руку, потому что ты осквернила ея; я не могу ѣсть твой хлѣбъ, за который ты продала свою честь; но я буду работать для тебя, чтобы ты ни въ чемъ не нуждалась; ты знаешь, я не привыкъ въ роскоши и могу жить на очень небольшія деньги. Я не нуждаюсь въ любви женщинъ,—я буду любить только свою музыку. Такъ какъ ты теперь потеряна для меня навсегда, какъ будто-бы ты умерла, то я влянусь тебѣ, что ни одна женщина на свѣтѣ не будетъ для меня тѣмъ, чѣмъ ты, моя бѣдная Джемма, могла бы быть! Послѣ Бога и моей музыки, ты дороже всѣхъ для меня на свѣгѣ, даже и теперь, когда я узналъ, какъ глубоко ты пала. Джемма, если ты отречешься отъ твоей теперешней жизни и пойдешь со мною домой, влянусь тебѣ—посвятить тебѣ всю мою жизнь. Никто никогда не разлучитъ меня съ тобою. Джемма, Джемма, воротись домой!

Джемма прислушивалась къ великодушнымъ, безправднымъ словамъ восторженнаго юноши и удивлялась имъ; эти слова зли ее какъ раскаленное желѣзо; въ невинности своей души, Силья наносилъ ей смертельную обиду, потому что, въ сущности, онъ отказывался отъ нея и отталкивалъ ее отъ себя со всюю нѣжностью и безкорыстностью своей натуры, говоря о ней какъ о потерянной женщинѣ, которую нужно было спасти отъ позора. Джемма была уже не въ силахъ болѣе сдерживать себя, она быстро вскочила съ своего мѣста, хотѣла сказать ему, чтобъ онъ уходилъ сейчасъ же, и не возвращался къ ней никогда болѣе, но вмѣсто этого, она подошла къ окну, закрытому зелеными ставнями отъ палящихъ лучей полуденнаго солнца; она быстро раздвинула ставни и съ жадностью впитала свѣжій воздухъ; золотые лучи южнаго солнца окружили ее какъ-бы ослѣпительнымъ покрываломъ, превращая ея блондурные волосы въ блестящія пряди, вытканныя изъ червоннаго золота; беззащитные лучи солнца освѣтили всю ея прелестную фигуру, сквозившую сквозь прозрачную ткань ея одежды, и не обнаружили въ ней ни малѣйшаго недостатка.

— Смотри на меня!—вскричала она.—Развѣ ты слѣпъ, развѣ ты не видишь, какъ я прекрасна? Постарайся отыскать во мнѣ хотя бы малѣйшій недостатокъ, теперь, когда солнце освѣщаетъ меня такъ безпощадно! А ты мнѣ говорилъ о бѣдности, о честности, о моемъ позорѣ! Ты мнѣ совѣтуешь возвратиться въ мою нищенскую хижину и подвергать мое тѣло униженіямъ и грубой работѣ! Смотри на меня, говорю тебѣ! Пока я такъ хороша, неужели ты хочешь, чтобы я заботилась о спасеніи своей души? Ты сумасшедшій, и больше ничего! Пусть объ этомъ заботится некрасивая, нелюбимая женщина, я же сама даю блаженство раю, даю его тому смертному, котораго желаю осчастливить своею любовью. Скажи мнѣ, кто можетъ дать больше, чѣмъ я, и не расточаю ли я дары, достойные боговъ?

Джемма гордо озиралась кругомъ, какъ-бы бросая вызовъ тому, кто осмѣлился бы оспаривать у нея ея права совершенства на красоту, и при этомъ закинула назадъ надъ головою свои полуобнаженныя руки. Силья не сводилъ съ нея глазъ; и вдругъ внезапная мысль озарилъ его; онъ вскрикнулъ, какъ-бы пораженный въ самое сердце смертельнымъ ударомъ:

—Ты—танцовщица, нарисованная Истрилемъ!

Она посмотрѣла на него безъ малѣйшаго смущенія и спокойно отвѣтила:

— Ну, да, конечно, это была я; что-жъ изъ этого?

Онъ пристально посматрѣлъ на нѣз, и оглашенный вопль вырвался у него изъ груди; въ ту же минуту, онъ упалъ безъ чувствъ къ ея ногамъ.

Когда Синья пришелъ въ себя, онъ лежалъ въ полу-темной комнатѣ съ открытыми стеклянными дверями. Онъ всталъ съ дивана и хотѣлъ идти; но его остановила старуха-негритянка и спросила, въ состояніи ли онъ идти?

— Моя госпожа, — начала она...

«Ея госпожа!» Это воспоминаніе заставило Синью оттолкнуть старуху и броситься къ выходу; воздухъ этого дома душилъ его. Не зная самъ, куда идти, онъ быстрыми, невѣрными шагами прошелъ черезъ садъ, по облитымъ солнцемъ дорожкамъ; эти лучи солнца ослѣпляли его и онъ шелъ, пошатываясь, пока не дошелъ до озера. Свѣжій вѣтеронъ осыпалъ его; онъ подошелъ къ берегу и опустилъ свою усталую голову на руку; закрылъ глаза, желая отдохнуть отъ восталѣвшей утренней сцены; но, несмотря на всѣ свои усилія, онъ видѣлъ только одну картину передъ собою, даже когда онъ сидѣлъ съ закрытыми глазами, — передъ нимъ стояла она, все она, вся облитая лучами солнца! Она — эта танцовщица изъ Геркуланума! «Да, это была я, — сказала она, — ну, такъ что-жъ изъ этого?» И она была, конечно, права; отъ этого признанія ничто не измѣнилось, она стала отъ этого ни лучше, ни хуже, чѣмъ онъ воображалъ — служить моделью для художника не хуже, чѣмъ служить наложницею для каждаго встрѣчнаго. Но въ его глазахъ это событіе казалось чудовищнымъ. Казалось, что этимъ сномъ она какъ-бы начертала свой позоръ передъ глазами всего свѣта и на зло самому небу. Нарисовать ее такъ — было фантазій художника, но такія фантазіи создаютъ реальный адъ въ душѣ зрителя.

Итакъ, золотое Истриеля, давшее ему возможность купить своего «Rasignola», послужило въ пользу также и для Джеммы! Ему доставило оно славу, а ей позоръ. Но гдѣ же этотъ человѣкъ, гдѣ Истриель? Синья страстно желалъ отыскать этого соблазнителя, который привлекъ Джемму къ себѣ, когда она дышала молодостью и невинностью, и такъ безжалостно бросилъ на поклону всѣ черты ея прекрасной фигуры, а потомъ выставилъ ея изображеніе на показъ всему свѣту, чтобы люди могли наслаждаться ея прелестями! Синья казался, что преступленіе этого человѣка во сто-кратъ хуже преступленія простого соблазнителя: послѣдній тайно наслаждается любовью женщины, которая отда-лась ему, а этотъ человѣкъ раскрылъ ея красоту передъ глазами миліона развратниковъ.

Она ему сказала нѣсколько времени тому назадъ: «Ступай, предайся своей музыкѣ, и забудь меня!» Но онъ чувствовалъ, что его музыкальный талантъ погасъ, можетъ быть, навсегда; мелодіи, которыя еще вчера, да, именно, еще только вчера, бродили въ его головѣ и сливались ему и въ тихомъ плескѣ воды, и въ нѣжащемъ дуновеніи вѣтерка, гдѣ онъ теперь? Ему казалось, что онъ умерли, безвозвратно умерли; и на него напало сознание великой, невозвратимой потери, которая заставляла его трепетать и плакать отъ отчаянія.

Синья оглянулся кругомъ на окружающія горы и на прекрасное озеро, но зрѣлище природы, всегда дѣйствовавшее на него успокоительно и благотворно, на этотъ разъ не утѣшало, а раздражало его: ему казалось, что вся земля, все голубое небо и все живущее на нихъ полны растлѣнія и обречены на погубель, и казалось это потому, что Джемма была покрыта поворотъ.

Синья не замѣтилъ, какъ протекъ весь день послѣ его свиданія съ Джеммой. Его отыскалъ его другъ, который спѣшилъ сообщить ему радостную вѣсть: его опера «Ламія» была принята и должна была пойти въ первый разъ, въ скоромъ времени, въ Римѣ. Синья съ удивленіемъ взглянулъ на своего друга и ничего не отвѣтилъ. Онъ почти не понималъ его. Его опера? Да, музыка была когда-то его религіей, но не исчезли ли разомъ всѣ его радости, его восторги: развѣ что-либо на свѣтѣ можетъ сбить поворотъ съ Джеммы? Къ чему же тогда служить его талантъ? Ему казалось, что вся мелодія, какая только существуетъ на свѣтѣ, могла бы умолять теперь навсегда, и онъ не сталъ бы сожалѣть о ней.

Синья возвратился домой уже поздно вечеромъ; его комната была убрана пахучими цвѣтами, которыми украсили ее почтительницы его таланта; но Синья даже не взглянулъ на нихъ, на него только непріятно подѣйствовалъ ихъ сладкій ароматъ. Манивально онъ подошелъ къ роялю, сѣлъ, и задумался; потомъ онъ началъ играть, почти не замѣчая самъ того, что онъ дѣлалъ; въ его игрѣ выразилась вся жгучая страсть первой его любви, слышались слезы и отчаяніе; никогда еще онъ не игралъ такъ хорошо, никогда еще у него не выливались такіе могучіе звуки, выражающіе переходъ отъ душевной боли въ радости, — отъ нестерпимыхъ мукъ въ блаженству. Это былъ вопль оскорбленнаго и втоптаннаго въ грязь таланта при появленіи этой женщины съ золотыми кудрями; это была лебединая пѣснь несчастнаго, восторженнаго юноши. Друзья Синья слышали ее, хотя онъ не зналъ объ ихъ присутствіи: они бросились къ нему и востор-

женино воскликнули: «ты никогда не былъ такъ великъ; ты превзошелъ самого себя!» Но Синья остался равнодушнѣе къ этимъ восторженнымъ похваламъ. Ему было душно дома, его манило къ озеру, и онъ пошелъ туда. «Если бы я могъ ее спасти,—думалъ онъ,—ради этого я отдалъ бы свою душу!» Передъ нимъ пронеслась картина его прошлой жизни: «Пусть я самъ погибну,—сказалъ онъ когда-то Бруно,—я хочу только, чтобы мои мелодіи жили вѣчно!» Да, страданія Бруно сторицею отплатились ему; судьба жестоко отомстила ему за неоцѣненную имъ безкорыстную любовь къ нему этого человѣкъ! Настала ночь, и Синья все еще въ раздумьи сидѣлъ у озера. Въ темнотѣ ночи къ нему приблизилась женщина, одѣтая вся въ бѣломъ; рукою она прижимала рову къ своимъ губамъ. Она простояла нѣкоторое время молча, слѣдя за выраженіемъ лица Синьи, потомъ сказала, положивъ свою руку на его склоненную голову:

— Ты ушелъ, не простясь со мною, Синья; я тебя искала весь вечеръ.

Синья ничего не отвѣчалъ. Джемма ждала, не скажетъ ли онъ ей что-нибудь, и потомъ продолжала тихимъ, нѣжнымъ голосомъ:

— Говори же, неужели ты не промолвишь слова послѣ всего, что между нами произошло?

— Что я могу тебѣ сказать: я или оскорбляю тебя моими словами, или кажусь тебѣ безумцемъ.

— Да, ты безумецъ, но такими безумцами, какъ ты, бываютъ только благородные, святые люди; ими наполненъ рай, если только вѣрить въ сказанія о святыхъ мученикахъ.

Блѣдныя щеки Синьи вспыхнули.

— Затѣмъ ты отъ меня бѣжалъ,—продолжала Джемма.

— Зная твою жизнь и твое ремесло, я не могу свободно дышать въ твоемъ домѣ.

— Вотъ награда мнѣ за то, что я сказала тебѣ правду. Жаль, что я не сохранила и тѣмъ не сохранила, по крайней мѣрѣ, твое уваженіе.

— Твой новоръ извѣстенъ всему міру: ты позволила Истриелю написать его на полотнѣ огненными буквами.

— Ахъ, это было такъ давно; я почти позабыла объ этомъ!

— Но этотъ Истриель тебя соблазнилъ, неправда ли?

— Что тебѣ за дѣло до этого? Я уже забыла о немъ, поюряю тебѣ. Да и къ тому же, его нѣтъ здѣсь теперь; онъ уѣхалъ куда-то на сѣверъ, гдѣ онъ хочетъ писать картину, изо-

блуждающую зиму и вельвовъ. Можетъ быть, онъ тамъ погребенъ въ снѣгахъ; не забывай о немъ, ради Бога!

— Онъ уѣхалъ на сѣверъ, говоришь ты; когда же онъ вернется назадъ?

— Затѣмъ тебѣ нужно это знать?

Синья только бросилъ на нее пронзительный взглядъ.

Джемма засмѣялась.

— Понимаю, — воскликнула она, — ты убилъ бы его; бѣдный Истриэль! Но если я сама его не убила, къ чему же тебѣ мстить его жизни, и теперь, когда уже прошло столько лѣтъ послѣ того, за что ты такъ возненавидѣла его?

— Да, ты убила бы его, еслибы ты была похожа на другихъ женщинъ. И ты можешь говорить о немъ, смѣясь!

— Почему же мнѣ не смѣяться; вся моя жизнь полна сѣхомъ и весельемъ; я счастлива, очень счастлива!

— Дорого бы я далъ, — прервалъ ее Синья, — еслибы только могъ заставить тебя подумать о себѣ и прислушаться къ голосу твоей совѣсти.

— Объ этомъ было уже достаточно говорено, — остановилъ его Джемма холодно и горделиво. — Сегодня утромъ я говорила съ тобою обо всемъ этомъ въ послѣдній разъ; если ты хочешь говорить объ упорахъ совѣсти и ищешь женственности и нравственности, то уходи отъ меня. Что же касается меня, то я сказала тебѣ всю правду, и не виновата въ томъ, что она тебѣ не нравится. Еслибы ты, въ самомъ дѣлѣ, жалѣлъ обо мнѣ, ты не бросалъ бы въ меня камни. Но ты не лучше всѣхъ прочихъ моралистовъ, которые болѣею частью великіе эгоисты; ты проповѣдуешь мнѣ святую истину, ты совѣтуешь мнѣ бросить свѣтъ и удалиться въ какую-то глушь, хочешь бѣжать отъ меня, и для чего? Потому ли, что тебѣ ненавистенъ мой поворотъ? Нѣтъ, потому что ты ненавидишь моихъ любовниковъ.

Синья вскочилъ какъ ужаленный. Неужели она права? Онъ былъ возмущенъ ея обвиненіемъ, въ которомъ крылась доля жестокой правды, хотя вообще оно было несправедливо и безосновательно. Но Синья уже не могъ отдать себѣ яснаго отчета въ своихъ ощущеніяхъ: онъ не понималъ что дѣлалось съ нимъ.

— Ты меня не понимаешь, — сказалъ онъ просто: — одинъ Богъ знаетъ, безпорочно и честно ли было мое желаніе спасти тебя.

Синья отвернулся отъ нея, и въ эту минуту былъ готовъ оставить ее навсегда, какъ бы трудно ему ни было расстаться съ нею.

Джемма остановила его словами:

— Прости меня, по крайней мѣрѣ, прежде чѣмъ ты меня оставишь. Неужели ты даже не можешь простить меня?

— Прощаю тебѣ все, все, только пусти меня; я не могу остаться съ тобою, ты меня убиваешь своею жестокостью и цинизмомъ.

Сердце Синьи, въ самомъ дѣлѣ, было готово разбиться отъ невыносимой душевной боли. Въ глазахъ другихъ — Джемма была просто падшею женщиной, какъ много на свѣтѣ, но въ глазахъ Синьи она была отрицаніемъ всего святого, насмѣшкою надъ всѣмъ, что есть только чистого и прекраснаго на землѣ. Онъ вѣрно сжалъ свои руки и обратился къ ней съ мольбою:

— Джемма, Джемма, неужели у тебя нѣтъ ни капли жалости въ самой себѣ и, наконецъ, во мнѣ?

Она посмотрѣла на него въ раздумьѣ: въ самомъ дѣлѣ, не отпустить ли его, не велѣть ли ему бѣжать отъ нея, — бѣжать, пока отращаніе къ ея повору борется въ немъ съ любовью къ ней. Онъ еще такъ молодъ, онъ художникъ и поэтъ въ душѣ, онъ о ней позабудется, какъ забывается въ утру лихорадочный сонъ тревожной ночи. Не оставить ли, въ самомъ дѣлѣ, его въ поѣздѣ: вѣдь для нея это будетъ только одною игрушкою меньше! Но она дала себѣ слово, что онъ будетъ принадлежать только ей одной, что она будетъ его богиней, его кумиромъ, несмотря на его презрѣніе къ ней. Къ тому же, онъ такъ прекрасенъ, невиненъ и юнъ! Кроме того, онъ осмѣливался 'упрекать' ее, въ немъ было замѣтно даже отвращаніе къ ней. Развѣ этого недостаточно, чтобы заглушить въ себѣ голосъ совѣсти и жалости? Онъ былъ преданъ своему искуству душою и тѣломъ, онъ ставилъ его выше всего на свѣтѣ, былъ готовъ жертвовать всѣмъ ради этого таланта, презиралъ другихъ смертныхъ, наслаждающихся менѣе идеальными радостями! Посмотримъ, теперь, не отречется ли онъ отъ этихъ безразсудныхъ мечтаній! Такія мысли бродили въ головѣ Джеммы.

— Ты спрашиваешь, есть ли у меня хоть капля жалости, — тихо и вѣрно сказала она: — зачѣмъ говорить все о такихъ отвлеченныхъ предметахъ? Къ чему витать все въ мірѣ фантазій и не спуститься на землю; мечты даютъ только холодныя и блѣдныя наслажденія; учись у меня жить!

Джемма обвила нѣжно Синью своими прекрасными руками, нагнула его голову къ себѣ на грудь и прижала губами къ его губамъ. Въ этотъ мигъ его жизнь слилась съ ея жизнью, его

душа одділилась отъ его тѣла и стала собственностью куртизанки Джеммы.

XVI.

Къ Рождеству «Актея» была поставлена на сцену во Флоренціи; многіе жители Ластры отправились туда нарочно для того, чтобы услышать эту удивительную оперу, которую сочинилъ изъ маленькій, босоногій Синья. Въ числѣ другихъ пошелъ и старикъ Дини; онъ былъ несказанно счастливъ, что ему первому выпало на долю во многомъ способствовать музыкальному образованію Синьи.

— Неужели ты не пойдешь, въ театръ, чтобы посмотреть на «Актею» — спросилъ онъ у Бруно.

— Я уже слышалъ эту музыку и знаю ее наизусть. Синья игралъ мнѣ мелодіи изъ этой оперы, еще бывши ребенкомъ, на лютиѣ, которую я ему подарилъ.

Бруно такъ и не пошелъ послушать «Актею», продолжая шатать въ своей душѣ ненависть къ таланту Синьи, отнявшему у него сердце юноши. Бруно работалъ по прежнему съ утра до ночи, но у него уже не было цѣли, къ которой онъ могъ бы стремиться, и потому работа его шла машинально; онъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые любятъ зарабатывать и откладывать деньги ради ихъ самихъ. Онъ работалъ главнымъ образомъ потому, что по своей природѣ не могъ предаваться лѣни и привыкъ неутомимо трудиться еще съ ранняго дѣтства. Но Бруно уже не гордился по прежнему своею работою и результатами ея; она потеряла въ его глазахъ то нравственное значеніе, которое можетъ поддерживать человека въ вѣчной борьбѣ жизни; прежніи мрачныя, безотрадныя чувства начали поемногу наполнять его сердце, обманувшееся въ томъ, что было ему дороже всего на свѣтѣ.

Разъ какъ-то вечеромъ, Бруно былъ во Флоренціи; проходилъ мимо театра, онъ увидалъ у входа толпу народа; всѣ толковали объ оперѣ: давали «Актею». Несмотря на свою твердую рѣшимость не быть въ театрѣ, когда пойдетъ «Актея», Бруно, на этотъ разъ, внезапно измѣнилъ своему рѣшенію и, почти не успѣвъ отдѣлаться отъ отчета въ томъ, что онъ дѣлалъ, пошелъ въ театръ вмѣстѣ съ толпою нетерпѣливыхъ слушателей. Музыка поразила его и понравилась ему, но главнымъ образомъ онъ былъ пораженъ сперва безмолвнымъ вниманіемъ и восторгомъ толпы, за кото-

рыми слѣдовали востанъ, радостныя слезы и оглушительныя рукоплесканія. Бруно увидалъ Синью въ своемъ воображеніи въ какомъ-то новомъ для него свѣтѣ. Только теперь онъ понималъ, почему юноша отказался отъ своей однообразной жизни среди горныхъ вершинъ.

Двое иностранцевъ, сидѣвшіе близъ Бруно, разговаривали между собою; до слуха Бруно дошло произнесенное ими имя Синьи; одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Странно, что здѣсь нѣтъ молодого композитора этой прекрасной оперы, когда его опера дается въ первый разъ близъ мѣста его родины.

— Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, — отвѣчалъ другой: — онъ теперь въ Римѣ, гдѣ ставитъ его новую оперу; впрочемъ, — поверять, что его въ Римѣ удерживаетъ другое обстоятельство: онъ влюбился въ какую-то сирену изъ парижскаго полу-свѣта, и она не отпускаетъ его отъ себя.

Сердце Бруно сжалось отъ этихъ словъ. — Неужели это правда, и Синья, съ его возвышенною душою, сдѣлалась игрушкою въ рукахъ безпутной женщины? Неужели, думалъ Бруно, уже настала та эпоха въ жизни Синьи, которой больше всего опасался Бруно, инстинктивно понимая, что въ ней рѣшится судьба пылкого юноши. Бруно старался заглушить свою душевную боль привычною работою, но мысли его были заняты тѣмъ, что онъ слышалъ, и онъ былъ увѣренъ, что этотъ слухъ справедливъ. Думая объ этой женщинѣ, которая приговала къ себѣ Синью, онъ представлялъ ее себѣ не иначе, какъ похожею на танцовщицу въ картинной галлерей во Флоренціи; эта мысль преслѣдовала его день и ночь; наконецъ, онъ не выдержалъ и пошелъ посмотреть на картину. Картина исчезла съ своего прежняго мѣста, и Бруно собрался уже ѣхать домой, когда его встрѣтилъ одинъ знакомый.

— Ты вѣрно знаешь, что Синья будетъ здѣсь сегодня вечеромъ, — сказалъ онъ Бруно: — его ждутъ для большого торжества.... Какъ, ты ничего не зналъ объ этомъ? Онъ вѣроятно нарочно не писалъ тебѣ.... Не прійдетъ ли онъ прямо къ тебѣ въ Синью, по дорогѣ изъ Рима?

— Можетъ быть, онъ уже теперь тамъ, — сказалъ Бруно, и отъ этой радостной мысли онъ почувствовалъ себя несказанно счастливымъ; онъ бросился къ рыночной площади, на которой каждый день готовятся вкусныя, сочныя блюда для жителей Флоренціи; купилъ жаренаго молодого барашка и положилъ его въ свою тележку; потомъ зашелъ въ другую лавку и купилъ шо-

воладу и сладкаго хлѣба. «Синья привыкъ во всѣмъ этимъ деликатнымъ блюдамъ», думалъ онъ при этомъ. Проѣзжая мимо прѣточной лавки, Бруно замѣтилъ розовый кустъ, который былъ весь въ цвѣту; онъ припомнилъ, какъ Синья всегда восхищался цвѣтами, и остановилъ своего мула, поспѣшно купилъ розы и поставилъ ихъ также въ телѣжку, почти краснѣя отъ того, что поддался этой слабости. Бруно лихорадочно гналъ своего мула; чѣмъ ближе онъ подъѣзжалъ къ дому, тѣмъ больше онъ былъ увѣренъ, что Синья уже ждетъ его; но, подъѣхавъ въ домъ, онъ увидалъ, что тамъ не было никого, и только собака лежала спокойно на ступеняхъ одинокой хижинки. Бруно былъ глубоко разочарованъ, но утѣшалъ себя мыслью, что Синья придетъ къ нему къ ночи, послѣ спектакля, и разставилъ свои покупки въ ожиданіи его прибытія. Ему не приходило даже въ голову пойти посмотреть на торжество въ честь Синьи; онъ былъ слишкомъ гордъ для того, чтобы пойти туда, куда онъ не былъ приглашенъ, и гдѣ былъ бы, можетъ быть, незваннымъ гостемъ. Вечеръ прошелъ въ напрасномъ ожиданіи, но Бруно не унывалъ: «онъ вѣрно не могъ уйти съ торжества, — думалъ онъ, онъ придетъ сюда рано утромъ». Бруно легъ спать, не убравъ на крытаго стола съ яствами. Настало утро, а все-таки Синья не приходилъ. Бруно ждалъ до полудня; потомъ онъ сѣлъ къ столу, чтобы удовлетворить свой голодъ, какъ вдругъ услышалъ шумъ вблизи дома. Онъ радостно бросился на встрѣчу идущему, и увидалъ передъ собою незнакомаго юнгу.

— Синья прислалъ тебѣ этотъ подарокъ, — сказалъ незнакомецъ, — и кланяется тебѣ; самъ онъ уже уѣхалъ сегодня утромъ въ Римъ; ему некогда было навѣстить тебя.

Бруно молча взялъ подарокъ и развернулъ его; это было ружье; всю свою жизнь Бруно мечталъ о такомъ ружьи, подобнаго которому онъ видалъ только въ залахъ своихъ патроновъ; оно было оправлено въ серебро и на немъ было вырѣзано его имя. Бруно долго просидѣлъ на одномъ мѣстѣ, съ ружьемъ на колѣняхъ; на его лицѣ собиралась мрачная туча; наконецъ, онъ внезапно схватилъ ружье обѣими руками и со всего размаха ударилъ серединою его о большой жерновъ; ударъ былъ такъ силенъ, что деревянная часть ружья мгновенно раскололась пополамъ; за этимъ ударомъ послѣдовало нѣсколько другихъ; наконецъ, дерево разлетѣлось щепами въ разные стороны, и въ рукахъ Бруно остался одинъ стальной стволъ ружья. Бруно собралъ всѣ куски дерева и серебряныя украшенія, и бросилъ ихъ

вмѣстѣ со стволомъ ружья въ камелекъ, подбавивъ въ огонь сухихъ еловыхъ сучьевъ.

Этотъ подарокъ Синья жегъ ему руки и оскорблялъ его; во всякое другое время, онъ бы принялъ его какъ символъ лѣжной привязанности юности, но теперь, когда Синья не пришелъ къ нему самъ, присылка подарка ему казалась снисходительнымъ выраженіемъ торжества богатства надъ бѣдностью; посмывая его, Синья какъ будто желалъ отдѣлаться отъ чувства долга въ Бруно и успокоить угрызения своей совѣсти. Бруно возмущался отъ одной этой мысли и, въ первый разъ въ жизни началъ горько сожалѣть о тѣхъ жертвахъ, которыя онъ принесъ Синьѣ. Но въ его честной душѣ не могло заглухнуть чувство любви къ покинутому его питомцу, и онъ думалъ о немъ и любилъ его такъ же сильно, какъ и прежде. До него дошли уже болѣе вѣрные слухи о томъ, что Синья какъ-бы околдованъ женщиною, которую онъ любитъ, что онъ забываетъ ради нея свою музыку и живетъ и дышетъ только ею и у ея ногъ.—Говорили, дальнѣе, что и она, эта модная львица, пренебрегаетъ всѣми своими бывшими возлюбленными для прекраснаго юноши; что она увлечена имъ такъ же сильно, какъ и онъ ею; но что этотъ новый напризъ ея не можетъ долго продлиться, и что Синью ожидаетъ новое злосчастіе, когда онъ узнаетъ объ ея измѣнѣ. Услыхавъ о несчастіи, угрожающемъ юношѣ, Бруно рѣшился оторваться отъ своего угла и ѣхать въ Синью въ Римъ, но не зналъ, что онъ можетъ тамъ предпринять; онъ чувствовалъ себя бессильнымъ, но сказалъ себѣ, что спасетъ Синью, хотя бы это ему стоило жизни. Передъ выѣздомъ, онъ привелъ все въ порядокъ, положилъ запасъ корма для своихъ бывшихъ буйволовъ и даже простился съ ними со слезами на глазахъ. Не они ли раздѣляли съ нимъ тяжелый трудъ обработыванія земли и утучняли своимъ попомъ и кровью почву, ихъ общую кормилицу. Бруно мысленно прощался со всѣмъ, что ему было такъ дорого съ дѣтства, и ему казалось, что онъ прощается навсегда съ этимъ мирнымъ уголкомъ, гдѣ протекала вся его однообразная жизнь. Ему казалось, что, уѣзжая отсюда, онъ погружается въ мракъ; въ душѣ у него не было даже надежды на то, что его жертва будетъ оцѣнена; напротивъ, въ ней было только одно сознаніе отвергнутой его привязанности и непонятаго самоотверженія; но ему было ясно одно,—онъ долженъ спасти Синью.

XVII.

Величественная, мертвая тишина, господствовавшая въ Римѣ, наполнила душу Бруно какимъ-то благоговѣйнымъ страхомъ. Онъ бродилъ безцѣльно по этому городу титановъ, и только теперь былъ пораженъ мыслью, что ему, можетъ быть, не легко будетъ отыскать Синью; городъ былъ почти пустъ и казался обширнымъ склепомъ съ своими развалинами и остатками колоссальныхъ колоннъ. Жители города, отъ мала до велика, собрались у горы Монте-Пинчіо, гдѣ шло празднество «Masoletti». Бруно направился туда же, увлеченный потокомъ толпы вдоль длинной улицы Корсо. Бѣшеная толпа, какую только можно встрѣтить во время карнавала въ Италіи, неслась по темнымъ улицамъ съ неистовыми криками; у всѣхъ въ рукахъ были зажженные свѣчи, которыя блестѣли какъ звѣзды, унаваившія съ неба. Бруно, нѣсколько освободившись отъ напора толпы и оглядѣвшись кругомъ, увидалъ передъ собою, у открытаго окна, убраннаго дорогими коврами и шелковыми покрывалами, образъ женщины, полулежавшей у балюстрады окна; на нее были устремлены всѣ взоры, тогда какъ она, смѣясь какъ наивный ребенокъ, съ зажженнымъ факеломъ въ рукахъ, успѣшно отбивалась отъ попытокъ толпы погасить огонь ея фавела, и побѣдоносно гасила огни факеловъ у своихъ противниковъ. У ногъ этой красавицы лежалъ юноша; онъ не сводилъ съ нея глазъ и, время отъ времени, подавалъ ей букеты розъ или душистыхъ ландышей; по видимому, онъ не замѣчалъ шума и говора толпы и видѣлъ только освѣщенную тысячами огней красавицу съ ея смѣющимися глазами и атласною шеею, вокругъ которой были надѣты нити жемчуга. Бруно тотчасъ же узналъ женщину и юношу, и глядя на обстоятельный образъ первой, онъ съ проклятіемъ ухватился за рукоятку ножа, запрятаннаго за его кожанымъ поясомъ...

Степняго. Бруно сѣлъ у запертыхъ воротъ, укутавшись въ своемъ темномъ плащѣ. Къ воротамъ дома подошелъ незнакомецъ и громко позвонилъ; кто-то сказалъ ему, что господа нѣмкого не принимаютъ.

— Я вытаскилъ ее изъ грязи, и теперь долженъ звонить у ея воротъ, какъ нищій, — пробормоталъ незнакомецъ; и, повернувшись, чтобы удалиться, вдругъ замѣтилъ мрачную фигуру Бруно.

— Что ты дѣлаешь здѣсь? — спросилъ онъ.

— А ты? — спросилъ у него въ свою очередь Бруно, съ злобою оглядывая пришельца: — передъ нимъ, освѣщенный луннымъ свѣ-

томъ, стоялъ человѣкъ съ красивымъ лицомъ и циническимъ выраженіемъ губъ. Бруно всматривался въ это лицо, какъ будто-бы припоминая что-то; потомъ онъ быстро подошелъ къ нему и злобно схватилъ его за руку.

— Я знаю тебя, — вскричалъ онъ, — ты живописецъ Истріель. Я давно хотѣлъ тебя видѣть; мнѣ нужно съ тобою счесть старые счеты! Ты околдовалъ моего мальчика своею проклятою картиною, эта картина влила въ его чистую, непорочную душу. Говорятъ, что ты великій художникъ и что ты прославился тѣмъ, что рисуешь нагихъ женщинъ; можетъ быть, тебѣ нравится это ремесло, а по мнѣ, это — гнусное занятіе. Я неучъ и простой крестьянинъ, и не понимаю вашей морали. Я самъ жилъ не такъ, какъ слѣдуетъ, я убилъ много денегъ на женщинъ и вино, но если-бы моя правая рука умѣла только рисовать этихъ безстыдныхъ тварей, то, повѣрь, я бы охотно отсѣкъ ее!

Слова Бруно поразили Истріеля своимъ грубымъ красноречіемъ и смѣлостью; онъ любовался имъ и сравнивалъ его мысленно съ тѣми фанатиками, которые въ средніе вѣка по слову Саванаролы, бросали въ огонь своихъ мраморныхъ вакханокъ и сиренъ.

— Какое зло сдѣлали тебѣ мои картины, — спросилъ онъ: — люди твоего закала не умѣютъ питать безличной злобы; вѣроятно, я тѣмъ-нибудь жестоко тебя оскорбилъ?

— Говорю тебѣ, что ты отравилъ моего мальчика адскимъ ядомъ; твоя картина не давала ему покоя; онъ отыскалъ эту женщину и палъ передъ нею, отрекшись отъ своей музыки. Любуйся теперь своимъ искусствомъ, торжествуй — ты достигъ своей цѣли: твоя бывшая любовница околдовала Синью и отняла его отъ всѣхъ, которые восторгались имъ!

Истріель былъ пораженъ всѣмъ, что онъ слышалъ.

— Что мнѣ твой Синья! — вскричалъ онъ съ горечью, — я тутъ непричемъ; она поиграетъ съ нимъ мѣсяцъ, другой, и, конечно, потомъ броситъ его, я хорошо ее знаю. Но, ты правъ, твой мальчикъ погибъ, если онъ ее полюбилъ первою, чистою любовью; его талантъ изсякнетъ, его молодость увянетъ; но худшее еще впереди: до сихъ поръ она его любила, — конечно, насколько подобна ей существа способны любить, — но у ней скоро наступитъ, если уже не наступило, охлажденіе къ нему, и она бросится въ объятія другого. А, впрочемъ, не все ли равно, онъ или кто другой, зачѣмъ тебѣ убиваться отъ этого, пусть совершится воля судьбы... Развѣ этотъ юноша близокъ тебѣ?

— Я отдалъ ему свою жизнь, отвѣчалъ Бруно, — понимаешь ли ты, — всю мою жизнь, а ты и твоя возлюбленная погубили его.

— Развѣ онъ твой сынъ?

— Нѣтъ, онъ сынъ Пиппы, моей сестры, — отвѣчалъ Бруно, забывая о томъ, что онъ говорить съ незнакомцемъ.

— Сынъ Пиппы, — повторилъ Истріель, и въ его памяти воскресли дни его молодости и свѣжесть первой, невинной, хотя и кратковременной любви; эти воспоминанія взволновали его, пронесясь въ его памяти, какъ звуки давно забытой пѣсни. Передъ нимъ, слѣдовательно, стоялъ Бруно, братъ его прежней возлюбленной, отъ котораго бѣдная дѣвушка нѣкогда остерегала его; а мальчикъ, этотъ Синья, кто же онъ? Голосъ Истріеля дрожалъ, и небывалая робость и нѣжность смущали его душу, когда онъ проговорилъ:

— Я увлекъ Пиппу изъ родного края, и если твой Синья ея ребенокъ, то онъ и мой сынъ! Да, это такъ, — женщины, подобныя ей, скорѣе умрутъ, чѣмъ измѣнятъ тому, котораго онъ разъ полюбили. Этотъ мальчикъ — мой сынъ, хотя я никогда не слыхалъ отъ нея о томъ, что у нея родился ребенокъ!

Бруно долго смотрѣлъ на него, прежде чѣмъ понялъ весь смыслъ его словъ; потомъ онъ вскричалъ:

— Это убьетъ его, когда онъ узнаетъ объ этомъ! Развѣ ты не понимаешь почему?

Глубоко взволнованный, Истріель смотрѣлъ молча на Бруно; говоря о Синьѣ, Бруно забылъ о своихъ личныхъ счетахъ съ Истріелемъ; оба они мысленно сближались между собою ради одной цѣли — спасти мальчика, и рука Бруно, которою онъ нѣкогда поклялся убить возлюбленнаго бѣдной Пиппы, уже не поднималась на отца Синьи.

На минуту Бруно задумался, что долженъ былъ испытывать человекъ, стоявшій рядомъ съ нимъ, — потомъ вдругъ, не помня себя, вскричалъ:

— Прочь отъ меня, онъ тебѣ не нуженъ, онъ тебѣ чужой! Мои руки работали для него, мой хлѣбъ питалъ его и моя кровля защищала отъ непогоды! Онъ для тебя чужой! Ты прожилъ весь свой вѣкъ съ своими любовницами и друзьями-развратниками, въ то время, какъ я отдавалъ за него свою жизнь и отдамъ, можешь быть, свою душу. Онъ тебѣ чужой, уходи, говорю тебѣ! — неистово кричалъ Бруно.

Черезъ минуту Бруно былъ уже одинъ и погрузился въ тяжелое раздумье. Онъ не зналъ, какъ поступить ему. Ему при-

или на память слова старика-пономаря, но не вразумили его: «ни одинъ человѣкъ не можетъ распоряжаться судьбою другого».

Начало уже разсвѣтать; Бруно не зналъ, который былъ часъ, но зналъ, что уже наступило утро, и мысли его перенеслись къ жизни, покинутой имъ, и къ зеленымъ горамъ его родины. «Я никогда ихъ больше не увижу», подумалъ онъ, и жгучія слезы потекли по его смутнымъ щекамъ; никогда его родной кровъ не казался ему столь милымъ, какъ теперь, но онъ былъ безжалостенъ къ себѣ и повторялъ: «отдамъ мою душу за его душу!» Въ его глазахъ та любовь была не полна, если ради нея человѣкъ боится взять на свою душу грѣхъ и лишиться вѣчнаго блаженства въ томъ раю, о которомъ онъ имѣлъ понятіе только по картинамъ незабвенныхъ художниковъ Италіи, разсѣяннымъ повсюду на ея классической почвѣ. Онъ слышалъ также объ ужасахъ ада и вѣрилъ въ нихъ, но былъ готовъ взять на свою душу грѣхъ, ради спасенія Синьи.

«Онъ меня возненавидѣлъ, — говорилъ онъ самому себѣ, — я умру, можетъ быть, не взглянувъ на его дорогое мнѣ лицо, не услышавъ его голоса, но онъ будетъ свободенъ и воспрянетъ вновь; онъ молодъ, и черезъ какой-нибудь годъ забудетъ о своей страсти и будетъ доволенъ, что отдѣлался отъ нея. Пусть онъ меня проклинаетъ, — онъ никогда особенно и не любилъ меня! Я старался жить честно въ теченіи всей моей жизни, и что же я выигралъ изъ этого? Не обмануть ли я во всемъ, что было для меня дорого и мило? Попробую теперь поступать иначе, и если преступленіе можетъ спасти Синью, оно будетъ для меня слаще добродѣтели!

Молодое утро становилось свѣтлѣе и свѣтлѣе: соловьи еще пѣли въ саду, за желѣзными воротами; утренній вѣтерокъ былъ наполненъ ароматомъ апельсиновыхъ деревьевъ. Бруно не замѣчалъ ничего; онъ только ждалъ безсознательно, глядя на ворота, зная, что скоро настанетъ минута, когда онъ долженъ будетъ дѣйствовать.

Наконецъ, кто-то отворилъ ворота изнутри; то былъ молодой, богато-одѣтый незнакомецъ, который прошелъ мимо Бруно, съ гордою, самодовольною улыбкой на устахъ. Когда онъ удался, Бруно прошелъ въ незапертые ворота во дворъ; передъ нимъ, изъ сада, поднималась лѣстница, украшенная мраморными львами; Бруно отворилъ двери и вошелъ въ домъ, въ которомъ царствовала невозмутимая тишина. Двое слугъ спали у входа, утомившись отъ долгаго бдѣнія; одинъ изъ нихъ приподнялся и взглянулъ на Бруно полупылыми, сонными глазами, и спросилъ:

— Ты куда идешь?

Бруно отстранилъ его рукою и отвѣчалъ:

— Я иду исполнить мою обязанность...—и прошель мимо.

Бруно прошель черезъ цѣлый рядъ длинныхъ корридоровъ и роскошныхъ залъ; весь домъ спалъ, и онъ безпрепятственно шелъ впередъ, подобно тому, какъ неумолимый рокъ идетъ на встрѣчу своей жертвѣ. Въ концѣ цѣлаго ряда комнатъ, онъ увидалъ двери, украшенныя гирляндами розъ; онѣ были заперты; ни на минуту не задумываясь, Бруно подошелъ къ нимъ, и подъ натискомъ его могучихъ плечъ, онѣ почти безъ шума раскрылись передъ нимъ. Сердце Бруно наполнилось торжествующею, звѣрскою радостью: онъ отыскалъ свою добычу!

Въ комнату, куда вошелъ Бруно, вовсе не проникалъ дневной свѣтъ; съ потолка, изъ рукъ купидона, спускалась античная лампа, по комнатамъ разливался тонкій, нѣжный ароматъ. Бруно подошелъ ближе къ кровати и взглянулъ на владѣтельницу этого богатаго жилища; ея роскошныя, распущенныя волосы покрывали ей грудь; руки ея были закинуты назадъ, подъ голову. Она была несказанно прекрасна и спала глубокимъ, безмятежнымъ сномъ. Но Бруно, глядя на нее, возмущался самою красотою ея тѣла; для него она была не женщиною, но воплощеніемъ всего порочнаго. Это была Джемма.

Бруно простоялъ нѣсколько минутъ около нея и долго и пристально смотрѣлъ на нее, потомъ вынулъ свой ножъ изъ кожанаго пояса и быстро вонзилъ его въ ея грудь, изъ всѣхъ силъ глубже и глубже погружая ножъ. Все тѣло Джеммы затрепетало, но вдругъ этотъ трепетъ стихъ и она перешла отъ сна къ смерти, не проснувшись.

Бруно безпрепятственно вышелъ изъ дома.

«Я убилъ ее ради его», думалъ онъ, и его сердце исполнилось невозмутимымъ спокойствіемъ и сознаніемъ исполненнаго долга. «Синья спасенъ,—утѣнялъ онъ себя,—пусть же теперь люди ведутъ меня на казнь, пусть я буду обреченъ на вѣчныя мученія ада!»

По улицѣ шла безмолвная толпа людей; слышались только тихій, сдержанный плачь женщинъ; нѣсколько человѣкъ несли на рукахъ открытыя траурныя носилки и сзади нихъ шла новая толпа. Съ этой толпой встрѣтился Бруно, когда онъ вышелъ изъ дома Джеммы.

— Кого это несутъ?—спросилъ онъ глубоко взволнованнымъ голосомъ.

— Бѣднаго юношу, — отвѣтила ему какая-то женщина. — Ему измѣнила его возлюбленная, онъ узналъ объ этомъ въ эту ночь и лишилъ себя жизни!

Когда печальный кортежъ приблизился къ Бруно, онъ взглянулъ на трупъ и узналъ черты лица своего возлюбленного Синьи.

Было безоблачное весеннее утро; на площади, въ Римѣ, возвышался эшафотъ, окруженный густою толпой. На эшафотъ былъ введенъ Бруно. Онъ былъ спокоенъ, важенъ и не произносилъ ни одного слова. Онъ взошелъ на эшафотъ твердою поступью. «Я не каюсь въ моемъ поступкѣ, — сказалъ онъ своему духовнику, — но грустно только то, что онъ не послужилъ ни къ чему!»

Бруно взглянулъ кругомъ, — на голубое небо, бѣлыя облака, на горы, которыя скрывали отъ его глазъ мѣсто его родины, потомъ отдался въ руки палача.

— Молись за спасеніе твоей души, — сказалъ кто-то вблизи него.

Бруно посмотрѣлъ на ярко сіявшее солнце и сказалъ:

— Пусть моя душа горитъ въ вѣчномъ огнѣ, но да будетъ спасена душа невиннаго Синьи.

Это была его предсмертная молитва... Человѣческое правосудіе совершилось.

Высокія зеленныя горы вокругъ Синьи и Ластры по прежнему ласкаютъ взоры, и старая крѣпость по прежнему видѣть, что солнце свѣтитъ одинаково для праведныхъ и неправедныхъ; она была свидѣтельницей многихъ событій, и изъ всей своей долголѣтней жизни вывела одно заключеніе: трудно подъ солнцемъ найти справедливость, и правый обыкновенно гибнетъ наравнѣ съ виноватымъ.

М. Ловцова.

ДРЕВНІЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ОБРАЗОВАННОСТИ.

Сравнительно-историческіе очерки.

III. Особенности древняго періода *).

Древній періодъ русской литературы, какъ и исторіи, почти всѣми считается одинаково: это — періодъ до-монгольскій. Такое дѣленіе, принятое сначала просто по ходу внѣшнихъ событій, оправдывается и особымъ характеромъ этого періода, отразившимся и на его литературныхъ явленіяхъ. Границы его определяются не только тѣмъ, что монгольское нашествіе потрясло въ основаніи южную Русь, что центръ тяжести государства перешелъ на сѣверъ, но и тѣмъ, что съ концомъ этого періода совершилась въ самой внутренней жизни народа перемѣна, разоотдѣлившая древнія времена въ особый періодъ.

Прежде всего, въ этнографическомъ отношеніи древній періодъ есть время преобладающаго значенія южной Руси.

Первые вѣка государственной жизни успѣли связать отдѣльные племена въ одну національность. Объединеніе политическое и религіозное шло изъ Кіева. Этнографическія отличія старыхъ племенъ, какъ полагаютъ, были незначительны; но въ теченіи древ-

*) См. выше: 1875, ноябрь, 99; дек. 655 стр.

ного періода они вошли въ три основныя вѣтви, на которыя съ тѣхъ поръ распалась русская народность: это — вѣтви южно-русская, белорусская и великорусская. Эти вѣтви, съ XIII—XIV столѣтій раздѣленныя исторіей до XVII-го вѣка, когда опять началось ихъ соединеніе, — въ древнемъ періодѣ составляли одно цѣлое, сознавали свое единство какъ русской земли, связаны были одной вѣрой и однимъ княжескимъ родомъ.

Исторія поставила потомъ эти доли русскаго племени въ весьма различныя условія. Въ то время, какъ сѣверная вѣтвь послѣ монгольскаго нашествія успѣла, подъ чужимъ владычествомъ, сосредоточить свои силы такъ, что тотчасъ по сверженіи ея могла явиться могущественнымъ государствомъ, южная и западная вѣтви подпали сначала литовскому завоеванію, которое на первое время не стѣснило русской народности, а затѣмъ господству Польши и притязаніямъ католицизма, такъ что не только потеряли возможность самобытнаго развитія, но должны были бороться за самое существованіе своей народности. Одно великорусское племя, вслѣдствіе особыхъ условій своей обстановки, осталось независимымъ представителемъ русской народности, объединило свою область, закрѣпило ее своими государственными формами, и наконецъ, съ XVII вѣка и до начала XIX, раздвинуло свою власть и на тѣ отрасли русскаго племени, которыя вѣкогда отброшены были событіями съ пути самостоятельной жизни. Впрочемъ, Русь древняго періода не возстановлена вполне и до сихъ поръ.

Въ какомъ же видѣ, съ какимъ характеромъ разстались и потомъ встрѣтились эти отрасли русскаго племени?

Историческая дѣятельность древняго періода, какъ мы замѣтили, есть въ особенности дѣятельность южнаго отдѣла племени. Какъ бы мы ни считали незначительными тогдашнія этнографическія отличія племенъ, южное племя не даромъ называлось по преимуществу Русью, отличая себя, напр., отъ новгородскихъ «славянъ». Кіевъ былъ главный «столъ»; отсюда шло покореніе русскихъ племенъ, христіанство, образованность. Но фактъ преобладанія южнаго племени, — какъ ни естественно, повидимому, его признавать, — до самаго недавняго времени, или даже до сихъ поръ подавалъ поводъ въ историческимъ спорамъ, которые отразились и на пониманіи современнаго общественнаго положенія малорусской народности. Когда одни считаютъ современную южную Русь продолженіемъ и потомствомъ древней, другіе объявляли ее новымъ пришедшимъ племенемъ, и историческую традицію Кіева отдавали исключительно великорусскому племени, полагая (какъ Погодинъ), что

въ южной Руси жили и дѣйствовали «іевскіе великороссіане». Отнимая у южнаго племени преданія древней исторіи, эта точка зрѣнія давала опору и тому взгляду, который находилъ вреднымъ современное развитіе малорусской литературы, какъ опасный или ненужный сепаративизмъ. Такимъ образомъ, историческій вопросъ о древней южной Руси приобретаетъ и современный интересъ. Какое же изъ двухъ мнѣній согласнѣе съ фактами?

Точка зрѣнія, сейчасъ нами указанная, чисто доктринерская, есть результатъ превратно понятой идеи національности, или бюрократической идеи о необходимости «объединенія»; ея историческая подпорка, «іевскіе великороссіане», есть столь же превратное пониманіе исторіи.

Во времена присоединенія Малороссіи, и долго послѣ, никому не приходило въ голову ни считать малороссовъ чужимъ племенемъ, ни превращать ихъ въ великороссовъ; въ нихъ видѣли народъ близкій, родственникъ, особливо и единовѣрный, и, положимъ — изъ политическаго разсчета, признавали ихъ общественную особность. По воинственной энергіи малорусскаго вѣчества, передъ тѣмъ такъ блистательно отстаивавшей свою народность, отдавали справедливость и этнографической, хотя уже провинціальной особности. Слѣдъ подобнаго взгляда оставался до сихъ поръ въ исключительномъ положеніи цѣлой области — Донского Войска. По славѣ іевской учености, въ которой обращалась уже и старая Москва, извѣстнымъ образомъ уважали и особенности малорусской образованности.

Но понятно, что съ теченіемъ времени господствующая государственность не могла не вовлекать постепенно Малороссію въ общій порядокъ вещей. Мало-по-малу общественныя отличія малорусской жизни стирались подъ вліяніемъ общихъ административныхъ учрежденій, которыя были распространяемы на Малороссію: ея старое крѣпостное право было подновлено русскимъ — рабадчей мнѣній въ Малороссіи при Елизаветѣ; мѣстное управленіе введено русское; образованность со временъ Петра шла уже изъ русскихъ источниковъ; высшій классъ малорусскаго общества больше и больше сливался съ русскимъ; наконецъ, образованность, развивавшаяся исключительно на русскомъ языкѣ, устраняла совсѣмъ мѣстные элементы. Сама Малороссія не играла, впрочемъ, одной пассивной роли: съ XVII вѣка и почти до половины XVIII в. она доставляла Россіи школьную ученость, исторія которой есть цѣлый особый періодъ въ исторіи русской школы; она поставила ревностныхъ помощниковъ петровской реформы и много послужила русскому образованію. Когда Малороссія, сво-

ими высшими властями, вошла уже въ составъ русскаго общества, дѣлила общую русскую образованность и литературу, она участвовала въ послѣдней рядѣ болѣе или менѣе замѣчательныхъ писателей, и одинъ изъ нихъ, Гоголь, въ характерѣ котораго такъ сильны малорусскіе элементы, сталъ исходнымъ пунктомъ современной русской литературы. Мѣстная малорусская жизнь сохраняла до послѣдняго времени своеобразныя черты, говорившія объ иномъ національномъ характерѣ, чѣмъ великорусскій; народная повѣя представила богатую оригинальность, единственную въ своемъ родѣ... Эта живая особенность народной жизни искала, наконецъ, литературнаго выраженія, и съ конца прошлаго столѣтія возникаетъ новая малорусская литература на народномъ языкѣ, подъ руками людей великорусскаго образованія, но сохранившихъ интересъ къ своей народности, и начавшихъ съ забавы и шутки, она уже вскорѣ перешла къ мотивамъ народнымъ, къ народному романтизму (въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ) и къ бытовому реализму (въ новѣйшее время). Вѣднѣйшій успѣхъ этой литературы въ своей области указывалъ, что она удовлетворяла дѣйствительной потребности.

Какъ со стороны Великой Руси не было нетерпимости къ малорусской народности, такъ и для самой Малороссіи, при всѣхъ тяготахъ «возсоединенія», при всей неохотѣ мѣнять независимость (хотя и не очень надежную) на подчиненіе новой власти, при различіи народныхъ характеровъ, присоединеніе къ Россіи имѣло, безъ сомнѣнія, свою сочувственную сторону, какъ возстановленіе національнаго цѣлаго. Малороссія жила съ Россіей, переносила тяготы новаго порядка, но и участвовала въ лучшихъ интересахъ образованности; стремленія ея лучшихъ людей могли быть и бывали параллельны съ стремленіями лучшихъ людей русскаго общества, наконецъ, отождествлялись съ ними.

Довольно странно былъ поставленъ вопросъ о народности белорусской. Западная Русь была присоединена позднѣе южной, и ея внутреннее положеніе было значительно иное. Ея дѣятельная роль кончилась давно: значеніе русскаго элемента, сильное при литовскихъ князьяхъ, было подавлено съ польскимъ господствомъ и введеніемъ уни; оно забылось во времени раздѣленія Польши, когда къ русской имперіи присоединены были именно русскія нѣкогда области. При Екатеринѣ II, на западный край взглянули у насъ именно съ польской точки зрѣнія: русское населеніе было крѣпостное, оно и осталось такимъ; за польской аристократіей оставлены ея помѣщичьи права; іезуиты нашли покровительство; русскій элементъ не былъ замѣченъ. Импера-

торъ Александръ думалъ даже, въ своихъ великодушныхъ порывахъ, возвратитъ Польшѣ эту область, которую считалъ за польскую; Карамзинъ воевалъ противъ этого плана, ссылаясь на древнюю исторію, на государственную цѣлость, и не вспоминая о живой, существующей русской народности. Въ послѣдующее царствованіе взглянули иначе на дѣло, и въ смыслѣ тогдашней «народности» произведено было воссоединеніе уни: огражденіе отъ католицизма было, безъ сомнѣнія, полезно, но переворотъ, обдуманнѣй въ тайнѣ канцелярій, произведенный административнымъ образомъ, не достигъ еще національнаго возрожденія края: положеніе русскаго населенія осталось безъ переменъ; воссоединенный изъ уни бѣлоруссъ оставался крѣпостнымъ польскаго помѣщика. Въ русскомъ обществѣ переворотъ не произвелъ большого впечатлѣнія: оно оставалось равнодушно къ факту, въ совершеніи котораго ничѣмъ не участвовало, — не торопилось знакомиться съ народностью, которая, послѣ территориальнаго присоединенія, теперь вновь была введена въ національное единство; «общество» продолжало считать край почти или совсѣмъ польскимъ; русскіе люди, туда попадавшіе, часто ополчались тамъ не хуже, чѣмъ въ самой Варшавѣ...

Русское общество относилось къ этимъ явленіямъ, какъ бы замѣтили, до сихъ поръ довольно безучастно; оно мало заботилось и о бѣлорусской, и о малорусской народности. Но въ послѣднія лѣтъ пятнадцать, особенно съ польскаго возстанія, онѣ привлекли на себя съ разныхъ сторонъ вниманіе, не весьма благоприятное. Изданіе малорусскихъ книгъ сдѣлалось затруднительнымъ; въ литературѣ поднялись извѣстные вопли о сепаратизмѣ; наконецъ, когда, по усмиреніи польскаго возстанія, русскіе дѣятели стали работать для восстановленія въ западномъ край русской народности, явилось новое мнѣніе, нашедшее много сторонниковъ, что народность западнаго края есть «испорченная» русская народность, что ея особенности, непохожія на великорусскія — происходятъ отъ забвенія настоящей старины и особенно отъ польскихъ вліяній, и что поэтому ее слѣдуетъ поправлять, по образцу народности великорусской. Малорусская народность подвергалась не менѣе недружелюбнымъ подозрѣніямъ; заботы о ней приписаны неблагонамѣренности; богѣ умѣренные противники малорусскихъ книгъ говорили, что языкъ ея племени не настолько отличается отъ русскаго, чтобы требовались особые книги для народа и особенно для школы, что малорусская литература вообще есть только прихоть, дѣло небольшой группы людей и т. д. Вообще полагали, что нужно

стремиться къ объединенію, или единообразію языка, образованія, литературы, — и что развитіе и воспріятіе мѣстныхъ особенностей и провинціализма должно вредить не только національному, но и государственному интересу.

Мы остановились на этихъ современныхъ спорахъ потому, что въ основаніи ихъ лежатъ, между прочимъ, неправильное пониманіе старыхъ этнографическихъ отношеній русской національности и ихъ исторіи. Вслѣдствіе того, что господствующимъ племенемъ, начиная отъ средняго періода нашей исторіи, было племя великорусское, которое остается господствующимъ и теперь, у насъ привыкли думать, что оно именно всегда было единственнымъ представителемъ всей русской исторической національности, что всѣ другіе народныя отгѣнки составляютъ лишь его порчу, особенно подъ чужими, враждебными, извращающими вліяніями, какъ нарѣчія малорусское и бѣлорусское подъ вліяніями польскими.

Со временъ Карамзина въ особенности у насъ привыкли думать, что въ нашей исторіи была такая же непрерывная нить одной народности, какъ была непрерывная нить княжескаго преемства отъ Рюрика и до новѣйшихъ временъ. Государство началось съ Рюрика и продолжается до нашего времени; также продолжается и народъ. Въ древней литературѣ принималось такое же однородное движеніе, отъ Нестора до Степенной книги, и потомъ такой же переходъ въ новую литературѣ. О древнемъ русскомъ языкѣ думали, что онъ также представлялъ однородное цѣлое, непосредственно близкое къ старо-славянскому, въ старину былъ почти тождественъ съ нимъ, и что выдѣленіе нарѣчій принадлежитъ уже позднѣйшимъ временамъ. Гречъ и современные ему грамотѣи думали, напримѣръ, что малорусское нарѣчіе есть просто русскій языкъ, «испорченный» полонизмами во время польскаго господства. Такимъ образомъ, для древняго періода не принималось никакихъ этнографическихъ отличій между югомъ, сѣверомъ и сѣверо-востокомъ; и относительно языка, примытъ преемникомъ языка обитателей кievской Руси предполагался языкъ великорусской Москвы XV—XVI в., и т. д.

Подобное представленіе о народности древняго періода удерживалось и тогда, когда явились первыя мысли объ исторіи русскаго языка, понятой уже въ научномъ смыслѣ. На первый взглядъ изслѣдователи находили, что древне-русскій языкъ, очень близкій къ старославянскому, былъ въ томъ первоначальномъ періодѣ, который отличается богатствомъ и твердостью формъ; что другой періодъ его, періодъ «превращеній», т.-е. унаида формъ, забвенія старины, распаденія на нарѣчія, начинается

только въ XIV-мъ столѣтіи, такъ что древній періодъ еще не зналъ ихъ и отличался первобытнымъ единствомъ.

Но когда вопросъ о древнемъ языкѣ привлекъ болѣе подробныя изысканія, мнѣнія изслѣдователей раздѣлились. Одни приняли безусловно указанную точку зрѣнія, старались поддержать историческими соображеніями выводъ, сдѣланный историками язи. Трудно объяснимымъ обстоятельствомъ оставалось то, какимъ образомъ малорусское нарѣчіе, начало котораго относили не далѣе какъ къ XIV-му вѣку, могло быстро развиться въ столь особенный видъ, что великій знатокъ славянства, Шафарикъ, находилъ возможнымъ считать его за отдѣльное нарѣчіе. На это находилъ объясненіе, которое въ то же время должно было снова подтвердить однородность кievской Руси съ московскою; иные говорили, что населеніе позднѣйшей Малороссіи—новое: татарское нашествіе истребило старое населеніе кievскаго края, и на его мѣсто явились новые поселенцы изъ-за Карпатъ, которые принесли съ собою и новый характеръ быта и свое нарѣчіе, столь далекое отъ русскаго (великорусскаго): это населеніе уже не могло помнить кievскихъ преданій, перешедшихъ на северъ, и не можетъ имѣть притязаній на древнюю историческую традицію ¹⁾.

Противъ этого сдѣланы были возраженія, если не очень убѣдительныя, то во всякомъ случаѣ очень ослабляющія предшущее мнѣніе. Возраженія касались, во-первыхъ, исторіи, во-вторыхъ—языка. Въ бытовыхъ фактахъ древности, въ повѣи Сива о полку Игоревѣ указывали черты, объяснимыя именно малорусскимъ характеромъ; въ языкѣ древнихъ памятниковъ, гдѣ въ церковную книжность проникалъ народный говоръ, находили свойства малорусскаго нарѣчія. Таковы были толкованія Максимовича, который едва ли не всѣхъ усерднѣе защищалъ древность

¹⁾ Въ такомъ смыслѣ говорилъ Погодинъ, въ спорѣ съ Максимовичемъ, и мнѣнія раздѣлили и новѣйшіе противники такъ-называемаго малорусскаго „сепаратизма“. Впрочемъ, въ нашей литературѣ высказывались по этому предмету и индѣзвѣныя мнѣнія, какъ напримѣръ, въ статьѣ г. Кавелина: „Мысли и замѣтки о Русской исторіи“ („Вѣстн. Евр.“, 1866, іюнь, стр. 925). Г. Кавелинъ спрашиваетъ: „Что же такое великоруссы? Откуда взялись они, когда до XI или XII вѣка они не существовали? Откуда взялся у нихъ этотъ удивительный смыслъ къ государственности, удивительный тѣмъ болѣе, что его, въ этой степени, не оказалось ни у одного изъ прочихъ славянскихъ народовъ? Эти вопросы—основные, первые, не только въ Русской исторіи, но и въ исторіи всего славянскаго племени. Къ сожалѣнію, они-то именно и разработаны всего слабѣе. Пока, мы должны довольствоваться однимъ догадками“... Изъ статьи г. Кавелина читатель можетъ убѣдиться, что намъ извѣстно въ эту этнографическую сторону предмета вовсе не мало.

малорусской народности и ея историческія права. Въ указаніяхъ перваго рода было много справедливаго; филологическая сторона доказательствъ была слабѣе: вопросъ о древнемъ языкѣ, съ этнографической стороны, и теперь еще мало разработанъ, а двадцать лѣтъ назадъ, когда велся этотъ споръ, онъ былъ едва набѣженъ, и факты, собранные Максимовичемъ, были далеко не точны и не убѣдительны.

Исслѣдованіе языка можетъ служить однимъ изъ важнѣйшихъ указаній о характерѣ народности. Но въ этомъ случаѣ представляются затрудненія, при которыхъ не легко было придти къ точнымъ выводамъ,—литература кievской Руси неизвѣстна намъ въ своихъ первоначальныхъ памятникахъ; мы знаемъ ея произведенія только въ болѣе позднихъ спискахъ, сдѣланныхъ на сѣверѣ, причемъ естественно должны были теряться первоначальные оттѣнки языка, въ которыхъ можно было услѣдить мѣстное нарѣчіе. Тѣмъ не менѣе, новымъ изысканіямъ удалось найти точки опоры, при которыхъ исторія языка становится возможна. Прежде ограничивались обыкновенно лишь внѣшнимъ сравненіемъ языка старыхъ памятниковъ и современнаго малорусскаго нарѣчія, и по немъ дѣлали поспѣшныя заключенія или о новостіи этого нарѣчія и сходствахъ его съ другими славянскими нарѣчіями, или напротивъ о его старинѣ. Новые изыскатели (въ особенности гг. Потебня и Житецкій) ввели въ исслѣдованіе, во-первыхъ, вообще болѣе внимательный пересмотръ звуковъ и формъ въ ихъ исторической связи и послѣдовательности; во-вторыхъ, ввели изученіе мѣстныхъ говоровъ, гдѣ среди новыхъ образованій сохраняются иногда отдѣльныя черты большой древности, которыя могутъ нерѣдко служить важными фактами старой исторіи языка.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности названныхъ изслѣдованій, специально филологическихъ; довольно привести нѣкоторые общіе выводы, сдѣланные г. Житецкимъ ¹⁾,—по нашему мнѣнію, наиболѣе вѣроятные изъ всего, что было до сихъ поръ высказано по этому предмету.

Подвергнувъ внимательному и очень сложному изслѣдованію звуковую исторію малорусскаго нарѣчія, авторъ ставитъ результаты, достигнутые имъ относительно языка, въ связь съ этнографической исторіей племени. Въ своихъ общихъ заключеніяхъ онъ выходитъ изъ того положенія (у насъ довольно новаго и совер-

¹⁾ Забѣлательное изслѣдованіе его: „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“, печаталось въ прошломъ году въ кievскихъ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ и затѣмъ вышло отдѣльной книгой (Кievъ, 1876).

шенно справедливого), что русскій древній языкъ, или пра-языкъ, который долженъ считаться источникомъ всѣхъ позднѣйшихъ вѣтвей или нарѣчій, вовсе не былъ единообразнымъ цѣлымъ во всемъ племени, но что, напротивъ, онъ уже заключалъ въ себѣ известное разнообразіе, отражавшее непосредственный бытъ разрозненныхъ племенъ, но покрываемое общимъ характеромъ, общими основными свойствами языка. Это разнообразіе и послужило исходнымъ пунктомъ въ дальнѣйшемъ развитіи нарѣчій, которыя, приобретши впоследствии свои особыя звуковыя системы и формы, соединяются однако многими общими свойствами; эти свойства — именно тѣ, которыя принадлежали древнему языку и которыя отличаютъ всю сумму русскихъ нарѣчій отъ другихъ нарѣчій славянскихъ. Но древніе зародыши нарѣчій, заключающіеся смутно въ русскомъ пра-языкѣ, не всѣ имѣли одинаковую судьбу: въ то время, какъ одни развивались и шли впередъ, другіе вымерли, или оставили свой слѣдъ лишь въ немногихъ архаическихъ обломкахъ ¹⁾.

Указавъ нѣкоторыя черты древняго языка, г. Житецкій говоритъ:

«Сводя примѣты русскаго языка въ одно цѣлое, мы должны предположить въ жизни славянорусскихъ племенъ такой моментъ, который можно было бы назвать общимъ по отношенію къ особенностямъ русскаго пра-языка. Мы не говоримъ моментъ *единства*, потому что не можемъ представить его себѣ когда бы то ни было въ живой дѣйствительности, которая должна была, какъ все живое, представлять черты разнообразія съ общими чертами одного типа. То, что мы здѣсь называемъ *общимъ*, не въ одинаковой степени было общимъ во всѣхъ мѣстахъ славяно-русскаго міра, не переставая въ то же время быть общимъ. Звуковой строй рѣчи у однихъ племенъ удерживалъ въ себѣ еще много древнихъ элементовъ, у другихъ находился уже въ новой стадіи развитія, между тѣмъ и другимъ было много промежуточныхъ ступеней, напоминающихъ живую игру тѣней и свѣта въ природѣ; встрѣчались, наконецъ, діалектическія разности, не повторявшіяся въ другихъ мѣстахъ. Вся эта подвижная звуковая дѣйствительность русскаго пра-языка не имѣла одной позднѣйшей черты — рѣзкой разчлененности элементовъ. Какъ только появилась эта послѣдняя, моментъ пра-языка окончился и вмѣстѣ съ тѣмъ началась исторія отдѣльныхъ нарѣчій.

«Когда же началась она?» ²⁾.

¹⁾ См. Житецкаго, стр. 269 и слѣд.

²⁾ Стр. 265.

Авторъ замѣчаетъ, что можно было бы искать отвѣта на этотъ вопросъ въ извѣстіяхъ начальной лѣтописи о разселеніи племенъ древней Руси. Но эти извѣстія такъ сбивчивы, что историки понимали ихъ весьма различно, — такъ что, напр., одни выводятъ племя кривичей изъ Новгорода, а нѣкоторые отъ нихъ выводятъ племя сѣверянъ (какъ у г. Соловьева); другіе новгородскихъ славянъ считаютъ вѣтвью кривичей; третьи ведутъ новгородскихъ славянъ отъ южноруссовъ (какъ г. Костомаровъ). Авторъ думаетъ, что темному лѣтописному преданію придавали слишкомъ много значенія, и что для рѣшенія вопроса о дѣленіи племенъ должны быть приняты въ соображеніе данныя изъ исторіи языка, особенно мѣстныхъ нарѣчій.

Земли между Карпатами и верховьями Днѣпра съ давнихъ, незапамятныхъ временъ были заняты славянскимъ племенемъ. Здѣсь было ядро восточнаго славянства: сюда изъ-за Карпатъ приходили новые выходцы, и отсюда уходили выселенцы на сѣверовостокъ; здѣсь надо искать и древнѣйшихъ племенныхъ группъ, отъ которыхъ отдѣлялись позднѣйшія. Оставляя лѣтописныхъ полянъ и древлянъ, авторъ находитъ болѣе цѣлесообразнымъ слѣдить за крупными современными единицами племени, опредѣляя ихъ отношенія степенью близости современныхъ нарѣчій къ архаической нормѣ русскаго пра-языка.

Исходной точкой въ этомъ отношеніи г. Житовскій принимаетъ подляско-малорусскія нарѣчія, сохранившія наиболѣе архаическихъ особенностей, — притомъ такихъ, которыя, по его мнѣнію, образовались раньше, чѣмъ отъ русскаго пра-языка отдѣлились два его главныхъ нарѣчія.

«Сами по себѣ подляскія разнорѣчія, вмѣстѣ съ сѣверными малорусскими говоромъ, составляютъ не больше какъ одну лѣзю линій, проведенныхъ отъ того же пункта, отъ котораго идутъ и великорусскія линіи, только эти послѣднія проведены дальше. Такъ, уже бѣлорусскій говоръ представляетъ черты болѣе позднія, чѣмъ подляскія разнорѣчія, хотя въ то же время болѣе древнія, чѣмъ говоры сѣверный великорусскій и южный великорусскій. Разница между говорами, какъ великорусскими, такъ и малорусскими, рѣзче всего бросается въ глаза, такъ сказать, съ конца, т.е. если смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія той границы, до которой дошли они въ своемъ историческомъ развитіи».

Что же означаетъ разстояніе отъ исходной точки до этой границы? спрашиваетъ авторъ. Означаетъ ли большее или меньшее разстояніе отъ точки исхода — что одни говоры раньше, другіе позднѣе вышли отъ нея, и нельзя ли такимъ образомъ прослѣ-

дять степень старшинства между нарѣчiami? Еслибы можно было отвѣчать положительно на эти вопросы, замѣчаетъ г. Житѣцкій, это раскрыло бы намъ всѣ этнографическія слои древней Руси: къ этому и должна стремиться разработка этнографіи, географіи и археологіи древней Руси; и только тогда, когда будутъ разяснены бытовыя и историческія условія, содѣйствовавшія образованію нарѣчій, возможно будетъ распутать этнографическія нити древнерусскаго племени и — ихъ историческую роль. Перехода къ своимъ историческимъ заключеніямъ, авторъ выставляетъ то соображеніе, что степень творческой силы въ языкѣ зависитъ отъ исторической и географической обстановки, — что племя, заброшенное вдаль или въ сторону отъ историческаго движенія, всегда способнѣе сохранить неприкосновенно старину языка, нравовъ и быта, тогда какъ другое, вовлеченное въ разгаръ исторической жизни, скорѣе покидаетъ старину, идетъ на новыя пути и развиваетъ новое содержаніе и новыя формы языка.

Ходъ языка въ древнемъ историческомъ періодѣ авторъ представляетъ слѣдующимъ образомъ:

«Пока длился племенной бытъ среди восточныхъ славянъ, ограниченный мѣстнымъ кругомъ патріархальныхъ преданій и интересовъ земледѣльческаго культа, основаннаго на обожаніи силъ природы, пока длилось непосредственное міросовершенство племенныхъ массъ, чуждое своеобразныхъ наклоненій въ ту или другую сторону, отрываемую успѣхами образованія, — до тѣхъ поръ и въ говорахъ отдѣльныхъ славяно-русскихъ племенъ, при всемъ діалектическомъ разнообразіи ихъ, не могло быть яркихъ проблѣсковъ жизни, вызванныхъ творческими потребностями народнаго духа, увлеченнаго новой системой понятій, новымъ міросовершеніемъ. Племенные говоры соответствовали несложному строю племенной жизни, заключая въ себѣ то равновѣсіе звуковыхъ элементовъ, которое мы соединяемъ съ идеей русскаго праязыка. Но, по мѣрѣ разложенія племеннаго быта, по мѣрѣ того, какъ одни племена начали выдвигаться надъ другими и вмѣстѣ съ тѣмъ началъ слагаться и крѣпнуть древнѣйшій историческій строй жизни, — древніе говоры полянъ, древлянъ и другихъ племенъ должны были потерпѣть существенныя измѣненія. Между ними должно было обнаружиться то различіе, которое вытекаетъ не столько изъ старинной разрозненности племенъ, сколько изъ новыхъ началъ общественной жизни, представлявшей уже до извѣстной степени контрастъ не только между разными слоями населенія — городскими и сельскими, но и между разными обитателями разныхъ земель, игравшихъ, какъ извѣстно, не одинаковую роль

въ общемъ ходѣ русской жизни. Мало по малу, на развалинахъ стариннаго племеннаго быта возникалъ новый порядокъ вещей, основанный на соединеніи нѣсколькихъ племенъ въ отдѣльныя группы, расположенныя на извѣстной территоріи, съ центральнымъ городомъ, именемъ котораго называлась вся земля. Въ XII вѣкѣ окончательно истекли старинныя племенные названія, а вмѣсто ихъ явились земли кievская, новгородская, полоцкая и пр.,—вмѣстѣ съ тѣмъ и говоры народные, сближенные между собою обшнмъ взаимныхъ вліяній, поддерживаемыхъ общими интересами земли, должны были отклониться отъ первобытнаго строя, основаннаго на племенномъ строѣ жизни, которая тяготѣла исключительно къ стариннымъ племеннымъ центрамъ. По всей вѣроятности, въ основаніи, такъ-сказать, *земельныхъ* говоровъ лежалъ одинъ какой-нибудь *племенной* говоръ, къ которому примыкали другіе; въ свою очередь, одинъ племенной говоръ случайно, въ силу княжескихъ наслѣдственныхъ отношеній и военныхъ захватовъ, распадавшійся между нѣсколькими землями, получалъ различныя отбѣнки въ каждой изъ нихъ, сообразно съ тѣми элементами, съ которыми ему приходилось вступать съ соединеніе. Это былъ періодъ звуковыхъ процессовъ, періодъ броженія звуковыхъ элементовъ, неуспѣвшихъ еще обособиться въ полныя и законченныя звуковые типы... Судя по всѣмъ признакамъ можно полагать, что въ этихъ только-что отдѣлившихся отъ русскаго пра-языка, не окрѣпшихъ типахъ выступили элементы, главнымъ образомъ, южнорусскіе, бѣлорусскіе и новгородскіе. Такъ дѣло шло въ теченіи не менѣе трехъ вѣковъ, съ половины IX до половины XII вѣка, пока племенной бытъ окончательно не разложился. Тогда, на смѣну земельныхъ говоровъ, начали мало-по-малу обозначаться группы еще болѣе крупныя, въ видѣ двухъ главныхъ русскихъ нарѣчій—южнаго и сѣвернаго. Земельные говоры, въ цѣлой совокупности отдѣльныхъ группъ, принимали общіе отбѣнки, дававшіе имъ характеръ отдѣльныхъ нарѣчій. Въ концѣ XII вѣка, Русь южная, кievская, и Русь сѣверная, владиміро-суздальская, встрѣтились между собою въ борьбѣ за преобладаніе въ русской землѣ, и этотъ политическій моментъ, безъ сомнѣнія, былъ плодомъ бытовыхъ различій между двумя главными половинами русской земли, различій, постепенно нараставшихъ въ предшествующее время. Намъ кажется, нельзя игнорировать этого факта для исторіи русскаго языка, если только вполне убѣждены мы, что въ жизни языка отражаются бытовыя настроенія народнаго духа, *народныхъ* понятій, вѣрованій и идеаловъ. А что идеалы южной и сѣверной Руси въ то время, о

которомъ мы говоримъ, были не одинаковы, объ этомъ свидѣтельствуесть не только политическая исторія, но и такія крупныя литературныя произведенія, какъ Слово о полку Игоревѣ и всѣ вообще южныя лѣтописи, отличающіяся южнорусскимъ складомъ міросоверщанія. Мы можемъ пожалѣть только о томъ, что произведенія эти дошли до насъ въ не-южныхъ и притомъ позднихъ редакціяхъ, и оттого собственно звуковая сторона южнорусскаго нарѣчія XII—XIII вѣка намъ неизвѣстна во всѣхъ подробностяхъ.

«...Главные черты малорусскаго вокализма въ XII—XIII в., по нашему мнѣнію, вполне обнаружены. Не было еще украинскаго говора, который выдѣлился позже изъ волынскихъ разнорѣчій, но самыя эти разнорѣчія, вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ видоизмѣненіемъ ихъ въ галицкомъ вокализмѣ, близкомъ къ украинскому, уже существовали. Такъ органически, изъ первобытной почвы русскаго пр-языка, выросло малорусское нарѣчіе съ древнѣйшимъ своимъ говоромъ, сѣвернымъ, отъ котораго къ концу кievской эпохи и въ первые годы татарщины на югѣ отдѣлились говоры галицкій и волынской. Тотъ же процессъ образования ихъ должны допустить и для великорусскаго нарѣчія, въ которомъ только древнѣйшіе говоры, бѣлорусскій и сѣверно-великорусскій, непосредственно примыкаютъ къ русскому пр-языку. Что касается южно-великорусскаго говора ¹⁾, то онъ сложился, главнымъ образомъ, изъ элементовъ бѣлорусскихъ и сѣверно-русскихъ, въ процессѣ колонизаціоннаго движенія на сѣверо-востокъ, не прекращавшагося во весь начальный періодъ русской исторіи. Вдали отъ старыхъ центровъ славнорусскаго населенія, среди инородческихъ племенъ, этотъ говоръ созрѣвалъ незамѣтно, воспринимая въ себя чужестраннія вліянія и перерабатывая ихъ вполне самостоятельно. Событія, наступившія вслѣдъ за нашествіемъ татаръ, дали этому говору преобладающее значеніе на сѣверо-востокѣ, такъ что къ тому времени, когда утвердилась власть московскихъ князей на западѣ (покореніе Новгорода, Пскова, Смоленска), южно-великорусскій говоръ является уже въ качествѣ представителя всего великорусскаго нарѣчія: ²⁾.

Эти выводы, далеко не опредѣленные и, разумѣется, не окончательно несомнѣнные, кажутся намъ однако очень близкими къ истинѣ, и во всякомъ случаѣ болѣе твердыми, чѣмъ тѣ, какіе дѣлались до сихъ поръ при слишкомъ вышнемъ наблюденіи фак-

¹⁾ Языкъ будущаго московскаго княжества.

²⁾ Стр. 269—278.

тѣмъ. Такимъ образомъ, языкъ, и вмѣстѣ народность южной Руси, въ древнемъ періодѣ надо предполагать очень близкими къ общему типу русскаго племени, но уже заявившими особый, своеобразный складъ, который, въ исключительныхъ обстоятельствахъ позднѣйшихъ вѣковъ, развился въ современную малорусскую народность. Эта народность такимъ образомъ не есть пришлый чужой элементъ (какъ думаютъ историки, выводившіе малоруссовъ изъ-за Карпаты, послѣ монгольскаго нашествія), но потомство той же древней Руси. Поэтому и присутствіе ея въ современномъ составѣ русской національности не стѣсняетъ, не ограничиваетъ подлинной русской основы (полагаемой исключительно великорусскою), но напротивъ расширяетъ, обогащаетъ ее разнообразіемъ національной натуры, характеровъ и дарованій. Тѣмъ, которымъ кажется слишкомъ большою разница двухъ народностей и которые чувствуютъ отъ того какія-то опасенія за національную цѣлость,—слѣдуетъ вспомнить, что не меньше такая областная разница между различными, особенно сѣверными и южными типами, въ Германіи, Франціи, Италіи—между пруссавомъ и пшавомъ, сѣвернымъ французомъ и провансаломъ, пьемонтцемъ и неаполитанцемъ. Странно видѣть въ такомъ разнообразіи каковой-нибудь ущербъ господствующей народности; это, напротивъ, ея богатство, и—необходимость ея развитія.

Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что этнографическія разности между сѣверной и южной Русью стали образовываться съ первыми движеніями племенъ на сѣверо-востокъ. Какъ бы ни были они сродны по происхожденію, между ними должны были явиться отличія уже вслѣдствіе мѣстнаго разъединенія, которое прежде всего ставило ихъ въ различныя условія мѣстности, климата и грунта. Южное племя раньше нашло свои областныя границы въ земляхъ кіевской, волынской, галицкой и пр., и временами поодвигалось даже еще дальше на югъ; сѣверная отрасль продолжала двигаться на сѣверъ и востокъ многіе вѣка послѣ начала исторіи. Переходъ въ болѣе и болѣе суровый климатъ долженъ былъ оказывать свое вліяніе и на физическую, и на моральную сторону быта; трудъ долженъ былъ становиться тяжелѣе и упорѣе; въ новыхъ земляхъ поселенцы встрѣчали туземныя племена, ассимиляція которыхъ не могла не отразиться на народномъ складѣ; земельныя отношенія въ новыхъ краяхъ получали иной характеръ; князь становился владѣльцемъ вмѣсто правителя; внутренняя самостоятельность общинъ терялась; наконецъ, тѣмъ дальше

на сѣверо-востокъ, тѣмъ больше удалялось сѣверное племя отъ прежняго близкаго сосѣдства съ цивилизованными странами.

На югѣ условія были значительно иныя. Въ мягкомъ климатѣ южной Руси, требовавшемъ вообще меньше борьбы съ природою, могъ образоваться болѣе воспріимчивый характеръ, съ болѣе подвижной фантазіей и поэтическимъ чувствомъ. Съ утвержденіемъ княжеской столицы на югѣ, Кіевъ, безъ сомнѣнія еще до Рюриковичей значительный городъ, сталъ центромъ торговыхъ сношеній съ югомъ и западомъ, и исходнымъ пунктомъ воинственныхъ подвиговъ, рассказъ о которыхъ въ южной летописи показываетъ, что это была уже тема для народно-поэтическихъ сказаній. Народная жизнь еще не была стѣснена княжеской властью, и сохраняла общинную свободу и вѣче. Близость Византии, вѣроятно, издавна оказывала цивилизующее вліяніе; первое прочное христіанство утвердилось на югѣ; первые книги и письменность явились въ Кіевѣ.

Такимъ образомъ еще въ древнемъ періодѣ надо предполагать вовсе не одинъ этнографическій типъ. Собственно говоря, ихъ было нѣсколько: вромѣ южнаго, кіевского—сѣверный новгородскій, западный—бѣлорусскій, и наиболѣе новый—великорусскій, главнымъ основаніемъ которому послужили два предыдущіе (съ примѣсами и южнорусскаго). Главнымъ дѣйствующимъ и во внѣшней исторіи и въ образованности былъ южный Кіевъ.

Но, какъ бы мы ни понимали отношенія древнихъ земельныхъ народностей, и степень ихъ участія въ развитіи древнерусской цивилизаціи, до-монгольскій періодъ вообще носитъ иной характеръ, чѣмъ послѣдующіе вѣка—характеръ свободной непосредственности и свѣжаго проявленія силъ: въ исторической жизни народа это была пора смѣлыхъ подвиговъ, широкаго распространенія народной области,—въ дѣлѣ образованія это была пора свѣжей воспріимчивости, живыхъ инстинктовъ цивилизаціи, оригинальныхъ начатковъ литературы и поэтического творчества.

Одно изъ существенныхъ отличій древняго періода заключается въ свободѣ народныхъ отношеній. Въ немъ мы не видимъ упорной и боязливой національной замкнутости, такъ невыгодно отличавшей московскія времена, той исключительности и нетерпимости ко всему иноземному, которая дѣлала Москву своего рода Китаемъ, закрывала ее отъ всякихъ выгодъ умственного обмена. Древняя Русь кіевскихъ временъ не знала этой исключительности, какъ не знала и одного изъ главныхъ ея источниковъ въ московскомъ періодѣ—исключительности религіозной. Церкви были уже давно раздѣлены, когда Русь приняла христіанство;

греческое духовенство, приходившее въ русскую землю, на первых же порахъ разъясняло грѣховность латинской ереси; лѣтописецъ заставляеть Владимира, еще язычника, отвергнуть папскихъ (нѣмецкихъ) пословъ, предлагавшихъ латинскую вѣру—отвергнуть еще тогда, когда онъ не имѣлъ понятія о разницѣ двухъ церквей,—на томъ основаніи, что этого не принимали отцы ихъ; обличенія латыни, переведенныя съ греческаго и самостоятельныя русскія (какъ статья Θεοδοσία) идутъ въ древней письменности съ XI-го вѣка. Впослѣдствіи, эта церковная полемика, внушенія духовенства имѣли большое вліяніе на развитіе крайней религіозной и вмѣстѣ національной нетерпимости въ московскія времена; но въ первые вѣка она не успѣла приобрѣсть такого вліянія: князья были благочестивы, свѣтская власть была въ тѣсномъ союзѣ съ духовною, но западные католическіе иноземцы, по видимому, вовсе не казались имъ еретиками, съ которыми нельзя имѣть общенія. Нравы князей въ тѣ времена, безъ сомнѣнія, даютъ понятіе и о нравахъ народа. Владимиръ Мономахъ въ своемъ поученіи именно рекомендуетъ вниманіе и гостепріимство къ иноземцамъ—на томъ основаніи, что они разнесутъ о чело-вѣкѣ добрую славу. Нравнодушіе къ доброй славі у чужихъ людей показываетъ, что ими вовсе не пренебрегали и не чуждались. Князья такъ знали чужихъ людей, что Всеволодъ, отецъ Мономаха, «сѣдя дома», т.-е. не бывавши въ чужихъ странахъ, зналъ не меньше пяти языковъ—въ томъ числѣ вѣроятно были и языки западнаго сосѣдства. Мономахъ ставитъ это въ примѣръ своимъ дѣтямъ: «въ томъ бо честь есть отъ инѣхъ земель». Наставная на благочестіи, онъ ни словомъ не упоминаетъ о недружелюбности къ латынѣ. Лѣтопись замѣчаетъ объ одной побѣдѣ Мономаха, что его слава прошла во всѣхъ дальнихъ странахъ, къ грекамъ и уграмъ, чехамъ и ляхамъ, дошла и до Рима. «Слово о полку Игоревѣ» замѣчаетъ, что славу Святослава, отца Игоря, поютъ не только близкіе народы, греки и моравы, но и вѣнцы и венеціанцы. Въ параллель съ этимъ послѣднимъ стоитъ былина о Соловѣи Будиміровичѣ (если можно на нее сослаться): Соловей, явившійся въ Кіевъ съ своими играми цареградскими и іерусалимскими, и пригѣвными изъ-за синяго моря, приходитъ изъ Венеціи поклониться князю Владимиру и жениться на его племянницѣ—тѣмъ, которая не противорѣчила бы характеру кіевскаго періода. Кіевъ дѣйствительно имѣлъ свою славу; нѣмецкіе лѣтописцы съ удивленіемъ говорятъ объ его великолѣпнѣи и богатствѣ, называютъ его лучшимъ городомъ «Греціи», т.-е. предполагаемой ими земли греческой вѣры.

Надобно думать, что религиозная нетерпимость, уже заявленная въ полемическихъ статьяхъ противъ латыни, ограничивалась пока духовенствомъ, но и въ самыхъ церковныхъ предметахъ не казалась обязательной для князей, и для мірянъ. Первыми строителями церквей были безъ сомнѣнія греки, или руководствомъ были греческіе образцы; но любопытно, что еще въ половинѣ XII-го вѣка, въ Суздальскомъ княженіи, въ то время только-что выдѣлявшемся въ своеобразную, отдѣльную великорусскую область, князь, еще по кievскимъ взглядамъ, не усумнился вызывать западныхъ (католическихъ) мастеровъ, которые и построили въ Суздальской области рядъ церквей, въ несомнѣнномъ романскомъ стилѣ.

Наконецъ, князья роднились съ иноземными владѣльцами. Съ одной стороны, они брали себѣ въ жены дочерей степныхъ владѣльцевъ, половецкихъ хановъ; съ другой—вступали въ родство съ западными князьями и государями. Лѣтопись упоминаетъ нѣсколько подобныхъ браковъ дѣтей Ярослава, браковъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ, какъ браки Гаральда Норвежскаго и дочери Ярослава—Елизаветы; Андрея, короля венгерскаго, и Анастасіи; Генриха, короля французскаго, и Анны; двухъ неизвѣстныхъ по имени сыновей Ярослава съ нѣмецкими князьями, и т. д.

Древній періодъ, потому-ли, что въ немъ дѣйствовалъ оживляющій норманскій элементъ (какъ сказали бы приверженцы норманства), или, вѣрнѣе, потому, что основаніе государства, вызванное собственной инициативой племени, необходимо потребовало особенныхъ усилій народа, обнаруживаетъ воинственную энергію, которая дѣлаетъ его героическимъ вѣкомъ. Народная поэзія не даромъ всю дѣятельность русскихъ богатырей относитъ къ Киеву и князю Владиміру, на которомъ сосредоточила она весь періодъ основанія государства. Нужны были безпрестанные походы черезъ мало населенныя земли, по непроходимымъ путямъ, чтобы собрать русскія племена подъ княжескую власть; нужно было постоянно быть на сторожѣ отъ враждебныхъ племенъ, которыя, особенно на югѣ, постоянно смѣнялись, до самаго татарскаго нашествія не давали князьямъ превратиться въ мирныхъ правителей и «собрателей», и заставляли ихъ быть предводителями на войнѣ. Былина не иначе представляетъ богатырей какъ обязанными держать свои богатырскія заставы и отражать нашествія злыхъ иноземниковъ. Поэтическія преданія, записанныя въ лѣтописи и подтверждаемыя иногда иноземными историками,—какъ изображенія Святослава подтверждаются византійскими лѣтописцами,—говорятъ о той же воинственной исторіи южнаго племени, героическихъ

выдвигаетъ, военныхъ хитростяхъ, которыя такъ цѣнились въ древнія времена, и т. п. «Слово о полку Игоревѣ» показываетъ, что народно-героическія тѣмы были еще въ полномъ цвѣтѣ въ концѣ XII-го вѣка.

Какъ бы мы ни объясняли судьбу былинной поэзіи (забытой на югѣ и сохранившейся только на сѣверѣ),—къ которой мы дальше возвратимся,—нельзя не замѣтить, что въ дальнѣйшей исторіи народной и письменной поэзіи мы уже не находимъ примѣра такого живого поэтическаго отношенія къ національнымъ событіямъ. Единственное, что послѣ напоминаетъ намъ древнія поэтическія преданія, это—опять южно-русская дума.

Кромѣ поэтическихъ преданій на кievскія тѣмы, народная поэзія сохранила еще только тѣмы новгородскія; собственно великорусскій сѣверо-востокъ не оставилъ отъ того времени никакихъ поэтическихъ воспоминаній, кромѣ немногихъ отрывочныхъ преданій и монастырскихъ легендъ.

Въ народной жизни послѣ основанія государства еще многіе вѣка сохранялись народная общинная свобода и вѣчевая жизнь, которой не устранило княжеское господство: народныя вѣча не въ одномъ Новгородѣ оказывали сильное вліяніе на дѣла, на выборъ князей, на войну и миръ; удѣльные распри князей не всегда были ихъ личнымъ дѣломъ, но и соперничествомъ земель; иногда вѣче самымъ суровымъ образомъ судило князей и заявляло свои рѣшенія. Было много безпорядочнаго въ раздорахъ удѣльнаго періода, но народъ приобрѣталъ сознаніе единства, самъ думалъ о своихъ дѣлахъ, и самыя странствованія дружинъ напоминали о единствѣ земли; отдаленные края, какъ Волынь и Суздаль, Ростовъ и Кіевъ, знали другъ о другѣ. Мысль о единствѣ земли и народа была всегда реальна и памятна, и составляла убѣдительный доводъ, которому искренно или неискренно должны бывали подчиняться и наиболѣе себялюбивые изъ князей. Лучшие князья, любимцы народа, извѣстные всей землѣ, какъ Владиміръ Мономахъ, Мстиславъ Удатный, были искренно преданы благу цѣлой земли, стремились водворить согласіе между правителями, господство справедливости.

Удѣльный и вѣчевой порядокъ вещей подвергается суровымъ сужденіямъ, какъ неразвитость, какъ младенчество государственнаго начала, какъ причина слабости и, наконецъ, пораженія при нашествіи монголовъ. Справедливо; но мысль о строгомъ государственномъ единствѣ едва ли вообще могла возникнуть въ вѣ времена; вездѣ и всегда она бывала только плодомъ долгой редварительной исторіи. Древняя Русь упорно держалась за фе-

деративное начало, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: трудно представить себѣ организацію, которая бы въ тѣ времена могла равно охватить громадные пространства, занятые русскимъ племенемъ. На нашихъ глазахъ совершалось государственное объединеніе (и то неполное) германскаго племени, прожившаго въѣка своей исторіи въ федеративной формѣ. Московское княжество начало свои опыты объединенія на небольшихъ пространствахъ, и само московское царство далеко не успѣло обнять всѣхъ княжествъ удѣльной Руси. Но древній періодъ уже ясно создавалъ единство земли, и дорожилъ имъ. Первыми князьями, которые еще только подчиняли разсѣянные племена организованной (такъ или иначе) власти, казалось, что цѣль объединенія достигнута будетъ раздачей удѣловъ: предполагалось — не только дать «волюсть», какъ средство кормленія для сыновей, но и поставить земли подъ ближайшій надзоръ членовъ княжескаго рода. Объединеніе такими средствами, какія были употреблены въ Москвѣ, было еще трудно въ эти вѣка: во-первыхъ, не было мотива, который заставилъ потомъ думать о сосредоточеніи силъ противъ татарскаго господства; во-вторыхъ, княжескій домъ тѣснѣе соединенъ былъ чувствомъ родовой связи, и лучшие люди, искавшие объединенія, не такъ легко рѣшались поднимать руку на братьевъ, какъ это дѣлали московскіе князья, которымъ помогало и татарское покровительство. Государственное состояніе русской земли въ удѣльномъ періодѣ было, конечно, младенческое, но государство, выросавшее въ Москвѣ, вводя объединеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ подавляло многія стороны внутренней жизни, исчезновеніе которыхъ было, безъ сомнѣнія, нравственнымъ ущербомъ націи. Въ народѣ исчезало чувство общественной самобытности; онъ болѣе и болѣе превращался въ податную массу, пассивную и неподвижную, судьба которой могла окончиться только полнымъ закрѣпощеніемъ.

То сознаніе единства земли, о которомъ мы говорили, ясно и положительно высказывается древними памятниками. Первый лѣтописецъ начинаетъ рассказъ обзоромъ цѣлой русской земли, и постоянно имѣетъ ее въ виду; богомолецъ XII-го вѣка, отправляясь въ Іерусалимъ, молится о всей русской землѣ; пѣвецъ Игорева похода проникнуть мыслью о русской землѣ, подвигать и славѣ ея князей.

Старый вѣчевой порядокъ оставилъ свой слѣдъ на дальнѣйшей исторіи южной Руси. Какъ на сѣверѣ онъ удержался въ сельской общинѣ, такъ и на югѣ онъ сохранился и при татарахъ, и подъ литовскимъ господствомъ. Литовско-русскіе князья нужда-

лись въ военныхъ силахъ, и раздавали право землевладѣнія не только свободнымъ землевладѣльцамъ, но и городскимъ, и сельскимъ общинамъ, съ обязанностью военной службы, и такимъ образомъ удерживался старый обычай вѣкового самоуправленія. Когда началось козацкое движеніе, оно организовалось по тому же старому вѣковому обычаю.

При всей слабости государственныхъ формъ въ древнемъ періодѣ, народная жизнь, кажется намъ, носила въ себѣ зародыши сильнаго и свободного развитія. Этой свѣжести народной жизни слѣдуетъ приписать и оригинальную самобытность старой литературы. Въ самомъ дѣлѣ, если сравнить литературу древняго періода (съ ея первыхъ начатковъ приблизительно до конца XIII в.) съ послѣдующими вѣками московской письменности, то едва ли не должно будетъ признать за ней гораздо больше дѣятельности, самостоятельности и живого разнообразія.

Но, говоря объ этой литературѣ, необходимо прежде всего замѣтить, что по сохранившимся теперь памятникамъ не должно заключать о цѣломъ ея объемѣ, который, вѣроятно, былъ гораздо значительнѣе; притомъ и уцѣлѣвшіе памятники сохранились только въ позднихъ сѣверныхъ копіяхъ или передѣлкахъ. Подлинныя кievскіе памятники первыхъ вѣковъ намъ неизвѣстны. Они были истреблены въ постоянныхъ войнахъ и нашествіяхъ, которымъ подвергался этотъ край въ удѣльные усобицы, въ татарское время, и въ позднѣйшую борьбу съ Польшей и Крымомъ, — мы знаемъ ихъ только потому, что еще въ древнюю пору они распространялись, въ спискахъ, въ сѣверной Руси. До сихъ поръ ученые продолжаютъ находить произведенія, самостоятельныя и переводныя, которыя должны быть отнесены къ этому старому періоду, такъ что область его окончательно не опредѣлена до сихъ поръ. Но, несмотря на исчезновеніе памятниковъ, то, что цѣлѣло, свидѣтельствуетъ о разнообразной и оживленной дѣятельности.

Древнѣйшія преданія объ основаніи Кіева, полузабытыя о времена перваго лѣтописца, уже связываютъ его съ дунайскими странами (переходъ Кіа на Дунай и основаніе Кіевца). Кіевъ былъ главнымъ проводникомъ христіанства — и славянской письменности. Здѣсь было ближайшее сосѣдство съ Греціей и особенно съ православнымъ южнымъ славянствомъ, отъ котораго непосредственно переходили священныя книги христіанства и очень обширная литература церковная и историческая: сочиненія отцовъ церкви, житія святыхъ, «греческое лѣтописанье» — книги, переведенныя съ греческаго, и произведенія писателей

старославянскихъ. До какой степени эти переводныя греческія и старославянскія книги были распространены на Руси уже въ древности, объ этомъ свидѣлствуютъ, во-первыхъ, цѣлѣны въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ; во-вторыхъ, собственныя произведенія русскихъ писателей въ томъ же стилѣ, исповѣданія вѣры, поучительныя слова, житія, которыя кажутся произведеніями правильной школы, — такъ выработана ихъ манера и языкъ. Правда, многія изъ этихъ русскихъ произведеній отличаются книжнымъ, искусственнымъ складомъ, который перенимался отъ греческихъ образцовъ, и потому, вѣроятно, далеко не всегда могли быть доступны большинству грамотнаго люда; но они любопытны, во всякомъ случаѣ, какъ фактъ литературной восприимчивости: едва принято было христіанство въ послѣдніе годы X-го вѣка, какъ уже въ половинѣ XI-го столѣтія являются писатели, вполне овладѣвающіе новымъ порядкомъ идей и искусствомъ изложенія; въ XII-мъ является уже настоящій риторъ, владѣющій приемами церковнаго краснорѣчія, какъ очень немногіе владѣли ими и въ послѣдующіе вѣка — Кириллъ Туровскій.

Литература духовенства не остановилась на общихъ предметахъ христіанскаго вѣроученія и морали, и уже вскорѣ примѣняетъ ихъ къ фактамъ русской жизни — являются посланія духовныхъ лицъ къ князьямъ, съ практическими поученіями, и первыя житія русскихъ святыхъ: первыя распространялись въ спискахъ и по-своему вводили читателей въ общественныя дѣла; вторыя создавали изъ фактовъ русской жизни идеалы добродѣтели и святости, высказывали суровое осужденіе преступленійъ князей (въ житіяхъ Бориса и Глѣба), и снова выставляли христіанскую нравственность, какъ высшее требованіе и высшій судъ. Кіевское монашество произвело цѣлое обширное собраніе аскетическихъ житій — «Патерикъ», въ которомъ еще видны слѣды первыхъ увлеченій христіанскимъ подвижничествомъ: какъ литературный памятникъ, онъ выгодно отдѣляется отъ массы повиднѣвшихъ житій, которыя писались потомъ (въ XV—XVI ст.) на заказъ, цѣлымидесятеми, по одному шаблону. «Поученіе» Владиміра Мономаха, любопытное для историка изображенійъ княжескаго быта, не менѣе любопытно какъ литературный фактъ. Занесенное въ лѣтопись, оно, вѣроятно, и съ самаго началъ предназначалось не для одного княжескаго семейства; по языку, оно не принадлежитъ къ обычному книжному стилю, но представляетъ живую народную рѣчь, — какъ и «Слово» Даниила Заточника.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ явленій древней южной письменности

женности была лѣтопись. Начала ея положены несомнѣнно еще при первыхъ князьяхъ. Та форма, въ какой мы знаемъ теперь старую лѣтопись, не есть уже первоначальная ея форма. Это — сборникъ, составленный въ первые годы XII-го столѣтія, въ который, кромѣ первоначальной лѣтописи и ея погодныхъ продолженій, вошли дополненія изъ другихъ источниковъ, и между прочимъ цѣлыя сказанія, написанныя сначала независимо отъ нея. Какъ самый сборникъ сдѣланъ былъ впервые въ Кіевѣ, такъ и первоначальныя составныя части его принадлежатъ Кіеву: «Повѣсть временныхъ лѣтъ», сказанія о печерскомъ монастырѣ, о Борисѣ и Глѣбѣ и т. д. Мысль о составленіи «Повѣсти», рассказывавшей о первыхъ князьяхъ въ Кіевѣ, о томъ, какъ «стала русская земля», чрезвычайно замѣчательна для своего времени, какъ первая попытка начинающей литературы. Авторъ «Повѣсти» ставитъ себѣ задачу широкаго національнаго интереса: онъ хочетъ собрать всѣ доступныя ему свѣдѣнія о началѣ народа, о первомъ возникновеніи княжеской власти, и — какъ можетъ — исполняетъ эту задачу: онъ связываетъ русскій народъ съ цѣлымъ славянскимъ племенемъ, приурочиваетъ это племя къ библейскому распредѣленію потомства Ноева, какъ часть племени Іафета, дополняетъ библейскія преданія свѣдѣніями греческаго хронографа, къ этимъ послѣднимъ добавляетъ свои свѣдѣнія объ европейскомъ варяжскомъ сѣверѣ (неизвѣстныя византійскому хронисту), затѣмъ, собираетъ (быть можетъ, изъ западныхъ славянскихъ источниковъ) преданія о расселеніи славянскаго племени, и наконецъ, преданія о племенахъ самого русскаго славянства, ихъ жилищахъ, нравахъ, инородцахъ-сосѣдяхъ и проч. Въ исторіи князей онъ собираетъ старыя хронологическія замѣтки, существовавшіе рассказы и преданія, отчасти окрашенные народной фантазіей, и старается, сколько можетъ, провѣрять ихъ; онъ прибавилъ сюда старыя историческіе документы, какъ договоры князей съ греками, и т. д. Лѣтописецъ вообще руководится извѣстной критикою, изъ разныхъ свѣдѣній указываетъ болѣе вѣроятныя, старается восстановить хронологію первыхъ княженій сличеніемъ данныхъ, и т. п. Словомъ, авторъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» является писателемъ съ обдуманномъ планомъ. Понятно, что судить объ этомъ планѣ и выполненіи можно только, принимая во вниманіе условія времени, и первый лѣтописецъ (Несторъ, какъ думали прежде) возбуждалъ, еще со временъ суроваго и требовательнаго Шлёцера, справедливое удивленіе новыхъ историковъ, сличавшихъ его съ средневѣковыми современниками.

Лѣтописи велись и въ другихъ городахъ древней Руси. Издавна

была начата лѣтопись въ Новгородѣ; упоминается старая лѣтопись въ Ростовѣ; позднѣе число лѣтописей размножается еще болѣе, по мѣрѣ того какъ «земли» начинаютъ приобретать удѣльную особность и политическое значеніе. Но когда мѣстный лѣтописецъ или новый собиратель историческихъ свѣдѣній хотѣли начать съ древнѣйшей исторіи Руси, единственнымъ источникомъ для всѣхъ оставалась «Повѣсть временныхъ лѣтъ»: почти ничего не могли потомъ прибавить къ этому кievскому произведенію. Мало того: всѣ послѣдующіе вѣка старой Руси ничего не прибавили къ этой древней исторіи, кромѣ только баснословій о Росѣ и Мосохѣ, о происхожденіи московскихъ князей отъ Августа кесаря и т. п. Представленіе объ исторіи не превысило того, какимъ руководился авторъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ»: позднѣйшіе историки не шли дальше механическаго свода, какъ въ хронографахъ, Никоновской лѣтописи, Стененной книгѣ.

Южныя лѣтописи имѣютъ еще черту, которая выгодно отличаетъ ихъ какъ отъ современныхъ имъ сѣверныхъ, такъ и отъ позднѣйшихъ. Это—живое изложеніе, въ которомъ находятъ мѣсто не только перечень фактовъ по годамъ, но и бытовые подробности, разсказъ событій съ ихъ драматическимъ движеніемъ, поэтическая окраска, которой мы напрасно искали бы въ другихъ лѣтописяхъ, или по крайней мѣрѣ встрѣчаемъ ее очень рѣдко. Такова южно-русская лѣтопись XII-го вѣка, и ея продолженіе—такъ-называемая волынско-галицкая лѣтопись. Справедливо замѣчали, что разсказъ южно-русской лѣтописи напоминаетъ стиль «Слова о полку Игоревѣ», какъ будто образовалась уже извѣстная литературная манера, отличіемъ которой была большая близость къ чисто-народной рѣчи, живописность, проблески поэтического одушевленія, притомъ свойственнаго не монаху, но скорѣе свѣтскому лицу, можетъ быть участнику или участникамъ событій. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ особый стиль южно-русской лѣтописи связывается на пространствѣ многихъ десятиковъ лѣтъ, слѣдовательно, принадлежить многимъ лицамъ, работавшимъ надъ лѣтописью. Для объясненія того, какъ образовался этотъ литературный стиль, мы имѣемъ слишкомъ мало литературныхъ данныхъ той эпохи, но мы встрѣчаемъ его преимущественно, если не исключительно, въ памятникахъ южнаго происхожденія.

Высшимъ образцомъ этого стиля является «Слово о полку Игоревѣ». Хотя оно осталось для насъ единственнымъ памятникомъ своего рода во всей древней литературѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что «Слово» не было единственнымъ примѣромъ героической поэзіи, выросавшей изъ бурной жизни того времени.

«Слово» не есть народная пѣсня, это — книжное произведение, хотя приемы и краски его въ значительной степени взяты изъ этого источника; ссылка на пѣвца Баяна, «соловья стараго времени», указываетъ на еще болѣе старую поэзію, которая была предметомъ удивленія для пѣвца XII-го вѣка. Полагаютъ, что Баянъ былъ не столько народный, сколько княжескій дружинный пѣвецъ, не повторявшій народную пѣсню, а осаждавшій свои собственныя пѣснопѣнія во славу княжескихъ подвиговъ; но едва ли не съ этихъ именно пѣвцовъ и начиналась та эпическая поэзія, которая потомъ развивалась народомъ. «Слово» дошло до насъ крайне испорченнымъ — сначала вѣроятно отъ ошибокъ позднѣйшаго переписчика, которому были невразумительны его южные архаизмы языка и фактическія подробности, потомъ отъ ошибокъ перваго издателя, не разбиравшаго рукописи; но тѣмъ не менѣе оно поражаетъ своею оригинальностью и смѣлой поэзіей: авторъ его такъ свободно владѣетъ своимъ предметомъ, съ такой увѣренностью употребляетъ свои поэтическія сравненія, олицетворенія и проч., что надо предполагать своего рода школу этой поэзіи — которая и сообщила ему эти литературныя свойства. Давно замѣчена и та любопытная особенность, что въ «Словѣ» нѣтъ никакихъ слѣдовъ христіанскихъ воззрѣній, и напротивъ, не одинъ разъ вспоминается языческая мнѣология — обстоятельство, которое до сихъ поръ не легко объяснимо: изъ него должно слѣдовать, что христіанство и въ концѣ XII-го вѣка не было сильно даже въ княжеской обстановкѣ; во-вторыхъ, что книжная поэзія еще въ это время не прервала самой тѣсной связи съ воспоминаніями языческихъ временъ.

Во всякомъ случаѣ, «Слово» свидѣтельствуетъ опять о большой живенности южной литературы. Сѣверная письменность сохранилась вообще несравненно полнѣе, — но въ ней мы не находимъ ничего подобнаго. Тѣнь поэтической потребности пробуждалась иногда въ сѣверныхъ книжникахъ, но ихъ «повѣсти» и «сказанія», написанныя обычнымъ книжнымъ языкомъ, крайне скудны поэтическимъ содержаніемъ или даже вовсе его не имѣютъ. Такова, напр., «Задонщина»: въ ней повторяются иногда цѣликомъ фразы изъ «Слова о полку Игоревѣ», — очевидный признакъ, что у самого книжника не было ни своего одушевленія, ни поэтическихъ средствъ.

Наконецъ, въ южной письменности появляется впервые и тотъ отдѣлъ переводныхъ сказаній, героическихъ и апокрифическихъ, которые теперь извѣстны намъ болѣею частью въ позднихъ спискахъ. Въ томъ самомъ (также позднемъ) сборникѣ, гдѣ

сохранился единственный списокъ «Слова о полку Игоревѣ», включались, какъ извѣстно, и другія произведенія повѣствовательнаго характера, какъ «Девгениево Дѣяніе», византійскій романъ, греческій подлинникъ котораго отысканъ только недавно; «Сказаніе о богатой Индіи» или о знаменитомъ въ средніе вѣка пресвитерѣ Іоаннѣ; «Сказаніе о Синагритѣ», сказка изъ «Тысячи и одной ночи». Надо полагать, что сборникъ, заключавшій эти произведенія, былъ только повтореніемъ болѣе древняго сборника того же состава, такъ что мы имѣли бы въ немъ именно памятники древняго періода, и нѣкоторые обстоятельства указываютъ, что это вѣроятно такъ и было. Мы уже замѣчали, что памятники древняго періода вообще не сохранились въ своихъ старинныхъ рукописяхъ. Отсутствіе другихъ списковъ «Слова о полку Игоревѣ» показываетъ, что сохраненіе этихъ памятниковъ (въ старинныхъ копіяхъ) было дѣломъ большой случайности: она была особенно велика для памятниковъ поэтическихъ — они были чужды монастырскимъ, церковнымъ грамотникамъ, могли даже преслѣдоваться ими какъ не-христіанскіе; имъ не было мѣста ни въ летописномъ сборникѣ, ни въ собраніи житій или поучительныхъ словъ; они могли сберегаться только въ рукахъ грамотныхъ свѣтскихъ, — а свѣтскіе сборники и за болѣе позднее время очень рѣдки. Такую случайность представляетъ и «Девгениево Дѣяніе»: отмѣченное Карамзинымъ изъ рукописи, сгорѣвшей потомъ въ московскомъ пожарѣ 1812 года, оно найдено было потомъ въ болѣе новомъ спискѣ, который до сихъ поръ остается единственнымъ. Одинъ изъ старыхъ списковъ повѣсти о Синагритѣ (очень распространенной въ рукописяхъ, вѣроятно благодаря своему частому сказочному характеру) отличается старыми формами языка, по которымъ это произведеніе также должно быть отнесено къ древнему періоду.

Такимъ же образомъ, этому періоду принадлежитъ значительная доля разнообразныхъ апокрифическихъ статей, — басенныхъ сказаній о лицахъ и событіяхъ библейской и церковной исторіи, космогоническихъ мифовъ и преданій, которые были такъ распространены въ старинномъ чтеніи и дали обильный матеріалъ для народной поэзіи въ такъ-называемыхъ духовныхъ стихахъ, легендахъ и самыхъ былинахъ. Нѣкоторые изъ этихъ «отреченныхъ книгъ», т.-е. запрещенныхъ по волею гласію ихъ съ писаніемъ и принятіемъ преданіями, — извѣстны въ рукописяхъ XII—XIII-го столѣтій; другія, сохранившіяся въ болѣе позднихъ спискахъ, идутъ, вѣроятно, также отъ очень старыхъ временъ...

Словомъ, древній періодъ нашей литературы, несмотря на то, что намъ теперь далеко не вполне извѣстны его памятники, и между прочимъ, вѣроятно и очень важные, представляетъ замѣчательное разнообразіе произведеній и свѣжую оригинальность. Этотъ характеръ старой письменности тѣмъ болѣе останавливаетъ на себѣ вниманіе, что это были первыя начала литературы у народа, ничѣмъ не подготовленнаго къ подобному успѣху. Наши историки до сихъ поръ не согласились въ пониманіи первыхъ вѣковъ нашей исторіи: одни думаютъ, что это было время очень грубаго патріархальнаго быта племенъ и полуразбойничьяго характера князей; другіе думали, не безъ основанія, что, напротивъ, древніе памятники указываютъ на значительную цивилизацію, которая, конечно, явилась не вдругъ, а выросла постепенно изъ болѣе раннихъ начатковъ. Но возможно было и то и другое. Начальный лѣтописецъ еще за свое время рассказываетъ о прикѣрахъ дикости, грубыхъ обычаяхъ у нѣкоторыхъ племенъ; къ X-му вѣку относятся извѣстія Ибнъ-Фодлана, почти сомнительныя, о сожиганіи жены при погребеніи мужа, и т.-п. Въ захолустяхъ древлянскихъ или сѣверныхъ лѣсовъ еще долго послѣ цѣлы были остатки самой первобытной языческой дикости. Но тотъ же лѣтописецъ старательно выдѣляетъ своихъ полянь, какъ народъ гораздо болѣе цивилизованный; и нѣтъ сомнѣній, что онъ дѣлаетъ это вовсе не изъ одного мѣстнаго племенного самолюбія, но и по факту, потому что городъ полянь, Кіевъ,—какъ на сѣверѣ Новгородъ,—являются дѣйствительно главными пунктами національной жизни, гдѣ еще до прихода варяжскихъ князей должны были существовать зародыши цивилизаціи и во всякомъ случаѣ расположеніе къ ней. Таково древнее кіевское христіанство; таково раннее появленіе грамоты, о которомъ свидѣлствуютъ написанные договоры Олега и Игоря съ греками и пр.

Исторія древней русской церкви и письменности указываетъ на тѣсную связь русской земли, и всего больше, конечно, Кіева, съ южнымъ славянствомъ. Мы знаемъ очень мало о томъ, какими путями и въ какихъ формахъ происходили эти сношенія, но изъ состава древней письменности видно, что цѣлая масса памятниковъ пришла къ намъ именно изъ южно-славянскихъ земель,—начиная отъ книгъ библейскихъ и богослужебныхъ, до писаній св. отцовъ, церковныхъ постановленій, житій святыхъ, греческихъ хроникъ, апокрифическихъ сказаній и повѣствовательныхъ, сказочныхъ произведеній. Старо-славянскій языкъ этихъ произведеній не былъ тождественъ съ древне-русскимъ, но во всякомъ случаѣ очень къ нему близокъ; церковные памятники

получили извѣстный священный характеръ, неприкосновенность; русскіе писцы старались сохранять особенности старо-славянскихъ подлинниковъ; духовенство, привыкнувъ въ языку богослужебныхъ и отеческихъ книгъ, принимало его и для своихъ писаній, — такъ что для грамотныхъ людей старо-славянскій языкъ становится обычнымъ письменнымъ языкомъ, что еще больше помогало распространенію книгъ, приходившихъ отъ южныхъ славянъ, какъ и распространенію русскихъ книгъ у южныхъ славянъ. Извѣстна о русскихъ, жившихъ въ Царьградѣ и на Аѳонѣ для изученія монашескихъ уставовъ и для списыванія книгъ; путешествія къ святымъ мѣстамъ; церковныя сношенія съ южно-славянскимъ духовенствомъ указываютъ пути связей съ греко-славянскимъ югомъ. О прямыхъ литературныхъ связяхъ съ Византіей въ древнемъ періодѣ мы знаемъ мало; но и они безъ сомнѣнія существовали, и Царьградъ, давно извѣстный по торговымъ сношеніямъ, военнымъ походамъ князей съ варяжскихъ временъ и до конца удѣльнаго періода, приобрѣлъ теперь великую славу по своимъ сѣтямъ, поражающимъ сѣверныхъ странниковъ. Въ былинахъ сохранилось туманное представленіе о греческомъ царствѣ, его богатствѣ и искусствахъ.

Кромѣ переводныхъ съ греческаго церковныхъ памятниковъ, въ русской письменности появлялись и собственные произведенія южнаго славянства, какъ труды Климента, Іоанна экзарха Болгарскаго, и др.; житія болгарскихъ и сербскихъ святыхъ нашли чествованіе въ русской церкви, и наоборотъ — русскіе святые извѣстны были у южныхъ славянъ.

Въ древней русской письменности остались слѣды и болѣе далекихъ литературныхъ связей. Это — житія чешскихъ святыхъ, Вячеслава и Людмилы; о первомъ изъ нихъ упоминается уже въ древнемъ житіи Бориса и Глѣба: Борисъ читалъ житіе чешскаго святого.

Любопытно наконецъ, что международныя связи подобнаго рода не ограничивались славянствомъ. Новгородская легенда, не стѣсняясь еще византійскимъ отверженіемъ латыни, выводитъ своего мѣстнаго святого изъ Рима, откуда онъ приниылъ въ Новгородъ на камиѣ. Извѣстно упоминаніе «Ильи русскаго» въ нѣмецкомъ стихотвореніи XII—XIII вѣка, показывающее, что русскій богатырь уже въ тѣ времена имѣлъ славу, доходившую и до иноземцевъ. Съ другой стороны, глѣтонисъ упоминаетъ, хотя однимъ только словомъ, «поганана злого Дедрива», подъ которымъ надо разумѣть Дитриха Бернскаго, героя нѣмецкихъ средне-вѣковыхъ поэмъ.

Сличая литературные факты и понятія древняго періода съ фактами послѣдующихъ вѣковъ, нельзя не замѣтить между ними большого различія: хотя древній періодъ представляетъ еще только начатки, первые шаги книжной образованности, мы находимъ въ немъ замѣчательную воспримчивость, свободную, жизненную производительность, тогда какъ второй все больше и больше уходитъ въ неподвижный формализмъ, отличается почти исключительнымъ господствомъ церковной книжности, отсутствіемъ повѣстическаго творчества, которое живетъ только въ народной области и почти не имѣетъ права въ книгѣ. Рядомъ съ этимъ, въ національных представленіяхъ стараго періода мы не находимъ той исключительности, которая во второмъ доходитъ до крайняго преѣла.

Вопросъ о томъ, чему приписать это различіе, отчего зачатки, положенные древностью, не развились впослѣдствіи, а смѣнились упрямымъ застоємъ, сводится, конечно, къ той исторической судьбѣ, какую испытали южная и сѣверная Русь. Новый порядокъ народной жизни въ сѣверныхъ княжествахъ, на новыхъ земляхъ, подчиненіе монгольскому игу, усиленіе княжеской власти и вліянія духовенства, и подобныя общія историческія условія не могли не отражаться на ходѣ умственной жизни. Не касаясь всѣхъ этихъ условій, остановимся на одномъ изъ нихъ, упомянутомъ нами прежде, именно на вопросѣ объ этнографическомъ отличіи двухъ періодовъ, хотя окончательный отвѣтъ на него и не считаемъ теперь возможнымъ, такъ какъ для его рѣшенія еще далеко не собрано всего необходимаго матеріала.

Какъ мы видѣли, одна сторона утверждаетъ, что народъ древней южной Руси былъ то же племя, которое дѣйствовало на сѣверѣ, безъ всякихъ отличій—что это были «кіевскіе великоруссы»; и что производить позднѣйшихъ южноруссовъ отъ древнихъ кіевлянъ невозможно, такъ какъ послѣ монгольскаго погрома запустѣвшая страна была вновь населена выходцами изъ Карпатъ, и что, слѣдовательно, позднѣйшіе южноруссы, съ XIII—XIV вѣка были новое племя, не имѣвшее старыхъ преданій, которыя цѣликомъ остались принадлежностью сѣвера.

Въ подтвержденіе этого, указываютъ на факты опустошеній, произведенныхъ татарами, на бѣгство жителей даже въ «дальнія траны». Но лѣтописныя извѣстія вовсе не такъ опредѣленны, чтобы дѣйствительно надо было заключить о совершенномъ опустѣніи края, объ истребленіи населенія—что было бы невѣроятно. Тогда идетъ рѣчь объ опустошеніяхъ, объ истребленіи населенія татарами, послѣ котораго будто бы уничтожена была вся древняя

южная Русь, то, разумѣется, должно говорить не объ одномъ Кіевѣ или еще нѣсколькихъ городахъ, а о цѣломъ обширномъ краѣ, населенномъ южною Русью; но этотъ край не былъ весь захваченъ татарскимъ опустошеніемъ, и когда, по минованіи погрома, кіевскія земли стали снова заселяться, онѣ могли заселяться тѣмъ же одноплеменнымъ народомъ, именно западными и сѣверозападными вѣтвями, которыя примыкали къ удѣлѣвшимся туземцамъ. Въ этихъ западныхъ и сѣверозападныхъ вѣтвяхъ велась та же древняя традиція, Волинь и Галичъ были такіе же русскія земли, какъ Кіевъ и Черниговъ, подвластные тому же княжескому дому, связаннымъ съ остальнымъ русскимъ міромъ—такъ, что для временъ до-татарскихъ не могло бы быть рѣчи о болѣе или меньшей подлинности ихъ русской народности. Слѣдовательно, старое преданіе могло храниться; но слишкомъ исключительны были тѣ внѣшнія обстоятельства, въ которыхъ поставлены были потомъ народъ и его преданія. Народная традиція вообще упорна и вынослива въ своихъ основныхъ чертахъ, и новѣйшіе исследователи южнорусской исторіи находятъ, вѣроятно справедливо, что такіе сравнительно позднія событія, какъ появленіе козачества, борьба съ Польшей за народную свободу и народную церковь имѣютъ свой основной корень именно въ преданіи древней Руси,—которое другіе хотѣтъ изображать чужимъ для этихъ позднѣйшихъ вѣковъ южной Руси. Въ исторіи послѣ-татарской южной Руси и Руси московской мы имѣемъ дѣло не съ двумя разными племенами, а съ однимъ и тѣмъ же племенемъ: ихъ различіе въ эпоху «возсоединенія» показываетъ только какъ далеко могутъ разойтись вѣтви одного и того же племени подъ вліяніемъ различной топографической и исторической обстановки,—особенно такой обстановки, которая разрываетъ непосредственную связь племенъ, и въ каждой вѣтви поглощаетъ всѣ народныя силы на достиженіе различно-поставленныхъ цѣлей. Непосредственная связь южной и московской Руси была разорвана ихъ принадлежностью разнымъ государствамъ; ихъ силы поглощены были на сѣверѣ—образованіемъ самостоятельнаго государства, на югѣ и югозападѣ—охраненіемъ національнаго преданія отъ подавляющаго напора съ одной стороны—ордынскихъ нашествій, съ другой—польско-литовскаго общественнаго и религіознаго гнета. Исторія сѣверной Руси, образовавшей московское царство, обыкновенно скрываетъ отъ насъ истинное положеніе Руси до-монгольской и до-московской; на всю исторію древней Руси мы привыкли смотрѣть съ точки зрѣнія московской Руси. Когда эта послѣдняя стала могущественнымъ государствомъ, когда

на ее почвѣ сдѣланы были великія національныя приобрѣтенія, намъ кажется, что ее развитіе ведется искони съ однимъ и тѣмъ же національнымъ характеромъ, — за позднѣйшимъ развитіемъ мы забываемъ предшествовавшее, и за приобрѣтеніями забываемъ потери. Мы еще не освободились отъ взгляда Карамзина, для котораго Рюрикъ или Олегъ былъ такой же глава російскаго государства, какъ московскіе цари. На дѣлѣ — Русь южная и Русь московская шли изъ одного источника, обѣ съ теченіемъ исторіи отъ него отдалились и образовали новыя національныя разновидности, изъ которыхъ одна приобрѣла господствующее значеніе и стала «великою» Русью по своему государственному могуществу.

Одно доказательство въ пользу упомянутой теоріи о «кѣвскихъ великоруссахъ» находятъ въ исторіи народной поэзіи. Въ особенности въ послѣднее время настаиваютъ на томъ фактѣ, что древнее историческое преданіе, представляемое народной эпической поэзіей (былинами), принадлежитъ исключительно Великороссіи, и, напротивъ, совершенно неизвѣстно на югѣ, именно тамъ, гдѣ происходитъ дѣйствіе героическихъ сказаній. Этотъ фактъ не разъ былъ приводимъ какъ безспорный и доказательный. Примѣръ былинъ хотѣтъ вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать образчикомъ паденія и другихъ преданій на югѣ. Но заключенія, которыя дѣлаютъ на основаніи былинъ, слишкомъ поспѣшны. Во-первыхъ, поэзію былинъ далеко нельзя считать вполне объясненной. Не говоря о мифологическихъ толкованіяхъ, по которымъ былина есть отпечатокъ древнѣйшаго, космогоническаго эпоса и въ исторіи богатырей олицетворяется борьба старыхъ божествъ и силъ природы; не говоря о толкованіяхъ символическихъ, по которымъ въ богатыряхъ и ихъ отношеніяхъ народъ поэтически олицетворялъ древнія земскія отношенія, — не говоря объ этихъ толкованіяхъ, произвольность которыхъ очевидна, самое непосредственное содержаніе былинъ невозможно относить вполне къ тому времени, на которое указываютъ имена героевъ. Къ ихъ исторической основѣ прибавились не только тѣ подновленія, которыя изъ древне-кѣвской эпохи переносятъ дѣйствіе во времена татарскихъ нашествій или дѣлаютъ Илью Муромца «матерымъ козакомъ» и ставятъ рядомъ съ Ермакомъ Тимофеевичемъ, — но и подновленія въ самыхъ тѣмахъ. Такъ-называемые старшіе богатыри, какъ недавно было указано, иногда носятъ на себѣ признаки далеко не древнихъ тѣмъ, которыя были приурочены къ богатырскому вѣку, — именно книжныхъ тѣмъ средняго періода. Въ пѣсняхъ космогоническаго содержанія окончательно намѣчены общія средневѣковыя тѣмъ

христіанской востановки, взятія изъ книгъ или ходячихъ рассказовъ; имя Владиміра очевидно здѣсь совершенно произвольно; имя Волота, мнимаго мифическаго героя, произошло только отъ случайныхъ искаженій книжнаго имени въ народномъ пересказѣ. Новыя изслѣдованія приходятъ къ тому, что подвергаютъ сомнѣнію и подлинность русскаго и народнаго происхожденія знаменитаго Соловья-Разбойника, который у нашихъ толкователей считался не иначе какъ древнимъ, мифическимъ и «вѣщимъ». Историческія имена богатырей присоединены иногда къ сюжетамъ народнаго баснословія, какъ борьба «Добрыни» со змѣемъ, и, конечно, не заключаютъ никакого собственно историческаго факта, — такъ что здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, историческаго остаются только имена. Мы не сомнѣваемся, что въ основѣ Владимірова цикла лежатъ древне-кіевскія преданія: допуская такое сомнѣніе, невозможно объяснить, откуда могли взяться самыя имена и обстановка кіевской дружинной и княжеской жизни; — но мы полагаемъ, что эти кіевскія преданія далеко не такъ чисты и подлинны, какъ обыкновенно думаютъ; что напротивъ, на кіевскую основу легло цѣлое наслоеніе позднѣйшихъ временъ, не только въ частностяхъ, но и въ сущности сюжетовъ, — что современная былина не есть произведеніе XI—XII вѣка, а вмѣстѣ и цѣлаго ряда послѣдующихъ вѣковъ. То, что называютъ «сохраненіемъ древняго преданія», было не только сохраненіемъ, но и новымъ дополненіемъ и смѣшеніемъ этого преданія, а также и потерей его. Это — не только произведенія древнія южно-русскія, но и новыя великорусскія, не только съ содержаніемъ народнымъ, но и книжнымъ.

Во-вторыхъ, исчезновеніе былины на югѣ находитъ весьма естественное объясненіе въ той народной исторіи, какую выносили югъ со временъ татарскаго нашествія, или даже раньше. Это была эпоха постоянныхъ волненій, гдѣ настоящая минута слышномъ поглощала людей; потомъ это была эпоха страшныхъ бѣдъ татарскаго нашествія, затѣмъ отчаянной борьбы за національное бытіе. Еще по рассказамъ старой лѣтописи можно видѣть, что южнорусское племя было болѣе чѣмъ сѣверное чувствительно къ явленіямъ своей общественной жизни; въ самой лѣтописи, обыкновенно книжномъ, келейномъ произведеніи, рассказъ нерѣдко получаетъ поэтическое оживленіе. Примѣръ «Слова о полку Игоревѣ», хотя и полукнижнаго, показываетъ, что настоящія событія такъ живо дѣйствовали на поэтическое чувство, что это одно могло заслонять старыя пѣсни. Въ тогдашней Руси, по тѣмъ или другимъ причинамъ, уже сильно было сознаніе единства племени,

и старыя пѣсни прививались даже въ далекіихъ концахъ племени, заносимыя дружинами, поселенцами или переходящими калитами; и понятно, что старыя пѣсни легче могли удерживаться именно тамъ, гдѣ шла не такая бурная дѣятельность, гдѣ ихъ не отгнѣснлзъ новый потокъ поэтическихъ интересовъ,—а въ южной Руси была именно такая бурная дѣятельность, и новые интересы имѣли, чѣмъ дальше, тѣмъ больше мѣстный характеръ. Исслѣдователи южнорусской исторіи уже указывали въ историческихъ условіяхъ южной Руси объясненіе того, почему тамъ развилась новая поэзія и почему, слѣдовательно, такъ-называемый кievскій эпосъ не сохранился именно на югѣ ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, не было досуга вспоминать старую поэзію, когда народъ былъ поглощенъ заботой о самосохраненіи, когда его удивленіе къ героическимъ подвигамъ должны были возбуждать не фантастическіе богатыри забытыхъ временъ, а настоящіе борцы за его вѣру и свободу. Нужно сличить эти «невольничіе плачи», эти рассказы о козацкихъ подвигахъ, съ пѣснями о какомъ-нибудь Алешѣ Поповичѣ, чтобъ видѣть, куда естественно должны были направиться чувство и захватывающій интересъ—у людей, жившихъ среди

¹⁾ Недавно, къ этому предмету возвратился и г. Житецкій, въ упомянутой книгѣ объ исторіи малорусскаго языка.

„Самыя древнія украинскія думы,—говоритъ онъ,—разсказываютъ намъ о татарскихъ набѣгахъ, татарской неволѣ, о борьбѣ козаковъ съ татарами. Эта тема связываетъ думы съ преданіями литовской эпохи, когда на сѣвну печенѣговъ и половцевъ въ кievской землѣ явились татары. Судя по содержанію „Слова о полку Игоревѣ“, можно съ увѣренностію сказать, что украинскія думы составляютъ продолженіе пѣснопѣній кievской эпохи, только въ думахъ князя-героя уступили свое мѣсто козацкимъ-героямъ, половцы—татарамъ. Дружинная поэзія стараго времени, подъ мнѣніемъ указанныхъ нами переворотовъ въ народной жизни, переродилась въ поэзію всенародную, которая въ центрѣ дѣйствія поставила тоже дружину, но уже свою, народно-козацкую, а не княжескую. Какъ только сознаніе было въ козацкѣ идеалъ народной жизни, тогдашнє преданіе о герояхъ прежней эпохи оказались неумѣстными. Объ нихъ еще можно было-бы вспомнить, если бы ничто не тревожило народнаго усиленія. Но мы видѣли, какъ были напряжены народныя силы въ борьбѣ за существованіе, какъ шибко бился пульсъ народной жизни, и потому ничего нѣтъ удивительнаго, что на берегахъ Днѣпра забыты тѣ событія, которыя происходили тамъ раньше козацкой эпохи. Народная память немного сохранила, преданій даже о литовской эпохѣ, и только воспыта въ думахъ козацкая эпоха, когда на первомъ планѣ стоялъ уже самъ народъ въ идеальной обстановкѣ *лишаря-козакка*, протестующаго противъ всякаго насилія. Вотъ почему думы, какъ эпосъ собственно козацкій, слагались въ то же время, какъ слагалось и самое козацество. Это—поэзія *новой* эпохи, хотя корни ея лежатъ въ отдаленныхъ преданіяхъ кievской старины. Это въ полномъ смыслѣ слова историческій эпосъ, поэтическая лѣтопись народной жизни, чуждая сказочныхъ, фантастическихъ преувеличеній, простая и реальная во всѣхъ своихъ подробностяхъ“. Стр. 288—289.

той обстановкѣ упорной борьбы, испытаннаго бѣдствія, одержанной побѣды. Древняя пѣсня была индифферентна, новая близка душѣ каждаго; въ древней была не всегда уже понятная фантастика, новая была исполнена глубокой современной реальности картинъ и чувства. Древняя поэзія забывалась на югѣ, какъ всѣхъ, гдѣ совершалась дѣятельная, тревожная исторія, — какъ напримѣръ вообще забывалась древняя поэзія почти во всей Европѣ; она была забыта въ кочевую эпоху, какъ теперь, въ разрастающіеся новыхъ обстоятельствахъ, забывается и самая кочевая дума — пѣвцы ея становятся рѣдкостью.

Съ другой стороны, у насъ обыкновенно имѣютъ слишкомъ преувеличенное представленіе о томъ, какъ сѣверная Русь сохранила кievскій эпосъ. До очень недавняго времени, Бирла Даниловъ былъ единственнымъ свидѣтелемъ присутствія богатырской былины въ народномъ обращеніи. Открытія Рыбникова были такъ неожиданны, что показались на первый разъ невѣроятными даже въ ученыхъ кругахъ, между «анатоками» дѣла. Недоумѣніе и удивленіе ихъ были понятны: никто до тѣхъ поръ не слыхалъ о такомъ богатомъ запасѣ былинь, который вдругъ появился на божій свѣтъ. Послѣ трудовъ Рыбникова и Гильфердинга принять былъ безоговорочно фактъ, что древній кievскій эпосъ, забытый на югѣ, сохраненъ Великою Русью. Но при этомъ не довольно оцѣниваютъ обстоятельство, что онъ сохраненъ, собственно говоря, только въ одномъ углу Великой Руси. Правда, мы еще не имѣемъ никакой точной топографіи народной поэзіи; но относительно богатырскихъ былинь, кажется, нельзя предвидѣть, чтобы нашелся другой край, кромѣ Олонецкаго (и отчасти архангельскаго), который могъ бы, хотя приблизительно, равняться съ ними по богатству былинной поэзіи. Что же это за край? Край, котораго внутренняя жизнь раскрывается для цѣлаго національнаго свѣдѣнія только во второй половинѣ XIX-го столѣтія, — край отдаленный, почти непроходимый и недоступный, гдѣ во многихъ мѣстахъ путешествіе совершается самыми удивительно первобытными способами; край, куда бѣгала масса раскольниковъ, надѣясь на недоступное убѣжище. Очевидно, что фактъ сохраненія здѣсь древней поэзіи неслучайно связанъ съ этой недоступностью, страшнымъ заолустьемъ, куда не достигали шумъ исторіи, гдѣ народный бытъ шелъ изстари неизмѣннымъ путемъ, гдѣ народъ привыкъ смотрѣть на чиновничье управленіе, какъ на что-то, приходящее совсѣмъ изъ иного, ему чужого міра, и жилъ, какъ племена Несторовскихъ временъ, имѣя «свой нравъ» и «свой обычай». Въ этой-то средѣ, удаленной, отбившейся отъ исторіи-

тсннго движенія, и сохранялись поэтическіе запасы, навопившіеся отъ старины. Этотъ народъ, живущій въ постоянной борьбѣ со скудной природой, вовсе не былъ ею подавленъ; напротивъ, въ немъ выработывалась энергія, сильные характеры,—умственные и поэтическіе интересы его истари находили себѣ пищу въ старомъ преданіи, и народъ усвоилъ и развилъ его.

Такимъ образомъ, былинная поэзія сѣвера есть явленіе очень исключительное, котораго нельзя распространить на другіе края и говорить о немъ какъ о цѣломъ великорусскомъ явленіи. Напротивъ, остальная Великая Россія забыла былину ¹⁾ — такъ же, какъ забыла ее Малая Россія; быть можетъ, забыла нѣсколько позже послѣдней,—потому что не стояла въ тѣхъ условіяхъ,—но во всякомъ случаѣ уже не сберегла ее. Исслѣдователи замѣчаютъ, что и въ самомъ сѣверномъ краѣ былина начинаетъ разлагаться, стихъ ломается, былина превращается въ прозаическій пересказъ, потомъ въ сказку, т.-е. подвергается произволу случайности, наконецъ совсѣмъ теряетъ свои отличительныя черты, блѣднѣетъ и забывается.

При внимательномъ изученіи тѣмъ народной поэзіи и ихъ мѣстнаго распредѣленія должны разъясниться больше, чѣмъ теперь, ходъ и условія этой потери старыхъ пѣсень. Столицы и большіе города, какъ извѣстно, имѣютъ въ этомъ отношеніи неблагоприятное дѣйствіе на свои окрестности — именно тѣмъ, что даютъ новый поворотъ народной жизни и сообщаютъ свои (плохія или хорошія) пѣсни: такъ, слѣдовательно, воспримчива эта почва къ потерѣ или портѣ.

Едва ли можно сомнѣваться, что, кромѣ сѣвера, забвеніе старины началось уже давно, и особенно сильно было именно въ центральныхъ мѣстахъ исторіи. Когда, въ 1620 г., англичанинъ Ричардъ Джемсъ былъ въ Москвѣ и заинтересовался русскими пѣснями, ему написали нѣсколько пьесъ, вѣроятно такихъ, какія казались писавшему особенно любопытными, и это—пѣсни о современныхъ, или очень недавнихъ событіяхъ, о Скопинѣ Шуйскомъ, о Ксеніи Годуновой, о вешовой службѣ (отчасти уцѣлѣвшая въ вариантахъ, отчасти неизвѣстныя теперь). Очень естественно было, что подобныя пѣсни устраняли здѣсь богатырскую былину изъ ея прежняго положенія, — хотя устраняли въ болѣе слабой степени, чѣмъ то было въ южной Россіи: самый характеръ нашихъ сѣверныхъ пѣсень не былъ вѣроятно такого увлекающаго,

¹⁾ Богатырскую былину еще знаютъ отчасти кое-гдѣ по краямъ Великороссіи,— всего меньше, кажется, именно въ ея центрѣ.

жизненнаго свойства, какъ южно-русскій. Паденіе богатырской былины указываетъ и тѣмъ фактомъ, что, сколько извѣстно теперь по рукописямъ, она еще въ концѣ XVII-го вѣка (можетъ быть и ранѣе) появляется въ сборникахъ въ видѣ сказки, следовательно, потеряла пѣсенный интересъ и значеніе. Въ новѣйшія времена былина смѣшивалась съ историческою пѣсней, и сближеніе Ильи-Муромца съ Ермакомъ или Стенькой Разиннымъ указываетъ, какъ потерялся смыслъ древняго киевскаго богатыря.

Итакъ, пребываніе древне-киевского эпоса на сѣверѣ можетъ найти себѣ достаточное объясненіе внѣ всякихъ предположеній о перерывѣ древней киевской народности и замѣщеніи ея новымъ племенемъ. Дальнѣйшая разработка южно-русской исторіи и общей русской этнографіи и языка, надобно полагать, разъяснитъ этотъ мнимый перерывъ, и покажетъ, что въ южно-русской народности мы имѣемъ дѣло не съ чужимъ племенемъ, а съ отраслю того же корня, отъ котораго идетъ и великорусская отрасль. Южно-русская исторія должна стоять не въ сторонѣ, а внутри русской національной исторіи; особенности южно-русской народности должны возбуждать въ насъ не подозрительную антипатію, а внимательное сочувствіе: она не отнимаетъ и не отдаетъ отъ русской народности, а обогащаетъ и расширяетъ ее.

Тѣ особенности, которыя мы указывали въ древнемъ періодѣ, въ извѣстной степени принадлежатъ безъ сомнѣнія зарождающейся южно-русской народности, которая въ тѣ времена преимущественно дѣйствовала. Съ XIII—XIV-го вѣка, югъ и сѣверъ раздѣлились политически и повели съ тѣхъ поръ различную исторію. Въ новомъ періодѣ центръ дѣятельности переходитъ на сѣверъ, и въ немъ начинается дѣйствовать народность великорусская.

А. Пилипъ.

ИЗЪ МАНФРЕДА

ХОРЪ ДУХОВЪ ВЪ ПЕРВОМЪ АКТѢ.

МАНФРЕДЪ.

.....
Явитесь, заклиная васъ, явитесь!

Въ глубинѣ темной галлерей показывается
звѣзда. Она останавливается. Слышно
пѣніе.

ПЕРВЫЙ ДУХЪ.

Зову смертнаго послушный,
Я—небесъ жилецъ воздушный!
Посмотри въ часы заката—
Что за чудная палата:
Вся расписана зарёю,
Крыта свода синевою!
Изъ заоблачнаго свѣта
Принесла меня комета;
Жду, слетѣвъ на заклинанья,
Твоего я приказанья!

Голосъ второго духа.

На скалѣ, одѣтый въ тучи,
Въ діадемѣ снѣговой,

Царь Монбланъ сидитъ могучій,
 Горь властитель вѣковой.
 Опоясанъ весь лѣсами
 Мощный двигатель лавинъ,—
 Но я чарь своихъ словами
 Надъ снѣгами властелинъ.
 Видишь мерзлыя стремнины,
 То Монблана ледники...
 Захоу—растаютъ льдины,
 И низринется въ долины
 Свѣтлый занавѣсъ рѣки!
 Потрясти до основанья
 Въ силахъ эти высоты!
 Говори, какія ты
 Хочешь дать мнѣ приказанья!

Голосъ третьяго духа.

Въ глубинѣ незримой моря,
 Въ тишинѣ покойныхъ водъ,
 Вѣтеръ волны гдѣ не гонитъ,
 Гдѣ гигантскій змѣй живетъ,
 И сирены украшаютъ
 Косы крупнымъ жемчугомъ,
 Раздались твои призывы,
 Какъ грозы далекой громъ.
 Изъ коралловаго царства
 Голосъ твой меня извлекъ,
 И на время я покинулъ
 Свой невидимый чертогъ!

Четвертый духъ.

Нѣдра, гдѣ землетрясенье
 Спитъ на лавѣ огневой,
 Гдѣ колеблются озѣра
 Сѣры смрадною волной;
 Гдѣ тяжелою пятою
 Кордильеры оперлись,

Унося свои вершины
 Въ недоступную вамъ высь,
 Повинуясь заклинанью,
 Тѣ мѣста покинулъ я,
 И всеильна надо мною
 Воля гордая твоя!

Пятый духъ.

Я—бури духъ, я царь вѣтровъ,
 Волную океанъ!
 За мною вслѣдъ
 Лишь молній свѣтъ
 Да дикій ураганъ!
 Я зыбь морей задѣлъ крыломъ,
 И темный валъ
 Вдымалъ;
 Топилъ суда, губилъ людей
 Летѣвшій слѣдомъ
 Шквалъ!

Шестой духъ.

Я тьмы ночной отъ вѣка былъ созданьемъ,
 Затѣмъ меня тревожишь дня сіяньемъ?

Седьмой духъ.

Звѣзда твоя держалась мной
 Съ тѣхъ поръ, какъ зачать шаръ земной!
 Такой прекрасный, стройный міръ
 Не разсѣкалъ еще эфиръ:
 Пряма была пути бразда,
 Изъ звѣздъ она была звѣзда!..
 Но скоро часъ ея насталъ:
 Огонь безъ формы заблисталъ...
 Кометою сдѣлалась она,
 Угрозою міру создана,

И медленно блуждаетъ въ немъ
 Непредначертаннымъ путемъ,
 Какъ аномаліи примѣръ
 Среди другихъ небесныхъ сферъ.
 Я вызванъ вѣтвой твоей
 Слетѣть съ воздушныхъ областей,
 Но я смѣюся надъ тобой,
 О, жалкій прахъ, о, червь земной!
 Стихій могучіе цари,
 Всѣ эти духи, какъ рабы,
 Поворны, лстивы и слабы...
 Чего ты хочешь? Говори!

ХОРЪ СЕМИ ДУХОВЪ.

Здѣсь поютъ въ согласномъ хорѣ
 Духи—неба, тьмы, земли,
 Бурь, горы, звѣзды и моря...
 Можемъ все мы дать.. Вели!

МАНФРЕДЪ.

Забвенья дайте мнѣ, забвенья!..

Д. С—ковъ.

КАКЪ ЛЮДИ ДЕНЬГИ НАЖИВАЮТЪ.

БЕРЛИНСКІЙ „КРАХЪ“ И ДОКТОРЪ СТРУСВЕРГЪ.

Der Börsen- und Gründungs-Schwindel in Berlin, von Otto Glagau.
Leipzig, 1876.

I.

Берлинскій «крахъ», — гибельныя послѣдствія котораго продолжаютъ тяготѣть надъ Германіею, гонятъ изъ нея звонкую монету, парализуютъ ея промышленность и уменьшаютъ ея вывозъ, предварительно поднявъ цѣны на всѣ потребности, — долженъ служить поучительнымъ урокомъ, предостереженіемъ для насъ. Можно возразить, что чрезмѣрное развитіе спекуляціи въ Германіи, и преимущественно на берлинской биржѣ, какъ главнымъ очагъ той спекуляціи, было отчасти вызвано особыми обстоятельствами, которыхъ у насъ нѣтъ; что оно достигло такихъ размѣровъ, до которыхъ намъ еще далеко. Позволительно ссылаться на отсутствіе у насъ пока положительныхъ признаковъ приближенія «краха». Когда случилась исторія московскаго ссуднаго банка, у насъ, какъ извѣстно, произошелъ уже небольшой кризисъ; паденіе московскаго банка отозвалось еще на нѣкоторыхъ кредитныхъ учрежденіяхъ въ разныхъ городахъ Россіи, и замѣтное пониженіе испытали на биржахъ именно тѣ бумаги, которыя излюблены спекуляціею, между тѣмъ какъ государственныя фонды, за исключеніемъ выигрышныхъ займовъ, колебанію почти не подверглись. Это былъ весьма ясный намекъ на то, что переполошилась у насъ тогда именно спекуляція. Паденіе одного частнаго банка не могло имѣть послѣдствіемъ пониженіе вообще биржевыхъ цѣнностей, еслибы при этомъ не дѣйствовало

опасеніе, что кризисъ приметъ серьезныя размѣры. Здѣсь явно проглянулъ страхъ, что паденіе московскаго банка могло быть только началомъ «конца», то-есть русскаго краха. И однакоже опасеніе это оказалось напраснымъ. Хотя блестящіе курсы прошлогоднихъ іюля и августа доселѣ не возвратились, однако краха не послѣдовало. Стало быть—продолжаемъ все ту же оптимистскую аргументацію—краха у насъ по обстоятельствамъ нельзя и предвидѣть.

Все это будетъ справедливо, но справедливо только въ условномъ смыслѣ, потому именно, что все это еще недостаточно, чтобы разсѣять всякія опасенія даже за ближайшую нашу экономическую будущность. Дѣйствительно, спекулятивная горячка 1871—1873 годовъ въ Германіи и преимущественно въ Берлинѣ во многомъ зависѣла отъ самообольщенія насчетъ своихъ экономическихъ силъ, вызваннаго побѣдами надъ Франціею и осуществленіемъ германскаго единства, котораго Берлинъ сталъ столицею. Дѣйствительно, прусское правительство, избравшее себѣ опору въ парламентѣ, какъ для борьбы съ Австріею, такъ и для войны съ Франціею и осуществленія германскаго единства, партію такъ называемую національно-либеральную, въ которой рѣшительно преобладалъ элементъ коммерческій, принуждено было сдѣлать этой партіи съ своей стороны уступку—осуществить ея требованія неограниченно-свободной торговой конкуренціи, принуждено было провести въ законодательствѣ полный просторъ ажіотажу и даже въ государственную финансовую политику принять ея же ученіе о необходимости золота какъ основной единицы монетнаго обращенія. Наконецъ,—что само собою слѣдуетъ изъ предыдущаго и есть несомнѣнный фактъ—спекуляція при такихъ обстоятельствахъ разгорѣлась въ Берлинѣ до размѣровъ, о которыхъ мы еще и понятія не имѣемъ, точно такъ, какъ мы не видали надъ крышами нашихъ кассъ, государственныхъ и частныхъ, тѣхъ золотыхъ тучъ, которыя пронесли надъ германскими биржами и казначействами въ образѣ пяти милліардовъ военной контрибуціи.

Но все это несходство въ экономическомъ положеніи Россіи и Германіи не должно закрывать намъ глазъ передъ тѣми чертами дѣйствительнаго сходства, какія однако оказываются.

Начать съ того, что спекулятивныя горячки и истекающіе изъ нихъ «крахи» вовсе не непремѣнно бываютъ послѣдствіями военныхъ побѣдъ. Спекулятивная горячка въ Вѣнѣ, которая произвела вѣнскій крахъ, предшествовавшій берлинскому, явилась послѣ пораженія, а не послѣ побѣдъ. Сходство заключалось въ

томъ, что въ Вѣнѣ, какъ позднѣе и въ Берлинѣ, было на лицо самообольщеніе на счетъ своихъ силъ, слабость дѣйствительнаго производства продуктовъ, въ сравненіи съ неудержимымъ, страстнымъ влеченіемъ къ созданію «новыхъ цѣнностей» бумажныхъ, то-есть къ спекуляціи, къ легкой наживѣ, къ игрѣ. Такого погрома, какой перенесла промышленность Англіи въ желѣзнодорожномъ кризисѣ сороковыхъ годовъ, и Франціи въ желѣзнодорожно-банковомъ кризисѣ Перейровъ, Миреса и т. д. въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, не могли перенести сравнительно слабые промышленные организмы Австріи и Пруссіи въ наше время, ихъ относительно-взлая производительность и недостаточный запасъ дѣйствительнаго капитала. Но, быть-можетъ, и четвертой доли того кризиса, какой разражался въ послѣднее время въ Вѣнѣ и Берлинѣ, не могли бы перенести совсѣмъ слабая производительность и скудный дѣйствительный капиталъ Россіи.

Тѣ поводы къ возникновенію спекулятивной горячки, какіе представились въ Пруссіи самообольщеніемъ и золотымъ дождемъ иностранныхъ милліардовъ, нельзя сказать, чтобы у насъ совершенно отсутствовали, какъ нельзя отрицать, что горячка эта у насъ проявлялась и проявляется, въ сравнительно-меньшихъ и не непрерывно, но наоборотъ—порывисто-возрастающихъ размѣрахъ. Громадный приливъ въ Россію иностранныхъ капиталовъ, привлеченныхъ на желѣзнодорожное строительство сперва ручательствомъ правительства за доходъ, а потомъ, и сверхъ того—правительственными займами для той же цѣли, представилъ тоже въ нѣкоторомъ родѣ золотой дождь, милліарды франковъ, привлеченныхъ на время въ Россію правительствомъ, какъ и военная контрибуція, принесенная правительствомъ въ Германію. Правда, у насъ эти милліарды, по крайней мѣрѣ по болѣе части, пошли прямо на промышленное дѣло, пущены были въ оборотъ, чего не было въ Германіи, гдѣ завоеванные милліарды собственно для промышленности такъ и остались призракомъ, настоящимъ «милліардомъ въ туманѣ», употребляя выраженіе учредителя одного изъ наиболѣе широко-оборотныхъ въ числѣ русскихъ банковъ. Но за тоже, милліарды и были не поднесены намъ, а только ссужены и тотчасъ стали собираться обратно, восходя, отправляясь многоразличными путями: процентовъ и погашеній, дохода, заграничныхъ заказовъ, помѣщенія въ самой Россіи желѣзнодорожныхъ бумагъ, то-есть возврата Россіею значительной части ссуженнаго ей звонкаго капитала. Между тѣмъ впечатлѣніе неожиданнаго, даже непомѣрнаго успѣха оста-

лось и вызвало спекуляцію. А въ видѣ новыхъ бумагъ, новыхъ «цѣнностей», то-есть въ сущности обязательствъ, получился и матеріалъ для спекуляціи. И дѣйствительно, первый припадокъ лихорадочной спекуляціи и биржевой игры мы испытали въ 1868 году, вслѣдъ за сильнымъ толчкомъ, который былъ данъ развитію желѣзно-дорожнаго строительства. Уже вскорѣ послѣ этого перваго припадка, произошла реакція, кризисъ, пожалуй нѣчто въ родѣ маленькаго «краха», который, впрочемъ, осуществился только въ Петербургѣ и притомъ коснулся не столько официальной, сколько «вольной» биржи, такъ-называемой «кулисы». Биржевая игра на короткое время притихла, но не прерывалась; разъ начавшись, она не прекращается. О, еслибъ только у насъ было болѣе простора для учредительства акціонерныхъ обществъ, мы, быть-можетъ, опередили бы Берлинъ въ этомъ дѣлѣ. Стоить вспомнить времена нѣсколько болѣе отдаленныя, хотя недавнія—самое начало шестидесятыхъ годовъ. Достаточно было облегченія разрѣшеній на учредительство акціонерныхъ компаній, чтобы у насъ появилось ихъ внезапно такое число, которое совсѣмъ не соответствовало ни дѣйствительному капиталу страны, ни наличнымъ источникамъ, подлежащимъ разработкѣ. Акціонерныя предпріятія того времени, къ которому принадлежить и приведенное выше выраженіе «милліардъ въ туманѣ», лопнули какъ мыльный пузырь, черезъ какой-нибудь годъ, иногда мѣсяцы существованія.

Но объ этомъ первомъ разочарованіи въ нашихъ силахъ, которыя мы себѣ преувеличили, теперь уже большинство не помнить. Впечатлѣніе это—хотя оно сопровождалось разореніемъ многихъ людей—совершенно изгладилось новымъ самообольщеніемъ, которое было произведено неожиданнымъ, блестящимъ успѣхомъ громаднаго, быстрого желѣзно-дорожнаго строительства, съ нанливомъ ссуженныхъ намъ иностранныхъ милліардовъ франковъ. Возьмите одни выпуски правительственныхъ желѣзно-дорожныхъ займовъ,—они уже представляютъ капиталъ около 2 милліардовъ франковъ; а какую сумму составить итогъ иностранныхъ капиталовъ, привлеченныхъ на постройку нашихъ дорогъ съ 1862 и по 1870 годъ, то-есть до перваго специально-желѣзно-дорожнаго правительственнаго займа? Вѣдъ нарицательный капиталъ нашихъ желѣзно-дорожныхъ обществъ, по свѣдѣніямъ «Вѣстника желѣзныхъ дорогъ», равняется 1.320.000.000 рублей, что составляетъ 5 милліардовъ 280 милл. франковъ, то-есть сумму, равную французской контрибуціи.

Такого простора всѣмъ видамъ акціонернаго учредительства,

забой—какъ увидимъ ниже—былъ предоставленъ въ Пруссіи, у насъ дано не было. Но самообольщеніе, жажда спекуляціи у насъ были, были и готовые спекулянты, отчасти тѣ же, которымъ не удался первый приступъ къ широкому учредительству въ Россіи. И вотъ, спекуляція набросилась на ту отрасль, въ которой учредительству былъ данъ просторъ, уже впоследствии нѣсколько стѣсненный—на банковое дѣло. У насъ «не было» частныхъ банковъ, не было кредита; землевладѣніе, городскія имущества, всѣ виды торговли и промышленности нуждались въ кредитѣ, все лежало неразработаннымъ вслѣдствіе отсутствія кредита, то-есть частныхъ и городскихъ банковъ. Такъ разсуждали у насъ; банковъ, дѣйствительно, до семидесятыхъ годовъ было мало, но за то съ тѣхъ поръ ихъ стало вдругъ слишкомъ много. Отсутствіе же кредита зависитъ, какъ извѣстно, не отъ одной малочисленности или хотя бы отсутствія банковъ, но, сверхъ того и главнымъ образомъ, отъ разныхъ другихъ причинъ: прежде всего отъ недостатка дѣйствительнаго свободнаго капитала, который могъ бы стать оборотнымъ капиталомъ промышленности, отъ недостатка запроса на ея произведенія, то-есть отъ бѣдности массы народа, отъ необезпеченности, зависящей частью отъ законодательства, а частью отъ самаго характера промышленности и торговли. Напр., тамъ, гдѣ торговые барыши расчитываются не столько въ процентномъ отношеніи барыша къ обороту, сколько прямо въ неисполненіи обязательствъ; гдѣ пріемщикъ товара не учитываетъ поставщика, именно потому, чтобы больше забрать и потомъ оттягивать уплату или просто отказаться отъ части долга; гдѣ поставщикъ, въ свою очередь, расчитываетъ свои дѣйны не въ отношеніи къ стоимости товаровъ, но въ отношеніи къ неизбѣжной своей потерѣ на неуплатахъ за ихъ поставку, а всѣмъ и качество ихъ соразмѣряетъ не съ своимъ обязательствомъ, но съ размѣромъ той же потери; тамъ, гдѣ конкурсы обыкновенно кончаются полученіемъ нѣсколькихъ копѣекъ за рубль,—тамъ дѣйствительнаго кредита и быть не можетъ. Мы говоримъ—не можетъ быть такого кредита, чтобы капиталистъ охотно отдавалъ свои деньги въ оборотъ на промышленное или торговое предпріятіе. Но тамъ все-таки возможна и даже особенно потребна такая форма кредита, при которой капиталистъ или спекулянтъ, за личное вознагражденіе, отдаетъ въ ссуду чужія деньги. Отсюда—главная потребность Россіи въ общественныхъ и акціонерныхъ банкахъ.

Но вѣдь—не говоря уже о «свойствѣ» самой этой потребности и неизбѣжныхъ со временемъ ея послѣдствіяхъ—число потреб-

ныхъ банковъ можетъ, наконецъ, перерости и самую потребность. До семидесятыхъ годовъ частныя банки считались у насъ единицами, теперь ихъ вдругъ сдѣлались сотни. Въ настоящее время у насъ 267 банковъ городскихъ, 39 коммерческихъ, 19 земельныхъ, 8 городскихъ кредитныхъ обществъ и 102 общества взаимнаго кредита. О размѣрѣ размноженія у насъ банковъ можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ: городскихъ банковъ до 1860 года было всего 19, теперь ихъ 267; коммерческихъ до 1870 года было 8, теперь—39 и т. д.

Учредительская спекуляція сдѣлала-таки у насъ на банкахъ свое дѣло, хотя не имѣла простора въ другихъ областяхъ; да и въ этой оказались, наконецъ, нужными ограничительныя мѣры. Биржевая игра, съ своей стороны, получила въ банковыхъ бумагахъ новый матеріалъ, въ дополненіе къ бумагамъ желѣзно-дорожнымъ.

Нельзя не признать, однако, что у насъ учредительство доселѣ не могло до такой степени завалить рынка созданіемъ бумажныхъ цѣнностей, какъ то было въ Австріи и Пруссіи. Но за то нельзя не имѣть въ виду, что нашъ-то рынокъ вѣдь ужъ обремененъ и безъ того бумажнымъ обращеніемъ, котораго истинное достоинство въ сущности ничѣмъ не опредѣлено, и это есть такой фактъ особаго рода, котораго въ Берлинѣ не было. Опредѣлять цѣнность бумажныхъ денегъ размѣномъ мы не можемъ, потому что его нѣтъ; опредѣлять его цѣною покупки металловъ государственнымъ банкомъ и лажемъ на золото въ частной торговлѣ мы также не можемъ, потому что это будетъ оцѣнка условная, оцѣнка настоящей минуты; а для настоящей минуты оцѣнка намъ и не требуется, потому что мы привыкли считать бумажною единицей; ни серебра, ни золота у насъ въ обиходѣ не имѣется, а въ этомъ обиходѣ бумажный рубль стоитъ *à pari*, только припасы, имъ уплачиваемые, все дорожаютъ. Стало быть, цифра лажа на золото, въ настоящую минуту, намъ почти безразлична. Но еслибы обстоятельства измѣнились, напр., въ случаѣ войны, мы на основаніи этой цифры не можемъ и предугадать, во что она обратится; во что будетъ обходиться металлическій рубль государственному банку, если онъ сталъ бы продолжать приобретать его, во что обратится цѣна золота на биржѣ. Стало быть, истинная цѣнность, внутреннее достоинство нашего бумажно-денежнаго обращенія намъ неизвѣстны, а потому мы и должны признать, что нашъ рынокъ, хотя не такъ заваленъ неопредѣленными бумажными цѣнностями частнаго характера, какъ былъ заваленъ рынокъ берлинскій въ 1873 году, но все-таки бумаж-

нымъ обращеніемъ обремененъ, то-есть иными словами, что на нашемъ рынкѣ почва, быть можетъ, тоже несовсѣмъ устойчива, на случай кризисовъ.

Вотъ нѣкоторые элементы сходства нашего положенія съ тѣмъ, какое было въ Берлинѣ до «краха». Но главная черта сходства представляется въ *нравахъ* нашей спекуляціи и всѣхъ сферъ, которыхъ она привасается. Нравы эти—положительно тѣ самыя, которые, вывавъ изъ Вѣннѣ и Берлинѣ такъ-называемый *Schwindel*, приваели «крахъ»: исторія московскаго ссуднаго банка уже до нѣкоторой степени обнаруживаетъ это; но гораздо больше того, что здѣсь обнаружено объ одномъ банкѣ, извѣстно вообще—нравы эти вообще весьма легко усваиваются. Въ одной французской комедіи, написанной въ эпоху наибольшаго процвѣтанія биржевой игры и спекуляціи, при второй имперіи, во время, видѣвшее подвиги Перейровъ и Миреса,—на вопросъ: что такое въ сущности *les affaires*?—дается такой отвѣтъ: «*les affaires—c'est l'argent des autres*». Въ Берлинѣ съ семидесятыхъ годовъ равносильное слово *Geschäft* почти замѣнилось словомъ *Schwindel* (надувательство), а названія «учредитель», «учредительство» (*Gründer, Gründung*) сдѣлались положительно бранными словами. Если до этого могло дойти въ такихъ странахъ, гдѣ торговля отличалась безъ всякаго сравненія большою солидностью, большей добросовѣстностью въ расчетахъ, чѣмъ у насъ когда-либо, то неудивительно, что помянутые спекулятивные нравы у насъ могли установиться скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Къ этому способствовала прежде всего концессионерная система постройки желѣзныхъ дорогъ. При ней оказалось, что люди безъ капитала могли ворочать милліонами и въ нѣсколько лѣтъ превращаться въ милліонеровъ, къ которымъ затѣмъ и почести шли сами собою. Нравственное поученіе, преподанное этой системой, было таково, что самый надежный и благодарный путь къ обогащенію есть путь труда, сбереженій, стараній о постепенномъ приобрѣтеніи довѣрія; что «вестъ дѣло» не стоить, такъ какъ само дѣло, въ лучшемъ случаѣ, дастъ только крохи, а надо «обрабатывать дѣла». Ловкость замѣнила все: и трудъ, и капиталъ, и довѣріе; ловкость и есть спекуляція. Самые ловкіе приемы спекуляціи берлинской намъ уже не чужды; они уже усвоены нашими дѣльцами; былъ бы только просторъ, чтобы они могли развернуться. Перестаетъ быть тайною для кого бы то ни было, какимъ образомъ у насъ реализуется капиталъ на предпріятіе и какую пустую роль, роль предлога, играетъ при этомъ само предпріятіе. Учредитель банка, имѣющій въ немъ преобладающее вліяніе, затѣваетъ промышлен-

ную разработку въ мѣстности далекой, покупаетъ тамъ заводъ, учреждаетъ акціонерное общество и предлагаетъ акціи въ подпискѣ, всевозможными рекламами, не только въ видѣ крупныхъ объявленій, но и въ видѣ «добраго слова», замолвленнаго въ той или другой изъ тѣхъ газетъ, которыя доступны для этого рода «литературной» дѣятельности. Одно изъ двухъ: или подписка удастся, или не удастся. Она удастся, если только будетъ разобрано много акцій, то-есть *получено много чужихъ денегъ*, причемъ учредитель оставитъ за собою количество акцій, достаточное для того, чтобы имѣть въ первыхъ собраніяхъ большинство. Тогда онъ продастъ образовавшемуся обществу заводъ, земли и т. д. втрое противъ цѣны, которую самъ далъ за нихъ, и затѣмъ, пользуясь хорошимъ курсомъ, подъ рукою спуститъ свои акціи. Тогда акціонерамъ придется вестъ дѣло, очевидно, невыгодно-обставленное, хотя бы даже оно и могло быть выгодно само по себѣ (что далеко не всегда бываетъ), дѣло, обремененное такой покупной цѣною, въ сравненіи съ которой возможные барышни будутъ ничтожнымъ процентомъ. Если же подписка не удастся, тогда учредитель оставитъ акціи за собою и заложитъ ихъ въ томъ самомъ банкѣ, который подчиненъ его вліянію, которымъ онъ даже, быть можетъ, управляетъ, но въ которомъ безъ всякаго сравненія больше чужихъ денегъ, чѣмъ его собственныхъ. Заложитъ онъ, разумѣется, положимъ, на сумму не выше цѣнности завода, но все-таки выгодно, особенно если при приобрѣтеніи завода написалъ въ купчей сумму гораздо большую противъ той, которую далъ, или если купилъ заводъ сперва чрезъ подставное лицо, а потомъ перекупилъ у него самъ съ огромной, но фиветивной переплатой. Какъ бы дѣло ни повернулось, въ результатѣ останется одно, почти неизбѣжное послѣдствіе, именно, что «учредитель» сорвалъ или съ акціонеровъ новаго предпріятія, или съ акціонеровъ банка огромный кушъ единственно злоупотребленіемъ своего вліянія, быть можетъ даже съ ничтожной затратой, такъ какъ первоначальное приобрѣтеніе въ дѣйствительности могло быть сдѣлано посредствомъ малаго задатка и обѣщаній, которые, затѣмъ, учредитель исполнить или не исполнить; но если и исполнить, то не изъ своихъ денегъ, а уже изъ того «куша», который онъ сорвалъ въ сущности безъ затраты капитала.

Примѣръ, который мы привели, представляетъ одинъ изъ видовъ той спекуляціи, которая ведетъ вѣрнымъ путемъ къ «краху», такъ какъ когда-нибудь должно же наступить время разсчета, то время, въ которое провѣрится портфель банковъ не съ однимъ

лабочными «счетами» въ рукахъ, но съ намѣреніемъ удостовѣриться въ благонадежности учтенныхъ векселей и принятыхъ залоговъ. А непредвидѣнный кризисъ можетъ вызвать этотъ моментъ неожиданно, прежде чѣмъ думаютъ. Не говоримъ уже о людяхъ, знакомыхъ съ дѣлами, но и тѣ непосвященные въ нихъ, которымъ однако то, что у насъ дѣлается, извѣстно im Grossen und Ganzen, не скажутъ, что приведенный выше примѣръ выдуманъ, что такихъ примѣровъ у насъ не было.

Итакъ, тѣ приемы спекуляціи и ихъ послѣдствія, какія были раскрыты берлинскимъ «крахомъ», заслуживаютъ полного нашего вниманія. Окончательный результатъ ихъ, то-есть самый «крахъ», долженъ служить намъ поученіемъ. Мы не должны закрывать себѣ глаза такими успокоительными соображеніями, что въ Берлинѣ «крахъ» былъ вызванъ особыми причинами, которыхъ у насъ будто бы вовсе нѣтъ; что къ намъ не притекали иностранныхъ пять милліардовъ франковъ; что нашъ рынокъ не обремененъ цѣнностями, до нѣкоторой степени—фигтивными; что у насъ не было ни въ одной области простора для спекуляціи трезвѣрной; наконецъ, что у насъ нѣтъ и нравственной почвы и технической подготовки для самой безцеремонной спекуляціи. Напротивъ, мы видѣли, въ нашемъ положеніи замѣчаются черты, весьма сходныя съ тѣми, какія преобладали въ Берлинѣ до «краха», и изъ которыхъ онъ собственно истекъ.

Замѣчательно, что когда начиналась война съ Франціей, берлинская биржа отнеслась къ ней недовѣрчиво. Биржа не могла предвидѣть, какой исполинскій толчокъ должны были дать успѣхи германскаго оружія ея оборотамъ. Объявленіе войны вызвало на берлинской биржѣ паденіе прусскихъ фондовъ. Такъ, прусскій консолидированный заемъ, котораго билетъ стоить теперь около 105, въ то время показывался въ берлинскомъ биржевомъ бюллетенѣ 80. Даже кредитные билеты прусскаго банка, то-есть одинъ изъ главныхъ видовъ денежнаго обращенія, билеты, которые подлежатъ размѣну, принимались съ недовѣріемъ, что доказывалось высотой лажа на звонкія деньги. Еслибы прусское правительство не имѣло въ готовности такъ-называемаго «военнаго фонда», еслибы ему пришлось откладывать начатіе серьезныхъ военныхъ дѣйствій до успѣха подписки на новый заемъ, то война могла, пожалуй, имѣть иной оборотъ. Этотъ новый заемъ, вызванный войною, съ разрѣшенія сѣверогерманскаго сейма, былъ выпущенъ на сумму 120 милліоновъ талеровъ и предложенъ къ подпискѣ по курсу 88. Курсъ этотъ показался

еще слишкомъ высокимъ, подписка не удалась; берлинская биржа подписалась въ первый день всего на три милліона талеровъ. Но въ самый день подписки, 4-го августа 1870 года, одержана была пруссаками первая побѣда—при Вейсенбургѣ. Запросъ немедленно поднялся; но министръ финансовъ, Кампгаузенъ, увидѣвъ возможность реализовать теперь заемъ по курсу, гораздо болѣе выгодному, тотчасъ закрылъ подписку и передалъ реализацію остальной части займа одному государственному кредитному учрежденію. И въ самомъ дѣлѣ, заемъ скоро поднялся выше номинальной цѣны, выше 100% или *пары*.

Дальнѣйшія побѣды и увѣнчавшая ихъ битва при Седанѣ не только возвратили берлинской биржѣ бодрость, но тотчасъ же оживили ея предпріимчивость, сообщили ея оборотамъ большую размахистость. Это выразилось прежде всего немедленнымъ «наводненіемъ» биржи бумагами иностранными. Почва была подготовлена еще д-ромъ Струсбергомъ. Теперь, дѣло началось съ разныхъ несостоятельныхъ сѣвероамериканскихъ бумагъ, которыхъ на берлинской биржѣ появилось 26 наименованій; онѣ продавались по курсамъ до 70 и даже 90, и должны были приносить 8—12 процентовъ. Въ публикѣ, тогда еще совсѣмъ незнакомой съ бумажнымъ рынкомъ, иные принимали ихъ за государственныя бумаги Соединенныхъ Штатовъ. Дороги эти не построились и пока не приносятъ никакихъ процентовъ, а нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ обанкротились; нынѣшній курсъ этимъ бумагамъ составляетъ 10—20. За ними вниманіе биржи обратили на себя бумаги нѣкоторыхъ европейскихъ, ничтожныхъ желѣзно-дорожныхъ обществъ, какъ лютихско-лимбургской, швейцарскаго Union и др.; онѣ введены были по весьма низкимъ курсамъ, по 24 до 18, и эта-то дешевизна ихъ и служила приманкой: курсъ былъ такъ низокъ, что цѣна ихъ «не могла» не подняться. Купить за 18 талеровъ бумагу, которая «стоить» 100 талеровъ и будетъ приносить 4 талера въ годъ дохода—соблазнительно. А несомнѣнность дохода подтверждалась тѣмъ, что при покупке за 18—24 талера вычислялся уже по 4% купонъ текущаго срока. На удочку этихъ бумажекъ попались многіе недостаточные люди, даже прислуга. Спекулянты вогнали ихъ потомъ въ 35 талеровъ, а теперь онѣ стоятъ не болѣе 10-ти, иные 5, даже 3 талера, такъ какъ никакого дохода не приносятъ. Въ дѣйствительности, онѣ годятся теперь развѣ на то, чтобы торговецъ, затѣвующій банкротство, могъ, посредствомъ фальсификаціи своихъ книгъ, показать употребленными на покупку ихъ, по прежнимъ курсамъ, части своего капитала, которая, такимъ образомъ, и

скроется отъ конкурса. Вѣроятно, отъ этого и зависитъ, что онѣ все еще представляютъ, хотя и ничтожную, цѣнность. Самые мелкіе изъ биржевыхъ агентовъ въ Берлинѣ, приказчики и разсильные, и теперь еще спекулируютъ на нихъ, такъ какъ цѣна имъ мѣняется ежедневно на нѣсколько грошей.

Но дѣйствія съ иностранными несостоятельными бумагами были только прелюдіею. Берлинская биржа давно горѣла нетерпѣніемъ создавать новыя цѣнности, и требовалось только большаго простора для спекулятивной дѣятельности, чтобы онѣ стали расти, какъ грибы послѣ дождя. Просторъ этотъ былъ данъ закономъ 1870 года объ акціонерныхъ обществахъ, и дождь—настоящій ливень—представился призракомъ пяти французскихъ милліардовъ.

Подъ вліяніемъ ученія о свободной торговлѣ, доведеннаго до крайней теоріи *laissez-faire*, въ маѣ 1870 года, былъ предложенъ бывшему сѣверогерманскому сейму законъ, которымъ акціонерныя общества освобождались отъ испрошенія правительственнаго разрѣшенія на ихъ устройство, а также и отъ всякаго правительственнаго контроля вообще. Достаточно было начертить уставъ и заявить учрежденіе и условія новаго акціонернаго общества у нотаріуса для того, чтобы оно могло начать свои дѣйствія, то-есть прежде всего чтобы учредители пустили акція въ продажу. Первое обсужденіе этого закона происходило 20-го мая 1870 года, когда сеймъ оканчивалъ сессію и потому торопился разсмотрѣніемъ оставшейся еще работы. Законъ объ акціонерныхъ обществахъ былъ разсмотрѣнъ въ теченіи четырехъ дней, и 27-го іюня онъ былъ уже обнародованъ. Онъ именно и предоставилъ спекуляціи желанный полный просторъ въ то самое время, когда она стремилась къ простору. А затѣмъ, подъ вліяніемъ призрака французскихъ милліардовъ, на этомъ просторѣ спекуляція развернула все свое искусство и завлекла общество въ громадныя потери. На первомъ изъ этихъ двухъ факторовъ стѣбитъ теперь же остановиться особо.

Ученіе о свободной торговлѣ—*free trade, libre échange, Freihandel*—еще не выработало рacionales предѣловъ своему примѣненію. Вѣрное въ своемъ основномъ принципѣ и первоначальныхъ своихъ практическихъ примѣненіяхъ, оно однако же становится неудобопримѣнимымъ, если его доводить логически до крайностей. Ученіе о торговой свободѣ, какъ и ученіе о свободѣ личной, должно имѣть всегда въ виду тотъ предѣлъ, за которымъ начинается—мошенничество или насиліе. Имѣя въ виду такой предѣлъ, тотъ и другой принципъ, по необходимости должны дѣлать

уступку соображенію общественной безопасности, и потому нѣкоторыя формы торговой дѣятельности, точно такъ, какъ нѣкоторыя проявленія правъ личныхъ, допускать подлежащими надзору, ограниченію со стороны государственной власти. Нѣтъ сомнѣнія, напримѣръ, что полная личная свобода предполагаетъ право каждаго носить оружіе, хотя бы заряженный револьверъ, и даже стрѣлять гдѣ угодно, подѣ личной отвѣтственностью. Но настоящее соображеніе общей безопасности требуетъ ограниченія такого личного права и даже особаго надзора за продажей пороха или приготовленіемъ динамита. Безспорно, принципъ свободы промысла требуетъ, чтобы каждый могъ лечить желающихъ обращаться къ нему за совѣтомъ, и однакоже большинство законодательствъ ограничиваютъ это право, въ видахъ безопасности людей легковѣрныхъ, малознающихъ, да, наконецъ, и всего большинства.

Нѣчто въ томъ же родѣ представляетъ вопросъ объ устройствѣ и дѣятельности акціонерныхъ обществъ. По всѣмъ своимъ условіямъ, этотъ видъ торговой дѣятельности, вмѣстѣ съ нѣкоторыми преимуществами, представляетъ серьезныя опасности. Съ одной стороны, общества эти, уже какъ ассоціаціи безыменныя и съ «ограниченнымъ кредитомъ», должны быть допускаемы не иначе, какъ съ разборчивостью; съ другой стороны, самый способъ реализаціи ими капиталовъ даетъ имъ какъ-бы участіе въ государственной монополіи выпуска цѣнностей, находящихся въ обращеніи, а потому естественно подчиняетъ ихъ нѣкоторому надзору со стороны государства. Торговецъ, выдавшій обязательство или совершившій сдѣлку, а также настоящее товарищество, то-есть товарищество на паяхъ, представляютъ личныя гарантіи, — это живые люди. Они отвѣтствуютъ всѣмъ своимъ имуществомъ и личнымъ благополучіемъ. Акціонерныя общества такой гарантіи не представляютъ. Основной капиталъ акціонернаго общества состоитъ изъ *частей* имущества многочисленныхъ, мѣняющихся лицъ, сегодня однихъ, завтра другихъ, — отвѣтственность, стало быть, постоянно перемѣщается. Сверхъ того, вся отвѣтственность принимается этими мѣняющимися участниками предпріятія только въ размѣрѣ ихъ взносовъ по акціямъ, а вовсе не въ размѣрѣ всѣхъ обязательствъ, въ которыя вступило общество. Ясно, что такимъ особымъ учрежденіемъ нерационально было бы предоставлять совершенный, безконтрольный просторъ дѣйствій.

II.

Первый приступъ спекулятивной горячки въ Берлинѣ произошелъ послѣ войны 1866 года съ Австріей; второй, несравненно болѣе сильный—послѣ войны 1870—71 годовъ съ Франціей. Это было что-то въ родѣ празднованія военныхъ побѣдъ биржевыми вакханаліями. Первое изъ нихъ имѣло характеръ преимущественно биржевой и желѣзно-дорожный; второе—учредительскій, въ самомъ широкомъ смыслѣ.

Въ первомъ періодѣ берлинская биржа приобрѣла международное значеніе, въ смыслѣ одного изъ европейскихъ рынковъ для торговли фондами, облигаціями и акціями. Значенія этого берлинская биржа прежде не имѣла. Она не только не была одной изъ первыхъ въ Европѣ, но въ самой Германіи отставала отъ биржъ гамбургской и франкфуртской. Но она скоро перегнала ихъ и стала соперничать съ вѣнскою. Одною изъ причинъ развитія биржевой игры было размноженіе банковъ въ Германіи. Мобилизируя и сосредоточивая сбереженія, частныя банки доставляютъ спекулянтамъ средства для биржевой игры, а сверхъ того, своими собственными выпусками бумагъ представляютъ для этой игры новый матеріалъ. Въ Берлинѣ биржевая игра особенно пристрастилась къ тремъ бумагамъ: акціямъ австрійскаго кредитнаго общества, австрійской южной дороги и австрійско-французской государственной дороги. Эти акціи получили въ Берлинѣ значеніе настоящихъ «игорныхъ бумагъ» (Spielpapiere) и сохраняютъ его тамъ доселѣ. На биржевомъ языкѣ, акціи названныхъ трехъ учрежденій зовутся Credit, Lombarden и Franzosen.

Въ этомъ же періодѣ возшла надъ Берлиномъ звѣзда Струсберга, «желѣзно-дорожнаго царя». Весь блескъ его дѣятельности относится именно къ періоду 1866—71 г. Барухъ Гиршъ Штрауссбергъ родился въ восточной Пруссіи; 12-ти лѣтъ отъ роду, онъ перевезенъ былъ въ Англію, гдѣ и началъ свою карьеру въ разныхъ, скромныхъ качествахъ; онъ былъ тамъ и приказчикомъ, и учителемъ, и испробовалъ многія профессіи. Черезъ двадцать лѣтъ, онъ явился въ Берлинъ, называясь уже докторъ Бетель Генри Струсбергъ. Въ Берлинѣ онъ былъ сперва торговымъ маклеромъ и комиссіонеромъ, потомъ попалъ какъ-то въ желѣзно-дорожное дѣло, гдѣ вскорѣ заявилъ необыкновенную ловкость. Въ «дѣлахъ» ловкость—первое, что идетъ послѣ капитала, а иногда, въ періоды особеннаго развитія спекуляціи, ловкость

идеть впереди самаго капитала, значить болѣе его. Никто этого не доказалъ столь блестящимъ образомъ, какъ Струсбергъ, который никогда собственнаго капитала не имѣлъ, пока не сталъ ворочать милліонами. Онъ первый примѣнилъ въ Германіи систему оптовой постройки (General-Entreprise) желѣзныхъ дорогъ; въ Германіи она носитъ его имя—«das System Strousberg»; у насъ же она сама собою подразумѣвается при концессіи.

Тогдашній прусскій министръ торговли, въ вѣдѣніи котораго находилось желѣзно-дорожное дѣло, графъ Иценпицъ былъ человѣкъ честный, но малознающій. Ему понравился такой концессионеръ и строитель, какъ Струсбергъ, который все умѣлъ уладить, всѣ препятствія устранить и приобрести расположеніе въ вліятельныхъ сферахъ. Бъ тому же, союзъ, въ который правительство изъ политическихъ видовъ вступило въ то время съ партіею, которая получила названіе національно-либеральной, далъ въ правительственныхъ кругахъ преобладаніе идеѣ «частной инициативы» какъ въ желѣзно-дорожныхъ, такъ и вообще во всѣхъ промышленныхъ дѣлахъ. Сильнѣйшія опоры и главные двигатели спекуляціи въ Берлинѣ находились и находятся именно въ рядахъ національно-либеральной партіи. Они проповѣдывали столь настойчиво провозглашаемую и у насъ теорію, что не дѣло государства строить желѣзныя дороги, что онѣ ему слишкомъ дорого стоятъ, и что единственное спасеніе заключается въ предоставленіи желѣзныхъ дорогъ — то-есть, предпріятій, которыя въ сущности суть монополіи въ одномъ изъ важнѣйшихъ условій современнаго быта—въ руки «частной инициативы» и «свободной конкуренціи». О нашихъ винныхъ откупахъ можно было говорить то же самое съ этой точки зрѣнія, ихъ слѣдовало предпочесть казенной системѣ акцизнаго сбора. Концессіи желѣзныхъ дорогъ не что иное, какъ предоставленіе монополіи въ руки спекуляціи.

Восточная Пруссія въ то время нуждалась въ новыхъ желѣзныхъ дорогахъ. Струсбергъ въ короткое время построилъ тильзитско-инстербургскую и юго-восточную прусскую линіи, и успѣлъ этотъ обезпечить за нимъ благорасположеніе министерства торговли. Графу Иценпицу, какъ уже сказано, нравилось имѣть дѣло съ Струсбергомъ, сговорчивымъ и ловкимъ. Онъ предпочелъ имѣть дѣло съ однимъ строителемъ, «уже заявившимъ свою благонадежность» — какъ говорится у насъ понинѣ, чѣмъ обращаться къ неизвѣстнымъ. Это можно перевести еще иными словами: удобнѣе имѣть дѣло съ человѣкомъ, который уже устроилъ свои связи и заручился вліяніями, чѣмъ допускать другихъ, еще неизвѣстныхъ. Не одно политическое вліаніе національно-либе-

разной партіи слѣдуетъ подразумѣвать тутъ, конечно. По крайней мѣрѣ, въ упомянутой нами книгѣ г. Глагау мы находимъ слѣдующія слова, допускающія различное толкованіе: графъ Иценпицъ «болѣе и болѣе сталъ уклоняться отъ государственной постройки и сталъ предоставлять наиболѣе доходныя линіи частнымъ предпринимателямъ, а впрочемъ подъ вліяніемъ высокопоставленныхъ и высшихъ особъ (hoher und höchster Personen) онъ и не могъ поступать иначе».

Послѣ двухъ уже названныхъ дорогъ, Струсбергъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ строилъ дороги: берлинско-гёрлицкую, одерскую линію праваго берега, линіи Галле-Зорау-Губенъ, бренденбургско-познанскую, ганноверско-альтенбекенскую, венгерскую сѣверо-восточную и румынскую сѣть. Протяженіе дорогъ, которыя онъ строилъ, составляетъ, по свидѣтельству декабрьской книги журнала «Deutsche Rundschau», до 400 миль, то-есть до 2,800 верстъ. Что же, можетъ быть, онъ въ самомъ дѣлѣ былъ великій мастеръ желѣзно-дорожнаго строительства, можетъ быть предпочтеніе, ему отданное, оправдывалось хорошими качествами его построекъ? На это находимъ въ книгѣ г. Глагау такой отзывъ: «его желѣзныя дороги были истинно-преступнаго свойства; на нѣкоторыхъ совсѣмъ нельзя было открыть движенія, другія причиняли разные несчастные случаи. Большая часть его желѣзныхъ дорогъ совсѣмъ не могутъ въ теченіи нынѣшняго столѣтія давать дивидендовъ, громадная масса нафабрикованныхъ имъ акцій годится только на макулатуру».

Струсбергъ сдѣлался героемъ тѣхъ дней. Въ Берлинѣ онъ пользовался популярностью не менѣе, чѣмъ Бисмаркъ, и бюргеры-политики любили ихъ сравнивать въ своихъ разговорахъ, разсуждая о томъ, кто изъ этихъ двухъ «гигантовъ» въ дѣйствительности могущественнѣе? Язва концессіи, сила миліоновъ, стучащая въ двери чиновниковъ, едва сводящихъ концы съ концами или получающихъ оклады, хотя и большіе, но для «репрезентаций» недостаточные, и въ сравненіи съ акціонерно-правленскими — ничтожныя, стала подкапывать и колебать честность, которою до того времени славилась прусская бюрократія. Здѣсь предоставимъ опять слово самому Глагау, такъ какъ намъ неловко произносить подобныя сужденія отъ своего имени. «Чтобы пускать въ ходъ свои дѣла, чтобы пріобрѣсть связи и посредствомъ ихъ добывать у правительствъ концессіи, чудодѣйственный докторъ употреблялъ однообразный, но безошибочный приѣмъ: онъ примѣнялъ поговорки, что золотой ключъ всякую дверь открыть — и что осель, нагруженный золотомъ, перелѣзетъ чрезъ вся-

кую стѣну. Не было присутствія, гдѣ бы Струсбергъ не былъ знакомъ, въ каждомъ управленіи до самыхъ министерствъ имѣлъ онъ друзей и покровителей, которые снабжали его справками и совѣтами, а интересы его защищали съ восторженнымъ усердіемъ. Нѣсколько высшихъ чиновниковъ изъ-за него принуждены были выйти въ отставку. Его прозвали: «человѣкъ закупающій все»... «Онъ развратилъ подкупомъ и печать, и міръ чиновниковъ, и аристократію, обходилъ и презиралъ законы, топталъ въ грязь общественную нравственность. И противъ такого гибельнаго человѣка не раздавалось ни одного голоса, даже и въ парламентскихъ собраніяхъ, хотя и г. Ласкеръ давно сидѣлъ въ нихъ, еще съ 1865 года. Все молчало! Только въ февралѣ 1873 года Ласкеръ выступилъ съ разоблаченіемъ и осужденіемъ «струсберговой системы», то-есть тогда, когда карьера Струсберга уже давно была кончена»... «когда тысячи людей были ввергнуты имъ въ разореніе, а не одинъ изъ ихъ числа и руку наложилъ на себя»... «Струсбергъ оставилъ у насъ настоящія авгіевы конюшни, полныя гніенія и заразы».

Вотъ какъ готовилось то положеніе дѣлъ, которое, вслѣдъ за войною 1870—71 годовъ, вызвало неудержимую горячку спекуляціи въ смыслѣ обмана и расхищенія, спекуляціи, которая привела Берлинъ, а съ нимъ и промышленность Германіи къ «краху». Подготовка эта измѣнила характеръ не только чиновничьей среды, но и торговой. Германская торговля до того времени отличалась нѣкоторой солидностью, имѣла ее во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ мы когда-либо видѣли въ торговлѣ нашей, гдѣ, какъ извѣстно, развелись даже, въ соотвѣтствіи съ потребностями, «конкурсныхъ дѣлъ мастера». Такъ, замѣчательно, что еще самъ Струсбергъ, хотя и боготворимый биржевиками, внушалъ величайшее недовѣріе настоящимъ торговымъ фирмамъ, дѣйствительнымъ капиталистамъ, такъ что, не имѣя самъ капитала, онъ не имѣлъ и кредита. Даже когда у него въ рукахъ оказались милліоны, Струсбергу не удалось видѣть, чтобы хотя одинъ его вексель былъ принятъ къ учету въ «прусскомъ банкѣ». Впослѣдствіи эта воздержность капитала отъ спекуляціи, какъ извѣстно, исчезла. Въ спискахъ учредителей самыхъ гибельныхъ предпріятій періода 1870—1874 годовъ уже встрѣчаются имена солиднѣйшихъ банкировъ.

Но такое недовѣрчивое отношеніе дѣйствительныхъ капиталистовъ къ самому Струсбергу, въ то время, когда онъ былъ въ самомъ цвѣтѣ своей дѣятельности, многое объясняетъ въ томъ ихорадочномъ, ненасытномъ характерѣ, какой приняла его дѣя-

тѣмъ. Онъ не могъ остановиться. Ни одного дѣла онъ не могъ окончить, не ввязавшись за другое, чтобы извлечь изъ новаго предпріятія средства для довершенія прежняго. Онъ вѣчно нуждался въ наличномъ капиталѣ и, не имѣя кредита, долженъ былъ изворачиваться или занимать на разорительныхъ условіяхъ. Учредительскія доли его, барыши на перекупкахъ и перепродажахъ были громадны, но онъ получалъ эти барыши въ видѣ акцій основанныхъ имъ же предпріятій. Разумѣется, онъ заставлялъ ихъ и продавалъ подъ рукою, но съ значительной уступкой противъ тѣхъ цѣнъ, по которымъ онъ были ему затчены. Трудно допустить однако, чтобы человѣкъ, котораго «цѣнили» въ Берлинѣ въ 30—50 милліоновъ талеровъ, не сумѣлъ отложить для себя «на черный день» хоть долю такого воображаемаго богатства. Извѣстно, что нѣкоторые имущества принадлежатъ его женѣ, хотя, конечно, не можетъ быть достоверно извѣстно, принадлежатъ ли ей сверхъ того и «движимость», и какова движимость эта быть можетъ.

Громадности предпріятій Струсберга соответствовала обстановка его жизни. Домъ, настоящій дворецъ, въ Берлинѣ, имѣнія и замки, имъ купленные, поддерживали величіе «железно-дорожнаго царя». Онъ покупалъ литераторовъ и окружалъ себя ими; онъ ласкалъ ученыхъ и обѣщалъ подарить наукѣ новыя средства учрежденіемъ «Гумбольдтова института», а такъ-называемое «высшее общество», съ презрительными ужимками относясь къ выскочкѣ, сидя въ своихъ каретахъ, тѣмъ не менѣе ѣхало на его рауты и обѣды. Всѣ берлинскія газеты были тогда полны анекдотовъ о великомъ человѣкѣ, о его роскоши, щедрости и благотворительности, а также о дѣйствительныхъ его предпріятіяхъ и баснословныхъ планахъ, съ которыми онъ носился. Сатирическіе листки собирали доктора-чудодѣя предметомъ своихъ каррикатуръ и остроумъ, за которыя, по слухамъ, имъ платились коронныя деньги. Струсбергъ основалъ свою собственную газету «Post», которая разсчитана была на дешевизну подписки и требовала отъ основателя ежегодныхъ приплатъ отъ 40 до 80 тысячъ талеровъ. [Опыто до того, что предпримчивости великаго «героя культуры» рѣшительно не предвидѣлось предѣла. Статья въ «Deutsche Rundschau», на которую мы выше сослались, проникнута сочувствіемъ къ падшему Струсбергу; въ ней онъ сравнивается съ Наполеономъ I, «другимъ завоевателемъ міра (!)». Но и она признается, что предпримчивость Струсберга ничего не считала невозможнымъ: «не его вина, что уложеніе германской имперіи, ея военная организація и финансовое управленіе,

ея торговля и промышленность не были сданы на его попечение; онъ въ каждой моментъ былъ бы готовъ взяться поставить ихъ оптовымъ подрядомъ». Замѣтимъ, что въ томъ, что касалось спеціально-финансоваго управленія, вѣривали въослѣдствіи утверждали, будто не малое вліяніе въ направленіи его принадлежало одному Блейхрöderу, между тѣмъ какъ другой—былъ прямымъ преемникомъ Струсберга по предпріятію румынскихъ дорогъ.

Въ Берлинѣ Струсбергъ игралъ роль городского Провидѣнія. Онъ построилъ Берлину и свѣтлый дворъ, и бойни, онъ завелъ ему огороды, купивъ для того землю вблизи города и соединивъ ее рельсами съ ближайшей линіею желѣзной дороги; онъ взялъ въ аренду новые рынки, построенные обществомъ «недвижимаго кредита», которые были и остались «пустыми рынками»; о томъ, что онъ далъ Берлину и новую газету, уже упомянуто. Между тѣмъ «культурный герой» по-своему обрабатывалъ и далеко отъ Берлина страну — Румынію. Концессионерство его въ Румыніи, давленіе, какое было оказано на румынскую палату въ его пользу, а вмѣстѣ несправность его въ расчетахъ и неисполненіе имъ постройки, вызвали въ Румыніи министерскій кризисъ. Струсбергъ былъ тамъ отождествленъ съ правительствомъ князя Карла и германскимъ вліяніемъ, что много повредило румынскому князю въ странѣ, а между тѣмъ германскимъ акціонерамъ не принесло пользы, не спасло ихъ отъ разоренія. Последнее предпріятіе, пущенное Струсбергомъ въ оборотъ въ Германіи, была реализація облигацій румынско-желѣзнодорожнаго займа въ 35 милл. талеровъ. Эти облигаціи должны были приносить 7½% и были выпущены въ Берлинѣ по цѣнѣ 71 за сто. Въ биржевомъ бюллетенѣ онѣ отнесены были въ «иностраннымъ фондамъ», хотя предпріятіе это было чисто-прусское, потому что выпускъ былъ сдѣланъ Струсбергомъ въ компаніи съ представителями знатнѣйшихъ прусскихъ семействъ: герцогомъ Уйестомъ, герцогомъ Ратиборомъ и графомъ Лендорфомъ. Аристократія со благоволила принять участіе въ барышахъ «высочки»-миллионера насчетъ сбереженій несчастныхъ людей въ Германіи, залеченныхъ выпускомъ, по 71 за сто, бумагъ, обѣщавшихъ 7½, процентовъ, то-есть десять процентовъ на дѣйствительно заплаченный капиталъ. Но въ 1870 году наступилъ кризисъ въ дѣлахъ Струсберга въ Румыніи, а затѣмъ и во всѣхъ прочихъ его дѣлахъ. Работы прекратились, дороги остались недостроенными, а купоны помянутыхъ облигацій, которому наступилъ срокъ 1-го января 1871 года, уплаченъ не былъ. Тогда облигаціи упали въ цѣнѣ

до 40 талеровъ. Ликвидацию дѣла приняли на себя берлинское «учетное общество» и фирма С. Блейхрөдеръ. Они превратили кредиторовъ въ акціонеровъ, а 7 1/2% облигаціи займа въ 5% акціи. Противъ Струсберга и нѣкоторыхъ изъ его компаньоновъ, какъ-то Іосифа Жака и тайнаго совѣтника Амбронна происходилъ процессъ; кредиторы хотѣли принудить Струсберга и этихъ участниковъ въ его концессіи возвратить 25 милліоновъ талеровъ изъ собранныхъ 35-ти; но Струсбергъ согласился отдать только 6 милліоновъ, чѣмъ кредиторы и должны были удовольствоваться, такъ какъ владѣлецъ 50-ти милліоновъ оказался вдругъ ничѣмъ невладѣющимъ: всѣ его дома, замки, имѣнія и прочія недвижимыя имущества оказались состоящими во владѣніи его жены, а онъ самъ неимѣющимъ рѣшительно ничего. «Сколько заслужили высокоблагородные участники въ концессіи при этомъ милломъ гешефтѣ,—говоритъ г. Глагау,—осталось неизвѣстнымъ; но І. Гоппе разсчиталъ въ «Фоссовой» газетѣ (1871, № 205), что самъ Струсбергъ при этомъ по меньшей мѣрѣ 10 милліоновъ талеровъ спряталъ себѣ въ карманъ и еще почти въ равной суммѣ не представилъ отчета». Благосклонная къ Струсбергу статья «Deutsche Rundschau» удостовѣряетъ, что разногласія, возникшія между концессіонерами и румынскимъ правительствомъ, а также споръ германскихъ кредиторовъ со Струсбергомъ, «давъ поводъ къ немалому общественному соблазну, были наконецъ улажены при содѣйствіи высшихъ вліяній (*höhere einflussreiche Verwendung*)». Поэтому, нечего удивляться, что когда Струсбергъ послѣ своей штуки съ московскимъ банкомъ былъ арестованъ въ Москвѣ, въ нѣкоторыхъ берлинскихъ газетахъ высказана была увѣренность, что германская дипломатія потребуетъ у Россіи его освобожденія,—чего однако, какъ извѣстно, не случилось.

Румынскій желѣзно-дорожный заемъ былъ, какъ выше сказано, послѣднимъ предпріятіемъ, которое Струсбергу удалось дѣйствительно пустить въ оборотъ въ Германіи. Но это не было послѣднимъ его предпріятіемъ вообще. Онъ покушался на новыя, издавна привыкнувъ поправлять одно другимъ. Прежде чѣмъ упомянуть о нихъ, назовемъ еще два изъ прежнихъ предпріятій Струсберга, которыми онъ хотѣлъ доставить себѣ кредитъ для поправленія начатыхъ дѣлъ и созданія новыхъ. Съ этой цѣлью, онъ придумалъ учредить англо-германскій банкъ (*Imperial-Anglo-German Bank*) съ основнымъ капиталомъ первоначально въ 3 милл. талеровъ, но съ тѣмъ, чтобы въ послѣдствіи увеличить его до 24 милл. тал.; учрежденіе это неудалось, не найдя «сочувствія» ни въ Англіи, ни въ самой Германіи. Тогда онъ попробовалъ изъ

взять средства, ограничиваясь одной Германією и учредивъ «главное общество желѣзно-дорожнаго строительства». Дѣятельность этого учрежденія прямо началась съ ликвидаціи. Послѣ казистрофы съ румынскими облигаціями, Струсбергъ уѣхалъ въ Лондонъ, чтобы добыть капиталы. По выраженію автора «Deutsche Rundschau», «англійскіе финансисты ничего не сказали о громадныхъ проектахъ чудодѣя, только придержали свои карманы». Съ горькимъ разочарованіемъ онъ возвратился изъ Лондона и обратилъ всю свою дѣятельность на веденіе своихъ предпріятій въ Богеміи, стараясь добыть капиталы для увеличенія доходности тамошнихъ своихъ разработокъ, заводовъ и збировскаго владѣнія. Но въ дѣйствительности карьера Струсберга, какъ биржевого вистелина и желѣзно-дорожнаго царя, была окончена. — Рѣчь Ласкера, въ февралѣ 1873 года, только добила уже окончательно упавшаго. Всѣ предпріятія Струсберга оказались гибельными. Ласкеръ сопоставлялъ низкій курсъ ихъ бумагъ, бывшій въ 1873 году, съ курсомъ ихъ выпуска; но съ тѣхъ поръ бумаги эти продолжали падать, и вотъ для примѣра цифры «низкаго» курса, который приводилъ Ласкеръ, въ сравненіи съ курсомъ тѣхъ же бумагъ въ концѣ 1875 года: акціи прусской юго-восточной дороги въ февралѣ 1873 г. $46\frac{1}{2}$ за сто; въ ноябрѣ 1875 — $23\frac{3}{4}$; берлинско-герлицкой 117 и $32\frac{1}{2}$; Галле-Зорау-Губенъ $66\frac{3}{8}$ и 8; ганноверско-альтенбекевской 84 и 10—12; бранденбургско-познанской $67\frac{1}{8}$ и 17. Если теперь сложить капиталъ, взятый Струсбергомъ изъ рукъ подписчиковъ, то-есть всю сумму выпущенныхъ имъ бумагъ, по цѣнамъ выпусковъ, и сравнить этотъ капиталъ съ тѣмъ, какою представляется тѣми же бумагами по нынѣшней ихъ цѣнности, то можно себя представить, какая колоссальная вышла разность! Вѣдь на постройку однихъ желѣзныхъ дорогъ, протяженіемъ въ 2800 верстъ, потребовался такой капиталъ, на которомъ разница въ курсѣ, напр., хоть отъ 80 до 20, составитъ примѣрно отъ 75 до 100 милліоновъ рублей, которые представляютъ чистую потерю для публики, представляютъ цѣну, во тѣ обошелся Германіи, Австріи и Румыніи одинъ Струсбергъ!

Послѣднее дѣло, за которое взялся Струсбергъ и которое свело его съ московскимъ банкомъ, будетъ извѣстно русской публикѣ изъ процесса; но для дополненія очерка, не лишнее будетъ привести, какъ характеризуется это дѣло въ «Deutsche Rundschau». «Всѣ дальнѣйшія усилія этого человѣка, котораго сила была уже сломана, представляли только борьбу смертельно-раненаго гладиатора съ neodолимымъ врагомъ. Въ этой агоніи, онъ сталъ искать спасенія въ такихъ проектахъ, которые носятъ на себѣ

печать безумія. Три мѣсяца тому назадъ онъ, съ участіемъ гг. Ферд. Жака, Г. Ф. Гольдшмидта (въ Вѣнѣ) и директора банка Ландау (въ Москвѣ), учредилъ «акціонерное общество германскаго и богемскаго желѣзнаго и стального производства». Этому обществу онъ уступилъ за 33 милліона марокъ всѣ свои имущества въ Богеміи и еще нѣкоторые рудники въ Германіи. Уплата была произведена посредствомъ перевода ипотечнаго долга тѣхъ имуществъ на около 7½ милл., а въ остальной части посредствомъ акцій, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ уступленные обществу имущества были сданы самому же продавцу въ аренду! Четверо лицъ, бывшихъ учредителями общества, обдѣляли все его устройство исключительно промежъ себя, назначили сами себя членами наблюдательнаго совѣта, Ф. Жака предсѣдателемъ, а его повѣреннаго, Майвальда—единоличнымъ директоромъ. Такимъ образомъ, по отзыву управляющаго конкурсомъ (въ Пруссіи), въ его отчетѣ собранію кредиторовъ, Струсбергъ являлся здѣсь соединяющимъ въ своемъ лицѣ все общество: онъ былъ общимъ арендаторомъ, единственнымъ акціонеромъ и вмѣстѣ совѣтомъ общества». Ясно, что общество это было только предлогомъ для выпуска новыхъ акцій, подъ залогъ которыхъ можно было достать гдѣ-нибудь денегъ,—что Струсбергу и удалось. Когда же онъ и г. Ландау въ Москвѣ были подвергнуты предварительному заключенію, то директоръ мнимаго общества заявилъ коммерческому суду о сложеніи имъ съ себя званія; все его правленіе длилось только двѣ недѣли.

Такъ окончилъ карьеру «желѣзно-дорожный царь». Предшествующій бѣглый очеркъ показываетъ, что еще съ начала 1871 года Струсбергъ былъ совершенно несостоятеленъ, и открывать ему кредитъ, хотя бы и подъ вѣрные залого, очевидно, значило рѣшиться напередъ удержать ихъ въ своихъ рукахъ, что для коммерческаго банка, когда залого состоятъ въ недвижимыхъ имуществахъ, всегда неудобно. Впрочемъ, отъ какой-либо опѣнки дѣйствій московскаго банка мы должны пока воздержаться. Извѣстіе о задержаніи Струсберга въ Москвѣ произвело въ Берлинѣ большое впечатлѣніе, если судить по газетамъ. Многіе органы печати были обязаны благодарностью ему, и нѣкоторые изъ нихъ, не только въ Берлинѣ, но въ Вѣнѣ и Прагѣ высказали увѣренность, что германская и австрійская дипломатія заступится за Струсберга, что ему еще удастся поправить свои дѣла; при этомъ перепечатывались выбранныя изъ «Московскихъ Вѣдомостей» «жалобныя» подробности о томъ, какъ Струсбергъ сидитъ въ Москвѣ въ заключеніи: «встаетъ въ 8 часовъ утра, пьетъ чай и чи-

таетъ научныя сочиненія», какъ «одежда его самая скромная» и т. п. Въмѣстѣ съ тѣмъ расписывалась легенда о томъ, какъ г-жа Струсбергъ съ дочерью должна была покинуть «свою резиденцію, древній замокъ чешскихъ королей въ Збировѣ, близъ Праги, безъ денегъ, занявъ 450 гульденовъ на дорогу у своего управляющаго». Между тѣмъ, г-жа Струсбергъ, не имѣвшая никакого собственнаго капитала, остается пока номинальной владѣлицей завода желѣзно-дорожныхъ принадлежностей въ Эльбингѣ; этотъ заводъ былъ купленъ Струсбергомъ у вѣнигсбергскаго коммерціи совѣтника Симона, который теперь предъявилъ судебное требованіе о наложеніи на заводъ запрещенія, вѣроятно по неуплатѣ Струсбергомъ сполна всей условленной суммы. Сверхъ того, г-жа Струсбергъ состоитъ владѣлицей еще вагоннаго завода въ Богеміи. Она, какъ извѣстно, давала поручительства отъ себя за мужа и, по нѣкоторымъ показаніямъ, имѣетъ собственность въ 3 милліона безъ всякихъ долговъ. Сыну Струсберга принадлежитъ по *первой* закладной право на зигенскіе рудники, на сумму 150 т. талеровъ, и, по увѣренію г. Глагау, у котораго мы заимствуемъ эти подробности, г-жа Струсбергъ имѣетъ съ своей стороны нѣсколько подобныхъ залоговыхъ правъ. «И въ Пруссіи, — говоритъ Глагау, — желѣзно-дорожный царь подвергался въ 1871 году слѣдствію, но вышелъ изъ него побѣдителемъ. Въ Россіи же его хотятъ судить за многократный простой обманъ. Вотъ почему «Желѣзнодорожная Газета» не безъ остроумія спрашивала: «зачѣмъ онъ не остался въ болѣе цивилизованныхъ странахъ?»

III.

Благодаря простору, открытому новымъ закономъ объ акціонерныхъ обществахъ, въ Пруссіи въ томъ же году, то-есть еще до окончанія войны, учредилось вновь 34 такихъ общества, по большей части въ самомъ Берлинѣ, а если и не въ Берлинѣ, то съ реализаціею капиталовъ все-таки на берлинской биржѣ. Заключеніе мира и пять милліардовъ, съ процентами на нихъ, представляемые контрибуціею съ Франціи, дали спекуляціи могущественный толчокъ. Національный восторгъ, гордость побѣдами, вызвали національное самообольщеніе: германскій народъ сталъ казаться самому себѣ первымъ въ мірѣ, не видѣлъ болѣе исключеній своему превосходству и предѣловъ своему могуществу въ какой бы то ни было области дѣятельности. Спекуляція,

старая желаніе развернуться на просторѣ, не находя болѣе ограниченій для себя ни въ законѣ, ни въ тѣхъ старыхъ привычкахъ солидности и добросовѣстности, которыя были уже сильно поколеблены, какъ то обнаружилось въ развращеніи, какимъ сопровождалась дѣятельность Струеберга, — ловко воспользовалась національнымъ возбужденіемъ и самоувереніемъ, или, какъ выражается Глагау, «эксплуатировала священнѣйшія чувства народа для своихъ безнравственныхъ продѣлокъ и своихъ преступныхъ цѣлей». Спекулятивный людъ на биржѣ, и въ печати, и въ обществѣ смотрѣлъ на пресловутые милліарды, какъ на свою добычу. Распространены были баснословныя ожиданія насчетъ тѣхъ экономическихъ послѣдствій, какія должно было вызвать въ Германіи полученіе ея правительствами военной контрибуціи. Что изъ нея должны были покрыться расходы на войну, вознагражденія потерпѣвшимъ, расходы по созданію и содержанію имперской власти, усиленію состава войскъ и преобразованію арміи, возмѣщенію военной казны, постройкѣ броненоснаго флота и многихъ громаднхъ фортификаціонныхъ сооружений, увеличенію инваліднаго капитала — все это не принималось въ расчетъ. Органы спекуляціи вѣщали, что французскіе милліарды дадутъ громадное развитіе нѣмецкой промышленности и торговлѣ, безконечно поднимутъ цѣнность поземельной собственности и т. д. Однимъ словомъ, съ согласія вліятельныхъ экономистовъ, проявилось въ Германіи такое сознаніе, «какъ будто всѣ, начиная съ императора и кончая бѣднякомъ, внезапно стали вдесятеро богаче прежняго». Этотъ излишекъ богатства надо было пустить въ оборотъ, посвятить въ промышленную предприимчивость, для того, чтобы онъ производилъ еще новыя урожаи и совершенно измѣнилъ въ Германіи существовавшія до того времени скромныя экономическія условія. Для этого слѣдовало прежде всего создавать «новыя цѣнности»; наличный капиталъ — сѣмя, но кредитъ представляетъ тѣ почвенныя и атмосферическія условія, которыя одно сѣмя превращаютъ въ самъ-десять.

И дѣйствительно, въ теченіи двухъ лѣтъ — а именно 1871 и 1872 годовъ — въ одной Пруссіи было основано вновь около 780 акціонерныхъ обществъ, между тѣмъ какъ въ совокупность предшествовавшихъ *восемидесяти* лѣтъ, т. е. съ 1790 до 1870 года, акціонерныхъ обществъ возникло только около 300. Въ годы 1871—72, въ Пруссіи приходилось среднимъ числомъ по одному учрежденію акціонернаго общества на *каждый день*. Большинство этихъ обществъ были основаны въ самомъ Берлинѣ, и почти всѣ ввели свои бумаги на берлинскую биржу. Въна

прославилась бойкимъ учредительствомъ, и приняла къ «краху» раньше Берлина, но во всей Австро-Венгріи за два названные года акціонерныхъ обществъ было учреждено около 400, считать, почти на половину меньше, чѣмъ въ одной Пруссіи; Берлинъ быстро превзошелъ въ этомъ Вѣну. Старая сдержанность солиднаго капитала по отношенію къ спекуляціи была уже изчезла. Въ важнѣйшихъ спекулятивныхъ предпріятіяхъ принимали участіе и такіе дома, какъ С. Блейхрöderъ «съ учетнымъ обществомъ», нерѣдко въ соединеніи съ Ротшильдомъ и австрійскимъ «кредитнымъ учрежденіемъ», Беренсъ и сыновья въ Гамбургѣ, баронъ Абрагамъ Оппентеймъ въ Бѣльнѣ и т. д. Перечисленіе хотя бы только тѣхъ фирмъ, которыя играли наибольшую роль въ берлинскомъ учредительствѣ, было бы слишкомъ утомительно. Достаточно упомянуть еще «Берлинское торговое общество» г. Миллера и К^о и Плаутъ; Якова Ландау, Лео и К^о (Дельбрюкъ). Еврейскія имена Мейеръ, Конъ, Ицингеръ, Вольф, Жакъ, Лѣве и т. д. сильно преобладаютъ въ этомъ спискѣ; г. Гагау утверждаетъ впрочемъ, что 90% учредителей и биржевыхъ въ Берлинѣ—евреи.

Различныя фирмы создавали новыя предпріятія то отдѣльно, то въ соединеніи съ другими, причемъ связи между ними перекрещивались въ многоразличныхъ направленіяхъ, составивъ цѣлую сеть. Предпріятія ихъ не только распространились по всей Германіи, но охватили и Австро-Венгрію, коснулись и Россіи, Швейцаріи, Италіи, Франціи и другихъ странъ. Напримѣръ, въ «Центральномъ банкѣ торговли и промышленности» приняли участіе около десятка отдѣльныхъ банкировъ и банковъ въ Берлинѣ, Лейпцигѣ, Франкфуртѣ, Вѣнѣ, даже Миланѣ и Римѣ. Берлинскіе же учредители играли важнѣйшую роль въ предпріятіяхъ, созданныхъ въ провинціяхъ Пруссіи, которыхъ тусовка не могла пустить въ ходъ безъ ихъ участія.

Но были и такіе банки, которые спеціально и почти исключительно занимались именно учредительствомъ; ихъ такъ и называютъ въ Германіи Gründerbanken. Они отличались наибольшимъ рвеніемъ, и на нихъ слѣдуетъ остановиться. Это былъ «Ремесленный банкъ» Г. Шустеръ и К^о, «Центральный строительный банкъ», «Пруссійскій акціонерный банкъ посемельнаго кредита» и «Ассоціаціонный банкъ» Кисторпа. Ремесленный банкъ Г. Шустеръ и К^о, прославленный «разоблаченіями» Ласкера, по мнѣнію Гагау,—прославился болѣе, чѣмъ въ мѣру, собственно потому, что возникъ въ кругахъ консервативныхъ, къ которымъ принадлежалъ и самъ Струсбергъ, такъ какъ онъ былъ избранъ

въ сеймъ въ качествѣ консервативнаго кандидата; своихъ же пріятелей, т.-е. членовъ національно-либеральной партіи, Ласкеръ поощрялъ, хотя къ ней именно принадлежитъ огромное большинство «утредителей», виднѣйшихъ биржевиновъ и вліятельнѣйшихъ экономистовъ, состоящихъ съ ними въ дѣловыхъ связяхъ. Названный сейчасъ банкъ былъ учрежденъ въ 1864 году, съ дѣйствительно уплаченнымъ капиталомъ въ 250 т. талеровъ; цѣлью его было «поднятіе кредита ремесленниковъ и фабрикантовъ». Къ числу утредителей его принадлежалъ и извѣстный юстицъ-ратъ Вагенеръ, бывшій главный редакторъ «Крестовой Газеты», а впоследствии дѣйствительный тайный совѣтникъ и директоръ въ государственномъ министерствѣ. Банкъ этотъ велъ скромные и солидные обороты до періода разгара спекуляціи, но тогда вдругъ возвысилъ свой основной капиталъ съ 250 т. талеровъ до 6 милл. талеровъ. Главный компаньонъ, Шустеръ, еще до изданія новаго акціонернаго закона, учредилъ акціонерное общество центральной померанской желѣзной дороги; акціи его были помѣщены на берлинской биржѣ по 102½, а теперь курсъ имъ = 0. Эта операція и послужила тѣмой для Ласкера, но только впоследствии, чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда уже приближался «крахъ». Ласкеръ указалъ, сколько разъ при учрежденіи помянутого общества былъ обойденъ законъ. Дѣло это, подъ именемъ дѣла Шустера, Одера и Вагенера, произвело много шума тогда, когда оно было уличено Ласкеромъ, и посторонніе спекулянты громче всѣхъ при этомъ кричали, въ обществѣ. Но на биржѣ слышался такой отзывъ, что «по дѣломъ Вагенеру за то, что онъ устроилъ дѣло за такой ничтожный кушъ, какъ несласкина 40 тысячъ талеровъ». И дѣйствительно, замѣчаетъ г. Глау, «г. Вагенеръ былъ простой дилеттантъ въ спекуляціи, недостойный развязать башмаки настоящимъ учредителямъ-спеціалистамъ». Шустеровъ банкъ, кромѣ этого дѣла, пустилъ въ ходъ, «учредилъ» нѣсколько другихъ, весьма разнообразныхъ, но имѣвшихъ то общее, что всѣ они разорили дѣйствительныхъ акціонеровъ, въ нихъ попавшихся. Сверхъ того, банкъ этотъ, устроивъ во многихъ небольшихъ городахъ свои отдѣленія и конторы, привлекеъ не мало сбереженій неопытныхъ ремесленниковъ и крестьянъ, которые положились на его названіе «ремесленный» и приобрѣли ничего нестоящія нынѣ бумаги.

Хорошъ также примѣръ «Центральнаго строительнаго банка», котораго основателемъ былъ Э. Мамротъ. Этотъ банкъ скупалъ и продавалъ дома и земли подъ постройку домовъ, строилъ самъ и бралъ постройки на комиссію, производилъ ссуды на произ-

водство построекъ, торговалъ строительными матеріалами, и сверхъ такой обширной спеціальности, занимался еще «банковыми и коммерческими операціями всѣхъ родовъ». Онъ учредилъ желѣзные заводы, центральную контору продажи строительныхъ матеріаловъ, и четыре особыхъ строительныхъ общества собственно въ Берлинѣ, подъ именами Ostend, Südend, City и Cottage. По истеченіи всего 10-ти мѣсяцевъ дѣятельности, онъ роздалъ акціонерамъ—разумѣется изъ самаго капитала—дивидендъ въ $43\frac{1}{2}\%$, такъ что курсъ его акцій, въ апрѣлѣ 1873 г., незадолго до «краха», поднялся до 420 за сто; но шесть мѣсяцевъ спустя курсъ былъ ниже 50 за сто; легко вычислить потерю тѣхъ, кто приобрѣлъ ихъ по высокому курсу. Такъ, одинъ помѣщикъ, только-что продавшій свое имѣніе, пріѣхалъ въ Берлинъ съ значительнымъ капиталомъ въ 250 т. талеровъ и хотѣлъ поселиться тамъ и наслаждаться жизнью. Нашлись добрые люди, которые уговорили его «сдѣлать аферу» и приобрѣсть акціи «Центральнаго строительнаго банка» по курсу 400; дѣйствительно, курсъ ихъ, какъ уже сказано, поднялся еще выше. Но помѣщикъ хотѣлъ сразу сдѣлать большое дѣло и самъ связалъ себя. Онъ купилъ акцій банка на номинальную сумму 80 т. талеровъ, что по курсу 400 стоило ему 320 тысячъ; такъ какъ наличныхъ денегъ у него не доставало противъ этой суммы на 70 т. тал., то банкиръ самъ ссудилъ ему эту добавочную сумму на акціи, оставивъ ихъ у себя въ залогъ. Вдругъ курсъ сталъ падать, падалъ безостановочно и, наконецъ, упалъ такъ, что залогъ не обезпечивалъ сдѣланной банкомъ ссуды въ 70 тысячъ. Тогда банкъ потребовалъ обезпеченія ея добавочными залогами—къ чему всѣ банки обязываютъ заемщиковъ подъ страхомъ продажи залоговъ. Помѣщикъ, разумѣется, такого обезпеченія не представилъ, акціи его были проданы эзекуціоннымъ порядкомъ на биржѣ, за 50 тысячъ, и помѣщикъ, лишившись всего своего состоянія, остался еще долженъ банку 20 тысячъ талеровъ.

Третій изъ названныхъ выше банковъ, спеціально занимавшихся «учредительствомъ», былъ «Прусскій банкъ поземельнаго кредита». Учрежденный въ 1869 году, онъ имѣлъ цѣлю: предоставленіе кредита землевладѣльцамъ, т.-е. въ особенности кредитъ ипотечный. По самому назначенію своему, какъ банкъ кредита долгосрочнаго, онъ не долженъ былъ пускаться въ спекуляцію; сверхъ того, «всякія операціи спекулятивнаго свойства» формально воспрещались ему его уставомъ. Директоромъ его былъ Яхманъ, служившій прежде ландратомъ, мужъ извѣстный въ Германіи артистки Юганны Вагнеръ. Въ товарищи къ нему

попалъ нѣкто Шведеръ, который прежде служилъ въ «Учетномъ обществѣ», но занималъ тамъ скромное положеніе, не былъ оцененъ по достоинству. Когда наступилъ періодъ бойкой спекуляціи, Шведеръ сдѣлался душою поземельнаго банка, и сталъ соперничать съ «Учетнымъ обществомъ», чтобы дать ему почувствовать, какую утрату оно понесло, лишившись его. Онъ сталъ учреждать разныя общества и реализировать имъ капиталъ съ большимъ успѣхомъ, въ томъ смыслѣ, что на ихъ бумаги былъ сильный запросъ на биржѣ; что касается окончательнаго результата, то онъ заключался въ полномъ паденіи тѣхъ предпріятій. При этомъ, онъ постоянно увеличивалъ капиталъ самого земельного банка, выпускалъ все новыя акціи, все по высшему противъ прежнихъ курсу; акціи эти обратились въ одну изъ любимыхъ биржевыми игроками бумагъ. Но уставъ земельного банка, нарушаемый такими операціями, все еще стѣснялъ Шведера. Поэтому, онъ создалъ другой банкъ, которымъ распоряжался въ связи съ первымъ, такъ что въ операціяхъ ихъ именно нельзя было разобрать, «гдѣ кончается одинъ и начинается другой». Это былъ также специально-учредительскій банкъ, получившій названіе «Прусскаго кредитнаго учрежденія». Подъ прикрытіемъ этого учрежденія, Шведеръ сталъ основывать новыя предпріятія ужъ слишкомъ безцеремонно, такъ что для его банковъ кризисъ наступилъ еще раньше краха. Поводомъ къ тому былъ выпускъ акцій такого «данненбергскаго» ситцеваго завода, который приготавлиалъ ситцы, совершенно терявшіе краску въ стиркѣ. Даже биржевики, которыхъ негодованіе не такъ легко возбудить, объявили это послѣднее учрежденіе обманомъ, и поймавъ товарища Шведера, нѣкоего Вольфа Парадиза, на биржѣ, окружили его, осыпали ругательствами и навѣрное бы прибили, еслибы Парадизъ не пустился бѣжать отъ своихъ преслѣдователей, требовавшихъ, чтобы онъ взялъ акціи линючаго ситца назадъ. Онъ бѣгомъ пролетѣлъ длинную залу фондовой биржи и скрылся въ одной комнатѣ, изъ которой послѣ ему удалось спастись. Этотъ скандалъ сильно повредилъ «Прусскому банку поземельнаго кредита». Тогда Шведеръ взвалилъ всѣ худшія дѣла на «Прусское кредитное учрежденіе» и прекратилъ связь между этими двумя банками. Но этимъ онъ не обезпечилъ себѣ прежняго положенія въ первомъ изъ нихъ, то-есть въ земельномъ банкѣ. Онъ долженъ былъ подать въ отставку, и получилъ ее. Но онъ ушелъ не съ пустыми руками, а съ милліономъ талеровъ собственнаго капитала; не имѣвъ прежде ничего, бывъ прежде простымъ конторщикомъ, онъ заработалъ въ два-три года милліонъ. Съ его вы-

ходятъ, акціи земельного банка, которыя онъ одно время вознаглъ-было въ 280, упали до 55 и продолжали падать. Яхманъ и Парадизъ также ушли, унеся каждый съ собою солидное утѣшеніе. Глазгау вставляетъ здѣсь поучительное замѣчаніе: «къ чести г. Яхмана, онъ оставался совершенно въ сторонѣ отъ веденія учредительскихъ операцій, потому что не понималъ въ нихъ толку. Онъ только подписывалъ свою фамилію, больше ничего, и за это, кромѣ постоянного оклада, онъ получалъ еще процентную долю, въ сравненіи съ которою, напримѣръ, жалованье имперскаго канцлера представляется весьма незначительнымъ».

Въ этомъ періодѣ дѣятельности «Прусскаго банка земельного кредита» заслуживаетъ особаго замѣчанія то обстоятельство, что банкъ состоялъ подъ контролемъ не только наблюдательнаго совѣта, но еще особаго попечительнаго комитета (Curatorium), предсѣдателемъ котораго былъ и остается доселѣ бывшій прусскій министръ, дѣйствительный тайный совѣтникъ фонъ-Бонингъ; сверхъ того, при банкѣ находился еще комиссаръ или членъ отъ правительства, какъ того требовалъ уставъ. А между тѣмъ, никто изъ лицъ наблюдавшихъ не ограничилъ учредительскихъ операцій Шведера, имѣвшихъ послѣдствіемъ паденіе акціи банка. Въ настоящее время, впрочемъ, банкъ этотъ возвратился къ первоначальной своей дѣятельности, то-есть къ исполненію прямого своего назначенія, и акціи его имѣютъ удовлетворительный курсъ.

Какъ врачи, какъ адвокаты, такъ и спекулянты или «дѣльцы» имѣютъ каждый свою особенную манеру обращенія, даже особенный нравственный типъ, входящій также въ число ихъ средствъ приобрѣтенія. Такъ, Шведеръ славился «счастливою рукою», ему доверяли на время, рассчитывая на его ловкость въ «муссированіи» дѣлъ. Другой изъ виднѣйшихъ дѣльцовъ, Генрихъ Кисторпъ бралъ «добросовѣстностью». Съ большимъ даромъ убѣждать другихъ, онъ соединялъ умѣнье внушить прочное довѣріе къ своей солидности. Умѣнье требовалось большое, такъ какъ Кисторпъ еще прежде выступленія на арену берлинской спекуляціи дважды потерпѣлъ «крушеніе», разъ въ родномъ своемъ городѣ Штеттинѣ, другой разъ въ Англіи. Онъ взялся за строительство, попробовалъ расширить Берлинъ еще далѣе городка Шарлоттенбурга, служащаго ему предмѣстьемъ. Здѣсь, по его плану, долженъ былъ основаться берлинскій «Вестендъ», и онъ далъ своему предпріятію и мѣстности, приобрѣтенной имъ на

шпендаускомъ шоссе, это названіе. Мѣстность эта пустая, лишенная растительности; но растительность можно было «устроить», напѣ и все остальное. Онъ разбилъ вѣдѣсь улицы, которыя снабдилъ благозвучными именами: «аллея Акацій», «аллея Платановъ», и т. под., и каждую улицу обозначилъ постройкою на ней одного или двухъ домовъ, а притомъ построилъ тутъ же первоклассный ресторанъ и великолѣпное «казино». Дома однако долго оставались пустыми или занимались пріятелями Кисторпа. «Вестендское общество Кисторпъ и К^о» въ 1870 году учредило «Соединенный банкъ Кисторпъ и К^о», помѣщенный сперва въ Шарлоттенбургѣ, потомъ въ центрѣ Берлина, въ особопостроенномъ для него прекрасномъ домѣ, въ мѣстности позади университета. Въ Шарлоттенбургѣ имѣла постоянное пребываніе вдовствующая королева прусская, извѣстная набожностью, добротой и благотворительностью. Кисторпъ успѣлъ втереться въ ея довѣріе и получилъ отъ нея значительныя денежныя средства для своихъ благотѣльныхъ предпріятій. Значительныя суммы онъ, по увѣренію г. Глагау, добылъ и у другихъ членовъ королевской фамиліи. Онъ приобрѣлъ благосклонность весьма вліятельныхъ административныхъ лицъ, добился доступа въ «Прусскій банкъ», и сошелся съ нѣкоторыми экономистами и литераторами, образовавъ изъ нихъ себѣ глашатаевъ. Подготовивъ такія средства, Кисторпъ, посредствомъ своего банка, въ какіе-нибудь три года осуществилъ около тридцати предпріятій и выпусковъ новыхъ цѣнностей. Въ числѣ ихъ были—вагонный, бочарный, инструментальный заводы,—табачная, бумажная фабрики, фабрика химическихъ продуктовъ, общества: строительное, конно-железныхъ дорогъ, пивоваренное, пароходства, горное и т. д. Предпріятія эти основались не только въ Берлинѣ, но и въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ Германіи. При такомъ усиленномъ созданіи новыхъ дѣлъ, онъ заботливо выставлялъ на видъ, что банкъ беретъ ихъ только на комиссію, не принимая въ нихъ нигого участія, кромѣ комиссіонерскаго, посредническаго. Между тѣмъ, барышъ банка при ихъ устройствѣ заключался не столько въ комиссіонерскомъ процентѣ, сколько въ томъ, что большинствомъ этихъ предпріятій распоряжался тотъ же Кисторпъ. Благодаря этимъ барышамъ, банкъ выдалъ своимъ акціонерамъ за 1871 г. дивидендъ въ 15%, а за 1872—19%. Что касается дальнѣйшихъ отношеній къ тѣмъ предпріятіямъ, то оно объясняется уже сказаннымъ выше. И дѣйствительно, вслѣдъ за паденіемъ этихъ предпріятій палъ и самъ «Соединенный банкъ».

О некоторых изъ тѣхъ отдѣльныхъ предпріятій, которые были учреждены перечисленными банками, будетъ еще упомянуто позже, болѣе обстоятельно. Предшествующій обзоръ имѣлъ только цѣлью показать роль, какую играли банки въ учредительствѣ, и свойство тѣхъ банковъ, которые наиболѣе учредительствомъ прославились. Съ именами Шведера, Кисторпа и т. д. намъ поэтому придется еще встрѣчаться. Но чтобы не повторять, при каждомъ примѣрѣ, объясненія тѣхъ приѣмовъ, которые общи учредительству, мы сперва послѣдуемъ за г. Глагау въ изложеніи именно этихъ общихъ приѣмовъ учредительства.

Въ этомъ періодѣ лихорадочной спекуляціи, предпріятія все не возникали вслѣдствіе потребности въ нихъ. Нуждались въ нихъ не потребители, не публика, а учредители, спекулянты учредительства. Сущность предпріятія, въ чемъ бы она ни заключалась: строительствѣ, фабрикаціи и т. д., была только предлогомъ, обстановка служила только ширмою, за которой дѣльцы распределяли между собой собранныя съ подписчиковъ деньги. Выборъ предпріятія дѣлался случайно: можно было купить землю—учреждалось общество строительное; представлялся случай приобрести фабрику или что-нибудь похожее на фабрику—учреждалось общество для разработки какихъ-нибудь продуктовъ. Были особенные ходаки, которые отыскивали или изобрѣтали предметы для учрежденія предпріятій. Такихъ предлоговъ искали не только подъ рукою, посредствомъ развѣдки, но даже прямо путемъ газетныхъ объявленій. Затѣмъ, ходакъ или «изобрѣтатель» получалъ малость, Trinkgeld, въ свою пользу, а «учредитель» разработывалъ найденный мотивъ по всѣмъ правиламъ спекулятивного контрапункта, не пренебрегая и «фугами», когда онѣ дѣлались необходимы. Владѣльцы фабрикъ и промышленныхъ заведеній вообще, особенно тѣхъ, которые пользовались извѣстностью, осаждались предложеніями «учредить ихъ», то-есть купить у нихъ ихъ заведеніе за чрезмѣрную цѣну, уплачиваемую въ акціяхъ того предпріятія, которому заведеніе это должно было служить предлогомъ. Такъ, Борзигъ, прозванный «локомотивнымъ царемъ», подобно тому, какъ Струсбергъ слылъ царемъ желѣзно-дорожнымъ, но человекъ совсѣмъ другого порядка, не зналъ, какъ отбиться отъ подобныхъ предложеній. По слухамъ, ему предлагали за его дѣйствительно-огромный заводъ баснословную цѣну—12 милліоновъ талеровъ; обѣщали бы и больше, потому что легко себя представить какую массу акцій, затѣмъ—новыхъ акцій, и еще болѣе новыхъ и т. д., а также соединенныхъ съ нимъ новыхъ предпріятій, можно было выпустить, опираясь на такой со-

лидный предлогъ, какъ Борзиговъ заводъ. Борзигъ не помогъ на это дѣло, но очень многіе владѣльцы не только плохихъ, но и хорошихъ предпріятій со старинной извѣстностью, пошли, и хорошія частныя производства превратились въ недоброкачественныя, надувательныя или сомнительныя акціонерныя предпріятія. Такъ случилось съ извѣстными машинными заводами Эгелльса, Веберса, Эккерта и Фрейнда, фарфоровымъ заводомъ Шумана, ламповой фабрикой Штобассера, фабрикой металлических печей Даниберга, табачной продажей Брунцлова и сына—и множествомъ другихъ.

Одни гг. Шведеръ и Кисторпъ оказали эту услугу «учрежденія», то-есть, превращенія изъ частнаго владѣнія въ акціонерное предпріятіе,—значительному числу промышленныхъ заведеній. Такъ, Шведеръ «учредилъ» стеклянный заводъ Albertinenhütte, машинный заводъ Поллака, Шмидта и К^о въ Гамбургѣ, машинный заводъ Велерта, рудники Redenhütte и др. Кисторпъ «учредилъ» химическій заводъ Шеринга, фабрику газопроводныхъ и водопроводныхъ принадлежностей Маттисона и Брандта, бумажную фабрику Вольфсвинкеля, пивоваренный заводъ братьевъ Бесковъ, винтовой заводъ Людевига, табачную продажу Преториуса, фабрику очковъ Буша въ Ратеновѣ и т. д. Всѣ эти заведенія были приобрѣтены отъ прежнихъ своихъ владѣльцевъ за суммы, которыя самимъ продавцамъ казались баснословными, и, превратясь въ акціонерныя общества, были обременены такимъ основнымъ капиталомъ, который дѣлалъ невозможною для нихъ доходность въ будущемъ. Иные продавцы, какъ, напр., названный выше Велертъ, въ восторгѣ отъ полученной ими суммы, раздавали до 50-ти т. талеровъ награжденія своимъ прежнимъ служащимъ и рабочимъ. Нѣкоторые изъ этихъ «учрежденныхъ», разлакомившись, сами пошли потомъ въ число учредителей, какъ Эгелльсъ, Штобассеръ, Шерингъ, Швенди и др.

Было, разумѣется, немало и такихъ собственниковъ, которые сами старались превратить свои заведенія въ акціонерныя предпріятія. Такъ поступали владѣльцы, бывшіе въ плохихъ обстоятельствахъ, и тѣ, которые просто не хотѣли остаться въ сторонѣ отъ легкой наживы, какую стала давать спекуляція. Иной владѣлецъ не хотѣлъ удовольствоваться тѣмъ, чтобы продать свою фабрику или собственность по дорогой цѣнѣ акціонерному предпріятію, но хотѣлъ воспользоваться еще и выгодами учредительства, сдѣлаться самъ «учредителемъ», на акціонерныхъ началахъ, того предпріятія, которое онъ до того времени велъ на правахъ единоличнаго хозяина. Но такому нельзя было бы выступать од-

ному, надо было заручиться содѣйствіемъ извѣстныхъ на биржѣ людей или директора какого-нибудь банка, иначе акціи не могли бы имѣть хода, не удались бы ни подписка на нихъ, ни продажа ихъ затѣмъ подъ рукою, или залогъ ихъ въ кредитномъ учрежденіи. Надо было покупать имена, покупать содѣйствіе, и это стоило дорого. Иной директоръ банка не соглашался подписать свое имя подъ объявленіемъ о новомъ предпріятіи и за 10 тысячъ талеровъ. Были цѣлыя клкии учредителей по профессіи, и эти клкии имѣли свои спеціальности: одна преимущественно занималась учрежденіемъ строительныхъ обществъ, другая пивоваренныхъ, третья — машино-строительныхъ, четвертая — горныхъ и т. д. Но само собою разумѣется, что большинство этихъ дѣльцовъ старались не упустить изъ рукъ никакого удобнаго дѣла, къ какой бы спеціальности оно ни относилось. Нѣкоторые изъ нихъ славились тонкостью и проницательностью, извѣстны были своими успѣхами; ихъ старались залучить въ новое дѣло или «зажать имъ ротъ» купеми, чтобы они не мѣшали, если не имѣлось въ виду вещь дѣла при ихъ содѣйствіи. Изъ числа берлинскихъ предпріятій, дѣйствительно состоявшихся въ періодъ до «краха», г. Глауу взялъ одно, въ видѣ примѣра, чтобы изложить общіе приемы «учредительства», и такъ какъ при этомъ ему приходилось рассказывать плутни, то онъ перемѣнилъ имена дѣствующихъ лицъ. Оговоримъ сейчасъ же, что имена выставлены ненастоящіи только въ одномъ этомъ примѣрѣ, и что въ немъ, опять-таки, вымышлены только имена, а все прочее взято прямо съ натуры.

Фабрикантъ Флау и учредитель Бэръ сведены другъ съ другомъ ходакомъ или коммиссіонеромъ. Флау желаетъ продать свою фабрику, которой дѣйствительная стоимость можетъ быть около 250 тысячъ талеровъ. Въ виду обстоятельствъ времени и особыхъ условий, онъ требуетъ за нее 400 тысячъ, и ихъ ему даютъ, то-есть, собственно соглашаются признать эту цѣну. Онъ оставляетъ ее для покупки Бэру посредствомъ особой запродажной записи, называемой Schlussschein, которая въ сущности представляетъ собою только одностороннее обязательство, ограниченное при этомъ опредѣленнымъ срокомъ. Въ теченіи этого срока, мѣсяца или шести недѣль, Бэръ можетъ купить фабрику отъ Флау, но имѣетъ право и отказаться отъ покупки, не платя никакой неустойки. Что касается Флау, то онъ уже не можетъ отчуждать свою фабрику въ другія руки; онъ обязанъ продать ее только Бэру. Заручившись этимъ обязательствомъ, Бэръ обращается къ своимъ компаньонамъ и союзникамъ. Между ними распределяются

званія членовъ-учредителей, первоначальныхъ подписчиковъ (по низшему курсу), членовъ совѣта и правленія, и затѣмъ разыгрывается рядъ комедій для выполненія требуемыхъ закономъ формальностей.

Въ качествѣ членовъ-учредителей, являются Вольфъ и Фуеъ. Они основываютъ акціонерное общество подъ названіемъ «Вулканъ», для эксплуатаціи машиннаго завода. Актъ о составленіи общества и его уставъ они заявляютъ у нотаріуса; при этомъ кругъ дѣйствій общества обыкновенно обозначается въ уставѣ столь возможно широко и неопредѣленно, такъ, чтобы впослѣдствіи можно было пристегнуть къ этому дѣлу всевозможныя операціи. Въ тотъ же день Вольфъ и Фуеъ дѣйствительно приобрѣтаютъ фабрику, но уже не отъ Флау, который запродавъ ее Бэру по цѣнѣ 400 тысячъ, а отъ Бэра, который не уступаетъ ей обществу дешевле, чѣмъ за миллионъ талеровъ. Капиталъ же общества опредѣленъ уставомъ въ 1.200.000 талеровъ,—такъ, чтобы 200 тысячъ составляли «оборотный капиталъ» предпріятія, съ цѣлью придать ему болѣе развитіе. Тотчасъ же приглашаютъ они нотаріуса въ первое, учредительное «общее собраніе» общества «Вулканъ», на которомъ присутствуютъ Бэръ, Вольфъ, Фуеъ, да еще минимые акціонеры Фрѣлихъ, Зелигъ, Грюнъ и Гельбъ, всего семеро. Эти семеро—первоначальные акціонеры, которые покрываютъ капиталъ, предложенный на подписку, то есть покрываютъ его «на бумагѣ»: Бэръ подписывается на 300 тысячъ талеровъ, Вольфъ и Фуеъ, каждый, на 200 тысячъ, Фрѣлихъ и Зелигъ по 150 тысячъ, а Грюнъ и Гельбъ по 100 тысячъ талеровъ; итогъ—1.200.000 талеровъ. Эти первоначальные акціонеры единогласно утверждаютъ представленный имъ проектъ устава, и также единогласно—приобрѣтеніе фабрики бывшей Флау за миллионъ талеровъ, съ уплатою этой суммы Бэру. Затѣмъ, все тѣ же семь лицъ избираютъ наблюдательный совѣтъ общества, который, по закону, долженъ состоять не менѣе чѣмъ изъ трехъ членовъ. Огромнымъ большинствомъ голосовъ въ члены совѣта избираются Фрѣлихъ и Зелигъ, а Вольфа выбираютъ въ предсѣдателя совѣта. Тѣмъ же большинствомъ Бэръ назначается директоромъ-распорядителемъ «Вулкана», а Фуеъ—его товарищемъ. Тогда должностныя лица новаго общества размѣщаются вокругъ стола, въ приготовленныхъ для нихъ креслахъ, а на скамьяхъ акціонеровъ остаются только Грюнъ и Гельбъ. Между тѣмъ, присутствующій нотаріусъ составилъ протоколъ всѣхъ дѣйствій послѣдовавшаго перваго «общаго собранія» акціо-

неровъ», причѣмъ подавалъ учредителямъ свои совѣты, чтобы устранить возможность какой-либо неправильности выборовъ въ юридическомъ отношеніи.

Эта комедія имѣетъ наиболѣе сценическаго характера; «общее собраніе», хотя состоящее изъ семерыхъ человѣкъ и въ отсутствіи зрителей, все-таки представляетъ нѣчто опредѣленное, записывается въ акты. Но тѣ комедіи, которыя ни въ какія книги не вносятся, составляютъ между тѣмъ существеннѣйшую часть «трилогіи». Это, во-первыхъ, —пріобрѣтеніе фабрики; во-вторыхъ—реализація капитала и дѣлѣжка между главными участниками. Еслибы общество пріобрѣло фабрику прямо отъ прежняго владельца, за 400 тысячъ, тогда надо бы отдавать со времени отчетъ, на что были употреблены 600 тысячъ, такъ какъ обществу фабрика обошлась въ миллионъ. Но для того-то Баръ и явился тутъ третьимъ, посредничающимъ лицомъ. Кому такое дѣло до того, что Баръ купитъ фабрику за 400 тысячъ, когда общество купило ее отъ Бара за миллионъ? Кто можетъ имѣть право спрашивать, куда дѣвалъ Баръ барышъ въ 600 т. талеровъ? Развѣ продавецъ долженъ отдавать отчетъ въ своемъ барышѣ? Для общества существуетъ только тотъ фактъ, что фабрика куплена за миллионъ. Акціонерный капиталъ составитъ 1.200,000 талеровъ; его нужно реализовать. Эту операцію соглашается принять на себя банкирскій домъ «братья Израэль». Въ дѣйствительности онъ принимаетъ важное участіе въ новомъ учрежденіи, но официальнымъ образомъ онъ оставался совершенно въ сторонѣ. Нѣкто изъ учредителей, поименованныхъ выше, не внесъ еще и копѣйки денегъ въ предпріятіе. Они подписались на всю совокупность акцій, но подписка ихъ была бездѣльная. Первый, дѣйствительный взносъ производится банкирскимъ домомъ братьевъ Израэль. Для того, чтобы общество было признано состоявшимся, законъ требуетъ уплаты по меньшей мѣрѣ 10% основного капитала; вотъ эту-то сумму, то-есть 120 тысячъ талеровъ, и вносятъ братья Израэль, и тогда акціонерное общество «Вулканъ» вносится въ официальную «торговую книгу» (Handelsregister). По прошествіи нѣсколькихъ недѣль или нѣсколькихъ мѣсяцевъ, банкирамъ удалось «помѣстить» акціи, частью по курсу выше пары (т.-е. выше номинальной стоимости), частью ниже пары, смотря по тому, благоприятно ли было положеніе рынка и хорошо ли сдѣлала свое дѣло реклама. Итакъ, акціи «Вулкана» навязаны публикѣ. Затѣмъ, банкиры изъ уплаченнаго капитала вычитаютъ сперва свою комиссію,

приблизно $16\frac{2}{3}\%$ или 200 тысячъ, сверхъ того залога, который они временно поставили, и который теперь уже не нуженъ, а миллионъ талеровъ передаютъ директору-распорядителю «Вулкана» Бэру, который и приступаетъ къ дѣлу добычи между соучастниками.

Грюнъ и Гельбъ, какъ подставныя лица, фигуранты, получаютъ не болѣе 10 т. каждый, всего 20 т.; Фрѣлихъ и Зелигъ имѣютъ болѣе правъ, такъ какъ они подписывались на большія суммы и считаются членами совѣта; имъ дается по 20 т., вмѣстѣ 40 т.; Вольфъ и Фуеъ это уже люди иного порядка, близкіе люди Бэра, съ которыми онъ вообще ведетъ дѣла и которые съ своей стороны могутъ предоставить Бэру доли въ тѣхъ предприятияхъ, которыя случится учреждать имъ; сверхъ того, они — предсѣдатель совѣта и его товарищъ, т.-е. лица вліятельныя. Имъ предоставляется по 50 тысячъ каждому, а обонимъ 100 т. Такимъ образомъ, Бэръ изъ полученныхъ имъ отъ братьевъ Израэль 1.000,000 талеровъ уплачиваетъ своимъ соучастникамъ 160 т. талеровъ; остаются 840 т., изъ которыхъ 400 тысячъ нужно заплатить Флау за фабрику и 200 тысячъ оставить въ видѣ оборотнаго капитала въ самомъ предпріятіи. Стало бытъ у Бэра остается чистаго барыша 240 т. талеровъ. Но бываетъ еще и такъ, что Бэръ заплатить Флау не всѣ 400 т., а отънять у него 50 т. до учрежденія предпріятія, пугая его, что оно не состоится: для Флау и 350 т. красная цѣна. Сверхъ того, и оборотный капиталъ имѣетъ странный обычай истощаться въ предпріятіяхъ обыкновенно въ теченіи перваго же года дѣятельности. Ясны и непреложны барыши Бэра.

Но въ какія условія все это ставитъ самое предпріятіе? Если заводъ стоилъ въ самомъ дѣлѣ 250, даже 300 тысячъ талеровъ, и на этотъ капиталъ могъ приносить порядочный доходъ владельцу, который самъ управляетъ имъ, то спрашивается, какой же доходъ онъ дастъ на капиталъ въ 1.200,000 талеровъ, еще при томъ увеличеніи расходовъ, какое представляется окладами новой администраціи? Не удивительно, что всего черезъ годъ по превращеніи въ акціонерное предпріятіе, дѣло начинаетъ колебаться и должно обращаться къ займу, а то и къ ликвидаціи, при которой дѣйствительные акціонеры получаютъ обратно незначительный процентъ внесеннаго ими капитала. Счастливы тѣ, кто во-время успѣлъ сбыть акціи, — достойны сожалѣнія тѣ, въ чьихъ рукахъ онѣ оказались въ минуту наступленія кризиса. Это напоминаютъ ту игру, въ которой участвующіе передаютъ

другъ другу зажженную лучину; проигрываетъ тотъ, въ чьихъ рукахъ она оставалась, когда потухла. Французы называютъ эту игру—*petit bonhomme vit encore*.

Г. Глагау завѣряетъ, что описанныя имъ, съ вымышленными именами, дѣйствія и сравнительныя цифры не только взяты съ живого примѣра, но въ дѣйствительности повторялись сто разъ при учредительствѣ, вообще были въ немъ *правдой*. Изъ примѣра этого явствуется, на первый разъ, то, что наживать деньги такимъ образомъ человекъ не можетъ, дѣйствуя одинъ, безъ соучастниковъ, которымъ приходится платить, и платить дорого, обременяя предпріятіе, и что устроить такого дѣла нельзя, не заручившись содѣйствіемъ людей денежныхъ или имѣющихъ кредитъ, такъ какъ иначе никакіе банкиры не возьмутся за реализацію капитала, и акціи не пойдутъ на биржѣ, стало быть, не будутъ и разобраны публикой.

П. А—въ.

БЕЗЪ РОДУ БЕЗЪ ПЛЕМЕНИ

ОЧЕРКИ И СЦЕНЫ

ИЗЪ НОВАГО РОМАНА А. ДОДЭ: «ЖАК».

Не такъ давно, въ одномъ изъ своихъ «Парижскихъ писемъ», въ «Вѣстникѣ Европы» ¹⁾, Эмиль Золя познакомилъ нашу публику съ однимъ изъ самыхъ талантливыхъ современныхъ беллетристовъ Франціи, и давъ весьма подробную характеристику какъ самого писателя, такъ и его произведеній, впервые обратилъ на Додэ серьезное вниманіе. «И высшее искусство, и высшая мораль должны заключаться въ строгой правдѣ каждаго произведенія», — вотъ слова, которыми вообще резюмировалъ Золя, въ послѣднемъ своемъ «Письмѣ», главную роль и задачу новѣйшей реальной школы въ европейской литературѣ. Какъ послѣдователь этой школы, Додэ стремится къ той же цѣли, но притомъ онъ вноситъ въ свои произведенія свою индивидуальную особенность, свой личный характеръ, качества таланта, одному ему свойственныя, — и Золя даетъ намъ по этому поводу чрезвычайно живой и тонкій анализъ литературной личности Додэ. Мы позволимъ себѣ вкратцѣ напомнить читателямъ это мѣсто изъ «Письма» Эмиля Золя:

„Талантъ у Додэ весьма сложный, живой, и его трудно опредѣлить однимъ словомъ; съ другой стороны, можно отчасти лишить его присущей ему прелести, если анализировать слишкомъ рѣзкими штрихами. Прежде всего слѣдуетъ представить себѣ, какъ относится Альфонсъ Додэ къ природѣ и людямъ. Онъ прежде всего поэтъ; онъ

¹⁾ См. выше: нартъ, 391—421 стр.

видитъ природу и людей сквозь галлюцинаціи, свойственныя живому воображенію. Все растетъ, украшается, оживляется, живетъ интенсивной жизнью. У него нѣтъ сухости Стендаля, ни эпической тяжеловѣсности Бальзака; въ немъ замѣчается скорѣе нервное возбужденіе Диккенса; у него постоянная скачка среди дѣйствительности, съ внезапными вторженіями въ область фантазіи. Но есть двѣ манеры быть поэтомъ: суровая и нѣжная. Альфонсъ Додэ—поэтъ нѣжный. Ему чужды мятельность, горечь, лихорадочные протесты революціонныхъ умовъ. Когда онъ выходитъ на улицу, то радуется, видя небо голубымъ, женщины прекрасными, мужчинъ добрыми. Онъ дружески относится къ людямъ. Конечно, онъ не слѣпъ, онъ видитъ зло, указываетъ на него пальцемъ, караетъ его; но это занятіе ему противно, онъ всегда радъ указать на смягчающія обстоятельства; къ тому же, если въ числѣ дѣйствующихъ лицъ онъ выставитъ намъ негодяя, то укажетъ скорѣе его смѣшныя стороны, чѣмъ порочныя. Онъ предпочтетъ заставить насъ смѣяться надъ нимъ, нежели указать на него. Такимъ образомъ, книги его населены добрыми, ласковыми, любящими существами. Если попадаютъ между ними неглупыя, то и тѣ выкупаютъ свои недостатки добродушіемъ; наконецъ, едвали наберется два-три вполне испорченныхъ, да и то испорченность ихъ не лишена изящества и веселости. Никогда авторъ не опускался въ дрожжи человѣчества; онъ даетъ порою догадываться о нихъ—вотъ и все. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ естественнымъ влеченіемъ темперамента, и я настаиваю на этомъ, чтобы не придавали моей мысли критическаго смысла, котораго она не имѣетъ. Альфонсъ Додэ честно относится къ природѣ; онъ не облыгаетъ, не прикрашиваетъ ее; онъ просто извлекаетъ изъ нея всѣ счастливые элементы и выставляетъ ихъ на первый планъ, а всѣ дурныя—отодвигаетъ на задній. Въ сущности такую же операцію производятъ и тревожные умы, когда выставляютъ на первый планъ худое и оставляютъ въ тѣни утѣшительное. Въ томъ и въ другомъ случаѣ все дѣло въ перспективѣ, въ сочувствіи или въ антипатіи къ человѣчеству; литературная честность одинакова въ томъ и другомъ случаѣ. Альфонсъ Додэ думаетъ, какъ и другіе великіе художники, что добро—тотъ яркій свѣтъ, какимъ слѣдуетъ освѣщать людскую истину, а зло есть тѣнь, и все искусство заключается въ томъ, чтобы благоразумно распорядиться имъ, чтобы не омрачить картины.

„Итакъ, первые два пункта ясны. Альфонсъ Додэ поэтъ, и поэтъ чувствительный. Другими словами, у него есть даръ вдохновенія, и онъ пользуется имъ, чтобы создавать существа, въ которыхъ выставляетъ на первый планъ хорошія, человѣческія качества. Но эти два пункта непосредственно влекутъ за собою и третій. Если у него нѣтъ революціонной ярости, сокрушающей все, до чего ни притронется, за то есть иронія, тонкая и острая, какъ шпала. Это оружіе свойственно его темпераменту, и имъ онъ борется при встрѣчѣ съ глупостью и подлостью. Онъ никогда не сердится, это было бы фальшивой нотой въ его произведеніяхъ. Онъ смѣется или только улыбается, и трудно представить себѣ что-нибудь убійственнѣе этой улыбки. Онъ не скучится на узоры булавкой. Произведенія его—оживленные, веселыя сатиры, безъ видимой горечи, и рѣзкость нападковъ прикрывается въ

нихъ хорошимъ расположеніемъ духа. Въ сущности у Альфонса Додэ очень развитъ юморъ, но не тотъ необузданный юморъ, какой мы видимъ у Раблэ, а также и не укушенный и свирѣпый юморъ Свифта, но юморъ новѣйшаго качества, современный, нервный юморъ, одушевленный поэтическимъ пламенемъ, схватывающимъ смѣшныя стороны и передающимъ ихъ съ поэтической окраской. Далѣе я приведу примѣры и постараюсь сдѣлать понятнымъ смѣхъ поэта, заключающаго насмѣшку въ золотую гремушку, предпочитающаго осмѣивать негодяевъ, чѣмъ пачкать руки, копаясь въ ихъ внутренностяхъ...”

Между такими примѣрами, Эм. Золя весьма справедливо ставить на первое мѣсто послѣднее произведеніе Альфонса Додэ: «Джэкъ». Но онъ рассказываетъ содержаніе этого романа на пяти-шести страницахъ и даетъ всего одну цѣльную картину изъ него. Между тѣмъ, «Джэкъ» вполне заслуживаетъ ближайшаго знакомства, какъ по оригинальности замысла въ изображеніи судьбы несчастнаго ребенка «безъ роду, безъ племени», понесшаго на себѣ всѣ послѣдствія легкомыслія своей матери, «добродушной дѣвушки, съ птичьимъ разумомъ, веселой и живой»,—какъ ее характеризуетъ Золя,—такъ и по обширности канвы, помѣщающей въ себѣ нѣсколько отдѣльныхъ міровъ и совершенно самостоятельныхъ группъ.

Первую главу романа можно назвать прологомъ: вмѣсто описанія прошлаго матери героя, Иды, авторъ предпочелъ дать небольшую сцену. Ида пріѣхала съ сыномъ въ одно учебное аристократическое заведеніе патеровъ, и вступила съ нимъ въ переговоры. Опытный патеръ догадывается, съ кѣмъ ему приходится имѣть дѣло, и проситъ сказать ему, наконецъ, фамилію, какую носить ребенокъ. Съ первыхъ словъ романа, Ида оправдываетъ тѣ слова, которыми охарактеризовалъ ее Золя, какъ веселую болтушку, съ весьма ограниченнымъ умомъ, плохо даже понимающую, чего именно отъ нея хотятъ.

I.

— Джэкъ! да, да! Джэкъ! — отвѣчала Ида патеру, — имя пишется и выговаривается на англійскій ладъ... Крестный отецъ моего сына былъ англичанинъ, генералъ-маіоръ индійской арміи, лордъ Пембокъ. — Вы, можетъ быть, его знавали? — онъ принадлежалъ къ высшей, о, да! господинъ аббать, къ самой высшей аристократіи... И какъ онъ вальсировалъ!... Онъ умеръ ужасной смертью въ Сингапурѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на охотѣ, устроенной для него однимъ изъ раджей... Эти раджи настоящіе парки; лорда Пембока звали... ахъ, Господи! имя такъ на языкѣ и вертится! Рама, Рапа...

— Позвольте, сударыня, — прервалъ ректоръ, невольно улыбаясь этому потоку словъ: — а послѣ имени Джэка, — что прикажете написать?

Облокотясь на бюро, на которомъ только-что писалъ, и слегка склонивъ голову, патеръ искоса поглядывалъ на сидѣвшую передъ нимъ молодую женщину, возлѣ которой стоялъ ея Джэкъ. То была вполне элегантная, безукоризненно, по модѣ и по сезону одѣтая особа (дѣло происходило въ декабрѣ 1858 г.); богатство ея туалета говорило о солидной роскоши женщины, имѣвшей свою карету. У нея была очень маленькая головка, очень хорошенькое, подвижное, улыбающееся личико, ясные, нависшие глазки и бѣлые зубы, ежесекундно выставляемые. Что-то въ этой подвижной фивіономіи, не то нижняя, выпяченная губа, не то ушій, лобъ, указывало на отсутствіе мысли, на ограниченность.

Ребенокъ, семи-восьми лѣтъ, рослый мальчуганъ, былъ одѣтъ но-англійски, какъ того требовало его имя, — съ голыми ногами, костюмъ соответствовалъ возрасту, но не гармонировалъ съ его длинной таліей и уже полной шеей, и видимо стѣснялъ его. По наружности онъ походилъ на мать, съ оттѣнкомъ чего-то болѣе тонкаго, болѣе изящнаго. Взглядъ былъ глубже, лобъ шире, выраженіе рта серьезнѣе. Онъ стоялъ, прижавшись къ матерѣ, и время отъ времени окидывалъ патера и всѣ окружающіе предметы любопытнымъ и боязливымъ взоромъ. Онъ, очевидно, общалъ не плакать.

Въ виду настойчивости патера узнать фамилію ребенка, мать смутилась и быстро проговорила:

— Чтѣ я, въ самомъ дѣлѣ! я вѣдь еще не назвала себя! Она вынула изъ кармана и подала патеру карточку съ именемъ: Ида де-Баранси.

Ректоръ улыбнулся.

— Эту же фамилію носить и вашъ сынъ?

Она отивчала утвердительно, и снова зашебетала. Патеръ окончательно убѣдился, что эта госпожа можетъ только скомпрометтировать его пансіонъ, и, представивъ ей невозможныя условія, наконецъ благополучно отдѣлался отъ опасности. Ида съ отчаяніемъ возвращается домой, но новый туалетъ даетъ другое направленіе ея мыслямъ; она одѣвается и ѣдетъ на балъ, а Джэкъ остается въ прежней педагогической обстановкѣ—въ обществѣ прислуги. На этотъ разъ горничная въ совѣтъ съ кучеромъ окончательно рѣшила участь всей жизни Джэка.

— Погодите-ка,—остановилъ кучеръ Огюсть горничную, обсуждавшую отказъ патера,—я знаю одинъ пансіонъ: какъ бытъ его... гимназія Мо... Моронваль,—да, такъ! у меня гдѣ-то и объявленіе было.

Онъ полезъ въ карманъ и вытащилъ засаленный кусокъ газеты. Констансъ прочла вслухъ:

«Гимназія Моронваль, 25, улица Монтэнъ. Въ лучшей части Парижа. Семейное воспитаніе. Большой садъ. Число воспитанниковъ ограничено. Курсъ произношенія по методу Моронваль-Декостеръ» и пр., и пр.

Чтеніе продолжалось, но Джэкъ, присутствовавшій при этомъ, ничего не слышалъ; онъ заснулъ, и покуда его будущность обсуждалась всесторонне кучеромъ, кухаркой и горничной, а мать веселилась, какъ безумная, неизвѣстно гдѣ,—онъ видѣлъ во снѣ патера, и ему все слышались слова, которыми онъ проводилъ ихъ: «бѣдное дитя!»

Улица Монтэнъ, въ которой помѣщалась гимназія Моронваль, находится, точно, въ одномъ изъ лучшихъ кварталовъ Парижа, въ самомъ центрѣ Елисейскихъ-Полей, но, какъ и всякая на-сво-ро проведенная и еще не совсѣмъ отстроенная улица, имѣетъ нѣсколько хаотическій характеръ: рядомъ съ роскошными отелями виднѣются жилища рабочихъ, лачуги, изъ оконъ коихъ слышится стукъ молотка. Въ 1858 году, къ улицѣ Монтэнъ примыкало нѣсколько грязныхъ переулковъ, составлявшихъ рѣзкій контрастъ съ окружающимъ ихъ великолѣпіемъ; одинъ изъ этихъ переулковъ начинался какъ разъ у дома подъ № 25.

Пышная надпись надъ воротами всѣми своими золотыми буквами гласила, что здѣсь помѣщается гимназія Моронваль, но за то всякій перешагнувшій за эти ворота мгновенно увязалъ въ черной, зловонной, никогда не просыхающей грязи, въ той грязи, какая всегда окружаетъ новыя постройки. Посреди пе-

реулка протекалъ ручей, тамъ и сямъ мелькали жалкіе отели, зданія нѣ-скоро доконченныя при помощи старыхъ досокъ,—все это, вмѣстѣ взятое, переносило воображеніе лѣтъ за сорокъ назадъ. Нельзя было также не задать себѣ вопроса: какимъ образомъ на такомъ тѣсномъ пространствѣ можетъ помѣщаться такое разнородное населеніе? Тутъ было все, что угодно: англійскіе грумы, ливрейные лакеи, и рядомъ всякія лохмотья; каждый вечеръ, по закатѣ солнца, сюда возвращались продавцы собакъ, карлики изъ гипподрома, съ своими микроскопическими пони, нищія всѣхъ категорій, словомъ, всякій сбродъ.

Гимназія Моронваль была тутъ вполнѣ у мѣста.

По нѣскольку разъ въ день высокій и худой мулатъ, съ длинными волосами, въ шляпѣ съ широкими полями, быстро шагалъ по переулку, за нимъ бѣжало слѣдомъ съ подложки мальчишекъ, цвѣтъ лица коихъ представлялъ самыя странныя оттѣнки, начиная съ свѣтло-мѣднаго и кончая чернымъ; всѣ они были одѣты въ потертые мундиры и вполнѣ гармонировали со всею окружающею ихъ обстановкой. Мулатъ былъ не кто иной, какъ г. Моронваль, директоръ гимназіи, а разноцвѣтные мальчуганы—его воспитанники.

Ида де-Баранси такъ была огорчена своей первой неудачей, что не рѣшилась сама вести сына въ эту гимназію, а поручила своей горничной доставить его туда.

Въ одно холодное, печальное, снѣжное утро, у воротъ съ золотой вывѣской остановилась карета, изъ нея вышла Констансъ, держа за руку Джэка, и сильно дернула звонокъ; сначала никто не отозвался, потомъ на посѣтителей устремились любопытные взоры, севозъ форточку, продѣланную въ воротахъ; Констансъ начинала терять терпѣніе, какъ вдругъ ворота отворились и въ нихъ показался самъ г. Моронваль. Онъ предложилъ m-lle Констансъ руку и повелъ ее черезъ большой садъ, вокругъ котораго были разбросаны зданія самой странной архитектуры, что и понятно, если принять во вниманіе находчивость г. Моронвали, превратившаго фотографію для лошадей въ учебное заведеніе. Въ одной изъ аллей имъ попался на встрѣчу негрѣенокъ, вооруженный щеткой и ведромъ съ углемъ; онъ робко, почтительно посторонился, а г. Моронваль на ходу кинулъ ему:

— Затопить каминъ въ гостиной!

Предосторожность—оказавшаяся далеко не излишней, такъ какъ въ огромной комнатѣ холодъ былъ страшный. Г. Моронваль подалъ m-lle Констансъ стулъ; его супруга, маленькая женщина, съ длиннымъ лицомъ, вошедшая въ гостиную вслѣдъ за посѣти-

телями, приласкала Джека, и засимъ приступили къ переговорамъ. Моронваль сразу запросилъ три тысячи франковъ, кромѣ обезвѣденія. Выговоривъ цифру, онъ затянулъ обычную въ подобныхъ случаяхъ пѣсню.

Три тысячи франковъ! иному, пожалуй, покажется много, — да, да, онъ самъ первый съ этимъ соглашается. Но вѣдь гимназія Моронваль не имѣетъ ничего общаго съ другими учебными заведеніями: здѣсь не только заботятся объ образованіи учениковъ, но знакомятъ ихъ и съ парижской жизнью, они бывають въ театрѣ, посѣщаютъ общество, присутствуютъ на литературныхъ турнирахъ, въ стѣнахъ академій, въ нихъ стараются развивать человѣческія чувства, ихъ знакомятъ съ семейной жизнью; образование отъ этого не страдаетъ, напротивъ, многіе ученые, артисты приняли участіе въ этомъ филантропическомъ дѣлѣ, въ качествѣ профессоровъ различныхъ наукъ, исторіи, музыки, литературы. Длинная тирада директора совершенно ошеломила Констансъ. Она поспѣшила заявить, что вопросъ о цѣнѣ не имѣетъ въ глазахъ ея и ея госпожи особаго значенія; они желаютъ одного: дать мальчику аристократическое образованіе, на что Моронваль замѣтилъ, что у него въ гимназіи только и воспитываются что аристократы; ему даже вѣренно воспитаніе его королевскаго высочества наследнаго принца Дагомейскаго, и онъ, не хвастаясь, можетъ сказать, что сдѣлалъ изъ него замѣчательнаго, во всѣхъ отношеніяхъ, человѣка. Тутъ ужъ восторгъ горничной не имѣлъ предѣловъ, она поскорѣй предложила принять плату за первую треть.

Джеку было грустно.

Этотъ Моронваль должно быть злой. Кромѣ того, въ этомъ странномъ пансіонѣ мальчикъ чувствовалъ себя далеко, далеко отъ матери... У стола, супруга Моронваль и Констансъ шептались, поглядывая на него; онъ очень хорошо слышалъ, какъ маленькая женщина раза два прошептала: бѣдное дитя, — и она туда же! Наконецъ Констансъ вытащила изъ мѣшка и разложила на столѣ банковые билеты, золото... Ясно, онъ остается.

Въ эту минуту въ комнату ворвался толстый, низенькаго роста господинъ, съ остриженными подъ гребенку волосами и раздвоенной бородой.

— Въ гостинной топится каминъ, — воскликнулъ онъ съ комическимъ удивленіемъ, — вотъ роскошь-то! Новенькаго мы что-ли завербовали?

Увидавъ постороннюю даму, ребенка, груду денегъ, онъ остановился, а Моронваль обратился къ горничной:

— Господинъ Лабассандръ, профессоръ императорской музыкальной академіи, нашъ преподаватель пѣнія.

Лабассандръ только-что успѣлъ отвѣсить нѣсколько поклоновъ, какъ дверь снова отворилась, въ комнату вошли еще два господина. Первый, очень некрасивый, съ просѣдью, безъ бороды, въ очкахъ, одѣтый въ старую, застегнутую до верху визитку, носившую на себѣ слѣды его близорукой неловкости, оказался докторомъ Гиршемъ, профессоромъ математики и естественныхъ наукъ. Второй—рѣзко отличался отъ своего товарища, это былъ довольно красивый, молодой человѣкъ, одѣтый весьма тщательно, въ свѣтлыхъ перчаткахъ, съ отброшенными назадъ волосами, что еще увеличивало его безвѣчный лобъ, съ развѣянными, презрительнымъ взглядомъ, съ густыми бѣлокурыми усами, съ широкимъ и болѣзненнымъ лицомъ. Указывая на него, Моронвалъ произнесъ:

— Нашъ великій поэтъ, Амори д'Аржантонъ, профессоръ литературы.

Самъ не зная почему, въ этомъ человѣкѣ Джэкъ сразу призналъ «срача», и не ошибся.

Разговоръ между Констансъ и Моронвалемъ кончился, она стала прощаться; Джэкъ плакать и умолять ее попросить маму навѣстить его поскорѣй. Слезы его легко могли не понравиться Моронвалю, но, по счастью, г-ну директору пришла мысль проводить Констансъ до экипажа, карета произвела на него сильное впечатлѣніе и заставила отнестись снисходительно къ горю новичка. Бѣдный новичокъ!

Эваристъ Моронвалъ, адвокат и литераторъ, прибылъ въ Парижъ въ 1848 г. въ качествѣ секретаря при депутатѣ отъ Гиделупы. Это былъ малый лѣтъ 25-ти, преисполненный честолюбіемъ и аппетита, но образованный и не глупый. Онъ мирился съ зависимымъ положеніемъ изъ желанія даромъ доѣхать до Парижа. Тотчасъ по приѣздѣ онъ бросилъ своего депутата, приобрѣлъ нѣсколько знакомствъ и рѣшился приняться за адвокатуру; вскорѣ однако оказалось, что его невозможный, какъ и у всѣхъ креоловъ, выговоръ составляетъ непреодолимую преграду для достиженія успѣховъ на этомъ поприщѣ. Онъ попробовалъ писать; оказалось, что въ Парижѣ не такъ-то легко приобрести литературную извѣстность; кромѣ того, онъ былъ гордъ, избалованъ, ни въ одной редакціи онъ ужиться не могъ. Тогда началась для него ужасная жизнь; онъ питался однимъ хлѣбомъ, да и поѣдалъ-то его на улицѣ, украдкой, грѣлся у жаровень въ церквахъ и библіотекахъ. Онъ сталъ преподавателемъ чего-попало, писалъ гуманныя бро-

шпору, статейки для энциклопедій по полъ-сантиму за строчку, написать исторію среднихъ вѣковъ въ двухъ томахъ, по двадцати-пяти франковъ за томъ... Онъ бился цѣлыхъ три года, наконецъ, утративъ послѣднія иллюзіи и окончательно испортивъ себѣ желудокъ, случайно попалъ, въ качествѣ преподавателя англійскаго языка, въ пансіонъ сестеръ Девостеръ: двумъ старшимъ перевалило уже за сорокъ, младшей было подъ тридцать лѣтъ; ей тоже грозило вѣчное дѣвство. Моронваль посватался, она согласилась. Сначала молодые жили съ старшими сестрами, но вскорѣ невыносимый характеръ зятя вынудилъ ихъ выдѣлить сестру; они ей дали 30,000 франковъ.

Что дѣлать съ этими деньгами? Моронваль задумался; онъ зналъ, что изъ самыхъ отдаленныхъ странъ — изъ Персіи, изъ Японіи, изъ Индостана, — присылають дѣтей воспитываться въ Парижъ, снабжая ихъ притомъ деньгами въ достаточномъ количествѣ; онъ понялъ всю выгоду предпріятія, и открылъ свою знаменитую гимназію. Сначала старшіе воспитанники слушали лекціи въ одномъ изъ лицеевъ, потомъ Моронваль нашелъ, что лучше обратиться къ гимназіи частныхъ преподавателей, и собралъ вокругъ себя всѣхъ своихъ старыхъ знакомыхъ по кофейнямъ, доктора безъ диплома, поэта безъ издателя, пѣвца безъ сцены...

Моронваль, какъ и патеръ, скоро понялъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло въ лицѣ матери Джака, и началъ съ первыхъ же дней заботиться о томъ, чтобы расположить къ себѣ Иду де-Баранси, или *графиню*, какъ онъ ее обыкновенно называлъ. Рѣшено было, наконецъ, дать въ честь ея литературный вечеръ, какового еще нигде не бывало въ гимназіи Моронваль-Декастеръ: у входа горѣло два цвѣтныхъ фонаря, сѣни были освѣщены лампой, въ гостинной зажжено болѣе тридцати свѣчей; Моронваль не поскупился на приглашенія, и, какъ только стемнѣло, гости начали собираться. Смѣшно было смотрѣть на эту «богему», съ ея безумными претензіями, съ ея гордостью, странностями; но, съ другой стороны, на потертой внѣшности гостей была ярко написана такая горькая нужда, что вы невольно умилились бы видя эти лихорадочно блестящія глаза, эти лица, на которыхъ еще не успѣли угаснуть лучи послѣднихъ надеждъ. Многіе изъ этихъ господъ явились съ женами. Кромѣ того, тутъ было нѣсколько литературныхъ антиковъ, нѣсколько неопредѣленныхъ личностей, одинъ вѣчно молчавшій господинъ, котораго считали очень ученымъ, такъ какъ онъ прочелъ всего Прудона; другой, представленный Гиршемъ, подъ именемъ племянника Берцеліуса; наконецъ сами профессора: Лабас-

сандръ, очень нарядный, время-отъ-времени бравшій свою единственную ноту, которой очень дорожилъ, и д'Аржантонъ, застой, напомаженный, суровый, величавый. Графини все нѣтъ. Д'Аржантонъ, по просьбѣ Моронваль, рѣшился продекламировать свою поему, озаглавленную «Любовный Символь Вѣры». Стоя у камина, съ откинутыми назадъ волосами, съ высоко поднятой головой поэтъ читалъ свои стихи.

Она вошла...

Д'Аржантонъ, устремившій взоры къ потолку, не замѣтилъ ее, но она, несчастная, увидала его, и съ этой минуты все для нея было кончено. До сихъ поръ она видѣла его въ пальто и шляпѣ, онъ не поражалъ ее, но тутъ—блѣдный, въ черномъ фракѣ, съ протянутой рукой, съ подвигнутыми усиками, съ волосами, раздѣленными проборокъ посрединѣ, онъ произвелъ на нее впечатлѣніе потрясающее. Онъ отвѣчалъ всѣмъ помысламъ ея глупой сентиментальности, лежащей въ основѣ всего ея характера, каждой идеала, служащей какъ-бы возмездіемъ за жизнь, какую ведутъ подобныя ей женщины, смутнымъ стремленіямъ, всему, всему! Она ничего не видала, ни Джэка, посылавшаго ей воздушные поцѣлуи, ни чету Моронваль, склонившуюся чуть не до земли, ни даже любопытныхъ взглядовъ, устремленныхъ на молодую, съжую, элегантную женщину въ бархатномъ платьѣ, въ изящной легкой шляпѣ.

Онъ, только онъ! больше ничего для нея не существовало.

— Какъ видите, графиня,—замѣтилъ Моронваль,—мы приготавлились въ ожиданіи васъ; виконтъ Амори д'Аржантонъ прочелъ намъ свою чудную поему: «Любовный Символь Вѣры».

Она робко обратилась къ нему:

— Продолжайте, умоляю васъ...

Но д'Аржантонъ, разгнѣвавшійся на графиню за то, что она своимъ появленіемъ отвлекла общее вниманіе отъ самаго эффектнаго мѣста его поэмы, холодно отвѣтилъ:

— Я кончилъ!—и онъ смѣшался съ толпой, не обращая на нее никакого вниманія.

Вечеръ продолжался. М-ше Моронваль-Декостеръ прочла какую-то научную статью своего мужа, выговаривая слова съ такимъ тщаніемъ, съ какимъ подобало ихъ произносить изобрѣтательницѣ знаменитой методы, долженствовавшей исправлять всякія неправильныя произношенія.

Всѣмъ было скучно, никто не слушалъ. Потомъ д'Аржантонъ прочелъ свое стихотвореніе, подъ аккомпаниментъ Лабассандра. Ида слушала не дыша, утопая въ гармоніи.

— Представьте мнѣ м-г д'Аржантона,—попросила она тотчасъ по окончаніи чтенія; говори съ нимъ, она запиналась отъ волненія, онъ же слегка кланялся, и казался равнодушнымъ къ выданному имъ восторгу. Она, между прочимъ, спросила: гдѣ можно получить его стихотворенія?

— Ихъ нигдѣ нельзя получить,—торжественно и съ оскорбленнымъ видомъ, отвѣтилъ поэтъ.

Моронваль постѣнникъ воспользоваться случаемъ.

— Да, вотъ до чего дошла наша литература! Талантъ, геній, остаются непривлекательными; вотъ, будь у насъ журналъ!..

— Да, его надо имѣть.

— А средства?

— Средства найдутся, нельзя же допустить, чтобы подобныя произведенія оставались въ тѣни.

Поэтъ отошелъ отъ Иды, но она удержала подлѣ себя Моронваля и въ теченіи цѣлаго вечера говорила съ нимъ о д'Аржантонѣ, котораго хитрый креоль счумѣлъ окружить поэтическимъ сіяніемъ.

А онъ, ея герой, стоя въ полъ-оборота, въ эффектной позѣ, ораторствовалъ. Онъ говорилъ противъ современнаго общества, противъ Франціи, въ будущность которой не вѣрилъ; выражалъ непремѣнное намѣреніе эмигрировать въ Америку, и кончилъ грозной филиппикой противъ французскихъ женщинъ, ихъ легкомыслія, ихъ испорченности, ихъ казенныхъ улыбокъ, ихъ продажной любви!

«Онъ знаетъ—кто я!» съ ужасомъ подумала про себя Ида.

Кругомъ раздавались восторженные восклицанія. Конечно—жребій брошенъ; Ида полюбила!

Амори д'Аржантонъ принадлежалъ къ древнему, но уже за три поколѣнія предъ симъ разорившемуся семейству; дѣтство его протекло среди нищеты, вѣчныхъ денежныхъ заботъ, безъ свѣта, безъ веселья; онъ никогда не игралъ, никогда не улыбался. Стипендія въ коллегіи Louis le Grand, давшая ему возможность пройти полный курсъ наукъ, была ему не на радость, такъ какъ поставила его въ зависимое положеніе. Въ отпускъ онъ ходилъ къ сестрѣ своей матери, отличной женщинѣ, содержавшей меблированныя комнаты въ Марѣ, и дававшей ему время-отъ-времени денегъ на перчатки. Печальное дѣтство всегда оставляетъ по себѣ горькіе слѣды. Въ 27 лѣтъ д'Аржантонъ еще ничего не сдѣлалъ, ничего не написалъ замѣчательнаго, издалъ одинъ только томикъ стихотвореній въ гуманномъ духѣ, продержавъ себя шесть мѣсяцевъ на хлѣбъ и на водѣ, чтобы покрыть издержки по напеча-

танію никѣмъ незамѣченнаго сборника. Онъ много трудился, но повсѣмъ нужны крылья, а ихъ-то у него и не было. Жилъ онъ уроками; кромѣ того, тетка, переселившаяся въ провинцію, помогала ему. Гордый и холодный отъ природы, поэтъ избѣгалъ всякой серьезной любовной связи, на женщинъ смотрѣлъ какъ на препятствіе, какъ на потерю времени, онъ довольствовался ихъ поклоненіемъ. Ида де-Баранси первая произвела на него сильное впечатлѣніе. Часто, во время урока литературы, онъ подзывалъ къ себѣ Джэка и спрашивалъ его о матери, мальчикъ отвѣчалъ охотно, но всегда прилеталъ къ своимъ рассказамъ *mon ami* (такъ звалъ онъ прежняго друга матери); онъ видѣлъ какъ д'Аржантона коробило при этомъ, и нарочно дразнилъ его—Джэкъ болѣе чѣмъ когда-либо не любилъ поэта. Къ прежнему отвращенію присоединилась дѣтская ревность, мать была слишкомъ занята этимъ человекомъ...

Каждый четвергъ Джэкъ обѣдалъ у матери, иногда вдвоемъ, иногда въ обществѣ того *mon ami*; вечеромъ ѣздили въ театр; въ одинъ изъ такихъ четверговъ мальчикъ, явившись въ урочный часъ, замѣтилъ, что въ столовой накрытъ столъ на три прибора. Какое счастье, подумалъ онъ: *mon ami* здѣсь.

Мать его встрѣтила, нарядная, прекрасная, съ вѣтками белой сирени въ волосахъ.

— Угадай кто здѣсь?

— Догадываюсь уже, догадываюсь, — *mon ami*?

Это былъ д'Аржантонъ.

Грустный то былъ день для маленькаго Джэка, онъ самъ былъ смѣшонъ, и сознавалъ, что стѣсняетъ другихъ; мать велъ съ гостемъ отрывистый, странный разговоръ, они обмѣнивались ничемъ, повидимому, не значащими словами и много при этомъ смѣялись. Вечеромъ д'Аржантонъ, сидя у камина, описывалъ Идѣ всю свою жизнь, а Джэкъ вяло перелистывалъ альбомъ,—ему было очень тяжело. Раньше обыкновеннаго ему велѣли собраться въ пансіонъ; простившись съ матерью, онъ подошелъ къ гостю, тотъ наклонился къ нему, какъ-бы желая его поцѣловать, но вдругъ оттолкнулъ и съ крикомъ: *ne могу, ne могу*—въ изнеможеніи опустился на диванъ. Въ этомъ возгласѣ, какъ и во всякомъ словѣ д'Аржантона было много притворства, но было и искреннее чувство: онъ ревновалъ къ ребенку, какъ ребенокъ ревновалъ къ нему. Съ этого дня Джэка стали все рѣже и рѣже брать домой; Ида все болѣе и болѣе поддавала подъ влияніе д'Аржантона, она готова была по первому его знаку бросить *mon ami*, но д'Аржантонъ, крайне-методичный, несмотря на свою

кажущуюся восторженность, уговаривалъ ее подождать, пока онъ разбогатеетъ: тетка его такъ стара, а онъ единственный наслѣдникъ; тотчасъ послѣ ея смерти они соединятся, поселятся въ деревнѣ, въ уютномъ домикѣ, онъ станетъ работать на просторѣ, напишетъ книгу, о которой мечтаетъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ.

Такъ проходили недѣли, мѣсяцы... Однажды утромъ Джэкъ, рѣдко теперь покидавшій пансіонъ, грустно поглядывалъ на весеннее, голубое, широко-раскинувшееся небо, вызывавшее въ душѣ его мечты о прогулкахъ и свободѣ. Солнце уже припекало, вѣтви на кустахъ сирени начинали зеленѣть.

Въ эту самую минуту раздался звонокъ; вошла мать, нарядная, сияющая, крайне взволнованная.

— Я за тобой; ѣдемъ завтракать въ Булонскій Лѣсъ.

Надо было попросить позволенія у директора, но м-ше де-Баранси привезла деньги за треть, а потому препятствій, понятно, не встрѣтилось никакихъ. Джэкъ бросился одѣваться; дорогой ему попался на глаза наслѣдный принцъ Дагомейскій Моду, блѣдный, унылый, повидимому, незамѣчавшій, что погода теплая, что воздухъ ароматный.

— Мама, возьмемъ Моду съ собой!

Мать согласилась тотчасъ. М-ше Моронваль дала негритѣнку отпускъ. Одурѣлаго отъ радости Моду кое-какъ снарядили, Джэкъ съ матерью сѣли въ коляску, негритѣнокъ примостился на козлахъ подлѣ Огюста.

Путь ихъ лежалъ вдоль широкой и прекрасной Avenue de l'Impératrice; здѣсь все уже было полно жизни и движенія, виднѣлись группы гуляющихъ дѣтей, мелькали наѣзтники, амазонки.

Джэкъ блаженствовалъ, цѣловалъ мать, дергалъ Моду за платье, заставляя и его восхищаться всѣмъ окружающимъ. Булонскій лѣсъ, мѣстами, уже цвѣлъ и зеленѣлъ. Въ иныхъ аллеяхъ только верхушки деревь были усыяны молодой зеленью, что придавало облитымъ солнцемъ вѣтвямъ совершенно воздушный видъ. Зеленъ на деревьяхъ проходила черезъ всѣ отгѣнки, начинаая съ самаго нѣжнаго — на молодой листьѣ, и кончая самымъ темнымъ — на зимнихъ растеніяхъ.

Экипажъ остановился у ресторана; м-ше де-Баранси заказала завтракъ, а покуда его приготовляли, предложила дѣтямъ пройти къ озеру. Въ этотъ ранній часъ озеро еще не изображало изъ себя зеркала, отражающаго новыя моды и тщеславіе Парижа; на немъ плавали лебеди, въ немъ отражались травяные стебельки, вода, казалось, проснулась: тѣнь, тишина, уеди-

неніе придали ей видъ живой воды, на поверхности ея показывалась рыба, вскакивали свѣтлые пузырьки, птицы пролетали надъ нею, рыбы своими жабрами приводили ее въ движеніе, дивы купали въ ней свои длинныя вѣтви.

— Поѣдемъ въ зоологическій садъ,—предложила мать. Въ зоологическомъ саду новыя восторги.

Моду не помнилъ себя отъ радости при видѣ милыхъ ему сердцу птицъ и звѣрей изъ странъ тропическихъ, а когда ему разрѣшили покататься верхомъ на слонѣ, то счастьемъ его не было предѣловъ.

Однако, становится поздно, пора возвращаться, солнце съшло, поднялся рѣзкій, холодный вѣтеръ; возвратный путь былъ тяжелъ, у Джэка щемило на сердцѣ, и не даромъ.

— Джэкъ,—сказала ему мать,—я должна сообщить тебѣ важную новость, я уѣзжаю; не плачь, мое сокровище, мы скоро увидимся, я буду тебѣ писать.

Она могла говорить сколько хотѣла, Джэкъ ее не слушал, онъ плакалъ, прижавшись въ уголокъ, и всѣ предметы представлялись ему въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ утромъ, такъ какъ онъ глядѣлъ на нихъ глазами ребенка, потерявшаго мать. Нѣсколько дней спустя Моронваль получилъ отъ д'Аржантона письма; въ немъ заявлялъ въ нештѣ, что со смертію родственницы обстоятельства его измѣнились къ лучшему, а потому отъ уроковъ въ гимназіи онъ отказывается; засимъ, въ P.S., очень непринужденнымъ тономъ сообщаетъ, что м-ше де-Баранси, будучи вынужденъ уѣхать изъ Парижа, поручаетъ своего маленькаго Джэка родительскимъ попеченіямъ г. Моронваля.

Съ этого дня въ жизни Джэка настала новая эра: директоръ собралъ справки и узналъ, что м-ше де-Баранси покинула босаті, сердце его чувало, что скоро Джэка возьмутъ изъ гимназіи, или, того хуже, перестанутъ вносить за него плату; шадя ребенка, стало быть, нечего, и вотъ, на бѣдную, ни въ чемъ повинную головку, посыпались ядовитыя насмѣшки, брань, даже извѣдалъ толчки, пинки, даже побои. Разъ какъ-то случилось Джэку услышать разговоръ Гирша съ Лабассандромъ. Этотъ сообщалъ, что онъ недавно встрѣтилъ на улицѣ Иду де-Баранси.

— А онъ?—спросилъ Гиршъ.

— Понятно, вернулись вмѣстѣ.

Джэкъ съ этой же минуты рѣшился бѣжать на старую квартиру матери, и очень скоро привелъ въ исполненіе свой замыселъ. Улуча минуту во время похоронъ несчастнаго Дагомыя принца, замученнаго до смерти, Джэкъ исчезъ...

Завидѣвъ свой домъ, онъ бросился со всѣхъ ногъ, но уже въ сѣняхъ его поразили странный безпорядокъ: носильщики выносили вещи, нарядныя дамы поднимались по лѣстницѣ, другія спускались имъ на встрѣчу, мебель стояла на улицѣ; изумленный Джэкъ пошелъ вслѣдъ за толпой, изъ гостинной слышался стукъ молотка, раздавался голосъ, старательно выкрикивавшій: «дѣтская, золоченая кроватка!»

Мальчикъ положительно недоумѣвалъ; вдругъ его кто-то схватилъ за руку, онъ оглянулся: передъ нимъ стояла Констансъ.

— Гдѣ мамѣ?

— Мамы вашей нѣтъ здѣсь, мое бѣдное дитя.

— Гдѣ-жъ она, что такое случилось? Отчего здѣсь столько народу?

— Да вѣдь распродажа идетъ, пойдемте-ка на кухню, Джэкъ.

Въ кухнѣ было знакомое ему собраніе; появленіе ребенка произвело сильное впечатлѣніе, его окружили, ласкали.

Сначала Констансъ будто колебалась сказать правду, но не выдержала, и сообщила ребенку, что мать его поселилась въ окрестностяхъ Парижа, въ деревнѣ Этиоль.

Мальчикъ нѣсколько разъ повторилъ этотъ Этиоль, какъ-бы желая твердо запомнить названіе, потомъ спросилъ какъ только могъ небрежнѣе:

— А далеко это?

— Добрыхъ восемь лѣтъ, — отвѣтилъ кучеръ.

Поднялся споръ: кто говорилъ ближе, кто дальше, но въ концѣ-концовъ Джэкъ изъ диспута прислуги узналъ, что надо пройти черезъ Берси, Шарантонъ, Вильнёвъ-Сенъ-Жоржъ, потомъ взять на-право, идти вдоль Сены, вдоль опушки Сенарскаго лѣса прямо до Этиоль.

— Такъ, такъ, — повторяла Констансъ, — барыня и живетъ-то на самомъ краю лѣса, въ хорошенькомъ домикѣ, съ латинской надписью надъ дверью.

Разстояніе не пугало Джэка. «Что-жъ, — думалось ему, — пройду всю ночь, хоть ноги у меня и маленькія, да сдѣлаю же я восемь лѣтъ за ночь».

— Однако, пора въ гимназію, прощайте.

Берси! Джэкъ былъ тамъ разъ съ Моронвалемъ; это далеко, очень далеко. Съ каждой минутой ему становилось страшнѣе, онъ невольно ускорялъ шагъ, невизиторскіе взгляды городовыхъ сервантовъ повергали его въ ужасъ; въ стуѣ экипажей, въ разговорахъ прохожихъ, въ этомъ шумѣ большого города ему слышался крикъ: держи, держи его! онъ пустился бѣжать вдоль

Сены. Смеркалось. Побурѣлая отъ дождей рѣка глухо ударила въ быки мостовъ. Характеръ берега видоизмѣнился на каждомъ шагѣ: то онъ былъ весь черный, причеиъ длинныя, гибкія доски соединяли его съ громадными барками, нагруженными углемъ; то ноги скользили по валявшейся на берегу кожѣ отъ плодовъ, свѣжій запахъ зелени смѣшивался съ запахомъ тины; то видѣлись груды всякихъ товаровъ, пароходы съ короткими трубами, славно такъ пахло дегтемъ, каменнымъ углемъ, путешествіемъ! Можно было думать, что находишься за двадцать лѣтъ отъ Парижа.

Наступала ночь. Подъ арками мостовъ видѣлись черныя пропасти, берегъ становился все пустыниѣе и пустыниѣе. Вдругъ Джэкъ очутился на широкой набережной, освѣщенной газомъ, наполненной выстроенными въ одну линію боченками, пропитанной запахомъ винныхъ осадковъ и сырого дерева.

Это Берси, да; но вотъ горе—ночь наступила, а Джэкъ не сразу и замѣтилъ, что его окружаетъ мракъ. Шумъ, царившій на освѣщенной набережной, заставлялъ его забывать позднее время дня, и, кромѣ того, молодое воображеніе пугало его, онъ думалъ, что городскія ворота заперты, что всѣ знаютъ объ его бѣгствѣ, что его стерегутъ.

Но когда онъ преспокойно миновалъ ворота, и вошелъ въ длинную улицу, кое-гдѣ освѣщенную фонарями, холодъ и мракъ ночи заставили его вдрогнуть: тамъ, въ толпѣ, онъ боялся быть пойманнымъ, здѣсь имъ овладѣвалъ бессознательный ужасъ передъ этимъ безмолвіемъ, этимъ уединеніемъ. По обѣимъ сторонамъ улицы тянулись дома, но, по мѣрѣ того какъ ребенокъ подвигался, промежутки между этими домами становились все больше и больше. Рѣдкіе прохожіе ступали безъ шума по сырой землѣ, вдоль заборовъ скользили таинственныя тѣни, и время отъ времени раздавался протяжный лай собаки. Джэкъ ощущалъ невыразимое волненіе, съ каждымъ шагомъ впередъ его силнѣе охватывало ночное безмолвіе. Въ эту минуту онъ проходилъ мимо послѣдней лачуги,—то былъ придорожный, еще освѣщенный кабакъ, изъ оконъ коего падала на дорогу полоса свѣта, казавшаяся ребенку предѣломъ живого міра.

«Не зайдти-ли попросить, чтобъ указали дорогу?» думалъ Джэкъ, заглядывая въ комнату; тамъ за прилавкомъ храпѣлъ хозяинъ, а вокругъ хромоногаго стола засѣдали двое мужчинъ и женщина, они пили и разговаривали вполголоса; слышавъ скрипъ двери, они оглянулись. Лица ихъ были ужасны, женщина была особенно страшна.

— Этому еще что нужно? — сильнымъ голосомъ спросилъ одинъ изъ мужчинъ, и поднялся съ мѣста, но Джэкъ, испуганный до полу-смерти, выбѣжалъ и въ одинъ прыжокъ оставилъ за собой послѣднюю полосу свѣта. До слуха его донесся потокъ ругательства, и дверь захлопнулась.

Справа и слѣва тянулись поля. Ребенокъ стоялъ, уничтоженный. Съ самаго утра онъ ничего не пилъ и не ѣлъ, его томилъ жажда; ему пришло на мысль лечь гдѣ-нибудь на дорогѣ, во рву, и заснуть до разсвѣта, но въ эту самую минуту до него долетѣло что-то тяжелое дыханіе, — въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него лежалъ на дорогѣ какой-то человѣкъ, положивъ голову на груду камней.

У Джэка задрожали ноги, свѣтъ и голоса на дорогѣ вывели его изъ оцѣпенѣнія; молодой офицеръ возвращался къ своему посту, его сопровождалъ солдатъ съ фонаремъ.

Джэкъ привѣтствовалъ офицера кроткимъ, дрожавшимъ отъ волненія голосомъ.

— Плохой часъ вы выбрали для своего странствованія, дитя мое, — замѣтилъ офицеръ. — Далеко-ли вамъ?

— О, нѣтъ, тутъ, близѣхонько, — отвѣчалъ Джэкъ, не желавшій распространяться.

— Ну, часть пути пройдемъ вмѣстѣ.

Съ часъ ребенокъ спокойно прошагалъ въ обществѣ этихъ двухъ спутниковъ, при свѣтѣ благодѣтельного фонаря.

— Ну, вотъ мы и дома, — произнесъ офицеръ, останавливаясь, — прощай. Въ другой разъ не бѣгай такъ поздно одинъ.

Джэкъ снова бѣжитъ по дорогѣ. Это что за человѣкъ ждетъ его на перекресткѣ? ихъ два, три; э—да это деревья, высокіе тополи, они шумятъ всѣми своими листьями, не сгибая вершины, и Джэкъ идетъ, все дальше, дальше, охваченный таинственностью внешней ночи, одной изъ тѣхъ ночей, въ тиши которыхъ будто слышится какъ трава растетъ, какъ почки раскрываются. Эти смѣшанные звуки ничего не внушаютъ ему, кромѣ ужаса.

«Запою-ка я пѣсенку, чтобы придать себѣ храбрости!» и среди ночи раздается простой напѣвъ, которымъ мать нѣкогда убаюкивала его.

Что это, что это? Шумъ, вой, глухіе удары: прямо на Джэка несется стадо быковъ, онъ ощущаетъ дыханіе ихъ влажныхъ ноздрей, удары, наносимые ихъ сильными хвостами, вдыхаетъ въ себя запахъ стояла; стадо пронеслось подобно урагану, оставивъ позади себя одурѣлаго отъ страха ребенка; онъ болѣе не смѣетъ

и шагу ступить, онъ плачетъ, падаетъ на колѣни, онъ бы желалъ умереть на мѣстѣ. Стулъ приближающагося экипажа пробуждаетъ въ его сердцѣ надежду, онъ собираетъ послѣднія силы, онъ кричитъ... коляска останавливается, изъ-за поднятаго верха высовывается голова въ фуражкѣ.

— Я очень усталъ, позвольте мнѣ сѣсть къ вамъ въ экипажъ. Фуражка колеблется, но изъ коляски слышится женскій голосъ:

— Ахъ, бѣдняжка, да посади его!

— Вамъ куда?—вопрошаетъ фуражка.

— Въ Вильнѣвъ-Сенъ-Жоржъ, — наудачу отвѣчаетъ Джэкъ.

— Садитесь!

Наконецъ-то онъ можетъ вздохнуть свободно; эти два толстяка, мужъ съ женою, очевидно предобрые: они усадили его, дали ему дорожное одѣяло, въ которое онъ славно завернулся. Очень хочется Джэку разсказать имъ всю правду, но его все продолжаетъ преслѣдовать мысль о Моронвалѣ и гимназiи, и онъ выдумываетъ цѣлую исторiю: мать его заботилась въ деревнѣ, у знакомыхъ, ему дали знать, и онъ тотчасъ пустился въ путь цѣшкомъ, такъ какъ поѣзда надо было ждать до утра. Они утѣшаютъ его, успокоиваютъ, ласкаютъ, но положенiе его становится поистинѣ критическимъ, когда онъ изъ разговора узнаетъ, что его благодѣтели живутъ въ двухъ шагахъ отъ Этиоля. Не сознаться ли, что солгалъ дѣвчича? тогда они подвезутъ его почти до самаго дома матери. Нѣтъ — стыдно. Пока онъ предавался этимъ размышленiямъ, коляска въѣхала въ Вильнѣвъ, и бѣдняжка волей-неволей долженъ былъ расстаться съ своими случайными покровителями.

— Прощайте!—кричали ему оба, а онъ, прерывающимся отъ слезъ голосомъ, отвѣчалъ:

— *Прощайте!*

Коляска покатила по широкой, окаймленной деревьями дорогѣ, онъ пустился вслѣдъ за ней, но черезъ нѣсколько шаговъ долженъ былъ остановиться, и, рыдая, упалъ на землю. Холодно, сыро, — все равно: Джэкъ истомился въ-конецъ, глаза его смыкаются...

Гдѣ-жъ это онъ? Который часъ? Сколько времени онъ проспалъ? Онъ дрожитъ отъ холода; всѣ члены ооченѣли, на сердцѣ щемитъ. Джэкъ видѣлъ во снѣ, что онъ лежитъ на кладбищѣ рядомъ съ Моду, онъ видѣлъ ясно лицо своего мертвого товарища, чувствовалъ прикосновенiе его оледенѣлаго тѣла; съ тру-

домъ, съ болью во всемъ тѣлѣ, онъ поднимается, идетъ, ноги горятъ, голова кружится, онъ все идетъ.

Измученный, онъ время-отъ-времени спрашиваетъ у встрѣчающихся изрѣдка прохожихъ: «далеко-ли до Этіоля?» Ему отвѣчаютъ неопредѣленнымъ мычаніемъ. О, счастье! Къ нему присоединяется наконецъ путникъ веселый, радостный—солнце. Сначала на горизонтѣ показывается полоса свѣта, мало-по-малу она расширяется и, вотъ, охватываетъ все небо. Забывшая передъ нимъ дорога уже болѣе не пугаетъ маленькаго странника, да и чего бояться? Это широкая, прекрасная дорога, по обѣимъ сторонамъ ея видѣются роскошныя виллы, съ цвѣтущими лужайками, извилистыми аллеями, широкими верандами.

— Далеко-ли до Этіоля?—спрашиваетъ Джэкъ у встрѣчныхъ землепловъ.

— Нѣтъ, близко, ступайте лѣсомъ, примехонько.

Лѣсъ пробуждается, оживленный пѣніемъ птицъ; ребенокъ еле волочитъ ноги, вдали показывается колокольня, еще одно усиліе,—вѣдь надо же дойти. Силы его покидаютъ, онъ падаетъ, приподнимается съ трудомъ, да и какъ не приподняться теперь, когда онъ завидѣлъ домикъ, весь увитый виноградными лозами, и вышшими розанами надъ дверью, въ тѣни цвѣтущихъ сиреней, всѣми своими золотыми буквами переливается на солнцѣ надпись:

«PACUA DOMUS, MAGNA QUIES»!

Изъ домика слышится пѣсенка, та самая, которую Джэкъ пѣлъ ночью, голосъ свѣжій, молодой. Господи! не сонъ ли это! Окно растворяется, молодая женщина, вся въ бѣломъ, съ небрежно закрученными волосами, показывается въ немъ.

— Мама, мама!—зоветъ Джэкъ слабымъ голосомъ.

Женщина озирается, ослѣпленная восходящимъ солнцемъ, и съ воплемъ вскрикиваетъ: «Джэкъ!» Во мгновеніе ока она тутъ, подлѣ него, согрѣваетъ въ своихъ материнскихъ объятіяхъ, полуживого отъ всѣхъ ужасныхъ, пережитыхъ имъ въ теченіи ночи впечатлѣній, ребенка...

— Нѣтъ, Джэкъ, нѣтъ, дорогое дитя мое, не бойся, ты не вернешься въ эту проклятую гимназію... Бить моего ребенка! Они осмѣлились бить моего ребенка! Славно сдѣлать, что убѣжать! Такъ говорила Ида де-Баранси, укладывавая маленькаго бѣглеца въ постель, послѣ ванны и бульона, и радуясь, что въ эту минуту д'Аржантонъ былъ въ отлучкѣ...

Джэкъ не могъ заснуть. Онъ осматривался съ наслажденіемъ: лежалъ онъ въ большой комнатѣ, украшенной мебелью въ стилѣ Лудовика XVI, бѣлой съ сѣрымъ, безъ малѣйшей поволоты, стѣны были обтянуты свѣтлымъ ситцемъ. Въ домѣ царила истинно деревенская тишина, только развѣ вѣтка ударила по оловянному стеклу, да голуби воевали на крышѣ. Ребенокъ былъ счастливъ; одно его смущало: прямо противъ его кровати висѣлъ на стѣнѣ портретъ д'Аржантона; поэтъ былъ изображенъ въ позѣ, исполненной претензій: правая рука покоилась на полураскрытой книгѣ, блѣдныя и жесткія глаза, казалось, смотрѣли на Джэка; этотъ взглядъ его стѣснялъ, онъ всталъ и пошелъ отыскивать мать. Она, съ изящной неловкостью, кормила своихъ цыплятъ, а старушка Аршамбб, жена лѣсничаго,* составлявшая всю прислугу въ Ольнэтъ (такъ звали домъ поэта), смѣясь глядѣла на нее.

— Господи Іисусе! сынокъ-то вашъ, какая красота!—воскликнула крестьянка при видѣ Джэка.

— Не правда ли? вѣдь я-жъ вамъ говорила; ну, Джэкъ, если спать не хочешь—пойдемъ домъ осматривать,—проговорила мать, которой всякое занятіе тотчасъ надоѣдало.

Главный корпусъ состоялъ изъ стариннаго охотничьяго павильона, нѣкогда принадлежавшаго въ одному изъ древнихъ замковъ, въ стилѣ Лудовика XV, какихъ много въ той сторонѣ. Къ нему была прислонена вновь отстроенная башенка, съ голубятней и флюгеромъ. Мать и сынъ побывали въ конюшнѣ, въ сараяхъ, заглянули и въ огромный фруктовый садъ, тянувшійся вплоть до Сенарскаго лѣса. Осмотръ владѣній закончили посѣщеніемъ башенки. Витая лѣстница, освѣщенная узкими окошечками, съ разноцвѣтными стеклами, вела въ большую, круглую комнату, въ четыре окна, меблированную круглымъ же диваномъ, обитымъ алжирской матеріей. Кромѣ того, здѣсь было собрано довольно много рѣдкостей: шкапы изъ стараго дуба, венеціанское зеркало, старинные обои и, наконецъ, высокая каяедрѣ изъ рѣнаго дерева, въ стилѣ Генриха II, поставленная, вмѣсто стула, передъ громаднымъ рабочимъ столомъ, заваленнымъ бумагами. Видъ изъ оконъ—на лѣса, долину, рѣку, былъ очаровательный.

— Здѣсь онъ работаетъ,—съ благоговѣніемъ проговорила мать, останавливаясь на порогѣ.

Джэкъ не спросилъ, кто это онъ.

Ида продолжала, не глядя на сына:

— Его теперь здѣсь нѣтъ, онъ воротится черезъ нѣсколько дней. Я напишу ему, что ты пріѣхалъ, онъ очень будетъ доволенъ; это лучший изъ людей, онъ тебя очень любитъ, и ты дол-

женъ полюбить его, а не то мнѣ будетъ слишкомъ тяжело. Общай мнѣ, Джэкъ, что ты полюбишь его.

Ребенокъ опустилъ голову, и не безъ усилія проговорилъ:

— Общаю!

Затѣмъ оба, молча, спустились съ лѣстницы.

Вечеромъ у нихъ были гости. Аршамбô пришелъ за женой, что онъ дѣлалъ каждый вечеръ, такъ какъ жили-то они далеко, въ самой чащѣ лѣса. Этому рыжему, загорѣлому гиганту предложили выпить стаканъ вина за здоровье Джэка. Докторъ Ривальсъ захватилъ снова провѣдать своего маленькаго пациента.

— Вѣдь я-жъ вамъ говорилъ, что серьезнаго нѣтъ ничего. Здравствуй, дитя,—проговорилъ, входя въ комнату, этотъ маленький, сутуловатый старичокъ, съ растрепанной бѣлой гривой и развалистой походкой, приобретенной въ теченіи двадцати-лѣтней службы во флотѣ.

Мальчику онъ сразу понравился. «Что за добродушный человекъ—подумалъ онъ,—да и вообще какіе здѣсь все славные люди».

По уходѣ доктора, Джэкъ легъ спать, а мать принялась за письмо къ д'Аржантону. Черезъ два дня отъ него былъ полученъ отвѣтъ, далеко не такой грозный, какого можно было ожидать. Онъ признавалъ, что гимназія Моронваль пришла въ совершенный упадокъ, слегка осуждалъ выходку Джэка, общалъ позаботиться объ его будущности. Никогда, во всю свою послѣдующую жизнь, Джэкъ не бывалъ такъ счастливъ, какъ въ теченіи этой недѣли, — блаженство его было нарушено письмомъ д'Аржантона: завтра онъ будетъ. Мать не позволила Джэку встрѣтить поэта при входѣ въ домъ, общая позвать его, когда можно будетъ. Онъ ждалъ въ саду, замирая отъ страха и волненія; но, вотъ, окно въ башенкѣ растворилось.

— Джэкъ! поди сюда!—Это былъ голосъ матери,—надо идти.

Онъ вошелъ, и робко остановился въ дверяхъ. Поэтъ произнесъ внушительную, но краткую рѣчь:

— Джэкъ,—сказалъ онъ въ заключеніе,—надо работать, жизнь не романъ! Я охотно вѣрю твоему раскаянію; если ты будешь благоразуменъ, то, конечно, полюблю тебя, и мы всѣ трое будемъ счастливы. Затѣмъ предлагаю тебѣ слѣдующее: каждый день я буду посвящать часть или два на твое образованіе, отнимая это время отъ своихъ занятій, и если ты захочешь трудиться, то слѣлаю изъ тебя, легкомысленнаго и неповорнаго ребенка, человека, подобнаго мнѣ закаленнаго для борьбы.

— Слышишь, Джэкъ,—проговорила мать, которую молча-

нѣ сына начинало тревожить: — понимаешь ли ты, какую жертву приносить тебѣ нашъ другъ?

— Да, мамá, — прошепталъ Джэкъ.

— Подожди, — прервалъ Иду д'Аржантонъ, — надо прежде знать, нравится ли ему мое предложеніе: я никого не принуждаю.

Мальчикъ упорно молчалъ, мать толкнула его въ объѣмъ поэта, а послѣдній наградила ребенка звучнымъ и холоднымъ, чисто-театральнымъ поцѣлуемъ.

Въ сущности говоря, прїѣздъ Джэка обрадовалъ д'Аржантона, это было хоть какое-нибудь развлеченіе, а ему съ Идой — которую онъ окрестилъ «Шарлоттой» въ честь героини Гёте, и кромѣ того, изъ желанія заставить себя забыть ея прошлое, — бывало нестерпимо скучно.

Она благоговѣла передъ нимъ, преклонялась передъ всѣми его мнѣніями, съ ней и поспорить нельзя было, а д'Аржантонъ любилъ споры, — теперь же есть кого руководить, кому и наставленія почитать.

Но оппозиція со стороны Джэка оказалась болѣе упорною, нежели то было желательно д'Аржантону.

— Этотъ ребенокъ идиотъ! — съ нетерпѣніемъ объявилъ онъ своей Шарлоттѣ, и наконецъ отказался отъ него.

Освободившись отъ ненавистнаго ментора, Джэкъ приобрѣлъ себѣ друга въ лицѣ лѣсничаго Аршамбо; все свое время ребенокъ проводилъ въ его обществѣ, являлся къ своему пріятелю раннимъ утромъ, и всегда заставлялъ его за завтракомъ, потомъ они вмѣстѣ шли смотрѣть собакъ, которыхъ Аршамбо дрессировалъ съ необыкновеннымъ искусствомъ, и затѣмъ отправлялись въ лѣсъ. Радостно шагала Джэкъ подлѣ своего друга, не безъ гордости сознавая, что этого человѣка — которому ружье на перевязи придаетъ совсѣмъ воинственный видъ — всѣ боятся; идя рядомъ съ нимъ, онъ видѣлъ какой-то особенный лѣсъ, живой, населенный, незнакомый профанамъ; не замѣчалъ Джэкъ ни воя въ листьѣ, ни глухого шума въ травѣ, а видѣлъ звѣрей, спокойно управляющихъ свои дѣла, пользующихся своими удовольствіями; видалъ онъ фазановъ, роющихся въ муравьиныхъ гнѣздахъ и выкапывающихъ бѣленькія яички, величиной съ жемчужину; видалъ дикихъ козъ, бѣгущихъ по дорожкамъ, съ вытянутыми впередъ лапками, съ удивленнымъ взглядомъ, выражавшимъ скорѣе веселье, чѣмъ испугъ; видалъ зайцевъ на опушкѣ лѣса, кроликовъ и куропатокъ на вспаханной землѣ. Лѣсничій наблюдалъ за всѣмъ, уничтожалъ вредныхъ животныхъ: ехиднъ, сорокъ, бѣ-

юнкъ, полевыхъ мышей, кротовъ; онъ доставлялъ ихъ въ Корбель, въ префектуру, и получалъ плату со шкуры. Жалко, нельзя ему было тѣмъ же порядкомъ приняты за уничтоженіе браконьеровъ,—людей, крадущихъ лѣсъ, партизанъ деревня; деревня Аршамбб любила больше, чѣмъ звѣрей; дичью козу замѣнить можно, одинъ фазанъ убить, глядишь, опять тысяча народилась. А дерево—жди покада выростетъ; за то какъ же онъ и наблюдалъ за ними, какъ усердно боролся съ враждебными имъ червяками!

Во время прогулокъ ребенокъ и лѣсничій молчали, ихъ поглощала великая, лѣсная симфонія.

Изъ-за своей дружбы съ Аршамбб, мальчикъ однако нажилъ себѣ много враговъ въ лицѣ браконьеровъ, ненавидѣвшихъ лѣсничаго; въ числѣ ихъ особой яростью отличалась нѣкая старуха Салё, постоянно воровавшая сучья; она, съ своимъ правильнымъ, но нарытымъ морщинами лицомъ, красной кожей и тонкими губами, преслѣдовала Джэка даже во снѣ; на яву же при всякой встрѣчѣ, когда Джэкъ, разставшись съ Аршамбб, одинъ возвращался домой, считала обязанностью напугать мальчика; обыкновенно она молча пропускала его мимо себя, а потомъ кричала всю-всей мочи ему вслѣдъ:

— Чего улепетываешь? видѣла я тебя, видѣла; а вотъ погоди—догоню... и бѣжала за нимъ...—Джэкъ возвращался къ матери, еле переводя духъ отъ волненія. Хотѣлось бы часто ребенку подѣлиться съ мамой впечатлѣніями дня, но какъ только онъ открывалъ ротъ, она махала рукой:

— Тихе, тихе, не жѣдай, онъ работаетъ. А онъ, между тѣмъ, работать не могъ, онъ все обдумывалъ свою: «Дочь Фауста», но не написалъ ни единой строки. У него было все, о чемъ онъ нѣкогда мечталъ: свобода, деревня, уединеніе, роскошный рабочій кабинетъ, природа, чудные виды, близость лѣса, свѣжесть съ рѣки.—Господи! какъ тутъ хорошо работать!—восклицалъ поэтъ; онъ схватывалъ перо, раскрывалъ чернильницу—ничего, ни единой строки. Бумага оставалась бѣлой. Кругомъ было разлито слишкомъ много поэзіи, онъ задыхался въ этой идеальной атмосферѣ; ни любовница-красавица, ни бѣлая козочка Дальми, ни вся окружающая его красота—ничто не вдохновляло злосчастнаго виршеплѣта; онъ по цѣлымъ часамъ валялся на диванѣ, глядѣлъ въ окно, скучалъ... Когда Шарлотта справлялась о ходѣ его занятій, онъ только раздражался,—никто ему не почувствуетъ, никто его не понимаетъ, тоска!

Надо было видѣть, съ какимъ лихорадочнымъ трепетомъ онъ

каждое утро пробѣгалъ газеты. Да, другіе счастливы, ихъ пьесы ставить, объ ихъ книгахъ говорить: вонъ, Ожье написалъ новую пьесу, основная мысль украдена у меня, и такъ вѣчно, вѣчно! Онъ терзался завистью, захлебывался отъ злости, слыша о чужихъ успѣхахъ, забывая, что другіе за то работали, пока онъ не собирался совершить нѣчто необыкновенное. Шарлотта утѣшала его; а между тѣмъ въ сердцахъ д'Аржантона съ каждымъ днѣмъ усиливалась ненависть къ неповинному ни въ чемъ Джэку, ненависть, ждавшая только случая, чтобы обнаружиться во всей силѣ своей...

Однажды послѣ обѣда Шарлотта съ д'Аржантономъ уѣхала въ Корбель. Джэкъ остался дома съ старухой Аршамбб, въ тѣхъ нелзя было идти, такъ какъ по небу бродили грозовыя тучи. Жена лѣсничаго, сжалившись надъ скучающимъ ребенкомъ, придумала наконецъ ему занятіе: «Чтобы вамъ, м-г Джэкъ, — зайти добродушная женщина — пойти нарвать травы для моихъ кроликовъ, вѣдь успѣете до дождя-то». Обрадованный мальчикъ схватилъ корзину, быстро сбѣжалъ по дорожкѣ, спускавшейся отъ дома на большую дорогу, ведущую въ Корбель, сошелъ въ ровъ, и усердно принялся за дѣло. Разстилавшаяся передъ нимъ, на далекое пространство, дорога была пуста; каково же было удивленіе Джэка, когда онъ, въ двухъ шагахъ отъ себя, какъ ему показалось, слышалъ монотонный голосъ, выкрикивавшій:

— Шляпы, шляпы, шляпы!

То былъ странствующій разнощикъ, между плечъ у него вышалась, на подобіе шарманки, огромная корзина, наполненная соломенными шляпами. Подвигался онъ медленно, съ трудомъ, точно раненый. Не переставая кричать, опустился онъ на грунтъ камней и вытеръ лобъ рукавомъ; лицо его, уродливое и пестрое, съ мигающими глазами, безобразнымъ ртомъ, желтоватой бородой и острыми рѣдкими зубами, не имѣло возраста. Забѣжавъ Джэка, поглядывавшаго на него съ безпокойствомъ, онъ унынулъ, отчего вокругъ рта и въ углахъ глазъ образовались глубокіе морщинокъ, что дѣлало его, если возможно, еще безобразнѣе, но придавало ему тазой добродушный видъ, что Джэкъ мгновенно успокоился.

Сильный ударъ грома потрясъ всю долину, пыль на деревѣ поднялась столбомъ. Путникъ приподнялся, взглянулъ на небо, и, обратившись къ Джэку, спросилъ:

— А далеко будетъ до первой деревни?

— Съ четверть часа ходьбы.

— Эхъ, не добраться до дождя. Всѣ свои шляпы перемочу. Джэкъ пожалѣлъ бѣдняка.

— Послушайте, — крикнулъ онъ ему, — домъ нашъ въ двухъ шагахъ отсюда, зайдите дождь переждать.

Предложеніе было принято съ благодарностью, и оба пустились чуть не бѣгомъ. Незнакомецъ старался двигаться быстро, но на каждомъ шагу подвигалъ ноги, точно будто земля, по которой онъ ступалъ, была огненная.

— Больно вамъ? — спросилъ Джэкъ.

— Да какъ всегда, башмаки мои меня мучать. Ноги у меня велики, обуви-то подобрать не могу. Ну, ужъ какъ только разбогатѣю, сейчасъ же закажу себѣ башмаки по мѣрѣ.

Дошли до Ольнѣтъ; разнощикъ поставилъ свою ношу въ передней и хотѣлъ самъ тамъ же остаться, но Джэкъ заставилъ его войти въ столовую.

— Садитесь-ка, вамъ надо выпить, да закусить.

Тотъ слабо отговаривался.

Жена лѣсничаго, ненавидѣвшая бродягъ, какъ и всѣ вообще крестьянки, поморщилась, однако поставила на столъ коровай хлѣба и кружку вина.

— Подайте-ка ветчины, — рѣшительнымъ тономъ скомандовалъ Джэкъ.

— Да вѣдь вы знаете, что онъ не любитъ, чтобъ ветчину трогали.

— Хорошо, хорошо, давайте, — твердилъ Джэкъ, очень довольный, что можетъ разыгрывать роль хозяина дома. Старушка повиновалась, но затѣмъ, въ знакъ протеста, удалилась въ кухню.

Гость ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, Джэкъ слѣдилъ за нимъ съ удовольствіемъ.

— Вкусно?

— Очень...

Бесѣда ребенка съ Белизеромъ была прервана неожиданнымъ появленіемъ матери и д'Аржантона. Сцену, послѣдовавшую затѣмъ, легко было предвидѣть: д'Аржантонъ въ бѣшенствѣ выгнать рабочаго и напасть на Иду. Несчастная мать съ трудомъ могла успокоить своего деспота, хандра котораго начала принимать все бѣльшіе и бѣльшіе размѣры. По совѣту доктора, были приглашены даже Моронвальскіе педагоги. Джэка совсѣмъ предоставили собственной участи, и только случайное обстоятельство рѣшительно повліяло на всю его дальнѣйшую судьбу...

Не повѣрила бы Ида де-Баранси, еслибъ кто-нибудь, годъ тому назадъ, предсказалъ ей, что она, подъ именемъ вивонтессы

д'Аржантонъ, будетъ сидѣть съ молитвенникомъ въ рукахъ и съ опущенными глазами въ деревенской церкви, а между тѣмъ—такъ случилось. Было 15-е августа—день Успенія Пресвятой Богородицы; вся церковь деревни Этиоль освѣщена и разубрана цвѣтами; пѣвчіе въ свѣжихъ бѣлыхъ кафтанчикахъ, дѣшніе въ парадныхъ костюмахъ, съ охотничьимъ ножомъ за поясомъ, толпа народу составляютъ красивый фонтъ, на которомъ эффектно видѣется разряженная Шарлотта, съ Джекомъ, облеченнымъ, ради торжественнаго случая, въ любимый костюмъ лорда Пембока, надетый, но все еще слишкомъ короткій. Наступаетъ наконецъ и минута, когда нужно собирать подаванія въ пользу бѣдныхъ; Джекъ пойдетъ впереди со свѣчей, но бархатный кошелечекъ должна нести дѣвочка. Шарлотта оглядывалась по сторонамъ, не зная на комъ остановить свой выборъ; ей попалась на глаза внучка д-ра Ривальсъ, Сесиль, круглая сирота, потерявшая родителей въ первый годъ своего рожденія. Она сидѣла на другой сторонѣ церкви, рядомъ съ пожилой дамой, одѣтой въ черное, и Шарлотта указала сыну на эту хорошенькую дѣвочку. Торжественно выступалъ Джекъ, держа обѣими руками толстую свѣчу, украшенную искусственными цвѣтами; за нимъ просто и непринужденно подвигалась прелестная Сесиль, съ распущенными по плечамъ косами, съ блѣдно-матовымъ личикомъ и свѣтлосѣрыми глазками; дѣвочка улыбалась, но спутникъ ея былъ серьезенъ. Ужъ не предчувствовалъ ли онъ, что та, чью ручку онъ держалъ въ своей рукѣ, будетъ источникомъ всѣхъ радостей, какія ему суждено только извѣдать на землѣ? По окончаніи службы м-ше Ривальсъ, бабка Сесили, подошла къ Шарлоттѣ и просила ее отпустить къ ней Джека на цѣлый день—поиграть съ Сесиль. Шарлотта покраснѣла отъ удовольствія, изъявляя свое согласіе, а дѣти, взявшись за руки, весело побѣжали впередъ. Бабушка еле поспѣвала за ними. Съ этого дня, когда Джека не было дома, на вопросъ: гдѣ онъ? всегда отвѣчали: у Ривальсъ. Докторъ жилъ довольно далеко отъ Ольтетъ, въ одноэтажномъ домикѣ, отличавшемся отъ прочихъ крестьянскихъ домовъ только мѣдной доской на дверяхъ; стѣны домика почернѣли, садовыя дорожки заросли травой, словомъ—все кругомъ имѣло видъ мрачный и унылый, а между тѣмъ можно было замѣтить, что тутъ, когда-то, мечтали объ улучшеніяхъ, надъ входной дверью видѣлся бѣлый марензы, во дворѣ недостроенный павильонъ, очевидно: *несчастье* этихъ людей обрушилось имъ на голову въ самый разгаръ перестроекъ, и съ тѣхъ поръ все оставалось въ печальномъ, первобытномъ видѣ; все, казалось, говорило: *изъ чему?* Съ тѣхъ поръ

прошло восемь лѣтъ, а надъ домомъ по прежнему точно облакъ висѣло. М-те Ривальсъ продолжала носить трауръ по дочери, на дѣтскомъ личикѣ Сесиль отражалась грусть. Одному доктору, благодаря его вѣчной дѣятельности, жилось легче другихъ; случалось, что, играя съ внучкой, онъ вдругъ затагивалъ веселую пѣсню, но тотчасъ умолкалъ, встрѣтивъ уворизненный взглядъ жены, и, поникнувъ головой, молча перебиралъ локоны Сесиль.

Грустно жилось бѣдняжкѣ, изъ дому она выходила рѣдко, почти все свое время проводила въ саду, или въ *антентъ*, большой комнатѣ, наполненной травами и всякими снадобьями, откуда запертая дверь вела въ бывшую комнату столь-горько оплакиваемой молодой женщины, матери Сесиль. Она когда-то жила здѣсь; теперь въ этихъ стѣнахъ были собраны ея платья, ея книги, всѣ ея вещи, никто, кромѣ матери, туда не входилъ. Часто оставивалась Сесиль передъ этой дверью, она слишкомъ много думала, въ школу ее не посылали, какъ-бы боясь общества другихъ дѣтей, а постоянное одиночество было ей вредно.

— Развлекать ее нужно, — говаривалъ м-г Ривальсъ жентѣ, — вотъ, маленький д'Аржантонъ чудо что за ребенокъ, однихъ лѣтъ съ ней, и болтать не станетъ.

— Да, но что это за люди? откуда они? никто ихъ не знаетъ, — возражала недоувѣрчивая м-те Ривальсъ.

— Отличные люди, дорогая моя! мужъ, правда, оригиналъ, ну, да вѣдь артистъ. Жена глуповата, но такая добрая, а за ихъ порядочность я ручаюсь.

Жена качала головой, не довѣряла она проницательности мужа; впрочемъ, видъ скупающей внучки сильнѣе всякихъ аргументовъ дѣйствовалъ на сердце бабушки: старушка уступила, Джекъ сталъ товарищемъ Сесиль. То была новая эра въ жизни мальчика; добрякъ докторъ частенько забиралъ съ собой дѣтей, когда ѣздилъ по больнымъ. Хорошо имъ бывало втроемъ въ широкое кабріолетѣ; въ обществѣ этихъ двухъ дѣтей старикъ и самъ становился ребенкомъ. Всюду, куда они ни разъѣзжали, Джекъ и Сесиль встрѣчали ласково; у народа, какъ извѣстно, особенный взглядъ на болѣзнь: для крестьянъ больной — это раненный во время сраженія, его нужно отнести куда-нибудь въ сторонку, прислонить къ дереву, и продолжать битву безъ него. Земля не ждетъ, скотина требуетъ ухода, а потому все и идетъ своимъ порядкомъ, словно ничего особеннаго не произошло. Вотъ почему, во всѣхъ домахъ, куда ихъ возилъ докторъ, дѣти не замѣчали и слѣдовъ грусти. По цѣлымъ часамъ смотрѣли они, какъ дѣбать коровъ, какъ вынимаютъ хлѣбъ изъ печи; бывали и на

мельницѣ, вездѣ встрѣчая ласку и привѣтъ. Доктора любилъ повсюду, что не мѣшало хитрому люду безсовѣстно эксплуатировать добродушнаго старика, заставляя его частенько давать имъ даровыя консультаціи; его кабриолетъ положительно осаждали.

Ривальсъ не ограничивался однѣми прогулками съ Джекомъ: ему понравилась его наблюдательность, его умъ, и онъ занялся развитіемъ ребенка. Успѣхи Джека такъ поразили старика, что онъ, при одномъ случаѣ, даже похвастался предъ Шарлоттой и д'Аржантономъ своимъ ученикомъ и посоветовалъ имъ отдать сына въ лицей. Старикъ и не подозревалъ, какія послѣдствія будетъ имѣть его совѣтъ для судьбы бѣднаго Джека.

— Поди-ка сюда, мальчуганъ,—крикнулъ черезъ нѣсколько дней послѣ разговора доктора съ поэтомъ, Лабассендръ, гулявшій по саду съ Гиршемъ и д'Аржантономъ.—Кто сдѣлалъ эту ловушку для бѣлокъ? вонъ тамъ, въ вѣтвяхъ орѣшника виситъ?

Джекъ поблѣднѣлъ, предчувствуя брань, но, такъ какъ лгать не умѣлъ, прямо отвѣтилъ:

— Я.

Сесиль желала имѣть живую бѣлку, и онъ, въ угоду ей, устроилъ крайне-первобытную ловушку.

— Ты сдѣлалъ это одинъ, безъ модели?

— Да, безъ модели.

— Необыкновенно, необыкновенно,—твердилъ толстякъ, обращаясь къ своимъ собесѣдникамъ.—Этотъ ребенокъ рожденъ механикомъ. Даръ, инстинктъ, что прикажете дѣлать!

Затѣмъ всѣ трое, не обращая болѣе вниманія на ребенка, продолжали свою прогулку.

— Да, графиня,—говорилъ въ этотъ же вечеръ, на террасѣ, Лабассендръ Шарлоттѣ, какъ-бы продолжая прежній разговоръ.—Человѣкъ будущаго—это работникъ. Дворянство отжило свой вѣкъ. Буржуазія—протянетъ годъ, другой—не болѣе. Теперь очередь работника. Не презирайте эти закоружденыя руки, эту священную блузу, черезъ двадцать лѣтъ эта блуза—поведетъ міръ.

Въ заключеніе, пѣвецъ, для болѣе убѣдительности, сослался на самого себя, увѣряя, что никогда не бывалъ онъ такъ счастливъ, какъ въ то блаженное время, когда работалъ на кузницѣ въ Эндрѣ и назывался по-просту: Рудикъ. Лабассендромъ онъ сталъ именоваться при вступленіи на артистическое поприще, имя это происходило отъ названія его родной деревни: Ла-бассъ-Эндръ, большого селенія, расположеннаго на берегу Луары.

— Такъ-то такъ,—робко возражала Шарлотта,—но, чтобы

выносить подобную жизнь, нужны силы. Работа тяжелая, вы сами въ этомъ сознаетесь.

— Тяжелая для мокрой курицы, но тотъ, о комъ мы говоримъ, обладаетъ здоровымъ организмомъ.

— Совершенно здоровымъ, — поддержалъ Гиринъ, — за это я отвѣчаю.

Д'Аржантонъ поднялся, возбѣшенный:

— Всѣ женщины на одинъ покровъ, — грубо воскликнулъ онъ. — Эта умоляетъ меня заняться ребенкомъ, я хлопочу, хотя веселаго тутъ мало, поднимаю на ноги друзей своихъ, а теперь мнѣ говорить, что я напрасно выѣшивался!

— Да я не то хочу сказать, — проговорила Шарлотта, и расплакалась.

Затѣмъ нѣсколько дней прошло обычнымъ порядкомъ, только Джэкъ замѣчалъ, что мать цѣловала его вѣрнѣе обыкновеннаго, такъ, какъ цѣлуютъ тѣхъ, съ кѣмъ скоро должны разстаться.

— Докторъ, — говорилъ Ривальсу д'Аржантонъ съ саркастической улыбкой, — мы занялись вашимъ воспитанникомъ, скоро вы услышите новость; надѣюсь, что останетесь довольны.

Добракъ возвращался домой въ полнѣйшемъ восторгѣ.

— Видишь, — говорилъ онъ женѣ, — я имъ открылъ глаза.

— Не знаю, — возражала та. — По-моему, гораздо лучше, когда враги сидятъ сложа руки, чѣмъ когда они заботятся о насъ.

Джэкъ держался того же мнѣнія...

Развязка послѣдовала затѣмъ быстро. Ривальсъ сдѣлалъ поѣзду сцену, но не могъ переимѣнить его намѣренія отдать Джэка на фабрику въ Эндрѣ, отрекомендованную Лабассендромъ: тамъ находился его братъ, Рудикъ; труднѣе было справиться съ мальчикомъ, но и онъ не устоялъ противъ слезъ матери.

— Сдѣлай это для меня, Джэкъ; кто знаетъ, можетъ быть, со временемъ я найду въ тебѣ единственную опору, единственнаго друга.

Джэкъ былъ окончательно побѣжденъ.

— Но повлианись мнѣ, — воскликнулъ онъ, — что ты по прежнему будешь любить меня и не станешь стыдиться меня, когда у меня будутъ черныя руки.

Несчастная мать въ отвѣтъ осыпала Джэка ласками и поцѣлуями.

II.

— Взгляни-ка, — воскликнул Лабассандръ, театральнымъ жестомъ указывая Джэку на Луару, которую они переѣзжали въ лодкѣ по пути въ Эндрé:—не прелесть ли?

И точно, было на что полюбоваться. Іюльское солнце, сверкая, отражалось въ волнахъ, воздухъ былъ прозрачный, на рѣгѣ жизнь такъ и кипѣла: мелькали барки, до верху нагруженные блестящей солью, буксирные пароходы, большіе трехмачтовые корабли, возвращавшіеся изъ дальняго плаванія, на самомъ заднемъ планѣ проносились парусныя лодки. Несмотря на іюльскую жару съ моря доносился вѣтеръ, говорившій о близости безпредѣльнаго океана, о зеленыхъ волнахъ, о буряхъ и непогодахъ...

— Гдѣ же Эндрé?—спросилъ Джэкъ.

— А вонъ, этотъ островъ, напротивъ.

Въ серебристомъ туманѣ, окутывавшемъ островъ, Джэкъ смутно различалъ ряды высокихъ тополей и длинныхъ трубъ, выпускавшихъ клубы чернаго, густого дыма. До ушей его долеталъ оглушающій шумъ. На берегу стоялъ какой-то человѣкъ и глядѣлъ на приближавшуюся лодку.

— Это Рудикъ — замѣтилъ пѣвецъ, и разразился громкимъ «ура».

— Братъ, это ты?—послышалось съ берега.

— Разумѣется, я.

Лодка причалила къ берегу, братья бросились другъ другу въ объятія. Работникъ былъ гораздо старше пѣвца; грубое и загорѣлое лицо его освѣщалось маленькими, но очень проницательными глазами.

— Ну, что твои?—спросилъ Лабассандръ,—всѣ здоровы?

— Всѣ, слава Богу. А! вотъ и новый ученикъ! Слабенькій, однако!

— Силенъ какъ быкъ, по свидѣтельству лучшихъ парижскихъ докторовъ.

— Тѣмъ лучше, дѣло-то наше не легкое. А теперь, если хотите, пойдемъ къ директору.

Широкая аллея, обсаженная деревьями, вывела ихъ на улицу, по обѣимъ сторонамъ которой виднѣлись маленькіе, бѣлые, чистенькіе и совершенно одинаковые домики. Здѣсь жили главные заводскіе мастера и старшіе изъ работниковъ, остальные помѣщались на противоположномъ берегу.

Молчаніе царило кругомъ мертвое, вся жизнь сосредоточивалась въ этотъ часъ въ стѣнахъ завода.

— А! флагъ спущенъ,—воскликнулъ пѣвецъ, дойдя до дверей мастерскихъ... Попугай-таки онъ меня, проклятый!

И онъ объяснилъ Джэку, что черезъ пять минутъ по приходѣ рабочихъ флагъ спускаютъ, и двери мастерскихъ запираются.

Кто опоздалъ—того записываютъ какъ неявившагося; а при гретѣй неявкѣ—гонять вонъ.

Пока онъ давалъ новичку эти объясненія, братъ его перемигивался съ привратникомъ, и ихъ впустили на заводскій дворъ.

Изъ безчисленныхъ мастерскихъ слышался страшный, шипящій и свистящій шумъ. То былъ желѣзный городъ, шаги гулко отдавались, благодаря металлическимъ доскамъ, по которымъ приходилось ступать; наши путники пробирались между грудъ желѣзныхъ полосъ, мѣдныхъ слитковъ, между длинныхъ рядовъ старыхъ, заржавленныхъ пушекъ, предназначавшихся къ переплавкѣ.

Рудикъ, мимоходомъ, называлъ различные отдѣлы.—«Вотъ сборочная мастерская, — говорилъ онъ, а вонъ та—котельная; здѣсь большая, а тамъ—малая токарня, кузницы, плавильня!» Ему приходилось кричать—изъ-за шума. Изъ раскрытыхъ дверей мастерскихъ доносился запахъ угля, жженого желѣза, въ воздухѣ и по самой землѣ распространялось какое-то непонятное дрожаніе.

— Вотъ и управленіе, — проговорилъ Рудикъ.—Они стояли передъ мрачнымъ замкомъ времени Лиги.—Ты взойдешь?—прибавилъ онъ, обращаясь къ брату.

— Конечно, я радъ повидать обезьяну. Они прошли нѣсколько маленькихъ комнатъ; въ послѣдней у бюро сидѣлъ мужчина, суровый и холодный на видъ.

— Здравствуйте, Рудикъ,—проговорилъ онъ:—такъ вотъ оно, это маленькое чудо. Здравствуй, дитя мое, у тебя, говорятъ, удивительныя способности къ механикѣ,—прекрасно, прекрасно! Однако, Рудикъ,—прибавилъ онъ, пристальнѣе всмотрѣвшись въ мальчика,—онъ не смотритъ вѣркимъ. Не боленъ ли онъ?

— Нѣтъ, господинъ директоръ, меня увѣряютъ, напротивъ, что онъ очень силенъ.

— Да еще какъ!—подтвердилъ Лабассандръ, и, встрѣтивъ удивленный взглядъ директора, счелъ нужнымъ напомнить ему, кто онъ.

— Я васъ прекрасно помню,—холодно отвѣтилъ директоръ, и тотчасъ всталъ.—Ну, Рудикъ, уведите вашего ученика, и по-

старайтесь сдѣлать изъ него хорошаго работника, на васъ я надѣюсь.

Джэкъ и Лабассандръ вышли, Рудикъ отсталъ, и еще перекинулся нѣсколькими словами съ директоромъ. Когда онъ догналъ своихъ товарищей, на лицѣ его отражалась забота.

— О чемъ онъ съ тобой говорилъ?—спросилъ Лабассандръ.

— О Шарло, сынѣ нашей бѣдной сестры; закутилъ онъ со смерти матери, играетъ, пьетъ, долженъ. Не знаю, что съ нимъ и дѣлать. Хорошія деньги онъ зарабатываетъ въ рисовальной мастерской, во всемъ Эндрѣ нѣтъ другого такого рисовальщика, да карты все сѣдаютъ. Думали-было устроить его отсюда, авось отстанетъ отъ дурныхъ знакомствъ. Теперь директоръ нашелъ ему мѣсто въ Гериньѣ, да боюсь, не поѣдетъ. Что бы тебѣ поговорить съ нимъ? а?

— Поговорю, поговорю.

Разговаривая такимъ образомъ, они незамѣтно дошли до дому. На порогѣ жилища Рудика, стояла очень молодая, красивая, стройная женщина; она немного склонила голову, какъ-бы отягченную слишкомъ роскошными волосами, и внимательно слушала высокаго молодца, рассказывавшаго ей что-то съ большимъ одушевленіемъ.

— Гляди,—промолвилъ Рудикъ, — жена читаетъ наставленіе племянничку.

Тутъ только Джэкъ вспомнилъ, что Лабассандръ, дорогой, рассказывалъ ему, что братъ его Рудикъ женился вторично, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. При появленіи гостей начались обычныя привѣтствія; хозяйкѣ представили Джэка, она обошлась съ нимъ ласково, за то Шарло окинулъ его презрительнымъ взглядомъ. Въ садикѣ, передъ домомъ, накрытъ былъ столъ; сѣли обѣдать.

— Гдѣ же Зинаида?—спросилъ Лабассандръ.

— Сейчасъ вернется,—отвѣчали ему,—она ходитъ работать поденно въ замокъ.

— Какъ! вотъ охота имѣть дѣло съ обезьяной, — и Лабассандръ пустился честить директора на чемъ свѣтъ стоитъ. Шарло ему вторилъ, Рудикъ горячо защищалъ своего начальника, котораго крѣпко любилъ; на помощь ему подоспѣла Зинаида, маленькая, толстая, некрасивая лицомъ,—въ отца, дѣвушка; храбро приняла сторону слабѣйшаго, и вмѣстѣ съ отцомъ доказывала, что директоръ отличный человѣкъ. Когда она обращалась къ двоюродному брату, въ тонѣ ея звучало особенное раздраженіе.

— Слушай, Шарло,—наконецъ проговорилъ Рудикъ,—вотъ тебѣ доказательство, что директоръ человѣкъ добрый, онъ нашелъ

тебѣ отличное мѣсто въ Гериньѣ, и поручилъ мнѣ переговорить съ тобою; поразмысли хорошенько, условія выгодныя, и...

— И лучше уйти добровольно, чѣмъ быть выгнаннымъ, не такъ ли, дядя?—грубо проговорилъ Шарло.

Рудикъ настаивалъ, на своемъ, племянникъ не поддавался; Зинаида во все время спора не спускала глазъ съ мачихи.

— Неправда-ли, мамá, — промолвила она наконецъ, — неправда-ли, что Шарло сдѣдуетъ ѣхать?

— Конечно, конечно, — быстро подхватила м-ше Рудикъ, — онъ хорошо сдѣлаетъ, принявъ предложеніе директора.

Шарло поднялся, мрачный, взволнованный.

— Ладно, — проговорилъ онъ, — если всѣ рады меня съ рукъ събыть, я черезъ недѣлю удеру. А теперь — полно объ этомъ!

Въ теченіи вечера у Рудикъ перебивало много гостей, всѣ хотѣли видѣть Лабассэндра; черные и усталые рабочіе разсаживались у стола въ крайне непринужденныхъ позахъ, залпомъ проглатывали стаканы вина, утирали губы рувавомъ, выражались очень картинно, говорили по большей части на непонятномъ для Джэка жаргонѣ. Глядя на нихъ, мальчикомъ овладѣла невыразимая грусть. «Такъ вотъ чѣмъ мнѣ суждено сдѣлаться!» съ ужасомъ думалъ онъ. Рудикъ представилъ его завѣдующему кузницей, нѣкому Лебескёну, бородатому циклопу, подъ руководствомъ котораго Джэкъ долженъ былъ дебютировать. Лебескёнъ скортилъ гримасу, глядя на бѣлыя руки будущаго ученика, и нашель, что онъ, кажется, слабенеетъ.

— Усталъ съ дороги, да и платье на немъ не наше, — возразилъ Рудикъ. — Кларисса, — прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ, — приготовь ему блузу. Да знаешь ли что, жена, пошли-ка его спать, вѣдь завтра въ пять часовъ ему вставать надо. Слышишь, мальчуганъ, ровно въ пять часовъ разбужу тебя.

— Слышю, м-г Рудикъ.

Джэкъ, напутствуемый различными пожеланіями Лабассэндра, въ сопровожденіи Зинаиды и мачихи ея, вошелъ въ домъ. Его провели прямо наверхъ, въ комнату Зинаиды, меблированную съ первобытной простотой, откуда прямая лѣстница вела на чердакъ, долженствовавшій служить ему спальней. Джэку зажгли фонарь; онъ пожелалъ обнимъ женщинамъ покойной ночи и вскарабкался въ свою мансарду. Онъ глядѣлъ на этотъ низкій потолокъ, глядѣлъ на костюмъ работника, разложенный на кровати, на широкіе панталоны, на блузу, перехваченную на плечахъ крупными стежками, чтобы не распарывалась отъ усиленнаго движенія руками, и чувствовалъ себя въ совершенно новомъ мірѣ.

Ему думалось, что между нимъ и этими людьми лежитъ цѣмь пронасть. Одна мысль о матери поддерживала и утѣшала его, онъ думалъ о ней, глядя на звѣздное небо, и изъ сада до него доносилась громкая пѣсня пьяныхъ работниковъ... Вотъ и утро!

Посреди громадной кузницы расположена чудовищная, прикрѣпленная къ землѣ полоса желѣза, она находится въ перестанномъ движеніи, раскрывается словно пасть, захватываетъ и сдавливаетъ накаливша до-красна металлическія полосы, которыя потомъ уже попадаютъ подъ молотъ. Полоса эта извѣстна подъ именемъ тисковъ. Всякій начинающій, прежде всего, знакомится съ нею. Джэкъ попалъ въ тиски: невозможно подобрать выраженіе, которое бы лучше передавало переполняющія его душевыя чувства страха и отчаянія. Прежде всего шумъ, шумъ ужасный, оглушающій, шумъ трехсотъ молотовъ, разомъ ударяющихъ о наковальню, свистъ ремней, усиленное дыханіе груди трехсотъ живыхъ, не-человѣческихъ крики. Потомъ, эти катящіеся черезъ всю кузницу, по рельсамъ, вагоны, нагруженные раскаленными металлами, движеніе вентиляторовъ, все кругомъ скрипитъ, гремитъ, стучитъ, воесть, лаесть. Съ потолка спускаются тяжелыя тѣла, по стѣнамъ висятъ инструменты, напоминающіе орудія пытокъ: вѣшцы, щипцы, клещи; а въ самой глубинѣ кузницы, въ полумракѣ, вырывается гигантскій, ударяющій съ силою въ 30,000 фунтовъ молотъ; окруженное поклоненіемъ всѣхъ кузнецовъ, чье лицо это является какъ-бы Вааломъ этого храма, посвященнаго богу Силы. Джэкъ уничтоженъ, молча исполняетъ онъ свою обязанность, состоящую въ приведеніи въ движеніе винта, приводящаго въ свою очередь въ движеніе грозныя тиски; но какъ онъ измѣнился, блѣдный, худой, облитый потомъ, съ засученными рукавами, съ красными глазами—онъ просто неузнаваемъ! Въ мастерской у каждого должно быть прозваніе: Джэка, ради его издѣл, прозвали—Ацтекъ.

— Гей, Ацтекъ, живѣе, братецъ. Нажми винтъ-то. Брысь! Навались смѣлѣе!..

Это голосъ мастера—Лебескѣна. Черный гигантъ, котораго дикъ ввѣрилъ первоначальное обученіе Джэка, время-отъ-времени приостанавливается, показываетъ ему, какъ держать молотокъ; три раза имъ понимаютъ другъ друга: учитель грубъ, ребенокъ неловкъ. Учитель презираетъ эту слабость, ребенокъ страдаетъ этой силой. Онъ дѣлаетъ однако что можетъ, во-всей силы нажимаетъ винтъ, но руки его ободраны до крови, минутами онъ теряетъ сознание, ему начинаетъ казаться, что онъ самъ винтъ въ этой громадной машинѣ, приводимой въ движеніе силою пара. Ужасныя хны-

Каждый день ровно въ пять часовъ, Рудикъ будитъ его; перекусивши на-скоро, они бѣжали на заводъ, куда со всѣхъ сторонъ стекались рабочіе, торопясь, толкаясь, стремясь войти до спуска флага. О, какъ боялся Джэкъ этого флага! Онъ никогда не опаздывалъ, но разъ товарищи сыграли съ нимъ злую шутку: онъ уже входилъ въ кузницу, какъ вѣтромъ сорвало ему съ головы фуражку; онъ обернулся поднять ее, товарищъ, шедшій позади, толкнулъ ее ногой, за нимъ другой, третій, фуражка катилась все дальше и дальше, посреди взрывовъ хохота. Джэкъ бѣжалъ за ней, вдругъ онъ услышалъ за собой тяжелые шаги, оглянулся — Белизеръ догонялъ его, держа въ рукѣ злополучную фуражку; встрѣча со старымъ знакомцемъ несказанно обрадовала Джэка, но разговаривать было некогда, онъ на-скоро поблагодарилъ и вернулся въ кузницу бѣгомъ. Въ мастерской Джэка не любили, надъ нимъ смѣялись, его преслѣдовали, онъ былъ всѣмъ чужой, заступиться за него некому, а на комъ-нибудь да надо выместить досаду подъ сердатый часъ. Только по воскресеньямъ Джэкъ отдыхалъ, онъ въ этотъ день вытаскивалъ изъ ящика какую-нибудь книгу, изъ данныхъ ему докторомъ Ривальсомъ и уходилъ читать ее на берегу Луары; когда чтеніе утомляло его, онъ закрывалъ глаза и старался забыться, погружался въ прошлое, вспоминалъ мать, Сесиль! При наступленіи осеннихъ дождей, онъ сталъ проводить воскресенья въ семействѣ Рудика. Эти добрые люди его полюбили, Зинаида въ особенности обожала Джэка. Странная чета были эти Рудикъ: мужъ боготворилъ жену, былъ влюбленъ въ нее какъ мальчишка, но всякому, съ перваго взгляда, становилось ясно, что они не пара другъ другу; Кларисса была слишкомъ мязгана, слишкомъ благовоспитанна для грубаго работника, а сестрицы, между тѣмъ, никогда не разлучали имени ш-ше Рудикъ съ именемъ Шарло. Въ ея оправданіе слѣдуетъ сказать, что она знала его до замужства, и посватаясь онъ, конечно, оказала бы ему предпочтеніе; но кудравый красавецъ началъ ухаживать за ней только когда она стала его тетушкой. Резвый аргусъ постоянно слѣдилъ за молодой женщиной въ лицѣ Зинаиды. Съ женщинами Джэку бывало больше по себѣ, чѣмъ съ Рудикомъ; каждое воскресенье онъ читалъ имъ вслухъ, хозяинъ засыпалъ при этомъ въ креслѣ, Кларисса усаживалась у окна, Зинаида, всегда дѣятельная, шептала бѣлые всѣхъ домашнихъ, а Джэкъ читалъ имъ что попало, чаще же всего «Адъ» — Данта. Эта грандіозная поэзія производила сильное впечатлѣніе на сердца слушательницъ...

Однажды во время чтенія Джэкъ слышалъ на улицѣ, подъ

окномъ, знакомый крикъ: «шляпы, шляпы, шляпы!»—и онъ выбжалъ поговорить съ пріятелемъ. Кларисса обогнала его, и потому спрятала въ карманъ какое-то письмо. О себѣ Беллизеръ сообщилъ Джэку, что торговля идетъ недурно, живетъ онъ теперь въ Нантѣ, у сестры, мужъ которой боленъ, а заработокъ свой отсылаетъ отцу.

Когда Джэкъ вернулся, м-ше Рудикъ неровнымъ голосомъ спросила его: «о чемъ вы съ нимъ говорили»? Онъ отвѣчалъ, что давно знаетъ его и говорилъ съ нимъ о своихъ и его дѣлахъ; молодая женщина вздохнула съ облегченіемъ, но цѣлый вечеръ была еще задумчивѣе обыкновеннаго...

Такъ прошло болѣе года со времени переселенія Джэка въ Эндрѣ; онъ продолжалъ упорно трудиться, но и слѣдовъ призванія къ механическому дѣлу въ немъ по прежнему не замѣчалось. Отъ матери онъ часто получалъ письма; страннымъ тономъ отличались эти посланія, ясно было, что суровые совѣты и строгіе выговоры писались подъ диктовку д'Аржантона, а задушевная болтовня и нѣжныя ласки выливались на бумагу въ тѣ минуты, когда Шарлоттѣ удавалось остаться одной. Насколько можно было заглянуть по письмамъ, ей жилось не легко; часто умоляла она Джэка работать усерднѣе, готовиться къ тяжелому, ожидающему ихъ будущему,—очевидно, бѣдная жертва, болѣе чѣмъ когда-либо, томилась подъ сильнымъ гнетомъ. Мольбы матери, отличавшіяся особенной настоятельностью въ одномъ изъ ея писемъ, вызванномъ письмомъ Рудика къ брату, въ которомъ первый выражалъ сильное сомнѣніе, чтобы изъ Джэка могъ когда-либо выйти хорошій работникъ, тронули сердце сына: онъ рѣшился побѣдить свое отвращеніе къ ненавистному ремеслу, стать добрымъ работникомъ, чтобы вырвать мать изъ рукъ тирана. Онъ началъ съ того, что уложилъ всѣ свои книги въ ящикъ и на-глухо заколотилъ его, чѣмъ и заслужилъ полное одобреніе Рудика.

— Вотъ это такъ,—замѣтилъ мастеръ:—отъ книгъ что пользы? Только пустяками голову набивать, а если охота у тебя есть, такъ ходи ко мнѣ въ мастерскую по вечерамъ, да и по воскресеньямъ, я тамъ теперь работаю сверхъ положенныхъ часовъ, и поучу тебя ковать желѣзо, авось буду счастливѣе и терпѣливѣе Лебесвѣна.

Джэкъ, разумѣется, съ признательностью принялъ это предложеніе, но охоты, любви къ дѣлу найти въ душѣ своей не могъ; напрасно заставлялъ его Рудикъ любоваться отдѣльными частями громадныхъ машинъ, составившими, благодаря искусному приспособленію, такое полное, гармоническое цѣлое. Джэкъ

видѣть въ машинахъ одну грубую силу, постоянно угрожавшую ему опасностью; впрочемъ, въ бытность свою на заводѣ ему разъ удалось быть свидѣтелемъ церемоніи, — отправки сдѣланной на заводѣ паровой машины въ 1000 силъ, — эта церемонія дала ему возможность понять лучше всякихъ объясненій Рудика, что и въ механическихъ производствахъ есть своего рода величіе, своего рода красота.

Эту самую церемонію и избралъ Эм. Зола въ упомянутой нами выше характеристикѣ новаго романа Альфонса Додэ, и привелъ ее вполнѣ ¹⁾. Мы опустимъ этотъ эпизодъ, какъ знакомый нашимъ читателямъ, и перейдемъ прямо къ тому, что послѣдовало за величественной церемоніей, которая окончилась ужасною катастрофой: машина-волосъ раздавила и перерѣзала пополамъ одного изъ рабочихъ.

Въ этотъ день на всемъ островѣ шелъ пиръ горой; у Рудика за длиннымъ столомъ собрались «сливки» мастерскихъ. Сначала потолковали о несчастіи: дѣти малы, работать не могутъ, директоръ обѣщалъ пенсію вдовѣ; потомъ съ увлеченіемъ и любовью заговорили о машинѣ; въ первый разъ въ жизни Джэкъ съ любопытствомъ прислушивался къ этимъ толкамъ; потомъ стали пить и пѣсни пѣть, онъ и въ этомъ принялъ участіе; жаль, что Лабассандръ и компанія не видали его въ эту минуту, — остались бы довольны! Загорѣлый, съ огрубѣлыми руками, подхватывающій виѣстѣ съ товарищами пошлый напѣвъ, онъ уже не отличался отъ другихъ работниковъ.

Даже грозный Лебескэнъ замѣтилъ Рудикю:

— А ученикъ-то твой не такой какъ былъ, привыкаетъ — чортъ возьми!

У Рудика въ домѣ за это время было много новаго: со дня переселенія Шарло въ Сень-Назеръ онъ сталъ, безъ церемоніи, назначать Клариссѣ свиданія въ Ла-Бассъ-Эндрѣ, гдѣ нанялъ комнату съ этою цѣлью; и она часто ходила къ нему, полумертвая отъ страха и стыда, но ходила — связь ихъ ни для кого не была тайной; скоро и Джэкъ узналъ о ней. Особенно возмущало юношу участіе, какое принималъ въ этомъ дѣлѣ Белизеръ: разнощикъ аккуратно доставлялъ Клариссѣ письма Шарло, а ему — ея отвѣты. Разъ даже Джэкъ попрекнулъ его за это — бѣднякъ обидѣлся, говоря, что не видитъ никакой причины отказываться отъ лишней копѣйки, благо можно ее заработать честнымъ трудомъ.

Одной Зинандѣ было не до того — она была невѣста краси-

¹⁾ „Вѣсти. Евр.“, 1876, мартъ, 415 стр. и слѣд.

ваго, молодого, служащаго при таможенѣ бригадира Манжена: не дешево достался онъ ей, т.-е., вѣрнѣе, отцу ея: 7000 франковъ чистаганомъ давалъ старикъ за дочерью, Манжень не согласенъ былъ взять меньше. Рудикъ было-заломався, но жена уговорила его, — ей, какъ женщинѣ влюбленной, была понятна страсть. Зинаида была всецѣло погружена въ приготовления къ свадьбѣ, суетня въ домѣ царила страшная: то подруги пришли, то платье надо примѣрить, то подарки принимать, — подарковъ было множество, всѣ любили добродушную дѣвушку и рады были случаю доставить ей удовольствіе. Джэкъ также помышлялъ купить Зинаидѣ хорошенькую вещицу. Шарлотта, узнавъ о предстоящей свадьбѣ m-lle Рудикъ, прислала сыну сто франковъ, прося его на эти деньги купить подарокъ невѣстѣ и сшить себѣ новое платье къ свадьбѣ, но никому не говорить, что деньги отъ нея, а просто выдать ихъ за плодъ его сбереженій, такъ какъ она пуще огня боялась, чтобы слухъ о сдѣланномъ ею сыну подаркѣ не дошелъ до ушей д'Аржантона.

Въ одинъ темный, зимній вечеръ Джэкъ, возвращаясь домой, засталъ въ корридорѣ Клариссу съ письмомъ въ рукахъ, — она казалась помертвѣлой отъ холода и ужаса; глядя на несчастную женщину, Джэкъ вспомнилъ, что наканунѣ, въ мастерской, слышалъ, будто Шарло проигралъ крупную сумму механикамъ съ англійскаго корабля. Судя по волненію молодой женщины, въ письмѣ, должно быть, заключалась эта роковая вѣсть. За обѣдомъ Кларисса старалась ѣсть, разговаривать, но съ трудомъ скрывала свое волненіе; впрочемъ, наблюдать-то за нею было некому, Зинаида ничего не видала, кромѣ жениха. Встали изъ-за стола, Кларисса ходила изъ угла въ уголъ, словно не находя себѣ мѣста:

— Боже! — проговорила она наконецъ, заглянувъ въ окно: — что за непогода; бѣдный Манжень, какъ-то вы доберетесь до дому, шли бы ужъ поскорѣй!

— И то пора, — промолвилъ женихъ, поднимаясь съ мѣста.

Зинаида стала его снаряжать, прощаться съ нимъ, наконецъ онъ двинулся въ путь. Становилось поздно, Джэкъ захотѣлъ, какъ каждый вечеръ, идти запереть входную дверь.

— Не нужно, — закричала ему Кларисса: — я заперла, идемъ наверхъ, спать пора.

Зинаидѣ было не до сна, она остановилась съ Джэкомъ въ своей комнатѣ, начала показывать ему свои подарки, приданое, платье, бѣлье и наконецъ шкатулку съ завѣтными 7000 фран-

ковъ, открывающими передъ ней такое розовое, полное надеждъ, будущее. Они болтали, смѣялись.

— Отпусти ребенка спать, Зинаида, — слышался снизу голосъ Клариссы: — вѣдь ему завтра рано вставать надо.

Нечего дѣлать — разошлись.

А внизу, въ это же время, Шарло стоялъ на колѣняхъ передъ Клариссой и о чемъ-то умолялъ ее. Она качала головой и только твердила:

— Невозможно, невозможно!

— Да полно, Кларисса, всего на два дня.

— Нѣтъ, только не это. Ну, хочешь, я займу для тебя эти деньги, попрошу у своей пріятельницы?

— Мнѣ деньги нужны завтра.

— Попроси у директора.

— Какъ бы не такъ! Глупо я сдѣлалъ, что и заговорилъ съ тобой: мнѣ бы просто слѣдовало пойти наверхъ и взять деньги.

— Боже мой! да Зинаида вѣчно ихъ считаетъ, пересчитываетъ; не дальше, какъ сейчасъ она показывала свою шкатулку Джекю.

Шарло вадрогнулъ.

— Неужели? — прошепталъ онъ.

Она замолчала. Всего ужаснѣе было то, что они любили другъ друга; ихъ взгляды говорили про любовь, ихъ губы сливались въ промежуткахъ этого печальнаго спора.

— Чтѣ я буду дѣлать! — ежеминутно повторялъ негодай.

Бѣдная женщина плакала вмѣстѣ съ нимъ, но не сдавалась.

Вдругъ онъ поднялся.

— Такъ ты не хочешь? Ладно, прощай, Кларисса, я не переживу своего позора.

Онъ ожидалъ криковъ отчаянія. Ничего. Она подошла къ нему:

— Ты хочешь умереть? и я также, мнѣ надоѣла эта жизнь, полная лжи и преступленія. Идемъ.

— Какъ! ты хочешь? — но это безуміе!

Однимъ прыжкомъ онъ кинулся къ лѣстницѣ, но она его предупредила, и, стоя на первой ступенькѣ, загородила ему дорогу.

— Куда ты?

— Пусти, пусти меня, нужно.

Онъ запинался.

Она ухватила за него.

— Не дѣлай этого, умоляю тебя!

Онъ ничего не слушалъ.

— Берегись, если ты пошевелишься, я позову, я закричу!

— Зови, всѣ и узнаютъ, что твой племянникъ—твой любовникъ, а твой любовникъ—воръ!

Она съ ужасомъ отступила, только теперь увидала она этого человѣка въ его настоящемъ свѣтѣ; ею овладѣло чувство глубокаго отвращенія—и къ нему, и къ самой себѣ. Онъ, ошупывая, сталъ пробираться по лѣстницѣ, а она упала на диванъ, прятая голову въ подушки, чтобы ничего не видѣть, ничего не слышать!..

Было шесть часовъ утра. Въ одномъ изъ кабаковъ Эндрѣ, у топившейся печки, возсѣдали Джэкъ и Шарло; гордый рисовальщикъ оказывалъ нашему герою особенное, очень льстившее его самолюбію вниманіе, и усердно подчивалъ его виномъ; Джэкъ отпѣкивался, но въ разговорѣ, незамѣтнымъ для самого себя образомъ, потягивалъ-таки изъ рюмочки; Шарло то-и-дѣло спрашивалъ: «а что, у васъ ничего новенькаго нѣтъ?» Сначала Джэку показалось, что новый пріятель хочетъ дать ему порученіе. «Ну, нѣтъ, братъ, шалишь,—думалъ юноша,—не Белизеръ я тебѣ достался»; впрочемъ, это невыгодное впечатлѣніе весьма скоро изгладилось: послѣ второй бутылки Джэку начало казаться, что Шарло не дурной, а только заблудшійся человѣкъ, котораго легко образумить, стоить только подать ему дружескія совѣты, наставить на путь истинный. Увлечшись этими соображеніями, Джэкъ прямо посмотрѣлъ въ глаза товарищу и несомнѣнно твердымъ голосомъ сказалъ:

— Знаете ли что, Шарло, повѣрьте мнѣ—не играйте больше, да и...

Къ счастью, его прервалъ голосъ кабатчика, кричавшаго:

— Гей, ребята, коловоклъ!

— Идемъ,—молвилъ Джэкъ.

Онъ непремѣнно захотѣлъ заплатить за третью и послѣднюю бутылку, вынулъ изъ кармана золотой и не безъ гордости бросилъ его на прилавокъ. Наклонясь къ уху Шарло, Джэкъ прошепталъ:

— Это на подарокъ Зинаидѣ денежки припасены.

Рука объ руку вышли пріатели изъ кабака, Джэкъ двигался какъ во снѣ, спотыкаясь на каждомъ шагу, и изо-всей силы опирался на руку рисовальщика; послѣдній незамѣтно увлекая его по направленію къ Луарѣ.

Вдругъ Джэкъ остановился, прислушался...

— Шарло! а вѣдь коловола-то не слышно!

— Быть не можетъ!

Они оглянулись, флагъ былъ спущенъ. Джэкъ пришелъ въ ужасъ: никогда ничего подобнаго съ нимъ не бывало; но даже его горе не могло идти въ сравненіе съ отчаяніемъ Шарло.

— Это я, я виноватъ, — не переставалъ твердить послѣдній, и казался до того опечаленнымъ, что Джэку пришлось его утѣшать.

— Да полно, вѣдь не умру-жъ я въ самомъ дѣлѣ, ну, запишутъ, эка важность! самое большое—Лебескѣнъ разругаетъ, а теперь ужъ заодно я провожу тебя на пароходъ.

Въ ожиданіи парохода, на пристани, еще пропустили по чарочкѣ; наконецъ, пришлось разстаться. Шарло сѣлъ на пароходъ, Джэкъ остался одинъ на набережной. Возвращаться въ Эндрѣ ему не хотѣлось, на заводъ идти и того менѣе: вѣдь все равно распечатъ Лебескѣнъ, такъ ужъ лучше денѣкъ провести на свободѣ. «Ба! да вотъ славно,—подумалъ онъ,—сѣзжу-ка я въ Нантъ, куплю подарокъ Зинаидѣ». На сердцѣ у него было какъ-то особенно весело, онъ ощущалъ непреодолимую потребность кричать, бѣгать, размахивать руками. Въ Нантъ, такъ въ Нантъ! Онъ переѣзжаетъ Луару, добирается до Ла-Бассъ-Эндра, а оттуда попадаетъ въ вокзалъ желѣзной дороги; ему кажется, что онъ въ это утро переносится изъ одного мѣста въ другое, словно по мановенію волшебнаго жезла. Поѣздъ отходить въ 12 часовъ, экая досада! Куда-жъ дѣваться? а вонъ, напротивъ кабака—зайти, что ли? Почти за всѣми столиками засѣдали рабочіе, настоящіе подонки мастерскихъ, тѣ, въ чьихъ глазахъ молотъ тяжелъ, а стаканъ легковъ! Джэка тотчасъ окликнули.

— Гей, Адтекъ, сюда!

Въ глубинѣ комнаты пировали два человѣка, и къ нимъ-то, на свою бѣду, присоединился Джэкъ. Первый былъ нѣкто Гасконъ, бывшій заводскій рабочій, выгнанный за пьянство, второй—безбородый семнадцати-лѣтній матросикъ, съ отцѣпшимъ уже лицомъ. Началась выпивка, завязался разговоръ; матросикъ просто заполонилъ сердце Джэка: съ какимъ шикомъ носилъ онъ свой хорошенькій костюмъ! и ничего не боится, ни Бога, ни жандармовъ, шутка сказать: два раза кругомъ свѣта ходилъ! Мало-по-малу вино развязало имъ языки, Гасконъ ругалъ на пропалую директора, инспекторовъ, все заводское управленіе, увѣряя, что всѣ эти господа сидятъ сложа ручки, пока ты тутъ убиваешься на работѣ!

— Что и говорить!—согласился Джэкъ, и вдругъ, неизвестно

какъ и почему, изъ его устъ полились всѣ теоріи, слышанныя имъ отъ Лабассэндра, насчетъ правъ рабочихъ и тиранніи капитала. Мало-по-малу разговоры замолкли: его, очевидно, слушали.

— Шустрый мальчутанъ,—толковали кругомъ,—видно, что въ Парижѣ побывалъ!

Ощущеніе пріятной свѣжести заставило Джэка раскрыть глаза: гдѣ это онъ? на берегу Луары, да,—но какъ же онъ сюда попалъ? Подлѣ него матросъ, его новый знакомый, смачиваетъ ему виски холодной водой.

— Ну, что, получше ли?

— Да, мнѣ хорошо,—отвѣчаетъ Джэкъ, весь дрожа отъ холода, съ отяжелѣвшей головой.

— Ну, такъ въ путь.

— Какъ! Куда?

— Да въ Нантъ; развѣ ты не помнишь, что сейчасъ нанялъ въ кабакѣ, вонъ у этого молодца, лодку. А вотъ и Гасконтъ возвращается съ провизіей.

— Съ провизіей!

— На, братъ, получай сдачу,—еще издали закричалъ кузнецъ, тащившій огромную корзину, изъ которой выглядывали горлышки различныхъ бутылокъ.—Въ путь, ребятушки. Вѣтеръ добрый, черезъ часъ будемъ въ Нантъ, и ужъ тамъ кутнемъ настоящимъ манеромъ.

Усѣлись, поѣхали; дорогою товарищи Джэка пили, пѣли, бранились; онъ все слышалъ точно во снѣ, одно его смущало—это пристальный, презрительный взглядъ лодочника.

— Выпей, братъ, стаканчикъ,—упрашивалъ его Джэкъ.

Тотъ молча, но отрицательно мотнулъ головой.

— Оставь его,—говорилъ матросикъ,—онъ и везти-то насъ не хотѣлъ, да жена уговорила. Онъ находилъ, что у тебя больно много денегъ. Ну, теперь совсѣмъ ужъ близко—вонъ, видѣнь Нантъ.

Лодочникъ свернулъ парусъ и взялся за весла, чтобы удобнѣе пробраться между различныхъ, наполнявшихъ портъ судовъ.

Всѣ предметы кружатся въ глазахъ Джэка; онъ ужъ больше не въ лодкѣ, какъ же онъ вышелъ изъ нея? Сны всегда бываютъ неясны, а Джэкъ теперь живетъ какъ во снѣ; онъ спотыкается на тюки съ хлопчатой бумагой, стучается объ углы ящиковъ, вдыхаетъ запахъ спецій, кофе, духовъ, теряетъ своихъ товарищей, находитъ ихъ, снова теритъ, и что всего страннѣе—онъ раздвоился, въ немъ два Джэка: одинъ, словно сумасшедшій,

речить, машеть руками, говорить и дѣлаетъ тысячу глупостей; ругой—существо разумное, но безсильное, осужденное совершать безобразія своего двойника; первый—дѣйствуетъ, второй—глядитъ все запоминаетъ. Впрочемъ, разумный Джэкъ иногда засыпаетъ, вотъ почему въ этомъ странномъ снѣ много пробѣловъ, не пополнить ихъ никакими усилями памяти. Джэкъ видитъ своего двойника разгуливающимъ по улицамъ Нанта, съ длинной рубкой въ зубахъ, съ новенькимъ матросскимъ поясомъ, обверенномъ вокругъ его блузы, видитъ его въ большомъ, богато-бранномъ кафе, откуда ихъ всѣхъ троицъ гонять вонъ; видитъ его на набережной, онъ сидитъ на узенькой, скользкой лѣстницѣ плачетъ; видитъ его опять въ кабацѣ, передъ огромной чашкой пива, съ обоними товарищами, разумѣется, и въ супъ прибавлено статочное количество водки; видитъ его, наконецъ, въ безобразной лужбѣ, гдѣ пляшутъ отвратительныя негритянки, завернутыя въ язовый газъ. Джэкъ тоже пляшетъ, на столѣ, и вдругъ летитъ съ эго, посреди криковъ, осколковъ и страшнаго стука разбитой посуды. Джэкъ лежитъ на скамейкѣ, на незнакомой площади, посреди которой возвышается какая-то церковь; онъ одинъ, совершенно инъ, матросикъ и Гасконъ исчезли; послѣ криковъ, пѣнья, вѣзъ, отчаянія, ликованія, Джэкомъ овладѣваетъ страхъ, съ бьющимся сердцемъ прислушивается онъ къ знакомому крику:

— Шляпы, шляпы, шляпы!

Джэкъ приподнимается, кличетъ:

— Бе-Бе-Белизеръ! Стараются дать ему понять, что онъ кутитъ; онъ вѣрно опирается на плечо разнощика. Гдѣ они? да они идутъ? Вонъ, освѣщенная набережная, вокзалъ,—эхъ, явно протянуться на скамьѣ!

Это чтó такое? чтó случилось? его будятъ, толкаютъ, ему вытаскиваютъ руки веревками, онъ даже не противится, до такой крайности одолѣлъ его сонъ. Онъ спитъ въ вагонѣ, спитъ въ кой-то лодеѣ, гдѣ очень холодно; его снова будятъ, снова толкаютъ, и наконецъ онъ спокойно засыпаетъ гдѣ-то на соломе, тяжелой дверью съ большими затворами.

На утро Джэка разбудилъ страшный шумъ. Печальное прокленіе послѣ кутежа! Жажда, дрожь, стыдъ! Джэкъ прошелъ всѣ эти тяжелыя ощущенія, прежде чѣмъ открылъ глаза, словно и во снѣ чувствовалъ угрызения совѣсти. Гдѣ же онъ? вѣдь этотъ шумъ! э! да это часы бьютъ, бой знакомый, да онъ Эндрѣ, но не въ домѣ у Рудива, а въ часовой башнѣ, въ карцѣ, куда запираютъ провинившихся рабочихъ. Зачѣмъ же онъ съ? чтó онъ сдѣлалъ? тутъ его второе я окончательно про-

снулось и припомнило все, что онъ натворилъ въ теченіи минутаго дня. На помощь пробудившемуся сознанию явились и вещественныя доказательства: матросская шляпа безъ ленты, голубой поясъ, обломки трубокъ. При каждомъ новомъ открытіи Джэкъ сильнѣе и сильнѣе краснѣлъ. Онъ однако не одинъ въ тамъ, въ уголку, кто-то шевелится. Неужели? быть не можетъ—впрочемъ, нѣтъ, это онъ, Белизеръ.

— Белизеръ—это вы?

— Да, я,—глухимъ голосомъ отвѣтилъ разнощикъ.

— Но, ради Бога, что же мы сдѣлали, что насъ заперли сюда, точно двухъ разбойниковъ?

— Что другіе натворили, про то я ничего не знаю, я же ни въ чемъ не виноватъ; а вонъ что съ моимъ товаромъ сдѣлал.

Бѣднякъ съ отчаяніемъ поглядывалъ на свои растоптанныя шляпы; горе, причиняемое ему этимъ зрѣлищемъ, было такъ велико, что онъ изъ-за него забывалъ и цѣпи, и веревки, которыми былъ связанъ, и даже свои несчастные башмаки.

— Скажите всѣмъ, по крайней мѣрѣ, что я вамъ не помогалъ.

— Да меня-то въ чемъ обвиняютъ?

— Да говорятъ... но къ чему заставлятъ меня повторять, вы же догадываетесь, что говорить.

— Клянусь вамъ, нѣтъ.

— Говорятъ, что вы украли Зинаидины деньги.

— Господи! какая мерзость; но вѣдь вы этому не вѣрите, не правда-ли?

Белизеръ промолчалъ; всѣ въ Эндрѣ были убѣждены въ новинности Джэка, одного понять не могли: куда онъ дѣлъ остальные деньги, вѣдь не прокутилъ же онъ всѣ шесть тысячъ франковъ въ одинъ день. На разсвѣтѣ Джэка съ Белизеромъ поволовали къ директору; въ приѣмной были собраны содержатели различныхъ кабакчиковъ, въ которыхъ Джэкъ провелъ вчерашній день, лодочникъ возившій его въ Нантъ былъ также на лицѣ. Видъ этихъ свидѣтелей его безобразій произвелъ на бѣднаго юношу впечатлѣніе тяжелаго кошмара. Директоръ горячо уговаривалъ Джэка сознаться въ своемъ проступкѣ, уговаривалъ его, то теперь все еще можетъ остаться между ними и Рудикомъ, какъ по его, директора, настоянію, къ производству слѣдствія будетъ приступлено не ранѣе, какъ черезъ нѣсколько дней. Рудикъ, присутствовавшій при этомъ разговорѣ, ласково уговаривалъ Джэка возвратить ему оставшіяся деньги, но юноша въ всѣ ихъ убѣжденія, на всѣ ихъ просьбы отвѣчалъ одно:

— Я ничего ни у кого не укралъ.

— Откуда-жъ вы взяли денегъ на кутежъ?

«Мнѣ ихъ прислала мать», чуть-было не выговорилъ онъ, а остановился и прошепталъ:

— Это плодъ моихъ сбереженій.

Директора, наконецъ, взорвало, онъ приказалъ разлучить Джэка зъ Белизеромъ, такъ какъ былъ увѣренъ, равно какъ и Рудикъ, то развонизъ, своими дурными совѣтами, погубилъ юношу.

Безконечнымъ казался этотъ день бѣдному узнику. Какъ доказать свою невинность? показать письмо матери? а вдругъ 'Аржантонъ узнаетъ? Въ молодыхъ умахъ, какъ извѣстно, менѣе ажны причины часто торжествуютъ надъ болѣе важными: ему ображалась страшная сцена въ Ольветѣ: мать въ слезахъ; нѣтъ — нъ ни за что не сознается! Подъ вечеръ къ нему забѣжала Зинаида; бѣдняжка много и горько плакала со вчерашняго дня, на на волѣняхъ умоляла добраго, милаго Джэка, возратить ей стальныя деньги, многого онъ прокутить не могъ, безъ прианого Манжентъ ее не возьметъ, а она такъ его любитъ! Джэку закатъ вмѣстѣ съ нею, но твердилъ одно:

— Клянусь вамъ, Зинаида, денегъ вашихъ у меня нѣтъ.

Оставалось одно, послѣднее средство: директоръ написалъ Шарлоттѣ письмо, въ которомъ заявлялъ ей, что ея сынъ укралъ тысячъ франковъ, и что если, черезъ три дня, она не внесетъ этой суммы, то виновный будетъ преданъ въ руки правосудія.

— А! письмо изъ Эндрѣ!—воскликнулъ д'Аржантонъ, и, отложивъ его въ сторону, принялся за газеты. Онъ вслѣпъ разъ по-орялъ этотъ маневръ: онъ зналъ, что Шарлотта только и думаетъ что о сынѣ, и не могъ ей этого простить.

Наконецъ злополучное письмо распечатано, плоть пробѣ-аетъ его глазами, и, весь блѣдный отъ волненія, восклицаетъ:

— Я всегда этого ожидалъ, — и протативаетъ письмо Шарлоттѣ.

Какой ударъ! тѣмъ болѣе, что голосъ совѣсти, котораго не заглу-ить никакими софизмами въ мірѣ, вопіетъ: ты сама виновата, атытъ ты его покинула? Однако его надо спасти, спасти во-то бы то ни стало, но гдѣ взять денегъ? своего у нея ничего нѣтъ, у д'Аржантона она просить не смеетъ, онъ ненавидитъ Джэка, да и скупъ. О, блестящая мысль! она обратится къ бо-ти; робко, запыная на каждомъ словѣ, она завела о немъ нѣтъ. Къ величайшему ея удивленію, д'Аржантонъ благосклонно пнесся къ этому намѣренію, изъявилъ свое согласіе и даже пред-южилъ проводить ее въ Туръ, куда она собиралась для пере-

говорить съ bon ami, поселившимся въ окрестностях этого города.

— Такъ мы вмѣстѣ пройдемъ и въ Эндрѣ, прямо отвеземъ деньги.

— И въ Эндрѣ.

— О, какъ ты добръ, какъ ты добръ, повторила она, цѣлуя его руки, — а онъ просто боялся опустить ее одну въ Туръ, опасаясь, какъ-бы она не осталась тамъ. Кроме того, онъ былъ радъ проѣхаться. Выѣхали они въ тотъ же день, съ вечернимъ поѣдомъ, а на другой день, рано утромъ, прибыли въ Туръ, остановились въ отель, взяли коляску и поѣхали къ «bon ami». За видѣньемъ сквозъ сѣть деревьевъ замокъ во вкусъ Возрожденія, д'Аржантонъ ощутилъ сильную тревогу. А ну, какъ она такъ останется, думалось ему? — Неужели онъ захочетъ войти? съ безпомощнымъ думала Шарлотта. Поэтъ разрѣшилъ ея сомнѣнїя, приказавъ кучеру остановиться при въѣздѣ въ административный замокъ онъ пошелъ бродить по парку, она одна вошла въ домъ. Ужасныя минуты провелъ д'Аржантонъ, глядя сквозъ рѣшетку на царственную резиденцію bon ami, и ожидая возвращенія Шарлотты. Чѣмъ стучитъ колесо! она! Да, она, сіяющая, счастливая. — Садись скорѣе, кричала бѣдняжка своему поэту. Ну, другъ мой, воскликнула она, какъ только лошади тронулись, успѣхъ превзошелъ мои ожиданія, мыѣ дали 10,000 франковъ, проси заплатить долгъ, а остальные деньги употребить съ пользою для Джека, которому всегда рассчитывали сдѣлать этотъ подарокъ.

Въ тотъ же вечеръ они выѣхали въ Эндрѣ, но Шарлотта осталась въ Ла-Бассѣ-Эндрѣ, и д'Аржантонъ отправился одинъ относить деньги. Какая-то старушка указала ему домъ Рудина. Каково же было его изумленіе, когда изъ оконъ этого самаго дома до ушей его донеслись звуки пѣсенъ, и онъ, какъ только переступилъ порогъ, очутился посреди танцующихъ. Первый, кто попался ему на глаза, былъ Джекъ, усердно выплясывавшій народный бретонскій танецъ.

Что же такое случилось?

О. А вотъ что: на другой день послѣ отправки знаменитого письма, въ кабинетъ директора вошла Кларисса и рассказала ему всю правду; она измучилась при мысли, что могутъ обвинить невиннаго, и пришла раскрыть истину, причемъ даже въ эту ужасную минуту пожалѣла негодяя, котораго такъ долго любила, и заявила, что не онъ взялъ деньги, а она — для него. Послали за Шарло; онъ явился и влетѣлъ въ кабинетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, но при видѣ тетки страшно смутился: онъ сразу по-

никъ, что она сдержала слово, такъ какъ несчастная наканунѣ писала ему, проси возвращить деньги, грозя, въ противномъ случаѣ, все сообщить директору. Негодай узналъ на колѣни передъ бюро.

— Простите! — шепталъ онъ.

— Избавьте насъ отъ этихъ сценъ, — сурово промолвилъ директоръ. — Я все знаю — эта женщина обокрала мужа и дочь для васъ: вы обѣщали принести деньги, гдѣ они?

Шарло бросилъ на Кларису взглядъ, полный благодарности, она же не взглянула на него: слишкомъ уже хорошо разглядыла она его въ ту памятную ночь.

— Гдѣ деньги? — повторилъ директоръ.

— Вотъ они.

— Всѣ?

— Недостаетъ 800 фр.

— Я ихъ исполню, я не хочу, чтобы Зинаида была въ убыткѣ; теперь садитесь и пишите.

И онъ продиктовалъ рисовальщику письмо, въ которомъ тотъ сознавался въ своемъ преступленіи и выражалъ намѣреніе никогда болѣе не показываться на глаза дядѣ. Документъ этотъ долженъ былъ объяснить Рудину, какимъ образомъ деньги пропали и какъ отыскались. Старикъ былъ въ отчаяніи отъ проступка племянника, Зинаида прыгала отъ радости, Джекъ торжествовалъ, у дверей всѣхъ мастерскихъ были прѣвѣсны объявленія, заявляющія о его невинности, его всячески чествовали, ласкали, вся семья Рудика извинялась передъ нимъ; одного недоставало для его полного благополучія — Белизера: какъ только его освободили — бѣдныя поскорѣй убѣжали. Джекъ было больно думать, что ему такъ и не удалось оправдаться въ глазахъ пріятеля. Все это д'Аржантонъ узналъ изъ устъ самого Рудика, праздновавшего въ день прибытія поэта въ Эндрѣ помолвку дочери съ Манженомъ, но тѣмъ не менѣе считъ нужнымъ прочесть Джекю длинную, и какъ всегда, торжественную нотацию. Изъ всей этой рѣчи Джека поразила одно: д'Аржантонъ привезъ деньги, хотѣла вообразить, что поэтъ рисковалъ своею собственностью изъ желанія его выручить, и въ сердце его закралось впервые дружелюбное чувство въ другу матери. Онъ вышелъ изъ дому и рука объ руку пошли по всѣмъ улицамъ Эндрѣ, Джекъ разсиранивалъ о матери. Сказать ему или нѣтъ, что она тутъ? думать д'Аржантонъ. На свою бѣду Джекъ пустился въ откровенности: онъ рѣшительно не имѣетъ призванія къ ремеслу механика, трудъ его не пугаетъ, но нельзя ли придумать что-нибудь такое, гдѣ бы рукамъ было меньше работы, а

головѣ больше? Конечно, предложъ найдентъ, свиданіе съ матерью только развѣжитъ его, лишитъ послѣдняго мужества. Гораздо благоразумнѣе имъ вовсе не видаться: жизнь не романъ, чортъ возьми! повторилъ онъ мысленно свою любимую фразу...

Со свадьбы Зинаиды прошло два года. Что же дѣлалъ Джекъ въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ? много работалъ, принялся за кованіе жезла, руки его окончательно загрубли, а умъ точно заснулъ. Каждый вечеръ онъ, измученный, падаетъ на постель, крѣпко-на-крѣпко засыпаетъ, а на-утро снова начинается та же безцѣльная, печальная жизнь. Домъ Рудика словно опустѣлъ съ отъѣздомъ Зинаиды, Кларисса нигде не выходитъ, постоянно сидитъ у окна за спущенной занавѣской, равнодушная, скучающая. Такое состояніе, какъ извѣстно, до добра не доводитъ, и бѣдная Кларисса кончила самоубійствомъ, бросившись въ Луару; Джекъ узналъ объ этой катастрофѣ впоследствии, мы же упоминаемъ о ней здѣсь, чтобы не возвращаться болѣе, въ нашемъ рассказѣ, къ семейству Рудика.

Событій, за все это время, ни малѣйшихъ; минувшая зима была тяжелая, Луара затопила почти весь островъ, часть котораго оставалась подъ водою въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ. Пришлось работать въ сырости, вдыхать болотныя миазмы; Джекъ много кашлялъ. Отъ времени до времени получались письма изъ Эпиома, тамъ все было по старому, только Моронвали примирились съ д'Аржантономъ и каждое воскресенье обѣдали въ Ольветѣ. Моронвалъ, Мадю, гимназія, какъ все это далеко отъ него! Что общаго между тогдашнимъ бѣлокурнымъ и розовымъ мальчикомъ, и теперешнимъ—загорѣлымъ, худымъ работникомъ, съ красными пятнами на щекахъ, съ согнутой спиной, съ рѣзко выдающимися подъ блузой высокими плечами. Работникъ онъ, по прежнему, плохой, ему семнадцать лѣтъ, изъ ученія онъ выпелъ, а зарабатываетъ не болѣе трехъ франковъ въ день.

— Знаешь ли, милый, что я скажу тебѣ?—замѣтилъ ему однажды Рудикъ:—не на своемъ ты здѣсь мѣстѣ, и ни до чего не добьешься. Не хочешь ли лучше попытать счастья въ котларахъ? Вонъ Бланшэ, старшій механикъ съ «Цидна», ищетъ людей, хочешь, напишу ему? все же франковъ шесть въ день заработаешь; дѣло, конечно, трудное, да вѣдь выносить же люди эту жизнь,—я тебѣ живой примѣръ, два года былъ котеларемъ.

— Что-жъ, я не прочь.

III.

Ровно черезъ четыре года по прибытіи въ Эндрѣ, Джэкъ покинулъ заводъ. Погода опять стояла дивная, съ палубы парохода, на которомъ ѣхалъ Джэкъ съ провожавшимъ его Рудикомъ, видъ былъ изумительный. Рѣка расширилась при каждомъ поворотѣ колеса, воздухъ свѣжѣлъ, деревья становились меньше, берега плоче; мѣстами, вдали, блестѣли озера, надъ водой проносились тысячами чайки и рыболовы, испуская свой особенный, точно дѣтскій крикъ. Однимъ прыжкомъ влетѣлъ пароходъ въ море, и закачался на его волнахъ,—новое то было ощущеніе для Джэка: никогда доселѣ не видалъ онъ моря; этотъ свѣжій, пропитанный солью воздухъ, омылилъ его сердце, внушилъ ему желаніе путешествовать. На пристани имъ сообщили, что «Циднъ» снимается съ якоря черезъ два или три часа; скорѣй, скорѣй, твердилъ Рудикъ,—мы опоздали. Сѣли въ лодку, поѣхали по рейду, и наконецъ завидѣли «Циднъ», стоявшій подъ парами въ ожиданіи прилива. Маленькій, худенькій человѣчекъ, безъ скюртука и съ золотыми галунами на шапкѣ, расхаживалъ по палубѣ, и какъ только завидѣлъ лодку съ нашими путниками, закричалъ, сопровождая свою рѣчь энергическими жестами:

— Двигайтесь, черти вы этакіе. Я ужъ думалъ—надули меня!

— Я виноватъ, старина,—отвѣтилъ Рудикъ,—хотѣлось проводить его, а вчера недосугъ былъ.

— Ну, ладно, идемъ скорѣй.

Бланшѣ—это былъ онъ—первый сталъ спускаться по узенькой лѣстницѣ съ перилами, потомъ по другой, третьей, четвертой, Рудикъ съ Джэкомъ слѣдовали за нимъ.

Герой нашего, отроду не видавшій трансатлантическаго парохода судна, былъ пораженъ его размѣрами. Они спускались точно въ пропасть, гдѣ глазъ со свѣту ничего различить не могъ. Вокругъ нихъ была ночь. Последняя лѣстница, по которой пришлось спускаться ощупью, привела ихъ въ машинное отдѣленіе; тяжелая и влажная теплота, наполнявшая его, и сильный запахъ масла дѣлали воздухъ просто невозможнымъ для человѣческихъ легкихъ. Механики, помощники ихъ, ученики бѣгали взадъ и впередъ, тщательно осматривая машинну, стараясь убѣдиться, что всѣ отдѣльныя части дѣйствуютъ исправно. Джэкъ съ любопытствомъ на нее поглядывалъ и почему-то она казалась ему страшнѣе всѣхъ, имъ доселѣ видѣнныхъ машинъ,—вѣроятно по-

тому, что онъ знаетъ, что ему придется ежеминутно подходить къ ней и неустанно доставлять ей пищу. Тамъ-и-самъ, при свѣтѣ большихъ лампъ съ рефлекторами, показывались термометры, манометры, компасъ. Въ концѣ машиннаго отдѣленія видѣлся маленький, узенькій, темненькій корридорчикъ. «Здѣсь камера для угля» — сказалъ Бланше, указывая пальцемъ на зиявшее въ стѣнѣ отверстіе. Рядомъ съ этимъ отверстіемъ виднѣлось другое, нѣ, при свѣтѣ фомара, можно было различить нѣсколько коекъ, разбѣзанное тряпье.

— Это спальня ночегаровъ.

Джэкъ вдрогнулъ; въ сравненіи съ подобной дырой — дотуаръ Моронвалла, мансарда Рудика показались бѣднѣе просто дворцами.

— А здѣсь ночегарное отдѣленіе, — прибавилъ Бланше, открывая маленькую дверь.

Представьте себѣ длинную камеру съ накатанными стѣнами, катаномби, освѣщенныя красноватымъ пламенемъ десяти арочныхъ горелокъ. Толпа полу-обнаженныхъ людей поддерживала огонь, подбрасывая въ него уголь, суетилась вокругъ топковъ, облигавшихъ лица работниковъ, съ которыхъ потъ лилъ градомъ. Въ машинномъ отдѣленіи задыхаясь, здѣсь горели.

— Вотъ вамъ новичокъ, — сказалъ Бланше старшему ночегару, представляя ему Джэка.

— Какъ разъ во-время, — замѣтилъ тотъ, потти не оборачиваясь, — у меня мало народу.

Джэкъ, крѣпкимъ пожатіемъ руки, прѣстился съ Рудикомъ, и тотчасъ принялся за работу: нужно было весь мусоръ изъ вольниковъ собирать въ борзны, выносить на палубу и выбрасывать въ море. Работа не легкая. Борзны тяжелыя, лѣтними прямыя, переходъ отъ чистаго воздуха въ воздуху, прѣсноидней — невыносимъ. При третьемъ походѣ у Джэка начали подниматься ноги. Одинъ изъ товарищей — ночегаръ, видя его положеніе и спалившіеся надъ нимъ, протянулъ ему фляжку съ водой.

— Благодарю, я не пью, — отвѣтилъ Джэкъ.

Тотъ захохоталъ. — Занеешь, братъ!

— Никогда, — и Джэкъ завалилъ себѣ на спину тяжелую корзину и храбро втащилъ ее наверхъ. На палубѣ онъ съ минуту остановился, чтобы перевести духъ, и невольно заглянулъ на даму съ ребенкомъ, напоминавшими ему далекое, милое прошлое; онъ забылъ, гдѣ онъ, что онъ, не могъ оторвать глазъ отъ женщины, напоминавшей ему Иду де-Баранси, тотъ мальчикъ, кото-

заго на маренкаго Джэка. Сильный ударъ кулакомъ въ спину вывелъ его изъ задумчивости.

— Чортова собака, ступай къ своему мѣсту—запричаль Бланинѣ надъ самымъ его ухомъ. Джэкъ молча спустился внизъ; въ эту минуту судно снялось съ якоря.

Въ котеларномъ отдѣленіи былъ чистый адъ.

— Становись сюда, — крикнулъ Джэку главный котеларъ, указывая на одну изъ топокъ; бѣднякъ повиновался; приходилось неустанно питать пламя, мѣшать огонь, выбрасывать мусор. Съ непривычки къ морю, Джэка каждую минуту бросало изъ стороны въ сторону, онъ хватался за что попало и тотчасъ выпускалъ изъ рукъ раскаленные предметы, за которые пытался было держаться. Трудился онъ изъ всѣхъ силъ, но черезъ часъ почувствовалъ, что оглохъ, ослѣпъ, задыхается отъ прилива крови; тогда онъ сдѣлалъ то же, что дѣлали другіе: подбѣжалъ подъ длинный, холщевой рукавъ, служившій проводникомъ свѣжему воздуху. Уфъ! славно! но почти въ ту же секунду ему почувствовалось будто ему на плечи набросили ледяной плащъ. Этотъ смертоносный сквозной вѣтеръ захватилъ ему дыханіе.

— Водки, — крикнулъ онъ.

— На, товарищъ. Я зналъ, что это будетъ!

Огонь извнѣ, огонь внутри, такова отнынѣ его жизнь. Три года длилось это адское существованіе. Въ теченіи этихъ убійственныхъ трехъ лѣтъ «Циднъ» много разъ бросалъ якорь у береговъ извѣстныхъ странъ, гдѣ небо было голубое, гдѣ росли пальмы, видѣлись въ зелени бѣленькіе домики, крытые бамбукомъ; онъ ничего не видалъ, ничѣмъ не наслаждался, онъ и на стоянкахъ, какъ въ плаваніи, работалъ, спалъ и шелъ. Одна свѣтлая точка оставалась въ душѣ его: мысль о матери. Шарлотта часто писала ему сначала изъ Этіоля, потомъ изъ Парима, куда они переселились, и гдѣ д'Аржантонъ основалъ журналъ...

Между тѣмъ пришелъ конецъ «Цидну». Ночью, разъ подвинулась на пароходъ страшная суматоха. Джэка разбудили товарищи; онъ вскакиваетъ, бѣжитъ; въ машинномъ отдѣленіи вода, концы разбиты, фонари погашены, всѣ бѣгутъ, толкаются...

— Что такое? что случилось?

— Американецъ наскокилъ на насъ, «Циднъ» для тебѣ. Удирай, братцы.

Не на верхней площадкѣ уткой лѣстницы показывается Бланинѣ, съ револьверомъ въ рукѣ...

— Первому, кто выйдетъ, я разложу голову. Беречь башню,

можеть, еще доберемся до него. Назадъ, въ кочегарное отдѣленіе!

Начинается послѣдняя борьба, топки наваливаются до послѣдней возможности, вода все прибываетъ и прибываетъ, конечно, трубы больше не дѣйствуютъ, воду выкачивать нельзя. Огни погасли, вода кочегарамъ по самыя плечи, и теперь самъ Бланшэ громовымъ голосомъ кричитъ:

— Спасайся, ребятушки!...

Газеты извѣстили несчастную мать Джэка о погибелѣ «Цидна» у береговъ Зеленаго мыса. При д'Аржантонѣ она не смѣла предаваться отчаянію; она боялась разстроить его, помѣшать ему въ новой его дѣятельности по изданію журнала, на которую онъ заставлялъ ее смотрѣть, какъ на священнодѣйствіе. Вотъ, потому она была всегда рада остаться одна, чтобы на свободѣ думать о бѣдномъ Джэкѣ.

Грустная, убитая, прислушивается она ежедневно къ завываніямъ вѣтра; онъ поетъ ей ту же пѣсню, какъ всѣмъ женамъ и матерямъ моряковъ. Чтѣ это за нюрюкъ на лѣстницѣ, точно будто кто-то, слабымъ голосомъ, зоветъ:—мамѣ! Да, право же зоветъ; она быстро открываетъ дверь, какая-то височная фигура медленно поднимается, придерживаясь за стѣну.

— Кто здѣсь?—спрашиваетъ она, вся дрожа отъ страха.

— Я, мамѣ; о, я тебя хорошо вижу!

Она быстро сбѣгаетъ съ нѣсколькихъ ступенекъ,—да, это онъ, ея Джэкъ—высокій, искалѣченный работникъ, на двухъ костыляхъ. Вотъ чтѣ она сдѣлала со своимъ сыномъ. Ни слова, ни звука, ни единой ласки. Молча глядятъ они другъ на друга и плачутъ. Когда д'Аржантонъ вернулся домой, она встрѣтила его, вся взволнованная:

— Тихе, тихе, онъ спитъ!

— Кто?

— Да Джэкъ, онъ раненъ, «Циднъ» погибъ, его спасли какимъ-то чудомъ. Теперь онъ прибылъ изъ Рио-Жанейро, гдѣ пролежалъ два мѣсяца въ госпиталѣ.

Вскорѣ жизнь поэта и Шарлотты вошла опять въ свою обычную колею; крѣпко стѣсняло ихъ присутствіе несчастнаго нагѣи; обожженные при взрывѣ котла ноги заживали съ большимъ трудомъ. Одѣтый въ синюю шерстяную куртку, съ огрубѣлыми чертами, съ красными глазами безъ рѣсницъ, съ воспаленнымъ лѣвымъ лицомъ, съ ввалившимися щеками, бѣдный Джэкъ все-какъ перешовалъ съ одного стула на другой. Мать стидилась его, его грубыхъ манеръ, его привычекъ; при появленіи постороннихъ

она торопилась представить имъ сына, боясь услышать рѣзкое сужденіе, поймать насмѣшливую улыбку. Моронваль, Гиринъ, Лабассандръ—все относились къ нему свысока, да ему ни до кого изъ нихъ и дѣла не было, онъ жаждалъ одного—отдыха, оживалъ нѣсколько только, когда бывалъ вдвоемъ съ матерью. Разъ какъ-то онъ ее спросилъ:

— Не совершалъ ли я морского путешествія, будучи ребенкомъ?

Она съ удивленіемъ на него взглянула.

— Почему ты это спрашиваешь?

— Когда, три года тому назадъ, я въ первый разъ ступилъ на пароходъ, мнѣ показалось, что я все это видѣлъ, можетъ, и во снѣ.

— Нѣтъ, Джекъ, то не былъ сонъ; тебѣ было три года, когда мы вернулись изъ Алжира, гдѣ умеръ твой отецъ.

— Какъ звали моего отца?

Она колебалась, и не давая прямого отвѣта, пустилась по-прежнему въ фантастическія повѣствованія.

— Какъ звали моего отца?—повторилъ сынъ.

Мать прошептала имя, низко опустивъ голову...

— Воля твоя, Шарлотта,—говорилъ вскорѣ д'Аржантонъ,—а на что-нибудь да надо рѣшиться, онъ меня право стѣсняетъ; погляди, на что онъ похожъ, просто совѣстно; знаешь ли, что я хочу тебѣ предложить: пошлемъ его въ Этиоль, онъ на чистомъ воздухѣ поправится, соберется съ силами; время отъ времени станемъ посылать ему денегъ.

Шарлотта съ восторгомъ приняла это предложеніе, и на другой же день выѣхала съ сыномъ въ Ольветъ; пріѣхали они туда чуднымъ осеннимъ утромъ. Джекъ узнавалъ каждое дерево, каждую тропинку, сердце его билось ровнѣе, онъ слышалъ голосъ великой матери—природы, шептавшей ему:—приди ко мнѣ, бѣдное дитя мое. У меня есть бальзамъ для всѣхъ ранъ, я исцѣлю тебя. Въ первый разъ, въ этотъ вечеръ, надпись на фронтонѣ дома говорила правду, точно то было: «малый домъ, великій отдыхъ!»

Но здоровье Джека было потрясено окончательно, и, повидному, довольно какой-нибудь одной страницы, чтобы досказать его личную судьбу. Между тѣмъ, тутъ-то собственно и начинается романъ самого Джека. Въ Ольветѣ онъ нашелъ своего стараго друга, доктора Ривальса; онъ овдовѣлъ, а внучка его Сесиль успѣла за это время превратиться въ красавицу, скромно раздѣлявшую труды отца въ его деревенской аптежѣ. Во

всемъ этомъ для Джэка откормили источникъ однихъ новыхъ мученій, едва-ли не худшихъ изъ всего, что онъ испыталъ въ своей многострадальной жизни: онъ и страстно полюбилъ дѣвушку, подругу своего дѣтства, и вмѣстѣ понималъ, какая бездна раздѣляетъ ихъ въ эту минуту. Онъ—нищій и калѣка, не только физическій, но и нравственный, а она, въ сравненіи съ нимъ, идеалъ физическаго и нравственнаго совершенства. Но еще болѣе мучило его то обстоятельство, что онъ—человѣкъ безъ роду, безъ племени, между тѣмъ, какъ она—изъ почтенной семьи. Добрякъ Ривальсъ, взявшій Джэка на свое попеченіе, ясно видѣлъ, что совершалось въ душѣ его пациента, и видѣлъ также и то, чему Джэкъ не смѣлъ бы повѣрять: внучка его осталась вѣрна другу своего дѣтства.

Здоровье Джэка начало замѣтно поправляться. Какъ-то утромъ онъ вошелъ въ кабинетъ Ривальса, и сказалъ ему, что онъ думаетъ отправиться куда-нибудь—нужно приняться за работу.

— Ты правъ,—отвѣтилъ ему старикъ,—теперь ты здоровъ, работать надо. Не имѣешь ли чего особеннаго мнѣ сообщить?

— Ничего, ш-г Ривальсъ.

— А я, признаться, думалъ, что когда человѣкъ влюбленъ въ дѣвушку, у которой только и есть что старый дѣдъ, то у него слѣдуетъ просить руки ея.

Джэкъ, молча, закрылъ лицо руками.

— О чемъ ты плачешь, Джэкъ? Видно, дѣла твои не такъ плохи, когда я первый съ тобою заговариваю объ этомъ.

— О, возможно ли это? Что я такое—несчастный рабочий!

— Не бѣда, изъ твоего положенія есть выходъ, я тебѣ укажу его, если хочешь.

— Но это не все, я, я...

— Ты незаконнорожденный, знаю, но ея исторія чуть-ли не несчастіе твоей. Слушай, и суди. Восемнадцать лѣтъ тому назадъ, меня призвали къ больному; то былъ молодой, очень красивый человѣкъ, лѣтъ тридцати, блондинъ, съ голубыми глазами, его случайно ранили на охотѣ, всадили ему въ ногу цѣлый зарядъ. Пришлось вынимать дробины одну за другой; операцию онъ вынесъ геройски, и по окончаніи ея поблагодарилъ меня на чистомъ французскомъ языкѣ; звали его графъ Надинъ, онъ былъ русскій. Пациентъ мой быстро поправлялся, мы съ нимъ сошлись, и я частенько заѣзжалъ за нимъ и привозилъ его къ себѣ; собесѣдникъ онъ былъ очаровательный, много видалъ, говорилъ какъ нинга; вскоре для насъ съ женою стало ясно, что наша дочь, наша Мадлена, полюбила этого иностранца, онъ тоже,

казалось, полюбить ее, и тогда, наконецъ, предложить ей руку, всѣ мы не помнили себя отъ радости. Правда, многіе въ это время говорили мнѣ, что нельзя зря выдавать дочь, Надежда никто въ нашемъ околоти не знала, сомнѣвали съѣздить въ Парижъ, собрать справки въ русскомъ посольствѣ; жена особенно на этомъ настаивала, а со дня на день откладывала, и кончилъ тѣмъ, что преспокойно остался въ Этиолѣ, гдѣ немедленно и отпраздновалъ свадьбу своей дочери. Въ тотъ же день молодые поѣхали путешествовать по Европѣ; мы со старухой отдѣлывали для нихъ квартиру, вонъ, въ томъ недостроенномъ павильонѣ; письма Мадлены изъ Пизы и Флоренці дышали полнымъ счастьемъ. Судя же о нашемъ положеніи, тогда въ одинъ темный осенній вечеръ къ намъ явилась дочь, одна, блѣдная, исхудавшая, въ дражномъ платьищѣ съ сафъ-вожемъ на руцѣ. На вопросъ:—«Гдѣ-же твой мужъ?»—несчастная отвѣчала:—«У меня нѣтъ и никогда не было мужа»; графъ Надинъ оказался авантюристомъ, авантюристомъ, малороссійскимъ жидкомъ, по имени Ренъ; у него было уже двѣ жены, кромѣ Мадлены; его арестовали въ Туринѣ, по обвиненію въ поддѣлкѣ русскихъ кредитныхъ билетовъ. Черезъ два мѣсяца послѣ возвращенія дочери въ намъ, родилась Сесиль, а мать ее умерла. Ребенокъ остался на нашихъ рукахъ, мы скрыли отъ нея все ужасное прошлое, но мысль о будущемъ насъ вѣрнѣе заботила. Вѣдь можетъ же, и Сесиль полюбить, а при ея замужествѣ все должно открыться, думалось мнѣ. Тутъ судьба тебя намъ послала; отъ старухи Аршамбо я, помнится, узналъ, что мать твоя никогда замужемъ не бывала. Вотъ мужъ моей внучки, сказалъ я себѣ. Вотъ почему меня такъ огорчило желаніе твоего отца сдѣлать изъ тебя работница, а такъ надѣялся, что вы полюбите другъ друга! Теперь слушай: ты ее любишь, также какъ и она тебя, надо ее завоевать; раздѣли свою жизнь на двѣ части: утромъ работай на фабрикѣ, вечеромъ учись, готовься держать экзаменъ на доктора и займи мое мѣсто. Каждое воскресенье милости просимъ къ намъ, я стану руководить тобой, слѣдить за твоими занятіями, а вѣдь Сесили будетъ придавать тебѣ бодрости. Вѣдь и другіе справились съ подобными задачами,—хочешь попытаться? Въ награду получишь Сесиль. Джекъ молча бросился на шею старухѣ и побѣждалъ отыскивать молодую дѣвушку.

— Сесиль,—сказалъ онъ ей, —я убѣждаю, чтобы снова приняться за свой тяжелый трудъ, но теперь у меня явилась цѣль въ жизни; вѣдь дѣдушка позволялъ мнѣ сказать вамъ, что я

васъ люблю и что отнынѣ я буду всѣми силами стремиться васъ завоевать.

Она его слушала молча, съ свѣтлой улыбкой и полными слезъ глазами, не жеманясь и не рисуясь. Когда онъ кончилъ, она протянула ему руку со словами:

— Я готова ждать васъ четыре года, другъ мой, и дольше, если это нужно...

— Не знаешь-ли, Балафръ, какого мѣстечка, гдѣ-нибудь на заводѣ? вонъ, малый, въ кочегарахъ служилъ, а теперь здѣсь хочеть опредѣлиться?

Балафръ съ ногъ до головы оглядѣлъ молодого работника, котораго ему представляли.

— Ступай на заводъ Эйсендека, — сказалъ онъ ему: — большой домъ на улицѣ Оберкампфъ, скажи, что Балафръ прислалъ, теперь тамъ ищутъ работниковъ.

Джэкъ поблагодарилъ, и, угостивъ новыхъ друзей своихъ, весело вышелъ изъ дверей кабака; всего легче, какъ извѣстно, рабочему прискаты себѣ работу въ этихъ всѣхъ трудовыхъ людяхъ посѣщаемыхъ заведеніяхъ; черезъ часъ онъ уже нанялся у Эйсендека, по шести франковъ въ день, и отправился прискивать себѣ квартирку поближе къ фабрикѣ. Весело двигался онъ, не обращая вниманія на толчки, которыми его награждали. «Что за прелесть жизнь!»! думалось ему, «какъ я славно работать-то буду?» Посреди своихъ размышленій, онъ наткнулся на огромную, прислоненную къ стѣнѣ, корзину, полную шляпъ и фуражекъ; прислонена она была къ дверямъ башмачной лавки; корзина эта напомнила Джэку Белизера, онъ невольно заглянулъ въ лавку, и къ немалому своему удовольствію увидалъ своего друга, одѣтаго чище и тщательнѣе прежняго, и покупающаго башмаки для блѣднаго и худенькаго мальчика лѣтъ пяти. Появленіе Джэка какъ будто не удивило Белизера.

— Ахъ, это вы? — сказалъ онъ ему такъ же хладнокровно, какъ еслибъ они видѣлись наканунѣ.

— Здорово, Белизеръ; чтó вы здѣсь дѣлаете? вашъ это мальчикъ?

— Нѣтъ, это сынъ м-ше Веберъ, — со вздохомъ отвѣтилъ разnochивъ. — Двадцать разъ переспросилъ онъ ребенка: ловко-ли ему въ новыхъ башмакахъ, и, убѣдившись, наконецъ, что они ему въ пору, заплатилъ за нихъ, и, все держа мальчика за руку, вышелъ съ нимъ на улицу.

— Вашъ въ какую сторону? — спросилъ онъ Джэка; и по тону,

которымъ это было связано, можно было догадаться, что если Джэки скажетъ: мнѣ направо, то Беливеръ возьметъ налѣво.

— Да я и самъ не знаю; нанялся къ Эйсендеку и ищу квартиру поближе къ фабрикѣ.

— Къ Эйсендеку! да туда поступить не легко, надо имѣть хорошій аттестатъ.

Это слово объяснило Джэку причину холодности Беливера, и онъ, какъ нѣкогда Ривальсъ, продолжалъ считать его виновнымъ въ похищеніи 6,000 франковъ. За то, когда Джэки показалъ ему свой аттестатъ, радости добряка не было предѣловъ, а все лицо освѣтилось прежней, добродушной улыбкой.

— Слушайте, Джэки, теперь искать квартиру поодино, пойдемте ко мнѣ, я живу самъ по себѣ, у меня большая квартира, гдѣ вы нынче и переночуете. Да, да, у меня еще кое-что на умѣ, ну, да за обѣдомъ потолкуемъ. А теперь: маршъ! домой. И все трое, Джэки, разнощикъ и сынокъ м-ше Веберъ, стали подниматься вверхъ по предмѣстью, направляясь въ улицу Поноаю, гдѣ жилъ Беливеръ. Дорогой онъ разсказалъ Джэку, что сестра его овдовѣла, и онъ, вмѣстѣ съ нею, переселился въ Парижъ. Время отъ времени онъ бралъ ребенка на руки, приговаривая: «усталъ, бѣдняжка, ходить-то онъ не привыкъ, матери по цѣлымъ днямъ нѣтъ дома, она хлѣбомъ торгуетъ, славная такая женщина; сосѣдка за нимъ приглаживаетъ, я нарочно и башмачки-то ему купилъ, чтобы иногда брать его съ собой. Ну, вотъ мы и пришли!» Они вошли въ одинъ изъ большихъ домовъ, исключительно занимаемыхъ работниками, съ тысячами узенькихъ оконъ, съ длинными корридорами, куда бѣдняки выносятъ всѣ венцы, непомѣщающіяся въ ихъ коморкахъ. Изъ растворенныхъ въ корридоръ дверей виднѣлись комнаты, полныя диму, слышались крики дѣтей, стукъ посуды по столу,—часъ былъ обѣденный.

Комната Беливера была въ шестомъ этажѣ, въ глубинѣ корридора.

— Увидите, Джэки, какъ я славно устроился, сколько у меня мѣста; но подождите, прежде всего надо ребенка отвести къ м-ше Веберъ.

Онъ открылъ дверь смежной со своею комнаты, зажегъ свѣчу, посадилъ мальчика на высокій стулъ, привязалъ его къ стулу для полной безопасности, далъ ему въ руки двѣ мѣдныхъ крышки отъ кастрюль для забавы, и вернулся къ Джэку.

— Теперь удерѣмъ поскорѣй. М-ше Веберъ сейчасъ вернется, посмотримъ, что-то она скажетъ, когда увидитъ башмачки: ни за что ей не догадаться откуда они. То-то посмѣемся!

Онъ заранѣе хохоталъ, отворяя дверь своей комнаты, длинной

мансарды, раздѣленной на двѣ части альковомъ со стѣнами. Груды шланъ и фуражекъ говорили о ремеслѣ жильца, а голыя стѣны — объ его бѣдности.

— Такъ вы, Белизеръ, больше не живете съ родными? — спросилъ Джекъ.

— Нѣтъ, — съ легкимъ смущеніемъ отвѣтилъ разнощикъ: — знаете, въ большіе семьи не всегда ладятъ. М-ше Веберъ пришла, что несправедливо, чтобы я работалъ за всѣхъ, ничего не заработавъ для себя. Она мнѣ посоветовала жить отдѣльно, съ тѣхъ поръ я могу и своихъ поддерживать, и деньги отлаживать. О, она женщина очень умная!

Не переставая разговаривать, Белизеръ зажгетъ лампу, досталъ изъ шкафа двѣ разрисованныя тарелки, два прибора, одинъ жестяной, другой деревянный, хлѣба, вина, редиски и большой салатникъ, полный картофеля съ селедкой, — очень вкусное блюдо, которому и гость, и хозяйникъ, оказали должное вниманіе.

— Да у васъ, Белизеръ, полное хозяйство.

— Здѣсь много не моихъ вещей. М-ше Веберъ мнѣ ихъ одолжила пока.

— Пока что?..

— Пока мы не женимся, храбро, но съ краской на лицѣ отвѣтилъ бѣднякъ.

Видя, что Джекъ надъ нимъ не смѣется, онъ продолжалъ:

— Это дѣло давно рѣшенное; такое это для меня счастье, что она согласилась; она была несчастлива съ своимъ первымъ мужемъ, этого разбойника ее билъ!

— Когда же свадьба?

— Да я то бы радъ хоть сейчасъ, но она говоритъ, что надо прежде прискать товарища; такъ дѣлаютъ всѣ бѣдняки, найдутъ себѣ товарища-вдовца или холостого, который виждь держитъ расходы; ему дадутъ столъ, квартиру, на него стираютъ белье, экономя-то какая для всѣхъ! Одно трудно, прискать хорошаго человека, работающаго, дѣятельнаго.

— Ну, а я, Белизеръ, гоужусь?

— Неужели вы согласитесь, Джекъ? Если только васъ не испугаетъ наша бѣдность, то вы нашъ отличный товарищъ, какое благополучіе, что встрѣтились-то мы! Но, тише! М-ше Веберъ идетъ.

Въ комнату входитъ, съ ребенкомъ на рукахъ, высокая стройная женщина отъ тридцати до тридцати-пяти лѣтъ. Она громко и весело смѣялась, приговаривая сквозь смѣхъ:

— Ахъ вы, шутники, шутники! ну посмотрите, какъ онъ обустроенъ! Миленькая!

Белизеръ ей усердно вторилъ, вселѣюща: ну какъ же она не плутовка? вѣдь догадалась! Затѣмъ м-ше Веберъ представили Джэка, въ качествѣ будущаго товарища. Сначала она отнеслась къ этому извѣстію буди неочувствительно, но узнать, что Джэкъ и Белизеръ давно знакомы, и что передъ ней герой знаменитой исторіи съ окорокомъ, дружески протянула руку Джэку, и дѣло было слажено окончательно.

Джэкъ съ радостнымъ чувствомъ принялся за работу на заводѣ, добросовѣстно исполняя свою обязанность, но мысли его всегда были далеко. Товарищи это замѣчали, они видѣли, что онъ равнодушенъ къ ихъ ссорамъ, къ ихъ интересамъ, тѣмъ не менѣе, они если не любили, то уважали его за твердость, съ какою онъ отражалъ ихъ первыя рѣзанія шутокъ. Молодые работники имъ увлекались; всѣ они читали *Парижскія Тайны*, и видѣли въ немъ принца Родольфа, отыскивающаго Флёръ-де-Марк.

По выходѣ изъ мастерской Джэкъ торопился вернуться домой, сбросить рабочую блузу и пристыться за книги. Подчасъ онъ не безъ удивленія замѣчалъ, что знаетъ больше, чѣмъ ожидалъ, но иногда на пути его встрѣчались неожиданныя трудности, и онъ съ досадою бросалъ перо. Подлѣ него Белизеръ, въ благоговѣйномъ молчаніи, пришивалъ козырьки къ своимъ фуражкамъ, съ удивленіемъ дилера, присутствующаго при заклинаніяхъ мага. Серіозъ пера по бумагѣ, легкій звукъ, производимый иглою, наполняли мансарду спокойной и здоровой, трудовой атмосферой; когда Джэкъ поднималъ голову, то замѣчалъ свѣтъ, падающій отъ другихъ трудовых лампочекъ, видѣлъ тѣни многихъ людей, мужественно трудящихся, оборотную стороны парижской ночи, все, что сіяетъ въ глубинѣ дворовъ, пока на бульварахъ зажигаются тысячи огней. Полночь, когда ребенокъ ся укладывался спать, къ нимъ присоединялась и м-ше Веберъ. Она штопала платья сына, Джэка, Белизера. Свадьба была отложена до весны, а пока двое влюбленныхъ спокойно работали бокъ-о-бокъ, изрѣдка перебрасываясь словечкомъ.

Джэкъ не оглядывался, боясь ихъ стѣснить, и думая въ то же время: какъ они счастливы! Онъ былъ счастливъ только по воскресеньямъ, когда ѣздилъ въ Этюль; все въ домѣ его пригнѣтствовало, начиная съ огня, пылающаго въ каминѣ, и кончая Сенью; какъ и въ старину, бывало, онъ при ней бралъ урокъ, въ этомъ или вмѣстѣ гулять въ лѣсъ. Въ этомъ волшебномъ днѣ было ни часовъ, ни минутъ, ничего, кромѣ непрерывнаго блаженства! Изрѣдка, во время этихъ прогулокъ, проходили они мимо

Ольгѣ, гдѣ Гиринъ часто производилъ свои опыты надъ благо-
вѣніями, какъ врачебныхъ средствомъ.

— А отравитель-то вернется, замѣчаютъ своимъ спутникамъ Ривальсъ; слышите, дѣти, запахъ его чертовой кухни?

Сесиль унимала его:

— Тише, тише, дѣвушка, онъ можетъ услышать!

— А пусть его слышать, развѣ ты думаешь, что я его боюсь? И точно, казалось, бояться имъ нечего: между д'Аржантономъ и Джэкомъ все было кончено, они никогда не видались. Шарлотта, не желая раздражать своего повелителя, назначала Джэку свиданія; видѣлись они гдѣ-нибудь въ саду, въ церкви, она казалась грустной, утомленной, разъ даже не безъ смущенія попросила у сына денегъ взаймы; онъ только-что получилъ жалованье, и отдалъ его ей цѣльнымъ. Вообще, сердце Джэва подсказывало ему, что мать несчастнѣе, чѣмъ когда-либо...

Было раннее, лѣтнее утро; Белизеръ и Джэкъ уже встали, хотя день еле-заялся; первый ходитъ по комнатамъ, прибираетъ, мететъ, чиститъ башмаки; второй сидитъ у открытаго окна за книгой. Кругомъ тишина. Вдругъ раздается крикъ: «Хлѣбъ, хлѣбъ!» Это сосѣдка Джэва начинаетъ свой обходъ; она—будильникъ всего околотка, ее крикъ — краснорѣчивый призывъ къ жизни; вотъ онъ, этотъ хлѣбъ, который зарабатывать такъ трудно: его нужно въ кошель отца, въ корзиночку школьника, къ утреннему кофе, къ вечернему супу... Вскорѣ всѣ на ногахъ. Окна начинаютъ отворяться. Въ одномъ показывается печальная на видъ женщина, и садится за швейную машину; въ другомъ молодая дѣвушка, уже тщательно причесанная, рѣшетъ хлѣбъ, наклонясь надъ подоконникомъ, и въ боязни какъ бы крошки не попали на только-что выметенный полъ. Глядя на все это, и въ особенности на голубое небо, Джэкъ задумался; стулъ въ дверь вывелъ его изъ задумчивости; Белизеръ отворилъ дверь, и Шарлотта вбѣжала въ комнату и кинулась на шею сына.

— Джэкъ! Джэкъ! спаси, защити меня. Этотъ негодяй, которому я всѣмъ пожертвовала, осмѣлился поднять на меня руку, на меня, на меня! О, что я выстрадала въ эти десять лѣтъ! Какъ онъ меня мучилъ! Тебя-то какъ онъ ненавидѣлъ! Когда мы въ Эндрѣ вѣсѣжали, деньги-то привозили, а была тутъ, на другомъ берегу; онъ мнѣ не позволилъ съ тобой видѣться; bon ami тогда далъ мнѣ для тебя 10,000 франковъ. Этотъ уродъ ихъ вбилъ въ свой журналъ; не хотѣла тебѣ говорить, да ужъ сегодня все вырвалось; я все терпѣла. Дѣй ночи въ раку онъ не возвращался домой, и когда я стала его упрекать, онъ поднималъ на

меня руку. Я одѣлась, надѣла шляпку и сказала ему: посмотрите на меня хорошенько, больше вы меня никогда не увидите, и ушла.

Джэбъ выслушалъ ее молча. Когда она кончила, онъ взялъ ее за руку, и ласково, но твердо сказалъ:

— Одного недоставало для моего полного счастья — тебя. Теперь ты здѣсь, со мной, больше я ничего не желаю; но берегись — я ужъ тебя не выпущу!

— Да я и сама не захочу въ нему вернуться. Нѣтъ, мой Джэбъ, я на вѣки останусь съ тобой. Помнишь, я тебѣ часто говорила, что настанетъ день, когда ты мнѣ будешь нуженъ; онъ насталъ, и я вѣрю тебѣ, я на это не жалею. Увидишь, какъ мы славно заживемъ, я дышу свободнѣе, твоя комната ужасна — а мнѣ кажется, что я въ раю.

Джэбъ побѣждалъ отыскивать Белизера, терпѣливо рассказавшаго по корридору въ ожиданіи окончанія конференціи.

— Моя мать хочетъ жить со мною, — сказалъ онъ ему, — какъ же мы устроимся?

Въ головѣ Белизера мгновенно блеснула мысль: «это ужъ намъ не товарищъ, свадьбу снова придется отложить»; но онъ сумѣлъ скрыть свое разочарованіе и предложилъ свои услуги Идѣ де-Баранси, такъ какъ о Шарлоттѣ не было и помину.

— Мама, если тебѣ это неприятно, то м-ме Веберъ, когда вернется, позаботится объ обѣдѣ.

— О, нѣтъ, это мое дѣло. М-г Белизеръ только укажетъ мнѣ гдѣ что купить. Я хочу быть твоей хозяйкой, ничего не измѣняй въ твоей жизни; увидишь, какой славный обѣдъ я тебѣ приготавливаю.

Онъ отъ всего сердца поцѣловалъ мать и ушелъ счастливый. Цѣлый день онъ посмѣивался, но, возвращаясь домой, вдругъ испугался мысли: «а, ну, какъ я ее не застану?» Но еще на лѣстницѣ успокоился, такъ какъ слышалъ знакомый голосъ напѣвавшій пѣсенку. При входѣ въ свою «конуру» Джэбъ остолебѣлъ: вычищенная елико-возможно, украшенная изящной кроватью, хорошенькимъ туалетнымъ столикомъ, комната была неузнаваема. Всюду видѣлись вазы съ громадными букетами, а посреди комнаты стоялъ накрытый столъ, весело смотрѣвшій съ своей грубой посудой, блоснѣжнымъ, бѣлымъ, аппетитнымъ пирогомъ и двумя бутылками вина. Сама Ида, въ вышитой юбочкѣ, въ свѣтлой кофточкѣ, съ легкимъ чепчикомъ на пышно взбитыхъ волосахъ, была весела, оживлена.

— Ну, что скажешь? — спросила она, бросаясь въ его объятія.

— Великолѣпно!

— А какъ я живо все устроила; ну, да и Белизеръ же мнѣ помогъ, и м-ше Веберъ, — что за славные люди! Я ихъ пригласила обѣдать. Погляди на этотъ пирогъ, я его купила на Биржевой площади, тамъ ихъ продаютъ пятнадцатю су дешевле, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; правда, далеконою, на возвратномъ пути я такъ устала, что взяла фіакръ.

Какъ это было на нее похоже! Фіакръ въ два франка, чтобы сберечь пятнадцать су! Впрочемъ, по всему замѣтно было, что она знаетъ гдѣ что купить: булочки были изъ вѣнской булочной, кофе и десертъ изъ Пале-Рояля.

Джэкъ слушалъ съ изумленіемъ, она это замѣтила и навѣро спросила:

— Можетъ быть, я лишнее истратила? Ну, да что-жъ дѣлать, здѣсь многого недоставало, но я намѣрена быть очень, очень аккуратной; погляди, я купила у м-ше Левекъ (въ бумажной лавкѣ, напротивъ) записную книжку, — это необходимо; сегодня вечеромъ, если хочешь, мы сведемъ счеты.

Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ м-ше Веберъ, съ сномъ, и Белизера; всѣ были веселы и оживлены, кромѣ послѣдняго. «Богъ вѣсть, — думалось ему, — когда теперь еще свадьба-то будетъ?» Да и съ квартирой нужно разстаться, бѣднягѣ приходилось поселиться въ какой-то конурѣ на лѣстницѣ, но другой комнаты въ этомъ этажѣ не имѣлось, а Белизеръ ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ удалиться отъ м-ше Веберъ. По уходѣ гостей, Джэкъ поспорѣе все собралъ со стола и сѣлъ заниматься.

— Что это значить? — спросила его мать.

— Ахъ, да, вѣдь ты не знаешь, — и онъ съ увлеченіемъ и жаромъ разсказалъ ей всю исторію своей любви; она его слушала со вниманіемъ, но ничего не поняла: подобныя чувства ей были совершенно недоступны...

Первые шаги Иды не предсказывали ничего добраго; ея силъ могло достать на нѣсколько дней, пока было сѣжо въ пампоскорбленіе, нанесенное ей. Съ одной стороны, отвращеніе къ бѣдности, а съ другой — слабость къ д'Аржантону, начинавшая допускать смягчающія обстоятельства въ его пользу, и личное его появленіе въ квартирѣ Джэка съ цѣлью примиренія; наконецъ, письма отъ него, — все это вынудило безхарактерную Иду почти бѣжать отъ сына къ прежнему своему тирану. Кратковременное ея появленіе только разстроило жизнь Джэка: Белизеръ, женившись на м-ше Веберъ, поселился особо; а возвращеніе матери къ прежней

жизни наносило ему весьма чувствительный ударъ. Онъ снова соединилъ свое хозяйство съ семьею Белизера, но самъ былъ уже не тотъ. Онъ рѣшился утопить свое горе въ усиленномъ трудѣ, и по-прежнему сосредоточить весь интересъ жизни на одной Сесиль. Онъ много и упорно работалъ и дошелъ до того состоянія, до каковаго доходятъ индійскіе факеры: онъ почти не чувствовалъ своего тѣла. Но у него по-временамъ въ головѣ бывало такъ свѣтло, что никакія трудности для него не существовали, а между тѣмъ онъ сильно каплялъ, руки его горѣли какъ огонь.

— Тихе, тихе, — унималъ его Ривальсъ, — надо беречь свои силы.

Джэкъ, въ отвѣтъ на эти совѣты, только улыбался; по-временамъ онъ дѣйствительно ощущалъ неимоверную слабость, но тѣмъ не менѣе воля его такъ была напряжена, что онъ, конечно, достигъ бы предположенной себѣ цѣли, еслибъ не неожиданный толчокъ, нанесшій окончательный ударъ его расшатанному здоровью. Однажды, въ субботу, онъ получилъ отъ доктора депешу: «не прѣзжай завтра, насъ не будетъ дома». Тяжело отозвалось это лаконическое посланіе въ сердцѣ бѣднаго влюбленнаго; а въ Эпюлѣ, между тѣмъ, происходили чудеса. Однажды вечеромъ Сесиль, сядя за столъ, объявила дѣду, что отказывается отъ мысли быть женой Джэка, такъ какъ убѣдилась, что любитъ его только братскою любовью. Мольбы, убѣжденія, все было напрасно; молодая дѣвушка стояла на своемъ, добрякъ-дѣдъ въ отчаяніи послалъ Джэку телеграмму въ надеждѣ, что въ теченіи недѣли внучка одумается, но и эта послѣдняя надежда оказалась тщетной. Когда Джэкъ явился въ слѣдующее воскресенье, и молоденькая служанка сказала ему: «докторъ васъ ждетъ въ саду», онъ сразу почувалъ бѣду.

— Гдѣ Сесиль?—было его первое слово.

— Да она осталась тамъ,—съ усиленіемъ промолвилъ старикъ.

— Значить, я ей больше не нуженъ,—простоналъ бѣдняга, опускаясь на скамью. — Не утѣшайте меня, м-гъ Ривальсъ, это должно было случиться, она слишкомъ хороша для меня, я ей не пара. Скажите ей, что, несмотря на этотъ жестокий ударъ, я вѣчно буду ей признателенъ за этотъ чудный, полный свѣтлыхъ воспоминаній годъ: онъ заставилъ меня забыть все, что было тяжелаго въ моей жизни, я родился въ тотъ день, когда узналъ, что Сесиль меня полюбила, и умираю сегодня; но этотъ годъ я жилъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, и жилъ благодаря ей, этого я во вѣкъ не забуду! А теперь—простите.

И Джэкъ скорымъ шагомъ удалился; онъ шелъ понуря голову

и опусти глаза въ землю, а еслибъ поднялъ ихъ, то увидалъ бы у окна плачущую и простирающую къ нему руки Сесиль. Бѣдная дѣвушка съ этого дня бродила по дому какъ тѣнь, къ великому горю и полнѣйшему недоумѣнію старика-дѣда. «Если она любитъ его, — думалось ему, — то зачѣмъ же было отказывать?» Разъясненіе этого вопроса пришло съ той стороны, откуда Ривальсъ всего менѣе ожидать его могъ. Вскорѣ ночью за нимъ прибѣжала старуха Сале съ извѣстіемъ, что мужъ ея умираетъ; докторъ тотчасъ собрался и отправился съ нею. Жили супруги Сале въ настоящей берлогѣ; какъ только Ривальсъ переступилъ порогъ ея, онъ тотчасъ ощутилъ рѣзкій запахъ ароматическихъ травъ.

— У васъ былъ отравитель? — спросилъ онъ у жены.

Та не безъ смущенія отвѣчала, что, точно, Гиршъ лечилъ мужа. Въ эту минуту, изъ угла, гдѣ подъ грудой ветоши, на ложѣ въ сухихъ листьевъ, доживалъ свои послѣднія минуты старый браконьеръ, послышался слабый голосъ, говорившій очень внятно:

— Скажи жена, я хочу, чтобы ты сказала.

Старуха притворилась, что не слышитъ.

— Скажи, скажи, — твердилъ умирающій.

— Виновата я, точно, — будто съ усиленіемъ заговорила негера: — за 20 франковъ огорчила добрую барышню, рассказала ей всю исторію ея родителей.

— Ахъ ты, каналья! — вскрикнулъ Ривальсъ, хватая ее за горло.

— Да я сама-то ничего не знала, мнѣ докторъ Гиршъ все рассказывалъ, чтобы я потомъ передала барышнѣ.

Такъ вотъ откуда бѣдняжка все узнала, думалось старику, пока онъ сидѣлъ надъ умирающимъ. Къ утру послѣдній скончался, а Ривальсъ поспѣшилъ домой и прошелъ прямо въ комнату Сесиль; тамъ ея не было, но дверь въ комнату Мадленъ была отворена, и въ ней-то Сесиль, совсѣмъ одѣтая, спала на полу: видно было, что она всю ночь провела въ слезахъ и молитвѣ. Заслышавъ шаги дѣда, она открыла глаза; видя, что ему все извѣстно, она созналась, что любитъ Джэка всей душой, отказала же ему потому, что не считала себя въ правѣ скрыть что-либо отъ своего мужа, а говорить о позорѣ матери не желала.

Дѣдъ рассказалъ ей свой разговоръ съ Джэкомъ; когда она узнала, что ему извѣстно ея прошлое и что онъ, также какъ и она, не имѣетъ имени, ея овладѣло мучительное раскаяніе при мысли, что она перепоила чашу страданій этого несчастнаго; она рыдала, повторяя: «Джэкъ! бѣдный другъ мой!» потомъ, подумавъ съ минуту, спросила:

— Дѣдушка, ты не имѣешь о немъ извѣстій?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ, улыбаясь, старикъ:—но если хочешь, —сегодня воскресенье, мы его застанемъ дома,—пойдемъ за нимъ и притащимъ его сюда.

— Еще бы не хотѣть!

И дѣдъ съ внучкой пустились въ путь...

А Джэкъ лежалъ въ постели съ самаго дня своего послѣдняго возвращенія изъ Этіоля, послѣ объясненія съ докторомъ Ривальсомъ; онъ слегъ, не говоря ни слова, и съ тѣхъ поръ его трясла лихорадка; по словамъ заводскаго доктора, положеніе его становилось очень серьезнымъ. Белизеръ хотѣлъ было послать за Ривальсомъ, но Джэкъ этому воспротивился; онъ только два раза прервалъ свое упорное молчаніе: разъ по поводу этого разговора, и другой—когда просилъ м-ше Белизеръ заложить его часы и кольцо; плохо приходилось бѣднякамъ. Супруги Белизеръ потратились на свадьбу, Джэкъ на меблировку квартиры для матери, и теперь всѣ трое были безъ гроша, а тутъ эта болѣзнь, когда все такъ дорого—дрова, лекарства; тѣмъ не менѣе, не было жертвы, которую Белизеръ съ женою не принесли бы больному товарищу; они уже заложили множество вещей; сосѣди совѣтовали, правда, помѣстить его въ больницу, но ни мужъ, ни жена на это не рѣшались. Наконецъ, имъ пришлось круто, и болѣзнь, и нужда усиливались въ одинаковой пропорціи; м-ше Белизеръ послала мужа «изъ прекрасной дамы», какъ она, не безъ ироніи, называла Шарлотту. Белизеръ вернулся одинъ, онъ даже не видалъ барыни, его къ ней не допустилъ д'Аржантонъ: тамъ гости—не до того; все это добрякъ передалъ женѣ шепотомъ, боясь, какъ бы не услышалъ его тотъ, чье тяжелое дыханіе и страшный кашель слышались въ глубинѣ комнаты.

— Вотъ уроды-то!—воскликнула м-ше Белизеръ, выслушавъ рассказъ мужа до конца.—Да и ты хорошъ: надо было оттолкнуть его, войти силой, да и крикнуть этой дрянн: «сынъ вашъ умираетъ!» Будь я на твоемъ мѣстѣ, ужъ навѣрное бы ее притащила, а ты вѣкъ свой останешься мопрой курицей. Что-жъ намъ дѣлать-то теперь? вотъ въ чемъ вопросъ.

— А то и дѣлать,—проговорила сосѣдка Левендрѣ, присутствовавшая при этомъ разговорѣ,—что докторъ совѣтовалъ: свезти его въ «Центральное бюро», тамъ ему дадутъ билетъ для поступленія въ больницу.

— Тихе, тихе,—шепталъ Белизеръ, указывая на альковъ, гдѣ больной метался въ лихорадкѣ.

Настала минута молчанія.

— Я увѣренъ, что онъ васъ слышалъ,—съ досадой проговорилъ разношникъ.

— Эка бѣда! онъ вамъ не сынъ, не братъ.

— Онъ намъ товарищъ!—возразилъ Белизеръ, и въ этихъ простыхъ словахъ сказалось такое самоотверженіе, столько чувства, что жена вся покраснѣла и, со слезами на глазахъ, поглядѣла на мужа.

Джэкъ все слышалъ, онъ вообще слышалъ все, что говорилось кругомъ; онъ мало спалъ, но съ намѣреніемъ отворачивался отъ окружающей его жизни. Цѣлый день лежалъ онъ, отвернувшись къ стѣнѣ, съ широко раскрытыми глазами, и еслибы стѣна могла говорить, то, конечно, рассказала бы, что въ этихъ остановившихся, какъ у лунатика, глазахъ читаются огненными буквами выведенныя слова: «несчастіе полное... отчаяніе безпредѣльное!» Кромѣ стѣны, никто этого знать не могъ, несчастный никогда не жаловался. Подъ-часъ онъ проваливалъ свое бездѣйствіе, но и работать-то теперь не для кого: мать его покинула, Сесиль отвергла, лица этихъ двухъ женщинъ преслѣдовали его даже въ бреду...

На другой день послѣ вышеописаннаго разговора, когда м-ше Белизеръ вернулась изъ своего обхода, она испугалась при видѣ какого-то привидѣнія, разговаривавшаго съ ея мужемъ: то былъ Джэкъ, совсѣмъ одѣтый и на ногахъ.

— Что случилось, какъ это вы встали?

— Да, толкуй съ нимъ, хочеть идти въ Центральное бюро.

— Это зачѣмъ? развѣ мы за вами некоршо ухаживаемъ? Чего вамъ недостаетъ?

— Ничего, друзья мои, вы добрыя души, но мнѣ невозможно здѣсь оставаться. Не удерживайте меня, прошу васъ!

— Но какъ же вы, при вашей слабости, добредете, бѣдный мой другъ?

— Буду опираться на руку Белизера: когда нужно двигаться — двигаешься.

Дѣлать было нечего; Джэкъ поцѣловалъ м-ше Белизеръ и сталъ спускаться съ лѣстницы, бросивъ прощальный взглядъ на эту квартиру, гдѣ онъ провелъ столько прекрасныхъ часовъ. Онъ зналъ, что ему сюда не вернуться. Въ то время «Центральное бюро» находилось противъ церкви Нотръ-Дамъ,—то было сѣрое, печальное на видъ зданіе; путь Джэку и его спутнику предстоялъ долгій. Они часто останавливались; подъ нависшимъ декабрьскимъ небомъ больной казался еще худощавѣе, еще страшнѣе, тѣмъ въ своемъ альковѣ. Волосы его были смочены потомъ, все

кружилось у него передъ глазами: черные дома, ручки, фигуры прохожихъ...

Было еще рано, когда они добрались до «Центрального бюро», но въ огромной залѣ, на деревянныхъ скамьяхъ, вокругъ топившейся печки помѣщалось уже много больныхъ. Когда Джэкъ вошелъ, опираясь на руку Белизера, на него устремилось много безпокойныхъ взглядовъ. «Ну, вотъ! еще одинъ!» казалось, говорили эти взгляды; оно и понятно: несмотря на всѣ усилія администраціи, въ Парижѣ гораздо больше больныхъ, чѣмъ мѣстъ для ихъ помѣщенія. Умѣеть этотъ городъ создавать болѣзни, при помощи порока и нищеты. Всѣ эти несчастные съ сильнѣйшимъ нетерпѣніемъ ждали появленія доктора; наконецъ, дверь открылась и маленький, худенькій человѣчекъ вошелъ въ залу.

Докторъ окинулъ больныхъ твердымъ и испытующимъ взглядомъ, и затѣмъ началъ свой осмотръ. Какая радость выражалась на лицахъ, получившихъ билеты, какое отчаяніе на лицахъ тѣхъ, кому въ нихъ было отказано!

Дойдя до Джэка, докторъ внимательно осмотрѣлъ его, спросилъ, сколько ему лѣтъ и давно ли онъ боленъ? Джэкъ отвѣчалъ съ усиліемъ, какимъ-то шипящимъ голосомъ.

— Встаньте, — сказалъ ему докторъ, прикладывая ухо къ мокрому платю больного. — Неужели вы пришли пѣшкомъ?

— Да.

— Не понимаю, какъ вы могли идти въ томъ состояніи, въ которомъ находитесь; теперь васъ положить на носилки.

Затѣмъ, обратившись къ чиновнику, подписывавшему билеты, докторъ произнесъ:

— Въ больницу Милосердія, въ палату святого Іоанна, — и, не прибавивъ ни слова, продолжалъ свой осмотръ.

Что можетъ быть печальнѣе этихъ носилокъ, съ ихъ навѣсомъ изъ полосатаго куті, мѣрно повачивающихся на плечахъ двухъ дюжихъ носильщиковъ? Женщины крестятся при видѣ ихъ, какъ при встрѣчѣ съ похоронной процессіей, всѣ сторонятся передъ ними; часто мать, сестра, дочь слѣдуютъ за этой переносной кроватью. Джэкъ слышалъ за собою неровные шаги Белизера, отъ времени до времени бравшаго его за руку, чтобы показать больному, что его не всѣ еще покинули. Наконецъ, подулсоннаго, намученнаго Джэка внесли въ палату святого Іоанна, занимавшую второй этажъ зданія больницы Милосердія. То была печальная комната, съ окнами, выходившими съ одной стороны въ темный дворъ, съ другой — въ сырой садъ, съ двадцатью тѣсно-сдвинутыми кроватями, съ двумя глубокими креслами у

нечет, съ однимъ столомъ и громаднымъ буфетомъ съ мраморной доской. При появленіи Джека нѣсколько больныхъ, въ темныхъ халатахъ и бумажныхъ колпакахъ, оглянулись на него. Во всей этой огромной залѣ былъ одинъ свѣтлый уголокъ, тотъ, гдѣ сидѣла сестра милосердія, и возвышался небольшой престолъ со статуей Мадонны, украшенной искусственными цвѣтами, кружевами, восковыми свѣчами.

Сестра тотчасъ подошла къ Джеку.

— О, бѣдненькій, какъ онъ слабъ! Надо поскорѣй уложить его! — произнесла она высокимъ, однообразнымъ голосомъ.

Джекъ ничего ясно не сознавалъ; смутно, какъ сквозь сонъ, слышалъ онъ, что Белизеръ говорить ему: «до свиданія», что кругомъ всѣ толкуютъ о какомъ-то № 11, который очень плохъ, а между тѣмъ рѣчь шла о немъ, онъ уже не назывался Джекъ, а № 11, въ палатѣ святаго Іоанна. Понемногу онъ сталъ быть забываться, но спокойный, ясный женскій голосъ выводилъ его изъ забытья.

— На молитву, господа, — говорилъ онъ.

До слуха Джека долетѣли послѣднія слова молитвы, гласившія:

«Благослови, о, Боже, моихъ друзей, моихъ враговъ, узниковъ, больныхъ, умирающихъ!»! Потомъ онъ забылся лихорадочнымъ сномъ, ему грезились узники, освобождающіеся отъ цѣпей, и путники, медленно подвигающіеся по дорогѣ, которой и конца не видать...

— № 11, проснитесь! Докторы! Ну, приподнимитесь немного, дайте на себя посмотреть; ахъ, какъ вы слабы!

Докторъ, молодой еще человѣкъ, съ бѣлокурой бородой и умнымъ взглядомъ. Онъ предлагаетъ больному нѣсколько вопросовъ.

— Ваше ремесло?

— Механикъ.

— Вы пьете?

— Пилъ, теперь бросилъ.

Молчаніе. — «Какую же вы жизнь вели?» какъ-бы про себя говорить докторъ. По участию, выражающемуся на лицѣ его, Джекъ догадывается, что ему точно плохо, догадка эта обращается въ увѣренность. Когда, по уходѣ доктора, къ больному приближается сестра милосердія, и такъ нѣжно, ласково спрашиваетъ: есть ли у него семья? не ждетъ ли онъ къ себѣ сегодня гостей? — Его семья — вотъ она, эти два человѣка, мужъ съ женой, съ простыми и добрыми лицами, они улыбаются ему. Другихъ ро-

ныхъ, другихъ друзей у него нѣтъ. — Ну, что? получше? — спрашиваетъ Белизеръ, тогда-какъ жена его кладетъ на столѣнь у изголовья Джэка два апельсина, принесенные ею въ гостинецъ больному товарищу. Потомъ оба садятся у кровати. Джэкъ молчитъ. О чемъ онъ думаетъ? Сердце матери угадало его мысль: Джэкъ, — шепчетъ ему м-те Белизеръ, — я приведу сюда вашу мать! Его угасшій взглядъ съ благодарнымъ выраженіемъ устремляется на добрую женщину; да, съ той минуты, какъ онъ узналъ, что смерть близка, онъ забылъ все зло, что ему сдѣлала мать: ему нужно видѣть ее тутъ, подлѣ себя, крѣпко, крѣпко къ ней прижаться. Но Белизеръ не пускаетъ жену, онъ самъ идетъ за Шарлоттой, жена его остается подлѣ умирающаго. Время тянется, Белизера все нѣтъ, какъ нѣтъ, а между тѣмъ больной въ страшномъ волненіи. Каждую минуту двери отворяются, посѣтители длинной вереницей проходятъ мимо него: матери все нѣтъ! Ему, какъ всѣмъ почти умирающимъ, живо представляется дѣтство: онъ снова ребенокъ, маленький, бѣлокурый Джэкъ, ожидающій свою мать — Иду де-Баранси. Кончено! она не придетъ! глухимъ голосомъ повторяетъ больной. М-те Белизеръ вскакиваетъ съ мѣста:

— Не плачь, дитя мое, я приведу твою мать!

— Она не придетъ, не придетъ! — повторяетъ несчастный.

Сестра склоняется надъ нимъ:

— Полно, дитя мое, успокойтесь.

— Я вамъ говорю, что она не придетъ, вы ее не знаете, это дурная мать, все, что я выстрадалъ въ жизни, я выстрадалъ черезъ нее, сердце мое — одна рана. Когда *тотъ* притворился, что боленъ, она тотчасъ бросилась къ нему, — я умираю, а она не идетъ, она меня убила!

Онъ въ изнеможеніи опускается на подушки, монахиня склоняется надъ нимъ, стараясь его утѣшить, а темный, зимній день мрачно угасаетъ...

Шарлотта съ д'Аржантономъ возвращались изъ концерта; мать Джэка, вся въ бархатѣ и кружевахъ, сіяла весельемъ и красотой; она только-что успѣла выдти изъ кареты, какъ ее схватила за руку женщина, стоявшая у дверей ея дома.

— Идите со мной, сейчасъ, вашъ сынъ умираетъ и зоветъ васъ!

— Все это вздоръ, Шарлотта, тутъ какая-нибудь ловушка — твердилъ д'Аржантонъ, стараясь увлечь ее въ домъ.

— Вашъ сынъ умираетъ! Господи! да неужто-жъ есть такіа матеря!

Шарлотта не выдержала: Идемъ!—закричала она, и обѣ женщины бѣгомъ пустились впередъ.

А надъ кроватью Джэка, въ эту минуту, склонилась престарелая головка:

— Джэкъ! это я—Сесиль!

Больной открываетъ и закрываетъ глаза, чтобы убѣдиться, что это не сонъ. Нѣтъ, Сесиль здѣсь, онъ слышитъ ея голосъ, онъ проситъ у него прощенія, объясняетъ, почему она его огорча. По мѣрѣ того, какъ она говоритъ, божественное спокойствіе не ходитъ въ сердце Джэка.

— Такъ вы меня по прежнему любите?

— Я никого, кромѣ васъ, не любила, и никого, кромѣ васъ, любить не буду, Джэкъ.

Онъ прижимаетъ ея ручку къ своей щекѣ и шепчетъ что слышно:

— Все, чего мнѣ недоставало въ жизни—вы мнѣ загла, вы были для меня—другомъ, сестрой, женой, матерью!—Теперь мнѣ и смерть не страшна, я умру подлѣ васъ, мы примиримся!

Вдругъ Джэкъ приподнимается, широко раскрывъ глаза.—Слушайте, слушайте, кто-то идетъ, это она!—и падаетъ на подушки.

Онъ не ошибся, двѣ женщины поднимались на лѣстницу.

— Я боюсь,—шепчетъ Шарлотта.

— Ну, ну, идите,—подталкиваетъ ее м-ме Белизеръ—такимъ женщинамъ, какъ вы, право-бы и дѣтей-то имѣть не слѣдовало!

Ривальсъ обернулся.—Тише!—проговорилъ онъ. Всѣ стали слышится въ комнатѣ одинъ легкій свистъ, затѣмъ—глубокій вздохъ.

Господи! неужели это ея Джэкъ?—это мертвое лицо, эти вѣтхія руки, это неподвижное тѣло!

— Джэкъ! это я,—я здѣсь.

Ни малѣйшаго движенія.

— Умеръ?!—съ ужасомъ вскрикиваетъ мать.

— Нѣтъ, о-сво-бо-ди-ся!—отвѣчаетъ старикъ Ривальсъ своимъ голосомъ.

О. П.—СБЛ

СОЮЗЪ КНЯЗЕЙ

■

НѢМЕЦКАЯ ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ II

ФРИДРИХА II, ИОСИФА II.

1780 — 1786.

VI *).

Восточный вопросъ въ XVIII-мъ вѣкѣ.

Предчувствіе катастрофы.—Греческій проектъ.—Идея англо-русскаго союза.—Отношенія Иосифа и Леопольда къ греческому проекту.—Восточный вопросъ въ 1783 году.—Роль Иосифа въ немъ.—Вознагражденіе Австріи.—Печальное положеніе Пруссіи.—Ошибки Фридриха.—Объявленіе о союзѣ 1781 года въ Берлинѣ.—Дандигскій вопросъ.—Пруссія и Франція въ дѣлѣ присоединенія Крыма.—Переговоры по поводу Крыма.

Уже во время переговоровъ о союзѣ 1781 года, Екатерина, какъ-бы испытывая дружбу Иосифа, потребовала отъ него серьезно внушить туркамъ, чтобы они строго исполняли условія Кайнарджійскаго мира ¹⁾. Иосифъ тотчасъ же приказалъ своему интер-

*) См. ниже: май, 284 стр.

¹⁾ *Голлицинъ Екатерина*, отъ 1/12 ноября 1781 года: онъ извѣщаетъ, что Кауницъ написалъ своему интерпрунцію въ Константинополѣ требованіе (выписанное изъ ноты Голицына) „d'ôter à celle-ci (Porte) jusqu'à la moindre espérance, qu'elle conserve peut être, comme si la Cour de Russie pouvait user vis-à-vis d'elle de condescendance, en egard aux interpretations arbitraires et illusaires qu'elle persiste à vouloir donner à la teneur du dernier Traité de paix“.

нунцію въ Константинополѣ не только во всемъ помогать русскому агенту, но даже выбрать турокъ, притомъ не на delicatoмъ французскомъ, а на «болѣе энергическомъ», нѣмецкомъ языкѣ ¹⁾.

Затѣмъ восточный вопросъ замолкъ болѣе, чѣмъ на годъ. Екатерина старалась увѣрить всѣхъ, что поглощена заботами объ «общемъ благѣ», какъ называла она вооруженный нейтралитетъ, и такъ маскировала свои замыслы, что рѣшеніе участи Крыма было новостью даже для ея министровъ, которую вице-канцлеръ узналъ только изъ депеши нашего посланника въ Турціи ²⁾. Но всѣ чувствовали, что это—затишье передъ бурей. Восточный вопросъ, такъ сказать, носился въ воздухѣ и тревожилъ весь дипломатическій міръ Европы, отъ Невы до Гибралтара ³⁾: онъ составляетъ основной интересъ въ европейской политикѣ 1782 и 1783 годовъ. Стоитъ вчитаться въ интимную переписку между главными дѣйствующими лицами, переполненную тревожными свѣдѣніями и взаимными предостереженіями, чтобы убѣдиться въ этомъ ⁴⁾.

Вскорѣ всеобщія предчувствія оправдались. Въ іюнѣ 1782 г. въ Вѣнѣ была получена изъ Петербурга депеша, извѣщавшая о волненіяхъ въ Крыму. Переписка между союзниками приняла исключительно дѣловой, односторонній характеръ. Екатерина сразу предложила Іосифу условиться, согласно съ договоромъ 1781 г., насчетъ главныхъ мѣръ, которыя скоро потребуются. Іосифъ вѣ-

¹⁾ *Joseph II und Katharina*, 45 sq.—Въ рескриптахъ Голицыну не разъ встрѣчается благодарность Екатерины Іосифу за подобныя внушенія.

²⁾ *Joseph II und Katharina*, 125.—*Görts*, I, 208 sq.

³⁾ *Rauter*, V, 539.—Нашъ мадридскій посланникъ, Зиновьевъ, доносилъ Остерману, въ іюлѣ 1783 года, что въ Испаніи только и рѣчи, что про близкую войну Россіи съ Турціей, ибо это „было важно для морскихъ державъ“. „Легко угадать“, замѣчаетъ Зиновьевъ, — что это Франція внушаетъ тревогу Испаніи, чтобы сильнѣе вовлечь ее въ свои интересы и держать въ своей полной зависимости: она доплавляетъ ей, что связь Россіи съ Австріей повлечетъ за собой весьма важныя послѣдствія для Италіи“. Въ январѣ 1784 года *chargé d'affaires* Зиновьева, Никитинъ, доносилъ, что французскій кабинетъ жаловался мадридскому на испанитаско морского министра, склоннаго къ интересамъ Россіи и Австріи; испанскій король просилъ исполнителсваго смѣнить этого министра, но тотъ не согласился. Тамъ дѣло и кончилось. Тогда Испанія только тревожилась, но не посылала флота въ Архипелагъ, какъ желала Франція. Этими Екатерина была обязана политикѣ Флоридабланки, сочувствовавшей Россіи и ненавидѣвшей Пруссію. Политическая система Флоридабланки разъяснена нами по московскому архиву, въ сочиненіи: *Memoria de la quinceañera de ella*, стр. 36—48.

⁴⁾ Особенно любопытны: *Joseph II und Katharina*, 123 sq.—*Joseph II und Leopold II*, I, 118.—*Leopold II und Marie-Christine*, ihr Briefwechsel, hrsg. v. Ad. Wolf, Wien, 1867, 7 sq.

имѣть полную готовность служить «своей императрицѣ, своему другу, своей союзницѣ, своей героинѣ» ¹⁾. Екатерина воспользовалась этимъ и немедленно отправила Голицыну рескриптъ, извѣщающій объ изгнаніи изъ Крыма преданнаго ей Шагинъ-Гирея «ухищреніями и игрою Порты» и о необходимости «поправить тамошній край совсѣмъ въ другое состояніе» ²⁾. Въ то же время Іосифъ получилъ отъ нея замѣчательное письмо въ прого-официальномъ тонѣ, которое было извѣстнымъ планомъ греческаго проекта, возбуждавшаго настолько же страхъ и ненависть въ средѣ дипломатовъ, насколько сочувствіе въ европейской интеллигенціи, съ Вольтеромъ во главѣ ³⁾. Императора сухо припашали «выполнѣ и въ цѣлости исполнить секретнѣйшую статью», чтобы содѣйствовать «не только благополучію обѣихъ монархій, и пользѣ всего христіанства», которая состоитъ въ «возстановленіи древней греческой имперіи на развалинахъ варварскаго сподства», подъ управленіемъ Константина Павловича. Россія должна была взять себѣ за это «въ сію минуту только» Очаковскій округъ (между Бугомъ и Днѣстромъ), да одинъ или два прова въ Архипелагѣ. Австрія она предлагала уступить соднѣя турецкія земли и, «еслибы понадобилось», выхлопотать кой-нибудь пунктъ на Средиземномъ морѣ. А для устраненія граничныхъ споровъ въ будущемъ можно было образовать изъ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи новое государство, «Дакію», съ сударемъ «того христіанскаго исповѣданія, которое господствуетъ тамъ». Въ доказательство, что эти, «новидимому, слишкомъ обширные и отдаленные» планы возможны, Екатерина насовала мастерскую картину современной политики Европы, дозывающую, какъ твердо и обдуманно держалась она своихъ зовныхъ идей. Здѣсь впервые была прямо заявлена мысль,

¹⁾ *Joseph II und Katharina*, 134—136. По свидѣтельству *Гѣрца* (I, 203) и лійскаго посланника въ Петербургъ (*Rauter*, V, 553), Іосифъ назвалъ даже себя генераломъ, а свое войско «дея арміей», но этого нѣтъ въ письмѣ, напечатанъ у Арнета. Точно также мы нигдѣ не нашли указаній на важную депешу Кауа къ Кобенцлю, по словамъ *Гѣрца* (I, 203—5), присланную тогда же и совершенно противорѣчившую письму Іосифа къ Екатеринѣ. Впрочемъ, еслибы эта дѣя и существовала, то она не имѣла значенія и, вѣроятно, пролежала въ портѣ Кобенцля безъ употребленія.

²⁾ *Рескриптъ Голицыну*, отъ 5-го сентября 1782 года.—*Joseph II und Katharina*, 144 вк.

³⁾ Этотъ документъ впервые напечатанъ у *Германна* (VI, 461—464), но съ прогами. Его полный текстъ помѣщенъ у *Арнета* (*Joseph II und Katharina*, 143—). Ср. *Соловьева*: *Исторія паденія Польши*, 163—165. Для греческаго проекта опитныя подробности у *Гѣрца* (I, 185—189) и *Дома* (II, 3—30).

что пора Австріи перенести заботы съ французскаго союза на англійскій. Екатерина долго лелѣла эту идею ¹⁾, потому что для нея не было ничего выгоднѣе, какъ соединеніе, въ одно время, Австріей и съ Англіей. Это значило заставить и лондонскій кабинетъ служить цѣлямъ Россіи, такъ какъ онъ парализовалъ бы Францію, которая была готова на все для защиты турокъ. Коварства же со стороны Великобританіи нечего было опасаться, потому что, истощенная войной, она сама искала опоры, а вооруженный нейтралитетъ, по мѣткому выраженію Екатерины, «ставилъ ея торговые интересы въ нѣкотораго рода зависимость отъ Россіи». Сверхъ того, планъ Екатерины разбивалъ дипломатическія вѣвы Фридриха, который негодовалъ на дружбу между Австріей и Франціей и постоянно мечталъ о союзѣ Пруссіи съ Россіей и Англіей ²⁾. Еслибы этотъ планъ удался, то Англія была бы отвлечена отъ Пруссіи, и Фридрихъ остался бы одинокимъ и ничтожнымъ въ европейской политикѣ. Впрочемъ, Екатерина и безъ того не придавала особеннаго значенія старому Фрицу. Она понимала его вѣрнѣе, чѣмъ Іосифъ. Она называла его «опустившимся» (*fallen of*) нравственно ³⁾ и усиливала своего союзника тѣмъ, что Фрицъ, «въ его лѣтахъ», не рѣшится на старые подвиги. Къ тому же, Екатерина надѣялась выдвинуть противъ Пруссіи нѣмецкихъ князей. По ея мнѣнію, для этого стоило только Іосифу строго соблюдать Тешенскій миръ,

¹⁾ Екатерина еще до союза 1781 года склонялась къ мысли о союзѣ съ Англіей, которая сама искала его и просила посредничества Россіи въ американской войнѣ. Но тогда союзъ не состоялся, потому что Англія требовала вооруженнаго сокрѣпленія, а Екатерина до все не желала участвовать въ войнѣ, выгодной только для другихъ. Намъ кажется, что это соображеніе заставило Екатерину поддаться на ту ловушку, извѣстную подъ именемъ вооруженнаго нейтралитета, которую устроилъ ей Панинъ, желавшій повредить Англіи. Несмотря на то, у Екатерины съ тѣхъ поръ постоянно сохранилось желаніе сблизиться съ Англіей. *Göriz*, I, 292—298, 318—320.

²⁾ Именно въ описываемое время Фридрихъ убѣждалъ Екатерину поддерживать Англію, предложившую Версалю весьма утѣренныя условія мира, потому что „въ случаѣ непріятія этихъ условій могущій послѣдовать совершенный сдѣлъ державъ рѣдокъ, въ разсужденіи соблюденія нужнаго въ Европѣ равновѣсія, заслуживаетъ крайнее вниманіе и уваженіе“. (Шифрованная депеша Остермана Долгорукову, 10 іюня 1782 г.). Екатерина отвѣчала, что съ радостью беретса продолжать свои миротворческія усилія, но... заодно съ Іосифомъ. Послѣдняя прибавка такъ смутила Долгорукаго, что онъ извѣстилъ Остермана 28 іюня (9 іюля): „буду содержать сіе въ тайнѣмъ секретѣ и не прежде съ здѣшнимъ министерствомъ извѣстяться о семъ стану, какъ въ случаѣ если оное о сѣй матеріи само собою мнѣ отзовется“. *Göriz*, I, 299—307.

³⁾ Донесеніе англійскаго посланника въ Петербургѣ, въ ноябрѣ 1780 года. *Востокъ*, V, 477.

т.-е. отказаться отъ своихъ германскихъ замысловъ и всецѣло посвятить себя борьбѣ съ Портою—другими словами, интересамъ Россіи.

Іосифъ совсѣмъ иначе смотрѣлъ на Фридриха, откуда и вытекало его разногласіе съ Екатериной во взглядѣ на европейскую политику. Онъ чувствовалъ какъ-бы врожденный страхъ къ прусскому герою и воображалъ, что стѣбитъ ему перешагнуть черезъ Дунай, какъ тотчасъ же потсдамскіе гости явятся въ Богеміи. Кауницъ, творецъ австро-французскаго союза, ненавидѣвшій Англію отъ всей души ¹⁾, схватился за эту слабую струну своего монарха—и Іосифъ заявилъ Екатеринѣ, что должно не только покинуть мысль о Лондонѣ, но еще болѣе привлечь Францію, посуливъ ей хоть Египетъ. Впрочемъ, страсть къ расширенію границъ, горячность и надежда на могущество Екатерины сначала преодолевали страхъ Іосифа. Ему казалось, что онъ уже владѣетъ частью Турціи и венеціанскихъ земель, мысль о которыхъ родилась у него «отъ различныхъ словъ» Екатерины. Оттого въ Петербургѣ получили полное согласіе вѣнскаго кабинета на греческій проектъ, лишь съ легкимъ измѣненіемъ границъ Дакіи и греческой имперіи въ пользу Австріи. Іосифъ даже поспѣшилъ набросать для Екатерины планъ военныхъ дѣйствій, въ которомъ она не нуждалась. Вслѣдъ затѣмъ, въ Австріи посыпались приказы по арміи, а вѣнскіе финансисты засуетились съ займами ²⁾, и австрійскій агентъ въ Константинополѣ получилъ приказаніе поддерживать русскій ультиматумъ.

Практическому и недовѣрчивому Леопольду дѣло представлялось въ иномъ видѣ. Конечно, и онъ не прочь былъ попользоваться насчетъ Порты, но осторожно, помогая тайкомъ разложению этой державы, а главное—съ согласія Пруссіи и Франціи. Онъ не могъ допустить мысли объ участіи нашего отечества въ

¹⁾ Причины вражды Кауница къ Англіи хорошо выставлены имъ самимъ въ письмѣ къ Іосифу, отъ 28 сент. 1785 г.. *Bees*, 224.—Кауницъ былъ до того упоренъ въ этомъ своемъ политическомъ догматѣ, что во время присоединенія Крыма, когда вѣнскій кабинетъ вслѣдствіи старался подслужиться петербургскому, намекъ Екатеринѣ на англійскій союзъ встрѣтилъ рѣшительный отпоръ въ Вѣнѣ. Голицынъ пишетъ Екатеринѣ (9/16 ноября 1788) по поводу этого намека, что Кауницъ „не обращаетъ вниманія на англійскій союзъ, который можетъ быть полезенъ одному Петербургу“. Кауницъ лишь передъ смертью склонился къ желанію Іосифа вступить въ союзъ съ Англіей, какъ свидѣтельствуетъ его записка 1789 года. *Bees*, XVIII, sq.

²⁾ Отвѣтъ Іосифа на проектъ Екатеринѣ, часть котораго впервые была напечатана у *Германна* (VI, 464 sq.), помѣщенъ у *Арнета* (*Joseph II und Katharina*, 169—176).—Ср. *Соловьева*: Исторія паденія Польши, 165—166.—*Joseph II und Katharina*, 159, 164, 169.—*Joseph II und Leopold II*, I, 140.

дѣлѣхъ магометанскаго наслѣдія. Леопольдъ ненавидѣлъ Россію больше всѣхъ другихъ государствъ, какъ тирана Европы. Ему казалось, что коварная царица уже «повелѣваетъ» Австріи и даже Англіи, и эти страны погибаютъ, обращаются въ такіе второстепенныя державы, какъ Данія и Швеція. Леопольдъ не нѣлъ значеніе греческаго проекта съ истинно-австрійскою нѣ арбія и поѣтому назвалъ его «легкомысленнымъ», а Екатерину, «опьянѣлой женщиной, ослѣпленной своими мечтами, тщеславіемъ, самолюбіемъ, исполненной коварства, увертливости и утонченнаго лукавства» ¹⁾.

Такъ начался 1783 годъ, ознаменованный присоединеніемъ Крыма. Исторія восточнаго вопроса въ этомъ году ясно раздѣляется на двѣ части—до примиренія Англіи съ Франціей, и послѣ него.

Екатерина сама сочла бы греческій проектъ химерой, если не рассчитывала справедливо на войну между морскими державами, такъ какъ Фридриха нечего было опасаться, а Иосифъ былъ у нея въ рукахъ. Оттого-то она спѣшила и заранѣе приняла дальнѣйшія мѣры на случай принятія Портой ея ультиматума. Вотъ почему, какъ только султанъ дѣйствительно согласился на всѣ требованія Екатерины, она сама тотчасъ же отказалась отъ нихъ ²⁾ и издала указъ о присоединеніи Крыма, а затѣмъ и Грузіи. Но почти въ тотъ же день, когда состоялось это знаменитое распоряженіе, Екатерина написала Иосифу, въ вслѣдствіе измѣнившагося «общаго положенія европейскихъ дѣлъ», она сокращаетъ свой завѣтный планъ ³⁾.

Хотя греческій проектъ не осуществился, тѣмъ не менѣе Екатерина сильно подвинула его впередъ и, ловко воспользовавшись положеніемъ дѣлъ въ Европѣ, извлекла самую значительную выгоду изъ союза 1781 года. Ея дипломатическая работа была тѣмъ болѣе блестяща, что въ то время, какъ Россія угрожала, ея естественные враги, Австрія и Пруссія, не сдѣлали шагу впередъ.

Иосифъ во все это время игралъ жалкую роль. Здѣсь, какъ и всегда въ иностранной политикѣ, онъ выказалъ горячность

¹⁾ *Joseph II und Leopold II*, I, 142—145, 152, 158.

²⁾ Любопытно, какъ Екатерина маскировала мотивы этого страннаго востановленія. *Joseph II und Katharina*, 192, 196.—*Görz*, I, 215 вѣ.

³⁾ *Joseph II und Katharina*, 197.—По словамъ англійскаго посланника въ Петербургъ тогда вошедшаго служъ, будто императорскіе дворы надѣлились одно время исполнить свой турецкій планъ даже послѣ Версальскаго мира, «схватившись за старую идею—предложить Франціи Египетъ». *Rammer*, V, 572.

поспѣшность въ замыслахъ, вялость и нерѣшительность въ исполненіи. Сначала, какъ мы видѣли, онъ обнаружилъ необыкновенную воинственность и энергію, старался разыграть роль Екатерины, хотя не всегда даже понималъ ея письма ¹⁾. И только опытному Кауницю, запугавшему его подобнымъ же корыстолюбіемъ царицы, удалось отвлечь его отъ намѣренія немедленно приобрести часть Турціи ²⁾. Но вслѣдъ затѣмъ, Іосифъ палъ духомъ, началъ страшиться всего—не только Екатерины и ужаснаго Фрица, но даже разомъ и Англіи, и Франціи. Вдругъ его главнымъ желаніемъ стало всячески избѣгнуть войны. Оттого-то Іосифъ обратился въ покорное орудіе Екатерины, не дѣлалъ безъ нея шагу въ иностранной политикѣ, лѣстилъ ей больше прежняго и даже приказывалъ своему брату, Леопольду, жечь его письма, въ которыхъ порой прорывалось жестокое слово объ этомъ тиранѣ, а не союзникѣ ³⁾. И его постоянныя, но весьма деликатныя напоминанія о выгодахъ Австріи походили скорѣе на просительныя письма, чѣмъ на требованія равноправнаго союзника. Екатерина же не обращала вниманія на вѣнскій кабинетъ и даже во всемъ противорѣчила ему. Она наотрѣвъ отказывала Іосифу относительно венеціанскихъ владѣній и намекала, что «не слѣдуетъ слишкомъ стѣснять» будущую греческую имперію ⁴⁾. Лишь изрѣдка, именно когда потребовалось прямое содѣйствіе Австріи въ присоединеніи Крыма, Екатерина вскользь замѣтила о «собираніи былаго наслѣдія Габсбурговъ» и о своей готовности помочь возвеличенію Австріи, согласно съ договоромъ 1781 года ⁵⁾.

¹⁾ Іосифъ самъ сознался, что не понялъ письма Екатерины, бывшаго прелюдіей къ присоединенію Крыма. *Beer*, 188.

²⁾ *Beer*, 127—129, XIX—XX. При этомъ Кауницъ, доказывая, что Екатерина пожелаетъ подражать Іосифу въ расширеніи своихъ границъ, выразился такъ: „Diese Fürsorge scheint in Aussehung einer Frau nicht ganz leer zu sein, deren Ruhm und Convenienzbegierde fast grenzenlos ist.“—*Baumer* V, 576.

³⁾ *Joseph II und Katharina*, 189—191, 206, XXI.—*Joseph II und Leopold II*, I, 153.

⁴⁾ *Joseph II und Katharina*, 182—188, XXIII.

⁵⁾ *Joseph II und Katharina*, 198—201, 205 sq.—*Baumer* V, 552, 554. — Въ іюлѣ 1783 Голицынъ получилъ рескриптъ, по поводу „содѣйствія Іосифа въ присоединеніи Крыма“. Онъ долженъ былъ заявить императору отъ имени Екатерины: „Мы не отречемся исполнить принятія нами обязательства въ разсужденіи сего государя въ полной мѣрѣ при настоящемъ случаѣ; тутъ весьма разумѣемъ мы и Францію и короля прусскаго, если бы кто изъ нихъ атаковалъ Австрійскія земли; при всякой войнѣ будемъ мы усердно стараться о доставленіи императору соразмѣрныхъ нашихъ нѣгодъ сколько по словамъ и разуму существующихъ между нами договоровъ, столько же и ихъ признанія за его намъ нѣмъ обѣщанное и дѣйствительно уже начатое

Когда Крымъ былъ взятъ, Иосифъ, вмѣсто того, чтобы или протестовать, или серьезно потребовать себѣ вознагражденія, сталъ еще болѣе остороженъ. Онъ даже обмѣлился ролями съ Кауницемъ. Старый канцлеръ требовалъ немедленно ударить на турокъ, предупреждая неизбежную войну ихъ съ Россіей, и взять все, что утрачено по бѣградскому миру ¹⁾. Но императоръ сталъ на выжиданіе еще какой-то удобной минуты, и съ трудомъ удержалъ Кауница отъ его «глупости» ²⁾. Кончилось тѣмъ, что вѣнскій кабинетъ поздравлялъ Екатерину съ приобрѣтеніемъ Крыма, а Кауницъ принужденъ былъ льстить ей, какъ никогда, для чего онъ воспользовался проѣздомъ С. М. Воронцова черезъ Вѣну въ Венецію ³⁾.

Прошло два съ половиною года послѣ заключенія союза 1781 года, а Австрія не достигла ничего, кромѣ несприятностей. Постоянная тревога и издержки на военныя приготовленія, охлажденіе Франціи, страхъ, что старый Фрицъ не сегодня-завтра явится въ Богемію, чтобы наказать Вѣну за дружбу съ Петербургомъ, наконецъ, возникавшее по временамъ сознаніе, что Австрія играетъ роль орудія Россіи — вотъ что приобрѣлъ Иосифъ отъ этого союза. Правда, у него оставалась еще надежда на вознагражденіе, но она была отравлена необходимостью замскивать у петербургскаго тирана, опасаться отказа, — словомъ, чувствовать, что и здѣсь все зависить отъ коварной союзницы ⁴⁾. Вскорѣ и эта надежда исчезла, и именно въ ту минуту, когда, казалось, она была ближе всего къ осуществленію. Когда приходило къ концу крымское дѣло, Екатерина, съ радости, стала писать Иосифу съ необычайной любезностью: казалось, у нея только и было заботы, что о томъ, какъ бы лучше расквитаться со своимъ вѣрнымъ союзникомъ.

пособіе; на случай открытія у насъ съ Портой войны и на всякій другой подобной охотно представляемъ мы готовность нашу войти съ его величествомъ императоромъ въ ближайшее и точное опредѣленіе, какъ пропорціональныхъ на обѣ стороны приобрѣтеній, такъ и запасныхъ операціонныхъ плановъ».

¹⁾ Кауницъ даже приготовилъ депешу въ этомъ смыслѣ и объяснительную записку. *Beer*, XI sq.

²⁾ См. весьма важныя письма Иосифа къ Леопольду, отъ 10 августа 1783 г. (*Joseph II und Leopold*, I, 165), и къ Кауницу, отъ 19 мая (*Beer*, 181 sq.), а также отвѣтъ Леопольда Иосифу (*Joseph II und Leopold*, I, 167 sq.).

³⁾ Голицынъ переслалъ въ Петербургъ, 9/30 сентября 1783 года, любопытный «Перечень разговора графа Воронцова съ княземъ Кауницомъ». — *Joseph II und Katharina*, 202, 219.

⁴⁾ Весьма любопытны въ этомъ отношеніи подобныя выраженія Иосифа: „J'ai grand soin de garpeler souvent à son (Екатерины) souvenir" etc. *Joseph II und Leopold*, I, 204.

Даме такой подозрительный и равнодушный человекъ, какъ Леопольдъ, вообразилъ, будто теперь можно было «довести царицу до того, чтобы она сама предложила то, чего желаютъ отъ нея» ¹⁾. Иосифъ снова выдвинулъ свой планъ вознагражденія на счетъ Турціи ²⁾. Но Екатерина показывала видъ, что не понимаетъ, въ чемъ дѣло. Между тѣмъ, ея агентъ въ Константинополь вовсе не по-дружески поступалъ съ австрійскимъ дипломатомъ, и когда Кауницъ пожаловался на это Остерману, послѣдній отвѣчалъ, что его государыня рада бы помочь австрійцамъ, да не знаетъ, чего они добиваются. Иосифъ принужденъ былъ самъ высказаться. Онъ уже понималъ, что его дѣло проиграно и что недаромъ онъ съ самаго начала называлъ его «самою мимолетною идеей», чувствуя поведеніе Екатерины ³⁾. Въ общихъ чертахъ, и какъ-бы мимоходомъ, заговорилъ императоръ объ исправленіи своихъ владѣній на югѣ, чтобы «съ обѣихъ сторонъ привести границы въ безопасное отъ разбойниковъ состояніе», причемъ самъ сознавался Кауницъ, что вовсе не надѣется на успѣхъ. Конечно, Порта отказала, посуливъ ему лишь нѣсколько пустырей. И тщетно жаловался Иосифъ Екатеринѣ, что турки затягиваютъ вопросъ о границахъ. Русскій агентъ въ Константинополь, вѣроятно, опять не понималъ, что нужно австрійцамъ, хотя онъ же быстро и энергично выхлопоталъ Иосифу у Порты выгодный коммерческій трактатъ, потому что ему приказано было для этого «употребить до конца всевозможные способы». Австрійцы потребовали этого трактата, чтобы сказать, что получили хоть какое-нибудь «вознагражденіе». И онъ былъ не болѣе, какъ копіей съ подобнаго же договора, уже вынужденнаго Екатериной у Порты, передъ присоединеніемъ Крыма, такъ сказать, мимоходомъ ⁴⁾. Иосифу оставалось только возлагать смутныя надежды на будущее. «Императоръ—возвѣстилъ тогда Кауницъ англійскому посланнику—неохотно откладываетъ свои великіе планы насчетъ пріобрѣтеній въ Турціи до смерти прусскаго короля, или же до

¹⁾ *Joseph II und Katharina*, 213—221. *Joseph II und Leopold*, I, 204.

²⁾ Иосифъ хотѣлъ пріобрѣсти оба берега Савы, округъ Уинн и австрійскую Валахию, а турки должны были срыть крѣпости Вѣйградъ и Орсову. *Beer*, 135—137.

³⁾ „Je ne vous donne ceci, que comme une idée très-passagère“, писалъ Иосифъ Кауницъ 5-го іюля 1783 года. *Beer*, 137.

⁴⁾ *Рескриптъ Булакову*, 26 февраля 1784. — *Голлицъ Екатеринѣ*, 31 іюля (11 августа) 1784. — *Beer*, 166. — *Joseph II und Katharina*, 232. — Торговый трактатъ 1783 года между Россіей и Турціей одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ этомъ родѣ. Булгаковъ сказалъ о немъ Штапельбергу: „онъ похожъ скорѣе на торговый кодексъ, издаваемый государемъ въ собственныхъ владѣніяхъ, чѣмъ на договоръ между двумя независимыми державами“. *Görts*, I, 223.

тѣхъ поръ, пока положеніе Европы не представитъ болѣе благопріятнаго случая ¹⁾).

Немногимъ лучше была роль Фридриха въ эпоху присоединенія Крыма. Тогда-то прусскій герой представлялъ тотъ печальный видъ, который мы обрисовали выше (глава I). Тогда-то, сбитый съ толку Екатериной, онъ спрашивалъ Гёрца въ смущеніи: «что, я въ союзъ съ Россіей, или нѣтъ?» ²⁾. Никогда еще его политическое положеніе не было такъ безотраднo. «Пруссскій король—мѣтко писалъ тогда Румянцовъ Екатеринѣ—весьма недоволенъ своимъ положеніемъ. Сближеніе двухъ императорскихъ дворовъ почитаетъ онъ для себя опаснымъ, и готовъ бы былъ съ Россіею союзъ прервать, но нигдѣ таковой потерѣ замѣны не находить. Въ Англіи склонности не видить, а съ Франціею тѣснаго сближенія опасается, почитая сію державу совсѣмъ разстроенною въ казенной ея части, разсуждая притомъ, что не можно ему на твердый союзъ надѣяться съ государствомъ, въ которомъ австрійскаго дома королева большую инфлюенцію имѣетъ, гдѣ министерство часто перемѣняется, и что таковой союзъ вреденъ; наконецъ, и потому, что, по истеченіи недолгаго отдохновенія, Англія, конечно, Франціи войну объявитъ для возвращенія потерянной славы и мощи. Остаются сѣверныя державы, но сдѣланныя о томъ слѣгка попытки были безъ успѣха, и король увѣдомленъ, что будто бы при свиданіи вашего императорскаго величества съ королемъ шведскимъ, говорено было о фамиліонномъ въ сѣверѣ трактатѣ, опасается, сказываютъ мнѣ, чтобъ таковое намѣреніе, исполнясь, не прибавило вѣсу въ пользу двухъ императорскихъ дворовъ». Фридрихъ рѣшился «остаться при собственной своей силѣ, умножая свои войска весной на 30 тысячъ». Онъ рѣшился «ждать, удовольствуясь заявленіемъ Испаніи и надѣясь на Сардинію, Венецію и часть самыхъ мощныхъ въ Германіи владѣтелей, что они пристанутъ къ войнѣ при нарушеніи равновѣсія» ³⁾.

И никогда еще старый Фрицъ не былъ такъ малодушенъ и непроницателенъ. Хотя именно тогда смутно чуялось ему приближеніе грозы съ востока, однако, совершенно спутанный Екатериной, онъ не понималъ новой поры въ развитіи восточнаго вопроса. Уже восемь мѣсяцевъ существовалъ союзъ 1781 года,

¹⁾ *Rauter*, V, 571.

²⁾ Любопытенъ и отвѣтъ Гёрца: „да, все еще продолжаютъ увѣрять въ этомъ“. *Görts*, I, 257.

³⁾ *Румянцовъ Екатеринѣ*, 12/12 декабря 1788 года.

а Фридрихъ воображалъ, что Екатерина занята планомъ примиренія Австріи съ Пруссіей и восклицалъ: «Чего, кромѣ химеръ и невозможныхъ предложеній, ожидать отъ головы фантастической женщины!» Не то ему казалось, что онъ борется съ Иосифомъ изъ-за сочувствія Россіи, и онъ восклицалъ самодовольно: «посмотримъ, кто изъ насъ побѣдитъ!» Фридрихъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы возобновить союзъ съ Россіей и доказывалъ Екатеринѣ, что никогда Австрія не будетъ такою «зависимой отъ нея» союзницей, какъ Пруссія. Онъ старался быть любезнымъ съ царицей, насколько позволяли ему это его мрачный характеръ и потсдамскіе нравы. Онъ за все благодарилъ и хвалилъ свою старую союзницу—и за вооруженный нейтралитетъ, и за посредничество въ англо-голландской войнѣ, такъ что Долгорукому показалось даже, будто онъ «мало доброхотствуетъ» Лондону ¹⁾. Мало того, Фридрихъ выразилъ радость по поводу приступленія Иосифа къ вооруженному нейтралитету, причемъ въ сотый разъ распространился о своей «ненарушимой дружбѣ» къ императрицѣ, которую онъ доказывалъ также подарками русскимъ министрамъ. Вскорѣ Фридрихъ и самъ приступилъ къ вооруженному нейтралитету, именно съ тою цѣлью, чтобы скрѣпить свои слабыя связи съ Россіей ²⁾. А между тѣмъ союзъ 1781 г. былъ такъ искусно проведенъ у него за спиной, что онъ узналъ о немъ позже нѣкоторыхъ другихъ державъ и лишь два года спустя. И Остерманъ, распространяясь объ «искренности и прямотѣ своей государыни относительно своихъ союзниковъ», даже не вступилъ въ объясненіе этой скрытности ³⁾. Герцбергъ три раза прочелъ де-

¹⁾ Долгорукій доносилъ Екатеринѣ, 2/14 апрѣля 1781 г., что Финкенштейнъ, весьма одобряя ея посредничество въ Лондонѣ въ пользу Голландіи, замѣтилъ: „любопытнѣе англійскаго двора довольно доказано“. Долгорукій прибавляетъ: „сіе графа Финкенштейна примѣчаніе происходитъ отъ того, что здѣшній дворъ съ англійскимъ не въ большомъ согласіи и оному мало доброхотствуетъ“.—*Raumer*, V, 500.

²⁾ Въ ноябрѣ 1781 года Долгорукій доносилъ Екатеринѣ, что, при извѣстіи о приступленіи Иосифа къ вооруженному нейтралитету, Фридрихъ выразился, что „дружба ея величества всегда будетъ ему ласкательна и драгоцѣнна, и что онъ всячески старается не оставить оную свято наблюдать“, и что его привязанность и дружба не только искренни, но и ненарушими вѣчно будутъ“.—*Görts*, I, 265.

³⁾ 14-го іюня 1783 года Остерманъ послалъ Долгорукому депешу, извѣщающую берлинскій дворъ о союзѣ 1781 года. Онъ объяснялъ, что свиданіе Екатерины съ Иосифомъ, а потомъ существенная помощь, оказанная послѣднимъ въ крымскомъ дѣлѣ, возбудили у этихъ монарховъ желаніе „de renouveler l'ancien traité d'alliance qui unissait autrefois les deux Empires, et ce desir leurs Majestés Impériales l'ont réaliisé au moyen d'une correspondance immédiate entre Elles“. Остерманъ просилъ поскорѣ увѣдомить его, какъ будетъ принято это извѣщеніе, и доказывать, что новый союзъ отнюдь не послужитъ къ ущербу старому союзу съ Пруссіей и Даніей.—*Лю-*

пену о союзѣ 1781 года, и вскипѣлъ. Онъ наговорилъ много рѣзкаго насчетъ завоевательныхъ стремленій императора и даже воскликнулъ въ запальчивости, что подобный союзъ можетъ вызвать Семилѣтнюю войну. Но тутъ онъ вспомнилъ своего короля—и попросилъ Долгорукаго не доносить въ Петербургъ объ этой выходкѣ ¹⁾. Фридрихъ ограничился тѣмъ, что нѣсколько разъ спрашивалъ официально, не есть ли это возобновленіе враждебнаго Пруссіи договора 1746 года? Онъ успокоился, когда Екатерина разсѣяла его сомнѣнія и напомнила, что она уже достаточно доказала ему свою дружбу во время баварской войны и тешенскаго мира ²⁾.

По заключеніи союза 1781 года, поведеніе Екатерины относительно Фридриха было также болѣе, чѣмъ недружественно.

богатин приведенные у Раумера (V, 541—6) факты, доказывающіе, какъ долго обмывались насчетъ союза 1781 года прусскій и англійскій посланники въ Петербургѣ.

¹⁾ *Шифрованная депеша Долгорукаго Остерману*, отъ 27 іюня (8 іюля) 1783 г. Долгорукій говоритъ, что Герцбергъ, самъ трижды прочитавъ извѣщеніе о союзѣ 1781 года, сказалъ, „какъ другъ“, „que l'article, par lequel les deux Puissances contractantes se garantissaient les possessions respectives, pourrait être de grande consequence, l'ambition de l'Empereur étant connue et que le Roi son maître, qui mettait tant de confiance dans l'amitié de l'Impératrice, pourrait être deçu dans ses espérances de contenir la maison d'Autriche dans ses justes bornes“. Затѣмъ Долгорукій прибавляетъ: „Ce ministre d'Etat est fort vif, ce qui l'empêche de voir toujours les choses du vrai côté, alors il est moins réservé qu'il ne faut, il alla même jusqu'à dire, qu'une pareille alliance pourrait avoir des suites, comme celle qui a entraîné la dernière guerre de sept ans“. Долгорукій подхватилъ эти слова и сказалъ, что тутъ нѣтъ сравненія, что его король долженъ взглянуть на дѣло иначе и отдалъ болѣе справедливости Екатерину, 21 годъ царствованія коей былъ „un sûr garant de sa fidélité à ses engagements“.

²⁾ Изъ *Перечней конференціальныхъ записокъ*, веденныхъ въ Петербургѣ, отъ 12 и 19 іюля, видно, что Фридрихъ нѣсколько разъ спрашивалъ нашъ дворъ, не означаетъ ли союзъ 1781 года возобновленія трактата 1746 года, „въ которомъ былъ артикулъ прямо противу его прусскаго величества“. Остерманъ сначала пообещалъ спросить свою государыню, и заранѣе отвѣчалъ отъ себя, что вообще „новый союзъ, лишь охраняющій границы, есть самый безвинный, заключенный на томъ же самомъ основаніи, на каковомъ состоятъ ея императорскаго величества обязательства съ его прусскимъ величествомъ“. Потомъ онъ передалъ Гёру отвѣтъ самой Екатерины: „О прежнихъ трактатахъ съ Австріей не можетъ быть и рѣчи... Конечно, не со стороны государыни императрицы послѣдуетъ какое-либо въ дружбѣ съ его прусскимъ величествомъ ослабленіе. Всѣ ея величества дѣянія довольно доказываютъ, сколь сито наблюдала и наблюдаетъ она обязательства и долговѣрной, и искренней союзницы: чему яснымъ примѣромъ, кромѣ другихъ опытовъ, служила война за баварское наследство и миръ тешенскій“. Гёрцъ отвѣчалъ, что Фридрихъ не сомнѣвается въ дружбѣ Екатерины; „но какъ извѣстно ему недоброхотство двора вѣнскаго, то и опасался онъ, чтобы сей дворъ между возобновленными обязательствами не почиталъ возобновленнымъ и трактатъ 1746 года“.

Отвѣчая на воѣ его любезности официальными заявленіями пріязни, она равновѣсила воѣ его усилія возобновить союзъ холоднымъ молчаніемъ. При случаѣ же, она старалась или вредить ему, или давать чувствовать свое значеніе. Одно изъ печальныхъ послѣдствій раздѣла Польши, данцигскій вопросъ служилъ ей тутъ постояннымъ орудіемъ. Знаменитый по своей торговлѣ и богатству, Данцигъ владѣлъ устьями Вислы. Фридриху съ самаго начала очень хотѣлось приобрести этотъ портъ; но Екатерина отстояла и обезпечила его независимость въ 1772 году. Однако, Фридрихъ рѣшился во что бы то ни стало исполнить свой замыселъ. Онъ началъ поступать съ Данцигомъ жестоко и съ вопіющею несправедливостію, не щадя даже ни частной собственности его жителей, ни интересовъ самой прусской торговли ¹⁾. Весной 1783 года онъ дошелъ до того, что объявилъ себя же обиженнымъ и, не обращая вниманія ни на поручительство Россіи, ни на международные обычаи, занялъ оспариваемую область своими войсками. Тогда данцигскій вопросъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе, сталъ европейскимъ. Повсюду заговорили о немъ, потому что съ нимъ была связана торговля главныхъ державъ; къ тому же, онъ оживилъ воспоминанія о Фрицѣ-завоевателѣ. Екатерина съ самаго начала постоянно дѣлала внушенія Фридриху, указывая на массу жалобъ, которыми заваливали ее данцигцы. Теперь же она съ радостію вступилась серьезно въ дѣло, которое принимало европейскій характеръ: она явилась тутъ защитницей тѣхъ самыхъ гуманныхъ началъ, которыя уже снижали ей громкую и чистую славу основательницы вооруженнаго нейтралитета. Сверхъ того, императрица понимала своихъ нѣмецкихъ друзей настолько, чтобы предвидѣть, что Фридрихъ не подниметъ войны изъ-за такого мелкаго вопроса, а Іосифъ вмѣшается въ дѣло не только какъ ея союзникъ, но и какъ ея соперникъ по честолюбію. Къ тому же, именно тогда умеръ Никита Ивановичъ Панинъ, старавшійся сглаживать недоразумѣнія между Петербургомъ и Потсдамомъ и смягчать рѣзкія выходки по поводу Данцига, которыя позволяла себѣ Екатерина, требуя передать ихъ Гѣрцу. Въ концѣ 1783 года Россія официально вступилась за Данцигъ и строго потребовала снятія съ него блокады ²⁾. Фридрихъ съ мѣсяцъ оправдывался, обвинялъ данциг-

¹⁾ Собственные агенты и почитатели Фридриха, Гѣрцъ (I, 236 — 239) и Домъ (II, 84 вѣд.), черезъ руки которыхъ проходили всѣ бумаги по этому дѣлу, строго порицаютъ поступки своего короля съ Данцигомъ.

²⁾ *Долгорукій Екатерина* 18/23 ноября 1783 года. Долгорукій заявилъ Финкенштейну, что Екатерина видѣла бы доказательство дружбы Фридриха къ себѣ, „если

цевъ и даже приписывагь ихъ упорство заступничеству Россіи¹⁾, но, наконецъ, долженъ былъ смириться, тѣмъ болѣе, что Польша и Франція присоединились къ протесту петербургскаго двора. Посылая ему благодарность за снятіе блокады, Екатерина соѣтовала встать отпустить тѣ данцигскія суда, которыя онъ задержалъ, «вѣроятно, по забывчивости»²⁾. Иосифъ точно также оправдалъ надежды Екатерины, какъ и Фридрихъ. По своему обыквенію, онъ, съ одной стороны, воспламенился желаніемъ участвовать въ европейской и гуманной роли, съ другой—опоздалъ. Когда данцигскій вопросъ былъ уже поконченъ, онъ предложилъ Екатеринѣ примѣнить къ Вислѣ «справедливыя начала свободной торговли», т.-е. заставить Фридриха признать здѣсь за русскими и австрійскими купцами такія же права, какими пользовались пруссаки. Но Екатерина, вообще не желавшая запутываться въ мелкихъ вопросахъ, которые отвлекли бы ее отъ главной задачи, отвѣчала отказомъ. Она искусно доказала Иосифу, что въ этомъ случаѣ начала полной свободы торговли были бы выгодны Пруссіи и вредны Россіи и Австріи³⁾.

До такой степени контролируемый и павшій нравственно, Фридрихъ могъ ли серьезно помѣшатель главной задачѣ Россіи того времени? Онъ не только самъ не участвовалъ въ развитіи восточнаго вопроса, но и парализовалъ дѣйствія Франціи—единственной державы, которая горячо приняла бы къ сердцу плачевное положеніе Турціи. Вѣбовныя преданія, политическіе и торговые интересы, даже личные мотивы—все побуждало версальскій кабинетъ дорожить благоденствіемъ Порты и особенно ревниво слѣдить за каждымъ движеніемъ екатерининской Россіи.

бы онъ благоволилъ остановить на время употребленія или мѣры строгости противъ Данцига, кои по себѣ начинаютъ уже тревожить другіе купеческіе народы».

¹⁾ Долгорукій доносилъ Остерману, отъ 25 ноября (6 декабря) 1783 года, что берлинское министерство, между прочимъ, отвѣчало ему на ноту о Данцигѣ: „l'obstination de la ville de Dantzic déjà assez enflée par l'espoir de cette médiation n'en deviendrait que plus forte, quand elle se verroit délivrée de toute repressaille“. Въ денешѣ отъ 26 октября (8 ноября) Долгорукій рассказываетъ о польской и французской нотахъ. Финкенштейнъ сказалъ, между прочимъ, польскому посланнику: „Les choses étoient si avancées que Sa Majesté ne pouvoit plus reculer sans jeter aux yeux de l'Europe entière un ridicule sur sa conduite“.

²⁾ 26 января 1784 года *Остерманъ Долгорукому*. Извѣстіе о снятіи блокады съ Данцига безмѣрно обрадовало Екатерину: „d'autant plus que S. M. n'a pu envisager cet événement que comme une suite de l'amitié constante du Roi pour Elle“.

³⁾ *Joseph II und Katharina*, 223, 227 sq. — Иосифъ называлъ Екатерину тогда „полною непримѣнимыхъ коммерческихъ идей“. *Beer*, 179.

Еслибы не американская война, съ ея тяжелыми послѣдствіями, Франція, конечно, не допустила бы описанной нами постановки восточнаго вопроса: она отважилась бы на все. Въ инструкціи министра Людовика XVI, Вержена, французскому посланнику въ Петербургѣ, Сегюру, прямо было заявлено, что пока жива Екатерина, не быть пріязни между Россіей и Франціей ¹⁾. Вержень доказывалъ, что Крымъ—лишь первая станція русскихъ на пути къ Босфору, и поэтому должно отстоять его, а въ крайнемъ случаѣ хотя не допускать русскаго военнаго флота въ Черномъ морѣ. Онъ старался устроить, съ этой цѣлью, союзъ съ Пруссіей и вовлечь въ него даже Австрію, чтобы эти три державы обезпечили Порту отъ дальнѣйшихъ захватовъ со стороны сѣвернаго колосса. Вержень доходилъ до того, что готовъ былъ уступить за это Іосифу одну или двѣ турецкія провинціи, только съ условіемъ, чтобы Франція и Пруссія получили соотвѣтственное вознагражденіе:—первая въ австрійскихъ Нидерландахъ, вторая въ Польшѣ. Если же вѣнскій и петербургскій дворы рѣшились непремѣнно уничтожить Порту, то,—внушалъ Вержень Фридриху,—Версалю и Берлину не оставалось ничего больше, какъ соединить свое оружіе и выступить со всѣми своими силами ²⁾.

Въ эту минуту все зависѣло отъ Фридриха—и онъ отвергъ предложеніе Вержена, согласившись только помогать подземнымъ интригамъ Франціи въ Константинополѣ, да и то съ соблюденіемъ глубочайшей тайны. Но Вержень не могъ успокоиться и послѣ такого отвѣта берлинскаго кабинета. Когда присоединеніе Крыма было уже очевидно, онъ объявилъ, что «французскій народъ пожертвуетъ всѣми своими силами», чтобы не допустить поступка, который французскій посланникъ въ Константинополѣ называетъ «неслыханнымъ примѣромъ двуличности, дерзости и безстыдства» ³⁾. Онъ послалъ грозныя депеши въ Петербургъ и Вѣну съ предложеніемъ своего посредничества въ Портѣ. Екатерина гордо отклонила посредничество «въ дѣлѣ, которое никого не касается, кромѣ нея и ея имперіи», и замѣтила, что лучший совѣтъ, каковой можно было тогда дать туркамъ, это—«чтобы они сохраняли спокойствіе». Въ то же время она извѣстила Фридриха, что «если версальскій дворъ послѣ того, какъ Россія не воспрепятствовала ему лишить Англію колоній, взду-

¹⁾ *Ségur*, II, 261—265.

²⁾ Этотъ планъ изложенъ въ любопытной запискѣ, поданной Верженомъ своему посландру и напечатанной въ VII томѣ *Флассана* (*Histoire de la diplomatie française*); cf. *Dohm*, II, 31—36.—*Raumer*, V, 574—8.

³⁾ *Raumer*, V, 574, 8.

имаетъ возражать противъ того, что дѣлаетъ она теперь, то ему будетъ худо». Вѣнскій дворъ оскорбился предложеніемъ Вержена, и крайнее раздраженіе выразилось въ письмѣ Иосифа къ его сестрѣ, Маріи-Антуанеттѣ, а также въ депешѣ Кауница къ французскому министру. Императоръ угрожалъ Версали готовыми къ бою войсками Австріи и Россіи, а его канцлеръ требовалъ отъ Франціи и ея друзей «оставаться спокойными, если они хотятъ, чтобы Порта избѣжала еще большаго несчастія, угрожающаго ей» ¹⁾. Въ то же время въ Версалѣ узнали, что Англія радостно предложила Екатеринѣ послать внушеніе Портѣ, чтобы она не противилась присоединенію Крыма, и Фоксъ заявилъ положительное желаніе вступить въ союзъ съ Россіей ²⁾.

Но не Англія, а Фридрихъ былъ главной причиной неудачи Франціи. Когда Екатерина извѣстила его о своемъ рѣшеніи присоединить Крымъ, будто бы «полезномъ и для союзниковъ Россіи, къ которымъ она всегда причисляла его», онъ выразилъ свою радость: его удивляла только Порта, «которая была, казалось, такъ уступчива относительно Россіи» ³⁾. И прусскіе дипломаты

¹⁾ *Dohm*, II, 37—45. *Görz*, I, 219—222. *Beer*, 134, 142. *Joseph II und Leopold*, I, 172. *Marie-Antoinette, Joseph II und Leopold II, ihr Briefwechsel* hrsg. v. *Arneth*, 1866, 33. *Голицынъ Остерману*, ²/₁₄ окт. 1783 г.: Кауницъ писалъ, что на дерзкое предложеніе Версали послалъ отвѣтъ, «составленный такимъ образомъ, что графъ Верженъ не похочетъ впредь адресоваться къ здѣшнему двору съ подобными представленіями». Далѣе онъ сказалъ, «съ досадою и немалыми огорченіемъ, что сіе французскаго двора представленіе содержитъ въ себѣ неумѣренные выраженія, и что, подражая слогу онаго, и со здѣшней стороны взаимнымъ образомъ сочиненъ отвѣтъ безъ всякаго снисхожденія;—что версальское министерство при началѣ всякаго дѣла оказываетъ происходящія отъ излишняго самолюбія ужимы и неограниченное умятованіе, и что оно тѣмъ самымъ заслуживаетъ, дабы въ подобномъ случаѣ приведено было въ предѣлы умиренности безъ малѣйшей ему уступки;—что здѣшній отвѣтъ произвелъ въ графѣ Верженѣ такое дѣйствіе, какого онъ (Кауницъ) желалъ, ибо тотъ, читая эту пьесу, чувствительно тронуть былъ, такъ что отъ того являлась въ лицѣ его переменѣ, а по прочтеніи ея только промолвилъ, что она болѣе никакого со стороны двора не требуетъ супротивнаго изъясненія, и хотѣлъ превзвѣчайно учтивымъ образомъ говорить съ графомъ Мерси (австрійскимъ посломъ въ Парижѣ) о другихъ матеріяхъ».

²⁾ *Остерманъ Голицыну*, 11 октября 1783 года, прибавилъ мифрами: «открыто единственно для вашихъ свѣдѣній, что г. Фоксъ продолжительно изъявляетъ желаніе двора его принять здѣшнюю систему и узнать расположеніе къ Англіи двора испанскаго, о которомъ оказываетъ сомнѣніе свое по причинѣ связи его съ Франціей».

³⁾ *Остерманъ Долгорукому*, 8-го мая 1783 г.: вслѣдствіе присоединенія Крыма «Россіи гораздо больше свободы быть союзникамъ своимъ болѣе полезной въ ихъ дѣлахъ, а меньшее тягостною въ собственныхъ своихъ». Гёрцъ, запявъ радость Фридриха, замѣтилъ, что его не удивляютъ издержки Екатерины по этому дѣлу, «ибо отъ прусскаго короля на баварское дѣло, отъ котораго собственно не имѣетъ никакой пользы, издержано до 17-ти милліоновъ ефимковъ».

рались увѣрить самихъ себя въ полезности для нихъ присоединенія Крыма ¹⁾, тогда какъ самъ Фридрихъ сознавался, что ичалъ тогда только изъ страха и желая спасти Турцію еще худшей участи, уже приготовленной ей Екатериной ²⁾. За- сь, прусскій король отвѣчалъ Вержену на союзныя предло- ния: «я готовъ дѣлать съ Франціей все, что только пріятно ей главной и первой союзницѣ, русской императрицѣ» ³⁾.

Такъ крымскій вопросъ былъ рѣшенъ, и въ концѣ 1783 г. анцузскій же курьеръ проѣхалъ черезъ Вѣну въ Константи- юль, «съ добрыми услужностями нашему двору», по словамъ иппа. За нимъ послѣдовалъ англійскій курьеръ. Со всѣхъ роу стекались внушенія Портъ оставаться спокойною, въ виду соединенія Крыма къ Россіи.

VII.

Голландія и «обмѣнъ земель».

протвореніе Европы.—Опасные замыслы Іосифа.—Политическое положеніе лавдіи.—„Барьеръ-трактатъ“ и его уничтоженіе.—„Хлѣбныя грамоты“.— сауское дѣло.—Мелкія злоупотребленія Іосифа въ Германіи.—Значеніе Ни- лавдовъ для Габсбурговъ.—Планъ обмѣна земель.—Объявленіе его въ Пе- бургъ.—Екатерина о тогдашней политической системѣ Европы.—Взглядъ атерины на обмѣнъ земель.—Ложныя отношенія Екатерины къ нѣмецкой имперіи.—Незаконность плана Іосифа.

Къ началу 1784 года Европа, повидимому, могла вдох- зь свободно. Упорная война между морскими державами окон- ась, и хорошимъ результатомъ для всеобщаго прогресса, обѣ- вшимъ прочный миръ: великобританскія колоніи въ Америкѣ обрѣли независимость. Даже печальный отголосокъ кроваваго ерничества за господство на морѣ—война Англіи съ Голлан- і прекратилась, такъ какъ враги уже договорились въ главномъ. водахъ развѣвался нейтральный флагъ, какъ символъ ихъ уни- воренія и господства новыхъ, гуманныхъ началъ въ между- юдномъ правѣ. На континентѣ также, казалось, водворялся

) См. любопытныя соображенія Фридриха въ депешѣ Герцберга Гёрцу, отъ 28-го бря 1782 года. *Görts*, I, 211—213.

) Въ запискѣ Фридриха II французскому посланнику, отъ 30-го нояб. 1782 г. *unter*, V, 557), сказано: „Moderation (Екатерины) dans le cas present ne peut ister qu'à persuader l'Impératrice de se contenter de la Crimée et de surseoir este de ce projet pour d'autres tems“.

) *Joseph II und Leopold II*, I, 173.

миръ. Самая опасная по своему могуществу и энергичи держава, Россія, наслаждалась безкровною побѣдою и была занята заботами, необходимыми при поглощеніи цѣлаго края, притомъ того важнаго, какъ Крымъ.

Но если народы Европы могли предаваться успокоительнымъ мечтамъ, то въ ея дипломатіи не прекращалась тревога. Политическіе умы понимали, что миръ насталъ только на крайнемъ Западѣ, истощенномъ долговременной и равносильной борьбой. Но Россія и Германія все еще возбуждали серьезныя опасенія. Ясно было, что честолюбіе Екатерины и Іосифа еще не было вполне удовлетворено, а всякій обширный планъ, созданный въ Вѣнѣ или Петербургѣ, носилъ въ себѣ зародыши европейскаго потрясенія, потому что непременно касался разлагающихся государствъ—Турціи и нѣмецкой имперіи. И именно русскій и австрійскій дворы были соединены тѣснымъ союзомъ и сохранили свои силы свѣжими и готовыми къ бою. Особенно опасенъ былъ Іосифъ. Екатерина, получивъ Крымъ, должна была успокоиться на время и, въ виду замиренія морскихъ державъ, приостановиться на пути къ Константинополю; но Іосифъ еще ничего не приобрѣлъ. Приходила очередь Австріи поднять европейскую тревогу, и всѣ были увѣрены, что теперь только наставали германскія послѣдствія союза 1781 года.

Самъ Іосифъ не переставалъ, со времени союза 1781 годъ, поддерживать эту тяжелую увѣренность. Надѣясь на помощь Екатерины, онъ постоянно мечталъ «о вознагражденіи» за оказанныя ей услуги и, съ свойственной ему горячностью, создавалъ планъ за планомъ, хватался за все, чтобы, или расширить предѣлы Австріи, или приобрести европейскую славу. Мы уже видѣли, какъ Іосифъ стремился захватить часть Турціи и вѣстаться въ данцигскій вопросъ, когда послѣдній становился европейскимъ. Въ то же время онъ мечталъ о разныхъ земляхъ Италіи — сегодня о Римѣ, завтра о Венеціи; наконецъ, иногда ему казалось, что онъ рѣшаетъ своимъ посредничествомъ войну между морскими державами и приобретаетъ «какой-нибудь американскій островъ» ¹⁾. Правда, всѣ эти честолюбивыя стремленія тотчасъ же кончались неудачей, и большая часть изъ нихъ была тайной для современниковъ, сохраненной для потомства въ интимной перепискѣ Іосифа. Но въ то же время возникали серьезные факты, ясно свидѣтельствовавшіе объ опасныхъ замыслахъ неутомимаго императора. Мы имѣемъ въ виду отношенія Іосифа

¹⁾ Beer, 118.

въ Голландіи и Германіи. Должно остановиться на голландскомъ вопросѣ, такъ какъ онъ надѣлалъ тогда много шума, отличался европейскимъ характеромъ и, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, переплетался съ нѣмецкими дѣлами.

Голландскій вопросъ возникъ вмѣстѣ съ появленіемъ голландской рѣспублики, выдѣлившейся изъ принадлежавшихъ Испаніи Нидерландовъ и признанной по вестфальскому миру. Остальная часть Нидерландовъ (нынѣшняя Бельгія), подчиненная Габсбургамъ подъ именемъ *Испанскихъ Нидерландовъ*, очутилась тогда въ странномъ положеніи. Голландцы выговорили себѣ право распоряжаться устьями Шельды, которыя были нервомъ всей нидерландской торговли. Этимъ они достигли своей цѣли—убили торговое соперничество своихъ предприимчивыхъ сосѣдей. Голландія начала быстро развиваться и стала первою морскою державою, также одною изъ самыхъ богатыхъ и образованныхъ странъ въ мірѣ, а ея Амстердамъ превратился во всемірный торговый денежный рынокъ. Нидерланды же пали, потому что голландцы не пускали чужихъ кораблей въ устье Шельды—и нидерландскіе товары должны были идти лишь черезъ Остенде, куда ихъ доставляли сухимъ, то-есть дорогимъ и неудобнымъ путемъ. Нѣкогда цвѣтущій центръ благосостоянія въ этомъ углу Европы, Антверпенъ запустѣлъ: онъ былъ убитъ Амстердамомъ. Мало того: какъ разъ противъ него, по границѣ, голландцы держали свои гарнизоны въ нидерландскихъ крѣпостяхъ. Это странное явленіе объясняется политическими событіями, послѣдовавшими за вестфальскимъ миромъ. Тогда началось возвышеніе Франціи, которое такъ дорого стоило Европѣ при Лудовикѣ XIV, что необходимо было подумать о прочной преградѣ ему. Такою преградой или «барьеромъ» считались испанскіе Нидерланды, которые такъ и назывались въ трактатахъ. По утрехтскому миру (въ 1713 году) они были отданы нѣмецкимъ Габсбургамъ, подъ именемъ *Австрійскихъ Нидерландовъ*, именно, какъ оплотъ противъ могущества Бурбоновъ, такъ что самый договоръ объ этомъ былъ названъ «барьеръ-трактатомъ». Габсбурги обязывались вѣчно владѣть этою страной и ничего изъ нея не уступать никакому принцу не изъ ихъ рода. Сверхъ того, такъ какъ Нидерланды служили защитой Голландіи противъ французовъ, то послѣдняя приобрѣла право содержать гарнизоны въ нѣсколькихъ нидерландскихъ крѣпостяхъ и ежегодно получать на нихъ извѣстную сумму съ Австріи. Это условіе, неважное для Габсбурговъ въ политическомъ отношеніи, было оскорбительно для ихъ гордости. Кауницъ уже во время Ахенскаго мира поговаривалъ,

что «барьеръ-трактата не существуетъ». Даже осторожныя Марія-Терезія пыталась уничтожить этотъ ненавистный договоръ: перестала платить деньги голландцамъ. Такъ какъ, въ то же время, нидерландцы постоянно жаловались на стѣсненіе ихъ торговли владыками Шельды, то отношенія между Австріей и Голландіей становились весьма натянутыми.

Обезпеченный союзами съ Россіей и Франціей, Іосифъ, въ безсиліе голландской республики и истощеніе Англіи, рѣшилъ сразу снять это пятно съ габсбургской чести. Въ концѣ 1781 года онъ приказалъ срыть крѣпости, занятія голландцами. На заявленіе уполномоченнаго республики Кауницъ отвѣчалъ почетнымъ тономъ, причемъ выразилъ увѣренность въ «вѣрности» австро-французскаго союза, который будто бы ограждаетъ Голландію отъ притязаній Бурбоновъ. Въ заключеніе онъ воскликнулъ повелительно, напоминая Людовика XIV: «барьеръ не существуетъ болѣе»! Голландцы, за которыхъ онъ и заступался, должны были замолчать. Но этотъ высокомерный тонъ, въ соединеніи съ безцеремонностью Іосифа, послужилъ твержденіемъ опасныхъ замысловъ императора и еще болѣе возмущилъ Европу. Фридрихъ даже попробовалъ-было поминуть Екатерину на самоволіе своего соперника, но встрѣтилъ отказъ — и успокоился ¹⁾.

Уже уничтоженіе барьеръ-трактата, не доставляя ничьихъ выгодъ Австріи, подрывало ея нравственный кредитъ въ Европѣ и возстановляло противъ нея Англію, эту главную участницу въ составленіи трактата. Но Іосифу, кромѣ того, какъ-будто хотѣлось сдѣлать голландскій вопросъ европейскимъ. Ему не покоя «великіе принципы свободы торговли, которые исповѣдуютъ изъ-за Гибралтара, французы изъ-за Дюнкерка, а русскіе — вообще» ²⁾. Наконецъ, онъ желалъ дѣйствительно сдѣлать добро нидерландцамъ и прекратить причину ихъ вѣчныхъ жалобъ, то-есть освободить устья Шельды отъ голландской монополии, или, какъ тогда выражались, «открыть Шельду». Это планъ казался Іосифу легко исполнимымъ. Голландія вела войну съ Англіей. Къ тому же, здѣсь большинство націи, такъ называемая «патріотическая» или республиканская партія, стояла за союзъ съ Франціей, начиная съ знаменитаго Іоанна

¹⁾ *Dohm*, II, 161—190, 485—488. *Görts*, I, 329—331. У *Panzer* (*Die deutsche Mächte*, I, 187—195). То же самое, съ ничтожными добавленіями къ корупціи голландскаго уполномоченнаго, взятыми изъ вѣнскаго архива. *Joseph II und Katharina*, 233.—*Rauter*, II, 230.

²⁾ *Beer*, 118 sq.

де-Витта, и только враждебные ей монархисты, или «оранжисты» придерживались Англии и Пруссии, такъ какъ глава ихъ, штатгальтеръ Вильгельмъ V, былъ родственникомъ Георга II и Фридриха II. Наконецъ, по мнѣнію Іосифа, Екатерина должна была всѣми силами поддержать его, такъ какъ тутъ былъ не только «случай союза», но и примѣненіе ея любимаго принципа свободы морей. Но Кауницъ, соглашавшійся съ Іосифомъ въ вопросѣ о барьерѣ, теперь рѣшительно противорѣчилъ ему. Онъ доказывалъ, что, не говоря уже о раздраженіи Пруссіи и Англии, сама Франція будетъ недовольна планомъ, который, возвышая Антверпенъ, грозитъ разрушеніемъ Амстердаму, этому средоточію «патріотовъ», преданныхъ Версалю. Сверхъ того, онъ опасался, что этотъ планъ «подогрѣетъ тревогу», которую постоянно били въ Европѣ «по поводу опасныхъ замысловъ Іосифа, начиная со вступленія его на престолъ». Но Іосифъ отвѣчалъ: «*chi pop givica pop rosica*», и пошелъ къ своей цѣли — только ковенными путями. Онъ завелъ споръ съ Голландіей о вакихъ-то земляхъ — и въ концѣ 1783 года австрійцы изгнали голландскіе гарнизоны изъ нѣсколькихъ спорныхъ фортовъ, въ томъ числѣ изъ Мастрихта ¹⁾.

Іосифъ и не предчувствовалъ, какая поднимется буря изъ-за этого, повидимому, нустого дѣла, какъ оно подорветъ его нравственный кредитъ среди поколѣнія, мечтавшаго о «свободѣ» и «республикѣ» ²⁾, а также, какъ оно переплетется съ его интересами въ Германіи и повредитъ имъ!

А германскія дѣла теперь были у Іосифа на первомъ планѣ. Оттого-то, увѣряя Екатерину, будто его желаніе — «прогнать турокъ подальше, а вовсе не приобрести Силезію или когда-либо нарушить миръ въ Германіи» ³⁾, онъ однако дѣйствовалъ вяло въ вопросѣ о вознагражденіи насчетъ Турціи, и здѣсь неудача не раздражила его. Іосифъ былъ поглощенъ тогда своими вѣдами на Германію и уже началъ приближаться къ ихъ осуществленію — какъ всегда, ковенными и узкими путями, лучшимъ образчикомъ которыхъ могутъ служить «хлѣбныя граматы»

¹⁾ *Вест.*, 118—122.—*Joseph II und Katharina*, 283.—Мнѣніе Кауница по вѣнскому архиву, у *Ranke*: *Die deutschen Mächte*, I, 189.

²⁾ *Домъ* (II, 198—207) живо рисуетъ, какъ общественное мнѣніе, сочувствовавшее, въ вопросѣ объ открытіи Шельды, гуманному принципу, было возмущено деспотическими формами, въ которыхъ облекъ его Іосифъ: его негодованіе нашло себѣ краснорѣчиваго истолкователя въ лицѣ знаменитаго *Мирабо*: *Doutes sur la liberté de l'Escaut, réclamée par l'Empereur*. Londres, 1785.

³⁾ *Ranke*, V, 563.

(Panisbriefe). Это — весьма древнее право императора посылать на кормленіе во всякій монастырь свѣтское лицо, обыкновенно отставного офицера или какого-нибудь придворнаго. Вообще имъ рѣдко пользовались, да и то лишь въ монастыряхъ, учрежденных императорами на собственный счетъ или же богато одаренныхъ имъ. Оно давно вышло изъ употребленія, всѣ забыли его, какъ вдругъ Іосифъ сталъ разсылать своихъ пансіонеровъ или «свѣтскихъ монаховъ» по всѣмъ рѣшительно монастырямъ, не исключая и упраздненныхъ, лежавшихъ въ протестантскихъ земляхъ. Кончилось тѣмъ, что ему повиновались лишь немногіе, и, конечно, самые бѣдные, безсильные монастыри. Іосифъ не приобрѣлъ ничего, кромѣ всеобщаго раздраженія и недовѣрія, тѣмъ болѣе, что, рядомъ съ такими ничтожными проявленіями самоволія императора, происходили и болѣе серьезныя явленія. Такъ, Пассауское дѣло произвело большое волненіе въ Германіи. Въ 1783 году Іосифъ внезапно отнялъ значительную часть земель у епископства Пасау, лежавшихъ въ Австріи, и назначилъ собственнаго епископа, австрійца, который, помимо капитула, призналъ императора правымъ и за большую сумму выкупилъ у него отнятое. Подобныя же дѣйствія или попытки къ нимъ позволялъ себѣ Іосифъ относительно многихъ другихъ церковныхъ владѣній, и даже такихъ важныхъ, какъ архіепископство Зальцбургъ. Иногда онъ касался и свѣтскихъ земель, внезапно объявляя ихъ австрійскими; а его ландфогты совершали по всей южной Германіи безконечныя злоупотребленія ¹⁾).

Всѣ подобныя притязанія неугомоннаго императора вынудили обиженныхъ жаловаться имперскому сейму и суду, и призывать на защиту конституціи князей, въ особенности же могущественнаго Фридриха II. Ничто не могло такъ правильно и глубоко подрывать австрійское вліяніе въ Германіи, какъ эти жалгі и безплодныя мелочи, какъ эта мѣщанская политика, лишенная даже величія громкаго преступленія. Если припомнить еще выборы майнцскаго коадьютора и голландское дѣло, то можно сказать, что Іосифъ хорошо подготовилъ паденіе самаго главнаго своего плана, который, по его словамъ, могъ «обезсмертить» и его, и Екатерину ²⁾. Это знаменитый *обмѣнъ земель*, или старій баварскій вопросъ въ подновленной формѣ.

Появивши невозможность овладѣть Баваріей простымъ захва-

¹⁾ Dohm, III, 19—32.—Cf. Häusser, Deutsche Geschichte, I, 200—203.—Schmidt, Preussens deutsche Politik, 29. sq.

²⁾ Joseph II und Katharina, 224.

томъ, не-фридриховски, Иосифъ задумалъ прибѣгнуть къ сдѣлкѣ, которая была бы формально законна и потому нѣкого не встревожила бы. Онъ рѣшился промѣнять Австрійскіе Нидерланды на Баварію. Нидерланды были интересны для Габсбурговъ только по своему богатству. Но мы видѣли, какъ падало ихъ матеріальное благосостояніе отъ соперничества голландцевъ; сверхъ того, доходы съ нихъ поглонялись большими издержками управленія. Нидерланды были большимъ мѣстомъ въ государственномъ хозяйствѣ Габсбурговъ. Здѣсь населеніе отличалось политическимъ развитіемъ и духомъ независимости. Оно было проникнуто блестящими политическими воспоминаніями и пользовалось старинными хартіями привилегій, которыя осыпали своеобразный бытъ и были запечатлѣны кровью, пролитою народомъ въ борьбѣ съ деспотизмомъ Филиппа II. Оттого Нидерланды и подъ владычествомъ Габсбурговъ сохраняли видъ почти независимаго государства, и ихъ генераль-губернаторами всегда были австрійскіе принцы, жившіе съ пышностью, которой завидовали многіе малые potentаты Европы. Гордые нидерландцы, ненавидѣвшіе испанское господство со временъ Карла V, не усповоились, когда подпали владычеству Австріи. Если ужъ имъ суждено было навсегда утратить свою независимость, то они желали превратиться не въ испанцевъ или нѣмцевъ, а во французовъ, съ которыми ихъ связывало единство происхожденія, языка, религіи и культуры. Они хорошо знали политическія преданія Габсбурговъ и продолжали опасаться за свою будущность не менѣе, чѣмъ при господствѣ испанцевъ. Къ тому же, ихъ оскорбляло сознаніе, что они существуютъ не во имя собственныхъ цѣлей, а какъ оплотъ противъ Версаля. Если прибавить ко всему этому ихъ вѣчныя волненія изъ-за свободы Шельды, то должно сознаться, что Европа поступила въ 1832-мъ году разумнѣе, чѣмъ въ 1713: основаніемъ независимой Бельгіи она ближе подошла къ своей цѣли, чѣмъ присоединеніемъ ея къ Австріи. Габсбурги приобрѣли въ Нидерландахъ не оплотъ противъ хищничества Бурбоновъ, а новую и невзлечимую язву въ своемъ политическомъ организмѣ. Зарезо революціи на берегахъ Шельды сопровождало въ могилу такого императора, какъ Иосифъ.

Иосифъ какъ будто предчувствовалъ эту бѣду, и спѣшилъ отдѣлаться отъ бремени управленія Нидерландами, которые, вдобавокъ, постоянно портили его отношенія какъ къ Англіи, Голландіи и Пруссіи, такъ даже и къ Франціи. По господствовавшему тогда механическому взгляду на народности, ничего не стоило навязать странѣ одно чужеземное правительство вмѣсто другого. По-

нятно, что Иосифъ увлекся соблазномъ, пожертвовать Нидерландами, осуществить заветную мысль Габсбурговъ о Баваріи, великое значеніе которой для Австріи указано нами выше. Онъ не боялся, что обладаніе этою страной послужитъ новымъ бременемъ для Габсбурговъ. Между Австріей и Баваріей было такъ много общаго, что даже послѣ войны 1778 года было еще и поздно подогрѣть разными средствами симпатіи къ Габсбургамъ, тлѣвшія въ Баваріи. При такихъ выгодахъ сліянія двухъ странъ можно было не щадить жертвъ, и Иосифъ вспомнилъ о финансовой сторонѣ дѣла, когда оно уже было рѣшено; но, по расчетамъ Кауница, оказалось даже, что Баварія и при тогдашнемъ дурномъ управленіи давала почти на миллионъ больше доходовъ, чѣмъ Нидерланды. Конечно, Иосифу вспоминалась баварская война; но онъ рѣшился поправить ошибку: приобрести Баварію не насиліемъ, а по *добровольному* соглашенію съ ея курфюрстомъ баварскимъ, Карломъ Теодоромъ, и съ его послѣдникомъ, Карломъ, герцогомъ Цвейбрюкенскимъ. Эта идея, которая тогда такъ же всецѣло овладѣла Иосифомъ, какъ мысль о союбизмѣ Фридрихомъ, возникла еще во время войны за баварское наслѣдство. И Иосифъ былъ въ себя отъ радости, придумавъ такой выгодный способъ выпутаться изъ этой мучительной войны. Но Марія-Терезія, которая соглашалась тогда на всякій поводъ, чтобы только выручить сына, не хотѣла и слышать о томъ, чтобы промѣнять Нидерланды, «эту добрую, преданную страну», и «этихъ олуховъ (*gustres*)», баварцевъ ¹⁾. Въ описываемое же время Марія-Терезія уже не было на свѣтѣ. А главное—Иосифъ былъ убѣжденъ, что Фридрихъ не посмѣетъ затѣять новую баварскую войну, особенно когда увидитъ въ перспективѣ Битерну, желающую серьезно расквитаться съ своимъ союзникомъ.

Поведеніе Иосифа и Кауница доказываетъ, что планъ обзема земель былъ задушевною мечтою Габсбурговъ. Императоръ свѣдѣтельно задался имъ тотчасъ по смерти своей матери, или, по его собственнымъ словамъ, «съ момента политическихъ и особенно личныхъ связей» съ Екатериной: оттого-то онъ былъ такъ раздушенъ во всемъ другимъ вознагражденіямъ за союзъ 1781 года. Кауницъ, несмотря на всю свою осторожность и хладнокровіе и предвидя всѣ опасности, не противорѣчилъ своему государю, какъ въ шельдскомъ вопросѣ. Напротивъ, по его мнѣнію, «должно было попробовать то, невозможность чего нельзя доказать». Онъ даже совѣтовалъ сдѣлать, такъ какъ «минута была самая бла-

¹⁾ *Maria-Theresia und Joseph II*, II, 196, 228, 238, 266, 271, 287, 302, 306.

пріятна» и не слѣдовало «давать остить доброжелательству хкой императрицы». Въ маѣ 1784 года, австрійскій посланъ въ Мюнхенѣ, графъ Лербахъ, представилъ курфюрсту ру-Теодору планъ обмѣна Баваріи на Нидерланды, за исклюіемъ Люксембурга и Намюра. При этомъ Іосифъ обязывался гавить курфюрсту титулъ бургундскаго короля и дать ему милліона гульденовъ. Обмѣнъ долженъ былъ получить гараніи Россіи и Франціи ¹⁾.

Въ то же время Іосифъ открылъ свою «дарующую безсмертіе ю» Екаторинѣ, замѣтивъ, что исполненіе ея было бы полезно и для Россіи, такъ какъ дало бы ему возможность «когда-удъ посвятить ей себя, со всѣми своими силами». Кауницъ, своей стороны, прислалъ Кобенцію депешу, которая требоа, чтобы Россія, сохраняя глубокую тайну, склоняла герцога Шрюкенскаго къ плану обмѣна земель и помогла «всѣми своіи силами», въ случаѣ нападенія Пруссіи или Франціи на стрію ²⁾. Мало того, Кобенцль предложилъ возстановить «во в силѣ» договоръ 1746 года и условиться относительно мѣръ достиженію его главной цѣли—униженія Пруссіи. Екаторина часть же написала Іосифу, что одобряетъ его планъ и рада чаю, наконецъ, расквитаться съ нимъ ³⁾. Отвѣтомъ же на едложеніе Кобенцля была важная депеша Остермана Голицыну, скрывающая взглядъ Екаторины на всю политическую систему і эпохи. Вотъ въ какомъ видѣ представлялась тогда Европа, русской точки зрѣнія:

«Революція въ Швеціи, слабость датскаго правительства,

¹⁾ *Beer*, 168—174. *Joseph und Katharina*, 224.—*Ranke*: *Die deutschen Mächte*, 64—166.—*Görts*, I, 270 sq.—Въ это время у Іосифа разгорѣлась жажда земель. о мал онъ называлъ Кауница, что „усовершенствовали“ свой планъ прибавкой ибургга, для архіепископа котораго онъ надѣялся устроить особое государство Люксембурга, Лимбургга и Лютгига. Іосифъ даже думалъ начать все дѣло съ ибургга, впрочемъ тутъ же называлъ свое усовершенствование „ein flächtiger lank“. *Beer*, 174—176.

²⁾ *Joseph und Katharina*, 225.—Въ рескриптѣ Голицыну отъ 22 мая, къ котоу приложена депеша Кауница, сказано: „Изъ оной усмотрите во всемъ пространіи напѣреніе его величества императора промѣномъ добровольнымъ нидерландскихъ и земель на Баварію съ верхнимъ Палатинатомъ и на архіепископство Сомьское съ престономъ Бергтольдегаденскимъ связать свои владѣнія къ одному иѣ, освободить себя отъ зависимости Франціи, доставить вообще всѣмъ землямъ грійской монархіи лучшую безопасность отъ владѣнія сосѣдей ея, и чрезъ то ить намикъ дѣлахъ имѣть руки болѣе развязанныя“.

³⁾ *Joseph und Katharina*, 229 sq.—Радость Кауница и его воспоминанія о поиніи Екаторины во время баварской войны (*Beer*, 177 sq.) доказываютъ, что въ іи не были увѣрены въ столь счастливымъ оборотѣ дѣла въ Петербургѣ.

упадокъ Порты, раздѣлъ Польши, освобожденіе американскихъ колоній, морское господство двухъ главныхъ отраслей Бурбонскаго дома, подкрѣпленное разрывомъ Голландіи съ своей старой союзницей, Великобританіей, — все это, такъ сказать, совсѣмъ измѣнило видъ Европы и установило новыя отношенія между государствами». Чтобы достигнуть своей цѣли, Россія и Австрія должны «руководиться предосторожностью, строго предписываемою значительными перемѣнами на континентѣ», должны «сообразоваться въ своихъ окончательныхъ обязательствахъ съ новымъ порядкомъ вещей». А цѣль ихъ ясна: «нужно всячески обуздывать безповойный и ревнивый нравъ прусскаго короля; нужно пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы отнять у его соперничества вѣсъ и значеніе». Эта задача поставлена самимъ Фридрихомъ. Онъ мѣшалъ Россіи въ крымскомъ дѣлѣ, и «вся его политика сосредоточена нынѣ на одномъ — ставить всевозможныя препятствія каждому плану, задуманному союзниками въ интересъ ихъ имперій». Можно безошибочно предположить, что «въ эту самую минуту Фридрихъ уже работаетъ надъ пробужденіемъ въ Версалѣ старой ревности къ австрійскому дому»; а Франція не замедлитъ ввести въ свои интересы королей шведскаго и сардинскаго, а также нѣкоторыхъ нѣмецкихъ князей». Но стоить только союзникамъ основательно договориться на счетъ плана дѣйствій — и успѣхъ обеспеченъ. Несомнѣнно, что «двѣ такія монархіи, какъ Россія и Австрія, силы которыхъ ежедневно возрастаютъ, всегда возьмутъ верхъ надъ такою искусственной (factice) державой, какъ Пруссія. Всѣ средства послѣдней слишкомъ напряжены; въ томъ же, она, главнымъ образомъ, держится лишь изобрѣтательнымъ геніемъ государя, который, въ эту минуту, клонится къ паденію¹⁾.

Этотъ документъ позволяетъ намъ выйти изъ области предположеній о политической системѣ Россіи того времени, которыми доселѣ приходилось довольствоваться. Екатерина видѣла въ устарѣлой Австріи безвредное орудіе возвеличенія молодой Россіи и опасалась не ея, а своей соперницы, Пруссіи, судьба которой, въ силу ея молодости, сталкивалась съ будущностью нашего отечества. Екатерина надѣялась, съ помощью Австріи, которая естественно должна была играть подчиненную роль въ союзѣ, довершить свой греческій проектъ и распорядиться судьбами Германіи. Усвоивъ мѣткій взглядъ на положеніе политическихъ силъ и тер-

¹⁾ Черновая этой депешы (Projet de Lettre du Vice-Chancelier Comte d'Ostermann à l'Ambassadeur Prince de Galitzin à Vienne. 5/14 mai 1784) сильно переработана; поправки карандашному переводу нѣтъ на чернилѣ.

ая въ немъ самоувѣренность, она очевидно уже задавалась планомъ—такъ приладиться къ «новому порядку вещей», чтобы пользоваться ослабленіемъ другихъ державъ. Было бы весьма любопытно видѣть практическое развитіе этого плана; но Иосифъ не далъ совершить ему, увлекши Екатерину въ свои узкіе неудачные замыслы. Онъ заставилъ ее начать дѣло съ самаго худшаго конца—съ этого злополучнаго обмѣна земель, который разу пробуждалъ старую ревность гѣмцевскихъ князей къ императорству и свѣжую симпатію націи къ Фридриху. Онъ останавливалъ политическое творчество Екатерины, затагивая ее въ лабиринтъ ничтожныхъ и безплодныхъ дѣлъ Германіи.

Екатерина съ самаго начала видѣла всю невыгодность роли, которую навязывалъ ей Иосифъ. Она понимала, что обмѣнъ земель можетъ вовлечь ее въ замѣшательства, на которыя уже прямо намекало предложеніе Кобенца. Она даже не скрывала отъ себя, что эти замѣшательства не могутъ быть мѣстными и перерастутъ въ европейскую войну, потому что Пруссія и Франція юднимуть Порту и Швецію противъ Россіи, а Италію и Германію противъ Австріи. Оттого-то, высказывая эти соображенія въ рескриптѣ Голицыну, Екатерина снова настаивала на необходимости «заблаговременно предусмотрѣть волненія», неизбежно вызванныя съ баварскимъ планомъ, и «согласиться о способахъ противъ оныхъ». Она старалась сразу дать понятъ Иосифу, что ювсе не намѣрена расквитаться съ нимъ во что бы то ни стало, и готова содѣйствовать ему лишь «поколикую собственное наше положеніе то дозволяетъ», или «колико собственная границъ нашихъ безопасность позволять будетъ». Поэтому-то она прямо заявила Иосифу, что будетъ особенно довольна, если онъ добьется своего «безъ дальнихъ хлопотъ, наипаче же безъ войны» ¹⁾.

Изъ одной бумаги того времени видно, что въ глазахъ Екатерины вся затѣя Иосифа имѣла значеніе лишь настолько, насколько посредствомъ ея онъ «выходитъ изъ французской зависимости и получаетъ полную свободу быть намъ полезнымъ» ²⁾.

¹⁾ Рескриптъ Голицыну, отъ 22 мая 1784 года.

²⁾ Бумага безъ заголовка и подписи, относящаяся къ началу 1785 года. Это—мнѣніе Остермана, поданное Екатеринѣ, которое ретроспективно прямо уясняетъ мотивы нашего двора при началѣ дѣла объ обмѣнѣ земель. Въ немъ сказано между прочимъ: «пособіе здѣшняго двора въ семъ дѣлѣ основано было на вѣщности за таковое же отъ императора по случаю присоединенія Крыма и прочихъ земель татарскихъ къ Россіи. Сверхъ того, служило къ тому резонъ и то уваженіе, что императоръ промѣномъ своихъ владѣній Нидерландскихъ выходилъ изъ зависимости французской и тѣмъ получалъ полную свободу быть намъ полезнымъ и пристать безопасно ко всякой системѣ, которая выгодна была для обоихъ императорскихъ дворовъ».

Такимъ образомъ, Екатерина надѣялась сдѣлать баварскіе планы орудіемъ своихъ видовъ въ восточномъ вопросѣ. Но съ ними соединялся другой существенный интересъ нашей политики того времени—та знаменитая «инфлюенція» въ Германіи, которая была приобретена Россіей по тешенскому миру. Очевидно, она должна была пострадать, тѣмъ болѣе, что Екатерина приходилось стать въ противорѣчіе съ самой собою, что всего болѣе подрывало нравственный кредитъ. Всего лѣтъ за шесть передъ тѣмъ, Россія выступила въ Германіи стражемъ закона, блюстительницей имперской конституціи; она защищала свободу княжескихъ князей противъ деспотизма Габсбурговъ и отстаивала права пфальцскаго дома, который нужно было лишить теперь его баварскаго наслѣдства. Тогда, да и постоянно послѣ того ¹⁾, она хлопотала объ интересахъ того самаго Карла цвейбрюнненскаго, котораго приходилось теперь совсѣмъ изгнать изъ Германіи, и преки законамъ имперіи. Правда, Иосифъ успокоивалъ себя Екатерины тѣмъ, что обмѣнъ земель будетъ выгоденъ Карлу, увеличивъ доходы, «въ чемъ онъ такъ нуждается при своей безденежѣ»; притомъ, онъ особенно выставлялъ на видъ законность этой сдѣлки. И Остерманъ сталъ доказывать, что планъ императора «не сходственъ съ его предпріятіемъ 1777 года», такъ-какъ онъ основывается на «добровольномъ» соглашеніи «всѣхъ» членовъ палатинскаго (пфальцскаго) дома. У нашего канцлера уже оказался новый взглядъ на имперское право. Онъ нашелъ «многіе примѣры добровольнымъ сдѣлкамъ между императоромъ и князьями», такъ что еслибы, при согласіи цвейбрюнненскаго дома, Берлинъ и Версаль вздумали противорѣчить, то «по всей справедливости, это было бы сущимъ нападеніемъ, слѣдовательно, случаемъ союза» ²⁾. Но все это значило только то, что Россія вовлекается въ имперскую казуистику, маскированную тяжеловѣснымъ формализмомъ нѣмецкихъ юристовъ того времени. Съ какой стороны ни посмотреть на дѣло, право было противъ Иосифа. Барьеръ-трактатъ не позволялъ Габсбургамъ уступать Нидерланды кому бы то ни было; по тешенскому миру Карлъ отказался отъ всякихъ притязаній на Баварію; наконецъ, сѣверный договоръ Виттельсбаховъ не только не исчезъ, но не былъ подтверждаемъ, особенно при Максимилианѣ-Иосифѣ. Несмотря на имперскую казуистику, въ которую пустился Остер-

¹⁾ *Asseburg*, 299.

²⁾ *Joseph und Katharina*, 226 sq.—Вышеупомянутая бумага въ нашемъ архивѣ, относящаяся къ началу 1786 года.

ашъ, Екатерина чувствовала всю неловкость положенія, прини-
маема ею въ Германіи, благодаря Іосифу. Она долго не со-
общала баварскаго плана Николаю Румянцову, и сначала пред-
исала ему только убѣждать Карла цвейбрюкенскаго «перемѣ-
нить свое отвращеніе, горячность и желчь къ вѣнскому двору
а доброту, въ уваженіе и довѣренность къ главѣ имперіи».
Олицину предписывалось раскрыть тайну Румянцову, только
огда получится согласіе курфюрста Карла-Теодора и архіепи-
кона зальцбургскаго; да и тогда первое предложеніе объѣна зе-
мель герцогу цвейбрюкенскому долженъ былъ сдѣлать не нашъ,
вѣнскій дворъ ¹⁾).

Такъ, съ начала 1784 года германскій вопросъ вступилъ въ
новую пору своего развитія, подъ видомъ плана объѣна земель.
Идѣя за нимъ, мы должны перенестись въ лабиринтъ мелоч-
ной политики фюрстовъ, среди изворотовъ которой пробирались
важныя идеи Екатерины, Іосифа и Фридриха. Нашимъ главнымъ
руководителемъ будетъ Николай Румянцовъ, не спускавшій глазъ
съ политическихъ «сценъ» Германіи, съ ихъ «сплетнями, роз-
казнями да пересудами», вмѣсто государственныхъ идей.

VIII.

ЦВЕЙБРЮКЕНЪ И «ОТКРЫТІЕ ШЕЛЬДЫ».

Волненіе между фюрстами.—Иностранныя интриги въ Германіи.—Тревожное
состояніе Цвейбрюкена и Баваріи.—Закискиванія фюрстовъ въ Петербургъ.—
Слѣды «лиги».—Характеристики курфюрста Карла-Теодора, герцоговъ Карла и
Максимилиана, Гофенфельса и Крейцера.—Задача Румянцова.—Его «трехне-
дѣльные старанія» въ Цвейбрюкенѣ.—Переговоры между Вѣной и Цвейбрю-
кеномъ.—Упорство герцога Карла.—Надежда на Карла-Теодора.—«Открытіе
Шельды».—Взглядъ Екатерины на это дѣло, и настроеніе Франціи.—Политика
Фридриха.—Размовка между Гёрцомъ и Остерманомъ.—Заявленіе Екатерины.—
Іосифъ связываетъ голландское дѣло съ баварскимъ.

Въ описываемое время, въ средѣ фюрстовъ замѣтно было вол-
неніе, словно готовились къ выбору императора или къ какому-
нибудь другому важному событію. Причинъ къ нему было до-
статочно. Только-что разоблаченная тайна союза 1781 года сама
по себѣ внушала серьезныя опасенія, которыя, вдобавокъ, уже
отчасти оправдались, благодаря присоединенію Крыма и зло-
употребленіямъ Іосифа въ Германіи. Въ концѣ 1783 года, въ

¹⁾ *Роскрѣтитъ Галицину*, отъ 22 мая 1784 года.—*Роскрѣтитъ Румянцову*, отъ 23
мая 1784 года.

Германіи были убѣждены, что готова вспыхнуть новая турецкая война, которая приведетъ къ усиленію Габсбурговъ ¹⁾. Въ то же самое время голландскій вопросъ становился европейскимъ. Онъ замѣтно сближалъ Версаль съ Берлиномъ, которые дружно открыли дипломатическую войну противъ Вѣны. Фюрсты, среди которыхъ противники разсѣивали самые разнообразныя слухи, предавались всякимъ тревожнымъ предположеніямъ. Имъ казалось, что Фридрихъ сегодня справляется, хватить ли у Франціи денегъ для двухлѣтней войны, завтра внушаетъ Версалю при новыхъ выборахъ не допускать Габсбурга на императорскій престолъ. Иосифъ, въ свою очередь, уже стягивалъ войска къ Нидерландамъ и призывалъ имперскіе чины къ оружію. Такимъ образомъ, голландское дѣло даже непосредственно затрогивало нѣмецкихъ князей; кромѣ того, оно изобличало, въ ихъ глазахъ, деспотическія стремленія императора. А такъ какъ Карлъ-Теодоръ былъ бездѣтенъ и хилъ, наслѣдникъ же его, Карлъ цвейбрюкенскій, совсѣмъ запутывался въ долгахъ, то грозный призракъ баварскаго вопроса носился передъ глазами фюрстовъ. И это настроеніе было тѣмъ естественнѣе, что дипломатическіе агенты Австріи и Россіи съ одной стороны, Пруссіи и Франціи съ другой—снова вставали и впередъ по Германіи, въ особенности же по Баваріи и Пфальцу.

Чѣмъ больше приближаемся мы къ началу вопроса объ обмѣнѣ земель, тѣмъ замѣтнѣе становится волненіе въ Германіи. Борьба между княжескими дипломатами и придворными разгорается до того, что они живутъ, какъ въ осажденномъ положеніи, страшатся другъ друга, видятъ повсюду подземныя мины, не довѣряютъ никому и ничему—даже «цифри» (шифрамъ), если она послана по почтѣ. Оттого число курьеровъ увеличивается. Они постоянно то прѣзжаютъ въ резиденціи фюрстовъ, то выѣзжаютъ оттуда. А такъ какъ это производитъ волненіе и само орудіе тайны становится ея предателемъ, то все мѣняютъ курьеровъ, и изъ нихъ составляется цѣлый маскарадъ: то ѣдетъ камердинеръ, то странствующій живописецъ, и каждый стремится не прямо къ цѣли, а окольными путями, и останавливается гдѣ-нибудь въ незамѣтномъ трактирчикѣ. Румянцовъ придумалъ даже отправить свои депеши черезъ Голицына, чтобы не возбуждать подозрѣній въ Потсдамѣ частыми пересылками съ Петербургомъ. Дипломатическая борьба уже приводила къ открытымъ столкновеніямъ и

¹⁾ Записка баденскаго министра, Эдельштейна, въ концѣ 1788 года, у Шмидта, *Geschichte der preussisch-deutschen Unionsbestrebungen*, I, 21.

неприятностямъ. Такъ, прусскіе и французскіе агенты до того часто посѣщали Майнцъ, что австрійскій посланникъ, Меттернихъ, не вытерпѣлъ: онъ замѣтилъ курфюрсту, что «лишь изъ личнаго почтенія» къ нему не доносилъ до сихъ поръ объ этомъ фактѣ, «о которомъ говоритъ весь городъ». Испуганный владыка началъ «отпираться» отъ сношеній съ Версалемъ и даже заставилъ французскаго посланника публично признать справедливость его оправданія; но вслѣдъ затѣмъ онъ опять сталъ «умышленно оборачиваться спиной» къ Меттерниху и даже «отказываться весьма непристойно о самомъ императорѣ», чему не замедлили подражать придворные. Но главнымъ поприщемъ борьбы были, конечно, Цвейбрюкенъ и Мюнхенъ. Фридрихъ общалъ герцогу Карлу, какъ только достанется ему Баварія, «уступить» одного генерала изъ своего потсдамскаго разсадника «для приведенія баварскихъ войскъ въ нѣкоторое устройство», а въ сущности, по замѣчанію Румянцова, «чтобы управлять не только войсками, но и особой будущаго курфюрста». А французы все снабжали деньгами министра Карла, Гоффенфельса, который открыто совершалъ на нихъ путешествія то въ Версаль, то въ Берлинъ. Въ Цвейбрюкенѣ же утвердилъ свое мѣстопробываніе Румянцовъ. Онъ почти не выѣзжалъ оттуда, слѣдилъ за каждымъ шагомъ герцога и выѣшивался въ его домашнія дѣла. Такъ, когда братъ Карла задумалъ жениться на принцессѣ саксенъ-мейнингенской, Румянцовъ поспѣшилъ спросить Екатерину, не должно ли «хотя слегка настоять», чтобы онъ вступилъ въ бракъ съ принцессой португальской. Въ Баваріи царствовало истинное смятеніе. Однажды, навѣдавшись туда, Румянцовъ увѣдомлялъ Екатерину: «Мюнхенъ представляетъ весьма печальную картину. Всѣ въ немъ объаты боязнью, хотя по причинѣ различной. Баварцы ожидаютъ смерти государя, котораго не любятъ, но на предыдущее время съ ужасомъ смотрятъ. Придворные боятся потерять мѣсто и счастье, и ждуть, чтобы наслѣдникъ не отмстилъ на нихъ то трудное положеніе, въ которомъ онъ понинѣ недоброхотствомъ курфюрста находится. Добрые же патріоты, ожидая лучшаго при немъ, думаютъ, что новая переменна въ наслѣдствѣ новую родитъ войну и прежде всего разоренія отъ сосѣднихъ». И среди этого всеобщаго смятенія начиналъ свою работу Лербакъ; а престарѣлый курфюрстъ затѣвалъ дѣло, которое считалось событіемъ въ мірѣ фюрстовъ: онъ «роздалъ новыя командеріи своимъ мальтійскимъ кавалерамъ», обходя права своихъ родственниковъ. Это значило, что Карлъ-Теодоръ хотѣлъ завести въ Баваріи отдѣленіе Мальтійскаго ордена насчетъ монастырскихъ и особенно іезуитскихъ

доходовъ, съ цѣлью пристроить въ тепломъ мѣстѣ пріора одного изъ своихъ незаконныхъ дѣтей. Ему и удалось достигнуть этого. Карлъ цвейбрюкенскій горячо всталъ противъ такого своевоія, касавшагося его будущихъ доходовъ, и пожаловался въ Петербургъ и въ Версалѣ. Отъ этихъ дворовъ пришли сильныя вѣсти въ Мюнхенъ, но онѣ не могли сломить упрямство старика ¹⁾.

Подъ вліяніемъ страха, волненія и иностранныхъ интригъ, фюрсты не знали что дѣлать, и повсюду искали себѣ опоры: кто заискивалъ въ Берлинѣ, Версалѣ и даже въ Римѣ, кто въ Петербургѣ, иные же разомъ въ нѣсколькихъ лагеряхъ. Только о Вѣнѣ почти никто не думалъ: она внушала страхъ, а нерѣдко отвращеніе и презрѣніе. Но за нее дѣйствовала Россія. Вѣрна своей политикѣ, Екатерина продолжала всячески распространять свое вліяніе среди фюрстовъ. Она приказала Румянцову «не упускать ничего, что можетъ утвердить или умножить ихъ связь съ Россійской имперіей», впрочемъ не показывая вида, что имъ интересуются. Кромѣ того, она частно, черезъ людей «неофициальнаго характера», внушала фюрстамъ, что «готова сильно поддержать всякаго, кто обратится къ ней за помощью», и заставляла Павла Петровича повторять то же самое. Слова Екатерины подтверждались на дѣлѣ. Ея милости не переставали изливаться на фюрстовъ: сегодня она хлопотала за права Карла цвейбрюкенскаго въ мальтійскихъ вѣдомствахъ, завтра на герцогинѣ баденской появлялся орденъ Св. Екатерины. Фюрсты тогда еще вполнѣ довѣряли желанію Россіи охранять имперскую конституцію ²⁾ и наперерывъ старались выказать преданность своей покровительницѣ. Румянцовъ не успѣвалъ передавать Екатеринѣ «почтенія», «исповѣданія преданности» и «поверженія къ ея ногамъ» какъ важныхъ, такъ и самыхъ ничтожныхъ фюрстовъ, а ихъ увѣрять—кого «персонально и словесно», кого письменно—въ «благоволеніи» и «благорасположеніи» своей императрицы ³⁾.

¹⁾ Всѣ подробности взяты изъ депешъ Румянцова Екатерины въ январѣ—апрѣлѣ 1788 года и изъ нѣкоторыхъ депешъ Голицына.—Cf. *Ranke: Die deutschen Mächte*, I, 175 sq.

²⁾ Это хорошо доказывается, между прочимъ, запиской баденскаго министра; *Schmidt, Geschichte der preussisch-deutschen Unionsbestrebungen*, I, 21.—*Румянцовъ Екатерина*, въ январѣ 1788 года.—*Joseph und Katharina*, 235.

³⁾ Когда Павелъ Петровичъ и Марія Федоровна пріѣхали въ Штутгартъ, въ январѣ 1788 года, фюрсты собрались туда гурьбой и «исповѣдывали особливую преданность къ ихъ императорскимъ высочествамъ». Среди нихъ «отличались своею знатностію герцогъ цвейбрюкенскій съ братомъ, сыновья ландграфа гессенъ-кассельскаго, да принцъ мекленбургскій»; а герцогъ вюртембергскій, маркграфъ баденскій и наслѣдникъ принца дармштадтскій наперерывъ старались угождать высокимъ гостямъ.

Но въ средѣ фюрстовъ встрѣчались и политики высшаго полета, которые занимались не однимъ угожденіемъ могущественнымъ дворамъ. Нѣкоторые изъ нихъ старались воскресить старую мысль о независимости имперскихъ чиновъ и образовать изъ себя самостоятельную силу. Для изобрѣтенія соотвѣстственнаго плана не требовалось особеннаго творчества. «Лиги», «унии», «федерации», «коалиціи», — словомъ, разнаго рода союзы давно возникали въ Германіи во множествѣ, и мы видѣли, что не далѣе, какъ въ эпоху баварской войны, Фридрихъ серьезно разрабатывалъ идею союза князей. Оттого не удивительно, что въ описываемое время, еще до начала дѣла объ обмѣнѣ земель, обнаружались слѣды «лигъ» въ Германіи, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, которые мы разсмотримъ ниже.

Такова была среда, съ ея настроеніемъ, въ которой, на этотъ разъ, должна была рѣшиться судьба германскаго вопроса, принявшаго форму обмѣна земель. Такъ какъ все зависѣло отъ «добровольнаго» согласія всѣхъ представителей дома Виттельсбаховъ, то предварительно остановимся на характеристикѣ послѣдняго.

Когда Румянцовъ былъ въ Мюнхенѣ, къ нему забѣгалъ саксонскій министръ, чтобы «*réitérer les assurances du respectueux attachement*» своего государя къ Екатеринѣ; нашъ посланникъ отвѣчалъ ему обнадеживаніемъ на счетъ «*dispositions favorables*» императрицы къ его принципу. Возвратившись въ Цвейбрюкенъ, Румянцовъ нашелъ благодарственное письмо Карла, въ которомъ говорилось: «*Mettés moi aux pieds de votre Auguste Souveraine en L'assurant de mon profond respect et de ma sincère reconnaissance pour tout ce qu'Elle a bien voulu faire pour moi*». Заявленія преданности и разныхъ просьбъ фюрстовъ продолжались и въ теченіи 1784 года, пока Румянцовъ не выступилъ въ Цвейбрюкенѣ съ предложеніемъ обмѣна земель. Такъ онъ писалъ Екатеринѣ въ октябрѣ 1784 года: «герцогъ вюртембергскій просилъ повергнуть его къ стопамъ Ея Величества и донести, что онъ, видя изъ опыта именитое покровительство, даруемое ея императорскимъ величествомъ собственной его особѣ и цѣлому его дому, почитаетъ благоденствіе оного не только теперь уже совершеннымъ, но и впредь непоколебимымъ, и не опасается могущихъ воспослѣдовать въ Европѣ перемѣнъ, находясь подъ защитою великія Екатерины». Въ концѣ 1784 года Румянцовъ прибылъ въ Воннъ для представленія кредитивной грамоты курфюрсту. Онъ доносилъ Екатеринѣ: «Курфюрстъ благодаритъ за сдѣланную ему честь назначеніемъ при немъ министра, потомъ продержалъ меня съ собой цѣлый часъ наединѣ, оказывая въ разговорѣ большое къ освященной особѣ вашего императорскаго величества почтеніе, принимаявъ благоразумнымъ образомъ, что судьба всѣхъ европейскихъ державъ нынѣ въ рукахъ нашего императорскаго величества и что они то только могутъ, до чего вы ихъ допустить соизволите».—Въ декабрѣ Румянцовъ доносилъ Остерману: «Графъ Ербахъ Ербахскій, котораго конечно въ число большихъ влѣдителей поставить не можно, но, по добрымъ его качествамъ, къ числу добрыхъ и хорошихъ людей причислить должно, проситъ меня о доставленіи ему александровъ кавалеріи».

Тогдашніе потентаты Баваріи, Пфальца и Цвейбрюкена были лучшими образчиками того типа, который господствовалъ среди фюрстовъ и былъ обрисованъ нами въ общихъ чертахъ въ другомъ мѣстѣ ¹⁾).

Виттельсбахи подчинялись закону вырожденія, поражавшему фамилію фюрстовъ. Ихъ младшая, баварская, линія вымерла, какъ мы знаемъ, въ 1777 году; старшая же, пфальцская, уже два раза прерывалась, да и представлявшіе ее Зульцбахи были непрочны: первый изъ нихъ, Карлъ-Теодоръ, получившій Баварію, былъ и послѣднимъ. Наканунѣ XIX-го вѣка въ Баваріи, Рейнскомъ Пфальцѣ и Цвейбрюкенѣ уцѣлѣла одна только, самая младшая линія Виттельсбахенскаго дома — герцоги цвейбрюкенскіе, да и среди нихъ свирѣпствовалъ роковой фізіологическій законъ.

Въ 1780-хъ годахъ старшимъ въ родѣ Виттельсбаховъ былъ Карлъ-Теодоръ. Ему было подъ шестьдесятъ. Первые годы юности онъ провелъ близъ Брюсселя. Но воспитала его княжеская среда, въ пустынномъ Маннгеймѣ, на который Виттельсбахи промѣнили очаровательный, но протестантскій Гейдельбергъ. Здѣсь Карлъ-Теодоръ, восемнадцати лѣтъ, сталъ курфюрстомъ и сначала выказывалъ вольнодумство, ввелъ полезныя учрежденія въ странѣ, въ особенности же покровительствовалъ искусствамъ и литературѣ; а его внѣшняя политика была такъ утонченна, что французскіе министры говорили: «изъ нѣмецкихъ дворовъ, намъ больше всего хлопотъ съ маннгеймскимъ». Но во всемъ этомъ проглядывало лишь запоздалое подражаніе Людовику XIV. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше вырабатывался изъ Карла-Теодора типъ фюрста-эгоиста, съ непреклонной волей и коварнымъ умомъ. Такимъ явился онъ въ Баварію. У него не было ничего общаго съ этой страной, и онъ не скрывалъ своей ненависти къ ней. Баварцы, съ ихъ провинціальнымъ патріотизмомъ, развившимся въ патріархальное правленіе Максимилиана-Іосифа, отвѣчали ему тѣмъ же: въ самомъ государственномъ совѣтѣ встрѣчались то улыбки, то пожиманія плечами. И не разъ курфюрсту приходилось бѣжать изъ своей столицы ²⁾. Но Карлъ-Теодоръ рѣшился

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1875 г. іюнь, глава XI и XII.

²⁾ Любопытно столкновеніе Карла-Теодора съ маннгеймскимъ магистратомъ. Клевертъ курфюрста подстроилъ благодарственный адресъ своему господину, отъ имени Мюнхена, за украшеніе города. Магистратъ, помимо котораго велось дѣло, протестовалъ. Тогда на него посыпались неприятели: курфюрстъ грозилъ перенесеніемъ своей резиденціи въ другой городъ, возмущалъ шайки бездѣльниковъ противъ магистрата и т. под. Наконецъ, упрямая дума была временно разогнана и замѣнена чиновничьимъ правленіемъ. Нѣкоторыхъ членовъ магистрата отрѣшили отъ должности и принудили къ торжественному извиненію передъ портретомъ курфюрста.

искоренить непокорный духъ баварцевъ. У него закономъ было «*Sic volo, sic jubeo!*» (хочу и приказываю!). Онъ безъ суда хваталъ гражданъ и держалъ ихъ въ тюрьмѣ по произволу, а на чиновниковъ смотрѣлъ, какъ богдыханъ на мандариновъ: «вотъ, я дамъ по 25-ти палокъ этимъ негодяямъ!» восклицалъ маннгеймскій Людовикъ XIV. Пышное богослуженіе выдвинулось на ряду съ плацъ-парадами, и въ Баваріи появился даже особый нунцій. Іезуиты окружили престолъ и стали истреблять всякія книги, даже пропущенныя придирчивой свѣтской цензурой. Но они сами были рабами курфюрста: Карлъ-Теодоръ цѣнилъ ихъ только какъ орудіе и освященіе своего деспотизма. Онъ и ханжеству предавался лишь въ видахъ пышнаго культа княжеской власти. Для этого культа Карлъ-Теодоръ не жалѣлъ ничего. Еще въ Пфальцѣ онъ содержалъ три арміи въ 5500 солдатъ, 1 генераль-фельдмаршала, 1 генераль-фельдцейхмейстера, 9 генераль-лейтенантовъ и 10 генераль-майоровъ, — такъ что на каждого генерала приходилось по 200 или 300 рядовыхъ; а въ Баваріи его армія дошла до 18,000, раздѣленныхъ на 30 полковъ, — такъ что офицерство составляло почти четверть всего войска. И даже флотъ, состоявшій изъ трехъ шлюпокъ на Рейнѣ, подчинялся «великому адмиралу»! Еще въ Пфальцѣ Карлъ-Теодоръ тратилъ на оперу 200,000 гульденовъ, на конюшню — 100,000, на охоту — 80,000, на дворцы — 60,000 и столько же на искусственные сады, — всего полмилліона, не считая тутъ собственно содержанія двора; а весь доходъ казны равнялся тремъ милліонамъ гульденовъ. А когда онъ получилъ Баварію, въ его придворномъ календарѣ (за 1783 годъ) числилось: 431 камергеръ, 91 камердинеръ и лакей, 3 карлика, 2 поэта, 52 капитана, 21 трубачъ, 130 музыкантовъ, 20 живописцевъ, 21 лейбъ-медикъ, 27 столъ-нщиковъ, 181 прислужникъ при обѣдѣ, 178 конюшнихъ и т. д. Здѣсь придворный бюджетъ доходилъ почти до 2 милліоновъ, военный болѣе милліона. Въ Мюнхенѣ процвѣтали также неизбѣжныя принадлежности фюрста — охота и «хозяйство метрессъ», въ особенности послѣднее. Жена Карла-Теодора томила въ скучномъ Маннгеймѣ, а онъ усердно мѣнялъ свои привязанности въ Мюнхенѣ. Судьба, обидѣвши его законными дѣтьми, наградила вучей побочныхъ. Когда ему было уже за шестьдесятъ, онъ все еще доказывалъ свое здоровье ¹⁾ и мечталъ, по

¹⁾ *Гофенфельсъ прусскимъ министромъ*, отъ 15 марта 1784 года: „Suiwant les nouvelles de Munich l'Electeur se porte à merveille. Ce qui n'en laisse point douter, c'est le succès dont ont été couronnés ses efforts amoureux chez une comédienne, nommée Mademoiselle Schmauss. Schmidt, Unionsbestrebungen, I, 67.

смерти жены, обвѣнчаться съ хорошенькой племянницей Іосифа II ¹⁾. Увлеченія Карла-Теодора тѣмъ дороже обходились баварцамъ, что его страстью было обезпечить своихъ дѣтей. Тутъ ли не было ничего святого. Онъ вѣнчалъ невообразимыя шудаты, продавалъ должности, прижималъ даже богатыхъ иезуитовъ, наконецъ заводилъ лотереи, увѣряя подданныхъ, что это — «самый вѣрный путь къ счастью». Карлъ-Теодоръ ненавидѣлъ своего племянника, Карла цвейбрюкенскаго, какъ похитителя наслѣдства у его дѣтей, и упорно отказывалъ ему въ законной долѣ доходовъ. Забота о плодахъ любви приводила также Карла-Теодора къ зависимости отъ Австріи. Іосифъ справедливо надѣялся склонить его на все, суля горы золота его дѣтямъ. Курфюрстъ открыто выражалъ свою ненависть къ Фридриху II, которому онъ былъ обязанъ баварскимъ престоломъ, и приверженность къ Іосифу: онъ даже одѣлъ свои войска въ бѣлые австрійскіе мундиры ²⁾. Карлъ-Теодоръ добился своего. Почтенные капиталы были помѣщены у него въ австрійскихъ государственныхъ заѣмахъ, на прокормленіе дѣтей. А Баварія, не доставлявшая и десяти милліоновъ дохода, несла бремя 140 милліоновъ государственнаго долга. И часто Румянцовъ представлялъ такіа донесенія въ Петербургъ: «казна баваро-палатинскаго курфюрста совсѣмъ разстроилась. Онъ собралъ совѣтъ, который указалъ, что ежегодно тратится на милліонъ болѣе противъ доходовъ. Сіа истинна: курфюрсту не понравилась и, оказавъ неудовольствіе, сей принцъ собранный совѣтъ разрушилъ». «Баваро-пфальцскій курфюрстъ опять свою столицу повинулъ, въ которой смутно довольно; кредитъ весь потерялъ и недавно казенная палата 300 гульденовъ платежа вскорѣ учинить не могла» ³⁾.

Представителемъ цвейбрюкенской линіи Виттельсбаховъ былъ «Божіей милостью Мы, Карлъ II, герцогъ Цвейбрюкенскій, пфальцграфъ Рейнскій, Баварскій, Юлихскій, Клевскій и Бергскій, фюрстъ Мёрсскій, графъ Вельденцскій, Шпонгеймскій, Марескій, Равенсбергскій и Ранпольштейнскій, господинъ (Herr) Равен-

¹⁾ Іосифъ писалъ Леопольду о Карлѣ-Теодорѣ: „sa santé est assez bonne, et il est amateur du sexe“. Это былъ бы „un mariage dont il naîtrait encore des garçons“. *Joseph und Leopold*, II, 41 sq.

²⁾ Фридрихъ II Финкенштейну, отъ 28 апр. 1785 года, у Шмидта, *Unionsbestrebungen*, I, 189.

³⁾ Всѣ слова Румянцова въ этихъ характеристикахъ заимствованы нами изъ его донесеній Екатеринѣ въ 1784 — 1786 гг. Многіа изъ этихъ денегъ находятся въ австрійскихъ дѣлахъ, какъ приложенія къ донесеніямъ Голицына, черезъ котораго Румянцовъ пересылалъ Екатеринѣ свои наблюденія.

штейнскій и Гогеневскій, и прочая, и прочая». Онъ болѣе своего дяди подходилъ къ основному типу фюрста. Это былъ чистый плодъ воспитанія при маленькомъ нѣмецкомъ дворѣ, подъ руководствомъ усатыхъ дѣдежъ, въ сообществѣ красавицъ, собакъ, лошадей да бутыловъ. По обычаю, Карлъ завершилъ эту школу путешествіемъ въ Парижъ: тамъ юные фюрсты изучали послѣднія тайны разгула, благодаря *incognito*, которое спасало ихъ также отъ версальскаго этикета, смѣшивавшаго ихъ съ не-вѣнченосной знатію ¹⁾. Конечно, и герцогомъ цвейбрюкенскимъ овладѣвали припадки мелкаго деспотизма. Онъ ссорился съ родственниками и тигался съ посторонними; министры терпѣли отъ его придирчивости къ формѣ; подданные знали его «нѣкоторую склонность къ суровости, жестокосердіе и надменность». Но это было только упрямство, да «желчный характеръ, мѣшавшій герцогу маскировать свои душевные движенія». Къ Карлу больше всего подходили слова Екатерины: «нерѣшительность—наслѣдственная болѣзнь въ пфальцскомъ домѣ; здѣсь попадаются господа, которые не дерзнутъ написать учтивое письмо, не посоветовавшись съ половиной Европы» ²⁾. Карлъ былъ образцомъ драблости, свойственной фюрстамъ того времени. Въ 1780 году ему было всего тридцать-четыре года, правленію же его только пять лѣтъ, а онъ уже казался усталымъ и отжившимъ. Румянцовъ часто упоминаетъ объ его «скромномъ разумѣ», въ особенности же объ его примѣрной «лѣности и отвращеніи къ труду, во всякому противному дѣлу». Сами цвейбрюкенскіе министры внушали ему: «съ государемъ такого характера, какъ нашъ, нужно лишь вскользь касаться дѣлъ и тотчасъ же кончать, не углубляясь въ подробности» ³⁾. Лѣнь заставляла Карла даже пренебрегать главною обязанностью фюрста—плацъ-парадами, и онъ спасалъ свою княжескую честь только громкими фразами о своей прирожденной любви къ военщинѣ, о своемъ желаніи, при первой возможности, «предаться прусскому военному учрежденію». При полной «неспособности герцога къ управленію дѣлъ, каждый изъ его министровъ имѣлъ безпредѣльную власть въ своемъ департаментѣ». И Карлъ, который кричалъ: «ужъ въ одномъ должны отдать мнѣ справедливость—что никто не можетъ и не отважится обладать мною!»—вѣчно подчинялся кому-нибудь изъ приближен-

¹⁾ *Séjour*, I, 82 sq.

²⁾ *Joseph II und Katharina*, 236 sq.

³⁾ „Avec un Prince du caractère de leur Maître il fallait effleurer les choses et conclure tout de suite sans s'appesantir sur les objets de détail.... Avec lui tout délai est nuisible“. Румянцовъ Голлштру, отъ 12/28 августа 1784 года.

ныхъ или изъ иностранцевъ. Жизнь его была рядомъ противоположнѣй. Этотъ католическій фюрстъ былъ окруженъ протестантскими совѣтниками, и поговаривали, что онъ обратится въ лютеранизмъ. Впрочемъ, у него религія замѣнялась суевѣрнымъ страхомъ: когда заболѣлъ его сынъ, котораго онъ любилъ, было приказано всѣмъ «трѣмъ религіямъ его государства молиться о здравіи дитяти». Карлъ былъ боязливъ, «скрытенъ и подозрителенъ». Онъ «боялся и избѣгалъ всего, что могло возволновать его однообразную и уединенную жизнь, въ особенности же чувствовалъ отвращеніе къ посѣщеніямъ иностранцевъ». Карлу, какъ и всякому фюрсту ¹⁾, было хорошо только у себя дома. Онъ сидѣлъ въ своемъ скучномъ Карлсбергѣ, и лишь министръ финансовъ да французскій аббатъ имѣли невозбранный доступъ къ нему. Здѣсь герцогъ трудился надъ охотничьей справой и конюшней, которыми хотѣлъ изумить Европу; у него были бѣлородкѣйшіе экземпляры конской породы, и даже производившіе опыты разведенія ея. Карлъ-Теодоръ говорилъ про своего племянника: «дай только ему деньги—онъ сейчасъ истратитъ ихъ на лошадей да на собакъ». Остальное время Карлъ употреблялъ на государственныя заботы. Онъ педантично исполнялъ всѣ обязанности придворнаго чина и придумывалъ мѣры къ своему возвышенію: такъ онъ хлопоталъ объ украшеніи герцогини орденомъ св. Екатерины, «который бы придалъ новый блескъ ея значенію и повсюду улучшилъ бы его кредитъ» ²⁾. Никто такъ не умѣлъ пользоваться этою слабостью герцога, какъ французы. Они сдѣлали его своимъ генералъ-лейтенантомъ—и онъ тотчасъ же началъ щеголять въ новомъ мундирѣ ³⁾. Людовикъ XVI согласился даже крестить его сына, прислалъ родильницѣ подарокъ въ 60,000 франковъ, а новорожденнаго зачислилъ во французскіе полковники, съ жалованьемъ со дня рожденія и съ наградою въ 100,000 эку при вступленіи въ бракъ. «Столько милостей—говорить Румянцовъ—быть можетъ достаточно, чтобы привязать пфальцскій домъ къ Людовику XVI; но тутъ прибавилъ еще лестное для него отличіе: именно, въ день крещенія ребенка страсбургскій гарнизонъ былъ подъ оружіемъ, и новорожденный

¹⁾ „Les princes d'Allemagne ne se plaisent que dans leur patrie“. *Testament politique de l'empereur Joseph Second*, II, 172.

²⁾ Румянцовъ Голлицину, въ декабрѣ 1784 года: „sur des instances de M. de Hofenfels il y a deux ans, que j'avois sollicité cet ordre, qui de son propre aveu, ajoutant un nouveau lustre à la considération dont jouissait le Duc, devoit, disoit-il, nommément améliorer le credit du Duc partout“.

³⁾ Менуаръ Карла-Августа веймарскаго, у Раме, *Die deutschen Mächte*, II, 268.

удостоился чести, которую отдають дитяти Франціи ¹⁾. Послѣ трудовъ Карлъ проявлялъ другія способности, которыми гордился ²⁾. «Съ малымъ числомъ своихъ пріятелей—говорить Румянцовъ—герцогъ всякій вечеръ препровождаетъ на дачѣ у госпожи д'Езебекъ, заступающей мѣсто оберъ-гофмейстеринны у герцогини», —увдавшей, но еще интересной красоты. Онъ не обращалъ вниманія на народъ, который ропталъ, «видя, какъ герцогиня печально прозябала въ одиночествѣ, въ городишкѣ, въ долині, и слышала шумъ пировъ и концертовъ на вершинѣ горы, гдѣ блистала, въ герцогскомъ дворцѣ, любовница» ³⁾. Только по смерти сына, Карлъ, со страху, началъ было сближаться съ женой; но вскорѣ все пошло по старому, и «госпожа д'Езебекъ, приобравши прежній свой надъ герцогомъ кредитъ, свергла министра Крейцера за то, что онъ, забывъ всѣ ея благодѣянія, питатель былъ новой герцоговой любовной склонности». Политическая интрига не упускала случая пользоваться и этою слабостью герцога. Румянцовъ старался поддѣлываться къ свѣтиламъ, восходившимъ на придворномъ горизонтѣ въ Карлсбергѣ, а его враги подставляли ему ногу. Однажды онъ доносилъ Остерману: «партія берлинскаго двора всемѣрно старалась поссорить герцога съ госпожею д'Езебекъ, почитая ее тайною мнѣ вспомога-тельница; но по сихъ поръ таковое стараніе господина Гофенфельса и согрудниковъ его осталось втунѣ; нынѣ же успѣваетъ и удалось имъ, какъ кажется, родить въ герцогѣ склонность къ другой женщинѣ» ⁴⁾.

¹⁾ Румянцовъ Остерману, отъ 11/12 сентября 1786 года: „Tant de bienfaits suf- fisoit peut être pour attacher à Louis XVI la maison Palatine, mais il y a ajouté une distinction flattense pour elle: c'est qu'au jour du baptême de cet enfant la gar- nison de Strasbourg à été sous les armes et il a reçu les honneurs que l'on rend à un enfant de France“.

²⁾ Въ Мемуарѣ Карла-Августа для прусскаго кронпринца (Rank, II, 267) сказано: „La mort de son fils unique lui a fait faire des reflections à sa façon serieuses, on lui parla de marier le Prince Max son frère, mais il n'en désira rien entendre, il s'exprima (qu'Elle pardonne la liberté du terme) qu'il savait faire lui même autant de garçon, qu'il vouloit“.

³⁾ Ségur, II, 102 sq.

⁴⁾ Изъ другой депеши Румянцова видно, что онъ былъ хорошъ съ герцогиней и началъ восстанавливать свое утраченное вліяніе на Карла, когда тотъ сталъ было сближаться съ женой. См. копію съ постъ-скринтума Румянцова къ Prince de G... (Полкину). Въ ней любопытно слѣдующее мѣсто изъ таинственнаго письма, полу- ченнаго Румянцовымъ de très bonne part: „Je ne suis pas en peine que le... (гер- цогъ квейбрюккенскій) ne soit bientôt sur le même pied avec le... (Румянцовъ) que Cy devant et si la Politique ne s'en meloit il le (se?) seroit déjà, je le parie, re- concilié, mais dans le moment ci, il n'y a rien à faire que de rester tranquile et

Такая жизнь, въ соединеніи со скупостью дядюшки, привела Карла въ банкротству. Румянцовъ постоянно доносилъ, что «герцогъ въ сущей нищетѣ, въ совершенномъ недостаткѣ денегъ находится... Вскорѣ минетъ два года, что никому изъ служителей не плачено жалованья». И это, несмотря на безконечныя долги и на поддержку иностранныхъ дворовъ! Франція выдавала крупныя суммы на содержаніе этого potentata, давала и постоянныя «субсидіи», и экстраординарные подарки, уступала ему займы ¹⁾, а онъ все просилъ у нея денегъ. Скупой Фридрихъ только торговался съ Карломъ ²⁾, а больше ни на его обѣщаніемъ ссудить его на время хорошимъ генераломъ. Кронпринцъ и здѣсь дѣйствовалъ энергичнѣе: узнавши, что онъ отказалъ Карлу въ новой просьбѣ о «денежномъ вспоможеніи», онъ «занялъ у герцога курляндскаго милліонъ и раздѣлилъ оный пополамъ съ герцогомъ цвейбрюкенскимъ». Карлъ былъ при-

attendre la fin de tout ceci". Посылая эту копію къ Безбородко, Румянцовъ пишетъ: „хочу вамъ въ видѣ тайны повѣрить, что сіе писано было герцогиней, и что доброе ко мнѣ расположеніе мнѣ извѣстно; она по смерти сына своего изъ часу болѣе у мужа выигрываетъ. А въ отвѣтъ на одно письмо, гдѣ въ сущности упоминалось о огорченіи моемъ видѣть, что нѣкоторые изъ друзей моихъ ирре-не мои совѣты пренебрегаютъ и слѣдуютъ худшимъ и что трудно мнѣ и исправить, окончила она тако свое письмо, отъ 14/го генваря: la fin de votre lettre et vos tristes reflexions ne se ressentent pas de la veille d'un bal, j'espère que ce n'est que le vilain tems de brouillard qui vous donne des idées si tristes. Courez moi, un beau soleil viendra bientôt les éclaircir et vous serez le premier à jouir de cet Astre bienfaisant je Coupe Court à ma lettre" etc.

¹⁾ Кромѣ подарковъ и субсидій отъ Франціи, Карлъ „имѣлъ много доходовъ и владѣніяхъ короля". Наконецъ, встрѣчаются такіа извѣстія въ депешахъ Румянцова, герцогу сдѣлалъ заемъ во Франціи въ 4 милліона франковъ—и тѣмъ самымъ денегъ, ибо французскій король обiazался платить проценты на субсидіи, данныя имъ герцогу. Сверхъ того, для обезпеченія своихъ кредиторовъ герцогъ заложилъ свои владѣнія въ Эльзасѣ. Въ другой разъ Румянцовъ доносилъ: „одинъ швейцарскій опасается новаго сближенія между герцогомъ цвейбрюкенскимъ и императоромъ, утверждая, что сей принцъ уступилъ Франціи бергцоберскій и швейцарскій баліажи, и въ сей уступкѣ видитъ онъ неминуемую свою бѣду и вредъ французскаго двора противъ германской имперіи замысли". Въ октябрѣ 1786 г. посланный отъѣзжалъ въ Парижъ родственника Карла, князя Вильгельма Бирсфельдскаго, возбудилъ финансовыя соображенія. Румянцовъ былъ убѣжденъ, что затѣяныя имъ сдѣлки: „Франція еще даетъ 6 милліоновъ герцогу, чтобы получить данною имъ часть палатинскаго владѣнія и, вѣроятно, для вѣрности сей уступки требуетъ сія бирсфельдскаго принца, который за точную сумму дать его не откажется самъ въ неимуществѣ и будучи рожденіемъ новаго принца цвейбрюкенскаго далеко отъ влѣстїи курфюрста отторгнуть".

²⁾ Изъ депешъ Румянцова Екатерина увидѣла, что „король прусскій герцогу ваятъ на себя всѣ его долги (до 4 милліоновъ), съ условіемъ, что герцогу, который, однако, долженъ будетъ принимать ихъ, доведеть до крайней бѣды".

кой Берлина, и въ особенности Версаля. Фридрихъ заставилъ его, въ 1778 году, написать Екатеринѣ о союзѣ князей, а въ 1785-мъ оскорбить ее грубымъ отвѣтомъ. Онъ же говорилъ, что герцогъ «до того находится подъ опекой Франціи», что не смѣетъ даже переимѣнить своего министра въ Лондонѣ, которымъ тамъ очень недовольны, какъ французомъ, присланнымъ, можно сказать, изъ Версаля ¹⁾. Опекуны иногда дѣлали наставленія Карлу. Тамъ, въ 1786 году, «король французскій и прусскій писали къ нему, увѣщывая его воздержаться отъ обыкновенной роскоши и грозя, въ противномъ случаѣ, отказаться отъ всякаго ему покровительства». Карлъ сталъ-было «дѣлать нѣкоторое уменьшеніе въ издержкахъ», но черезъ мѣсяцъ Румянцовъ уже писалъ, какъ сами же опекуны испортили герцога. «Французскій дворъ говоритъ онъ,—слишкомъ ловкій, чтобы оставить этого фюрста въ такомъ положеніи: въ ту самую минуту, когда упрекнулъ его въ издержкахъ, выдалъ ему, при посредствѣ своихъ откупщиковъ (*par ses fermiers généraux*), 100,000 эку. Но это былъ лишь палліативъ. Смерть прусскаго короля помогла герцогу цвейбрюкенскому: полный довѣрія къ дружбѣ и великодушію новаго короля, онъ тотчасъ же отказался отъ своего плана сокращенія издержекъ, купилъ 30 новыхъ лошадей и приказалъ выписать изъ Италіи труппу оперы-буфъ».

Австрія и Россія не имѣли вліянія на Карла, потому что не считали нужнымъ сорить деньгами и знаками отличія въ Цвейбрюкенѣ. Іосифъ обѣщалъ ему только орденъ Золотого Руна и многія выгоды ²⁾. Екатерина же ограничивалась легкими внушеніями Карлу-Теодору на счетъ доходовъ герцога ³⁾: Румянцовъ не могъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, выпросить у нея орденъ для герцогини.

Послѣ всѣхъ указанныхъ поводовъ къ интригамъ, повѣривъ Румянцову, что Цвейбрюкенъ представлялъ «гораздо болѣе труд-

¹⁾ Фридрихъ II Фридрихъ-Вильгельмъ, отъ 24 марта 1785 года.—*Schmidt, Unionsbestrebungen*, I, 163.

²⁾ *Dohn*, I, 37.

³⁾ Въ 1782—1788 годахъ Екатерина дважды требовала у курфюрста пфальцскаго, чтобы тотъ уступилъ герцогу цвейбрюкенскому въ спорѣ объ апаанжѣ. Карлъ-Теодоръ не уступалъ. Голлицъ, въ мартѣ 1783 года, выразилъ его министру въ Вѣнѣ «крайнее удивленіе о той непреклонности, въ которой курфюрстъ пфальцскій столь упорно остается въ разсужденіи герцога цвейбрюкенскаго, не взирая на столь значительное и всякаго уваженія достойное заступленіе, какое отъ ея императорскаго величества и отъ его величества короля французскаго učinено въ пользу сего пфальцскаго наслѣдника».

ную почву для обработки, чѣмъ думаютъ»¹⁾. Роль нашего посланника была тѣмъ болѣе мудрена, что Цвейбрюкеномъ управляли собственно двое министровъ, подкупленныхъ иностранными дворами и готовыхъ интриговать съ цѣлымъ міромъ, начиная съ самихъ себя. Одинъ изъ нихъ, Крейцеръ, былъ ничтожествомъ даже въ этой средѣ, и оправдалъ свою фамилію. Завѣдуя личною герцога, онъ вѣчно возился съ крейцерами, которые быстро уходили у него изъ рукъ, чѣмъ прибывали. Такъ какъ вся финансовая мудрость въ Цвейбрюкенѣ состояла въ изысканіи денегъ натурой, къ чему бы это ни привело, то Крейцеръ уподобилъ главнокомандующему надъ арміей факторовъ, именуемыхъ «продворными жидами» (Hofjuden), которые постоянно терлись подъ герцога. «Какъ правящій казною, Крейцеръ ежедневно видѣлся съ принцемъ наединѣ»; столь же часто посѣщалъ онъ господу д'Езебекъ; наконецъ, онъ, вмѣстѣ съ своей арміей, «занявъ однимъ только ремесломъ—доставать мимолетныя средства для какаго рода предметовъ личнаго вкуса, которые обыкновенно свиваютъ отъ взоровъ публики»²⁾. Все это дѣлало Крейцера личною особой, и его товарищъ по ремеслу ничего не могъ сдѣлать до тѣхъ поръ, пока онъ не прогнѣвилъ еще болѣе личной особы, госпожи д'Езебекъ. Крейцера можно было погубить, разоблачивши его финансовыя тайны: безденежье герцога «увеличилось, какъ клубокъ», отчасти благодаря «постоянному грабительству». А какое участіе принималъ тутъ Крейцеръ, видно изъ того, что его поприще кончилось арестомъ; по поводу 400,000 гульденовъ, утаенныхъ имъ при продажѣ вотчинъ герцога въ Богеміи³⁾.

Товарищъ Крейцера, Гофенфельсъ, былъ человекъ другого закала. Это — образчикъ даровитаго министра-«патріота» при маленькомъ нѣмецкомъ дворѣ. Гофенфельсъ выдвинулся впередъ: онъ былъ сынъ протестантскаго проповѣдника и достигъ дворянства только по настояніямъ госпожи д'Езебекъ. По словам Р.

¹⁾ Румянцовъ Голлицыну, отъ 12/23 августа 1784 года. „Le terrain ici est beaucoup plus difficile à manier que vous ne pouvez le penser. D'une part les appréhensions du Duc, ses préjugés contre la Cour de Vienne, les cajoleries de celle de Berlin et de Versailles, d'une autre le caractère personnel de ce Prince, sa fermeté, sa réserve, sa paresse et son dégoût pour le travail, ses soupçons, la répugnance qu'il a de voir chez lui des étrangers; tout en un mot sert à augmenter pour moi les difficultés et rien ne les écarte“.

²⁾ Гофенфельсъ Герцбергу, отъ 17-го октября 1784 года. Schmidt, Unionsbestrebungen, I, 108.

³⁾ Румянцовъ Екатерину, въ декабрѣ 1786 года. — Гофенфельсъ у Шмидта. Unionsbestrebungen, I, 109.

минцова, онъ отличался «завистливимъ и алчнымъ въ интригамъ нравомъ» и орудовалъ всю цвейбрюкенскую политикой, «питая своего государя непрерывною враждою къ вѣнскому двору и добрымъ къ себѣ самому расположеніемъ. Въ министрѣ семь первенствующая страсть есть озлобленіе на императора, и оной страсти вдается онъ, пренебрегая трудъ, опасность, здравіе и — fortuna; но дабы дать вашему императорскому величеству понятіе о безпокойномъ семь человѣкѣ и о хитрости его, то подобаю его тому Герцу, который, будучи министромъ герцога голштинскаго, начертилъ проектъ, долженствовавшій переимѣнить судьбу многихъ европейскихъ державъ и оный безъ малаго бы не исполнилъ посредствомъ Карла XIV». Понятны эти желчныя отзывы Румянцова: Гофенфельсъ былъ самымъ опаснымъ и непримиримымъ его врагомъ въ политикѣ, притомъ одержавшимъ побѣду; сверхъ того, онъ былъ горячимъ пруссофиломъ, тогда какъ Крейцера считали склоннымъ къ Вѣнѣ. Но изъ самыхъ словъ Румянцова выходитъ, что Гофенфельсъ недюжинная натура. Онъ отличался необыкновенной пылкостью, энергіей, усердіемъ, и дѣйствительно «пренебрегалъ fortunой» ради своихъ убѣжденій: Іосифъ безуспѣшно предлагалъ ему полмилліона въ 1778 году. Гофенфельсъ, подобно его врагу, Румянцову, былъ не на своемъ мѣстѣ. Въ цвейбрюкенскомъ захолюстѣ онъ часто бывалъ жалокъ, вдался въ интриги и педантизмъ — словомъ, мельчалъ. Здѣсь были карикатурны его великіе «патріотическіе» планы, его суетливость по поводу возрожденія Германіи, его гордость своей «старо-нѣмецкой кровью». Его безчисленные проекты оставались въ тѣни, а ихъ авторъ казался просто надменнымъ и казюльнымъ орудіемъ Пруссіи, или, вѣрнѣе, Герцберга и молодого берлинскаго двора. Гофенфельсъ былъ, въ глазахъ нѣмцевъ, лишь отраженіемъ Герцберга, котораго онъ напоминалъ характеромъ и, быть можетъ, могъ бы вполне замѣнить.

Братъ герцога, Максимилианъ, которому суждено было водворить цвейбрюкенскую линію Виттельсбаховъ въ Баваріи (съ 1799 года) и стать первымъ королемъ баварскимъ (въ 1805 году), представляетъ типъ фюрста-добряка. Это — невинная натура, которая ребячествовала во всю свою жизнь. Максимилианъ былъ лишень способностей, хотя въ Берлинѣ старались думать иначе, считая принца наклоннымъ къ «патріотизму», такъ какъ онъ любилъ навѣдываться въ Парижъ. Но Максимилианъ ѣздилъ туда только веселиться да испрашивать себѣ «денежныя вспоможенія». У него «клубокъ» безденежья былъ еще больше, чѣмъ у брата: порой ему приходилось жить на счетъ любовницъ. «Франція —

говорить Румянцовъ — предвидя, что Максимилианъ будетъ настаивать Карлу, уже явилась къ нему съ предложеніемъ уплатить его долги, дать ему право на мѣсто эльзасскаго губернатора (*survivance du Gouvernement de l'Alsace*) и значительную пенсію, если только онъ женится на *mademoiselle de Condé*. Тотъ же согласился, боясь притязаній на нѣкоторыя владѣнія палатинскаго дома со стороны этой госпожи, какъ потомка дома де-ла-Турь-д'Овернь. Если на престолъ вступить Максимилианъ, то видъ Франціи на этотъ бракъ возникнутъ изъ забвенія; ибо у него характеръ слабый, непослѣдовательный, болтливый: на него имѣетъ вліяніе только эльзасецъ Мюлленгеймъ, которому французскій дворъ тихонько платитъ пенсію. Видя его характеръ, я убѣжденъ, что принцесса Конде будетъ имѣть надъ нимъ полную власть, тѣмъ болѣе, что она желаетъ этого; слѣдовательно, онъ будетъ подчиненъ Франціи». Кромѣ добыванія денегъ, въ то время Максимилианъ былъ озабоченъ принсканіемъ себѣ невѣсты. Онъ рѣшился жениться во что бы то ни стало, и именно на такой особѣ, которая не оставляла бы сомнѣнія на счетъ потомства. Максимилианъ сначала думалъ объ одной *mademoiselle Bourbon*, но ее «необычайная полнота грозила безплодіемъ»; затѣмъ онъ мечталъ о фрейлинѣ кассельской, наконецъ о вдовѣ одного фюрста, уже доказавшей свое плодородіе. Рядомъ съ этимъ, Максимилианъ налаживалъ трудное дѣло развѣзда съ своей главной любовницей, «нѣкоей *madame du Pin*, вдовой очень богатаго американца, которая посвятила ему свое состояніе и репутацію, живя въ его домѣ и проѣдая свое добро». Однажды Максимилианъ такъ вооружился мужествомъ, что, отправляясь въ Парижъ, объявилъ: «не возвращусь, не женившись», а госпожѣ дю-Панъ сказалъ, что она не должна болѣе рассчитывать на него, и, возвратившись, онъ не увидитъ ее болѣе. Но дю-Панъ подтвердила всеобщія подозрѣнія о своемъ тайномъ бракѣ съ Максимилианомъ, также очутившись въ Парижѣ. Отсюда она хотѣла послѣдовать за своимъ возлюбленнымъ въ обратный путь, но Людовикъ XVI приказалъ ей не оставлять Парижа. Такъ протекала юность безпечнаго Максимилиана. Впослѣдствіи изъ него образовался известный «добрый король Максъ» ¹⁾.

Нелегкая была задача Румянцова въ такой средѣ. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, все зависѣло отъ каприза упрямаго и недалекаго фюрста, воспитаннаго въ ненависти и страхѣ къ императору и опутаннаго вліяніемъ Потсдама и Версаля. Правда, политика

¹⁾ Онъ характеризованъ нами въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1876 г., июль, стр. 450.

герцога Карла опредѣлялась матеріальными выгодами, и его колебанія объясняются, главнымъ образомъ, неяснымъ пониманіемъ того, гдѣ больше даютъ. Но, какъ мы видѣли, враги Австріи и Россіи уже успѣли повліять на него и съ этой стороны. Судя по намереніямъ Гофенфельса, Румянцовъ думалъ, что они даже «гарантировали ему его наслѣдство (Баварію)», и именно въ описываемое время Фридрихъ предлагалъ ему устроить заемъ въ Берлинѣ и взять на себя его долги. Конечно, Румянцовъ долженъ былъ прибѣгнуть къ тому же средству, и первое повелѣніе ему отъ Екатерины было—доказывать, что Іосифъ «выхлопочетъ ему пособіе (апаажъ) отъ курфюрста пфальцскаго» и доставитъ «выгоды, касающіяся будущаго по кончинѣ курфюрста» ¹⁾. Но, чтобы убѣдить въ этомъ Карла, Румянцовъ долженъ былъ,—какъ и предписывалось ему,—прежде всего совершенно измѣнить его взглядъ на Берлинъ и Вѣну, а это значило вступить въ ожесточенную борьбу съ Гофенфельсомъ. Цвейбрюкенскій Рихелье ненавидѣлъ нашего посланника не только какъ политическій соперникъ, но и какъ личный врагъ. Но онъ не понималъ его. Гофенфельсъ былъ убѣжденъ, что Румянцовъ дѣйствуетъ безъ вѣдома своего двора, единственно изъ честолюбія и угожденія Іосифу, да своему дядѣ, Голицыну. Онъ не предполагалъ «въ этомъ интриганищѣ» ни патріотизма, ни приверженности къ своей императрицѣ. Гофенфельсу казалось, что Румянцова увлекутъ милости Павла Петровича—и онъ предастся на сторону Пруссіи, какъ только произойдетъ ожидаемая «перемѣна» въ Петербургѣ ²⁾.

Румянцовъ воспользовался продолжительнымъ отсутствіемъ Гофенфельса, чтобы совершить свои «трехнедѣльные старанія», которыя онъ описалъ Екатеринѣ на 30-ти страницахъ in-fol.

Румянцовъ началъ съ Крейцера, который, какъ «правящій

¹⁾ *Румянцовъ Голицыну*, отъ 12/22 августа 1784 года.—*Рескриптъ Румянцову* отъ 23-го мая 1784 года, въ которомъ предписывалось также вообще, «помнить наши предписанія 1781 года всѣмъ нашимъ министрамъ о поддержаніи римскихъ императорскихъ министровъ».

²⁾ *Гофенфельсъ Герберту*, отъ 16-го октября 1784 года. (*Schmidt*, Unionsbestrebungen, I, 109 sq.): «J'ai lu quatre lettres du Grand Duc (Павла Петровича), dans lesquelles il assure à ce petit intrigant (Румянцову) la place de Ministre des affaires étrangères. Ce ne sera pas d'un coup, mais peu à peu, que je parviendrai à le démasquer aux yeux du Duc (Карла цвейбрюкенскаго), dont il avait entièrement captivé la bienveillance, mais qui commence à ouvrir les yeux; et d'après les nouvelles, qu'un courrier passant en France m'a apporté des évènements à Pétersbourg, vu le changement qui pourra peut être s'effectuer, le comte de Romanzow changera aussi vraisemblablement la batterie».

казною, ежедневно видится съ принцемъ наединѣ». Онъ сталъ доказывать ему весь вредъ вайма, предложеннаго Фридрихомъ черезъ Гофенфельса, и прибавилъ: «возьмите-жъ вы мѣры, кои бы герцога отъ такового (прусскаго) опекунства оградилъ и вамъ мѣсто ваше сохранили». Крейцеръ, ничего даже незнавшій про эту сдѣлку, испугался и просилъ нашего посланника, пользуясь довѣріемъ герцога, отклонить его отъ бѣды. Румянцевъ долго «отрекался отъ сего», но, наконецъ, согласился, только если герцогъ самъ потребуетъ его совѣта. Вечеромъ того же дня онъ поѣхалъ на дачу къ госпожѣ д'Езебекъ, гдѣ Карлъ обласкалъ его болѣе обыкновеннаго и, объявивъ хозяйкѣ, что не хочетъ ужинать, повелъ его въ садъ. Здѣсь цѣлыхъ два часа шелъ между ними весьма оживленный разговоръ. «Я въ тебѣ всегда друга почиталъ,—сказалъ герцогъ,—но изъ даннаго мнѣ Крейцеромъ отчета утверждаюсь еще болѣе въ сей мысли. Пожалуй, отложи всякую осторожность и скажи мнѣ то, что ты ему сказывалъ о нѣкоторомъ на меня берлинскаго двора замыслѣ». Румянцовъ долго отговаривался и извинялся тѣмъ, что ему велико остерегаться всего непріятнаго для Потсдама, но, наконецъ, уступилъ многократнымъ просьбамъ и сталъ говорить, но только отъ себя лично.

Румянцовъ. Плата привязанностью доброе ваше ко мнѣ расположеніе, я заочно занимаюсь вами, и ни одинъ изъ слуховъ столько не огорчилъ меня, какъ о намѣреніи берлинскаго двора снять на себя долги ваши, съ кондиціями, въ числѣ коихъ и та, чтобы вы отъ него приняли министра, который бы управлялъ казеннымъ вашимъ департаментомъ и, слѣдовательно, всѣми вашими поступками. Пошедь подъ такое опекунство, вы подвергаете себя тому же безславію, которое наноситъ такъ-называемы Commission Impériale, которою васъ оной же непрерывно стращаетъ.

Карлъ (съ жаромъ). Такая поносная пропозиція успѣху не возымѣетъ, и понинѣ она не была сдѣлана.

Румянцовъ. Можетъ, Горстъ (берлинскій агентъ) на пути изъ Парижа сдѣлаетъ.

Карлъ (съ зростью). Даю тебѣ слово, что ему не удастся меня ввести въ обманъ; я благодаренъ за такое посвѣщеніе, нускай интригуешь онъ индѣ, а я къ интригамъ склонности не имѣю.

Румянцовъ. Да, но мнѣ кажется, вы не довольно осторожно удаляетесь отъ интригъ и часто бываете соучастникомъ тѣхъ, кои соплетаются индѣ противъ императора.

Карлъ (упомянувъ о лигѣ и о приѣздѣ ея главнаго ору-

дѣ, князя Дессаускаго). Я желаю, любя истину и тишину, чтобы германскіе чины, при настоящемъ случаѣ, остереглись своей бѣды, видя, каковѣй вонецъ подобныя тому интриги въ Голландіи причинили. Франція тамъ возжгла междоусобную брань, отвлекла республику отъ выгоднаго особеннаго съ Англіей примиренія и, наконецъ, безъ вѣдома ея миръ заключила, нынѣ же, яко гласить газеты, отрекается съ нею заключить союзный трактатъ, доволѣ хлопоты сея республики съ императоромъ не окончатся. Не ясно ли тутъ видится, съ одной стороны, слабость сей монархіи, а съ другой—что она лучшихъ своихъ друзей, въ случаѣ нужды, выдать готова; скажите-жѣ мнѣ теперь, здраво ли имперскимъ чинамъ, полагая надежду на нее, начинать противъ начальника своего оплотѣ?

Тутъ герцога разобрали и Францію, и императора.

Румянцовъ. Императоръ желать помочь вамъ у баварскаго, вмѣстѣ съ нашей императрицей, но жаловался, что вы не храните съ нимъ даже правилъ благопристойности. И именно противъ всякой благопристойности и долга обращаться для полученія обѣщанной вамъ въ Тешенѣ прибавки дохода къ двумъ посредническимъ державамъ и даже къ королю прусскому, а не къ императору. Я счелъ хорошимъ посовѣтовать вамъ не удалаться отъ нѣвоего умѣреннаго и пристойнаго съ императоромъ сближенія, и спросилъ объ этомъ наше министерство, но оно строго воспретило мнѣ сдѣлать вамъ малѣйшее о томъ предложеніе и вообще не раздражать берлинскаго двора. Оттого-то я и молчу, и если теперь рѣшился высказаться, то какъ вашъ другъ, а не какъ російскій министръ... Правда ли, что толкуютъ о тайномъ промѣнѣ части будущаго вашего наслѣдства съ королемъ прусскимъ на маркграфство аншпахское и байрѣтское?

Карлз. Неправда.

Румянцовъ. Я вижу, къ порадованію своему, что слухи, носящіеся объ васъ, болѣею частию весьма мало на справедливости основаны, поэтому хочу вамъ то сказать, яко небылицу же, что говорятъ будто бы, какъ скоро сдѣлаетесь курфюрстомъ, нѣкто, изъ принадлежащихъ вамъ, по личному къ берлинскому двору прилѣзненію, намѣренъ въ васъ родить склонность къ военному дѣлу и васъ поощритъ просить прусскаго короля, дабы онъ уступилъ вамъ одного изъ своихъ генераловъ.

Карлз (съ великою скоростью). Да, я имѣю склонность къ военному дѣлу съ младенчества и немедленно, по приведеніи дѣлъ моихъ въ лучшее состояніе, вдамся оному совершенію. А военное учрежденіе прусское есть наилучшее, и я его въ свои вой-

она ввести не премину. Генерала же врядъ ли прусскій король уступить кому-либо.

Румянцовъ. Для чего нѣтъ? Мы видимъ примѣръ тому въ Касселѣ, и сія уступка обѣщалась, можетъ быть, не безъ пользы и безъ намѣренія.

Карлъ (съ нѣкоторою запальчивостію). Воздай мнѣ справедливость въ томъ, что обладать мною никто не можетъ.

Румянцовъ (съ большою холодностію). Берлинскій дворъ однакожъ можетъ быть такого истиннаго объ васъ понятія не имѣть, какъ я имѣю, и для того, кажется мнѣ, простительно ему употребить то же средство для привлеченія васъ къ себѣ, которое ему удалось въ Касселѣ, гдѣ генераль Шлибенъ ландграфомъ управляетъ.

Карлъ (съ особливою яростію). Пускай дворъ сей отважится подумать управлять мною также, то увидишь ты, какъ ему не удастся.

На другой день Румянцовъ замѣтилъ, что герцогъ «умножилъ въ нему ласку и уваженіе», и Крейцеръ мимоходомъ далъ ему знать, что имъ весьма довольны. Дня два спустя, герцогъ возобновилъ свою бесѣду.

Карлъ. Познавъ изъ послѣдняго съ тобой разговора дружество и активное твое о судьбѣ моей попеченіе, признаюсь тебѣ я нынѣ, что дѣла мои вошли въ нѣкоторую разстройку: скажи, какъ поправить ихъ?

Румянцовъ. Банкиры не дадутъ; поэтому нужно или получить пособіе отъ какой-либо державы за уступки или обѣщанія, которыя богато вознаграждать ее за временную потерю, или примириться и угодить курфюрсту.

Герцогъ долго отказывался отъ послѣдняго средства, но потомъ согласился. Онъ больше всего опасался, что примиреніе съ курфюрстомъ «со временемъ можетъ принудить его къ тѣсному сближенію съ вѣнскимъ дворомъ, отъ котораго онъ съ озлобленіемъ отрекался». Румянцовъ замѣтилъ, что, напротивъ, это-то и хорошо, ибо значить разомъ достигнуть двухъ цѣлей. Тутъ Карлъ «сталъ уже употреблять вмѣсто ярости доводы».

Румянцовъ. Вы не имѣете права жаловаться на императора: война по кончинѣ баварскаго курфюрста была при покойной цесаревнѣ, когда онъ не имѣлъ вліянія на дѣла... Къ тому же, политика большихъ царствъ перемѣняетъ часто ихъ по времени, не по обыкновенному правилу непостоянства дѣлъ человеческихъ, но потому, что государи управляются пользою подданныхъ, а не личными страстями, кон, какъ вы сами тому примѣръ предъ-
 1

ляете, ведутъ всегда по одной какой-либо невыгодной стезѣ. Теперь политика вѣнскаго двора другая; онъ въ союзѣ съ императрицей, и вы могли бы много получить отъ него, еслибъ сами слѣпою страстью не связывали, такъ-сказать, благотворительную къ вамъ Россіи руку. Вы жалуетесь на императора, а я дивлюсь его кротости: все то зло, о коемъ вы твердите, исполниться противъ васъ еще должно, а вы уже въ настоящемъ времени, забывъ бессилие свое и достоуважаемое уваженіе чина имперіи къ начальнику, обходитесь по дѣламъ съ нимъ съ таковымъ небреженіемъ, которое бы осудительно и между равными было. Не начинается въ имперіи интриги противъ главы ея, которой бы ваше министерство не было источникомъ. Безспорно, вы со временемъ будете мощны, но теперь при слабости вашей едино недѣйствіе политическое вамъ пристойно и полезно быть можетъ. Когда же состояніе ваше перемѣнится, то, сравниваясь съ царями, должны тогда держаться ихъ правила независимости. Первый знакъ сей политической вольности, означающей достоинство такого двора, состоитъ въ охраненіи себя отъ всякаго слѣпого къ кому-либо прилѣпленія и въ равномъ со всѣми первой степени державами сношеніи... Основательное знаніе добрыхъ вашихъ душевныхъ качествъ претитъ мнѣ ошибаться въ такомъ случаѣ. Я различаю собственный поступокъ вашъ отъ поступка министра вашего. Вы гнушаетесь интригъ и, слѣдовательно, не можете быть участникомъ всѣхъ нынѣ въ Германіи сооружающихся. Признайтесь, пристойно ли, что баронъ Гофенфельсъ неоднократно вѣдиль ю многимъ чинамъ имперіи поджигать ихъ по дѣлу пассаускаго епископства, и именно склонилъ епископа спирскаго (шпейерскаго) просить духовныхъ курфюрстовъ о соединеніи себя для защищенія духовенства и вольности германской отъ предстоящей будто бы грозы.

Карлзъ. Гофенфельсъ исполнилъ тѣмъ личный германца долгъ.

Румянцовъ. Но обрѣтается ли въ исполненіи онаго какая-либо для васъ польза?

Карлзъ. Та, что меня причисляютъ къ лучшимъ германскимъ патріотамъ.

Румянцовъ. Любленіе отечества тогда только похвально, когда управляется разсудкомъ. Вы сами поощряете многихъ принцевъ въ число патріотовъ, не взирая на то, что держутся они правила умѣренности; посему особенная слава ваша въ томъ будетъ состоять, что скажутъ, что ни единый въ Германіи не даятъ не занимается столь мелочно, какъ вы храненіемъ конституціи: повѣрьте мнѣ, что похвала сія не соразмѣрна ни рожденію, ни

образу мыслей вашихъ. Воздержите вредную для васъ Гофенфельса заносчивость и склонность къ политической распрѣ; оставьте теперь защищеніе конституціи тѣмъ имперскимъ чинамъ, которые мощь къ тому имѣютъ, а сами въ тишинѣ и спокойствіи, къ коему вы природою склонны, время свое препровождайте.

Карлз. Не спору болѣе съ тобою, ты правъ; но уважи, какъ поправить дѣла съ сохраненіемъ моей репутаціи и достоинства? Увидишь, что курфюрстъ, какъ только примирюсь съ нимъ, откроетъ мнѣ какое-либо тайное и вредное для меня условіе съ императоромъ.

Румянцовъ. Не знаю, есть ли у нихъ такое условіе; но если есть, то дружбой и нужно вывѣдать.

Тутъ Карлъ склонился, наконецъ, на убѣжденія Румянцова, и они сообща придумали слѣдующій планъ. Воспользовавшись происходившими тогда переговорами съ Карломъ-Теодоромъ, по поводу наслѣдства одного умершаго родственника, герцогъ письменно изъявить свою признательность дядѣ за благопріятный ходъ этого дѣла и испросить позволенія возблагодарить его еще лично, въ Мюнхенѣ. А Румянцовъ убѣдитъ Іосифа, черезъ Голицына, содѣйствовать примиренію герцога съ курфюрстомъ, а когда императоръ согласится, Карлъ сдѣлаетъ послѣдній шагъ къ сближенію съ нимъ. Сверхъ того, герцогъ выразилъ Румянцову свое недовольство Гофенфельсомъ и предложилъ ему вести дѣла съ Крейцеромъ, которому «приказалъ слушаться своего друга». — Самъ Гофенфельсъ сознается, что Румянцевъ успѣлъ тогда вполне овладѣть расположеніемъ герцога. Онъ былъ озадаченъ холоднымъ приѣмомъ, который оказалъ Карлъ его горячимъ повѣствованіямъ объ успѣхахъ «лиги», ради которой онъ и отлучался такъ надолго. Вотъ разговоръ, происшедшій между ними, по этому поводу, и переданный Румянцову самимъ герцогомъ.

Карлз. Не знаю, для чего мнѣ торопиться; если то согласие (лига) сбудется и отечеству окажется полезнымъ, то успѣю я пристать къ другимъ, а теперь я то дѣлать не намѣренъ. Тебя все сіе занимаетъ слишкомъ много, и жаръ сей есть знакъ единого только педантства твоего и мнѣ прибыли отнюдь никакой не приносить.

Гофенфельсъ. Выгода состоитъ въ сохраненіи той славы, которую вы себя приобрѣли предъ лицомъ всей Европы, воспротивившись въ послѣднюю войну вреднымъ австрійскаго дома замысламъ.

Карлз. Поступокъ, который тебѣ кажется только славнымъ, заключаетъ, можетъ быть, нѣчто также осудительнаго; вопреки,

мнѣ мнится, что при томъ случаѣ много дѣйствовали посторонніе, подобно какъ дѣйствовала мартышка кошечью лапою, выгребая ею для себя изъ огня каштаны.

Румянцовъ жаловался Голицыну, сколько трудовъ стоило ему достигнуть первыхъ успѣховъ, «при извѣстномъ характерѣ герцога, когда еще его предразсудки, едва потрясенные, все укрѣпляются внушеніями двухъ самыхъ могущественныхъ кабинетовъ». Но его утѣшала мысль, что дѣло поставлено хорошо, тѣмъ болѣе, что тогда же старались увлечь Максимилиана предложеніемъ ему руки одной австрійской принцессы, вмѣстѣ съ какой-то должностію и съ званіемъ генералиссимуса въ Баваріи ¹⁾. Теперь дѣйствительно зависѣло отъ того, какъ поведутъ дѣло въ Вѣнѣ.

Здѣсь тотчасъ же были подорваны всѣ «старанія» Румянцева. Кауницъ прислалъ ему официальные бумаги для представленія Карлу, которыя дѣлали невозможною его роль друга герцога и частнаго человѣка; а между тѣмъ необходимо было продлить эту роль побольше, чтобы искоренить извѣстные «предразсудки». Но еще хуже было содержаніе вѣнскихъ бумагъ. Правда, въ нихъ было обѣщаніе помочь Карлу матеріально, и тотчасъ же, и въ будущемъ, но тонъ ихъ былъ высокомѣренъ. Кауницъ говорилъ, какъ «сильный слабому», и грозилъ, въ случаѣ неповиновенія, серьезно вредить пфальцскому дому по старому и даже отнять у него Баварію ²⁾. Сверхъ того, не надѣясь склонить Карла-Теодора къ примиренію съ племянникомъ, въ Вѣнѣ требовали отъ герцога цвейбрюкенскаго безусловнаго изъявленія дружбы императору и даже прислали ему проектъ перваго письма. При этомъ, предчувствуя дурные результаты въ

¹⁾ Румянцовъ Голицыну, отъ 16/21 іюля 1784 года.—*Schmidt*, Unionsbestrebungen, I, 110.

²⁾ Голицынъ Екатеринѣ, отъ 29 іюля (9 августа) 1784 года.—Къ его депешѣ, отъ 1/20 сентября приложены: проектъ письма Карла къ Іосифу и записка Кауница „*Reflexions impartiales relatives à Monsieur le Duc de Deux-Ponts*“. Въ первомъ выражена мысль, что герцогъ давно хотѣлъ написать, да не зналъ, какъ примутъ его письмо въ Вѣнѣ; теперь же онъ не колеблется: „*Sa Majesté l'Impératrice de toutes les Russies venant de me donner une nouvelle marque de bonté, en me tirant d'incertitude à cet égard*“. Въ *Reflexions* интересны слѣдующія два мѣста: „*Dans le cas contraire (т.-е. при неповиновеніи Карла) avant que personne ne puisse l'empêcher, par sa position topographique, Elle (вѣсскій дворъ) peut et doit même pour sa propre sûreté se mettre en possession des États de la Bavière... La Cour de Vienne ne peut jamais être dans le cas d'avoir besoin de l'employer à son détriment, comme il (Карл) l'a été jusqu'ici et qui peut en échange lui être ou fort utile, ou très formidable*“.

Прейбрюкенѣ, на каждомъ шагѣ прикрывались авторитетомъ Россіи. Кауницъ писалъ свои депеши прямо отъ имени Голицына, и въ нихъ постоянно повторялось, что таковы же желанія Екатерины. И когда Румянцевъ, смущенный этими бумагами, не зналъ, какъ приступить къ нимъ, и со дня на день откладывалъ ихъ предъявленіе ¹⁾, Кауницъ злился, дѣлалъ выговоры Голицыну и приказывалъ Румянцову исполнить порученіе немедленно, «не взирая ни на какія обстоятельства и отложивъ всё другія разсужденія» ²⁾.

Наконецъ, Румянцовъ предъявилъ Карлу вѣнскія бумаги, разсылавшіеся въ увѣреніяхъ, что Екатерина «позаботится о его благополучіи, нынѣшнемъ и будущемъ». Въ то же время князь Валдекъ, пріѣхавшій въ Карлсбергъ какъ-бы по собственному дѣлу, сказалъ герцогу, что императоръ предлагаетъ уплатить всё его долги, если онъ станетъ на его сторону. Карлъ очутился между двухъ огней—и растерялся. Съ одной стороны, онъ объявилъ, что смотритъ на русскую императрицу, «какъ на свою благодѣлицу, великодушное покровительство коей всегда осчастлививало всякаго, кто прибѣгалъ къ ней». Онъ осмѣлился даже прибавить, въ угоду Екатеринѣ, что «не желаетъ быть ни работъ, ни жертвой обмана» берлинскаго и версальскаго дворовъ. Съ другой же стороны, Карлъ всего болѣе боялся скомпрометтировать себя передъ этими дворами и не желалъ «вернуться спиной» къ своимъ старымъ покровителямъ, на основаніи лишь неясныхъ надеждъ на новыхъ. Въ то же время недовѣріе и отвращеніе къ Вѣнѣ совсѣмъ отуманили его голову, и онъ вообразилъ, будто Іосифъ ставитъ ему ловушку, хочетъ вынудить у него письмо, чтобы показать его въ Берлинѣ и Версалѣ. Вотъ почему герцогъ цвейбрюкенскій соглашался написать императору только съ условіемъ, чтобы тотъ опять похлопоталъ въ Мюнхенѣ объ «улучшеніи его участи, обѣщанномъ Екатериной»; при этомъ онъ выразилъ желаніе немедленно извѣстить Пруссію и Францію о своемъ

¹⁾ Румянцовъ доносилъ Голицыну, отъ 12/22 августа 1784 года: „прошлый разъ я мало писалъ, ибо, не довѣряя нифрагъ, опасался, какъ-бы не прогнѣдали приближенные берлинскаго двора. А герцогъ—потому только и слушаетъ меня, что убѣждаетъ, что я говорю по дружбѣ, а не по порученію моего двора. Поймите же, что я не могу показать ему присланное вами письмо. Герцогъ все подозрѣваетъ, что тутъ и-и-и-и Вѣна и Петербургъ; поэтому я долженъ былъ отсчитывать ему нѣкую переписку съ императоромъ“.

²⁾ Голицынъ Екатеринѣ, отъ 29 іюля (9 августа) 1784 года.—2/20 сентября Голицынъ прислалъ Екатеринѣ копію съ своей депеши Румянцову, въ видѣ приложенія.

письмѣ! Не трудно было доказать Карлу всю наивность такой политики, которая послужила бы ему же во вредъ. Въ то же время Голицынѣ, узнавши, что Карлъ-Теодоръ наотрѣвъ отказалъ въ просьбѣ племяннику, совѣтовалъ Карлу бросить мысль объ этомъ и заботиться только о томъ, чтобы не раздражить могущественныхъ дворовъ. Герцогъ принужденъ былъ согласиться на все, чтобы только «совершенно отдать себя на волю императрицы, которая непрестанно осыпала его всѣми знаками милости и особаго покровительства» ¹⁾. Но герцогу цвейбрюкенскому не суждено было написать письмо къ императору. Румянцовъ отлучился на короткое время въ Мангеймъ. Гофенфельс не преминулъ воспользоваться этимъ. «Не смѣя утруждать Фридриха, уже такъ много сдѣлавшаго для палатинскаго дома», онъ обратился за помощью въ Версаль—и оттуда прискакалъ новый агентъ, а за нимъ и одинъ гость изъ Потсдама. Въ то же самое время пронесся слухъ объ обмѣнѣ земель. Когда Румянцовъ возвратился, Карлъ началъ избѣгать его и скрытничать, затѣмъ объявлялъ, что не станетъ писать императору, желая спасти свою «репутацию». Но вскорѣ онъ самъ разъяснилъ, что эта репутация состояла въ страхѣ передъ его «союзницей», Франціей, которая все знаетъ: послѣдняя извѣстила его о намѣреніи Екатерины и Іосифа захватить его въ свои руки и притѣмъ въ тотъ самый день, когда Румянцовъ впервые заговорилъ съ нимъ о сближеніи съ Вѣной. Впрочемъ, герцогъ, и самъ, и чрезъ своихъ министровъ, убѣждалъ

¹⁾ Въ письмѣ герцога цвейбрюкенскаго Голицыну, отъ 29-го августа (приложение къ донесенію Голицына Екатеринѣ, отъ 9/10 сентября 1784 года): „Convaincu depuis longtemps de sentiment généreux et magnanimes de Sa Majesté Impériale à mon égard et de toutes les marques de bonté et de la protection particulière, dont elle ne cesse de me combler, je me rends avec cette résignation absolue, qu'Elle me connaît pour toutes ses volontés à la proposition qu'Elle daigne me faire“.—Въ письмѣ Румянцова Голицыну, отъ 12/10 августа (такъ же): Карлъ сказалъ Румянцову, что считаетъ себя обязаннымъ „considérer (l'Impératrice) comme sa bienfaitrice, dont la généreuse protection d'ailleurs avait toujours fait le bonheur de ceux qui y avait eu recours“.—Румянцовъ Голицыну пишетъ отъ 29/31 августа, что Карлъ такъ выразился о Берлинѣ и Версаль: „Je ne veux être ni leur esclave, ni leur dupe, mais je ne veux pas leur tourner le dos sur des apparences vagues d'une relation plus avantageuse avec la Cour Impériale“.—Голицынъ Румянцову, отъ 7/10 сентября; въ Вѣнѣ даютъ честное слово, что никому не сообщать о письмѣ Карла Іосифу, кромѣ Петербурга и Мюнхена; если герцогъ самъ извѣститъ о немъ Берлинъ и Версаль, то это повредитъ ему, ибо тѣ встревожатся, станутъ допрашивать его, а ему ничего сказать: „Elle (Son Altesse, т.-е. Карлъ) sera environnée des lors de surveillans. Elle ne pourra pas faire un pas, ni parler, ni se taire même, sans que tout soit interprété, Elle vivra dans une gêne continuelle“. Cf. Записка герцога веймарскаго для прусскаго принца у *Pamé*, Die deutschen Mächte, II, 265.

Румянцова въ своей дружбѣ и говорилъ, что готовъ продолжать черезъ него переговоры съ императоромъ: еслибъ только не продавала все всезнающая Франція! ¹⁾).

Между тѣмъ соверѣло гораздо болѣе тяжелое порученіе для Румянцова. Обмѣнъ земель наладился въ Мюнхенѣ послѣ годовыхъ затрудненій, выводящихъ изъ терпѣнія Іосифа, который не разъ жаловался на Карла-Теодора—«человѣка, неумѣщающаго желать». Курфюрстъ изъявилъ согласіе въ принципѣ; оставалось только условиться въ подробностяхъ. Карла цвейбрюкенскаго думали удовлетворить лишь въ будущемъ, и то не на счетъ Іосифа: Карлъ-Теодоръ долженъ былъ дать ему намѣстничество въ Нижнемъ Пфальцѣ или въ Нидерландахъ, которое доставило бы ему «зватный» доходъ—съ полмилліона гульденовъ ²⁾. Вотъ почему Кауницъ такъ негодовалъ на «разсужденія» Румянцова и торопилъ его. Онъ уже собирался въ концѣ октября извѣстить объ обмѣнѣ и Цвейбрюкенъ, и Версаль, какъ вдругъ неожиданная гроза вырвала искусную работу изъ рукъ стараго дипломата. Голландскій вопросъ внезапно разгорѣлся и принялъ европейскіе размѣры.

Выведенные изъ терпѣнія насиліями Іосифа, республиканцы сказали «гордо: нѣтъ!»! Императоръ отвѣчалъ имъ самовластнымъ: «посмотримъ!» и послалъ безоружное судно въ устье Шельды. Голландцы пустили ядра въ это судно, начали блистательно готовиться къ оборонѣ и даже, припоминая время Людовика XIV, затопили Фландрію, оторывъ шлюзы на границѣ. Іосифъ всплѣлъ гнѣвомъ и рѣшился немедленно начать войну, вопреки увѣщаніямъ и даже грубымъ противорѣчіямъ Кауница ³⁾. Онъ отозвалъ своего посланника изъ Голландіи, отправилъ въ Гагъ ультиматумъ объ «открытіи Шельды» и объ удовлетвореніи за обиду, приказалъ стягивать войска къ Бельгій и потребовалъ отъ Россіи серьезнаго посредничества. Екатерина тотчасъ же повелѣла своему министру въ Гагъ «возвысить тонъ», сдѣлать «сильнѣйшія представленія» въ пользу удовлетворенія императора и погрозить республикѣ «неминуемой бѣдой» (*danger imminent*), если

¹⁾ *Гофенфельсъ Герцбергу*, отъ 16-го октября 1784 года. (*Schmidt, Unionsbestrebungen*, I, 110).—*Голицынъ Екатеринѣ*, отъ 28 октября (3-го ноября) 1784 года; депеша Румянцова Голицыну, отъ 17/28 сентября, какъ приложение.

²⁾ *Joseph und Katharina*, 282.—*Голицынъ Екатеринѣ*, отъ 30 июля (10 августа) 1784 года.

³⁾ *Joseph und Katharina*, 285 sq. *Joseph und Leopold*, I, 230 sq.—Любопытный образчикъ противорѣчій Кауница Іосифу, *Beer*, 200.

а доведеть дѣло до войны съ Австріей ¹⁾. Живое участіе Ека-
рины въ голландскомъ вопросѣ объясняется тѣмъ, что она сразу
увидѣла здѣсь слѣды версальскихъ интригъ, о чемъ и извѣстила
брата. Точно такъ же смотрѣлъ на дѣло практической Леопольдъ,
горный потерялъ свою обычную сдержанность и въ письмахъ
брату осыпалъ бранью «этотъ Парижъ, имѣющій притязаніе
жать всѣхъ въ оковы и повелѣвать всему міру». Онъ при-
звалъ: «не столько опасны намъ наши враги, сколько эти лю-
зине союзники». Всюду и Іосифъ убѣдился въ этомъ, такъ
въ голландское дѣло просто превращалось во французское, и
итоги національное. Французы роптали на политику своего
бра уже въ теченіи цѣлаго поколѣнія, начиная съ австрій-
ско союза, который казался имъ чуть не измѣной отечеству,
завязанной съ женитьбой короля на Маріи-Антуанеттѣ. Въ опи-
заемое же время это поколѣніе уже воспиталось въ тѣхъ по-
іяхъ, которые, четыре года спустя, произвели странную ре-
оцію. Оно не могло слышать равнодушно, какъ самовластно
оворилъ ненавистный Габсбургъ съ «свободной республикой».
одежь начала кричать, что не должно допускать, чтобы дворъ,
угоду австрійцѣ, пожертвовалъ этой республикой точно такъ же,
съ недавно Рѣчью-Посполитой ²⁾. При этомъ вообще жалкое
оженіе Маріи-Антуанетты становилось крайне щекотливымъ ³⁾,
напрасно Іосифъ надѣялся на содѣйствіе своей сестры. Въ по-
етическихъ дѣлахъ съ ней обходились съ недоверіемъ и даже
презрѣніемъ; отъ нея таились, ее не удостоивали разго-
овъ. Ей никогда не удавалось поколебать «предразсудки»
его супруга, то-есть закоренѣлую ненависть къ Австріи, вос-
занную въ немъ съ дѣтства. Намъ не нужно описывать по-
енія Вержена, автора проекта прусско-французскаго союза:
былъ душой голландской партіи въ Парижѣ. Послѣ всего
го, неудивительно, что въ концѣ 1784 года въ Вѣнѣ была
учена изъ Версаля грозная декларация, которая, можно ска-

) Проектъ письма Остермана Голицыну, отъ 15-го ноября 1784 года; здѣсь,
выраженіи „hausser le ton“, написано на боку карандашомъ „renforcer“.—Вы-
и изъ конференціальныхъ записокъ 1784 года, подъ 27-мъ ноября.—*Joseph und*
Katharina, 238.—Депеши Сазена у *Германна*, VI, 92.—*Görtz*, I, 331—333. *Dohm*,
90 sq.

) *Joseph und Katharina*, 237.—*Joseph II und Leopold*, I, 231—233, 247—250,
265—268, 276—278.—*Ségur*, II, 138.—*Dohm*, II, 198—207.

) Это ясно отразилось въ перепискѣ Маріи-Антуанетты съ братьями и съ австрій-
скимъ посланникомъ въ Парижѣ, графомъ Мерси: *Marie Antoinette, Joseph II, und*
Leopold II, ihr Briefwechsel, herausgegeben von *Arneth*, Leipzig, 1866, passim, осо-
о 38—40, 61—64, 72—74.

затѣ, объявляла войну Іосифу, если онъ не оставитъ въ пологѣ голландцевъ ¹⁾.

Въ то же время гроза приближалась съ другой стороны. Напрасно осторожный Фридрихъ показывалъ видѣ, что не желаетъ говорить съ голландскимъ посланникомъ точно такъ же, какъ съ австрійскимъ, уклонялся отъ отвѣта республикѣ на запросъ, чѣмъ поможетъ ей Пруссія, въ случаѣ войны, и даже отказалъ ей въ просьбѣ дать своего генерала. Никто не сомнѣвался въ его политическомъ направленіи. Тогда преданные ему журналы, и родъ «*Kölnische Zeitung*», печатали такіа извѣстія изъ Россіи, за которыя они должны были просить извиненія, по требованію нашего посланника: сегодня они трубили о близкой смерти Екатерины, завтра—о заговорѣ противъ нея, и т. под. Въ то же время голландцы закупали военные снаряды въ Пруссіи, принимали въ себѣ на службу офицеровъ Фридриха и съ ихъ помощью вербовали солдатъ у фюрстовъ, обрадовавшихся случаю повредить своему императору и выгодно продать своихъ подданныхъ. Въ потсдамскихъ канцеляріяхъ рылись въ старыхъ трактатахъ и дѣлали выписки изъ нихъ. Министры Фридриха снабжали голландскихъ дипломатовъ рекомендательными письмами къ фюрстамъ, враждебнымъ Австріи, въ особенности же къ гессенъ-кассельскому двору, гдѣ сосредоточивалась голландская партія, съ самой ландграфиней во главѣ. Наконецъ, Фридрихъ, прямо вопреки имперской конституціи, позволялъ голландцамъ вербовку въ вестфальскомъ округѣ, гдѣ онъ былъ со-директоромъ, и не пропускалъ адѣсь войскъ Іосифа, на томъ основаніи, что это не «императорскія» войска, ибо они «употребляются не въ интересахъ имперіи». Но важнѣе всего былъ дерзкій тонъ версальскаго двора, который объясняли пребываніемъ тамъ, именно въ эти минуты, прусскаго принца Генриха, «занимавшагося — по словамъ Маріи-Антуанетты — интригами и возбужденіемъ умовъ» ²⁾.

¹⁾ Въ выпискахъ изъ конференціальныхъ записокъ 1784 года, подъ 4-мъ декабря находится конія съ этой деклараціи, гдѣ сказано между прочимъ: „Le Roi (Louis XVI) lui même ne poutra se dispenser d'assembler des troupes sur ses frontières; d'ailleurs dans aucune hypothèse Sa Majesté ne pourrait être indifférente au sort des Provinces-Unies, et les voir attaquées à force ouverte dans leurs droits et dans leurs possessions“.—Cf. *Dohm*, II, 224 sq.

²⁾ *Доморукій Остерману*, отъ 12/22 ноября, 2/14 декабря и 21 декабря (1 января) 1784 года. Въ послѣдней депешѣ Доморукій, зорко слѣдившій за барономъ de Beede (голландскимъ министромъ въ Берлинѣ) и особенно за Сальмомъ (голландскимъ полковникомъ), присланнымъ въ Берлинъ съ военными цѣлями, говоритъ, что вербова послѣдняго идутъ неудачно, ибо голландцы не присылаютъ ему денегъ для заготовъ, „надеясь на отвращеніе войны“. Онъ прибавляетъ: „Ce qui poutra engager

Наконецъ, политика Фридриха разоблачалась его переговорами съ Петербургомъ. Здѣсь, уже въ началѣ 1783 года положеніе Гёрца становилось нестерпимо. «На него смотрѣли—говорить англійскій посланникъ, какъ на опаснаго шпіона; за нимъ слѣдили такъ заботливо, съ нимъ обращались такъ презрительно, какъ будто это былъ посланникъ враждебной державы, съ которой собираются разорвать сношенія»¹⁾. Въ описываемое время, русскіе министры встрѣчались съ Гёрцомъ лишь по необходимости, и ихъ разговоры были вѣжливыми перебранками, потому что предметомъ ихъ былъ щекотливый голландскій вопросъ. Гёрцъ все приставалъ съ предстательствами за «совершенно правыхъ» голландцевъ и съ требованіемъ, чтобы «великая союзница» его государя высказалась и помогла Пруссіи предотвратить несправедливую войну. Екатерина, по обыкновенію, вовсе не желала поддерживать Іосифа во что бы то ни стало и вовлекаться въ европейское замѣшательство изъ-за чужихъ выгодъ; къ тому же, она въ сущности не считала Іосифа правымъ²⁾. Но она рѣшилась помочь ему своимъ нравственнымъ вліяніемъ, и тѣмъ болѣе серьезно, что въ ея глазахъ голландскій вопросъ былъ предлогомъ снова дать почувствовать свое значеніе Пруссіи и Франціи. Къ тому же, она была убѣждена, что, при твердомъ отпорѣ съ ея стороны, европейская война немыслима изъ-за столь мелкаго дѣла, которое легко уладить.

Главнымъ доводомъ Гёрца была святость договоровъ, въ особенности же такихъ, какъ вестфальскій, «составляющій благоденствіе и спокойствіе цѣлой Германіи». По мнѣнію Пруссіи, равнодушно смотрѣть на нарушеніе этого трактата значило участвовать въ «ниспроверженіи настоящаго политическаго положенія Германіи». Къ тому же, «если всякій государь будетъ судить по своему произволію о правахъ и земляхъ, принадлежащихъ другой державѣ, то не останется ничего надежнаго на свѣтѣ». Остерманъ твердилъ, что во всемъ виновата сама Голландія, которая «совсѣмъ предалась французскому двору»: ей слѣдовало ограничиться переговорами, а не прибѣгать къ насилію, къ оскорбленію чести императора. Что же касается фюрстовъ и имперской конституціи,

es Hollandois à en venir à un accommodement, c'est que tout le secours qu'ils espèrent des Princes d'Allemagne leur manquent (sic)⁴⁾.

¹⁾ Raumer, Beiträge, V, 574.

²⁾ У Гёрца (I, 337) сохранился любопытный, въ этомъ отношеніи, разговоръ съ Остерманомъ. Послѣ его долгихъ доказательствъ невинности голландцевъ, Остерманъ заявилъ: „да, но если сказали А!“—Гёрцъ: „Именно этого А и не слѣдовало говорить.“—„Да, вѣдь, оно ужъ сказано!“

то голландское дѣло не имѣетъ ничего общаго съ ними. Гёрцъ спросилъ: «Ну, а если императоръ, на основаніи такихъ же принциповъ, какъ теперь, заблагоразсудитъ точно также поступить съ какимъ-нибудь фюрстомъ, существованіе котораго не имѣетъ особеннаго значенія, такъ что великія державы не сочтутъ нужнымъ начинать войну изъ-за него—позволю себѣ спросить, — что станетъ тогда съ нѣмецкой конституціей?» — «Пока еще нѣтъ ничего подобнаго—отвѣчалъ Остерманъ—а если случится, то придетъ время, придетъ и рѣшеніе».

Такая уклончивость не избавляла русскаго министра отъ настойчивости прусскаго дипломата. Гёрцъ нѣсколько разъ на одной недѣлѣ требовалъ у Остермана категорическаго отвѣта. Остерманъ твердилъ одно и то же. Однажды Гёрцъ дерзко замѣтилъ, что «врядъ ли найдется держава, которая, въ силу своихъ связей съ Австріей, могла бы обязаться защищать столь несправедливое дѣло, осужденное всею Европой». Но на это Остерманъ колео замѣтилъ: «Не думаю, чтобы его прусское величество состоялъ въ какой связи съ ихъ высочайшими, генеральными штатами». А между тѣмъ, Екатерина послала въ Гагу курьера съ увѣщаніемъ, чтобы голландцы постарались полюбовно устранить недоразумѣнія съ «ея другомъ и союзникомъ». Гёрцъ окончательно встревожился, и уже потребовалъ отвѣта строго, во имя хорошихъ отношеній между его государемъ и императрицей. Тогда Екатерина объявила официально, что надѣется на мирный исходъ дѣла, если голландцы, крайне поспѣшно прибѣгнувшіе къ дѣйствіямъ, оскорбившимъ императора, обратятъ вниманіе на ея «сильнѣйшія представленія» и «особенно если тутъ не вмѣшаются другія державы»: послѣднюю мысль Остерманъ не разъ выражалъ въ разговорахъ съ прусскимъ посланникомъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Гёрцъ представилъ версальскую декларацію. Остерманъ пожалѣлъ, что Франція рѣшилась прибѣгнуть къ такимъ сильнымъ выраженіямъ, а Гёрцъ заявилъ, что его государь намѣренъ послать въ Вѣну подобное же, но, вѣроятно, не столь рѣзкое внушеніе ¹⁾.

Такъ, сверхъ всякаго ожиданія, голландское дѣло принимало весьма серьезный оборотъ, и Иосифъ долженъ былъ сознаться, что очутился «въ самомъ щекотливомъ и непріятномъ» положеніи. Онъ уже испугался войны съ Франціей и Пруссіей, въ которую Россія, очевидно, не намѣревалась вмѣшиваться, «прогло-

¹⁾ Выписки изъ конфиденціальныхъ записокъ 1784 года, подъ 6, 20, 27 ноября и 4-го декабря.—Görts I, 334—344.

тигъ капризъ (humour) версальскаго двора» и сталъ изобрѣтать средства выпутаться съ честью изъ навликанной имъ самимъ бѣды. Поглощенный своей любимой идеей, онъ придумалъ вдругъ связать ее съ голландскимъ вопросомъ. Ему показалось, что нѣтъ ничего легче, какъ уступками республикѣ заставить Францію согласиться на обмѣнъ земель и даже содѣйствовать ему. Онъ вообразилъ даже, что въ Версалѣ не менѣе его обрадуются случаю развязаться съ замѣшательствомъ, въ которомъ слишкомъ далеко зашли; и даже сами предложать обмѣнъ земель, при первомъ намекѣ на него. Напрасно Кауницъ старался отвлечь его отъ этого непрактичнаго средства. Иосифъ уже увѣрялъ Екатерину, будто единственно въ видахъ своего «великаго предмета» поднималъ все дѣло о Шельдѣ, не замѣчая, что этимъ вымышленнымъ признаніемъ онъ изобличалъ свое неискреннее отношеніе къ «великимъ принципамъ» свободной торговли ¹⁾. Иосифъ тѣмъ болѣе увлекался придуманнымъ исходомъ голландскаго дѣла, что надѣялся пріобрѣсти еще матеріальныя выгоды изъ своихъ уступокъ. Отказываясь отъ занятыхъ фортовъ и довольствуясь только извиненіемъ голландцевъ за оскорбленіе его флага, онъ хотѣлъ потребовать за Мاستрихтъ тѣ три милліона, которые предполагалось уплатить пфальцскому дому при обмѣнѣ земель. А чтобы еще болѣе облегчить исполненіе своего любимаго плана, онъ рѣшился покинуть мысль о пріобрѣтеніи Зальцбурга.

Изобрѣтенная Иосифомъ сдѣлка сначала имѣла успѣхъ. Людовикъ XVI не нашелъ въ обмѣнѣ земель ничего противнаго интересамъ Франціи, а Верженъ сталъ разговорчивѣе съ Маріей-Антуанеттой. Въ немедленно собранномъ государственномъ совѣтѣ въ Версалѣ рѣшили отвѣчать Иосифу согласіемъ, указавъ только на вѣроятное сопротивленіе со стороны Фридриха и фюрстовъ, которое императоръ уже потрудится самъ устранить ²⁾.

Голландскій вопросъ переходилъ въ баварскій. Успокоенный со стороны Франціи, Иосифъ снова двинулъ впередъ свой «великій предметъ».

А. ТРАЧЕВСКІЙ.

¹⁾ *Joseph II und Katharina*, 241.—Любопытно, что *Pamje* (Die deutschen Mächte; I, 203) повѣрилъ этому, внезапно родившемуся, признанію Иосифа.—*Joseph II und Leopold*, I, 239—243, 254.—*Beer*, *Joseph II, Leopold II und Kaunitz*, 180—184, 190.

²⁾ *Joseph II und Leopold*, I, 228.—*Marie-Antoinette, Joseph II und Leopold II*, 53—60.—*Dohm*, III, 34—36.

ДРЕВНЕЕ РАБСТВО

■

ЕГО СУДЬБА ВЪ НАЧАЛѢ НАШЕЙ ЭРЫ.

НОВАЙШИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРВЫХЪ ЭПОХЪ ХРИСТИАНСТВА.

Les esclaves chrétiens depuis les premiers temps de l'Eglise jusqu'à la fin de la domination romaine en Occident, par Paul Allard. Paris. 1876.

Histoire des persécutions de l'Eglise jusqu'à la fin des Antonins, par B. Aubé, professeur de philosophie au Lycée Fontanes. Paris. 1875.

Drei Abhandlungen zur Geschichte der alten Philosophie und ihres Verhältnisses zum Christenthum, von Dr. F. Ch. v. Baur. Leipzig. 1876.

Послѣдніе вѣка древняго міра принадлежать къ числу интереснѣйшихъ и поучительнѣйшихъ эпохъ въ исторіи человѣчества. Множество историческихъ монографій посвящено внимательному ихъ изученію въ томъ или другомъ отношеніи: литературы нѣмецка, французска, англійска, итальянска не перестаютъ обогащаться трудами этого рода, между которыми названныя выше три сочиненія займутъ видное мѣсто. При всей ихъ обширности, это однако же только монографіи, посвященныя отдѣльнымъ вопросамъ, относящимся къ великой эпохѣ крушенія древней цивилизаціи. Полная, законченная, прагматическая ея исторія пока еще впереди. По обилію источниковъ, требующихъ предварительной критической разработки, по множеству апокрифическихъ памятниковъ, въ которыхъ исторія ли перемѣшана съ легендой, или совсѣмъ заслонена ею, по чрезвычайной сложности явленій, характеризующихъ ту эпоху, полной исторіи ея естественно предшествуетъ разработка болѣе или менѣе крупныхъ частныхъ, тѣсно связанныхъ съ общими ея чертами, и потому представ-

являющихъ значительную долю общаго интереса. Какъ мало еще установилась самая точка зрѣнія на общій смыслъ того времени, это видно и на тѣхъ сочиненіяхъ, о которыхъ мы хотимъ сказать нѣсколько словъ. Обсуждая вопросъ о томъ, какъ велико было вліяніе христіанскаго ученія о любви къ ближнему и братствѣ между людьми на древнее рабство, какъ политическое и общественное учрежденіе, авторъ монографіи: „Les esclaves chrétiens“, Алларъ, увлекаемый высокими нравственными характеромъ этого ученія и христіанскими преданіями, приравниваетъ размѣры его вліянія полному упраздненію рабства. Профессоръ Обэ, авторъ „Histoire des persécutions“, изслѣдуя вопросъ о дѣйствительномъ размѣрѣ гоненій, которыми подвергалось христіанство при римскихъ цезаряхъ до Антониневъ, совершенно выдѣляетъ легендарныя свидѣтельства, придерживается строго-исторической и юридической точки зрѣнія, и приходитъ къ тому любопытному выводу, что гоненія на христіанъ въ теченіи двухъ первыхъ вѣковъ нашей эры не представляли ничего систематическаго, послѣдовательнаго, повсемѣстнаго въ имперіи, а имѣли главнымъ образомъ мѣстный характеръ и были вызваны или злобными наговорами еврейской партіи, или личными вкусами и расчетами деспота въ родѣ Нерона, или, наконецъ, буйными требованіями языческаго общества, въ данной мѣстности. Покойный Бауръ, одно изъ ученыхъ свѣтилъ знаменитой тюбингенской школы, не касается подобныхъ вопросовъ въ трехъ монографіяхъ, изданныхъ теперь Целлеромъ: о Сократѣ, Аполлоніи Тіанскомъ и Сенекѣ; онъ занятъ исключительно вопросами нравственно-философскими и старается показать, на примѣрѣ трехъ названныхъ мыслителей, какъ выработывала греческая философія, сама по себѣ, нравственные идеалы, болѣе или менѣе близкіе къ нравственнымъ идеаламъ христіанства, и какъ безсильна была она въ то же время обновить человѣчество, опутанная по рукамъ и ногамъ идеями, преданіями и нравами прошлаго. Эти три монографіи служатъ какъ-бы философскимъ освѣщеніемъ двухъ первыхъ сочиненій, о которыхъ мы упомянули прежде.

Читая древнихъ писателей, или любясь сохранившимися памятниками греко-римской жизни, новые народы обмановенно признаютъ себя побѣжденными въ виду ея изыщества и роскоши. Они легко забываютъ при этомъ, какою цѣной покупались тогда удобства жизни и всякія наслажденія. Эта жизнь отнюдь не была такъ прекрасна и привлекательна, какъ это можетъ казаться намъ издали; ея удобства и наслажденія были достояніемъ привилегированнаго меньшинства, они покупались цѣной безпощаднаго обращенія огромной массы людей въ совершенныхъ животныхъ, и упраздненія всякаго свободнаго труда, который заглохъ, не будучи въ состояніи выдерживать соперничество

съ неоплачиваемымъ рабскимъ трудомъ. „Свободный“ римскій гражданинъ жилъ и наслаждался на счетъ болѣе или менѣе многочисленныхъ рабовъ, которые были его вѣщью, его собственностью. Кто имѣлъ только тронхъ рабовъ, тотъ считался бѣднякомъ и въ Римѣ, и въ провинціяхъ; владѣть однимъ рабомъ значило быть нищимъ, не только въ первые вѣка римской имперіи, но и гораздо позднѣе, въ концѣ четвертаго вѣка, когда уже распространилось христіанство. Римлянинъ, получавшій въ наслѣдство всего нѣсколько сотъ рублей, дѣлался въ то же время владѣльцемъ семи или восьми невольниковъ. Когда Гораций садился за столъ, ему служили трое рабовъ, и въ одномъ маленькомъ сабинскомъ его помѣстьѣ было ихъ девять чело-вѣкъ. Маркъ Савръ наслѣдовалъ очень скромное состояніе: тридцать семь тысячъ систерцій (около 2100 р.) и десять рабовъ. Такого было отношеніе между числомъ невольниковъ и количествомъ денежнаго капитала. У многихъ богатыхъ римлянъ были тысячи рабовъ. При Августѣ, простой отпущенникъ К. Цецилій Изодоръ, потерявшій значительную часть своего состоянія во время междоусобныхъ войнъ, тѣмъ не менѣе оставилъ, умирая, четыре тысячи сто-шестнадцать невольниковъ. Петроній недаромъ выставляетъ своего Тримальціона, тоже отпущенника, просматривающимъ списки невольниковъ и невольницъ, которыя родились наканунѣ на его землѣ, и читающимъ: „тридцать мальчиковъ, сорокъ дѣвочекъ“¹⁾.

Очень небольшое число рабовъ въ каждомъ домѣ были „предметомъ роскоши“; остальные, т.-е. значительное большинство, работали и производили. Всякаго рода ремесла и искусства имѣли между ними своихъ представителей въ каждомъ богатомъ римскомъ домѣ. Всякое большое хозяйство было настоящей фабрикой, на которой рабы производили почти все, что нужно было для нихъ господъ и для нихъ самихъ. Зерно молотось, и хлѣбъ пекся дома. Въ Помпѣяхъ сохранилось большое число каменныхъ ручныхъ мукомолокъ, которыя требовали отъ рабовъ постоянного и крайняго напряженія силъ. Дѣла приготовлялась и одежда; рабы пряли ленъ или шерсть, ткали, окрашивали ткани, и вышивали на нихъ узоры, подъ руководствомъ раба-приказчика, который распредѣлялъ между ними работу. Въ числѣ рабовъ въ большомъ хозяйствѣ были портные, саножники, дежуровщики, охотники, рыболовы, живописцы, рѣзчики, мозаисты, стекольщики, столяры, плотники, архитекторы, врачи. Въ большихъ домахъ они часто раздѣлялись на десятки, по роду производимыхъ ими работъ, и во главѣ каждого десятка былъ поставленъ десятникъ изъ рабовъ. „Какого ты десятка?“ спрашиваетъ Петроніевъ Тримальціонъ

¹⁾ Satyricon, 53.

у одного раба. — „Сорокового“. — „Купленъ, или родился въ домѣ?“, — „Ни купленъ, ни родился въ домѣ, а отказанъ по завѣщанію“. — „Служилъ проворно, не то будешь переведенъ въ разрядъ прислуги скотнаго двора“. Очевидно, этотъ разговоръ выхваченъ Петроніемъ прямо изъ жизни. Гордость и расчетъ богатаго римлянина заключались въ томъ, чтобъ ничего не покупать на сторонѣ и получать все съ своихъ помѣстьевъ и трудами невольниковъ. — „Онъ ничего не покупаетъ“, говорить съ благоговѣйнымъ удивленіемъ одинъ изъ гостей Тримальціона: „все, что потребляетъ онъ, — домашняго производства“. Самъ Тримальціонъ, предлагая вино своимъ гостямъ, говорить съ грубостью разбогатѣвшаго проходимца: „благодаря богамъ, во всемъ томъ, что заставляетъ васъ пріятно обливаться въ моемъ домѣ, нѣтъ ничего купленнаго“.

Такимъ образомъ, рабство упраздняло спросъ на произведенія свободнаго труда. Оно побивало этотъ трудъ своимъ неодолимымъ соперничествомъ. Работа двухъ, трехъ тысячъ рабовъ естественно превышала потребности господина, его семейства и рабовъ, и то, что составляло излишекъ, продавалось на сторонѣ; рабовладѣлецъ дѣлался промышленникомъ и торговцемъ. Даже бѣдные люди охотно употребляли свои небольшія денежные средства на пріобрѣтеніе рабовъ, которыхъ заставляли работать подъ своимъ надзоромъ, чтобы сбывать въ свою пользу ихъ труды. И крупная, и мелкая промышленность питались только рабствомъ. Рабы были недороги, и скудное содержаніе ихъ не требовало большихъ расходовъ. Можно было купить раба рублей за полтора, невольницу за пятьдесятъ рублей. Въ пищу имъ отпускались только мука, оливковое масло, соль, немного вина, рѣдко какая-нибудь овощъ, но никогда не отпускалось мясо. При помощи безпощадныхъ побоевъ, купленный рабъ научался ремеслу, и долженъ былъ работать день и ночь, пробуждаемый на зарѣ бичомъ господина или его приказчика. Рабовладѣлецъ хорошо зналъ, что въ старости рабъ теряетъ всякую цѣну, и старался во что бы то ни стало извлечь изъ его работы не только заплаченную за него цѣну, но и значительный годовой процентъ на затраченный капиталъ. Сбѣжавшій рабъ рассматривался какъ воръ, который укралъ самого себя у господина, и подлежалъ тѣлесному наказанію, закованію въ цѣпи, заключенію, ссылкѣ въ рудники и клейменію раскаленнымъ желѣзомъ. Желая завести какое-нибудь производство, свободный римлянинъ не нанималъ вольныхъ рабочихъ, а старался купить одного или нѣсколькихъ рабовъ. За невозможностью такой покупки, онъ нанималъ рабовъ у рабовладѣльцевъ. Самые богатые граждане Рима не пренебрегали отдачей рабовъ въ наемъ, какъ средствомъ увеличить свое состояніе. Они отдавали въ наемъ большимъ своимъ рабовъ-врачей,

мелкимъ торговцамъ своихъ рабовъ-счетовъ, хозяевамъ-хлѣбникамъ—своихъ лишнихъ хлѣбопѣковъ, ивнѣженнымъ людямъ—своихъ рабовъ роскоши и удовольствій. Нѣкоторые отдавали въ насѣ свои крѣпостныя труппы фигляровъ. Само собою разувѣется, что и торговля находилась подъ подавляющимъ вліяніемъ рабства. Не только крупная торговля стала монополіей богатства рабовладѣльцевъ, но и мелочная также была въ ихъ рукахъ. Помпей, которую намъ случилось посѣтить недавно, сохраняетъ до сихъ поръ слѣды мелочной торговли этого рода. Человѣкъ, продававшій оливковое масло или вино за мраморнымъ прилавкомъ; женщина, предлагавшая прохожимъ овощи; брадобрѣй, капитанъ купеческаго корабля, банкиръ, сидѣвшій за своимъ столомъ на форумѣ, мѣняло съ горами золота, ростовщикъ, ссужавшій бѣдняковъ за большіе проценты, разнощикъ, грамотей, продававшій довѣрчивымъ людямъ свои познанія и совѣты,—все это были свободные люди только по виду: многіе изъ нихъ были рабами и работали въ пользу своихъ господъ.

Всѣ источники богатства находились въ рукахъ рабовладѣльцевъ. Вольному труду ничего не оставалось дѣлать. Во времена имперіи, въ Римѣ могло быть около полутора милліона жителей, и въ числѣ ихъ отъ трехъ до четырехъсотъ тысячъ свободныхъ пролетаріевъ, которые, собственно говоря, ничего не производили, а занимали низшія административныя должности, или поступали въ фигляры, въ жрецы, въ прорицатели, астрологи, гладіаторы, наѣзники цирка, плясуны и шуты. Въ Римѣ было тогда множество безполезныхъ, сомнительныхъ или прямо безнравственныхъ занятій, порожденныхъ роскошью въ разлагающемся обществѣ. Только ничтожная часть всей массы римскихъ пролетаріевъ нанималась въ работу къ тому или другому рабовладѣльцу, и за скудную плату несла тотъ же трудъ, что и рабы. Большинство пролетаріевъ жило на государственнѣй счетъ, не унижаясь до работы, которая считалась удѣломъ раба, недостойнымъ свободного человѣка. Съ половины перваго вѣка до христіанской вѣры, государство раздавало хлѣбъ римскимъ плебеямъ ежемѣсячно и бесплатно. Помпей, Цезарь, потомъ императоры продолжали раздачу хлѣба, которая стала въпослѣдствіи ежедневною и къ которой присоединялась отъ времени до времени чрезвычайная раздача вина, оливковаго масла, мяса и другихъ продуктовъ. Нерѣдки были и денежныя выдачи, производившіяся при жизни или по завѣщаніямъ цезарей. Въ торжественныхъ случаяхъ, сверхъ того, императоры и богатые частныя лица угощали народъ обѣдами и зрѣлищами. Эти выдачи и пиршества составляли необходимую принадлежность внутренней политики цезарей. Августъ и его преемники открыто придерживались этой политики, привлекая къ участію въ ней

богатыхъ людей вѣчнаго города. Государственной казны и личныхъ средствъ цезарей было недостаточно для прокормленія и увеселенія массы свободныхъ пролетаріевъ, и частныя состоянія должны были широко участвовать въ этомъ дѣлѣ, сооружать новыя публичныя зданія и памятники, исправлять старыя, строить храмы, бани, театры, портики. Множество подобныхъ работъ предпринимали цезари и богачи, чтобъ снискать благосклонность массы пролетаріевъ, того взрослому и капризнаго ребенка, какимъ являлся тоже праздный, скучающій и жадный до удовольствій народъ. Примѣру Рима слѣдовали въ этомъ отношеніи провинціи. Нашъ авторъ, характеризуя это положеніе дѣлъ, усматриваетъ въ немъ „настоящій социализмъ“ на практикѣ, какъ будто социалистическія теоріи, даже самыя утопическія, не основаны прежде всего на идеѣ обязательнаго для всѣхъ и равноправнаго, а не рабскаго труда. Но мы не будемъ распространяться объ этой, данной обстоятельствами, особенности воззрѣній французской буржуазіи и интеллигенціи, и лучше послѣдуемъ за авторомъ въ его дальнѣйшей характеристикѣ вліянія рабства на греко-римское общество.

При господствѣ рабскаго труда, при общемъ стремленіи къ удовольствіямъ, естественно процвѣтало производство предметовъ роскоши, остатками которыхъ новыя народы восхищаются теперь въ Италіи. Механическое производство вещей общепользныхъ не улучшалось нисколько противъ прежняго, но мѣрѣ того какъ совершенствовалось производство золотыхъ, серебряныхъ и мраморныхъ вещей. Никому не было дѣла до того, что рабъ надрываетъ свои силы, вырочая тяжелую каменную мукомолку; какъ ни трудно доставался хлѣбъ, произведенный такимъ первобытнымъ способомъ, онъ все-таки отвѣчалъ вкусу рабовладѣльцевъ. Римляне вообще мало заботились о той массѣ излишняго труда, которая терялась безплодно на производство предметовъ ежедневнаго и общаго потребленія. Рабовъ было вдоволь; вольный хлѣбникъ не могъ улучшить свое производство уже потому, что оно не давало выгодъ въ странѣ, гдѣ хлѣбъ пекли почти въ каждомъ домѣ про домашній обиходъ. Всѣ другія общепользныя ремесла были въ такомъ же небреженіи, какъ и хлѣбопеченіе. Римляне отлично обрабатывали металлы, остроумно замѣчаетъ нашъ авторъ: ихъ треножники, лампы, дверныя молотки отличаются тонкой работой; но нѣтъ ничего грубѣе древняго римскаго замка.

Въ римской жизни время имперіи было много и такихъ работъ, которыхъ обязанность заключалась не въ тяжелой физической работѣ, а въ служеніи вкусамъ ихъ владѣльцевъ, ихъ привычкѣ къ удобствамъ и роскоши. Но участь и этихъ рабовъ была не лучше. Уни-

зительная праздность такъ же быстро разрушала ихъ физически и нравственно, какъ непосильная работа убивала ихъ собратьевъ. Сами римляне признавали, что рабство обезображиваетъ тѣло и душу человека. Они различали раба-новичка (*novitius*) отъ подержаннаго раба (*veterator*). Первый не зналъ прежде рабства; второй уже находился подъ этимъ ярмомъ болѣе или менѣе продолжительное время, и цѣнился ниже перваго. Было запрещено продавать подержаннаго раба за новичка; запрещеніе состоялось съ цѣлью предотвратить подлоги торговцевъ и помѣшать имъ обманывать покупателей. Многіе продавали подержанныхъ рабовъ за новичковъ, чтобъ получить за нихъ болѣе высокую цѣну: предполагалось, что рабъ-новичокъ проще, способнѣе къ службѣ, подручнѣе для всякаго рода работы, тогда какъ очень трудно передѣлывать подержанныхъ и старыхъ рабовъ и прилаживать ихъ къ своимъ привычкамъ. Но если одно только пребываніе въ рабствѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ уменьшало цѣну человека, то какое же вліяніе могла оказывать на людей наслѣдственность рабства, переходъ этого обезличивающаго состоянія отъ поколѣнія къ поколѣнію? Понятно, ремесла, требованія механическихъ приспособленій, нисколько не подвинулись впередъ въ послѣдніе вѣка римской имперіи, тогда какъ производство предметовъ роскоши было доведено до высокой степени совершенства.

Нелучше было положеніе вольнаго труда и вольной жизни. Малая земельная собственность свободныхъ гражданъ все больше и больше поглощалась крупной собственностью богатыхъ рабовладѣльцевъ, и не въ одной только Италіи, но и въ провинціи. „До какихъ же предѣловъ доведете вы, наконецъ, ваши владѣнія?“ спрашиваетъ Сенека крупныхъ землевладѣльцевъ. „Земля, которой нѣкогда доставало на цѣлый народъ, теперь слишкомъ тѣсна для одного собственника. Докуда протянете вы ваши борозды, точно вамъ мало засѣвать одну провинцію? Знаменитыя рѣки, нѣкогда служившія границами между крупными народами, нынѣ текутъ по владѣніямъ частнаго лица и принадлежать вамъ на всемъ своемъ протяженіи отъ истока до устья. Но вамъ и этого мало, если вы не опоясаете ваши *latifundia* моремъ, если вашъ управляющій (*villicus*, болѣею частью тоже рабъ) не распространить своего управленія и по ту сторону Эгейскаго моря, если острова, нѣкогда служившіе мѣстопребываніемъ царей, не принадлежать къ числу наименьшихъ изъ вашихъ помѣстьевъ“ ¹⁾. По словамъ Плинія, половина африканской провинціи принадлежала шести землевладѣльцамъ. Крупная собственность всюду вытѣсняла мелкую, замѣняя полезныя мелкія хозяйства роскошью

¹⁾ Ер. 89.

вручных. Это движеніе оттѣняло свободное населеніе въ города и мало-по-малу заселяло помѣстья рабами. Виѣстъ съ земледѣльческими орудіями и скотомъ, рабъ дѣлался движимостью большого помѣстья, „движимостью говорящею“, какъ выражается Варронъ, въ отличіе отъ „движимости нѣмой“ и „движимости полуговорящей“. Начиная съ управляющаго, всѣ были тутъ рабы. Большое помѣстье представляло селеніе рабовъ, имѣвшее свое управленіе, свою полицію, свои тюрьмы, кандалы и казни. Плиній старшій отлично очертилъ смертоносное вліяніе рабства на земледѣліе. Земля, которая нѣкогда трепетала отъ радости, раскрываясь подъ руками свободного чело-вѣка, теперь сжимается какъ-бы съ негодованіемъ, подъ скованными ногами и связанными руками раба. Какъ все, что дѣлаютъ люди въ отчаянномъ положеніи,—земля обрабатывается дурно. Между этими рабами было много сосланныхъ недовольными господами на полевныя работы. Нѣкоторые рабовладѣльцы предпочитали даже покупать за безцѣноу рабовъ, совершившихъ какія-нибудь преступленія, и употре-бляли ихъ въ своихъ помѣстьяхъ на работы, требовавшія способностей. „Порочные рабы умнѣ“, говорили эти ловкіе землевладѣльцы. Уже Саллюстій называетъ земледѣліе рабскимъ промысломъ. Пренебреженіе къ земледѣлію стало въ Римѣ признакомъ хорошаго тона. Въ Римѣ обучали всему, даже украшенію блюдъ и заливанію во-лось; одно только земледѣліе не вѣдало ни учителей, ни учениковъ. Многіе землевладѣльцы совсѣмъ не посѣщали своихъ помѣстій. Мало-по-малу плодородная Италія становилась безплодною. Городъ, съ его удобствами, наслажденіями и роскошью, поглощалъ всѣ силы свободныхъ людей. Къ тому же, весь міръ работалъ на Римъ: Сицилія, Сардинія и Африка снабжали его хлѣбомъ въ изобиліи. Земледѣліе перестало быть выгоднымъ занятіемъ въ Италіи, и свободное сель-ское населеніе устремилось въ города. Италія переставала произво-дить хлѣбъ. Мѣстности, производившія прежде хлѣбъ, во время им-періи постепенно обращались въ пастбища. Пастухи, основатели Рима, говоритъ Варронъ, современникъ паденія республики, желали, чтобъ ихъ потомки стали земледѣльцами; вопреки ихъ волѣ, ихъ внуки допустили обработанныя поля обратиться вновь въ пастбища. Оди-чальнѣй пастухъ, никогда не покидавшій горъ и лѣсовъ съ своимъ семействомъ, смѣнилъ въ Италіи свободного земледѣльца и разбой-ничалъ за-одно съ бѣглыми рабами. Въ концѣ четвертаго вѣка, разбойничество стало уже обыкновеннымъ явленіемъ въ Италіи.

Таково было вліяніе рабства на промышленность, торговлю и земледѣліе. Но для насъ, въ виду приближавшагося переворота, со-вершеннаго христіанскою проповѣдью, еще интереснѣе прослѣдить его вліяніе на внутренняго чело-вѣка, на самого рабовладѣльца и на

самого раба. Алларъ посвящаетъ особымъ главы этому вопросу. „Если когда-нибудь и гдѣ нибудь былъ вполне осуществленъ идеалъ безграничной и безконтрольной власти, то именно въ домѣ богатаго римлянина временъ имперіи“, говоритъ авторъ. „Одинъ человѣкъ былъ окруженъ безчисленными слугами, жившими—одни для удовлетворенія его нуждъ, другіе для его удовольствій. Всякая прихоть его была для нихъ закономъ. Жестокій и раздражительный, онъ могъ истязать и убивать своихъ рабовъ; развратный, онъ могъ располагать по произволу ихъ стыдливостью. Цезари пытались оградить рабовъ отъ крайностей этой безграничной власти; но попытки ихъ въ этомъ родѣ приводили лишь къ скуднымъ результатамъ. Какъ бы хороши ни были законы, они одни не могутъ преобразовать нравъ; ихъ вліяніе слабо, поверхностно, оно скоро изсякнетъ, когда рядомъ съ ними и надъ ними нѣтъ независимой и уважаемой нравственной силы, господствующей надъ сердцами и увлекающей въ общемъ движеніи и законодателя, и тѣхъ, къ кому онъ обращается. Стоическая философія наложила свою печать на человѣколюбивыя и благотворныя стороны тогдашняго законодательства; присты-совѣтники, окружавшіе цезарей, принадлежали болѣею частью къ этой школѣ, и проводили тутъ свои убѣжденія; но стоическая философія не имѣла сильнаго вліянія на массы, на обыкновенныхъ людей; она не умѣла проложить внушаемымъ ею законамъ дорогу къ человѣческому сердцу“. Авторъ не чуждъ здѣсь нѣкотораго преувеличенія: постановленія римскихъ цезарей отнюдь не касались рабства въ принципѣ. Они запрещали только самыя вопіющія жестокости. Подъ вліяніемъ Сенеки, Неронъ запретилъ отдавать рабовъ на растерзаніе звѣрямъ безъ согласія судебной власти. Домиціанъ и Адрианъ запрещали подвергать рабовъ безнравственному и жестокому искушенію. Антонинъ Пій подвергалъ господина, который убилъ своего раба „безъ достаточнаго основанія“, тому же наказанію, какому подлежалъ убійца чужого раба, и приказалъ продавать тѣхъ рабовъ, которые искали у статуи цезаря прибіжища отъ жестокихъ истязаній. Маркъ Аврелій запретилъ безъ суда продавать раба съ условіемъ, что онъ будетъ употребленъ на бой съ хищными звѣрями. Но и эти законы болѣею частью вскорѣ выходили изъ употребленія. Нравы оказывались сильнѣе ихъ. Сами цезари иногда подавали примѣръ неслыханной жестокости къ рабамъ. Въ своемъ сочиненіи „De ira“, Сенека ужасается современныхъ ему нравовъ. Раздражительность и произволъ рабовладѣльца доходили тогда, благодаря безграничной его власти надъ одушевленной собственностью, до чудовищныхъ размѣровъ. Малѣйшая несправность раба приводила въ ярость господина. Подъ вліяніемъ первой вспышки каприза, рабъ подвергался

жестокости бичеванію и наложенію дѣпей. Даже такіе люди, какъ Плутархъ, жестоко наказывали своихъ рабовъ за всякую малость. Эти истязанія до того вошли въ нравы и привычки общества, что доставляли наслажденіе рабовладѣльцамъ. Философы, вѣрно разсуждавшіе о порочности вспышекъ гнѣва, о необходимости снисхожденія къ легкимъ проступкамъ раба, въ своей домашней жизни забывали эти наставленія. Женщины отнюдь не уступали въ жестокости мужчинамъ. Истязаніе рабовъ обоюго пола было имъ не менѣе привычно. Рабство дѣлало человѣка безчувственнымъ къ страданію другихъ и безсознательно свирѣпымъ; оно же приучило его ничего не дѣлать собственными силами, для всего имѣть подручныя орудія, оно изнѣжило его до послѣдней степени. Сенека вводитъ насъ во внутренность богатыхъ домовъ, гдѣ все дѣлается рабами: онъ представляетъ хозяевъ разслабленными, почти уничтоженными необычайной легкостью обычнаго теченія жизни. На прогулку ихъ выносятъ на носилкахъ; имъ докладываютъ, когда нужно умываться, купаться, принимать пищу. Гуляя пѣшкомъ, они окружены рабами, которые провожаютъ ихъ какъ слѣпцовъ, предупреждая о томъ, что нужно идти въ гору или спускаться. За столомъ рабы угадываютъ ихъ вкусы и минутныя желанія. Человѣкъ развращался такимъ образомъ съ самаго дѣтства. Воспитаніе дѣтей обыкновенно поручалось рабамъ, и рабы дѣлались сообщниками или укрывателями ихъ раннихъ пороковъ...

Въ первые вѣка римскаго государства, когда рабовъ было мало, они не получали особыхъ именъ; невольника звали просто: „рабъ Марка“, „рабъ Люція“ (Mancipor, Lucipor). Впослѣдствіи, когда рабы стали до того многочисленны, что въ нѣкоторыхъ домахъ былъ поставленъ особый *nomenclator*, обязанный помнить ихъ имена, понадобилось по возможности разнообразить послѣднія. Имена рабовъ черпались или въ мифологию: Эросъ, Фебъ, Гермесъ, Персей, Калліона; или въ исторію и легенды: Митридатъ, Ахиллъ, Семирамида, Дидона; или въ астрономію: Люциферъ, Гесперій; рабы назывались также по имени страны, откуда были родомъ: Лидъ, Сиръ, Ливанъ, Сира, Киликія; или по имени какого-нибудь животнаго: Волкъ, Медвѣдь, Леопардъ; или, наконецъ, по имени кунца, который ихъ продастъ. На такія клички была своего рода мода. Съ легальной точки зрѣнія, рабъ не считался за человѣческую личность. Въ законодательствѣ, въ административныхъ актахъ, въ частныхъ договорахъ и духовныхъ завѣщаніяхъ, онъ всегда приравнивался животному или вещи. Рабъ причислялся къ разряду домашняго скота. Онъ былъ „движимостью“, товаромъ. Въ таможенныхъ за привознаго раба взымалась та же пошлина, что и за привозную лошадь или мула. Для него не существовало семейства. Онъ могъ быть мужемъ и отцомъ, раба могла

быть женой и матерью лишь настолько, насколько это было угодно господину. Союз раба съ рабыней не считался бракомъ. Рабовладельцы дорожили только приплодомъ отъ рабынь, особенно приплодомъ мужского пола. Нѣкоторые нарочно приобрѣтали рабынь, которыхъ плодовитость была уже испытана, и юристы опредѣляли, что если раба, проданная за плодовитую, окажется бесплодною, то, за неисполненіемъ одного изъ главныхъ условій договора, продажа должна быть признаваема недействительною. Другіе рабовладельцы запрещали рабамъ извѣстной профессіи имѣть дѣтей. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда господа позволяли двумъ рабамъ жить вмѣстѣ (*contubernium*), союзъ ихъ не ограждался закономъ; законъ даже не признавалъ возможности прелюбодѣнія между рабами, какъ между животными. Одна только воля господина допускала и поддерживала или разрушала *contubernium*—единственный способъ брачнаго сожителства между рабами. Одна и та же женщина могла быть женою двухъ рабовъ общаго имъ господина. Римское право не признавало и кровнаго родства между рабами. Только милость господина давала имъ возможность называться отцами, сыновьями, братьями. Юридически дѣти рабовъ были такимъ же естественнымъ продуктомъ, какъ плоды на деревьяхъ или приплодъ домашнего скота. Въ числѣ будущихъ вещей, которыя могли подлежать залогу, юристы называли плоды, висящіе на вѣткахъ, младенца беременной рабыни, овечій приплодъ. Римскія дамы, съ нѣжной заботливостью кормившія цыпленка, презирали младенцевъ, прижитыхъ рабами.

Положеніе раба было вполне безнадежно; оно вело къ безысходному отчаянію и смягчалось только тѣмъ, что одни изъ нихъ могли надѣяться получить когда-нибудь свободу, а другіе тупѣли окончательно. У нѣкоторыхъ была отнята заранѣе всякая надежда на освобожденіе. Воля господина или судья всегда могла лишить раба этой послѣдней надежды. Господинъ могъ продать своего раба съ тѣмъ условіемъ, чтобъ новый владѣлецъ никогда не освобождалъ его; онъ могъ съ тѣмъ же условіемъ завѣщать раба своему наслѣднику; судья могъ своимъ приговоромъ лишить раба возможности освобожденія въ будущемъ. Нѣкоторые домашніе наказанія имѣли почти тѣ же послѣдствія. Когда господинъ ссылая въ свои помѣстья рабовъ, которыми былъ недоволенъ въ городѣ, они по бѣльшей части работали тамъ въ цѣпяхъ и жили въ тюрьмѣ (*compediti, vincti*), забытые виновникомъ ихъ ссылки, лишеныя всякой возможности вновь снискать его благосклонность и получить когда-нибудь личную свободу. Дневъ они работали, скованные по рукамъ и по ногамъ, съ клеймомъ на лицѣ, наложеннымъ при помощи раскаленного желѣза, ночью спали въ подземельяхъ. Еще ужаснѣе было положеніе рабовъ, отправлен-

ныхъ на работы въ рудникахъ или каменоломняхъ владѣльца. Въ комедіи Плавта: „*Сартіви*“, рабовладѣлецъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ приговариваетъ раба къ рудникамъ: „Отведите его туда, гдѣ онъ будетъ закованъ въ толстыя и тяжелыя цѣпи. Оттуда онъ спустится въ каменоломню... На ночь онъ будетъ прикованъ; днемъ будетъ ломать камни въ подземельѣ. Долго будетъ онъ терзаться, ему не дадутъ вздохнуть ни единого дня. Ведите его сперва къ кузнецу, который наложитъ на него тяжкія цѣпи, потомъ за городъ къ моему отпущеннику, управляющему каменоломнями, и пусть позаботятся о томъ, чтобъ онъ жилъ тамъ презрѣннѣйшимъ изъ самыхъ презрѣнныхъ“. Не легче была участь рабовъ, осужденныхъ вращать жерновъ или мѣсить муку въ домѣ господина, иногда до самой своей смерти. „Боже! какіе несчастные, какіе малорослые люди!“ говоритъ Апулей объ этихъ невольникахъ: „прозрачное тѣло, все исполосованное бичомъ; жалкое рубище покрываетъ ихъ искалѣченные спины; нѣкоторые, безъ всякой другой одежды, только опоясаны фартукомъ; на всѣхъ лишь обрывки туники, обнажающіе ихъ наготу. На лбу у нихъ клеймо, голова обрита, ноги сжаты кольцомъ; тѣло обезображено огнемъ, вѣки изъѣдены горячимъ дымомъ и воспаленнымъ мракомъ, глаза почти лишены свѣта; они засыпаны, какъ атлеты, грязно-блѣдною мучной пылью“¹⁾.

Понятно, что люди въ этомъ положеніи мало дорожили жизнію и нерѣдко относились съ пассивной безчувственностью къ физическимъ страданіямъ. Были рабы, до того измученные жизнію, до того придавленные оскорбленіями, что они предпочитали умереть подъ ударами, чѣмъ переносить безпрестанныя мелкія униженія. Извѣстна героическая черта философа Эпиктета, принадлежавшаго отпущеннику Эпафродиту. Владѣлецъ однажды забавлялся тѣмъ, что истязалъ ему ногу.—„Вы переломите ее“, сказалъ Эпиктетъ. Нога дѣйствительно переломилась.—„Я васъ предупреждалъ“, прибавилъ онъ спокойно. То, что было слѣдствіемъ спокойнаго самообладанія у этого раба-стоика, являлось у другихъ слѣдствіемъ полного отчаянія. Въ той же комедіи Плавта, о которой мы упомянули, рабовладѣлецъ приказываетъ связать руки своему рабу. „Я принадлежу тебѣ“, говоритъ равнодушно послѣдній: „мои руки тоже твои, вели отрубить ихъ, если хочешь“. У Валерія Максима сохранился рассказъ о рабѣ, который, будучи обвиненъ въ небываломъ убійствѣ, даже не далъ себѣ труда оправдываться; онъ сознался и былъ казненъ, а мнимая жертва убійства возвратилась черезъ нѣсколько времени. Не страшась смерти, рабы часто покушались на самоубійство. Дурнымъ рабомъ признавали

¹⁾ Metam., IX.

Томъ III.—Іюнь, 1876.

юристы того, который сдѣлалъ какое-нибудь усиліе, чтобъ ускорить конецъ своей жизни: приготовилъ веревку, чтобъ повѣситься, пытался принять ядъ, бросался внизъ съ высокаго мѣста, или вообще совершилъ какое-нибудь дѣйствіе, которымъ могъ надѣяться покончить жизнь, хотя бы этотъ рабъ и не осмѣлился предпринять противъ другихъ то, что дерзнулъ сдѣлать противъ себя. Сенека говоритъ, что гнѣвъ господъ заставляетъ однихъ рабовъ бѣжать, другихъ—лишать себя жизни. И онъ хвалитъ самоубійство. „Рабство не такъ еще ужасно въ послѣднемъ результатѣ,—говоритъ этотъ стоикъ,—потому что, таготясь своимъ господиномъ, можно сразу получить освобожденіе“, т.е. покончить съ жизнью. Таково послѣднее утѣшеніе, обращенное къ рабу древнимъ философомъ переходной эпохи отъ язычества къ христіанству. Рабовладѣлецъ былъ полнымъ господиномъ надъ тѣломъ своихъ рабовъ и рабынь во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ могъ не только истязать ихъ побоями и казнями, онъ могъ еще ссужать эти тѣла своимъ гостямъ, какъ радушный хозяинъ, могъ ссужать ихъ и за деньги для чувственного наслажденія. Долгъ гостепріимства не забывался даже въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Крассъ, изгнанный Маріемъ, скрывался у своего друга Поціона въ пещерѣ на берегу моря; Поціонъ не только посылалъ ему пищу, но и велѣлъ двумъ рабынямъ усладить его одиночество. Рабовладѣльцы даже спекулировали красивыми рабынями. Если простую работницу можно было купить за пятьдесятъ рублей, то рабыня, предназначенная для проституціи, стоила во время Плавта, когда роскошь въ Римѣ еще не достигла своего крайняго предѣла, около двухъ тысячъ рублей...

Въ этотъ-то міръ всякой растлѣвающей неволи, политической, общественной, моральной, гдѣ такъ тяжело дышалось рабу, гдѣ рабство такъ глубоко развращало господина, въ это темное царство проникло христіанское ученіе о нравственномъ равенствѣ людей передъ Творцомъ, объ искренней и чистой любви къ ближнему, объ одинаковомъ для всѣхъ искупленіи, о ничтожествѣ земныхъ благъ и близости второго пришествія съ неліцепріятнымъ для всѣхъ судомъ, въ которомъ „первыя могутъ оказаться послѣдними, а послѣдніе первыми“. Глубокій переворотъ производило это ученіе въ понятіяхъ и нравахъ греко-римскаго міра; но этотъ переворотъ былъ прежде всего чисто нравственнаго свойства. Христіанство обращалось гораздо больше къ внутреннему чловѣку, чѣмъ къ политическимъ или юридическимъ условіямъ его жизни. Признавая духовное равенство людей, оно однако же проповѣдывало угнетеннымъ покорность и совѣщало вънѣшняго раба съ внутреннимъ просвѣтленіемъ, съ внутренней, нравственной свободой, окончательно достигаемой не здѣсь, на землѣ,

а по ту сторону земной жизни человека. Оно не позволяло рабу насильственно выходить из своего положенія, но въ то же время вмѣняло господамъ въ обязанность любить рабовъ, какъ братьевъ, предоставить имъ право на бракъ и семейную жизнь и отпускать ихъ на волю, чтобъ заслужить награду въ будущей жизни. Всѣ упованія, всѣ лучшія надежды возникающаго христіанства были обращены именно въ эту послѣднюю сторону. Что значили передъ просвѣтляющей религіозной истиной и вѣчнымъ блаженствомъ нѣсколько десятковъ лѣтъ рабства для невольника, или добровольныхъ лишеній для господина? Что значила для преобразяемаго новымъ ученіемъ внутренняго человека вѣшняя обстановка земной жизни? До сихъ поръ страхъ, въ которомъ держали рабовладѣльцевъ неоднократно возстанія рабовъ, заглушался только тѣмъ трепетомъ, въ которомъ они, побѣдивъ эти возстанія военною силою, держали сотни и тысячи головъ своей „одушевленной собственности“. Христіанство стремилось замѣнить этотъ страхъ нравственными и религіозными внушеніями. Переворотъ громадный, единственный, въ которому былъ подготовленъ древній міръ направленіемъ тогдашнихъ философскихъ школъ и колоссальностью своего нравственнаго безобразія, и нѣтъ надобности преувеличивать этотъ переворотъ, чтобъ выяснитъ все благотворное его вліяніе, полный расцвѣтъ котораго былъ возможенъ лишь при новыхъ народахъ, нахлынувшихъ на дряхлую римскую имперію. Нѣтъ надобности забывать, какъ дѣлаетъ это нашъ авторъ, что рабство продолжало существовать и впослѣдствіи, что только чуть не вчера оно отмѣнено въ Россіи и въ Соединенныхъ Штатахъ, и еще держится въ европейскихъ колоніяхъ. Упуская все это изъ виду, авторъ считаетъ возможнымъ утверждать, что благотворное, смягчающее, гуманное вліяніе новаго ученія на древній міръ совсѣмъ упразднило невольничество,—увлеченіе, понятное въ виду глубоко трогательныхъ легендъ и фактовъ, свидѣтельствующихъ о перерожденіи и обновленіи внутренняго человека новымъ ученіемъ; но оно тѣмъ не менѣе не выдерживаетъ критики. Великая историческая заслуга христіанства (мы не коснемся собственно религіозной стороны вопроса) въ теченіи первыхъ вѣковъ заключалась именно въ томъ, что оно освобождало человека въ идеѣ; подъ вліяніемъ этой освобождающей идеи совершалось впослѣдствіи юридическое и политическое упраздненіе невольничества; но оно состоялось гораздо позднѣе, много вѣковъ спустя, когда христіанская культура новыхъ народовъ достигла высокой степени развитія.

Пламенный энтузіазмъ овладѣвалъ умами рабовъ и господъ въ виду великаго новаго ученія, дѣлавшаго ихъ нравственно равноправными гражданами небеснаго царства; но христіанская проповѣдь,

какъ знаетъ и говоритъ самъ авторъ, никогда не опиралась на ненависть рабовъ къ угнетавшему ихъ обществу; она старалась, напротивъ, смягчить ожесточенныя сердца рабовъ. Она увѣщевала ихъ повиноваться земнымъ господамъ въ простотѣ сердца, исполняя тѣмъ волю Божию, и обѣщала имъ великое воздаяніе за все то добро, которое они сдѣлаютъ въ своей жизни, и за всѣ тѣ страданія, которыя были ими испытаны на землѣ. И дѣйствительно, къ будущей жизни были обращены все вниманіе и всѣ сердечныя стремленія глубоко-увѣжденнаго христіанина той эпохи. Съ полной покорностью судьбѣ, съ восторженной надеждой на вѣчное блаженство или на казнь христіанскіе мученики, не взывая къ насильственному измѣненію данныхъ политическихъ и общественныхъ условий. Мученикъ Полліонъ, спрошенный проконсуломъ о христіанской вѣрѣ, такъ опредѣлилъ ее: „это та вѣра, которая признаетъ единаго Бога, испѣляетъ отъ грѣха, сохраняетъ чистоту сердца, внушаетъ дѣвствен- ность, ограждаетъ чистоту брака, научаетъ господъ управлять рабами посредствомъ милосердія, а не гнѣва, ибо рабы такіе же люди, а рабовъ—исполнять свой долгъ по чувству любви, а не страха“.

Таковъ былъ соціальный характеръ первоначальной христіанской проповѣди. Она не упраздняла рабства въ гражданскомъ обществѣ, но не знала его въ церкви. Въ церковной жизни, таинства, религиозныя собранія и церковныя должности были одинаково доступны рабу и господину. Въ идеѣ всѣ были 'равны передъ церковью, передъ божествомъ. Бракъ и семья раба были въ глазахъ церкви столь же неприкосновенны, какъ бракъ и семья господина, и, подъ ея вліяніемъ, были признаны въ извѣстной степени гражданскимъ обществомъ и гражданскимъ закономъ; христіанская проповѣдь поощряла отпущенія на волю, какъ дѣло богоугодное, и насколько позволяли нравы, возстановила уваженіе къ личному труду, который въ древнѣмъ мірѣ считался унизительною долей раба; ею, наконецъ, была вызвана къ жизни совершенно новая тогда идея христіанской благотворительности. Авторъ справедливо отличаетъ положеніе средневѣковаго крестьянина отъ положенія древняго раба; но различіе между ними не тамъ, гдѣ онъ его ищетъ. Оно гораздо больше нравственное, религиозное, если можно такъ выразиться, чѣмъ юридическое и политическое. Юридически и политически и тотъ, и другой, все-таки невольники, рабы.

Замѣчательно, что въ четвертомъ вѣкѣ, когда и высшіе классы, и городскіе плебеи уже были обращены въ христіанство, сельское населеніе еще продолжало придерживаться старыхъ вѣрованій. Съ четвертаго до шестого вѣка миссіонеры нерѣдко обѣзжали сельскіе округа съ проповѣднической цѣлью, и встрѣчали тамъ сильное про-

тивождѣйствіе. Сельское населеніе всегда и вездѣ упорнѣе держится за старину, чѣмъ городское, особенно тамъ, гдѣ населеніе разбросано на большомъ сравнительно пространствѣ и гдѣ трудны сообщенія. Именно таковы были условія въ бѣльшей части римской имперіи въ теченіи четвертаго вѣка. Во многихъ мѣстностяхъ, какъ мы уже сказали, обширныя помѣстья превратились въ пустынные пастбища, и исчезли мало-по-малу многіе центры населенія. Это обстоятельство сильно затрудняло распространеніе христіанства, и въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ городовъ, изображенія древнихъ боговъ продолжали держаться долгое время, окруженные обычнымъ поклоненіемъ. Населеніе этихъ разрозненныхъ и уединенныхъ мѣстностей примкнуло послѣднее къ христіанству. Въ составѣ его совершалась въ это время крупная перемѣна. Къ рабамъ землевладѣльцевъ присоединялись вольные люди, которыхъ нужда или смуты вытѣсняли обратно изъ городовъ и которые соглашались быть приписанными къ числу работниковъ или мелкихъ арендаторовъ въ помѣстьѣ, не дѣлаясь полными рабами. Эти *coloni*, которые переходили отъ одного владѣльца подѣ власть другого, не иначе какъ со всею землею, со всѣмъ помѣстьемъ, могли поступать въ духовное званіе съ согласія господина, и служили, какъ полагаетъ нашъ авторъ, орудіемъ для распространенія христіанства въ сельскомъ населеніи, продолжая обрабатывать землю и оставаясь и въ новомъ своемъ званіи зависимыми отъ землевладѣльца. Но зависимость тѣхъ, которые оставались мірянами, была еще тѣснѣе, и если они не были вполне рабами, въ древнемъ смыслѣ этого слова, то далеко не были и свободными людьми. То была новая форма крѣпостной зависимости, не упраздненная, а напротивъ, поощряемая христіанскою проповѣдью, какъ менѣе тяжелая и унижительная.

Христіанство было и безъ того такимъ шагомъ впередъ въ исторіи развитія человѣческой личности, оно было такимъ полнымъ отрицаніемъ всего языческаго склада жизни и понятій, что побѣда надъ язычествомъ не могла не стоить ему вѣковой борьбы и огромныхъ жертвъ и усилій. Исторіи этой борьбы и этихъ усилій посвящено сочиненіе Обѣ: „*Histoire des persécutions de l'Église jusqu'à la fin des Antonins*“. Почтенный профессоръ стоитъ на иной точкѣ зрѣнія, чѣмъ Алларъ; онъ не довѣряетъ историческому элементу легенды, на которомъ Алларъ отчасти построилъ свое изслѣдованіе, и на основаніи однихъ только дознанныхъ фактическихъ данныхъ рѣшаетъ вопросъ о значеніи и размѣрахъ гоненій, которымъ подвергались христіане въ первые вѣка христіанской проповѣди. Мы приведемъ его главные историческіе выводы.

Первыми и самыми заклятыми врагами христіанской проповѣди

были евреи, имѣвшіе свои синагоги въ большихъ городахъ громадной римской имперіи. Къ этимъ синагогамъ обращались прежде всего первые христіанскіе проповѣдники, встрѣчая не только презрительный отпоръ, но и формальное преслѣдованіе. Евреи приносили на нихъ жалобы гражданской власти, обвиняя ихъ въ нарушеніи общественнаго спокойствія и въ распространеніи вредныхъ ученій, отрицающихъ установленную власть, власть цезаря. Римской власти нерѣдко приходилось спасать первыхъ христіанскихъ проповѣдниковъ отъ ярости фанатиковъ-евреевъ. Она смотрѣла на эти несогласія, какъ на домашніе религіозные раздоры между евреями, ни мало не касающіеся римскихъ государственныхъ интересовъ. Извѣстно, что римскій губернаторъ Фестъ, отъ котораго евреи требовали казни апостола Павла въ Цезарѣѣ, успунилъ желанію арестованнаго, какъ римскаго гражданина, и отправилъ его въ сопровожденіи центуріона на судъ въ Римъ. Апостолъ Павелъ, главный дѣятель въ распространеніи новаго ученія между язычниками, прибылъ туда весной 61 года, когда префектомъ преторіа былъ еще Афраній Бурръ. Къ апостолу приставили преторіанца; но, повидимому, власти не считали его человѣкомъ особенно опаснымъ: онъ могъ нанять себѣ небольшое помѣщеніе, выходить куда хотѣлъ, сопровождаемый преторіанцемъ, принимать знакомыхъ и вести переписку съ своими малоазійскими друзьями. Апостолъ собралъ евреевъ, которые еще ничего не знали о немъ, несмотря на частыя сношенія Сиріи съ Римомъ. Евреи и тутъ враждебно отнеслись къ христіанской проповѣди; но между язычниками было не мало людей утомленныхъ, сосредоточенныхъ, жаждавшихъ идеала и нравственнаго обновленія. Два года проповѣдывалъ апостолъ Павелъ въ Римѣ и обратилъ многихъ язычниковъ. Сохранившіеся надписи даютъ поводъ думать, что помѣщеніе его было нѣчто въ родѣ христіанскаго храма. Но евреи не дремали. Ненавидимые и презираемые римлянами, они тѣмъ не менѣе съ ожесточеніемъ чернили новое ученіе, и римскому обществу естественно представлялось, подъ вліяніемъ этихъ наговоровъ, что христіане должны быть еще болѣе ненавистны и презрѣнны, если даже евреи отрекаются отъ этихъ своихъ соотечественниковъ, какъ отъ вредной заразы. По мнѣнію нашего автора, такъ-называемое Нероново гоненіе 64-го года было подготовлено неутомимою враждой евреевъ, которыхъ наговоры могли доходить до самого Нерона черезъ посредство Поппеев, благоволившей къ еврейству. Но, какъ мы видѣли, до этого гоненія апостолъ Павелъ пользовался въ Римѣ нѣкоторой свободой; римскія власти относились вообще болѣе или менѣе нейтрально и безучастно къ религіознымъ раздорамъ подвластныхъ народовъ. Мы не знаемъ достоверно, чѣмъ кончилось дѣло апостола Павла въ Римѣ: исторія

не сохранила достовѣрныхъ свидѣтельствъ о послѣднихъ годахъ его жизни. Вѣроятно, онъ былъ оправданъ, но остался ли онъ въ Римѣ, возвратился ли въ Малую Азію къ своимъ друзьямъ и единовѣрцамъ, и вѣрно ли преданіе объ его путешествіи въ Испанію съ проповѣдническою цѣлью,—на эти вопросы можно отвѣчать только предположеніями. Съ весны 63-го года историческая критика совсѣмъ теряетъ слѣдъ апостола, и если онъ былъ еще въ Римѣ лѣтомъ 64-го года, во время большого пожара и вызваннаго этимъ пожаромъ гоненія, то пострадалъ, по всей вѣроятности, вмѣстѣ съ другими христіанами за свои вѣрованія.

По своему происхожденію, христіанство стояло всего ближе къ еврейству, и еврейство было первымъ и главнѣйшимъ его гонителемъ и врагомъ. Религіозная нетерпимость была гораздо болѣе свойственна еврейству, чѣмъ римскому политеизму. По мѣрѣ того, какъ расширялись римскія завоеванія, вишія терпимость римлянъ къ чужимъ религіямъ получала все болѣе и болѣе размѣры. Въ послѣднія времена республики культъ Изиды, Сераписа, Озириса, великой матери боговъ, были безпрепятственно допущены въ самый Римъ. До Августа, евреи также имѣли въ вѣчномъ городѣ свои синагоги. Минутныя вспышки негодованія властей и общества противъ иноземныхъ религій оставались безъ послѣдствій, и всегда кончались восстановленіемъ временно преслѣдуемаго культа. На практикѣ, римская власть оставляла полную свободу всякимъ проявленіямъ религіознаго чувства. Ни цезари, ни сенатъ никогда не стремились водворить единообразіе вѣры въ имперіи. Самой антипатичной римлянину религіей было еврейство; но и оно пользовалось свободой подъ охраной римскаго закона. При Клавдіѣ и Неронѣ, римскія власти преслѣдовали друидизмъ въ Галліи и Британіи, но не какъ религію, а какъ могущественное средство политической оппозиціи, какъ воинствующій патріотизмъ, стремившійся къ истребленію римскаго элемента. Но въ самомъ Римѣ общество, про себя издѣвавшееся надъ официальной религіей, и тѣмъ легче впадавшее въ мистицизмъ, жаждало ознакомиться съ иноземными, преимущественно восточными вѣрованіями, и тѣмъ обезпечивало имъ желанную терпимость.

При такихъ условіяхъ произошелъ въ Римѣ, 19-го іюля 64-го года, большой пожаръ, продолжавшійся девять дней, и истребившій значительную часть города. Не трудно представить себѣ положеніе народа во время и послѣ этого пожара. Масса римскаго населенія лишилась крова и пала въ нищету. Пронесся слухъ, передаваемый Тацитомъ, Светоніемъ и Діономъ Кассіемъ, что самъ Неронъ былъ виновникомъ общественнаго несчастія. Говорили, что цезарю прискучили обычные удовольствія; что, ища новыхъ ощущеній, онъ велѣлъ

зажечь городъ, чтобъ насладиться ужасомъ невиданнаго дотогѣ зрѣлища; что, помѣстившись на башнѣ, онъ сравнивалъ зажженный имъ Римъ съ горящею Троей; что съ лирой въ рукахъ, съ вѣнкомъ на головѣ, въ одеждѣ Аполлона Китарида, онъ пѣлъ какія-то пѣсни. Неронъ былъ, конечно, способенъ на всякое злодѣйство; но онъ не былъ въ Римѣ, когда начался пожаръ: онъ находился въ Анціумѣ, и прибылъ въ Римъ только тогда, когда получилъ извѣстіе, что пламя приближается къ его дворцу. Слухъ объ его виновности былъ не болѣе какъ слухомъ, естественно порожденнымъ другими его безобразіями; но подобная молва была ужасна для цезаря. Надо было, во что бы то ни стало, удовлетворить разъяренный народъ. И вотъ, цезарь вдругъ отыскалъ виновныхъ: это были христіане. Ихъ принесло въ жертву правительство, чтобъ снять подозрѣніе съ цезаря. Разсказывая объ этомъ событіи съ обычными ему предубѣжденіями противъ новаго ученія, Тацитъ прибавляетъ слѣдующее многозначительное замѣчаніе: „хотя христіане были преступны и достойны величайшихъ казней, чувство жалости поднялось однакоже въ сердцахъ, потому что христіане представлялись принесенными въ жертву не общественной пользѣ, а жестокости одного человѣка“ ¹⁾. Тацитъ тутъ же называетъ христіанъ врагами рода человѣческаго, и не трудно догадаться, на какихъ соображеніяхъ было основано это мнѣніе римскаго историка. Христіане жили особнякомъ, они сторонились отъ языческаго общества, чуждаясь римскихъ правилъ и вѣрованій, и пламенно вѣруя въ близость второго пришествія Спасителя, которое должно безвозвратно сокрушить неправедное римское могущество. Объ этомъ какъ нельзя яснѣе свидѣтельствуетъ „Апокалипсисъ“, сочиненіе котораго специалисты единогласно относятъ къ 68-му году. Мысль о предстоящемъ концѣ міра и лихорадочное ожиданіе страшнаго суда должны были придавать христіанину строгую сосредоточенность среди шумныхъ оргій языческаго Рима, и представляться легкомысленному, ни во что невѣрующему и тщеславному обществу постояннымъ и непріятнымъ укоромъ. Римскій культъ состоялъ болѣею частью изъ веселыхъ празднествъ: то было поклоненіе природѣ и жизни; христіанство, напротивъ, казалось религіей грусти, печали и смерти. Понятно, что первыхъ христіанъ считали врагами человѣчества, ненавистниками общества. По мнѣнію нашего автора, Неронъ могъ слышать о нихъ отъ императрицы Поннеи, покровительствовавшей евреямъ, и воспользовался общественнымъ и народнымъ предубѣжденіемъ, чтобъ приписать имъ бѣдствія пожара. „Но еще болѣе вѣроятно,—говоритъ онъ,—что свирѣпое истребленіе

¹⁾ Annal. XV, 44.

римских христіанъ послѣ пожара не было результатомъ заранѣе и зрѣло обдуманнаго намѣренія, а просто слѣдствіемъ слѣпого каприза и дикой вепышки гнѣва. Въ исторіи подобныхъ правительствъ бываютъ зловѣщія часы, когда власть, вслѣдствіе какого-нибудь крупнаго преступленія, виновники котораго неизвѣстны, наудачу обрушивается на тѣхъ, кого указываютъ ей общая ненависть, смутныя подозрѣнія, или только слѣпые предразсудки. Легальность замѣняется при этомъ слѣдующимъ краткимъ сужденіемъ: если казнимые и не совершили этого преступленія, то могли совершить его, могли, даже должны были желать его и радоваться ему; они, все равно, совершили не мало другихъ злодѣяній. Государство ничего не теряетъ, оно, напротивъ, выиграетъ, отдѣлавшись отъ подобнаго сброда. Во время пожара видѣли неизвѣстныхъ людей, бросавшихъ зажженные фавелы и старавшихся распространить пламя. Кто были эти люди? Быть можетъ, эмиссары цезаря? Цезарь отвѣтилъ на этотъ вопросъ, отыскавъ виновныхъ. Какъ во всѣхъ большихъ столицахъ, въ Римѣ полиція стѣсило только протянуть руку, чтобы найти любую добычу. Общее мнѣніе, рѣшительно антипатичное христіанамъ, заранѣе указывало на нихъ, какъ на жертвы. Ихъ таинственный образъ жизни могъ прикрывать, по общему мнѣнію, лишь безпримѣрныя злодѣянія. Народное воображеніе свободно разыгрывалось на эту тему; неизвѣстное казалось преступнымъ. Быть можетъ, кто-нибудь изъ христіанъ говорилъ передъ тѣмъ, что близокъ конецъ міру, что огонь, нѣкогда истребившій Содомъ и Гоморру, вскорѣ обратитъ въ груды пепла и гордую развратницу, раскинувшуюся на семи холмахъ. Эти слова могли сначала вызвать улыбку; но, переходя изъ устъ въ уста, они получали все болѣе и болѣе страшные размѣры, а послѣ пожара могли казаться угрозой, подкрѣпляя наговоры и подозрѣнія. Если Неронъ былъ на самомъ дѣлѣ виновникомъ пожара, если онъ смеетъ Римъ изъ поэтической маніи, въ припадкѣ артистической ярости, или съ цѣлью перестроить городъ и явиться новымъ Ромуломъ, то ему было всего удобнѣе спрятаться за христіанъ; онъ не могъ найти болѣе правдоподобныхъ, въ глазахъ народа, виновниковъ катастрофы, и для искупленія вины болѣе пріятныя народу жертвы. Если онъ не былъ виновенъ, то и тогда общій голосъ могъ указывать на христіанъ, какъ на злоумышленниковъ, достойныхъ казни. Въ обоихъ случаяхъ Неронъ помышлялъ не о религіозномъ гоненіи, но объ очищеніи Рима отъ множества иноземныхъ элементовъ. Пожаръ Рима послужилъ ему только предлогомъ свирѣпствовать административнымъ порядкомъ. Но въ примѣненіи этого насильственнаго порядка онъ выказалъ варварство и безчеловѣчіе, которыми отличались вообще его дѣйствія. Казнямъ предшествовало самое легкое слѣдствіе. Дѣло

заключалось не въ томъ, чтобъ доказать юридически виновность христіанъ: Неронъ заранѣе узаконилъ ихъ виновность. Нужно было только захватить тѣхъ, на кого указывалъ общій голосъ. Арестованные признали, что они христіане; нѣкоторые были вынуждены пыткой назвать своихъ братьевъ. Свирѣпость погорѣвшихъ помогала полиціи“.

Безчеловѣчное истребленіе христіанъ въ римскихъ садахъ Нерона не осталось, конечно, безъ вліянія въ провинціи; но никакого общаго для имперіи распоряженія о повсемѣстномъ преслѣдованіи христіанъ не было издано Нерономъ. Губернаторы и проконсулы могли видѣть въ сожженіи римскихъ христіанъ примѣръ для подражанія; они могли рассчитывать, что ихъ усердіе будетъ пріятно цезарю, и въ Малой Азіи, гдѣ христіане были многочисленнѣе, чѣмъ въ Италіи, они несомнѣнно пережили жестокое преслѣдованіе, глубокіе слѣды котораго ярко отпечатлѣлись на замѣчательнѣйшемъ памятникѣ того времени, названномъ нами выше и относящемся, какъ теперь дознано, къ 68-му году христіанской эры. Впечатлѣніемъ ужаса передъ вопіющей несправедливостью проникнуть отъ начала до конца „Апокалипсисъ“ св. Іоанна, это старѣйшее произведеніе христіанской письменности, дышащее святымъ негодованіемъ противъ современной тиранніи языческой власти и языческаго общества. Въ немъ живо отразились мысли, чувства и заботы христіанъ въ теченіи шестидесятихъ годовъ перваго столѣтія. Пять первыхъ владыкъ уже пали, одинъ еще держится, говоритъ „Апокалипсисъ“. Этотъ шестой,—и такъ какъ рѣчь идетъ о Римѣ, о великомъ городѣ, властвующемъ надъ царями земли, о городѣ на семи холмахъ, то этотъ шестой цезарь долженъ быть Гальба, правившій шесть мѣсяцевъ, съ іюня 68 по январь 69-го года. Въ этомъ памятникѣ несомнѣнно отразилось вліяніе жестокихъ оустоженій, произведенныхъ въ христіанскихъ общинахъ возмутительными насиліями Нерона и послѣдствіями ихъ для Малой Азіи. Христіане были воодушевлены въ то время высокими надеждами, осуществленіе которыхъ ожидалось въ близкомъ будущемъ. Знаменія близости втораго прішествія казались несомнѣнными христіанамъ того времени. Никакія преступленія въ ихъ глазахъ не могли быть болѣе достойны небесной кары, какъ направленныя противъ нихъ жестокости, никакія страданія болѣе достойны утѣшенія и награды, чѣмъ ихъ страданія за нравственную и религіозную истину. Чаша несправедливости переполнилась. Еще нѣсколько времени, и наступитъ кара божественнаго суда и порѣ воздаянія за претерѣваемая мѹки. Неронъ, этотъ „звѣрь“ „Апокалипсиса“, этотъ антихристъ, не умирѣ, онъ явится опять, восьмымъ по счету цезаремъ, чтобъ бороться противъ истины, пока не будетъ брошенъ въ горячій сѣрный потокъ.

народъ дѣйствительно жило тогда преданіе, о которомъ упоминаютъ историки, что Неронъ не умеръ, а скрывается гдѣ-то на Востоѣ. „Апокалипсисъ“ свидѣтельствуетъ такимъ образомъ о глубокѣ, потрясающемъ впечатлѣніи, произведенномъ казнями христіанъ Римѣ на христіанскія общины въ Малой Азіи; онъ прямо указываетъ на то, что гоненіе не ограничилось стѣнами столицы, и повторялось во многихъ азіатскихъ городахъ. При всемъ томъ, по мнѣнію сего автора, въ немъ не было ничего юридически узаконеннаго на будущее время, ничего послѣдовательнаго и систематическаго; оно было всыншюй воли деспота и усердія его провинціальныхъ агентовъ. Послѣ жестокихъ истязаній 64-го года, христіане, какъ доказываетъ авторъ, пользовались относительнымъ спокойствіемъ въ теченіи меньшей мѣры тридцати лѣтъ.

Опираясь на одни дознанныя историческія свидѣтельства, подлинныя которыхъ несомнѣнна, авторъ подробно говоритъ далѣе о преслѣдованіи новаго ученія при Домиціанѣ, Траянѣ, Адрианѣ, Антонинѣ Пій и Маркѣ-Авреліѣ, до конца второго вѣка нашей эры. „Въ еніи этихъ двухъ столѣтій,—говоритъ онъ,—христіане вообще пользовались почти полной терпимостью со стороны политической власти. апостольское время, до римскаго пожара 64-го года, евреи были известными гонителями христіанъ. Но ихъ вражда не имѣла крупныхъ послѣдствій. Римскія власти не вмѣшивались въ ихъ споры и становились орудіемъ ненависти еврейства, которое онѣ презири. Онѣ оставались равнодушными и нейтральными въ этой дошней, по ихъ мнѣнію, ссорѣ. Авторъ старается показать, что ни гія, ни политика ни мало не были замѣшаны въ страшную фаніи злодѣя, принимавшаго имперію за театральную сцену, обуременаго маніей во всему чудовищному и образовавшаго агонію нестныхъ въ развлеченіе для празднои толпы. Не случись пожара, было бы и гоненія. Второе преслѣдованіе христіанъ относится къ лѣднему году правленія Домиціана; но и тутъ нѣтъ никакихъ орическихъ слѣдовъ общаго для всей имперіи распоряженія. Ни ческіе, ни христіанскіе памятники не сохранили никакого свѣдѣтельства о подобномъ распоряженіи до половины второго вѣка. мгихъ христіанъ судили, но историческія свидѣтельства не даютъ возможности утверждать, чтобы это было настоящее религиозное преслѣдованіе. При Траянѣ положеніе дѣлъ измѣняется. Плиніи-Младшій, губернаторъ Понта и Воніи, затрудняясь найти юридическіе акты обвиненія противъ христіанъ и опредѣлить, въ какомъ поукѣ должно совершаться ихъ преслѣдованіе, спрашиваетъ объ этомъ яна, который, въ своемъ отвѣтѣ, впервые указываетъ, какъ должна юридически относиться власть къ сторонникамъ новаго религиознаго

ученія. Отвѣтъ Траяна, историческая подлинность котораго несомнѣнна, ставитъ приверженцевъ новаго ученія внѣ общаго закона, совѣтуя однако же не трогать ихъ, пока никто на нихъ не жалуется, пока никто не выступаетъ противъ нихъ обвинителемъ. Когда на нихъ жалуются суду, слѣдуетъ казнить ихъ, если они не отрекутся отъ своихъ вѣрованій, т.-е. не поклонятся изображенію цезаря и римскихъ боговъ. Этимъ указомъ опредѣлилось положеніе христіанъ при Траянѣ и трехъ первыхъ его преемникахъ. Ни Адріанъ, ни Антонинъ Пій, ни Маркъ-Аврелій не смягчили и не усилили его. При этихъ лучшихъ изъ цезарей, смертные приговоры противъ христіанъ стали однако же болѣе часты, чѣмъ прежде. Авторъ объясняетъ это тѣмъ, что христіане сдѣлались многочисленнѣе и сильнѣе прежняго, и что на сцену выступилъ новый, безымянный дѣтель, страстный, капризный, раздражительный и безпощадный въ своей ярости — толпа, внушенія и смертные крики которой нерѣдко замѣняли собою юридическіе приговоры и требуемаго Траяновымъ указомъ обвинителя. Во всѣхъ общественныхъ бѣдствіяхъ толпа набрасывалась на христіанъ, довѣряя ужасающимъ слухамъ объ ихъ сходкахъ и обрядахъ и, какъ мы думаемъ, инстинктивно чувствуя ихъ значеніе. Христіанамъ приписывали тайное избіеніе и пожираніе дѣтей, и разныя неудобо-разсказываемыя проявленія разврата. Въ извѣстныхъ случаяхъ достаточно было малѣйшей искры, чтобъ воспламенить предубѣжденную толпу, собравшуюся въ амфітеатръ или въ циркъ. Римскія власти, вооруженныя правомъ допрашивать и казнить христіанъ по доносу одного только обвинителя, не противятся разъяренной толпѣ. Таковъ ключъ къ приговорамъ, произнесеннымъ надъ христіанами въ Римѣ и особенно въ провинціяхъ, при Антонинахъ. Такъ было въ Смирнѣ, въ 155-мъ году, и въ Ліонѣ, въ 177-мъ. Обвинителемъ была толпа; она указывала на сторонниковъ непонятной для нея новой вѣры, она произносила имъ смертные приговоры и едва не приводила ихъ сама въ исполненіе.

Въ началѣ второго вѣка, при Адріанѣ, произошелъ однако отчетливый фактъ въ исторіи христіанства. Два христіанина, Квадратъ и Аристидъ, изъ которыхъ одинъ носилъ званіе философа, выступили защитниками христіанскаго ученія и представили цезарю апологіи христіанства. Такое открытое заявленіе своихъ вѣрованій не навлекло имъ преслѣдованія; по крайней мѣрѣ, историческія свидѣтельства не говорятъ ничего подобнаго, какъ не упоминаютъ и о томъ, прочелъ ли Адріанъ эти апологіи, и если прочелъ, то каково было его мнѣніе о нихъ. Но уже одно представленіе подобныхъ защитительныхъ сочиненій цезарю обнаруживаетъ, рядомъ съ враждой общаго мнѣнія къ христіанству, нейтральность или высокоумное пренебреженіе

ншей власти, и относительную безопасность лицъ, отважившихся на такой поступокъ. Это были протесты, показывающіе, что христіанство распространилось значительно, что оно усиливалось и стремилося занять полноправное мѣсто среди другихъ религій, признаваемыхъ въ имперіи. Въ послѣдней половинѣ второго вѣка, подобныя положія дѣлаются многочисленны. „Народилась, такъ сказать, новая философская школа,—заключаетъ нашъ авторъ,—школа дѣятельная, оиствующая, горячо стремящаяся привлечь сердца и умы, и оищенная полемической отваги“. Юстинъ, Таціанъ, Атенаторъ, Метонъ Сардскій, Аполлинарій Пьеропольскій, Мильтіадъ, Теофилъ антиохійскій, позднѣ Тертуліанъ и Минуцій Феликсъ, одинъ за другимъ, возвышаютъ голосъ въ пользу новаго ученія не со смиреніемъ жертвъ, молящихъ о пощадѣ, но съ мужественнымъ достоинствомъ людей, требующихъ справедливости и вызывающихъ къ обязательнымъ для всѣхъ внушеніямъ челоѣколюбія, совѣсти и разума. Они и защищаются и нападаютъ, обнаруживая безысходныя противорѣчія философскихъ системъ, противопоставляя свои простыя вѣрованія, свою чистую мораль измышленіямъ другихъ религій, требуя слѣдованія ихъ жизни и ученія, замѣны палачей безпристрастными удьями. Въ числѣ апокрифическихъ памятниковъ древней письменности, сохранились три инструкціи въ пользу христіанъ, будто бы принадлежащія Адріану, Антонину и Марку-Аврелію. Адріанъ будто и запретилъ приговаривать христіанъ по требованію толпы, а Марк-Аврелій далъ имъ полную свободу вѣроисповѣданія. Но эти памятники носятъ очевидныя слѣды позднѣйшаго происхожденія. Приговоры, произнесенные противъ христіанъ при Антонинахъ, и многочисленные защитительныя записки апологетовъ, поданныя цезарямъ, вызывавшія къ ихъ справедливости, требовавшія общаго права для христіанъ, доказываютъ несомнѣнно, что правила, поставленныя Траяномъ и осуждавшія новое ученіе, не были отмѣнены при Антонинахъ.

Лучшіе изъ цезарей, конечно, не любили казней; они сами были философы, и не препятствовали свободѣ вѣроисповѣданій въ имперіи. Ихъ официальное благочестіе, говоритъ авторъ, не представляло ничего исключительнаго; они, какъ напримѣръ Адріанъ, охотно давали посвящать себя въ иноземныя религіозныя тайны, или, какъ Марк-Аврелій, не затруднялись взывать, въ трудныхъ обстоятельствахъ, ко всѣмъ извѣстнымъ тогда религіямъ. Римскій политеизмъ е представлялъ ничего похожаго на стройное и цѣльное религіозное ученіе. Но въ глазахъ этого политеизма и римскаго общества христіанство составляло слишкомъ рѣзкое, исключительное явленіе; въ общемъ хорѣ древнихъ религій, оно явилось безусловнымъ отричаніемъ всѣхъ формъ языческаго натурализма; оно осуждало и от-

ловѣка, въ освобожденіи его совѣсти отъ безчисленныхъ историческихъ путъ и наслоеній неравенства и всякой неправды, показываетъ все направленіе греко-римской философіи отъ Сократа до стоиковъ и нео-платониковъ. Именно сличенію нравственныхъ ученій тогдашней философіи съ христіанской моралью посвящена вся книга ученаго нѣмецкаго теолога Баура. Съ рѣдкимъ у теолога безпристрастіемъ и добросовѣстностью излагаетъ онъ жизнь Аполлонія Тіанскаго, трагическую судьбу Сократа и тѣ моральные результаты, къ которымъ привела философія Сенеку, современника Нерону, апостолу Павлу и первымъ христіанамъ. Можно совсѣмъ не раздѣлять мнѣній покойнаго тюбингенскаго профессора, но нельзя не согласиться съ нимъ, что, изъ всѣхъ серьезныхъ попытокъ нравственно обновить древній міръ, христіанство было самымъ чистымъ, самымъ полнымъ и послѣдовательнымъ отрицаніемъ одряхлѣвшаго политеизма и его морали во имя новыхъ, невиданно-высокихъ, религіозныхъ и нравственныхъ идеаловъ. Оно не только отрицало политеизмъ, подобно философіи послѣднихъ вѣковъ римскаго государства, оно давало міру новый синтезъ, новое цѣльное міровоззрѣніе, подъ исключительнымъ вліяніемъ котораго долгое время слагалась гражданственность новыхъ народовъ, смѣнившихъ народы древности. Попытки придти къ новому синтезу и подновить древнія вѣрованія и понятія были тогда нерѣдки; но корни ихъ лежали въ томъ же отживающемъ политеизмѣ, которому усиливались придать или натянуть аллегорическій или мистическій характеръ. Корни христіанства лежали, напротивъ, въ обновленномъ еврейскомъ монотеизмѣ. Въ глазахъ тогдашняго общества, чудесное и сверхъестественное не казалось исключительной принадлежностью христіанства. Страсть и слѣпая довѣрчивость къ чудесному, изумительная склонность ко всякому суевѣрію были въ то время характеристическими чертами ослабѣвшаго до дряхлости человѣческаго ума, неспособнаго ни окончательно вѣрить, ни окончательно не вѣрить внушеніямъ религіознаго чувства, и столь доступнаго вліяніямъ восточныхъ религій. Преданіе сообщило чудесныя очертанія многимъ событіямъ въ жизни Аполлонія Тіанскаго и другихъ мистиковъ того времени; не было недостатка и въ шарлатанахъ, ловко пользовавшихся общей наклонностью къ мистицизму и суевѣріямъ; но это чудесное никогда не было такъ просто и безорыстно, никогда не имѣло оно такого высокаго обаянія, такой обновляющей силы, никогда не привлекало оно умы такою нравственною красотой, какою плѣняло ихъ нарождающееся христіанство.

Размѣры бібліографической статьи не позволяютъ намъ вдаваться въ подробности. Имѣя въ виду исключительно историческія цѣли, мы остановимся только на той фазѣ стоическаго ученія, которая въ

лицъ Сенеки наиболѣе приближала древнюю философію къ христіанству. Бауръ указываетъ на теизмъ Сенеки, какъ на крупное знаменіе времени. Сенека относился совершенно свободно и къ мнѣнческимъ представленіямъ народной религіи, и къ политеизму вообще; его упоминанія о „богахъ“ составляютъ только привычный оборотъ рѣчи; въ сущности онъ уже признаетъ одного разумнаго творца и правителя міра (*Deus rector universi, omnium conditor et rector*) первоначальной и общей причиной всего, которую онъ называетъ то разумомъ и душою, то рокомъ или провидѣніемъ, то природой или міромъ; существеннымъ элементомъ его понятія о божествѣ является разумъ и личность. Но онъ не признаетъ человѣческой слабости и несостоятельности передъ божественнымъ могуществомъ и величіемъ. Стоикъ не долженъ смиренно склоняться передъ поражающими его ударами судьбы; онъ долженъ, напротивъ, бороться съ ними, на этой борьбѣ упражнять свою силу, свою несокрушимую волю, доводя это мужество при случаѣ до хладнокровнаго, рассчитаннаго самоубійства. Стоицизмъ не только допускалъ, но и совѣтовалъ самоубійство, какъ оружіе къ борьбѣ съ посылаемыми жизнію испытаніями, какъ вѣрнѣйшее средство силою собственной воли одержать побѣду надъ жизнію и освободиться отъ ея гнѣта. Не трудно замѣтить, какое умственное и нравственное безсиліе скрывалось за этой наружной храбростію передъ смертію. Таковъ безысходный выводъ, къ которому пришелъ древній міръ, и который, вслѣдствіе естественной, нравственной реакціи вызвалъ въ немъ жажду преображенія и возвеличенія внутренняго человѣка, жажду вѣчнаго утѣшенія и возмездія за сдѣланныя имъ добро и зло, за его намѣренія и помысленія.

Сенека не была чужда и идея о любви къ ближнему. Онъ пришелъ къ этой идеѣ естественнымъ путемъ того нравственнаго перелома, который переживалъ древній міръ, и который заставлялъ мыслителей того времени искать выхода изъ данныхъ дѣйствительности несообразностей и противорѣчій, неправды и разврата. „Мы должны жить согласно съ природой,—говоритъ Сенека ¹⁾,—и слѣдовать примѣру боговъ; а развѣ боги въ своихъ дѣйствіяхъ имѣютъ въ виду что-нибудь иное, кромѣ того, что они дѣлаютъ? Подумай, какъ много совершаютъ они ежедневно, какъ много посылаютъ даровъ, какими разнообразными плодами наполняютъ они землю, какъ приводятъ въ движеніе моря попутными, влекущими ко всѣмъ берегамъ, вѣтрами, какъ размягчаютъ землю быстро разражающимися дождями, снова вздуваютъ изсохшія жилы источниковъ и скрытыми

¹⁾ De Benef., 4, 25—28.

ходами приливаютъ имъ новую пищу. Они дѣлаютъ все это безъ награды, безъ всякой выгоды для самихъ себя. Такъ должны поступать и мы, если не хотимъ удалиться отъ нашего образца. Не какъ наемщики, должны мы дѣлать добро. Постыдно то добро, которое покупается. Чтѣ получаютъ отъ насъ боги? Если мы хотимъ подражать имъ, то должны дѣлать добро и неблагодарнымъ. И надъ преступниками восходить солнце, и разбойникамъ доступно море... Если боги надѣляютъ неблагодарныхъ извѣстными благами, то эти блага были предназначены ими только для добрыхъ; но и злые пользуются ими, потому что нельзя выдѣлить злыхъ изъ общаго числа людей. Гораздо лучше дать и злымъ пользоваться ими ради добрыхъ, чѣмъ изъ-за злыхъ отказывать въ нихъ добрымъ. Такимъ образомъ боги устроили для всѣхъ безразлично и день, и солнечный свѣтъ, и теченіе зимы и лѣта, и промежуточные времена года—весну и осень, и дожди, и источники, и правильно вѣющіе вѣтры; исключить нѣкоторыхъ было невозможно. И злые, и добрые имѣютъ одинаковое участіе въ томъ, чтѣ дѣлается для гражданина вообще, а не только для добродѣтельнаго человѣка. Такъ и божество даетъ извѣстныя блага человѣчеству (вообще, отъ которыхъ никто не устраненъ). Нельзя же было устроить такъ, чтобы вѣтеръ былъ попутенъ только добрымъ и противенъ злымъ, но общимъ благомъ было открытіе морскихъ сообщеній и расширеніе предѣловъ господства человѣчества. Предстоявшему дождю нельзя было вмѣнить въ законъ, чтобы онъ не изливался на поля злыхъ и нечестивыхъ. По этой причинѣ божество допускаетъ всходить солнцу надъ добрыми и злыми, и литься дождю надъ справедливыми и несправедливыми“.

Въ сочиненіи „De ira“ Сенека оспариваетъ представленіе о гнѣвѣ боговъ, выражающемся въ грозныхъ явленіяхъ природы, предназначенныхъ будто бы причинять человѣку страданія. „Явленія природы,—говоритъ онъ,—смѣняются по извѣстнымъ законамъ, предначертаннымъ богами, независимо отъ ихъ вліянія на человѣка. Люди слишкомъ высоко ставятъ себя, полагая, что для нихъ приводятся въ движеніе мощныя силы природы. Ничто не совершается въ природѣ для того, чтобы причинить намъ страданіе; напротивъ, все во волѣ боговъ, которые не желаютъ и не могутъ намъ вредить, обращается намъ въ пользу“.

Если таково отношеніе божества къ человѣку по стоическому ученію Сенеки, если божество не желаетъ и не можетъ вредить человѣку, то понятно, что въ нравственномъ отношеніи человѣкъ обязанъ всѣмъ самому себѣ, что христіанская идея грѣха и благодати чужда древнему философу переходной эпохи. Но это не мѣшаетъ ему однако же приближаться издалека къ христіанской морали, сѣ-

ившей стоицизмъ. „Если мы хотимъ добросовѣстно и безпристрастно судить о вещахъ,—говоритъ Сенека въ сочиненіи „De ira“,—то должны прежде всего убѣдиться, что никто изъ насъ не свободенъ отъ вины (culpa). И именно оттого происходитъ величайшее недовольство, что мы всегда говоримъ: я ни въ чемъ не погрѣшилъ (nihil recessavi) и ничего не сдѣлалъ. Намъ непріятно, когда насъ поправляютъ какимъ-нибудь воспоминаніемъ или ограниченіемъ, тогда какъ мы именно въ это время погрѣшаемъ тѣмъ, что къ совершенному нами прибавляемъ еще высокомеріе и упорство. Кто можетъ сказать про себя, что онъ невиновенъ ни передъ какимъ закономъ? А еслибъ онъ и не былъ виновенъ передъ законами, то какъ жалка эта невинность—быть добрымъ только по закону! Насколько шире предписаній закона объемъ нравственного долга! Сколькихъ вещей требуютъ благочестіе, человеколюбіе, щедрость, справедливость, вѣрность, чего совсѣмъ нѣтъ на скрижаляхъ гражданскаго закона. Но мы не выдерживаемъ даже и такой ограниченной формулы невинности. Самый мудрый, и тотъ погрѣшаетъ противъ нравственного закона, если не противъ юридическаго“. На вопросъ: отчего рѣчь стоика сильнѣе его жизни, Сенека долженъ былъ отвѣчать, что задача мудраго не въ томъ, чтобы стать наравнѣ съ лучшими людьми, а въ томъ, чтобы быть лучше, чѣмъ дурные. Довольно, если стоикъ каждый день освобождается отъ своихъ ошибокъ и упрекаетъ себя въ своихъ заблужденіяхъ. Упреки, обращенные къ мудрецу, стоящему въ жизни гораздо ниже проповѣдываемаго имъ нравственного идеала и ученія, не должны удерживать его отъ восхваленія не того образа жизни, какого онъ придерживается, а того, котораго онъ долженъ бы держаться, и отъ поклоненія добродѣтели, хотя бы онъ приближался къ ней лишь очень медленными шагами. Таковы слова Сенеки. Нравственная немощъ этихъ мнѣній и въ такое критическое время очевидна. „Если человекъ и не сдѣлалъ того, что онъ долженъ былъ сдѣлать,—говоритъ далѣе Сенека,—то онъ по крайней мѣрѣ знаетъ, что онъ обязанъ былъ сдѣлать, а это не бездѣлица. Философы уже тѣмъ оказываютъ немалую услугу, что объясняютъ, что слѣдуетъ дѣлать, выставяя такимъ образомъ нравственный идеалъ, къ которому надо стремиться. Конечно, еслибъ словамъ еще соответствовало дѣло, то это было бы высшей степенью совершенства. Но и одними словами не слѣдуетъ пренебрегать, какъ и сердца, исполненными добрыхъ наклоненій. Спасительныя стремленія похвальны, хотя бы имъ и не доставало исполненія. Можно ли удивляться тому, что держащій взобраться на отвѣсную гору не достигаетъ ея вершины? Надо уважать и тѣхъ, кто безуспѣшно предпринимаетъ великія дѣла“. Выводъ изъ этихъ словъ одинъ: философъ могъ говорить прекраснѣй-

шія рѣчи, но не могъ жить согласно своей собственной проповѣди. Распространившееся въ то время христіанство было, напротивъ, цѣльно, послѣдовательно въ своемъ ученіи. Христіане, жертвовавшіе своимъ убѣжденіемъ жизнію, раздававшіе свое состояніе, братавшіеся съ своими рабами, были нерѣдки тогда, подъ вліяніемъ сердечнаго восторга, естественно овладѣвавшаго новообращенными. Глубокая потребность времени, которую живо ощущали и не-христіанскіе мыслители той эпохи, находила въ христіанствѣ свое полное удовлетвореніе.

Сенека не былъ близокъ къ христіанамъ; подновленное нѣкоторыми писателями преданіе о томъ, будто онъ находился въ сношеніяхъ и перепискѣ съ апостоломъ Павломъ, лишено историческаго основанія. А между тѣмъ, вотъ что говорятъ онъ, приводя слова Эпикура: „главное дѣло—знать въ чемъ мы погрѣшаемъ. Не будемъ обманывать себя“, поясняетъ Сенека. „Не вѣ насъ лежитъ нашъ порокъ, онъ въ насъ самихъ, онъ коренится въ глубинѣ нашего внутренняго міра. Мы оттого такъ трудно достигаемъ выздоровленія, что не вѣдаемъ своей болѣзни. Еслибъ мы и начали лечиться, то сколько потребовалось бы времени, чтобы удалить столь великіе недуги? А мы даже не даемъ себѣ труда пріискать врача; послѣднему было бы легче, еслибъ мы призвали его, пока зло еще не укоренилось; испорченные, нѣжныя сердца легко послѣдовали бы за руководителемъ на вѣрную дорогу. Всего труднѣе возвратить къ природѣ того, кто уже разъ отпалъ отъ нея. Особенно нужна строгость къ самому себѣ, настоящая борьба съ собственными ошибками. Мы тоже должны вести войну, и нести при этомъ такую службу, отъ которой никогда нѣтъ отдыха. Мы должны, прежде всего, бороться съ соблазнами, которые увлекаютъ за собою даже и самые сильные характеры, должны безъ мѣры и конца преслѣдовать пороки, потому что и имъ нѣтъ конца и мѣры. Откинь далеко отъ себя то, что портитъ твое сердце, и еслибъ это было невозможно иначе, то пришлось бы вырвать вмѣстѣ съ соблазномъ и самое сердце. Особенно гони сластолюбивыя побужденія, и считай ихъ твоими злѣйшими врагами. Человѣкъ самъ по себѣ такъ слабо держится за то, чего бы онъ долженъ придерживаться, что въ нашей душѣ постоянно происходитъ борьба, не позволяющая намъ пожелать чего-нибудь разъ навсегда мы постоянно колеблемся между измѣняющимися рѣшеніями, не можемъ оторваться отъ безразсудства, которое ни на чемъ не останавливается и ни въ чемъ не находитъ долгаго удовольствія“. И Сенека совѣтуетъ своему современнику, для нравственнаго его спасенія, избрать себѣ въ помощь такого человѣка, которому больше удивляешься, когда видишь его жизнь и дѣятельность, чѣмъ когда слушаешь его рѣчи. Онъ видитъ якорь спасенія въ томъ, чтобы какъ

дый, по совѣту Эпикура, приискивалъ себѣ достойный образецъ—чистаго человѣка, котораго надо имѣть постоянно передъ глазами, какъ-будто онъ видитъ все, что мы дѣлаемъ, и поступать такъ, какъ будто онъ постоянно присутствуетъ при нашихъ дѣйствіяхъ. Для христіанъ всевидящимъ свидѣтелемъ ихъ дѣйствій и помысловъ было божество; для римлянина того времени нуженъ былъ такой свидѣтель изъ людей, которые обыкновенно лучше говорили, чѣмъ жили. „Множество погрѣшностей,—говоритъ Сенека,—отпадаютъ отъ человѣка, если передъ нимъ стоитъ такой свидѣтель. Носи въ своемъ сердцѣ человѣка, чтобы почитать его со страхомъ, который освящаетъ бы твой внутренній міръ. О, какъ счастливъ тотъ, кто исправляетъ насъ не только своимъ присутствіемъ, но и одною мыслию о своемъ присутствіи! Счастливъ и тотъ, кто умѣетъ такъ страшиться другого, что направляетъ себя по одной мысли о немъ. Кто способенъ такъ чтить другого, тотъ вскорѣ самъ будетъ достоинъ такого же обожанія. Избери же себѣ Катона, или, если онъ покажется тебѣ слишкомъ жесткимъ, остановись на человѣкѣ болѣе мягкомъ, на Леліи, на примѣръ, на комъ-нибудь, чьи дѣйствія или рѣчи понравились тебѣ, чье лицо обличаетъ сочувственную душу, и имѣй его всегда передъ глазами, твоего хранителя, твой образецъ. Говорю тебѣ, намъ необходимъ кто-нибудь, по примѣру котораго мы могли бы выработать нашъ характеръ“¹⁾. Все это не что иное, какъ развитіе той же мысли, того же сознанія въ нравственномъ безсиліи человѣка, о которыхъ мы упомянули выше.

Сенека признаетъ до извѣстной степени и безсмертіе души, временно облеченной въ бренное человѣческое тѣло. „Совершенная, стоящая на высшей ступени душа добродѣтельнаго человѣка,—говоритъ онъ,—имѣетъ надъ собою одинъ лишь божественный духъ, частица котораго излилась въ эту смертную грудь, никогда не бывающую богоподобнаго, чѣмъ въ ту минуту, когда она помышляетъ о своей смертности и сознаетъ, что человѣкъ рожденъ для смерти и что тѣло его—не отечество, а временный пріютъ, и притомъ для короткаго пребыванія, пріютъ, который долженъ быть покинутъ, какъ скоро мы замѣчаемъ, что дѣлаемся въ тягость хозяину“. Всего лучше выясняется происхожденіе души съ высшаго круговора, когда она признаетъ свое настоящее обиталище низменнымъ и тѣснымъ, и не боится покинуть его; ибо кто помнитъ, откуда онъ пришелъ, тотъ знаетъ, куда онъ пойдетъ послѣ смерти. Хотя великій, сознающій свою высшую природу духъ и старается честно и бодро стоять на томъ постѣ,

¹⁾ Всѣ послѣдніе отрывки изъ сочиненій Сенеки, какіе и нижеслѣдующіе, потеряны въ разныхъ мѣстахъ его переписки (Ер.).

на который онъ поставленъ, но изъ всего, что его окружаетъ, онъ ничего не считаетъ своею собственностью, а пользуется всѣмъ этимъ временно, какъ чужеземецъ, торопящійся въ дальнѣйшій путь. Тѣло есть бремя и наказаніе для духа, оно давитъ его своею тяжестью и держитъ въ своихъ узахъ, если на помощь духу не является философія, чтобы дать ему отдохнуть на зрѣлищѣ природы и вознести его отъ земного къ божественному. Смерть только довершаетъ то, къ чему направлены философіей всѣ стремленія человѣка—освобожденіе души отъ тѣлесной неволи. Хотя бы мы и сомнѣвались въ томъ, есть ли смерть конецъ всего, или только переходъ изъ одного состоянія въ другое, уничтожаетъ ли она насъ, или освобождаетъ, она во всякомъ случаѣ заслуживаетъ предпочтенія передъ этой тѣлесной жизнью. Если она уничтожаетъ, то намъ ничего не остается впереди; хорошее и дурное одинаково устраняется ею; но Сенека убѣжденъ, что она только освобождаетъ душу отъ тѣлесныхъ путъ. День смерти представляется и ему, какъ христіанамъ, днемъ возрожденія. Тотъ день, котораго ты боишься, какъ послѣдняго,—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ,—есть день рожденія вѣчности (*aeterni natalis*). Смерть прерываетъ жизнь, но не отнимаетъ ея. Придетъ время, когда мы снова увидимъ свѣтъ, время, отъ котораго отказались бы многіе, еслибы не забыли прошлаго. Все, что представляется уничтожающимся, только измѣняется. Кто уходитъ, чтобы возвратиться, тотъ можетъ быть покоенъ. Ничто въ этомъ мірѣ не уничтожается, и таково наше утѣшеніе въ томъ горѣ, которое мы испытываемъ, теряя близкихъ людей. „Ты ошибаешься,—говоритъ Сенека Полибію, оплакивающему своего брата:—жизнь не навсегда оставила твоего друга, нѣчто лучшее стало его удѣломъ. Туда идетъ наша общая дорога. Зачѣмъ оплакиваемъ мы умершихъ? Умершій не покинулъ, онъ только опередилъ насъ“. Но одни добродѣтельные люди, по мнѣнію Сенеки, могутъ надѣяться послѣ смерти на высшую степень блаженства; другіе нуждаются въ предварительномъ очищеніи отъ земныхъ слабостей. Къ блаженству будущей жизни относитъ Сенека въ особенности совершеннѣйшее знаніе, ясное пониманіе природы, глубокое проникновеніе ея тайнъ, приближеніе къ божести, которое человѣкъ напрасно старался постигнуть при жизни...

Таковы были чисто-историческія условія, при которыхъ распространялось христіанство. Его высоконравственный идеализмъ былъ лучшимъ, полнѣйшимъ отвѣтомъ на тѣ моральные и религіозные вопросы, которые, какъ мы сейчасъ видѣли, наиболѣе озабочивали римскаго философа и его современниковъ. Господствующая, вопіющая

потребность времени—возвышеніе и очищеніе внутренняго чело­вѣка—была имъ вполне удовлетворена. Оно надолго сообщило міру новое направленіе, въ которомъ онъ тогда наиболѣе нуждался. Оно вос­питало новые народы въ смыслѣ монотеизма и евангельской морали. Древній міръ, имѣвшій свою тысячелѣтнюю исторію, положившій луч­шія силы на созданіе своей особенной культуры, былъ старъ и дряхлъ; новые народы приняли въ наслѣдство его научное, религіозное, ли­тературное и художественное достояніе, приложили къ нему богатую результатами дѣятельность собственнаго генія, создали новую куль­туру. Прошли чуть не два тысячелѣтія, и Европа быстрыми шагами приближается къ новому кризису, разрѣшеніе котораго должно со­вершиться на этотъ разъ при иныхъ условіяхъ, чѣмъ въ то давно­минувшее время. Болѣе богатое и научнымъ знаніемъ, и историче­скимъ опытомъ, имѣя за собой вѣка христіанской культуры и, вмѣсто древняго рабства и новыхъ народовъ, новые общественные слои, по­лучившіе въ послѣднее время крупное значеніе,—современное чело­вѣчество, по всей вѣроятности, выйдетъ иными путями изъ нынѣш­няго умственнаго и нравственнаго кризиса, а многочисленные при­знаки его не со вчерашняго только дня уже сказываются въ жизни и литературахъ западной Европы.

В. Коршъ.

Римъ, 29/17 апрѣля 1876.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е іюня, 1876.

Сліяніе обще-образовательной духовной школы съ гражданской.—Съѣздъ упомянутыхъ приходскихъ благотворительныхъ обществъ въ Петербургѣ.—Общество любителей духовнаго просвѣщенія и свобода совѣсти.—Вопросъ объ измѣненіяхъ въ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ.—„Адвокатскій вопросъ“.—О призваніи присяжныхъ, по поводу двухъ уголовныхъ дѣлъ.—„Разъясненіе“ второго пункта инспекторской инструкціи, со стороны министерства народнаго просвѣщенія.

Вопросъ о сліяніи низшихъ и среднихъ духовныхъ училищъ, или—другими словами—тѣхъ классовъ духовныхъ училищъ, въ которыхъ дѣтямъ духовенства дается общее образованіе—съ училищами гражданскими весьма важенъ, гораздо важнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Отъ него зависятъ какъ устраненіе отчужденности духовенства отъ общества, такъ, въ значительной мѣрѣ, и будущія отношенія нашей духовной среды къ гражданскому обществу вообще. Мы уже не разъ настаивали на очевидной, по нашему мнѣнію, истинѣ, что законы, отмѣнившіе наслѣдственность духовнаго званія, останутся въ сущности мертвою буквой, если духовная каста будетъ поддерживаться сословными школами всѣхъ степеней. Такъ, отмѣна преемственности приходскихъ мѣстъ, переходившихъ прежде отъ отца къ сыну, какъ наслѣдство, или отъ тестя къ зятю въ видѣ приданаго, сокращеніе приходскихъ штатовъ, безусловное требованіе семинарскаго курса отъ лицъ, посвящаемыхъ въ священники, положимъ, направить въ сторону отъ церковной дѣятельности, въ гражданскую службу, юридическую профессію и другія области дѣятельности свѣтской, еще большее число сыновей священнослужителей и причетниковъ, чѣмъ какъ было доселѣ. Быть можетъ, даже большинство молодыхъ людей, рожденных—какъ говорилось прежде—„въ духовномъ званіи“, будутъ стремиться теперь въ другія званія и, благодаря особому покровительству, какое оказывается имъ нынѣшними правилами для

пріема въ университетъ ¹⁾, очень многіе изъ нихъ стануть поступать въ университеты, въ которыхъ вскорѣ они должны составить большинство студентовъ, что и можетъ повестъ, въ весьма недалекомъ будущемъ, къ преобладанію въ средѣ людей, состоящихъ на государственной службѣ и въ такъ-называемыхъ „либеральныхъ профессіяхъ“,—лицъ духовнаго происхожденія.

Это, само по себѣ, не представило бы ничего вреднаго. Въ странахъ протестантскихъ сыновья пасторовъ составляютъ видный контингентъ во всѣхъ либеральныхъ профессіяхъ, хотя и не столь многочисленный конечно, какой можетъ представиться духовнымъ контингентомъ у насъ, такъ какъ въ тѣхъ странахъ одинъ пасторъ приходится на 2,500 прихожанъ (въ Пруссіи за 1867 г. на 16 милл. протестантовъ 6,405 пасторовъ. *Блокъ*), а у насъ приходится одинъ священникъ на 1,400 прихожанъ (въ Россіи за 1874 г. на 58 милл. православныхъ 41,203 приходскихъ священниковъ. *Отчетъ об. прок. Св. Синода*); но если присоединить къ нимъ дьяконовъ и причетниковъ, которыхъ дѣти также поступаютъ у насъ въ духовныя школы, то у насъ окажется одно семейное духовное лицо на 500 душъ православнаго населенія (а именно 117,183 чел. на 58 милл.). Но, повторяемъ, дѣло не въ этомъ. Совершенно все равно, какого происхожденія лица, преобладающія въ составѣ свѣтскихъ дѣятелей: чиновниковъ, врачей, адвокатовъ, литераторовъ и т. д. Такъ-называемое „духовное“ происхожденіе ничѣмъ не хуже и ничѣмъ не лучше дворянскаго, мѣщанскаго и т. д. Но далеко не все равно, въ какой школѣ эти дѣятели получили свое „общее“ образованіе—въ общей, безсловной, создающей гражданскую солидарность, устраняющей кружковые недостатки, предразсудки, рѣзкости, или въ сословной, которая вся насквозь пропитана нравственными особенностями одной касты. Такая сословная школа непременно приучаетъ своихъ питомцевъ считать себя особняками въ обществѣ и сознавать, что оно смотритъ на нихъ какъ на особняковъ, хотя бы это было и невѣрно. Она вѣдряетъ въ нихъ глубокое и ничѣмъ впоследствии неизгладимое убѣжденіе или въ своемъ превосходствѣ, или въ своей „непри-

¹⁾ Мы уже указывали въ одномъ изъ предыдущихъ обзорѣй на то, что въ послѣднемъ году почти половина изъ поступившихъ въ университеты явилась изъ семинарій, такъ что де факто семинаріи могутъ разсматриваться настолько же приготовительными заведеніями для университета, какъ и классическія гимназій. Мы указывали на этотъ фактъ вовсе не потому, что желали бы закрыть доступъ въ университеты семинаристамъ; насъ поразило въ этомъ фактѣ то, что воспитанники семинарій считаются самымъ министерствомъ недостаточно приготовленными для университетскаго курса и допускаются къ нему; такими же недостаточно приготовленными читаются и воспитанники реальныхъ училищъ,—но они не допускаются въ университеты.

знанности",—смотря потому, какое положеніе создала каждому классу въ народѣ исторія. То и другое убѣжденіе—нравственные недостатки, отзывавшіеся въ теченіи всей жизни. Первый изъ нихъ ведетъ къ такому самодовольству, нерѣдко соединенному съ дерзостью; второй—къ злобной зависти, тщательно скрываемой иногда подъ личиною напускной самоувѣренности и даже нахальства.

Все, что съ точки зрѣнія гражданской солидарности можно было и можно возражать доселѣ противъ бывшихъ кадетскихъ корпусовъ и трехъ остающихся привилегированныхъ учебныхъ заведеній, должно примѣняться и къ духовно-сословной школѣ, но еще въ высшей степени, такъ какъ дворянство у насъ никогда не было классомъ столь замкнутымъ, столь своеобразнымъ по духу, нравамъ, даже языку, какъ наслѣдственное наше духовенство. Что касается собственно педагогическаго вліянія особенностей духовной школы, то нечего и говорить, что оно неблагоприятно. Много дикаго, вреднаго въ нравственномъ отношеніи было въ жизни прежнихъ кадетскихъ корпусовъ, много натуръ они забили и перепортили;—но „бурса“ со всею ея обстановкой, „внутренней и внѣшней“, заходила въ этомъ отношеніи еще гораздо далѣе.

Итакъ, чѣмъ болѣе послѣдствій мы можемъ ожидать отъ новѣйшихъ законоположеній, относящихся къ быту духовенства, въ томъ смыслѣ, что дѣти его станутъ болѣе и болѣе наполнять персоналъ дѣятельности свѣтской, въ разныхъ ея сферахъ, тѣмъ болѣе и болѣе необходимой представится намъ отмѣна сословной общеобразовательной духовной школы. Но это далеко не все. Сколько бы изъ наслѣдственнаго духовнаго сословія ни выходило лицъ въ свѣтскія области дѣятельности, на характеръ самой церковной среды это не окажетъ вліянія: она останется, какъ была, чистымъ продуктомъ сословно-духовной школы, запечатлѣнная всѣми ея особенностями, останется въ совершенномъ отчужденіи отъ общества, пока путь въ нее будетъ лежать единственно чрезъ эту школу. Вотъ въ этомъ-то смыслѣ мы и говорили, что законы, отмѣнившіе наслѣдственность духовнаго состоянія, останутся въ сущности мертвою буквой, и духовенство не будетъ выходить изъ общенародной школы общаго образованія.

Эта сторона вопроса прикасается къ интересамъ уже скорѣе церковнаго, чѣмъ гражданскаго свойства, и мы должны впередъ оговориться о некомпетентности нашего сужденія о нихъ. По убѣжденію, котораго мы держимся, вопросъ о томъ, какое устройство духовной школы лучше въ видахъ церковныхъ интересовъ, долженъ быть предоставленъ усмотрѣнію церковнаго правительства. Только нынѣшнее соединеніе церковнаго со свѣтскимъ въ самомъ государствѣ,

въ его учрежденіяхъ, дѣлаетъ то, что свѣтскому писателю невозможно иногда совершенно обходить церковныхъ интересовъ, не вглядываясь въ нихъ, хотя бы именно только въ роли посторонняго зрителя.

Сдѣлавъ эту оговорку, мы позволимъ себѣ сказать, что вопросъ о секуляризациіи обще-образовательной духовной школы въ Россіи можетъ имѣть немаловажное значеніе для самой церковной дѣятельности, по крайней мѣрѣ въ томъ собственно, что касается ея отношеній къ общественной жизни. Дѣло въ томъ, что эти отношенія измѣняются съ теченіемъ вѣковъ, хотя догматы остаются неизмѣнны. Тѣ отношенія, какія существовали между пастырями и общинами вѣрующихъ въ первые вѣка христіанства, когда церковь подвергалась гоненіямъ и юридическаго существованія не имѣла, измѣнились, когда она стала господствующею. Тѣ отношенія между клиромъ и міромъ, какія были въ Византіи, когда догматическіе споры вызывали политическіе перевороты, измѣнились, когда церковь и христіанское общество на Востоцѣ были порабошены мусульманствомъ, когда власть утвержденія архипастырей перешла къ невѣрнымъ. Отношенія эти мѣнялись и въ Россіи. Митрополиты сперва присылались изъ Константинополя и были греки, потомъ избирались соборомъ русскихъ епископовъ изъ русскихъ. Съ покореніемъ Руси монголами, возникновеніемъ предводительства Владимира, потомъ Москвы, перенесеніемъ въ Москву власти митрополита,—эта власть возросла, возросло вліяніе ея въ дѣлахъ государственныхъ; при патріархахъ, избираемыхъ духовнымъ соборомъ, церковь пользовалась наибольшею самостоятельностью и вѣдѣла вліяніемъ на государство; за отцѣною патріаршества, самостоятельность ея исчезла. Священники еще въ московскомъ государствѣ избирались прихожанами, и отношенія ихъ къ общинамъ, разумѣется, были иныя, чѣмъ впослѣдствіи. Точно также, въ тѣ времена, когда патріархъ сидѣлъ въ царской думѣ, а воеводамъ велѣно было въ важныхъ дѣлахъ совѣщаться съ архіереями, отношенія церкви къ обществу не могли не разниться отъ тѣхъ, какія установились впослѣдствіи. Самые соборы 1551 и 1667 годовъ свидѣтельствуютъ, что эти отношенія во многомъ разнились отъ нынѣшнихъ, хотя религіозный смыслъ церкви и самые догматы остались безъ измѣненія.

Самое направленіе церковной дѣятельности въ православной церкви вообще доселѣ еще не могло получить полнаго развитія уже потому, что въ Россіи церковь совершенно подчинена государству, въ свою очередь стѣсняя его законодательство, а на Востоцѣ церковь порабощена. Русская церковь, какъ по численности своихъ членовъ, такъ и значенію русскаго народа въ славянствѣ, очевидно имѣетъ наибо-

лѣе силы, наиболѣе задатковъ для развитія своей дѣятельности. По мѣрѣ приобрѣтенія ею болѣе самостоятельности, дѣятельность ея безъ сомнѣнія оживится, нравственное вліяніе ея на народъ возрастетъ, и скажемъ смѣло—не на одинъ русскій народъ, но на весь православный міръ вообще. Но іерархическій составъ церкви, какъ извѣстно, включаетъ въ себѣ два элемента. Ректоръ здѣшней духовной академіи говорилъ недавно о необходимости приобрѣтенія нашимъ духовенствомъ „серьезнаго образованія, подобающаго положенія въ обществѣ, большаго нравственнаго вліянія на народъ, общественнаго возвышенія и вмѣстѣ сліянія съ обществомъ, вмѣсто нынѣшняго разъединенія“. Во всѣхъ этихъ видахъ, секуляризація общеобразовательной духовной школы представляется необходимою, столь необходимою, что, безъ такого сліянія съ обществомъ прежде всего именно въ школѣ, совершенно немыслимо достиженіе которой-либо изъ приведенныхъ цѣлей. Тѣ два элемента, изъ которыхъ состоитъ наше духовное сословіе—монашество и такъ-называемое „свѣтское“ духовенство—слиться не могутъ; это два совершенно различныя, не только по положенію ихъ членовъ, но по самому духу, учрежденія, хотя и принадлежащія къ одной церкви. Свѣтское, то-есть бѣлое, духовенство можетъ слиться съ обществомъ, и чѣмъ болѣе, чѣмъ полнѣе оно съ нимъ сольется, тѣмъ болѣе нравственное вліяніе оно приобрѣтетъ въ обществѣ и тѣмъ яснѣе обозначится въ направленіи церковной дѣятельности у насъ различіе отъ направленія церкви католической. Тамъ о сліяніи съ обществомъ, о солидарности не можетъ быть рѣчи, какъ не можетъ быть рѣчи и у насъ въ отношеніи къ элементу монашескому. Но единственный путь для такого сліянія нашего бѣлаго духовенства съ обществомъ лежитъ чрезъ сліяніе школъ духовенства со школами общественными. Безъ этого, такое сліяніе бѣлаго духовенства съ обществомъ никогда не осуществится, и значеніе бѣлаго духовенства никогда не возрастетъ не только въ обществѣ, но и въ самомъ составѣ всего духовнаго вѣдомства въ Россіи вообще. При школѣ сословной, замкнутой, руководимой отчасти монахами, бѣлое духовенство не приобрѣтетъ себѣ значенія и будетъ всегда воспитываться въ подчиненности схиѣ. А при такомъ направленіи, всякое увеличеніе самостоятельности нашей церкви въ государствѣ можетъ обратиться только въ укрѣпленіе вліянія монашескаго элемента. Ни приходскія попечительства, ни съѣзды духовенства, ни консисторіи никогда не получаютъ большаго значенія и вліянія, чѣмъ нынѣ, если свѣтское духовенство не сольется съ обществомъ, и если поманутыя учрежденія не сдѣлаются общественными органами. Наоборотъ, чѣмъ болѣе самостоятельности получить церковь безъ этого условія, тѣмъ болѣе упадетъ всякое значеніе, вся-

кое практическое вліяніе названныхъ учреждений, и вся власть, вся дѣятельность въ духовной средѣ сосредоточится въ центрахъ епархій. Короче, въ послѣднемъ случаѣ дѣятельность православнаго духовенства будетъ сближаться, по характеру, съ дѣятельностью духовенства католическаго, между тѣмъ какъ въ первомъ случаѣ, то есть при сліяніи блага духовенства съ обществомъ, прежде всего путемъ общей школы, въ церковной дѣятельности разовьется элементъ общественный, тотъ, который преобладаетъ въ духовенствѣ протестантскомъ. Исключительно того или другого характера церковная дѣятельность у насъ, разумѣется, принять не можетъ, потому что самый составъ нашего духовенства включаетъ два элемента, весьма несходные. Вопросъ только въ томъ, будетъ ли дана возможность элементу общественному въ церковной дѣятельности развиться или, при приобрѣтеніи церковью болѣе самостоятельности, элементъ этотъ окончательно будетъ подавленъ архіерейскимъ, то есть монашескимъ единовластіемъ.

Если случится послѣднее, тогда, можно съ достовѣрностью сказать, оказались бы напрасны всѣ нынѣшнія сношенія съ „старокатоликами“ въ Германіи, съ нѣкоторыми духовными лицами въ Англіи и Италіи. Дѣло въ томъ, что движеніе „старокатоликовъ“ вызвано провозглашеніемъ догмата папской непогрѣшимости единственно настолько, насколько война вызывается актомъ объявленія войны. Истинныя причины движеній, какъ и войнъ, заключаются не въ актахъ, но лежатъ гораздо глубже, порождаются долговременнымъ сознаніемъ нарушенія народныхъ интересовъ. „Старокатолическое“ движеніе имѣетъ серьезный смыслъ, только какъ стремленіе возстановить въ церковномъ управленіи и церковной дѣятельности вообще два начала древняго церковнаго быта: клиръ и міръ, изъ которыхъ второе въ католической церкви совершенно исключено. Иными словами: движеніе старокатоликовъ есть стремленіе возратить обществу участіе въ церковномъ управленіи, а духовенству придать болѣе общественный характеръ, устранить полное его отчужденіе отъ общества, его монашески-дисциплинированное направленіе, его кастическую замкнутость. „Старокатолики“ признаютъ соборы и авторитетъ церкви вообще, поэтому имъ было бы весьма важно примкнуть къ церкви православной. Еслибы въ устройствѣ ея мѣстнаго управленія и въ отношеніяхъ ея къ обществу они нашли со временемъ осуществленнымъ именно то, что послужило основой въ старокатолическому движенію, какъ, напр., избраніе епископовъ собраніями духовенства, а священниковъ — общинами, коллегіальный элементъ въ епархіальномъ управленіи, въ видѣ самостоятельныхъ капитуловъ или консисторій и сѣзовъ духовенства, участіе общинъ въ дѣлахъ приходовъ, то есть

преобладающее въ приходахъ значеніе приходскихъ попечительствъ, — то не могло бы быть сомнѣнія, что „старокатолики“ въ Германіи и Италіи присоединились бы къ православной, русской церкви. Для этого надо конечно, чтобы сперва въ самой русской церковной дѣятельности возстановились тѣ начала, то сближеніе духовенства съ обществомъ, какія нѣкогда были фактомъ, а нынѣ остались только въ видѣ воспоминаній въ русской исторіи. Но прежде всего, чтобы самое сближеніе это могло начаться, чтобы мірское, приходское духовенство въ самомъ дѣлѣ сблизилось съ міромъ, съ приходами, необходимо единство обще-образовательной школы, необходимо, чтобы духовенство это не воспитывалось въ совершенно иныхъ началахъ, въ школахъ отчасти монашеской.

Безъ этого единства обще-образовательной школы, дальнѣйшее развитіе церковной дѣятельности, по мѣрѣ пріобрѣтенія нашей церковью бѣльшей самостоятельности, пойдетъ инымъ путемъ, естественно пойдетъ далѣе по тому пути, на которомъ доселѣ находилось: малое участіе общества, всякія епархіальныя учрежденія коллегіальнаго свойства, какъ-то: консисторіи, съѣзды духовенства, приходскія попечительства, останутся призраками, а вся власть будетъ болѣе и болѣе сосредоточиваться въ рукахъ начальниковъ епархій. Спрашивается: чтó же найдутъ тогда у насъ „старокатолики“? Принципъ полной іерархической безотвѣтной дисциплины, принципъ безбрачія, какъ условія нравственнаго совершенства и вліянія, а затѣмъ и принципъ полнѣйшаго отчужденія отъ общества. Но вѣдь все это есть и въ католической церкви, а движеніе „старокатоликовъ“ имѣетъ серьезное значеніе, только какъ протестъ противъ этихъ началъ.

Мы уже оговорили выше, что вопросъ о томъ, какую школу церковь признаетъ лучшею для воспитанія пастырей, подлежитъ только ея сужденію. Свѣтскій писатель, касаясь подобныхъ вопросовъ, является только въ качествѣ посторонняго наблюдателя. Но и наблюдающій со стороны можетъ предусматривать послѣдствія того или другого пути развитія. И вотъ, съ такой точки зрѣнія, мы хотѣли показать, что вопросъ о секуляризациі обще-образовательной духовной школы не есть только педагогическій вопросъ: съ нимъ связаны еще важныя вопросы: о томъ, примутся ли на нашей почвѣ тѣ общественно-церковныя и коллегіально-духовныя учрежденія, которыя нынѣ учреждены или учреждаются? о томъ, какое значеніе получить со временемъ въ болѣе самостоятельной русской церкви бѣлое духовенство? а вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о томъ: насколько будущее русское церковное устройство можетъ выказывать силы притяженія по отношенію къ другимъ исповѣданіямъ, то-есть, когда и при какихъ условіяхъ можно ожидать, что все колеблющееся между католичествомъ и протестант-

ствомъ присоединится со временемъ къ русской церкви, то-есть къ главной и преобладающей вѣтви православія?

Въ странахъ протестантскихъ, гдѣ духовенство не представляетъ стоящей въ сторонѣ отъ общества арміи, основанной на началѣ строгой дисциплины и безотвѣтности подчиненныхъ передъ начальниками, а только совокупность пастырей, избираемыхъ приходами или владѣльцами земель, составляющихъ территорію прихода, — приходъ есть вмѣстѣ и главный очагъ церковной дѣятельности, и первоначальная ячейка гражданскаго самоуправления. Англійскія *vestries*, нѣмецкія *Kirchengemeinden* и скандинавскіе *kirksniler* имѣютъ весьма важное значеніе въ мѣстномъ самоуправленіи и служатъ главными органами серьезной общественной жизни, можно даже сказать — служить ей основами. Въ ихъ рукахъ благотворительность получила прочную организацію, и въ ихъ средѣ возникаетъ сознаніе общественной солидарности и слагается въ сплоченную общественную силу. Иногда удивляются, что нѣмецкіе и англійскіе колонисты въ далекихъ отъ своей родины странахъ, въ продолженіи неопредѣленнаго времени, и какъ показываютъ примѣры, долѣе столѣтія, удерживаютъ всю свою національную особность. Но этимъ они прежде всего обязаны жизненности своихъ приходовъ. Оторвите протестантскую церковную общину отъ ея народа и перенесите ее въ другую часть свѣта, въ иной климатъ, въ среду чуждыхъ племенъ, — въ ней столько самостоятельной внутренней жизни, что она продолжаетъ жить; какъ здоровая вѣтка, срѣзанная съ дерева, она пуститъ и свои корни, потому что имѣетъ жизненные зачатки ихъ въ себѣ. Взгляните на нѣмцевъ-протестантовъ, живущихъ въ Россіи, не говоримъ уже цѣльными селами, въ которыхъ является общность рабочихъ интересовъ, но и въ городахъ, гдѣ члены прихода разсыяны въ самыхъ разнообразныхъ профессіяхъ. Единственные общественные интересы нашихъ нѣмцевъ — ихъ приходскіе интересы; они-то группируютъ ихъ въ цѣльныя общества. И посмотрите, какъ процвѣтаютъ и развиваются у нихъ подъ тѣнью „общественной“ церкви благотворительныя и образовательныя учрежденія, безъ всякихъ даже пособій со стороны государства. Имѣетъ ли, напримѣръ, нашъ Казанскій или Ісаіевскій соборъ такую школу, какова Петропавловская или Анненская при двухъ здѣшнихъ протестантскихъ церквяхъ?

Для того, чтобы наши приходскія попечительства могли получить подобное значеніе, недостаетъ весьма многого. Для этого прежде всего необходимо, какъ уже разъяснено выше, чтобы духовенство не отуждалось отъ общества самой школой; затѣмъ, чтобы приходское духовенство, избираемое приходами, и опираясь на общественную

силу, приобрѣло въ обществѣ составѣ духовенства болѣе самостоятельное значеніе и даже преобладаніе, что можетъ быть достигнуто, при избраніи епархіальныхъ епископовъ духовенствомъ, дѣятельностью сѣздовъ духовенства и преобразованныхъ консисторій. Зародышъ всей этой новой, плодотворной жизни во всякомъ случаѣ является въ приходѣ. Что задатки для нея въ самомъ нашемъ обществѣ есть, это удостовѣряется быстрымъ развитіемъ благотворительныхъ обществъ при приходахъ въ Петербургѣ. Въ концѣ апрѣля, въ здѣшней городской думѣ происходилъ первый сѣздъ депутатовъ отъ этихъ „приходскихъ попечительствъ о бѣдныхъ“. Съ 1862 года, ихъ возникло уже 26; ежегодные сборы ихъ составляютъ въ сложности болѣе 120 т. р., а неприкосновенный капиталъ доходитъ до 180 т. р. Да и кому неизвѣстно, какую громадную сумму составляетъ сложность ежегодныхъ приношеній на благотворительныя и церковныя нужды въ Россіи. Только приношенія эти являются разрозненными, дѣлятся весьма неравномѣрно и остаются внѣ общественнаго контроля. А будь они сосредоточены въ рукахъ приходскихъ церковныхъ и благотворительныхъ попечительствъ, какую массу мелкихъ лептъ вызывало бы каждое отдѣльное значительное приношеніе, и какую огромную, истинно-плодотворную дѣятельность общества на ближайшія къ его же интересамъ цѣли—пособія нуждающимся, призрѣнія и образованія—могли бы они произвести, въ то же время укрѣпляя въ самомъ обществѣ духъ самодѣятельности и нравственную сплоченность.

Въ томъ видѣ, какъ оно представляется доселѣ, дѣло приходскихъ попечительствъ о бѣдныхъ есть дѣло весьма скромное, далеко не имѣющее того значенія, какое оно могло бы получить при болѣе благоприятныхъ условіяхъ. И что же оказывается—даже въ этой крайне-скромной сферѣ преобладающимъ сознаніемъ является неувѣренность, опасеніе за самое существованіе недавно-начавшагося дѣла. Вотъ какъ характеризовалъ это настроеніе одинъ изъ уполномоченныхъ, бывшихъ на сѣздѣ: „надъ первою встрѣчею уполномоченныхъ отъ попечительствъ, сколько можно было замѣтить, тѣлѣли воспоминанія о недавнихъ попыткахъ стѣснить и ограничить общества. Изъ 26 приходскихъ попечительствъ прислали уполномоченныхъ только 17; прочія воздержались и выжидали. Были и такія, которыя прислали своихъ членовъ только присутствовать при сообщаніяхъ, въ качествѣ зрителей; такихъ посѣтителей едва ли не было даже больше, чѣмъ уполномоченныхъ. Всѣ видимо приступали къ дѣлу съ недоувѣріемъ и боязнью попасть въ ловушку“. Всѣ постановленія этого перваго сѣзда клонились къ сохраненію полной автономіи приходскихъ обществъ. Такъ, было опредѣлено, что заключенія

сѣздовъ будутъ имѣть только совѣщательный характеръ, не будутъ обязательны, что общества могутъ присылать или не присылать своихъ уполномоченныхъ на сѣзды. Относительно самаго устройства сѣздовъ, рѣшено было, что они будутъ происходить разъ въ годъ, съ ежегоднымъ избраніемъ предсѣдателя, который долженъ готовить дѣла и вопросы, подлежащіе обсужденію, съ тѣмъ, однако, что сѣздъ можетъ выбрать и комиссію для дѣлъ, порученныхъ предсѣдателю послѣдняго сѣзда. Наконецъ, издержки по созыву сѣзда и приготовленію дѣлъ, по предположенію нынѣшняго сѣзда, приметъ на себя городское управленіе, такъ какъ общественное призрѣніе относится къ его обязанностямъ.

Нельзя и сомнѣваться въ полной раціональности этихъ взглядовъ. Вся сила приходскихъ благотворительныхъ обществъ—въ ихъ самостоятельности; это коренное условіе самаго ихъ существованія. Какъ только постороннему вѣдомству удалось бы подчинить ихъ себѣ или самый сѣздъ попытался бы превратить ихъ въ вѣдомство имъ управляемое, то они лишились бы всякой жизненной силы и, вѣроятно, прекратили бы свое существованіе. Кому охота жертвовать деньгами и трудомъ, стремиться создать возможно больше и лучше обставить дѣло, по своему убѣжденію—и при этомъ быть помыкаему какимъ-нибудь начальствомъ, смотрящимъ на все съ точки зрѣнія „единообразія“, регламентовъ и рутины, или хотя бы только стремящимся все передѣлывать по-своему. „Человѣколюбивое общество“, которое дѣлало попытки прибрать къ рукамъ приходскія благотворительныя общества, передѣлать ихъ уставы и подчинить ихъ своему контролю, само давно уже имѣетъ характеръ административнаго вѣдомства; главное руководство имъ связано съ высшими сферами церковнаго управленія. Какъ бы ни была почтенна дѣятельность этого учрежденія, но она, очевидно, имѣетъ совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ живые приходскіе союзы. Приходъ даже и въ городѣ имѣетъ жизнь реальную, можетъ представлять нѣчто въ родѣ организма. Человѣкъ живетъ въ границахъ прихода, бываетъ въ мѣстной церкви, знаетъ многихъ въ приходѣ, и самого его болѣе или менѣе знаютъ. Если въ посѣщаетъ бѣдныхъ и совѣтуется съ сосѣдями, какъ призрѣть вѣтъ и увѣчныхъ, которые лично ему извѣстны, то это совсѣмъ не то, какъ еслибы онъ являлся разъ въ годъ въ какое-нибудь собраніе или комитетъ поговорить „о мѣрахъ къ призрѣнію безпомощныхъ вообще“. Въ послѣднемъ случаѣ, онъ становился бы на почву отвлеченностей, въ первомъ случаѣ онъ стоитъ на конкретномъ полѣ, гдѣ дѣятельность его пробуждается и оживляется всѣми нравственными силами, какія подвигаютъ человѣка къ безкорыстной дѣятельности вообще: состраданіемъ къ живымъ лицамъ, увѣренностью увидѣть

непосредственный добрый результат своего старанія и своей жертвы, даже честолюбіемъ, въ лучшемъ—англійскомъ—значеніи этого слова, то-есть стремленіемъ улучшить все окружающее себя и заставить окружающихъ признать въ себѣ дѣльнаго и полезнаго человѣка.

Нѣтъ сомнѣнія, что подобное истинное честолюбіе можетъ найти себѣ безъ всякаго сравненія болѣе просторъ для дѣйствій въ селеніи, чѣмъ въ городѣ, особенно въ столицѣ. Но что же дѣлать, если многообразныя условія у насъ гонять образованныхъ людей изъ селъ въ города, и въ особенности въ столицы. И здѣсь они могутъ найти хотя бы узкое поле для безкорыстной службѣ обществу, только не надо еще стѣснять его и даже дѣлать положительно непривлекательнымъ. Роль простого сборщика подаяній въ приходѣ на веденіе дѣла, которое будетъ регламентироваться извнѣ, слишкомъ неблагоприятна, чтобы можно было ожидать многихъ охотниковъ исполнять ее. Однимъ словомъ, приходскія попечительства о бѣдныхъ должны быть совершенно самостоятельными въ своей скромной сферѣ; это есть основное условіе ихъ существованія.

Убѣдительноѣ общихъ соображеній можетъ быть живой примѣръ. Въ томъ же апрѣлѣ, но недѣли за двѣ до сѣзда депутатовъ приходскихъ обществъ, происходило на Пескахъ празднованіе тринадцатой годовщины одного изъ такихъ обществъ—рождественскаго братства. Денежныя средства его настолько упрочились, что, кромѣ содержанія своего пріюта, оно нашло нынѣ возможнымъ производить выдачу пособій неимущимъ и внѣ пріюта, на сумму всего до 500 рублей въ годъ. Сумма небольшая, но кто не знаетъ, отъ какихъ бѣдъ стѣсній можетъ иногда избавить семейнаго рабочаго своевременное пособие въ 3 или 5 рублей. Оказать такую услугу сотню разъ въ годъ въ одномъ приходѣ—значить принести ему огромную пользу, болѣе пользы, чѣмъ можетъ оказать самый богатый благотворитель, у котораго не достанетъ времени, чтобы выслѣдить дѣйствительную нужду и провѣрить, на что было дѣйствительно употреблено пособие. На годовомъ собраніи „песковскаго“ братства, предсѣдатель его, священникъ Масловъ, просилъ согласія на производство такихъ выдачъ внѣ пріюта; большинство полагало дать согласіе, но нѣкоторые члены предъявили возраженія, и вопросъ остался пока нерѣшеннымъ. Сужденія, бывшія по этому поводу, были совершенно тѣ же, какія заявлялись и заявляются въ Англіи при разсмотрѣніи того же вопроса, вопроса объ out-door-relief. Возраженія сводились къ тому, что этотъ способъ благотворительности способствуетъ попрошайничеству, и что ничтожное пособие не можетъ улучшить положеніе нуждающихся; наконецъ, что самый пріютъ пострадаетъ отъ этого. Противъ

этого и въ пользу названнаго вида пособій сказано было, что всѣхъ бѣдняковъ прихода въ пріютъ помѣстить нельзя, а между тѣмъ странно, употребляя всѣ средства на бѣдныхъ, содержимыхъ въ пріютѣ, безусловно отказывать даже въ малѣйшей помощи, иногда крайней нуждѣ бѣдняковъ, потому только, что они не принадлежатъ къ привилегированнымъ бѣднякамъ пріюта; что и ничтожная помощь можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣть большія послѣдствія; что есть въ приходѣ такіе бѣдняки, которымъ стыдно заявить о себѣ, идти въ пріютъ и протягивать фуку за милостынею; наконецъ, что дѣятельность членовъ совѣта братства въ томъ и состоитъ, что они изслѣдуютъ дѣйствительное положеніе бѣдныхъ, и стало быть, сумѣютъ распознать истинную бѣдность отъ попрошайничества. Желательно, чтобы братство рѣшило этотъ вопросъ утвердительно, какъ онъ рѣшался, въ большинствѣ случаевъ, въ городскихъ обществахъ и приходскихъ общинахъ въ Англіи.

Видѣвъ съ тѣмъ, почтенный о. Масловъ сообщилъ собранію, что ему „случалось наталкиваться на весьма непріятныя сцены, происходящія отъ дурнаго обращенія съ дѣтьми, живущими по выходѣ изъ пріюта въ различныхъ ремесленныхъ мастерскихъ и т. п. заведеніяхъ“, и указывалъ на необходимость не оставлять безъ вниманія этихъ несчастныхъ и послѣ оставленія ими братскаго пріюта. Рѣшено было: „слѣдить за всѣми подобными заведеніями и этимъ содѣйствовать искорененію грубаго обращенія съ дѣтьми“. Нѣкоторые изъ членовъ братства тутъ же записались въ разрядъ лицъ, которымъ поручается трудъ слѣдить за дѣтьми, вышедшими изъ пріюта. Заявлялась и мысль о заведеніи собственныхъ мастерскихъ въ братствѣ, для дѣтей его пріюта, и выражалась надежда, что со временемъ удастся тутъ же, въ пріютѣ, обучать дѣтей ремесламъ.

Сколько жизненной правды въ этихъ вопросахъ и всей этой дѣятельности! Какъ плодотворна работа такихъ людей, которые, встрѣтаясь лицомъ къ лицу съ нуждою, съ горемъ, сами возбуждаются, въ кругу своихъ сосѣдей, вопросъ, какъ бы помочь ему, приносятъ для того въ жертву и свои деньги, и свое время, и сами же будутъ приводить въ исполненіе придуманныя мѣры, сами будутъ слѣдить за результатами и сообщать о нихъ своему же братскому союзу! Развѣ все это не погибло бы отъ регламентаціи, медленности процедуры, замѣны живыхъ людей — бумажными о нихъ представленіями? Святое дѣло защиты дѣтей отъ жестокаго съ ними обращенія алчныхъ, напразныхъ козловъ и грубыхъ мастеровыхъ заслуживаетъ всякаго сочувствія. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время что-то не слышно о полицейскихъ осмотрахъ ремесленныхъ заведеній, производившихся съ цѣлью удостовѣряться, какъ помѣщаются и содержатся эти не-

счастливѣйшія въ мірѣ созданія—десятилѣтнія дѣти, сидящія въ какомъ-нибудь подвалѣ по 15-ти часовъ въ сутки за работой, съ опшреніемъ ударовъ, иногда самаго возмутительнаго насилія. Но одно другому не мѣшаетъ: если полиція и понинѣ обращаетъ на это вниманіе, участіе почтенныхъ духовныхъ лицъ и членовъ братствъ, да и всѣхъ, кто только можетъ принять въ этомъ дѣлѣ участіе, не будетъ лишнимъ, тѣмъ болѣе, что оно будетъ по собственному побужденію, а не по командѣ. Одинъ членъ общества покровительства животнымъ передавалъ намъ такой фактъ, что городской, возмущенный случаемъ жестокаго обращенія, привелъ виновнаго въ участокъ и сдѣлалъ кому слѣдуетъ свое заявленіе: „ты это видишь, а вотъ, что пуговица у тебя не пришита, этого ты не видишь“,—былъ отвѣтъ. Такова разниа свободнаго почина и дѣйствія предписаніями въ дѣлѣ защиты безпомощныхъ вообще, будь то животныя или люди.

Упомянувъ въ настоящемъ обзорѣнн о сношеніяхъ съ старокатоликами и о словахъ, произнесенныхъ ректоромъ петербургской духовной академіи, мы перейдемъ теперь къ той сферѣ, которая служитъ органомъ помянутыхъ сношеній и къ которой слова ректора были обращены. Такимъ органомъ служитъ „общество любителей духовнаго просвѣщенія“. О сношеніяхъ его съ иностранными религиозными обществами упоминается въ отчетахъ оберъ-прокурора св. синода. Въ числѣ лицъ, посланныхъ имъ на съѣзды старокатоликовъ, находились весьма компетентныя духовныя лица, которыя принимаютъ также участіе въ разсужденіяхъ, происходящихъ на его собраніяхъ. Уже по всему этому, „общество любителей духовнаго просвѣщенія“ заслуживаетъ особаго вниманія. Его дѣятельность можетъ быть разсматриваема, какъ отраженіе нѣкоторыхъ предположеній высшей духовной среды. Вотъ почему мы не можемъ не коснуться происшедшихъ, въ концѣ апрѣля, въ петербургскомъ отдѣлѣ этого общества преній по общему вопросу о свободѣ совѣсти. Они были вызваны тезисами въ пользу религиозной свободы, которые поставилъ членъ общества, г. Тёрнеръ. Не будемъ приводить ихъ, но заявимъ полное съ ними согласіе, насколько они не заходятъ въ область догматическую или иную, которая намъ недоступна и въ которой мы сужденія имѣть не можемъ. Достаточно сказать, что г. Тёрнеръ высказывался за свободу совѣсти, какъ начало это понимается либеральными людьми въ цѣломъ свѣтѣ, и, сверхъ того, въ пользу разграниченія элементовъ церковнаго и государственнаго. Къ сожалѣнію, авторомъ тезисовъ, вмѣсто названія „государственный“, употреблено было другое—„гражданскій“. Это подавало поводъ къ нѣкоторому смѣшенію понятій, которымъ и не преминуло воспользоваться возраженіе.

Ректоръ петербургской духовной академіи и профессоръ нравственнаго богословія, о. Янышевъ, при опредѣленіи начала свободы совѣсти, сталъ на ту самую исходную точку, которую мы уже имѣли случай разъяснять, говоря въ одномъ изъ предшествующихъ обзорѣнъ о проповѣди, произнесенной въ Успенскомъ соборѣ, въ Москвѣ, о. Ключаревымъ. Онъ доказывалъ, что „совѣсть не можетъ быть свободна потому, что она есть сознание зависимости отъ закона внутренняго, нравственнаго“. Подобныя разсужденія при разсмотрѣніи этого вопроса совершенно бесполезны, просто потому, что они относятся совсѣмъ не къ этому вопросу, а къ другому, который никѣмъ не предлагается и не разбирается, а именно къ вопросу объ отрицаніи обязательности нравственныхъ законовъ. Свобода совѣсти—необходимо, повидимому, повторять это—есть понятіе чисто-юридическое, или, какъ выражаются богословы, „внѣшнее“. Оно означаетъ только свободу каждаго въ государствѣ исповѣдывать религіозное ученіе, согласное съ его убѣжденіемъ, не нарушая установленныхъ законовъ. Затѣмъ, перейдя, наконецъ, къ истинной постановкѣ вопроса, то-есть къ разумнѣю свободы совѣсти въ смыслѣ „свободы вѣроисповѣданій“, о. Янышевъ рѣшилъ его отрицательно, „въ области церкви“, и въ этомъ отношеніи мы готовы съ нимъ согласиться, замѣтивъ, впрочемъ, что вопросъ юридическій напрасно и рѣшать „въ области церкви“, такъ какъ онъ стоитъ внѣ ея и такъ какъ вѣротерпимость въ томъ и состоитъ, чтобы не преслѣдовать иновѣрій и присоединяющихся къ иновѣріямъ, а не въ томъ, чтобы признавать область одной только церкви, то-есть то „единство вѣры“, которое проповѣдуется фанатиками въ Испаніи и Тироли.

Обращаясь затѣмъ къ „области государственной“, къ которой всецѣло и принадлежитъ этотъ вопросъ, почтенный оппонентъ и тутъ все-таки не могъ отказаться отъ воззрѣній совершенно иного порядка. Развѣ можно рѣшать вопросы „въ области государственной“, ссылаясь на апостольскія посланія? Раздѣленіе церкви и государства о. Янышевъ признаетъ ненормальнымъ явленіемъ, потому что „какъ тѣло и душа неотдѣлимы другъ отъ друга, какъ различные члены человѣческаго тѣла составляютъ цѣльный организмъ, такъ и церковь съ государствомъ являются какъ нѣчто единое, цѣльное“. Возможно ли на основаніи такихъ умозрѣній рѣшать вопросъ, отъ котораго зависятъ гражданскія права миліоновъ людей, считать „нормальнымъ“ такое явленіе, какъ ежегодная ссылка или заключеніе сотенъ гражданъ, въ силу принципа, что тѣло и душа неотдѣлимы другъ отъ друга и т. д.? Да вѣдь, въ старину, въ силу того же принципа нераздѣльности государственныхъ интересовъ отъ церковныхъ воззрѣній, буквально „отдѣляли“ душу отъ тѣла, то-есть

казнили еретиковъ. Пусть, наконецъ, съ церковной точки зрѣнія, церковь и государство составляютъ нѣчто единое, цѣльное, какъ члены тѣла составляютъ организмъ. Но вѣдь и члены тѣла имѣютъ каждый свои отдѣльныя функціи. Мозгъ не обращается къ помощи руки для вывода силлогизмовъ, а желудокъ перевариваетъ пищу безъ участія ума. Если раздѣленіе церкви и государства о. Янышевъ признаетъ явленіемъ ненормальнымъ и интересы ихъ должны быть общіе, то признаетъ ли онъ „нормальнымъ“ такое правило, что исповѣдникъ долженъ выдавать тайну исповѣди, когда, по его мнѣнію, это необходимо для государственныхъ интересовъ? Сомнѣваюсь, чтобы почтенный оппонентъ могъ отвѣтить удовлетворительно на этотъ вопросъ. А между тѣмъ, одно логически предполагаетъ другое.

Ссылки о. Янышева на епитиміи, налагавшіяся на преступниковъ противъ вѣры въ древней церкви, и на то, что она еще до Константина В. имѣла будто бы свое „правительство“, имѣли только историческое значеніе. Онѣ оправдывались только тѣмъ, что въ тезисахъ г. Тёрнера не было строго выдержано сопоставленіе элемента духовнаго съ *государственнымъ*, но иногда второй элементъ назывался „гражданскимъ“. Само собою разумѣется, что никакая церковь немыслима безъ паствы, безъ общества вѣрующихъ, стало быть, ей всегда присущъ элементъ гражданскій. Но одно дѣло, когда община состоитъ изъ добровольныхъ приверженцевъ, которые по собственному убѣжденію принимаютъ церковныя каты, но могли бы уклониться отъ нихъ, выйдя изъ состава церкви, безъ всякаго понужденія со стороны государства оставаться въ ней. Другое дѣло, когда карамъ насъ подвергаетъ само государство. Никто и минѣ не оспариваетъ у церкви права налагать епитиміи. Спросимъ только, для восстановленія историческихъ фактовъ, подвергся ли бы членъ древней христіанской церкви до Константина В. карѣ римскихъ государственныхъ законовъ, еслибы онъ объявилъ себя не только аrianцемъ или духоворцемъ, но язычникомъ? Вотъ въ этомъ-то и заключается все дѣло, когда идетъ рѣчь о свободѣ совѣсти. Въ этомъ смыслѣ, ссылки на римскую исторію для оправданія карательныхъ государственныхъ мѣръ противъ иновѣрцевъ крайне неудачны. Въ преслѣдованія, прославившія христіанскихъ мучениковъ и озарили первоначальную церковь лучомъ небывалаго въ исторіи героизма утѣденія, были не что иное, какъ отрицаніе и гоненіе свободы совѣсти. Между тѣмъ, о. Янышевъ прямо говоритъ, что „законы противъ иновѣрцевъ и невѣрующихъ являются волюнъ естественными; карательныя мѣры правительства (русскаго или испанскаго, польскаго или римскаго,—замѣтимъ, что различія тутъ быть не можетъ) необходимы въ области вѣры для огражденія ея отъ заблужденій и невѣрія (!)“.

Итакъ, съ точки зрѣнія нравственной и юридической, слѣдуетъ оправдывать все, что творилось въ разные времена: въ Испаніи, все, что дѣлалось на Украинѣ и въ Литвѣ? Іезуиты и доминиканцы были совершенно правы: они только хотѣли поддержать „нормальное явленіе“ карательными мѣрами, которыя представляются „вполнѣ естественными!“

Замѣчательно однако, что почтенный оппонентъ, основавъ свое мнѣніе на принципахъ совершенно опредѣленныхъ, безусловныхъ, недопускающихъ никакихъ уступокъ потребности времени, тому, что называется *opportunitas*, потомъ вдругъ перешелъ на точку зрѣнія „благовременности“. Къ этому его побудили заявленія другого профессора петербургской же академіи, г. Кояловича, который напомнилъ, что и въ русской церкви въ старину высказывались голоса противъ преслѣдованія и казни еретиковъ, и признававшіе эти мѣры бесполезными и анти-христіанскими. Тогда о. Янышевъ, только-что говорившій о первыхъ вѣкахъ христіанства, о временахъ, предшествовавшихъ царствованію Константина Великаго, сказалъ, что „съ историческими данными онъ собственно не имѣлъ дѣла, а стоитъ лишь на почвѣ современности (отчетъ „Голоса“ № 120)“. Затѣмъ, онъ утверждалъ уже только, что „современное развитіе русскаго народа еще недостаточно въ отношеніи религіозно-нравственномъ, что такой народъ нельзя предоставить самому себѣ“. Но кто же отрицаетъ у церкви право заботиться о религіозно-нравственномъ развитіи народа, и неужели церковь предоставить русскій народъ самому себѣ, какъ только лишится содѣйствія полицейскихъ мѣръ для возвышенія его развитія? Развѣ народы, которымъ впервые проповѣдывалось христіанство не только безъ подобной помощи, но прямо вопреки преслѣдованіямъ властей, стояли на высшей ступени развитія, чѣмъ народъ русскій въ наше время? О. Янышевъ откладываетъ свободу совѣсти, или, какъ онъ говоритъ, право „вѣровать во что угодно и какъ угодно“, до той поры, когда „русское духовенство будетъ вполнѣ образовано, получить всѣ средства для нравственнаго вліянія на народъ, займетъ въ обществѣ подобающее положеніе, сольется съ нимъ въ одно цѣлое и не будетъ разъединено, какъ теперь, когда вмѣстѣ и народъ достаточно разовьется и окрѣпнетъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи“. Но русскій народъ въ теченіи девяти столѣтій имѣлъ время окрѣпнуть въ религіозно-нравственномъ отношеніи, и если надежда на дальнѣйшее развитіе его въ этомъ отношеніи справедливо возлагается на успѣхи образованности въ самомъ духовенствѣ, на большее его нравственное вліяніе и сліяніе съ народомъ, то спрашивается, причемъ же тутъ полицейскія мѣры? Вѣдь, переводя отвлеченныя соображенія на языкъ практическій, немислимо же

откладывать прекращеніе такихъ мѣръ, какъ ссылка и тюрьма, до второго, а затѣмъ, быть можетъ, и третьяго пересмотра уставовъ духовныхъ академій и семинарій, да еще выжидать затѣмъ, когда эти пересмотры произведутъ всѣ ожидаемыя отъ нихъ послѣдствія.

Что касается самого нашего духовенства, возвышенія его нравственнаго вліянія и сближенія его съ обществомъ, то для этого поддержаніе карательныхъ мѣръ противъ иновѣрій совершенно не нужно. Для этого есть путь иной, путь, которому первымъ исходнымъ пунктомъ могло бы служить сліаніе духовенства съ обществомъ въ единой обще-образовательной школѣ, — отминая розни, насаждаемой самымъ воспитаніемъ.

По мнѣнію, которое высказалъ г. Тёрнеръ, ни развитіе народа, ни вліяніе на него духовенства, ни желательное значеніе духовенства въ средѣ общества, ничто изъ этого даже и не можетъ быть достигнуто безъ свободы совѣсти. Утѣшительно видѣть, что даже въ такомъ полу-духовномъ собраніи, какъ засѣданіе общества любителей духовнаго просвѣщенія, рѣчь г. Тёрнера была покрыта громкими и продолжительными рукоплесканіями. Едва ли мы ошибемся, усматривая въ этомъ признакъ, что въ Россіи въ наше время, даже въ средѣ самыхъ религіозныхъ людей, а вѣроятно и въ большинствѣ самого духовенства, великое начало свободы совѣсти заняло мѣсто въ глубинѣ внутренняго убѣжденія, и что карательныя мѣры остаются теперь только потому, что ихъ не успѣли отменить.

Но, между тѣмъ, онѣ остаются, и этого забывать нельзя. Самые недавніе нумера газетъ рассказываютъ о томъ, какъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ сѣбли штундистовъ. Въ самый день пасхи, 4-го апрѣля, въ селѣ Поимѣ, чембарскаго уѣзда, становой приставъ вмѣстѣ съ священникомъ Невѣстинымъ произвели обыскъ старообрядческой походной церкви, забрали священные сосуды и церковныя вещи, нѣкоторые изъ нихъ роняли, однимъ словомъ, дѣйствовали такъ, что крайне возмутили именно религіозное чувство и нравственное развитіе старообрядцевъ, членовъ того русскаго народа, отъ котораго ожидается, чтобы онъ „окрѣпъ“ въ этомъ чувствѣ и этомъ развитіи. Священникъ Невѣстинъ, потомъ, въ письмѣ, присланномъ въ газету, объяснялъ, что на долю его выпала въ этомъ дѣлѣ „страдательная и неизбѣжная роль“. Но тѣмъ хуже, если само духовенство принижается закономъ, противъ своего убѣжденія, къ мѣрамъ, въ высшей степени оскорбительнымъ для всякаго вѣрующаго или невѣрующаго, но развитаго человѣка. Пора, казалось бы, положить всему этому конецъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ замѣтимъ, что газеты „Современность“ и „Голосъ“ высказались рѣшительно противъ тѣхъ воззрѣній, какія взялся заявлять въ наше время о. Янышевъ. Что ка-

сается насъ, то всѣ сужденія наши, когда мы только касались положенія духовенства вообще, какъ и въ нынѣшнемъ обзорѣніи, свидѣтельствуютъ, что мы вовсе не хотимъ разъединять общества отъ духовенства, разлучать церковь съ ея гражданскимъ элементомъ. Наоборотъ, мы высказываемъ убѣжденія діаметрально-противоположныя: насколько намъ позволено вступать въ область церковную, мы желали бы, чтобы исчезло отчужденіе духовенства отъ общества, чтобы въ самомъ духовенствѣ усилился характеръ общественный, чтобы приходъ послужилъ очагомъ ихъ сближенія и солидарности, и чтобы приходское духовенство получило въ самомъ составѣ іерархіи болѣе значенія. Одного назначенія нѣсколькихъ протоіереевъ въ начальники духовныхъ училищъ для этого еще слишкомъ мало. Но, желая сближенія духовенства съ обществомъ, мы въ то же время рѣшительно признаемъ рациональность раздѣленія государства и церкви, проведенія въ свѣтскомъ законѣ строгаго отличія интересовъ государственныхъ отъ воззрѣній церковныхъ, и признаемъ, что законъ можетъ осуществить это безъ всякаго церковнаго разрѣшенія или согласія, такъ какъ это вопросы чисто-юридическіе.

Обращаясь къ спеціальной юридической, то-есть судебной области, отмѣтимъ, что въ прошломъ апрѣлѣ истекло десятилѣтіе со дня открытія у насъ первыхъ судовъ, устроенныхъ на основаніи новыхъ уставовъ. Наступило, наконецъ, время, когда реформа эта имѣетъ распространиться и на западный край, исключая, впрочемъ, остзейскихъ губерній, которыя еще на неопредѣленное время сохраняютъ привилегію менѣе удовлетворительнаго устройства суда. Относительно сохраненія привилегій мы отсылаемъ читателя къ „Иностранному обзорѣнію“; относительно же юго-и сѣверо-западнаго края, по слухамъ, проектъ о введеніи новыхъ судебныхъ учреждений въ юго-западномъ краѣ будетъ разсматриваться въ законодательномъ порядкѣ въ осенней сессіи государственнаго совѣта, а проектъ той же реформы по отношенію къ сѣверо-западному краю въ государственномъ совѣтѣ уже разсмотрѣнъ. Судебныя учрежденія будутъ здѣсь введены въ полномъ своемъ объемѣ, но мировые судьи останутся пока по назначенію отъ правительства, такъ какъ западныя губернія не имѣютъ земскихъ учреждений. Затѣмъ, возникъ вопросъ, который городъ будетъ назначенъ центромъ судебной организаціи сѣверо-западнаго края, и не замедлила проявиться агитація, чтобы центръ, вопреки геометрическому закону, былъ опредѣленъ внѣ окружности круга, то-есть въ Смоленскѣ. Въ Петербургѣ явилась депутація съ ходатайствомъ въ этомъ смыслѣ, а одна московская газета не упустила этого случая сразиться еще однажды съ мельни-

цею „сепаратизма“, который, впрочемъ, уже сама признала нынѣ нужнымъ перекрестить въ „обособленіе“. Говорятъ, что есть большая вѣроятность, что вопросъ такъ и будетъ рѣшенъ въ пользу Смоленска. Между тѣмъ, соображенія и нравственнаго и матеріальнаго порядка, очевидно, требовали бы иного рѣшенія, рѣшенія простого и естественнаго, а именно, чтобы центръ круга былъ внутри круга.

Каково бы ни было удобство желѣзно-дорожныхъ сообщеній, одна близость судебной палаты отъ мѣстностей окружныхъ судовъ есть все-таки дѣло немаловажное. Но главное, на что преимущественно напираютъ защитники Смоленской комбинаціи, это—соображенія свойства нравственнаго, виды „вышей политики“, которая у насъ, какъ извѣстно, въ свойственной для нея сферѣ особаго простора не имѣетъ, но за то спускается даже въ такіа скромныя сферы, какъ напримѣръ „вопросъ“ о скандалѣ, учиненномъ какимъ-нибудь поручикомъ. При желаніи, конечно, можно приурочивать къ политическимъ соображеніямъ всякое дѣло, будь оно стронтельное или сельско-хозяйственное; о дѣлѣ народнаго образованія мы уже не говоримъ: въ немъ они совершенно преобладаютъ у насъ надъ педагогическими соображеніями. Но если есть область, которой устройство должно бы оставаться совершенно чуждою всякимъ политическимъ соображеніямъ, такъ это, безспорно, область суда, юстиціи, то-есть справедливости. Дѣйствительное „обособленіе“ сѣверо-западнаго края можетъ поддерживаться сохраненіемъ въ немъ исключительнаго порядка управленія, удержаніемъ контрибуціоннаго процентнаго сбора, отсутствіемъ земства, назначеніемъ мировыхъ судей отъ администраціи, а вовсе не учрежденіемъ въ Вильнѣ судебной палаты, какія есть въ Москвѣ, Одессѣ и т. д. Что за способъ уничтожить „обособленіе“, если при рѣшеніи всякаго административнаго и законодательнаго вопроса мы будемъ сами признавать „обособленіе“ за фактъ и класть его въ основу всѣхъ нашихъ рѣшеній? Противъ измѣны, перешедшей въ область факта, одно средство—вооруженная сила. А несочувствіе не устраняется такими мѣрами, которыя носятъ въ себѣ явный характеръ недо вѣрія и исключительности.

Для того, чтобы дать сѣверо-западнымъ губерніямъ судебный „центръ“ въ „чисто-русскомъ“ городѣ, придется передѣлывать уже сдѣланное, отдѣлять двѣ губерніи отъ округа московскаго, и передѣлка не остановится на такомъ судебномъ отдѣленіи Смоленска отъ Москвы. Затѣмъ, при образованіи балтійскихъ судебныхъ учреждений, придется создать имъ „центръ“ въ Псковѣ, отдѣливъ его отъ петербургскаго округа; при введеніи реформы въ туркестанскій округъ надо будетъ дать ему судебный „центръ“ въ Оренбургѣ, то-есть въ другой части свѣта. Замѣтимъ, что при образованіи округа тифлис-

ской судебной палаты подобныя политическія соображенія не были въ виду, иначе пришлось бы пріискать для него центръ по-сю сторону кавказскаго хребта.

Въ интересахъ самаго дѣла, то-есть судопроизводства, еще можно понять предположеніе объ учрежденіи двухъ судебныхъ округовъ, изъ которыхъ одинъ состоялъ бы изъ трехъ губерній литовскихъ и двухъ или трехъ балтійскихъ, имѣя центромъ Вильну, а другой—изъ трехъ бѣлорусскихъ губерній, къ которымъ была бы присоединена смоленская; присоединеніе къ нимъ же губерній калужской, какъ то предполагалось, уже трудно объяснить; оно ничѣмъ не вызывается. Но созданіе одного судебного округа изъ шести сѣверо-западныхъ губерній, съ двумя губерніями, отдѣленными отъ московскаго округа, а именно смоленской и калужской, съ центромъ въ Смоленскѣ, представило бы нѣчто весьма неудобное. Съ прусской границы пришлось бы обращаться съ аппеляціоннымъ ходатайствомъ въ Смоленскъ. Этотъ городъ не только не былъ бы центромъ чего-либо похожаго на кругъ, но вершиною какихъ-то двухъ неравнобѣрныхъ клиньевъ, изъ которыхъ одинъ своими крайними точками касался бы Пруссіи, а другой далеко врѣзывался бы въ самую средину европейской Россіи. Это, очевидно, было бы нѣчто искусственное; оправдываемая единственно нравственнымъ „обособленіемъ“, такая комбинація нисколько не вела бы къ его устраненію. Дѣло совсѣмъ не въ припискѣ западнаго края къ одному Смоленску, а въ нравственномъ сліаніи того края со всею Россіей.

Несмотря на десятилѣтнее существованіе новыхъ судебныхъ учреждений и распространеніе ихъ на большую часть имперіи, судебные уставы у насъ не даромъ въ обществѣ продолжаютъ носить названіе судебной „реформы“, то-есть чего-то какъ будто еще несовсѣмъ установившагося. Этому вопроса мы касались не разъ, и, по щекотливости его, не будемъ къ нему подходить близко. Съ удобствомъ можно трактовать только о той его сторонѣ, въ которой проявляются нѣкоторыя неустановившіяся еще въ самомъ обществѣ понятія. Къ этой сторонѣ мы и обратимся, но прежде упомянемъ о слухѣ, будто въ одной изъ частей „реформы“ предполагается въ настоящее время новое преобразование. Мы говоримъ о предположеніи создать новую инстанцію въ мировыхъ учрежденіяхъ — губернскіе мировые суды. По слуху, губернский мировой судъ, составленный изъ предсѣдателя окружнаго суда, его товарища, члена окружнаго суда и трехъ мировыхъ судей, долженъ служить въ каждой губерніи посредствующею инстанціею между мировыми сѣздами и сенатомъ. Цѣль этого новаго учрежденія указывается въ томъ, чтобы облегчить кассационный сенатъ отъ разбора массы поступающихъ въ

него жалобъ на рѣшенія мировыхъ сѣздовъ. Губернскому мировому суду было бы предоставлено предварительно разсматривать эти жалобы, и тѣ изъ нихъ, которыя окажутся неосновательными, устранять, а прочія представлять сенату. По другому слуху, для мировыхъ учреждений предвидится еще ограниченіе самой сферы дѣятельности, такъ какъ имѣется въ виду учредить суды „исправительной полиціи“, для устраненія того разногласія, какое часто замѣчается между мировыми судьями и полиціею.

О всѣхъ подобныхъ дополненіяхъ можно сказать только одно: судебныя уставы въ своей совокупности представляютъ стройную, логически проведенную, цѣльную организацію. Каждая изъ ея частей имѣетъ свое назначеніе и вмѣстѣ поддерживаетъ другія части. Измѣняя основныя ихъ функціи или вводя въ обдуманную систему посторонніе элементы, вовсе не имѣвшіеся въ виду при начертаніи самой системы, мы не должны полагать, что „дополняемъ“ ее, потому что правильное дополненіе есть только логическое развитіе системы. О судахъ „исправительной полиціи“, то-есть судьяхъ по назначенію, призванныхъ смѣнить судей по избранію земства въ части мировой судебной дѣятельности, не стоить и распространяться. Смыслъ всѣхъ реформъ послѣдняго пятилѣтія можетъ быть кратко охарактеризованъ двумя весьма опредѣленными, въ Германіи хорошо извѣстными словами: преобразовать Россію изъ Polizeistaat, какою она была въ дореформенное время, въ Rechtsstaat, смѣнить административный произволъ юридической обеспеченностью, безотвѣтностью — правомъ. Не все для этого сдѣлано — правда; но кто же утверждаетъ, что реформы окончились? И по части полиціи въ Россіи много остается сдѣлать: надо умножить ее, улучшить, завести ее въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она дѣйствуетъ только на бумагѣ, обеспечить ее лучшимъ содержаніемъ, все, что угодно — но только не *увеличивать ея значенія*. Оно еще все слишкомъ велико. Традиціи полицейскаго строя не изглаживаются въ 15 лѣтъ — ни въ народѣ, ни въ самой полицейской средѣ. Если ее послушать, то ее стѣсняетъ все то, что ее ограничиваетъ. Власть сената, комитета министровъ, государственнаго совѣта имѣетъ свои предѣлы, и учрежденія эти, основываясь на своихъ дѣйствіяхъ на точныхъ опредѣленіяхъ закона, съ убѣжденіемъ входятъ имъ ограниченіе въ томъ же законѣ; но атрибуціи власти полицейской по необходимости изложены закономъ въ самыхъ опредѣленныхъ формахъ. Гдѣ, напримѣръ, предѣлы заботливости о „благочиніи?“ На каждомъ шагѣ полиціи приходится „отгонять тѣкой безпорядокъ“, по выраженію Петра, который въ законѣ специально не поименованъ. А вмѣстѣ съ мелочами, ей же поручены и такія обязанности, въ силу которыхъ она не можетъ не считать себя одною

изъ важнѣйшихъ государственныхъ властей, склонна даже считать себя важнѣйшею, уже во всякомъ случаѣ въ сравненіи съ мировыми судьями. Мы уже однажды проводили мысль, что столкновенія полиціи съ выборными и судебными учрежденіями могли бы быть устранены только раздѣленіемъ полиціи на два разряда—на полицію государственную, которая за благоустройствомъ и благочиніемъ не слѣдила бы, а только за безопасностью государства, и потому ни въ какихъ пререканія съ мировыми судьями, да и другими судебными учрежденіями не имѣла бы повода вступать,—и на полицію общественную, полицію въ обыкновенномъ смыслѣ слова, которая съ величайшей пользою, по мысли Петра Великаго, могла бы быть совершенно подчинена въ городахъ городскимъ обществамъ, а стало быть въ столкновенія съ его выборными и не могла бы вступать.

Возвращаясь къ предположенію объ учрежденіи губернскихъ мировыхъ судовъ, сознаемся, что намъ непонятно, какимъ образомъ они могутъ быть осуществлены безъ нарушенія самыхъ основъ мировыхъ учреждений и безъ смѣшенія власти. Мировая юстиція есть судъ общественный, судъ выборныхъ отъ общества надъ отдѣльными его членами. Апелляціонная инстанція этого суда необходимо должна сохранять тотъ же характеръ и сохраняетъ его въ мировыхъ сѣздахъ, составленныхъ изъ мировыхъ же судей, избранныхъ обществомъ. Затѣмъ, отмѣна рѣшеній этой инстанціи возможна только въ видѣ кассации, по несоблюденію закона, тѣмъ учрежденіемъ, которое охраняетъ примѣненіе закона во всей имперіи, то-есть сенатомъ. Гдѣ же тутъ мѣсто еще для одной, посредствующей инстанціи? Учрежденіе надъ одной апелляціонной инстанціею еще другой противорѣчило бы всѣмъ основаніямъ нашего судебного устройства, хотя бы даже эта лишняя инстанція и имѣла тотъ же характеръ, какой присвоенъ мировой, общественной юстиціи. Что же сказать о такомъ учрежденіи, которое назначено было бы для разсмотрѣнія жалобъ на мировые сѣзды, а между тѣмъ состояло бы главнымъ образомъ изъ членовъ совсѣмъ иной судебной сферы, изъ невыборныхъ и несмѣняемыхъ членовъ окружнаго суда? По всей вѣроятности, именно они имѣли бы въ губернскомъ мировомъ судѣ преобладаніе, не принадлежа сами вовсе къ составу мировой юстиціи. Это было бы смѣшеніе судебныхъ установленій совершенно различнаго рода, разнаго происхожденія и духа. Юристы по буквѣ закона являлись бы въ нѣкоторомъ родѣ судьями надъ судомъ совѣстнымъ. Съ другой стороны, каково же было бы въ губернскомъ судѣ положеніе тѣхъ его членовъ, которые къ составу мировой юстиціи принадлежатъ? Будучи сами мировыми судьями, они въ нѣкоторой мѣрѣ рѣшали бы вопросы относительно поводовъ къ кассации своихъ собственныхъ приговоровъ или рѣшеній тѣхъ сѣздовъ,

которыхъ они состояли бы членами. Но вѣрнѣе всего, что тѣ изъ нихъ, которые не профессиональные юристы—а большинство мировыхъ судей не юристы—являлись бы въ губернскихъ судахъ членами неравнаго съ первыми значенія; между тѣмъ предсѣдатель, товарищъ и членъ окружнаго суда, обремененные дѣлопроизводствомъ окружнаго суда, не имѣли бы времени еще разсматривать и докладывать въ губернскомъ мировомъ судѣ сложныя кассационныя дѣла. И быть можетъ, дѣло въ большинствѣ случаевъ сводилось бы къ тому, что дѣйствительное направленіе дѣлопроизводству въ губернскомъ мировомъ судѣ давалъ бы все-таки тотъ, у кого было бы болѣе досуга, а именно какой-нибудь почетный мировой судья, наименѣе опытный въ дѣлахъ, рѣшалъ бы вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли допустить до сената жалобу, основанную на нарушеніи закона, или слѣдуетъ лишить просителя права, котораго никто лишенъ быть не долженъ, права обращаться въ учрежденіе, охраняющее законъ, съ жалобой на его нарушеніе.

Если же мы будемъ разсматривать губернскіе мировые суды тольکو въ смыслѣ вспомогательныхъ учрежденій кассационнаго сената, какъ бы его делегацій, то, во-первыхъ, они не соотвѣтствовали бы этому характеру по своему составу, а во-вторыхъ, развѣ не проще было бы усилить составъ кассационныхъ департаментовъ, чѣмъ учреждать нѣсколько десятковъ новыхъ судовъ? Да, наконецъ, трудно даже найти и подходящій терминъ, чтобы опредѣлить, какая власть поручалась бы губернскимъ мировымъ судамъ: власть неосновательныя жалобы окончательно устранять, а основательныя—направлять въ сенатъ. Это—не апелляціонная, но и не кассационная власть. Это приходилось бы назвать „властью предрѣшенія кассациі“. Но нельзя же не предвидѣть такихъ случаевъ, что сенатъ, получивъ изъ этихъ судовъ жалобы, которыхъ поводы кассациі признаны были губернскими судами уважительными, постановить оставить эти жалобы безъ послѣдствій, то-есть мотивы ихъ уважительными не признаеть. Тогда, если губернскіе суды могли, сравнительно съ высшимъ мнѣніемъ сената, ошибаться въ одномъ смыслѣ, то они могли ошибаться и въ другомъ, то-есть не допустить до сената такихъ жалобъ, которыя сенатъ призналъ бы уважительными. И сенатъ, между тѣмъ, изъ случаевъ ошибокъ губернскихъ судовъ, принужденъ былъ бы все-таки отказываться отъ непосредственнаго разсмотрѣнія жалобъ, присланныхъ ему просителями, долженъ былъ бы направлять ихъ въ губернскіе суды, какъ-бы на предварительную ихъ цензуру? Нѣтъ, кассационная власть не есть такая, которая можетъ отправляться по уполномочію, *par délégation*.

Что касается неустановленности воззрѣній самого общества на судебную дѣятельность, то она относится спеціально собственно къ

двумъ категоріямъ „присяжныхъ“, введенныхъ судебными уставами: къ призванію „присяжныхъ повѣренныхъ“ и къ призванію „присяжныхъ засѣдателей“. Относительно же совокупности судебной реформы и качествъ судей, мнѣніе общества вполне установилось въ сознаніе огромнаго превосходства новыхъ судовъ, судопроизводства и судей предъ старыми, и оно желаетъ только, чтобы не трогали сдѣланнаго. Въ самое послѣднее время представились два повода коснуться призванія адвокатовъ и призванія присяжныхъ. Легкая нажива адвокатовъ была, собственно говоря, главнымъ побужденіемъ къ тѣмъ нападкамъ на это сословіе, которыя нынѣ вошли въ моду, часто слышатся въ разговорахъ, съ удовольствіемъ читаются въ газетахъ и апплодируются на сценѣ. Недавно одинъ изъ адвокатовъ, въ статьѣ, помѣщенной въ „Недѣлю“, попробовалъ представить „изнанку адвокатскаго вопроса“. Къ толкамъ же о присяжныхъ новый поводъ представило извѣстное дѣло Каировой.

Защитникъ „защитниковъ“, адвокат *pro domo sua*, въ дѣйствительности только переворачиваетъ обвиненія, заявляемыя противъ адвокатовъ, переворачиваетъ ихъ противъ самого общества, отчего и получается „изнанка“ адвокатскаго вопроса. Онъ, въ сущности, только говоритъ обществу — полюбуйтеся на самихъ себя; мы — „ваши барометры“; нравственный уровень общества таковъ, что оно не имѣетъ права многого требовать отъ своихъ адвокатовъ. Мы, сказать правду, никогда не понимали отношенія нашего общества, даже нашей печати, къ „присяжнымъ повѣреннымъ“, какъ учрежденію. Повидимому, у насъ такъ мало распространено знакомство съ тѣми западными учрежденіями, которыхъ Россія еще не имѣетъ, что на „институтъ присяжныхъ повѣренныхъ“ у насъ возложили такіа идеальныя ожиданія, какихъ нигдѣ въ Европѣ на адвокатское сословіе не возлагали. Его ставили наравнѣ съ драгоцѣннѣйшими гарантіями, какія судебная реформа предоставила обществу: независимостью, несмѣняемостью судей, гласностью суда, учрежденіемъ присяжныхъ (*jury*). Между тѣмъ, учрежденіе адвокатовъ и важно только въ связи съ гласностью суда, а само по себѣ есть только одна изъ наименѣе значительныхъ подробностей судебной реформы. Отъ признанныхъ адвокатовъ потребовали юридическаго образованія, предоставили имъ самоуправленіе въ ихъ средѣ; это прекрасно; это значительно улучшило адвокатское сословіе, поставило его гораздо выше среды темныхъ стряпчихъ прежнихъ лѣтъ, специалистовъ раздачи взятокъ вліятельнымъ лицамъ. Но этимъ не создали никакого новаго оплота для справедливости и добродѣтели въ государствѣ, да и не имѣли въ виду создать. Учрежденіе „присяжныхъ повѣренныхъ“ совсѣмъ не было крупнымъ приобрѣтеніемъ, прогрессомъ для самого общества, какъ коренныя начала новаго судоустройства и судопроизводства.

Кто былъ сколько-нибудь знакомъ съ учрежденіемъ присяжныхъ повѣренныхъ въ Европѣ, до введенія его у насъ, никогда не ожидалъ найти въ немъ гарантію для самого правосудія. Адвокаты „присяжные“, какъ не присяжные, все-таки не болѣе какъ адвокаты; они — не судьи, они не рѣшаютъ судебныхъ вопросовъ, они не охраняютъ общество отъ какого бы то ни было произвола. А у насъ, повидимому, именно ожидали отъ нихъ чего-то въ этомъ родѣ, такъ какъ иначе было бы совершенно необъяснимо то „разочарованіе“ на ихъ счетъ, которое вдругъ охватило общество и побуждало г. Маркова „размѣжваться съ ними“, въ нѣкоторомъ смыслѣ изречь на нихъ отлученіе отъ прогресса. Адвокаты — совсѣмъ не чада прогресса и не столпы правосудія; они, какъ учрежденіе, просто — органы для содѣйствія въ веденіи судебныхъ дѣлъ. Въ отдѣльности, какъ люди — они профессиональныя лица, и болѣе ничего. Между ними могутъ быть лучше и худшіе, болѣе и менѣе разборчивые на дѣла, болѣе и менѣе добросовѣстные, и каждый изъ нихъ, при гласности суда, долженъ *лично* приобрѣсть себѣ ту или другую репутацію. Въ совокупности же, они никакихъ особыхъ качествъ и имѣть не могутъ, какъ именно качества, характеризующія все общество. Общество имѣетъ полное право уважать только того адвоката, который не избираетъ себѣ спеціальностью грязныя дѣла, который проявляетъ разборчивость въ принятіи на себя того или другого дѣла. Но общество не имѣло и не имѣетъ никакого основанія ожидать, что всѣ адвокаты станутъ защищать только тѣ дѣла, которыя сами признаютъ правыми; не имѣло основанія къ тому, во-первыхъ, по той причинѣ, что въ такомъ случаѣ не надобно было бы судей, а достаточно было бы однихъ адвокатовъ, обрекающихъ неправыя дѣла на неуспѣхъ; во-вторыхъ, потому, что ни отъ какой категоріи своихъ дѣятелей общество не можетъ ожидать, чтобы она явилась для него особой школой добродѣтели; относительно всѣхъ нравственныхъ требованій должны быть одинаковы. Адвокатъ, который за деньги ведетъ дѣло, создаваемое имъ неправымъ, виновенъ передъ нравственнымъ закономъ, что несомнѣнно, но виновенъ не болѣе, чѣмъ спекулянтъ, который продаетъ вамъ бумагу, зная, что онъ не стоитъ тѣхъ денегъ, которыя вы за нихъ платите, или купецъ, который обманываетъ васъ на товарѣ. Онъ — такой же профессиональный человѣкъ. А затѣмъ, повторяемъ, вы вправѣ одного адвоката уважать, другому отказывать въ уваженіи. Что касается совокупности сословія адвокатовъ, то оно общей репутаціи имѣть не можетъ, или репутація эта опредѣлится, дѣйствительно, нравственнымъ уровнемъ всего общества. Быть можетъ, недоразумѣнію способствовало самое названіе „присяжныхъ“ повѣренныхъ, данное адвокатамъ; прилагательное едва ли не излишне, какъ и самая присяга.

Вѣдь отъ писателей не требуется же присяги, а отъ концессионеровъ—и того менѣе.

Въ вопросахъ о дѣятельности другихъ „присяжныхъ“, дѣйствительныхъ присяжныхъ, слышатся по большей части недоразумѣнія, истекающія изъ незнакомства съ данными уголовной статистики, которыя показываютъ, что въ общей сложности оправдательные приговоры произносятся присяжными не чаще, чѣмъ судьями всѣхъ категорій,—чаще, чѣмъ судьями одной инстанціи, но рѣже, чѣмъ судьями другой. Но въ нѣкоторыхъ отдѣльных случаяхъ, недоразумѣніе, производимое оправдательнымъ вердиктомъ присяжныхъ, едва ли не слѣдуетъ приписать недоразумѣнію въ средѣ самихъ присяжныхъ относительно истиннаго ихъ призванія. Такой случай, быть-можетъ, представился въ дѣлѣ Каировой, судившейся за признанную ею самою попытку зарѣзать жену своего любовника Великанова. Вердикты постановляются присяжными по внутреннему убѣжденію въ фактъ преступленія и вѣроятности его совершившему. Пойдемъ далѣе закона, и допустимъ, что, при постановленіи своего вердикта, присяжные соображаются еще и съ тѣмъ, какое будетъ его послѣдствіе, не подвергаетъ ли законъ извѣстнаго рода преступленіе наказанію, слишкомъ строгому, по ихъ убѣжденію. Это—незаконно, но естественно. Однако, все это еще не значитъ, что присяжный на судѣ столь же совершенно воленъ оправдывать, какъ зритель въ театрѣ или читатель романа. Возьмемъ драматическій типъ благороднѣйшаго человѣка, который отомстил за тяжкое оскорбленіе, нанесенное его сестрѣ, преднамѣренно убивъ отвратительнѣйшаго злодѣя. Театральный зритель воленъ оправдывать этого героя, читатель романа можетъ вполне сочувствовать ему. Скажемъ болѣе: въ дѣйствительной жизни, мы, можетъ быть, съ удовольствіемъ пожали бы такому человѣку руку. Но на судѣ, будучи присяжнымъ, если фактъ убійства несомнѣнно доказанъ, мы, въ званіи присяжныхъ, обязаны обвинить преступника, и все, что можемъ для него сдѣлать, это—допустить обстоятельства, смягчающія вину. Мы можемъ сочувствовать „Лазутчику“ Купера, который изъ любви къ отечеству столько разъ рисковалъ жизнью; но будь мы членами учрежденнаго надъ нимъ военнаго суда, мы были бы обязаны приговорить его къ казни, иначе судъ былъ бы уже не судомъ по внутреннему убѣжденію въ виновности или невинности, но судомъ по произволу сочувствій и несочувствій. Мы не дѣлаемъ при этомъ никакихъ сравненій съ обстоятельствами, сопровождавшими самое дѣйствіе Каировой; мы только устанавливаемъ юридическій фактъ общаго вопроса. Присяжные уже выходятъ изъ предѣловъ закона, когда оправдываютъ потому только, что наказаніе представляется имъ слишкомъ тяжкимъ по роду пре-

ступленія. Но если они оправдываютъ еще потому, что считаютъ наказаніе слишкомъ тяжелымъ по личнымъ свойствамъ и положенію отдѣльнаго подсудимаго, то они заходятъ еще гораздо дальше, удаляются почти въ область драматургін и романа. Призваніе присяжныхъ можетъ быть весьма тяжелымъ; не легко обвинить человѣка, которому лично вполне сочувствуешь, или котораго хотя бы лично извиняешь. Можно думать, что есть справедливость выше той, которая написана въ законѣ, но не дѣло присяжныхъ отыскивать ее и примѣнять, потому что они не могутъ считать себя безошибочными; а оправданіе иногда можетъ заключать въ себѣ болѣе явное нарушеніе положительнаго правосудія, чѣмъ кара, превосходящая чѣмъ либо вину по нашимъ личнымъ взглядамъ. Ревностью и „аффектомъ“ можно объяснить что угодно, но объясненіе это по той же причинѣ слишкомъ эластично. Вѣдь и та молодая мачиха, которой въ прошломъ мѣсяцѣ, въ Петербургѣ, надобно было бить несчастную дѣвочку, та злодѣйка, которая выбросила этого ребенка изъ окна съ цѣлью убить его, а потомъ узнавъ, что дѣвочка не погибла, отозвалась: „не для того я ее столкнула“,—дѣйствовала не изъ корыстнаго побужденія, какъ и Канрова. Что же, и тутъ принять ревность и „аффектъ“ въ оправданіе гнуснѣйшаго изъ всѣхъ преступленій: убійства ребенка, и возвратить его преступницѣ, чтобы она могла другой разъ вѣрнѣе и безопаснѣе для себя извести его? Не всѣ присяжные, конечно, рѣшатся на оправданіе изъ-за романическихъ мотивовъ любви, ревности и т. п. Такъ, въ одесскомъ окружномъ судѣ, въ концѣ апрѣля, присяжные обвинили, даже безъ „смягчающихъ обстоятельствъ“, солдатскаго сына Бурнусова, 20 лѣтъ, за то, что онъ, именно изъ ревности, перерѣзалъ горло своей любовницѣ, и послѣдствіемъ этого вердикта было осужденіе несовершеннолѣтняго Бурнусова на 10-лѣтнюю каторжную работу въ рудникахъ. Между тѣмъ, здѣсь „аффектъ“ не трудно было допустить, такъ какъ Бурнусовъ, въ тотъ самый день, когда услышалъ о невѣрности своей любовницы и перерѣзалъ ее, находился подъ вліяніемъ поддразниванія своихъ товарищей, и обѣ сцены—поддразниванія и убійства—происходили въ трактирахъ, за водкой. Но одесскіе присяжные, хотя и не могли не допустить изступленія, которое всегда бываетъ при убійствѣ, если оно совершается не изъ корысти, не признали „патологическаго аффекта“—и никто не удивится ихъ вердикту. Но, спрашивается: какое впечатлѣніе должно производить подобное разнообразіе вердиктовъ?...

Не можемъ не воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы высказать мысль, которую желательно было бы подвергнуть обсужденію людей компетентныхъ. Намъ никто, конечно, не загодорить въ

какихъ-нибудь пополюмовеніяхъ противъ свободы печати, и мы ей желаемъ наибольшаго простора; но, тѣмъ не менѣе, мы считаемъ вреднымъ существующій у насъ обычай публикаціи въ газетахъ именъ присяжныхъ того или другого процесса. Черезъ это приговоръ принимаетъ какой-то личный характеръ; наконецъ, могутъ быть случаи, когда обычай публикаціи именъ присяжныхъ будетъ стѣснять ихъ въ произнесеніи приговора въ ту или въ другую сторону, и во всякомъ случаѣ не останется безъ вліянія на нихъ. Мы предпочли бы пользоваться просторомъ во многомъ другомъ, но въ этомъ случаѣ не посѣтовали бы, еслибъ и были лишены свободы публикаціи именъ присяжныхъ, не говоримъ уже о публикаціи того, какое именно число голосовъ было въ пользу *да* или *нѣтъ*. Намъ кажется, такое самоограниченіе печати было бы знакомъ новаго уваженія къ суду присяжныхъ, какого онъ вполне заслуживаетъ, такъ какъ и самыя его ошибки безконечно чище ошибокъ старыхъ судовъ, уже по одному тому, что эти ошибки искренни и безкорыстны.

Въ мартовской книгѣ журнала (стр. 446—451) мы помѣстили письмо къ намъ отъ г-на Е. III., указавшаго на „второй пунктъ“ инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ, какъ на одно изъ препятствій къ успѣшному развитію нашихъ народныхъ школъ, со-держимыхъ на счетъ земства и обществъ, а именно: при превращеніи земскаго однокласснаго училища въ двухклассное, оно, въ силу того второго пункта, поступаетъ подъ „исключительное“ наблюденіе инспектора народныхъ училищъ. „Едва ли какой хозяинъ,— заключаетъ г. Е. III.,—согласится надстроить въ своемъ домѣ этажъ, подъ условіемъ потерять въ такомъ случаѣ право собственности на весь домъ“. Въ интересъ дѣла, мы лично могли желать и желали—или дождаться, со временемъ, *устраненія* такого важнаго препятствія къ успѣхамъ народнаго образованія, или категорическаго *опроверженія* всего, высказаннаго г. Е. III., съ какой-нибудь компетентной стороны въ этомъ дѣлѣ. Въ концѣ марта, когда апрѣльская книжка была уже отпечатана, мы получили отъ министерства народнаго просвѣщенія „Разъясненіе“, которое и явилось въ майской книгѣ журнала (стр. 453—460). Мы съ особеннымъ удовольствіемъ получили это „Разъясненіе“, въ надеждѣ найти въ немъ или указаніе на то, что министерство само уже обратило вниманіе на „второй пунктъ“, какъ на препятствіе къ успѣхамъ народнаго образованія, и уже озаботилось объ устраненіи его, или прямое доказательство того, что г. Е. III. заблуждается относительно значенія „второго пункта“. Къ сожалѣнію, несмотря на всю обширность „Разъясненія“,

мы не нашли въ немъ опроверженій того, что мы сами желали бы опровергнуть въ письмѣ къ намъ г-на Е. III., а потому и земства едва ли, на основаніи этого „Разъясненія“, перестанутъ усматривать препятствіе во „второмъ пунктѣ“ къ превращенію одноклассныхъ училищъ въ двухклассныя. Заключительныя слова „Разъясненія“ еще болѣе поддержать неохоту въ земствѣ расширить обученіе въ народныхъ училищахъ, такъ какъ эти слова, повидимому, находятся въ противорѣчій съ общимъ направленіемъ мысли „Разъясненія“ и какъ-бы еще подтверждаютъ мнѣніе г-на Е. III. „Разъясненіе“ говоритъ въ концѣ: „учебное вѣдомство предположило уже *увеличить* личный составъ инспекторовъ, и есть *надежда* (по общему духу статьи, тутъ слѣдовало бы ожидать слова: опасеніе), что такое предположеніе начнетъ осуществляться съ будущаго 1877 года“. Итакъ, въ будущемъ надежда возлагается опять не на заботы самого земства о народномъ образованіи, а на заботы инспекторовъ, и чѣмъ больше будетъ ихъ, значить, тѣмъ лучше; а между тѣмъ, именно „второй-то пунктъ“ и можетъ вызывать необходимость увеличенія числа инспекторовъ, такъ какъ онъ увеличиваетъ съ каждымъ годомъ область ихъ „исключительнаго“ завѣдыванія. Но это же самое и утверждалъ г. Е. III., когда говорилъ, что при „второмъ пунктѣ“ никакое число инспекторовъ не окажется достаточнымъ, если всѣ двухклассныя училища будутъ въ исключительномъ ихъ завѣдываніи, и если не будетъ разрѣшено земству открывать такія же двухклассныя училища, какія открываетъ министерство, и завѣдывать ими самому же земству, хотя бы и подъ надзоромъ инспектора, но не исключительнымъ. Мы не будемъ знать, что отвѣтитъ г-ну Е. III., если онъ теперь намъ скажетъ: „Зачѣмъ питать въ насъ надежду на увеличеніе числа инспекторовъ въ 1877 г., если земство само завѣдуетъ своими новыми двухклассными училищами, и, слѣдовательно, увеличеніе ихъ вовсе не обременяетъ инспекціи; думаетъ ли министерство съ будущаго года увеличить число своихъ школъ?—нѣтъ, авторъ „Разъясненія“ подаетъ надежду не на увеличеніе числа школъ, а на увеличеніе числа инспекторовъ, что и дѣйствительно необходимо, если всѣ земскія двухклассныя училища должны поступать въ ихъ исключительное вѣдѣніе; слѣдовательно, — заключить г. Е. III., — если министерство намѣрено еще увеличить число инспекторовъ, то тѣмъ самымъ оно признаетъ, что „второй пунктъ“ увеличиваетъ ихъ занятія, а, слѣдовательно, мой взглядъ на „второй пунктъ“, какъ на препятствіе, получаетъ въ словахъ „Разъясненія“ новую опору“. Для опроверженія такого, весьма возможнаго разсужденія со стороны г. Е. III., мы не находимъ въ „Разъясненіи“ никакихъ данныхъ. Правда, авторъ „Разъясненія“ (стр. 459) рекомендуетъ г-ну Е. III. прочесть въ

мартовской же книгѣ журнала, гдѣ помѣщено его „Письмо“, начало статьи подѣ заглавіемъ: „Современная глушь“, гдѣ изображенъ инспекторъ дѣятельный, добросовѣстѣйшій, единственный просвѣтителъ своего края и т. д. Но и на это г. Е. Ш., пожалуй, отвѣтитъ намъ и автору „Разъясненія“: „Прочтите въ той же книгѣ журнала, гдѣ напечатано „Разъясненіе“, конецъ статьи, подѣ заглавіемъ: „Современная глушь“; а тамъ сказано, что въ послѣднее время „обнаружилось замѣтное пониженіе уровня въ новомъ составѣ инспекторовъ народныхъ училищъ, значительно увеличенномъ—теперь его хотятъ еще болѣе увеличить—и вслѣдствіе этого пополняемомъ безъ особаго разбора и вниманія, между тѣмъ какъ нашъ бывшій инспекторъ (приводившій прежде въ изумленіе своею энергіею), о которомъ мы говорили выше и имя котораго несомнѣнно связано съ скромной исторіей сельскихъ школъ нашего края, *теперь*, не разгибая спины, работаетъ въ своемъ кабинетѣ, нагнувшись надъ какими-то невиданными таблицами, громадными, какъ Черное море“. „Итакъ, видите,—скажетъ намъ г. Е. Ш.,—увеличеніе инспекторовъ не обойдется безъ пониженія ихъ умственнаго и нравственнаго уровня, а мое возраженіе противъ „второго пункта“ пріобрѣтаетъ только новую силу: одною инспекціею, безъ помощи довѣрія къ земству, нельзя достигнуть никакихъ нравственныхъ результатовъ,—а будетъ одно новое обремененіе государственному бюджету“. Опять не находимъ въ „Разъясненіи“ никакихъ данныхъ для того, чтобы опровергнуть и это соображеніе г. Е. Ш., а потому обратимся, наконецъ, къ самому „Разъясненію“. Чтѣ же оно говоритъ прямо противъ утверждаемаго г-мъ Е. Ш.? Чѣмъ можетъ воспользоваться земство въ этомъ „Разъясненіи“? Можетъ ли оно усматривать въ этомъ „Разъясненіи“ дѣйствительное разъясненіе второго пункта и не считать его препятствіемъ для превращенія своихъ одноклассныхъ училищъ въ двухклассныя? Однимъ словомъ, какой выходитъ для земства практическій результатъ изъ „Разъясненія“? А въ этомъ одномъ заключается вся важность настоящаго дѣла. Вотъ чтѣ говоритъ авторъ „Разъясненія“, съ полною ясностью и несомнѣнностью.

Опровергая заявленіе г. Е. Ш., авторъ „Разъясненія“ ссылается на *восьмой* пунктъ инструкціи, и приводитъ затѣмъ весь его текстъ:

„*Двухклассныя* и одноклассныя училища могутъ быть отрываемы и исключительно на мѣстныя средства, безъ всякаго или только съ единовременнымъ пособіемъ изъ суммъ министерства, *и если* таковыя училища *вполнѣ* подчиняются министерству народнаго просвѣщенія на *одинаковомъ* съ училищами сего министерства основаніи, то они пользуются равными преимуществами съ послѣдними“.

„Изъ этого параграфа, — заключаетъ „Разъясненіе“, — автору письма (т.-е. г. Е. Ш.) не трудно было вывести заключеніе, что

двухклассныя начальныя училища могутъ быть открываемы и безъ подчиненія ихъ правиламъ той инструкціи“.

Вотъ тутъ дѣло, дѣйствительно, разъясняется до конца, и мы его вполне понимаемъ. Г-ну Е. Ш. слѣдовало бы обратить вниманіе и на восьмой пунктъ, который какъ будто разрѣшаетъ земству открывать и двухклассныя училища, но на условіяхъ, предусмотрѣнныхъ опять вторымъ пунктомъ, т.-е. при полномъ подчиненіи министерству, на одинаковомъ съ училищами министерства основаніи, — а иначе эти училища не будутъ пользоваться равными преимуществами. Но въ сущности дѣла г. Е. Ш. остается правъ: восьмой пунктъ разрѣшаетъ на такихъ условіяхъ, которыя равняются запрещенію, и г. Е. Ш. долженъ былъ бы выразить свое вышеприведенное сравненіе такъ: „едва ли какой хозяинъ согласится надстроить въ своемъ домѣ этажъ, подъ условіемъ потерять въ такомъ случаѣ право собственности на весь домъ, или: *сохранить его, но подъ условіемъ не пользоваться всеми правами собственности, наравнѣ съ другими владельцами двухъ-этажныхъ домовъ, напримѣръ, не пускать въ домъ жильцовъ безъ разрѣшенія какой-нибудь власти*“. Но, можетъ быть, г. Е. Ш. не договорилъ послѣдней мысли только потому, что она ясна сама собою?

Въ чемъ же однако состоитъ самое существенное различіе между двухкласснымъ земскимъ и министерскимъ училищемъ, если первое не захочетъ *вовсе* подчиниться министерству? По словамъ самого министерства, приведеннымъ у г. Е. Ш., въ министерскихъ школахъ „приобрѣтается элементарное образованіе *въ болѣе полномъ и законченномъ видѣ*, сравнительно съ другими сельскими начальными училищами“. Итакъ, земскія двухклассныя училища обречены программой не имѣть „болѣе полного и законченнаго вида“, если они откажутся *вовсе* подчиниться министерству.

Но послѣ этого, г. Е. Ш. будетъ въ правѣ спросить насъ, въ свою очередь: почему же его заявленіе названо у автора „Разъясненіи“, невѣрнымъ и противорѣчащимъ инструкціямъ? При всемъ нашемъ желаніи увидѣть мнѣніе г. Е. Ш. опровергнутымъ, мы должны сознаться въ своемъ безсиліи, а „Разъясненіе“ не дало намъ надежнаго оружія для борьбы съ почтеннымъ авторомъ „Письма въ Редакцію“. Земство также съ трудомъ рѣшится устроить двухклассное училище, равноправное съ министерскимъ, на основаніи *одного* „Разъясненія“, напечатаннаго нами въ майской книгѣ, по требованію министерства народнаго просвѣщенія, и найдетъ, что „восьмой“ пунктъ инструкціи нисколько не противорѣчитъ „второму“ пункту той же инструкціи, — что, впрочемъ, совершенно естественно.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА

1-е июня, 1876.

Современная политическая роль Германіи.

Дипломатическія соглашенія по восточному вопросу едва поспѣваютъ за фактами, которые совершаются на Балканскомъ полуостровѣ. Тамъ, пока успѣло состояться дипломатическое соглашеніе относительно ноты Андранш, фактическое положеніе дѣлъ было уже гораздо далѣе, переросло простыя общанія, требовало реальной гарантіи и европейской конференціи, вмѣсто смѣшанной комиссіи турецкихъ подданныхъ двухъ исповѣданій. Это и было заявлено барону Родичу вождями герцеговинскаго возстанія. Новѣйшее дипломатическое соглашеніе, состоявшееся въ Берлинѣ, приняло эти основы; но затѣмъ произошло опять движеніе въ Болгаріи, Сербія стала наготовѣ къ войнѣ, полная неустойчивость прежняго зданія оттоманской имперіи выказалась бунтомъ въ Салоникахъ и убійствомъ двухъ европейскихъ консуловъ, а въ самомъ Константинополѣ ходжи и софтіи стали сгнѣмать шейхъ-уль-ислама, великихъ визирей, а, наконецъ, и султана.

Отъ чего же все это зависитъ? Новѣйшія заявленія о'единодушіи, господствующемъ въ совѣтахъ тройственнаго союза, нисколько не измѣнили самаго смысла и свойства этого союза. Онъ несомнѣненъ, онъ дѣйствительно продолжаетъ быть „залогомъ мира“ въ Европѣ, но только въ томъ смыслѣ, какъ мы уже сказали въ предыдущемъ обзорѣ, что каждый изъ союзниковъ ограничиваетъ другого. А потому совокупныя ихъ дѣйствія могутъ всегда оставаться позади дѣйствительныхъ фактовъ, будутъ заключать въ себѣ только минимумъ возможнаго. То, въ чемъ успѣютъ согласиться Россія, съ одной стороны, Австрія и Германія съ другой, можетъ заходить далѣе желаній Порты, далѣе согласія Англіи, но всегда окажется лекарствомъ слишкомъ слабымъ по новымъ обстоятельствамъ времени. Герцеговинцы отказались отъ уступокъ, слишкомъ поздно предлагаемыхъ имъ; Англія рѣшительно не согласилась на этотъ разъ принять участіе въ новомъ соглашеніи. „Times“ полагаетъ, что англійскому правительству было извѣстно, съ какою будто трудомъ это соглашеніе состоялось и какъ мало за нимъ твердой рѣшимости привести его въ исполненіе. Соглашеніе это, по мнѣнію Англіи, въ одно и то же время и нарушаетъ принципъ независимости Турціи,

и не заключаетъ въ себѣ практическихъ средствъ для осуществленія предлагаемаго. Въ первый разъ Англія присоединилась къ державамъ по желанію самой Порты; нынѣ предлагается нѣчто похожее на ультиматумъ Портѣ, нѣчто, имѣющее цѣлью понудить Порту къ согласію, а потому Англія сочла себя въ правѣ уклониться отъ этого второго шага, хотя въ первомъ и принимала участіе. Но это еще не все. Не указывая иныхъ средствъ понужденія Турціи, кромѣ дипломатическихъ, нынѣшнее соглашеніе, какъ и первое, не представляетъ для Турціи серьезной опасности. Отъ нея требуютъ слишкомъ много въ смыслѣ жертвъ достоинства и независимости, и вѣсть не угрожаютъ ей дѣйствительными мѣрами понужденія. На основаніи всего этого англійское правительство, полагаятъ, сочло возможнымъ уклониться отъ оказанія поддержки такому предложенію, и даже Порта, сколько доселѣ извѣстно, сама рѣшается отвѣчать на ультиматумъ отказомъ. Чтб же должно послѣдовать? Вотъ „тогда-то,—по замѣчанію Джона Лемуана,—и представятся затрудненія, и общее дѣйствіе окажется труднѣе общаго соглашенія“.

Текстъ новаго соглашенія пока неизвѣстенъ. Судить о немъ по берлинскимъ телеграммамъ о полномъ единодушіи и по замѣчаніямъ графа Андраши въ делегаціяхъ, въ сущности упоминавшихъ также только о полномъ единодушіи, мы не можемъ. Но у насъ есть два отрицательныхъ признака свойствъ соглашенія. Графъ Дерби сказалъ въ палатѣ лордовъ, что, по его мнѣнію, „предлагаемыя средства не таковы, чтобы они могли привести къ цѣли“. Съ другой стороны, графъ Андраши заявилъ, что военнаго занятія какой-либо части турецкой территоріи не предполагается. Этого совершенно достаточно, чтобы дать вѣру тѣмъ частнымъ сообщеніямъ, въ которыхъ объясняется, что путь для осуществленія реформъ, указанный въ Берлинѣ, представляется только въ заключеніи перемирія, и единственнымъ средствомъ понужденія по отношенію къ Портѣ является только угроза признать за инсургентами права „воюющей стороны“. Что касается самаго свойства уступокъ, требуемыхъ отъ султана, то предъявляется все та же нота Андраши, но съ „гарантією“, то-есть съ замѣной смѣшанной комиссіи изъ христіанъ и мусульманъ европейскою конференціей, для наблюденія за исполненіемъ реформъ. Требованія эти Турціи могутъ показаться чрезмѣрными, такъ какъ они создаютъ положительное вмѣшательство во внутреннія ея дѣла; инсургентамъ они покажутся, по нынѣшнему положенію дѣлъ, недостаточными, а сверхъ того опасными, такъ какъ легко можетъ случиться, что въ теченіе перемирія не успѣютъ осуществить реформы, или хотя организовать дѣйствія конференціи, а между тѣмъ время для ихъ военныхъ дѣйствій будетъ упущено.

По свѣдѣніямъ „Times“, въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ были будто въ виду совершенно инныя комбинаціи, гораздо болѣе приближавшіяся къ полному разрѣшенію восточнаго вопроса, но не было принято неизмѣннаго рѣшенія на нихъ настаивать; а между тѣмъ графъ Андраши, отправляясь въ Берлинъ, долженъ былъ дать представителямъ венгерской національной партіи обѣщаніе самымъ рѣшительнымъ образомъ охранять неприкосновенность турецкой имперіи. Въ Берлинѣ почва оказалась благопріятнѣе для видовъ гр. Андраши, чѣмъ для взглядовъ русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, и, подѣ влияніемъ Германіи, за основу новаго соглашения была принята та же нота Андраши, но русской дипломатіи предоставлено было указать на средства къ осуществленію реформъ, и вотъ „австрійскій проектъ въ русской редакціи“ и явился плодомъ берлинскихъ переговоровъ. Какъ бы то ни было, но политики сомнѣваются, чтобы новое соглашеніе имѣло болѣе успѣха, чѣмъ прежнее, хотя первоначальныя телеграммы и придавали ему необыкновенную важность, даже смыслъ одного изъ тѣхъ событий, которыя измѣняютъ положеніе дѣлъ въ Европѣ. Впрочемъ, мы никакъ не принадлежимъ къ числу тѣхъ публицистовъ, которые считаютъ себя прозорливѣе европейской дипломатіи. Князь Бисмаркъ однажды высказалъ одному наблюдателю мнѣніе лестнаго, но весьма-отрезвляющаго свойства: „вы, можетъ быть, умнѣе меня, но я знаю то, чего вы не знаете,—и въ этомъ моя сила“. Противъ этого нельзя спорить. Посторонній наблюдатель можетъ знать то, что знаетъ князь Бисмаркъ, но только *im Grossen und Ganzen*; а этого слишкомъ недостаточно для вѣрнаго сужденія о данномъ политическомъ моментѣ, въ которомъ величины, намъ неизвѣстныя, могутъ являться съ такими показателями, что уравненіе въ значительной степени измѣняется, и рѣшить его невозможно тѣми простыми приемами, которые мы имѣемъ въ умѣ.

Итакъ, мы охотно допускаемъ, что если берлинское соглашеніе окажется недостаточнымъ, то это будетъ зависѣть не отъ одного безсилія трехъ различныхъ интересовъ создать общее дѣйствіе. Легко можетъ быть, что три министра создавали эту комбинацію, зная, что она ни къ чему привести не можетъ, но все же имѣли при этомъ каждый свою цѣль. Австрію удовлетворяетъ *status quo* въ Турціи, и ей нѣтъ повода создавать дѣйствительнаго средства къ его измѣненію; чѣмъ меньше будетъ сдѣлано дипломатіею, тѣмъ съ австрійской точки зрѣнія лучше. Предполагая себя на мѣстѣ нашихъ дипломатовъ, мы были бы убѣждены, что Турція должна распасться, что всевозможныя комбинаціи могутъ служить только палліативами, отсрочивающими ея распаденіе, и что отсрочивать его нѣтъ нужды,

такъ какъ настоящее время благоприятнѣе много для того, чтобы такой фактъ могъ совершиться безъ европейской войны; стало бытъ, не мы стали бы горевать о недостаточности новѣйшаго соглашенія. Наконецъ, прусское правительство можетъ въ сущности имѣть взглядъ близкій къ сейчасъ изложенному, но не желать, чтобы status quo существенно измѣнился на Востокѣ, въ пользу Россіи, безъ того, чтобы status quo измѣнился и на Западѣ, въ пользу Германіи. Если это такъ, то прусское правительство можетъ чувствовать болѣе влеченія къ Россіи, чѣмъ къ Австріи, и все-таки въ настоящемъ случаѣ поддерживать Австрію противъ Россіи. Пруссія, быть можетъ, предпочла бы двойственный союзъ съ Россіею нынѣшнему согласію трехъ имперій. Но пока она не заручится со стороны Россіи такими обѣщаніями или уступками, которыя—будемъ надѣяться—никогда ей даны не будутъ, она будетъ настаивать на тройственномъ союзѣ, на „единодушій трехъ имперій“—залогѣ мира въ Европѣ, и въ этомъ союзѣ будетъ всегда поддерживать Австрію противъ Россіи, а посредствомъ Россіи будетъ всегда держать Австрію совершенно въ своихъ рукахъ, почти въ полномъ себѣ подчиненіи, какъ оно и естъ со времени управленія Андраши. При такомъ положеніи дѣлъ, нынѣшнее соглашеніе въ Берлинѣ могло служить для прусскихъ дипломатовъ только новымъ случаемъ доказать Россіи невозможность для нея подвинуть восточный вопросъ къ рѣшенію безъ серьезныхъ уступокъ съ ея стороны въ пользу Германіи. Нельзя не признать, что если весной прошлаго года преобладающая роль въ Европѣ выпала на долю Россіи, которая отвратила отъ Франціи великую опасность, то нынѣшней весной преобладающая роль возвратилась къ Германіи. Объ ея согласіи наиболѣе старались двѣ другія стороны, и рѣшеніе ея было благоприятнѣе для Австріи, чѣмъ для Россіи. Non possumus—ловунгъ, который князь Бисмаркъ заимствовалъ у главнаго предмета своихъ антипатій—въ его устахъ, какъ и въ устахъ Нія IX, означаютъ: non volumus!

Но если внѣшняя политика прусскаго правительства и сама и можетъ сдѣлать новаго шага къ установленію окончательнаго и вѣчнаго преобладанія на западѣ Европы безъ согласія Россіи, за то никакіе дипломатическіе акты прежняго времени не стѣсняютъ вѣстойчивыхъ мѣръ того же правительства къ германизациіи не-германскихъ областей прусскаго королевства, и въ этомъ стремленіи оно встрѣчаетъ полную поддержку національно-либеральной партіи и принадлежащихъ къ ней услужливыхъ историковъ, каковы Зибель и Трейшicke. Въ истекшемъ мѣсяцѣ, въ прусской палатѣ депутатовъ окончательно прошелъ проектъ закона, въ силу котораго даже для сельскихъ старостъ всѣхъ мѣстностей королевства, въ томъ числѣ

Познани, прусской Силезии, восточной Пруссии и сѣвернаго Шлезвига, нѣмецкій языкъ становится обязательнымъ должностнымъ языкомъ и, въ случаяхъ ихъ незнакомства съ нимъ, требуется особое разрѣшеніе начальства для употребленія языка мѣстнаго, и то лишь на 20 лѣтъ. Вотъ главныя постановленія этого закона: „Нѣмецкій языкъ служить единственнымъ языкомъ дѣлопроизводства (ausschliessliche Geschäftssprache) всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, должностныхъ лицъ лицъ и политическихъ корпорацій государства. Письменное съ ними сношеніе производится на языкѣ нѣмецкомъ. Въ случаяхъ неотлагательности (in dringenden Fällen) могутъ быть принимаемы отъ частныхъ лицъ письменныя заявленія, составленныя на другомъ языкѣ. Вообще же, въ случаѣ непринятія таковыхъ, они возвращаются съ приглашеніемъ (Anheimstellung) подать ихъ снова, но изложенными на нѣмецкомъ языкѣ. Въ продолженіи, ни въ какомъ случаѣ, не болѣе 20-ти лѣтъ со дня вступленія въ силу настоящаго закона, употребленіе чуждаго (fremden) языка рядомъ съ нѣмецкимъ можетъ быть дозволяемо въ отдѣльныхъ округахъ или частяхъ округовъ государства собственно въ устномъ отправленіи служебной дѣятельности и протоколахъ училищныхъ начальствъ, а равно общинныхъ и окружныхъ представительствъ, общинныхъ собраніяхъ и представительствахъ прочихъ муниципальных сословій,—но не иначе какъ особымъ королевскимъ разрѣшеніемъ. Въ продолженіи того же срока, съ разрѣшенія уѣзднаго начальства можетъ быть дозволяемо незнающимъ нѣмецкаго языка должностнымъ лицамъ сельскихъ обществъ, а съ разрѣшенія апелляціоннаго суда—незнающимъ нѣмецкаго языка судебнымъ войтамъ и опекунамъ представлять ихъ officialныя донесенія и объясненія на языкѣ имъ извѣстномъ“.

Какъ извѣстно, единственнымъ поводомъ къ жалобамъ, которыми всѣ нѣмецкія общества, всѣ германскіе либералы, всѣ ученые и газеты въ Германіи наполняли Европу въ теченіи тридцати лѣтъ, по отношенію къ Шлезвигу, были старанія датскаго правительства дать датскому языку преобладаніе надъ нѣмецкимъ, и шедшее одновременно съ этимъ—замѣщеніе нѣмецкихъ чиновниковъ, не знавшихъ датскаго языка—датчанами. Теперь прусскіе либералы, и во главѣ ихъ профессоръ Зибель, говорившій въ палатѣ въ полномъ согласіи съ г. Эгиди, бывшимъ директоромъ бюро по дѣламъ печати, однимъ закономъ устанавливаютъ въ Шлезвигѣ порядокъ, до котораго датское правительство не достигло и десятками лѣтъ стараній.

Скажутъ, какое намъ дѣло до того, что прусскіе либералы противорѣчатъ себѣ, и до того, на какомъ языкѣ будутъ выражаться училищныя начальства и даже сельскіе старосты въ Шлезвигѣ и Познани. Намъ до этого собственно дѣла и нѣтъ. Но мы привели

слышать самые энергическіе протесты со стороны нѣмецкой печати, какъ только заходитъ рѣчь о возможности отміны острѣйшихъ привилегій. Мы не обрусители даже въ томъ смыслѣ, какъ Зибель—германизаторъ. Намъ казалось бы даже бесполезнымъ объявлять городскія и сельскія общества балтійскихъ губерній не употреблять во внутреннемъ и устномъ дѣлопроизводствѣ иного языка, кромѣ русскаго, и превращать мѣстныя школы, хотя бы и самый университетъ, въ школы русскія, какъ то сдѣлано въ Пруссіи, въ смыслѣ германизации. Но до этого у насъ вѣдь такъ далеко, что объ этомъ даже и вопроса нѣтъ. Не знаемъ, какъ теперь, но весьма недавно магистраты возвращали губернаторамъ предписанія, написанныя по-русски, а что нѣмецкое общинное учрежденіе не приметъ просьбы русскаго, написанной по-русски, и теперь, это едва ли подлежитъ сомнѣнію. Вотъ эта-то исключительность, эти вѣчныя ссылки на нѣмецкой печати (да и въ печати ли только?) на привилегіи, и осящуются во всей ихъ несостоятельности новѣйшимъ прусскимъ закономъ.

Права сѣвернаго Шлезвига и Познани на „національныя учрежденія“ имѣли юридическія основны никакъ не менѣе ясныя, но болѣе цѣльныя и болѣе современныя, чѣмъ балтійскія привилегіи. Сѣверный Шлезвигъ—Пруссія, не далѣе какъ 10 лѣтъ тому назадъ, формально обязалась международнымъ трактатомъ возвратить Дани въ случаѣ заявленія въ этомъ смыслѣ воли населенія. „Національныя учрежденія“ Познани гарантированы постановленіями вѣйскаго трактата 1815 года, неприкосновенность языка обезпечена была королевскою прокламаціею о присоединеніи Познани къ Пруссіи и подтверждаема другими королевскими повелѣніями. Это была законность, если не болѣе полная, чѣмъ балтійская, то ужъ ни въ какомъ случаѣ не уступавшая послѣдней по силѣ. А между тѣмъ, что читали мы нынѣ въ отчетѣ о преніяхъ прусскаго ландтага? Такъ, депутатъ Вельтеръ, говорившій за принятіе закона, высказался такъ: правда, что королевская прокламація при присоединеніи великаго герцогства познанскаго обезпечивала жителямъ его какъ нѣкоторую государственную самостоятельность, такъ и право неограниченнаго употребленія мѣстнаго языка (*Berechtigung des vollsten Sprachgebrauches*); но неужели же эта прокламація можетъ сохранять обязательную для законодательства силу на всѣ времена? Это какъ будто буквально взято изъ мѣстной, выражаемыхъ нашей печатью о значеніи балтійскихъ привилегій въ настоящее время. И замѣтимъ, что если для окончательной отміны мѣстныхъ правъ Познани и сѣвернаго Шлезвига прусское правительство и прусскій сеймъ признали достаточною 60-тилѣтнюю и даже 10-тилѣтнюю давность, то что

же сказать о давности 170-лѣтней, которая покрываетъ своей пылью остзейскія привилегіи. Все устройство Европы за это время измѣнилось: произошла французская революція, дважды пали Бурбоны, исчезла римско-германская имперія, возникла новая имперія въ Германіи, Россія изъ Московіи превратилась въ первостепенное европейское государство, наслѣдіе перешло къ другому царствующему дому, и среди всѣхъ этихъ перемѣнъ одно осталось неприкосновеннымъ — остзейскія привилегіи. Какой же политикѣ слѣдуютъ въ Пруссіи относительно такихъ привилегій? Тамъ, какъ мы видѣли, говорятъ: „неужели привилегіи могутъ сохранять обязательную силу для законодательства на всѣ времена“? Мы совѣтуемъ нѣмецкимъ публицистамъ помнить эти слова всякій разъ, когда они берутъ на себя трудъ судить и рѣшить о дѣлахъ сосѣдей.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

24/12 мая, 1876.

ИЗЪ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ЖИЗНИ ВЪ ПРУССІИ.

Важнѣйшимъ изъ событій текущаго мѣсяца была, конечно, такъ-называемая *конференція трехъ канцлеровъ* въ Берлинѣ. Но я не намеренъ присоединять собственныя предположенія къ безчисленнымъ догадкамъ, порожденнымъ этой конференціей, съ ея дипломатической тайной; еще менѣе стану повторять то, что писано о ней въ газетахъ. Наша парламентская жизнь и внутренняя политика представляли за это время такой животрепещущій интересъ, что я позволю себѣ потому прямо перейти къ нимъ.

Начну съ самаго виднаго и крупнаго факта, — съ отставки бывшаго президента имперскаго канцлерства, Дельбрюка. Новость эта поразила всѣхъ и возбудила пропасть слуховъ и предположеній, которые всѣ сводились къ тому, что Бисмаркъ и Дельбрюкъ разошлись во взглядахъ на желѣзно-дорожный вопросъ и на всю экономическо-политическую систему, въ которой должна произойти перемѣна, причемъ слѣдуетъ ожидать реакціи. Хотя Дельбрюкъ не принадлежитъ ни къ какой политической партіи, но онъ былъ всю свою жизнь рѣшительнымъ приверженцемъ свободы торговли, и не ошибаются тѣ, кто считаетъ, что и въ политикѣ онъ болѣе симпатизируетъ умѣреннымъ либераламъ, въ то время какъ Бисмаркъ лишь по неволѣ

никотъ поддержки либераловъ и готовъ отвернуться отъ нихъ при первой возможности, чтобы броситься въ объятія консерваторовъ. Что касается политическихъ взглядовъ на торговлю и промышленность, то Бисмаркъ отличается тутъ отъ Дельбрюка въ томъ отношеніи, что смотритъ на послѣднія съ обще-политической точки зрѣнія, а Дельбрюкъ видитъ въ нихъ нѣчто самостоятельное. Дельбрюкъ считаетъ свободу торговли догматомъ, отъ котораго не слѣдуетъ отступать ни при какихъ условіяхъ, а Бисмаркъ не задумается пробить брешь въ системѣ, если усмотритъ въ этомъ какую-нибудь политическую выгоду. Но это различіе мнѣній всегда существовало и до сихъ поръ не приводило къ столкновеніямъ; всѣ привыкли считать обоихъ дѣятелей неразлучными. Два обстоятельства особенно усложняли это событіе: во-первыхъ, то, что отставка состоялась незадолго до открытія преній въ палатѣ депутатовъ по желѣзно-дорожному вопросу, а во-вторыхъ, что императоръ, по всѣмъ сообщеніямъ, принялъ отставку безъ всякихъ околичностей, тогда какъ въ другихъ случаяхъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы удержать на государственной службѣ людей, которыхъ считаетъ полезными. Официально, конечно, было объявлено, что Дельбрюкъ удаляется по причинѣ разстроеннаго здоровья; Бисмаркъ напиралъ на этомъ въ палатѣ и прибавилъ, что относительно желѣзно-дорожнаго вопроса между нимъ и Дельбрюкомъ не существуетъ никакого разногласія. Но, конечно, никто этому не повѣрилъ. Можетъ быть, Дельбрюкъ сослался на разстроенное здоровье, выходя вѣ отставку, но всѣ того мнѣнія, что между нимъ и Бисмаркомъ оказалось такъ разномысліе, которое показало обоимъ, что дальнѣйшее совмѣстное дѣйствіе для нихъ невозможно. Публикѣ особенно трудно повѣрить, чтобы здоровье играло какую-нибудь роль въ отставкѣ Дельбрюка. Ему хота уже около шестидесяти лѣтъ, но онъ необыкновенно бодрый и крѣпкій человѣкъ; каждое лѣто обходитъ онъ пѣшкомъ Швейцарію, и извѣстенъ тамъ, какъ неутомимый ходокъ по горамъ. Никто не запомнитъ, чтобы онъ когда-нибудь былъ боленъ, и не далѣе, какъ годъ тому назадъ, онъ женился, причемъ тотчасъ же послѣ свадьбы уѣхалъ съ женой въ Парижъ, гдѣ, повидимому, велъ очень оживленную и веселую жизнь, если судить по отзывамъ газетъ, которые постоянно сообщали о посѣщеніи имъ различныхъ празднествъ, театровъ и засѣданій версальскаго національнаго собранія. Во всякомъ случаѣ, отставка Дельбрюка—тяжелая утрата для Германіи, потому что онъ былъ однимъ изъ выдающихся типовъ прусскаго администратора, оказавшаго этому государству весьма важныя услуги. Только въ послѣднее время, а именно, послѣ изданія исторіи таможеннаго союза, Вебера, и сочиненія Тречке, о первыхъ порахъ германскаго

таможеннаго союза, пролить свѣтъ на то, что совершено было въ эпоху затихша, наступившую съ 1815—1848 г., цѣлымъ рядомъ выдающихся личностей, каковы министры: Клевизъ, Моцъ, Масенъ, а затѣмъ Леопольдомъ Кюне, въ сферѣ промышленности и торговли. Дельбрюкъ былъ ученикомъ послѣдняго. Онъ родился въ 1817 г., изучалъ право въ Галле, Геттингенѣ и Берлинѣ, а въ 1844 г. поступилъ въ только-что учрежденный департаментъ торговли. Въ этомъ торговомъ департаментѣ, во главѣ котораго стоялъ фонъ-Рёйне, царствовали протекціонистскія тенденціи; первымъ его дѣломъ было созваніе собранія нотаблей промышленности, которымъ предложены были цѣлый рядъ протекціонистскихъ законовъ, за которые стояло министерство. Такъ какъ Дельбрюкъ не противодействовалъ этимъ стремленіямъ, то надо предположить, что онъ тогда еще держался охранительной системы торговли. У него, слѣдовательно, произошелъ такой же переворотъ во мнѣніяхъ, какъ у Бисмарка въ сферѣ политической. Изъ торговаго департамента образовалось, въ 1848 г., министерство торговли, куда вступилъ Дельбрюкъ. Революціонный годъ снова оживилъ движеніе, благопріятное охранительной системѣ, и приверженцамъ свободы торговли приходилось такъ плохо, что Кюне вышелъ въ отставку. Дельбрюкъ однако остался, и въ 1850 г. вступилъ впервые, какъ правительственный комиссаръ, въ палату, и съ этихъ поръ постоянно оставался вѣренъ системѣ свободной торговли. Развитіе нѣмецкой торговой политики отмѣчено было договоромъ, отъ 1 сентября 1851 г., съ Ганноверомъ, о присоединеніи Ганновера и пограничныхъ государствъ къ таможенному союзу, причемъ Пруссія одержала побѣду надъ государствами, которыми руководила Австрія. То же самое повторилось и при германско-французскомъ торговомъ договорѣ 1872 г. Съ тѣхъ поръ Германія далеко ушла на пути торговыхъ договоровъ, и большинство изъ нихъ составлено Дельбрюкомъ. Предшественники Дельбрюка имѣли за себя или, скорѣе, противъ себя бюрократическую тайну; Дельбрюкъ же—парламентскій дѣятель до конца ногтей. Онъ не принадлежитъ собственно къ блестящимъ ораторамъ, но его глубокія познанія, его невѣроятная память, изумительная ясность его мыслей обезпечивали ему вниманіе собранія.

Если что-нибудь могло усилить сомнѣніе въ томъ, что не разстроенное здоровье обуславливаетъ отставку Дельбрюка, такъ это то обстоятельство, что для него уже былъ *in petto* преемникъ, назначеніе котораго произвело почти такое же изумленіе, какъ и отставка его предшественника. Преемникъ Дельбрюка есть не кто иной, какъ гессенскій министръ-президентъ Гофманъ, слѣдовательно, не только не пруссакъ, но въ былое время ярый противникъ прусской

политики вообще, а политики Бисмарка въ особенности. Какъ бы то ни было, но въ послѣднее время Гофманъ сумѣлъ установить весьма дружескія отношенія между Гессеномъ и Пруссіей, и на послѣднемъ рейхстагѣ весьма смѣло защищать одну статью уголовного кодекса, которой Бисмаркъ, какъ извѣстно, придавалъ весьма важное значеніе. Но какъ разъ это самое обстоятельство еще сильнѣе усложняетъ дѣло, такъ какъ поддерживаетъ подозрѣнія, что Бисмаркъ намѣренъ придать болѣе консервативное направленіе ходу дѣлъ, и поэтому ищетъ себѣ въ помощники менѣе либеральнаго человѣка, чѣмъ Дельбрюкъ.

Нельзя отрицать, что въ образѣ дѣйствій Бисмарка многое ясно, и это до нѣкоторой степени оправдываетъ различныя опасенія. Въ послѣдніе три мѣсяца упорно держится слухъ, что канцлеръ работаетъ надъ образованіемъ новой консервативной правительственной партіи, и хотя не существуетъ доказательствъ, что таково его намѣреніе, но, съ другой стороны, не происходитъ ровно ничего такого, что могло бы доказать всему свѣту неосновательность подобныхъ предположеній. Можно сказать, что, при существующихъ обстоятельствахъ, въ этомъ нѣтъ надобности. Крайняя правая вполне порвалъ съ Бисмаркомъ, и дружелюбной правительственной партіей она не станетъ до тѣхъ поръ, пока Бисмаркъ стоитъ во главѣ управленія. За то національ-либеральная партія выказываетъ особенную стоворчивость и пріязнь относительно правительства. Она вмѣстѣ съ тѣмъ самая сильная изъ всѣхъ партій въ странѣ, и навѣрное еще долгое время останется таковой. Въ Пруссіи въ настоящее время неизбежно существованіе различныхъ партій, потому что въ странѣ существуютъ элементы для нихъ. Желательное во всякомъ случаѣ объединеніе партій будетъ возможно лишь тогда, когда умѣренные національ-либералы, т.-е. $\frac{4}{5}$ этихъ партій образуютъ ядро правительственной и консервативной партіи. При этомъ необходимо, разумѣется, еще и то, чтобы нѣкоторые изъ ихъ вождей вступили въ министерство. Въ настоящее же время они не только устранены отъ него, но даже тщательно устраняются отъ всѣхъ правительственныхъ должностей, и, поистинѣ, можно дивиться ихъ терпѣнію или ихъ патріотизму, потому что одного ихъ голосованія достаточно бы было, чтобы дать почувствовать Бисмарку ихъ силу и значеніе. Многие думаютъ, что имъ даны относительно будущаго извѣстныя обѣщанія, и такъ какъ Бисмаркъ весьма серьезно указалъ на тотъ моментъ, когда министерство будетъ набираться изъ рядовъ прогрессивной партіи, то надо предположить, что еще раньше будетъ оно замѣщено національ-либералами. Съ своей стороны, реакціонеры, повидимому, совершенно убѣждены, что прежде всѣхъ овладѣютъ кормиломъ правленія, и раз-

считываютъ при этомъ на неблагоприятныя матеріальныя условія, въ какихъ находится въ данную минуту страна. Подобныя явленія можно такъ же легко переоцѣнить, какъ и не дооцѣнить. Какъ бы то ни было, имѣются и такіе факты, которые ясно доказываютъ, что общественное настроеніе стало консервативнѣе, за то національ-либералы увѣряютъ, что, по наведеннымъ ими справкамъ, ближайшіе выборы отнюдь не должны ослабить ихъ ряды. Поживемъ, увидимъ.

Тревожное настроеніе общественнаго мнѣнія, уже ясно выразившееся по случаю отставки Дельбрюка, еще усилилось въ послѣдніе дни, благодаря слуху о томъ, что министръ финансовъ и вице-президентъ государственнаго совѣта Кампгаузенъ подалъ въ отставку. Между министрами одинъ Кампгаузенъ слыветъ конституціоннымъ дѣтелемъ въ истинномъ значеніи этого слова, такъ какъ въ своемъ образѣ дѣйствій онъ въ самомъ дѣлѣ сообразуется съ конституціонными началами, т.-е. считаетъ необходимымъ имѣть на своей сторонѣ большинство палаты, и въ томъ случаѣ, когда бы это большинство ему измѣнилось, немедленно отказался бы отъ портфеля. Слухи носились, что должна произойти перемѣна въ торговой политикѣ, которой Кампгаузенъ не сочувствуетъ. Хотя это и не подтвердилось, однако въ этихъ слухахъ было, должно быть, нѣчто справедливое. Говорятъ, что между Кампгаузеномъ и Бисмаркомъ вышло разногласіе, касательно руководства прусскими голосами, которое до сихъ поръ принадлежало президенту имперскаго канцлерства. Какого мнѣнія былъ объ этомъ Бисмаркъ и какого Кампгаузенъ — до сихъ поръ еще не выяснилось. Утверждаютъ только, что воззрѣнія Бисмарка взяли верхъ и что новый президентъ имперскаго канцлерства руководить также и прусскими голосами, но выстѣ съ тѣмъ назначается членомъ прусскаго государственнаго совѣта. Изъ этого объясненія явствуется, что Кампгаузенъ былъ противнаго мнѣнія и что объ стороны сдѣлали уступки, такъ какъ нельзя допустить, чтобы Кампгаузенъ согласился бы просто-на-просто склониться передъ предписаніями Бисмарка. Никто, собственно говоря, не можетъ возмущаться тѣмъ, что уроженецъ Гессена руководить прусскими голосами, съ тѣхъ поръ какъ германская имперская конституція постановила принципъ общаго германскаго подданства, такъ что каждый нѣмецъ въ каждомъ нѣмецкомъ государствѣ можетъ занимать общественную должность, безъ всякой предварительной „натурализаціи“. Само собою разумѣется, что какъ только этотъ новый принципъ приводится въ исполненіе на практикѣ, такъ весь старый, закоренѣлый партикуляризмъ всплываетъ при этомъ наружу; но партикуляризмъ долженъ быть искорененъ въ конецъ, если хотять, чтобы единство Германіи осуществилось на самомъ дѣлѣ. Чтобы уразумѣть это, у

Кампгаузена хватить ума, а поэтому мало вѣроятно, чтобы разногласіе между нимъ и Бисмаркомъ произошло на этомъ пунктѣ. Къ сожалѣнію, несомнѣнно, что Бисмаркъ, за которыми насчитываются несомнѣнно очень большія услуги, все больше и больше изолируется. Паденіе Дельбрюка посѣяло обильныя сѣмена глубокаго недовѣрія, которое легко можетъ привести къ тому, что мелкіе умы изъ ненависти къ преобладанію Бисмарка, которое онъ и даетъ чувствовать, станутся противъ него. А слабыхъ сторонъ открывается не мало. Вы знаете, какъ неудачно окончилось его нападеніе на „Крестовую Газету“. Онъ ясно высказалъ, что безчестно подписываться на „Крестовую Газету“. Послѣ этого не только пятьсотъ человѣкъ, но болѣея части изъ землевладѣльцевъ-дворянъ Мархіи и Помераніи, объявили, что, несмотря на заявленія князя Бисмарка, будутъ продолжать подписываться на „Крестовую Газету“, но еще у этой послѣдней явились новые подписчики. Въ числѣ этихъ, такъ-называемыхъ „декларантовъ“ оказалось случайно не менѣе 13-ти жителей маленькаго городка Вернигероде, на Гарцѣ. Это совсѣмъ ненормальное отношеніе объясняется тѣмъ, что въ этомъ хорошенькомъ городкѣ живетъ очень много отставныхъ офицеровъ и чиновниковъ на пенсіи, въ средѣ которыхъ реакція главнымъ образомъ набираетъ своихъ приверженцевъ. Это обстоятельство произвело сенсацію, и Бисмарку прислали былъ адресъ, въ которомъ говорится, что эти 13 декларантовъ отнюдь не могутъ считаться представителями общественнаго мнѣнія въ Вернигеродѣ. Подъ этимъ адресомъ подписалось слишкомъ 1300 человѣкъ, и князь Бисмаркъ въ благодарственномъ отвѣтѣ высказываетъ свою радость, что число его друзей въ сто разъ превышаетъ число враговъ. Послѣднее выраженіе крайне неудачно и напоминаетъ о временахъ абсолютной монархіи или о младенческой эпохѣ конституціонной жизни, когда монархи считали каждого, кто позволялъ себѣ какую-бы то ни было оппозицію противъ политики правительства, своимъ личнымъ врагомъ. Конечно, у князя Бисмарка есть враги, но тѣхъ, кто противодѣйствуетъ его политикѣ, онъ не имѣетъ права называть врагами, а только противниками, пока они не прибѣгаютъ къ неблаговиднымъ мѣрамъ, какъ, напримѣръ, къ интригѣ.

Эти слабости князя Бисмарка самымъ ревностнымъ образомъ имъ черкуются его противниками. Одна здѣшняя газета, основанная княземъ Путбусомъ съ тою цѣлью, чтобы отомстить за него депутату Ласкеру: „Deutsche Eisenbahnzeitung“, въ которой сотрудничаютъ къ недовольные, въ каждомъ номерѣ осмѣиваетъ Бисмарка самыми горькими насмѣшками; но еще, быть можетъ, ядовитѣе другая анонимная брошюра: „Національ-либеральная партія, національ-либеральная пресса и высшее джентльменство“. Авторомъ ея считаютъ сотрудника на-

националь-либеральной „Кёльнской Газеты“, Рейтера, и въ теченіи нѣсколькихъ недѣль она выдержала уже три изданія. Въ этомъ сочиненіи критикуется поведеніе національ-либеральной партіи. Националь-либеральная партія, говорится тамъ между прочимъ, терпитъ, чтобы вся отвѣтственность за политическое и социальное состояніе дѣлъ падала на нее, причемъ ее старательно удаляютъ отъ управленія дѣлами. Она допускаетъ, чтобы органы правительства грубо оскорбляли ее за то, что она исполняетъ свои обязанности, если при этомъ имѣетъ несчастье не угодить правительству. Она допускаетъ, чтобы имперскій канцлеръ присылалъ, для переговоровъ съ собраніемъ, состоящимъ главнымъ образомъ изъ ея членовъ, въ качествѣ своего представителя, личность съ замаранной репутаціей (подъ этимъ подразумѣвается тайный совѣтникъ Вагенеръ). Она терпитъ такіа сцены, какія уже неоднократно позволялъ себѣ имперскій канцлеръ въ рейхстагѣ; она спокойно переноситъ отмѣну ея рѣшеній и при этомъ допускаетъ называть себя правительственной партіей. Она дозволяетъ, чтобы имперскій канцлеръ время отъ времени пояснялъ ей свои отношенія и высказывалъ, что смотреть на нее, какъ на лимонъ, который выбросить, когда выдавить изъ него весь сокъ. Есть только одинъ случай, когда подобное поведеніе можно допустить съ честью: это, если бы дѣло шло о спасеніи или о существованіи отечества, и единственный человѣкъ, могущій его спасти, поставилъ бы условіемъ жертву для дѣла, и при этомъ имѣлъ бы безтактность потребовать еще и личныхъ жертвъ. Но дѣло стоитъ не такъ. Послѣ добровольнаго или вынужденнаго удаленія отъ дѣлъ канцлера, германская имперія не спустится ни одной ступенью ниже того мѣста, какое завоевала себѣ среди народовъ собственными силами. Националь-либеральная партія, которая или открыто высказываетъ противное, или подтверждаетъ всѣмъ своимъ поведеніемъ, что думаетъ иначе, оскорбляетъ Германію и доказываетъ свою глупость. И такое же точно глупостью и такимъ же оскорбленіемъ Германіи являются усилія убѣдить народъ въ томъ, что ради „культурной борьбы“ слѣдуетъ прощать всѣ деспотическія попятныя канцлера; что будто бы безъ него народъ не сумѣетъ освободиться отъ римскаго ига, и что „наградой“ за это освобожденіе должно быть безпрекословное повиновеніе канцлеру. Участіе, какое принималъ канцлеръ въ основаніи Германской имперіи, какъ оно ни велико само по себѣ, ничтожно сравнительно со всѣми другими силами, содѣйствовавшими той же цѣли, и еще ничтожнѣе сравнительно съ тѣми, которыя обезпечиваютъ прочность и славу имперіи въ будущемъ. И если бы нѣмецкій народъ не могъ собственными силами освободиться отъ римскаго владычества, то онъ всего лучше поступилъ бы, воздержавшись

отъ культурной борьбы. И всѣ другія причины, приводимыя національ-либеральной партіей въ свое оправданіе, ничтожны. Возьмемъ хоть бы величіе самого человѣка; оно вовсе не такого рода, чтобы могло служить для партіи оправданіемъ. Князь Бисмаркъ — великій человѣкъ, но онъ представляетъ изъ себя типъ второкласснаго величія, благодаря противорѣчіямъ своего характера. Никакой истинно-великій человѣкъ не подверженъ такимъ деспотическимъ капризамъ, не бываетъ такъ нетерпимъ къ противорѣчію. Никакой истинно-великій человѣкъ не поощряетъ лакейской угодливости и лести, какъ это дѣлаетъ князь Бисмаркъ. Никакой истинно-великій человѣкъ не терпѣетъ до такой степени самообладанія подѣ влияніемъ личной опасности, въ особенности имѣя въ виду величественный примѣръ высокаго великодушія, съ какимъ императоръ Вильгельмъ простилъ молодого человѣка, покусившагося на его жизнь. Никакой истинно-великій человѣкъ не бьетъ лежачаго (подъ этимъ разумѣется графъ Арнимъ, относительно котораго, замѣчу мимоходомъ, выпущенъ приказъ объ арестѣ), и не станетъ разоблачать вещей, сообщенныхъ ему конфиденціально и которыя ничего не могутъ ему принести кромѣ упрека въ нескромности и даже самымъ положительнымъ образомъ высказаннаго обвиненія въ томъ, что онъ сдѣлалъ невѣрные показанія. При всей способности и умственной силѣ, Бисмарку недостаетъ той умственной стойкости, той многосторонности, при помощи которой великіе люди сохраняютъ свое духовное равновѣсіе и преслѣдуютъ свои цѣли, не поднимая жалобныхъ криковъ при всякомъ препятствіи и не требуя ежеминутно перемѣнъ въ законодательствѣ и новыхъ, исключительныхъ полномочій, съ помощью которыхъ даже и ничтожные люди могутъ въ теченіи нѣкотораго времени управлять государствомъ.

Вотъ чтó говорить брошюра. Ея слова могутъ служить, между прочимъ, для васъ доказательствомъ, что свобода печати не такъ уже сильно стѣснена, ибо брошюра расходуется безпрепятственно. Прогрессивная пресса прославляетъ сочинителя ея на всѣ лады, называетъ его новымъ Юніемъ и предлагаетъ даже поднять его на щитѣ здѣсь, въ Берлинѣ, на слѣдующихъ выборахъ.

Переходя теперь къ парламентскимъ событіямъ, я долженъ прежде всего упомянуть о принятіи обѣими палатами ландтага внесеннаго правительствомъ желѣзно-дорожнаго закона, который въ теченіи долгихъ мѣсяцевъ занималъ общественное вниманіе. Законъ самъ по себѣ коротокъ и ясенъ. Онъ даетъ правительству полномочіе пріобрѣсти, путемъ покупки, всѣ желѣзныя дороги, уже дѣйствующія и строящіяся, и принять на себя ихъ эксплуатацію и обязательства, съ ними связанныя.

Такимъ образомъ, этотъ законъ пока не что иное, какъ полномочіе, даваемое правительству для начатія переговоровъ. Эти переговоры могутъ начаться только теперь, и такъ какъ въ каждомъ договорѣ заинтересованы двѣ стороны и требуется согласіе обѣихъ, то все теперь будетъ зависеть отъ того, что предложитъ государство Пруссія германской имперіи, или чего потребуетъ эта послѣдняя отъ первой. Соглашеніе будетъ во всякомъ случаѣ не легко, такъ какъ уже теперь Саксонія, Баварія и Вюртембергъ объявили, что будутъ противиться всѣми силами даже передачѣ прусскихъ желѣзныхъ дорогъ въ вѣдѣніе государства.

Уже раньше я имѣлъ случай приводить доводы за и противъ передачи желѣзныхъ дорогъ въ вѣдѣніе государства. Въ Пруссіи не существуетъ какой-нибудь единичной желѣзно-дорожной системы. Въ ней есть государственныя дороги, частныя дороги, управляемыя ихъ владѣльцами, и частныя дороги, состоящія подъ управленіемъ государства. Послѣдними обыкновенно бываютъ тѣ, въ которыхъ замѣшаны крупныя финансовыя интересы государства, которые оно считаетъ болѣе обезпеченными при его собственномъ управленіи. Въ настоящую минуту въ одной Пруссіи существуетъ 60 дирекцій желѣзно-дорожныхъ обществъ и слишкомъ 1500 различныхъ фрахтовыхъ тарифовъ. Что разнообразіе этихъ послѣднихъ неудобно — съ этимъ можно согласиться, но съ другой стороны замѣчаютъ на это, что каждому промышленнику приходится знакомиться лишь съ незначительнымъ числомъ этихъ тарифовъ. Важнѣе, конечно, вопросъ о конкуренціи между различными желѣзными дорогами. Различныя общества постоянно проводили новыя линіи между центромъ монархіи и ея западной частью, чтобы выгадать ничтожное преимущество другъ передъ другомъ, и этимъ повредили не только интересамъ своихъ акціонеровъ, но и благосостоянію всего общества. Безъ сомнѣнія, дѣлая обзоръ желѣзнымъ дорогамъ и сообщенію по нимъ, придешь къ заключенію, что даже тѣ, которыя въ настоящее время кажутся лишними, черезъ какихъ-нибудь десятокъ два лѣтъ окажутся недостаточными вслѣдствіе увеличенія сообщенія, но все же можетъ быть и справедливо, что однородное, государственное управленіе окажется экономичнѣе. Во всякомъ случаѣ подобное однородное управленіе будетъ болѣе соответствовать стратегическимъ интересамъ, и разумѣется, это-то соображеніе и побудило высшія сферы стать за проектъ, хотя всѣмъ извѣстно было, какое сопротивленіе онъ встрѣтитъ въ средне-германскихъ государствахъ. Всего рѣшительнѣе вліяетъ на политическое обсужденіе этого вопроса то соображеніе, что государство приобретаетъ страшное вліяніе, благодаря тому, что ради его чиновниковъ поддерживаются новой арміей

въ 400,000 человекъ. Но пренія въ обѣихъ палатахъ почти не касались этого пункта: они вращались главнымъ образомъ вокругъ того, какое положеніе займутъ относительно проекта средне-германскія государства, и самый выдающійся изъ ораторовъ прогрессивной партіи, Евгений Рихтеръ, утверждалъ, что этотъ проектъ есть не болѣе, не менѣе какъ посягательство Пруссіи на германскую имперію. Ораторы, защищавшіе проектъ правительства, старались ослабить впечатлѣніе этого аргумента увѣреніями, что правительство отнюдь не думаетъ прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ, что оно рассчитываетъ вести самыя дружескіе переговоры; но что оно глубоко убѣждено въ необходимости предложенной имъ реформы. Особенно интереснымъ *intermezzo* была рѣчь министра земледѣлія, д-ра Фриденшталя, который въ этомъ случаѣ представлялъ интересы земледѣлія. Ближайшей точкой соприкосновенія этихъ интересовъ съ желѣзно-дорожными служатъ такъ - называемые „*Differentialtariffe*“, т.е. такіе тарифы, которые допускаютъ значительное пониженіе цѣнъ при перевозкѣ на дальнія разстоянія. Благодаря этимъ тарифамъ, возможно получать здѣсь хлѣбъ изъ Россіи, дунайскихъ княжествъ, Венгріи по такимъ дешевымъ цѣнамъ, что мѣстные земледѣльцы не могутъ конкурировать. Само собой разумѣется, что остальная часть населенія при этомъ выигрываетъ, поэтому вопросъ этотъ крайне затруднителенъ для рѣшенія, и министр земледѣлія видѣлъ исходъ для него въ томъ, что одно только правительство въ состояніи примирить столь противоположные интересы, потому что принимаетъ во вниманіе общность экономическихъ интересовъ страны. Одинаково вредно, чтобы въ странѣ развивалось земледѣліе въ ущербъ промышленности, и обратно. Гдѣ это случается, тамъ возникаютъ не только финансовыя затрудненія, но и нравы портятся: воцаряется грубость, путаница понятій, безнравственность, и задача государства заключается въ томъ, чтобы создать гармонію между всѣми интересами. Министръ, который, какъ извѣстно, выработалъ законы о самоуправленіи, развилъ очень остроумно цѣлую систему, въ силу которой рядомъ съ главными линіями желѣзныхъ дорогъ, находящихся въ вѣдѣніи государства, должны возникнуть еще и второстепенныя мѣстныя, которыя будутъ строиться и управляться провинціями; не надо быть особеннымъ оптимистомъ, чтобы надѣяться, что желѣзно-дорожное дѣло получить гораздо большее развитіе, чѣмъ теперь, и что мало-по-малу многія шоссежныя дороги замѣнятся желѣзными путями. Защита земледѣльческихъ интересовъ министромъ земледѣлія навлекла на него обвиненіе въ социализмѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ современныхъ условіяхъ сельскаго хозяйства лежитъ зародышъ возможности великой и глубокой реформы, чтобы не сказать

революціи. Названіе „аграріевъ“, которымъ обозначаютъ тѣхъ, кто утверждаетъ, что новое законодательство крайне вредно для земледѣльческихъ, т.-е. наиважнѣйшихъ интересовъ государства, раздается въ настоящее время почти такъ же часто, какъ и названіе социаль-демократъ, и соединеніе ихъ полно великаго значенія, такъ какъ интересы земледѣлія почти тѣ же, что и у нихъ. На своемъ знамени аграріи выставляютъ борьбу противъ индустріализма и капитала, т.-е. противъ двухъ силъ, царящихъ нынѣ, и такимъ образомъ помимо воли становятся союзниками социаль-демократовъ и увеличиваютъ общій переполохъ. Производство хлѣба мѣстными земледѣльцами для мѣстнаго потребленія постоянно ослабѣваетъ, по мѣрѣ того какъ улучшенныя пути сообщенія дали возможность другимъ странамъ найти здѣсь рынокъ для сбыта своихъ произведеній. Почва мало плодородна, измѣненныя способы хозяйства требуютъ большихъ капиталовъ и не могутъ быть введены въ практику безъ большихъ потрясеній. Въ послѣднее время цѣна на землю необыкновенно поднялась. Поэтому весьма возможна катастрофа, подобная тѣмъ двумъ, которыя уже переживала Пруссія въ нынѣшнемъ столѣтіи: въ первый разъ послѣ битвы при Іенѣ, когда вся страна разорилась, а второй разъ въ двадцатыхъ годахъ, вслѣдствіе сильнаго паденія цѣнъ на продукты. Я не могу далѣе распространяться объ аграрномъ движеніи. На предстоящихъ осенью выборахъ, въ которыхъ всѣ оппозиціонныя партіи уже теперь ревностно готовятся, лучше выяснится его характеръ, сила и программа. Небольшая фаланга аграріевъ, болѣе умѣреннаго оттѣнка, уже теперь засѣдаетъ въ палатѣ депутатовъ и уже неоднократно подавала поводъ къ очень рѣзкимъ сценамъ.

Торжество правительства въ дѣлѣ передачи желѣзныхъ дорогъ въ вѣдѣніе государства было полное. Законъ былъ принятъ въ палатѣ депутатовъ, при первомъ чтеніи, большинствомъ 206 противъ 165 голосовъ, при второмъ же — большинствомъ 216 противъ 160. Принятіе его въ палатѣ господъ послѣдовало нѣсколькими днями позже, при первомъ чтеніи большинствомъ 44 противъ 37, а при второмъ большинствомъ 60 противъ 31. Биржа, уже привѣтствовавшая паденіе Дельбрюка небольшимъ повышеніемъ, была въ высшей степени довольна принятіемъ желѣзно-дорожнаго закона, потому что она того мнѣнія, что при необыкновенно низкомъ курсѣ желѣзно-дорожныхъ акцій каждый толчокъ произведетъ улучшение. Уже нѣсколько недѣль тому назадъ правительство внесло законопроектъ, въ силу котораго оно уполномочивается заключить сдѣлку съ желѣзной дорогой Галле-Сорау-Габенеръ, въ настоящую минуту обанкротившейся. Эта желѣзная дорога, равно какъ и берлинская сѣверная дорога, построена въ эпоху

акціонерной горячки и мошеннических предпріятій, и имѣть важное стратегическое значеніе. Въ прошломъ году консерваторы изъ всѣхъ силъ старались побудить правительство спасти сѣверную дорогу, но правительство упорно отъ этого отказывалось, и нашла равнодушную поддержку въ либералахъ. На этотъ разъ правительство рѣшительно заявило себя въ пользу поддержки желѣзной дороги, и министръ финансовъ Кампгаузенъ объявилъ даже, что подастъ въ отставку, если проектъ будетъ отвергнутъ, чѣмъ поставилъ либераловъ въ очень затруднительное положеніе. Съ одной стороны, они не могли, не оказываясь непослѣдовательными, вотировать за законопроектъ, а съ другой—не могли желать паденія дружественнаго министра. Въ такой бѣдѣ нѣкоторые изъ нихъ принесли жертву и вотировали за законопроектъ, между тѣмъ какъ другіе, и главнымъ образомъ вожди, воздержались отъ подачи голоса, не принимали участія въ преніяхъ и блистали во время баллотировки своимъ отсутствіемъ. Консерваторы, которые въ силу прежняго своего отношенія должны были бы стоять за проектъ, тоже раздѣлились, и часть изъ нихъ, и именно аграріи, подали голосъ противъ проекта, который пропалъ, однако, слабымъ большинствомъ голосовъ, хотя до послѣдней минуты результатъ выборовъ былъ сомнителенъ.

Какъ и въ желѣзно-дорожномъ вопросѣ, такъ и во всѣхъ другихъ пунктахъ правительству особенно посчастливилось, и всѣ его законопроекты были до сихъ поръ приняты: такъ, напримѣръ, важный законъ объ организаціи евангелической церкви, такъ-называемое синодальное уложеніе, которое выработано въ собиравшемся здѣсь въ декабрѣ мѣсяцѣ генеральномъ синодѣ и которое выдержало много нападеній, какъ со стороны правой, такъ и со стороны лѣвой, такъ какъ оно, какъ это и всегда бываетъ съ компромиссами, едва ли много удовлетворяетъ, а всего менѣе крайнихъ. Но большинство руководилось двумя важными мотивами. Во-первыхъ, министръ Фалькъ былъ нравственно обязанъ, какъ передъ генеральнымъ синодомъ, такъ и передъ королемъ, или провести законъ, или пасть вмѣстѣ съ нимъ, и всѣ разумные люди должны были испугаться мысли содѣйствовать паденію такого свободномыслящаго, энергическаго и честнаго члена. Во-вторыхъ, каждый говорилъ себѣ, что если эта попытка къ организаціи евангелической церкви,—которая какъ бы она ни была неудовлетворительна, все же представляетъ возможность для дальнѣйшаго развитія,—рухнетъ, то весь вопросъ отложится въ долгій ящикъ. Этимъ закономъ достигается во всякомъ случаѣ то, что протестантамъ, даже самаго ортодоксальнаго направленія, нѣтъ болѣе резона симпатизировать ультрамонтанамъ. Ультрамонтаны во всякомъ случаѣ вотировали противъ закона. Упомяну здѣсь кстати, мимохо-

домъ, что въ борьбѣ государства съ церковью не произошло ничего новаго. Во всю сессію прошелъ лишь одинъ законъ, имѣющій отношеніе къ католической церкви, о приходскомъ управленіи, при обсужденіи котораго не было недостатка въ рѣзкихъ рѣчахъ. Ультрамонтаны, разумѣется, продолжаютъ утверждать, что побѣда неизбѣжно останется на ихъ сторонѣ, но многіе факты говорятъ противъ этого. На дняхъ праздновался въ Глогау 250-лѣтній юбилей католической гимназіи, на которомъ присутствовалъ министръ просвѣщенія и вѣроисповѣданій д-ръ Фалькъ. Всѣ власти, католическая, равно какъ и евангелическая гимназія принимали участіе въ этомъ празднествѣ, равно какъ и католическое духовенство. Энтузіазмъ, съ которымъ встрѣтили министра, былъ чрезвычайный. Привѣтствія, депутаціи, рѣчи, факельцугъ, парадный обѣдъ поочереды слѣдовали другъ за другомъ. Директоръ гимназіи, д-ръ Гасперъ, сказалъ въ своей привѣтственной рѣчи: „Вы поставили себѣ задачей, на томъ высокомъ постѣ, какой занимаете въ совѣтѣ нашего императора и короля, расчистить дорогу свѣту истины въ обширѣйшихъ кругахъ и слояхъ народа; распространенію свѣта и истины должны также служить и гимназіи, и поэтому обѣ здѣшнія гимназіи видятъ въ васъ ихъ покровителя. Да удастся вамъ распространить свѣтъ на всѣ еще темныя уголки отечества“.

Министръ былъ необыкновенно тронутъ и выражалъ главнымъ образомъ свою радость относительно того, что католическая гимназія соединилась для праздника съ евангелической. Также и на обѣдѣ, на которомъ, какъ уже выше сказано, присутствовало много католическихъ священниковъ, онъ выразилъ удовольствіе, что видитъ представителей обоихъ вѣроисповѣданій, и увѣрялъ, что искренно желаетъ возстановленія мира и надѣется, что это ему удастся, если онъ и на будущее время встрѣтитъ такую же поддержку.

Изъ остальныхъ важныхъ законовъ, выработанныхъ этой сессіей, я упомяну вкратцѣ еще о двухъ, имѣющихъ нѣкоторый культурно-историческій и политическій интересъ для иностранныхъ государствъ. Первый изъ этихъ законовъ—это законъ о подготовкѣ къ высшей государственной службѣ. Дѣло идетъ о томъ: какіе титулы должны имѣть кандидаты на эту службу. Былъ поставленъ вопросъ: желательно ли также для чиновниковъ администраціи изученіе римскаго права въ томъ объемѣ, какой до сихъ поръ считался необходимымъ для общаго образованія? Коммиссія палаты депутатовъ съ самаго начала внесла существенную поправку въ законопроектъ правительства, въ томъ смыслѣ, что желала постановленія одинаковыхъ условій для юристовъ и чиновниковъ администраціи. Далѣе, коммиссія требовала трехлѣтняго изученія юриспруденціи и государственнаго права, и

сдачи двухъ экзаменовъ въ теченіи другого рабочаго трѣхлѣтія. Предметомъ перваго экзамена должны были быть дисциплина общественной и частной жизни и исторія права, равно какъ народнаго и государственнаго хозяйства. Главнѣйшее различіе во взглядахъ заключалось въ томъ, что правительство отводитъ главное мѣсто юридическому образованію, а члены палаты депутатовъ, напротивъ того, считаютъ главнымъ основаніемъ политическую экономію. Извѣстный политико-экономъ Робертъ фонъ-Мольтъ высказалъ, уже много лѣтъ тому назадъ, совершенно справедливое замѣчаніе, что современнымъ міромъ нельзя больше управлять пандектами. Еще сильнѣе этого вопроса занималъ палату депутатовъ вопросъ: должны ли ландраты подлежать этимъ экзаменамъ или нѣтъ? Въ правительственномъ законопроектѣ различается два класса высшихъ административныхъ чиновниковъ, и къ первому причисляются ландраты, начальники отдѣленій, правительственные президенты и оберъ-президенты, а „Regierungsräthe“ ко второму классу. Первый классъ можетъ быть назначаемъ въ должность безъ всякаго экзамена, а второй подлежитъ экзаменамъ. Но понятно, что противъ такого порядка вещей можно многое возразить. Ландратъ является высшимъ административнымъ чиновникомъ въ округѣ и при немъ нѣтъ никого, кромѣ субалтерна чиновника, окружнаго секретаря. При старомъ патріархальномъ порядкѣ ландратъ, бывшій обыкновенно вмѣстѣ съ тѣмъ и помѣщикомъ (онъ избирается жителями округа), болѣею частью удовлетворительно выполнялъ свои обязанности, и весь институтъ этотъ съ незапамятныхъ временъ и по сіе время признавался даже либералами однимъ изъ славнѣйшихъ и удачнѣйшихъ въ прусской монархіи. Но теперь либералы полагаютъ, что увеличивающіяся задачи этого званія, обусловливаемыя развитіемъ культуры въ странѣ, даютъ право предъявлять болѣшія требованія ландратамъ, и что при существующемъ выборѣ эти требованія могутъ быть предъявляемы безъ опасно. Правительство же и его приверженцы того мнѣнія, что обыкновенное развитіе самоуправленія, создаваемое новымъ законодательствомъ, даетъ достаточно случаевъ всякому умному человеку образоваться, и что никто, конечно, не попадетъ въ ландраты изъ такихъ лицъ, которыя бы не имѣли этого практическаго образованія, успѣшно замѣняющаго собой теоретическое.

Я не берусь рѣшать этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе, что законъ не прошелъ еще всѣхъ инстанцій и весьма возможно, что не пройдетъ въ настоящую сессію. Фактъ тотъ, что званіе ландрата до сихъ поръ преимущественно и даже можно сказать почти исключительно сосредоточивалось въ рукахъ аристократіи, и что теперь противъ него

разражается та буря, которая мало-по-малу сметаётъ всё остатки старинныхъ патріархальныхъ и аристократическихъ учреждений.

Упомяну еще вскользь о послѣднемъ изъ законовъ, занимавшихъ палаты. Это такъ-называемый законъ о языкѣ. Этотъ законъ опредѣляетъ, что нѣмецкій языкъ долженъ быть исключительно официальнымъ языкомъ для всѣхъ властей, чиновниковъ и политическихъ корпорацій государства, и что письменныя сношенія между ними должны происходить только на нѣмецкомъ языкѣ. Само собою разумеется, что законъ этотъ рассчитанъ главнымъ образомъ на Поляны и Шлезвигъ, и направленъ къ тому, чтобы постепенно вывести тамъ изъ употребленія польскій и датскій языки. Поэтому въ палатѣ депутатовъ поляки оказали сильную оппозицію противъ закона, а большинство палаты склонялось, не отрицая самого принципа закона, возможно смягчить его. Такимъ образомъ, было сначала постановлено, что и въ послѣдующее время будутъ допускаться въ крайнихъ случаяхъ уклоненія отъ его принципа и что, кромѣ того, по королевскому приказу въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ введеніе закона будетъ отсрочено на 20 лѣтъ. Само правительство требовало такого льготнаго срока лишь на 10 лѣтъ, но въ палатѣ взяло вверхъ мнѣніе, что введеніе закона въ теченіи 10-лѣтняго срока совершенно невозможно, и что поэтому необходимо установить такой срокъ, который бы сдѣлалъ это возможнымъ. Можно спорить о томъ, какое воззрѣніе болѣе правильно, такъ какъ установленіе слишкомъ отдаленнаго срока естественнымъ образомъ внушить многимъ мысль, что вообще нѣтъ никакой надобности торопиться съ обученіемъ нѣмецкому языку. Важенъ при этомъ тотъ пунктъ, что правительство и парламентъ признаютъ право постановить внутри существующихъ государственныхъ границъ официальнымъ языкомъ нѣмецкій. Этимъ они въ принципѣ объявляютъ себя противъ безусловнаго права національности и за политическое государственное право.

Въ то время какъ парламентъ трудится въ потѣ лица своего, во внѣшней политикѣ, которою, какъ извѣстно, прусскія камеры со времени основанія германской имперіи больше не занимаются, произошла весьма интересная эволюція. Нѣмецкая панцирная эскадра выступила изъ Вильгельмсгадена въ небывалой еще силѣ, и между тѣмъ какъ подобное движеніе сухопутнаго войска вызвало бы панику въ цѣлой Европѣ, движеніе флота никого не встревожило. Даже извѣстіе, что Англія не принимаетъ заключеній берлинской конференціи, почти не произвело впечатлѣнія. Сохраненіе мира стало аксіомой, и князь Бисмаркъ въ видѣ демонстраціи уѣзжаетъ въ свои лауенбургскія владѣнія, чтобы показать, что усложненія внѣшней политики

вовсе не настолько велики, чтобы сдѣлать его пребываніе здѣсь необходимымъ.

Когда я подумаю о томъ, что въ былые времена всегда, бывало, заканчивалъ свое обзорѣніе литературными и специально беллетристическими новостями, то меня поражаетъ, какою скудною сдѣлалась мало-по-малу эта рубрика. Хотя книжный рынокъ производитъ и много, но немногое изъ этого заслуживаетъ вниманія, да и это немногое относится къ области знанія, а не творчества. Старѣйшіе, знаменитые писатели бездѣйствуютъ или ограничиваются, какъ Ауэрбахъ и Гупцовъ, воспоминаніями изъ прожитаго или нравственно-философскими разсужденіями. Шинльгагенъ, долгое время отдыхающій, падаетъ въ непродолжительномъ времени большое сочиненіе, которое, судя по заглавію, касается политически-соціального движенія нашего времени: „Sturmfluth“. Касательно его содержанія я не могу пока ничего сказать; а спекулятивный духъ въ литературѣ, при недостаткѣ въ новинкахъ, достаточно доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что романъ его будетъ одновременно печататься въ 8-ми газетахъ!!

Театръ питается главнымъ образомъ французскими пьесами, и можно упомянуть только объ одномъ болѣе другихъ выдающемся произведеніи. Да и то оно обязано своимъ успѣхомъ не столько внутреннему достоинству, сколько случайнымъ обстоятельствомъ. Я говорю про трагедію Адольфа Вильбрандта, „Арріа и Мессалина“. Сочинитель сдѣлалъ попытку глубже затронуть съ психологической точки зрѣнія типъ Мессалины, которую Тацитъ изобразилъ такими яркими красками, и навязываетъ ей настоящую любовь. Она любитъ молодого Маркуса, сына Арріи и Цеза, того благороднаго римлянина, который, будучи приговоренъ къ смерти императоромъ, медлил исполнить надъ собой этотъ приговоръ и былъ подвигнутъ къ этому женой, которая вонзала себѣ иголки въ сердцѣ со словами, весьма знаменитыми: „Pacte, non dolet!“ Въ твореніи Вильбрандта императоръ объявляетъ помилованіе родителямъ Маркуса, по просьбѣ Мессалины; Арріа узнаетъ при этомъ, что ея сынъ—любимыи императрицы, и приказываетъ ему лишить себя жизни, чтобы снять позоръ, которымъ онъ покрылъ себя и родителей. Маркусъ исполняетъ приказаніе; затѣмъ Арріа и Мессалина сходятся вмѣстѣ къ крайне патетической сценѣ, у которой одинъ только недостатокъ, что обѣ женщины совсѣмъ не живыя лица, а престо-на-просто анкетвореніе извѣстныхъ нравственныхъ понятій, проще сказать: порока и добродѣтели. Въ заключеніе, Арріа и Цезъ умираютъ по приказу Мессалины, а сама она падаетъ подъ ножами клеветниковъ Кладія, послѣ того какъ разыграла свадебный фарсъ съ Кайемъ Си-

лѣмъ. Адольфъ Вильбрандтъ,—извѣстный остроумный нувеллистъ и юмористъ, но въ послѣднее время муза его стала какая-то дикая и необузданная. Онъ заимствуетъ свой матеріалъ изъ древней жизни, но его справедливо упрекають, что онъ обрабатываетъ его не на античный ладъ. Его Мессалина—типъ необузданнѣйшей чувственности, и эта-то самая чувственность и обуславливаетъ главнымъ образомъ успѣхъ пьесы среди массы. Въ этомъ смыслѣ кульминантнымъ пунктомъ всей пьесы служитъ сцена, которая вводитъ зрителей въ будуаръ Мессалины. Императорская любовница лежитъ на великолѣпномъ ложѣ въ очень картинномъ, но крайне неприличномъ нарядѣ и позѣ (Макартъ, живописецъ чувственности *par excellence*, помогая своими совѣтами первой исполнительницѣ этой роли, Шарлоттѣ Вольтеръ, и затѣмъ нарисовалъ эту сцену, и эта картина имѣла большой успѣхъ), освѣщенная бенгальскимъ огнемъ, а на заднемъ планѣ виднѣется тѣнь Аррин. Эта сцена, а въ особенности одинъ вздохъ въ крайне щекотливомъ положеніи, суть выдающіяся мѣста пьесы, которая дается здѣсь при участіи пріѣхавшей изъ Вѣны, въ качествѣ гостыни, знаменитой трагической актрисы Шарлотты Вольтеръ. Шарлотта Вольтеръ здѣсь не чужая. Много лѣтъ тому назадъ она была незначительной хористкой на одномъ изъ здѣшнихъ театровъ, когда была *открыта*, какъ принято выражаться въ подобныхъ случаяхъ, однимъ смышленнымъ режиссеромъ. Этотъ человѣкъ занялся ея обученіемъ, и она восхитила публику въ роляхъ Герміоны, въ земной сказкѣ Шекспира, своей классической дикціей, неподражаемой пластичной движеній, а пуще всего тѣмъ рѣдкимъ, серебристымъ голосомъ, который безъ всякаго усилія облетаетъ всю залу и порою ласкаетъ слухъ слушателя, а порою глубоко трогаетъ его. Антецеденты этой молодой дамы помѣшали здѣшней, нѣсколько чопорной, королевской сценѣ пригласить ее. Она уѣхала въ Гамбургъ, а отсюда въ Вѣну, гдѣ подъ талантливымъ руководствомъ Лаубе вскорѣ достигла высшаго совершенства игры, и затѣмъ мало-по-малу была принята въ общество, такъ что, наконецъ, сдѣлала блестящую партію и теперь носить, вмѣстѣ сцены, аристократическое имя. Годы, конечно, прошли для нея не безслѣдно. Голосъ утратилъ отчасти свою звучность; въ движеніяхъ сказывается нѣкоторая манерность. Но въ концѣ-концовъ ее все-таки приходится признать первую изъ ея товарокъ. Критика единодушно порицала произведеніе Вильбрандта. Она съ негодованіемъ указывала на его непристойность, и слѣдствіемъ этого было то, что крайне нравственная публика Берлина длинными караванами отправлялась въ театръ, а его предпримчивый директоръ загребъ кучу денегъ. Срокъ отпуски гостыни-актрисы истекъ, а публика все еще продолжала ломиться въ театръ, и директору ни-

чего не оставалось другого, какъ замѣнить г-жу Вольтеръ, и оба эксперимента его въ этомъ случаѣ оказались удачными, такъ какъ тѣ, кто видѣлъ въ этой роли Вольтеръ, находили удовольствіе сравнивать съ нею ея преемницъ, причемъ знаменитый вздохъ служилъ пробнымъ камнемъ реальности художественнаго воспроизведенія.

Не менѣе привлекательнымъ для берлинцевъ событіемъ, чѣмъ эта новая пьеса, является повторяющееся уже нѣсколько лѣтъ сразу появленіе здѣсь труппы мейнингенскаго королевскаго театра. Этотъ театръ, съ особенной любовью поощряемый герцогомъ Мейнингенскимъ, отличается не столько выдающимися актерами, сколько своимъ *ensemble* и удивительной *mise-en-scène*. Этой послѣдней здѣсь такъ пренебрегали, даже на королевскомъ театрѣ, что мейнингенская труппа произвела совершенно поразительное впечатлѣніе. Она, конечно, избирала и такія пьесы, гдѣ бы ея преимущества особенно рельефно выдавались. На этотъ разъ она давала извѣстную въ настоящее время, уже совсѣмъ исчезнувшую со сцены рыцарскую пьесу: „Das Käthchen von Heilbronn“ и затѣмъ шидлеровскаго „Вильгельма Телля“. Никогда, конечно, весь блескъ рыцарской обстановки не передавался на сценѣ вѣрнѣе, какъ въ предыдущей пьесѣ. Точность передачи ограничивалась не только однимъ эстетически-прекраснымъ, но и отвратительнымъ, и туалетъ злой Кунигунды могъ возбудить настоящее отвращеніе.

Еще труднѣе для постановки „Вильгельмъ Телль“ въ декоративномъ отношеніи; хотя и можно замѣтить нѣкоторыя неточности, да и сцена вообще слишкомъ мала для представленія ландшафтовъ, но постоянный наплывъ публики показываетъ, какой сильный интересъ возбуждаютъ эти представленія.

Но что декоративное искусство отнюдь не составляетъ главнаго въ сценическомъ представленіи, доказывается великимъ успѣхомъ, который имѣли дававшіяся въ теченіи долгаго времени и одновременно съ пребываніемъ здѣсь мейнингенской труппы, на двухъ изъ здѣшнихъ театрахъ, представленія, подъ названіемъ „Историческій комическій вечеръ“. Подъ этимъ названіемъ давались четыре небольшихъ комедійки изъ XVI, XVII, XVIII и XIX-го столѣтій, какъ образцы драматическаго искусства въ эти различные эпохи. Первые изъ этихъ трехъ пьесъ были на обоихъ театрахъ однѣ и тѣ же, а въ выборѣ послѣдней, четвертой, допускалось разнообразіе.

XVI-е столѣтіе было представлено фарсомъ извѣстнаго поэта бамбачинна Ганса Сакса, которому обыкновенно отводится такое видное мѣсто въ исторіи литературы: „Раскаленное желѣзо“. XVII-е — фарсомъ уже болѣе художественнымъ: „Пирожница и ея предполагаемые трое любовниковъ“, а XVIII-е комедіей, гдѣ главную комическую

роль играет Полишинель, который, какъ извѣстно, только въ концѣ этого столѣтія былъ изгнанъ со сцены, благодаря развитію вкуса у публики. Первая изъ этихъ пьесъ какъ проста, такъ и эффектна, и ея эффектъ усиливается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ роли въ ней, даже и женскія, играютъ мужчинами. Сцена состоитъ изъ досчатого помоста на открытой площади, и раздѣлена двумя занавѣсами спереди и сзади. Изъ-за нихъ выходятъ актеры: крестьянинъ, крестьянка и кума, и за нихъ же и удаляются. Содержаніе до того просто, что можетъ быть рассказано въ двухъ словахъ. По наущеніямъ кумы, крестьянка испытываетъ супружескую вѣрность своего мужа: онъ долженъ взять въ руку раскаленное желѣзо. Крестьянинъ выдерживаетъ испытаніе. Но затѣмъ требуетъ того же самаго отъ жены. Тогда та начинаетъ каяться, и списокъ грѣховъ оказывается довольно длинный. Наконецъ, кума вмѣшивается въ дѣло, и крестьянинъ отказывается отъ испытанія. Маленькая эта вещица предназначена отнюдь не для цѣломудренныхъ ушей и доказываетъ, что XVI-е столѣтіе не блистало особой нравственностью, что, впрочемъ, уже и безъ того было извѣстно.

Въ Веймарѣ была сдѣлана попытка поставить на сцену всего „Фауста“ Гёте (первую и вторую части), и она настолько удалась, что надѣются, — вторая часть, доселѣ считавшаяся невыполнимой на сценѣ, отнынѣ съ нея не сойдетъ. Если принять во вниманіе измѣненіе во вкусахъ публики, какое совершается съ теченіемъ времени, то надо признать такую мысль возможной. Ея выполненіе докажетъ только, что Гёте въ этой, отчасти мистической, части своего произведенія, какъ пророкъ, опередилъ свое время.

К.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА СЕССИИ АНГЛІЙСКАГО ПАРЛАМЕНТА.

Рѣшительно—націамъ, какъ и женщинамъ, очень трудно угодить. Три мѣсяца тому назадъ у насъ только и толковъ было, что про „остъ-индскую имперію“; всѣ приосанивались, произнося эти слова; съ ними носились, какъ Богъ-знаетъ съ чѣмъ. Уэльскій принцъ приравнивался къ Цезарю и Августу, и самымъ усердѣйшимъ образомъ проводилась параллель между римской имперіей и британской. На основаніи этого Дизраэли ловить удобный случай, и радуясь, что можетъ исполнить и желаніе королевы, вносить билль, осуществляющій честолюбивыя мечтанія. И вотъ, ея величество королева Викторія превращается въ императрицу, а королевство въ имперію; и вотъ, въ то же самое время буржуазія въ отчаяніи, аристократія раздосадована, а журналисты въ ярости. И каждый набрасывается съ кулаками на бѣдную римскую имперію, которую незадолго передъ тѣмъ превозносили до небесъ, и на всѣхъ императоровъ. „Титулъ императрицы не прибавитъ вотъ *ми на столько* величія или власти королевѣ“,—восклицаютъ всѣ они въ парламентѣ, выдѣляя частицу ногтя. „Наша королева стоитъ выше всѣхъ императоровъ въ мірѣ!“—провозглашаетъ „Times“. Она происходитъ отъ длиннаго ряда королей, рассуждаетъ „Saturday Review“, и достоинство англійскаго короля такъ же высоко, какъ любое величіе на землѣ. Называлась императрицей, она можетъ скорѣе унизиться, чѣмъ возвеличиться“.

Вотъ образчикъ того, что говорилось въ теченіи трехъ мѣсяцевъ съ того самаго злосчастнаго 17-го февраля, когда новый билль былъ внесенъ въ палату общинъ. Третья сессія парламента, родившаяся вмѣстѣ съ министерствомъ Дизраэли, оказалась такимъ образомъ немного шумнѣе двухъ предыдущихъ. Надо быть справедливымъ: англичане играли въ имперію и императрицу, сами не вѣдая, что творятъ, и не придавая этому никакого значенія. Осуществленіе мечтаній взбудоражило ихъ. И вглядываясь въ этотъ фактъ пристальнѣе, можно только удивляться тому, что волненіе оказалось недостаточно серьезнымъ и глубокимъ. Вѣдь мы имѣемъ дѣло съ народомъ, преданнымъ традиціямъ болѣе, чѣмъ какой другой въ свѣтѣ. Актеръ, играющій роль лорда-мэра въ Ричардѣ III, одѣтъ точь-въ-точь такъ, какъ былъ одѣтъ прошлаго 9 ноября „Right honourable“ В. Р. Коттонъ, отправляясь съ церемоніей изъ Сити въ Вестминстеръ. Молодые дѣ-

вунки въ приютѣ подкидышей носятъ костюмъ Клэретты въ „La Fille de m-me Angot“, а мальчики изъ „Christ's Hospital“, въ обществѣ зовущіеся „Blue Coats“, расхаживаютъ по улицамъ съ непокрытой головой, въ желтыхъ чулкахъ и длинномъ казакинѣ, перетянутомъ у талии кожанымъ поясомъ, точь-въ-точь какъ носили клерки временъ Джона Нокса или Меланхтона. Все это изъ уваженія къ памяти основателей этихъ различныхъ учреждений.

И вотъ, теперь подумайте! Сколько вѣковъ красуются вывѣски „King's Head“ или „Queen's Arms“ надъ дверями многихъ почтенныхъ гостиницъ Соединеннаго-Королевства! Какъ давно уже распѣвается „God save the King“ или „the Queen“, и маленькіе мальчики приучены конституціонно снимать шляпу при первыхъ звукахъ національнаго гимна. И вотъ, теперь приходится все это передѣлывать: переписать вывѣски, измѣнить слова гимна, промѣнять образъ доброй королевы, чудесной хозяйки, на строгую фигуру императрицы—языческій титулъ, наводящій на мысль о Мессалинѣ и Агриппинѣ, о самомъ Вельзевулѣ! Proh pudor! Въ тотъ день, когда разнеслась эта вѣсть, лавочницы квартала Вестъ-Эндъ чуть-было не прогуляли своего чаю, а это не шуточное дѣло; и моя сосѣдка, жена пресвитеріанскаго священника небольшой сосѣдней церкви, дрожа вся отъ гнѣва, пролила на поднось часть эссенціи этой влаги—а это вѣдь „shocking!“ Не бывать бы всѣмъ этимъ бѣдамъ, еслибы ея величество—женщина такого скромнаго поведенія—не увлеклась честолюбіемъ при женитьбѣ одного изъ сыновей. Конечно, фамилія четырехъ Георговъ стоитъ фамиліи Петра Великаго, и къ тому же—слава Богу!—не насчитываетъ въ своихъ радахъ друзей Вольтера, да и не въ британскомъ же музеѣ находится бібліотека Дидро! Но какъ бы то ни было, а все же это цезари и императоры! Ну, вотъ, молодая принцесса Беатриса огорчилась, что она только „королевское высочество“, а ея золовка „императорское высочество“, а королева Викторія, какъ добрая мать, не вынесла слезъ дочери... ну, и вотъ, Израиль въ переполохѣ. Таково по крайней мѣрѣ мнѣніе моей сосѣдки, жены пресвитеріанскаго священника.

Дебаты въ парламентѣ, надо сознаться, не далеко ушли отъ этого мнѣнія по ширинѣ взгляда. Дизраэли былъ интересенъ и остроуменъ, какъ и всегда; но, какъ это зачастую съ нимъ бываетъ, онъ слишкомъ мелко взглянулъ на вопросъ, скорѣе какъ романистъ, нежели какъ государственный человѣкъ. Заботясь чрезмерно о томъ, какъ бы не задѣть національное тщеславіе, онъ также объявилъ, что титулъ королевы сіяетъ такимъ же блескомъ, какъ и титулъ императрицы. Если онъ предлагаетъ этотъ послѣдній, то единственно лишь ради индійскихъ принцевъ, которые его, видите ли, жаж-

дуть и успокоятся лишь тогда, когда официально будутъ привѣтствовать имъ свою государыню. И къ тому же, этотъ титулъ совсѣмъ не таковой „un-english“, какъ это думаютъ. Генрихъ VIII заявилъ вѣдь, что англійская корона—корона императорская, желая этимъ выразить, что она не уступаетъ въ достоинствѣ коронѣ Карла Пятаго? Развѣ Спенсеръ, посвящая свою „Fairie Queen“ Елисаветѣ, не величаетъ ее титуломъ императрицы, королевы Англіи, Ирландіи и *Виргиніи*?

На такіе серьезныя аргументы м-ръ Гладстонъ возражалъ равносильными доводами, утверждая, что титулъ короля гораздо существеннѣе титула императора, такъ какъ этотъ послѣдній означаетъ прежде всего избирательное достоинство. Было бы нелогично къ тому же называть королеву „остъ-индской императрицей“, такъ какъ мы не владѣемъ всею Индіей: это было бы оскорбленіемъ и вызовомъ относительно независимыхъ принцевъ. Къ чему м-ръ Лоу добавилъ, что Англія можетъ въ одинъ прекрасный день лишиться Индіи,—что собственно составляетъ болѣе практическій аргументъ. И вотъ, тутъ-то премьеръ, котораго загнали въ послѣдніе его ретраншементы, пригвоздилъ къ мѣсту своихъ противниковъ слѣдующими краснорѣчивыми словами, отнынѣ знаменитыми: „Достопочтенный членъ за Гринвичъ,—воскликнулъ онъ въ засѣданіи 23-го марта,—сейчасъ говорилъ о перемѣнахъ, происшедшихъ въ сношеніяхъ здѣшней страны съ нѣкоторыми подвластными ей землями. Но произошли также еще иныя перемѣны въ сердцѣ Азіи (*очень хорошо!*): перемѣны болѣе значительныя, чѣмъ самый фактъ завоеванія Индіи. Существуетъ обширная страна, которая до сихъ поръ была извѣстна лишь какъ колыбель, откуда дикія орды устремлялись на завоеваніе міра. Эта страна, наконецъ, покорена, и границы Россіи находятся лишь въ нѣсколькихъ дняхъ ходьбы отъ остъ-индскихъ границъ (*очень хорошо! очень хорошо!*). Я не принадлежу къ той школѣ политиковъ, которая недовѣрчиво взираетъ на успѣхи Россіи въ Азіи. Я полагаю, что Азія достаточно просторна для того, чтобы вмѣстить въ себя судьбы Россіи и Англіи (*очень хорошо!*). Но я знаю, что имперіи удерживаются лишь благодаря бдительности, мужеству и разумной оцѣнкѣ требованій времени (*рукоплесканія*). Населеніе Остъ-Индіи не то, что оно было въ 1858 г. Вы думаете, что оно не знаетъ о томъ, что происходитъ въ центральной Азіи? Вы думаете, что оно не знаетъ, что Татарія, эта страна завоевателей, наконецъ сама покорена? Вы заблуждаетесь: оно не только знаетъ о томъ, что происходитъ,—оно не только знаетъ страну-побѣдительницу, но и знаетъ титулъ государя, совершившаго это изумительное завоеваніе (*рукоплесканія*). Населеніе Остъ-Индіи отлично умѣетъ произносить слово „императоръ“,

и скоро свыкнется съ словомъ „императрица“ (*рукноплеская!*). Это слово охотно примется имъ, и, объявивъ, что она принимаетъ этотъ титулъ, ея величество поддержитъ наше могущество въ этой части свѣта и во всеуслышаніе провозгласитъ, что англійскій парламентъ намѣренъ поддерживать наше владычество въ Индіи“ (*продолжительный взрывъ рукноплесканій*).

„Какое счастье,—воскликаетъ вслѣдъ затѣмъ „Saturday Review“,—и насколько наука управленія легче, нежели это воображаютъ простаки! Стоить намъ сказать: „императрица!“ и Россіи данъ шахъ-и-мать, а Индія счастлива и умиротворена. Это просто умилительно, а еще умилительнѣе думать, насколько примѣненіе этого средства можетъ быть всеобщимъ. Возьмемъ для примѣра Китай съ его четырьмя-стами милліонами китайцевъ, ненавидящихъ чужеземцевъ вообще, а англичанъ въ особенности. Ну, вдругъ населеніе Остъ-Индіи узнаетъ объ этомъ и придетъ въ священный ужасъ! Помочь бѣдѣ не трудно, стоитъ только изучить имена. Извѣстно, что китайскій императоръ величается титулами: „сына солнца и властителя страны цвѣтовъ“. Намъ очень легко сбить спѣсъ у китайцевъ. Стоитъ только назвать королеву „дочерью солнечной системы и властительницей растительнаго царства“, чѣмъ мы распространимъ свои притязанія на всѣ планеты и на всѣ растенія вообще. Китай отступить въ ужасѣ, а индусы станутъ кичиться какъ павлины.

Не взирая на весь этотъ расхолодившійся юморъ, билль, какъ извѣстно, прошелъ при третьемъ чтеніи большинствомъ 75 голосовъ на 343 вотирующихъ. Палата лордовъ приняла его 127 голосами противъ 99, и недоставало только королевской санеціи, чтобы сообщить ему силу закона. Генрихъ VIII величалъ себя „королемъ Франціи и Англіи, защитникомъ вѣры, государемъ Ирландіи“. Онъ былъ настолько остроуменъ, что удержалъ за собой титулъ защитника вѣры и послѣ своего разрыва съ папой, наградившимъ его этимъ титуломъ въ 1521 г. Послѣ законодательнаго союза съ Шотландіей, въ 1707 году, Анна стала подписываться: „королева Великобританіи, Франціи и Ирландіи“. Наконецъ, въ 1801 г., послѣ присоединенія ирландскаго парламента, Георгъ III принялъ титулъ „короля соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи“. „Франція“ была окончательно отброшена. Отнынѣ, начиная съ 1876 г. мы зовемся: „Victoria, by the Grace of God, of the United Kingdom of great Britain and Ireland Queen, Defender of the Faith, Empress of India“.

Вотъ чего добилась оппозиція: государыня остается королевой въ Англіи и императрицей въ Индіи. Ужъ лучше было бы, кажется, согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ членовъ, предлагавшихъ ти-

туль *Падшиаха* или *Шаханиаха*; въ немъ было бы больше *couleur locale*.

Впрочемъ, спѣшу замѣтить, что волненіе, вызванное этимъ событіемъ и о которомъ я упоминалъ выше, было чисто поверхностнымъ. Масса націи оставалась равнодушной: аргументы французскаго журналиста и академика, редактора газеты „*Débats*“, перепечатанные „*Times*“, тронули ее также мало, какъ и туземный юморъ, лучшимъ образчикомъ котораго служить приведенное мною выше мѣсто изъ „*Saturday Review*“. Однѣ только мягкосердечныя души, умиляющіяся здѣсь надъ „прямой“ королевы, расчувствовались подъ воспоминаніемъ о дождевомъ зонтикѣ Луи-Филиппа. Что касается радикаловъ, то весь споръ показался имъ *пустяками*: они оставались въ сторонѣ и были вполне безучастны къ предложенной перемѣнѣ. Они, конечно, говорили себѣ, что если существовали Калигулы и Фаустины, за то исторія можетъ назвать Іакова II, Карла IX и Изабеллу Баварскую, которые ничѣмъ не лучше. Въ сущности, агитація ограничилась церковью и конторой. Въ Гайдъ-Паркѣ и въ Трафальгарскомъ скверѣ не собиралось митинговъ: два или три частныхъ засѣданія, потокъ словъ и эпиграммъ въ салонахъ и въ клубахъ—вотъ и все. Англія—священный ковчегъ традиціи, это несомнѣнно, и однако нѣтъ страны, которая бы легче примирялась съ нововведеніями, когда онѣ не затрагиваютъ существенно ея интересовъ. Англиканское духовенство спокойно отнеслось къ дѣлу; лордъ-мэръ уже предлагалъ тосты за здоровье „императрицы“, а добрый городъ Портсмутъ отличился великоблѣпной иллюминаціей въ честь своего будущаго императора.

Въ первую половину настоящей парламентской сессіи интересъ дѣлился между „*Royal Title Bill*“ и египетскимъ вопросомъ. Вотъ уже семь тысячъ лѣтъ,—по Маллету,—что страна гіероглифовъ и крокодиловъ занимаетъ людскіе умы: муміи королей тридцати первыхъ династій должны трепетать отъ удовольствія, слыша шумъ, возбуждаемый ихъ отечествомъ въ мірѣ. Пренія начались въ концѣ февраля о смѣломъ поступкѣ торійскаго правительства: покупкѣ акцій суэскаго канала у хедива. Въ этомъ вопросѣ особенно рельефно высказалась мелочная сторона парламентскаго управленія—оппозиція во что бы то ни стало, противъ всякой мѣры, только потому, что почти ея принадлежитъ другой сторонѣ. Спасать ничего не приходилось, кромѣ казны египетскаго вице-короля—спѣшимъ заявить объ этомъ. Но начинъ Дизраэли въ этомъ дѣлѣ былъ своевременный и политическій въ высшей степени: это всеобщее мнѣніе, какъ въ Англіи, такъ и за границей.

Тѣмъ не менѣе „оппозиція ея величества“ должна же заявлять о своемъ существованіи. М-ръ Гладстонъ, говорившій въ теченіи нѣ-

сколько часовъ, взявъ на себя трудъ послать въ „Times“ résumé своихъ доводовъ, въ формѣ „Syllabus'a“ въ 27 параграфовъ. Между тѣмъ, самымъ значительнымъ изъ этихъ параграфовъ можно считать первый, слѣдующаго содержанія: „Бывали ли примѣры, послѣ мира 1815 г., чтобы правительство ея величества заключало подобную финансовую сдѣлку и на такую большую сумму тайнымъ образомъ, и съ частнымъ банкирскимъ домомъ?“ Нельзя возвести рутину въ принципъ болѣе категорическимъ образомъ, и никто не ожидалъ такого отношенія къ дѣлу со стороны государственнаго человѣка, воспитаннаго школой, воплотивъ враждебной подобнымъ идеямъ. Но мы имѣли уже случай замѣтить: м-ръ Гладстонъ человѣкъ минуты, а не человѣкъ школы или принципа. Къ тому же, какъ это замѣтилъ министр финансовъ, дебаты были безъ прецедента, равно какъ и поступокъ правительства, равно какъ и самый Суэзскій каналъ.

Всего милѣе при этомъ то, что оппозиція не требовала баллотировки: все это было лишь для формы и вида. Пренія возобновились по случаю знаменитой миссии м-ра Кэва: вотъ опять имя, которымъ прожужжали всѣ уши въ послѣдніе мѣсяцы, не говоря уже про несчастныхъ спекулянтовъ, для которыхъ это имя прозвучало роковымъ набатомъ, возвѣщающимъ разореніе и банкротство. Надо привести сущность этого событія: „миссия м-ра Кэва и его отчета о ней“, которое нѣсколько охладило восторгъ, возбужденный покупкой акцій хедива.

Нѣсколько времени тому назадъ, правительство египетское просило прислать ему двухъ англичанъ, свѣдущихъ въ дѣлѣ финансовъ. Дизраэли и сэръ Стаффордъ Норткотъ нашли нужнымъ послать одного изъ своихъ собратьевъ, достопочтеннаго Стефена Кэва, въ сопровожденіи приличнаго штаба. Шутка сказать: члена министерства! Англійское правительство не зѣвало и, такъ сказать, уже накладывало руку на управленіе финансами въ Египтѣ. Къ несчастію, оказалось, что управленіе-то захватить, конечно, можно, но нѣтъ финансовъ, и это охладило усердіе. Какъ бы то ни было, но всѣмъ было извѣстно, что м-ръ Кэвъ вернулся 9 марта изъ Египта, и всѣ дивились, что онъ не представляетъ отчета въ своей миссии, какъ вдругъ въ томъ же самомъ мѣсяцѣ Дизраэли уклончиво отвѣтилъ на запросъ по этому дѣлу. Воображенію спекулянтовъ представились ужасы, и отсюда возникла паника и сильное паденіе египетскихъ бумагъ. Тогда правительство убѣдилось, что лучше объявить всю правду, и 4 апрѣля знаменитый отчетъ появился на страницахъ „Times“.

М-ръ Кэвъ указываетъ прежде всего причины, вызвавшія настоящее положеніе дѣлъ въ Египтѣ. „Египетъ, говоритъ онъ, переживаетъ переходное состояніе и страдаетъ разомъ отъ неудобствъ но-

вой системы, принимаемой имъ, и неудобствъ старой, которую бросаетъ. Онъ страдаетъ отъ невѣжества, недобросовѣстности, грабительства и мотовства, присущихъ Востоку, а также и отъ значительныхъ издержекъ, обусловливаемыхъ его торопливыми и безразсудными усиліями усвоить себѣ западную цивилизацію". Громадныя суммы издержаны съ 1863 г., со времени воцаренія настоящаго вице-короля, не только на прорытіе канала, но и на постройку желѣзныхъ дорогъ, проведеніе шоссе и на разныя земледѣльческія предпріятія. Все это полезныя вещи, спору нѣтъ: но съ ними слишкомъ поторопились. Прибавьте къ этому, что египетскіе чиновники, подъ предлогомъ, что имъ платятъ мало жалованья, спѣшатъ набить себѣ карманы и обкрадываютъ, съ одной стороны, поддѣдомственныхъ имъ лицъ, съ другой—правительство, и послѣ кратковременной службы выходятъ въ отставку съ громаднымъ состояніемъ". Репортеръ сравниваетъ ихъ съ римскими проконсулами, что, по-моему, слишкомъ много для ихъ чести.

Главный источникъ богатства въ Египтѣ составляетъ земля, и к-ръ Кэвъ приводитъ весьма интересныя данныя объ ея распредѣленіи. Вся земля принадлежитъ государству, въ теоріи. Нѣкоторые значительныя помѣстья были раздѣлены между завоевателями и платятъ незначительный налогъ, называемый десятиной. Вся остальная земля находится въ рукахъ общинъ или отдѣльныхъ лицъ, платящихъ государству налогъ: это настоящая рента, и размѣръ ея измѣняется по волѣ правительства. Общинамъ земля сдается въ аренду лишь на одинъ годъ, что, прибавляетъ репортеръ, служить не малой преградой для развитія промышленности. Почти не существуетъ лицъ, у которыхъ бы не было небольшого клочка земли для обработки, а потому очень трудно найти рабочія руки. Владѣльцы обыкновенно заключаютъ сдѣлку съ предпринимателемъ, обязующимся доставить рабочихъ, и изъ нихъ одни получаютъ очень хорошую плату, а другіе, бѣдные феллахи, набираемые силою при содѣйствіи окружныхъ начальниковъ, получаютъ самое скудное содержаніе, а удары въ карманѣ.

Частная собственность хедива состоитъ въ 350,000 акрахъ хорошихъ земель въ Верхнемъ Египтѣ и 100,000 акрахъ земли почти безплодной. На его земляхъ воздѣлывается преимущественно хлопчатобумажникъ и сахарный тростникъ. Тутъ опять дѣйствовали чужеземцы: посѣвныя, сахарныя заводы были построены раньше, чѣмъ имѣлся продуктъ для обработки, и введена система орошенія полей, требующая для полнаго ея примѣненія нѣсколькихъ милліоновъ.

Вотъ что касается причинъ настоящаго положенія финансовъ, а вотъ и результаты: Египетъ долженъ 75 милліоновъ фунтовъ стер-

лигтовъ, и его текущій долгъ доходить до 18 милліоновъ за вычетомъ 4-хъ, уплаченныхъ Англіей за акціи канала. „А для баланса,— добавляетъ докладчикъ,— Египту нечего выставить кромѣ Суэзскаго канала. Различные займы все поглотили: всѣ ресурсы и доходы заложены и въ нѣсколькихъ рукахъ“.

И вотъ, такъ какъ оказывается, что денегъ у Египта нѣтъ, то владѣльцамъ его акцій приходится такъ же солоно, какъ и владѣльцамъ акцій турецкаго займа.

Совсѣмъ тѣмъ не все потеряно. М-ръ Кэвъ, изложивъ намъ причины катастрофы, ея характеръ и серьезность, указываетъ на средство помочь бѣдѣ. Слѣдуетъ консолидировать займы 1860 и 1875 г. и акціи текущаго долга. Но для того, чтобы эта операція удалась, необходимо, „чтобы хедивъ избралъ лицо, способное возбудить всеобщее довѣріе, какъ, напримѣръ, какого-нибудь финансоваго агента, посланнаго правительствомъ ея величества, и который бы сталъ во главѣ контроля и взялъ на себя общій надзоръ надъ взыманіемъ пошлинъ и налоговъ; кромѣ того, его высочество хедивъ долженъ обязаться не заключать новыхъ займовъ, безъ согласія контрольной коммиссіи“. Это значитъ, замѣчаетъ „Times“, что хедивъ приметъ въ Каирѣ лицо, долженствующее играть роль англійскаго президента при остъ-индскихъ принцахъ.

Общественное мнѣніе испугалось этой перспективой, и правительство послѣдовало за общественнымъ мнѣніемъ. Вотъ уже годъ, какъ, подумываютъ объ оккупациі Египта, но когда наступила рѣшительная минута и обстоятельства складываются благоприятнымъ образомъ, правительство, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, медлитъ и откладываетъ исполненіе задуманнаго въ долгій ящикъ. Сознаюсь, что положеніе этого бѣднаго хедива, предлагающаго свою казну и свое министерство финансовъ всякому, кто захочетъ ихъ взять, не изъ соблазнительныхъ: Франція, одну минуту собиравшаяся было навалиться на него, какъ на свою добычу, тоже отступила и отказалась вмѣшаться въ дѣло безъ содѣйствія Англіи. На этомъ дѣло остановилось; ничто еще не рѣшено, и преемнику Аменофиса III предстоитъ или протекторатъ, или банкротство. А пока онъ отсрочилъ платежи по билетамъ, вышедшимъ въ тиражъ, на три мѣсяца, съ уплатой 7% на 100.

Какъ бы то ни было, но правительство держится на-готовѣ, чтобы имѣть возможность вмѣшаться въ дѣло при первомъ случаѣ. Въ письмѣ отъ прошлаго ноября я изложилъ состояніе броненоснаго англійскаго флота, специально упомянувъ о четырехъ „turret-ships“: „Devastation“, „Thunderer“, „Dreadnought“ или „Fury“ и „Inflexible“. Послѣдній въ то время еще строился, и будетъ спущенъ въ моръ въ

Портсмутъ въ теченіи будущей недѣли. Со всѣхъ сторонъ только и слышишь, что крики восторга и удивленія. Эта новая и страшная боевая машина должна затмить страшную „Devastation“. Первый нитторъ стоилъ только 300,000 фунтовъ стерлинговъ, а новый обойдется слишкомъ въ 600,000 ф. стерлинговъ. Вооруженъ онъ будетъ не 25 и 38-ми-фунтовыми пушками, но четырьмя 91-фунтовыми пушками, громадными орудіями, отлитыми и испытанными въ Вульвичѣ. Хорошо направленный выстрѣлъ изъ громаднаго жерла этого орудія будетъ имѣть силу абордажнаго тарана, при бомбардировкѣ или въ дѣлѣ съ лучшимъ флотомъ броненосныхъ кораблей иностранныхъ державъ „Inflexible“ будетъ равняться цѣлой эскадрѣ. „Нѣтъ такой крѣпости,—воскликаетъ, „Daily Telegraph“,—не существуетъ въ мірѣ кораблей, способныхъ выдержать выстрѣлы его страшныхъ орудій, которыя какъ бы оправдываютъ девизъ артиллерійской администраціи: „sua tela a tonanti“, и ужаснымъ дѣйствіямъ которыхъ самъ Юпитеръ могъ бы позавидовать“.

Итакъ, пусть Европа трепещетъ. Къ счастью, вотъ что можетъ ее успокоить: протечетъ еще полтора или два года, прежде чѣмъ этотъ страшилищный корабль будетъ вполне готовъ. Это уже утѣшеніе не малое, и можно вздохнуть свободно. Къ тому же, англійская публича, которую подзадориваютъ восторженные публицисты, имѣетъ свои резоны не особенно увлекаться розовыми мечтами. Адмиралтейство надѣлало слишкомъ много „blunders“: всѣ еще помнятъ несчастные случаи съ „Iron-Duke“ и королевской яхтой *Альбертъ*, а „Vanguard“ до сихъ поръ еще покоится на днѣ канала Св. Георгія, откуда его, повидимому, не скоро вытащатъ. Англійскій флотъ, говорятъ намъ, развивается несоразмѣрно развитію нашихъ морскихъ интересовъ, онъ не соответствуетъ прогрессу другихъ державъ въ этомъ отношеніи, ни случайностямъ войны, могущей вспыхнуть среди политическихъ перемѣнъ въ Европѣ. Посмотрите: вотъ, русское правительство приказало снарядить 31 военный корабль, предназначенные для Чернаго моря. Какую роль при этомъ будетъ играть турецкій флотъ? И сколько кораблей необходимо намъ держать въ Средиземномъ морѣ, чтобы предупредить второй Синопъ? Такъ разсуждаетъ „Telegraph“ и другія газеты, охотно критикующія и подзадоривающія министерство. Въ здѣшней странѣ восторгъ никогда не ослѣпляетъ людей до забвенія всякой осторожности.

Между тѣмъ нельзя обижаться тѣмъ, что Россія снаряжаетъ 31 военный корабль въ Черномъ морѣ, ни тѣмъ, что она завоевала Босанъ. „Граница съ полу-варварскими странами, она не можетъ остановиться, еслибы даже и хотѣла, до тѣхъ поръ пока не очутится лицомъ къ лицу съ какой-нибудь непреодолимой матеріальной пре-

градой или съ цивилизаціей ей равной. Мы можемъ, слѣдовательно, считать, что серія завоеваній въ Средней Азійи еще не окончена. Мы не можемъ равнодушно смотрѣть на то, что событія все болѣе и болѣе приближаютъ великую военную державу къ нашей восточной имперіи; но надо помнить, что это неизбѣжно, и ничто не можетъ такъ успокоить тревоги нашихъ соотечественниковъ, какъ ясное пониманіе этого факта... Чѣмъ ближе Россія подвигалась къ Индіи, тѣмъ спокойнѣе становилось общественное мнѣніе: въ этомъ отношеніи взятіе Хивы разсѣяло много опасеній, и никто не долженъ пугаться завоеванія Кокана“ („Times“ отъ 16 марта).

Вотъ, безспорно, оригинальный взглядъ на вещи: это похоже нѣсколько на ощущенія человѣка, приговореннаго къ смерти и испытывающаго относительное облегченіе, узнавъ, что его повѣсятъ черезъ недѣлю. Онъ освободится отъ муки неизвѣстности и сомнѣній.

Въ этихъ же самыхъ миролюбивыхъ видахъ, должно быть, та же самая газета совѣтуетъ русскому правительству принять предложеніе м-ра Спальдинга. Этотъ американецъ предлагаетъ, не болѣе, не менѣе, какъ увеличить воды Каспійскаго моря, которое, говорятъ, мѣлѣетъ, посредствомъ водъ Чернаго моря, съ которымъ его слѣдуетъ соединить посредствомъ канала. Онъ обѣщаетъ великолѣпные политическіе, военные и торговые результаты державѣ, которая благополучно доведетъ до конца это предпріятіе. „Мы довольны,—говоритъ „Times“ отъ 13 апрѣля,—что нашелся человѣкъ, который обратилъ вниманіе русскаго правительства на это предпріятіе. Хотя выгодами его и не воспользуется настоящее поколѣніе, хотя такой продолжительный и дорогой трудъ не предпринимался еще ни одной націей въ мірѣ, но если это предложеніе будетъ одобрено компетентными людьми, то для русскаго правительства будетъ достаточно оснований предпринять этотъ трудъ“.

Неправда ли, какъ все это заманчиво?

Но оставимъ officialный органъ общественнаго мнѣнія въ Англіи предаваться розовымъ мечтамъ, и обратимся къ менѣе веселой дѣйствительности.

Всѣ слышали про Ирландію и про *авармя* преступленія: эти послѣднія значительно уменьшились со времени закона 1870 г., знаменитаго „Irish Land Act“, дающаго фермерамъ и арендаторамъ весьма серьезныя гарантіи и права. Совсѣмъ тѣмъ, эти послѣднія все еще могутъ быть согнаны съ занимаемой ими земли, при извѣстныхъ обстоятельствахъ: эти „evictions“, ставшія болѣе рѣдкими, давно не подавали повода къ возмездію, какъ вдругъ одно дерзкое покушеніе обновило старинную репутацію Ирландіи. Нѣкто м-ръ Вриджесъ, „Land agent“, на службѣ у одного землевладѣльца графства Коркъ,

на югѣ Ирландіи, давно уже отличался своимъ рвеніемъ въ преслѣдованіи и изгнаніи изъ арендуемыхъ мѣстъ арендаторовъ, вѣстныхъ въ платежѣ аренды. Полтора года тому назадъ ему было сілано первое предостереженіе въ формѣ ружейнаго выстрѣла, при котораго просвистала въ то время, какъ онъ прогуливался съ своей сестрой. Онъ продолжалъ тѣмъ же не менѣе отправлять свои должнѣсти, окруживъ себя конвоемъ изъ трехъ или четырехъ вооруженныхъ полисменовъ.

Въ первыхъ числахъ апрѣля онъ возвращался съ однимъ изъ своихъ объѣздовъ въ открытомъ шарабанѣ, окруженный своей собственной свитой. Солнце уже заходило и дулъ сильный вѣтеръ, и въ маленькая группа выѣхала на дорогу, окруженную съ каждой стороны густой живой изгородью. Внезапно начинается настоящая ружейная перестрѣлка: кучеръ падаетъ мертвый къ ногамъ лошади. Бриджесъ цѣлъ пока и невредимъ, но вторичный залпъ опрокидываетъ его тяжело раненнымъ. Констебли выскакиваютъ изъ шарабана: одинъ изъ нихъ бросается за изгородь и находитъ тѣло субъекта, вооруженнаго ружьемъ, и захватываетъ его. Другой же счастливъ: онъ натывается на двухъ людей, обращающихся въ бѣгство и выстрѣливающихъ въ него; онъ стрѣляетъ въ своихъ преслѣдователей, но безуспѣшно. Наконецъ, битва кончена: полиція оставила за собой поле сраженія и считаетъ понесенный ею уронъ: одинъ вѣкъ убитъ и трое раненыхъ изъ пятерыхъ,—вотъ каковы потери. Но при этомъ у нея въ рукахъ плѣнникъ; со стороны нападавшихъ нѣтъ ни раненыхъ, ни убитыхъ. Наступаетъ слѣдствіе коронера да или три дня спустя: полиція утверждаетъ, что смертельный выстрѣлъ раздался съ той стороны дороги, гдѣ стоялъ арестантъ; тамъ никого другого въ этой сторонѣ не было. Жюри не раздѣляетъ этого мнѣнія: въ этотъ день дулъ сильнѣйшій вѣтеръ на дорогѣ въ Коркъ, да и дымъ отъ ружейной перестрѣлки былъ такъ густъ, что полиція могла проглядѣть кого другого, стоявшаго тамъ же. Тѣмъ не менѣе коронеръ замѣчаетъ присяжнымъ, что во всякомъ случаѣ арестантъ соучастникъ убійства и повиненъ той же карѣ, какъ и убійца. Но отечественники О'Коннелла безусловно отказываются признать эту теорію и изрекаютъ такой приговоръ: „смерть послѣдовала отъ нанесенной огнестрѣльнымъ оружіемъ“.

Это происшествіе произвело извѣстную сенсацію, и я подробно рассказывалъ ее, потому что она характеризуетъ нравы и страну.

„Опытъ всѣхъ вѣковъ“,—говоритъ Беккариа въ своемъ знаменитомъ трактатѣ „*Dei delitti e delle Pene*“,—доказываетъ, что смертная казнь никогда не останавливала негоднѣвъ, рѣшившихся вредить ближнему. Эта истина подтверждается примѣромъ римлянъ и двадцати

лѣтнимъ царствованіемъ россійской императрицы, добродушной Елисаветы, которая дала главамъ народовъ болѣе мудрый урокъ, чѣмъ всѣ блистательныя завоеванія, приобретаемыя отечествомъ лишь цѣной крови его сыновъ“ (глава XVI).

Я не стану входить въ препирательства, но приведу только одинъ фактъ, который на мой взглядъ говорить въ пользу приверженцевъ отмѣны смертной казни. Читатели помнятъ исторію о молодой женщинѣ, разрѣзанной на куски. Не прошло еще и четырехъ мѣсяцевъ, какъ злодѣй повѣшенъ былъ въ Ньюгетѣ. Ну, и что-жь: 27 прошлаго марта въ городѣ Блабѣрнѣ, цирульникъ, по имени Фишъ, заманилъ къ себѣ восьми-лѣтнюю дѣвочку и, истязавъ ее, перерѣзалъ ей горло бритвой; почти вслѣдъ затѣмъ онъ спустился внизъ въ свою лавку, обрилъ двухъ или трехъ посѣтителей, потомъ вернулся къ своей жертвѣ и, отдѣливъ члены отъ туловища, завернулъ ихъ въ старые нумера „Times“ и раскидалъ по сосѣднимъ полямъ. Обыскъ въ его домѣ не открылъ ничего подозрительнаго, и полиція арестовала какого-то злополучнаго бѣднака, противъ котораго вскорѣ накопились грозныя улики. Къ счастью, одно лицо, владѣлецъ изумительной собаки-ищейки, вздумалъ предоставить ее въ распоряженіе полиціи. Пришли въ домъ Фиша, маленькаго человѣчка, худенькаго и тщедушнаго: собака принялась обшаривать всѣ углы, бѣгать взадъ и впередъ, и вдругъ бросилась въ полуоткрытую дверь и подбѣжала къ камину, настороживъ уши, поднявъ вверхъ свою морду, словомъ прокидывая хорошо знакомую охотникамъ пантомиму. Хозяинъ собаки засунулъ руку въ трубу камина и вытащилъ пригоршню дѣтскихъ костей и обуглившейся дѣтскій черепъ. Злодѣй, присутствовавшій при открытіи, поблѣднѣлъ и зашатался, бормоча, что это не онъ. Его арестовали, посадили въ тюрьму, и, не будучи равенъ по силѣ характера Уэнрайту, онъ черезъ два дня во всемъ сознался и написалъ чистосердечную исповѣдь.

Такимъ образомъ, изъ страшной драмы, начавшейся въ Уайтъ-Гепэлѣ и окончившейся въ Ньюгетѣ, Фишъ вывелъ только одно заключеніе: что надо разрѣзывать на части людей, которыхъ убиваешь, потому что это облегчаетъ способъ сокрытія ихъ тѣла. Это обыкновенно такъ и бываетъ. Но что поразительно въ данномъ случаѣ,—это близость событій. Фишъ будетъ тоже повѣшенъ, и онъ, говорятъ, этому покорился. Ну, а дальше что? Цѣль смертной казни заключается не въ томъ, чтобы воздать кровь за кровь, но въ пресѣченіи преступленій. Рѣшительно приходится поискать другихъ средствъ для этого. Нѣтъ страны, гдѣ бы больше злоупотребляли смертною казнью, чѣмъ въ Англіи, и чѣмъ больше вѣшаютъ преступниковъ, тѣмъ ихъ больше набирается.

Но оставимъ эти мрачныя вещи. Давно уже наступила весна, и Гайдъ-Паркъ населяется толпой гуляющихъ и „four-in-haueis“, а также и щеголихами въ широкополыхъ шляпахъ съ перьями, которыми могли бы позавидовать мушкетеры. Когда я говорю „весна“, то лишь потому, что такъ показывается календарь.

„Primavera! gioventu dell'anno!“

Увы! это выраженіе Гварини имѣетъ далеко не повсемѣстное примѣненіе. Въ Англіи у года нѣтъ юности: это говорено было уже сто разъ, но чувствуешь потребность высказать это въ сто-первый, когда только-что пережилъ семь мѣсяцевъ ужасающей зимы и такой апрѣль мѣсяцъ, въ теченіи котораго вѣтеръ, дождь и снѣгъ соперничали другъ съ другомъ въ силѣ и настойчивости.

Былъ однако просвѣтъ въ этой апрѣльской бурѣ, и, по счастью, онъ пришелся какъ разъ въ день университетской гонки. Вы не можете себѣ представить, какое значеніе придается этой „Boat-race“ между оксфордскими и кэмбриджскими студентами: она можетъ соперничать съ *Дерби*. Первая гонка имѣла мѣсто въ 1829 г., и затѣмъ повторялась время отъ времени въ послѣдующіе годы, но въ неправильныя промежутки. Съ 1837 г. она происходитъ ежегодно, по субботамъ, на страстной недѣлѣ, на той части Темзы, которая течетъ между Лондономъ и Гаммерсмитомъ и Путни. За мѣсяцъ впередъ газеты печатаютъ о подвигахъ двухъ соперничающихъ экипажей, которые ежедневно упражняются, подготавливаясь къ окончательной борьбѣ. Вскорѣ всѣ одѣваются въ цвѣтъ борцовъ: *синій* — эмблема Оксфорда, и *голубой* — эмблема Кэмбриджа. Громадные куски матерій этихъ двухъ цвѣтовъ выставляются въ магазинахъ за витринами: ленты, галстуки, перья и кокарды — этого добра готовится для всѣхъ возрастовъ, для всѣхъ половъ, для всѣхъ вкусовъ. Въ назначенный день громадная толпа сбѣгается на берега Темзы; на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ происходитъ давка, какъ во время Эпсомскихъ скачекъ. Рѣка покрывается лодками, берега — зрителями, образующими двѣ длинныя каймы головъ, растянутыхъ на необозримое пространство. На привилегированныхъ лодкахъ, лодкахъ прессы, университетскихъ тѣснятся самыя именитыя лица и самыя нарядныя дамы; по берегамъ танутся ряды экипажей: омнибусовъ, шарабановъ, и занимающіе ихъ люди и джентльмены угощаются традиціонными пирогами и шампанскимъ въ ожиданіи рѣшительнаго момента.

Но, вотъ онъ наступаетъ: „They're off!“ — вотъ крикъ, вырывающійся у зрителей и проносящійся съ одного конца до другого. По мѣрѣ того, какъ гребцы подвигаются впередъ, разсѣкая волны съ

большимъ ожесточеніемъ и силой, чѣмъ выказывалъ ихъ самъ старшій Харонъ при исполненіи своихъ обязанностей, поднимается невыразимый гвалтъ. Стоянь стоитъ въ воздухѣ; всѣ кричатъ: ура! машутъ руками, платками. Кэмбриджъ побѣдилъ. Голубыя ленты въ азартѣ, побѣдоносный экипажъ проходитъ среди рукоплесканій и восторженныхъ кликовъ, и потребленіе пироговъ и шампанскаго возобновляется съ новымъ азартѣмъ. Дать понятіе объ этой давки и объ этомъ гвалтѣ — невозможно. Только тѣ, кто видѣлъ *Дерби*, могутъ себѣ ихъ представить: представьте себѣ городъ въ четыре милліона обитателей, который посылаетъ половину ихъ на берега Темзы. Въ этомъ году гонка приняла размѣры европейскаго событія: паріи составлялись въ самомъ Парижѣ, и телеграфъ сообщилъ имя побѣдоноснаго университета во многія столицы континента.

Лордъ Пальмерстонъ просилъ однажды парламентъ отсрочить свои засѣданія по случаю Эпсомскихъ скачекъ. Англичане всегда любили физическія упражненія: у нихъ мы видимъ спортъ, борьбу, скачки, и всѣмъ этимъ они занимаются съ чисто-греческимъ, античнымъ рвеніемъ. Молодежь университетовъ принимаетъ въ серьёзъ Гомера и Пиндара, и если она не втыкаетъ ножа въ сочную спину борова, то по крайней мѣрѣ соперничаетъ съ смѣлымъ Діомедомъ, „бѣлокурнымъ“ Менелаемъ и другими героями, стремившимися завладѣть призомъ въ играхъ, устроенныхъ Ахиллесомъ вокругъ костра Патрокла. Все это похвально и служить противоядіемъ для „сыновъ Альбіона“ отъ ханжества и пуританскаго лицемѣрія. Бѣда въ томъ, что имъ не хватаетъ одной важной стороны: граціи. Силы-то у нихъ достаточно и можно встрѣтить не одного геркулеса, но Антиноя найти мудрено. Не знаю, дойдутъ ли они до этого послѣдняго: будемъ надѣяться.

Во всякомъ случаѣ эти развлеченія стоютъ тѣхъ, какими забавлялось лондонское общество нынѣшней зимой. „Spelling Bees“ и „Skating rinks“ — два выраженія сомнительной правильности, иноземнаго происхожденія, и привлекали всеобщее вниманіе. „Spelling Bees“ завезены изъ Америки: только американцы способны придумать такіа ребяческія забавы за-одно съ операціями въ родѣ тѣхъ, какія обнаружены въ настоящую минуту съ такимъ трескомъ въ процессахъ Эммы Майнъ, генерала Бельея и другихъ. Представьте себѣ благовоспитанныхъ людей, собирающихся въ достаточно обширномъ помѣщеніи: они избираютъ chairmann'a, и этотъ послѣдній предлагаетъ присутствующимъ конкурировать на призъ одной или двухъ гиней, выпадающій на долю того, кто всего лучше напишетъ и произнесетъ наибольшее число словъ. Ничего не можетъ быть невиннѣе и ничто не доказываетъ лучше трудностей произношенія языка, на которомъ

сами туземцы не всегда умѣютъ говорить правильно. Этой игрой занимались во всѣхъ кварталахъ Лондона и въ пользу всевозможныхъ благотворительныхъ учреждений: обыкновенно за входъ взиалось по шиллингу. Затѣмъ проявились злоупотребленія, не говоря уже про скуку: видали гувернантокъ, вооруженныхъ очками и своихъ „pronouncing-dictionary“, которыя искаживали во всѣхъ направленіяхъ лондонскую мостовую, переносясь изъ Гэмстеда въ Кенсингтонъ и изъ Сити въ Бромптонъ, и составляли себѣ быстрыя состоянія легкими добытыми призами. Тогда конкуррентамъ стали предлагать такіе слова, какъ „Archebiosis“, „Ornithorhynchus“ и другія въ этомъ родѣ, и забава окончательно упала въ общественномъ мнѣніи, но тѣмъ не менѣе всю зиму ею занимались въ извѣстномъ обществѣ, крайне приличномъ.

На ряду съ „Spelling ardour“ свирѣпствовала „Rinking mania“ въ видѣ противоядія. „Spelling Bees“ созданы для умовъ субъективныхъ и созерцательныхъ; „Skating rinks“ созданы для умовъ объективныхъ и дѣятельныхъ темпераментовъ. На нихъ мало попадаетъ гувернантокъ съ очками, а больше молодыхъ и нарядныхъ миссъ въ щегольскихъ костюмахъ и русскихъ шапочкахъ. Въ настоящемъ случаѣ Россія служила образцомъ для подражанія. У ней, вѣдь, есть Непъ и ледъ, и она можетъ наслаждаться нѣсколько мѣсяцевъ въ годъ удовольствіемъ катанья на конькахъ. Лондонъ катался и безъ морозовъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ, кажется, въ 1849 г., на первомъ представленіи „Пророка“, на подмосткахъ парижской оперы, публика увидѣла толпу танцовщиковъ, исполнявшихъ знаменитый „балетъ конькобѣжцевъ“. Совсѣмъ недавно вздумали утилизировать ихъ коньки на колесахъ для вѣщнаго удовольствія общества вообще и молодыхъ миссъ въ особенности.

Лондонъ въ настоящее время покрытъ „Skating rinks“. Маманы приводятъ туда своихъ дочерей, и ловля жениховъ происходитъ съ такимъ же рвеніемъ, какъ въ любомъ салонѣ или на какомъ-нибудь модномъ морскомъ купаньѣ.

Въ сущности, все это невинныя развлечения, и хорошо, когда молодежь веселится. Я съ своей стороны нахожу „Skating rink“ прачтвеннѣе, чѣмъ „Spelling Bee“: первое развлекаетъ, а второе отупляетъ. Лордъ Вайронъ возрадовался бы, еслибы вернулся къ жизни, вида, что его соотечественники мало-по-малу оживаютъ и снова провозглашаютъ, съ легкимъ видоизмѣненіемъ, старинный и благородный девизъ: „Le „bonheur“ et mon droit, et—Honny soit qui mal y pense“.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

XV *).

Двѣ художественныя выставки въ маѣ.

I.

Перваго мая во дворцѣ Промышленности открылась ежегодная выставка картинъ. Но прежде чѣмъ говорить о картинахъ, я займусь важнымъ вопросомъ учрежденія жюри, которому поручено принимать картины и раздавать награды. Администраціи академіи художествъ должны надѣяться до-смерти жалобы художниковъ, раздающіеся ежегодно. Сколько она ни измѣняетъ существующихъ правилъ, сколько ни демократизируетъ учрежденія, сколько ни увеличиваетъ милостей, — всегда находятся недовольные. Тѣ, чьи картины не попали на выставку, тѣ, кто обойденъ благодатнымъ дождемъ крестовъ и медалей, крупные и мелкотравчатые художники, ученики и учителя — всѣ жалуются, ворчатъ, ропщутъ и поднимаютъ настоящій бунтъ. Не существуетъ во Франціи администраціи, болѣе оглашаемой недовольными воплями, и болѣе мятежныхъ подчиненныхъ!

Между тѣмъ, всѣ усилія администраціи за послѣднія десять лѣтъ, постоянныя улучшенія, вводимыя ею въ правила, доказываютъ ея прекрасныя намѣренія. Мнѣ трудно было бы перечислить годъ за годомъ различныя формы, которыя переживало учрежденіе жюри, — такъ эти формы были многочисленны. Первоначально картины принимались членами академіи художествъ, составлявшими верховный трибуналъ. Затѣмъ, въ 1848 г., когда дуновение свободы носилось въ воздухѣ, декретирована была внезапно свободная выставка; всѣ присылаемыя произведенія немедленно выставлялись на показъ публикѣ, которая, такимъ образомъ, была облечена ролью верховнаго судьи. Затѣмъ измыслили избирательное жюри, и мы барахтаемся съ этой выдумкой вотъ уже слишкомъ десять лѣтъ: то избирателями являются всѣ артисты, принятые на другихъ выставкахъ, а то одни тѣ, которые получили кресты, медали, или римскую премію, или состоятъ академиками. Нынѣшній годъ жюри избрано было этой послѣдней, весьма ограниченной, группой избирателей. Кромѣ того, администра-

*) См. выше, май, 420 стр.

ція назначаетъ одну четверть членовъ, всегда избираемую ею изъ небольшой толпы живописцевъ.

Мое смиренное мнѣніе таково: въ дѣлѣ управленія существуютъ только два возможныхъ пути: самый безусловный деспотизмъ, или самая полная свобода. Я понимаю подъ безусловнымъ деспотизмомъ автократическое царство академіи художествъ. Напрасно отняли у ней власть и передали ее избирательному жюри, сужденія котораго роковымъ образомъ ежегодно мѣняются. Одна академія съ ея традиціями, ея величественнымъ упрямствомъ имѣла право образоватъ изъ себя безапелляціонный трибуналъ; лишить ее этого права, значило убить самое учрежденіе жюри, лишивъ его officialнаго характера педантизма. Художникъ, чье произведеніе отвергалось рѣшеніемъ руководящаго учрежденія, не смѣлъ жаловаться; ему известны были вкусы судей, и онъ могъ пенять только на самого себя, если имѣлъ неосторожность представить картину, нарушавшую священныхъ правила. Святая рутина управляла машиной, тиранія царя беззащитна. Пусть на будущій же годъ вернутся къ академическому жюри, и это жюри будетъ на своемъ мѣстѣ, будетъ судить съ полнымъ авторитетомъ, заставить даже признавать свои сужденія, благодаря уваженію, какое мы питаемъ во Франціи къ посредственностямъ, которыхъ обоготворяемъ. Съ насъ довольно officialнаго мундира. Церковный швейцаръ заставляетъ сторониться всѣхъ богомоловъ только тѣмъ, что ударяетъ въ полъ алебардой. Поставьте на его мѣсто дьячка безъ мундира, безъ шпаги, безъ шляпы съ перьями, и взгляните, станутъ ли богомолки сторониться.

Слишкомъ уже десять лѣтъ какъ избирательное жюри угощаетъ насъ изумительнымъ зрѣлищемъ, благодаря прихотливости своихъ рѣшеній, недостатку методы и послѣдовательности. Оно бываетъ строго, оно бываетъ снисходительно, но никто не сумѣетъ сказать, въ силу какихъ соображеній. Одинъ годъ живописецъ Х.... предписываетъ законы, на слѣдующій годъ вліяніе живописца Z.... беретъ верхъ. У насъ бываетъ выставка то розовая, то голубая, то зеленая; это зависитъ отъ того, какая котерія захватила власть. Естественно, эти господа проталкиваютъ впередъ своихъ учениковъ, хлопчатъ о томъ, чтобы собрать ихъ пропустили и посредственную картину въ силу того, что рука руку моетъ. Они оказываются строгими лишь по отношенію къ оригинальнымъ художникамъ, идущимъ своимъ путемъ, съ настойчивостью даровитыхъ личностей. Къ тому же, если уже допустить избирательное жюри, то не было ли бы справедливымъ избирать его путемъ всеобщей подачи голосовъ всѣхъ художниковъ, присылающихъ свои произведенія? Право голоса даютъ только тѣмъ, кто получилъ медаль, то-есть, какъ разъ тѣмъ, кого допускаютъ на вы-

оставку безъ слѣдствія и кому нѣтъ нужды выбирать болѣе или менѣе либеральныхъ судей. Остальные, первые встрѣчные, тѣ, въ чьихъ интересахъ было бы избирать судей, чтобы увеличить свои шансы быть принятыми, глядятъ на это сложа руки. Ихъ участь рѣшается, а ихъ держать за дверью.

Итакъ, по моему мнѣнію, администрація академіи художествъ слѣдовало бы, если она хочетъ выпутаться изъ затрудненія, или вернута къ академическому жири, или же учредить свободныя выставки. А такъ какъ академическое жири невозможно послѣ настоящаго режима, то остается, по-моему, кресто-на-просто раскрыть настежь двери дворца Промышленности. Единственнымъ доводомъ противъ свободныхъ выставокъ выставляютъ то, будто бы онѣ противны достоинству искусства. Это просто смѣшно. Мы обращаемся съ прекраснымъ, какъ съ нѣжною-щеголемъ, боящимся сѣвернаго вѣтра. Мы заперемъ всѣ двери, чтобы картины не простудились. Залы выставки превращаются въ аристократическіе салоны, гдѣ картины должны быть гладки и тонки, какъ кожа хорошенюкой женщины. Картина безцеремонная, написанная съ широкимъ размахомъ генія, была бы пятномъ, а достоинство искусства не допускаетъ пятенъ среди прилизанныхъ картинъ современныхъ мастеровъ. Надо однако сваять, что избирательное жири нанесло рѣзкій ударъ достоинству искусства, принимая почти-что всякія картины и будучи вынужденнымъ съ каждымъ годомъ увеличивать число залъ. Картины растутъ, точно морской приливъ; посѣщеніе выставки является цѣлымъ путешествіемъ, и нельзя хорошенюко понять, какія картины жири можетъ не допустить, глядя на тѣ, которыя имъ пропущены. Я уже сказалъ: строгость его обрушивается не на посредственные произведенія, но на тѣ, которыя отмѣчены оригинальностью. Если упраздненіе жири и желательно, то единственно лишь затѣмъ, чтобы помѣнать ему оставлять десятки лѣтъ за дверями такихъ людей, какъ Деларуа, Дэманъ, Курбѣ, Теодоръ Руссо. У насъ есть почти-свободныя выставки, на которыхъ безнаказанно фигурируютъ постыдныя, пошлыя картины учениковъ членовъ жири. Намъ хотѣлось бы имѣть вполне свободныя выставки, на которыя имѣлъ бы право доступа начинающій геній со всеми его странностями.

Изъ тому же, вопросъ представляется еще и съ практической точки зрѣнія. Пора бы перестать смотрѣть на выставку какъ на конкурсъ, какъ на поощреніе. Сотни медалей и крестовъ не породятъ ни единого великаго художника. Слѣдовало бы не раздавать никакихъ наградъ и смотрѣть на выставки, какъ на рынки, открытыя для всѣхъ живописцевъ. Администрація, облегчивъ художникамъ выставку и сбытъ ихъ произведеній, сдѣлала бы для нихъ все, чего отъ нея

можно разумно требовать. Она спасла бы ихъ отъ необходимости имѣть дѣло съ продавцами картинъ и создала бы родъ центрального магазина, который былъ бы одновременно текущимъ музеемъ и лавкой. Публика приходила бы туда, не воображая, что попадетъ въ нѣкій эдемпъ, въ кондитерскую, гдѣ ее будутъ кормить самыми отборными и сладкими конфетами. Каждый шелъ бы къ тѣмъ картинамъ, которые ему болѣе по вкусу, покупалъ бы ихъ, если бы у него были деньги, или по крайней мѣрѣ создавалъ бы репутацію своему любимому живописцу. Слово „медаль“, вывѣшенное на рамѣ, не вызывало бы восхищенія. У насъ явилось бы то, что уже существуетъ для книгъ: неограниченная выставка всѣхъ талантовъ. Конечно, въ мѣстѣ не будетъ недостатка; съ завтрашняго дня администрація можетъ учредить такую постоянную выставку, которая бы соединила строгую справедливость съ практической пользой. Но мы, боясь, недостаточно демократическій народъ, чтобы осмѣлиться открыть такимъ образомъ базаръ прекраснаго.

Великимъ преніятіемъ постоянно будетъ тщеславіе художниковъ. Они жалуются на журі, но было бы, быть можетъ, еще хуже, если бы журі упразднили. Совѣтъ администраціи учредить свободныя выставки, чтобы добиться мира, я начинаю сомнѣваться, при ближайшемъ обсужденіи, не наживетъ ли она этимъ себѣ болѣе хлопотъ. Подумайте только: не будетъ болѣе наградъ! что скажутъ наши матери и наши жены! Съ пятилѣтняго возраста насъ приучаютъ носить жестяные кресты на груди; позднѣе, въ шестнадцать лѣтъ, въ коллегіѣ, насъ увѣнчиваютъ лавровыми вѣнками, какъ древнихъ триумфаторовъ; и такимъ образомъ, даже вырастая, мы остаемся дѣтьми, и намъ нужны ленточки, чтобы забавляться ими какъ игрушками. Пятидесятилѣтняго мирового судью, получившаго крестикъ, мать лобызаетъ такъ, какъ въ тотъ день, когда онъ принесъ ей свой первый аттестатъ. Къ тому же, если бы всякій могъ проникать на выставку, то какая слава была бы на ней находиться? Половина живописцевъ, занимающихся живописью изъ одного тщеславія, предпочла бы валяться на диванахъ въ своихъ мастерскихъ. Мы, не взирая на наши революціи, нація аристократическая; мы любимъ стоить особнякомъ, возвышаться надъ толпой съ патентомъ на геніальность, приклееннымъ къ спинѣ. Наконецъ, администрація перестала бы идѣть передъ собой согбенныя спины просителей, ищущихъ крестикъ и медалей; бѣдная администрація назбалась бы и соскучилась до смерти въ своихъ пустыхъ конторахъ.

Тѣмъ не менѣе, однѣ только свободныя выставки могли бы дать точное понятіе объ артистическомъ современномъ движеніи, годъ за годомъ. Не было бы у дверей таможенныхъ чиновниковъ, пропуска-

щихъ только тѣ произведенія, на которыхъ стоитъ клеймо освященныхъ формулъ. Передъ глазами публики проходило бы все производство за весь годъ. Всѣ попытки выставлялись бы на божій свѣтъ, оригинальныя новинки не дожидались бы цѣлыя десятки лѣтъ возможности попасть на глаза публикѣ. Съ другой стороны, свободныя выставки роковымъ образомъ и постепенно расчистились бы отъ лишняго и загромождающаго ихъ сора. Не прошло бы четырехъ-пяти лѣтъ, какъ художники, руководимые однимъ лишь тщеславіемъ, аматёры, юныя дѣвицы, только что - вышедшія изъ пансіона, удалились бы, такъ какъ допущеніе картины на выставку перестало бы служить патентомъ на талантъ. Я хорошо знаю, что все-таки проскакивали бы негѣныя картины. Быть можетъ, администрація нашла бы возможность устранять картины слишкомъ комическія: всегда легко отличить дикую выходку неувѣжества отъ своеобразныхъ пріемовъ самобытнаго искусства. Впрочемъ, я не вижу большой бѣды и въ томъ, еслибы пропущли и негѣныя картины на выставку: онѣ не могутъ повредить мастерскимъ произведеніямъ, и тѣмъ лучше даже, если посѣтители посмѣются: смѣхъ—здоровое дѣло, и располагаетъ къ самымъ благороднымъ чувствамъ.

Истинное торжество искусства на выставкѣ заключается въ томъ, чтобы человѣческое творчество проявлялось на ней съ неограниченной мощью, со всѣмъ размахомъ и оригинальнымъ жаромъ, какіе только могутъ встрѣтиться у народа.

Доказательствомъ тому, что необходимость ничего не скрывать отъ публики изъ артистическихъ произведеній сознается всѣми, служитъ то, что неоднократно устраивалась выставка „отверженныхъ“, на которой находили себѣ мѣсто картины, отвергнутыя жюри. Выставка отверженныхъ 1863 г. осталась особенно памятной. Она познакомила съ цѣлою группой новыхъ живописцевъ, которые въ настоящее время стоятъ во главѣ движенія. На выставкѣ отверженныхъ слѣдовало бы всегда искать властелиновъ будущаго, художниковъ, имѣющихъ то достоинство, что они рисуютъ несогласно съ законами, освященными академіей. Послѣ двухъ или трехъ попытокъ, администрація объявила, что эта выставка оскорбляетъ достоинство искусства: это вѣчный аргументъ, которымъ поражаютъ все то, что выходитъ изъ обыденныхъ формулъ. Правда въ томъ, что выставка отверженныхъ, красовавшаяся рядомъ съ официальной выставкой, глубоко раздражала членовъ жюри, академическихъ воротилъ, и грозила вызвать революцію.

Нынѣшній годъ жюри выказалось особенно строгимъ. Но, поймите меня хорошенько: оно, повторяю, не строго къ посредственнымъ и дюжинно-приличнымъ произведеніямъ, выставка загромождена жалкими

картинами изумительной пошлости и прилизанности. Оно строго къ произведеніямъ, нарушающимъ его артистическія традиціи, оно безжалостно ко всякимъ религіямъ, кромѣ своей собственной. Я приведу одинъ примѣръ. Мана, картины котораго принимались въ теченіи десяти лѣтъ сряду, безъ церемоній вытолкали въ шестъ нинѣшній годъ. Ему пришлось устроить частную выставку въ своей мастерской, о чемъ я поговорю ниже. Конечно, всѣмъ извѣстно, что Мана изобиліемъ обычными членами жири. Но къ чему было принимать его десять разъ, а на одиннадцатый запретъ передъ нимъ дверь, когда характеръ его произведеній, очевидно, остался тотъ же самый? Это происходитъ просто-на-просто оттого, что у жири нѣтъ послѣдовательности, и что оно повинуются вліяніямъ двухъ или трехъ вліятельныхъ живописцевъ, поочередно руководящихъ имъ. Я вернусь къ этой правдѣ строгости, когда буду говорить о Мане.

Группа живописцевъ, ежегодно нагоняемыхъ съ выставокъ, также рѣшилась устроить свою собственную выставку. Это весьма разумное намѣреніе, и его нельзя не одобрить. Я намѣренъ посвятить нѣсколько страницъ выставкѣ этихъ художниковъ, происходящихъ изъ улицъ Лепельтѣ. А мораль всего этого та, что жири, конечно, не помѣшаетъ появленію гениальныхъ произведеній, но за что оно играетъ скверную роль, которою наконецъ всѣмъ опостылѣть — становясь, точно евнухъ, съ саблей въ рукѣ, у дверей выставокъ, чтобы не пропустить мужественныхъ талантовъ.

II.

Всходя, 1-го мая, по широкой лѣстницѣ дворца Промышленности, я былъ въ большомъ затрудненіи на счетъ того: съ какою критической точки зрѣнія слѣдуетъ мнѣ посмотрѣть на выставленные произведенія? Во мнѣ живетъ одна только сильная любовь: любовь къ логикѣ. Все зависитъ въ отчетѣ о выставкѣ отъ исходной точки, отъ пункта отправленія.

Есть двѣ манеры смотрѣть на вещи: съ точки зрѣнія безусловнаго таланта, или съ точки зрѣнія относительныхъ похвальныхъ качествъ.

Безусловный талантъ — это мастерское произведеніе, это ординарный художникъ, творящій нѣчто особое, это рѣдкій случай, проявляющійся время отъ времени и остающійся событіемъ въ исторіи народа. Исходя изъ этой идеи, не найденъ и десяти картинъ, заслуживающихъ одобренія, среди двухъ тысячъ, развѣшенныхъ на выставкѣ. Я уже слѣдовалъ по этому пути; я описывалъ

выставки, по поводу которыхъ говорили лишь о нѣсколькихъ живописцахъ, которые, на мой взглядъ, давали тонъ эпохѣ, и чуть-было не были побиты каменьями разъяренной толпой. Меня обвиняли въ исключительности; въ томъ, что я стою за интересы матеріи, что я вступаю въ критику въ саветахъ и съ хлестомъ въ руки. Никто не хотѣлъ понять, что въ этомъ революціонеръ искусства былъ просто-на-просто добросовѣстный критикъ, пытавшійся внести нѣкоторую легчеу въ такое дѣло, въ которомъ у насъ до сихъ поръ преобладали нумизмъ или фактазія.

Относительныя, похвальные качества, это—принятіе всѣхъ добрыхъ намѣреній. Тутъ уже не проводишь непроходимой бездны между суровыми произведеніями, которыя переживутъ свою эпоху, и милыми бездѣлушками, пресуществующими одинъ сезонъ. Глядишь на все, анализируешь микроскопическую разницу въ категоріяхъ непосредственности, снисходишь въ искусствѣ до моды, до увлеченія обманомъ отдален и лживостью моды. Строгость при этомъ уже неумѣства. Человѣкъ пренебрегается снисходительности. Если великіе таланты рѣдки, за то всѣ художники умы и ловки.

Геній отпускается въ обрѣзъ каждому поколѣнію. Выставка не можетъ ежегодно показывать великихъ мастеровъ и ровнымъ образомъ становится картинной ярмаркой, изученіе которой особенно важно для характеристичнаго направленія вкуса среднихъ людей. За нѣсколькими знаменитыми живописцами всегда стоитъ толпа настоящихъ фабрикантовъ, снабжающихъ живописью дворцы, церкви и простые буржуазные дома. Я представляю себѣ при этомъ громадную мастерскую, куда обращаются люди, желающіе сообщить убранству изъ дома высшую роскошь. Выставка, этотъ базаръ, о которомъ я говорилъ, гораздо пригодище для фабрикантовъ, чѣмъ для великихъ мастеровъ. Каталогъ выставки 1876 г. говорить, что это девяносто-третья оффиціальная выставка. Если власть среднихъ числомъ тысячи произведеній на каждую выставку, то получится волосатая цифра въ девяносто-три тысячи картинъ, признанныхъ жюри достойными выставки и поглощенными потребованіемъ. Едва какихъ-нибудь пятьсотъ пережили! Это ужасно, и доказываетъ, что выставка можетъ быть лишь простой лавкой, какъ и всякая другая, возобновляющая свой товаръ, слѣдящая за модой, безпрестанно снабжающая рынокъ товарами, который изнанивается и исчезаетъ.

Когда встрѣчаешь творца, то долженъ стать передъ нимъ на колѣни. Но масса, главная масса, состоитъ изъ вонистовъ, изъ смеленныхъ дилеттантовъ, изъ ловкихъ ремесленниковъ, изъ умныхъ людей. Конечно, и у нихъ есть свои достоинства, много изъ нихъ доводитъ ловкость до того, что она замѣняетъ таланты. Къ тому же,

они необходимы. Необходимо, чтобы у цивилизованной нации существовала цѣлая армія художниковъ, для того, чтобы удовлетворить потребностямъ въ искусствѣ у толпы. Еслибы живописцы были достояніемъ однихъ великихъ мастеровъ, то удовлетворены были бы лишь немногіе избранные. Надо продавать картинки, пригодныя для всѣхъ. Полезно даже, чтобы существовала академія художествъ, гдѣ бы дрессировали художниковъ, подобно тому, какъ существуютъ „Ecole d'Arts et Métiers“, въ которой образуютъ механиковъ. На извѣстной степени культуры потребность видѣть живопись такъ же велика въ народѣ, какъ потребность изобрѣтать новые механические двигатели.

Къ тому же, развѣ живописцы не употребляютъ всѣхъ усилій, чтобы намъ понравиться? Грандіозная живопись почти отсутствуетъ; почти не видно картинъ съ святостями, очень мало картинъ историческихъ, но за то настоящій потопъ картинъ жанра, забавныхъ бездѣлушекъ. Подумаешь, что перелистываешь „Magazin pittoresque“, это смотрится безъ утомленія, съ улыбкой. Передъ иными картинами публика толпится, и будьте увѣрены, что на нихъ изображена какая-нибудь драматическая или просто забавная сцена, восхищающая этихъ большихъ дѣтей. *Жанръ* — это мелкая монета искусства, картины, находящіяся легкой сбывѣ, сюжеты, доступные всеобщему пониманію. *Портреты* также добрые ребята, всѣ имѣютъ очень презентабельный видъ. Они ласково глядятъ на насъ изъ рамки, въ граціозной позѣ. Они румяны и здоровы: мужчины въ черныхъ сюртукахъ, съ расчесанной бородой, дамы въ нарядныхъ туалетахъ, точно онѣ только-что вышли изъ рукъ куафѣра. Но что всего удивительнѣе, такъ это то, что всѣ эти дамы и кавалеры точно будто принадлежать къ одной семьѣ, семьѣ чистенькой, прилизанной, семьѣ, которая ничего не дѣлаетъ руками, и каждый сломается, если вздумаетъ повернуть голову; въ концѣ-концовъ, портреты производятъ довольно забавное впечатлѣніе вечера, на которомъ бы всѣ гости были привѣшаны къ стѣнамъ, и хранили самое скромное молчаніе. *Пейзажи*, наконецъ, блещутъ весенней свѣжестью. Сознаюсь, они больше нравятся мнѣ, даже посредственные изъ нихъ. Они возбуждаютъ мечты о природѣ, обширномъ небѣ, большихъ лѣсахъ, веселыхъ водахъ. Къ тому же, въ нихъ проявляется настоящая французская школа, новѣйшій духъ, стремленіе къ анализу и къ правдѣ.

Я говорилъ въ защиту посредственности, но, сознаюсь, у меня не хватаетъ духа пускаться въ анализъ того, что я называю относительными похвальными качествами. У меня не хватаетъ досугу, я не чувствую себя достаточно хладнокровнымъ среди двухъ тысячъ картинъ, почти одинаковаго достоинства, чтобы съ полными бо-

пристрастіемъ расточать похвалы и порицаніе и воздавать каждому должное; къ тому же, это значило бы безъ всякой пользы запутаться въ мелочахъ. Въ цѣломъ, выставка нынѣшняго года представляетъ точь-въ-точь то же, чѣмъ она была въ прошломъ году и чѣмъ будетъ въ будущемъ. Она не можетъ быть ни лучше, ни хуже. Она представляетъ собой великій и умный Парижъ, гдѣ остроумія, говорятъ, не оберенся, и который поставилъ искусство для иностранцевъ, какъ поставилъ на весь свѣтъ мыла, перчатки и украшения. Да, я отступаю передъ обязанностью высказывать приговоры въ качествѣ школьнаго учителя и указывать каждому свое мѣсто; я предпочитаю на свой собственный страхъ снова искать спасенія если не у безусловныхъ талантовъ, то въ критикѣ нѣкоторыхъ живописцевъ, избранныхъ среди тѣхъ, что пользуются наибольшимъ успѣхомъ, и чьи произведенія характеризуетъ переживаемый нами артистическій моментъ. Это будутъ бѣглыя замѣтки, ничего болѣе; я коснусь только сливомъ выставки, картинъ, возбуждающихъ толки. И даже я не буду стараться подтверждать свои сужденія какимъ-нибудь опредѣленнымъ ученіемъ, излагать цѣлую эстетическую теорію.

Увы! съ какою пламенной радостью сталъ бы я восхищаться какимъ-нибудь великимъ мастеромъ. Но я могу вызвать лишь великія тѣни Делакруа и Энгера, этихъ упрямыхъ гениевъ, отошедшихъ изъ міра, не измѣнивъ своей гениальности. Эти гиганты не оставили преемниковъ, и мы все еще ждемъ гениевъ будущаго. Курбэ, состарѣвшійся, изгоняемый, какъ прокаженный, отходитъ уже, вслѣдъ за ними, въ исторію. Онъ тоже принадлежитъ уже въ отжившимъ, къ живописцамъ, картины которыхъ будутъ вѣчными по своей силѣ и правдѣ. Среди живыхъ едва одинъ или два пытаются какъ будто возвыситься до роли творцовъ.

III.

Трудно остановиться на какой бы то ни было классификаціи. Я буду держаться четырехъ группъ: грандіозной живописи, портретовъ, жанра и пейзажей, единственно, впрочемъ, затѣмъ, чтобы внести нѣкоторый порядокъ въ свои замѣтки.

Счастливая звѣзда позволяетъ мнѣ упомянуть, во-первыхъ, о Пьері де-Шавазѣ, единственномъ изъ малыхъ живописцевъ, который дѣйствительно пишетъ грандіозныя картины. Онъ усвоилъ себѣ средніе тоны фрески, слабо окрашенной и сохраняющей самую величественную строгость стиля. Рисунокъ, трезвый и чистый, слегка архаическій и продолговатый, получаетъ особую важность въ этихъ громад-

ныхъ, мирныхъ картинныхъ, созданныхъ для украшенія зданій. Но такъ какъ этотъ художникъ вышелъ не изъ академій художествъ и вносить въ искусство очень оригинальныя черты, то администрація до сихъ поръ не осмѣливалась поручить ему какого-нибудь важнаго труда. Но вотъ, наконецъ, она рѣшилась поручить ему написать нѣсколько стѣнныхъ картинъ для церкви св. Жюзеппа, которую собираются отдѣлывать заново. Иванъ де-Шаванъ изстигъ первую картину, съ слѣдующимъ объясненіемъ, стоящимъ и теперь: „Съ самаго ранняго дѣтства св. Жюзеппа выказывала истинную набожность. Проводя большую часть времени на молитвѣ, она внушала удивленіе и восторгъ всѣмъ, кто ее видѣлъ“. Епископъ участвуетъ въ молитвѣ и благословляетъ святую, еще ребенкомъ. Фигура дѣвочки очаровательна по своей кротости и граціи. Группы ирисованы очень искусно, съ той простотой, которая придаетъ характеръ мальчишнимъ дѣланіямъ. Вотъ несомнѣнно декоративная живопись, самомъ широкомъ значеніи этого слова, которая должна придать величіе монументу, а не унизить его, и сообщить ему мирный характеръ высокой идеи, выраженной съ ясностью и спокойной оригинальностью.

Но какими образомъ, напримѣръ, дать понять Гюставу Дорѣ н глубокое заблужденіе, въ какомъ онъ обрѣтается, когда воображаетъ, что производитъ грандіозную и декоративную живопись, потому что ежегодно выставляютъ шестьдесятъ квадратныхъ метровъ расписаннаго полотна? Всего любознательнѣе было бы мнѣ знать, куда являются эти колоссальныя ошибки, потому что картинъ этихъ нѣтъ не видно. Если Дорѣ сохраняетъ ихъ у себя, то, должно быть, онъ напалъ для нихъ отдѣльный магазинъ.

Въ нынѣшнемъ году Дорѣ выставилъ „Входъ Иисуса Христа въ Иерусалимъ“. Иисусъ, сидящій на легендарномъ ослѣ, ѣдетъ по улицѣ, окруженный громадной толпой. Въ первую минуту ничего не видно изъ картинъ, кромѣ лѣса пальмовыхъ вѣтвей, которыми размахиваетъ толпа; это прежде всего поражаетъ и остается въ глазахъ. Ничего стиля, ни одной сознательной и законченной черты: картина производитъ впечатлѣніе огромнаго, нестраго пятна, минимума фактивныхъ теней, странной толкотни фигуръ, нарисованныхъ самымъ обычнымъ манерѣ живописца, возмѣщающаго свое абсолютное неумѣнье съ человѣческимъ тѣломъ ловкостью въ изысканіи нѣжныхъ гороховыхъ, никогда не мѣняющихся. Я подозреваю, что нынѣшній годъ онъ хотѣлъ отразить упрекъ критиковъ, что онъ рисуетъ слишкомъ темно; онъ размалевалъ свою картину самыми яркими и самыми красками; но, темная или яркая, она тѣмъ же менѣе способна раскрашеннымъ эстампомъ, которому придали несообразные ре-

жѣры, вслѣдствіе чего еще рѣзче выступает бѣдность стили и отсутствіе истинной оригинальности! Дорѣ, весьма живописный и забавный рисовальщикъ, когда довольствуется иллюстраціей роскошныхъ изданій, долженъ былъ бы бросить кисть и снова взяться за карандашъ.

Увѣжу еще, среди громадныхъ картинъ, на очень милое произведеніе Мазеролли: „Крестница фрей“, долженствующее служить образцомъ для обоей, заказанныхъ на Гобеленовской фабрикѣ, равно какъ и на двѣ другія картины: „Визитъ Магомета II въ Константинополь“ Беншамена Констана, и „Іоанну д'Аркъ“ Моншаблона. Первая является плодомъ усилій хорошаго ученика Кабанеля, котораго должна тревожить великая тѣнь Эжена Делакруа. Что касается второй, то она еще плоше первой, потому что эта Іоанна д'Аркъ, эта толстая дѣвчина, свачущая на конѣ, который становится на дыбы, самая вульгарная фигура, какую только можно себя представить. Надо замѣтить, впрочемъ, что Іоанна д'Аркъ до сихъ поръ еще не вдохновила удачно ни одного художника во Франціи. Вольтеръ написалъ по поводу ея мѣрзости; Энгель нарисовалъ очень плохую картину, не считая нелѣпыхъ трагедій и дикихъ статуй. Эта сильная и вроткая дѣва, это изумительное созданіе, какъ-бы невымысленное поэтому, не дается нашему искусству.

Перехожу къ исторической живописи, болѣе скромной по своимъ размѣрамъ. Тутъ картины умяются и представляютъ не болѣе трехъ-четырехъ квадратныхъ метровъ. Прежде всего дамъ волю своему воспоминанію на Кабанеля, мастера академіи художествъ, имѣющаго такое вредное вліяніе на нашихъ молодыхъ живописцевъ. Онъ написалъ „La Sulamite“. Вы понимаете, онъ изобразилъ не вѣсту „Пѣсни пѣсней“, и для того, чтобы никто не ошибся на этотъ счетъ, привелъ ея возгласъ въ каталогъ: „Голосъ милаго—ужъ день! Вотъ, съ пригорка на пригорокъ, скачешь милый, леговъ, зоревъ... Вотъ, за нашей стѣною, онъ стоитъ, избранникъ мой... На пригѣтъ мой говорить: „Встань, сойди! давно денница, и давно тебя жду я!—встань отъ ложа, голубица, совершенная моя!“ И что же?! Кабанель ничего не извлекъ изъ этихъ пламенныхъ словъ, какъ восковую даму, похожую на тѣхъ, что вертятся передъ витринами парикмахеровъ, даму, отлично расчесанную, съ длинными недовѣстными рѣсницами, съ желтовато-розовой кожей, точно законченной газомъ. И чтобы показать, что она слышитъ голосъ милаго, онъ заставилъ ее слегка поднять голову, съ круглыми глазами, точно у прислушивающейся курицы; одна рука поднята вверхъ, другая прижата къ груди. Къ несчастію, я не могу передать извѣснаго вида этой дамы, —тихичной гаремной султанши,—и весь аромат условной пош-

лости и буржуазной глупости, издаваемый этой картиной. Да, вот все, что Кабанель придумалъ, чтобы передать это огненное существо, эту еврейку, изнывающую отъ нетерпѣнія въ ожиданіи сунура. Онъ изобразилъ копѣечную одалиску, фигуру, достойную изображать Азію въ турбанѣ, среди изображеній пяти частей свѣта. Никогда еще академія не доказывала болѣе характеристичнымъ образомъ всю банальность ея воззрѣній на живопись.

Бугерро также нарисовалъ Богородицу, оплакивающую своего божественнаго Сына, условное изящество которой весьма любопытно въ своемъ родѣ. Но я предпочитаю прямо перейти къ картинѣ Сильвестра: „*Локуста пробуетъ съ присутствіемъ Нерона ядъ, приготовленный для Британика*“; эту картину публики и критика превозносятъ до небесъ. Поговариваютъ даже, что живописцу, очень еще молодому человѣку, дана будетъ почетная медаль. Сильвестръ учился въ мастерской Кабанеля, но, повидимому, на первыхъ же порахъ принимаетъ больше энергіи и силы, чѣмъ его учитель. Сцена драматически составлена. Неронъ, очень жирный, съ круглой головой, съ неподвижной фizioноміей римскихъ императоровъ, которую намъ сохранила древняя скульптура, выслушиваетъ объясненія Локусты, высокой, черной женщины, худой и нервной, фамиллярно упирающейся рукой въ колѣно владыки. Передъ ними невольникъ, сжатый адомъ, хрипитъ на полу, конвульсивно вадрагивая ногами. Само собой разумѣется, что этотъ голый невольникъ помѣщенъ здѣсь единственно лишь затѣмъ, чтобы дать живописцу предлогъ нарисовать прекрасный торсъ, согласно академическимъ правиламъ. Этотъ торсъ, весьма правильный, немного холоднѣе роковымъ образомъ, равно какъ и страданія несчастнаго; его поза и ракурсъ слишкомъ отзываются дѣланностью. Фонъ картины, изображающій зеленый и желтый мраморъ, рѣжетъ глазъ, но и полагаю, что онъ играетъ немаловажную роль въ успѣхѣ произведенія, потому что если толпа останавливается передъ нимъ, то главнымъ образомъ потому, что этотъ мраморъ придаетъ картинѣ оригинальный видъ. Трудно сказать, есть ли у Сильвестра своя собственная фizioномія, потому что всѣ его приемы позы сильно напоминаютъ приемы учителя. Но, вѣрно, у него есть настойчивость, а это несомнѣнное достоинство. Теперь ему остается только обрѣсти творчество.

Бонна выставилъ: „*Борьбу Іакова*“. Вотъ опять предлогъ для изображенія голаго тѣла—и ничего больше, тѣмъ болѣе, что Бонна сообщаетъ необыкновенную тяжеловѣсность всему, что изображаетъ. Право, можно подумать, что онъ рисуетъ известнымъ растворомъ. Св. Дѣвы, Христа, ангелы у него привязаны къ землѣ; хотя онъ и придѣлываетъ имъ крылья, но они слишкомъ тяжеловѣсны, чтобы

подняться съ земли. Я не жалуюсь на солидность Бонна, лишающую его порываній спиритуалистическихъ живописцевъ. Но, право, я желаю бы побольше огня въ этой плотной живописи, напоминающей стѣнную штукатурку. Его два борца: ангелъ и Іаковъ, два здоровенныхъ парня, обלאившихъ другъ друга, съ напряженными отъ усилія мускулами. Мы видимъ тутъ мощнаго работника, но не видимъ художника, въ томъ нервномъ значеніи, какое мы нынѣ придаемъ этому слову.

Геннёръ выставилъ „Успіаго Христа“, котораго я, напротивъ того, упрекну въ томъ, что онъ нарисовать слишкомъ жидко. Трупъ отличается перламутровой блѣдностью, кожей дѣвушки, страдающей хлорозомъ и изученной живописцемъ до мельчайшихъ поръ. Это сдѣлано тонко и точно, но невольно думается о широй кисти великихъ мастеровъ, и эта манера кажется очень мелкой. Во всемъ этомъ много знанія, много искусства, даже довольно самобытная манера смотрѣть на вещи и ихъ передавать; но только все это не возвышается надъ уровнемъ посредственности и отличается полнымъ отсутствіемъ смѣлой оригинальности.

Изъ всѣхъ крупныхъ картинъ особенное вниманіе несомнѣнно привлекаетъ картина Воллона: „Femme du Pollet, à Dieppe (Seine-Inférieure)“. Воллонъ занялъ высокое мѣсто въ живописи, главнымъ образомъ, благодаря изображенію неодушевленныхъ предметовъ, поэтому въ нынѣшнемъ году его картина была сюрпризомъ и триумфомъ. Представьте себѣ Юнону, переодѣтую женою оборваннаго рыбака и выставляющую великолѣпныя плечи изъ-подъ лоскутковъ, прикрывающихъ ее. Она несетъ на спинѣ пустую корзину; голыя ноги выставлены изъ-подъ дыр�авой юбки, сильныя, круглыя, плотныя ноги, списанныя съ античной статуи. Не знаю, дѣйствительно ли Воллонъ откопалъ эту модель въ Діеппѣ; готовъ вѣрить, но въ такомъ случаѣ бѣднѣйшее населеніе этой мѣстности можетъ похвалиться замѣчательными красавицами. Реалистическое намѣреніе очевидно; но только это реализмъ широкаго пошиба, возвышающійся до эпоса. Встрѣтивши на берегу моря такую красавицу, невольно преклонились передъ ея красотой. Конечно, Воллонъ очень крупный талантъ, но я нѣсколько сердитъ на него за то, что онъ прибѣгнулъ къ избитому средству, чтобы обезпечить успѣхъ за своимъ произведеніемъ: набросилъ нищенскія лохмотья на копію съ Венеры Милосской. Я не отрицаю, что попадаютъ хорошо сложенные и очень красивыя женщины въ бѣдномъ классѣ, но только у нихъ совсемъ иной характеръ красоты. Резюмирую: жена рыбака, нарисованная Воллономъ, не дышетъ правдой, какъ дышало бы выхваченное изъ жизни созданіе.

Укажу еще на странную картину Фантэн-Латура, называемую „l'Anniversaire“. Эта картина нарисована въ честь Берлиоза. Нѣсколько фигуръ обозначаютъ гирляндами цвѣтовъ медальоны великаго музыканта. Музыка плыветъ, между тѣмъ какъ лирическія творенія изъ эстра, олицетворяющія въ героиняхъ его оперъ, бросаютъ вѣны. Все это очень темное и аллегорично. Но чего нельзя не похвалить безусловно, это искусной живописи, такой горячей и яркой, по тону и краскамъ! Хотя картина Фантэна не особенно привлекаетъ вниманія публики, но должна считаться одной изъ наиболѣе удачныхъ трехъ или четырехъ картинъ выставки. Я особенно хвалю оригинальность замысла и выполненія.

И вотъ, и все: я вынужденъ перейти къ портретамъ, не потому, чтобы не хватало попытокъ въ грандіозной живописи, вовсе нѣтъ! но потому, что нѣтъ охоты повторять обо всѣхъ картинахъ то, что я сказалъ о нѣкоторыхъ. Картины слѣдуютъ одна за другой, и мнѣ дѣй кажутся воды похожи одна на другую. Къ тому же, портреты это мелкая монета исторической живописи. Такъ какъ большія картины съ трудомъ находятъ сбытъ, то по-неволѣ приходится писать герцогинь или простыхъ буржуа, что даетъ порядочный доходъ. Уважающій себя художникъ не пишетъ портрета дешевле десяти тысячъ франковъ.

Въ числѣ портретовъ, самымъ удачнымъ, не въ смыслѣ его историческаго достоинства, а въ смыслѣ успѣха, какой онъ находитъ въ публикѣ, надо назвать портретъ м-ле Сары Бернгардтъ, актрисы Comédie Française, нарисованный Клереномъ. Молодая артистка лежитъ на софѣ, въ небрежной позѣ, и тѣлу ея приданы такіе изящные изгибы, что невозможно понять, гдѣ у ней бока, колѣни и ноги. Я хорошо знаю, что м-ле Сара Бернгардтъ славится самой художницею особой Франціи; но это не резонъ раскинуть ее на софѣ въ такую видѣ, какъ будто бы ея модельеръ не приравнивалъ собою никакаго тѣла. Угри—и тѣ занимаютъ болѣе мѣста. Прибавьте къ этому, что софа красная, а подушки желтыя, и на коврѣ лежитъ боровъ сабака, и вы поймете, какимъ яркимъ пятномъ выдѣляется картина на стѣнѣ. Молодая актриса точно растаяла среди костра, заживающаго живописцемъ. Наконецъ, голова показалась мнѣ мало нехорошо, слишкомъ польщенной со стороны условной красоты. М-ле Сара Бернгардтъ не красавица, но у ней умное и тонкое лицо, изъ котораго Клеренъ ничего не сумѣлъ сдѣлать, кромѣ правильнаго и пошло-сластолюбиваго личика, какія умѣетъ рисовать Кабанахъ.

Однимъ изъ хорошихъ портретовъ на выставкѣ надо считать портретъ Эмиля де-Жирардена, нарисованнаго Карлусомъ Диракомъ. Знаменитый публицистъ сидитъ за бюро, съ перомъ въ рукахъ; онъ

поднять голову и, новидимому, дожидается вдохновенія. Это очень живая и очень трезвая страница, что рѣдко можно встрѣтить у Каролуса Дюрана. Фонъ темнаго тона рельефно выдаетъ оживленную фizioномію, удивительно похожую. Эмиль де-Жирардонъ уже не молодъ, года придали ему характерное лицо старухи съ короткимъ подбородкомъ, пересѣченнымъ двумя глубокими морщинами, овалъ щекъ сдавленный и нѣсколько отвислый, и, несмотря на все это, когда вы поглядите на него нѣсколько времени, то огонь оживленія озаритъ для васъ это диковинное лицо, въ первую минуту чуть-чуть не вызывающее улыбки. Мнѣ гораздо меньше нравится другой портретъ, выставленный Каролусомъ Дюраномъ, а именно: портретъ маркизы д'Анфорти. Эта дама, въ бѣломъ платьѣ, медленно спускается съ великолѣпной лѣстницы. Но тутъ живописецъ, къ несчастію, увлекся своей любовью къ богатымъ матеріямъ и аксессуарамъ, обработаннымъ съ чересъ-чуръ большимъ блескомъ.

Другой превосходный портретъ—это портретъ вѣснаго романиста Ивана Тургенева, нарисованный Харламовымъ. На послѣдней выставкѣ этотъ живописецъ уже произвелъ большой эффектъ портретомъ Полины Віардб. Его манера особенно характеризуется большою солидностью фактуры. Онъ мощно и широко рисуетъ, не плутуетъ съ природой, держится гаммы тоновъ нѣсколько глухихъ и немного рѣзкихъ, но откровенныхъ. Однако я долженъ сказать, что предпочитаю портретъ m-me Віардб. Тургеневъ очень похожъ, если судить съ точки зрѣнія вѣрной передачи чертъ, но мнѣ показалось, что его взгляду придано жесткое и печальное выраженіе, которое совсѣмъ ему несвойственно. Онъ сидитъ; лицо обращено прямо къ зрителю. Руки очень хороши, платье тоже. Впрочемъ, несмотря на мои критическія замѣчанія, я ставлю этотъ портретъ въ число пяти или шести прекрасныхъ портретовъ выставки.

О портретѣ Альфонса Додэ я скажу то же самое, что сказалъ и о портретѣ Тургенева. Отличная кисть,—но лицо мало удалось. Впрочемъ, я ставлю работу Харламова гораздо выше такой же работы Фейанъ-Перреня; этотъ послѣдній прикинулъ Альфонсу Додэ по крайней мѣрѣ пять или шесть лѣтъ лишніхъ. Онъ сдѣлалъ какую-то мрачную и утомленную фигуру изъ тонкой фizioноміи Додэ, весьма еще молодой, подъ кожей которой ясно просвѣчиваетъ капля арабской крови. Впрочемъ, кисть сочная, превосходный колоритъ, и все вмѣстѣ обличаетъ настоящій темпераментъ художника.

А теперь, я затрудняюсь только въ выборѣ. Бодрѣ, живописецъ, втораго декораціи для новой оперы въ теченіи десяти лѣтъ держали вдали отъ выставокъ, появился на ней этотъ годъ съ двумя прекрасными портретами, бойко написанными, такъ бойко, что мнѣ показалось даже, что публика смущена и сбита съ толку. Бастьенъ

Леней выставилъ также отличный портретъ Валлона, бывшаго во время оно министромъ народнаго просвѣщенія. Шаллонъ выставилъ, по своему обыкновенію, очаровательныя женскія головки, съ прелестной бѣлорозовой кожей, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ окружающими куклами, потому что онѣ мощно нарисованы, несмотря на свою грацію. Мнѣ бы пришлось продолжать такимъ образомъ на трехъ или четырехъ страницахъ, еслибы я вздумалъ налечь только на одни порядочные портреты; ими увѣшаны стѣны, и они занимаютъ три-четверти каталога. Затѣмъ мнѣ пришлось бы спуститься ниже и упомянуть о Дюбуфѣ, любимомъ живописцѣ буржуазіи, у котораго кисть отличается конфетными тонами, и дойти, наконецъ, до Периньона, живописца котораго напоминаетъ разрисованный фарфоръ, а лица, освѣщены изнутри, точно ночники, портреты же пригодны на то, чтобы ихъ наклеить на конфетныя коробки. Я лучше замолчу о похвалахъ. Геннёръ, о которомъ я уже говорилъ, выставилъ весьма любопытный портретъ старушки, м-ме Каравагіа. Сморщенное лицо изучено крайне тонко. Публика останавливается удивленная и очарованная, точно у этой дамы еще сохранились ея прекрасныя шестнадцатилѣтніе глаза. Я замѣтилъ, что старухи приносятъ счастье живописцамъ.

IV.

Тутъ, я возобновляю свою прогулку, и картины еще сильнѣе тѣшатъ меня со всѣхъ сторонъ. Я прохожу мимо картинъ *жанра*, унизывающихъ карнизъ. Этихъ картинъ цѣлые потоки, цѣлыя машины. И это легко объясняется тѣмъ, что *жанръ* находитъ легкій сбытъ, и мы снабжаемъ имъ всѣ пять частей свѣта. Буржуа раскисаютъ отъ восторга передъ этими картинами, забавными какъ рисунки въ иллюстраціи. Нѣкоторые приносятъ лупы, чтобы лучше разглядѣть детали. Передъ картиной пронесодитъ давка, когда живописцу удалось придумать сенсационный сюжетъ или просто фотографировать дѣйствительность.

Въ этомъ году картина Фирмэна-Жирана: „*Цветочная Набережная*“, является настоящимъ событіемъ въ этомъ смыслѣ. Если хочешь ее видѣть, то долженъ стоять по-долгу въ хвостѣ, потому что передъ ней всегда тѣснится спина пятьдесятъ. Ничего не можетъ быть характеристичнѣе этого восторга. Фирмэнъ-Жиранъ не далъ даже себѣ труда поломать голову. Онъ просто-на-просто взялъ уголокъ цветочнаго рынка, помѣщающагося на набережной Ратуши; въ глубинѣ видѣнъ мостъ Нотрѣ-Дамъ, а дома составляютъ горизонтъ; на рынкѣ сидятъ торговки съ цвѣтами; толпятся прохожіе и покупатели. Но что составляетъ колоссальный успѣхъ картины—это отдѣлка ка-

даго деталя, отдѣлка, доведенная до невозможности. Публика смотритъ на это такъ, какъ она бы смотрѣла на какой-нибудь курьезъ, фокусъ. Маленькіе человѣчки, въ нѣсколько сантиметровъ величиной, восхищаютъ ее, и у ней вырываются крики радости, когда она можетъ сосчитать пуговицы жилета, разглядѣть рисунокъ кружева, разобрать, сколько кустовъ желтофіоля стоитъ въ корзинѣ. Я стоялъ передъ этой картиной съ полчаса и прислушивался къ отзывамъ. Что особенно восхищало двухъ дамъ, стоявшихъ рядомъ со мной, — это оминбусъ, проѣзжавшій по мосту, настоящій оминбусъ, немного больше ногга, въ которомъ можно было даже различить пассажировъ. На первомъ планѣ продавецъ коко съ мѣднымъ кувшиномъ какъ же возбуждалъ великій восторгъ. И что же! говорю хладнокровно: это произведение просто дурной поступокъ, потому что извращаетъ вкусъ публики. Оно заставляетъ ее принимать за искусство то, что есть не что иное, какъ ловкость и терпѣніе. Это сухая, черствая, мертвая живопись, рисующая живую природу, какъ живописецъ неодушевленныхъ предметовъ рисуетъ золотыя украшенія. Все въ ней грко и живое жалкій рисунокъ, рѣзкія краски, мелочность ансамбля. Тогда все есть, тогда нѣтъ ничего, говаривалъ нашъ великій Корб. Онъ былъ правъ: глядя на „*Цветочную Набережную*“, кажется, что надѣлъ очки для близорукихъ глазъ, которыя васъ ослѣпляютъ, до того детали въ нихъ отчетливо видны. Природу слѣдуетъ изображать совсѣмъ иначе, съ ббльшей глубиной и мягкостью.

Фирманъ-Жиранъ слыветъ умнымъ человѣкомъ. Миѣ говорилъ, то онъ нарочно написалъ такую картину, чтобы угодить извращенному вкусу публики. Если это справедливо, то тѣмъ хуже для него; критика должна отнестись къ нему безъ малѣйшаго снисхожденія. Давать деньгу помощью искусства — да это отератительно! Художникъ, хладнокровно подготовляющій себѣ успѣхъ и выгодный сбытъ своему произведенію, поощряя глупость толпы, не что иное, какъ ловкій фариикантъ, и ему слѣдовало бы родиться сапожникомъ или портнымъ. Рассказываютъ, что Фирманъ-Жиранъ отказался продать свою картину за пятьдесятъ тысячъ франковъ. Онъ хочетъ получить сто тысячъ, и носится слухъ, что на-дняхъ одинъ американецъ согласился заплатить ему сто тысячъ франковъ. Боже мой! сто тысячъ франковъ за подобную картину! Сердце обливается кровью, и негодование душитъ, когда подумаешь, что Эженъ Делакруа, бессмертный художникъ, съ трудомъ продавалъ лучшія свои произведенія за полторы-два тысячи франковъ. Если дѣйствительно напался человѣкъ, готовый заплатить сто тысячъ франковъ за „*Цветочную Набережную*“, это пощечина, данная генію, апофеозъ глупости, отрицаніе всякой глубины и оригинальности въ искусствѣ. Ахъ! какая гнусность о мерзкое торжество денегъ!

Жеромъ, паряцій мнѣсть съ Кабанелемъ въ академіи, такъ предасть свои картины по оглушительной цѣнѣ. Но онъ, какъ-бы изъ того, чтобы смарчить нахальство своихъ успѣховъ, не занимаясь современными міромъ, а трагуетъ только античные, или по крайнѣйшѣ восточные сюжеты. Онъ остается вѣрнѣе преданіямъ и, благодаря этому, считается человекомъ серьезнымъ и очень цѣнится итѣрами. Главная оригинальность его заключается въ томъ, что онъ изобрѣлъ нео-греческую живопись. Онъ уменьшилъ разкѣры итерическихъ картинъ до разкѣровъ маленькихъ будучарныхъ картинъ, и рисовалъ ихъ съ отчетливостью паразитальной во всѣхъ деталяхъ. Представьте себѣ выставку итерумовъ въ сценѣ изъ Геродотъ и Тацита. Я не говорю о живописи: она ясна, чистенькая, блестя, безъ всякой характерности; только сюжетъ обуславливаетъ успѣхъ. На этотъ разъ Жеромъ выставилъ: „*Турецкій монахъ у дсерай мени*“. Идея самая потѣшная въ мірѣ: монахъ стоитъ, полу-обнаженный, съ неподвижнымъ и востыленнымъ лицомъ, въ позѣ нищихъ, торжачу! входа напихъ церквей; а передъ нимъ, на первомъ планѣ напихъ грудъ туфель и башмаковъ, — обуви лицъ, вомедавшихъ въ итеръ съ босыми ногами, согласно правилу. Итакъ, Жеромъ изобразилъ выставку восточнаго башмачника, потому что эта обувь на итеръ планѣ, разумѣется, является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ итеринѣ. И надо сказать, что она нарисована съ любовью, съ сирніемъ человека, для котораго башмачное ремесло на Востокѣ итеръ не вдоль и поперекъ. Видно, что у него, должно быть, есть напихъ музей турецкихъ башмаковъ; всѣ ихъ разновидности итеръ у него, и даже я подозревалъ, что онъ не безъ умела сирнировалъ ихъ, небрежно бросивъ одни, спокойно разставивъ другіе, итеръ что наблюдатель можетъ востановить по нимъ характеры людей, итеръ ходящихся въ мечети. Серьезно: подобное искусство не что иное, итеръ забава. Надобно французское добредуміе, чтобы преклоняться итеръ крестомъ и титуломъ академика Жерома. Онъ и не подозревалъ, что у искусства могутъ быть свое величіе и свои страсти. Онъ итеръ велъ всю жизнь въ томъ, что раскрашивалъ жалкіе турецкіе, итеръ востекіе или античные анекдоты. А художественное пониманіе у итеръ настолько еще ребяческое, что онъ напихъ на этомъ гронаднѣ итеръ стояніе.

Само собою разумѣется, такой живописецъ создать итеръ. Жеромъ Делакруа умеръ безъ преемниковъ. Но на нашей мостовой итеръ маленькіе Жероники, очень ловко обдѣлывающіе свои дѣла. Анекдоты въ живописи — вотъ великій успѣхъ минуты; анекдотъ итеръ достаточно для украшения буржуазнаго салона. Запѣйте въ томъ итеръ, что каждый можетъ набрать себѣ специальности, потому что америкъ берутся изъ времени регентства, изъ жизни духовенства, итеръ итеръ

анекдоты, анекдоты иностранные; я могъ бы представить цѣлый длинный списокъ. Но я приведу, для примѣра трехъ учениковъ или подражателей Жерома, три рода анекдотовъ.

Вибѣръ охотно беретъ анекдоты изъ жизни духовенства. Онъ отлично рисуетъ добрыхъ кюрэ, или монаховъ съ упитанными лицами, ласкающихъ розовыя щечки барышень. Въ этомъ есть маленький отгѣнокъ скабрѣзности, придающій особенную соль картинамъ. Но при этомъ живописецъ держится извѣстныхъ границъ, чтобы не запереть доступъ своимъ произведеніямъ въ приличные дома. Въ этомъ году на выставѣ красуется его весьма остроумная картина: „*Прихожая монсеньора*“. Тутъ, разумѣется, нарисована молодая дѣвушка, скромно сидящая, а на нее умильно и отечески поглядываетъ монахъ. Картина очень мила, отрицать этого нельзя. Но само собой понятно, что искусство отсутствуетъ, мы видимъ передъ собой не художника, а умнаго человѣка съ ловкими пальцами, умѣющаго быть пріятнымъ въ обществѣ.

Гарьё захотѣлъ отличиться по части сенсаціонныхъ анекдотовъ, — тѣхъ, что задѣваютъ публику неожиданностью деталей. Онъ набрелъ на сюжетъ, въ которомъ ему навѣрное позавидуютъ многіе изъ его собратьевъ. Онъ откопалъ, не знаю гдѣ, городѣ, въ которомъ мужчина и женщина, виновные въ прелюбодѣяннѣ, были выставлены на общественной площади. Ужъ, конечно, онъ могъ быть заранѣе увѣреннымъ въ успѣхѣ. Подумайте только: мужчина и женщина, обнаженные, бѣгутъ мимо толпы, бичующей ихъ! Когда семейство буржуа подходитъ къ такой картинѣ, она приковываетъ его къ мѣсту; семья ищетъ объясненія въ каталогѣ; другіе буржуа подходятъ въ это время; скоро образуется цѣлая группа, и такимъ образомъ картина становится событіемъ. Вотъ какъ объясняется успѣхъ Гарьё, живописца, лишеннаго на мой взглядъ всякаго таланта.

Детайль составилъ себѣ громкую славу военными анекдотами. Но Детайль далеко не безъ таланта. Картина, выставленная имъ въ нынѣшнемъ году: „*На рекогносцировку*“, лучшая изъ всѣхъ его картинъ. Сюжетъ, заимствованный изъ послѣдней войны, слѣдующій: батальонъ нѣмскихъ егерей, посланный на рекогносцировку, занимаетъ селеніе, гдѣ только-что происходила кавалерійская схватка. Главнымъ достоинствомъ произведенія является его драматическій характеръ. Непріятель покинулъ селеніе; остаются только, на первомъ планѣ, окровавленные и убитые, нѣмецкій кавалеристъ и его лошадь. На порогахъ домовъ показываются жители. Французскій авангардъ осторожно пробирается по улицѣ, ведомый проводникомъ въ блузѣ, и изъ сосѣднихъ переулковъ тоже показываются французскіе солдаты. Во всей этой сценѣ много волненія, какое-то страшное безмолвіе и

ожиданіе. Это мелкій родъ искусства, но выполненный съ большимъ пониманіемъ эффекта.

Для полноты мнѣ слѣдовало бы умножить примѣры, указать на производителей всевозможныхъ анекдотовъ. Но списокъ вышелъ бы черезъ-чуръ длиннымъ, и въ сущности достаточно будетъ, что я указалъ тотъ родъ, въ которомъ въ настоящее время особенно отличается французская школа, и который быстрѣе всего обогащаетъ живописцевъ. При этомъ упомяну еще и о другомъ родѣ, тоже пользующимся большимъ успѣхомъ: я говорю о маленькихъ женскихъ фигуркахъ, дамахъ, одѣтыхъ по послѣдней модѣ и читающихъ письма, разговаривающихъ или глядящихся въ зеркало. Иногда къ нимъ присоединяютъ кавалеровъ; наконецъ, нѣкоторые живописцы одѣваютъ своихъ куколъ по модѣ прошлаго столѣтія, субретками или маркизами, и этимъ особенно воскищаютъ публику. Тульмушъ составилъ себѣ репутацію въ этомъ родѣ; его маленькія женщины особенно миловидны; никто не сумѣетъ граціознѣе подобрать атласную юбку и набросить кружево на хорошенькую шейку, поэтому толпа вѣчно толчется передъ его картинами. На мой взглядъ онѣ не что иное, какъ картинки модъ, но только болѣе тщательно нарисованныя, чѣмъ тѣ, что красуются за витринами портнихъ.

Не слѣдуетъ также забывать и голыхъ женщинъ, этюдовъ тѣлъ, раскинутыхъ на кроватяхъ или на травѣ, съ античными или фантастическими этикетками, рассчитанными на то, чтобы скрыть банальность моделей, позировавшихъ въ мастерской художника. Этихъ дамъ назовутъ „Венерой“ или „Задумчивостью“, а не то „Одалиской“,—и дѣло въ шляпѣ. Онѣ бываютъ обыкновенно всѣхъ цвѣтовъ: бѣлыя, розовыя, и даже желтыя и зеленныя. Въ этомъ году должно, впрочемъ, замѣтить, что число голыхъ женщинъ сравнительно ограниченное. Лучшій изъ этихъ этюдовъ безспорно тотъ, что выставленъ Гонзагомъ Прива, подъ названіемъ „Уснувшей купальщицы“. Живопись хорошая, природа въ достаточной мѣрѣ уважается. Что дѣлаетъ обыкновенно этого рода картины особенно досадными, это усиліе живописца прикрасить и идеализировать модель. Увы! наши женщины красивѣе въ платьяхъ съ шлейфами, чѣмъ безъ рубашекъ; наша цивилизація такъ мало почитаетъ голое тѣло, что какъ будто стремится его обезобразить. Поэтому художники, не рѣшаясь передавать вульгарность своихъ моделей, награждаютъ ихъ статуями, выѣсто женщинъ. Иные обкрадываютъ древнихъ; другіе измышляютъ прозрачныя тоны, имитируютъ цвѣтовъ. Если есть живопись, идущая въ разрѣзъ съ природою, такъ это разумѣется та, что изображаетъ современныхъ Венеръ. Точность сочли бы за непристойность. Поэтому надо благодарить Гонзага за то, что онъ далъ намъ не совсѣмъ картонную куклу, облеченную розовой кожей.

Я отмѣчу всѣ курьёзные оттѣнки современной живописи, когда упомяну о Гюставѣ Морѣ, котораго поберегъ для конца, какъ самое удивительное проявленіе того состоянія, до котораго можетъ дойти художникъ въ погонѣ за оригинальностью и изъ ненависти къ реализму. Очевидно, что натурализмъ нашей эпохи, стремленіе искусства къ изученію природы должно было вызвать реакцію и породить живописцевъ-идеалистовъ. Это отступательное движеніе въ область воображенія приняло у Гюстава Морѣ особенно любопытный характеръ. Онъ не отбросился назадъ въ романтизмъ, какъ этого можно было ожидать; онъ пренебрегъ романтической горячкой, дешёвыми эффектами колоритности, разнузданностью кисти, ожидающей вдохновенія, чтобы покрыть полотно рѣжущими глаза контрастами свѣта и тѣни. Нѣтъ! Гюставъ Морѣ ударился въ символистичеку. Онъ рисуетъ картины, остающіяся зачастую загадками, наискиваетъ архаическія и первобытныя формы, беретъ Мантенъ за образецъ и придаетъ мельчайшимъ аксессуарамъ картины громадное значеніе. Его формула станетъ особенно понятной, если я опишу два послѣднія произведенія, выставленные имъ въ нынѣшнемъ году. Первое изображаетъ „Геркулеса и Лернейскую гидру“. Оригинальничанье художника выразилось въ гидрѣ, которую онъ сдѣлалъ громадной, занимающей весь центръ картины. Геркулесъ, котораго онъ загналъ въ уголокъ, маленькая блѣдная фигурка, небрежно отдѣланная, тогда какъ гидра возвышается точно какое-то исполинское дерево, съ колоссальнымъ стволомъ, откуда семь головъ торчатъ словно семь причудливо-изогнутыхъ вѣтокъ. До сихъ поръ живописцы изображали обыкновенно чудовище въ видѣ дракона, но Гюставъ Морѣ произвелъ революцію: онъ сдѣлалъ ее змѣею, и въ этомъ заключается его находка, гениальный замысль, который онъ, должно быть, обдумывалъ долгіе мѣсяцы. Глубокій смыслъ безъ сомнѣнія скрывается въ этой манерѣ толковать мифъ, потому что онъ ничего не дѣлаетъ зря; на его картины слѣдуетъ смотрѣть какъ на загадки, въ которыхъ каждая мелочь имѣетъ свое опредѣленное значеніе. Вторая картина его: „Саломея“, еще диковиннѣе. Дѣйствіе происходитъ во дворцѣ „идеальной архитектуры“, по выраженію одного восторженнаго критика. Впрочемъ, я позволю себѣ заимствовать у этого критика описаніе картины, подобнаго которому не сумѣлъ бы написать,—смирненно признаюсь въ этомъ. „Напротивъ, на тронѣ, или скорѣе на алтарѣ, сидитъ Иродъ. Надъ нимъ выдѣляется на фонѣ колоннъ тройной богъ, сосцы котораго группируются точно гроздья винограда и который простираетъ руку съ символическимъ жестомъ. Иродъ смертельно блѣденъ въ своихъ бѣлыхъ одеждахъ; онъ похожъ на призракъ и, повидимому, олицетворяетъ старый міръ, готовый рушиться вмѣстѣ

съ нимъ. У подножія алтаря стоитъ невольникъ, съ мечомъ въ рукѣ, неподвижный, безмолвный, блѣдный, какъ и его господинъ; съ другой стороны показывается Иродіада возлѣ музыкантши, играющей на какомъ-то инструментѣ. Изумительная молодая дѣвушка двигается по цвѣтамъ, усыпающимъ полъ, на кончикахъ пальцевъ своихъ бѣлыхъ ножекъ, унизанныхъ рубинами и жемчугомъ. Она вытянула одну руку, а другую сложила и держитъ передъ своимъ лицомъ, точно розовый лотусъ. Вотъ и весь ея танецъ, а между тѣмъ никогда не было намъ такъ понятно безуміе тетрарха, предлагающаго Саломѣ полцарства“.

Гюставъ Моро весь въ этомъ описаніи одного изъ его поклонниковъ. Талантъ его заключается въ томъ, что онъ беретъ сюжеты, надъ которыми уже работали другіе живописцы, и изображаетъ ихъ на иной ладъ, гораздо хитрѣе. Онъ рисуетъ свои мечтанія, не простые и добродушные мечтанія, какія свойственны всѣмъ намъ грѣшнымъ, но хитроумныя, сложныя, загадочныя мечтанія, въ которыхъ сразу и не разберешь, въ чемъ дѣло. Какой смыслъ имѣетъ въ наше время подобное искусство?—на это трудно отвѣчать. Я вижу въ немъ, повторяю, простую реакцію противъ современнаго міра. Опасность ея для науки невелика. Проходишь мимо, пожимая плечами, вотъ и все!

Я чуть-было не забылъ одного изъ учителей нашихъ юныхъ художниковъ, Фромантэна, человѣка значительнаго и пользующагося большими успѣхами. Онъ избралъ себѣ спеціальностью арабовъ. Въ этомъ году онъ проникъ въ Египетъ и выставилъ видъ Нила Живонисъ искусная, и ее можно упрекнуть только въ томъ, что она изображаетъ намъ лживый Востокъ, приспособленный къ буржуазному вкусу. Его Востокъ баналенъ, а арабы похожи на маслянистыхъ арабовъ. Фромантэнъ, между прочимъ, писатель не безъ достоинствъ. Онъ напечаталъ романъ, правда посредственный, схожій съ произведеніемъ Жоржъ Зандъ. Онъ писалъ и продолжаетъ писать въ „Revue des Deux Mondes“ статьи объ искусствѣ, которыя любопытно прочитать для того, чтобы судить, какъ относится послѣднее поколѣніе художниковъ къ новому поколѣнію.

Кончая, назову еще трехъ живописцевъ. Шельмонскій выставилъ двѣ картины: „Зима въ Украйнѣ“ и „Оттепель въ Украйнѣ“, несущія отпечатокъ правды. Нитлисъ выставилъ остроумно нарисованную массу пирамидъ въ Парижѣ; маленькія фигурки прохожихъ, толпа и живныя; воздухъ наполняетъ отдаленную перспективу улицы Риволи. Наконецъ, Леконтъ точно также прислалъ видъ Парижа: „Туремскій мостъ“, съ громаднымъ корпусомъ Нотръ-Дамъ, вырѣзающимся на сѣромъ небѣ.

Перехожу къ пейзажамъ. Жюрі, говорятъ, отнеслось съ особен-

ной строгостью къ пейзажистамъ. Дѣло въ томъ, что пейзажей, сравнительно мало на выставкѣ, тогда какъ обыкновенно они насчитываются сотнями. Не взирая на блескъ, какими озаарили пейзажъ великіе художники, какъ Корр, Жюль Дюпре, Теодоръ Руссо и другіе, менѣе знаменитые, академія всегда относилъ пейзажистовъ ко второму разряду. Они создали оригинальность нашего искусства, они займутъ мѣсто среди творцовъ нашего вѣка, — нужды нѣтъ! первый попавшійся пачкуетъ, изображающій привычныхъ человѣчковъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что рисуетъ историческія картины, убѣждаетъ, что онъ занимаетъ въ іерархіи искусства болѣе высокое мѣсто, чѣмъ пейзажисты. Это до такой степени вѣрно, что никогда жюри не дастъ первой медали пейзажисту. Пейзажистовъ награждаютъ только тогда, когда они посѣдуютъ. Быть можетъ, наши молодые художники, которые очень практичны, поняли всю невыгоду присылать прекрасныя деревья, когда скверныя лица приносятъ больше денегъ. Къ счастью, что гениальные люди никогда не теряютъ бодрости.

Итакъ, пейзажъ слабо представленъ на выставкѣ нынѣшній годъ. Къ тому же, великія имена исчезли; изъ героической группы побѣдителей остается только Добиннѣ, правдивый и чудесный живописецъ береговъ Сены и Уазы. Онъ открылъ намъ прелести парижскихъ окрестностей; онъ удалялся всего лишь миль на десять, и развѣ изрѣдка лишь пробирался въ Нормандію; а я знаю живописцевъ, извѣздившихъ Швейцарію, Италію и Испанію и сдѣлавшихъ меньше открытій, чѣмъ онъ. Въ теченіи пятнадцати лѣтъ онъ не продавалъ своихъ картинъ дороже пятисотъ франковъ. Правда, что со времени триумфа пейзажа онъ спустилъ весь старый матеріалъ своей мастерской за очень почтенныя суммы. Его „*Плодовый садъ*“ на выставкѣ нѣсколько тѣменъ. Но какое мастерство въ изображеніи зелени, какое знаніе жизни древесной! Передъ нами яблони и сливы, покрытыя плодами, съ стволами, поросшими мхомъ и растущими вкось, съ искривленными вѣтками. Надо знать маленькіе садикіи парижскихъ окрестностей, чтобы оцѣнить впечатлѣніе правды, получаемое отъ этой картины, отъ которой кажется вѣтъ свѣжестью листьевъ; среди великаго безмолвія кажется, что слышишь время отъ времени глухое паденіе плода на землю. Небо, бѣлое и голубое, глѣтнее яркое небо грѣшитъ тѣмъ, что подавляетъ пиръ картины. Но тѣмъ не менѣе это самая широкая страница, выхваченная изъ книги природы, какаѣ только есть на выставкѣ.

Въ числѣ молодыхъ пейзажистовъ, готовящихся въ свою очередь стать мастерами, я назову Гильемѣ, картины котораго были очень замѣчены на послѣдней выставкѣ. Въ этомъ году его картина, названная: „*Виллервилль*“, показала мнѣ еще лучше. Это просто-на-просто

морской берегъ во время отлива, съ обвалами земли и утесами по правую сторону, моремъ по лѣвую, зеленой линіей на горизонтѣ. Впечатлѣніе получается грустное и величественное; въ лицо пахнутъ солеными морскими испареніями. Солнце заходитъ, изъ необъятнаго пространства надвигается тѣнь. Что составляетъ оригинальную черту Гильёмѣ, такъ это то, что онъ сохраняетъ энергическую кисть, доводя отдѣлку до крайности. Онъ принадлежалъ къ революціонной группѣ молодыхъ художниковъ, ставившихъ себя въ славу то, что они производили одни наброски; чѣмъ неумѣлѣе оказывалась техническая сторона дѣла, тѣмъ громче прославлялась картина. Гильёмѣ благоразумно отдѣлился отъ группы, и достаточно ему было старательнѣе поработать надъ своими картинами, чтобы произвести фуроръ. Онъ мало-по-малу становится знаменитостью, не измѣня, надѣюсь, своимъ прежнимъ вѣрованіямъ. Техника усовершенствовалась у него, а любовь къ правдѣ осталась та же.

Считаю бесполезнымъ продолжать дальше этотъ этюдъ. Я желалъ бы только выразить все удивленіе, какое возбуждаютъ во мнѣ Поль Фландрэнъ и Альфредъ де-Кюрзонъ, съ ихъ академическими пейзажами, на которыхъ деревья нарисованы, какъ торсы въ шюлахъ. Можно пересчитать листья на ихъ дубахъ; подумаешь, что прогуливаешься среди природы Пуссена, природы, созданной для пастуховъ Виргилія. Ничего не можетъ быть возвышеннѣе и вѣстѣ съ тѣмъ диковиннѣе—теперь, когда мы познакомились съ настоящей природой. Предпочитаю окончить указаніемъ на громадный видъ Антверпена, заказанный этимъ городомъ Молю, картину въ десять метровъ длины, и безусловной похвалой изысканнымъ морскимъ видамъ Будэна, серебристымъ видамъ, на которыхъ какъ будто видишь брызги воды, озаренныя солнцемъ.

V.

Ухожу съ выставки, полагая бесполезнымъ продолжать далѣе прогулку, утомительную для критика и для читателей, и иду искать вѣя ея юныхъ талантовъ, смѣлыхъ и оригинальныхъ живописцевъ, которыхъ жюри изгнало изъ официальнаго храма, для вѣщаго достоинства искусства. Такъ какъ нельзя судить по официальной выставкѣ объ общемъ артистическомъ движеніи, то приходится, осмотрѣвъ патентованную живопись, идти смотрѣть на живопись, изгоняемую и оскорбляемую.

Я уже сообщилъ объ участи, постигшей Манэ. Принимаемый въ теченіи десяти лѣтъ сряду, онъ былъ изгнанъ нынѣшній годъ. Почему? Въ этомъ секретъ капризовъ жюри. Логика требовала бы,

чтобы живописецъ, котораго считаютъ достойнымъ входа въ храмъ въ промежутокъ отъ тридцати и сорока лѣтъ, затѣмъ считался бы уже настолько испытаннымъ, чтобы ему не запирали дверей передъ самымъ носомъ. Но распря эта длится издавна и требуетъ поясненія. Манэ хотя и принимали въ теченіи десяти лѣтъ, но всегда послѣ ожесточенныхъ споровъ. Онъ всегда служилъ яблокомъ раздора. Если собраты явно ошибали его нынѣ, то потому, что никогда не переставали считать его врагомъ, революціонеромъ, челоуѣкомъ, котораго бы они охотно раздавили. Достаточно было, чтобы двое-трое изъ вліятельныхъ членовъ журіи возымѣли храбрость поступить грубо, на чтó остальные не рѣшались въ теченіи десяти лѣтъ. Желаніе отдѣлаться отъ Манэ было постоянное, и требовалось только, чтобы нашелся кто-нибудь настолько дурно воспитанный, чтобы осуществить это желаніе.

Можно сказать, что Манэ отнесся къ этой катастрофѣ, какъ великій челоуѣкъ. Онъ выставилъ отверженныя двѣ картины въ своей мастерской. Такъ какъ его не допускали до публкии, то онъ пригласилъ публику къ себѣ. Мастерская его, помѣщающаяся въ rue de St. Pétersbourg, quartier de l'Europe, очень просторна и роскошно отдѣлана, и онъ пригласилъ всю печать побывать въ ней. Впрочемъ, двери были открыты настежь. Всякій, кто хотѣлъ, могъ идти, и въ двѣ недѣли перебивало слишкомъ десять тысячъ посѣтителей. Въ концѣ-концовъ успѣхъ его былъ очень великъ; имъ занимались больше, чѣмъ если бы онъ выставилъ свои картины на выставкѣ, какъ въ прошлые годы.

Прежде чѣмъ говорить объ его двухъ картинахъ: „Бѣлыя“ и „Портретъ художника“, хочу выяснить отношеніе къ дѣлу Манэ, возбуждающаго такой раздоръ въ мірѣ художниковъ.

Убѣдившись, что ничего не достигнешь, копируя прежнихъ мастеровъ, изображая природу съ точки зрѣнія чуждыхъ ему индивидуальностей, онъ понялъ въ одно прекрасное утро, что ему остается только изображать природу такою, какъ она есть, не справляясь съ чужими произведеніями и мнѣніями. Какъ скоро ему пришла эта мысль въ голову, онъ тотчасъ же остановился на первомъ попавшемся предметѣ и принялся его изображать по мѣрѣ силъ и пониманія. Онъ постарался забыть полученные имъ совѣты, видѣнныя имъ произведенія.

Результатомъ этого была весьма оригинальная живопись, поднявшая цѣлую бурю. Чтó меня прежде всего поражаетъ въ его картинахъ—это неизмѣнное и вѣрное наблюденіе закона оттѣнковъ. Наприимѣръ, на столѣ лежатъ фрукты и выдѣляются на свѣтомъ фонѣ. У фруктовъ, смотря по тому, лежатъ они ближе или дальше, замѣчается разница въ колоритѣ, образующая цѣлую гамму оттѣнковъ, и

въ чести Манэ слѣдуетъ сказать, что онъ постоянно заботился объ изученіи этихъ оттѣнковъ, о существованіи которыхъ ученики академіи художествъ, повидимому, и не подозрѣваютъ.

Нынѣшній годъ обѣ картины, выставленныя имъ въ своей мастерской, вполне характеризуютъ его манеру. На одной изъ нихъ: „*Портретъ художника*“, изображенъ высокій малый, въ мягкой войлочной шляпѣ, въ небрежномъ костюмѣ, набивающій трубку. Лицо, костлявое, истасканное, изумительно со стороны техники. Онъ далъ намъ совсѣмъ живого человѣка. Поэтому, всеобщему изумленію не было границъ, когда узнали, что жюри отвергло эту картину, несмотря на то, что въ ней несомнѣнно сказывается большая ученость, и она ничѣмъ не можетъ оскорбить буржуазныхъ взоровъ. Второе произведение: „*Бѣлье*“, напротивъ, того боевая картина, и понятно, что присылка ея вывела жюри изъ себя. Въ саду, на фонѣ зелени, молодая женщина въ полотняномъ платьѣ моетъ бѣлье въ лоханкѣ, поставленной на стулѣ; передъ ней стоитъ ребенокъ и глядитъ на нее. Вотъ и все; но сцена происходитъ на свѣжемъ воздухѣ; тоны принимаютъ энергичную рѣзкость, рисунокъ теряется въ переливахъ свѣта. Никогда нѣкоторые придирчивые критики не простятъ Манэ того, что онъ едва обозначилъ подробности лица у своей прачки. Глаза образуютъ двѣ темныхъ точки; носъ, губы обозначены простыми розовыми черточками. Поэтому я понимаю негодованіе, возбуждаемое подобной картиной, но, съ своей стороны, нахожу ее очень любопытной и оригинальной.

Что особенно сбиваетъ съ толку мнѣніе критики о Манэ—это то, что его никакъ не хотятъ судить только какъ живописца. Онъ рисуетъ картины съ людьми, такъ какъ въ академіяхъ позволено рисовать только неодушевленные предметы; я хочу сказать, что онъ ничего не измышляетъ, ничего не сочиняетъ, а довольствуется тѣмъ, что срисовываетъ предметы, сгруппированные имъ въ углу мастерской. Ничего не требуйте отъ него, кромѣ подстрочно вѣрнаго перевода. Это натуралистъ, аналитикъ. Онъ не умѣетъ ни пѣть, ни философствовать. Онъ умѣетъ рисовать—вотъ и все, и это такой рѣдкій даръ, что благодаря ему онъ сталъ самымъ оригинальнымъ художникомъ послѣднихъ пятнадцати лѣтъ.

VI.

И другіе художники возмутились противъ автократическихъ рѣшій жюри. Группа молодыхъ живописцевъ поклялась не носить больше картинъ на выставку, двери которой систематически закрываются передъ ними вотъ уже сколько лѣтъ. Эти новаторы приняли рѣшеніе устраивать каждую весну самостоятельную выставку своихъ

произведеній, въ помѣщеніи, которое они нанимаютъ и отсрываютъ для публики.

Но помимо практическаго значенія, выставка, происходившая въ прошломъ мѣсяцѣ, въ улицѣ Лепельтѣ, получила значительный интересъ для критиковъ, слѣдящихъ за современнымъ артистическимъ движеніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что мы видимъ передъ собой зародышъ новой школы. Въ этой группѣ замѣчается революціонное броженіе, которое исподволь заразить саму академію художествъ, и въ какія-нибудь двадцать лѣтъ преобразуетъ видъ официальной выставки, съ которой въ настоящее время изгоняютъ новаторовъ. Можно сказать, что Манэ первый показалъ примѣръ. Но онъ уже больше не стоитъ особнякомъ: съ десятокъ живописцевъ идутъ по его стопамъ въ атаку священныхъ правилъ. И даже, если внимательно взглянуть на картины, принятія на официальную выставку, то и между ними увидишь такія, что уже подражаютъ новой школѣ, хотя, правда, еще рѣдко. Нужды нѣтъ, начинъ уже сдѣланъ.

Я говорилъ, что Фромантэнъ, живописецъ, пользующійся большимъ успѣхомъ, пишетъ весьма любопытныя статьи въ „Revue des Deux Mondes“, и въ нихъ встрѣчаешь признанія, которыя слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію. Мнѣ кажется умѣстнымъ привести здѣсь нѣсколько изъ его фразъ, показывающихъ, насколько академія художествъ потрясена. „Ученіе, называющее себя реализмомъ, не имѣетъ иныхъ началъ, кромѣ болѣе вѣрнаго и трезваго наблюденія законовъ колорита. Надобно сдаться передъ очевидностью и признать, что есть много хорошаго въ этихъ стремленіяхъ, и что еслибы реалисты знали больше и рисовали лучше, то многіе изъ числа ихъ имѣли бы значительный успѣхъ. Глазъ ихъ вообще видитъ очень вѣрно и наблюдаетъ очень тонко“... „*Свѣжій воздухъ, свѣтъ, разлитый въ воздухъ, настоящее солнце*—получаютъ въ настоящее время въ живописи такое значеніе, какого имъ прежде никогда не придавали“... „Въ настоящее время живопись никогда не бываетъ достаточно ясной, достаточно отчетливой, достаточно опредѣленной, достаточно рѣзкой“... „То, что воображалъ умъ, считается искусственнымъ, а все искусственное, я хочу сказать: все условное—изгоняется изъ искусства, которое должно быть не чѣмъ инымъ, какъ условнымъ...“ „Если вы маломальски слѣдите за новинками, появляющимися на выставкѣ, вы замѣтите, что новѣйшая живопись имѣетъ цѣлью поражать взоры толпы рельефными образами, подстрочной вѣрности, легко узнаваемыми по своей правдѣ, лишенными искусственности, и передать намъ съ точностью ощущеніе того, что мы видимъ на улицѣ. Прослѣдите годъ за годомъ за вновь обращенными и, не углубляясь въ сущность вещей, обратите только вниманіе на цвѣтъ картинъ. Если изъ темныхъ онѣ становятся свѣтлыми, если изъ черныхъ онѣ дѣлаются

бѣлыми, если съ глубины онѣ переходятъ на поверхность, если изъ мягкихъ онѣ становятся рѣзкими, если изъ блестящихъ онѣ дѣлаются матовыми и отъ *clair-obscur* переходятъ къ цвѣту японской бумаги, то вы видѣли достаточно, чтобы узнать, что передъ вами умъ, переиначившій свою среду, и мастерская, открывшая доступъ uniquely свѣту*.

Вотъ меланхолическія слова, служащія какъ-бы похороннымъ звономъ для традицій академій художествъ. Надо знать, что Фромантэнъ упрямо держится этихъ традицій,—чтобы понять всю важность предыдущихъ строкъ. Онъ возвѣщаетъ будущее торжество реалистической живописи, самъ того не желая, этимъ крикомъ отчаянія, который у него вырывается. Да, онъ правъ: самымъ характеристическимъ признакомъ является свѣтъ, проникающій всюду, мастерскій, открывающій живопись на свѣжемъ воздухѣ, подъ яркими солнечными лучами.

Группа художниковъ, выставившая свои произведенія въ улицѣ Лепальтье, стоитъ во главѣ движенія. Чтобы охарактеризовать ихъ стремленія, я заимствую слѣдующія сужденія изъ брошюры, написанной однимъ глубокомысленнымъ критикомъ, Дюранті. „Что же они принесли съ собой? Колоритъ, рисунокъ и рядъ оригинальныхъ воззрѣній. По части колорита, они сдѣлали настоящее открытіе, начало котораго нельзя найти гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, ни у голландцевъ, ни въ свѣтлыхъ тонахъ фрески, ни въ легкихъ тонахъ восемнадцатаго вѣка. Они приняли во вниманіе не только мягкіе и гибкіе переливы въ колоритѣ, происходящіе отъ наблюденія самыхъ тонкихъ оттѣнковъ. Ихъ открытіе заключается, собственно говоря, въ томъ, что они замѣтили, что яркій свѣтъ обезцвѣчиваетъ тоны, что солнце стремится, силой свѣта, привести всѣ предметы къ лучезарному единству семи лучей призмы, въ одномъ безцвѣтномъ лучѣ, который есть свѣтъ. Они разлагаютъ и снова соединяютъ свѣтъ, при яркомъ блескѣ дня. Романтическій живописецъ въ своихъ этюдахъ свѣта знавалъ одну только ранжовую полосу заходящаго подъ темными холмами солнца или бѣлыя пятна, окрашенные или желтой хромовой краской, или розовой лаковой краской, которыми онъ бросалъ сквозь смолистую непрозрачность своего лѣса. Онъ думалъ, что свѣтъ окрашиваетъ, усиливаетъ тонъ, и былъ увѣренъ, что онъ существуетъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы его окружалъ мракъ. Погребъ съ лучомъ свѣта, проникающимъ черезъ узкую отдушину—вотъ идеалъ, руководившій романтикомъ. Реалистическій живописецъ, вслѣдствіе наблюденія, долженъ былъ измѣнить это. Всякому случалось лѣтомъ проѣзжать мимо пейзажа, тянущагося на десятки верстъ, и замѣчать при этомъ, что холмы, дуга, поля какъ-бы утопаютъ въ одномъ лучезарномъ отблескѣ. Впервые это явленіе понято и воспроизведено

въ картинахъ, гдѣ чувствуешь трепетъ свѣта и теней". Послѣ этого Дюранти переходитъ къ рисунку и показываетъ, что онъ становится все характернѣе, указывая одной чертой въ фигурѣ ея характеръ, привычки, весь ея складъ. Наконецъ, онъ указываетъ на выборъ современныхъ сюжетовъ, улицы, магазины, ремесла, удовольствія, словомъ—всѣ разнообразныя и живыя фазисы нашей цивилизаціи.

Художниковъ, о которыхъ я говорю, называли „des impressionistes", потому что большинство изъ нихъ стремится, повидимому, передать прежде всего вѣрное впечатлѣніе, производимое одушевленными и неодушевленными предметами, схватить его и передать сразу, не прибѣгая къ мелкимъ подробностямъ, отнимающимъ всякую свѣжесть уличнаго и живого наблюденія. Но у каждого изъ нихъ, по счастью, есть своя оригинальная черта, своя собственная манера видѣть и передавать дѣйствительность.

Въ первыхъ трехъ залахъ, гдѣ были выставлены картины, первымъ моимъ ощущеніемъ было ощущеніе молодости, прекрасныхъ вѣрованій, смѣлой и рѣшительной вѣры. Даже ошибки, даже безумныя и рискованныя выходы имѣли особую прелесть для посѣтителей, любящихъ свободное выраженіе искусства. Наконецъ-то вырвались они изъ холодныхъ, чопорныхъ, безцвѣтныхъ залъ оффиціальной выставки! Они слышали лепетъ будущаго, передъ ними предстало искусство завтрашняго дня. Блаженна заря артистическихъ битвъ!

Скажу нѣсколько словъ о шести или семи живописцахъ, стоящихъ во главѣ движенія. И чтобы не раздавать вѣнковъ, что, къ счастью, не по моей части, буду держаться алфавитнаго порядка.

Беліаръ—пейзажистъ, отличительная черта котораго добросовѣстность. Въ немъ чувствуется старательный копійскъ природы. Изучая ее основательно, онъ приобрѣлъ большую солидность кисти, дѣлающую изъ каждой его картины ученый и подстрочный переводъ природы. Нѣкоторые изъ его пейзажей: „Rue de Chauffour à Etampes", „les Bords de l'Oise", „la Rue Dorée à Pontoise", отличныя вещи, прекрасно нарисованныя, вѣрнаго тона и безусловной правды. Единственный недостатокъ, какой я нахожу въ немъ—это отсутствіе оригинальности. Я желалъ бы, чтобы внутренній огонѣкъ согрѣлъ его добросовѣстность, даже еслибы этотъ огонѣкъ долженъ былъ разгорѣться на счетъ искренности.

Дегâ—пытливый умъ, находящій иногда очень самобытныя и вѣрныя вещи. Его „Прачки" въ особенности поразительны по своей правдѣ, не банальной правдѣ, но той великой и прекрасной правдѣ въ искусствѣ, которая все упрощаетъ и расширяетъ. „Танцевальная зала" съ ученицами въ коротенькихъ юбкахъ, выдѣлывающихъ на, также отличается большой оригинальностью. Этотъ живописецъ очень любитъ современность, внутреннюю жизнь и ея будничные типы. Бѣда

въ томъ, что онъ все портитъ, отдѣлывая. Лучшія его вещи—эскизы. Когда онъ отдѣлываетъ, то рисунокъ у него становится жидкій и жалкій; онъ рисуетъ картины, какъ свои „Portraits dans un bureau“ (Nouvelle-Orléans), занимающія среднее мѣсто между картиной моря и политипажемъ иллюстрированнаго журнала. Эстетическія воззрѣнія у него превосходны, но боюсь, что его кисть никогда не будетъ творческой.

Кайльботъ выставилъ „Raboteurs du parquet“ и „Un jeune homme, à sa fenêtre“, изумительной рельефности. Но только это совсѣмъ анти-художественная живопись, живопись чистенькая какъ стекло, буржуазная, благодаря точности передачи. Фотографія дѣйствительности, не отмѣченная оригинальнымъ отпечаткомъ таланта художника—вещь жалкая.

Клодъ Моне несомнѣнно глава группы. Кисть его отличается удивительнымъ блескомъ. Его большая картина, называемая „Japonais“, изображающая женщину, одѣтую въ длинное красное японское платье, поразительна по колориту и странности. Пейзажи его озарены солнцемъ. Я приведу, напримѣръ, „Лузъ“, маленькую картину, на которой изображенъ только зеленый лужокъ, съ двумя или тремя деревьями, выдѣляющимися на лазури неба. Она полна невыразимой простоты и прелести. Слѣдовало бы упомянуть еще о другихъ его картинахъ, между прочимъ о женщинѣ въ бѣломъ, которая сидитъ въ тѣни зелени, а платье ея усыяно блестящими свѣта, точно крупными каплями.

M-lle Берта Моризо рисуетъ маленькія картинки, крайне прѣдивны и изящныя. Укажу въ особенности на два или три морскихъ вида, удивительно тонко выполненные.

Писсарро еще болѣе ярый революціонеръ, чѣмъ Моне. У него кисть еще проще и еще наивнѣе. Видъ его нѣжныхъ и пестрыхъ пейзажей можетъ повергнуть въ изумленіе непосвященныхъ, тѣхъ, кто не отдаетъ себѣ точнаго отчета въ стремленіяхъ художника и условнаго въ живописи, противъ котораго онъ стремится реагировать.

Ренуаръ—живописецъ по преимуществу людскихъ фигуръ. У него преобладаетъ свѣтлая гамма тоновъ, переходящихъ одинъ въ другой съ чудной гармоніей. Подумаешь, что это Рубенсъ, озаренный яркимъ солнцемъ Веласкеца. Выставленный имъ портретъ Моне очень хорошъ. Мнѣ очень нравится также его „Портретъ молодой дѣвушки“, симпатичная и странная фигура, съ продолговатымъ лицомъ, рыжими волосами и чуть замѣтной усмѣшкой, она похожа на какую-то испанскую инфанту.

Сислей тоже пейзажистъ, очень талантливый и съ большимъ равновѣсіемъ средствъ, чѣмъ Писсарро. У него изображенъ свѣтъ съ

замѣчательной правдой и точностью. Его картина „Inondation à Pont Marly“ написана широкой кистью и тонкимъ колоритомъ.

На этомъ я останавлиюсь. Повторяю въ заключеніе: начавшееся революціонное движеніе, конечно, преобразуетъ нашу французскую школу раньше двадцати лѣтъ. Вотъ почему я чувствую большую нѣжность къ новаторамъ, къ тѣмъ, кто смѣло идетъ впередъ, не боясь скомпрометтировать свою артистическую карьеру. Имъ слѣдуетъ пожелать одного только—продолжать начатое безъ колебанія и обрѣсти въ своей средѣ одного или нѣсколькихъ живописцевъ настолько талантливыхъ, чтобъ поддержать мастерскими произведеніями новую артистическую формулу.

Эмиль Золя.

ИТОГИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

НА ПОЛЬЗУ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ РОССІИ.

Я предлагаю читателямъ „итоги“ безъ таблицъ и картъ; я предлагаю только возобновить въ памяти факты общезвѣстные, безспорные, признаваемые какъ сторонниками централизаціи и государственнаго почина въ дѣлѣ образованія, такъ и сторонниками самодѣятельности общества на пользу просвѣщенія, при поддержкѣ и союзѣ государства. Путь, пройденный въ этомъ отношеніи нашимъ обществомъ, такъ невеликъ, что нетрудно воскресить его въ памяти, и такъ мало приходится припоминать фактовъ, что припомнить ихъ нетрудно тѣмъ изъ читателей, которые сознательно прожили послѣднее десятилѣтіе. Тѣмъ не менѣе, хотя *слабыхъ* немного, но каждое изъ нихъ настолько крупно, что получаютъ, если не ошибаемся, весьма значительные „итоги“.

Именно теперь наступило время подвести эти „итоги“ дѣятельности общества на пользу просвѣщенія массы, такъ какъ мы стоимъ, насколько могу судить о томъ издали, на рубежѣ двухъ періодовъ исторіи воспитанія и обученія массы въ Россіи, которая ведетъ свое начало не съ того времени, когда появились первыя правительственныя распоряженія объ устройствѣ училищъ для народа, т.-е. не со времени Владиміра Святого въ старой Россіи, или Петра Великаго въ Россіи обновленной, но съ 1864 года; только лѣтъ десять или двѣнадцать тому назадъ начались не одни *распоряженія* и предни-

санія объ устройствѣ училищъ, но попытки осуществить *толковые* результаты, дающіе школы. Чтѣ сдѣлано до этого года государствомъ для народной школы?..

Министерство народнаго просвѣщенія не могло устранивать до 1861 года *школъ въ селѣ*, а такъ-называемыя „приходскія училища“ въ городахъ губернскихъ и уѣздныхъ не только представляли каню въ морѣ, не имѣя никакого значенія для огромнаго большинства населенія, т.-е. сельскихъ жителей уѣзда, но и сами по себѣ, какъ неоднократно высказывались о томъ сами органы министерства, представлялись въ большинствѣ случаевъ училищами крайне неудовлетворительными съ педагогической точки зрѣнія. Сказанное могъ бы я подтвердить и личными наблюденіями моими надъ „приходскими училищами“ министерства, которыя мнѣ случалось видѣть въ университетскихъ городахъ даже гораздо *позже* 1864 года, стоящаго, какъ сказано, на рубежѣ двухъ періодовъ исторіи нашей народной школы; но приговоръ о неудовлетворительности этихъ училищъ считаю настолько общезвѣстнымъ фактомъ, который лучше всего подтверждается воспоминаніями о „зубреніи“ и „лозахъ“ приходскихъ училищъ всякаго изъ читателей, имѣвшаго несчастье пройти чрезъ нихъ или хотя бы узнать ихъ поближе; понятно, что при этомъ мы не имѣемъ въ виду счастливыхъ исключеній, но и то считаемъ общезвѣстнымъ, что подобныя исключенія бывали рѣдки. Точно также, уже столько было писано у насъ о томъ, что училища различныхъ вѣдомствъ въ селахъ не достигали цѣли, что и это явленіе всѣ признаютъ безспорнымъ. Кто не знаетъ того, напримѣръ, что въ очень многихъ мѣстностяхъ такъ-называемыя „церковно-приходскія училища“ духовнаго вѣдомства числились на бумагѣ, а если существовали въ дѣйствительности, то часто только въ видѣ темныхъ, сырыхъ и холодныхъ церковныхъ сторожекъ, въ которыхъ раздавались вопли дѣтей, или выкрикивавшихъ псалтырь, не разумѣвшихъ изъ нея ни одного звука, или вскрикивавшихъ въ отвѣтъ на различнѣйшія потасовки пономаря или отставнаго солдата прежняго времени. Кто не знаетъ и того, что до 1864 года были организованы вѣдомствами, удѣльнымъ и министерствомъ государственныхъ имуществъ, сотни и тысячи сельскихъ училищъ, причемъ для нихъ не былъ воспитанъ ни одинъ учитель, причемъ нерѣдко эти школы не были снабжены ни одною развивающею книгою, и причемъ главнѣйшая задача этихъ учебныхъ заведеній состояла въ дрессировкѣ будущихъ писарей; слишкомъ извѣстно также и то, что педагогическій уровень этихъ школъ, не принимая въ расчетъ всегда и вездѣ возможныхъ исключеній, былъ до крайности низокъ, настолько низокъ, что тридцатилѣтнее существованіе школы въ селѣ не давало даже грамотныхъ

этому селу, не приносило вообще ничего, кромѣ самаго ничтожнаго денежнаго вознагражденія мѣстному священнику, лишенному всякой возможности соединить обязанности учителя съ обязанностями пастыря, и кромѣ непроезжихъ налоговъ сельскому обществу и непроезжихъ хлопотъ сельскому начальству, „наряжавшему“ учениковъ въ школу. Кто даже изъ бывшихъ дѣятелей не сознаетъ теперь, спокойно оглядываясь на свое прошлое, того, что такіа школы только подрывали довѣріе народа къ школѣ?...

Въ такомъ положеніи было дѣло до 1864 года, т. е. до обнародованія „Положенія о народныхъ училищахъ“, призвавшаго къ дѣятельности *общество*; на почвѣ, такимъ образомъ подготовленной различными вѣдомствами, приходилось сѣять весьма неопытнымъ въ дѣлѣ сѣятелямъ, не только не знакомымъ съ обмѣненіемъ, но часто даже вовсе и не припасшимъ еще и сѣмянъ!... Вѣдь у насъ и сего дня еще, послѣ десятилѣтней практики общества на поприщѣ обученія, еще спорный вопросъ, *чему* учить и даже *какъ* обучать; мы и до сихъ поръ еще не знаемъ, какое разсѣвать сѣмя и *какъ* разсѣвать его; чтѣ же было въ 1864 году?... Тѣмъ не менѣе общественные дѣятели выступили, многіе изъ нихъ съ любовью къ дѣлу и вѣрою въ него стали учиться дѣлу у самаго дѣла, и въ очень многихъ мѣстностяхъ Россіи, представлявшей впрочемъ, какъ и во всемъ остальномъ, такъ и въ отношеніи общества къ школѣ, самое нестрое разнообразіе,—въ очень многихъ мѣстностяхъ нашего отечества зародились единственные и разединенныя усилія лицъ, сословіи и земства на пользу образованія.

Вскорѣ эти труженики стали убѣждаться въ томъ, что нерѣдко усилія ихъ разбивались о препятствія, преодолѣть которыя не въ силахъ единицы, побѣдить которыя можетъ только государство; эти пионеры стали взывать къ помощи государства, подняли вопросъ о необходимости учрежденія насчетъ государства учительскихъ семинарій, о необходимости извѣстной юридической обстановки для сельскаго учителя, о своевременности для многихъ мѣстностей обязательности обученія и проч... Но въ высшихъ сферахъ вопросъ о народной школѣ, на безпомощность которой указало само общество, получилъ иную постановку, лѣтъ десять тому назадъ.

Министерство могло отвѣстись къ вопросу о дѣятельности общества на поприщѣ педагогическомъ, какъ оно относится, положимъ, къ экономической дѣятельности частныхъ лицъ и учреждений. Государство заинтересовано, положимъ, въ процвѣтаніи земледѣлія и мануфактурной промышленности, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы государство на свой счетъ устраивало фабрики, или на каждую бумагопрядильную фабрику ставило правительственнаго надсмотрщика,

обязаннаго блюсти за качествомъ производства; государство не разсылаетъ и инспекторовъ, которые наблюдали бы за тѣмъ, какъ земледѣлецъ ведетъ свое хозяйство. Тѣмъ не менѣе государство не прямо, но косвенно вліяетъ на успѣхи хозяйственной и фабричной дѣятельности народа; оно *контролируетъ* ихъ, поддерживаетъ, даже направляетъ ихъ, но не устраняетъ, даже не *стѣсняетъ частной* инициативы. — Не такъ отнеслось у насъ министерство къ вопросу о народной школѣ: *только справедливо* заинтересованное успѣхами школы, оно, какъ извѣстно, въ недавнее время организовало должности уѣздныхъ инспекторовъ и губернскихъ директоровъ училищъ и училищные совѣты новаго состава, и издало новыя правила объ учительскихъ сѣздахъ. Совокупностію этихъ мѣръ Россія введена въ новый періодъ исторіи народной школы; совокупностію этихъ мѣръ полагается начало *централизаци* дѣла начального образованія въ рукахъ министерства просвѣщенія, не только съ цѣлью *контроля и содѣйствія* инициативѣ отдѣльных лицъ и обществъ, но съ цѣлью переложить дѣло изъ однихъ рукъ въ другія, изъ *рукъ общества* въ руки министерства. — Есть уже симптомы того, что общество, обладающее въ настоящее время почти однимъ *правомъ плати* на школу, охлаждается къ дѣлу, сторонится, предоставляя свободу дѣятельности органамъ министерства.

Съ такою характеристикою отношеній земства къ школѣ въ настоящее время согласится каждый изъ земскихъ дѣателей, которому излишне объяснять то, чему научаетъ его ежечасно сама жизнь, его окружающая. Но такое положеніе дѣла можетъ не быть вполне очевиднымъ для весьма многочисленнаго у насъ слоя общества, вліяющаго на государственный механизмъ, но изучающаго народъ, его жизнь и потребности послѣдней только по книгамъ, такъ какъ эти дѣатели никогда не встрѣчаются лицомъ къ лицу съ представителями народа въ ихъ будничной обстановкѣ. Вотъ почему нелишнимъ представляется мнѣ для нѣкоторыхъ читателей пояснить слѣдующее.

1) Въ училищныхъ совѣтахъ прежняго времени, скажемъ: „второго періода“, земству было легко получить рѣшающее значеніе, такъ какъ губернскому училищному совѣту предоставлялось право возводить попечителей школъ въ званіе членовъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, безъ ограниченія числа ихъ; намъ извѣстны случаи пользованія этимъ постановленіемъ закона. Въ настоящее же время попечитель школы можетъ подавать голосъ въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ только по дѣламъ *своего* училища, а не можетъ стать полноправнымъ членомъ совѣта. Такая реформа имѣетъ огромное практическое значеніе для успѣха школы, и тутъ вовсе вопросъ не въ амбиціи земства. Дѣло въ томъ, что чѣмъ больше возникаетъ школъ

въ уѣздѣ, тѣмъ больше нужно и дѣятелей для служенія имъ; поэтому прежній законъ давалъ возможность децентрализовать дѣла: совѣтъ наиболѣе просвѣщенныхъ и усердныхъ изъ попечителей возводилъ въ званіе члена совѣта, обязывая объѣхать извѣстное, весьма небольшое число школъ *своего участка*, сдѣлать на мѣстахъ, въ качествѣ члена совѣта, немедленно надлежащія распоряженія, снабдить *соотвѣтствующимъ* ему положеніемъ десять школъ учителями и книгами и проч., и дать объ этихъ школахъ обстоятельный, по общей программѣ, совѣтомъ составляемой, — отчетъ обо всемъ, что онъ видѣлъ и сдѣлалъ, причемъ проектировать, на основаніи своихъ наблюденій, мѣры на пользу всего уѣзда. Благодаря прежнему закону, напримеръ въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи, было въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ два члена отъ земства, но, кромѣ того, три попечителя школы, возведенные губернскимъ совѣтомъ въ званіе членовъ уѣзднаго совѣта, а всего 5 представителей общества, которымъ содѣйствовали три представителя правительства — мѣстные: исправникъ, благочинный и смотритель уѣзднаго училища, члены совѣта *ex officio*. Подобное явленіе немислимо по нынѣ дѣйствующему закону, о чемъ нельзя не пожалѣть: прежній законъ, вызвавшій къ дѣятельности общество, представлялъ то огромное удобство, что въ мѣстностяхъ, въ которыхъ земство бездѣйствовало, оно имѣло только двухъ представителей въ совѣтѣ противъ трехъ правительственныхъ; напротивъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ общество желало дѣйствовать и гдѣ дѣла выдвигали дѣятелей, этимъ представителямъ общества могло принадлежать *большинство* голосовъ въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ. Наконецъ, въ другихъ мѣстностяхъ бездѣйствіе всего уѣзднаго училищнаго совѣта, какъ учрежденія, повело къ тому, что заботы общества о школахъ сосредоточились въ земской управѣ, которая подлежала контролю правительственнаго инспектора, но не представляла инстанціи, въ учебномъ отношеніи ему подчиненной и испрашивающей у него „разрѣшенія“ и проч...

2) Училищнымъ совѣтамъ прежняго состава предоставлялось избраніе предсѣдателя уѣзднаго училищнаго совѣта изъ своей среды; понятно, что этимъ гарантировалось не только то, что главенство въ совѣтѣ могло перейти въ руки члена, наиболѣе готоваго служить дѣлу, но и то, что общественный элементъ могъ получить новое значеніе въ совѣтѣ, владѣя и званіемъ предсѣдателя совѣта, гораздо болѣе сподручнаго для земскаго человѣка, нежели для официальнаго лица, заваленнаго посторонними для уѣзднаго училищнаго совѣта занятіями. Въ настоящее время, по закону, предсѣдательствуютъ въ училищномъ совѣтѣ не лица, заявившія себя своею дѣятельностію по школьному дѣлу, но мѣстный предводитель дворянства или мѣстный

инспекторъ училищъ; первое изъ этихъ лицъ обладаетъ по закону лишь *правами* по отношенію къ училищамъ, а не обязанностями, такъ какъ не подлежитъ ответственности предъ своими сотоварищами, его не избирающими; что касается инспектора училищъ, то онъ не изъ наиболѣе уважаемыхъ мѣстныхъ *собственникововъ*, близко знающихъ населеніе и его нужды, и не человѣкъ, отличенный мѣстною интеллигенціею, — но случайно въ край оказавшійся чиновникъ, не связанный никакими интересами съ краемъ, кромѣ своего жалованья, которое обязываетъ его къ извѣстной дѣятельности не въ этомъ именно край, а всюду, куда его ни пошлютъ. Въ очень многихъ случаяхъ чиновники министерства просвѣщенія или предсѣдатель дворянской опеки, рекрутскаго присутствія, сѣзда посредниковъ, холернаго комитета, земскаго собранія, дворянскаго собранія, т.-е. предводитель дворянства, могутъ оказаться весьма полезными дѣятелями по народному образованію; но едва ли есть основаніе полагать, что это будетъ во *осталь* случаяхъ, и предполагать это съ такою увѣренностію, чтобы воспретить уѣздному училищному совѣту избирать изъ своей среды въ предсѣдатели *лучшаго*, который непремѣнно долженъ оказаться *худшимъ* по сравненію съ предводителемъ сословія, заваленнымъ разнороднѣйшими дѣлами, или съ чиновникомъ, чуждымъ населенію и не обладающимъ никакимъ *нравственнымъ вліяніемъ* ни на мѣстную интеллигенцію, ни на массу населенія.

3) Не вдаваясь въ подробности новыхъ законоположеній и останавливаясь лишь на самыхъ существенныхъ чертахъ ихъ, обнаруживающихъ устроеніе общества отъ дѣла и централизацию его въ рукахъ министерства, я перейду теперь же къ тому, что, до нынѣ дѣйствующихъ правилъ объ учительскихъ сѣздахъ, самому земству, платящему деньги на устройство сѣзда, предоставлялось и выбрать руководителя сѣзда, т.-е. болѣе или менѣе гарантировать производительность расхода. Теперь уже слышно о томъ, что земство прекращаетъ организацію сѣздовъ. А почему? по той простой причинѣ, что законъ лишилъ земство права избирать руководителя сѣзда, сохранивъ за нимъ лишь право давать деньги на устройство сѣзда, и передавъ право предсѣдательства на сѣздахъ и веденія всего дѣла всецѣло министерству просвѣщенія и его агентамъ.

Если бы кто-нибудь изъ всего сказаннаго выше вывелъ заключеніе о томъ, что мы относимся къ числу противниковъ *правительственныхъ* инспекторовъ училищъ въ *принципѣ*, то онъ не угадалъ бы нашей мысли: мы думаемъ напротивъ, что въ каждомъ уѣздѣ *правительственный* инспекторъ у мѣста, какъ элементъ *податочическій* и какъ *прокурорскій* надзоръ, но не какъ дѣятель, могущій *зажечь* общество; онъ у мѣста, какъ непрерывное звено между

мѣстными дѣятелями и центральнымъ правительствомъ, но вся тяжесть дѣла, не одни почетныя права, но вся черная работа должна падать, по нашему мнѣнію, только на мѣстныхъ дѣателей, такъ какъ она только для нихъ и исполнима; пусть общество дѣйствуетъ, а инспекторъ *содѣйствуетъ*, и тогда дѣло пойдетъ. Въ настоящее время къ дѣйствию призваны инспекторы, а общество къ содѣйствію; но одного предписанія о содѣйствіи недостаточно для того, чтобы поддержать или пробудить энергію въ обществѣ, въ теченіи десяти лѣтъ уже успѣвшаго свыкнуться съ самодѣятельностію на пользу школы въ извѣстныхъ предѣлахъ..... Не станемъ останавливаться дольше на этомъ жгучемъ и спорномъ вопросѣ, такъ какъ мы едва ли кого-нибудь убѣдимъ: чиновники будутъ указывать намъ, защищая централизацию, на случаи вопіющаго бездѣйствія земскихъ людей, которые и намъ извѣстны; земскіе люди станутъ указывать на бывшіе на практикѣ случаи бездѣйствія и даже противодѣйствія инспекторовъ. Но такъ вопроса мы не разрѣшимъ, а для того, чтобы сколько-нибудь объективно отвѣчать на вопросъ, какіе результаты для народной школы дала дѣятельность общества, начавшаяся съ 1864 года, претерпѣвшая десятилѣтіе и нынѣ поставленная въ новыя условія, предоставляющія преобладаніе надъ обществомъ органамъ министерства,—попытаемся подвести „итоги“ тому, что достигнуто усиліями общества.

Подвести эти „итоги“, какъ мы говорили, нетрудно, такъ какъ возможно сослаться при этомъ на общественныя, а потому и для всѣхъ лагерей вполнѣ бесспорныя факты. Правда ли, спросимъ мы, что до 1864 года министерство просвѣщенія не организовало ни одного *сельскаго* училища, что для русскихъ губерній оно не устроило ни одной учительской семинаріи, что приходскія училища въ городахъ были въ большинствѣ плохи, что оно не имѣло никакого представленія объ учительскихъ сѣздахъ, что оно не выработало учебной программы для элементарной школы и не создало раціональных учебниковъ?.... Правда-ли, что вообще сельскія училища, унаслѣдованныя 1864 годомъ отъ вѣдомствъ духовнаго, удѣльнаго и государственныхъ имуществъ, въ большинствѣ не достигали цѣли?... На всѣ эти вопросы можетъ последовать только одинъ отвѣтъ изъ всѣхъ лагерей: правда!

Присмотримся же къ тому, что достигнуто частными лицами, сословіями и земствомъ за то десятилѣтіе, когда общество пользовалось относительнымъ просторомъ, и остановимся опять только на фактахъ общезвѣстныхъ и вполнѣ бесспорныхъ.

До 1864 года ученики, собираясь въ такъ-называемыя школы, сходились всего чаще въ крайне тѣсную и мрачную избу или сторожку;

только вѣдомствами государственныхъ имуществъ и удѣльными были сооружены просторныя и свѣтлыя школьныя зданія; но всѣ названныя помѣщенія были снабжены почти всегда самыми чудовищными школьными скамьями въ одну вершковую доску шириною, и высотой своею и устройствомъ скорѣе напоминавшими орудія пытки, нежели школьную мебель; на такихъ скамьяхъ истязала „старая школа“ дѣтей весьма часто при раскрытой крышѣ, невставленныхъ зимою окнахъ, угарныхъ или вовсе нетопленныхъ печахъ, такъ какъ некому было заботиться о школѣ, и школьное зданіе представлялось безхозаимнымъ имуществомъ. Только въ періодъ дѣятельности общества на пользу народнаго образованія сельская школа получаетъ во множествѣ мѣстностей Россіи своего хозяина, иногда изъ среды просвѣщенныхъ и вліятельныхъ землевладѣльцевъ, чаще изъ крестьянъ, даже неграмотныхъ, но „для спасенія души“ и на закатѣ жизни бравшихся за хлопоты о школѣ и ребятишкахъ; безъ хозяина товаръ плачетъ, а при хозяинѣ-попечителѣ школу отапливаютъ лучше, исправнѣе вставляютъ въ ней стѣкла, исправнѣе поддерживаютъ зданіе, появляется относительно удобная и безвредная школьная мебель; при нѣкоторыхъ школахъ, благодаря попечителямъ, возникаютъ сады, общественныя записки и даже ссудныя товарищества, удѣляющія часть прибыли въ пользу школы; на пожертвованія самихъ попечителей, или ими вызываемыхъ, при нѣкоторыхъ школахъ возникаютъ прекрасныя хоры пѣвчихъ, библіотеки для учителей и учащихся, а стѣны школы украшаются картинами и предметами для нагляднаго обученія; попечитель снабжаетъ сапогами бѣднѣйшихъ изъ учениковъ, горько плачущихъ дома изъ-за невозможности пойти въ школу въ трескучій морозъ; попечитель же школы убѣждаетъ корыстнаго отца, задерживающаго ученика въ избѣ для домашнихъ работъ, возвратить мальчику отобранные отъ него отцомъ сапоги и пустить его въ школу. Раньше 1864-го года, раньше періода общественной инициативы, никакой должности, напоминавшей званіе попечителя, при сельской школѣ не существовало; этотъ совершенно новый типъ созданъ не министерствами, а самимъ обществомъ, которое унаслѣдовало отъ правительственныхъ вѣдомствъ только званіе „почетныхъ блюстителей“ уѣздныхъ училищъ, ограничивавшихся исправнымъ взносомъ ежегоднаго, опредѣленнаго пожертвованія, посѣщеніемъ съ *мундиромъ* церкви въ табельные дни, и вовсе не считавшихъ своего училища своимъ дѣтищемъ; мы и тутъ не принимаемъ въ расчетъ счастливыхъ исключеній, но полагаемъ, что общественная инициатива создала гораздо болѣе ревностныхъ попечителей, нежели прежняя система, по той простой причинѣ, что попечитель сельской школы — ответственный хозяинъ ея, а не „почетный блюститель“, — человекъ, находя-

щій удобнымъ покупать себѣ чины и ордена цѣною пожертвованій на школу, не обладающій правами хозяина въ школѣ и по этимъ причинамъ только въ исключительныхъ случаяхъ заинтересованный преуспѣяніемъ школы. Благодаря попечителямъ школъ, жертвователямъ и земству, въ настоящее время, т.-е. послѣ 1864 года, весьма удобныя школьныя зданія, хорошо обставленныя матеріально, считаются не сотнями, а быть можетъ тысячами; для примѣра могъ бы я указать на школы уѣздовъ Александровскаго, Мариупольскаго, Бердянскаго, нѣкоторыхъ уѣздовъ Черниговской губерніи, Московской, Рязанской, Тульской, Херсонской, Сибирской, Самарской, Вятской губерніи; въ этихъ мѣстностяхъ и весьма многихъ другихъ изящное школьное зданіе—не рѣдкость, и всѣ они возникли исключительно по инициативѣ частныхъ лицъ, общественныхъ дѣятелей, позже 1864 года, т.-е. съ того времени, когда закономъ былъ предоставленъ относительный просторъ обществу.

Всѣмъ извѣстно, что послѣ 1864 года, а въ особенности 1866 года, не правительственными органами, а самимъ обществомъ былъ поднятъ вопросъ о неотложной необходимости въ учебныхъ заведеніяхъ, подготовляющихъ учителей для народныхъ училищъ. Вопросъ этотъ былъ поднятъ и разработанъ, въ печати *земскими* людьми, и земствомъ организованы *первыя* учительскія семинаріи въ такое время, когда министерство не только еще не устраивало такихъ учебныхъ заведеній, но и колебалось въ вопросѣ, не удобнѣе ли людей, избирающихъ преподаваніе профессією и специально къ нему подготовляемыхъ, замѣнять случайными и неподготовленными питомцами духовныхъ семинарій, которые на учительской должности выжидали бы молученія священническаго мѣста? Во многихъ мѣстностяхъ возникаютъ, какъ извѣстно, земскія учительскія семинаріи и остаются *земскими* въ продолженіи періода общественной инициативы; въ настоящее время, въ періодъ централизаціи, и эти учебныя заведенія преобразовываются нерѣдко въ министерскія по ходатайству самихъ учредителей, вынуждаемому обстоятельствами или вытекающему изъ ослабленной обстоятельствами же энергіи общества. Между тѣмъ, дѣятельность общества на этомъ поприщѣ успѣла выработать два типа учительскихъ семинарій: почтеннымъ новгородскимъ земствомъ, чуть не первымъ въ Россіи взявшимся серьезно за дѣло просвѣщенія массы, осуществлена попытка крайне скромнаго, даже скуднаго содержанія и обученія учителей, въ интересѣ „сближенія“ ихъ съ обстановкою села, для котораго предназначалась ихъ дѣятельность. Иначе взглянуло на дѣло московское губернское земство: оно значительно расширило учебную программу своей учительской семинаріи, поняло также, что усложненіе потребностей идетъ рука объ

руку съ внутреннимъ развитіемъ, и что задача воспитателей народа не въ томъ, чтобы принизить учителей его до уровня крестьянъ, а постепенно поднять уровень послѣднихъ до высоты развитаго, а не полусвѣдущаго учителя, какъ бы послѣдній ни носилъ брюкъ, поверхъ сапогъ или въ сапоги, и во что бы онъ ни одѣвался, въ кафтанъ или сюртукъ. Такимъ образомъ, само общество, осуществивъ первыя учительскія семинаріи, разнообразною разработкою вопроса, возможнаго только при просторѣ, успѣло также и выяснитъ этотъ вопросъ и проложить дорогу для учительскихъ семинарій и учительскихъ институтовъ (съ вышнемъ, по сравненію съ семинаріями, программой), учрежденныхъ министерствомъ гораздо позже первыхъ попытокъ земства на этомъ поприщѣ. Это обстоятельство нисколько не умаляетъ заслугъ министерства, и вопросъ для насъ не въ томъ, поставитъ ли выше дѣятельность общества или центральной власти, но только въ томъ, чтобы дать себѣ отчетъ, каковы итоги дѣятельности русскаго общества на пользу образованія? Дѣлало ли оно что-нибудь, сдѣлало ли оно что-нибудь, или оно не дѣлало ничего или настолько мало, что министерство не могло воспользоваться имъ, какъ живою силою, и министерству оставалось лишь одно, въ интересъ школьнаго дѣла,—взять его въ свои руки и предоставить обществу лишь второстепенную роль?... Будемъ же продолжать свое изслѣдованіе.

До 1864 года, сельскіе учителя получали, при наилучшихъ шансахъ, до 150 руб. сер. жалованья въ годъ, а нерѣдко только 30 рублей въ годъ; только въ періодъ дѣятельности общества на пользу школы выработана болѣе человѣчная норма вознагражденія этихъ почтенныхъ тружениковъ, и въ настоящее время уже сотнями, если не тысячами, считаются въ Россіи сельскіе учителя, получающіе до 300 рублей и болѣе жалованья въ годъ. Такая норма вознагражденія, неслыханная раньше 1864 года, привлекла къ дѣлу и лучшихъ людей, если не знающихъ вполне педагогическаго дѣла, такъ какъ негдѣ было ему научиться, то по крайней мѣрѣ готовыхъ и способныхъ научиться ему. И вотъ, частною инициативою, земскими людьми, создается учрежденіе, раньше 1864 года невиданное и неслыханное въ Россіи и въ совершенно иной формѣ извѣстное въ западной Европѣ: возникаютъ такъ-называемые учительскіе съѣзды или курсы, давшіе огромный результатъ въ такое время, когда настала необходимость обучать, а обучать было некому. Земство дало на это средства; но мало того: земскіе же люди и выхолмили своего новаго питомца, выяснили способъ веденія и назначеніе учительскихъ съѣздовъ; опять благодаря предоставлявшемуся въ то время относительному простору, вопросъ развивался различно по мѣстностямъ, дѣло об-

ложилось въ разнообразныя формы; здѣсь возникаютъ съѣзды съ цѣлью спеціально-педагогической, съ цѣлью наглядно ознакомить преподающихъ съ лучшими приемами обученія и существенными теоретическими началами ихъ; такіе съѣзды кратковременны, продолжаются дней десять. Въ другихъ мѣстностяхъ возникаютъ шестинедѣльные, даже болѣе продолжительные учительскіе съѣзды, задающіеся цѣлью восполнить пробѣлы въ *общемъ* образованіи учителей, т.-е. задачей, но нашему мнѣнію, въ такое короткое время вполне неосуществимую. Какъ бы то ни было, но тѣ и другіе съѣзды значительно подвинули дѣло уже тѣмъ, что сколько-нибудь объединили учителей, пробудили ихъ, подстрекнули въ нихъ стремленіе впередъ, къ самоусовершенію и проложили дорогу для учительскихъ съѣздовъ, только въ прошломъ году, т.-е. лѣтъ десять *позже* первыхъ попытокъ общества получившихъ организацію на бумагѣ со стороны министерства просвѣщенія. Крайне прискорбно, при этомъ, что обществу, создавшему дѣло, опять предоставлена только второстепенная роль.

Войдемъ, наконецъ, въ школу нашего времени, которой уже вознужно вѣяніе свѣжей мысли и общественной инициативы, и сравнимъ ее со школою того типа, который былъ унаслѣдованъ обществомъ отъ различныхъ вѣдомствъ, съ прозванною во многихъ мѣстностяхъ „старою школою“; такихъ „старыхъ“ школъ и теперь еще не мало на Руси. Кто не знаетъ того, что до 1864 года не заходило и рѣчи о продолжительности учебнаго курса народной школы, о соответственномъ распредѣленіи учащихся на классы и объ учебной программѣ народной школы?... Всѣ эти вопросы пришлось разрѣшать самимъ общественнымъ дѣятелямъ, и всѣ они разрѣшены постепенно, но указаніямъ самой жизни, и министерству пришлось въ эпоху, когда оно сочло нужнымъ, въ интересѣ дѣла, переложить его изъ однихъ рукъ въ другія, только идти по тропинкѣ, пробитой тѣми земскими людьми, которые въ осеннюю и весеннюю слякоть и непогоду, рискуя не только здоровьемъ, но и жизнію, ѣздили изъ школы въ школу, чтобы прислушиваться къ указаніямъ *русской* жизни и *русской* школы. Какимъ простымъ дѣломъ кажется, напримѣръ, теперь то, что обученіе въ народной школѣ должно продолжаться для большинства три года, что необходимъ *ежегодный* приемъ новичковъ, что одинъ учитель можетъ руководить съ относительнымъ успѣхомъ только тремя, а не болѣе классами одновременно (занимая два изъ нихъ самостоятельными работами), что, поэтому, нормою для *настоящаго времени* представляется трехклассное народное училище съ тремя годовыми курсами обученія... Между тѣмъ сколько опытовъ, наблюденій и думъ стоили эти простѣйшія заключенія тѣмъ изъ земскихъ людей, которымъ пришлось вырабатывать ихъ эмпирически,

нѣя предъ собою западную Европу, призванія условія которой представляютъ такъ мало сходства съ нашими, и нѣя предъ собою и за собою только дѣтей, загнанныхъ въ русскую школу на истаиваніе, ея забитыхъ и притупленныхъ, никогда не пользовавшихся *класснымъ*, а всегда лишь *одиночнымъ* обученіемъ въ школѣ. Въ той самой комнатѣ, въ которой такъ недавно раздавались только крики учителя, или даже просто сторожа, и дѣтей, раздалось стройное чтеніе молитвы, отчетливое преподаваніе учителя, обращенное къ слушающимъ его дѣтямъ; изъ той школы, гдѣ такъ недавно летѣли ключья волосъ, и которая осквернялась брызгами дѣтской крови—изгоняются наказанія, всякія наказанія, а не только рукопашный бой. Да, есть у насъ теперь уже сотни школъ на Руси, изгнанныхъ наказанія и награды, и сѹмѣвшихъ возбудить въ дѣтяхъ любовь къ школѣ, учителю и ученью, и чувствомъ этой любви замѣнившихъ чувство страха, положенное въ основу „старой школы“. А легко ли было общественнымъ дѣятелямъ водворять въ школѣ, вливая новое вино въ старые мѣхи, разумные способы обученія, и кто не знаетъ того, что до 1864 года дѣти по три года проводили въ школѣ для того, чтобы научиться только механизму чтенія, только списыванію съ прописи и машинальному счисленію, и что люди изъ общества создали или популяризировали способы обученія, при помощи которыхъ ребенокъ за одинъ годъ времени уже обучается *сознательному* чтенію и къ окончанію курса толково излагаетъ свою мысль, устно и письменно, и рѣшаетъ практическія задачи ариметическія, ознакомленный хоть сколько-нибудь съ предметами окружающей его природы?... Правда ли все это? Да, правда для сотенъ, а быть можетъ и тысячъ школъ въ Россіи, созданныхъ частною инициативой, созданныхъ матеріально и нравственно, такъ какъ общество, и одно только общество нашло денежные средства для школы, и оно же *создало* и педагогическую обстановку ея. Или не всѣмъ извѣстно, быть можетъ, что только въ періодъ общественной дѣятельности на пользу народнаго училища появились и руководства по различнымъ отраслямъ обученія, не сѹроенныя и слѣпленныя по иностранному шаблону, но отлитыя по явленіямъ русской жизни и подсказанныя авторамъ потребностями своего времени и своего народа, при соблюденіи и основныхъ законовъ человѣческаго развитія, равно применимыхъ ко всѣмъ народностямъ и всѣмъ временамъ?...

Все это, повторяемъ, факты, настолько общезвѣстные, что поклонники децентрализаціи, равно какъ и сторонники централизаціи въ дѣлѣ народнаго образованія не могутъ не признать ихъ безспорными, а потому на основаніи ихъ возможны и „итоги“. Но, не ожидая нашего вывода, намъ могутъ возразить: „и стоить же такого

громкаго названія „итоги“ осуществленіе обществомъ десятка учительскихъ семинарій, сотенъ учительскихъ съѣздовъ и тысячи или даже тысячъ толковыхъ школъ на *восемьдесятъ миллионъ* жителей! Вѣдь ваша работа,—капля въ морѣ; ложка меду въ бочкѣ дегтю, и потому равняется нулю; вотъ и весь вашъ итогъ; пишите прямо нуль, и не трудитесь надъ дальнѣйшими вычисленіями, а дайте намъ, централистамъ, показать, насколько разъединенныя силы частныхъ лицъ ничтожны и насколько наша дѣятельность захватить вопросъ шире и дать больше всему государству, а не той или иной мѣстности“. Никакому сомнѣнію не подлежитъ—сказалъ бы я на это, что разъединенныя усилія частныхъ лицъ и общественныхъ дѣятелей, разумно направленные, никогда не могутъ конкурировать съ разумно же направленною правительственною дѣятельностію, уже по той простой причинѣ, что правительственная дѣятельность слагается изъ крупицъ труда тѣхъ же единицъ, но приведенныхъ въ систему, гарантированныхъ отъ множества пагубныхъ случайностей и могущихъ охватить *одновременно* большое пространство и значительное население, что въ свою очередь обезпечиваетъ успѣхъ и въ каждой отдельной мѣстности. Необходимость *государственной* дѣятельности на пользу народной школы признана, какъ извѣстно, даже Англіею, которая такъ долго ревниво охраняла школу отъ вмѣшательства государства. Но является вопросъ: въ чемъ должна состоять роль министерства въ школѣ,—въ господствѣ ли надъ частною инициативой, или только въ охраненіи, какъ школы, такъ и силы, ее создающей, подъ покровомъ государства, т.-е. частной инициативы и самоуправления? Для насъ несомнѣнно послѣднее; но столь же мало подлежитъ сомнѣнію и то, что крайне неразумно *противопоставлять* обществу правительству, т.-е. одинъ органъ другому органу одного и того же общественнаго организма.

Не съ такою цѣлью и взяли мы за перо; не съ тѣмъ вступили мы въ бесѣду съ читателемъ, чтобы доказать ему, что общество можетъ обойтись безъ содѣйствія своего высшаго представителя, правительства. Мы убѣждены напротивъ, что и для Россіи прошло время безучастія правительства къ судьбамъ народной школы, и что настало время не замѣнять общественныхъ дѣятелей въ школѣ правительственными агентами, но поддерживать первыхъ послѣдними; настало время дружнаго взаимодействія самоуправления и центральной власти на пользу народнаго образованія. Главнѣйшую задачу министерства составляетъ при этомъ, по нашему мнѣнію, призывать къ дѣятельности всѣхъ здравыхъ элементовъ общества, и если мы взяли за подведеніе итоговъ тому, что обществомъ уже достигнуто, то только для того, чтобы доказать, что наше общество уже до-

стигнутыми результатами успѣло заявить себя живою силою по отношенію къ школѣ, силою, которою правительству стоить вполнѣ воспользоваться.

Если итоги дѣятельности русскаго общества представляются безспорно ничтожными по отношенію къ числу населенія Россіи, то они же представляются столь же безспорно великими по отношенію къ вопросу о воспитаніи русской школы на русской почвѣ и къ разработкѣ школьнаго вопроса, науки воспитанія и обученія въ Россіи, и по отношенію къ вліянію на массу и меньшинство въ отдѣльных мѣстностяхъ.—Какъ мы видѣли, итоги эти состоятъ въ томъ, что русскіе общественные дѣатели, унаслѣдовавъ пустыню, передаютъ по наслѣдству пустыню со многими оазисами, первая организація которыхъ стоила огромнаго труда и выяснила, какъ дѣйствовать дальше. Но если общество успѣло создать до сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ школьное зданіе, жалованье учителю, подготовку учителя, школьную дисциплину, учебную программу, методы обученія и учебники, то это не значить, что всѣ эти вопросы уже разрѣшены окончательно и не подлежатъ дальнѣйшему развитію. Пусть же не ослабѣваетъ энергія въ русскомъ меньшинствѣ на пользу образованія большинства; пусть же оно трудится, разумѣя, что въ дѣлѣ народнаго образованія и *одинъ въ полъ — воинъ*, такъ какъ трудъ его не пропадаетъ безслѣдно для школы въ Россіи, такъ какъ его скромная дѣятельность и, быть можетъ, недолговѣчное и представляющее длинный скорбный листъ, существованіе созданной имъ единственной школы не пропадаютъ безслѣдно для всей Россіи, для школы русской вообще. Пусть немногочисленные друзья просвѣщенія оглянутся на время отъ 1864 по 1874 годъ, которому мы подвели итоги, и пусть тогда скажутъ, стоить ли потрудиться въ своемъ захолустѣ, какъ въ нѣкѣмъ незримой лабораторіи, стоить ли попытаться внести свою долю свѣта въ общее дѣло. Взгляните: общественные дѣатели трудились, не зная другъ друга, нигдѣ не встрѣчая поддержки, разединенно, по закоулкамъ и захолустьямъ—и что-же? Совокупной дѣятельности этихъ разрозненныхъ усилій Россія обязана постановкою и разработкою вопроса о народной школѣ въ Россіи, всестороннимъ развитіемъ его, проложеніемъ первыхъ путей и созданіемъ тѣхъ образцовъ, по которымъ, дастъ Богъ, когда-нибудь станетъ работать министерство, не заглушая общественной инициативы, но оставивъ ее и пользуясь ею, и когда-нибудь станутъ трудиться министерство и общество, идя рука объ руку. Школа въ Россіи тогда преуспѣетъ, когда министерство съ довѣріемъ отнесется къ обществу и общество съ довѣріемъ отнесется къ министерству въ школьномъ дѣлѣ; нѣтъ лучшаго средства сблизить эти двѣ силы, какъ поставить ихъ

въ широкѣмъ рядомъ *распространенными* силами, призванными къ общему служенію великому и святому дѣлу народнаго образованія.

20 марта 1876 г.

Б. А. Р. Н. Корфъ.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ

По поводу статьи Н. Х. Бунге: «Монополія желѣзно-дорожнаго царства».

М. г. Въ мартовской книгѣ „Вѣстника Европы“ 1876 г., извѣстный нашъ экономистъ, Н. Х. Бунге, помѣстилъ статью: „Монополія желѣзно-дорожнаго царства и ея ограниченія“, заключающую въ себѣ разборъ моего сочиненія: „Желѣзно-дорожное хозяйство“. Въ статьѣ встрѣчается нѣсколько замѣчаній, которыя вкрались въ серьезную статью, очевидно, по недоразумѣнію, а между тѣмъ могутъ дать читателю невѣрное представленіе о характерѣ моей книги.

Н. Х. Бунге, сравнивая приводимыя мною статистическія данныя съ цифрами, сообщенными въ сочиненіи г. Блюха: „Русскія желѣзныя дороги“ (Спб., 1875 г.), находитъ между тѣми и другими много крупныхъ необъяснимыхъ разницъ. Для примѣра, авторъ указываетъ на исчисленіе капитала, затраченнаго въ желѣзныя дороги, и расходовъ на содержаніе центральнаго управленія. Изъ сдѣланнаго сравненія оказывается, что, напримѣръ, на николаевской линіи затраченный капиталъ составлялъ 90,1 милл. руб. по моему вычисленію, и 173,3 милл. руб. по книгѣ г. Блюха; нѣсколько меньшія, но во всякомъ случаѣ весьма значительныя различія оказываются и по другимъ дорогамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что столь крупныя разногласія заставятъ любого читателя предположить существованіе грубой ошибки у кого-либо изъ насъ двоихъ; а такъ какъ трудное заподозрить ошибку у извѣстнаго практическаго желѣзно-дорожнаго дѣятеля, каковъ г. Блюхъ, то, понятнo, каждый обвинитъ въ невѣрности данныхъ именно меня,—что, въ свою очередь, естественно вызоветъ сомнѣніе и относительно самыхъ выводовъ, построенныхъ мною, въ болѣеи части случаевъ, на основаніи анализа статистическихъ цифръ.

Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ правы мы оба,—и я, и г. Блюхъ. Н. Х. Бунге сопоставилъ не однородныя цифры, вслѣдствіе чего, понятнo, и оказалось между ними разногласіе. Въ моей книгѣ, подъ капиталомъ, затраченнымъ въ сооружеііе желѣзныхъ дорогъ, по-

всюду разумѣется сумма дѣйствительно произведенныхъ издержекъ для того, чтобы приготовить дорогу къ движению. Это понятіе прямо сформулировано на стр. 91, и затѣмъ подробно разъяснено въ примѣчаніи къ таблицамъ на стр. 346, причемъ ясно указано, что капиталъ сооруженія нельзя смѣшивать съ такъ-называемымъ основнымъ капиталомъ желѣзно-дорожныхъ компаній. Между тѣмъ, въ таблицахъ г. Блюха приведенъ именно основной капиталъ желѣзно-дорожныхъ обществъ, о чемъ и заявлено имъ на стр. 236 „Объясненій къ таблицамъ“. Разногласіе этихъ двухъ понятій особенно рѣзко обнаруживается въ примѣненіи къ николаевской дорогѣ. По официальнымъ даннымъ, заключающимся въ „Сборникѣ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи“, издаваемомъ министерствомъ путей сообщенія, николаевская линія обошлась, въ первоначальной постройки, въ 76,1 милл. руб.; затѣмъ, чрезъ присоединеніе затратъ на капитальное исправленіе, ея стоимость дошла, къ 1869 году, до 87,4 милл. и къ концу 1872 г.—до 92,1 милл. руб. Приведенная у меня цифра капитала николаевской дороги, относящаяся къ 31-му декабря 1870 года, образовалась, какъ указано въ примѣчаніи, на стр. 348, чрезъ присоединеніе къ 80 милл. руб., издержаннымъ на сооруженіе николаевской дороги къ 1868 году („Сборн. свѣд. о жел. дор.“, изд. деп. жел. дор., 1868 г.), суммъ израсходованныхъ главнымъ обществомъ русскійхъ желѣзныхъ дорогъ на капитальное исправленіе николаевской линіи; суммы эти показаны въ отчетахъ главнаго общества за 1868, 1869 и 1870 годы. Между тѣмъ николаевская желѣзная дорога была, какъ извѣстно, продана въ 1868 г. правительствомъ главному обществу рос. жел. дорогъ, причемъ, въ видѣ облегченія продажи, выпущено правительствомъ облигацій на сумму 144,4 милл. металлическихъ рублей, по которымъ главное общество обязано вносить казнѣ ежегодно 7,2 милл. руб. Эта-то сумма и значится съ тѣхъ поръ, какъ основной капиталъ главнаго общества по николаевской линіи ¹⁾).

Подобнымъ же образомъ объясняются разногласія въ цифрахъ издержекъ центрального управленія.

Въ моей книгѣ расходы по всѣмъ отдѣламъ желѣзно-дорожной эксплуатаціи показаны безъ всякой перемѣны, на основаніи отчетовъ желѣзныхъ дорогъ. Хотя я ясно сознавалъ отсутствіе однообразной

¹⁾ См. „Журналъ Министерства Путей Сообщенія“ за 1874 г., кн. 1, опубликованный г. Блюхомъ цифры основныхъ капиталовъ по русскимъ дорогамъ, равно какъ „Сбор. свѣд. о Жел. Дор.“ за 1870—1872 г., изд. мин. пут. сообщ., Спб. 1875. По переводѣ 144,4 милл. руб. металлическихъ на кредитную валюту, согласно принятому въ книгѣ г. Блюха курсу (1 мет. рубль=1,2 кредитныхъ), мы и получаемъ обозначенную въ его таблицахъ цифру 178,2 милл. руб.

классификаціи расходныхъ статей въ нашихъ желѣзно-дорожныхъ отчетахъ, и самъ указалъ на это во многихъ мѣстахъ книги, особенно на стр. 330—336; но тѣмъ не менѣе, я не считалъ себя вправе передѣлывать цифры отчетовъ, ибо не имѣлъ возможности разъяснить встрѣчающіяся въ нихъ недоразумѣнія путемъ непосредственныхъ сношеній съ самими желѣзными дорогами. Между тѣмъ, въ книгѣ г. Влюха расходы желѣзныхъ дорогъ распределены на группы самимъ авторомъ, по принятой имъ однообразной для всѣхъ дорогъ классификаціи, вслѣдствіе чего, естественно, встрѣчаются въ таблицахъ отступленія отъ отчетныхъ цифръ, какъ это и оговорено на стр. 3 „Объясненій къ таблицамъ“.

Наконецъ, самое важное недоразумѣніе встрѣчается въ той части статьи Н. Х. Бунге, гдѣ идетъ рѣчь о предложенномъ мною способѣ выкупа желѣзныхъ дорогъ у частныхъ компаній по дѣйствительной стоимости дорогъ, а не по капитализаціи доставляемаго послѣдними чистаго дохода, какъ это установлено нашими концессіями. Важнѣйшія возраженія построены авторомъ при томъ предположеніи, что я имѣю въ виду примѣнить указанный способъ выкупа не только къ будущимъ, но даже къ существующимъ уже желѣзно-дорожнымъ линіямъ. Поводомъ къ такому мнѣнію послужила 316 стр. моего сочиненія, — на которую ссылается и г. Бунге, — гдѣ, послѣ изложенія доводовъ въ пользу выкупа дорогъ по дѣйствительной стоимости ихъ сооруженія, напечатано: „понятно, впрочемъ, что это послѣднее соображеніе *относится* къ линіямъ, уже сооруженнымъ, на которыхъ юридическія отношенія государства къ собственникамъ дороги уже опредѣлены существующими договорами“. Вся бѣда въ томъ, что въ текстѣ передъ словомъ „*относится*“ пропущена частица „не“. Эта типографская ошибка была, однако, замѣчена во-время и оговорена въ приложенныхъ къ сочиненію опечаткахъ, на которыя, повидимому, не обратилъ вниманія г. Бунге. Если же, какъ я и проводилъ въ своемъ сочиненіи, выкупъ по дѣйствительной стоимости будетъ примѣняться только къ дорогамъ будущимъ, то предложенный мною планъ не заслуживаетъ сдѣланныхъ критикомъ упрековъ въ нарушеніи началъ справедливости. Подписывая концессію, желѣзно-дорожное общество напередъ, конечно, знаетъ, какія условія включены въ нее; и если общество согласилось на эти условія, то вполнѣдствіи, при примѣненіи ихъ на дѣлѣ, уже не можетъ быть рѣчи о какомъ бы то ни было нарушеніи права и справедливости. Volenti non fit injuria.

А. Чупровъ.

Москва, 24 апрѣля 1876.

ИЗВѢСТІЯ

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученикамъ.

Засѣданія комитета 15-го и 22-го марта 1878 года.

1) Отклонено ходатайство переводчицы о продолжительномъ пособіи, какъ въ виду незначительности ея литературныхъ трудовъ, такъ и потому, что она не лишена возможности воспользоваться помощью общества, специально учрежденнаго для учащихъ на жескихъ курсахъ; 2) назначена пенсія въ 300 р. вдовѣ извѣстнаго писателя; 3) положено выдать въ единовременное пособіе больнымъ писателямъ: одному 500 р., а другому 250 р.; 4) выдано въ ссуду одной писательницѣ 500 р. и въ единовременное пособіе: одному лицу 25 р., другому 100 р. и третьему 50 р.; 5) отклонены ходатайства о пособіи девяти лицъ, по 5-му § устава, и одного лица потому, что ему неоднократно выдавались пособія, причемъ въ послѣдній разъ помощь общества оказана въ недавнее время; 6) на прошеніе одного лица, о помѣщеніи его проекта въ какомъ-нибудь специальномъ журналѣ, объявлено, что проситель можетъ непосредственно обратиться въ редакціи журналовъ; 7) опредѣлено отпустить на содержаніе сына писателя въ пансіонѣ по 20 р. въ мѣсяцъ до 1877 года; 8) изъявлена благодарность общества К. К. Гроту, за пожертвованіе въ пользу общества 300 экземпляровъ книги „Школьная гимнастика въ Голландіи, Даніи и т. д.“, и Л. В. Вертенсону, за его содѣйствіе комитету.

II. Бердянская уездная управа, таврической губернии.

Вызовъ сельскихъ учителей.

Въ Бердянскомъ уѣздѣ имѣются вакансіи учителей сельскихъ начальныхъ училищъ, содержимыхъ земствомъ. Жалованья учитель получаетъ 300 руб. въ годъ и для помѣщенія квартиру при училищѣ. Квартира отопливается и освѣщается на счетъ общества, а жалованье учитель получаетъ изъ Уездной Земской Управы, которое высылается по земской почтѣ ежемѣсячно. Кромѣ жалованья, учителямъ, за успѣхи по преподаванію, выдается награда до 50 руб., а при особыхъ успѣхахъ и усердіи къ дѣлу, увеличивается и окладъ жалованья. На проѣздъ до Бердянска можетъ быть выдано, въ счетъ жалованья, до 50 руб.

Лица, желающія получить учительское мѣсто на означенныхъ выше условіяхъ, должны заявить о томъ Земской Управѣ, съ приложеніемъ копій документовъ о званіи своемъ, о правѣ на преподаваніе въ начальныхъ училищахъ, а также и удостовѣреніе о правнѣ своей дѣятельности; безъ представленія же этихъ документовъ Управа не дѣлаетъ никакихъ распоряженій по заявленіямъ.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ

МАЙ—ІЮНЬ, 1876.

Книга пятая.—Май.

	стр.
АМЕРИКАНСКІЕ ГУРТОВЩИКИ.—Воспоминанія и рассказы.—А. С. КУРСКОГО . . .	7
ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА.—Изъ деревенскихъ разсказовъ.—О. ЗАБЫТАГО. . . .	62
СПЕРАНСКІЙ и ЕГО РЕФОРМЫ въ СИБИРИ.—I.—Н. М. ЯДРИНЦЕВА	98
Очеркъ вопроса о происхожденіи видовъ.—УП-VIII.—И. И. МЕЧНИКОВА. . .	117
СТЕХОТВОРЕНІЯ.—П. М. КОВАЛЕВСКАГО	150
НАВЛЮДЕНІЯ НАДЪ ИСТОРИЧЕСКОЮ ЖИЗНІЮ НАРОДОВъ.—8. Франція и Германія до тѣснѣйшаго соединенія послѣдней съ Италіею.—С. М. СОЛОВЬЕВА. . .	158
СТЕХОТВОРЕНІЯ.—Изъ Гервега, Мюрже, Эйхендорфа и Лонгфелло.—П. В. БЫ- КОВА	172
СОВРЕМЕННАЯ ГЛУХИЯ.—Изъ воспоминаній мирового судьи.—X-XII.—Окончаніе.— В. Н. НАЗАРЬЕВА.	179
ИТАЛЬЯНСКІЕ ТИПЫ въ послѣднемъ романѣ Уйда.—Signa by Ouida.—М. ЛОВЦОВА. .	233
СОЮЗЪ КНЯЗЕЙ и НѢМЕЦКАЯ ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ II, ФРИДРИХА II, ИОСЕФА II.— 1780—1786.—IV. Первоначальная нѣмецкая политика Екатерины II. — V. Переворотъ въ нѣмецкой политикѣ Екатерины II и австрійскій союзъ.— А. С. ТРАЧЕВСКАГО.	284
Изъ Гейне.—„Buch der Lieder“ и „Lyrisches Intermezzo“. — Ю. М.	333
ХРОНИКА.—Сводою торговли и протекционизмъ.—А. А. ГОЛОВАЧОВА	335
ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Уголовная статистика.—Присяжные и судьи.—Религія и національность.—Религіозныя преступленія.—Семейный бытъ.—Дѣти- преступники.—Отчетъ петербургской земледѣльческой колоніи.—О волю- нѣхъ для малолѣтнихъ осужденныхъ, вообще.	388
ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—Восточный вопросъ и европейская война. . . .	409
ПАРЕНЕСКАЯ ПИСЬМА.—XIV.—Очеркъ изъ новой исторіи Ругонновъ: „Винный погребокъ“—ЭМИЛЬ Золя	420
НЕКРОЛОГЪ.—А. П. ЩАПОВЪ.—А. П.	450
РАЗЪСЖЕНІЕ.—По требованію министерства народнаго просвѣщенія.	453
Визитогрѣбическій Листокъ.	

Книга шестая.—Іюль.

	стр.
✓ Сибирскій и его реформы въ Сибирѣ.—П.-III.—Окончаніе.—Н. М. ЯДРИНЦЕВА.	461
✓ Въ Герцеговинѣ.—Отголоски сербскихъ пѣсенъ І. Коларя.—Перев. съ чешскаго.—М. П.—II	508
Итальянскіе типы въ послѣднемъ романѣ Уйда.—Signa by Ouida.—Окончаніе.—М. И. ЛОВЦОВОЙ	521
✓ Древній періодъ русской литературы и образованности.—Сравнительно-историческіе очерки.—III. Особенности древняго періода.—А. Н. ПЫПИНА	564
Изъ Манфреда.—Хоръ духовъ въ первомъ актѣ.—Д. С.—КОВЪ	599
Какъ люди деньги нажимаютъ.—Берлинскій „кракъ“ и докторъ Струсбергъ.—I.-III.—Д. А.—ВЪ	603
Вѣвъ роду вѣвъ племени.—Очерки и сценн изъ новаго романа А. Додэ: „Jack“.—Ө. П.—СКАЯ	639
Сокровъ князей и князюшка политика Екатерины II, Фридриха II, Юскаа II.—1780—88 гг.—VI. Восточный вопросъ въ XVIII-мъ вѣкѣ.—VII. Голландія и „обмѣнъ земель“.—А. С. ТРАЧЕВСКАГО	709
Хроника.—Древнее рабство и его судьба въ началѣ нашей эры.—Новѣйшія изслѣдованія первыхъ эпохъ христіанства: Аларъ, Обб и Бауръ.—В. Ө. КОРША	768
Внутреннее Овощаніе.—Слѣпіе обще-образовательной духовной школы съ гражданскою.—Съѣздъ уполномоченныхъ приходскихъ благотворительныхъ обществъ въ Петербургѣ.—Общество любителей духовнаго просвѣщенія и свобода совѣсти.—Вопросъ объ измѣненіяхъ въ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ.—„Адвокатскій вопросъ“.—О призваніи присяжныхъ по поводу двухъ уголовныхъ дѣлъ.—„Разъясненіе“ второго пункта инспекторской инструкціи, со стороны министерства народнаго просвѣщенія	802
Иностранная политика.—Современная политическая роль Германіи	833
Корреспонденція изъ Берлина.—Изъ парламентской жизни Пруссіи.—Е.	839
Корреспонденція изъ Лондона.—Первая половина парламентской сессіи.—В	868
Парижскія письма.—Два художественныя выставкы въ маз.—ЭМИЛЬ ЗОЛА	873
Итоги общественной дѣятельности на пользу народнаго образованія въ Россіи.—ВАР. Н. КОРФА	908
Письмо въ Редакцію.—По поводу статьи Н. Х. Бунге: „Монополія желѣзнодорожнаго царства“.—А. ЧУПРОВА	917
Извѣстія.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученикам.—II. Отъ Берлинской Увѣдной Управы.	920
Библиографическій Листокъ.	

Игера, книга створений. (Слово о полку Игоря). Поэма въ 12-ти пѣсняхъ. Перевелъ съ древне-русскаго Николай Гербель. Изданіе пятое. Сб. 1876 г. Ц. 2 р., въ роскошномъ переплетѣ 8 р., вѣс. 8 ф.

Иностранные поэты въ переводѣ Д. Л. Михаловскаго. Въ пользу литературнаго фонда. Сб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 2 ф.

Карьера Бьютчина. Романъ Джоржа Мередита. Переводъ М. Цебриковой. Сб. 1876 года. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Соч. гр. А. К. Толстаго. Второе изданіе. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Кобзарь Т. Г. Шевченко з додаткомъ споминокъ про Шевченка писателів Тургенеза и Полонскаго. У Прагі 1876 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Крестыне-присяжные. Бытовые очерки. Картинки. Разказы Н. Златовратскаго. Ц. 1 р., вѣс. за 1 ф.

Луговые разбойники изъ американской жизни. Романъ въ 2-хъ томахъ, Фр. Герштекера. Сб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Маленькія женщины или дѣтство четырехъ сестеръ. Луизы Олькотъ. Переводъ съ англійскаго. Сб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Медицина и медики. Э. Литтре. Переводъ съ французскаго подъ редакціей М. Цебриковой. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Миниурный вѣкъ. Романъ Марка Туэна и Чарльза Дэдлей Уарнера. Переводъ М. Цебриковой. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Народныя миннерусскіи сказаніи. Выпускъ 2-й. Издалъ И. Рудченко. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Натанъ Мудрый, драматическое стихотвореніе Лессинга. Перев. В. Крылова. Сб. 1876. Ц. 2 р. въ бумажѣ, въ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ и портретомъ автора 3 р., вѣс. 3 ф.

Наша дѣтская литература. Опытъ библіографіи. Ф. Толя. Ц. 60 к., вѣс. 1 ф.

Наши чудотѣи. Лѣтопись чудачествъ и эксцентричностей всякаго рода. Сост. Касьянъ Касьяновъ. Ц. 1 р. 50 коп., съ перес. 1 р. 80 к.

Новиковъ, Николай Ивановичъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг. Исслѣдованіе А. Невеленова. Сб. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к. вѣс. 3 ф.

Общественная и домашняя жизнь животныхъ. Сатирическіе очерки съ 168 рисунками. Гранвилла. Текстъ: П. Сталъ, Балзака, де-Бодольера, Жоржъ-Занда, Бенжамена Франклина, Густава Дроа, Жюль Жанена, Е. Лемуана, Поля Мюссе, Шарля Нодье, Луи Виарди Сб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., въ пер. 3 р., перес. за 3 ф.

Осени. Новый сборникъ стиховъ Я. П. Полонскаго. Часть I и П. Сб. 1876 г. Ц. 3 руб., пересмолочныхъ за 3 фунта.

О литературной дѣятельности М. А. Добролюбова. Н. А. Вибикова. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.

Патриція Кэмбам. Романъ въ 3-хъ частяхъ Э. Линнъ Лантона. Переводъ М. Цебриковой. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Поэзія Івана Лєвицькаго. Ц. 1 руб. 50 к., вѣс. 2 ф.

Поэти изъ жизни бѣдныхъ. П. Засодимскаго. Содержание: Темныя сны. Старый домъ. Дуракъ. Сб. Ц. 1 р. 25 к., пересмолочныхъ за 2 фунта.

Поэзія Осипа Федьковича. 3 передѣлѣмъ словомъ про галицко-русскаго письменство Мих. Драгоманова. Киевъ. 1876 г. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Полное собраніе сочиненій Шмалера въ переводахъ русскихъ писателей, пятое изданіе подъ редакціей Н. В. Гербеля. Сб. 1876. Ц. за 2 тома 7 р.; съ 20 гравюрами 9 р.; въ перепл. 10 р. 50 к.; вѣс. 5 ф. Вышелъ томъ I.

Потомокъ Тайроуэ. Романъ Макъ-Картти. Пуритане. Хроника XVII-го вѣка. Джона Марша. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Поэзія славы. Сборникъ лучшихъ поэтическихъ произведеній Славянскихъ народовъ въ переводахъ русскихъ писателей, изданный подъ редакціей Ник. Вас. Гербеля. Ц. въ бум. 8 р. 50 к., въ перепл. 4 р. 20 к., вѣс. 4 ф.

Пѣсни Беранже. Переводы Василія Курочкина. Изданіе шестое, исправленное и значительно дополненное, съ приложеніемъ, біографіей и портретомъ Беранже. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р., перес. за 2 ф.

Пѣсни Беранже, 1810—1816, за исключеніемъ переведенныхъ В. Курочкинымъ и др. Переводъ Н. Лебедева. Киевъ. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Сборникъ пѣсенъ Буеннискаго народа. Сост. А. Донатовскій. Ц. 75 к., вѣс. 2 ф.

Смирити и спиритизмъ. Романъ Флоренціи Марьери (мистрисъ Россъ Чертъ). Сб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Собрать парижской Богоматери (Notre Dame de Paris). В. Гюго, съ портретомъ автора. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Собраніе сочиненій М. П. Мотларевскаго на малороссійскомъ языкѣ. Изданіе II-ое. Киевъ. 1875 г. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Солдатское житье. Очерки изъ туркестанской жизни. Д. Иванова. Сб. 1875 г. Ц. 3 р.

Сочиненія Лорда Байрона въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныя подъ редакціей Н. В. Гербеля. Т. I, II и III. Ц. за каждый томъ въ бум. 2 р., въ переплетѣ 3 р. 60 к., вѣс. 4 ф.

Сочиненія Алексѣя Петровича. 7 томовъ. Ц. 12 р., вѣс. 12 ф.

Сочиненія Давида Рикардо. Переводъ подъ редакціею Н. Зиберта. В. I. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Сочиненія М. Ю. Лермонтова. 2 т. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 4 ф.

Сочиненія А. Шиллерова. Разсказы слѣдователя. Ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Старосвѣтская дѣвушка. Американская повѣсть Лунны Олькотъ. Переводъ Е. Бекетовой. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Тайны общества всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ. Чарльза Уильяма Гекертора, въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1876 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Фантъ-Зинингъ Историческая трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ф. Лассала. Перев. А. и С. Крыль. Стр. 259. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Харилъ. Сцены изъ жизни древнихъ грековъ. В. А. Беккера. Съ рисунками. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Христовація для всѣхъ. Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ, сост. Ник. Вас. Гербеля. Ц. въ бум. 3 р., въ переп. 3 р. 70 к., вѣс. 4 ф.

Чумацкія народныя пѣсни. Н. Я. Рудченко. Ц. 1 р. 80 к., вѣс. 2 ф.

Шекспиръ въ переводѣ русскихъ писателей. Изданіе Н. А. Некрасова и Н. В. Гербеля. Т. I, II, III, IV. Ц. 14 р., вѣс. 8 ф.

Шиллеръ и его время. Соч. Іоганна Шерра, въ 3-хъ книгахъ. Москва. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

ИСТОРИЯ — БІОГРАФІЯ — ЭТНОГРАФІЯ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ Александровскую эпоху, 1799—1826 гг. П. Анненкова. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Годъ Вѣстника Еврею. Историко-политическое обзорніе за 1878—74 гг. Т. I. Спб. Ц. 2 р., вѣс. 3 ф. — За 1872—73 г., т. II, ц. 2 р. вѣс. 3 ф.

Графъ Аранчезъ и военныя поселенія. 1809—1831. Ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отміны крѣпостнаго права. А. Романовичъ-Славатинскаго, профессора государственнаго права. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Залиски князя Якова Петровича Шаховскаго. 1705—1777 гг. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи, 1814—1852 г. А. Я. Рохау, 2 т. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Исторія среднихъ вѣковъ, въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. М. Стасюлевича. Три тома. Т. I—783

стр.; Т. II—966 стр.; Т. III, часть первая—824 стр. Всѣ три тома—7 р. съ пересылкою.

Исторія Тверскаго Княжества. В. С. Борзаконскаго. Спб. 1876 года. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

Карлъ Линней. Біографическій очеркъ съ портретомъ. Написалъ гр. Л. Энгельстремъ, перевелъ Г. Котлубай. Спб. 1876 года. Ц. 60 к., вѣс. 1 ф.

Нѣкоторые историко-географическія свѣдѣнія о Буковинѣ. Сост. І. Купчанко. Ц. 50 к. вѣс. 1 ф.

Очеркъ внутренней исторіи Малороссіи во второй половинѣ XVII-го вѣка. Соч. О. Левницкаго. В. I. Кіевъ. 1875 г. Ц. 60 к., вѣс. 1 ф.

Петровский сборникъ, изданный „Русскою Стариною“ 30-го мая 1872 года. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.

Разсказы о временахъ Меролингговъ. Соч. Огюстена Тьерри. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Руководство къ древней исторіи востока до персидскихъ войнъ. Франсуа Ле-нормана. Переводъ подъ редакціей М. П. Драгоманова. Выпускъ І. Кіевъ 1876 г. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Выпускъ I—VI, съ X по XVIII стол. включительно. Ц. 8 р. 10 к., перес. за 4 ф.

Русскія Исторія. К. Вестужева-Рюмина. Т. I. Съ билетомъ на полученіе т. 2 и 3. Цѣна 5 р., вѣс. 5 ф.

Русская старина. Историческое изданіе за 1870 г., съ приложеніемъ записокъ Андрея Тимофеевича Боготова. 8 т. Ц. 8 р., перес. за 6 ф., въ переплетѣ 11 р., перес. за 10 ф.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. 16 томовъ. Ц. 46 руб.; вѣс. 50 ф. Отдѣльно каждый томъ 3 руб.; вѣс. 3 ф., за исключеніемъ т. 1 и 2-го, которые стоятъ по 2 рубля.

ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕСТВІЯ.

Залиски Юго-Западнаго отдѣла Н. Р. Географическаго Общества, т. I, за 1873 годъ. Ц. 2 р., вѣс. 8 ф.

Залиски Юго-Западнаго отдѣла Н. Р. Географическаго Общества, т. II, за 1874 годъ, съ картою Буковины. Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.

Измаилія. Разсказъ объ экспедиціи въ Среднюю Африку съ цѣлю уничтоженія торговли невольниками, снаряженной Измаиломъ, хадивомъ Египта. Сара Самьюэля У. Бекера Паша. Съ 2-мя картами, на-

тдесятью таблицами и портретомъ автора. Сиб. 1876 г. Ц. 4 р., вѣс. 4 ф.

Кіевъ и его предѣлѣнія по перелиси 2 марта 1874 г. Ц. 3 р., вѣс. 4 ф.

Начальныя основанія ботанической географіи. Соч. Д. Г. Бекера. Перевелъ съ англійскаго П. Е. Волкенштейнъ. Сиб. 1876 г. Ц. 70 к., перес. за 1 ф.

Послѣднее путешествіе Ливингстона по Африкѣ. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Цибриковой. Съ портретомъ, факсимиле, 9-ю рисунками и картою Африки. Сиб. 1876 г. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Путешествіе въ Туркестанъ. А. П. Федченко. Ботаническія изслѣдованія. Первоначальныя и главныя, съ 22-ми таблицами, обработалъ Э. Регель. Ц. простому экземпляру 3 р. 50 к., веленовому 5 р., перес. за 5 ф.

Путешествіе въ Туркестанъ, А. П. Федченко. Выпускъ 11-й. Зоогеографическія изслѣдованія. Жесткокрылыя, обработалъ С. М. Сольскій. Ц. простому экз. 2 р., веленовому 3 р., перес. за 4 ф.

Путешествіе въ Африку къ водопадамъ Викторіи на Замбези. Соч. Эдуарда Мора. Съ портретомъ автора, картою и многими рисунками, гравированными въ Лейпцигѣ. Сиб. 1876 г. Ц. за 2 т. 4 р., перес. за 3 ф.

Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. А. С. Курбскаго. Сиб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Сборникъ рассказовъ изъ путешествій и быта народовъ. Сост. по Дилицу. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 25 к.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ—СТАТИСТИКА.

Капиталь. Критика политической экономіи. Соч. Карла Маркса, т. I, кн. I. Процессъ производства капитала. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Начальный учебникъ политической экономіи. Составилъ Э. Вреденъ. Сиб. 1876 г. Ц. 2 р., перес. 1 ф.

Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ нихъ примѣненій къ общественной философіи. Джонъ Стюартъ Милль. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 3 ф.

О свободѣ въ политической экономіи или теорія социальной реформы. Дра Генриха Мауруса. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Опытъ изслѣдованія объ имуществѣ и доходахъ нашихъ монастырей. Д. Ростиславова. Сиб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Теорія цѣнности и капитала Д. Рикардо, въ связи съ позднѣйшими дополненіями и разъясненіями. Опытъ критико-экономическаго изслѣдованія. Н. Зиберъ. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Финансовое управленіе и финансы Пруссіи. А. Заблоцкаго-Десатовскаго. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Задачникъ къ арифметикѣ цѣлыхъ чиселъ. Сост. Н. В. Бугаевъ. Ц. 25 к., вѣс. 1 ф. Бабушкины сказки: Жоржъ-Сандъ. Переводъ съ французскаго. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Задачникъ къ арифметикѣ дробныхъ чиселъ. Составилъ Н. В. Бугаевъ. М. 1875 г. Ц. 35 к., вѣс. 1 ф.

Изъ природы. Разказы для дѣтей по Герману Вагнеру. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Листы подвижныхъ нотныхъ знаменъ. Составилъ Н. А. Соловьевъ (Несмѣловъ). Ц. 10 к., вѣс. 1 ф.

Маленькій оборыши. Романъ Джемса Грингауда. Перевѣлка съ англійскаго А. Анненской. Для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ. Сиб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 коп., вѣс. 2 фунта.

Народы-старцы: Китай, Японія, Индія. Историческія бесѣды. В. Андреева. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Новыя сказки Андерсена съ 50 рисунками и портретомъ Андерсена. Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.

Однотелеса дѣтскія пѣсни и подвижныя игры съ русскими народными мелодіями. Для народныхъ школъ, дѣтскихъ садовъ и низшихъ классовъ гимназій. Съ аккомпаниментомъ для фортепіано. Музыка А. И. Рубина. Составилъ Е. Водовозова. Сиб. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Первыя разказы изъ естественной исторіи. М. Внковой. Для дѣтей, только-что научившихся читать. Сиб. 1876 г. Ц. въ бумажѣ 25 к., въ папкѣ 35 к., въ коленкорѣ 60 к., вѣс. 1 ф.

Первыя разказы изъ естественной исторіи для семьи, дѣтскаго сада, приютовъ и народныхъ школъ. Германа Вагнера. Книжка 1 и 2. Ц. за книгу по 1 р., вѣс. 2 ф.

Первыя уроки ботаники. Руководство для элементарныхъ учителей и учительницъ, съ 68 рисунками въ текстѣ. Соч. Германа Вагнера. Ц. 70 к., вѣс. 1 ф.

Подарокъ на Елку. Оля. Разказъ для дѣтей старшаго возраста. Кіевъ. 1876 г. Ц. 20 коп., вѣс. 1 ф.

Полное собраніе сказокъ Андерсена съ 117 гравированными картинами. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Приготовительный курсъ ботаники. Составленъ по Любену Н. Раевскимъ. Ц. 40 к., вѣс. 1 ф.

Простыя бѣды о научныхъ предметахъ. Джона Гершеля. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Разсказы изъ исторіи. Для школы и для дома. Г. В. Штоля. Въ 2-хъ книгахъ: I. Передняя Азія и Греція. II. Римская имперія. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Разсказы о погибшихъ дѣтяхъ. Н. Р. Выпускъ I. Маменьки. Ц. 60 к., перес. за 1 ф. Выпускъ II. Самодурн. Ц. 50 к., перес. за 1 ф.

Робинзонъ Крузо. А. Анненской. Новая переработка темы де-Фоз. Съ 10-ю карт. и 35-ю политипажами. Изд. В. Лесевича. Ц. 2 руб.; перепл. 2 руб. 50 коп., вѣс. 2 ф.

Руководство къ ариметикѣ. Ч. I, ариметика цѣлыхъ чиселъ. Ч. II, ариметика дробныхъ чиселъ. Сост. Н. В. Бугаевъ. Ц. 95 к., вѣс. 2 ф.

Русская хрестоматія для третьяго и четвертаго классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. Левъ Поливановъ. Ц. 1 р. 20 к., вѣс. 2 ф.

Русскія народныя сказки, пословицы и загадки. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Сост. П. В. (Петръ Вейнбергъ). Ц. 20 к.

Сказки Массе и Сталъ. Съ рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

Физика. Профессора Вальфура Стюарта. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Эмилъ XIX-го вѣка. Альфонса Эскироса, съ приложеніемъ статьи „Теорія воспитанія“ Спенсера. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Азбука и скорописъ XVII вѣка для нагляднаго изученія. М. 1875 г. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Краткій очеркъ греческихъ древностей, составленный К. О. Страшкевичемъ. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Международные словари для среднихъ учебныхъ заведеній, составленные по програмѣ министерства народнаго просвѣщенія Н. Макаровымъ. Часть французско-русская и русско-французская. Ц. 4 р., вѣс. 4 ф.

Многъ классической древности. Г. В. Штоля. 2 т. Ц. 4 р. 50 к., вѣс. 4 ф.

Опытъ русско-украинскаго словаря. Сост. Михайлъ Левченко. Ц. 1 р. 30 к., вѣс. 2 ф.

Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. П. Житецкаго. Кіевъ. 1876 г. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

МАТЕМАТИКА—АСТРОНОМІЯ—ФИЗИКА—ХИМІЯ.

Алгебра. Іосифа Бертрана. 5 выпускъ. Ц. 1 р. 85 к., вѣс. 3 ф.

Геометрія теоретическая и практическая. Соннэ. Выпускъ I: о линіяхъ. Ц. 85 к., съ перес. 1 р.

Геометрія теоретическая и практическая. Соннэ. Выпускъ II. О плоскихъ фигурахъ до площадей. М. 1875 г. Ц. 70 к., съ пересылк. 85 к.

Минеральный количественный анализъ. Р. Фрезениуса. Переводъ подъ редак. Н. Тавильдарова. Спб. 1875 г. Ц. 4 р. 50 к., вѣс. 4 ф.

Начертательная геометрія. Состав. I. Сомовъ. Ц. 2 р., вѣс. 4 ф.

Очеркъ теоріи соединеній (въ объемѣ программы реальныхъ училищъ). Составилъ Р. Н. Гришинъ. Спб. 1875 г. Ц. 30 к.

Практическія упражненія въ геометріи, или собраніе геометрическихъ задачъ, по Вѣхлею, Шпицу и др. Состав. Д. Дмитриевъ. Ц. 70 к., вѣс. 2 ф.

Приготовительный курсъ геометріи. Сост. В. Вулихъ. Ц. 50 к., вѣс. 2 ф.

Рациональная механика. Часть первая. Кинематика. Сост. I. Сомовъ. Ц. 2 руб. 50 к.; вѣс. 2 ф.

— часть II, выпускъ I, съ билетомъ на полученіе II выпуска. Введеніе въ статику и динамику, и статика. Сост. I. Сомовъ. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

Руководство къ химическому изслѣдованію важнѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Э. Вольфа. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.

Сборникъ математическихъ задачъ. Составилъ А. Ломовскій. Ц. 1 р. 50 коп., вѣс. 1 ф.

Физическая географія. Мерк Сомервилль. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Химическія дѣйствія свѣта и фотографія въ ихъ приложеніи къ искусству, науцѣ и промышленности. Д-ръ Германъ Фогель. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Я. Гутковского. Ц. 3 р.; вѣс. 2 ф.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ—СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО—ТЕХНОЛОГІЯ—МЕДИЦИНА.

Альпійскіе Ледники. Сочин. Джона Тиндаля. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Вліяніе холодной воды на здоровьи и большой организмъ. Сост. х-ръ Н. Вонсовичъ. Ц. 20 к., вѣс. 1 ф.

Вода въ видѣ облаковъ и рѣкъ, льда и глетчеровъ. Популярная лекція Джона Тиндаля. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Воздухъ и его жизнь. Популярныя очерки атмосферныхъ явленій съ 8-ю хромо-литграфированными картинками и политипажами. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Для молодыхъ матерей и вѣрныхъ нянекъ. Наставленія о содержаніи дѣтей и объ уходѣ за ними въ первые годы жизни.

Сочин. д-ра К. Пидеритъ. Спб. 1876 г. Ц. 35 к., съ перес. 45 к.

Дѣнадцать яблокъ моего сада. В. В. Каженко. Роскошное изданіе съ иллюстрированными рисунками этихъ яблокъ. Спб. 1875 г. Ц. 5 р., въ переплетѣ 6 р. съ пересылкою.

Древность человека. Чарльзъ Лайалль. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 8 ф.

Единство мірозданія. Сочин. Гартвига. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Естествознаніе и политія. Мысли о приращеніи началъ естественнаго подбора и наслѣдственности къ политическому обществу. Вальтеръ Беджотъ. Перев. съ англійскаго, подъ редакціей Д. А. Корончевскаго. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

Исторія нусочна хлѣба. Описаніе жизни человека и животныхъ, въ писмахъ. Сочиненіе Массе. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Исторія земли. Геологія на новыхъ основаніяхъ. Сочин. Фридриха Мора. Ц. 8 р. 50 к., вѣс. 8 ф.

Картинны растительности земнаго шара. Людвигъ Рудольфа. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Книжечны лекціи Труесо. 2 т. Ц. 12 р., вѣс. 10 ф.

Курсъ Акушерства профессора Монури и Сальмона, съ 115-ю рисунками въ текстѣ. Ц. 3 р. 50 к., въ переплетѣ 4 р. 25 к., перес. за 2 ф.

Compendium дѣтскихъ болѣзней, для студентовъ и врачей, D-r Johann Steiner, Переводъ подъ редакціей д-ра Лиссаго. Кіевъ. 1875 г. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. 3 ф.

Крупный рогатый скотъ. Соч. О. Роде. Содержаніе: 1) Порода рогатаго скота. 2) Молочное хозяйство. 3) Ученіе о кормленіи. Съ 72 рисунками въ текстѣ. Ц. 4 р., пересылка за 4 фута.

Лекціи о скотоводствѣ и познаніи породъ. Германа Натусіуса. Ц. 1 р., пересылочныхъ за 2 фута.

Механика животнаго организма. Передвиженіе по землѣ и по воздуху. Э. Марей. Съ 117 политипажами, перев. съ франц. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Море и его жизнь. Сочиненіе Гартвига. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

На берегу моря. Зоологическіе этюды. Георга Генри Льюиса. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Насткомы и ихъ значеніе въ сельскомъ хозяйствѣ. О. Гримма. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Натуралистъ на Амазонской рѣкѣ. Ген. Валь Батса. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Общая естественная исторія насекомыхъ. Соч. Кэрби и Спенсера. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Огородничество. Руководство къ разведенію овощей въ огородахъ и поляхъ. Соч. Эд. Люкаса. Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.

Опытное руководство къ молочному хозяйству, съ 9-ю политипажами въ текстѣ. П. М. Преображенскаго. М. 1875 г. Ц. 60 к., вѣс. 1 ф.

О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора, или о сохраненіи усовершенствованныхъ породъ въ борьбѣ за существованіе. Соч. Чарльза Дарвина. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Основы зоологіи. Руководство для слушателей высшихъ учебныхъ заведеній. Соч. д-ра Карла Клауса. 3 т. Ц. 6 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Основы зоологіи. Руководство для слушателей высшихъ учебныхъ заведеній. Соч. доктора Клауса. Выпускъ II, птицы и млекопитающія, съ 292 политипажами. М. 1875 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Основныя начала геологіи или новѣйшія измѣненія земли и ея обитателей. Чарльза Лайалля. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

О сохраненіи здоровья и развитіи умственныхъ силъ ребенка въ школѣ. Бокка. Ц. 30 к., вѣс. 1 ф.

Очерки животной жизни. Соч. Г. Г. Льюиса. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Переселеніе насекомыхъ. Соч. Карла Корнелиуса. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Популярныя бѣды отъ природы и человека. Соч. Отто Уль. Съ политипажами въ текстѣ. Ц. 2 р. 50 к. вѣс. 2 ф.

Предохраненіе отъ венерическихъ болѣзней съ санитарно-полицейской, педагогической и врачебной точки зрѣнія. Сост. І. К. Прокшъ. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Природа и человекъ на крайнемъ сѣверѣ. Соч. Гартвига. Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.

Растенія и его жизнь. Популярныя чтенія М. І. Шлейдена. Ц. 3 р. вѣс. 3 ф.

Рациональное кормленіе сельско-хозяйственныхъ животныхъ. По новѣйшимъ физиологическимъ изслѣдованіямъ. Общепонятное изложеніе ученія о кормленіи. Д-ра Эмilia Вольфа. Ц. 1 р. 25 к., пересылка за 2 ф.

Ружейная охота на птицъ въ Россіи. Съ картинками. Соч. С. Романова. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Руководство къ микроскопическому изслѣдованію животныхъ тканей. Д-ра С. Экнера, съ 8-ми политипажами. Переводъ и дополненія О. Гримма. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Руководство къ геологіи. Чарльза Лайалля. Т. I. Ц. 3 р., вѣс. 2 ф.

Руководство къ изученію садоводства и огородничества. Сост. Э. О. Рего. Ц. 2 р. 50 к. вѣс., 3 ф.

Руководство къ зоологіи. Животныя лучины и безформенныя. Х. Г. Бронна. 2 т. 3 т. Ц. 6 р., вѣс. 4 ф.

Руководство къ изученію болѣзней ко-

жн. Фердинанда Гебры. Т. I, выпуск I. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. 3 ф.

Руководство къ систематическому изученію ботаники, для школ и самообученія. Августа Любена, составилъ А. Бекетовъ. 2 части. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 8 ф.

Руководство къ изученію глазныхъ болѣзней. Д-ра Эд. Мейера. Переводъ съ франц. подъ редакціею д-ра В. Добровольскаго. Спб. 1875 г. Ц. 4 р., вѣс. 8 ф.

Руководство къ офтальмологіи. Д-ра Н. Швейгера. Пер. д-ра В. Н. Стратоновича. Съ таблицами для изслѣдованія остроты зрѣнія и рефракціи глаза, съ 46-ю рисунками въ текстѣ. Кіевъ. 1875 г. Ц. 3 р. 80 к., вѣс. 8 ф.

Руководство къ физиологіи для врачей и студентовъ (Physiologie des Menschen) Fick'a. Переводъ лектора Саваровскаго. Выпускъ 1-й: Физиологія мышцъ, нервовъ и органовъ чувствъ: осязанія, вкуса, обонянія и слуха, съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1876 г. Ц. 75 к., пересмычныхъ за 1 ф.

Руководство къ частной патологіи и терапіи съ обращеніемъ особеннаго вниманія на физиологію и патологическую анатомію. D. von Niemeuег. В. I, болѣзни органовъ дыханія и кровообращенія. Ц. 2 р., перес. за 2 ф. В. II, болѣзни органовъ пищеваренія, печени, желчныхъ путей и селезенки. К. 1876 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Рѣчи и статьи Дюна Тимдала. Ц. 85 к., вѣс. 1 ф.

Самоводство. Сочиненіе О. Роде. Съ 12-ю литографированными рисунками и 42 политипажами въ текстѣ. Ц. 3 р. 50 к., пересныхъ за 4 ф.

Сельско-хозяйственное коневодство. Выращиваніе сельской рабочей лошади. Проф. В. Дилга. Съ 20 политипажами въ текстѣ. Ц. 1 р., пересмычныхъ за 2 ф.

Собирание растений и составленіе гербарія. Н. И. Раевскаго. Ц. 40 к., вѣс. 1 ф.

Сохраненіе энергіи. Бальфуръ Стьюарта. Съ 14 политипажами, переводъ съ англійскаго, подъ редакціей П. А. Хлѣбникова. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Тропическій міръ въ очеркахъ животной и растительной жизни. Соч. Гартвига. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Учебникъ физиологіи. Эрнста Брюкке, 2 т. Ц. 6 р., перес. за 4 ф.

Ученіе Дарвина о происхожденіи видовъ. Общепонятно изложено Фридрихомъ Роде. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Ученіе о здоровьи, популярное изложеніе гигиеническихъ и медицинскихъ наставленій. Д-ра О. Штаубе, съ прибавленіемъ статьи „Главныя основы гигиены“. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Ученіе о глазныхъ болѣзняхъ. Шокальскій. М. 1875 г. т. I. Ц. 4 р., вѣс. 4 ф. Физиологія обывающей жизни. Соч. Г. Г. Льюиса. Ц. 3 р., вѣс. 4 ф.

Физиологическія картины. Сочин. Людовика Бюхнера. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф. Физиологія органовъ чувствъ. I. Бернштейна, профессора физиологіи въ Галлѣ. Переводъ съ нѣмецкаго, съ 91 рисункомъ. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Химическія удобренія. Сельско-хозяйственные бесѣды на венсенскомъ опытномъ полѣ. Ж. Вилля. Съ многими политипажами и рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к., пересмычныхъ за 2 ф.

Чудеса подземнаго міра. Соч. Гартвига. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 8 ф.

Этюды. Популярныя чтенія М. I. Шлейхена. Ц. 2 р. 50 к. вѣс. 2 ф.

Языкъ чувствъ. Популярное изложеніе сочиненія Дарвина: „О выраженіи ощущеній у челоѣка и животныхъ“, съ 17-ю политипажами, исполненными на деревѣ. Чарльзъ Дарвинъ. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Германская конституція. Часть I: Историческій очеркъ германскихъ союзныхъ учрежденій въ XIX вѣкѣ. Часть II: Обзоръ дѣйствующей конституціи. А. Градовскаго, профессора с.-петерб. университета. Спб. 1876 г. Ц. 1-й ч. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф. Ч. 2-я 1 р., вѣс. 1 ф.

Духъ римскаго права на различныхъ ступеняхъ его развитія. Рудольфа Геринга. Часть I. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Законы и жизнь. Итоги изслѣдованія крестьянскихъ судовъ. М. И. Заруднаго. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Законы о гражданскихъ договорахъ и обязательствахъ. Общедоступно изложеніе и объясненіе, съ указаніемъ ошибокъ, допускаемыхъ въ совершеніи толкованія и исполненія договоровъ и приложеніемъ образцовъ всякаго рода договоровъ. Сост. мировой судья В. И. Фармаковскій. Изданіе второе. Вятка. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р., 50 к.

Значеніе римскаго права для новаго міра. Рудольфа Геринга. Ц. 20 к., вѣс. 3 ф.

Изученіе социологіи. Г. Спенсера. Перев. съ англ. Т. I и II. Спб. 1874—75, Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Крестьянское дѣло въ царствованіе импер. Александра II. Четыре большіе тома (въ пяти книгахъ), 5,382 стр. А. И. Скребицкаго. Удостоено Академіей Наукъ преміи графа Уварова. Ц. 20 р., съ перес. 22 р. (за 14 фунт.) на всѣ расстоянія.

Курсъ гражданскаго судопроизводства. Соч. Кронида Малишева. Т. I-й. Второе, исправленное и дополненное издание. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Курсъ русскаго уголовного права. Н. С. Таганцева. Часть общая. Книга 1-я. Учение о преступленіи. Вып. 1-й. Спб. 1874. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Новый уставъ о гербовомъ сборѣ, съ дополненіемъ всѣхъ обнародованныхъ узаконеній, вошедшихъ въ силу 1-го іюля 1875 г. Ц. 60 к., вѣс. 1 ф. Спб. 1875 г.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго. Т. I. О государственномъ устройствѣ. Спб. 1875. Стр. 450. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Общинное владѣніе. К. Кавелина. Спб. 1876 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Основанія социологіи. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго. Т. I. Спб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

Очерки Исторіи и Догматики междуна-роднаго права. Профес. А. Н. Столикова. Хар. 1875 г. Ц. 3 р., вѣс. 4 ф.

Очерки нашихъ порядковъ администра-тивныхъ и общественныхъ. Е. П. Карно-вича. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Первобытная собственность. Эмиль-де-Ла-велле. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Сборникъ государственныхъ знаній. В. П. Безобразова. Т. I. Ц. 3 р., вѣс. 4 ф. Т. II. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

Систематическій Сборникъ рѣшеній гражд. кассад. департ. правительствующаго сената, за 1878 г. Сост. А. Книримъ и А. Боровиковскій. Вып. I. Матеріальное право. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.—Вып. II. Судопроизводство. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Уложение о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 г. съ дополненіями по 1-е января 1876 г. Составлено профес. Спб. Ун. Н. С. Таганцевымъ. Изданіе второе, переработанное и дополненное. Спб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ миро-выми судьями. Н. С. Таганцева. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Устройство и управленіе городовъ Россіи. Города Россіи въ XVIII столѣтіи. И. Дяткина. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Элементарный учебникъ общаго уголов-наго права. Общ. часть. Т. I. А. О. Кистяковскаго. Кіевъ. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Всѣмъ. Практическій курсъ верхо-вой ѣзды. Виктора Франкони. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 1 ф.

Для сцены. Сборникъ пьесъ. Т. I: 1) Это мой маленькій капризъ. 2) Рековое при-знавѣіе. 3) Дядя Беккеръ подмигнулъ. 4) По кривой дорогѣ впередъ не идти. 5) До пори до времени. 6) Не хитѣй бѣда—по-хитѣлье. Изданіе Виктора Александро-ва. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

Т. II: 1) Сорян голомъ. 2) Завоеванное счастье. 3) Старое старина —молодое растетъ. 4) Дѣлъ сборъ. 5) Книж-кинномъ вышибай. 6) Въ погоню за пре-красной Еленой. Изданіе Виктора Але-ксандрова. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

Руководство къ изученію сценическаго искусства, въ двухъ частяхъ. Составилъ Н. Свѣднцовъ. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

Самочитель стрелочнаго искусства. Специально-практическое руководство, съ присовокупленіемъ мужніишнихъ статей изъ Высочайше утвержденного учрочнаго пово-женія, 300 политипажныхъ рисункомъ и ат-ласа на 32-хъ листахъ. Ц. 3 р. 50 к., перес. за 4 ф.

Сборникъ театральныхъ пьесъ, пере-данныхъ съ французскаго О. А. Бурле-ныхъ. 2 т. Спб. 1876 г. За оба тома ц. 5 р., вѣс. 4 ф.

Дѣтскій театр. Оригинальныя сценн и комедійки изъ дѣтской жизни, приспособ-ленныя къ дешевой домашней постановкѣ. Соч. Л. К. Ст—х—вой. Спб. 1876 г. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Народный сельско-хозяйственный кален-дарь. Настольная книга для сельскихъ хо-зяевъ. Съ картинками и политипажными. Ц. М. Преображенскаго. М. 1876 г. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Имца, ея климатъ, мѣстоположеніе, жизнь. В. Тунѣва. Guide Russe à Nice. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к. въ переплетѣ, перес. за 1 ф.

Пожарная книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и ру-ководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Сост. А. Н—въ. Въ текстѣ политипажные рисунки. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Русская редолесная книга. Изданіе „Русской Старинѣ“ Т. I. Ц. 3 р., перес. за 3 ф. Т. II. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА
МАМОНТОВА,
бывшемъ Александра Ильича Глазунова,

Москва, Кузнецкій мостъ, домъ Фирсанова.

Въ каѣ мѣсяцѣ поступили въ продажу слѣдующія книги:

- Рудаковъ А. П.** (протоіерей). „Православное догматическое Богословіе“. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 40 к.
- Властовъ Г.** „Священная Лѣтопись первыхъ временъ міра и человѣчества“ (съ картою). Спб. 1876 г. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 75 к.
- Настольная книга для русскихъ сельскихъ хозяевъ.** (изд. Девриена) 2 тома. Спб. 1876 г. Ц. 6 р., съ перес. 7 р.
- Никифоровскій М.** „Русское язычество“ (опытъ популярнаго изложенія научныхъ свѣдѣній о языческой религіи Русскихъ Славянъ). Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 40 к.
- Толстой Л. Н.** графъ „Война и миръ“, историч. романъ въ 3-хъ томахъ (удешевленное изданіе). М. 1876 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р. 50 к.
- Владимірскій М. М.** „Разсказъ про великаго дѣла маленькаго государства“ Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
- Немировичъ-Данченко.** „Иа проторъ“ (очерки). Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 40 к.
- Иловайскій Д.** „Разысканіе о началѣ Руси“ (вмѣсто введенія въ Русскую Исторію). М. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.
- Его-же.** „Исторія Россіи“. Часть первая (Кіевскій періодъ). М. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
- Григорьевъ, Аполлонъ.** „Сочиненія“. Первый томъ (критическія статьи). Спб. 1876 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
- Костомаровъ Н.** „Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ главнѣйшихъ ея дѣателей“. Выпускъ VI (XVIII столѣтіе) Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 60 к., съ перес. 2 р.
- Кзингъ, Францъ.** „Руководство къ частной хирургіи“. Т. I. (съ 81 рисункомъ). Спб. 1876 г. Ц. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р. 25 к.
- Капустинъ, Платонъ.** „Опытъ объ измѣреніи сторонъ и угловъ прямолинейнаго треугольника по тремъ даннымъ изъ нихъ“ М. 1876 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.
- Аблесъ, Вильгельмъ.** „Природная и словесная поэзія русскаго языка“ (въ сравненіи съ другими индо-европейскими, равно какъ съ семитическими языками). Вильна. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
- Блюнчли.** „Современное международное право цивилизованныхъ государствъ, изложенное въ видѣ кодекса“. Вып. I. М. 1876 г.
- Костенко, Л. О.** „Путешествіе въ Сѣверную Африку“ (съ рисунками Каразина). Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.
- Максимовъ.** „Вокругъ Свѣта“. Изъ путевыхъ замѣтокъ. (Отъ Кронштадта до Бангкока). Спб. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.
- „Въ Америкѣ и Европѣ“,** сборникъ путешествій, съ рисунками. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
- Лейбовичъ, Л. И.** „Сводная лѣтопись“. Вып. I. (повѣсть временныхъ лѣтъ). Спб. 1876 г. Ц. 3 р., съ перес. 8 р. 50 к.
- Ронделе, Антонень.** „Путешествіе въ страну химеръ“. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
- Даневская С.** „Открытіе Америки“ (переводъ и передѣлка съ нѣмецкаго). Изд. II съ портретомъ Колумба и 2 картами Спб. 1876 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.
- Воголюбскій И.** „Очеркъ Амурскаго края, южной части Приморской области и острова Сахалина“ Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
- Ильинъ Н.** „Шестъ мѣсяцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки“. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 40 к.
- Миллеръ.** „Путеводитель по климатологическимъ мѣстностямъ Южной Европѣ“ (съ приложеніемъ картъ Европѣ и Швейцаріи). Спб. 1876 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Требованія гг. иностранныхъ исполняются немедленно.

Книгопродавецъ Н. И. МАМОНТОВЪ.

BULLETIN LITTERAIRE

de la librairie de CHARLES RICKER (A. Münx).

St.-Petersbourg, Perspective de Nevsky, № 14.

Nouveautés de Mai, 1876.

BLUNTSCHLI, J. Die rechtliche Unverantwortlichkeit u. Verantwortlichkeit des roem. Papstes. 60 k.

BODENHORST. Le siège de Strassbourg en 1870. 2 r.

BRAUN, C. Eine türkische Reise. Bd. I. 2 r. 50 k.

CONTZEN, H. Geschichte der Literatur u. Bedeutung der Nationalökonomie. 1 r. 50 k.

COTTA, B. v. Geolog. Bilder. 6 Af. 2 r. 50 k.

DUSSIEUX. Henri IV, lettres intimes avec une traduction des notes. 3 r.

EBERMANN, E. Lagerhäuser & Warrants in wirthschaftl. u. rechtl. Beziehung. 1 r. 50 k.

ECKSTEIN, E. Beiträge zur Geschichte des Feuilletons. 2 Bde 2 Af. 3 r.

FOX-BUME, H. The life of John Locke. 2 vls. 14 r.

FREIHOLD, J. Lebensgeschichte der Menschheit. Culturgeschichtl. Forschungen. I. 2 r. 25 k.

GABORIAU. Le petit vieux de Bagnolles. 1 r. 40 k.

GALITZIN, FÜRSTIN, A. Briefwechsel u. Tagebücher. N. F. 2 r. 50 k.

GERSTÄCKER, A. Die Wanderheuschrecke. 1 r.

GONZALÈS. Les danseuses du Caucase. 1 r. 40 k.

GRAESSE, F. Geschichts-Namen u. Wappensagen d. Adels deutscher Nation. 5 r.

GÜNTHER, J. Ziele u. Resultate der neuen mathem. histor. Forschung. 1 r. 40 k.

HARRIS, G. A philosophical treatise on the nature and constitution of man. 2 vls. 14 r.

HILLER, F. Musicalisches u. Persönliches. 2 r. 50 k.

HOHENHAUSEN. Roman des Lebens. Neue Novellen. 2 Bde. 5 r.

HOPP, E. Transatlant. Skizzenbuch. 2 r.

HUBER, F. Pessimismus. 1 r.

JACOLLIOT. Le Pariah dans l'humanité. 2 r. 40 k.

JAQUES, H. Alexis v. Tocqueville. 1 r. 50 k.

KARR, L'art d'être malheureux. 1 r. 40 k.

KIEPERT, H. Karte v. Turan u. Turkistan. 1 r.

KÖLLIKER. Entwicklungsgeschichte des Menschen u. der höheren Thiere. 2 Af. 1 Halfte. 6 r.

KÖPKE & DÜMMLER. Kaiser Otto d. Grosse. 7 r.

KRAHMER, L. Hygiene. 9 r.

LALLIER. De la condition de la femme dans la famille Athénienne au 5 et 4 siècle. 2 r.

MIVART, S. Contemporary evolution. 3 r.

NISARD. Renaissance et réforme. 2 r. 80 k.

PESCHEL, O. Völkerkunde. 3 Af. 5 r. 60 k.

QUAGLIO, J. Catechismus d. Gasindustrie. 2 r.

RAFFRAY, A. Abyssie. 1 r. 60 k.

RELAZIONE DELLE SCOPERTE fatte da C. Colombo, da A. Vespucci ed da altri del 1492 al 1506 tratta dai manoscritti della bibliotheca di Ferrara. ed Prof. Ferraro. 4 r.

ROHDE, E. Der griechische Roman u. seine Vorläufer. 5 r. 50 k.

SCHMIDT, C. Geschichte der Erziehung u. d. Unterrichts. 3 Af. 2 r. 50 k.

TOURGUENEFF. Les reliques vivantes. 1 r. 20 k.

VALENTINER, TH. Handbuch der Balneotherapie. 2 Af. 6 r. 50 k.

WACKERNAGEL, W. Ueber den Ursprung u. die Entstehung der menschl. Sprache. 2 Af. 50 k.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Коммисіонеръ Московскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества

І. ЮРГЕНСОНА,

С.-Петербургъ, Большая Морская, № 9
(на углу Невскаго проспекта)

П. ЮРГЕНСОНА,

Москва, Петровка, № 6
(на углу Кузнецкаго моста)

поступило въ продажу

НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗДАНИЕ ЮРГЕНСОНА:

Духовно-музыкальный сборникъ. Сочиненія Бортнянскаго (26 №№), Галунни (8 №№), Березовскаго (1 №), Давыдова (6 №№) и Херувимская Симоновская, переложенныя на 4 мужскихъ голоса В. Соколовымъ. Съ переложеніемъ для одного фортепіано (5 руб., за пересылку за 3 ф.). Этотъ же сборникъ (кромя 6 №№ Давыдова) на 4 женскихъ голоса. Съ переложеніемъ для одного фортепіано (3 р., вѣс. за 3 ф.).

Духовно-музыкальныя сочиненія Бортнянскаго (10 №№), переложенныя на 3 мужскихъ голоса В. Соколовымъ. Съ переложеніемъ для одного фортепіано (1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.). Эти же сочиненія Бортнянскаго, переложенныя на 3 женскихъ голоса. Съ переложеніемъ для одного фортепіано (1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.).

Духовно-музыкальныя сочиненія священника М. Виноградова (12 №№). Съ переложеніемъ для одного фортепіано (2 р., вѣс. за 2 ф.). Тоже, поголосно (2 р., вѣс. за 2 ф.).

Духовно-музыкальныя сочиненія отдѣльными №№. Бортнянскаго, Слава и нѣнѣ (25 к.); Семь херувимскихъ (каждый 25 к.); Достойно есть (25 к.); Ангелъ вопіаше (25 к.); О Тебѣ радуется (25 к.); Отче нашъ (25 к.); Хвалите Господа съ небесъ (25 к.); Подъ Твою милость (20 к.); Тѣло Христово (20 к.); Да исполнятся уста наши (20 к.); Нѣнѣ силы небесныя № 1 и 2 (каждый 25 к.); Вкусите и видите (30 к.); Благословлю Господа (20 к.); Чертогъ твой (20 к.); Благообразный Іосифъ (25 к.); Приидите ублажить (25 к.); Слава и нѣнѣ (30 к.); Слава Тебѣ Боже нашъ (25 к.); Многоглаголю (20 к.). Давыдова, Слава и нѣнѣ (25 к.); Приидите (25 к.); Вѣрую (25 к.); Милость мира (25 к.); Достойно есть (25 к.); Отче нашъ (25 к.); Полная обѣда (1 р.). Галунни, Слава и нѣнѣ (25 к.); Илюдію уснувъ (25 к.); Благообразный Іосифъ (25 к.). Березовскаго, Вѣрую (25 к.); Симоновская херувимская (25 к.); Трехголосная, отдѣльными №№. Бортнянскій, Литургія (60 к.); Исполди эти деспота (20 к.); Да исправится молитва моя 4 №№ (каждый 25 к.); Архангельскій гласъ (20 к.); Воскресни Боже (25 к.); Надежда и предстательство (20 к.). При требованіяхъ слѣдуетъ обозначать для мужскихъ или женскихъ голосовъ вѣсать.

Вильбоа. 150 русскихъ народныхъ пѣсень, переложенныхъ для одного фортепіано (1 р. 50 к.); для одной скрипки (1 р.); для флейты (1 р.); для мѣлончели (1 р.); для семиструнной гитары (1 р. 50 к.); для корнетъ & пистонъ (1 р.); для фисгармоники и гармоніума (1 р. 50 к.); для фортепіано и скрипки (2 р. 50 к.); для фортепіано и мѣлончели (2 р. 50 к.).

На пересылку прилагается особо и взимается съ общаго вѣса посылки. Каталоги дешевыхъ изданій въ выслаются безплатно. Требованія Гг. погорельныхъ исполняются съ первоотходящемъ почтою. Въ этихъ же магазинахъ можно получить всѣ музыкальныя произведенія, какія бы они ни были изданы и объявлены.

СРОЕНЫЕ
МОРЕКОТО КУПАНИЯ ОТЪ 1-ГО ЮНЯ ДО 1-ГО СЕНТЯБРЯ.

ЛИБАВА

1878.

СУХИМЪ ПУТЕМЪ:

СТАНЦІЯ ВАРШАВ. ЖЕЛ. ДОРОГИ:

Петербургъ . . . . . отъ 1 ч. — м. дн.
Калуги . . . . . прих. 3 ч. 40 м. ночи.
Либавъ . . . . . отъ 6 " 10 " утра.
Либавъ . . . . . прих. 11 " 40 " веч.

Всего 34 1/4 часа.

Либавъ . . . . . отъ 10 ч. 40 м. веч.
Калуги . . . . . прих. 4 " 05 " "
Петербургъ . . . . . отъ 7 " 10 " "
Петербургъ . . . . . прих. 11 " 35 " дн.

Всего 37 час.

МОРЕМЪ:

ПЕТЕРБУРГЪ—РИГА, НА ПАРОХОДЪ:

Престань на Р. Остр. противъ 14-й дн.
По вторн. и пятн.: 10 р. 8 р. и 4 р.
Изъ Риги по ж. д. отъ 1 ч. 20 м. дн.
Въ Либаву. . . . . прих. 9 " 43 " веч.

Либавъ, при 16,000 населеніи, имѣетъ около 1,000 домовъ и представляетъ весьма много удобствъ для помѣщеній. — Во время лѣта, квартиры отдаются съ мебелью и посудой; но столовое и сильное бѣлье можно найти только у немочекъ.

Морское купанье начинается съ первыхъ чиселъ юня, и только въ Либавѣ можно продолжаться до начала сентября. — Море совершенно открытое до горизонта во всѣ стороны, и потому постоянный прибой волн. — На берегъ выкидывается въ массу травы, изъ которой готовится весьма лечебный отваръ для теплыхъ ваннъ.

Купанье въ Либавѣ рекомендуется особенно для золотушныхъ дѣтей и для дѣтъ, страдающихъ нервами; ревматизмъ и истощеніе силъ, послѣ тяжкихъ болѣзней, влечется весьма легко, благодаря вѣнчанью и здоровому климату Либавы, не считавшей до сихъ поръ ни холеры, ни другихъ повѣтрій.

Либавъ, Курляндской губерніи, самый жидкий городъ на русскомъ берегу Балтійскаго моря, въ 70 вер. отъ прусской границы и въ 800 верстахъ отъ С.-Петербурга, пользуется превосходнымъ климатомъ и отличными берегами, и юномъ для купанья. — Море не замерзаетъ почти цѣлый годъ. — На самомъ берегу, распространенное нѣтъ званіе *Nicolaï-bad* для теплыхъ ваннъ съ 15 мин., и съ хлороплатомъ для купающихся въ морѣ. — Дамы имѣютъ отдѣльные кабинеты близъ воды. — На самомъ берегу моря построены въскать. — Православный соборъ и гимназія. — Обширный паркъ для прогулокъ, съ „Павильономъ“, родская музика и бѣлыя. — Зала Раттауа. Концерты. — Нѣмецкій театръ. — Кабуки. „Либавскій Музей“ (Libanische Musee) и „Семейный Кружокъ“ (русскій): тѣлодѣль, обрядъ, вечеръ, музыка, кабинетъ для чтенія съ русскими и иностранными газетамъ. — Столъ полагается на домъ изъ Клуба (40 к. обѣда); легко устроить и собственное хозяйство и прислугу. — Hotel de Namboitz — Hotel de Rutenberg. Почта приходитъ и уходитъ ежедневно. — Телеграфныя станціи. — Станція желѣзной дороги.

Для найма квартиръ обращаться въ Комиссію Правленія морскихъ купальцевъ, въ Либавѣ.

РУССКАЯ СЕМЕЙНАЯ ШКОЛА ВЪ ЖЕНЕВѢ.

Баронъ Николай Александровичъ Корфъ симъ объявляетъ, что можетъ принять въ текущемъ году двухъ русскихъ дѣвицъ, возрастомъ отъ 12-ти до 14-ти лѣтъ, обладающихъ соотвѣтственной возрасту научной подготовкою и практически владѣющихъ французскимъ и нѣмецкимъ языками. Родители могутъ видѣться съ барономъ Корфомъ, съ 5-го іюля по 5-е августа новаго стиля, въ Карлсбадѣ, а раньше и позже этого срока въ Женевѣ: Rue de l'Athénée, № 6. Ученіе возобновляется въ началѣ сентября; каникулярные же мѣсяцы посвящаются практикѣ языковъ, рисованію, скульптурѣ по дереву, клейкѣ, музыкѣ, ботаническимъ экскурсіямъ, чтенію и подготовкѣ къ учебному курсу.

ДЕШЕВЫЯ НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ СЪ РИСУНКАМИ

Недостатокъ въ книгахъ для чтенія, доступныхъ по цѣнѣ и содержанію большинству населенія, сдѣлался особенно ощутителенъ въ послѣднее время, когда, благодаря стараніямъ правительства, многихъ земствъ и частныхъ лицъ, грамотность стала замѣтно распространяться въ народѣ. Читать человекъ выучать, а между тѣмъ читать почти нечего: приходится или пробавляться плохо составленными и сравнительно дорогими лубочными изданіями, или забывать выученное съ немалымъ трудомъ въ школѣ.

Чтобы хотя отчасти пополнить этотъ недостатокъ, мы приступили къ изданію книгъ для народнаго чтенія, избирая преимущественно статьи, хорошо знакомыя образованному люду, но еще мало распространенныя въ народѣ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ:

1. Житіе преподобныхъ Антонія и Θεодосія, Печерскихъ чудотворцевъ	6 к.
2. Сорочинская ярмарка или похождение красной свитки. — Н. В. Гоголя	10 "
3. Гдѣ и какъ дешево добыть денегъ? — Ссудо-сберегательныя товарищества. 2-е изданіе	5 "
4. Спящая царевна. 2-е изд. — В. А. Жуковского.	7 "
5. Царь Берендей. 2-е изд. — В. А. Жуковского	7 "
6. Прохожій. Святочный рассказъ. 2-е изд. — Д. В. Григоровича.	10 "
7. Первый винокуръ. 2-е изд. — А. Θ. Погоскаго	5 "
8. Анчутка-безпятый. 2-е изд. — А. Θ. Погоскаго	5 "
9. Карта Европейской Россіи. 2-е изд. Составлена Ильиничъ.	10 "
10. Приключенія Робинзона Крузе. 2-е изд. Состав. Яхонтовичъ.	25 "
11. Троице-Сергіева Лавра. Историческій очеркъ. — Т. Толычевой.	10 "
12. Безобразный (рассказъ). — Нефедова	25 "
13. Бесѣды о главнѣйшихъ потребностяхъ тѣлесной жизни человека (опытъ народной гигиены). — С. Бобровскаго.	35 "
14. Котъ въ сапогахъ. Овсяный кисель. Свѣтлана. — В. А. Жуковского	10 "
15. Тарасъ Бульба. — Н. В. Гоголя.	20 "
16. Сказка о Иванѣ Царевичѣ и сѣромъ волкѣ. — В. А. Жуковского.	10 "

Складъ „НАРОДНЫХЪ ИЗДАНІЙ“ у Н. Ф. Фанъ-дербъ-Флига, въ С.-Петербургѣ, Кирочная, д. № 8, кв. № 66.

ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА,
въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2-я лин., 7,

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ:

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНІЙ

ГР. А. К. ТОЛСТОГО

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ—55 ПЕЧАТН. ЛИСТОВЪ, СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Всѣ экземпляры на веленовой бумагѣ и въ переплетѣ

Цѣна за два тома 5 р. 25 к., вѣс. 8 фун.

Тамъ же продается того же автора:

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ТРИЛОГІЯ:

I. СМЕРТЬ ІОАННА ГРОЗНАГО — II. ЦАРЬ ФЕДОРЪ. —
III. ЦАРЬ БОРИСЪ.

Спб. 1876. Стр. 451.—Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ

Повѣсть временъ Іоанна Грознаго.

Второе изданіе. Спб. 1869. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ПРОЕКТЪ

Постановки на сцену трагедіи «Царь Федоръ Іоанновичъ».

Спб. 1870.—Ц. 25 к., съ перес. 40 к.

Книгопродавцамъ уступка.

Въ книжномъ складѣ типографіи М. Стасюлевича принимаются
требованія на всѣ вышедшія книги и подписка на всѣ
журналы и газеты.

75 КОПѢЕКЪ—КАЖДАЯ КНИГА

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОБЩЕДОСТУПНОЕ ИЗДАНИЕ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

I.—А. С. ПУШКИНЪ.

Первый отдѣлъ: Мѣдный Всадникъ.—Полтава.—Борисъ Годуновъ.—Русалка.—Евгений Онегинъ (гл. 2-я и 6-я).—Братья-разбойники.—Галубъ.

Второй отдѣлъ: Пѣсни, сказки и пр., всего 26.

Третій отдѣлъ: Арапъ Петра Великаго.—Лѣтопись села Горохина.—Дубровский.

II.—М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

Первый отдѣлъ: Демонъ (весь).—Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова.—Дума.—Три Пальмы.—Мцыри (изъ исповѣди).—Сказка для дѣтей, и мелкія стихотворенія, всего до 40.

Второй отдѣлъ: I. Герой нашего времени: Максимъ Максимычъ; Тамань; Фаталисть. — II. Два отрывка изъ начатой повѣсти.

III.—Н. В. ГОГОЛЬ.

I. Старосвѣтскіе помѣщики. — II. Вій. — III. Разсказъ о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. — Ревизоръ (два послѣднія дѣйствія). — Мертвыя души (первыя четыре главы). Всего около 30 печатныхъ листовъ.

IV.—В. А. ЖУКОВСКІЙ.

Сельское кладбище.—Лѣтание.—Пѣснь во станѣ русскихъ воиновъ.—Аббаши.—Золота арфа.—Овсяный кисель.—Графъ Габсбургскій.—Орлеанская дѣва (Примѣръ).—Шильонскій узникъ.—Торжество побѣдителей.—Спящая царевна.—Война минувъ и лгушекъ.—Сказка о царѣ Бериндѣ.—Удѣла (9 главъ).—Рустемъ и Зорабъ (Третій бой).—Сказка о Иванѣ Царевичѣ.—Одиссея (9-я пѣсня).—Царскосельскій лебедь и др. мелкія стихотворенія.

V.—А. С. ГРИБОѢДОВЪ.

Первый отдѣлъ: Планъ драмы и сцена.—Лубочный театр.—Хищники изъ Чеченъ.—Своя семья, и пр.

Второй отдѣлъ: Горе отъ ума, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.

Третій отдѣлъ: Драматическій писатель и публик. — Грузинская ночь. — Письма къ друзьямъ.

VI.—И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

I. Десять разсказовъ цѣльныхъ изъ „Записокъ охотника“. — II. Рудинъ. Первая глава. — III. Ася. Изъ первыхъ главъ. — IV. Дворянское гнѣздо: Лаврецкій и Лиза. — V. Отцы и дѣти: Прїѣздъ Базарова съ Бирсановымъ. — VI. Димъ: Переѣздъ изъ Лигинова съ Потугинимъ.

При каждомъ томѣ портретъ и біографическій очеркъ.

ЦѢНА: Всѣ шесть томовъ вмѣстѣ — 4 р. 50 к. въ бум., и 6 руб. въ пер.; съ пересылкою: 6 р. въ бум., и 7 р. 50 к. въ пер.

Книгопродавцы, земскія управы и учебныя заведенія, обращающіеся въ Книжный Складъ Типографіи М. Стасюлевича, въ Спб., Вас. О., 2 лин., 7. получая при выпискѣ не менѣе 5 экземпляровъ всѣхъ шести томовъ вмѣстѣ, скинкою 20% съ цѣны экземпляра: 3 р. 65 к. въ бум., и 4 р. 90 к. въ пер.; съ пересылкою: 5 р. 10 к. въ бум., и 6 р. 25 к. въ пер.

592577
ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.
ЛІТЕРАТУРЫ.

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 6-я.

ІЮНЬ, 1876.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 6-я. — ІЮНЬ, 1876.

- I.—СПЕРАНСКИЙ И ЕГО РЕФОРМЫ ВЪ СИБИРИ.—П. III. — Окопайте.—Н. М. Ириничева. . . . .
- II.—ВЪ ГЕРЦЕГОВИНѢ.—Отголоски сербскихъ пѣсень І. Колара.—Перев. съ чешскаго.—М. II.—III. . . . .
- III.—ИТАЛЬЯНСКІЕ ТИПЫ въ послѣднемъ романѣ Уйла.—Signa by Uilda.—Окопайте.—М. II. Лопуховой. . . . .
- IV.—ДРЕВНИЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ЛІТЕРАТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ.—Сравнительно-историческіе очерки.—III. Особенности древней литературы.—А. Н. Пынина. . . . .
- V.—ПѢТЬ МАНОРЕДА.—Хоръ духовъ въ верховіяхъ актъ.—Д. С.—Кокет. . . . .
- VI.—КАКЪ ЛЮДИ ДЕНЬГИ НАЖИВАЮТЪ.—Берлинскіе письма.—Стругацкіе.—I—III.—Д. А.—въ . . . . .
- VII.—БЕЗЪ РОДУ БЕЗЪ ПЛЕМЕНИ.—Очерки и сказы изъ новаго романа А. Дюма „Jack".—В. II.—ская . . . . .
- VIII.—СОЮЗЪ КНЯЗЕЙ И НѢМЕЦКАЯ ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ II, ФРИДРИХА II, ЮСИФА II.—1780—86 гг.—VI. Восточный вопросъ въ XVIII—XIX вѣкахъ.—VII. Голландія и „обитая земля".—А. С. Грачевскаго . . . . .
- IX.—ХРОНИКА.—Древнее государство и его судьба въ началѣ нашей эры.—Постыпшія изслѣдованія первыя эпохи христіанства: Азіяты, Оби и Вагга.—В. О. Корша . . . . .
- X.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Слѣзаніе обще-образовательной духовной жизни съ гражданской.—Слѣдъ упокоившихся приходскихъ благотворительныхъ обществъ въ Петербургѣ.—Общество любителей духовнаго просвѣщенія и себѣа соизвѣсти.—Вопросъ объ измѣненіяхъ въ мировыхъ судебникахъ учрежденіяхъ.—„Адвокатскій вопросъ".—О призваніи присяжныхъ по поводу дѣлъ уголовныхъ дѣлъ.—„Разъясненіе" второго пункта инспекторской инструкціи со стороны министерства народнаго просвѣщенія . . . . .
- XI.—ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—Современная политическая роль Германіи . . . . .
- XII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІИ ИЗЪ БЕРЛИНА.—Изъ парламентской жизни Пруссіи.—К. . . . .
- XIII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІИ ИЗЪ ЛОНДОНА.—Первая половина парламентской сессіи.—К. . . . .
- XIV.—ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.—Два художественныя выставкы въ 1876—Эмманъ Зола . . . . .
- XV.—ИТОГИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ на помѣу народнаго образованія въ Россіи.—Бар. Н. А. Корфа . . . . .
- XVI.—ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.—По поводу статьи Н. Х. Бунге: „Монашество и дорожное парство".—А. Чупрова . . . . .
- XVII.—ИЗВѢСТІЯ.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. II. Отъ Бердянской Удѣльной Управы: вѣдомъ сельскихъ учителей . . . . .
- XVIII.—БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: I—XVI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы" въ 1876 г., см. ниже.

Объявленіе о шести вышедшихъ книгахъ «Русской Библіотеки»: избранныя сочиненія А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковскаго, А. С. Грибоедова и И. С. Тургенева—см. въ отдѣлѣ объявленій стр. XVI.

иникъ. В. Франкони. Переводъ съ француж.
Д. П. Сиб. 1876. Стр. 336. Ц. 1 р. 25 к.

Для руководства, какъ то выражено въ са-
его заглавн, образованъ не берейтора, а
пинка, "конного человека", способнаго пере-
и всякую случайность спорта, войны, или
то прогулки перхотъ. Авторъ задается мыслью,
верховное искусство не должно быть дѣломъ
и практики, навыка, и вслѣдствіе того онъ
рается разъяснить новичку самыя основанія
и требованій, которыя предъявляетъ ему бе-
торъ, и убѣдить его, что управленіе лошады
должно быть результатомъ грубаго насилія
пинка; "въ непониманіи лошади почти всегда
еиз человекъ"—замѣчаетъ авторъ, т.-е. не-
паніе нмъ законовъ той машины, которая
а-а въ его распоряженіе. Наглядность и яс-
сть составляютъ главныя достоинства руко-
ства Франкони, составившаго себѣ въ свое
ма громкую вѣстность, какъ перваго мастера
иного дѣла въ Европѣ. Переводчикъ дополнилъ
игналь приложеніемъ нѣкоторыхъ специаль-
къ разъясненій и особой статьи о дамской фѣдѣ.

остранные поэты, въ переводѣ Д. Л. Миха-
ловскаго. Въ пользу литературнаго фонда.
Сиб. 1876. Стр. 320. Ц. 1 р. 25 к.

Имя переводчика давно уже пользуется вы-
ною извѣстностью, и многіе заслуженной
настоящемъ сборникѣ являются соединенны-
всѣ переводные труды г. Михаловскаго, по-
за 20 лѣтъ его дѣятельности (1858-76),
заслуженные преимущественно въ "Современ-
нѣ", до 1866 г., и въ "Отеч. Зап.". Если
считать пять-шесть страницъ изъ итальян-
нхъ поэтовъ, то этотъ сборникъ можно было
сказать: "Англо-саксонскіе поэты", — такъ какъ
и 300 страницъ 200 принадлежатъ англійскимъ
Зайронъ, Гудъ, Тенисонъ и др.), и американ-
нми (Лонгфелло, Бретъ-Гартъ), а послѣдніи 100
страницъ—нѣмецкимъ поэтамъ (Гейне, Фрейли-
гъ, Ленау и др.). Въ этомъ изданіи обра-
зетъ на себя вниманіе еще и благотворитель-
на цѣль: переводчикъ предоставилъ всю чистую
пручку отъ продажи въ пользу литературнаго
онда.

исновы для ухода за правильнымъ развитіемъ
мышленія и чувства. М. Зеленскаго. Т. I.
Сиб. 1876.

Нѣтъ сомнѣній, что для ухода за правиль-
нымъ развитіемъ мышленія и чувства прежде
всего необходимо, чтобы мышленіе и чувство
были развиты правильно у того лица, которому
придается подобный уходъ. Настоящій опытъ,
возможному, и направленъ къ тому, чтобы ука-
зать болѣе вѣдательныя точки отправленія для
нхъ, кого можетъ интересовати практика по-
добаго ухода. Авторъ стремится поставить въ
основѣ педагогій не абстрактныя психологиче-
скія воззрѣнія, а опытные законы всего су-
ществующаго, съ тѣмъ, чтобы вывести отсюда
спеціальныя законы для успѣшнаго и вѣрнаго
управленія мыслью и чувствомъ развивающагося
субъекта. Отъ подобнаго опыта нельзя ожи-
даты рѣшенія всевозможныхъ вопросовъ, но за-
дача ихъ состоитъ въ указаніи направленія,
свѣду которому можно надѣяться сдѣлать много
полезныхъ открытій и выводовъ въ той области
знанія, которая остается мало доступною для
непосредственнаго наблюденія. Мы надѣемся воз-
вратиться еще къ этому труду для ближайшаго
облагодѣленія читателей съ новыми приемами и
выводами автора.

Няцца, ея климатъ, мѣстоположеніе, жизнь. Н.
Туптеса. Сиб. 1876. Стр. 283. Ц. 1 р. 25 к.
въ англ. перепл.

Многіе изъ нашихъ соотечественниковъ шлутъ
въ Няцца или возвратитъ утраченное здорovia
въ сѣверномъ климатѣ, или вознаградитъ себѣ
за скуку своей жизни. Книга г. Туптеса посвя-
щена и тѣмъ, и другимъ лицамъ: для однихъ—
свѣдѣнія объ особенностяхъ климата Няццы и
метеорологическія извѣстія, съ указаніемъ пра-
виль гигіены и купаній; для другихъ—исчисленіе
ресурсовъ, какіе предоставляет Няцца шу-
ющимъ развлеченія: прогулки, театры, нравы об-
щественной жизни и т. п. Впрочемъ, авторъ не
ограничивается однимъ чисто-практическимъ из-
лженіемъ, и даетъ обстоятельныя, а иногда и любо-
пытныя свѣдѣнія о городскомъ устройствѣ, про-
мыслахъ, населеніи, школахъ, музеяхъ. Въ за-
ключеніе приведена подробная исторія русской
церкви въ Няцца и ея хозяйство. Для отпра-
вляющихся на зиму въ Няццу, книга г. Туптеса—
лучшій свѣдѣній, какого можно ожидать: при
составленіи ея авторъ воспользовался всѣмъ, что
было писано о Няцца за-границею, а также и
своею личною опытностью, приобретенною много-
лѣтнимъ пребываніемъ его въ Няцца.

Физиологи органовъ чувствъ. I. Бернштейна.
Перев. съ нѣм. Сиб. 1876. Стр. 336. Ц. 2 р.

Въ весьма общедоступной формѣ изложенія,
нѣмецкій профессоръ старается выслѣдитъ, что
такъ-называемые органы чувствъ служатъ про-
стыми аппаратами, а первыя—проводниками, пе-
редающими раздраженія головному мозгу; эти
раздраженія мозга, а вовсе не явленія вѣн-
наго міра, служатъ предметомъ нашихъ ощу-
щеній. Заключеніе о существованіи вѣнъ насъ
реальнаго міра есть уже результатъ опытности
чувствъ и ихъ, такъ-сказать, самонасчитанія. Со-
знательную дѣятельность органовъ осязанія и зрѣ-
нія авторъ считаетъ самымъ первоначальнымъ
источникомъ нашего сознанія вѣннаго міра.
Къ книгѣ приложено около 100 рисунковъ,
много облегчающихъ пользованіе текстомъ.

Европейскіе мыслители. Т. I. Исторія цивили-
заціи въ Англіи. Г. Т. Бокал, въ популяр-
номъ изложеніи изд. истор. наукъ О. Е.
Ноточна. Сиб. 1876. Стр. 196. Ц. 1 р. 25 к.

Издатель полагаетъ своимъ предпріятіемъ "под-
нести итогъ (?) всему поверхностно прочтанному
или вовсе непрочитанному (что же тутъ будетъ
въ итогѣ?) нашимъ обществу и составить для
него небольшую, дешевую (?) и общедоступную би-
бліотеку первоклассныхъ европейскихъ мыслите-
лей, чтобы читатель могъ въ сжатой и сис-
тематической (?) формѣ познакомиться съ луч-
шими сочиненіями, которыя прежде отталкивали
его отъ себя своимъ объемомъ и своею доро-
говизною". Но Бокалъ, "сжати" хотя бы и руками
издѣдята вѣдическихъ наукъ, будетъ отталки-
вать другими качествами, между прочимъ и до-
роговизною: за 200 страницъ 1 р. 25 к. ! По-
этому расцѣту, книга, наприм., "Рус. Вѣблоте-
ка", имѣющая свыше 400 стр., должна была бы
продаваться по 2 р. 50 к., вмѣсто 75 к., какъ
она продается. Издатель благоразумно угады-
ваетъ, "сжати" ли онъ Бокалъ по оригиналу,
или эти выжимки получены имъ изъ готоваго,
чужого перевода. Мы не упоминали бы вовсе о
новой, пресловутой литературѣ г. Ноточна,
еслибы онъ не написалъ громаднаго предисловія
съ сѣтосланіемъ на поверхностность современнаго
образованія, а для изслѣденія отъ того выдумалъ
въ Бокалѣ пріхититъ пресловую, какалъ употреб-
ляется для сѣна и соломы!

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНИЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ: Книжный магазинъ Н. И. Мамонтова (А. И. Глазуна)
на Кузнецкомъ-Мосту.

На 1876-й годъ:

Подписная цѣна на годовую экземпляръ журнала, 12-ть нум.

Городские

въ С.-Петербургѣ: { 15 р. 50 коп. безъ доставки.
16 р. — „ съ доставкою на домъ.

Изгородские:

1) въ Москвѣ: { 16 р. — „ безъ доставки.
17 р. — „ съ доставкою на домъ.
2) въ губерніи: 17 р. — „ съ пересылкою.

Иностранные: 19 р. — вся Европа, Египетъ и Сѣв.-Америка. Инд.
24 р. — Азія; 25 р. — остальная Америка.

Примѣчаніе. Подписывающіеся въ московскомъ Отдѣленіи Главной Конторы въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова (бывш. А. И. Глазуна), на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получить при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе нумера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою

Отъ редакціи. Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ въ иностранномъ отдѣленіи, которые вносили подписную сумму по почтѣ въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галернал, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, мѣсто, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) доставлена должна быть.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указанием прежняго мѣстоожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иностранные платывается 1 р. 50 к.; изъ изгородскихъ въ городскіе—50 к.; а изъ городскихъ въ изгородскихъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по почте.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сделана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ подписчиковъ, которые прилагаютъ къ подписной суммѣ 15 коп. почтовые карманы.

Надатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галернал, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА

Вас. Остр. 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр. Академ. пер., 9.

B'D. OCT 17 1913

Calib
COVER BOOK SY

Digitized by Google

